

CENTRAL CIRCULATION BOOKSTACKS

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was borrowed on or before the Latest Date stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

TO RENEW CALL TELEPHONE CENTER, 333-8400

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

JUL 06 1993
JUN 22 1993

When renewing by phone, write new due date below
previous due date. L162

ЮЛЬ.

1914

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 7.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. ИСКУШЕНІЕ.	В. Г. Короленко.
2. ИЗЪ ПРОШЛЫХЪ ЛѢТЪ.	А. Анненской.
3. СТАРЫЙ ЛѢСНИКЪ	В. Муйжеля.
4. СТИХОТВОРЕНІЕ	Е. Федоровой.
5. ИЗЪ ИСТОРИИ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ЦЕНЗУРЫ ПРИ ИМП. НИКОЛАѢ I. . .	бар. Н. В. Дризена.
6. ОСЕННІЙ ДЕНЬ. Стихотвореніе. . . .	П. Радимова.
7. РОМАНЪ ПАРНЕЛЛЯ.	Діонео.
8. СТИХОТВОРЕНІЕ.	С. Астрова.
9. АПОСТОЛЪ ИНТЕГРАЛЬНАГО СО- ЦІАЛИЗМА.	Е. Сталинскаго.
10. СТИХОТВОРЕНІЕ.	Е. Федоровой.
11. СЕМЬЯ КОРИСТОНОВЪ	Гемфри Уордъ.
12. МИЛИТАРИСТЫ И ПАСИФИСТЫ. . .	Бѣлоруссова.
13. ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННОЙ ЖИЗНИ. .	Н. С. Русанова.
14. МЕЛЬКОМЪ.	В. Крюкова.
15. ХРОНИКА ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ. . .	А. Петрищева.
16. НОВЫЯ КНИГИ.	
17. ОТЧЕТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦИИ ЖУР- НАЛА „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.	
18. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ КОМПАНИИ ЗИНГЕРЪ

ПРОДАЮТСЯ
ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ВЪ СОБСТВЕНН МАГАЗИНАХЪ КОМПАНИИ.

РАЗСРОЧКА
ПЛАТЕЖА

ОТЪ **1** РУБ.

РУЧНЫЯ
МАШИНЫ

ОТЪ **25** РУБ.

МАГАЗИННАЯ ВЫВѢСКА.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ
ПОДАВЛЮКЪ.

МАГАЗИНЫ ВО ВСѢХЪ
ГОРОДАХЪ ИМПЕРИИ.

ОБЩЕУКРѢПЛЯЮЩЕЕ И КРОВЕ ТВОРНОЕ СРЕДСТВО.

На основаніи клиническихъ и
экспериментальныхъ изслѣ-
дованій съ успѣхомъ при
мѣняется при МАЛО-
КРОВІИ, ХЛО-
РОЗѢ, РАХИТѢ,
ЗОЛОТУХѢ
и ИСТОЩЕ-
НІЯХЪ на
почвѣ

раз-
личныхъ
заболѣва-
ній. Реко-
мендуется
какъ въ дѣт-
скомъ возрастѣ,
такъ и для взрослыхъ.
ИМѢЕТСЯ ВСЮДУ.

**ИСПЫТАННОЕ
ОРУДИЕ**
ДЛЯ БОРЬБЫ
СЪ КАТАРЯМИ ЖЕЛУДКА,
СТРАДАНИЯМИ ПОЧЕКЪ,
ПОДАГРОЙ, ОЖИРЬЕМЪ
И САХАРНОЙ БОЛЕЗНЮ
МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА
БОРЖОМЪ

Золотая медаль Лондонъ.
1893 г.

! ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ !
ПРОВИЗОРЪ
Г. Ф. ЮРГЕНСЪ
БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО
отъ ПОТА, ЗАГАРА, ВЕСНУШЕКЪ,
УГРЕЙ, ПРЫЩЕЙ и ЖЕЛТЫХЪ
ПЯТЕНЪ.
БЛАГОВОННОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
по 50 к. 1/2 к. 30 к.

Главный складъ у Г. Ф.
Юргенскаго. Москва.

ПРОТИВЪ
ГОНОРРЕИ
БОЛЕЗНЕЙ МОЧЕВОГО
ПУЗЫРЯ и ПОЧЕКЪ
АНТИНЕОНЪ ЛОХЕРЪ
РАСТИТЕЛЬНЫЙ ЭКСТРАКТЪ
ДЛЯ ВНУТРЕННЯГО ВПОТРЕБЛЕНИЯ
СПОСОБЪ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРИЛАГАЕТСЯ
вредомъ въ аптекахъ и антимонныхъ
магазинахъ.

Складъ у Штоля и Шкиль, Рязань,
О-на торг. аптеки, товар. В. Школовъ,
Самар. В. Вязьма.

БИТКОВЪ МОСКВА, **ВСЕ ЛУЧШЕЕ**
Лубянка, 8-20.
ВСѢ НОВОСТИ МІРА
ДЛЯ ОХОТЫ, СПОРТА
и ПУТЕШЕСТВІЙ.
КОЛОССАЛЬНЫЙ ВЫБОРЪ.
УМѢРЕННЫЯ ЦѢНЫ.
Требуйте разцѣнку.

СРЕДСТВО отъ ГЕМОРРОЯ
ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ
ПРОФЕССОРЪ ДОКТОРЪ **ПЕЛЯ** и СЫНОВЬЯ
САНКТУ-ПЕТЕРБУРГЪ, БЛ. ОСТА 7 ЛИН. А. № 13.
ПРОКТОЛЬ-ПЕЛЯ
(ПРОСТОЛ-РОЕН)
СРЕДСТВО (свѣчки) ПРОТИВЪ ГЕМОРРОЯ. ОСТАВЛЯЮЩЕЕ КРОВО-
ТЕЧЕНІЕ. УПРАВЛЯЮЩЕЕ СЯЗАНІЕМЪ СЛОЖНОСТИ СПОСОБНОСТЬ СПОСО-
БНОСТИ. ПРОТИВЪ БОЛЕЗНЕЙ. УСТРАНЯЮЩЕ БОЛЬ. ЗУДЪ. ЖИЗНЬ ОСТА-
ВЛЯЮЩЕ ПРОТИВЪ БОЛЕЗНЕЙ.
ЦѢНА КАЖДОЙ 1 р. 50 к.

КНИГО-

издателямъ

и

КНИГО-

продавцамъ

предлагаетъ свои услуги

КОНТОРА ОБЪЯВЛЕНІЙ

Д. И. Марковская

СПБ., Исаковская 3,

телеф. 89—65,

ВСѢ ИЗДАНИЯ

СТОЛИЧНЫЯ

и

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЯ

ЗНАНИЕ ДѢЛА

ОПЫТЪ

ВЫГОДНЫЯ

УСЛОВІЯ

СЕРДЦЕЧНЫЯ ЗАБОЛѢВАНІЯ

и художесіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуя имѣю- щіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія известнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СТЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытѣжекъ изъ сѣменныхъ жезловъ, какъ нигда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйстви- тельному общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высластся безвозмездно книга „Цѣлѣбное дѣйствіе Спермина“; интересующимся же всей органотерапіей, выслащается за четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣли- тельныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ожирѣніе, склерозъ сердца, сердцебіенія и одышки, нерасте- нія и нервныя заболѣванія, половое безсіе, старческая дряхлость, истощеніе

ПРОФЕССОРЪ Д-ръ ПЕЛЬ ИС. вѣд
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Поставщики Двора Его Императорскаго Величества.

ДѢЛОВЫЕ ОБРАЗЦЫ и ФОРМЫ

БУМАГИ

Необходимое для всѣхъ руков. къ составл. всевозм. юридич. бумагъ, прош. актовъ, договоровъ, жалобъ, документовъ и т. п. съ прилож. новаго „Вексель. устава“, новаго „Гербоваго устава“, въ извлеченіяхъ, и статьи „Духовн. за- и наслѣдов. по закону“ юриста В. Анцова 1913 г. Высыл. за 65 к. съ пе- налож. платеж.—75 к.

Книжный складъ А. СУХОВОЙ, СПБ., Екатерингофскій пр., 10/1

Полный каталогъ издательства высылается бесплатно

ГИМНАЗИЯ на ДОМУ

Если Вы хотите дополнить свое образование, поступить в какое-либо учебное заведение или сдать какой-либо экзамен: на аттест. зрѣл., на классы, чинъ, на званіе учен., учит. город., домашн. нач. училищъ и т. п., то слѣдуетъ примѣру тысячъ нашихъ подписчиковъ, успѣвшихъ въ короткое время, безъ помощи учителей, пользуясь только изданіемъ „Гимназія на Дому“ (расхода всего 1 р. 50 к. въ мѣцъ) пройти курсъ, получить нужный имъ дипломъ или поступить въ учебн. завед.

Курсъ „Гимназія на Дому“ состоитъ изъ 30 томовъ больш. формата, по 280—320 стр. Цѣна тома съ перес. 1 р. 50 к. При первомъ томѣ прилагается **БЕЗПЛАТНО** географическій атласъ въ краскахъ.

КОММЕРЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

Современному коммерческому дѣятелю, является ли онъ владѣльцемъ коммерч. предпріятія, сотрудникомъ или служащимъ такового, нельзя обойтись безъ всесторонняго коммерч. образования. Если хотите въ короткий срокъ и основательно научиться бухгалтеріи, коммерч. арифм., коммерч. корресп., товаровѣдѣнію, технику веденія торгово-промыш. предпріятій, банковое дѣло и эконом. и прил. науки, то подпишитесь на наше изданіе „АКАДЕМІЯ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ“.

Широкая научная программа, популярно изложенная, участіе лучшихъ профессоровъ, дѣлаютъ это изданіе необходимымъ не только для лицъ, нуждающихся въ специальномъ коммерч. образованіи, но и для всѣхъ людей, желающихъ получить ясное и полное представленіе о современной торговой и хозяйственной жизни.

При редакціи имѣется бюро коммерсантовъ и педагоговъ, которое бесплатно руководитъ занятіями, отвѣчаетъ на всякаго рода вопросы и исправляетъ работы. „Акад. Ком. Зн.“ состоитъ изъ 15 томовъ больш. формата. Цѣна по 2 руб. за томъ (за налогъ, платежъ еще 20 к.)

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ.

Въ наше время отъ каждаго культурнаго человека, независимо отъ его профессіи, требуется знаніе хотя бы одного иностран. языка. Занимаясь по нашему изданію „АКАДЕМ. ИНОСТР. ЯЗЫК.“, Вы имѣете возможность, между прочимъ, въ короткое время научиться франц., нѣмец. и англ. яз. При составленіи курса положены въ основу всѣ цѣлѣвыя указанія педагогикъ. Особое вниманіе обращено на то, чтобы сдѣлать каждую лекцію живой и занимательной, способной заинтересовать и увлечь учащихся. Курсъ усваивается легко, безъ напряженія, безъ скуки, безъ заучиванія панаусть и загроможденія памяти. Прочитавъ нашъ курсъ, Вы будете имѣть возможность вести переписку на иностран. яз., удовлетвор. объясняться и понимать живую рѣчь и читать безъ словаря любое произведеніе даннаго языка. Курсъ каждаго языка состоитъ изъ 10 томовъ. Всѣ тома вышли изъ печати. Цѣна тома 1 руб. (за налогъ, платежъ еще 20 коп.).

УЧИТЕСЬ РИСОВАТЬ.

Малая „неспособность“ къ рисованію, о которой часто говорятъ, есть лишь предвѣсудокъ. Всякій нормальный человекъ надѣленъ средними художественными способностями, вполне достаточными для того, чтобы при правильной системѣ преподаванія овладѣть техникой рисованія и живописи. Мы своимъ изданіемъ „Искусство для всѣхъ“ (школа рисованія, живописи и прикладного искусства), даемъ возможность всѣмъ заочно научиться рисованію и живописи подъ руководствомъ лучш. педагоговъ для собств. удовольствія или для какихъ-либо практич. цѣлей.

ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ 1) даетъ читателямъ тѣ теоретическія познанія, которыя необходимы для пониманія художествен. произведеній; 2) даетъ дипломъ, уже занимающимся рисованіемъ, тѣ познанія, которыя необходимы для того, чтобы сдѣлать рисунокъ грамотнымъ и художественно-правильнымъ; 3) даетъ своимъ читателямъ всѣ тѣ свѣдѣнія по техникѣ, теоріи и искусству, безъ которыхъ невозможно пониманіе художеств. произведеній; 4) даетъ своимъ читателямъ такую подготовку и техническія познанія въ области прикладного искусства, которыя открыли бы имъ возможность примѣнять свои познанія къ дѣлу, въ различныхъ и многочисленныхъ отрасляхъ художественной промышленности.

Изложеніе вполне понятное и сопровождается множествомъ пояснительныхъ и образцовыхъ рисунковъ.

Для художниковъ и учителей рисованія „Искусство для всѣхъ“ является необходимой энциклопедіей, къ которой они могутъ обращаться за всякаго рода справками и указаніями.

При редакціи учреждена художественная коммисія, которая исправляетъ работы и даетъ совѣты и справки, относящ. къ области искусства. **ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ** издается подъ редакціей проф. Академіи Худ. искусствъ **А. В. Иванова** и **Вадима Лѣвкова**, при участіи **М. Е. Рѣпина**, проф. **А. И. Купчина** и преподав. педагог. курсовъ при Академіи Худ. искусствъ. Изданіе состоитъ изъ 10 томовъ большаго формата роскошно-иллюстрир. красн. и черн. рисунками. Цѣна кажд. тома съ перес. 2 р. 20 к. нал. плат. ПОДРОБНЫЕ ПРОСПЕКТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Т-во «БЛАГО» С.-Петербургъ, Николаевская ул. 44-12. Требуется агенты.

СОБСТВЕННЫЙ
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
ГАРАЖЪ.

Исключенному О-ву Автомобилей П е ж о.

14 марта 1914 г.
№ 222

г. Парское Село.

Управление Собственного ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Гаража имеетъ честь уведомить Васъ, что приобретенные на выставкѣ въ 1913 году два автомобиля, одинъ типа 143 съ кузовомъ Лимузинъ, Кельнера и другой типа 145 Спортъ, оказались, во всѣхъ отношеніяхъ, превосходными.

На № 473.

За Инспектора Гаража,
ВЫСОЧАЙШАГО Двора
Г о ф м а н с к и й

**ОТЗЫВЪ СОБСТВЕННОГО ЕГО ИМПЕРАТОР-
СКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГАРАЖА
объ автомобиляхъ „П Е Ж О“
С К Л А Д Ы:**

Москва, Мясницкая 45.
Кіевъ, Крещатикъ 22.
Харьковъ, Торговая пл. 16.
Екатеринославъ Проспектъ 116.
Ростовъ на Дону, Большая Садовая 83.
Варшава, Новый Свѣтъ 72.
Одесса, Екатеринославская, уг. Греческой.

057
RUB
1914

но. 7-9

июль.

1914.

РУССКОЕ ПОГЯТСТВО

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

№ 7.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія СПб. Акц. Общ. „СЛОВО“, ул. Жуковского, № 21—23, соб. д.
1914.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ

(XXII-ый ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО

издаваемый Вл. Г. КОРОЛЕНКО

при ближайшемъ участіи: А. Г. Горнфельда, Діонео, С. Я. Елпатьевскаго, Э. Д. Крюкова, Н. Е. Кудрина (Н. С. Русанова), П. В. Мокіевскаго, В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева, А. В. Пѣшехонова и А. Е. Рѣдко.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою: на годъ—9 р., на 6 мѣс.—4 р. 50 к., на 4 мѣс.—3 р., на 1 мѣс.—75 к.

Безъ доставки: на годъ—8 р.; на 6 мѣс.—4 р.

Съ наложеннымъ платежомъ отдѣльная книжка 1 р. 10 к.
За границу: на годъ—12 р.; на 6 мѣс.—6 р., на 1 мѣс.—1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала,—*Баскова ул., 9.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы,—*Никитскій бульваръ 19.*

Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ „Одесскія Новости“—*Дерибасовская, 20**. Въ магазинѣ „Трудъ“—*Дерибасовская ул. д. № 25.*

Доставляющіе подписку **КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ, ЗЕМСКІЕ СКЛАДЫ, УПРАВЫ, ЧАСТНЫЯ и ОБЩЕСТВЕННЫЯ БИБЛИОТЕКИ, ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА, ГАЗЕТНЫЯ БЮРО, КОМИТЕТЫ или АГЕНТЫ ПО ПРИЕМУ ПОДПИСКИ** въ **РАЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ** могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ по 40 коп. съ каждаго экземпляра, т. е. присылать вмѣсто 9 рублей 8 руб. 60 коп., **ТОЛЬКО ПРИ ПЕРЕДАЧѢ СРАЗУ ПОЛНОЙ ГОДОВОЙ ПЛАТЫ.**

Подписка въ разсрочку или не вполне оплаченная—8 р. 60—отъ нихъ **НЕ ПРИНИМАЕТСЯ** до полученія недостающихъ денегъ, какъ бы ни была мала удержанная сумма.

При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №. Не сообщаяще № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками

Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 1 числа наждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

Лица, обращающіяся съ рааными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленіи конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

*) Здѣсь же продажа изданій „Русскаго Богатства“.

СОДЕРЖАНІЕ

1. Искушеніе. (Страничка изъ прошлаго). <i>В. Г. Короленко</i>	1—30
2. Изъ прошлыхъ лѣтъ. (Воспоминанія о Н. О. Анненскомъ). <i>А. Анненской</i>	31—84
3. Старый лѣсникъ. (Окончаніе). <i>В. Муйжеля</i>	85—109
4. Стихотвореніе. <i>Е. Федоровой</i>	109
5. Изъ исторіи драматической цензуры при имп. Николаѣ I. (Продолженіе). <i>Бар. Н. В. Дризена</i>	110—132
6. Осенній день. Стихотвореніе. <i>П. Радимова</i>	132
7. Романъ Парнелля. <i>Діонео</i>	133—156
8. Стихотвореніе. <i>С. Астрова</i>	156
9. Апостолъ интегральнаго социализма. <i>Е. Сталинскаго</i>	157—186
10. Стихотвореніе. <i>Е. Федоровой</i>	186
11. Семья Користоновъ. (Продолженіе). Романъ <i>Гемфри Уордъ</i> . Переводъ съ англійскаго <i>Е. Н. Нелидовой</i>	187—236
12. Милитаристы и пасифисты. (Письмо изъ Франціи). <i>Бѣлоруссова</i>	237—260
13. Обзоръіе иностранной жизни. 1. Народныя волненія въ Италіи.—2. Современное положеніе Китая.—3. Развязка министерскаго кризиса во Франціи. <i>Н. С. Русанова</i>	260—278
14. Мелькомъ. (Впечатлѣнія проѣзжаго). <i>Ф. Крюкова</i>	279—307
15. Хроника внутренней жизни. 1. Процессъ адвокатовъ.—2. Три оппозиціи.—3. Движенія въ верхахъ.—4. Военныя „реформы“ и ассигнованія.—5. Гдѣ оппозиція и гдѣ реакція. <i>А. Петрищева</i>	307—338
16. Новыя книги. Дим. Крачковскій. Золотая карета.—М. Коцюбинскій. Тѣни забытыхъ предковъ.—Пушкинисты.—В. М. С—ъ. Первая	

экскурсія въ Италію.—Его же. Въ странѣ художественныхъ впечатлѣній.—С. Г. Лозинскій. Исторія инквизиціи въ Испаніи.—Н. И. Карѣвъ. Было ли парижское возстаніе 13 вандемьера IV года роллистическимъ? — Франческо Руффини. Религіозная свобода. — М. Гершензонъ. Грибоѣдовская Москва.—П. М. Соловьевъ. Русскіе университеты.—Мемуары кн. Адама Чарторижскаго. Томъ второй.—Записки кн. М. Н. Волконской. — А. И. Яроцкій. Альтруистическая мораль. — Библіотека натуралиста.—Эрнестъ Лехеръ. Физика для медиковъ и біологовъ.—А. Н. Сѣверцовъ. Современныя задачи эволюціонной теоріи.—Проф. В. Рейнъ. Педагогика.—Владиміръ Розенбергъ. Лѣтопись русской печати.—Украинскій вопросъ.—П. М. Чериковъ. Исторія общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. Томъ I.—Народное образованіе въ земствахъ.—Новыя книги, поступившія въ редакцію . . . . . 338 - 374

17. Отчетъ конторы редакціи журнала „Русское Богатство“ 374
18. Объявленія.

ИСКУШЕНИЕ.

(Страничка изъ прошлаго).

I.

15-го августа 1881 г. около 6 часовъ вечера меня „доставили“ въ Tobольскъ. Красивый полиціймейстеръ, въ папахѣ сибирскаго казачьяго войска, выѣхалъ изъ своихъ воротъ, когда увидѣлъ нашу тройку. Онъ быстро соскочилъ со своей пролетки, подошелъ къ намъ, поговорилъ съ жандармами, потомъ подошелъ ко мнѣ, взглянулъ въ лицо и сказалъ:

— Неужели... Г-нъ N... Ай-ай-ай! А помните, что я вамъ говорилъ годъ назадъ?

Годъ назадъ, въ періодъ лорисъ-меликовской „диктатуры сердца“, начиналось, какъ мы тогда говорили, „вѣяніе на западъ“. Изъ большой партіи политическихъ ссыльныхъ, восемь человѣкъ возвращены были съ дороги обратно въ Россію. Я былъ въ числѣ этихъ первыхъ ласточекъ.

Меня возвращали изъ Томска подъ надзоръ полиціи, въ Европейскую Россію...

Тогда-то я и познакомился съ красивымъ полиціймейстеромъ. Сначала у нашей маленькой партіи вышла съ нимъ ссора, такъ-какъ насъ хотѣли разсадить по одиночкамъ. У насъ же были женщины и дѣти. Одна изъ нихъ, г-жа М., мать грудного ребенка, сама не могла его кормить (она была очень болѣзненна), и В. П. Рогачева кормила своего и чужого. Разсадить ихъ по одиночкамъ значило-бы убить одного изъ этихъ младенцевъ.

Полиціймейстеръ, послѣ моихъ сравнительно спокойныхъ объясненій, понялъ это, а, сообразивъ въдобавокъ, что мы не подслѣдственные и не высылаемые, а, наоборотъ, „возвращаемые“—онъ и совсѣмъ махнулъ рукой. Женщинамъ нашли большую камеру, меня съ спутникомъ отвели въ „Подслѣдственное“. Не злой и не глупый по натурѣ, тобольскій по-

лиціймейстеръ былъ, въ сущности, благодаренъ мнѣ за спокойное разъясненіе положенія, которое помѣшало ему сдѣлать бесполезную и ненужную жестокость. Поэтому, провожая насъ, онъ пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Ну, желаю всего хорошаго. Знаете что? Я служу уже не мало лѣтъ, и не видалъ еще, чтобы люди, которыхъ везли какъ политическихъ въ Сибирь, возвращались обратно.

— Бывало, г. полиціймейстеръ.

— Знаю, да я не видалъ. Но вотъ чего ужъ навѣрное не бывало: чтобы попавшіе вторично когда-нибудь опять возвращались. Итакъ, не говорю „до свиданья“. Искренне желаю болѣе васъ здѣсь не видѣть.

Я поблагодарилъ, и мы весело двинулись изъ Тобольска „на западъ“—въ Европу!..

Послѣ этого прошло около года. Я жилъ это время въ Перми и успѣлъ написать очеркъ, гдѣ были описаны ужасные порядки тобольской тюрьмы.

Вслѣдъ за тѣмъ произошло событіе 1 марта. Началось опять „вѣянiе“—съ запада на востокъ, которое прихватило меня съ собой...

11-го августа мои пермскіе товарищи и сослуживцы прощались со мною на дебаркадерѣ. Я кланялся изъ уходящаго вагона, сидя межъ двухъ жандармовъ, а мнѣ махали платками...

Поднялся какой-то шумъ, кого-то оттѣсняли, кого-то вели для составленія протокола... Что-то туманило мнѣ глаза, и суровые виды Урала, ель, сосна и камень неслись мимо быстро улетающаго поѣзда... А 15-го августа, какъ уже сказано выше, красивый тобольскій полиціймейстеръ качалъ головою и говорилъ мнѣ укоризненно:

— Ай, ай, ай! Господинъ N. Ну, теперь уже кончено! Говорилъ я вамъ, не послушались! Не видать вамъ теперь Россіи, такъ и знайте! Женитесь здѣсь, обзаводитесь хозяйствомъ и считайте себя сибирякомъ... Кончено.

Бѣдняга, очевидно, былъ плохой пророкъ. Черезъ три года я еще разъ ѣхалъ „на западъ“, но тобольскій полиціймейстеръ не былъ уже тобольскимъ полиціймейстеромъ. Онъ былъ человѣкъ веселый, съ эпикурейскими взглядами на жизнь, и какъ-то проштрафился столь серьезно, что даже сибирская Ѡемида не могла остаться слѣпой: красивый полиціймейстеръ попалъ подъ судъ и самъ сидѣлъ въ тобольскомъ „замкѣ“...

Но все это случилось послѣ, а пока продолжаю разсказъ.

Погрозивъ мнѣ въ сущности довольно весело, онъ опять вскочилъ на свою пролетку и приказалъ ямщику: за мной!

Наша тройка вихремъ помчалась за его мохнатой папай, обращая на себя вниманіе рѣдкихъ прохожихъ сибирскаго города, къ губернаторскому дому.

Свиданіе съ его пр-ствомъ было коротко. Губернаторомъ въ то время былъ Лысогорскій, прославившійся впоследствии суровостью своего режима по отношенію къ ссыльнымъ. Меня онъ почему-то принялъ любезно, согласился исполнить мои маленькія просьбы относительно писемъ и телеграммъ къ роднымъ, потомъ пошептался о чемъ-то съ полиціймейстеромъ, то и дѣло поглядывая въ мою сторону, какъ мнѣ показалось, многозначительными взглядами... Наконецъ, онъ сказалъ съ благодушнымъ видомъ:

— Ну-съ, а теперь въ тюремный замокъ.

И мы опять помчались за казацкой папай.

Въ конторѣ тюрьмы я увидѣлъ знакомое лицо „его благородія“ тюремнаго смотрителя, жестокости котораго я описать въ своемъ очеркѣ. Онъ тоже сразу узналъ меня, и на его сухомъ, еще не старомъ, но нѣсколько мрачномъ лицѣ съ деревянно-неподвижными чертами промелькнуло загадочное выраженіе. Полиціймейстеръ распорядился, чтобы у меня не отнимали моихъ вещей и оставили въ собственномъ платьѣ, шепшувъ еще два-три слова смотрителю, лицо котораго при этомъ оставалось все также неподвижно, а затѣмъ привѣтливо кивнулъ мнѣ головой и уѣхалъ.

Я съ невольной грустью проводилъ его глазами.

Мнѣ было пріятно его красивое, безпечное, незлое лицо среди этой мрачной обстановки... Я вспомнилъ свое „возвращеніе“ годъ назадъ, вспомнилъ друзей и товарищей, съ которыми тогда ѣхалъ, и почувствовалъ еще острѣе свое одиночество...

— Въ военно-каторжную, — сказалъ смотритель надзирателямъ, окончательно „принявъ меня“ у жандармовъ.

— Какъ, въ военно-каторжную? — удивился я. — Вѣдь я не военный и не каторжный, даже не осужденный. Я только пересылаюсь административнымъ порядкомъ.

Смотритель не отвѣтилъ ничего, а двое служителей уже взяли мои вещи. Я увидѣлъ, что здѣсь никто не расположенъ обсуждать со мной этотъ вопросъ, и послѣдовалъ за надзирателями.

Мы вышли изъ конторы въ ворота, потомъ прошли небольшой дворъ и остановились у запертыхъ воротъ другого. Мой провожатый приложилъ лицо къ оконцу въ воротахъ и крикнулъ дежурнаго. За воротами послышалось звяканіе связки ключей, потомъ калитка отворилась и опять захлопнулась за нами. Теперь трое крѣпко запертыхъ воротъ съ

тремя огромными висячими замками отдѣляли меня отъ вольнаго Божьяго міра.

Дворъ, въ который мы вошли, былъ узокъ. Съ лѣвой стороны бревенчатый сарай цейхгауза примыкалъ къ высокой тюремной стѣнѣ, съ правой тянулся одноэтажный корпусъ, съ рядомъ небольшихъ рѣшетчатыхъ оконъ; прямо—глухая стѣна тюремной швальни, безъ оконъ и дверей. Сзади ворота, въ серединѣ будка, у будки часовой съ ружьемъ, надъ дворомъ туманныя сумерки.

Въ этомъ тѣсномъ пространствѣ, навѣрное, гуляли весь день военно-каторжные арестанты, но теперь ихъ угнали, можетъ быть, потому, что уже приближалось время повѣрки, а, можетъ быть, въ честь моего прибытія. Пока я шелъ въ своемъ черномъ пальто и шляпѣ,—столь необычныхъ въ этомъ мѣстѣ,—на меня изъ каждого окна смотрѣло по парѣ внимательныхъ глазъ. Одиночные арестанты изучали новаго пришельца, держась руками за рѣшетки и прильнувъ бритыми головами къ отверстіямъ... Ихъ блѣдныя, тюремныя лица выдѣлялись въ темнотѣ оконъ рѣзко и странно. Для военно-каторжнаго отдѣленія мое появленіе было цѣлымъ событіемъ...

Мои провожатые прошли весь дворикъ. Входная дверь была въ концѣ. Вступая въ нее, я ждалъ увидѣть длинный корридоръ и уже предвкушалъ интересныя минуты перваго знакомства съ моими будущими сосѣдями. Вотъ, казалось мнѣ, захлопнется дверь корридора, провожатые уйдутъ, я подойду къ своей двери съ круглымъ глазкомъ и прислушаюсь. И, навѣрное, услышу какое-нибудь привѣтствіе или вопросъ:

— Эй, политическій, хочешь цыгарку?..

А затѣмъ пойдетъ въ ходъ изумительная по изобрѣтательности и ухищреніямъ тюремная почта, и не одно, быть можетъ, доброе движеніе души, не одинъ задушевный разговоръ изъ-за запертой двери вновь скрасятъ мое пребываніе въ этой тюрьмѣ, какъ это бывало не однажды... И еще разъ я повторю себѣ старую истину, что люди всюду люди, даже и за стѣнами военно-каторжной тюрьмы.

II.

Мнѣ однако пришлось горько разочароваться. Пройдя узкій входной корридорчикъ, мои провожатые повернули не направо, какъ я ожидалъ, въ общій корридоръ военно-каторжнаго корпуса, а налево. Мы очутились въ маленькой конуркѣ съ кроватью и съ сильнымъ жилымъ запахомъ, не похожей однако на тюремную камеру. Дѣло объяснилось,

Когда ключникъ отперъ еще одну дверь, и меня пригласили войти въ открывшуюся „одиночку“.

Теперь я понял! Мнѣ, какъ заключенному, придаютъ особенную важность: я буду отрѣшенъ отъ всего, даже отъ тюремнаго міра. Меня запрутъ здѣсь, а въ первой комнаткѣ всегда будетъ находиться сторожъ, чтобы мѣшать всякому сообщенію со мной арестантовъ. Итакъ, къ тремъ воротамъ, отдѣлявшимъ меня отъ вольнаго свѣта, присоединились еще трое дверей, которыя должны были отдѣлить меня даже отъ міра тюремнаго.

— Ну, пожалуйста, — сказалъ мнѣ одинъ изъ тюремщиковъ, увидя, что я не рѣшаюсь переступить порогъ камеры. А другою прибавилъ грубо:

— Ступай, ступай, ничего!

— Ничего, — сказалъ и дежурный унтеръ-офицеръ, начальникъ нашего караула.

Что-то поднялось во мнѣ неопредѣленное, но тяжелое. Это было сожалѣніе къ себѣ, точно къ кому-то другому, но такое острое и жгучее, соединенное съ такимъ сознаніемъ несправедливости и насилія, что я былъ готовъ кричать, ругаться, сопротивляться. Но это было именно только мгновение. Темпераментъ у меня нѣсколько проницательскій и спокойный, и, кромѣ того, во многихъ подобныхъ случаяхъ меня спасало любопытство. Если я окажу сопротивление караулу я зналъ, что буду избитъ, можетъ быть, изувѣченъ, можетъ быть, умру въ тюремной больницѣ и мои родные будутъ извѣщены, что я умеръ отъ тифа. Въ этомъ будетъ, пожалуй, убѣжденъ искренно даже и самъ его пр-ство г. губернаторъ Л—скій, и только развѣ красивый полиціймейстеръ сомнительно покачаетъ головой. А впрочемъ, ему какое дѣло... Ну, а если я войду въ назначенную для меня камеру, то еще не знаю навѣрно, что будетъ дальше.

И я вошелъ, и слышалъ, какъ послѣдній замокъ щелкнулъ за мной съ металлическимъ, довольно музыкальнымъ звономъ, который я и до сихъ поръ слышу въ памяти, точно это было вчера. Потомъ еще хлопнула дверь, и я остался одинъ.

Моя камера имѣла три съ половиной шага въ ширину и шесть въ длину. Потолокъ у нея былъ круглъ, стѣны выбѣлены известкой. Но такъ какъ отъ ветхости съ нихъ, очевидно, много разъ отваливалась штукатурка, и бѣлили ихъ по образовавшимся неровностямъ, то всѣ онѣ были какъ-то пестры и грязны, на неровностяхъ и выступахъ сидѣла траурными темными каемками густая пыль. У задней стѣны стояла круглая печка, у двери въ стѣнѣ было продѣлано отверстіе, закрываемое желѣзной заслонкой. Сюда подавали

заключенному пищу и воду (очевидно изъ этого, подумалъ я, что ключи отъ двери хранятся не у моего сторожа, а въ конторѣ). Дрянная „парашка“ — старое и ржавое желѣзное ведро съ крышей, — распространяла острый амміачный запахъ, къ которому я однако скоро притерпѣлся. Деревянная кровать и небольшой столикъ составляли всю меблировку.

Свѣту въ камерѣ было совсѣмъ мало. Правда, начинались сумерки, но всетаки на дворѣ еще было свѣтло. Я подошелъ къ окну, которое было довольно высоко, и убѣдился, что пространство противъ окна, выходившаго во дворикъ и находившагося между крыльцомъ и глухой стѣной швальни, было забрано высокими досками, позволявшими видѣть только небольшой клочекъ неба.

Я скинулъ съ себя пальто и, подойдя къ этому окну, облокотился на столъ, поднялъ лицо кверху и сталъ смотрѣть на клочекъ неба, прорѣзанный четырехугольными силуэтами высоко поднявшихся досокъ. Больше, правду сказать, мнѣ и дѣлать-то было нечего. А въ небольшомъ клочкѣ неба, свѣтившемъ и мерцавшемъ ко мнѣ сверху, тихо продвигались облака, потомъ появился рогъ молодого мѣсяца, который медленно проплылъ въ своей вышинѣ, при чемъ мнѣ казалось, что онъ осторожно пробирается по ребрамъ моего досчатого забора. Онъ напоминалъ мнѣ о широкомъ и вольномъ Божіемъ свѣтѣ, о поляхъ и холмахъ, которые я видѣлъ такъ недавно, о томъ, что черезъ нѣсколько часовъ на него такъ же будутъ смотрѣть глаза дорогихъ и близкихъ мнѣ людей, и, можетъ быть, вспомнятъ обо мнѣ. Но никто не угадаетъ, что я теперь отдѣленъ отъ всего живого міра въ этой странной кельѣ, гдѣ даже клочекъ неба и мѣсяцъ вижу, пожалуй, лишь по начальственному недосмотру...

Потомъ мѣсяцъ сталъ угломъ на послѣднюю изъ досокъ, постоялъ на ней съ полминуты и скрылся изъ моего тѣснаго горизонта, оставивъ меня въ моей конуркѣ съ сердцемъ, преисполненнымъ тоской, разнѣженностью отъ воспоминаній и сожалѣніемъ о себѣ... Къ глазамъ въ этой темнотѣ подступали слезы. Мнѣ хотѣлось кинуться на свою кровать, уткнуться лицомъ въ подушку и, пожалуй, заплакать, какъ я плакалъ когда-то ребенкомъ.

Но я этого себѣ не позволилъ. Во все время моихъ скитаній по тюрьмамъ я старался строго держать себя въ рукахъ и никогда не позволялъ себѣ въ заключеніи трехъ вещей: спать днемъ, валяться на кровати, когда не спишь, и затѣмъ — отдаваться этимъ порывамъ разнѣженности, когда къ нимъ соблазняло одиночество, тоска и порой разстроенные нервы.

И теперь я не поддался, даже не легъ, и сталъ думать: что же однако значитъ это странное обращеніе со мной? и затѣмъ меня посадили въ эту клѣтку, явно назначенную для самаго строгаго, изъ ряду вонъ, заключенія? Тысяча самыхъ дикихъ мыслей приходили мнѣ въ голову. Мнѣ стало казаться, что я никогда уже не выйду отсюда: я вспоминалъ выраженіе лица Л—скаго и тихое перешептываніе съ полиціймейстеромъ, ласковое сожалѣніе въ красивыхъ и безпечныхъ глазахъ послѣдняго, новый шопотъ его со зрителемъ и каменное лицо „его благородія“. Потомъ вспоминался самый родъ моего исключительнаго преступленія, которое, какъ мнѣ сказалъ добрякъ-губернаторъ въ Перми, не предусмотрѣнно кодексомъ обыкновенныхъ наказаній, но и безнаказаннымъ остаться не можетъ. Потомъ пришло на память обстоятельство, которое вовсе не казалось страннымъ въ свое время: что этотъ добрякъ уѣхалъ изъ города наказуемъ моей высылки, — и теперь я объяснилъ это побужденіемъ Пилата, умывающаго руки...

Все это было дико, мрачно, нелѣпо, но вѣдь положеніе мое тоже было и дико, и мрачно... Я посмотрѣлъ на крѣпко запертую дверь, на желѣзную печку, на стѣны каменнаго мѣшка... Здѣсь можно погибнуть безвѣстно и навсегда... Потомъ пришло въ голову, что если закрыть эту печку съ угаромъ...

Вообще начинался какой-то странный кошмаръ...

III.

— Баринъ, возьмите свѣчку!

Отверстіе въ стѣнѣ, вродѣ печной дверки, открылось; въ него мелькнулъ свѣтъ, и протянулась рука съ подсвѣчникомъ. Камера освѣтилась, но не стала привѣтливой. Я взялъ свѣчу, не торопясь. Мнѣ хотѣлось заговорить съ моимъ сторожемъ. Голосъ, которымъ онъ сказалъ эти слова, былъ грудной и пріятный. Въ немъ слышались простыя ноты добродушнаго человѣка, и я тотчасъ же вспомнилъ, что это тотъ самый, который первый пригласилъ меня въ келью деликатнымъ „пожалуйте“.

И, взявъ свѣчу изъ руки, я сказалъ, наскоро придумавши предлогъ для продолженія разговора:

— Послушайте, я голоденъ.

— Ахъ, баринъ, — отвѣтилъ невидимый сосѣдъ. — Нынче вы ужъ не записаны, вамъ не полагается.

— Въ конторѣ мои деньги, нельзя ли сходить купить чего-нибудь.

— И, баринъ, невозможно! Здѣсь строго. Кабы въ общей или въ подслѣдственной, а здѣсь вѣдь военно-каторжная.

Онъ говорилъ тихо, какъ будто боялся, что нашъ разговоръ кто-нибудь всетаки можетъ услышать. Потомъ какъ-то нерѣшительно протянулъ руку, взялся за заслонку, чтобы закрыть ее, рука еще задержалась, какъ-бы въ нерѣшительности, и, наконецъ, онъ захлопнулъ дверку.

Тогда я сразу почувствовалъ, что я дѣйствительно очень голоденъ. Съ утра я напился только чаю, разсчитывая, что мы приѣдемъ еще рано въ Тобольскъ. Я думалъ, что мы только явимся къ полиціймейстеру и тотчасъ же поскачемъ дальше. Остановка въ этомъ мѣшкѣ совсѣмъ не входила въ мои расчеты. Теперь, не смотря на волненія этой неожиданности, голодъ вступилъ въ свои права. Я поставилъ свѣчку на уступѣ желѣзной печки и разложилъ свою постель на кровати. Потомъ опять сѣлъ, попробовалъ было взглянуть въ окно, но клочекъ неба былъ темень, а доски подошли совсѣмъ близко, освѣщенныя желтымъ огнемъ изъ моего окна. Я отвернулся и сталъ оглядывать стѣны. Заслонка опять тихо отворилась. Я подошелъ къ ней. Рука протянулась, и сторожъ просунулъ деревянную чашку, въ которой было немного щей и кусокъ хлѣба.

— Не побрезгуете, можетъ, — сказалъ онъ съ радушіемъ простого человѣка.

Я немного колебался.

— Не побрезгуйте, — повторилъ онъ.

— А сами вы? — сказалъ я нерѣшительно.

— Мнѣ что. Я обѣдалъ. А вамъ съ дороги.

Это была правда. Я побѣдилъ въ себѣ легкій протестъ противъ этой подачи тюремщика, въ лицѣ котораго видѣлъ теперь простого, добраго и деликатнаго человѣка. Я взялъ чашку и хлѣбъ... Черезъ четверть часа онъ заглянулъ въ круглое отверстіе двери и сказалъ:

— Кончили, господинъ?

— Кончилъ, спасибо.

— Пожалуйста чашку. А то скоро повѣрка будетъ. Смотритель увидитъ у васъ мою чашку. Неловко.

Добрый, человѣкъ, очевидно, опасался обнаружить передъ „его благородіемъ“ излишнее по отношенію ко мнѣ добросердечіе.

Дѣйствительно, вскорѣ въ мою конурку проникъ заглушенный стѣнами рокотъ барабана, и черезъ четверть часа въ комнатѣ сторожа столпились звуки шаговъ, голоса, звяканіе шпоръ и стукъ прикладовъ. Моя дверь быстро отворилась, и всѣ эти звуки хлынули въ мою одиночку. Не смотря на привычку, трудно преодолѣть нѣкоторое смуще-

не, когда дверь открывается, и десятокъ незнакомыхъ людей смотреть на васъ лишь затѣмъ, чтобы смотрѣть. Впереди стоялъ офицеръ, еще молодой и потому тоже нѣсколько смущенный. Рядомъ виднѣлось каменное лицо „его благородія“. Послѣдній окинулъ опять мою конурку, меня и мои вещи загадочнымъ взглядомъ, въ которомъ я прочиталъ что-то вродѣ внутренняго удовлетворенія. „Его благородіе“ находилъ, повидимому, что все идетъ совсѣмъ хорошо.

— Тридцать четыре!—прочиталъ офицеръ по списку.

Фельдфебель отвѣтилъ: „Есть!“—И дверь опять захлопнулась.

Я чувствовалъ себя усталымъ, не спалъ отъ самаго Екаторинбурга, гдѣ въ то время кончался желѣзнодорожный путь, или спалъ только въ почтовой телѣгѣ. Поэтому я позволилъ себѣ лечь раньше обыкновеннаго.

Эпизодъ съ чашкой и присутствіе за стѣной добродушнаго человѣка разогнали пока мои мрачныя мысли. Я легъ и заснулъ вскорѣ крѣпкимъ и беззаботнымъ сномъ.

IV.

На утро, проснувшись довольно рано, я быстро одѣлся, умылся изъ кружки надъ „парашкой“ и сталъ оглядывать свое жилище...

Прежде всего мнѣ бросилось въ глаза на стѣнѣ большое пятно, продолговатое, точно написанная строчка. Подойдя ближе, я увидѣлъ что это была дѣйствительно надпись, глубоко врѣзанная гвоздемъ въ стѣну и послѣ тщательно сцарапанная скребкомъ. Очевидно, это была фамилія моего предшественника, прежняго жильца этой камеры. Казалось, разобрать ее было совершенно невозможно. Я подумалъ, что мнѣ можетъ разрѣшить этотъ вопросъ мой сторожъ, и потому, тотчасъ послѣ повѣрки, постучалъ въ дверь.

— Послушайте,—сказалъ я.

— Чего тебѣ?—отвѣтилъ грубый голосъ.

Я съ грустью убѣдился, что у меня смѣнили сторожа. Это былъ теперь тотъ изъ двухъ моихъ вчерашнихъ провожатыхъ, который первый назвалъ меня на „ты“ и грубо требовалъ, чтобы я вошелъ въ камеру.

— Во-первыхъ, не зачѣмъ „тыкаться“, — сказалъ я, по возможности спокойно.

— Поговори у меня!

Я отошелъ отъ двери.

Нѣтъ такихъ іероглифовъ, которые нельзя было бы разобрать, сидя въ одиночкѣ. Я по десяти разъ подходилъ къ затертой надписи и простаивалъ передъ ней по полчаса.

Она интересовала меня тѣмъ болѣе, что, кромѣ нея, нигдѣ на стѣнахъ камеры не было написано ни одного словечка, тогда какъ обыкновенно стѣны всѣхъ камеръ исписаны кругомъ. Кусокъ карандаша, а то уголекъ, гвоздь или обожженный конецъ спички служатъ орудіями этой стѣнной тюремной литературы. „Здѣсь еврей Н. страдалъ безъ вины“,— такова была первая надпись этого рода, которую я прочиталъ во время перваго же моего ареста въ полицейскомъ участкѣ. Затѣмъ утомительный рядъ черточекъ на стѣнѣ отмѣчалъ день за днемъ безконечную вереницу этихъ дней, проведенныхъ страдавшимъ безъ вины евреемъ. Помню, я насчиталъ ихъ тогда 72, и мнѣ казалось совершенно невысказаннымъ, чтобы меня, именно меня, Владимира Короленко, ни въ чемъ не обвиняемаго, могли продержать дольше этого срока. Потомъ и я началъ ставить свои черточки и увѣ!— если сосчитать все число дней, которое я провелъ, какъ и этотъ невѣдомый страдалецъ, въ четырехъ безмолвныхъ стѣнахъ, то ихъ оказалось бы во много разъ больше!

Обыкновенно къ этимъ начертаніямъ начальство относится довольно терпимо. Въ пересыльных тюрьмахъ Сибири стѣны сплошь исписаны этими обращеніями къ будущимъ жильцамъ камеръ. „Скажите, братцы, Дунькѣ Полтавской, станеть ее Никифоръ поджидать въ Ачинскѣ“. „Братцы, Иванъ Семеновъ изъ Тюмени—измѣнникъ общества“. „Прошелъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ Павелъ Гаркушинъ на каторгу. Кланяюсь землякамъ“. И т. д., и т. д. Порой лирическое изліяніе, въ прозаической или стихотворной формѣ, разнообразить эти своего рода публикации, вызванныя желаніемъ оставить гдѣ-нибудь слухъ о своей горькой жизни или передать дѣловое сообщеніе.

Въ моей камерѣ всѣ эти надписи были тщательно затерты, и по нимъ еще побѣдили известкой. Оставалась одна въ видѣ широкаго, длиннаго углубленія, врѣзанная слишкомъ глубоко для того, чтобы можно было ее уничтожить безслѣдно.

Изслѣдуя ее, я замѣтилъ, во первыхъ, что рытвина раздѣлялась на двѣ части. Вторая часть была короче. Очевидно, фамилія состояла изъ меньшаго числа буквъ, чѣмъ имя. Имя говорило мнѣ мало, фамилія могла быть все-таки извѣстна...

И я тщательно занялся фамиліей.

Она, очевидно, начиналась съ кружка и кружкомъ кончалась. Слѣды округленныхъ буквъ остались довольно замѣтны. Я сосчиталъ затѣмъ число углубленій, соответствовавшихъ буквамъ, и послѣ многихъ соображеній пришелъ къ заключенію, что ихъ было шесть. Тогда, принимая, что

первая буква могла быть *Ө*, а послѣдняя *Ъ*, . внезапно была осѣнена догадкой, вскорѣ принявшей форму полной увѣренности.

Да, несомнѣнно, я былъ въ камерѣ *Өмина*.

V.

Почти годъ назадъ, съ 25-го августа, какъ уже было сказано выше, я провелъ нѣсколько дней въ той же тобольской тюрьмѣ, только въ другомъ ея отдѣленіи. Однажды къ моей двери подошелъ арестантъ, по фамиліи, кажется, Ефремовъ, и передалъ мнѣ записку, написанную на обрывкѣ сѣрой бумаги. Изъ нея я узналъ, что въ тобольской тюрьмѣ, въ военно-каторжномъ ея отдѣленіи, сидитъ уже третій годъ въ строжайшемъ одиночномъ заключеніи политическій осужденный, „именующій себя *Өминымъ*“.

Исторія его была еще свѣжа у всѣхъ въ памяти. Послѣ такъ называемаго большого процесса (1877—78 г.г.) осужденныхъ Ковалика и Войнаральскаго, видныхъ дѣятелей мирнаго періода революціонной борьбы, перевозили изъ Петербурга для заключенія въ Бѣлгородскую харьковскую центральную тюрьму. Въ это время среди бѣлаго дня, на шоссе, на виду у косцовъ и жницъ, работавшихъ въ полѣ, на почтовую тройку, въ которой сидѣлъ Войнаральскій и два жандарма, напали двое верховыхъ, которые выстрѣломъ изъ револьвера убили одного изъ провожатыхъ и долго гнали за убѣгавшей по шоссе тройкой. Боязнь ранить арестанта мѣшала нападающимъ стрѣлять, а быстрота лошадей—догнать ихъ. Вскорѣ они отстали, и уцѣлѣвшій жандармъ съ убитымъ товарищемъ и съ арестованнымъ Войнаральскимъ поѣхали дальше. Они уже были близко отъ мѣста назначенія, когда съ проселочной дороги на шоссе выѣхалъ еще одинъ всадникъ и поѣхалъ навстрѣчу. Жандармъ приготовилъ револьверъ въ полномъ убѣжденіи, что это запоздавшій сообщникъ. Всадникъ проѣхалъ мимо.

Впослѣдствіи въ арестованномъ на вокзалѣ молодомъ человѣкѣ жандармъ призналъ этого послѣдняго всадника, а дальнѣйшіе розыски доказали, что этотъ молодой человѣкъ, „именующій себя *Өминымъ*“,—одинъ изъ дѣятельныхъ участниковъ революціонныхъ кружковъ, что его самого пытались освободить въ Одессѣ, во время процесса Ковальскаго, и что послѣ этого онъ все-таки бѣжалъ изъ кievской тюрьмы. Побѣгъ былъ совершенъ съ необыкновенной находчивостью и незаурядною смѣлостью. Боясь новыхъ попытокъ освобожденія, его послѣ приговора увезли изъ Россіи съ такими предосторожностями, что долго никто не

зналъ, куда его дѣвали. Теперь въ своей запискѣ онъ сообщилъ мнѣ, что его везли подъ №, что даже жандармы не знали его фамиліи, что его сопровождалъ цѣлый отрядъ изъ пяти жандармовъ, причемъ отъ участка до участка съ ними скакали заранѣе предупрежденные засѣдатели, а на этапахъ, гдѣ происходили иногда остановки, „сбивали народъ“ и всю ночь жгли кругомъ костры.

Вся эта странная исторія показалась мнѣ сначала нѣсколько подозрительной,—въ тюрьмахъ очень много охотниковъ рассказывать подобныя вещи проѣзжимъ политическимъ ссыльнымъ, чтобы выманить деньги. Однако я отвѣтилъ, и между нами завязалась переписка. Почтальономъ служилъ арестантъ, подававшій Ѳомину пищу.

Какъ ни строго было заключеніе, долгая практика всегда укажетъ извѣстныя бреши,—и порой арестантъ могъ перемолвиться съ Ѳоминимъ словомъ или передать записочку. Это меня не удивило.

Въ одной изъ записокъ Ѳоминъ сообщалъ, что онъ сидитъ въ своей конуркѣ третій годъ безвыходно. Его не пускаютъ гулять, даже не водятъ въ баню. Разъ въ мѣсяцъ вносятъ въ камеру большую ванну, и онъ моется въ присутствіи сторожа и смотрителя. При этомъ у „его благородія“ хватало совѣсти насмѣхаться надъ заключеннымъ, который—„ишь ты, моется въ ваннѣ, какъ баринъ“.

Единственнымъ развлеченіемъ Ѳомина было приготовленіе фигурокъ и игрушекъ изъ мятаго хлѣба, искусство, которое на моей памяти процвѣтало среди заключенныхъ за возстаніе поляковъ. Мой родной городъ, Житомиръ, былъ тогда переполненъ этими издѣліями, такъ какъ покупка ихъ была легальной формой помощи арестантамъ.

Ѳоминъ изловчился сдѣлать глобусъ и подарилъ его ребенку смотрителя. Тогда смотритель позволилъ ему продолжать ремесло, и Ѳоминъ сдѣлалъ уже весь планетарій, для чего пользовался проволокой изъ оконной рѣшетки. Смотритель и на это посмотрѣлъ благосклонно, такъ какъ онъ сталъ продавать эти издѣлія на сторону, платя Ѳомину по рублю. Сколько онъ самъ получалъ,—оставалось неизвѣстнымъ.

Понемногу я переслалъ Ѳомину бумаги, конвертовъ, десять рублей, тщательно задѣланныхъ въ конецъ копченой колбасы, и, наконецъ, нѣсколько стальныхъ перьевъ, кисть и кусокъ туши, которая всегда бывала со мною (очень удобно хранится и служить вмѣсто чернилъ).

Особенныя сомнѣнія внушали мнѣ деньги, такъ какъ арестантъ-посредникъ едва ли бы удержался отъ искушенія. Въ тотъ же день, когда я послалъ ихъ, къ нашей двери

явился высокій, молодой арестантъ, назвавшій себя тюремнымъ старостой. Это былъ человѣкъ располагающей наружности и державшій себя вполне независимо.

Онъ спросилъ у меня, не пересылалъ ли я Ѳомину денегъ, и предупредилъ, что Ефремовъ человѣкъ ненадежный. „Общество“ ему не довѣряетъ, и староста боится, что онъ украдетъ деньги, назначенныя Ѳомину. Я, конечно, не имѣлъ тогда основаній особенно довѣрять и этому своему собесѣднику, который легко могъ быть подосланъ не „обществомъ“, охранявшимъ интересы одиночнаго узника, а смотрителемъ. Поэтому я холодно отвѣтилъ, что это дѣло мое, и мы разстались не особенно дружелюбно.

На слѣдующій день я получилъ черезъ Ефремова записку, написанную, какъ и предыдущія, очень простымъ шифромъ. Деньги и все остальное дошли по назначенію. Тѣмъ не менѣе, забѣгая впередъ описываемыхъ событій, я долженъ сказать, что теперь я съ чувствомъ уваженія и благодарности вспоминаю о старостѣ и о честномъ предостереженіи со стороны тюремнаго общества.

Въ сентябрѣ того же года, которымъ начинается настоящій разсказъ, т. е. черезъ годъ съ небольшимъ послѣ моей переписки съ Ѳоминымъ, я былъ въ Томскѣ. Тамъ меня посадили въ общую камеру, въ такъ называемой „Содержащей“ (тюрьма, назначенная для приговоренныхъ на сроки къ тюремному заключенію). Оказалось, что Ефремовъ былъ въ это время тамъ; онъ уже кончилъ свой срокъ и пересылался на поселеніе, но его держали особо отъ пересыльных, такъ какъ надъ нимъ тяготѣла гроза тюремнаго общества. Оказалось, что Ѳоминъ написалъ письмо и далъ Ефремову денегъ на подкупъ сторожей, которые бросили письмо въ почтовый ящикъ. Въ письмѣ Ѳоминъ извѣщалъ товарищей о своемъ заключеніи и просилъ помощи. А такъ какъ на его имя всякія сношенія были абсолютно невозможны, то для высылки денегъ онъ далъ адресъ Ефремова, который около этого времени оканчивалъ срокъ. Дѣйствительно, вскорѣ Ефремовъ получилъ 70 рублей отъ имени будто бы своихъ родныхъ. „Общество“ знало, кому назначены деньги, и потребовало, чтобы Ефремовъ честно передалъ ихъ Ѳомину. Ефремовъ отлынивалъ и, наконецъ, вышелъ изъ тюрьмы для отправки на поселеніе. Въ это-то время я встрѣтилъ его въ коридорѣ томской тюрьмы и не узналъ, такъ какъ не видалъ его около года. Однако, не могъ не обратить вниманія на то, что встрѣчный арестантъ, съ лицомъ, напоминавшимъ мнѣ что-то, потупился и какъ-то сжался при встрѣчѣ, точно виноватая собака. На слѣдующій день въ „Содержащую“ пришло изъ пересыльной сообщеніе о томъ,

что Ефремовъ есть „измѣнникъ общества“, и объ его поступкѣ съ Фоминымъ... Его жестоко избили.

Цѣлый день несчастный прятался подъ нарами въ пустыхъ камерахъ, а во время повѣрки кинулся въ ноги смотрителю, прося, чтобы его перевели въ секретную. Я сталъ просить арестантовъ, со своей стороны, чтобы они пощадили несчастнаго негодая. Мнѣ отвѣтили, что въ этой тюрьмѣ жизни его не грозитъ опасность. Сидящіе на сроки не рѣшались сдѣлать „крышку“, но бить его будутъ все время, какъ собаку, походя и при всякомъ случаѣ. Если же тутъ были бы каторжане, то никакая секретная не спасла бы измѣнника, такъ какъ Фомина, заключеннаго съ такой строгостью въ каторжной тюрьмѣ, они, не зная лично, считали всетаки своимъ.

VI.

Съ тѣхъ поръ, какъ я посылалъ деньги и перья Фомину, прошелъ годъ. И вотъ самъ я сижу почти въ томъ же положеніи и, судя по всѣмъ признакамъ, въ той же камерѣ. Онъ писалъ мнѣ, между прочимъ, что ему стоитъ величайшихъ усилій хранить недозволенные предметы, такъ какъ еженедѣльно у него производятъ тщательные обыски.

Теперь я сталъ разыскивать его тайники. Я осмотрѣлъ стѣны, рамы у окна, всякую черточку на желѣзной печкѣ, но ничего не находилъ подозрительнаго. Наконецъ, я сталъ осматривать кровать. Она была деревянная, грубо окрашена темною краской. Изслѣдуя каждый квадратный вершокъ, я замѣтилъ, что одно мѣсто спинки было слегка неровно и какъ-будто немного чернѣе. Я попробовалъ мокрымъ пальцемъ: палецъ оказался чернымъ, между тѣмъ какъ въ остальныхъ мѣстахъ краска не отставала. Тогда я сталъ скоблить это мѣсто. Оказалось, что оно закрашено тушью, поверхъ тонкаго слоя мятаго хлѣба. Я сорвалъ тоненькую пленочку и увидѣлъ, что подъ нею, съ искусствомъ, которое присуще или самому ловкому столяру, или одиночному арестанту, въ кровати вырѣзано углубленіе не больше трехъ квадратныхъ дюймовъ шириной и около $\frac{1}{2}$ дюйма въ глубину, закрываемое тоненькой задвигной дощечкой. Чтобы нельзя было замѣтить щелочекъ, искусная рука прикрывала дощечку слоемъ хлѣба, который послѣ окраски тушью давалъ полную иллюзію цвѣта и неровной густоты масляной краски. Съ волненіемъ человѣка, находящаго признаки ближняго въ пустынѣ, я открылъ эту заслонку. Въ углубленіи лежала свернутая бумажка, два стальныхъ пера и кусокъ туши.

Прежде всего я жадно развернулъ бумажку. Это было мое собственное письмо Фомину.

Годъ назадъ я былъ доволенъ и счастливъ. Неожиданная и благоприятная перемѣна въ моей судьбѣ, возвращеніе „на западъ“, милое общество случайно, но очень удачно собранныхъ судьбою людей, въ томъ числѣ нѣсколько хорошихъ женщинъ,—все это настраивало радостно. Помню, что я писалъ тогда въ настроеніи счастливаго человѣка, которому хочется передать частицу своего счастья другому. Я сообщалъ о нашемъ возвращеніи, о признакахъ новыхъ вѣяній, толки о конституціи, которыми ознаменованы были первые мѣсяцы царствованія Александра III... Помню, что отвѣтъ Ооминна былъ полонъ горечи и сомнѣній.

И вотъ я теперь читалъ свое радостное письмо въ той же камерѣ...

Того, кому я писалъ, можетъ быть, не было въ живыхъ. Я одинъ, ѣду опять тѣми же мѣстами, неизвѣстно куда. А что, если здѣсь-то и есть конецъ моего пути?—внезапная и горькая опять мелькнула во мнѣ эта мысль. Что, если черезъ нѣкоторое время у меня отнимутъ мое платье, мои вещи, мою постель, все, что напоминаетъ мнѣ о волѣ,—и принесутъ сюда арестантскій халатъ, можетъ быть снятый съ плеча моего умершаго предшественника, и дни безконечной вереницей потянутся надо мной, не трогая меня, ни въ чемъ не мѣняя моего положенія, какъ идутъ они надъ могилой, какъ шли надъ Ооминнымъ? И мнѣ разъ въ мѣсяцъ станутъ вносить ванну, и тѣ же неуклюжія шутки, которыя слышалъ Ооминъ, „его благородіе“ станутъ отпускать теперь по моему адресу... Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, родъ моего преступленія не предвидѣнъ закономъ...

Эта мысль привела меня въ такое состояніе, что я, въ первый еще разъ, кинулся на свою постель, уткнувшись лицомъ въ подушку. Подушка оказалась жестка и колюча. Перестилая постель, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли надписей на доскахъ, я вывернулъ наверхъ лежавшую на ней лепешку, набитую соломой, превратившейся отчасти въ труху. Можетъ быть, эта тюремная подушка лежала здѣсь съ того времени, какъ Ооминъ выплакалъ на ней свои послѣднія слезы. Я не отбросилъ ее. Эта мысль доставила мнѣ теперь своего рода горькую отраду. Пусть... такъ лучше!.. Такъ я полнѣе отдавался теперь мрачному чувству, поднявшемуся въ глубины сердца.

Среди этихъ ощущеній спустились сумерки. Я не всталъ, изрѣдка только подымалъ голову отъ подушки. Въ камерѣ стояла полутьма. Прежде я любилъ смотрѣть, закинувъ голову, на клочокъ вечерняго неба, которое заглядывало ко мнѣ свѣтлымъ пятномъ. Теперь оно меня раздражало. Мнѣ хотѣлось какъ можно полнѣе прислушаться къ тишинѣ

моей сумрачной камеры, и, подымая голову, я нарочно отворачивался къ двери, чернѣвшей прямымъ четырехугольникомъ. Около него и въ углахъ было совсѣмъ темно. Черта разобранной надписи чуть-чуть виднѣлась на стѣнѣ... И мнѣ казалось, что здѣсь невидимо присутствуетъ прежній жилецъ этой камеры. Когда я лежалъ лицомъ къ его подушкѣ, мнѣ казалось, что онъ стоитъ надо мной и иронически качаетъ головой съ блѣднымъ лицомъ и воспаленными мрачными глазами. И мнѣ слышался беззвучный шопотъ погибшаго террориста...

— Мечтатели, слабыя души, слѣпые... Что значать ваши средства передъ силой, которая не считается ни съ чѣмъ и послѣдовательна въ своихъ проявленіяхъ? Нѣтъ, надо было принять десять присягъ и, произнося слова клятвы, обдумывать средства мести за насъ, погибшихъ, и для освобожденія живыхъ...

Моя голова становилась тѣсна для этихъ жгучихъ мыслей, какъ тѣсна была эта каморка для всякихъ плановъ борьбы и мести. Я вскочилъ, присѣлъ на своей постели, охватилъ голову руками и попытался призвать къ себѣ обычное самообладаніе.

Въ это время загремѣли опять запоры, опять сторожка наполнилась звономъ сабель, шпоръ и ружей, опять запахнулась моя дверь. Мнѣ показалось, что это рѣшается моя судьба, что меня сейчасъ или уведутъ отсюда, или отнимутъ мои вещи и оставятъ здѣсь навсегда. Мнѣ кажется, что въ послѣднемъ случаѣ я способенъ былъ въ эту минуту на какое-нибудь безумство. Но я забылъ,—это была просто повѣрка.

— Тридцать четыре!

— Есть!

По какому-то внезапному, инстинктивному побужденію, я вскочилъ со своей постели.

— Г-нъ смотритель,—сказалъ я.

— Что еще?

— Я желаю видѣть полиціймейстера и прокурора.

— Это лишнее.

Офицеръ сказалъ что-то смотрителю, а тотъ опять обернулся.

— Что вамъ нужно?

— Я хочу принести жалобу. Меня, пересыльнаго, держать въ каторжной одиночкѣ. Вы не выпускаете меня гулять, я не могу написать письмо, я чувствую себя нездоровымъ.

Смотритель не отвѣтилъ ничего; повѣрка ушла.

VII

Однако на слѣдующій день меня выпустили гулять.

Цѣлый день по дворику ходили каторжане, порой слышался звонъ кандаловъ, порой, когда солнце свѣтило прямо въ мои доски передъ окномъ, въ щели между ними можно было видѣть мелькающія тѣни. Когда-же барабанъ отбивалъ свою дробь, и тюрьму закутывали молчаливые сумерки, тюремная жизнь уходила въ камеры. Тутъ до огня бродяги рассказываютъ о своихъ похожденияхъ, порой молодой и надтреснутый голосъ говорить съ тоской о своемъ „несчастьи“, о судьбѣ, о преступленіи и какъ оно случилось. Порой циничный и удалой рассказъ каторжника-убійцы рѣзко звучитъ среди молчаливой камеры, рѣдко одобряющей излишнія откровенности.

Въ это время меня выпускали на полчаса. Ворота были тщательно заперты, солдатъ дремалъ у будки, поддаваясь тихому вѣянію сумерокъ, переполненныхъ тѣнями, неуловимымъ шепотомъ, просачивавшимся будто сквозь стѣны тюрьмы, и отдаленнымъ рокотаніемъ колесъ въ городѣ, за тюремной стѣной. Я ходилъ взадъ и впередъ, отъ глухой стѣны швальни до воротъ, между цейхгаузомъ и корпусомъ каторжнаго отдѣленія. Надо мной было небо, казавшееся мнѣ теперь неизмѣримо глубокимъ, а надъ воротами, невдалекѣ, на меня глядѣли окна съ занавѣсками и цвѣтами. Эти окна меня очень удивили. Потомъ я сообразилъ, что это, навѣрное, частная квартира смотрителя. Въ одинъ вечеръ что-то замелькало между цвѣтовъ. Вглядѣвшись въ неопредѣленный сумракъ, я различилъ однако голову и лицо ребенка. Дитя (могрѣло, должно быть, на мою одинокую фигуру, невиданую и странную въ черномъ пальто и шляпѣ, въ этомъ царствѣ сѣрыхъ халатовъ и военныхъ мундировъ.

Пока я гулялъ, мои сторожа должны были находиться тутъ же, во дворикѣ. Такимъ образомъ, меня караулили двое. Сторожъ обыкновенно садился на толстый обрубокъ, вродѣ того, на какомъ мясники разрубаютъ мясо. Этотъ обрубокъ стоялъ недалеко отъ воротъ. Солдатъ стоялъ у середины узкаго пространства. Такимъ образомъ, гуляя отъ воротъ до швальни, я постоянно былъ у нихъ на виду.

Впрочемъ, былъ небольшой уголокъ, прямо противъ входной двери въ корридоръ, гдѣ я могъ быть невидимъ для обоихъ. Цейхгаузъ, пристроенный къ тюремной стѣнѣ, былъ не во всю стѣну. Между нимъ и перпендикулярной стѣной

швальни оставался четырехугольникъ, на которомъ валялись кучи мусора и отбросовъ. Бревенчатая стѣна цейхгауза упиралась прямо въ каменную ограду. Когда я подходилъ къ этому концу двора, маленький пустырь оставался у меня на лѣвой сторонѣ. На него выходило мое окно, забранное досками (Всякій разъ, какъ я глядѣлъ на эти доски, мнѣ становилось какъ-то жутко думать, что за ними мое жилье). Затѣмъ наше крылечко съ тремя ступеньками. Его дверь была обыкновенно открыта, и въ нее видѣлся короткій, тупой коридорчикъ. Въ немъ не было никогда ни души. Наконецъ, еще одно окно изъ ряда каторжныхъ одиночекъ тоже выходило на пустырь. Остальные же находились противъ стѣны цейхгауза.

Въ первый день, когда меня выпустили, дежурилъ Гавриловъ. Я зналъ уже этотъ типъ тюремныхъ надзирателей. Это люди серьезные, семейные, дорожающіе службой и не склонные къ подкупу. Я убѣжденъ, что Ефремовъ передавалъ Ѳомину его записки не въ его дежурство или, по крайней мѣрѣ, безъ его вѣдома. Подкупать легче было другого. Но зато Гавриловъ былъ доступенъ простымъ человѣческимъ движеніямъ души, не дѣлалъ ничего лишняго для отягченія участи заключеннаго и радъ былъ сдѣлать все, что не ставило его въ положеніе „отчаяннаго“, легкомысленнаго, рискующаго человѣка. Между прочимъ онъ охотно вступалъ со мною въ непродолжительныя, правда, бесѣды; онъ интересовался, есть ли у меня жена и дѣти, прибавилъ, что у него ихъ трое, что всѣхъ надо кормить. Потомъ спросилъ, есть-ли отецъ и мать, и покачалъ, при моемъ отвѣтѣ, головою. Онъ, видимо, былъ очень доволенъ, отворяя мнѣ камеру и выпуская меня на прогулку. Самъ онъ сѣлъ на обрубокъ и просидѣлъ на немъ, подремывая все время, пока я ходилъ, разминался, взадъ и впередъ.

Въ одинъ изъ этихъ моихъ рейсовъ, отъ воротъ до стѣны швальни, я замѣтилъ, что въ послѣднемъ окнѣ мелькнуло лицо. Каторжникъ съ обритой наполовину головою дѣлалъ мнѣ какіе-то жесты. Я удивленно остановился, но онъ тотчасъ же скрылся за стѣной камеры. Я понялъ: мнѣ не слѣдовало останавливаться, такъ какъ сторожъ или солдатъ могли замѣтить это, и потому я прошелъ мимо тѣмъ же размѣреннымъ шагомъ.

Подходя во второй разъ къ этому окну, я замедлить шагъ и посмотрѣлъ искоса, не поворачивая головы. Арестантъ опять стоялъ у окна и махалъ руками, какъ птица.

Это опять продолжалось лишь нѣсколько секундъ. За то почти минута оставалась на обсужденіе таинственнаго снг-

нала. Что онъ хочетъ сказать? Неужто эти птичьи размахи означали намекъ на свободу, на вольный полетъ?

Съ этимъ вопросомъ въ умѣ, я опять поравнялся съ окномъ. Мой таинственный собесѣдникъ сидѣлъ на подоконникѣ, на корточкахъ. Пока я миновалъ его и пока поворачивался назадъ, онъ все подымался во весь ростъ, хватая воздухъ руками, и всей бѣлой фигурой, выдѣлявшейся на темномъ фонѣ окна, изображалъ приемы человѣка, который карабкается кверху. Я опять кинулъ недоумѣлый взглядъ, но затѣмъ пришелъ къ безошибочному заключенію, что таинственный собесѣдникъ, несомнѣнно, намекаетъ на возможность побѣга.

Я шелъ къ окну въ четвертый разъ. Теперь каторжникъ стоялъ неподвижно и только протянутой рукою указывалъ мнѣ прямо на четырехугольникъ двора, за стѣной цейхгауза. Затѣмъ онъ еще присѣлъ, поднялся, какъ будто дѣлая прыжокъ, и взмахомъ обѣихъ рукъ указалъ, что мнѣ слѣдуетъ потомъ бѣжать вдоль тюремной стѣны направо. Я вспомнилъ, что тутъ крутые, поросшіе бурьяномъ пустынные обрывы горы ведутъ къ рѣкѣ Иртышу или Тоболу, и что внизу раскинута прибрежная часть города, съ трактирами и кабаками...

Теперь, пока я шелъ назадъ и впередъ по двору, мое сердце усиленно билось, въ вискахъ стучало; я подошелъ къ окну и тихо прошелъ мимо. Каторжникъ глядѣлъ вѣпросительно и ничего уже не показывалъ. Я уперся почти въ стѣну швальни, плохо сознавая свое положеніе. Тутъ, поворачиваясь, я очутился прямо противъ досокъ, закрывающихъ окно моей камеры. Одна щель была расковыряна, и въ нее на одно мгновеніе мелькнула часть моего окна. Въ камерѣ мы оставили свѣтъ, который теперь освѣщалъ пустое пространство между стѣной и досками. Въ этой освѣщенной пустотѣ было что-то жуткое.

Я круто повернулся и пошелъ за стѣнку цейхгауза.

Бревенчатая стѣна примыкала къ каменной. Она была сложена изъ толстыхъ лиственницъ, а такъ какъ лиственница очень щелевата, то въ каждомъ бревнѣ были широкія щели, за которыя легко было цѣпляться концами пальцевъ. Это была удивительная оплошность тюремной администраціи, одна изъ тѣхъ, которыя являются невольно въ дѣлѣ, идущемъ день за днемъ по заведенной рутинѣ. Впрочемъ, можетъ быть администрація знала слабое мѣсто этого двора, и потому-то бѣглица, извѣстнаго бѣглеца, не выпускали вовсе. Каторжники гуляли днемъ, когда скрыться немислимо. И только я въ эту минуту стоялъ лицомъ къ лицу съ началь-

ственнымъ недосмотромъ. Крыша цейхгауза не доходила вплоть до верхушки стѣны, но тутъ оставалось не болѣе 1¹/₂ аршина.

Очутившись внѣ взглядовъ моихъ сторожей, я быстро подошелъ къ углу и сталъ карабкаться кверху. Помню, что въ это время у меня не было опредѣленнаго плана. Сердце билось, въ вискахъ стучало, въ воображеніи рисовалась верхушка крыши и гребень стѣны, потомъ заплаканное лицо матери, доброе лицо Гаврилова и его трое дѣтей. Совѣсть говорила мнѣ ясно, что я не долженъ пользоваться его довѣріемъ, что было бы гораздо лучше, если бы этотъ случай представился въ дежурство Иванова. Но я карабкался кверху, повторяя про себя: все равно, это невозможно... Это я только пробую...

Можетъ быть, всѣ эти разнообразныя ощущенія были причиной, мѣшавшей энергіи моихъ усилій, или дѣйствительно препятствіе было неодолимо, но только—ноги скользили, пальцы тоже, подъемъ былъ труденъ и долгъ. Я соскочилъ съ пятого бревна и тихонько пошелъ изъ-за угла. Когда я вышелъ, солдатъ и Гавриловъ смотрѣли въ мою сторону. Арестантъ тоже смотрѣлъ жаднымъ взглядомъ, вытянувъ шею.

Весь этотъ вечеръ, въ своей камерѣ, я думалъ объ этомъ случаѣ и о своемъ положеніи. Помню, что это было во вторникъ. Въ среду обыкновенно проходилъ мимо Тобольска парходъ съ арестантской баржей. Запирая меня на ночь, Гавриловъ тихо сказалъ мнѣ, что „можетъ, завтра вы уѣдете. Завтра провезутъ политическую партію“.

Я вздохнулъ съ облегченіемъ и какъ-то радостно посмотрѣлъ на добраго человѣка... Въ эту ночь я открылъ форточку и долго смотрѣлъ въ ясный клочекъ неба. Вечеромъ я написалъ письма, проникнутыя бодростью и надеждой...

Утромъ я спалъ долго и не слышалъ повѣрки. Эта вольность позволялась мнѣ въ моей одиночкѣ, — въ общихъ камерахъ всѣ должны подниматься и выстраиваться, при входѣ „повѣрки“. Первый звукъ, который я услышалъ, одѣваясь, былъ долгій, гулкій, протяжный свистокъ, доносившійся съ рѣки въ мою открытую на ночь форточку...

Я быстро одѣлся, наскоро разболталъ чай въ полуостывшемъ кипяткѣ, который былъ поданъ въ отверстіе, когда я спалъ, — и сталъ ждать. Я зналъ, что баржа простоятъ нѣсколько часовъ, такъ какъ съ нея спустятъ и на нее примутъ еще партію тобольскихъ арестантовъ. Годъ назадъ я самъ былъ на этой баржѣ. Ее отвели тогда на середину рѣки, закрыли брезентами со стороны города, и мы, гуляя по палубѣ за рѣшетками, старались приподнять брезенты и

полюбоваться на красивый городъ, съ его крутой и высокою горой. Оттуда я видѣлъ впервые на верхушкѣ горы и этотъ тюремный замокъ...

Эти воспоминанія усилили мое нетерпѣніе до степени лихорадки. Часы ползли медленно; я ходилъ по камерѣ, кидался на кровать, опять вставалъ и бѣгалъ по своей кѣткѣ.

Заслонка открылась, мнѣ подали отсюда обѣдъ. Я не обратилъ вниманія, кто подаетъ его, взялъ, не говоря ни слова, миску, но ѣсть не могъ. Все равно, думалъ я, меня накормятъ товарищи на баржѣ. И предвкушеніе скорой встрѣчи, привѣтствій, разспросовъ, новыхъ знакомствъ, можетъ быть со старыми знакомыми, потомъ Красноярскъ, предстоящее свиданіе съ сестрой и матерью, которыя проѣхали туда годъ назадъ, къ сосланному одновременно съ нами зятю,—все это промчалось въ душѣ какой-то полурадостной полумучительной бурей...

Въ такомъ настроеніи услышалъ я первый свистокъ парохода. Я заметался, еще разъ осмотрѣлъ свои вещи, какъ человѣкъ, который боится опоздать къ пароходу... Но моя дверь оставалась запертой.

Вскорѣ за первымъ послышался второй, потомъ третій свистокъ. Еще черезъ четверть часа—прощальный гулъ понесся внизъ по рѣкѣ и замеръ. Очевидно, пароходъ обогнулъ тобольскую гору, и партія плыла дальше. Я видѣлъ въ воображеніи, какъ раскрываются брезенты, молодые люди и дѣвушки жадно глядятъ изъ-за рѣшетокъ, какъ тихо уплываютъ берега, церкви, зданія Тобольска. И, можетъ быть, имъ видна еще на горѣ стѣна моей тюрьмы. Тупое отчаяніе, надъ которымъ глухо закипало безсильное бѣшенство, овладѣло моей душой...

Я легъ на кровать кверху лицомъ и лежалъ, не двигаясь, заложивъ руки подъ голову. Помню очень хорошо, что я ни о чемъ не думалъ. Въ головѣ моей не было ни мыслей, ни представлений, ни образовъ. Это была тяжелая пустота.

И однако странно: въ этой пустотѣ какъ-то само собой созрѣло рѣшеніе. Когда я поднялся со своей постели, оно было готово, и я началъ дѣйствовать, какъ будто исполняя чьи-то распоряженія.

Прежде всего я принялся за простывшій обѣдъ и съѣлъ почти все. Потомъ открылъ чемоданъ и развязалъ узлы.

Въ одномъ изъ узловъ у меня былъ чекмень, вроде казакина изъ легкой мерлушки, покрытой такъ называемой чертовой кожей. Это былъ подарокъ одного мало мнѣ знакомаго доброжелателя. Незадолго до моей высылки онъ пріѣхалъ въ Пермь, стараясь склонить меня на нѣкоторыя пред-

пріятія, отъ которыхъ я однако рѣшительно отказался. Въ тѣ нѣсколько часовъ, которые мнѣ были оставлены отъ объявленія о высылкѣ до отхода поѣзда, ко мнѣ приходили многіе пермскіе знакомые, пришелъ и онъ. Отозвавъ меня въ сторону, онъ подарилъ мнѣ этотъ чекмень и сказалъ, что около воротника, на спинѣ, есть карманъ, сдѣланный необыкновенно ловко, который можно вскрыть.

— Можетъ быть, пригодится,—прибавилъ онъ...—А тогда, мы опять увидимся и потолкуемъ о томъ, что я предлагалъ вамъ... Думаю, вы тогда будете сговорчивѣе...

Я поблагодарилъ и принялъ, улыбаясь, подарокъ. Я думалъ, что чекмень можетъ пригодиться и безъ кармана на спинѣ. Теперь я тотчасъ же распоролъ шовъ около воротника и вынулъ оттуда два сѣрыхъ полулиста бумаги. Одинъ былъ „видъ на жительство“. Въ немъ говорилось, что чернскій, Тульской губ., мѣщанинъ Иванъ Ивановъ отпускается во все города російской имперіи для сбора по довѣренности причта такой-то церкви, на возобновленіе сгорѣвшаго въ 1879 году храма. Другой удостовѣрялъ съ приложеніемъ церковной печати и за подписью дрожащей руки какого-то благочиннаго, что я по усердію взялся сдѣлать дѣло Господне, къ коему и приглашаются усердные дѣятели. Я тщательно перечиталъ оба документа, рассмотрѣлъ подписи исправника, мѣщанскаго старосты и причта, потомъ критически изслѣдовалъ печати. Онѣ были оттиснуты довольно явственно, но не такъ однако, чтобы возбудить подозрѣніе излишней отчетливостью. Все было въ порядкѣ.

Потомъ я сталъ перебирать бумаги и письма. Это была переписка съ матерью, сестрой, друзьями, съ дѣвушкой, которая впослѣдствіи стала моей женой. Все это теперь нужно было уничтожить, чтобы эти имена не фигурировали въ официальной перепискѣ по моему дѣлу. Я зналъ, по опыту, что всякое самое простое упоминаніе фамиліи—есть своего рода зараза. Имя упоминалось, значитъ человекъ „замѣшанъ“.

Когда я перечиталъ послѣднее письмо матери и поднесъ его къ свѣчкѣ, невольная слеза зашевелилась въ глазахъ. Мнѣ представился ясно этотъ новый ударъ моей матери, но это меня не остановило. Здѣсь или за стѣной—я для нея уже не существую. Листокъ загорѣлся, и мнѣ казалось, что вмѣстѣ съ послѣднимъ язычкомъ пламени исчезло все мое прошлое. Съ этихъ поръ я становился фактически чернскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Ивановымъ. Мой планъ былъ готовъ и полонъ...

Затѣмъ я вскрылъ и нѣсколько строчекъ, написанныхъ на оберткѣ удостовѣренія химическимъ способомъ. Здѣсь мой доброжелатель записалъ при помощи шифра нѣсколько

адресовъ въ разныхъ городахъ Сибири и Восточной Россіи. Это были имена лицъ, принимавшихъ участіе въ подпольной организаціи такъ называемаго „краснаго креста“, имѣвшей цѣлью способствовать побѣгамъ, въ послѣдствіи открытой правительствомъ.

Заучивъ на память два тобольскихъ и еще нѣсколько адресовъ въ другихъ городахъ Россіи, я смылъ самую надпись. Если бы эти документы даже попались въ руки тюремщиковъ, никому не пришло бы въ голову, что здѣсь были еще надписи, которыхъ совсѣмъ не видно. Потомъ я пересчиталъ бывшія со мною деньги, около сотни рублей, и привелъ все въ прежній видъ.

Послѣ повѣрки, въ тѣ четверть часа, которыя еще оставались до рогулки, я наскоро переодѣлся въ другое платье, зашѣлъ подъ пальто чекмень, въ которомъ никто не видѣлъ меня въ тюрьмѣ, спряталъ въ карманъ барашковую шапку, видя на жительство и, готовый къ выходу, сталъ ожидать грогулки.

Сердце во мнѣ теперь не билось, и думаю, что видъ у меня былъ совершенно спокойный. А, между тѣмъ, гдѣ-то глубоко, глубоко, на днѣ души лежала тяжелая горечь и озлобленіе... Что сдѣлалъ я, за что судьба вела меня этими незамѣтными, постепенными и неизбежными переходами къ этой минутѣ...

По характеру, по вѣсѣмъ склонностямъ, я, мечтатель и художникъ, склонный къ мирнымъ занятіямъ, къ рефлексіи и наблюденію,—теперь я стою у порога новой и чуждой мнѣ жизни. Это было въ третій разъ, но этотъ разъ гораздо сильнѣе, чѣмъ оба предыдущіе: судьба толкала меня на этотъ путь. Я сознавалъ ясно, что я, Владиміръ К—о, теперь начинаю умирать. Черезъ часъ—я буду или дѣйствительно мертвъ, или вмѣсто меня народится на свѣтъ мѣщанинъ Иванъ Ивановъ, существо скрытное, преслѣдуемое, обозленное, которому предстоитъ двойная, странная жизнь, полная невѣдомыхъ приключеній и тайны. И я чувствовалъ, что это ужъ буду не я. Моя судьба поведетъ меня дорогой, которая мнѣ чужда и непріятна. И куда приведетъ меня та сила, которая теперь такъ властно предписываетъ мнѣ все, что я дѣлаю съ отчетливостью повинующейся машины,—я уже не могъ ни предсказать, ни предвидѣть... Въ послѣднія минуты мой личный нерѣшительный и мягкій темпераментъ сказался опять какой-то жгучей тоской, безграничной жалостью къ себѣ самому къ своей нравственной личности, ко всему чѣмъ я жилъ до сихъ поръ, что думать, во что вѣрить, на что надѣлся. Потомъ опять лицо матери взглянуло на меня съ тоскливой мольбой... Но это было неясно и не-

долго. Я чувствовалъ, какъ кровь отливаетъ у меня отъ сердца, какъ брови мои сжимаются...

Навѣрное, лицо мое было очень блѣдно, а глаза горѣли лихорадочнымъ огнемъ... Во мнѣ поднимался протестъ противъ разнѣженности и „добрыхъ“ побужденій мягкой и слабой души. Этотъ протестующій и строгій голосъ говорилъ мнѣ, что ничто и никто не судья теперь того, что я сдѣлаю впослѣдствіи... Потому-что я буду теперь мстить... Мстить всему, что убило во мнѣ прежняго человѣка, что привело меня къ этой минутѣ, что сдѣлало изъ меня чернскаго мѣщанина Иванова. И я чувствовалъ, что мнѣ нѣтъ уже другого суда, кромѣ этого голоса...

VIII.

Замокъ тихо щелкнулъ, дверь открылась...

На порогѣ стоялъ Гавриловъ.

— А это опять ты?—сказалъ я, пораженный его появленіемъ довольно непріятно. Я представлялъ себѣ, что меня будетъ сторожить теперь это грубое животное Ивановъ, и мнѣ доставляла нѣкоторое наслажденіе мысль, что своимъ побѣгомъ я подведу именно его, что мѣщанинъ Ивановъ первыми своими шагами погубить Иванова тюремщика.

— Да, баринъ,—опять я.—Ивановъ отпросился на именины къ матери...

— Ну, все равно,—подумалъ я.—У меня тоже есть мать... Но эта мысль теперь уже меня не смягчала, а ожесточала еще больше.

— А пароходъ-то ушелъ?—сказалъ я съ горечью, какъ будто въ этомъ виноватъ именно онъ, Гавриловъ.

— Такъ точно, баринъ. Ушелъ,—сказалъ онъ сконфуженно, какъ будто и самъ признавалъ себя виновнымъ.

Онъ отвернулся и вздохнулъ.

— Ничего, Богъ милостивъ. Сказывали въ конторѣ,—будто васъ увезутъ опять съ жандармами, на тройкѣ.

Я пронизалъ его взглядомъ. Я былъ убѣжденъ, что онъ вретъ и отворачиваетъ глаза потому, что слышалъ совсѣмъ другое... Его утѣшенія подымали во мнѣ глухую злобу. — Утѣшаешь, добрый человѣкъ,—думалъ я съ горечью.—Эхъ, вы добрые люди! Нѣтъ ничего хуже русскаго добраго человѣка... Развѣ не онъ, не русскій добрый человѣкъ, виноватъ во всемъ? Развѣ онъ, жалѣючи, не сторожитъ въ тюрьмахъ всякаго, кто стремится къ свободѣ и правдѣ?.. Ну, хорошо же,—думалъ я съ ожесточеніемъ:—Сторожи-же теперь, добрый человѣкъ, покрѣпче. Не я виноватъ, если ты, по своей доб-

рогѣ, зазѣваешься. Каждому свое. Ваше дѣло смотрѣть, а наше освобождаться. Пусть каждый дѣлаетъ свое дѣло, а дѣтей, страдающихъ и плачущихъ объ отцахъ, не меньше и даже больше на нашей сторонѣ, чѣмъ на вашей... Правда, когда-то, и еще недавно, я думалъ, что этихъ добрыхъ людей надо жалѣть и щадить... Но это „недавнее“ было все-таки такъ давно. Меня уже нѣтъ... Жалѣлъ NN, а теперь будетъ мѣщанинъ Ивановъ... Очень можетъ быть, что Гавриловъ замѣтилъ мое настроеніе. Можетъ быть, если не сознание, то чувство шевельнулось въ немъ въ томъ же направленіи, въ какомъ шла теперь моя мысль, и, вынимая ключъ изъ замка, пока я выходилъ, онъ сказалъ тихо:

— А я, баринъ, скоро брошу эту службу.

Эту фразу я слышалъ второй разъ отъ своихъ тюремщиковъ. Въ первый разъ она меня очень обрадовала. Теперь только обозлила. То же самое, можетъ быть, ты, „добрый человекъ“, повторялъ Гомину, пока онъ не умеръ, и ты все-таки запираешь его аккуратно, произнося свои добрые слова и немудрыя утѣшенія...

Я ничего не отвѣтилъ, и онъ не пытался заговорить больше. Мы были опять на узенькомъ дворикѣ. Онъ сѣлъ на свой обрубокъ и даже повернулся къ стѣнѣ. Мнѣ показалось, что онъ сдѣлалъ это не случайно, что ему немного стыдно теперь слѣдить за мною.

— Ладно,—подумалъ я опять.—Ты можешь деликатничать потому, что надѣешься на замки и на высокія стѣны. Посмотримъ!

Около Гаврилова тихо ласкалась и визжала маленькая собачка...

IX.

Первый мой взглядъ былъ опять на крайнее окно. Каторжника не было видно, когда мы проходили вмѣстѣ съ Гавриловымъ. Но въ первый же разъ, какъ я пошелъ мимо одинъ, онъ опять появился, ткнулъ пальцемъ въ уголъ четырехугольнаго пустыря и нырнулъ за стѣну такъ быстро, какъ будто боялся послѣдствій. На обратномъ пути я внимательно посмотрѣлъ въ этотъ уголъ и вздрогнулъ.

Чего добивался мой искушитель или искушители,—такъ какъ теперь мнѣ было совершенно ясно, что все каторжное отдѣленіе принимало участіе въ моей судьбѣ? Было ли это участіе, или простое любопытство?.. Правда, что намъ часто приходилось встрѣчать проявленіе товарищескаго участія со стороны каторжанъ, которые видѣли, что для насъ, „политическихъ“, тюрьма готовитъ всѣ свои суровости и стѣсненія,

не представляя взаимѣнъ никакихъ облегченій, связанныхъ съ обществомъ себѣ подобныхъ и съ артельною жизнью. Однако, въ ту минуту мнѣ представилась другая сторона дѣла: такъ скучно сидѣть мѣсяцы и годы въ этомъ дворикѣ, такъ однообразно идутъ дни за днями... А тутъ побѣгъ, можетъ быть, выстрѣлъ часового на верхушку стѣны, можетъ быть, стонъ и паденіе человѣческаго тѣла, а, можетъ быть, и удача, за которую переберутъ все начальство... Это, конечно, хорошая программа для временнаго угнетенія тоскливаго и тѣснаго военно-каторжнаго дворика.

Думаю, что я былъ совершенно не правъ по отношенію къ моимъ сосѣдямъ и, если хотите, товарищамъ того времени.

Если бы я дѣйствительно убѣждалъ, слѣды несомнѣннаго содѣйствія со стороны каторжанъ должны были бы обнаружиться, и все отдѣленіе подверглось бы репрессіямъ и стѣсненіямъ. А на это несомнѣнно также не могъ бы рѣшиться ни одинъ изъ членовъ этого общества самовольно. Итакъ, это сдѣлано было, по всемъ видимостямъ, именно каторжной артелью, и каторжная артель дѣйствовала безкорыстно и даже самоотверженно.

Какъ бы то ни было, но дѣло въ томъ, что, пока я сидѣлъ въ своей конуркѣ втеченіе дня, арестанты, гулявшіе по двору, натыкали въ щели бревенчатой стѣны цейхгауза обломки желѣза, толстыя щепы, а въ одномъ мѣстѣ торчало даже сломанное долото. Все это образовало теперь вертикальную лѣстницу почти до крыши.

Невольная дрожь пробѣжала по мнѣ при видѣ этой дороги къ свободѣ или къ смерти...

Я быстро прошелъ мимо и потомъ замедлилъ шаги, чтобы еще разъ обдумать свое положеніе. Что-то говорило мнѣ, что я поступаю неразсчитливо и безумно. Кто мнѣ сказалъ, что я останусь здѣсь надолго? Одинъ только свистокъ удалявшагося парохода и мрачная камера, въ которой какъ будто бродилъ призракъ несчастнаго Фомина... И изъ-за этого я рискую своей судьбой, этимъ бѣднымъ Гавриловымъ, у котораго трое дѣтей, этимъ часовымъ, который теперь склонился головой на ружье. Наконецъ, горемъ матери, жизнь которой, я чувствовалъ это, ставится теперь на карту вмѣстѣ съ моей...

Однако, все это шевелилось гдѣ-то слишкомъ глубоко, какъ это случается часто... Теперь, когда я вспоминаю весь этотъ эпизодъ, эти соображенія меня трогаютъ и разнѣживаютъ, но въ то время я ихъ почти не сознавалъ. Какъ будто они тихо всплывали со дна души, но на поверхности сознанія появились уже значительно позже.

Я, или вѣрнѣе тотъ, другой, мѣщанинъ Ивановъ, рѣшилъ за меня, что я пройду еще три раза, а на четвертый незамѣтно скользя за стѣну. Съ этой мыслью я весело кивнулъ каторжнику и пошелъ дальше. Въ огнѣ смотрительской квартиры мелькнули очертанія дѣтской головки. Еще, быть можетъ, одна невинная жертва,—подумалъ я про себя.—Отецъ будетъ безъ мѣста, мать будетъ плакать, дѣвочкѣ придется, пожалуй, голодать и томиться... Но тотчасъ же эту мысль смѣнило безпокойство. Она увидитъ меня на крышѣ! Впрочемъ, что же пойметъ ребенокъ, а если и пойметъ, то пока она позоветъ отца, я уже буду на пустырь, за стѣной, или...

Проходя мимо солдата, я взглянулъ на уголъ крыши, прилегающій къ стѣнѣ. Здѣсь я буду виденъ ему совершенно ясно, значитъ, нужно будетъ вооружиться ловкостью для послѣдняго прыжка съ крыши на стѣну. Впрочемъ, я много занимался гимнастикой и прыгалъ очень легко и ловко...

Въ третій разъ, подойдя къ углу цейхгауза, я круто повернулъ за уголъ. Гавриловъ попрежнему сидѣлъ на своемъ обручѣ, понутивъ голову, собачки съ нимъ не было. Солдатъ охватилъ штыкъ руками и свѣсилъ голову: дремотныя сумерки нагнали на него сонъ или тихія мечты о далекой родинѣ, можетъ быть, тоже о женѣ и о дѣтяхъ.

Каторжникъ смотрѣлъ въ окно, вытянувъ шею, точно хищная птица...

Я быстро скинулъ пальто и попробовалъ первыя ступени. Все было прикрѣплено прочно. Я взялся за обломокъ дѣла, потомъ ступилъ шагъ, другой... Помню, что въ эти нѣсколько секундъ во мнѣ замерли всѣ соображенія. Я ничего не думалъ, ничего не вспоминалъ, кажется, былъ совершенно спокоенъ и видѣлъ ясно только деревянный срубъ цейхгауза, натканныя въ щели ступеньки импровизированной лѣстницы и гребень стѣны...

Х.

Не знаю, что предстояло мнѣ черезъ минуту, если бы не неожиданная случайность. Теперь мнѣ казалось уже, что тамъ, за стѣной я былъ бы почти навѣрное свободенъ. Наружнаго караула не было. Стѣна очень высока, но я прыгалъ ловко. Моимъ тюремщикамъ придется пробѣжать три двора, а въ это время я спущусь уже въ городъ и буду у людей, адресъ которыхъ помнилъ. Въ одеждѣ, въ которой никто въ тюрьмѣ меня не видѣлъ, съ паспортомъ въ карманѣ, мнѣ стоило еще остричь буйные волосы и сбрить бороду — и я

могъ бы безопасно ходить по улицамъ Tobольска... Меня не узналъ бы даже красивый полиціѣмейстеръ...

Если бы на крышѣ листъ жести загремѣлъ подъ ногой или я оборвался бы со стѣны, тогда навѣрное пуля часового уложила бы меня на мѣстѣ,—или меня прикончили бы озвѣрѣвшіе тюремщики. Случай, вѣроятно, заставилъ бы говорить о себѣ...

Побѣгъ изъ тюрьмы несомнѣнное преступленіе. Солдатъ, застрѣлившій бѣглеца, только „исполнилъ бы свой долгъ“, а преступникъ понесъ бы должное наказаніе... Этимъ наказаніемъ и была бы импровизованная смертная казнь...

Пришло ли бы тогда кому-нибудь въ голову провѣрить хоть на этотъ разъ первоначальное обвиненіе и всѣ ступени этой фатальной лѣстницы „печальныхъ недоразумѣній“, которыя привели меня, невиннаго, неосужденнаго и даже никогда ни въ чемъ не обвинявшагося — подъ пулю столь же неповиннаго солдата?..

— Мы должны согласиться,—говорилъ мнѣ въ послѣдствіи одинъ либеральный господинъ въ департаментѣ полиціи,—что первоначальная ваша ссылка была результатомъ „печальнаго недоразумѣнія“... Однимъ „недоразумѣніемъ“ больше или меньше, что за бѣда! Мой избитый трупъ похоронили бы въ деревянномъ ящикѣ, наскоро сколоченномъ тюремнымъ плотникомъ... Получилось бы въ Петербургѣ соответствующее донесеніе, которое пришили бы къ дѣлу „объ административномъ сосланномъ Н.“. Можетъ быть, тогда его п—во счелъ бы не лишнимъ перелистовать дѣло. Можетъ быть, при этомъ обнаружилось бы, что всѣ первоначальныя подозрѣнія по отношенію ко мнѣ давно пали сами собой...

Вздохнулъ ли бы, по крайней мѣрѣ, его п—во о напрасно загубленной жизни этого „по недоразумѣнію“ сосланнаго молодого человѣка, подумалъ ли бы, что рядъ тюремъ, ссылокъ, наконецъ, смерть отъ пули слишкомъ суровое наказаніе за все, что прочитано только въ сердцѣ молодого студента, да еще плохо прочитано полуграмотнымъ шпиономъ?..

XI.

Къ счастью, отъ послѣдняго вывода меня спасла маленькая собачка. Это была черная небольшая дворняжка, почти щенокъ, котораго обыкновенно приводилъ съ собою и ласкалъ Гавриловъ. Ивановъ гонялъ ее, и потому она показывалась только въ дни дежурства Гаврилова на дворикѣ каторжнаго отдѣленія. Теперь, получивъ отъ Гаврилова свою долю хлѣба и ласки, она, довольная, свернулась на кучѣ мусора, въ уголкѣ за цейхгаузомъ и мирно дремала. Помню,

что она поглядѣла на меня, когда я свернулъ за уголъ, какъ-то искоса, умными черными глазами, но ничѣмъ болѣе не выразила своихъ подозрѣній. Однако, повидимому, тюремный хлѣбъ дѣлаетъ тюремщиками даже животныхъ. Какъ только я сталъ подыматься на свою воздушную лѣстницу и повисъ на третьей или четвертой ступенькѣ, собака нашла, что это уже слишкомъ. Она внезапно, съ визгомъ, подбѣжала къ стѣнѣ, подпрыгнула и, ухватясь за полу моего казакина, повисла на ней всею своей тяжестью.

Все было, разумѣется, конечно. Я услышалъ крикъ и шаги Гаврилова. Добрый человѣкъ объяснилъ очень просто мою отлучку за уголъ, и мнѣ нужно было удержать его въ этомъ убѣжденіи. Я легко спрыгнулъ на землю, отбѣжалъ шага три и быстро надѣлъ скинутое пальто. Соскакивая, я видѣлъ въ окнѣ моего доброжелателя каторжника. Онъ безнадежно взмахнулъ руками и скрылся за стѣной...

Не знаю, догадался ли Гавриловъ о настоящей причинѣ этого эпизода. Я отошелъ отъ угла, чтобы онъ не увидѣлъ устроенной арестантами лѣстницы, и продолжалъ надѣвать пальто на ходу. Солдатъ оглядывался чутко и безпокойно. Гавриловъ хотѣлъ было пнуть собаку ногой, но она отбѣжала такъ разумно и съ такимъ видомъ своей правоты, что онъ не пошелъ за ней къ ея кучѣ мусора и только задумчиво нѣсколько разъ перевелъ свои глаза то на нее, то на меня...

— Пожалуйте въ камеру, пора,—сказалъ онъ мнѣ, наконецъ, съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ.

ХІІ.

Должно быть, арестанты успѣли на утро разобрать свои оружія незамѣтно для начальства; по крайней мѣрѣ, мнѣ не удалось узнать о послѣдствіяхъ этого эпизода для каторжнаго отдѣленія.

А вскорѣ дверь моя отворилась какъ разъ передъ прогулкой, но вмѣсто прогулки Гавриловъ пригласилъ меня собрать вещи.

— Слава-те Господи, на волю!—сказалъ онъ съ искренней радостью.

Воля для меня представилась въ видѣ двухъ бравыхъ жандармовъ, которые ждали въ конторѣ. Принимая меня изъ тюрьмы, они не были слишкомъ строги при обыскѣ моихъ вещей...

Въ послѣднюю минуту прискакалъ красивый полиціймейстеръ. Онъ опять радушно попрощался со мной и лукаво погрозилъ пальцемъ.

— Скажите, пожалуйста, — спросилъ я, обращаясь къ нему и къ смотрителю. — На какомъ основаніи вы держали меня въ военно-каторжномъ отдѣленіи?

Каменное лицо смотрителя осталось неподвижно, но полиціймейстеръ захохоталъ, закинувъ назадъ свою голову въ папахѣ.

— А что? — спросилъ онъ. — Вы находите, что видъ оттуда не обширный?

— Помилуйте, даже окно забрано досками...

— Такъ лучше, г. К., меньше видно. Мы не любимъ, когда объ насъ пишутъ, — прибавилъ онъ, многозначительно улыбаясь и пожимая мнѣ на прощаніе руку.

Я тоже невольно засмѣялся и вздохнулъ полной грудью, когда за мной щелкнули замки тяжелыхъ воротъ. У воротъ стояла тройка бойкихъ сибирскихъ лошадей. Одинъ жандармъ устроился уже въ сидѣніи, другой, по правиламъ, дожидался, пока я сяду въ середину. Ласковая, хотя и свѣжая августовская ночь приняла насъ вскорѣ въ свои владѣнія.

Мы мчались быстро и безъ остановки. Я не спалъ, любясь то степью, то темнымъ лѣсомъ, то туманомъ надъ какой-нибудь рѣчкой, то ночнымъ перевозомъ съ заспанными фигурами перевозчиковъ, чуть видными въ темнотѣ, то тихимъ позвякиваніемъ колокольчика, которое дрожало надъ сонной рѣчкой и оставалось въ бору противоположнаго берега.

Все это — и ночь, и дали, и горы, и звѣзды, и туманы — казалось мнѣ исполненнымъ невиданной прелести... Я чувствовалъ себя точно вновь родившимся, и, дѣйствительно, я опять былъ — я, имярекъ, хотя на мнѣ былъ все тотъ же казакъ чернскаго мѣщанина Ивана Иванова.

Но черскій мѣщанинъ Иванъ Ивановъ мирно покоился у меня за спиной, все въ томъ же потайномъ карманѣ.

Вдобавокъ, жандармы сообщили мнѣ „по довѣрію“, что мой предшественникъ Гоминъ живъ и переведенъ въ Карійскъ. Это настоящая каторга, но все же не смерть въ одинокѣ...

Я мчался тоже въ далекую ссылку, но что за дѣло!.. Я былъ слонъ жизни и надеждъ, неясныхъ, какъ эти дали, искрившіяся въ золотистыхъ туманахъ лунной ночи...

Вл. Короленко.

Изъ прошлыхъ лѣтъ ¹⁾.

(Воспоминанія о Н. Ф. Анненскомъ).

Статистическія работы въ Казанской губерніи, начатыя мнѣ при неблагопріятныхъ условіяхъ, велись все время среди разныхъ стѣсненій и непріятностей. Послѣ нашего возвращенія изъ Свияжска въ Казань, мужъ получилъ право разъѣзжать по губерніи и принимать личное участіе въ мѣстныхъ изслѣдованіяхъ, но администрація очень косо смотрѣла на эти работы. Официально полиціи предписывалось оказывать содѣйствіе и статистикамъ, а неофициально приказывалось строго слѣдить за этими незвѣстными людьми, рыскающими по губерніи. Всѣ служащіе въ бюро назначались не иначе, какъ съ разрѣшенія губернатора. Это разрѣшеніе приходило, обыкновенно, очень не скоро, задерживалось часто на нѣсколько недѣль, а иногда и совсѣмъ не могло состояться, если данное лицо заподозрѣвалось въ недостаткѣ благонадежности. Такія задержки, понятно, сильно замедляли ходъ работъ. Среди мѣстнаго населенія было много инородцевъ, изъ которыхъ одни плохо понимали и почти не говорили по-русски, а другіе (преимущественно татары) враждебно относились къ изслѣдованію и подозрѣвали, что подъ нимъ скрывается намѣреніе посягнуть на ихъ вѣру. Много надо было и такта, и терпѣнія, чтобы однимъ втолковать, что именно отъ нихъ требуется, другихъ успокоить, внушить имъ довѣріе. Но самое непріятное было то, что и большинство казанскихъ земцовъ рѣшилось, только скрѣпя сердце, завести у себя статистику и все время относилось къ ней недружелюбно и опасливо. Очень немногіе понимали цѣль и значеніе статистическихъ работъ, сознавали трудность правильного веденія ихъ. Остальные хотѣли только двухъ вещей: чтобы онѣ стоили какъ можно дешевле и производились какъ можно быстрее.

На экстренномъ губернскомъ земскомъ собраніи въ февралѣ 1885 г. рѣшено было организовать при губернской управѣ постоянное статистическое бюро, при чемъ на содержаніе его ассигновано было всего 2.500 р. въ годъ и на описаніе каждаго уѣзда по 2.500 р.

¹⁾ См. „Русское Богатство“ 1913 г. №№ 1 и 2.

При этомъ поставлено было условіемъ, что описаніе всѣхъ уѣздовъ будетъ окончено въ 1888 г. Мужъ довольно легкомысленно согласился на эти условія. Онъ отчасти не предвидѣлъ всѣхъ трудностей предстоявшей задачи, отчасти надѣялся, что земство, освоившись со статистикой, убѣдившись, что она не только не приноситъ никакого вреда, но можетъ при случаѣ даже принести практическую пользу, не станетъ особенно настаивать на срокѣ окончанія работъ. Надежды его не оправдались. Съ перваго же года ему пришлось выслушивать упреки и управы, и земскаго собранія за то, что работы подвигаются слишкомъ медленно, а когда онъ сослался на слишкомъ небольшое число персонала и на необходимость нѣсколько расширить программу, для того, чтобы работа достигала своей цѣли, ему довольно недвусмысленно дали понять, что это пустая увертка, что земство не въ состояніи тратить на статистику болѣе того, что ассигновало. Положеніе создалось очень тяжелое. Въ теченіе 1885-86 гг. было обследовано всего только 4 уѣзда. На губернскомъ земскомъ собраніи былъ избранъ новый предсѣдатель управы, и онъ съ самаго начала взялъ такой тонъ, который мужъ не могъ вынести. Между ними произошелъ крупный разговоръ, и мужъ объявилъ ему, что отказывается отъ завѣдыванія статистическимъ бюро. Узнавъ объ этомъ, всѣ члены бюро тоже подали въ отставку, не смотря на то, что мужъ очень убѣждалъ ихъ не дѣлать этого. Чтобы не ставить управу въ затруднительное положеніе, они согласились только закончить нѣкоторыя начатыя ими работы, при чемъ назначили сдѣльную, очень низкую плату.

Неожиданный отказъ мужа отъ службы въ казанской земской управѣ создалъ для насъ очень затруднительное матеріальное положеніе. Сбереженій у насъ, конечно, никакихъ не было; того скромнаго вознагражденія, какое получалъ завѣдующій статистическимъ бюро, едва хватало на жизнь. Чтобы снова перейти на литературную работу, необходимо было имѣть обезпеченное существованіе хоть на мѣсяць, на два. Кромѣ того, и переходъ этотъ при жизни въ Казани представлялъ значительныя неудобства: сотрудничество въ мѣстныхъ газетахъ не привлекало мужа; оба журнала, въ которыхъ онъ писалъ раньше („Отечественныя Записки“ и „Дѣло“), были закрыты; ему надобно было завязывать сношенія съ редакціями какихъ-нибудь другихъ органовъ, сношенія не иначе какъ письменныя, такъ какъ пріѣздъ въ Петербургъ и въ Москву все еще былъ запрещенъ ему, а, между тѣмъ, письма изъ Казани въ Петербургъ шли дня четыре, пять. Необходимо было переѣхать поближе къ столицамъ, и мы надумали поселиться на полпути между ними, въ Твери. Наше намѣреніе очень встревожило казанскихъ родныхъ. Они непременно хотѣли удержать насъ въ Казани, такъ или иначе устроить намъ жизнь въ этомъ городѣ. И вотъ черезъ нѣсколько дней по выходѣ Николая изъ управы къ намъ пришла сестра его и предложила ему неожиданный вопросъ: не согласится

ли онъ занять должность нотаріуса? Одинъ изъ нотаріусовъ Казани по старости и болѣзни выходилъ въ отставку, и, если Николай заявитъ свою кандидатуру, онъ почти навѣрное получитъ его мѣсто.

Это была совершенно непредвидѣнная комбинація. До тѣхъ поръ не только я, но даже и мужъ имѣлъ очень смутное понятіе о роли и дѣятельности нотаріуса. Сестра наслала на него нѣсколько человекъ своихъ знакомыхъ и пріятельницъ, которые должны были просвѣтить его въ этомъ отношеніи и представить ему всю соблазнительную сторону предпріятія. По ихъ словамъ, нотаріусу, чтобы добросовѣстно исполнять свои обязанности, достаточно весьма небольшихъ специальныхъ знаній и самой элементарной честности. Ни къ какимъ заманиваніямъ кліентовъ, ни къ какимъ вымогательствамъ денегъ прибѣгать не приходится. Кліенты нуждаются въ нотаріусѣ и сами пойдутъ къ нему, а платятъ они по опредѣленной таксѣ: никакого торгашества тутъ быть не можетъ.

— Нотаріусъ человекъ вѣсѣмъ нужный и вѣсѣмъ уважаемый, — говорилъ одинъ солидный господинъ, — вы сразу займете видное положеніе въ обществѣ.

— И будете вполнѣ обеспечены, — прибавила жена его, — вонъ Александръ Павловичъ (уходившій нотаріусъ) началъ совершеннымъ бѣднякомъ, залогъ долженъ былъ добывать въ долгъ, а теперь у него свой хорошій домъ, экипажи, лошади; за дочерью далъ приличное приданое, сыновей воспитывалъ въ Петербургѣ.

— Николай Федоровичъ такой любезный, такой обходительный, у него навѣрно будетъ масса кліентовъ! — пѣла одна старая кузина.

— Если ты будешь нотаріусомъ, — соблазняла сестра, — тебѣ не трудно будетъ получить право пріѣзжать и въ Петербургъ, и въ Москву; на нотаріуса вѣдь не такъ смотрятъ, какъ на какого-нибудь статистика: полиція не станетъ дѣлать тебѣ никакихъ неприятностей.

— А что, не попробовать ли въ самомъ дѣлѣ? — спросилъ у меня Николай неувѣреннымъ тономъ.

— Попробуй, пожалуй! — отвѣчала я, тоже безъ всякаго увлеченія.

Больше мы объ этомъ дѣлѣ не переговаривались, каждый обсуждалъ его про себя и почему-то избѣгалъ дѣлиться своими мыслями съ другимъ. Николай казался озабоченнымъ. Онъ купилъ тоненькую книжку, по которой долженъ былъ готовиться къ экзамену, требуемому для полученія мѣста нотаріуса. Но я замѣчала, что онъ рѣдко открываетъ ее, и день ото дня откладываетъ тѣ визиты, которые ему нужно было сдѣлать въ связи съ этимъ предпріятіемъ.

— Посмотри, — говорилъ онъ мнѣ, указывая на господъ въ дорожныхъ шубахъ, прогуливавшихся по главнымъ улицамъ города
 июль. Отдѣлъ I.

пѣшкомъ или въ нарядныхъ экипажахъ, — вѣдь это все будущіе кліенты. Съ кого возьмемъ 10, съ кого 20, а съ кого и 50 р.—и онъ смѣялся, но этотъ смѣхъ звучалъ не такъ весело, какъ обыкновенно.

Мои размышленія по поводу предстоявшей намъ переменѣ тоже не были очень пріятны. Сдѣлаться „дамой казанскаго общества“, измѣнить свой образъ жизни, заводить новыя знакомства, устраивать у себя пріемы и самой бывать у людей мало мнѣ симпатичныхъ,—все это была далеко не утѣшительная перспектива...

Такъ прошло дней десять. Сестра торопила Николая: одна ея пріятельница пріѣзжала къ нему просить, чтобы онъ взялъ у нея деньги, которыя ему слѣдовало внести какъ залогъ.

Разъ утромъ я проснулась раньше обыкновеннаго. Слышу Николая уже всталъ и расхаживаетъ взадъ и впередъ по сосѣдней комнатѣ. Я быстро накинула блузу и вышла къ нему.

— Знаешь,—сказала я, взявъ его за руку,—мнѣ кажется, на насъ нашло какое-то навожденіе.

Онъ взглянулъ на меня съ недоумѣніемъ.

— Это ты про нотариуса? — спросилъ онъ нетвердымъ голосомъ.

— Да, ты только подумай,—продолжала я,—дожили мы до сѣдыхъ волосъ, никогда не заботились о деньгахъ, а теперь собираемся ломать свою жизнь и для чего? Чтобы наживать побольше денегъ!

— Ты говоришь, дожили до сѣдыхъ волосъ,—возразилъ мужъ,—въ томъ то и дѣло, что намъ пора подумать о старости. Чѣмъ мы тогда будемъ жить?

Эта благоразумная предусмотрительность такъ не вязалась съ характеромъ Николая, что я не могла не разсмѣяться.

— И потомъ,—продолжалъ онъ,—вѣдь мы не одни: у насъ на рукахъ дѣвочка, должны же мы и о ней позаботиться.

— Полно! Ужъ не приданое ли хочешь ты для нея копить? Ей гораздо полезнѣе, если она вырастетъ съ мыслью, что должна трудиться, чѣмъ если она сдѣлается богатой барышней.

По мѣрѣ того, какъ я говорила, лицо мужа прояснилось.

— Такъ, значитъ, по-твоему... наплевать?...—спросилъ онъ.

— По моему наплевать! И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

По тому, какъ быстро вернулась къ Николаю его обычная беззаботная веселость, я поняла, насколько тяготила его предстоящая переменѣ жизни.

Въ тотъ же часъ, не сходя съ мѣста, мы рѣшили, что кое-какъ пробьемся въ Казани до первыхъ пароходовъ, а затѣмъ, никого не слушая, переселимся или въ Тверь, или въ Выборгъ, куда-нибудь поближе къ столицамъ, и будемъ жить литературною работою. Кстати, онъ уже началъ съ В. А. Гольцевымъ переписку по поводу

ряда статей для „Русской Мысли“ и получилъ отъ него благопріятный отвѣтъ.

Нашему намѣренію не суждено было осуществиться. Черезъ нѣсколько дней къ мужу пришло отъ предсѣдателя нижегородской земской управы А. В. Баженова приглашеніе пріѣхать въ Нижній-Новгородъ для переговоровъ по поводу открытія статистическихъ работъ въ губерніи. Незадолго до этого геологъ Докучаевъ производилъ обследованіе почвы Нижегородской губерніи, и земская управа находила, что было бы полезно приурочить къ этому обследованію описаніе и экономическаго положенія населенія.

Николай это приглашеніе очень обрадовало. Не смотря на всѣ непріятности, которыя ему доставила статистика въ Казани, онъ полюбилъ это дѣло, ему очень хотѣлось вернуться къ нему, хотѣлось и загладить свою неудачу въ Казани. Эта неудача огорчала и волновала его больше, чѣмъ онъ показывалъ; ему нужно было реабилитировать себя и въ собственныхъ глазахъ, и въ глазахъ тѣхъ, кто не зналъ сущности дѣла и не считалъ его вполне безупречнымъ. На этотъ разъ у него не было ни колебаній, ни сомнѣній. Онъ не оттягивалъ дѣло, а выѣхалъ чуть ли не на другой же день послѣ полученія письма, хотя зима кончалась, всѣ говорили, что дороги очень испортились, и ему придется ѣхать обратно въ полную ростепель.

Можно себѣ представить, съ какой тревогой, съ какимъ нетерпѣніемъ ждала я его возвращенія! Онъ пробылъ въ отсутствіи дней десять и вернулся усталый послѣ отвратительной дороги, но вполне довольный. Въ матеріальномъ отношеніи предложеніе, сдѣланное ему Нижегородской управой, было далеко не блестяще, но оно все-таки давало намъ возможность жить безбѣдно, не заботясь о хлѣбѣ насущномъ; да и вообще это было второстепенное. Главное, о чемъ Николай рассказывалъ съ большимъ одушевленіемъ, было то, что дѣло статистическаго изслѣдованія ставилось въ Нижегородской губерніи на широкую ногу. Выработка подробнаго плана и все веденіе дѣла вполне предоставлялись ему, какъ заведующему статистическимъ бюро. Предсѣдатель управы былъ очень симпатичный человѣкъ, и Николай не сомнѣвался, что съ нимъ никогда не можетъ выйти тѣхъ столкновеній, которыя такъ тяжело дѣйствовали на него въ Казани.

Кромѣ этого было еще одно обстоятельство, которое влекло насъ въ Нижній-Новгородъ. Въ зиму 1884-85 года мы снова увидались съ однимъ изъ нашихъ вышневолоцкихъ знакомыхъ. Возвращаясь изъ Якутской области, гдѣ онъ прожилъ въ ссылкѣ 3 года, Владиміръ Галактіоновичъ Короленко заѣхалъ къ намъ въ Казань. Кудравый юноша съ лучистыми глазами, который былъ такъ симпатиченъ намъ въ Волоцкѣ, оказался твердымъ, мужественнымъ человѣкомъ, который умѣлъ не только отстаивать свои убѣжденія

не отступая ни передъ чѣмъ, но и говорить объ этомъ просто, безъ малѣйшей рисовки, какъ о чемъ-то обыденномъ. Онъ разсказывалъ намъ нѣкоторые эпизоды своей жизни въ той негостепріимной ледяной странѣ, куда его забросила судьба, мы ужасались невѣроятнымъ условіямъ этой жизни, а онъ отвѣчалъ намъ бодрымъ, молодымъ смѣхомъ.

Въ тотъ же пріѣздъ онъ прочелъ намъ свой „Сонъ Макара“.

Мы были изумлены, очарованы: ни минуты не сомнѣвались мы въ томъ, что передъ нами настоящій художникъ, настоящій первоклассный писатель...

Послѣ того наши сношенія съ В. Г. Короленко не прерывались, между нимъ и мужемъ шла постоянная переписка. Онъ сообщилъ, что поселяется въ Нижнемъ-Новгородѣ со всей своей семьей: матерью, братомъ и семьей замужней сестры; нѣсколько мѣсяцевъ спустя писалъ, что женится на дѣвушкѣ, которую любилъ еще досылки, потому, что у него родилась дочь.

Пріѣхавъ въ Нижний, мужъ, конечно, прежде всего увидѣлся съ нимъ и встрѣтилъ въ его семьѣ самый горячій пріемъ.

Такимъ образомъ, переселяясь въ Нижний, мы чувствовали, что ѣдемъ не совсѣмъ въ чужой, незнакомый городъ, что мы найдемъ тамъ друзей.

Николай немедленно принялся за составленіе общаго плана работы и съ однимъ изъ первыхъ пароходовъ уѣхалъ въ Нижний. Почти всѣ главные члены Казанскаго бюро послѣдовали за нимъ, и къ началу лѣта у нихъ закипѣла работа. Дѣло организовалось такъ же, какъ въ Казани: работающіе были раздѣлены на отряды, каждый долженъ былъ обследовать извѣстный районъ, и въ помощь постояннымъ статистикамъ были приглашены такъ называемые „подворщики“,—молодые люди по большей части изъ студентовъ казанскаго или московскаго университета,—которые должны были подъ руководствомъ старшихъ и по строго опредѣленной программѣ собирать свѣдѣнія о семейномъ составѣ и хозяйственномъ положеніи каждаго отдѣльнаго „двора“. Нижегородская администрація, во главѣ которой стоялъ „либеральный“ губернаторъ Н. М. Барановъ, не ставила никакихъ прямыхъ затрудненій изслѣдованію, хотя безъ нѣкоторыхъ непріятностей дѣло все-таки не обошлось. Здѣсь, такъ же, какъ въ Казани, никто не допускался до работы по статистикѣ безъ утвержденія губернатора, и это утвержденіе такъ же, какъ тамъ, заставляло себя долго ждать, а иногда и совсѣмъ не получалось; нижегородская полиція такъ же, какъ казанская, должна была играть двойную роль по отношенію къ статистикѣ: съ одной стороны „содѣйствовать“, съ другой „зорко слѣдить“.

Теперь ничто не мѣшало разѣздамъ мужа по губерніи, и онъ

сразу же принялъ личное участіе въ обследованіи. Сначала онъ думалъ ограничиться общимъ надзоромъ за ходомъ работъ, но скоро оказалось, что этого мало. Въ одномъ пунктѣ утверждѣніе подворщика замедлилось; въ другомъ человѣкъ, на котораго онъ рассчитывалъ, какъ на серьезнаго и дѣльнаго работника, былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ замѣшанъ въ какую-то университетскую исторію, и администрація не нашла возможнымъ утвердить его. Мужу приходилось или брать на себя ихъ долю работы, или перетасовывать другихъ работниковъ; и отъ того, и отъ другого дѣло, конечно, задерживалось.

Обследование помѣщичьихъ хозяйствъ онъ взялъ почти исключительно на себя, а это, по мнѣнію статистиковъ, было едва ли не самую трудную часть работы. Какъ это ни странно, но многіе помѣщики понимали значеніе статистическихъ изслѣдованій не лучше крестьянъ. Нѣкоторые прямо-таки обижались, что какіе-то неизвестные люди спрашиваютъ у нихъ о разныхъ подробностяхъ ихъ хозяйства; другіе самымъ искреннимъ образомъ не могли дать требуемыхъ свѣдѣній; третьи, наконецъ, прежде чѣмъ отвѣчать на вопросы, силились разузнать, что выгоды,—представлять свое хозяйство въ блестящемъ или въ жалкомъ видѣ.

„Обѣздъ помѣщиковъ еще не дѣлалъ, некогда,—писалъ мнѣ мужъ изъ уѣзда отъ 13 іюня—сегодня только мы съ Сибирцевымъ (молодой геологъ, принимавшій участіе въ работахъ статистиковъ) занесли визитъ здѣшнему предводителю дворянства. Завтракали и обѣдали тамъ, пили и ѣли, наслушались разныхъ оховъ да вздоховъ на тяжелыя времена, рассматривали какіе-то старинныя портреты и камни (изъ породы швырхштейновъ), пять часовъ несли крестъ и рѣшили, что это тяжело, чѣмъ продѣлать изслѣдованіе въ двухъ деревняхъ. Но что дѣлать! Предстоитъ и еще нѣсколько такихъ же визитовъ!“

Главною своей задачей, особенно въ первый годъ, мужъ все-таки считалъ наблюденіе за общимъ ходомъ всей работы. Онъ переѣзжалъ отъ одного отряда къ другому, однимъ помогалъ или дѣломъ или совѣтомъ, другимъ разъяснялъ затруднявшіе ихъ пункты программы, третьихъ, наконецъ,—мирилъ. Тяжелыя условія труда въ жаркую погоду, въ тѣсныхъ, душныхъ избахъ, при отсутствіи порядочнаго питанія, при необходимости сохранять неизмѣнное спокойствіе и самообладаніе съ крестьянами, которые часто подвергали терпѣніе сильнымъ испытаніямъ,—все это влияло на первы работающихъ, дѣлало ихъ раздражительными, слишкомъ требовательными къ товарищамъ. Серьезныхъ ссоръ ни у кого не выходило, а мелкія несогласія мужъ какъ-то всегда умѣлъ уладить и устранить, то шутливыми, то серьезными замѣчаніями.

Въ концѣ лѣта я съ племянницей и со всѣмъ нашимъ скарбомъ переѣхала изъ Казани въ Нижній, чтобы устроиться тамъ на по-

стоянное житье. Нижній съ перваго раза произвелъ на насъ пріятное впечатлѣніе. Въ то время въ немъ было много домовъ, окруженныхъ садиками, а иногда и довольно большими садами, и это придавало улицамъ веселый видъ. Волга, которую мы совсѣмъ не замѣчали въ Казани, здѣсь играла большую роль въ жизни жителей. Любимое общественное гулянье нижегородцевъ, знаменитый „Откосъ“, возвышался нѣсколькими террасами надъ рѣкой, и съ него открывался чудный видъ на Волгу и на противоположный ея берегъ. Большіе волжскіе пароходы почевали на пристаняхъ города, на нихъ собирались компаніи знакомыхъ и устраивали или шумные ужины, или скромныя чаепитія. Всякій юноша, всякая дѣвушка, кончавшіе курсъ въ среднеучебномъ заведеніи, считали долгомъ отпраздновать конецъ выпускныхъ экзаменовъ большимъ катаньемъ въ лодкахъ по Волгѣ или Окѣ.

Въ Нижнемъ Новгородѣ мы познакомились съ настоящимъ провинціальною жизнью и вошли въ нее. Въ Казани у насъ было мало знакомыхъ семейныхъ домовъ, и наши тамошнія знакомства больше носили характеръ петербургскихъ. Мы ходили „въ гости“, у себя принимали „гостей“, вели съ ними разговоры объ общественныхъ или о литературныхъ вопросахъ, но мало интересовались личною жизнью нашихъ собесѣдниковъ, иногда даже не знали ихъ семейнаго положенія. Въ Нижнемъ это оказалось невозможнымъ. Мы сразу по пріѣздѣ попали въ кружокъ, группировавшійся около В. Г. Короленко и его семьи. Къ этому времени Владиміръ Галактіоновичъ уже завоевалъ себѣ почетное мѣсто въ литературѣ и пріобрѣлъ не мало поклонниковъ и поклонницъ въ обществѣ. Тѣ, кому нравились его рассказы, стремились поближе познакомиться съ нимъ, начинающіе писатели и люди, только еще мечтавшіе сдѣлаться писателями, приходили къ нему за совѣтами и указаніями. Съ другой стороны всѣ, кто зналъ его біографію, кто уважалъ его убѣжденія и непреклонность, съ какою онъ проводилъ эти убѣжденія въ жизнь, искали въ немъ или поддержки своимъ мнѣніямъ или разрѣшенія мучившихъ ихъ вопросовъ совѣсти.

Провинціальную жизнь часто упрекаютъ въ мелочности интересовъ, въ слишкомъ большомъ вниманіи къ личнымъ дѣламъ. Это справедливо: общеполитическіе, государственные вопросы менѣе занимаютъ провинціаловъ, чѣмъ вопросы, касающіеся жизни какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и болѣе или менѣе широкихъ слоевъ мѣстнаго населенія. И для нихъ это не просто теоретическія разсужденія, о которыхъ пріятно потолковать съ пріятелемъ: они дѣйствительно близки ихъ сердцу, они сплетаются съ ихъ собственною жизнью. Исторія, рассказанная Андреевымъ въ его „Большомъ шлемѣ“, могла случиться только въ столицѣ. Въ провинціи игроки непременно знали бы всѣ обстоятельства жизни своего партнера, и съ кѣмъ онъ живетъ, и кто его родственники, и

какой докторъ его лечить, и т. под. Такое знаніе, въ большинствѣ случаевъ, порождаетъ сплетни, пересуды, но оно же является источникомъ горячаго, участливаго отношенія къ окружающимъ. И эту участливостью отличалась въ высшей степени женская половина семьи В. Г. Короленка, въ особенности мать его. У нихъ, вѣроятно, такъ же часто, какъ у другихъ обывателей, велись разговоры о томъ, что у А. постоянные нелады между мужемъ и женою, что Б. пропиваетъ половину своего жалованья, что В. разоряетъ семью непомѣрнымъ мотовствомъ,—но въ этихъ разговорахъ никогда не было злорадства или презрительнаго подсмѣиванья. Нерѣдко случалось, что объекты такихъ пересудовъ сами приходили къ нимъ, рассказывали имъ свои невзгоды, обсуждали вмѣстѣ съ ними свои дѣла, просили совѣта, ждали утѣшенія. И никто не напалкивался на холодное равнодушіе, всякій уходилъ изъ этихъ скромно, почти бѣдно обставленныхъ комнатъ, согрѣтый ласковымъ словомъ участія...

Настъ, какъ друзей Короленка, весь кружокъ его принялъ самымъ радушнымъ образомъ. Черезъ нѣсколько дней мы уже вполнѣ освоились съ нимъ и знали всю подноготную его членовъ. Изъ какихъ только разнородныхъ элементовъ онъ не состоялъ! Тутъ были представители самыхъ разнородныхъ профессій: начинающіе писатели, доктора, адвокаты, земскіе дѣятели, служащіе въ земской и въ городской управѣ, лица, высланные въ Нижній за какую-нибудь провинность, и лица, возвращавшіяся изъ ссылки и почему-нибудь застрявшія въ Нижнемъ, наконецъ, просто обыватели, которымъ было пріятно часокъ-другой провести среди интеллигентныхъ людей, послушать умныхъ разговоровъ. А. С. Гаписскій, этотъ ветеранъ областной, провинціальной литературы, Н. Э. Петропавловскій (Каронинъ), разбитый жизнью, но сохранившій наивную, хрустально-чистую душу, молодой, задорный, но талантливый публицистъ А. И. Богдановичъ, осмотрительный, беззаветно преданный земскому дѣлу А. А. Савельевъ, молчаливый, нѣсколько мрачный докторъ Позернъ, неудержимый, вѣчно увлекающійся присяжный повѣренный Н. Н. Фрелихъ и проч., и проч.,—цѣлая вереница лицъ невольно выступаетъ въ памяти...

Ни о какой партійности въ то время еще не было рѣчи; честность въ широкомъ смыслѣ этого слова и гуманное отношеніе къ окружающимъ были единственными условіями для вступленія въ кружокъ.

Всѣхъ принимали одинаково привѣтливо и одинаково просто: и павловскаго кустаря, и предсѣдателя управы или богатаго землевладѣльца. И всякій чувствовалъ себя непринужденно, всякій свободно говорилъ о своихъ дѣлахъ, и никто не уклонялся отъ обсуждения этихъ дѣлъ другими. Вслѣдствіе этого никогда не было недостатка въ интересныхъ темахъ для оживленныхъ разговоровъ, и обыкновенно бесѣда, начавшаяся съ частнаго случая, незамѣтно

переходила на обсужденіе вопроса съ болѣе общей точки зрѣнія, на освѣщеніе цѣлаго угла мѣстной жизни.

Благодаря своимъ разнообразнымъ теоретическимъ знаніямъ, Николай вносилъ въ эти разговоры нѣкоторую струю научности, но онъ обыкновенно преподносилъ свою науку такъ просто и непритязательно, приправлялъ ее такими остроумными сопоставленіями, что она никого не смущала, никому не казалась назойливой.

Въ то время въ Нижнемъ издавалась одна маленькая и въ высшей степени нелѣпая газета, редакторъ которой особенно любилъ уснащать свои безсодержательныя, полуграмотныя статейки текстами изъ св. Писанія. Ни отражать, ни освѣщать мѣстную жизнь эта газета не могла, да и не пыталась. А, между тѣмъ, самое поверхностное знакомство съ городомъ и губерніей уже показывало, что многое въ нихъ нуждалось въ свѣтѣ гласности. Администрація не разрѣшала открыть въ Нижнемъ вторую газету, находя это лишнею роскошью; корреспонденцій изъ Нижняго также почти не появлялось ни въ столичныхъ, ни въ другихъ провинціальныхъ газетахъ, пока въ городѣ не поселился Короленко. То были годы его наиболѣе усиленной беллетристической дѣятельности, но, не смотря на это, онъ не могъ проходить молчаніемъ тѣ факты мѣстной жизни, которые требовали общественнаго вниманія. Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ и въ разныхъ приволжскихъ газетахъ стали то и дѣло появляться разныя статейки изъ Нижняго: то интересный процессъ, то чѣмъ-нибудь замѣчательное засѣданіе земскаго собранія или городской думы, то какое-нибудь рѣзкое проявленіе самоуправства или посягательства на чужую собственность. Большинство обывателей смотрѣли съ тревогой на это новшество, и тревога еще усилилась, когда въ Нижнемъ открылось отдѣленіе казанскаго „Волжскаго Вѣстника“. Цѣль этого „отдѣленія“ состояла въ томъ, чтобы отчасти восполнить недостатокъ мѣстной газеты. Во главѣ его стоялъ только что вернувшійся изъ ссылки въ Сибирь А. И. Ивацкинъ-Писаревъ, но душою и главнымъ сотрудникомъ его былъ Короленко. Въ немъ онъ, между прочимъ, велъ шумѣвшую въ то время кампанію противъ Нижегородскаго дворянскаго банка. О неправильныхъ дѣйствіяхъ заправиль этого банка всѣ говорили шопотомъ, но никто не рѣшался выступить съ гласнымъ обличеніемъ ихъ. Около Короленка сгруппировался небольшой кружокъ корреспондентовъ, во главѣ съ А. И. Богдановичемъ, и они дружно повели атаку. Мужъ не принималъ прямого участія въ газетѣ, но онъ былъ консультантомъ Владиміра Галактіоновича по всѣмъ тѣмъ статьямъ, которыя требовали разныхъ вычисленій и операцій надъ цифровымъ матеріаломъ.

Въ общемъ нельзя не признать, что нашъ кружокъ оказывалъ довольно серьезное вліяніе на жизнь нижегородскаго общества, но изъ этого вовсе не слѣдовало, что всѣ, и особенно главные члены

его, держали себя, какъ люди очень серьезные, сознающіе ту роль, какая выпала имъ на долю. Когда мы переселились въ Нижний, Николаю шель уже 45-ый годъ, но, не смотря на такой почтенный возрастъ и на сѣдину, сильно пробивавшуюся въ волосахъ, онъ сохранилъ всю свою юношескую веселость, живость и подвижность. Владиміръ Галактіоновичъ былъ на 10 лѣтъ моложе его; вынесенныя испытанія нисколько не повліяли на его крѣпкій организмъ; это былъ человѣкъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ и здоровья. Ему необходимо было движеніе, физическія упражненія. Онъ кололъ дрова, чистилъ дворъ и продѣлывалъ такіа акробатическія штуки на гимнастическихъ аппаратахъ, что однажды привелъ въ полное изумленіе и, кажется, даже негодованіе одного франтоватаго петербургскаго литератора, явившагося къ нему съ визитомъ. Въ саду его устроенъ былъ кегельбанъ, и съ ранней весны до поздней осени вокругъ него собиралась компанія игроковъ. Ихъ смѣхъ и громкіе голоса разносились далеко по улицѣ, и среди этихъ голосовъ звонко раздавался голосъ автора „Сна Макара“ и „Слѣпого музыканта“.

Иногда случалось, что Николаю вдругъ приходило въ голову „дурить“. Въ этомъ онъ всегда находилъ поддержку и помощницу въ младшей сестрѣ Владиміра Галактіоновича, въ то время еще совсѣмъ молодой и очень остроумной женщинѣ. Конца не было ихъ шуткамъ и смѣхотворнымъ выдумкамъ. Когда мы были одни, въ тѣсномъ кругу самыхъ близкихъ знакомыхъ, мы хохотали до упада, но если въ это время случайно появлялся какой-нибудь посторонній посѣтитель, особенно какой-нибудь чопорный пріѣзжій, мы, болѣе солидные члены компаніи, всячески старались остановить ихъ, но всѣ наши усилія были напрасны.

— Ничего, — утѣшали они насъ, когда гость уходилъ, — пусть говорятъ, что извѣстный писатель Короленко живетъ въ компаніи едіотовъ; тѣмъ больше для него чести.

Общество симпатичныхъ людей не отвлекало мужа отъ его основной работы, отъ статистики. Лѣтомъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ мѣстныхъ изслѣдованіяхъ, зимой просиживалъ дни, а иногда даже ночи за обработкой данныхъ этихъ изслѣдованій. Тѣхъ сотрудниковъ, которые пріѣхали съ нами изъ Казани, было недостаточно для выполнения широкой программы, намѣченной для работы въ Нижегородской губерніи. Зимой 1887-1888 гг. въ Москвѣ состоялся сѣздъ статистиковъ. На этомъ сѣздѣ мужъ познакомился съ „отцомъ“ земской статистики, В. И. Орловымъ, и съ профессоромъ Петровско-Разумовскаго института А. Ф. Фортунатовымъ и по ихъ рекомендаціи пригласилъ нѣсколько молодыхъ людей для работы въ Нижнемъ.

Въ 1889 году статистическое бюро сорганизовалось въ пол-

номъ составѣ. Всего въ немъ работало, кромѣ мужа, 12-14 постоянныхъ статистиковъ; лѣтомъ къ нимъ присоединялось нѣсколько „подворщиковъ“, а зимой нѣсколько „счетчиковъ“, которые не производили самостоятельныхъ работъ, а только помогали при подсчетѣ данныхъ и при составленіи таблицъ. Почтенное описаніе губерніи, не вполне законченное профессоромъ Докучаевымъ, велъ молодой геологъ М. Н. Сибирцевъ.

Почти всѣ новые статистики были люди еще совсѣмъ молодые, впервые принимавшіеся за практическое дѣло. Отличительною чертою ихъ, такъ же, какъ и казанскихъ статистиковъ, была безкорыстная преданность дѣлу и добросовѣстное отношеніе къ нему. Ни разу не приходилось мнѣ слышать, чтобы кто-нибудь изъ нихъ пожаловался на скудость вознагражденія (а оно, дѣйствительно, было весьма не щедро), чтобы кто-нибудь пожелалъ перемѣнить свое положеніе на другое, лучше оплачиваемое. Всѣ они самымъ благодушнымъ образомъ мирились и съ тѣми тяжелыми условіями, въ которыхъ приходилось лѣтомъ работать въ деревняхъ, и съ той усиленной работой, которая обыкновенно требовалась передъ земскимъ собраніемъ, чтобы не слышать отъ противниковъ статистики упрека въ неаккуратномъ исполненіи принятаго на себя обязательства.

Для статистическаго бюро была отведена въ земской управѣ всего одна комната. Тамъ они сохраняли весь матеріалъ, собранный при изслѣдованіяхъ, тамъ же они обыкновенно работали по утрамъ. Не смотря на значительную величину комнаты, въ ней было тѣсно, а главное—шумно. Безпрестанно приходилъ кто-нибудь изъ счетчиковъ, или приносилъ работу, или бралъ новую, при чемъ ему нужно было давать указанія, разъясненія. Статистикамъ тоже приходилось часто обращаться другъ къ другу, то съ вопросомъ, то съ какимъ-нибудь замѣчаніемъ. Всѣ работы, сколько-нибудь сложныя или требовавшія особенно напряженного вниманія, они принуждены были дѣлать у себя на дому. Мужъ проводилъ каждый день въ бюро часа 4-5, но никогда не успѣвалъ тамъ ничего сдѣлать. Къ нему безпрестанно обращались съ какими-нибудь вопросами, требовали у него всевозможныхъ справокъ и отвѣчали его отъ собственной работы. Впрочемъ, онъ зачастую и самъ отрывался отъ нея. Стоило ему услышать, что кто-нибудь высказываетъ недоумѣніе или сужденіе, по его мнѣнію несправедливое, какъ онъ тотчасъ же бросалъ перо, срывался съ мѣста и вступалъ въ разговоръ.

Обыкновенно раза два-три въ мѣсяцъ происходили по вечерамъ общія собранія постоянныхъ статистиковъ у насъ на квартирѣ. На этихъ собраніяхъ каждый изъ работниковъ по очереди сообщалъ, что имъ сдѣлано въ данный промежутокъ времени, какой планъ дальнѣйшей работы онъ намѣтилъ. Этотъ планъ обсуждался всѣми сообща; на него дѣлали замѣчанія, иногда внесли въ него поправки или дополненія. Разсуждали объ общемъ

ходъ работы, предлагали средства ускорить или усовершенствовать ее; иногда поднимали какой-нибудь теоретическій вопросъ, имѣющій отношеніе къ статистикѣ; иногда, впрочемъ, рѣдко, представляли на общее обсужденіе свои личныя недоразумѣнія съ тѣмъ или другимъ сотрудникомъ.

Я, само собой разумѣется, не могла не только участвовать на этихъ собраніяхъ, но даже и не присутствовала на нихъ; моя роль ограничивалась тѣмъ, что я приготовляла бутерброды для гг. статистиковъ и наливала имъ безконечное число стакановъ чаю, но все-таки очень любила эти вечера. Мнѣ пріятно было видѣть молодыхъ людей, которые такъ серьезно, съ такимъ, можно сказать, уваженіемъ смотрѣли на свое дѣло, безъ всякихъ сомнѣній въ его важности и полезности; пріятно было видѣть ихъ отношеніе къ мужу и тотъ авторитетъ, какимъ онъ пользовался среди нихъ. Начиналось обыкновенно съ отчета о сдѣланномъ. При этомъ рѣдко слышался чей-нибудь твердый, самодовольный голосъ; большею частью каждый былъ недоволенъ собой, находилъ, что сдѣлалъ гораздо меньше, чѣмъ думалъ и предполагалъ. Я слышала, какъ мужъ ободрялъ однихъ, указывалъ другимъ на причины неуспѣшности ихъ работы и, наконецъ, сдерживалъ рвеніе третьихъ, которые ради работы готовы были ограничивать время и отдыха, и сна.

— Помните, господа,—иногда говорилъ онъ имъ шутя, — что социалисты требуютъ для рабочихъ 8-часового рабочаго дня, и мы же имѣемъ права работать больше.

Самъ онъ однако никогда не соблюдалъ этого правила, никогда не считалъ часовъ, которые отдавалъ работѣ.

Горячіе споры завязывались, когда приходилось намѣчать предстоявшія имъ работы для выполненія программы. Тутъ сказывалась разница характеровъ: одни, люди болѣе практичныя, довольствовались добросовѣстнымъ выполненіемъ минимальныхъ требованій программы, другіе настаивали на ея расширеніи, составляли грандіозныя, едва ли выполнимыя планы. По своему характеру мужъ больше сочувствовалъ вторымъ, но пріобрѣтенный имъ въ жизни практической опытъ заставлялъ его склоняться на сторону первыхъ. Обыкновенно дѣло кончалось тѣмъ, что автору и самому энергичному защитнику широкихъ плановъ поручалось попытаться привести ихъ въ исполненіе, а остальные ограничивались болѣе скромными рамками работы.

Очень непріятно было мужу, когда приходилось улаживать каки-нибудь взаимныя недоразумѣнія между сотрудниками. Насколько я помню, серьезныхъ ссоръ между ними не выходило, но нѣкоторые тренія между людьми различныхъ характеровъ, случайно сошедшихся на одномъ общемъ дѣлѣ, были неизбежны. Помню, между прочимъ, одинъ изъ статистиковъ отличался довольно неуживчивымъ, властолюбивымъ нравомъ. Онъ часто вы-

сказывалъ неудовольствіе на своихъ помощниковъ, а они еще чаще жаловались на его запальчивость и придирчивость. Наконецъ, рѣшено было выдѣлить ему такую часть работы, которую онъ могъ вести совершенно отдѣльно, не прибѣгая ни къ чьей помощи. Чтобы вмѣстѣ съ этимъ удовлетворить его властолюбивыя наклонности, мужъ объявилъ, что назначаетъ его „начальникомъ надъ неодушевленными предметами“, иначе сказать, поручаетъ ему заведывать канцелярскими принадлежностями, заботиться объ исправности мебели и т. под. По случаю этого важнаго назначенія распито было нѣсколько бутылокъ пива, всѣ чокались съ новымъ начальникомъ, и самолюбіе его не было оскорблено.

Собирая свѣдѣнія объ общемъ экономическомъ положеніи губерніи, мужъ въ то же время организовалъ такъ называемую „текущую статистику“, описаніе хозяйственнаго состоянія тѣхъ или другихъ мѣстностей въ данное время, ихъ виды на урожай, количество имѣющагося у нихъ скота, какія-нибудь непредвидѣнныя катастрофы (засуха, градъ, пожаръ, эпидемія и т. под.), нарушавшія правильное теченіе ихъ жизни. Чтобы собрать данныя обо всѣхъ этихъ фактахъ, разсылались во всѣ уѣзды нѣсколько тысячъ опросныхъ листовъ, адресованныхъ помѣщикамъ, священникамъ, сельскимъ учителямъ, управляющимъ имѣніями и грамотнымъ крестьянамъ. Большинство листовъ пропадало даромъ, другіе возвращались съ весьма неполными отвѣтами, но нѣкоторые, кромѣ обстоятельныхъ отвѣтовъ на предложенные вопросы, давали въ особыхъ примѣчаніяхъ яркое описаніе хозяйственнаго положенія данной мѣстности.

Описанія эти съ каждымъ разомъ (опросные листки разсылались дважды въ годъ, весной и осенью) становились все мрачнѣе и мрачнѣе. Безснѣжная зима, засухи, лѣсные пожары, то тамъ, то здѣсь: „озими погибли“, „яровые не стоятъ и косить“, „земля потрескалась отъ жара“, „травы засохли“, „ни плодовъ, ни ягодъ не уродилось“... Надвигалось страшное бѣдствіе—голодъ, который неминуемо долженъ былъ охватить большую часть губерніи. Данныя, сообщаемыя въ опросныхъ листовъ, разрабатывались въ статистическомъ бюро, и мужъ съ возрастающей тревогой слѣдилъ за результатами этихъ работъ. Прежде чѣмъ бюро выпустило свою брошюру „Урожай 1890 г.“, давшую полную картину тяжелаго положенія населенія, онъ ознакомилъ губернскую управу съ грозными предвѣстниками надвигающагося бѣдствія. Управа немедленно снарядила въ тѣ уѣзды, которые болѣе другихъ пострадали отъ неурожая, особую статистическую комиссію, которая должна была точно опредѣлить степень нужды и размѣры той помощи, которое потребуется для пособія населенію. Въ бюро закипѣла лихорадочная дѣятельность. О соблюденіи 8-мичасовой

рабочаго дня никто не думалъ, и къ экстренному собранію губернскаго земства готовы были вполнѣ разработанныя данныя, на основаніи которыхъ управа могла твердо и опредѣленно назвать ту сумму, какую она считала необходимымъ просить у казны въ помощь голодающимъ. Эти тщательно провѣренныя данныя послужили губернской управѣ неопровержимымъ аргументомъ противъ тѣхъ гласныхъ, которые отрицали голодъ и необходимость оказывать какую бы то ни было помощь крестьянамъ. Эти же данныя явились опорой для земства въ его борьбѣ съ администраціей, которая хотѣла все дѣло вспомошествованія крестьянамъ взять въ свои руки. Когда появились первыя извѣстія о сильномъ неурожаѣ въ губерніи и о предстоящемъ голодѣ, какъ неминуемомъ послѣдствіи его, въ Петербургѣ отнеслись крайне недověрчиво къ этимъ извѣстіямъ, и мѣстная администрація поспѣшила запѣть въ тонъ высшему начальству. Земскіе начальники и чиновники, командированные губернаторомъ, доносили ему, что все обстоитъ благополучно, и что крестьяне не только не голодаютъ, но пьянствуютъ больше обыкновеннаго. Однако такое оптимистическое настроеніе не могло долго держаться. Неурожаи охватили нѣсколько губерній. Офіціальныя данныя о немъ подкрѣплялись разсказами компетентныхъ очевидцевъ, и министерству пришлось согласиться, что „недородъ“ существуетъ. Тогда быстро измѣнился и взглядъ мѣстныхъ чиновниковъ. Нижегородскій губернаторъ, извѣстный Н. М. Барановъ, человѣкъ честолюбивый и властолюбивый, ухватился за этотъ случай выдвинуться. Въ городѣ пошелъ неизвѣстно кѣмъ пущенный слухъ о томъ, что скоро долженъ появиться министерскій циркуляръ, по которому у земства отнималось распоряженіе продовольственнымъ дѣломъ и передавалось администраціи. При открытіи экстреннаго губернскаго земскаго собранія лѣтомъ 1891 года губернаторъ прямо объявилъ, что подъ его предсѣдательствомъ учреждается особая коммиссія „для помощи нуждающимся и для исходатайствованія у правительства необходимыхъ для этого средствъ“. На самомъ дѣлѣ претензіи губернатора были значительно преувеличены, и министерскій циркуляръ предлагалъ только губернаторамъ образовывать особое продовольственное совѣщаніе, которое должно было помогать земству, но никакъ не снималъ съ послѣдняго отвѣтственности за продовольствіе населенія. Барановъ превратилъ это совѣщательное собраніе въ „нижегородскую продовольственную коммиссію“, въ которую вошли чиновники и губернаторскіе, и другихъ вѣдомствъ, земскіе начальники, предводитель дворянства, врачи, разные мѣстные дѣятели и даже пріѣзжіе корреспонденты газетъ. Представители земства составляли въ этой коммиссіи незначительное меньшинство, подавляемое элементомъ чиновничьимъ и сословно дворянскимъ, а между тѣмъ ея рѣшенія должны были считаться обязательными для земскихъ управъ. Такимъ образомъ создавалось

овольно нелѣпное положеніе: и законная, и нравственная отвѣтственность за успѣхъ дѣла, касавшагося жизни и смерти тысячъ крестьянъ, лежала на земствѣ, а оно было лишено права распоряжаться самостоятельно, должно было дѣйствовать по указкѣ администраціи.

Мужъ тоже былъ приглашенъ въ комиссію въ качествѣ „свѣдущаго“ человѣка, и онъ былъ дѣйствительно „свѣдущій“, такъ какъ въ рукахъ его находились цифровыя данныя, которыми не располагало большинство членовъ комиссіи. Онъ принялъ самое горячее участіе въ той борьбѣ, которую управѣ приходилось вести на два фронта: съ одной стороны, помѣщики нѣкоторыхъ уѣздовъ продолжали самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицать голодъ и необходимость какого-либо вспомошествованія крестьянамъ; съ другой, чиновники, чтобы подслужиться губернатору, иногда преувеличивали размѣры тѣхъ суммъ, какія слѣдовало просить у казны. Тѣ и другіе съ большимъ пафосомъ высказывали совершенно голословныя сужденія, основывая ихъ исключительно на личныхъ наблюденіяхъ или на разсказахъ своихъ добрыхъ знакомыхъ. Мужу нетрудно было побивать ихъ тѣми объективными данными, которыя выступали стройными рядами въ таблицахъ, составленныхъ статистиками.

Мнѣ говорили, что на собраніяхъ комиссіи онъ былъ вполне сдержанъ и спокоенъ. Но я видѣла, какъ онъ страшно волновался всякій разъ, и отправляясь въ комиссію, и въ особенности возвращаясь изъ нея. Его раздражалъ и недостатокъ энергіи губернской земской управы, и упрямое равнодушіе къ судьбѣ крестьянъ со стороны нѣкоторыхъ мѣстныхъ дворянъ, и въ особенности двупличность Баранова, который въ глаза разсыпался передъ нимъ въ любезностяхъ и пользовался его цифрами для отписки на разные запросы министерства, а въ то же время писалъ на него чуть ли не доносы и поощрялъ газетныхъ корреспондентовъ, осмѣливавшихъ статистику и ея выводы. То напускное спокойствіе, которое мужъ считалъ себя обязаннымъ соблюдать въ засѣданіяхъ комиссіи и которое давалось ему съ большимъ трудомъ, совершенно оставляло его дома, и какъ мнѣ, такъ и другимъ близкимъ людямъ пришлось услышать отъ него немало весьма нелестныхъ эпитетовъ по адресу и председателя, и членовъ комиссіи.

Наконецъ, вопросъ о голодѣ и о размѣрахъ ссуды, требуемой для населенія былъ, окончательно рѣшенъ такъ, какъ его ставило земство. Но тутъ возникла другая опасность. Крупныя размѣры ссуды, разрѣшенной правительствомъ, подстрекнули аппетиты многихъ лицъ. Барановъ былъ слишкомъ честолюбивъ, чтобы выпустить изъ своихъ рукъ такое большое дѣло.

Губернская земская управа состояла изъ вполне порядочныхъ людей, душой преданныхъ земскому дѣлу, но недостаточно энергичныхъ для борьбы, особенно для борьбы съ такимъ *chevalier sans foi ni loi*,

какимъ былъ генералъ Барановъ. На подмогу имъ явился Николай со своимъ боевымъ темпераментомъ, не допускавшимъ мысли объ отступленіи ранѣ окончательнаго пораженія. Въ своихъ незаконныхъ притязаніяхъ Барановъ постоянно ссылался на министерство, — необходимо было, чтобы кто-нибудь, человекъ компетентный, поѣхалъ въ Петербургъ и лично выяснилъ дѣло. Никто не могъ сдѣлать это лучше предсѣдателя управы Баженова, стараго дворянина-земца, пользовавшагося довѣріемъ въ министерствѣ. Онъ самъ соглашался, что побывать въ Петербургѣ будетъ полезно, но онъ былъ не совсемъ здоровъ, разговоры съ петербургскими чиновными людьми представлялись ему непріятными, наконецъ, ему претилъ самый характеръ поѣздки, который отъивался чѣмъ-то въ родѣ интриги: надобно было сдѣлать такъ, чтобы Барановъ этого не подозрѣвалъ, иначе онъ способенъ былъ устроить какой-нибудь неожиданный ходъ, который уничтожилъ бы все возможные результаты поѣздки.

Помню ясный морозный день. Въ нашей квартирѣ собралось пять-шесть человекъ, заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ. Мы все имѣли видъ какихъ-то заговорщиковъ, даже говорили чуть не шепотомъ. Мужъ заразилъ всехъ насъ своимъ волненіемъ. Наканунѣ вечеромъ онъ былъ у Баженова, и тотъ сказалъ ему, что выйдетъ завтра, если здоровье ему позволитъ. Это „если“ ставило все дѣло на карту. Каждый день проволоочки имѣлъ громадное значеніе. Зима наступала, необходимо было закупать хлѣбъ, и Барановъ уже началъ вести по этому поводу переговоры съ мѣстными хлѣботорговцами. Одинъ изъ статистиковъ отправился на вокзалъ съ тѣмъ, чтобы посмотрѣть, пріѣдетъ ли Баженовъ на поѣздъ, и немедленно извѣстить насъ. Никакіе разговоры не клеились, мы ежеминутно заглядывали въ окна и прислушивались къ шуму проѣзжавшихъ экипажей... Наконецъ-то! Извозчикъ останавливается у подъѣзда, Н. вбѣгаетъ въ комнату оживленный, веселый.

— Уфхаль! При мнѣ вошелъ въ вагонъ, я дождался, пока поѣздъ тронулся!

Мы вздохнули съ облегченіемъ. Языки развязались, и начался оживленный разговоръ о возможныхъ послѣдствіяхъ этой поѣздки и шуточные замѣчанія насчетъ страшныхъ заговорщиковъ.

Не помню, съ кѣмъ видѣлся въ Петербургѣ Баженовъ, и о чемъ онъ тамъ говорилъ, но знаю, что онъ вернулся черезъ нѣсколько дней вполне ободренный, и съ этихъ поръ въ земской управѣ началась самая энергичная работа.

Въ этой работѣ главная роль опять-таки выпала на долю статистики или, лучше сказать, статистиковъ. Такъ какъ, вслѣдствіе недостатка хлѣба въ губерніи, дѣны на него стояли очень высокія и грозили еще болѣе повыситься, то рѣшено было сдѣлать главныя закупки въ южныхъ губерніяхъ и на Кавказѣ, гдѣ урожай былъ хорошій. Это была трудная и рискованная операція. Боль-

шинство въ продовольственной комиссіи Баранова возстало противъ нея, называло ее непрактичной, утопической, предрекало ей полную неудачу. Но на этотъ разъ управа не отступила. Она завязала сношенія съ земствами и общественными учрежденіями южныхъ губерній и командировала туда своихъ агентовъ: почти всѣ эти агенты были члены статистическаго бюро. Мужъ смѣло поручился передъ Баженовымъ за ихъ безукоризненную честность и агрономическія знанія, но его самого тревожило опасеніе, хватить ли у нихъ практической смѣлки, чтобы вести новое для нихъ, торговое дѣло. Съ беспокойствомъ и волненіемъ ждали мы ихъ писемъ, ихъ телеграммъ. Но всѣ эти тревоги и беспокойство оказались напрасными. Они отлично справились со своей задачей. Всѣ закупки сдѣланы были ими по гораздо болѣе низкой цѣнѣ, чѣмъ предлагали нижегородскіе промышленники; желѣзныя дороги обязались доставить хлѣбъ въ указанный срокъ; и, благодаря этому, мѣстные цѣны на него не поднялись, что имѣло громадное значеніе для всего населенія губерніи. Съ самаго начала 1892 г. громадные обозы, нагруженные и зерномъ, и мукой, потянулись по дорогамъ, развозя продовольственные ссуды въ разные концы губерніи. Распредѣлять ихъ между голодающими было уже дѣло мѣстныхъ властей, роль губернской земской управы было окончена, а съ тѣмъ вмѣстѣ къ концу года статистическое бюро могло въ полномъ своемъ составѣ вернуться къ своей коренной работѣ. И эта работа потребовала удвоенной энергіи, чтобы возмѣстить время, „потерянное“ на другомъ дѣлѣ.

Въ 1893 г. статистики устроили празднованіе въ честь 10-лѣтія статистической дѣятельности мужа. Онъ получилъ много поздравленій и пожеланій продолженія на многіе годы его плодотворной работы, какъ отъ нижегородцевъ, такъ и изъ другихъ городовъ; тосты и рѣчи, которые произносились за обѣдомъ, были полны задушевности, полны искренняго уваженія къ его дѣятельности. А между тѣмъ чувствовалось, что ни самъ юбиляръ, ни привѣтствовавшіе его не вѣрятъ въ прочность его пребыванія въ Нижнемъ; то и дѣло проскальзывали указанія на то, что данныя рамки слишкомъ узки для его способностей, и пожеланія болѣе широкаго поприща. И, дѣйствительно, жизнь въ Нижнемъ переставала удовлетворять мужа. Статистическія работы въ нижегородскомъ бюро были вполне организованы и могли спокойно идти своимъ порядкомъ, не нуждаясь въ новыхъ творческихъ усиліяхъ завѣдующаго. По натурѣ онъ не былъ провинціаломъ; его не привлекала перспектива посвятить всѣ свои силы мѣстнымъ дѣламъ и интересамъ; онъ постоянно тайнѣ мечталъ о болѣе широкой дѣятельности, о вліяніи тѣмъ или другимъ способомъ на общегосударственные дѣла. Въ 1893 г. реакція въ правительствѣ еще держалась твердо, но въ обществѣ чувствовалось какое-то легкое броженіе, начало новаго царствованія возбуждало какія-то смутныя надежды.

Нижегородское Общество взаимопомощи учителямъ и учительницамъ, устроило для своихъ членовъ на рождественскихъ праздникахъ рядъ публичныхъ лекцій по общеобразовательнымъ предметамъ. Изъ Москвы согласились пріѣхать проф. русской исторіи П. Н. Милюковъ и проф. русской литературы И. И. Ивановъ. Каждый изъ нихъ прочелъ по 10 лекцій. Зала всесословнаго клуба, въ которой читались лекціи, была биткомъ набита слушателями. Сельскіе учителя и учительницы съѣхались изъ самыхъ глухихъ угловъ губерніи; вся городская интеллигенція и полупинтеллигенція стремилась послушать московскихъ ученыхъ.

Лекціи были, дѣйствительно, и очень интересны, и очень содержательны, въ особенности лекціи Милюкова. Слушатели относились къ нимъ со вниманіемъ, чуть ли не съ благоговѣніемъ. Особенно довольны были сельскіе учителя. Они никогда не слыхали ничего подобнаго; для нихъ это было какимъ-то откровеніемъ, будило ихъ мысли, волновало ихъ. Публика улавливала всякую фразу сколько-нибудь оппозиціоннаго характера, всякій намекъ или на современное тяжелое положеніе, или, въ особенности, на лучшее будущее. А у проф. Милюкова было немало такихъ намековъ. И аудиторія дружными рукоплесканіями выражала свой восторгъ. Аплодировали положительно всѣ, не исключая вице-губернатора, посѣщавшаго почти всѣ лекціи. Для насъ эти лекціи, кромѣ своего непосредственнаго интереса, имѣли еще и другое значеніе. Онѣ намъ показывали, что общество, такое тихое и безмятежное снаружи, таитъ въ своихъ глубинахъ чувство недовольства, стремленіе вступить на новый путь.

— И вѣдь Нижній въ этомъ отношеніи не исключеніе, — говорилъ мужъ, — несомнѣнно, приходитъ конецъ реакціи, если не правительственной, то общественной, а это самое важное. Нѣтъ, полно сидѣть здѣсь, пора перебираться въ центръ, оттуда виднѣе.

Чтобы переѣхать въ Петербургъ, надобно было бросить статистику и опять перейти къ литературѣ. Къ статистикѣ мужъ по-прежнему чувствовалъ сердечное влеченіе, но къ работамъ въ нижегородскомъ земствѣ значительно охладѣлъ: онъ находилъ, что здѣсь его роль кончена. Все, что требовало инициативы, организаціи, было приведено въ исполненіе; закончить описаніе двухъ, трехъ оставшихся уѣздовъ легко можно было и безъ него. Что касается литературы, обстоятельства складывались очень благопріятно: въ концѣ 1893 г. маленький, ничтожный журнальчикъ, издававшийся Оболенскимъ, перешелъ въ руки компаніи, во главѣ которой стояли Михайловскій, Кривецко, Южаковъ — все старые знакомые — и превратился въ настоящій толстый журналъ. В. В. Лесевичъ и В. Г. Короленко стали сотрудничать въ немъ, и въ майской книжкѣ 1894 г. тамъ появилась первая, послѣ долгаго промежутка статья мужа: „Земскій кадастръ и земская статистика“.

Лѣтомъ онъ удосужился побывать въ Петербургѣ, заходилъ нѣсколько разъ въ редакцію, и его желаніе вернуться „на родину“ (какъ онъ называлъ Петербургъ) усилилось. Тѣмъ не менѣе мы прожили еще годъ въ Нижнемъ.

Мужъ усиленно занимался статистикой, старался оставить своему преемнику работы въ такомъ видѣ, чтобы продолженіе ихъ не представляло особенныхъ затрудненій.

Весной 1895 г. мы сдѣлали небольшое путешествіе въ Крымъ и только лѣтомъ перебрались въ Петербургъ

Первое время жизни въ Петербургѣ было для насъ тяжело. Мы привыкли въ Нижнемъ жить въ тѣсномъ кругѣ друзей и тутъ вдругъ почувствовали себя одинокими. За пятнадцать лѣтъ, проведенныхъ вдали отъ столицы, мы опривинциализались настолько, что намъ было какъ-то странно ходить по улицѣ, сидѣть въ театрѣ и не видѣть никого знакомыхъ. На старомъ мѣстѣ, гдѣ прошла наша молодость, какъ-то особенно жутко чувствовалось, что эта молодость, что лучшіе годы нашей жизни безвозвратно исчезли. Мы вспоминали старыхъ друзей, старыхъ знакомыхъ, и намъ казалось, что мы бродимъ по большому кладбищу. Большинство ихъ умерло, другіе были далеко, нѣкоторые, наконецъ, измѣнились до того, что не охота было признаваться въ знакомствѣ съ ними.

Изъ всѣхъ нашихъ прежнихъ знакомыхъ наиболѣе сохранились В. В. Лесевичъ и Н. К. Михайловскій. Но и ихъ, конечно, время не вполне пощадило, особенно Лесевича. Онъ попрежнему готовъ былъ беззаветно отдаться тѣмъ научнымъ или философскимъ вопросамъ, которые въ данное время занимали его, онъ попрежнему былъ необыкновенно остроумнымъ собесѣдникомъ, но его остроуміе приняло какой-то желчный оттѣнокъ, въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ онъ сталъ проявлять больше прежняго мнительности и обидчивости. Кромѣ того, здоровье его сильно пошатнулось: онъ часто жаловался на разнаго рода недомоганья, на приближеніе старости, безпрестанно твердилъ, что ему пора „сводить себя на пѣтъ“.

Н. К. Михайловскій былъ почти такой же бодрый, дѣятельный и подвижной, какъ 15 лѣтъ тому назадъ, и попрежнему литература составляла главный интересъ его жизни. Послѣ закрытія „Отечественныхъ Записокъ“ онъ принужденъ былъ помѣщать свои статьи въ „чужихъ органахъ“, и это сильно угнетало его. Теперь, когда съ зимы 1892 г. „Русское Богатство“ перешло въ его руки, онъ почувствовалъ себя опять какъ будто дома и отдавалъ всѣ свои силы молодому органу.

Мужъ вступилъ въ составъ редакціи „Русскаго Богатства“, и въ трехъ послѣднихъ книжкахъ была напечатана „Внутренняя хроника“, составленная имъ. Но въ редактированіи журнала онъ

первое время не могъ играть особенно дѣятельной роли. Контингентъ сотрудниковъ былъ уже опредѣленъ. Статьи по экономическимъ вопросамъ писалъ Карышевъ и отчасти Южаковъ; въ своей полемикѣ съ марксистами Михайловскій тоже касался этихъ вопросовъ.

Я очень совѣтовала Николаю опять приняться за теоретическія статьи по политической экономіи. Онъ и самъ находилъ, что такого рода статьи были бы очень кстати въ данное время, и готовился серьезно приняться за нихъ, но тутъ, какъ на зло, опять подвернулась статистика. Петербургская городская управа предложила ему мѣсто завѣдующаго статистическимъ бюро.

Статистика въ Петербургѣ была поставлена довольно широко. Кромѣ того, Николаю предоставлялось вводить въ организацію дѣла всѣ тѣ измѣненія и усовершенствованія, какія онъ найдетъ нужными.

Я попробовала отговаривать его брать это мѣсто, напомнила ему, какъ усиленно приходилось работать въ Нижнемъ, съ какими несприятностями и затрудненіями бороться, — но въ отвѣтъ мнѣ только пришлось выслушать цѣлую лекцію о значеніи муниципальнаго хозяйства, о необходимости для веденія его правильной поставленной статистики и т. д.

— А журналъ? — напомнила я.

— Ну, что же такое журналъ! — подхватилъ Николай. — Во первыхъ, онъ и безъ меня хорошо идетъ, я въ немъ до нѣкоторой степени пятое колесо, во-вторыхъ, я буду продолжать работать и въ журналѣ. На все времени хватитъ!

И, дѣйствительно, рассчитывая только время, а не свои силы, онъ принялъ мѣсто завѣдующаго статистическимъ бюро при с.-петербургской городской управѣ и въ то же время продолжалъ заниматься въ журналѣ. Съ 1895 г. онъ сталъ вести въ „Русскомъ Богатствѣ“ отдѣлъ хроники внутренней жизни и подъ этимъ заглавіемъ давалъ въ 1896 и 1897 г.г. почти въ каждомъ № небольшія статьи по текущимъ экономическимъ вопросамъ. Кромѣ того, онъ былъ однимъ изъ авторовъ статей, подписанныхъ страннымъ псевдонимомъ О. Б. А. Эти буквы не представляютъ чьихъ-нибудь инициаловъ, ихъ надо просто читать: Оба. Впервые эта подпись появилась подъ одной или двумя статьями въ „Русской Мысли“, казавшейся, въ 1889 г. В. Г. Короленко вмѣстѣ съ мужемъ задумали составлять для этого журнала нѣчто въ родѣ провинціального фельетона, состоящаго изъ небольшихъ статей, касавшихся общественныхъ, литературныхъ и проч. явленій провинціальной жизни. Этотъ фельетонъ они перенесли и въ „Русское Богатство“. Составляли они его вмѣстѣ, иногда такъ, что одинъ писалъ одну статью, — другой другую, и давали имъ только общую подпись, а иногда и дѣйствительно вмѣстѣ: одинъ подбиралъ отдѣльные

факты, а другой связывалъ ихъ въ одно цѣлое, давалъ имъ литературную обработку. Первая изъ этихъ работъ по большей части принадлежала мужу, вторая почти исключительно Короленку.

Кромѣ этихъ работъ, мужъ почти съ самаго переезда въ Петербургъ сталъ принимать самое живое участіе въ дѣятельности двухъ обществъ, къ которымъ онъ всегда чувствовалъ большую симпатію. Еще лѣтомъ 1895 г. онъ вступилъ членомъ Вольно-экономическаго общества и обратилъ на себя вниманіе своею первою же рѣчью на общемъ собраніи по поводу ходатайства общества объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для крестьянъ. Онъ былъ избранъ членомъ совѣта, и послѣ этого ни одно явленіе въ жизни этого общества не обошлось безъ его участія.

Въ 1896 г. Литературный фондъ избралъ его членомъ комитета, и здѣсь то же у него оказалось немало работы.

Такимъ образомъ петербургская жизнь давала мужу еще больше дѣла, чѣмъ нижегородская, и дѣла гораздо болѣе разнообразнаго. На недостатокъ знакомыхъ и даже пріятелей онъ тоже скоро уже не могъ жаловаться, — только такого дружескаго кружка, какъ въ Нижнемъ, у насъ не составилось.

Я мечтала, что, можетъ быть, нѣкоторые изъ служащихъ въ статистическомъ бюро стануть къ намъ въ такія же отношенія, какъ нижегородскіе статистики, и просила мужа пригласить ихъ къ намъ познакомиться. Но, увы, съ перваго же раза я увидѣла, что горько ошиблась: все это были чиновники, болѣе или менѣе исполнительные, смотрѣвшіе на занятія въ бюро, какъ на средство къ жизни, работавшіе безъ всякаго увлеченія, безъ всякой инициативы. Первый разъ, когда я увидѣла за своимъ чайнымъ столомъ этихъ господъ, такихъ чинныхъ, корректныхъ и почтительныхъ, мнѣ живо вспомнилась наша нижегородская молодая компанія, я не выдержала и должна была на нѣсколько минутъ выйти въ другую комнату, чтобы скрыть слезы.

Въ началѣ 1897 г. въ Петербургѣ возникло литературное общество: „Союзъ взаимопомощи русскихъ писателей“. Цѣлью своей союзъ ставилъ объединеніе писателей на почвѣ ихъ профессиональных интересовъ, охраненіе добрыхъ нравовъ среди дѣятелей печати, для чего изъ числа членовъ союза избирался судъ чести, который долженъ былъ разбирать всякія недоразумѣнія, возникающія въ печати между членами союза; оказаніе взаимной нравственной поддержки и матеріальной помощи своимъ сочленамъ; установленіе постоянного общенія между писателями. Для этой послѣдней цѣли комитетъ союза взялъ довольно просторную квартиру, въ которой открыто было нѣчто въ родѣ клуба членовъ общества. При клубѣ организовалась небоольшая бібліотека, въ которую издатели большинства петербургскихъ газетъ и журналовъ присылали свои изданія; разъ въ недѣлю въ клубѣ устраивались вечера, на которыхъ разсматривались и обсуждались разные

дѣла, касающіяся союза (о литературной собственности, о литературныхъ конвенціяхъ съ другими государствами, о правѣ перепечатокъ, объ устройствѣ бюро труда и т. д.), и, кромѣ того, желающіе читали свои или чужія произведенія, артисты пѣли или играли на роялѣ. Комнаты клуба были всегда открыты для писателей, которые пожелали бы встрѣтиться и переговорить о своихъ дѣлахъ на нейтральной почвѣ.

Это предпріятіе сразу имѣло успѣхъ. Не смотря на довольно крупный членскій взносъ (10 р.), черезъ годъ союзъ насчитывалъ уже 300 членовъ. Мужъ былъ избранъ въ члены комитета, и это новое дѣло прибавило ему еще, если не работы, то заботы. Онъ хлопоталъ главнымъ образомъ о томъ, чтобы сдѣлать клубные вечера какъ можно болѣе интересными и оживленными: подговаривалъ писателей читать статьи и рефераты, упрасивалъ артистовъ и артистокъ пѣть; а когда начинался импровизированный концертъ, стелся и упрасивалъ публику не расходиться по комнатамъ, а слушать пѣвцовъ и чтецовъ, „чтобы они не обидѣлись и въ другой разъ пришли“. Въ обсужденіи всѣхъ дѣловыхъ вопросовъ онъ принималъ самое горячее участіе, по правдѣ сказать, иногда даже горячился болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Въ эти же годы онъ написалъ большую статью и сдѣлалъ кропотливую статистическую работу для сборника, вышедшаго подъ редакціей проф. А. И. Чупрова и А. С. Посникова: „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства“. Вообще, когда я вспоминаю, какъ онъ много работалъ въ то время, мнѣ становится прямо страшно. Напрасно упрасивала я его оставить себѣ свободными хотя два вечера въ недѣлю, онъ никогда не могъ исполнить этого. Ему необходимо было идти то на какое-нибудь собраніе, то на засѣданіе комитета, то на совѣщаніе съ кѣмъ-нибудь. Если же онъ оставался дома, то сидѣлъ прикованнымъ къ письменному столу до часу, двухъ ночи. Меня этотъ избытокъ работы огорчалъ и тревожилъ, но Николай относился къ нему совершенно спокойно, какъ къ чему-то неизбѣжному. Никогда не случалось, чтобы онъ отказался отъ какого-нибудь дѣловаго приглашенія изъ-за недостатка времени, чтобы онъ сократилъ разговоры кліентовъ Литературнаго фонда, которыя приходили къ нему, какъ къ казначею, и при этомъ иногда подробно рассказывали ему всѣ свои семейныя дѣла, никогда не отказывалъ онъ ни одному посѣтителю. Съ этими посѣтителемъ у насъ зачастую случались непріятныя исторіи. Зная, что ему предстоитъ утомительный вечеръ или въ Вольно-экономическомъ обществѣ, или гдѣ-нибудь въ другомъ собраніи, я уговаривала его иногда отдохнуть, полежать часокъ послѣ обѣда. Онъ соглашался и позволялъ говорить всѣмъ приходящимъ, что его нѣтъ дома. Но вотъ въ передней раздавался звонокъ, я спѣшила открыть дверь и только что кончала свое объясненіе: „Николая

Федоровича лѣтъ дома, а застать его можно...“ какъ за моей спи-
ной раздавался громкій голосъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, я дома... пожалуйста, милости просимъ!

Посѣтитель входилъ, и часъ отдыха былъ потерянъ.

Когда я его упрекала за то глупое положеніе, въ какое онъ
меня поставилъ, онъ увѣрялъ, что иначе нельзя было: или чело-
вѣкъ пришелъ издалека, „съ Петербургской стороны“, или это
пріѣзжій изъ провинціи, или у него очень сѣшное дѣло.

— Я нисколько не усталъ,—прибавлялъ онъ, чтобы успокоить
меня,—вотъ я сейчасъ умоюсь холодной водой, и ты увидишь, какой
я буду свѣжій.

И, дѣйствительно, никто при видѣ его не сказалъ бы, что это
человѣкъ переутомленный. Многолюдное общество всегда нѣсколько
возбуждало его, и онъ всюду являлся бодрымъ, веселымъ, оживлен-
нымъ, вполне оправдывая прозвище, которое кто-то далъ ему шутя:
„вѣчно юный Николай Федоровичъ“.

Въ 1897 г. министерство вн. д. организовало общую пе-
репись населенія всей имперіи. Программа этой переписи далеко
не удовлетворяла мужа, но онъ все-таки счелъ своимъ долгомъ
принять въ ней участіе. Онъ взялъ на себя руководство переписью
одного изъ переписныхъ участковъ, на которые былъ разбитъ Пе-
тербургъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ многолюдныхъ и трудныхъ
по составу населенія участковъ: Сѣнная площадь съ прилегающими
и улицами и знаменитая въ то время Вяземская Лавра, притонъ
бродягъ, хулигановъ, самыхъ подонковъ общества. Опять въ квар-
тирѣ нашей появились статистическіе бланки, карточки, таблицы;
опять она наполнилась молодыми людьми, которые приходили за-
писываться въ счетчики, и которымъ мужъ, не скучая однообраз-
нымъ повтореніемъ, твердилъ, что и какъ они должны дѣлать, и
какъ относиться къ населенію, особенно къ тѣмъ безпаспортнымъ,
которые, вѣроятно, встрѣтятъ ихъ недоувѣрчиво, можетъ быть, даже
враждебно. Не вполне довѣряя такту молодыхъ, неопытныхъ ра-
ботниковъ, онъ самъ провелъ всю ночь переписи въ Вяземской
Лаврѣ, и все сошло у него совершенно гладко, безъ всякихъ инци-
дентовъ. Потомъ надобно было провѣрять и записи, и подсчетъ
ихъ, вообще возни было немало.

Эта экстренная прибавка ко всѣмъ прочимъ работамъ оказа-
лась лишнею каплею, и мужъ, наконецъ, согласился со мной, что
ему необходимо отдохнуть вдали не только отъ Петербурга съ его
сутолокой, но даже вообще отъ Россіи, гдѣ непременно найдется
что-нибудь, что будетъ его волновать, и въ чемъ онъ захочетъ при-
нять участіе. Мы поѣхали за границу съ исключительною цѣлью
отдыхать, рѣшивъ ни съ кѣмъ не знакомиться, ничего не осматри-
вать, ни музеевъ, ни галлерей. И, дѣйствительно, мы путешес-
твовали два мѣсяца по сѣверной Италіи и Швейцаріи, купались
въ Адриатическомъ морѣ, дѣлали большія прогулки по берегамъ

озеръ, и мужъ вернулся отдохнувшимъ, опытъ и готовымъ, и способнымъ работать.

Въ третьемъ № „Русскаго Богатства“ за 1899 г. появилась въ отдѣлѣ „Хроника внутренней жизни“ за подписью О. Б. А. статейка о Финляндіи: въ ней передавался манифестъ 3 февраля, ставившій себя цѣлью согласовать законы В. Кн. Финляндскаго съ общеперскими, а на самомъ дѣлѣ измѣнявшій конституцію края, такъ какъ на основаніи его по всемъ дѣламъ, имѣющимъ связь съ общегосударственными потребностями имперіи, народное представительство Финляндіи низводилось до роли законосовѣщательнаго органа. Въ статьѣ приводилась ссылка на конституцію (формы правленія) Финляндіи 1772 г., подтвержденную сеймовымъ уставомъ 1869 г., и указывалось на то, что новый законъ находится въ полномъ противорѣчій съ ними. Затѣмъ сообщалось о томъ впечатлѣніи, какое онъ произвелъ во всемъ краѣ, и о депутаціяхъ, которыя отправлялись отъ разныхъ городовъ и общинъ Финляндіи въ Петербургъ и не были приняты государемъ. Въ статьѣ не заключалось ни обсужденія, ни критики новаго закона, она сообщала исключительно факты и притомъ была пропущена цензурой, тѣмъ не менѣе изъ-за нея поднялся цѣлый скандалъ. Генераль-губернаторъ Финляндіи Бобриковъ обратилъ на нее вниманіе начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, а этотъ послѣдній вызвалъ къ себѣ „редактора Русскаго Богатства“. Официальнымъ и отвѣтственнымъ редакторомъ значился въ то время П. Быковъ, не имѣвшій никакого понятія о дѣлахъ журнала, поэтому для объясненія въ главное управленіе отправился В. Г. Короленко. Главноуправляющій М. П. Соловьевъ выразилъ притворное удивленіе, почему пришелъ онъ, а не вызванный имъ редакторъ, но Короленко сразу доставилъ дѣло на чистоту, и больше о Быковѣ уже не было рѣчи. Сначала Соловьевъ самымъ рѣшительнымъ образомъ объявилъ, что „Русское Богатство“ будетъ немедленно закрыто за свое вредное направленіе, но затѣмъ при дальнѣйшемъ ходѣ разговора смягчился и сказалъ, что журналъ можетъ быть спасенъ однимъ только средствомъ: въ немъ должно быть помѣщено категорическое опроверженіе инкриминируемой статьи.

Когда Владиміръ Галактіоновичъ сообщилъ это условіе въ редакцію, всѣ единогласно возстали противъ него. Мужъ говорилъ, что въ статьѣ нѣтъ ни слова неправды, что она вся основана на официальныхъ данныхъ, и опровергать ее, не преграждая противъ истины, невозможно. Въ доказательство справедливости своихъ словъ, онъ навелъ справку въ бібліотекѣ Государственнаго Совѣта, и эта справка подтвердила, что всѣ его ссылки на законы были вполнѣ вѣрны. Короленко составилъ письмо къ Соловьеву, они съ мужемъ сообща обсудили его и съ одобреніемъ Михайловскаго отправили въ

главное управленіе по дѣламъ печати. Повидимому, справка показала Соловьеву удовлетворительной, и онъ какъ-будто успокоился. Но недѣли черезъ двѣ-три Бобриковъ возобновилъ свои претензіи. Опять пришлось В. Г. Короленко идти для объясненій въ главное управленіе. На этотъ разъ Соловьевъ былъ гораздо мягче и общалъ удовлетвориться простою видимостью какого-нибудь опроверженія, причемъ снова повторилъ, что если опроверженіе не будетъ опровержено, журналъ будетъ закрытъ.

Редакція „Русскаго Богатства“ не могла допустить и видимости, что она будто бы отъ чего-то отрекается изъ сказаннаго въ журналѣ. Апрельская книжка журнала была уже почти готова. Ее поспѣшили выпустить и затѣмъ послали категорическій отказъ Соловьеву на его предложеніе.

Вся редакція съ волненіемъ ждала, чѣмъ кончится дѣло. Прекращеніе журнала, который успѣлъ занять опредѣленную позицію, было крайне обидно, а прекращеніе его въ апрѣлѣ мѣсяцѣ являлось крайне неудобнымъ и въ матеріальномъ отношеніи: приходилось или неблаговидно поступить съ подписчиками, или возвратить имъ большую часть подписныхъ денегъ, а этого журналъ по состоянію своей кассы не имѣлъ возможности сдѣлать. Всѣхъ больше волновался Николай. Онъ не раскисалъ въ томъ, что написалъ данную статью, она была и хорошо написана, и вполнѣ своевременна, но все-таки ему было очень тяжело сознавать, что изъ-за него погибнетъ журналъ, который онъ любилъ и уважалъ, который шелъ успѣшно и съ каждымъ годомъ приобреталъ все больше и больше читателей.

Ждать и волноваться пришлось недолго. Майская книжка уже не увидѣла свѣта. 4 мая вышло слѣдующее распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ: „Въ виду вреднаго направленія журнала „Русское Богатство“ и допущеннаго въ № 3, въ статьѣ „Хроника внутренней жизни“, тенденціознаго толкованія законовъ, опредѣляющихъ державныя права Верховной власти въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, приостановить выпускъ въ свѣтъ этого журнала на три мѣсяца“.

Мужъ да и всѣ въ редакціи вздохнули съ облегченіемъ. Сравнительно съ тою бѣдою, которая грозила имъ, трехмѣсячная приостановка была небольшимъ несчастьемъ, а для удовлетворенія подписчиковъ рѣшено было издать „Сборникъ Русскаго Богатства“, — толстый томъ, въ которомъ должны были принять участіе всѣ главные сотрудники журнала.

Въ 1900 г. Николаю еще разъ пришлось выбирать, какого рода дѣятельности посвятить свое время. Совмѣстительство журнальной работы и завѣдыванія статистическимъ бюро городской управы оказалось невозможнымъ.

Въ 1900 году должна была быть произведена, а затѣмъ, конечно, и разработана перепись населенія Петербурга. Это была очень

большая, очень отвѣтственная работа, требовавшая усиленнаго труда, а между тѣмъ и журналу надобно было отдавать побольше времени. Никто въ редакціи не считалъ мужа, какъ онъ самъ о себѣ выражался, „пятымъ колесомъ“, а въ этомъ году въ особенности его участіе въ журналѣ было прямо необходимо. Н. К. Михайловскій начиналъ страдать припадками той болѣзни, которая свела его въ могилу, и доктора совѣтовали ему не слишкомъ утомляться за работой, давать себѣ временные отдыхи. В. Г. Короленко, всегда тяготившійся петербургскою сутолокою, находившій, что Петербургъ вредно дѣйствуетъ и на его здоровье, и на здоровье его дѣтей, рѣшилъ снова переселиться въ провинцію и выбралъ себѣ для жительства Полтаву, какъ городъ съ хорошимъ климатомъ и, главное, тихій, гдѣ ничто не будетъ мѣшать ему работать.

Мужъ недолго колебался въ выборѣ. Онъ подыскалъ лицо (А. А. Кауфмана), которому можно было смѣло поручить перепись, помогъ ему исполнить всѣ приготовительныя къ этой переписи работы и затѣмъ отказался отъ службы въ городской управѣ, чтобы отдаться окончательно журнальной работѣ.

Впрочемъ, сказать, что онъ отдался исключительно ей, было бы не совсѣмъ вѣрно. Времена наступали тревожныя, общественная атмосфера сгущалась все болѣе и болѣе съ каждымъ, можно сказать, не годомъ, а мѣсяцемъ. Сознаніе, что продолжать такъ жить невозможно, все крѣпло, захватывало все болѣе широкіе круги общества; между земствомъ и правительствомъ велась глухая борьба. Правительство пыталось урѣзывать главнѣйшія функціи земства, отнять отъ него завѣдываніе народнымъ образованіемъ и продовольственнымъ дѣломъ; земство, среди котораго все большее и большее вліяніе приобрѣталъ такъ называемый третій элементъ, пользовалось всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы выразить свое оппозиціонное настроеніе. Цензура угнетала прессу, а пресса все болѣе и болѣе вырабатывала „эзоповскій“ языкъ, понятный для проницательнаго читателя, но недосыгаемый для полицейскаго воздѣйствія. Всякіе сѣзды, собранія, совѣщанія строго преслѣдовались и закрывались.

Въ срединѣ 1899 г. закрыто было за вредное направленіе юридическое общество, состоявшее при московскомъ университетѣ. Это направленіе особенно выразилось на празднествѣ въ память Пушкина: предсѣдатель общества проф. Муромцевъ прочелъ адресъ общества, въ которомъ указывалось на побѣду, одержанную русскою личностью надъ „рутиной властной опеки“, и вызвалъ этими крамольными словами шумныя рукоплесканія.

Въ 1900 г. дѣятельность Вольно-экономическаго общества, отпраздновавшаго 135-лѣтіе своего существованія, была приостановлена подъ предлогомъ необходимости пересмотрѣть и измѣнить уставъ его. Это общество давно было бѣлымъ на глазу правительства. Оно откликалось и откликалось сочувственно на всѣ тре-

вожные вопросы, которые за послѣдніе годы поднимались въ русскомъ обществѣ: отмена тѣлеснаго наказанія для крестьянъ, мѣры борьбы съ повторяющимися голодовками, развитіе школьной сѣти и проч.,—по поводу всего этого говорились рѣчи, велись споры.

Споры эти отличались особою страстностью, когда въ концѣ 90-хъ годовъ представители марксизма выступили со своими докладами въ III отдѣленіи Вольно-экономическаго общества (политическая экономія и сельско-хозяйственная статистика). Особенное же неудовольствіе возбуждало Вольно-экономическое общество своимъ притязаніемъ вмѣшаться въ дѣло народнаго продовольствія. Съ самаго 1891 г. правительство стремилось оттѣснить отъ этого дѣла и земство, и общество и передать его исключительно въ руки бюрократіи. А между тѣмъ въ 1897 г., какъ только появились извѣстія о голодѣ въ значительной части Россіи, въ Вольно-экономическомъ обществѣ устроена была анкета для собиранія свѣдѣній о размѣрахъ бѣдствія; на засѣданіяхъ его происходили оживленные пренія по этому поводу, изъ провинцій пріѣзжали земцы для участія въ этихъ преніяхъ и т. под. Полицейское государство не могло переносить такого шума, и въ апрѣлѣ 1900 г. дѣятельность Вольно-экономическаго общества была приостановлена.

Студенческіе безпорядки почти не прекращались и непрерывно вспыхивали то въ томъ, то въ другомъ высшемъ учебномъ заведеніи. 29-го іюня 1899 г. были опубликованы такъ называемыя временныя правила, которыя угрожали студентамъ за участіе въ безпорядкахъ отдачей въ солдаты, и осенью слѣдующаго года около двухсотъ студентовъ кіевскаго университета дѣйствительно подверглись этой карѣ. Понятно, все это не могло не волновать умы. Съ начала 1901 г. начались, въ видѣ протеста, большія уличныя демонстраціи студентовъ, къ которымъ присоединялись и постороннія лица.

3-го марта было обычное собраніе въ Союзѣ писателей. Въ это время въ Петербургѣ гастролировала труппа московскаго Художественнаго театра, и артисты получили приглашеніе на вечеръ писателей. Но не ради нихъ собралось такое чрезвычайно многочисленное общество, не изъ-за нихъ всѣ волновались, всѣ сходились группами и о чемъ-то оживленно переговаривались. Дѣло въ томъ, что на слѣдующій день, 4-го марта, назначена была большая демонстрація студентовъ на Казанской площади, и каждый вновь приходившій сообщалъ по этому поводу какія-нибудь вѣсти или слухи. Одни говорили, что рабочіе рѣшили присоединиться къ студентамъ, что ихъ придетъ нѣсколько тысячъ, другіе, что студенты, боясь помѣхи со стороны полиціи, уже теперь небольшими группами собираются на Невскомъ; третьи сообщали о тѣхъ мѣрахъ, которыя заранѣе принимаетъ правительство: мосты разведены, набережная оцѣплена, зарѣчныя части отрѣзаны отъ центра, и путь рабочимъ прегражденъ, вся полиція на ногахъ, на Невскомъ и въ

прилегающихъ къ Казанской улицахъ ставить отряды конныхъ казаковъ, вооруженныхъ нагайками. Никакого публичнаго выступленія по этому поводу, никакого общаго стовора о томъ, что принять завтра, не было; вечеръ проходилъ, какъ обыкновенно, на эстрадахъ появлялись чтецы, пѣвцы, ихъ слушали, имъ аплодировали, но въ отдѣльныхъ кучкахъ разговоры шли все оживленнѣе, замѣтно было все больше тревоги.

Когда во второмъ часу ночи мы возвращались домой, я спросила мужа:

— Ты пойдешь?

— Непремѣнно,—отвѣчалъ онъ,—мы стоворились (онъ называлъ мнѣ 6, 7 фамилій) сойтись завтра въ 10 часовъ утра около музея Александра III и оттуда поидемъ вмѣстѣ.

— Не нелѣзно-ли идти съ пустыми руками противъ нагаекъ?—замѣтила я.

— Да вѣдь мы же не идемъ драться съ нагайками!—отвѣчалъ мужъ.—Но, во-первыхъ, интеллигенція должна показать, что она считаетъ протестъ студентовъ противъ временныхъ правилъ совершенно справедливымъ, а, во-вторыхъ, если въ демонстраціи приметъ участіе не одна молодежь, но и солидные люди, можетъ быть, казаки и полиція будутъ немного посдержаннѣе, не станутъ слишкомъ безцеремонно расправляться.

На другое утро въ 10 часовъ мужъ ушелъ. Онъ ни за что не хотѣлъ, чтобы я пошла съ нимъ, и мнѣ пришлось сидѣть и волноваться одной дома. Я просидѣла часъ, два, наконецъ, мнѣ стало невтерпѣжъ, и я рѣшила выйти хоть посмотреть, что дѣлается на улицѣ. На Невскомъ за Аничковымъ мостомъ было приостановлено движеніе экипажей, посреди улицы ѣздили отряды казаковъ и отѣсняли народъ къ тротуарамъ, на которыхъ стояли густыя толпы. Люди, стоявшіе на тротуарѣ или двигавшіеся по направленію къ Адмиралтейству, казались совершенно спокойными и равнодушными, но тѣ, которые появлялись съ противоположной стороны, несли съ собой самыя тревожныя вѣсти.

— Господи, что тамъ дѣлается, — вздыхалъ одинъ старикъ, — прямо такъ-таки и топчутъ людей лошадьми!

Одна женщина увѣряла, что дѣвочку, которая шла изъ моднаго магазина съ большой картонкой въ рукахъ, на ея глазахъ повалили на землю и, надо думать, убили. Двѣ вертлявыя дѣвушки восхищались молодостью и красотой „студентиковъ“: „а ихъ такъ и бьютъ, такъ и рѣжутъ, страсть“.

Стоять въ толпѣ и слушать такіе разговоры было еще тревожнѣе, чѣмъ сидѣть дома, и я посигѣшила вернуться. Прошло еще съ полчаса томительнаго ожиданія. Наконецъ, у подъѣзда остановился экипажъ. Я выскочила на лѣстницу и въ ту же минуту услышала голосъ мужа, который нарочно говорилъ громко, чтобы успокоить меня. При первомъ взглядѣ на него я пришла въ ужасъ.

Одинъ глазъ его совершенно запухъ и подъ нимъ синѣло громадное пятно. По тому, какой нетвердой походкой онъ шелъ и какимъ нетвердымъ голосомъ говорилъ, я видѣла, что онъ страшно взволнованъ. Я поспѣшила уложить его въ постель и приложить холодные компрессы къ ушибленному лицу и въ то же время послала за глазнымъ докторомъ. Докторъ скоро пріѣхалъ, но заявилъ, что въ данную минуту нельзя опредѣлить, насколько пострадало зрѣніе; онъ прописалъ лекарство и общалъ еще разъ обстоятельно осмотрѣть глазъ, когда опухоль спадетъ.

Отдохнувъ отъ пережитыхъ волненій и нѣсколько успокоившись, мужъ разсказалъ, что получилъ ударъ кулакомъ полицейскаго въ ту самую минуту, когда стоялъ около полицеймейстера и убѣждалъ его хоть немного сдержатъ своихъ людей, не позволять имъ такъ варварски расправляться съ безоружною толпою.

Главные безобразія совершались около самаго Казанскаго собора, подъ его колоннадой; были ли убитые, онъ не знаетъ, но избитые, несомнѣнно, были; что сдѣлалось съ той компаніей, съ которой онъ пошелъ, онъ тоже не знаетъ, толпа раздѣлила ихъ при самомъ входѣ на Невскій.

Мнѣ хотѣлось, чтобы мужъ лежалъ хоть нѣсколько часовъ спокойно, но это оказалось неудобносполнимымъ. Безпрестанно приходили знакомые и полужнакомые, одни справиться о здоровьѣ Николая Ѳедоровича, другіе сообщить о разныхъ подробностяхъ утреннихъ событій, о томъ, какіе ходятъ слухи, и о томъ, что они видѣли „собственными глазами“. Впослѣдствіи большинство этихъ разсказовъ оказались или сказками, или сильными преувеличеніями, но въ тѣ минуты нельзя было не вѣрить. Одинъ говорилъ, что студентовъ нарочно загоняли въ церковь и тамъ избивали, другой,—что какого-то господина столкнули съ высокой паперти церкви и подняли окровавленнаго, едва ли живого. Знакомая дама разсказывала съ истерическими рыданіями, что сама видѣла около церкви трупъ очень молодого избитаго студента. Полицейскіе разогнали толпу, собравшуюся вокругъ него, положили его на шинель и снесли въ церковь.

Вечеромъ пришло извѣстіе, что въ Союзъ собираются писатели, никому не сидится дома, всѣмъ хочется обмѣняться мнѣніями, потолковать объ утреннихъ происшествіяхъ.

— Я тоже пойду туда!—рѣшительно объявилъ мужъ, вставая съ постели.

Это не былъ вечеръ, назначенный для собраній въ союзъ писателей, тѣмъ не менѣе туда сошло человекъ около пятидесяти. Всѣ ходили по комнатамъ и оживленно разговаривали. Когда вошелъ мужъ, когда онъ снялъ повязку съ зашибленнаго глаза, общее волненіе усилилось. Въ то время избіеніе на улицахъ еще не вошло въ нравы, всѣ были возмущены, всѣ признавали, что этого нельзя такъ оставить, что въ той или иной формѣ писателямъ

необходимо реагировать. Въ концѣ концовъ рѣшили гласно протестовать противъ безобразныхъ дѣйствій полиціи и притомъ протестовать не анонимно, а непременно за подписями именъ и фамилій присутствующихъ, которые готовы нести послѣдствія своего поступка. Текстъ протеста былъ скоро составленъ, и 44 члена союза, бывшихъ налицо, подписались подъ нимъ. Нѣкоторые находили, что количество подписей слишкомъ незначительно, что черезъ нѣсколько дней ихъ навѣрно наберется гораздо больше, но большинство считали, что желающимъ никто не мѣшаетъ присоединяться къ протесту послѣ, теперь же важно реагировать какъ можно скорѣй по первому побужденію, и важно показать обществу и правительству, что крутыя мѣры не на всѣхъ нагоняютъ спасительный страхъ, что, не смотря ни на что, находятся люди которые въ состояніи высказывать прямо и открыто свое неодобреніе свое справедливое негодованіе.

Протестъ произвелъ впечатлѣніе, въ послѣдствіи его называли первымъ революціоннымъ актомъ. Къ нему присоединялись новые подписи, по его примѣру составлялись новые протесты, а это, конечно, не прошло даромъ для подписавшихся: многіе изъ нихъ были арестованы и просидѣли по нѣсколько недѣль въ тюрьмѣ, другіе были высланы изъ Петербурга и Петербургской губ., а самый Союзъ писателей за свой протестъ былъ закрытъ.

Все это дѣлалось административнымъ порядкомъ. Судебное вѣдомство держалось въ сторонѣ. Мужъ подалъ прокурору жалобу на грубыя дѣйствія частнаго пристава, ударившаго его безъ всякаго повода, но эта жалоба была оставлена безъ послѣдствій.

Прошло мѣсяца три, и мы ужъ стали думать, что ради подписаннаго глаза его оставлять въ покоѣ, безъ другихъ мѣръ административнаго воздѣйствія. Оказалось, что мы ошиблись: въ срединѣ лѣта изъ полиціи пришла бумага, въ которой объявлялось мужу, что жизнь въ Петербургѣ и Петербургской губерніи, а также въѣздъ въ столицу запрещаются ему.

Пришлось подумать, какъ намъ устроить свою жизнь. Уѣзжать совсѣмъ изъ Петербурга намъ отнюдь не хотѣлось, и мы рѣшили остаться на той самой дачѣ, гдѣ проводили лѣто. Дача находилась около ст. Куоккала, за часъ съ небольшимъ ѣзды по Финляндской желѣзной дорогѣ, но не въ Петербургской губ., а въ Финляндіи, такъ что удовлетворяла условію, поставленному мужу, а съ другой стороны близость къ городу давала ему полную возможность продолжать работу въ журналѣ. Мы постарались устроиться какъ можно комфортабельнѣе и расположились вдвоемъ въ домѣ, который занимали лѣтомъ большою семьей (съ племянницей, ея мужемъ и ихъ двумя дѣтьми). Домъ былъ солидной постройки и стоялъ въ глубинѣ сада, недалеко отъ вокзала. Финляндская природа, такая убогая лѣтомъ, несравненно красивѣе зимой, когда

деревья стоять точно заколдованные въ своемъ бѣломъ снѣжномъ уборѣ.

Два раза въ недѣлю я ѣздила въ городъ, привозила тѣ пищевые продукты, которыхъ нельзя было достать въ Куоккалѣ, корректуры и статьи изъ редакціи, а главное—всякія городскія новости и слухи. Мужъ поздно вечеромъ приходилъ съ фонаремъ въ рукахъ встрѣчать меня на станцію, и за кипящимъ самоваромъ я выкладывала передъ нимъ все, что успѣвала услышать и разузнать за цѣлый день. Для меня лично это были очень пріятные часы. Мужъ тоже любилъ ихъ, хотя иногда они заставляли его страдать. Случалось, что рассказы о какомъ-нибудь происшествіи, о какомъ-нибудь собраніи, даже просто о какомъ-нибудь интересномъ разговорѣ сильно возбуждали его, и онъ волновался отъ невозможности принять участіе въ томъ, что говорили и дѣлали другіе.

Впрочемъ, въ деревнѣ мы жили далеко не уединенно. Во 1-хъ, на разныхъ станціяхъ Финляндской жел. дороги оказалось нѣсколько человѣкъ административно высланныхъ, кто за протестъ 44-хъ, кто за другія провинности, и они все, конечно, часто бывали у насъ; во 2-хъ, съ редакціей у насъ были самыя оживленныя сношенія, и безпрестанно случались дѣла, по которымъ то тому, то другому изъ сотрудниковъ надобно было повидаться съ мужемъ. Наконецъ, и просто добрые знакомые не забывали насъ, и мы были очень рады, что запаслись лишней комнатою, въ которой всегда могъ переночевать гость, опоздавшій на послѣдній поѣздъ.

Весной 1902 г. у насъ устроилось нѣсколько собраній, которыя носили болѣе серьезный характеръ. Вслѣдствіе свирѣпости, съ которой цензура преслѣдовала всякое свободное выраженіе мнѣнія въ печати, интеллигентное общество и оппозиціонные элементы земствъ за послѣдніе годы все сильнѣе и сильнѣе чувствовали потребность имѣть за границей органъ печати, который, не преслѣдуя прямо революціонныхъ и агитаціонныхъ цѣлей, сталъ бы въ то же время бороться съ произволомъ бюрократіи и проводить идею о необходимости введенія въ Россіи правового порядка.

Составилось небольшое общество для изданія такого журнала, оно собрало необходимыя для этого предпріятія деньги, а молодой писатель-экономистъ П. Б. Струве согласился переселиться за границу съ тѣмъ, чтобы взять на себя редакцію. Такъ какъ въ составъ „общества“ вошли люди не вполне одинаковыхъ политическихъ и социалистическихъ воззрѣній, то они должны были предварительно сговориться и выработать программу, безъ этого молодой редакторъ не соглашался начинать дѣла. Въ мартѣ 1902 г. въ Петербургѣ была устроена промышленно-кустарная выставка, а на эту выставку съѣхалось много земцевъ и третьяго элемента. Петербургская интеллигенція воспользовалась этимъ слу-

чаемъ, чтобы устроить необходимыя совѣщанія по поводу новаго журнала.

Въ самомъ городѣ Петербургѣ устраивать совѣщанія было неудобно, такъ какъ полиція зорко слѣдила за всякими сборищами и могла нагрянуть въ самое неудобное время. У насъ въ Куоккалѣ дѣло стояло проще. Полиція была не русская, а финская, и не гонялась за крамолой. Правда, на помощь ей было прислано нѣсколько жандармовъ и масса шпионовъ, но жандармы держались скромно и какъ-то совѣмъ не показывались на свѣтъ Божій, а шпионы почему-то всѣ сосредоточились на желѣзнодорожныхъ станціяхъ и на петербургскомъ вокзалѣ. Кого и что они стерегли, неизвѣстно. Молодые люди изъ административно высланныхъ нарочно, изъ озорства ѣздили въ Петербургъ чуть не на глазахъ у нихъ, а они ничего не видѣли, хотя прогуливались по платформѣ и, повидимому, глядѣли во всѣ глаза. Что дѣлали обыватели у себя въ домахъ, не интересовало ихъ, и мы могли со спокойнымъ сердцемъ принимать у себя, кого угодно.

И вотъ у насъ устроилось нѣсколько совѣщаній представителей петербургской интеллигенціи и пріѣзжихъ земцевъ для выработки подробной программы будущаго заграничнаго органа, получившаго названіе „Освобожденіе“. Мужъ принималъ, конечно, самое горячее участіе въ этихъ совѣщаніяхъ. Программа была выработана, и отправлена въ Москву; тамошніе участники предпріятія сдѣлали со своей стороны нѣкоторыя примѣчанія къ ней, и нѣсколько человѣкъ свезли ее за границу. Въ іюнѣ того же года вышелъ первый № „Освобожденія“, а кружокъ лицъ, положившихъ начало журналу, разросся въ цѣлую организацію „Союзъ Освобожденія“, игравшую значительную роль въ оппозиціонныхъ выступленіяхъ слѣдующихъ годовъ.

2 апрѣли министръ внутреннихъ дѣлъ Сипягинъ былъ смертельно раненъ террористомъ Балмашовымъ, и послѣ его смерти министромъ былъ назначенъ В. К. Плеве, бывшій статсъ-секретаремъ Финляндіи. Первое время Плеве безъ большого труда возвращалъ лицъ административно высланныхъ его предшественникомъ. Въ числѣ прочихъ и мужъ получилъ разрѣшеніе вернуться въ Петербургъ, гдѣ мы снова поселились съ сентября 1902 года.

За послѣдній годъ общее положеніе стало еще болѣе напряженнымъ. Не смотря на безпрестанные обыски, аресты, ссылки, запрещенія Сипягина, общественное недовольство то и дѣло прорывалось наружу. Земство все болѣе и болѣе часто поднимало голосъ противъ урѣзыванія своихъ правъ правительствомъ, къ стачкамъ рабочихъ начали тамъ и сямъ присоединяться крестьянскія волненія, студенты замѣняли сходки въ стѣнахъ университетовъ уличными демонстраціями, къ которымъ примыкали сотни постороннихъ лицъ. Плеве продолжалъ политику своего предшественника съ еще большею энергіей. Всякія собранія какъ

общественныя, такъ и въ частныхъ домахъ, находились подъ строгимъ контролемъ полиціи. Союзъ писателей былъ закрытъ, Вольно-экономическое Общество прекратило свою дѣятельность, никакіе „говорильные“ клубы не разрѣшались.

Петербургская интеллигенція придумывала, какъ бы найти возможность сходиться и обмѣниваться мнѣніями. Такъ какъ собираться нѣсколькимъ десяткамъ лицъ, не опасаясь появленія полиціи, можно было только за обѣдами и ужинами въ ресторанахъ, то писатели стали устраивать ужины и на нихъ совѣщаться, какую бы найти безопасную форму для организаціи болѣе многочисленныхъ собраній.

— Начальство находить, что русскіе люди могутъ безопасно сходиться только за бакалеею, — говорилъ мужъ, — ну, что же, прибѣгнемъ и мы къ помощи бакалейнаго элемента, давайте устраивать политическіе ужины!

Предложеніе его понравилось. Рѣшили, что ужины будутъ главнымъ образомъ „писательскіе“, но время отъ времени на нихъ въ качествѣ „гостей“ будутъ приглашаться лица и другихъ свободныхъ профессій. Образовался такъ называвшійся „кулинарный комитетъ“ изъ 7-8 лицъ, и дѣло наладилось. Отыскивали недорогую кухмистерскую, одну изъ тѣхъ, въ которыхъ справляются купеческія свадьбы средней руки, наняли залу, на первый разъ заказали немудраціи ужинъ въ два кушанья, напитки закупали сами. Затѣмъ разослали, или, лучше сказать, развезли приглашенія тѣмъ лицамъ, которыхъ желали видѣть на первомъ большомъ ужинѣ. Приглашенныхъ набралось человѣкъ 70, но не всѣ дали согласіе прійхать.

— Оскандалимся мы съ нашимъ ужиномъ, — волновался мужъ, бѣгая по комнатѣ, — прійдетъ человѣкъ 30-40, а вѣдь мы заказали на 100.

Но чѣмъ ближе подходилъ ужинъ, тѣмъ неосновательнѣе оказывались его опасенія. И къ нему, и къ другимъ распорядителямъ приходила масса просьбъ и устныхъ, и письменныхъ о позволеніи принять участіе въ ужинѣ. Число желающихъ превысило сто, и остальнымъ приходилось отказывать.

Второю заботою было придумать „тему“ для ужина. Рѣшено было, что начало вечера будетъ отдано свободной бесѣдѣ присутствующихъ, а когда эта бесѣда утратитъ свою живость, или если она не объединитъ большинства, то на сцену выступятъ ораторы, которые своими рѣчами обратятъ общее вниманіе на какой-нибудь злободневный вопросъ и вызовутъ пренія по его поводу. Задача заключалась въ томъ, чтобы найти подходящихъ ораторовъ, и это взять на себя мужъ. Такъ какъ онъ обладалъ способностью легко говорить экспромптомъ, то въ случаѣ, когда не было оратора, или тотъ не умѣлъ понасъ въ тонъ общества, роли

его исполнялъ мужъ, который къ тому же умѣлъ,—какъ говорили,—„поднять настроеніе общества“.

Эти ужины съ перваго же раза завоевали общія симпатіи. Число участниковъ ихъ доходило до 300 и всегда приходилось многимъ отказывать. Въ темахъ для рѣчей и разговоровъ никогда не было недостатка, слишкомъ много злободневныхъ вопросовъ привлекали общее вниманіе, вызывали желаніе и высказать свое мнѣніе, и выслушать мнѣніе другихъ. Всякій частный случай произвола администраціи, самоуправства или подхалимства отдѣльнаго лица, волненія среди учащейся молодежи, стачки рабочихъ и т. д. непременно давалъ поводъ перейти къ общему, къ необходимости коренной перестройки всей жизни. Слово „конституція“ еще прямо не произносилось, но о необходимости „правового порядка“, „увѣнчанія зданія“, „лучшаго будущаго“ говорили всѣ ораторы безъ исключенія. Никакихъ особенныхъ мѣръ предосторожности на ужинахъ не принималось, но полиція почему-то долго не обращала на нихъ вниманія и они продолжались всю зиму 1902 и 1903 года. Правда, присутствовали на нихъ все лица болѣе или менѣ знакомыя между собою и отъ нихъ нельзя было ожидать доноса, а хозяйинъ кухмистерской и вся прислуга сразу почувствовали симпатію къ ужинавшимъ.

Они невольно сравнивали ихъ съ тѣми кутящими компаніями, которыя собирались у нихъ на свадебные и поминальные обѣды много пили, много кричали и рѣдко расходились безъ ссоры и даже драки. Тутъ тоже люди и кричали, и пили (впрочемъ, очень умѣренно), но никакихъ не было ссоръ, съ прислугой всѣ обходились вѣжливо, на чай давали щедро. Одинъ изъ ужиновъ особенно понравился имъ. Это было 19 февраля 1903 г. и разговоры шли объ освобожденіи крестьянъ, вопросъ близкомъ и понятномъ имъ. Вся прислуга, даже поваръ въ своемъ бѣломъ колпакѣ, столпились въ дверяхъ столовой, чтобы послушать рѣчи, и, когда мужъ выходилъ изъ кухмистерской, къ нему подошелъ одинъ изъ служителей и сказалъ:

— Эхъ, хорошо вы говорили, баринъ, объ нашей долѣ, и все вѣдь, какъ есть, правду.

Въ началѣ 1904 г., послѣ особенно шумнаго вечера по поводу погрома въ Клишиневѣ, началось дознаніе объ ужинахъ и, какъ хозяйинъ кухмистерской, такъ и вся прислуга единогласно показали, что господа собирались все хорошіе, веселые и ни о чемъ дурномъ не говорили.

Въ послѣдніе мѣсяцы 1903 г. ко всѣмъ прочимъ вопросамъ, волновавшимъ общественное мнѣніе, прибавился еще одинъ, который скоро приобрѣлъ первенствующее значеніе: вопросъ о войнѣ. Будетъ или не будетъ война? Желательна или нежелательна? Что принесетъ она Россіи? Мнѣнія сильно расходились. Ходили слухи,

что Плеве считает войну самым лучшим средством отвлечь вниманіе общества отъ внутреннихъ вопросовъ и обратить его на внѣшнюю политику, и потому война считалась болѣе чѣмъ вѣроятною. Многіе надѣялись, что это кризисъ, который положитъ конецъ существующему тяжелому режиму, что это встряска, которая всколыхнетъ всю страну, заставитъ очнуться спящихъ и равнодушныхъ, что за ней неизбѣжно послѣдуетъ обновленіе Россіи.

Мужъ былъ принципиальнымъ противникомъ войны. Онъ находилъ, что польза, приносимая ею, всегда проблематична. Если она иногда и приводитъ къ благотворнымъ послѣдствіямъ, то не надобно забывать, какою дорогою цѣною это покупается, сколько гибнетъ при этомъ жизней, молодыхъ, полныхъ силы жизней, какое раззореніе, какая неурядица вносится въ хозяйство страны, сколько шовинизма, грубости, жестокости просыпается въ людяхъ.

Вечеромъ 27 января 1904 г. состоялось обычное засѣданіе комитета Литературнаго Фонда, и мужъ, какъ казначей Фонда, поѣхалъ на него. Я по обыкновенію ждала его возвращенія. Онъ вернулся поздно, уже во второмъ часу ночи, рассказалъ, что, говорятъ, война уже началась, что японцы, не ожидая ея объявленія, стрѣляли въ наши суда, но что достовѣрнаго еще ничего неизвѣстно.

— А что, Михайловскій былъ въ комитетѣ?—спросила я. Накапунѣ мы проводили вечеръ съ Николаемъ Константиновичемъ у однихъ общихъ знакомыхъ и онъ жаловался на недомоганье и упадокъ силъ.

— Былъ, — отвѣчалъ мужъ, — и даже былъ очень оживленъ, много говорилъ; онъ совсѣмъ оправился.

Только что я успѣла заснуть, меня разбудилъ какой-то сдержанный говоръ въ сосѣдней комнатѣ. Я окликнула мужа. Онъ подошелъ ко мнѣ уже совсѣмъ одѣтый и проговаривалъ, сильно взволнованный:

— Несчастіе... у меня Александръ Ивановичъ (Иванчикъ-Писаревъ)... Михайловскій умеръ...

Я въ ужасѣ вскочила:—Да какъ же! вѣдь ты говорилъ...

— Ну, да, изъ Фонда онъ поѣхалъ домой, тамъ у него, должно быть, случился припадокъ... Маркъ (сынъ, жившій съ Николаемъ Константиновичемъ) вернулся домой въ третьемъ часу и нашелъ его уже мертвымъ... Я долженъ сейчасъ ѣхать туда съ Александромъ Ивановичемъ... надобно распорядиться... Маркъ такъ пораженъ, что не можетъ ничего дѣлать...

И онъ уѣхалъ, самъ страшно потрясенный и взволнованный. Я видѣла, какою нетвердою походкой онъ шелъ, какъ дрожали его руки, когда онъ застегивалъ себѣ пуговицы на пальто.

Николай Константиновичъ былъ уже давно боленъ. Уже нѣсколько лѣтъ доктора находили, что у него сердце не въ порядкѣ, а послѣдніе года два онъ страдалъ мучительными припадками

грудной жабы. Но никакія просьбы и увѣщанія близкихъ людей не могли заставить его обратить серьезное вниманіе на свое здоровье. Когда ему становилось очень плохо, онъ нѣсколько дней принималъ лекарство, прописанное ему докторомъ, и уѣзжалъ недѣли на двѣ, на три изъ Петербурга, чтобы отдохнуть, а затѣмъ снова возвращался къ журнальной работѣ, снова писалъ, редактировалъ статьи, велъ переговоры съ сотрудниками, волновался общественными дѣлами. Доктора давно предупреждали близкихъ знакомыхъ, что онъ непроченъ, но этому какъ-то не вѣрилось... смерть его все-таки явилась для всѣхъ насъ неожиданностью.

Особенно тяжелымъ ударомъ была она для мужа. Кромѣ чувствъ личной пріязни, соединявшихъ его съ покойнымъ, онъ сильно тревожился за судьбу журнала, который въ лицѣ Михайловскаго потерялъ ничѣмъ не вознаградимую утрату.

Ходили слухи, что молодежь намѣрена воспользоваться похородами, чтобы произвести демонстрацію, и что полиція уже готовится мѣры, чтобы противодѣйствовать этой демонстраціи. Это тоже угнетало мужа: онъ всегда питалъ особенный пѣтеть къ умершимъ: шумъ и свалка около гроба, у могилы представлялись ему чѣмъ-то кошмарнымъ, возмутительнымъ. Онъ старался употребить все свое вліяніе, чтобы не допустить ничего подобнаго.

На кладбищѣ была такая масса народа, что меня отгѣснили далеко отъ гроба. Я должна была остановиться, не доходя до могилы, и не слышала ничего, что тамъ происходило. Черезъ нѣсколько минутъ двое знакомыхъ подвели ко мнѣ мужа, блѣднаго, еле держащагося на ногахъ.

— Николаю Федоровичу сдѣлалось дурно, — сказали они мнѣ — увозите его скорѣй домой. Кончится еще не скоро, тамъ говорятъ рѣчи.

Насъ усадили на извозчика и мы уѣхали, не дождавшись конца церемоніи. Дома я заставила мужа принять лекарство и уложила его, но онъ не переставалъ волноваться. Наконецъ, черезъ часъ, черезъ полтора стали пріѣзжать знакомые, остававшіеся на похородахъ до конца, и успокоили его: все сошло благополучно; было, правда, сказано нѣсколько рѣчей, но никакихъ крамольныхъ возгласовъ не было, полиція не вмѣшивалась, никто не арестованъ и всѣ спокойно разошлись.

Въ эту ночь къ намъ совершенно неожиданно явилась полиція, произвела обыскъ, конечно, ничего предосудительнаго не нашла, но мужа арестовали и увезли. Я была въ полномъ недоумѣніи. Связать этотъ арестъ съ похородами Михайловскаго не было ни малѣйшаго основанія. Мнѣ пришли въ голову „ужины“: по поводу ихъ велось дознаніе, очень возможно, что мужа взяли, какъ инициатора ихъ, или что какая-нибудь изъ его рѣчей была передана кому не слѣдуетъ и найдена преступной.

На слѣдующій день я поѣхала по всѣмъ знакомымъ разузнавать, не арестованъ ли еще кто-нибудь и что означаетъ этотъ арестъ, но никто не могъ дать мнѣ никакихъ указаній. Влад. Гал. Короленко, который пріѣхалъ изъ Полтавы, какъ только получилъ извѣстіе о кончинѣ Михайловскаго, и остановился у насъ, съ своей стороны поѣхалъ наводить справки и, вернувшись, рассказалъ, что, по слухамъ, Николая обвиняютъ въ произнесеніи крамольной рѣчи на могилѣ Михайловскаго.

— Но вѣдь это же неправда,—волновалась я—вы тамъ были все время, вѣдь онъ же ничего не говорилъ?

— Рѣшительно ничего, это могутъ подтвердить всѣ, кто тамъ былъ, это, очевидно, недоразумѣніе и оно скоро разъяснится.

Еще болѣе успокоила меня вѣсточка, которую я въ тотъ же вечеръ получила отъ мужа. Онъ прислалъ мнѣ съ жандармомъ письмо, въ которомъ сообщалъ, что совершенно здоровъ, содержится въ охранномъ отдѣленіи, и просилъ прислать ему подушку и одеяло.

Нѣсколько разъ въ жизни мужъ подвергался заключенію, множество нашихъ знакомыхъ перебивали въ разнородныхъ тюрьмахъ и Петербурга, и провинціи, но о такомъ арестѣ, какому подвергли на этотъ разъ мужа, я никогда не слыхивала. Это прямо было что-то несерьезное, опереточное. Охранное отдѣленіе помѣщалось въ то время на Мойкѣ, въ томъ домѣ, гдѣ умеръ Пушкинъ. Говорили, что въ подвальномъ этажѣ его было нѣсколько полутемныхъ, сырыхъ камеръ, въ которыхъ держали по нѣскольку дней подсудимыхъ во время допросовъ.

Мужа помѣстили во второмъ этажѣ, гдѣ была канцелярія, и отвели ему большую, свѣтлую комнату, которую часто забывали даже запираеть на ключъ. Свиданія давали ему каждый день съ родными, съ Короленко, какъ редакторомъ „Русскаго Богатства“, для переговоровъ по дѣламъ редакціи, и съ членами комитета Литературнаго Фонда, которымъ онъ долженъ былъ, какъ казначей, сдать кассу и представить отчетъ. Содержаніе онъ получалъ очень недурное, жандармскіе солдаты прислуживали ему, офицеры часто заходили къ нему, приносили ему газеты и вели съ нимъ разговоры, главнымъ образомъ о войнѣ, которая только что началась, и о шансахъ побѣды. Ему можно было приносить не только какія угодно книги, но даже рукописи изъ редакціи: онъ ихъ читалъ и возвращалъ со своими помѣтками.

— Меня здѣсь держать на положеніи не арестанта, а военнопленнаго,—смѣялся мужъ, когда мы пришли къ нему на свиданіе.

Фактъ, что онъ ничего не говорилъ на могилѣ Михайловскаго, очень скоро было доказанъ показаніями многихъ свидѣтелей, а главное самого говорившаго, Вас. Ив. Семевскаго. Хотя онъ нисколько не походилъ наружностью на мужа, но агенты почему-то перемѣшали ихъ. Никакихъ другихъ обвиненій мужу не предъявляли, а между тѣмъ день проходилъ за днемъ, а онъ продолжалъ

оставаться военноплѣннымъ. Наконецъ, недѣли черезъ двѣ удалось разными окольными путями узнать, что Плеве считаетъ его пребываніе въ Петербургѣ неудобнымъ и намѣренъ выслать его. Это было такое обыденное явленіе въ то время, что никого не удивило и не возмутило, являлся только вопросъ, куда вышлютъ. Для журнала, который только что понесъ такую громадную потерю, какъ Михайловскій, было бы пагубно лишиться именно теперь опытнаго сотрудника, пользовавшагося извѣстнымъ авторитетомъ.

Мы съ Влад. Гал. рѣшили, что три дня пути отъ Петербурга пожалуй, не помѣшаютъ его журнальной работѣ, но болѣе далекое разстояніе сдѣластъ ее невозможной, и мы отыскивали по картѣ, какіе городки сѣверныхъ губерній можно считать пріемлемыми.

Въ это время нашлись добрые люди, которые похлопотали въ министерствѣ, и въ одинъ прекрасный день мнѣ сообщили, что мужа высылаютъ на 5 лѣтъ въ городъ Ревель. Это было совершенно неожиданно,—я никогда не слыхала, чтобы Ревель служилъ мѣстомъ ссылки,—и въ первыя минуты я не знала—радоваться мнѣ или огорчаться. По наведеннымъ справкамъ скоро оказалось, что скорѣй слѣдуетъ радоваться: главное была близость отъ Петербурга: всего часовъ 10, одна ночь, пути.

Провожать насъ на поѣздъ собралась небольшая кучка знакомыхъ. Привезли намъ конфетъ, цвѣтовъ. Всѣ были веселы, оживлены, прощались: „до свиданія“. Пятилѣтній срокъ никто не принималъ въ-серьезъ.

— Если Плеве воображаетъ, что онъ еще 5 лѣтъ пробудетъ министромъ, значитъ, онъ совсѣмъ не понимаетъ положенія дѣлъ,—замѣтилъ кто-то.

— Отдыхайте тамъ, набирайтесь силъ, а черезъ годъ возвращайтесь!—говорили мужу другіе.

Первые дни мы чувствовали себя въ Ревелѣ какъ-то одиноко и сиротливо. Мы были точно не въ Росіи. Большая часть города со своими узенькими улицами, остроконечными, черепичными крышами домовъ и высокими круглыми башнями напоминала старые нѣмецкіе города; новая часть города съ большими опрятными улицами и нарядными магазинами и трамваями нисколько не походила на наши провинціальныя города. А главное, русскаго языка совсѣмъ не было слышно: прохожіе говорили или по-нѣмецки, или по-эстонски. Сидя въ № гостиницы, хозяинъ которой былъ нѣмецъ, а прислуга говорила ломаннымъ русскимъ языкомъ, мы вспомнили свой пріѣздъ въ Тару и тотъ теплый пріемъ, какой нашли тамъ.

— Пожалуй, лучше было бы очутиться въ какомъ-нибудь городкѣ Вятской или Вологодской губерніи!—замѣтилъ мужъ, и я исполнѣ согласилась съ нимъ, что тамъ было бы все хоть и хуже да свое, родное, а здѣсь все какое-то чужое, холодное.

— За то здѣсь близко отъ Петербурга, — подхватилъ мужъ. —

надо скорѣй найти квартиру и дать свой адресъ на почту, чтобы получать письма.

Но для найма квартиры въ Ревелѣ существовали какіе-то опредѣленные сроки и въ февралѣ мѣсяцѣ можно было развѣ случайно натолкнуться на пустую квартиру. Поэтому мы наняли двѣ меблированныя комнаты у молодой вдовы какого-то учителя. Хозяйка была нѣмка, не говорившая ни на какомъ языкѣ кромѣ нѣмецкаго, и комнаты были совершенно нѣмецкія съ маленькими столиками, прикрытыми вязаными салфеточками, съ вышитыми подушками на диванахъ, съ массою разныхъ ненужныхъ бездѣлушекъ, и разставленныхъ, и развѣшанныхъ, гдѣ возможно. Но въ нихъ было чисто, повидимому, тепло, цѣна оказалась подходящая и мы ихъ взяли.

Я помогла мужу устроиться на новосельѣ и въ тотъ же вечеръ поѣхала въ Петербургъ, чтобы убрать и перевезти въ складъ всѣ наши вещи. Мы рѣшили, по крайней мѣрѣ, до осени не забирать ничего въ Ревель, кромѣ книгъ, которыя понадобятся мужу для работъ.

Въ Петербургѣ я прожила дней 5, 6 и, когда вернулась въ Ревель, нашла мужа въ очень веселомъ расположеніи духа. Онъ, смѣясь, показывалъ мнѣ, какъ объясняется знаками съ прислугой латышкой, не понимающей ни слова ни по-русски, ни по-нѣмецки, и рассказалъ, что уже осмотрѣлъ весь городъ, оказывается, очень интересный, и успѣлъ завести нѣсколько знакомствъ.

— Здѣсь есть такъ наз. „русскій кружокъ“,—говорилъ онъ—они собираются раза два въ мѣсяцъ, читаютъ рефераты, ведутъ пренія и меня затащили туда.

— Но ты, конечно, тамъ не говорилъ?

— Да видишь, я совсѣмъ не собирался говорить, а такъ вышло, что никакъ нельзя было смолчать. У нихъ было устроено собраніе въ память 19 февраля. Рефератъ читалъ какой-то молоденькій франтикъ, читалъ гладко, складно, но, представь себѣ, доказывалъ, что освобожденіе въ сущности не принесло никакой пользы крестьянамъ, что оно раззорило ихъ, такъ же, какъ помѣщиковъ, что ихъ положеніе теперь хуже, чѣмъ было 40 лѣтъ тому назадъ. И его слушаютъ, даже аплодируютъ... Ну, я не стерпѣлъ... Попросилъ у предсѣдателя слова и отчиталъ юнца. Я говорилъ о нравственномъ значеніи освобожденія, о той будущности, какую оно открываетъ для крестьянъ и вообще для Россіи... Кажется, говорилъ хорошо. Хлопали много. А послѣ предсѣдатель и еще нѣсколько человекъ подходили и благодарили.

— А полиція?

— Ничего. Она, кажется, держать себя здѣсь благородно.

Послѣднее предположеніе оказалось нѣсколько преждевременнымъ.

Въ самый день моего приѣзда къ намъ пришелъ предсѣдатель

„кружокъ“. Онъ имѣлъ какой-то растерянный видъ и, сильно ому-тавшись, перебивая самъ себя, разсказалъ, что сейчасъ получилъ на-казаніе отъ губернатора, который пригрозилъ закрыть „кружокъ“, если тамъ будутъ читать рефераты политическіе ссыльные.

— Да вы бы ему объяснили, — замѣтилъ мужъ — что я ничего не читалъ, что я только возразилъ референту.

— Это все равно! — проговорилъ предсѣдатель, уныло опустивъ голову.

Мужъ поспѣшилъ его успокоить. Увѣрилъ, что сознаетъ неосто-рожность своего поступка и, конечно, въ другой разъ не подвер-гнетъ кружокъ опасности быть закрытымъ.

Предсѣдатель разсмыслился въ похвалахъ той рѣчи, которую ска-залъ мужъ, увѣрялъ, что она всѣмъ очень понравилась, что всѣ будутъ огорчены и т. под., но не возражалъ, когда мужъ заявилъ, что, во избѣжаніе нареканій на кружокъ, онъ предпочитаетъ не по-сѣщать его.

Наша жизнь въ Ревелѣ устроилась недурно. Климатъ тамъ былъ несравненно лучше петербургскаго и мартовское солнце сіяло цѣлые дни, не застилаемое ни туманомъ, ни дымомъ. Городъ со своими древними зданіями представлялъ много интереснаго и ори-гинальнаго. Трамвай соединялъ его съ дачнымъ мѣстомъ Екате-риненталемъ и мы каждый день ѣздили гулять въ чудный Петров-скій паркъ. Мы познакомились съ нѣсколькими довольно пріят-ными людьми изъ педагогическаго персонала, но видались съ ними не особенно часто, такъ что эти знакомства не мѣшали мужу ра-ботать.

Почти каждое утро онъ получалъ изъ „Русскаго Богатства“ корректуры и съ вечернимъ поѣздомъ отсылалъ ихъ обратно направиленными. Рукописи и письма приходили тоже аккуратно. Петербургскіе знакомые не забывали насъ, они довольно часто пріѣзжали къ намъ для дѣловыхъ разговоровъ, а иногда и просто повидаться. На лѣто мы навяли дачу въ Екатериненталѣ и туда пріѣхала къ намъ погостить племянница съ мужемъ и дѣтьми.

Говорятъ, одна дама, хлопотавшая за мужа, упрекала Плеве за то, что онъ безъ всякаго повода выслалъ изъ Петербурга та-кого почтеннаго человѣка.

— Полноте, я, напротивъ, надѣюсь, что за высылку Анненскаго получу мѣстечко въ царствіи небесномъ. Въ Петербургѣ онъ не-премѣнно замѣшался бы въ какую-нибудь серьезную исторію, а въ Ревелѣ онъ будетъ себѣ жить спокойно и поправится здоровьемъ, если, какъ вы говорите, онъ боленъ.

Позже я часто вспоминала эти слова Плеве и находила ихъ отчасти вѣрными. Только благодаря покойнымъ мѣсяцамъ жизни въ Ревелѣ, мужъ смогъ пережить послѣдующіе тревожные года.

15 іюля мы съ мужемъ ѣздили за чѣмъ-то въ городъ и возвра-

щались домой въ трамваѣ. Противъ насъ сидѣли какіе-то два молодыхъ человека, судя по кокардамъ на фуражкахъ, чиновники.

— Слышали? — вполголоса спросилъ одинъ изъ нихъ другого.

— Да, какъ же! — отвѣчалъ тотъ — ну, знаете, я не удивляюсь, это должно было случиться! Всякое терпѣніе можетъ лопнуть! — Они стали говорить еще тише и до насъ долетали только отдѣльные слова: бомба... карета... разнесло... погибъ... неизвѣстно.

Намъ неудобно было вмѣшаться въ чужой разговоръ, но любопытство наше было сильно возбуждено. Когда мы вышли изъ вагона, я спросила мужа:

— Какъ ты думаешь, о чемъ это они говорили? О Финляндіи, что ли? (За нѣсколько дней до этого былъ убитъ финляндскій генераль-губернаторъ Бобриковъ и газеты много объ этомъ толковали).

— Что ты! Какая тамъ Финляндія! — вскричалъ мужъ — развѣ ты не слышала, они говорили: „бомба“. Наверно, что-нибудь случилось въ Петербургѣ!

Мы поспѣшили домой. Маленькая нѣмецкая газетка, которая раньше всѣхъ другихъ сообщала телеграммы изъ Петербурга, выходила въ 8 часовъ вечера, мы ее получали въ 9 час., а теперь было не больше 7. Племянница съ мужемъ уѣхала на-дняхъ въ Петербургъ и оставила у насъ своихъ маленькихъ дѣтей. Малютки выбѣжали къ намъ на встрѣчу, но мы были слишкомъ взволнованы, мы не могли слушать ихъ лепетъ, отвѣчать на ихъ ласки.

Мы отправили ихъ къ нянѣ и остались вдвоемъ ждать. Какъ мучительно долго тянулось время! Прошелъ часъ, полтора, а старушенка, приносившая намъ газету, все не появляется. Мы не выдержали и пошли ей на встрѣчу. Наконецъ-то! Мы чуть не вырвали листокъ у нея изъ рукъ. Вотъ оно! На первой же страницѣ телеграмма, въ очень короткихъ словахъ сообщавшая о катастрофѣ съ Плеве. Виновный тяжело раненъ и арестованъ, личность не выяснена.

И опять мы пожалѣли, что находимся не въ какомъ-нибудь захолустьемъ городишкѣ Вятской или Вологодской губерніи. Какое волненіе вызвала бы тамъ такая телеграмма! А здѣсь все тихо, спокойно! Мы вышли на морской берегъ. Тамъ обычные гуляющіе, обычные мирные нѣмецкіе разговоры. И никто не зайдетъ къ намъ, ни у кого нѣтъ охоты подѣлиться съ нами своими предположеніями, надеждами, а можетъ быть, опасеніями. Мы были вдвоемъ, и вдвоемъ гадали о будущемъ.

Въ Петербургъ мы вернулись къ самому началу „эпохи довѣрія“. Цензурный гнетъ былъ нѣсколько ослабленъ; хотя никакой законъ не утвердилъ свободы собраній, но довольно многочисленные сборища и „съ бакалей“, и „безъ бакалей“ проходили при полномъ

неемѣнательствѣ полиціи. Въ рѣчахъ, которыя говорились при Плеве, появлялись прозрачныя намеки на необходимость „коренной реформы“, на „последнюю борьбу мрака со свѣтомъ“, на „близость разсвѣта“, на „побѣду права надъ произволомъ“ и т. под.; теперь стали прямо говорить: „конституція“, „народное представительство“, „учредительное собраніе“.

6-8 ноября передовые земцы устроили въ Петербургѣ „самочинный“ съѣздъ, на которомъ высказали требованіе созыва правильного народнаго представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія съ правами законодательной власти.

23 ноября въ честь 40-лѣтія судебныхъ установленій въ залѣ Павловой собрался многочисленный митингъ (650 человекъ). На немъ была принята резолюція, въ которой указывалось на настоятельную необходимость узаконить неприкосновенность личности, свободы совѣсти, слова, печати и союзовъ и требовался немедленный созывъ Учредительнаго Собранія свободно выбранныхъ представителей народа. Подобнаго же рода резолюціи выносили и другіе банкеты, митинги и съѣзды, устраивавшіеся какъ въ Петербургѣ, такъ и въ другихъ городахъ въ концѣ 1904 и началѣ 1905 г. На банкетѣ въ залѣ Павловой предсѣдательствовалъ В. Г. Короленко, но однимъ изъ главныхъ организаторовъ его былъ мужъ. Вообще всѣ эти мѣсяцы онъ жилъ напряженно-дѣятельной жизнью. Едва справившись съ работой по редакціи, онъ спѣшилъ на какое-нибудь собраніе, совѣщаніе, хлопоталъ, волновался, горячился, ораторствовалъ и возвращался домой настолько утомленный, обезсиленный, что иногда цѣлый часъ лежалъ съ закрытыми глазами, не двигаясь, не говоря ни слова.

Чтобы заставить его нѣсколько отдохнуть, В. Г. Короленко уговорилъ насъ провести рождественскіе праздники у него въ Полтавѣ.

Мы вернулись въ Петербургъ 3-го или 4-го января и насъ сразу встрѣтили слухи о волненіяхъ среди петербургскихъ рабочихъ. Забастовки на фабрикахъ, начавшіяся еще въ декабрѣ, захватываютъ все большіе и большіе районы и рабочіе устраиваютъ многочисленные митинги, на которыхъ предсѣдательствуетъ священникъ Гапонъ. О вліяніи на рабочихъ Гапона шли какіе-то фантастическіе рассказы. Онъ собиралъ митинги въ помѣщеніяхъ „Общества с.-петербургскихъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ“, въ которомъ и раньше игралъ вліятельную роль. Комнаты были биткомъ набиты рабочими и цѣлыя сотни ихъ стояли на улицѣ, ожидая своей очереди войти. Мужъ хотѣлъ непременно своими глазами убѣдиться, въ чемъ дѣло, и поѣхалъ въ Василеостровскій отдѣлъ Общества на митингъ.

Часа черезъ два онъ вернулся, не скажу очарованный, но изумленный, какъ будто даже нѣсколько сбитый съ толку.

— Это, дѣйствительно, какой-то необыкновенный человекъ! — говорилъ онъ. — Въ чемъ его сила, сказать трудно, онъ совсѣмъ не

ораторъ, даже говорить плохо, но каждое его слово дѣйствуетъ на толпу, зажигаетъ ее. Никого, кромѣ него, они и слушать не хотятъ, а его слушаютъ, какъ какого-нибудь пророка.

7 января стали ходить слухи, что подъ вліяніемъ и при содѣйствіи Гапона рабочіе составляютъ петицію, которую намѣрены подать лично государю, и для этого пойдутъ торжественной процессіей въ Зимній дворецъ. 8-го появился болѣе зловѣщій слухъ: говорили, что до дворца рабочихъ ни въ какомъ случаѣ не допустить, что войскамъ отданъ приказъ стрѣлять въ толпу, если она станетъ упорствовать въ своемъ намѣреніи. Стрѣлять въ невооруженную, беззащитную толпу, которая пойдетъ съ дѣтски наивною вѣрой во всемогущество „цари-отца“, „земного Бога“ (эти выраженія говорились и повторялись на митингахъ Гапона), это было что-то нечѣловѣческое, кошмарное! Втеченіе дня кошмаръ сгущался все болѣе и болѣе. Слухи приходили одинъ тревожнѣе другого. Съ одной стороны говорили, что пойдутъ всѣ отдѣлы, нѣсколько десятковъ тысячъ рабочихъ, что возбужденіе общее, что Гапонъ не слушаетъ ни предупрежденій, ни совѣтовъ, что онъ проситъ объ одномъ социаль-демократовъ и интеллигенцію: не мѣшаться въ это дѣло; съ другой подробно описывали расположеніе войскъ по всѣмъ путямъ, ведущимъ отъ окраинъ къ центру.

Въ редакціи газеты „Сынъ Отечества“ („Наши Дни“) собрались представители литературы и вообще интеллигенціи. Всѣмъ казалось, что надобно что-то сдѣлать, что-то предупредить... Вечеромъ туда же явился рабочій, одинъ изъ помощниковъ Гапона: онъ привезъ показать текстъ петиціи и черновикъ письма, которое Гапонъ писалъ министру Святополкъ-Мирскому и въ которомъ онъ просилъ его содѣйствовать тому, чтобы рабочіе были приняты государемъ. Ему стали описывать, сколько войска собрано противъ рабочихъ, и представлять, какъ трагически можетъ кончиться вся эта затѣя. Онъ спокойно отвѣчалъ, что о. Георгій знаетъ все на счетъ войска, но не вѣритъ, чтобы оно стало стрѣлять, и рабочіе этому не вѣрятъ, теперь уже ихъ ничѣмъ не остановить, они все равно пойдутъ.

Настроеніе было въ высшей степени тревожное. Наконецъ, рѣшили сдѣлать еще попытку предотвратить катастрофу: избрать изъ своей среды нѣсколько наиболѣе уважаемыхъ членовъ и поручить имъ теперь же, немедленно переговорить съ министрами, убѣдить ихъ не допустить кровопролитія. Выбраны были почти единогласно: Анненскій, Арсеньевъ (его не было на собраніи, но за нимъ послали двухъ молодыхъ людей, и онъ немедленно пріѣхалъ), Гессенъ, Горькій, Карѣвъ, Кедринъ, Мякотинъ, Пѣшеховъ, Семевскій; съ ними убѣдили ѣхать и присланнаго Гапономъ рабочаго Кузина, который могъ дать наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія о настроеніи рабочихъ.

Былъ уже 12-ый часъ ночи. Никто не уходилъ изъ редакціи.

нихъ комнатъ „Сына Отечества“. Всѣ съ нервнымъ волненіемъ ожидали возвращенія депутаціи. Прошелъ часъ, два... Ихъ нѣтъ. Что это значитъ? Ужъ не арестованы ли они? Наконецъ, часа въ три они вернулись, разстроенные, возмущенные. Имъ ничего не удалось добиться. Святополкъ-Мирскаго не было дома и не представлялось никакой возможности увидать его. Депутація обратилась къ его товарищу, генералу Рыдзевскому. Онъ принялъ ее сухо, совершенно по-чиновничьи, общалъ, что передастъ министру ихъ слова, хотя „правительству извѣстны всѣ тѣ факты, о которыхъ они говорятъ“, и имъ было бы правильнѣе обратиться со своими совѣтами и предупрежденіями къ рабочимъ.

Витте держалъ себя иначе. Онъ очень любезно принялъ депутацію, какъ будто съ сочувствіемъ отнесся къ ея словамъ, но сказалъ, что, къ сожалѣнію, ничего не можетъ обѣщать, такъ какъ это дѣло не касается его вѣдомства и онъ считаетъ себя не въ правѣ мѣшаться въ него.

Предпринимать еще что-нибудь въ виду поздняго времени было невозможно и всѣ разошлись по домамъ съ тяжелымъ чувствомъ какого-то невыполненнаго долга.

Сговорились на слѣдующее утро сойтись въ залѣ Тенишевскаго училища, куда должны были приходиться добровольные „развѣдчики“, взявшіеся извѣщать о движеніи рабочихъ и о дѣйствіяхъ войскъ. Когда мы съ мужемъ вошли туда, часу въ одиннадцать, комната была уже почти полна. Большинство нервно переходило съ мѣста на мѣсто, стоялъ гулъ сдержанныхъ голосовъ и среди него вдругъ раздавалось чье-нибудь истерическое восклицаніе.

Развѣдчики сообщали, что изъ дальнихъ районовъ уже двигаются рабочіе, что по городу разъѣзжаютъ отряды войскъ... Истерическія вскрикиванія усилились, кто-то пытался произносить рѣчи, но ни у кого не было продуманнаго плана, всѣ только нервничали. Наконецъ, кому-то пришла въ голову разумная мысль, что въ случаѣ, если войска дѣйствительно станутъ стрѣлять, можетъ понадобиться медицинская помощь, перевязочные пункты для раненыхъ. Тотчасъ же нѣсколько мужчинъ и женщинъ бросились къ выходу, чтобы заняться этимъ практическимъ дѣломъ. Другихъ потянуло на улицу. Кто-то провозгласилъ: „сойдемся въ два часа въ Публичной Библіотекѣ“, и я наконецъ могла уговорить мужа вернуться домой; я видѣла, что онъ невыносимо страдалъ и нравственно, и физически въ этой атмосферѣ безслія и нервного напряженія...

Въ 3-мъ часу мы были въ Публичной Библіотекѣ. Многіе изъ посѣтителей читальнаго зала побросали книги и убѣжали, испуганные толпою въ нѣсколько десятковъ человекъ съ шумомъ вошедшихъ въ комнату. Въ главномъ проходѣ встрѣчались все знакомыя лица, тѣ, что были утромъ въ залѣ Тенишева, и еще дру-

гіе. Опять повторилась утренняя сцена. Та же нервность, то же беспомощное метанье из стороны въ сторону, тѣ же, ни къ чему не ведущія, радикальныя рѣчи, тѣ же психопатическіе выкрики. Кто-то сталъ собирать деньги для жертвъ демонстраціи и это имѣло успѣхъ.

Прибѣжалъ одинъ изъ развѣдчиковъ и объявилъ взволнованнымъ голосомъ, что на улицахъ стрѣляютъ. Вдругъ вскочилъ какой-то высокій молодой человѣкъ и закричалъ: „Господа, нашихъ товарищей убиваютъ, а мы тутъ сидимъ, это безобразіе! Идемъ всѣ умирать вмѣстѣ съ ними!“

Онъ бросился къ двери, за нимъ шагнула часть толпы. Мужъ, стоявшій въ проходѣ, кинулся наперерѣзъ ей.

— Господа, постойте, остановитесь! — закричалъ онъ задыхающимся голосомъ — подумайте, что вы дѣлаете!

Точныхъ словъ его я не помню, но смыслъ былъ тотъ, что интеллигенція не могла такъ идти, такъ вѣрить, какъ шли и вѣрили рабочіе, ея присутствіе въ ихъ рядахъ никого не спасетъ, ей надо не бессмысленно подставлять лобъ подъ пули, а вести сознательную борьбу за дѣло свободы и, если понадобится, заплатить жизнью за эту свободу. Онъ говорилъ громкимъ, взволнованнымъ, но прерывающимся голосомъ, какъ бы изъ послѣднихъ силъ. Его послушались. Многіе вернулись отъ дверей, другіе не двинулись съ мѣста. Я видѣла, что онъ еле стоитъ на ногахъ. Съ помощью друзей мнѣ удалось усадить его на извозчика и увезти домой.

Весь день я заботилась объ одномъ, чтобы приходившіе знакомые не рассказывали при немъ о всѣхъ ужасахъ этого несчастнаго дня. Часовъ въ 8 вечера къ намъ пришелъ А. В. Пѣшеховъ.

— Я къ вамъ, Николай Федоровичъ, — обратился онъ къ мужу, — изъ Вольно-Экономическаго общества...

— Что, тамъ уже собрались? — перебилъ его мужъ. — Отлично, подождите меня минутку, я сейчасъ одѣнусь и ѣду съ вами. — И онъ вскочилъ съ дивана, на которомъ лежалъ.

— Нѣтъ, постойте, — остановилъ его Пѣшеховъ, — меня къ вамъ прислали знакомые именно просить васъ, чтобы вы туда не ѣздили. Ничего особенно интереснаго и важнаго тамъ не будетъ, мы обойдемся и безъ васъ, а вы непременно должны посидѣть дома и отдохнуть. Объ этомъ рѣшительно всѣ очень васъ просятъ!

Мужъ, конечно, протестовалъ, но А. В. былъ настойчивъ и кончилось тѣмъ, что онъ уѣхалъ одинъ, обѣщавъ непременно прислать за мужемъ, если присутствіе его на митингѣ въ В.-Экономическомъ Обществѣ окажется почему-нибудь необходимымъ.

10-го января Петербургъ имѣлъ видъ города, взятаго непріателемъ: по улицамъ разѣзжали безпрестанно патрули и энергично разгоняли всякую, самую небольшую толпу, стараясь не слышать весьма неслестныхъ эпитетовъ, которые то тамъ, то сямъ разда-

вадись по ихъ адресу. Большая часть магазиновъ была закрыта, вечеромъ на улицахъ не горѣло электричество, онѣ были темны, и только на Невскомъ яркимъ пламенемъ горѣли кіоски, подожженные какимъ-то озорникомъ. У вокзаловъ разведены были костры и вокругъ нихъ расположились бивуакомъ солдаты.

Вечеромъ мужъ пошелъ на большое собраніе въ квартирѣ одного адвоката. Тамъ должны были подвести итоги вчерашняго кроваваго дня и обсудить положеніе, созданное имъ.

Въ 1 часъ ночи онъ вернулся такой разстроенный и усталый, что я ужъ ни о чемъ не стала его спрашивать. Ночью меня разбудилъ какой-то странный шумъ. Я открыла глаза и увидѣла около своей постели нашу кухарку, обливавшуюся слезами. Я съ ужасомъ вскочила: первой моей мыслью было, что съ мужемъ нехорошо.

— Что такое? что баринъ?—спросила я.

— Баринъ-то ничего,—отвѣчала она, всхлипывая,—а толькокъ... у насъ полиція!

У меня отлегло отъ сердца. Я наскоро одѣлась и вышла въ кабинетъ. Мужъ сидѣлъ въ большомъ креслѣ у письменнаго стола, а въ ящикахъ стола рылся полицейскій. Нѣсколько жандармовъ и лицъ въ штатскомъ платьѣ перебирали книги на полкахъ. У мужа не было того выраженія добродушнаго юмора, съ какимъ онъ обыкновенно присутствовалъ на обыскахъ; видъ у него былъ мрачный и утомленный.

— Тебѣ нездоровится?—спросила я, подходя къ нему,—прими лекарство! — И я взяла сткляночку съ каплями, прописанными ему докторомъ.

— Позвольте, что это такое? — вскричалъ жандармъ, вдругъ очутившись подлѣ меня и протягивая руку за пузырькомъ.

— Неужели вы думаете, что я хочу отравить мужа?—съ раздраженіемъ замѣтила я. Полицейскій съ презрительной усмѣшкой взглянулъ на жандарма. Тотъ сконфузился, возвратилъ мнѣ пузырекъ и отошелъ въ сторону.

Обыскъ продолжался нѣсколько часовъ; у насъ забрали ММѢ „Освобожденія“, нѣсколько другихъ нелегальныхъ листовъ, съ десятковъ незначительныхъ писемъ и объявили мужу, что онъ арестованъ. Подъ конецъ обыска онъ оправился, оживился и увѣрялъ меня, что чувствуетъ себя совсѣмъ хорошо, только нестерпимо хочетъ спать и, куда бы его ни привезли, первымъ дѣломъ заснетъ.

— А вы меня куда везете?—будто мимоходомъ спросилъ онъ у жандарма.

— Этого я не могу вамъ сказать,—отвѣчалъ тотъ, улыбаясь,—но вы тамъ встрѣтите хорошихъ знакомыхъ.

Они уѣхали. Я принялась убирать разрытыя ими вещи, чтобы коротать время, и съ ранняго утра отправилась на развѣдки.

Оказалось, арестовъ въ эту ночь произведено много, но большею

частью среди рабочих и среди молодежи, это не могло имѣть отношенія къ мужу. Затѣмъ арестована почти вся редакція „Р. Богатства“: Пѣшехоновъ, Мякотинъ, Якубовичъ и Иванчинъ-Писаревъ; пришлось спѣшной телеграммой вызывать Короленку изъ Полтавы. Наконецъ, всѣ тѣ лица, которые прошлую ночь ходили къ министрамъ хлопотать о предотвращеніи кровопролитія, посажены въ крѣпость.

Потянулись нудные дни неизвѣстности, догадокъ, предположеній, слуховъ, то зловѣщихъ, то благоприятныхъ, хожденія за справками въ разные присутственные мѣста, хлопоты и о свиданіяхъ, и о доставленіи пищи, денегъ, книгъ... Никто не зналъ, въ чемъ обвиняются мужъ и его сотоварищи по заключенію. Говорили, что у одного изъ арестованныхъ нашли черныя какой-то прокламаціи, имѣвшей отношеніе къ 9 января, но это, очевидно, не могло касаться всѣхъ. Самое заключеніе въ крѣпости было необъяснимо: одни увѣрили, что оно вызвано просто массою арестовъ, что всѣ мѣста заключенія переполнены; другіе утверждали, что въ крѣпости содержатся только особенно важные государственные преступники.

Дней черезъ 10, 12 стали постепенно выпускать этихъ „важныхъ государственныхъ преступниковъ“ и тогда выяснилось, въ чемъ ихъ обвиняли. Не болѣе, не менѣе какъ въ томъ, что они были избраны членами временнаго правительства, которое должно было, въ случаѣ удачи покушенія 9 января, забрать власть въ свои руки. Это обвиненіе было настолько нелѣпо, что даже жандармы не рѣшились настаивать на немъ и послѣ одного, двухъ допросовъ освобождали заключенныхъ.

Мужъ просидѣлъ въ крѣпости три недѣли и по возвращеніи оттуда по обыкновенію увѣрялъ, что не испыталъ никакихъ особенныхъ непріятностей, помѣщеніе было довольно просторное, пища хорошая, начальство относилось къ нему вполне корректно. Только нѣсколько дней спустя онъ мнѣ признался, что въ крѣпости съ нимъ былъ такой страшный припадокъ удушья, что служащіе перепугались, и послѣ этого тюремный докторъ каждый день навѣщалъ его и давалъ ему лекарство.

Гулъ выстрѣловъ 9 января разнесся по всей Россіи и всюду вызвалъ протесты, возмущеніе, негодованіе. Почти на всѣхъ большихъ фабрикахъ организовались забастовки рабочихъ, выражавшихъ сочувствіе убитымъ товарищамъ и поддерживавшихъ ихъ требованія. Къ забастовкамъ рабочихъ присоединились забастовки высшихъ, а затѣмъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Не только студенты, но даже профессора находили, что заниматься научной работой среди общаго смятенія невозможно. Сотни тысячъ прокламацій, воззваній, крамольныхъ листовъ и брошюръ наводнили страну.

Устраивались многочисленныя демонстраціи рабочихъ, студентовъ, гимназистовъ и просто интеллигенціи, которые ходили по

улицамъ съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсень. Полиція не имѣла возможности разгонять ихъ и на помощь ей являлись войска. Въ Петербургѣ это были казаки, которые держали себя настоящими дикарями и возбуждали противъ себя негодованіе населенія. На большихъ митингахъ, которые собирались по всякому поводу, открыто требовали созыва учредительнаго собранія и прекращенія войны.

Извѣстія, получаемыя съ Дальняго Востока, усиливали волненія, порождаемыя внутренней неурядицей: Портъ-Артуръ палъ, русская армія терпѣла пораженіе за пораженіемъ, пора была прекратить напрасное кровопролитіе и сосредоточить все вниманіе на внутреннихъ вопросахъ, неотложно требовавшихъ разрѣшенія. Правительство, казалось, совсѣмъ растерялось. 18 февраля вышелъ манифестъ, призывавшій населеніе къ борьбѣ съ крамолой; въ тотъ же день въ высочайшемъ рескриптѣ объявлялось, что правительство намѣрено привлечь избранныхъ отъ населенія лицъ къ участию въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній, а указомъ сенату возлагалось на совѣтъ министровъ разсмотрѣніе поступающихъ отъ частныхъ лицъ и учреждений заявленій и ходатайствъ, „касающихся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія благосостоянія“.

Такимъ образомъ правительство само въ первый разъ высказалось въ пользу представительства выборныхъ отъ населенія лицъ, само пожелало услышать мнѣнія и желанія гражданъ касательно устройства общегосударственныхъ дѣлъ. И общество пошло на встрѣчу этому желанію. Вопросы о представительствѣ, о выборахъ поднимались и горячо обсуждались на всѣхъ митингахъ, происходившихъ чуть не каждый день. Кромѣ того, такъ какъ важно было знать мнѣнія и желанія не отдѣльныхъ лицъ, а извѣстныхъ группъ населенія, то начали быстро организоваться союзы профессиональныхъ работниковъ въ различныхъ областяхъ труда. Втеченіе февраля, марта и апрѣля образовалось болѣе сотни различныхъ союзовъ: Всероссийскій союзъ адвокатовъ, Всероссийскій союзъ медицинскаго персонала, Всероссийскій союзъ инженеровъ и техникувъ, Союзъ русскіихъ писателей, Всероссийскій академическій союзъ, Союзъ учителей средней школы и проч., и проч., до Всероссийскаго союза служащихъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ и Союза почтово-телеграфныхъ чиновниковъ; затѣмъ Всероссийскій союзъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ и союзы рабочихъ различныхъ специальностей: союзъ рабочихъ печатнаго дѣла, союзъ портныхъ, столяровъ, сапожниковъ и проч., и проч.

Въ половинѣ мая всѣ союзы, кромѣ союзовъ рабочихъ, соединялись въ одну общую организацію: „Союзъ союзовъ“. Почти всѣ эти союзы на своихъ собраніяхъ, кромѣ чисто профессиональныхъ

пожеланій, высказывали требованіе радикальнаго измѣненія государственнаго строя и для осуществленія его созыва учредительнаго собранія изъ представителей населенія, избранныхъ путемъ всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ.

Въ эти три мѣсяца я почти не видала мужа. Состояніе моего здоровья не позволяло мнѣ сопровождать его, а онъ приходилъ домой только наскоро поѣсть да поочевать. Мнѣ рассказывали, что, не смотря на запрещеніе врачей, онъ говорилъ на митингахъ, председательствовалъ на собраніяхъ, сильно волновался и горячился. Когда онъ возвращался домой въ 3-мъ часу ночи, у него былъ такой утомленный видъ, что у меня не хватало духу ни о чемъ его расспрашивать, я старалась только поскорѣй уложить его спать.

Три мѣсяца такой жизни пагубно отразились на его здоровьѣ и въ началѣ мая докторъ самымъ рѣшительнымъ образомъ предписалъ ему немедленно уѣхать за границу, и не просто отдыхать, а лечиться на водахъ, въ городѣ Наугеймѣ. При этомъ онъ настоятельно совѣтовалъ ему не только ни съ кѣмъ не вести разговоръ о политикѣ, но даже совсѣмъ не читать газетъ.

Первый изъ этихъ совѣтовъ не трудно было исполнить: мы избѣгали заводить въ заграничныхъ курортахъ знакомства съ русскими, а нѣмецкимъ языкомъ мужъ не настолько владѣлъ, чтобы вести съ нѣмцами разговоры на политическія темы. Но второй совѣтъ оказался совершенно неудобноисполнимымъ. Въ Наугеймскомъ курзалѣ выставлялись каждый день особенно важныя телеграммы изъ всѣхъ странъ свѣта. И вотъ дня черезъ три, четыре по пріѣздѣ, мы видимъ телеграмму изъ Нью-Йорка о морской битвѣ и о пораженіи русскаго флота. Телеграмма была изложена въ какихъ-то неопредѣленныхъ выраженіяхъ, въ видѣ слуха, при томъ она шла изъ Японіи, и мы какъ-то невольно заподозрили ея достовѣрность. Вѣдь битва могла быть только съ флотомъ Рождественскаго. Неужели и онъ разбитъ?.. Можно ли было удержаться и могла ли я удержать мужа отъ чтенія и на другой, и на слѣдующіе дни нѣмецкихъ газетъ, въ которыхъ описывались всѣ подробности ужаснаго Цусимскаго боя! Вообще въ тотъ годъ иностранныя газеты были переполнены извѣстіями и статьями о Россіи. Извѣстія были сенсаціонныя, по большей части преувеличенныя, но, даже допуская извѣстную долю преувеличеній, нельзя было не волноваться, читая ихъ. Исторія съ „Потемкинскимъ“ изображалась чуть ли не революціоннымъ движеніемъ всего русскаго флота и мы, конечно, не могли не ждать съ нетерпѣніемъ новыхъ и новыхъ подробностей этой исторіи. Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ удержать мужа за границей до срока, назначеннаго ему докторомъ.

Въ Петербургъ мы вернулись передъ самымъ объявленіемъ такъ наз. булыгинской конституціи. Это былъ такой жалкій отвѣтъ

на тѣ требованія, которыя весь послѣдній годъ высказывались разными слоями населенія, что какъ большинство интеллигенціи, такъ и рабочіе отнеслись къ ней отрицательно, даже еще до ея появленія на свѣтъ. Мужъ вмѣстѣ со всей редакціей „Русскаго Богатства“ присоединился къ этому отрицательному отношенію.

Если первая половина этого года была полна тревогъ и волненій, то теперь эти тревоги и волненія удесятерились.

Въ концѣ августа правительство, потерявъ надежду собственными силами ввести правильную жизнь въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, передало эту функцію совѣтамъ профессоровъ, установивъ автономію университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Студенты объясняли эту автономію въ томъ смыслѣ, что и они до нѣкоторой степени становятся хозяевами университетовъ, и, прекративъ забастовку, открыли его двери для всѣхъ желающихъ. Въ то время, когда въ однихъ аудиторіяхъ еще продолжали читаться лекціи, въ другихъ собирались митинги разныхъ революціонныхъ партій или забастовавшихъ рабочихъ и служащихъ, обсуждавшихъ свои экономическія нужды. Эти митинги принимали все болѣе и болѣе значительные размѣры и собирали по нѣсколько тысячъ человѣкъ. Къ октябрю массы рабочихъ заняли всѣ аудиторіи и обсуждали уже вопросы не экономическіе, а политическіе, на митингахъ поднимался вопросъ о всеобщей политической забастовкѣ, раздавались призывы къ вооруженному возстанію. Рядомъ съ высшими учебными заведеніями въ общемъ движеніи принимали участіе и среднія. Полиція чувствовала свое безсиліе передъ университетами и не показывалась туда, а съ уличными демонстрантами расправлялась самымъ безцеремоннымъ образомъ, разгоняла и избивала ихъ.

9 октября началась всеобщая политическая забастовка; забастовалъ весь узелъ московскихъ желѣзныхъ дорогъ, за нимъ и петербургскій. Союзъ союзовъ рѣшилъ примкнуть къ общей забастовкѣ; но еще ранѣе къ ней примкнули различные союзы, какъ интеллигентныхъ, такъ и неинтеллигентныхъ профессій: инженеры, адвокаты, служащіе въ судѣ, учителя, рабочіе электрической станціи, медицинскій персоналъ (члены союза), фармацевты, телеграфисты, почтальоны. На митингѣ 15 октября въ В.-Экономическомъ обществѣ чиновники государственнаго банка и министерства финансовъ рѣшили присоединиться къ общей забастовкѣ. Нормальная жизнь во всей странѣ прекратилась. Лишенная желѣзнодорожнаго сообщенія, почты и телеграфа, отдѣльные части ея жили своею собственною жизнью, смутно представляя себѣ, что дѣлается въ центрѣ.

Петербургъ имѣлъ въ эти дни совершенно необычную физіономію. Большинство магазиновъ и мастерскихъ было заперто.

Безъ электрическаго освѣщенія улицы по вечерамъ были темны. Днемъ нарядные господа, прогуливающіеся пѣшкомъ и въ экипажахъ, исчезли. Въмѣсто нихъ тысячами расхаживали бастующіе, которые „снимали“ съ работы своихъ товарищей и заставляли хозяевъ закрывать мастерскія и торговыя заведенія. Они въ сущности не дѣлали никакихъ насилій, но одно появленіе ихъ наводило такой паническій страхъ на торговцевъ, что тѣ безпрекословно повиновались.

Кромѣ рабочихъ, „снимаемымъ“ занимались ученики средно-учебныхъ заведеній. Они ходили въ школы, которыя еще не были закрыты, и требовали немедленнаго прекращенія занятій. Они тоже не встрѣчали сопротивленія. Ребята съ большой охотой забирали свои книги и присоединялись къ нимъ, учителя покорялись.

На площадяхъ и перекресткахъ безпрестанно собирались большія толпы, шумѣли, волновались и быстро разбѣгались, чтобы сойтись на другомъ мѣстѣ, когда на нихъ насккивалъ отрядъ полицейскихъ или солдатъ, развѣзжавшихъ по городу. На окраинахъ города, около фабрикъ и заводовъ, у дверей университета, технологическаго и горнаго институтовъ толпы эти были громадны, тысячи человѣкъ ждали своей очереди войти. Тамъ въ залахъ шли постоянные политическіе митинги, а въ аудиторіяхъ собранія отдѣльныхъ профессій.

Многіе вспоминаютъ эти дни, какъ дни необыкновеннаго подъема духа, увлеченія борьбой, надежды на близкую побѣду. Для меня это были дни мучительной тревоги. Я была слишкомъ слаба, чтобы принимать активное участіе въ борьбѣ, и слишкомъ стара, чтобы увлекаться надеждой. Мужъ опять почти не жилъ дома. Къ безпокойству о его здоровьи, которому, какъ я знала, сильно вредили всѣ публичныя выступленія, примѣшивался и другой страхъ: я боялась за него той грубости, съ какою дѣйствовала разнузданная полиція и озвѣрѣвшіе солдаты.

15 октября на стѣнахъ домовъ появились огромныя афиши съ приказомъ генералъ-губ. Трепова войскамъ: разгоняя толпу, „патроновъ не жалѣть и холостыхъ выстрѣловъ не дѣлать“. 16 всѣ высшія учебныя заведенія были оцѣплены войскомъ и внутрь никого не впускали. 17 вечеромъ было назначено засѣданіе бюро петербургскихъ союзовъ въ залѣ Вольно-Экономическаго общества. Мужъ поѣхалъ туда, а я осталась дома одна ждать его и волноваться.

Часовъ въ 12 ко мнѣ вдругъ вошла кухарка и протянула какой-то газетный листокъ.

— Дворникъ принесъ, — объявила она — велѣлъ вамъ передать, говорить: „господамъ интересно будетъ прочитать“.

Я взяла бумагу. Что это такое? Манифестъ? Читаю и глазамъ не вѣрю! Неприкосновенность личности, свобода совѣсти, слова, собраній, союзовъ! Привлечены къ участію въ Думѣ тѣ классы

населенія, которые нынѣ лишены избирательныхъ правъ... Надзоръ за закономѣрностью дѣйствій властей... Да вѣдь это конституція, настоящая, не булыгинская!

Послѣ этого я съ еще большимъ нетерпѣніемъ стала ждать возвращенія мужа. Если ужъ дворники разносятъ такіе листки, то они, конечно, давно получены въ Вольно-Экономическомъ обществѣ, и митингъ не затянется. У всякаго явится желаніе обдумать наединѣ вновь создавшееся положеніе дѣлъ, прежде чѣмъ выступать съ публичными заявленіями по поводу его. Но вотъ прошелъ часъ два, а мужа все нѣтъ... Наконецъ, уже въ три часа раздался его звонокъ, и онъ вошелъ въ комнату возбужденный, радостный...

— А, ты уже знаешь!—вскричалъ онъ, увидѣвъ листокъ у меня на столѣ.

Я рассказала ему, какъ получила манифестъ.—Что же это такое?—спрашивала я.—Неужели настоящая конституція?

— Повидимому.

— Значитъ, кончили незаконныя высылки, аресты, цензурныя стѣсненія, административный произволъ! Какъ странно будетъ намъ, старикамъ, привыкать къ новымъ порядкамъ!

— Ничего, привыкнемъ! — засмѣялся мужъ. — Вотъ только жалко, — прибавилъ онъ — что я не успѣлъ посидѣть въ предварилкѣ, во всѣхъ другихъ тюрьмахъ побывалъ, а въ эту такъ и не попаду. — Я спросила, отчего онъ такъ поздно вернулся, гдѣ былъ сегодня ночью.

И онъ рассказалъ мнѣ, что въ Вольно-Экономическое общество принесли манифестъ часовъ въ 11. Конечно, всѣ съ жадностью ухватились за него, читали его, разбирали какъ его, такъ и докладъ гр. Витте, нѣкоторые высказывали недовѣріе и разныя критическія замѣчанія, но большинство было довольно и торжествовало побѣду надъ старымъ строемъ. Вдругъ въ залу вбѣжало нѣсколько чело-
вѣкъ.

— Вы тутъ разсуждаете о конституціи, — говорили они, — а въ Технологическомъ студентовъ разстрѣливаютъ! — Поднялся общій переполохъ. Когда шумъ въ залѣ затихалъ, дѣйствительно слышались ружейныя выстрѣлы. Дѣло въ томъ, что Технологическій институтъ, какъ и прочія высшія учебныя заведенія, былъ оцѣпленъ войсками, но нѣсколько десятковъ студентовъ остались въ немъ и не соглашались выйти.

Немедленно рѣшили выбрать нѣсколько чело-
вѣкъ и отправить ихъ къ гр. Витте. Поѣхалъ мужъ и еще три, четыре чело-
вѣка. Хотя былъ уже второй часъ ночи, но министръ принялъ ихъ немедленно, онъ вышелъ къ нимъ въ туфляхъ и въ халатѣ. Они объяснили причину своего несвоевременнаго прихода и просили графа прекратить пальбу, которая такъ не соответствовала объ-
щаніямъ манифеста.

Онъ очень взволновался, заявилъ, что это печальное недоразумѣніе, что не всѣ части войскъ уже знаютъ о манифестѣ и что онъ сейчасъ поговорить по телефону, съ кѣмъ слѣдуетъ. Онъ вышелъ въ другую комнату и черезъ нѣсколько минутъ вернулся, говоря, что все улажено, войска будутъ отозваны и студенты могутъ свободно выйти.

Депутація собиралась откланяться, но онъ удержалъ ихъ и началъ разговоръ объ общемъ положеніи дѣлъ. Онъ жаловался на трудность своего положенія, на массу недоброжелателей, съ которыми ему приходилось бороться, чтобы провести реформу, говорилъ, что для осуществленія ея ему необходимы довѣріе и поддержка общества, что онъ уже обращался къ одному извѣстному общественному дѣятелю и просилъ его принять портфель въ новомъ министерствѣ, но дѣятель наотрѣзъ отказался. Теперь онъ заводитъ переговоры съ другимъ, грустно, если и тутъ будетъ неудача; общество должно бы идти на встрѣчу правительству.

— Общество уже не вѣритъ словамъ,—замѣтилъ мужъ,—ему нужны хоть какіе-нибудь факты. Для Петербурга необходимо прежде всего удаленіе генерала Трепова.

Гр. Витте отвѣчалъ, что этого онъ не можетъ обѣщать, на это не хватаетъ его вліянія.—Къ тому же,—прибавилъ онъ,—предубѣжденіе противъ генерала Трепова совершенно несправедливо. Это вполнѣ порядочный человѣкъ, либеральный, искренній сторонникъ конституціи.

На этомъ разговоръ кончился. Когда депутація возвращалась въ Вольно-Экономическое общество, солдатъ около Технологическаго института уже не было.

Всю остальную ночь мы съ мужемъ проговорили объ этомъ странномъ ночномъ разговорѣ перваго министра съ какими-то случайно явившимися, никѣмъ не уполномоченными людьми и, главное о тѣхъ возможностяхъ, которыя открывались въ будущемъ...

Актъ 17 октября положилъ конецъ прошлому. Съ него, худо ли, хорошо ли, началось настоящее. Въ это настоящее мужъ вступилъ съ расшатаннымъ здоровьемъ, съ надорванными силами и, не смотря на все желаніе, уже не могъ принимать въ немъ достаточно дѣятельнаго и энергическаго участія.

А. Анненская.

Старый лѣсникъ.

(Окончаніе).

4.

Эъ ту ночь никто не пріѣхалъ—и утромъ тоже не было, и за день никто не показался... А Гавря жилъ, не чувствуя ни малѣйшей неловкости отъ того, что онъ былъ въ чужомъ домѣ, гдѣ хозяинъ угрюмъ и неразговорчивъ и бродить со двора въ домъ, словно не зная, за что приняться.

Гость обѣдалъ, пилъ чай, игралъ на гармоніи и въ карты съ Ньюшей—и все дѣлалъ такъ, словно онъ былъ здѣсь хозяинъ, а старика даже не замѣчалъ. Вечеромъ, послѣ уборки лошади, старикъ неожиданно вошелъ въ избу и видѣлъ, какъ Ньюша, сидя на табуреткѣ противъ Гаври, протянула далеко по столу обнаженные руки и смѣется, глядя парню въ лицо своими черными, таинственными глазами. Когда дверь стукнула, она подняла голову и приняла руки, но не оглянулась, и та же странная, влекущая улыбка застыла у нея на губахъ.

Старикъ почувствовалъ, какъ всему тѣлу стало вдругъ жарко и на бритой губѣ мелкими росинками выступила испарина. Но онъ не показалъ виду, поставилъ фонарь на лавку и тщательно загасилъ его.

И въ этотъ вечеръ никто не пріѣхалъ—и это ужъ было нехорошо. Далекая тревога копошилась гдѣ-то въ темномъ уголкѣ мозга и раза два старикъ подымался и окликалъ:

— Кавря, а, Кавря?!

— Ну?—отзывался тотъ изъ-за перегородки.

— Не слышать... Тихо-ль тамъ? Долженъ бы быть!..

Гавря ворочался, прислушиваясь, и поддакивалъ:

— И впрямь не слышно будто... Надо бы быть, а нѣтъ!.. Только что наврядъ что неладное... Рятсепъ толковый—онъ

не попадется. Развѣ мужичье сиволапое гдѣ опознали — только врядь!.. Ужо къ утру будетъ, вѣрно!..

И опять засыпалъ, а старикъ лежалъ, прислушиваясь, — и все ему чудились смуглыя, протянутыя по столу руки, и голова въ пестрой лентѣ, склонившаяся на нихъ, и глаза: черные и влекущіе, общающіе и непонятные, будившіе темный холодъ, похожій на внезапный испугъ.

— Sa currat!.. — бормоталъ старый лѣсникъ и тянулся за трубкой, — старый дуракъ!..

Неизвѣстно, какъ и когда пришла дремота, только вдругъ что-то подбросило старика съ лавки и онъ вскочилъ съ остановившимся сердцемъ и трясущимися губами. И, еще не понимая, что случилось, услышалъ острое тьяканье собаки на дворѣ и легкій свистъ, заглушенный негромкимъ постукиваніемъ колесъ.

Кто-то остановился у воротъ и собака перестала лаять. Старикъ взглянулъ въ окно — мѣсяцъ свѣтилъ послѣднимъ тающимъ свѣтомъ и уже вошла въ воздухъ молочно-сѣрая дымка ранняго утра.

За переборкой скрипнула кровать и Гавринъ голосъ спросилъ:

— Есть?

Старикъ молча зажегъ фонарь и поэтому Гавря догадался, что надо вставать. Онъ сталъ одѣваться, старикъ вышелъ, и черезъ минуту слышно было, какъ онъ отворяетъ ворота.

Телѣга уже вкатилась во дворъ, громко стуча колесами по намерзшей землѣ, ворота опять заскрипѣли, запираясь, изъ конюшни заглушенно и слабо донеслось ржаніе почуявшего лошадей жеребца. А старикъ все не шелъ. Чуть слышно бубнили голоса на дворѣ, словно торгуясь о чемъ-то, и часто слышалось знакомое ругательство:

— Currat! Чортъ!..

Нюша тоже проснулась, накинула юбку и платокъ и зажгла лампу. Она хотѣла опять лечь, потому что ей надоѣло это ночное шатанье, какъ вошелъ старикъ и съ нимъ бородатый чухна — она знала теперь, что его зовутъ Рятсепъ.

Старикъ почти бросилъ фонарь и прямо прошелъ за переборку къ Гаврѣ. Было что-то въ тяжелой походкѣ, въ квадратныхъ плечахъ старика, въ замкнутомъ лицѣ, отчего Нюша вдругъ остановилась и не легла.

Старикъ молча подошелъ къ Гаврѣ и сталъ противъ него.

За перегородкой, гдѣ они стояли, былъ полумракъ и свѣтъ лампы лежалъ на полу только у двери. Гавря по-

дался назадъ и мягкимъ, кошачьимъ движеніемъ скользнулъ у ремешка, замѣнявшаго поясъ. Но онъ одѣвался торопливо, ремешокъ успѣлъ только кое-какъ нахватить — и ножъ оказался не на привычномъ мѣстѣ возлѣ лѣваго бока, а сзади. И не успѣлъ онъ сообразить это, какъ страшный ударъ подъ челюсть опрокинулъ его.

Онъ не вскрикнулъ, даже не застоналъ, хотя кровь соленой волной переполнила ротъ, только скорчился и метнулся старику подъ ноги. И огромный тяжелый лѣсникъ съ грохотомъ полетѣлъ на полъ, роняя столикъ и еще что-то.

— Врешь, молота еще!..—рычалъ старикъ, катаясь по узкой комнатѣ, наталкиваясь на поваленный столъ и ножки кровати,—врешь!..

Онъ рванулъ ножъ, висѣвшій въ кожаныхъ ножнахъ на поясѣ Гаври, ремешокъ съ трескомъ лопнулъ и ножъ вылетѣлъ черезъ дверь въ первую комнату.

— Ты коней ждалъ, та-акъ?! — хрипѣлъ старикъ, глуша кулакомъ полузадушеннаго съ запрокинувшейся головой Гаврю прямо по лицу, — ты два дня жилъ, коней ждалъ? А кони раньше и не должны быть, я знаю, какихъ ты коней ждалъ!.. Ты Аннуску ждалъ, два дня для ней жилъ, ты та-акъ!

Нюша въ ужасѣ бросилась было туда, но бородатый грубо рванулъ ее за руку.

— Оставь! Пусть подрался! — коротко сказалъ онъ и, прислонившись къ печкѣ, сталъ вертѣть цыгарку: — ихъ дѣло!..

Гавря уже не сопротивлялся и только пытался защитить голову. Старикъ вскочилъ, ударилъ его ногой, потомъ опять наклонился и, замахнувшись, секунду выбиралъ мѣсто — куда ударить? И когда Гавря отвелъ руку, онъ изо всей силы опустилъ кулакъ на темя.

— Убейте, ахъ, убейте!.. — ломая руки, металась возлѣ двери Нюша,—убейте онъ его!..

Это какъ будто пробудило старика. Онъ выпрямился, ударилъ еще разъ ногой, обутой въ обрѣзокъ сапога, и шагнулъ къ ней. Лицо у него было возбужденное, на лбу чернѣло пятно крови, а глаза совсѣмъ сузились и сверкали, какъ блестящіе камушки.

Не говоря ни слова, онъ однимъ движеніемъ схватилъ Нюшу за разбившіеся волосы и началъ кружить рукою въ воздухѣ. Она замоталась около него, бессильно взмахивая голыми руками, едва удерживаясь на ногахъ.

— Дрянъ... Дура!..—бормоталъ старикъ, стиснувъ зубы, и швырнулъ ее за занавѣску, — глупый баба, не знаетъ, что

дѣлаетъ...—проговорилъ онъ, выходя на середину комнаты,—ду-у-ррракъ!..

Онъ наклонился, поднялъ ножъ въ кожаныхъ ножнахъ на оборванномъ ремешкѣ и опустилъ его въ карманъ.

— Currat... — ворчалъ онъ, садясь и набивая трубку трясущимися руками,—онъ лошадей ждалъ, а? три дня ждалъ, а онъ сегодня и должны быть! Такъ и писали, что сегодня, а онъ два дня...

Сизый утренній свѣтъ мѣшался съ желтымъ огнемъ лампы и отъ этого лица его и бородатаго выглядѣли землистыми и суровыми. За перегородкой Гавря, сплевывая кровь и выбитые зубы, поспѣшно одѣвался. Сверху съ печки на него глядѣла дѣвочка и глаза у нея были совсѣмъ круглые. Старикъ посмотрѣлъ на нее и привсталъ было, но опять сѣлъ.

Бородатый бросилъ цыгарку, затопталъ ее ногою и быстро заговорилъ. Старикъ отвѣчалъ односложно, пыхтѣлъ трубкой и, все еще волнуясь, ругался:

— Чортъ... Коней ждалъ... Я знаю, я вижу, чего онъ ждалъ!.. Sa currat!..

Гавря вышелъ совсѣмъ одѣтый, въ надвинутомъ низко капюшонѣ кафтана и молча прошелъ къ двери. Лицо у него опухло, одного глаза совсѣмъ не было видно, а около рта была кровь. Бородатый двинулся за нимъ и у двери чуть не натолкнулся на него, потому что тотъ неожиданно остановился.

— Ну, ладно, Густавъ, попомнишь ты!—проговорилъ Гавря, оборачиваясь,—узнаешь, какъ бить Гаврилу Лукина!..

— Латно, ступай... А то я...

Старикъ всталъ, но Гавря уже вышелъ.

— То-то, Кавря!.. — пробормоталъ старикъ, снова садясь.

Онъ потянулъ затухшую было трубку, красный уголекъ вспыхнулъ, старикъ потянулъ сильнѣе. Потомъ, когда трубка раскурилась, потушилъ лампу и всталъ, прислушиваясь.

Загремѣли колеса, скрипнули ворота, и опять колеса загремѣли по мерзлой землѣ. Когда стукъ сталъ удаляться, онъ заглянулъ за занавѣску. Нюша лежала, уткнувшись лицомъ въ подушку, и длинные спуганные волосы свѣшивались почти до полу.

Старикъ пожевалъ губами, пыхнулъ трубкой и пошелъ запираеть ворота.

5.

Съ тѣхъ поръ глухое молчаніе встало подъ низкимъ потолкомъ старой корчмы. Утромъ всѣ вставали, перебрасывались короткими словами, и постороннему человѣку могло показаться, что жизнь здѣсь обыкновенная, похожая на жизнь

тысячи другихъ людей. Но такъ могло казаться только постороннему человѣку.

Въ тяжелую пустоту дней, въ длинные часы бездѣлья, когда руки ни къ чему не тянутся, вошло нѣчто. Въ молчаливомъ ожиданіи оно стояло въ каждомъ углу, и всѣ чувствовали незримое присутствіе его и часто, безъ всякой причины, пугались. И даже ночью, во время сна, отблескомъ сознанія не забывали его и, просыпаясь, подымали голову и слушали. Потомъ опять забывались чуткой, тревожной дремой.

Старикъ ходилъ въ лѣсъ на обходы и пропадалъ иногда съ утра до темноты, но часто, поднявъ голову, съ изумленіемъ видѣлъ, что онъ вертится, какъ привязанный невидимой нитью, вокругъ своей сторожки. Тогда онъ хмуро поджималъ губы, и, не смотря, на внѣшнюю суровость, странная растерянность проступала на его лицѣ, и похожъ онъ былъ тогда на человѣка, внезапно заблудившагося въ знакомомъ мѣстѣ.

Возвращаясь домой, онъ молча ложился спать, закусивъ раскрошеннымъ въ кружкѣ воды хлѣбомъ, что называлъ страннымъ словомъ „путра“.

Сильно постарѣлъ онъ за послѣднее время и не то чтобы посѣдѣлъ, а опустился, обрюзгъ, словно сила, свободно и легко носившая тяжелое коренастое тѣло, внезапно ушла и вдругъ почувствовалась вся тяжесть прожитыхъ долгихъ лѣтъ...

Нюша какъ будто не замѣчала его совсѣмъ — медленно ходила по комнатѣ, гадала на картахъ, зѣвала отъ скуки и подолгу сидѣла, глядя въ полъ. На мужа она старалась не смотрѣть и, когда надо было сказать что-нибудь, отворачивалась и говорила коротко и быстро.

И только одна нѣмая дѣвочка по прежнему ставила самовары, чистила картошку, мыла посуду и все время сновала по комнатѣ, шлепая босыми ноженками по грязному полу.

Но порою, когда Нюша шла на оврагъ къ ключу, или вошла на дворъ съ чѣмъ-нибудь — она робко подходила къ старику, вопросительно смотрѣла на него круглыми, синими глазами и стояла такъ подолгу. Часто онъ не замѣчалъ ея, глядя куда-то затуманеннымъ, невидящимъ взоромъ, потомъ опускалъ глаза и долго, словно усиливаясь сообразить — что ей нужно? — смотрѣлъ на нее. И, протянувъ руку, привлекалъ ее къ себѣ и грустно гладилъ прикипшую въ молчаливомъ стремленіи головку. Такъ они сидѣли въ полномъ молчаніи, растерянные и слабые, смутно ощущая невидимое присутствіе чуждой, враждебной силы...

А, когда на крыльцѣ или въ сѣняхъ раздавались знако-

мые, короткіе шаги, старикъ отталкивалъ дѣвочку и чуть-чуть дрожащими руками пытался набить трубку.

Разъ Нюша застала ихъ такъ и неуловимая усмѣшка скользнула по ея лицу. Старикъ взглянулъ на нее, но черныя рѣсницы ея дрогнули и опустились и только около губъ еще змѣнилось что-то насмѣшливое или жестокое, что видѣлъ онъ на ея лицѣ въ иную минуту этихъ молчаливыхъ, угрюмыхъ дней... Жена была такою же, какъ и прежде, но чувствовалось, что она ничего не забыла изъ той ночи, когда послѣдній разъ были бородатый и Гавря.

Въ воскресенье, передъ тѣмъ, какъ идти къ управляющему, которому онъ хотѣлъ снести убитую наканунѣ тетерку, старикъ пристроилъ маленькое зеркальце на подоконникѣ и хотѣлъ бриться. Но бритва оказалась тупой и онъ поискалъ ремня, потомъ вспомнилъ, что ремень на полкѣ въ сѣняхъ. Проходя черезъ большую комнату, онъ видѣлъ, что Нюша сидитъ уже у окна за столикомъ, на которомъ клокоталъ зеленый, Богъ знаетъ когда чищенный самоваръ; нѣмая заваривала чай, а Нюша разсѣянно смотрѣла въ окно.

Прежде старикъ сказалъ бы, что самоваръ надо почистить, что нехорошо запускать такую грязь, а теперь только поджалъ губы и вышелъ. Онъ долго искалъ ремень, а когда нашелъ—попробовалъ править. Бритва была сильно оточена, и давно уже пора бы купить новую, но старикъ подумалъ объ этомъ больше по привычкѣ. Чтобы попробовать остроту ея, онъ слегка надрѣзалъ висѣвшую тутъ же сѣделку съ оборванной подпругой—и ее онъ давно собирался починить и все никакъ не могъ собраться.

И тутъ онъ неожиданно подумалъ о странности, вошедшей въ его жизнь: какъ большинство эстонцевъ, онъ былъ аккуратнымъ хозяиномъ, любилъ порядокъ и никогда не запускать хозяйственныхъ неисправностей. Но только теперь, стоя въ холодныхъ сѣняхъ, глядя на грязный дворъ, онъ вдругъ вспомнилъ, что сѣделка виситъ здѣсь двѣ недѣли, что въ линейкѣ треснула подмога и на ней нельзя ѣздить, что дворъ запущенъ и грязь замерзла на немъ и теперь ее надо рубить топоромъ...

Старикъ вспомнилъ расковавшуюся, давно нечищенную лошадь, немытые полы въ комнатахъ, зеленый отъ грязи самоваръ, свою драку съ Гаврей—и ему показалось, что онъ заблудился въ знакомомъ, извѣстномъ мѣстѣ...

Надо было подумать что-то важное, очень пужное, что должно было объяснить странную перемѣну, какъ за стѣной что-то грохнуло, зазвенѣло, какъ пустое ведро, покотившись по полу, и тонкій, жалобный визгъ донесся оттуда. Онъ рванулъ дверь—и вдругъ почувствовалъ, какъ колѣни у него

задрожали и холодная тошнота ужаса сжала остановившееся сердце.

Почти посреди комнаты, далеко откатившись отъ стола, въ огромной дымящейся лужѣ, лежалъ опрокинутый самоваръ. А ближе, путаясь обваренными руками, похожими на какія-то паучьи лапки, по этой лужѣ ползъ къ нему красный, кровавый комочекъ и негромко и страшно визжалъ тоненькимъ голоскомъ...

Былъ моментъ, когда онъ, не смотря на охватившій его ужасъ, не понималъ, что это за комочекъ. Онъ взглянулъ на жену — она стояла, выскочивъ изъ-за стола, слегка опираясь на него, и черные, жуткіе глаза почти физическимъ ощущеніемъ толкнули его. Это былъ одинъ моментъ — но никогда во всю свою послѣдующую жизнь онъ не могъ забыть этихъ настойчивыхъ, властныхъ и страшныхъ глазъ — еще болѣе страшныхъ оттого, что, прячась въ яркихъ губахъ, острой змѣйкой скользила непонятная, жестокая усмѣшка...

Онъ кинулся къ дѣвочкѣ, схватилъ ее — и опять выпустилъ, почувствовавъ подъ рукою живое мясо, а она кружила своими паучьими лапками около его ногъ и визжала тоненько. Тогда, сжавъ зубы отъ ужаса и жалости, онъ схватилъ ее опять и понесъ къ себѣ. И тамъ, положивъ на кровать, заметался, не зная, что дѣлать. Схватилъ бутылку съ постнымъ масломъ и началъ лить на красное, обнаженное тѣло, по которому уже вздувались огромные бѣлые пузыри, бросилъ бутылку и вдругъ, обезсилѣвъ, припалъ къ кровати и къ маленькому обваренному тѣльцу...

Все послѣдующее онъ помнилъ такъ, какъ будто бы былъ сильно пьянъ и въ головѣ у него мутилось и связь между отдѣльными моментами терялась.

Разрѣзая ножомъ мокрый ситецъ, онъ снялъ одежду, потомъ сидѣлъ, держа на рукахъ положенное на подушку тѣло, — а оно извивалось и все стонало тоненькимъ, непрерывнымъ стономъ. Потомъ вдругъ стало темно и въ сосѣдней комнатѣ зажглась лампа и свѣтлый квадратъ легъ у двери. Онъ все качалъ подушку и руки онѣмѣли совсѣмъ, и въ головѣ не было мыслей — одна темная звенящая пустота. Разъ онъ хотѣлъ погладить золотистые волосы надъ краснымъ, въ сумракѣ казавшимся чернымъ струпомъ — и съ изумленіемъ замѣтилъ, что они легко отстаютъ, прилипая къ рукѣ.

Ночью, когда свѣтъ за дверью погасъ и все потонуло въ темнотѣ, стоиъ прекратился. А немного погода тѣло перестало двигаться и мелкая судорога пошла по нему. Оно все дрожало этой судорогой — и отъ этого было страшно. Потомъ вдругъ толкнулось и перестало дрожать, а онъ все сидѣлъ

и качалъ подушку, съ далекимъ удивленіемъ прислушиваясь къ новому ощущенію одиночества въ темной комнатѣ.

Утромъ онъ вышелъ въ сѣни, нашелъ пилу, топоръ и гвозди и ушелъ подъ навѣсъ. Тамъ онъ рубилъ и строгалъ, пристроившись на козлахъ, гдѣ пилили дрова, и часто бранился оттого, что рубанокъ плохо бралъ зазубренной сталью и пилу никакъ нельзя было направить.

Временами онъ клалъ инструментъ, садился на стоявшую тутъ же линейку и, свѣсивъ большія, темныя руки, думалъ.

Потомъ опять пилилъ и стругалъ, сколачивая гвоздями. И къ полдню принесъ въ комнату пахнущій свѣжимъ еловымъ тесомъ гробикъ. Онъ бережно уложилъ на мягкія стружки то, что осталось отъ голубоглазой дѣвочки съ золотистыми волосами, прикрылъ чистымъ полотенцемъ и прихватилъ крышку двумя гвоздями, чтобъ не сползала въ дорогѣ.

Потомъ надѣлъ праздничную шляпу, обернулъ горло огромнымъ шарфомъ и пошелъ къ двери, но остановился. За все время онъ ни разу не взглянулъ на жену и дѣлалъ все такъ, какъ будто ея совѣтъ не было. Но тутъ онъ подождалъ, когда она вышла зачѣмъ-то въ сѣни, прислушался и, низко наклонившись къ полу, выдвинулъ одну кирпичину изъ печки; пошарилъ рукой и досталъ круглую жестяную коробку, въ какихъ обыкновенно продаютъ дешевыя конфеты. Съ крышкой пришлось долго возиться, потому что пальцы не слушались, но все же онъ открылъ ее—взялъ изъ коробки три серебряныхъ рубля, подумалъ и еще взялъ три. Потомъ закрылъ коробку, уложилъ ее, задвинулъ кирпичиной и, подхвативъ гробикъ подъ мышку, пошелъ. Старая пѣгая собака, лежавшая подъ крыльцомъ, слышавъ его шаги, вылѣзла и побрела зади.

Стало какъ будто теплѣе и синія, набухшія тучи посѣлѣ ниже. Когда онъ проходилъ боромъ, медленно кружась бѣлой звѣздочкой, лѣниво упала первая снѣжинка. Онъ остановился, посмотрѣлъ вверхъ и по сторонамъ; на темнозеленомъ, почти черномъ бархатѣ строгихъ прямыхъ елей мелькнула вторая бѣлая бабочка, потомъ третья; потомъ упало еще три и еще—и медленно, неуверенно пошелъ первый снѣгъ.

Старикъ прошелъ нѣсколько шаговъ, но острый край гроба рѣзалъ руку; онъ поставилъ его на землю, сѣлъ на пенекъ и снялъ шляпу. Собака тоже сѣла поодаль и, склонивъ голову на бокъ, подняла одно ухо. Снѣгъ пошелъ гуще—бѣлыя звѣзды садились на холодную землю, на гробъ и ихъ было все больше и больше

Собакаѣ, должно быть, стало холодно; она встала, подошла къ гробу и понюхала. Потомъ вернулась на прежнее мѣсто, легла и, поднявъ острую, старую морду вверхъ, завывла негромкимъ, вздрагивающимъ воємъ.

6.

Съ погоста старикъ вернулся поздно, когда Нюша уже спала и долго стучалъ въ окно. Снѣгъ все еще падалъ, закрылъ черную землю, повисъ на вѣтвяхъ деревьевъ, большими шапками налегъ на столбы у воротъ.

Когда Нюша открыла и старикъ вошелъ, на плятѣ, плечахъ, на намотанномъ вокругъ шеи шарфѣ—вездѣ былъ этотъ легкій, быстро тающій снѣгъ.

Лѣсникъ медленно раздѣлся, отряхнулъ его и зажегъ лампу. Потомъ вытащилъ изъ кармана желтую бутылку съ коньякомъ, сѣлъ къ столу и придвинулъ грязный, не убраннй послѣ чаю стаканъ. Онъ налилъ половину его, медленно выпилъ, сплюнулъ и закурилъ трубку.

Оттого, что онъ за все время не сказалъ ни слова и дѣлалъ все съ обдуманнмъ спокойствіемъ, Нюшѣ стало страшно. Она ушла къ себѣ за занавѣску, но не легла, а присѣла на кровать и ждала.

Старикъ опять налилъ полстакана похожаго на крѣпкій чай коньяку, запрокинулъ голову и Нюша изъ-за занавѣски видѣла, какъ съ каждымъ глоткомъ быстро дергается внизъ и вверхъ по морщинистой шеѣ крупный, кослявый кадыкъ.

Въ этомъ кадыкѣ, такъ же, какъ и въ старческой, выросшей у подбородка серебристой щетиной шеѣ было тоже страшное. Нюша крѣпко вцѣпилась холодными пальцами въ одѣяло, наклонила голову и исподлобья слѣдила за каждымъ движеніемъ мужа.

А онъ положилъ локоть на столъ, оперся головой на руку и задумался. Потомъ опять налилъ коньяку, выпилъ и громко и противно плюнулъ.

Тогда въ молчаливой, какъ будто пустой избѣ, стало рости пугающее напряженіе. При каждомъ движеніи мужа Нюша вздрагивала и крѣпче сжимала цѣпкими пальцами ватное одѣяло. А старикъ все пилъ, отхаркиваясь, какъ будто ему давило горло, и думалъ.

Разъ онъ двинулся и Нюша застыла за занавѣской—но онъ только снялъ пиджакъ, не глядя, кинулъ его на лавку и отстегнулъ ремешокъ у пояса. Онъ бросилъ его на столъ и Нюша узнала его это: былъ Гавринъ ремешокъ, тотъ

самый, что сорвалъ старикъ въ дракъ—и въ черныхъ ножнахъ болтался на немъ пристегнутый финскій ножъ.

Отъ дыма трубки, которую непрестанно курилъ старикъ, синее облако стояло около лампы. Оно было почти неподвижно и только слегка растягивалось въ стороны, и огонь сквозь него мерцалъ тускло и блѣдно.

А старикъ все курилъ, пилъ коньякъ, котораго въ бутылкѣ оставалось уже совсѣмъ немного и временами какъ будто прислушивался.

Что онъ слушалъ? Чего ждалъ? Можетъ быть, ловилъ старческимъ ухомъ проворное шлепанье маленькихъ босыхъ ногъ и, опомнившись, снова опускалъ голову, одинокій больше, какъ еслибы сидѣлъ совершенно одинъ въ заброшенной сторожкѣ...

Иногда по его лицу проходили тѣни—или это казалось такъ отъ дымнаго свѣта лампы. Тогда старое, коричневое лицо, изрытое морщинами, внезапно темнѣло, глаза потухали и напоминало оно потрескавшуюся отъ засухи землю, по которой ползетъ холодная тѣнь скользящаго гдѣ-то высокаго облака.

О чемъ онъ думалъ?

Нюша устала, напряженное ожиданіе колотило ее ознобомъ. Она уже не чувствовала рукъ и ей казалось, что такъ стоитъ она безконечно долго, цѣлые часы, что никогда не настанетъ день и всегда будетъ сидѣть ужасный старикъ...

Ночь распласталась вокругъ одинокой корчмы, гдѣ когда-то зарѣзали стараго еврея, развернулась черными крыльями по полямъ, стала въ лѣсу, легла на пустынную дорогу и въ мертвомъ молчаніи ея падали медленные безчисленные снѣжинки...

Тяжелой тучей висѣлъ горькій, пахучій дымъ въ комнатѣ и казалось, что отъ него такъ трудно дышать и невозможно пошевелиться. Какая страшная, безконечная была ночь!..

Женщина за занавѣской уже не ощущала времени, ничего не думала и не чувствовала и, казалось, вся жизнь ея зжалась въ маленькій комочекъ и давить сердце напряженнымъ ожиданіемъ. А тотъ сидѣлъ, смотрѣлъ передъ собою острыми, какъ блестящіе камушки, глазами и думалъ...

И когда молчаніе стало почти безумнымъ и женщина готова была упасть, забиться въ истерикъ и завывать отъ ужаса—за окномъ, неожиданно близко, раздался топотъ и почти одновременно бѣшеный стукъ въ окно.

Старикъ подпрыгнулъ, уронилъ стаканъ и вскочилъ. Опять затрещали по стеклу—должно быть, кнутовищемъ,

глухой голосъ бубнилъ что-то и лошадь брякала желѣзомъ и храпѣла.

Лѣсникъ наклонился къ окну и узналъ Донатъ Ивановича. Управляющій былъ безъ шапки, въ короткомъ разстегнутомъ полушубкѣ и около него металась черная на тускло-бѣломъ снѣгу лошадь.

— Отвори! Бѣда, Густавъ Карлычъ, отвори скорѣй! — бубнилъ Донатъ Ивановичъ, сдерживая лошадь, — отвори ради Бога...

Старикъ махнулъ рукой и побѣждалъ отворять. Управляющій вошелъ быстро, качаясь, словно пьяный, и какъ вошелъ — сѣлъ, почти упавъ на лавку. Онъ тяжело дышалъ отъ быстрой ѣзды и отъ волненія, и оглянулъ комнату безсмысленнымъ невидящимъ взглядомъ. Снѣгъ, набившійся въ волоса, растаялъ и крупными свѣтлыми каплями стекалъ по лицу и отъ этого казалось, что Донатъ Ивановичъ плачетъ.

— Такое дѣло... Господи! — бормоталъ онъ, безпомощно шевеля пальцами, — бѣда, истинная бѣда, Густавъ Карлычъ!

Онъ посмотрѣлъ на лѣсника и сморщился, какъ будто на самомъ дѣлѣ собирался заплакать.

— Какой бѣда, что бѣда?.. — хмуро спросилъ лѣсникъ, останавливаясь передъ нимъ, — лошадь?

— Онъ самый!.. И, понимаешь, обѣ сразу!.. Я въ посадѣ задалъ — понимаешь, купецъ тутъ одинъ молодой, по лѣсной части — Боровицкую рощу задалъ купить — три раза набивался и цѣну хорошую сулилъ, ночевалъ разъ у меня — съ приказчикомъ пріѣхалъ со своимъ... Молодой такой купецъ — синина возлѣ глаза — во! Ну, послѣ прислалъ, чтобы въ посадѣ, условіе какъ слѣдуетъ чтобы — я и поѣхалъ... А тутъ... Господи, да что-жъ это такое?! — хлопнулъ руками объ колѣни управляющій, — пріѣзжаю — тестюшка твой, Никаноръ — чернѣй земли пьянъ лежитъ, черезъ губу не переплюнуть и разбудить нѣтъ силъ-возможности, Андрейка рабочій — тоже, — а въ конюшнѣ задняя стѣна на-прочь разобрана — Господи-жъ Боже ты мой!..

Онъ опять растерянно развелъ руками и посмотрѣлъ на лѣсника.

Старикъ стоялъ, склонивъ голову на бокъ, словно къ чему-то прислушиваясь, и думалъ.

— Малатой, говоришь? — спросилъ онъ — синина это мѣсто?

— Кто молодой, какая синина? — не понялъ управляющій.

— Купецъ, лѣсъ торговалъ, молодой?

— Во-во, акурать возлѣ глаза... Конь, говорить, удилами,

когда сумонъ онъ подтягивалъ, вдарилъ! Мало что глазъ не вышибъ. Жалился—больно, говоритъ, гораздъ.

— Угм... Стриженный усы такой, на солдата схожъ?

— Стриженный, стриженный... И зуба на переду нѣтъ одного ай двухъ...

— Угм...

Старикъ повернулся, прошелъ къ себѣ и сталъ одѣваться.

— Ужли-жь знаешь? Господи!..—съ робкой надеждой спросилъ Донатъ Иванычъ.

Старикъ молчалъ, натягивая сапоги, потомъ бросилъ:

— Куньякъ тамъ на столѣ—выпей... Духомъ крѣпче будешь!..

— Какой тамъ куньякъ!.. До куньяку тутъ!..—отмахнулся Донатъ Иванычъ.

— Выпей, гавару, крѣпче духъ будетъ...—унпрямо повторилъ лѣсникъ, запоясывая теплый длинный пиджакъ,—я пилъ!

— А ты-то съ чего?—удивился управляющій. Онъ успокоился немного, оглянулся и увидѣлъ почти выпитую бутылку коньяку, стаканъ, догорающую лампу.

Зимній разсвѣтъ смотрѣлъ тусклымъ слѣпымъ глазомъ въ окно и въ его синемъ, холодномъ свѣтѣ все въ избѣ казалось особенно непріятнымъ, почти заброшеннымъ и неуютнымъ.

— А хозяйка твоя молодая что-жь—али дома нѣтъ?—почему-то понижая голосъ, спросилъ управляющій.

Старикъ ничего не отвѣтилъ; онъ возился съ ружьемъ, закладывая новыя гильзы, и, когда щелкнулъ затворомъ, сказалъ, будто не слышалъ послѣдняго вопроса:

— Дѣвочка померъ... Нѣмой дѣвочка, племянница, помнишь? Сегодня хоронилъ погостъ, шибко жалко дѣвочку—тоска беретъ!..

Потомъ вышелъ совсѣмъ готовый, съ ружьемъ и въ греухъ съ опущенными ушами.

— Пѣшкомъ, ай коня возьмешь?—спросилъ Донатъ Ивановичъ, когда они спускались съ крыльца.

Лѣсникъ махнулъ рукою и ничего не отвѣтилъ. Когда калитка за ними захлопнулась, онъ остановился и, глядя на управляющаго непонятнымъ взглядомъ, сказалъ:

— Ты ѣзжай! Я тутъ тропками на посадъ, послѣ дальше. Я знаю, кто взялъ коней—это Кавря! Нисего, найдемъ!..

Онъ вдругъ круто повернулся и пошелъ по мягкому, чуть хрустывающему снѣгу къ дорогѣ. Донатъ Иванычъ поглядѣлъ ему вслѣдъ и подвелъ лошадь къ большому камню у воротъ. Онъ сразу успокоился и оглянулся на сто-

рожку. Желтый, ненужный зимнему утру свѣтъ въ окнѣ дрогнулъ и потухъ. Это Нюша потушила лампу.

Словно пробуждаясь отъ страшнаго, нелѣзнаго сна, она вышла изъ-за занавѣски, подкрутила огонь и медленнымъ, какъ будто обдуманнѣмъ движеніемъ подняла руки къ головѣ.

Волосы у нея растрепались, лицо похудѣло, подъ глазами легли темные круги, и было похоже, что за одну эту ночь она перенесла долгую, мучительную болѣзнь. И вся она казалась внезапно постарѣвшей, опустившейся, и черные, потухшіе глаза глядѣли устало...

Шатаясь, какъ пьяная, она подошла къ двери и заперла ее на крюкъ. Потомъ вернулась къ столу, налила остатки коньяку въ стаканъ и выпила. Коньякъ былъ крѣпкій, обжигалъ горло и перехватывалъ дыханіе, и она брезгливо сморщилась, но все же допила и поставила стаканъ.

Потомъ, не раздѣваясь, легла на кровать лицомъ внизъ и вдругъ заплакала мелкими злыми слезами, громко всхлипывая и вздрагивая плечами.

III.

I.

Двѣ недѣли не показывался старикъ и все время управляющій былъ спокоенъ. Встрѣчаясь съ кучеромъ, онъ ругалъ его ворчливымъ тономъ, но потомъ неизмѣнно заканчивалъ:

— Онъ найдетъ!.. Онъ ловокъ—какъ тотъ разъ, ажъ за Верро былъ!

А Никаноръ — нечесанный, опухшій отъ водки, которую онъ теперь пилъ съ утра до вечера, понемногу сбывая кое-что изъ сбруи, пучилъ глаза и, тряся себя за отворотъ стараго пиджака, хрипѣлъ ожесточенно:

— Чухно? Густавъ?!. Онъ со дна моря достанетъ—вотъ какой онъ человѣкъ! Ему хоть въ самую послѣднюю заграницу угони—онъ и тамъ добудетъ—вотъ какой есть человѣкъ чухно Густавъ!..

Но лѣсникъ не приходилъ. Должно быть, очень далеко загнали конокрады лошадей и много пришлось вымѣрять дорогъ старику своими мягкими кожаными поршнями.

Ужъ Донатъ Ивановичъ началъ послушивать по вечерамъ, раза два къ мостику прошелъ, какъ тогда, а чухны не слышать было.

Не то, чтобы онъ беспокоился, а такъ, какое-то сомнѣніе копошилось гдѣ-то въ глубинѣ души и всякія мысли приходили безсонной ночью: конокрады народъ-звѣрь, звѣриный у нихъ и обычай... Мало-ли что можетъ случиться?—хоть и ловокъ чухно, и знающій человѣкъ, а мало-ли что?!. Можетъ, лежитъ уже гдѣ-нибудь съ раскроеннымъ черепомъ, либо перерѣзаннымъ горломъ подъ кустикомъ въ перелѣскѣ какомъ-нибудь, и засыпаетъ похолодѣвшее тѣло мягкій снѣгъ...

Онъ старался не думать объ этомъ и снова шелъ на крыльцо.

Шелъ, бормоча что-то про конокрадовъ, про осторожность—шелъ будто для того, чтобы обойти скотный дворъ, конюшни—а, выйдя, чутко прислушивался—не донесетъ-ли свѣжій, грозящій скорой вьюгой вѣтерокъ, тонкій, знакомый свистъ?..

Вихлястый, безразлично ко всеѣмъ ласковый, Трезоръ путался подъ ногами и вдругъ остановился возлѣ людской избы и заворчалъ, нащетинивъ шерсть.

— Кого ты, Трезоръ?—окликнулъ управляющій, вглядываясь въ смутную темноту подъ навѣсомъ крыльца,—кто тамъ?!

Ему уже опять почудились воры и онъ сжалъ въ карманѣ нахолодѣвшую рукоятку револьвера.

Что-то шевельнулось на снѣгу у крыльца и тоже заворчало. Управляющій приглядѣлся и узналъ старую пѣгую собаку лѣсника. Онъ подошелъ ближе и въ изумленіи остановился. На ступеняхъ, чуть выдѣляясь въ черной тѣни длиннымъ сѣрымъ пиджакомъ, сидѣлъ самъ старикъ, сложивъ руки и придерживая между колѣнъ ружье.

— Густавъ, никакъ ты?—окликнулъ Донатъ Ивановичъ, чувствуя, какъ по спинѣ его пошла горячая волна.

— Я!—отозвался старикъ и не двинулся.

— Не... не нашель?—упавшимъ голосомъ спросилъ управляющій.

Лѣсникъ молчалъ. Управляющій подошелъ ближе и наклонился къ нему. Пѣгая собака опять заворчала, но онъ не обратилъ на нее вниманія.

Старикъ сидѣлъ, разложивъ руки на колѣняхъ, и смотрѣлъ на него. Въ темнотѣ плохо видно было лицо, но какъ-то высоко очень поднялись широкія плечи лѣсника, какъ-то странно ушла въ нихъ голова.

— Та-а-акъ, значить!..—почти простоналъ управляющій и сѣлъ тутъ-же рядомъ, потому что ноги вдругъ ослабли,—та-а-акъ...

Старикъ слегка повелъ головою въ его сторону и все молчалъ.

— Какъ-же?.. Гдѣ-жъ былъ? — тихо спросилъ Донатъ Ивановичъ, подавленный этимъ молчаніемъ.

— На Верро сначала вдарились... Послѣ назадъ, тѣмъ краемъ на Ряпьево,—хрипло заговорилъ старикъ—а озеро ставши,—на ту сторону погнажи — къ Бѣлой Станціи... Я былъ!..

Онъ замолчалъ и опять чуть-чуть повелъ головою.

— Господи-жъ, Боже-жъ мой!..—прошепталъ управляющій и вдругъ, словно желая выместить давнюю, накопившуюся обиду, онъ вскочилъ и, сжавъ кулаки, затопалъ ногами передъ чухной. Шапка свалилась на снѣгъ, пѣгій пѣсь шарахнулся въ сторону, а Донатъ Ивановичъ топалъ ногами и кричалъ тонкимъ, визгливымъ голосомъ:

— Сволочь, подлецъ, чухонская морда!.. Что ты со мной сдѣлалъ, мерзавецъ?! Сколько время прогулялъ дарма, подлецъ некрещеный!.. Я въ полицію явку дать бы—полиція вездѣ искала бъ, а ты „на ту сторону вдарился...“—передразнилъ онъ,—сволочь чухонская...

Онъ бранился такъ, словно лѣсникъ самъ укралъ лошадей и тѣмъ обездолилъ его. Старикъ слушалъ молча, не двигаясь, и отъ этого его широкая темная фигура похожа была на каменную.

Управляющій вдругъ плюнулъ, махнулъ рукой и, подобравъ свою шапку, пошелъ къ флигелю. Старикъ посидѣлъ еще нѣсколько времени, ожидая чего-то, и всталъ. Собака подошла къ нему и заглянула въ лицо, подождала и сѣла, настороживъ ухо. Гдѣ-то за сараемъ, должно быть, во флигелѣ, стукнула дверь. Это ушелъ управляющій. Лѣсникъ склонилъ голову на бокъ, послушалъ и тихо пошелъ—какъ всегда ходилъ домой—мимо гумна, черезъ ярвое поле, теперь бѣлое и ровное, къ лѣсу.

Онъ шелъ не торопясь, не глядя по сторонамъ, старой привычкой угадывая дорогу. Дувшій съ вечера острый вѣтерокъ сталъ сильнѣе и уже мѣстами съ бѣлаго свѣтящагося поля поднимались тоненькія струйки сухого снѣга и тотчасъ падали. Похоже было, что съ засыпанныхъ снѣгомъ бороздъ поднимаются бѣлые трусливые призраки, но, завидѣвъ медленно шагающую фигуру, опять падаютъ, чтобы подняться за ея спиной. Собака подозрительно оглядывалась на нихъ, потомъ опускала голову и шла шагъ въ шагъ за хозяиномъ.

Было несомнѣнно, что разыгрывается метель, но, когда человекъ съ собакой вошли въ лѣсъ, это стало незамѣт-

нымъ. Въ лѣсу было тихо и только гдѣ-то вверху, непрерывно и глухо, шумѣли деревья. Порою этотъ шумъ смолкалъ, порою усиливался, и это похоже было на взмахи какой-то огромной качели или на прибой волнъ осеннимъ вечеромъ на широкомъ озерѣ, когда свинцовое небо низко нависло и у берега угрюмо качаются черныя, просмоленные лодки...

Старикъ почти не замѣтилъ дороги до дому и, когда, сворачивая, увидѣлъ черную, слегка посѣвшую на одинъ бокъ, старую юрчму, удивился. Онъ сталъ, глядя на знакомый силуэтъ подъ заваленной снѣгомъ нахлобученной крышей, и смотрѣлъ на него, какъ будто видѣлъ въ первый разъ.

Кругомъ былъ снѣгъ; онъ свѣтился мертвымъ слѣпымъ свѣтомъ—ровнымъ и однообразнымъ, скрывавшимъ неровности почвы, и отъ его бѣлизны небо казалось особенно низкимъ и чернымъ. Вѣтеръ тонко свистѣлъ, проносясь надъ старой корчмой, и, если долго слушать его—начинали казаться странныя вещи: сдержанный, насмѣшливый смѣхъ, смутный шопотъ тайнаго напоминанія, далекій посвистъ лихого ѣздока...

Окна въ сторожкѣ были черны, а старикъ почему-то ждалъ увидѣть ихъ освѣщенными, и глухая темнота будила изумленіе.

— Аннуска!...—прошепталъ онъ, какъ бы въ раздумьи, по привычкѣ склоняя голову къ одному плечу,—да, Аннуска!..

Казалось, это имя ставило его въ большее недоумѣніе, чѣмъ темнота въ окнахъ. Съ видомъ человѣка, рѣшительно не знающаго—что-же теперь дѣлать?—старикъ оперся на ружье и еще разъ прошепталъ:

— Да, Аннуска?!

Потомъ вспомнилъ управляющаго, метавшагося передъ нимъ, выкрикивающаго ненужныя, безсильныя ругательства; самодовольно-сытое лицо Гаври, его гармонь, привычку обтирать губы рукой, словно онъ только что съѣлъ что-то сладкое; и еще вспомнилъ онъ—и даже зажмурился при этомъ: обваренныя паучы лапки безсильно ползущаго къ его ногамъ кроваваго комочка.

— О-о-о!..—захрипѣлъ или закашлялся онъ, тяжело, по медвѣжьи, двинувшись съ мѣста,—Аннуска!..

Собака поплелась за нимъ, равнодушная, какъ всегда, но онъ шелъ быстро, плечами впередъ, и, чтобы поспѣть,—она побѣжала мелкой рысцой, закидывая задъ въ сторону, какъ всѣ старыя собаки.

Калитка не была заперта и старикъ отпихнулъ ее ударомъ ноги. Въ два шага онъ прошелъ крыльцо—дверь въ

сѣняхъ тоже не была заперта, онъ рванулъ дверь въ комнату и вошелъ.

Было темно и тихо, и мертвымъ слѣпымъ глазомъ намѣчалось низкое окно въ противоположной стѣнѣ. Что-то странное чувствовалось въ комнатѣ, и старикъ не сразу понялъ—что: было холодно, не чувствовалось домовитаго, жилого тепла, и отъ этого получалось впечатлѣніе пустоты.

Старикъ прислушался—и молчаніе было особенное: оно стояло во всѣхъ углахъ и смотрѣло на старика пустыми глазами—равнодушно и холодно.

Гдѣ-то на чердакѣ или въ трубѣ гудѣла подымавшаяся метель, но отъ нея еще тише было въ комнатѣ. Старикъ нащупалъ спички и пошелъ къ столу, надъ которымъ висѣла лампа. По дорогѣ онъ споткнулся на что-то твердое и выругался.

... Плохія спички стали продавать въ посадь—старикъ испортилъ четыре штуки, чиркая о коробку, прежде чѣмъ зажегъ лампу.

Неувѣренный желтый свѣтъ облилъ стѣны и задрожалъ—черныя тѣни затрепетали въ молчаливой борьбѣ. Старикъ оглянулся, положилъ ружье на столъ, хранившій еще слѣды давно остывшаго ужина, и медленно, какъ будто не рѣшаясь, приподнялъ красную занавѣску, отдѣляющую кровать жены. Тамъ было пусто. Голый сѣнникъ—синій съ бѣлыми полосами—лежалъ на кровати; не было ни одѣяла, ни подушекъ—ничего.

Старикъ бросилъ занавѣску—она упала, слегка закачавшись, и пошелъ къ перегородкѣ. Опять зацѣпился ногою за что-то твердое и, наклонившись, увидѣлъ большую длинную кирпичину; одна сторона ея была бѣлая, замазанная известкой, какъ вся печь. Онъ наклонился еще ниже—и нашелъ дыру въ подпечекѣ, откуда эта кирпичина была вынута.

Ставъ на колѣни, онъ запустилъ далеко въ дыру руку, пошарилъ и ничего не нашелъ. Тогда онъ почти легъ на полъ, зажегъ спичку, испортивъ предварительно двѣ штуки, сунулъ руку со спичкой въ дыру и тщательно осмотрѣлъ подпечекъ. Круглая жестянка исчезла.

Старикъ сѣлъ тутъ-же на полъ, подкорчилъ ноги и, обнявъ руками колѣни, задумался. Пустыня, словно ободранная стѣны угрюмо смотрѣли на него; широко и непонятно зѣвалъ огромный черный ротъ холодной печки; тонкимъ, вздрагивающимъ, что-то напоминающимъ воемъ стоналъ кто-то въ трубѣ.

Внезапно, какъ подброшенный пружиной, старикъ вскочилъ, мимоходомъ схватилъ ружье и кинулся на дворъ. Съ

крыльца онъ прыгнулъ чуть не на середину двора, метнулся къ конюшнѣ и изо всей силы дернулъ дверь; она была только прикрыта и подалась легко, такъ что старикъ чуть не упалъ. И въ конюшнѣ, какъ дома, было холодно и то же пустое, равнодушное молчаніе встрѣтило его. Онъ постоялъ съ минуту, потомъ повернулся къ навѣсу. И сѣлъ на козлы, на которыхъ пилили дрова и гдѣ онъ, ругаясь, сколачивалъ маленькій гробикъ.

Это былъ крѣпкій ударъ. У него помутилось въ головѣ, какъ будто онъ выпилъ жгучаго коньяку, и это было смѣшно: онъ ничего не ѣлъ еще сегодня, не то что коньякъ пилъ! И многое было еще смѣшно: смѣшно, что такъ пусто все и сидитъ во всемъ дворѣ подъ пустой повѣтью старый-старый старикъ... Смѣшно, что собака—старая пѣгая Юкка — вылѣзла изъ-подъ крыльца, удивленно поглядѣла на него, лизнула руку и, успокоившись, опять залѣзла въ свое логово подъ крыльцомъ.

И смѣшнѣе всего было, что такъ ловко, обдуманно и хорошо провели стараго дурака, что сидитъ подъ пустой повѣтью! Очень смѣшно!..

Старикъ не выдержалъ, наклонился къ колѣнямъ и засмѣялся частымъ, захлебывающимся смѣхомъ, безсильный сдержать его.

Охъ, какъ это смѣшно!.. Какой онъ старый-старый дуракъ!.. И какъ его обвертѣли вокругъ пальца Аннушка и Гавря! О-о-о, Гавря умный, Гавря хитрый человекъ, Гавря очень, очень смѣшной—и какъ смѣшно онъ билъ тогда въ полумракѣ комнаты этого Гаврю! Онъ тогда зналъ, онъ тогда видѣлъ все—и какъ смѣшно хрипѣлъ полузадушенный Гавря, когда онъ, сжимая горло, билъ своимъ желѣзнымъ кулакомъ по запрокинутому лицу и съ злобной радостью чувствовалъ, какъ вякаетъ что-то за каждымъ ударомъ на лицѣ Гаври и хрустятъ вышибленные зубы!.. О-о-о, Гавря! Онъ хитрый, Гавря,—онъ ждалъ партіи лошадей—два дня ждалъ и игралъ въ карты и на гармоніи, а потомъ хотѣлъ купить Боровицкую рощу... Онъ, смѣшной Гавря, купецъ съ приказчикомъ — во такой синина! Онъ сказалъ:—погоди, попомнишь Гаврилу Лукина! Какъ смѣшно онъ сказалъ—до слезъ, что сыпятся горячимъ градомъ по лицу, смѣшно сказалъ!..

Старикъ пересталъ смѣяться и всталъ.

— Ладно, коли такъ!—по русски сказалъ онъ, усиленіемъ воли сдерживая спазму въ горлѣ,—ладно...

Это была самая странная ночь во всей жизни старика. Онъ не помнилъ, какъ онъ вышелъ изъ воротъ, куда пошелъ и почему очутился въ густомъ осиновомъ лѣсу.

Онъ хорошо зналъ мѣстность верстъ на десять вокругъ—не даромъ лѣтъ десять гонялъ здѣсь лошадей трактомъ въ Лифляндію, потомъ, когда усталъ отъ безпокойной жизни, бродилъ лѣсникомъ, только передавая лошадей дальше... Но этихъ прямыхъ, гнущихся осинъ онъ никогда не видѣлъ. Онѣ мотались подъ вѣтромъ, метель налетала на нихъ, кружила вихремъ снѣгъ, и бѣлые великаны подымались между испуганными деревьями и падали безсильные, засыпая заблудившагося человѣка...

Что-то гудѣло вверху, кто-то живой и злобный вылъ бѣшено, а человѣкъ кружился между осинами, останавливался, опять шелъ и топтался на мѣстѣ въ глубокомъ снѣгу, какъ старый, раненый звѣрь, выбирающій мѣсто, гдѣ помереть.

Потомъ осины смѣнились частымъ ельникомъ, и заупреждения съ навѣтренной стороны елки тоже гнулись и скрипѣли, а раненый звѣрь все искалъ мѣста и не могъ найти.

Онъ уже пересталъ быть человѣкомъ, закруженный буйнымъ праздникомъ бѣлой метели, и слѣпо мотался, путаясь въ перелѣскахъ, выходя на полянки, кружась, какъ кружилась метель...

Разъ онъ вплотную натолкнулся на трехъ козъ—пухлыхъ, сѣрыхъ, съ бѣлыми подпалинами и бѣлыми подушками у хвостовъ. Онѣ пробирались гуськомъ, далеко вытянувъ длинныя колеблющіеся уши, осторожно переступая хрупкими, тонкими, какъ прутики ногами и, объединенныя однимъ смутнымъ инстинктомъ, даже не метнулись отъ человѣческой фигуры, а только покосились на нее. И такъ осторожно, неторопливо прошли мимо: рогатый самецъ впереди, потомъ самка, потомъ лѣтошникъ. И исчезли, растворившись въ буйно-бѣломъ вихрѣ завывавшей ночи...

Утромъ полузамерзшій, бѣлый отъ залѣпившаго его снѣга человѣкъ постучался въ чайную на краю посада, гдѣ когда-то пили коньякъ поѣзжане на свадьбѣ стараго лѣсника.

Эстонецъ хозяинъ впустилъ прохожаго и не сразу узналъ. Тотъ долго топтался ознобленными ногами, долго пытался согрѣть руки и, когда отогрѣлся настолько, что могъ говорить, слабымъ, дрожащимъ голосомъ сказалъ только одно слово:

— Куньякъ!..

И, когда узнавшій его хозяинъ заметался, помогая раздѣться и одновременно хватаясь за стаканы, старикъ поставилъ ружье и еще разъ поторопиль:

— Куньякъ, скорѣе!..

Хозяинъ принесъ, налилъ полстакана, старикъ жадно,

едва держа стаканъ негнуцимися пальцами, приналъ къ нему. Потомъ сѣлъ, выпилъ еще—и почувствовалъ, что легкой комокъ въ груди оттаиваетъ. Онъ налилъ еще, хотѣлъ что-то сказать, но махнулъ рукой и сталъ пить, запрокинувъ голову и громко щелкая кадыкомъ. А молодой бѣловолосый хозяинъ отошелъ въ сторону и съ изумленіемъ, похожимъ на испугъ, глядѣлъ на него, не смѣя спросить...

2.

Съ тѣхъ поръ старый лѣсникъ исчезъ. Куда и зачѣмъ онъ пошелъ, не зналъ никто—ни Донатъ Ивановичъ, ни кучеръ, ни даже эстонецъ, хозяинъ чайной въ посадѣ. Онъ ушелъ такъ же неожиданно, какъ появился; мало кто зналъ, гдѣ онъ былъ раньше, и некому было сказать, что станетъ дѣлать онъ, покинувъ старую корчму...

Видѣли его нѣсколько разъ въ городѣ — на рыбномъ рынкѣ, въ одномъ изъ трактировъ, гдѣ останавливаются приѣзжіе рыбаки. Рассказывали, что постарѣлъ чухна очень, совсѣмъ сѣдой сталъ и, должно быть, не хвастался дѣлами, такъ какъ одѣтъ былъ все въ томъ же сѣромъ пиджакѣ евоемъ, уже немало потрепанномъ. Не было при немъ ни ружья, ни сумки изъ барсучьей кожи, съ которой ходилъ онъ постоянно, и только старый пѣгій песъ устало таскался сзади, лежа подъ стуломъ въ трактирѣ, покорно моргая выцвѣтшими старыми глазами...

И еще говорили, что сильно пить началъ старикъ и пилъ мрачно, въ одиночку, какъ большею частью пьютъ угрюмые, суровые эстонцы; отъ водки онъ обрюзгъ, кожа на лицѣ повисла безвольными, дряблыми складками, а глаза потухли, и теперь сразу видно было, что ему уже немало лѣтъ и длинную, крутую жизнь прожилъ старый чухна...

Пьяный, онъ нѣсколько оживлялся, начиналъ бормотать и сердился и часто приставалъ къ сосѣдямъ съ однимъ и тѣмъ же вопросомъ: не видалъ-ли кто случайно, не встрѣчалъ-ли гдѣ купца по лѣсной части Гаврилу Лукина съ бабой—черномазой и молодой Аннуской!?

И, спрашивая, хитро щурилъ одинъ глазъ и грозилъ рукой, съ отмороженными и отвалившимися пальцами.

— Я снаю, я отлично-хорошо снаю, какой купецъ Кавря,—лукаво бормоталъ старикъ, словно намекая на величайшую тайну,—и женку его Аннуску отлично-хорошо снаю!.. Черноглазый такой женка и волосы во!..

Потомъ вдругъ стучалъ обезображенной рукой съ двумя пальцами—большимъ и среднимъ—и гремѣлъ на весь трактиръ:

— Я найду ихъ!.. Я зарокъ такой положилъ — чтобы найти Каврю! До тѣхъ поръ смерть не будетъ, покуда не найду Каврю съ Аннуской!

Добродушные веселые рыбаки подсмѣивались надъ нимъ, а, когда старикъ начиналъ очень бубнить, его выталкивали изъ трактира и гнали его собаку.

Можетъ быть, ввали все и совсѣмъ не его видѣли въ трактирѣ на рыбномъ ряду, гдѣ пристааетъ озерной народъ. А, можетъ быть, и дѣйствительно былъ онъ, потому что подъ весну показался старикъ съ пѣгой собакой тамъ на озерѣ.

8.

Есть на озерѣ одна пора, когда оно особенно хорошо. Сошелъ ледъ, угнали его весеннія бури, промчались буйные вѣтры съ дождями и холодомъ, кончились ненастныеочи, и ясные, теплые дни наступаютъ на озерѣ.

Мягко и сонливо, отдыхая отъ трудной работы, плещутся тяжелыя зеленовато-синія волны и шуршитъ подростъ камышъ сухимъ, непрестаннымъ шорохомъ. Грѣются въ тепломъ солнцѣ прибрежныя деревни и дрожатъ сѣрыя избы въ струящемся маревѣ весенняго дня.

Большая тишина наступаетъ на озерѣ и бываетъ тогда такъ, что вдругъ становится оно, какъ огромный кусокъ прозрачнаго льда, и странно видѣть застывшую въ безвѣтріи весенняго полдня громаду водъ...

Крикъ низко летящей чайки ломается въ сонномъ молчаніи отдыхающаго озера прозрачнымъ стеклянннымъ звукомъ и таетъ, медленно расплываясь надъ гладью воды!..

Въ такое время старый чухна стоялъ на челнокѣ недалеко отъ берега у прошлогодней тросты. Много-ли надо челоуѣку? Выѣхать съ удой на челнокѣ и поудить уклейки-серебряной рыбки, стаями шныряющей въ прозрачной, сонной водѣ...

Легкій, едва замѣтный валъ покачиваетъ зыбкій челнокъ. Солнце грѣетъ старую спину и клонитъ въ дрему съ теплаго воздуха, отъ влажнаго запаха плавающей водяной зелени, отъ лѣнивыхъ, старческихъ мыслей.

Струится надъ берегомъ прозрачная дымка, дрожитъ въ ней дальняя деревня на холмѣ, одинокая фигура мальчишки пастушенка, распустившаго по болотной низинѣ яркія пятна стада... Дергаетъ крохотную пробочку поплавка глухая рыбка — уже, должно быть, сбила насаженную на крючекъ муху — и лѣнь подсѣкать — разморило весеннее тепло старыя кости... Да и есть уже въ запущенной за борту

челна корзинкѣ порядочно глухой рыбки, на уху хватить сегодня, а много-ли старому человѣку нужно?!

Щелкаетъ отъ нечего дѣлать пастушенокъ на бугрѣ длиннымъ кнутомъ и далекимъ выстрѣломъ разносится рѣзкій звукъ. А въ отвѣтъ ему откуда-то съ высоты, куда больно смотрѣть отъ сверкающаго радостнаго свѣта, негромкимъ стонущимъ откликомъ доносится серебряный крикъ.

Старикъ поднималъ голову и долго смотрѣлъ вверхъ, ища длинной ломающейся цѣпи не знающихъ устали птицъ. Много свѣта было въ небѣ и самая синева его, пронизанная солнцемъ, свѣтилась такъ, что глаза жмурились.

Но все-же онъ нашелъ чуть видную станицу журавлей и долго смотрѣлъ, какъ неторопливо и мѣрно рѣжутъ воздухъ воздушные корабли. И, когда уже исчезли они, все еще слушалъ старикъ странный и грустный серебряный крикъ, зовущій куда-то...

Потомъ опустилъ слипающіеся глаза и долго смотрѣлъ на берегъ. Большія мягкія волны набѣгали на песчаную отмель, тихо всхлипывали и выбрасывали длинныя, какъ спутанные волосы, прошлогоднія водоросли. Нѣжно-зеленымъ валомъ окружило озеро весь берегъ и каждая волна вмѣстѣ со щепками, сбитой, почернѣвшей тростой, несла еще и еще зеленые космы и выкидывала ихъ на сверкающую мокрую отмель...

Старикъ глядѣлъ на выкинутую зелень, какія-то черныя разломанныя доски въ ней, поднимающіяся на волнахъ, и забывала про удочку. Маячила одна доска, какъ живая—поднимаясь и снова падая въ густой кучѣ перепутанной зелени русалочьихъ волосъ и будила хозяйственную мысль стараго нищаго:

— Хорошая доска,—а, можетъ, и полѣно цѣлое? Зачѣмъ зря пропадаетъ?.. Подѣхать бы, взять, въ печку годится, да лѣнь двинуть челнокъ... А, можетъ, и не доска вовсе это, и не полѣно...

Дремалъ старикъ подъ теплымъ солнышкомъ—лѣнь было двинуться—и жалко было куска дерева, годившагося подъ таганъ. Если нащепать такое полѣно, можно чугуна согрѣть, рыбу сварить... Нѣтъ, не доска и на полѣно не похоже—кто его знаетъ, что это такое? Можетъ, обломокъ растертаго льдомъ челна.

Но и на кусокъ челна это не было похоже и досадно было, что такая глупость мѣшала задремать опять. Старикъ вытащилъ удочку, насадилъ новую муху и закинулъ, но взглядъ невольно слѣдилъ за черной доской и онъ пропустилъ поклевку. Вытащилъ леску — мухи уже не было и,

словно въ насмѣшку, шаловливая рыбка выпрыгнула изъ воды, ослѣпительно сверкнувъ серебряной чешуей.

— *Sa cugat!*..—выбранился старикъ,—какое дѣло, что тамъ такое? Маячить, ну и маячить, а какое дѣло?!..

Собака, лежавшая на днѣ челна, подняла голову, сладко зѣвнула и ударила два раза твердымъ, какъ палка, хвостомъ. Старикъ вытащилъ корзину съ бившейся рыбкой, прикинулъ на рукѣ и ухмыльнулся:

— Много-ли человѣку нужно?..

Потомъ отцѣпился отъ тросты, у которой держался, и, подгребая однимъ весломъ, поплылъ къ берегу. Мальчишка пастушенокъ увидѣлъ это и всталъ, щелкнувъ кнутомъ. Челнокъ мягко зашуршалъ дномъ по песку отмели, толкнулся и сталъ. Старикъ медленно вылѣзъ, подтянулъ его дальше на берегъ и посмотрѣлъ на свою доску. Но это была не доска. Лежало что-то черное, длинное, сплошь запутанное зелеными водорослями и съ каждой набѣгающей волной слегка покачивалось изъ стороны въ сторону.

Загребая длинныя космы этихъ водорослей огромными сапогами, старикъ пошелъ въ ту сторону и сзади пошла, зѣвая и вытягивая заднія лапы, пѣгая собака. А издали, волоча кнутъ, шелъ мальчишка пастушенокъ.

Черное лежало у самой грани воды и отъ закрывавшей зелени не сразу можно было разобрать, что это такое. Старикъ подошелъ вплотную и понялъ: человѣческое тѣло. Должно быть, утопленникъ. И, вѣрно, давно уже болтается въ озерѣ, потому что высывающаяся изъ чернаго бобриковаго кафтана рука совсѣмъ разложилась—нѣкоторые суставы на пальцахъ поотвалились, а нѣкоторые обнажились и бѣлая, чисто вымытая кость блестяла подъ солнцемъ.

Старикъ тронулъ слегка сапогомъ и тѣло податливо качнулось.

— Гм!..—буркнулъ онъ, скользя взглядомъ по заглядывавшему издали испуганными круглыми глазами пастушенку,—мертвяка!..

Онъ зашелъ къ головѣ трупа, отвелъ ногою водоросли и поморщился. Прямо на него, тупо и молчаливо глянули пустыя ямы глазныхъ впадинъ почти оголившагося черепа. И вѣчной, насмѣшливой улыбкой скалились широкіе плоскіе зубы съ черными промежутками пустоты между ними; и оттого, что нижняя челюсть отпала внизъ, казалось, что черепъ кричитъ страшнымъ, нѣмымъ крикомъ.

Старикъ оглядѣлъ его со всѣхъ сторонъ, посмотрѣлъ на высокіе сапоги, на бобриковый кафтанъ, запоясанный длиннымъ краснымъ кушакомъ, какіе носятъ купцы-лѣсоторговцы или приказчики посоліднѣй...

И наклонившись ниже, брезгливо морщась от могильнаго запаха, замѣтилъ маленькую подробность: кафтанъ на трупѣ былъ съ капюшономъ, подбитымъ красной фланелью. Этотъ капюшонъ, сбившійся на бокъ, и торчалъ вверхъ, качаясь за каждой волной, — онъ и отвлекъ вниманіе отъ удочки.

Старикъ выпрямился, отступилъ назадъ и руки у него задрожали.

Нельзя было узнать трупъ, потому что вода и ледъ, въ которомъ несомнѣнно побывалъ утопленникъ, стерли какое-либо подобіе лица. Но эти выбитые зубы, этотъ капюшонъ съ красной подкладкой — ихъ нельзя было не узнать. Ихъ онъ помнилъ каждый день своей жизни, — въ нихъ нельзя было ошибиться...

Это было все, что осталось отъ Гаври.

А какъ же то, чѣмъ жилъ все это время старикъ? Когда-то самъ, своими руками, какъ ненужную палку, сломалъ онъ свою крѣпкую жизнь и пошелъ, упрямо склонивъ сѣдую голову, движимый одной цѣлью... И убогое, нищенское существованіе побирающагося приживальца и безнадежная пьяная старость, и бездомная, тусклая жизнь — все имѣло цѣль и смыслъ — и вдругъ эти разваливающіеся пальцы, этотъ голый, мокрый черепъ... Онъ смѣялся своимъ разинутымъ пустымъ ртомъ, неслышно хохоталъ надъ глупымъ нищимъ старикомъ, растерянно глядѣвшимъ въ пустыя черныя ямы глазныхъ впадинъ.

Тупое, звѣриное бѣшенство мутной волной ударило въ голову и все покраснѣло и затрепетало передъ глазами. Старикъ скорчился и съ перекошеннымъ лицомъ прыгнулъ къ трупу.

— Кавря!.. — захрипѣлъ онъ, изо всей силы колотя трупъ ногами, — я узналъ, я знаю — Кавря!.. Кавря, подлецъ Кавря!.. О-о-о!..

Онъ задохнулся, подпрыгнулъ и опять сталъ молотить ногами по трупу — и это было похоже на безумный танецъ, полный безсильной, страстной ярости.

Пастушенокъ оглянулся и понесся по берегу, дико крича что-то.

Собака съ поднявшейся дыбомъ шерстью отошла въ сторону и стала, брезгливо скаля желтые зубы.

А старикъ все колотилъ огромными кованными сапогами и хрипѣлъ что-то, брызгая слюною и взмахивая длинными изуродованными руками... Трупъ покорно качался, переваливаясь съ боку на бокъ, и безвольно, какъ привязанный на слабой ниткѣ желтый шаръ, болтался оскаленный черепъ, застывшій въ своемъ нѣмомъ крикѣ...

— А-а-а, Кавря-а-а-а!..—хрипѣлъ старикъ, чувствуя, что сердце въ немъ останавливается и нѣтъ исхода душной, послѣдней злобѣ,—ушелъ Кавря!..

Потомъ вдругъ остановился, опустил руки и прошепталъ:

— Аннуска!..

И изнеможенный, падающими шагами пошелъ прочь. Но ноги подгибались, передъ глазами стоялъ красный тумакъ и сердце медленно и глухо колотилось о старыя ребра. Онъ хотѣлъ сдѣлать еще шагъ, оступился и упалъ лицомъ внизъ въ холодный мокрый песокъ.

Такъ лежалъ онъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ утопленника и весеннее солнце одинаково свѣтило обоимъ.

Собака подождала, вильнула хвостомъ и подошла ближе. Потомъ повела носомъ, лизнула обезображенную ладонь и сѣла.

Тяжелымъ, мертвымъ запахомъ тянуло отъ потревоженного трупa. Животное покосилось на него, щелкнуло зубами и, закинувъ морду вверхъ, завывало протяжнымъ, вздрагивающимъ воемъ...

В. Муйжель.

Весеннія ночи въ глухихъ переулкахъ столицы,
Весеннія ночи съ неясной и нѣжной тоскою,
Глухіе шаги и больныя, усталыя лица,
Глаза, искаженные странной, кошмарной мечтою.
Бессонныхъ панелей волной набѣгающій грохотъ,
Обрывки какой-то огромной, чудовищной сказки,
И шумъ экипажей, и пьяный, надорванный хохотъ,
И шопотъ тревожной, таящейся, купленной ласки.
Туманъ испареній, окутавшій небо вуалью,
Холодный и мутный туманъ ядовитыхъ дыханій..
Весеннія ночи съ неясной и нѣжной печалью,
Весеннія ночи съ тоской непонятныхъ желаній.

Е. Федорова.

Изъ исторіи драматической цензуры при имп. Николаѣ I.

(Продолженіе).

III.

Отношеніе цензуры къ пьесамъ, касавшимся внѣшней политики Россіи или интересовъ инородцевъ, ея паселяющихъ, всегда зависѣло отъ состоянія въ данный моментъ политическаго барометра. Такъ, напр., въ концѣ 20-хъ годовъ пьесы, затрагивавшія греческій вопросъ, или вовсе запрещались, или значительно исправлялись. Въ 1828 г. была дозволена къ представленію лирическая трагедія въ стихахъ подъ названіемъ „Осада Коринфеа“ съ музыкой Россини. Цензоръ, разсматривавшій пьесу, находилъ ее совершенно невпняной, за исключеніемъ діалога въ 6 явл. 3 дѣйств., подлежавшаго вымаркѣ. Діалогъ этотъ заключался въ слѣдующемъ:

Г І Е Р О С Ъ.

Пойдемъ... но что со мной... священно изступленье
Объяло трепетомъ пророческій мой духъ!
Я зрю судьбу, какъ въ мрачномъ сновидѣньи,
Граждане, воины, склоните слухъ.

Х О Р Ъ.

Внемлите всѣ...

Г І Е Р О С Ъ.

Какой кровавый мракъ Элладу покрываетъ!
Сонъ рабства пять вѣковъ народъ нашъ тяготитъ.
Кровь льется, цѣль звучитъ, огонь грады пожираетъ.
Все тщетно. Подъ ярмомъ Грекъ стонетъ и молчитъ.
Но се воспрянулъ онъ. Друзья, отрите слезы.
Отечество! Сыны на твой возстали гласъ.
И бѣдствій вѣковыхъ желѣзы
Потрясъ, расторгъ свободы чась.
И дышутъ мщеніемъ развалины, могилы.
И воиновъ земля изъ пепла вновь родить.
И битва каждая—намъ новы Фермопилы,
И каждый Грекъ—нашъ новый Леонидъ.

ХОРЪ.

Грекъ каждый—Леонидъ.

ГИЕРОСЪ.

И се изъ дальнихъ странъ родныхъ Гиперборейскихъ
На помощь мстители и братья къ намъ спѣшать,
Съ бреговъ Дуная и до волнъ Эгейскихъ
Громодержательны орлы враговъ разятъ.

ХОРЪ.

Пойдемъ, пойдемъ! На браны! На браны! ¹⁾

Въ томъ же году цензура, пропустивъ пьесу „*La manie des places, ou la folie des siècles*“, сочиненіе Скриба и Байра, вымарала въ ней куплетъ, касавшійся греко-русскихъ отношеній ²⁾.

Совсѣмъ иной приѣмъ встрѣтила трагедія Д. А. Шепелева „Гречанка“, извлеченная, по словамъ автора, „изъ современныхъ событій“. Цензоръ, докладывая о пьесѣ, находилъ, что она наполнена „невысоятностями“, и героиня ея, дочь богатого грека Василиска, „въ полной мѣрѣ заслуживаетъ негодованіе слушателя и читателя“. Пьесу запретили ³⁾.

Съ тридцатыхъ годовъ Николаевское правительство неохотно разрѣшало драматическимъ авторамъ вспоминать Францію, даже болѣе отдаленныхъ эпохъ. Такимъ образомъ были разновременно запрещены: пьеса Скриба и Рожемонта „Французы XVIII и XIX стол.“ ⁴⁾, пьеса А. Шелера „1812 и 1813 года“ („не смотря на то, что она возбуждаетъ много „патріотическихъ воспоминаній“) ⁵⁾, передѣлка романа Загоскина „Рославлевъ или русскіе въ 1812 г.“, подъ названіемъ „Августа 26, или угадай, не скажу“, и много другихъ. Между прочимъ, Ольдекопъ, докладывая о послѣдней пьесѣ, разсматривалъ ее и съ точки зрѣнія ея литературной цѣнности. „Подобныя пьесы—писалъ онъ—принадлежатъ, можетъ быть, къ кукольной комедіи какого-либо странствующаго лѣнивца, но не могутъ быть представляемы на какомъ-либо театрѣ“ ⁶⁾. Оригинальны были разсужденія цензора о комедіи какого-то Д. Зубарева, подъ заглавіемъ: „Безвременное бородолюбіе“. Сюжетъ пьесы заключался въ томъ, что станціонный смотритель принимаетъ за бродягу отставного корнета Разъѣдова, который возвращается изъ Парижа съ прической „à la moujik“ и бородой „à la jeune France“. Изъ-за этого отецъ невѣсты Разъѣдова отказываетъ ему въ рукѣ дочери. „Судя по такому содержанію пьесы, — докладывалъ цен-

¹⁾ Архивъ Гл. Упр. по дѣл. печ., протоколы 1828 г.

²⁾ Тамже.

³⁾ Архивъ Гл. Упр. по дѣл. печ., протоколы 1830 г.

⁴⁾ Архивъ Гл. Упр. по дѣл. печ., протоколы 1830 г.

⁵⁾ Тамже, протоколы 1832 г.

⁶⁾ Тамже, протоколы 1832 г.

зорь — она могла бы быть одобрена. Но непрерывныя похвалы русскому народу, русскому правительству, русскому царю, составляющія большую часть этой комедіи, мнѣ кажутся совершенно неумѣстными. Выставлять всё достоинства Россіи, говорить о благодѣяніяхъ правительства, о любви народа къ царю и отечеству, — въ противоположность французской бороды, мнѣ кажется оскорбительнымъ и для духа народнаго, и для правительства. Величіе Россіи нельзя класть на одни вѣсы съ французскимъ бородолюбіемъ, а похвалы русскому правительству едва-ли приличны дурной комедіи, которая съ перваго раза должна упасть на сценѣ¹⁾. Пьесу запретили¹⁾.

Не допускало Николаевское правительство на русскую сцену и воспоминаній о польскомъ возстаніи, стараясь всѣми силами потушить его въ памяти народной. Это настроеніе лучше всего передавалъ цензоръ Ольдекопъ, представляя къ запрещенію пьесу неизвѣстнаго автора „Бивуакъ подъ Варшавой“. „Сія пьеса — говоритъ онъ — ничто иное, какъ такъ называемая интермедія, т. е. родъ введенія къ разнымъ танцамъ. Сюжетъ сей пьесы безъ сомнѣнія хорошъ и пьеса сама написана съ благородной цѣлью, но, слава Всевышнему, война окончена, правое дѣло одержало верхъ, непріатели Россіи должны были противъ воли признаться, что русскіе, столь грозные въ битвахъ, столь же великодушны, по пораженіи непріателя. По сей причинѣ полагаю за лучшее предать сію войну скрижалямъ исторіи, которой она принадлежитъ, а не какимъ-либо интермедіямъ, которыя, не смотря на благородную цѣль ихъ, могутъ питать злобу и ненависть нашихъ противниковъ, а русскіе всегда были столь благородны и великодушны, что никогда не насмѣхались надъ побѣжденными“²⁾. Почти одинаковые мотивы едва не привели къ запрещенію либретто къ „Жизни за Царя“ бар. Розена. Цензоръ Ольдекопъ, признавая большія достоинства произведенія, считалъ совершенно неприемлемымъ изображеніе авторомъ вражды поляковъ къ Россіи. „Съ какой стати — спрашивалъ онъ — воскрешать вражду, когда-то столь пагубную? Цензура ничего не можетъ противопоставить выраженіямъ, которыя употребляютъ поляки въ этой пьесѣ, тѣмъ болѣе, что эти выраженія соотвѣтствуютъ настроенію эпохи, которую опера представляетъ, но она вправѣ спросить, одобряетъ ли правительство подобныя выраженія?“³⁾. Понятно поэтому, что пьесы съ меньшимъ значеніемъ, чѣмъ „Жизнь за Царя“, вовсе не разрѣшались для сцены. Такова была судьба, напр., драмы „Богданъ Хмельницкій“ (возбужденіе противъ поляковъ и бывшая казачья вольница)⁴⁾, передѣлки повѣсти Марлинскаго „Князь Сере-

¹⁾ Архивъ Гл. Упр. по дѣл. печ., протоколы 1841 г.

²⁾ Тамже, протоколы 1832 г.

³⁾ Архивъ Гл. Упр. по дѣл. печ., протоколы 1836 г.

⁴⁾ Тамже, протоколы 1835 г.

бренный, или Любовь и родина" (столкновеніе русскихъ съ поляками) ¹⁾ и др.

Восточная война и въ особенности успѣхъ русскаго оружія при Синоцѣ, Наваринѣ и пр. давали обильную пищу драматургамъ. Пьесы были самыя разнообразныя, иногда съ сатирическимъ отбѣнкомъ. Въ 1838 г. запретили драму неизвѣстнаго автора подъ названіемъ „Послѣдній день владычества мусульманъ въ Моретъ, или битва при Наваринѣ“. Критикуя пьесу, цензоръ Ольдекопъ, по обыкновенію, острилъ: „Ибрагимъ султанъ велитъ утопить Маргариту (гречанку, героиню). На сценѣ привязываютъ ей на шею камень, кладутъ ее въ мѣшокъ и *волокутъ въ мѣшокъ по сценѣ*. Видно, авторъ читалъ В. Гюго“ ²⁾. Мечта славянофиловъ завладѣть древней столицей Византіи—Константинополемъ—и водрузить крестъ на куполѣ св. Софіи довольно часто встрѣчалась въ произведеніяхъ того времени. Въ пьесѣ „Невѣста въ шкафу, или замыслы Болванопуло“ эта идея трактуется даже въ комическомъ видѣ. Нѣкій столяръ Болванопуло, повидимому, греческаго происхожденія, мечтаетъ отнять у турокъ Константинополь. Съ этой цѣлью онъ стремится женить своего сына на своей питомицѣ, надеясь, что отъ такого союза будетъ 24 сына, сыновья женятся въ свою очередь, потомство увеличится въ арифметической прогрессіи, въ конечномъ результатѣ, въ пятомъ колѣнѣ, составитъ армія въ 7.482.624 болванопуловъ. А такая армія достаточна для завоеванія столицы Оттомановъ. Пьесу сочли за насмѣшку и запретили ³⁾. Впрочемъ, турокъ щадили меньше, чѣмъ другія державы. Въ 1853 г. запретили пьесу Коцебу „Die Kreuzfahrer“ исключительно потому, что крестоносцы выставлены въ дурномъ свѣтѣ, а турки, наоборотъ, въ хорошемъ ⁴⁾. Любопытно, что въ 1811 г. та же самая пьеса была допущена къ представленію. Иногда разрѣшеніе подобныхъ пьесъ объяснялось отсутствіемъ въ нихъ „литературныхъ достоинствъ“. Такой случай произошелъ съ пьесой „Турецкій султанъ и его союзники“, предположенной къ печатанію въ Кіевѣ въ 1854 г. Спрошенное по этому поводу министерство иностранныхъ дѣлъ отвѣчало, что, имѣя въ виду, что „рукопись эта не имѣетъ никакого литературнаго достоинства“, оно къ печатанію ея „принимѣшнихъ политическихъ обстоятельствъ“ препятствій не встрѣчаетъ ⁵⁾.

Обострившіяся съ 1853 г. отношенія между Россіей и западными державами нѣсколько измѣнили тонъ русской цензуры. Еще въ 1846 г. Императорскимъ театрамъ было отказано въ разрѣ-

¹⁾ Тамже.

²⁾ Тамже, протоколы 1838 г.

³⁾ Архивъ Главн. Упр. по дѣл. печ., протоколы 1853 г.

⁴⁾ Тамже.

⁵⁾ Архивъ Мин. Нар. Просвѣщенія, д. № 15060092 г.

Юль. Отдѣлъ I.

шенія прочесть съ эстрады пушкинское „Клеветникамъ Россіи“ Въ 1854 г. эта деликатность исчезла. 2 мая этого года разрѣшили оригинальное народное представленіе въ 3 картинахъ П. Григорьева I „За вѣру, царя и отечество“, гдѣ жестоко доставалось англичанамъ и французамъ²⁾. Одновременно разрѣшались пьесы, описывавшія различные подвиги русскаго воинства. Въ 1854 г., по просьбѣ жены московскаго генераль-губернатора Закревскаго, разрѣшили драматическое дѣйствіе подъ заглавіемъ „Подвигъ донскаго казака Растригина“. Гр. Орловъ, шефъ жандармовъ, даже острилъ по этому поводу. „Ура славянскимъ племенамъ“, написалъ онъ на докладѣ³⁾. Годъ спустя вновь разсматриваютъ „военную быль“ въ 1 д. Ѳедора Кони „Архипъ Осиповъ, или русская крѣпость“, запрещенную въ 1841 г., и разрѣшаютъ ее. Правда, разрѣшеніе дано было только для симферопольскаго театра⁴⁾.

24 апрѣля 1854 г. запретили пьесу Д. Н. Сементовскаго „Казакъ“. Вотъ любопытные мотивы запрещенія: „1-е, нѣкоторые современные выраженія чувствъ и пожертвованія русскаго дворянства по случаю наступившей войны отнесены къ личнымъ побужденіямъ стараго казака (напр., пожертвованіе Сиб. дворянства десятой доли своихъ доходовъ); 2) казакъ разсуждаетъ о томъ (и сужденія его заимствованы изъ книгъ), какими причинами побуждалась Россія при обновленіи своихъ войнъ и для чего ведутъ ихъ Англія и Франція. Сужденія эти составляютъ область специальныхъ сочиненій, на сценѣ неумѣстны. 3) Называетъ французовъ западными бунтовщиками, барикадистами, пролетаріями. Англичанъ — кочегарами, всемірными торгашами и иными укориженными именами. 4) Авторъ, повидимому, извѣстенъ о произведшей въ Парижѣ столько шума пьесѣ „Les Cosaques“ и написалъ свою комедію какъ бы въ опроверженіе того, какими тамъ изображены казаки. 5) Съ такою цѣлью написанная пьеса должна, по убѣжденію цензуры, имѣть достоинство и характеръ. Сочиненіе же Сементовскаго ничтожно, безхарактерно, бездоказательно и не имѣетъ даже достоинства посредственности“⁵⁾. Въ 1831 г. не пропустили пьесы „Шпіонъ“, взятой изъ романа Купера и изображавшей войну Англіи съ Сѣверо-Американскими Штатами. Цензуру испугала возможность аналогіи съ переживаемымъ въ данную минуту политическимъ моментомъ⁶⁾. Характерно также отношеніе цензуры къ Австріи. Въ

1) Арх. Глав. Упр. по дѣл. печ., протоколы 1846 г.

2) Архивъ Гл. Упр. по дѣл. печ., протоколы 1854 г.

3) Тамже.

4) Тамже. Протоколы 1855 г. Мотивомъ запрещенія пьесы въ 1841 г. было неуваженіе русскихъ къ черкесамъ. „Прилично ли такое представленіе въ театрѣ, который посѣщается многими здѣсь находящимися черкесами, — спрашивалъ Ольдекопъ — и, кромѣ того, должно ли представлять эпизоды неоконченной войны на Кавказѣ?“ (Протоколы 1841 г.).

5) Арх. Глав. Упр. по дѣл. печ., протоколы 1854 г.

6) Тамже, протоколы 1831 г.

1843 г. вызвала сомнѣніе переводная пьеса Fr. Genée „Wilhelm Kollmann, oder die beider Alpenführer“, изображавшая извѣстный подвигъ тирольца Андрея Гофера. Гр. Бенкендорфъ не рѣшился пропустить пьесу, не спросивъ предварительно мнѣнія австрійскаго посла при русскомъ дворѣ, гр. Война. Не принимая на себя отвѣтственность одобренія комедіи, посолъ находилъ, что, „вслѣдствіе живыхъ намековъ на Австрію, подобная пьеса была бы запрещена въ австрійскихъ владѣніяхъ“. Пьесу, конечно, запретили ¹⁾.

Не запретили, но немножко почистили водевиль О. Кони „Дѣвушка Гусаръ“, переводъ извѣстной въ то время пьесы „Le capitaine Roland“.

Въ куплетѣ № 6 зачеркнули строфы, касавшіяся Австріи и Наполеона:

Наполеонъ, ихъ смѣлый предводитель,
Стяжалъ имъ лавръ у древнихъ пирамидъ,
Онъ въ Вѣнѣ былъ, какъ грозный побѣдитель,
Къ стопамъ его палъ съ трепетомъ Мадридъ.
И, наконецъ, никѣмъ не побѣжденный
Въ Россію шелъ увѣчанный боецъ:
Но Александръ, отдавши миръ вселенной,
Съ главы его снялъ лавры и вѣнецъ ²⁾.

Наконецъ, не безъ австрійскаго вліянія запретили пьесу v. Dougfeld'a „Der kategorische Imperativ“. Въ пьесѣ проводилась идея „о вліяніи золота и женскихъ интригъ“ на судьбу европейскихъ народовъ, причемъ дѣйствіе комедіи совпадало съ эпохой Вѣнскаго конгресса 1815 г. ³⁾.

Влеченіе къ нѣмцамъ, безразлично, австрійцы они, или пруссаки, было, вообще, очень сильно въ это время. Въ 1844 г. принципиальный вопросъ вызвала въ III отдѣленіи драма Р. Зотова „Новгородцы“, совершенно невинная по содержанію. Сперва ее собирались вовсе запретить, затѣмъ рѣшили допустить только для столицы. Изъ протокола детальнаго разбора пьесы видно, что много вычеркнутыхъ мѣстъ касается оцѣнки нѣмецкаго вліянія въ Новгородѣ. Во 2 д., во 2 картинѣ вымарали слова Алеши:

„Вѣдь нѣмецъ, братъ, нигдѣ не пропадетъ.
.....
Я слышалъ по секрету, чортъ тоже нѣмецъ.“

Также слова Крыжана:

..... Ужъ нѣмцы,
Поджарилъ бы на маленькомъ огнѣ.

Въ 3 д., въ 4 картинѣ не поправилось безобидное выраженіе Никанора:

¹⁾ Архивъ Главнаго Упр. по дѣл. печ., протоколы 1843 г.

²⁾ Тамже, протоколы 1836 г.

³⁾ Арх. Гл. Упр. по дѣл. печ., протоколы 1853 г.

..... Нѣмцы
Все народъ живучій ¹⁾.

Въ 1841 г. запретили пропѣть хоромъ германскую патріотическую пѣсню „Der deutsche Rhein“, въ коей говорится, что „Германія никогда не уступитъ Франціи своихъ Рейнскихъ провинцій“ ²⁾. Но бывали случаи, когда руководители цензуры и не находили нужнымъ смягчать на сценѣ дѣйствительныя отношенія различныхъ народовъ. Такъ, напр., любопытную резолюцію положилъ Дубельтъ по поводу одноактной пьесы Р. Хана „Die Picard in Berlin“. Содержаніе комедіи заключалось въ томъ, что нѣкій французскій танцмейстеръ, прожившій долгое время въ Берлинѣ, завѣщалъ все свое состояніе французской племянницѣ и своему берлинскому садовнику. Племянница пріѣзжаетъ изъ Франціи за наслѣдствомъ и, чтобы не дробить его, выходитъ замужъ за садовника. Въ пьесѣ цензоръ не нашелъ ничего предосудительнаго, за исключеніемъ одного мѣста, гдѣ нѣмецъ-садовникъ хвастается побѣдами, одержанными пруссаками надъ французами въ 1814 г. Это мѣсто смутило Гедеонова. „Позволяется,—написалъ Дубельтъ—пусть съ Богомъ хвастается“ ³⁾.

Дипломаты, безъ различія сторонъ, пользовались неизмѣннымъ покровительствомъ цензуры. Не лишены интереса разсужденія Ольдекопа по поводу пьесы М. Arago „Un noviciat diplomatique“, запрещенной 13 ноября 1834 г. Въ пьесѣ изображался какой-то секретарь посольства, который съ цѣлью вывѣдать дипломатическую тайну подслушиваетъ у дверей. Этотъ поступокъ далъ цензору возможность прочесть нравоученіе: „Un diplomate doit prévoir les événements par des combinaisons; toutes les ruses sont permises dans ce cas, mais jamais une bassesse“ ⁴⁾. Почти одновременно на тѣхъ же основаніяхъ запретили пьесу-водевиль Villeneuve et Ch. de Libry „Lionel, ou mon avenir“, и сократили извѣстную драму А. Дюма „Кинъ, или геній и безпутство“. Въ первой пьесѣ сочли предосудительнымъ выводить на сцену въ некрасивомъ освѣщеніи англійскаго посланника въ Мадридѣ ⁵⁾, въ драмѣ же Дюма цензуру смутили имена „Данія“, „датскій посланникъ“. Всюду, гдѣ это названіе встрѣчается, его замѣнили „португальскимъ“ ⁶⁾. Въ 1847 г. разрѣшили пьесу Мелевиля „Une fièvre brûlante“, при условіи, что выведенный въ смѣшномъ видѣ русскій дипломатъ будетъ замѣненъ представителемъ другой державы ⁷⁾. Но это уже совпадаетъ

¹⁾ Архивъ III отд. Соб. Его Величества Канц., д. № 2.

²⁾ Архивъ Гл. Упр. по дѣл. печ., протоколы 1841 г.

³⁾ Архивъ Гл. Упр. по дѣл. печ., протоколы 1849 г.

⁴⁾ Тамже, протоколы 1834 г.

⁵⁾ Тамже.

⁶⁾ Архивъ Гл. Упр. по дѣл. печ., протоколы 1836 г.

⁷⁾ Тамже, протоколы 1847 г.

съ нашими неладами въ Европѣ, когда Николай больше, уже не церемонился съ своими политическими противниками.

Въ своемъ мѣстѣ я показалъ, сколько энергіи проявляла драматическая цензура временъ Николая I въ охранѣ чиновниковъ. Не меньшую энергію проявляла она и въ охранѣ военныхъ, дворянъ, купцовъ и пр.

Пьесъ, затрагивавшихъ военный бытъ, въ частности офицерство, попадалось сравнительно мало. Обыкновенно драматурги избегали выводить этотъ элементъ на сцену, тѣмъ паче въ неблагопріятномъ освѣщеніи. Но встрѣчались исключенія. Въ 1840 г. запретили драму Ивельева „Любовь и честь“, изображавшую гусарскаго офицера въ непристойномъ „для офицерскаго званія“ видѣ. По словамъ цензора Геденова, герой пьесы, офицеръ Озерскій, „безпрестанно употребляетъ ерофейчъ, вещь, конечно, не преступную, но ни въ какомъ случаѣ не украшающую его характеръ“. Біографія офицера не изъ блестящихъ. Подобно Кречинскому, онъ взявъ брилліантовый перстень у танцовщицы, заложилъ его въ винномъ погребѣ, чтобы „пить своихъ товарищей шампанскимъ“.

Попутно характеризуется и танцовщица. По словамъ цензора, „она выражается въ смыслѣ совершенно хладнокровнаго разврата. Говоритъ объ купцѣ, который пріѣдетъ къ ней передъ обѣдомъ, и объ князѣ, который пріѣдетъ послѣ театра, такъ ясно и отчетливо, что зритель при всемъ желаніи не вникать въ пѣль этихъ посѣщеній никакъ не можетъ оставаться въ заблужденіи“. Однако самъ Озерскій, по ходу пьесы, „человѣкъ въ высшей степени благородный и примѣрный офицеръ“. Какъ же помирить такія противорѣчія?..

Геденовъ, стараясь спасти пьесу предлагалъ съ этою цѣлью всякія исключенія, въ томъ числѣ діалога Озерскаго съ его другомъ Сѣйскимъ по поводу воспитанія въ кадетскомъ корпусѣ:

Сѣйскій. Такъ и видно, что ты воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ.

Озерскій. Да, братъ, въ кадетскомъ, только вотъ видишь ли, при выпускѣ вычли по положенію три рубля за розги, а я ихъ извелъ на двѣнадцать. Это-то у меня противъ тебя и лишнее“.

Такая реплика вызываетъ любопытныя разсужденія цензора: „Положеніе о выдачѣ трехъ рублей за розги, точно, существуетъ, но здѣсь авторъ обращаетъ это къ начальству, а, напротивъ того, въ возвышенно благородномъ характерѣ Озерскаго, показываетъ достоинство казеннаго воспитанія“. Однако заступничество Геденова не помогло дѣлу. Дубельтъ приказалъ запретить пьесу „безъ всякихъ условій“¹⁾. Тѣ же самые мотивы помѣшали разрѣшить

¹⁾ Архивъ Гл. Упр. по дѣл. печ., протоколы 1840 г.

пьесу „Тримъ и Надежда, или полковыя сироты“ ¹⁾, романтическую драму „Экспедиція противъ разбойниковъ“ („въ военныхъ нѣтъ свойственнаго имъ тона благородства“) ²⁾, двухактную комедію изъ **кавказскихъ нравовъ** „Даира“. Въ послѣдней пьесѣ, по докладу цензора, „**тифлисскій купецъ предлагаетъ русскому офицеру жениться на его дочери и обѣщаетъ ему пять тысячъ рублей сер. приданого. Послѣ свадьбы онъ даетъ только 100 руб. Офицеръ бросаетъ жену, а 100 руб. оставляетъ за собою, въ вознагражденіе за то, что онъ женился**“. Діалогъ происходитъ частью на русскомъ, частью на грузинскомъ языкѣ и изобилуетъ подробностями мѣстнаго характера. „Содержаніе можетъ быть личностью“, замѣтилъ цензоръ ³⁾.

Иногда запрещеніе пьесы основывалось на томъ, что сюжетъ ея можетъ подорвать военную дисциплину. Такъ была, напр., понята комедія иностраннаго автора „Thomas, l'Egyptien“. „Наполеонъ приказалъ гусарамъ остричь косы, которые они носили до него. Храбрый и отличный солдатъ Томасъ бунтуетъ изъ-за этого приказа. Военный судъ осуждаетъ его къ смерти. Но полковой командиръ, изъ дружбы къ нему и изъ уваженія къ прежнимъ его заслугамъ, спасаетъ солдата, приказавъ разстрѣлять его холостымъ зарядомъ и предоставивъ затѣмъ ему средства тайно ѣхать за границу“ ⁴⁾.

Наравнѣ съ офицерами театральная цензура охраняла вообще высшій слой общества. Цензоръ Ольдекопъ, докладывая о чередѣлкѣ повѣсти Марлинскаго „Фрегатъ Надежда“, такъ объяснялъ причины запрещенія пьесы: „Сказка, послужившая сюжетомъ для настоящей драмы, отлично извѣстна вашему превосходительству; такая сказка весьма пригодна для пьесы, но авторъ не зналъ, очевидно, о такихъ выраженіяхъ на высшее общество, которые вовсе не допустимы на сценѣ. Кроме того, связь видной придворной дамы петербургскаго общества съ морскимъ офицеромъ обстоятельство настолько щекотливое, что едва-ли кто посмотритъ благосклонно на подобное представленіе“ ⁵⁾. Неуважительное отношеніе къ высшему иностранному обществу послужило поводомъ запретить пьесы: Лаубе „Rococo, oder die Alten Herren“ ⁶⁾ и Декуреселя и Нияка „Une soubrette de qualité“ ⁷⁾. Въ пьесѣ Декуреселя и Нияка, помимо „нескромности тона“, играли роль пощечины, щедро расточаемыя и получаемыя лицами высшей аристократіи. Запрещена была и комедія Laurencia e t

¹⁾ Тамже.

²⁾ Архивъ Гл. Упр. по дѣл. печ., протоколы 1840 г.

³⁾ Тамже, протоколы 1846 г.

⁴⁾ Тамже, протоколы 1840 г.

⁵⁾ Архивъ Гл. Упр. по дѣл. печ. протоколы 1836 г.

⁶⁾ Тамже, протоколы 1843 г.

⁷⁾ Тамже, протоколы 1854 г.

Delaporte „Le cousin-roi“, основная мысль которой заключалась въ слѣдующей сентенціи: „La grandeur ou la naissance, la vaine opulence, ne valent pas le vrai bonheur“ ¹⁾.

Нѣкоторые авторы пытались выводить на сцену бытъ современнаго дворянства и различныя его установленія, но большей части безуспѣшно. Въ 1831 г. запретили, напр., пьесу „Выборъ исправника“, составлявшую вторую часть комедіи „Дворянскіе выборы“. Съ первою частью, двумя годами раньше, вышла пѣлая исторія. Пьесу было разрѣшили, но затѣмъ появилась въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ статья нѣкоего Василія Ушакова, подчеркивавшая исключительныя свойства комедіи; начальство вновь разсмотрѣло ее и нашло болѣе осторожнымъ запретить ²⁾. По словамъ цензора, главные „украшенія“ комедіи „Выборъ исправника“ заключаются въ „штофахъ, стаканахъ, самоварѣ и рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ“. Все это можетъ быть пріятно лишь „черному народу“. Для иллюстраціи такого мнѣнія Ольдекопъ приводилъ слѣдующую реплику героя пьесы Забойкина: „Помнишь, какъ губернской читалъ рацею, чтобы неимущіе дворяне лучше шли въ военную, чѣмъ де заниматься въ запасные. Благодаримъ за милость. Изъ воли да въ неволю. Слыхали мы объ этой военной. Чего то не выдумаютъ. Ужъ не за цѣпъ ли приняться, да молочить“? Съ своей стороны цензоръ сдѣлалъ такое замѣчаніе: „Театръ почитается школою нравовъ, слѣдственно, нельзя учить въ немъ глупостямъ и пустякамъ“ ³⁾.

Не лучше была судьба пятиактной драмы Н. В. Сущкова „Бѣдность и благотворительность“, въ которой авторъ пытался изобразить московскую нищету и рядомъ съ ней комитеты благотворительности. Цензора больше всего поразилъ типъ дамы-патронессы, которая, „озабочиваясь участіемъ какого-нибудь бѣднаго семейства, въ задумчивости покуриваетъ сигарку“. Не смотря на извѣстность и общественное положеніе Сущкова (онъ приходился родственникомъ поэтессѣ гр. Е. Растопчиной), пьесу запретили. „Невозможно,—написалъ Дубельтъ—и графъ не согласенъ“ ⁴⁾. Едва-ли не такъ сатира на „благородныхъ“, была понята извѣстная поэма И. Мятлева „Сенсаціи г-жи Курдюковой, за границей, данъ л'эт-жанже“. По крайней мѣрѣ, ходатайство о прочтеніи отрывковъ этой поэмы на сценѣ было сначала отклонено. Впрочемъ, спустя некоторое время, чтеніе разрѣшили ⁵⁾.

Столь же сурово было отношеніе цензуры и къ пьесамъ нашихъ классиковъ, Гоголя, Писемскаго, Грибоѣдова, Тургенева, разъ ни такъ или иначе затрагивали бытъ дворянства. О „Лакейской“

¹⁾ Тамже.

²⁾ Тамже, протоколы 1829 г.

³⁾ Архивъ Гл. Упр. по дѣл. печ., протоколы 1831 г.

⁴⁾ Тамже, протоколы 1846 г. Пьеса издана въ 1874 г.

⁵⁾ Тамже, протоколы 1841 г.

Гоголя цензоръ писалъ: „Въ этой пьесѣ нѣтъ ничего вреднаго, но, какъ выставленіе недостатковъ какого бы то ни было класса общества входитъ въ область сатиры, касающейся въ настоящемъ случаѣ столько же господскихъ домовъ, какъ и самыхъ слугъ, то цензура долгомъ считаетъ представить одобреніе оной на разрѣшеніе начальства“. Однако пьесу запретили ¹⁾. Еще болѣе суровый упрекъ заслужилъ „Ипохондрикъ“ А. Писемскаго. „Авторъ этой пьесы — докладывалъ о ней цензоръ Гедерштейнъ — человекъ съ значительнымъ дарованіемъ, но онъ принадлежитъ къ тому разряду писателей, которые выводятъ въ своихъ произведеніяхъ низшій по образованію слой общества. Такимъ образомъ и въ настоящей комедіи нѣтъ ни одного порядочнаго лица. Хотя герой ея, Дурнопечинъ, человекъ благородный, но онъ, по болѣзненному состоянію, дѣлается игрушкой людей низкихъ и грубыхъ. Прочія лица не имѣютъ никакого нравственнаго достоинства. Слогъ комедіи, хотя соотвѣтствуетъ характеру дѣйствующихъ лицъ, но уже по тому самому переполненъ такими выраженіями, которыя обыкновенно исключаются цензурою. Кромѣ всего этого, изображеніе болѣзненнаго состоянія человека, составляющее основную мысль комедіи, растянутое на 4 дѣйствія, не можетъ быть занимательнымъ и даже непріятно“. Пьесу запретили 14 марта 1852 г. ²⁾.

Приблизительно около этого времени разрѣшили для столичныхъ театровъ и запретили для провинціальныхъ „Горе отъ ума“ Грибоедова. Знаменитую комедію желалъ поставить въ Одессѣ тайный совѣтникъ Казначеевъ. Въ своемъ прошеніи на имя начальника III отдѣленія онъ ручался, что „дозволеніе это не будетъ употреблено во зло“. И тѣмъ не менѣе отвѣтъ получился отрицательный. Цензоръ Нордстремъ, докладывавшій по этому дѣлу, напомнилъ, что тожественное ходатайство было подано въ 1848 г. генералъ-лейтенантомъ Ахлестышевымъ, но, по высочайшему повелѣнію, въ этой просьбѣ было ему отказано ³⁾. А вотъ что докладывалъ въ 1849 г. цензоръ о „Нахлѣбникѣ“ И. С. Тургенева: „Старый, бѣдный дворянинъ живетъ нахлѣбникомъ у богатаго помѣщика. Помѣщикъ съ друзьями тѣшится надъ несчастнымъ старикомъ, заставляя его пить не въ мѣру, пѣть пѣсни, плясать въ присядку, угрожая побоями, въ случаѣ неповиновенія. Полуцыяный нахлѣбникъ, выведенный изъ терпѣнія, объявляетъ громогласно, что жена помѣщика его незаконная дочь и прижита имъ въ самый день смерти ея мнимаго отца. Доказательства неопровержимы, и за это именно помѣщикъ съ супругою — выгоняютъ изъ дому старого нахлѣбника“. По мнѣнію цензора, пьеса „равно

¹⁾ Архивъ Гл. Упр. по дѣл. печ. Протоколы 1852 г. См. объ этомъ также мою статью „Гоголь и драм. цензура“ Ежег. Имп. Т., 1909 г., вып. I.

²⁾ Архивъ Гл. Упр. по дѣламъ печати, протоколы 1852 г.

³⁾ Архивъ Гл. Упр. по дѣл. печ., протоколы 1849 г.

оскорбляетъ и нравственность, и дворянское сословіе“. „Запретить“—приказалъ Дубельтъ ¹⁾. Такова же была судьба комедіи „Точь въ точь“, сочиненной въ Симбирскѣ „для Новгородскаго театра“ и двухъ нѣмецкихъ пьесъ „Die Schultheis von Brügge“ Ленца и „Bestrafter Ehrgeiz“ Лебрена. Первую пьесу Ольдекопъ называлъ „несчастливымъ вырождаемъ человеческого ума“ и въ подтвержденіе своего мнѣнія приводилъ характеристику героя пьесы Лежебокова, „высѣченнаго своими крестьянами и спасающагося отъ висѣлицы бѣгствомъ“ ²⁾. Пьесу Лебрена запретили потому, что она изображала „нравственную борьбу дворянства съ низшимъ сословіемъ“, картина, по мнѣнію цензора, совершенно „неприличная“ для публичныхъ зрѣлищъ ³⁾. А пьеса Ленца смутила Ольдекопа своею тенденціозностью. „Я почитаю эту пьесу—писалъ онъ—потому неумѣстной на театрахъ Имперіи, что въ ней встрѣчаются постоянныя сравненія между вольными людьми и рабами, между дворянствомъ и такъ называемымъ чернымъ народомъ. Ничего нѣтъ легче, какъ перетолковывать все это въ худую сторону“ ⁴⁾. Въ 1847 г. запретили еще комедію неизвѣстнаго автора „Полюбовное размежеваніе“. Въ пьесѣ помѣщики изображались неучами, не понимающими ни собственныхъ выгодъ, ни благонамѣренныхъ дѣйствій правительства. Дѣло шло о полюбовномъ размежеваніи на основаніи закона 2 апрѣля 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ ⁵⁾.

Къ пьесамъ, обиднымъ для дворянскаго сословія, причисляли еще цѣлую категорію драматическихъ произведеній, пользовавшихся именами историческихъ лицъ. Имена Суворова, Меншикова, Кочубея, вплоть до фамилій наиболѣе популярныхъ дѣятелей начала XIX в., довольно часто встрѣчались въ современной литературѣ, вдохновляли они и драматурговъ. Однако это рѣдко находило сочувственный приѣмъ. Въ 1839 г. Н. А. Полевой представилъ въ цензуру свою пьесу „Ода премудрой царевнѣ Киргизъ-Кайсацкой Фелицѣ“, изъ эпохи Екатерины Великой. Содержаніе пьесы, по докладу цензора, было слѣдующее: „Державинъ поручено отъ князя А. А. представить ему записку о дѣлѣ откупщика Толстосумова, котораго другой чиновникъ князя, Яковъ Петровичъ NN, представилъ вельможѣ съ благовидной стороны. Державинъ, зная всю гнусность Толстосумова, не хочетъ написать записку въ томъ видѣ, какъ князь ее требовалъ, и думаетъ только о стихахъ своихъ, не зная, что Яковъ Петровичъ укралъ у него стихи, чтобы ихъ представить князю, который стихотворцевъ терпѣть не можетъ. Козодавлевъ и Хемницеръ приходятъ къ Держави-

¹⁾ Тамже.

²⁾ Тамже, протоколы 1830 г.

³⁾ Архивъ Гл. Упр. по дѣл. печ., протоколы 1840 г.

⁴⁾ Тамже, протоколы 1839 г.

⁵⁾ Тамже, протоколы 1847 г.

вину и просить его читать имъ его Оду Фелицъ. По ихъ уходѣ Толстосумовъ хочетъ подкупить Державина, который въ справедливомъ гнѣвѣ выгоняетъ его изъ комнаты. Вдругъ является князь, дѣлаетъ Державину выговоръ, говоритъ, что исключаетъ его изъ службы, и требуетъ, чтобы онъ просилъ прощенія у Толстосумова. Державинъ отказывается и въ эту рѣшительную минуту входитъ вдругъ лакей съ пакетомъ на имя Державина, съ золотою табакеркою съ брилліантами, полной червонцами. Немедленно послѣ того является княгиня Дашкова и Шуваловъ, первая представляетъ пожалованіе Державина въ чинъ статскаго совѣтника, а послѣдній объявляетъ, что онъ на другой день будетъ имѣть честь проводить Державина къ Государынѣ Императрицѣ. Князь А. А., чтобы показать свою справедливость, выгоняетъ Якова Петровича и говоритъ Державину, чтобы онъ далъ ему свою записку о дѣлѣ Толстосумова, чтобы по ней доложить Государынѣ и проучить негодяя“.

Пересказавъ содержаніе пьесы, Ольдекопъ находилъ ее прекрасной, но сомнѣвался, что она „можетъ быть одобрена къ представленію, по причинѣ многихъ лицъ изъ вѣка Государыни Екатерины II, дѣйствующихъ въ этой драмѣ“. Въ то же время онъ написалъ слѣдующее „секретное“ письмо Дубельту: „При представленіи на разсмотрѣніе вашего превосходительства приложенной при семъ пьесы (слѣдуетъ названіе), по долгу службы честь имѣю доложить вамъ слѣдующее: нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ сочинитель этой пьесы, Николай Васильевичъ Полевой, представилъ ее въ дирекцію Императорскихъ спб. театровъ, но она не была принята дирекціею потому, что его свѣтлость князь П. М. Волконскій отозвался, что еще слишкомъ рано выводить на сцену лица Екатеринина вѣка. Къ счастью, что я узналъ все сіе случайно, а безъ того легко можно было дожить до бѣды, ибо можетъ быть вышепереченный отзывъ былъ не только мнѣніе г. министра Императорскаго Двора, но и самое мнѣніе Государя Императора. Не смотря на то, что этотъ отзывъ сообщенъ былъ сочинителю, г. Полевой, котораго отличныя дорованія я вполне уважаю, но который всегда увивается змѣею, послалъ сію пьесу въ Москву и представилъ право на бенефисъ тамошнему актеру Ленскому. Я повторяю, что черезъ подобныя происки цензору драматическому легко дожить до бѣды. Правда, что въ рукописи между дѣйствующими лицами было выставлено имя князя А. А. Вяземскаго, между тѣмъ въ напечатанномъ экземплярѣ только поставлено князь А. А., но, не смотря на то, въ этой пьесѣ находятся еще княгиня Екатерина Романовна Дашкова и Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, и вышепереченный отзывъ его свѣтлости, безъ сомнѣнія, относится не только къ первому, но и къ двумъ послѣднимъ лицамъ. Вслѣдствіе всего вышепереченнаго, осмѣливаюсь покорнѣе просить, не благоугодно ли будетъ вашему превосходительству на счетъ этой пьесы пого-

ворить съ г. директоромъ здѣшнихъ Императорскихъ театровъ, дабы узнать справедливость всего мною изъясненнаго и по какой причинѣ не принимали этой пьесы. Если докажется истина всего мною представленнаго, осмѣливаюсь покорнѣйше просить ваше превосходительство, не благоугодно ли будетъ дать Полевому не жандармское, а отеческое наставленіе, что подобныя поступки не приличны русскому честному человѣку“. Письмо было слишкомъ важно, чтобы Дубельтъ не обратилъ на него вниманіе. Онъ написалъ: „справедливо, попросить г-на Полевого ко мнѣ“, а пьесу запретилъ ¹⁾.

Той же участи подверглись пьесы, изображавшія сподвижника Мазепы, Кочубея (драма И. К. „Василій Кочубей“) ²⁾, семейство Кодебу (комедія „Достопамятницы“) ³⁾, артистку Софію Арнульди („Sophie Arnouldi“) ⁴⁾ и т. д. Много разговора вызвалъ драматическій анекдотъ П. Ершова „Суворовъ и станціонный смотритель“, разсматривавшійся въ цензурѣ дважды, въ 1836 г. и 1839 г. Сначала Ольдекопъ былъ въ восторгѣ отъ пьесы: „Вотъ прекрасная бездѣлка, которая дѣлаетъ честь Россійской словесности, но которую нельзя одобрить къ представленію,—писалъ онъ.—На станціи ожидаетъ графа Суворова станціонный смотритель, бывший унтеръ-офицеръ, сдѣланы всевозможныя приготовленія. Вдругъ графъ пріѣзжаетъ въ солдатской шинели, называетъ себя загощиномъ графа Суворова. Смотритель подбиваетъ его водкою, щами и пирогами, потомъ оба ложатся на скамейки отдохнуть. Потомъ смотритель проситъ своего гостя рассказать ему, какъ говорить съ графомъ; графъ исполняетъ сіе желаніе и потомъ отправляется. Вся деревня собирается у смотрителя, въ ожиданіи графа. Наконецъ, адъютантъ графскій увѣряетъ ихъ, что мнимый графскій загощикъ былъ самъ графъ. Всѣ въ удивленіи, наконецъ, ямщикъ является съ письмомъ отъ графа къ смотрителю, въ которомъ первый благодаритъ послѣдняго за угощеніе, проситъ дочь его Машу отдать за ямщика Луку и присылаетъ 100 руб. на свадьбу“. Однако пьеса показалась зазорной и ее запретили. Слѣдующій разъ авторъ представилъ свой „анекдотъ“ въ 1839 г. Тутъ даже Ольдекопъ оказался противъ пьесы. Прося начальство подтвердить запрещеніе ей, онъ удивляется, что артисты настаиваютъ на разрѣшеніи произведенія, „порочащаго (?) славное имя героя“. „Неужели наши артисты Киргизы или Башкиры?—патетически спрашиваетъ онъ,—но и тѣ бы устыдились“ ⁵⁾.

¹⁾ Архивъ гл. упр. по д. п., протоколы 1839 г.

²⁾ Тамже, протоколы 1836 г.

³⁾ Тамже, протоколы 1839 г.

⁴⁾ Тамже, протоколы 1834 г. Въ докладѣ о пьесѣ Ольдекопъ сомнѣвался, что она можетъ быть разрѣшена у насъ, „dans notre pays des illusions“.

управленія по дѣламъ печ., протоколы 1839 г.

Въ концѣ концовъ въ цензурѣ возникъ принципиальный вопросъ, какъ вообще поступать съ пьесами, затрагивавшими предковъ историческихъ фамилій. Толчокъ къ этому дали двѣ пьесы, почти тождественныя по направленію, но встрѣченныя начальствомъ не одинаково. Первую пьесу, „Карлъ XII подъ Полтавой“ Р. Зотова, представленную въ 1841 г., цензура запретила на томъ основаніи, что пьеса изображала кн. Меншикова, „обстоятельство, непріятное для его потомка“. Въ томъ же году поступила въ цензуру другая пьеса, комедія извѣстнаго О. В. Булгарина, изъ временъ Петра Великаго, подъ названіемъ „Шкуна Ньюкарлеби“. По мнѣнію цензора Гедеонова, разсматривавшаго пьесу, было много основаній запретить ее: во 1-хъ, въ пьесѣ фигурировали историческія лица: кн. Долгорукіе, полковникъ Казадаевъ, во 2-хъ, на сцену выносили русскій флагъ („должно ли это допускать?“—сомнѣвался цензоръ), въ 3-хъ, наконецъ, съ литературной точки зрѣнія, пьеса признавалась „очень слабой“¹⁾. Тѣмъ не менѣе „особыя заслуги“ Булгарина побѣдили всѣ препятствія и пьесу разрѣшили, но этимъ возмутили Гедеонова. Онъ не стерпѣлъ и написалъ ядовитый докладъ своему начальству:

„Русскіе драматическіе писатели—писалъ онъ—съ нѣкоторыхъ поръ обратились къ отечественной исторіи и сюжеты своихъ драмъ заимствуютъ большею частью изъ царствованія Императора Петра Великаго. Высочайшимъ Его Императорскаго Величества повелѣніемъ предписано драматической цензурѣ дозволить въ трагедіяхъ и драмахъ, но не въ операхъ и балетахъ, представленіе на сценѣ Россійскихъ царей до династїи Романовыхъ. На счетъ же предковъ частныхъ лицъ не существуетъ никакого положенія. Въ текущемъ году пьеса г. Зотова „Карлъ XII подъ Полтавой“ была запрещена въ уваженіе просьбы кн. Меншикова, изъявившаго нежеланіе видѣть предка своего представленнымъ на сценѣ. Въ то же почти время одобрена къ представленію пьеса г. Булгарина „Шкуна Ньюкарлеби“, въ коей выведены на сцену современники князя Меншикова, не менѣе его знатные, какъ, напр., Яковъ Ѳеодоровичъ Долгоруковъ. Чтобы избавить русскихъ писателей и драматическую цензуру отъ самовласти частныхъ лицъ, необходимо какое-либо постоянное правило на счетъ представленія на сценѣ предковъ нынѣ существующихъ фамилій. Смѣю думать, что было бы весьма удобно и полезно отечественной драматической литературѣ дозволить представленіе всѣхъ историческихъ частныхъ лицъ до царствованія Императрицы Екатерины II, вмѣнивъ въ обязанность цензурѣ наблюдать, чтобы эти лица были представлены не въ превратномъ видѣ и не въ обиду ихъ потомкамъ“. Это соображеніе цензора было доложено государю. Николай передалъ вопросъ на усмотрѣніе Бенкендорфа. „Высочайше повелѣно — писалъ Ду-

¹⁾ Архивъ гл. управленія по дѣламъ печ., протоколы 1841 г.

бельтъ—этого рода пьесы пропускать или запрещать, смотря по обстоятельствамъ и всегда съ разрѣшенія графа Бенкендорфа“¹⁾. Такое распоряженіе нѣсколько измѣнило порядокъ разсмотрѣнія пьесъ съ историческими фамиліями. Послѣ того подобныя пьесы, если и пропускались, то при условіи, что собственныя имена вычеркивались. Такъ случилось, напр., съ комедіей „Князь Яковъ Ѳеодоровичъ Долгоруковъ, или правда лучший другъ царю“, гдѣ имя кн. Меншикова замѣнили другимъ лицомъ²⁾. „Теперь можно“, написалъ Дубельтъ. Бывало и такъ, что пьесу не пропускали, даже если на это изъявлялъ согласіе потомокъ изображаемаго лица. Подобный случай произошелъ съ пьесой Люлли „Der Feldmarschal Souworooff und sein Kamerdiener Proschka“, пользовавшейся, повидимому, покровительствомъ старшаго врача придворно-конюшеннаго вѣдомства, статскаго совѣтника Задлера. Пьесу разсматривали дважды, сначала въ цензурѣ, потомъ у внука героя, генералъ-адъютанта кн. А. А. Суворова³⁾. Общее мнѣніе было въ пользу пьесы. „Характеръ великаго полководца—говорилось въ докладѣ—изображенъ красками вѣрными и не слишкомъ рѣзкими, такъ что самыя странности его могутъ произвести на сценѣ лишь смѣхъ степенный“. Однако въ дѣло совершенно неожиданно вмѣшался вопросъ... національный и пьесу запретили. Среди мотивовъ запрещенія было сказано, что появленіе такого произведенія „впервые на нѣмецкомъ театрѣ“ можетъ быть „обидно для русскаго самолюбія“⁴⁾. Не менѣе суровое отношеніе встрѣтилъ анонимный авторъ пятиактной комедіи „Русскіе философы заграницей“, изображавшей отставнаго фельдфебеля по имени Василя Андреевича, котораго русская графиня заграницей принимаетъ за В. А. Жуковскаго. Эта безобидная шутка возмутила Дубельта. „Вздоръ“—написалъ онъ и приказалъ запретить пьесу⁵⁾. Бывали и такіе случаи, когда драматурги, въ чаяніи обойти подводные камни, скрывали имена историческихъ лицъ подъ какими-нибудь буквами. Такая исторія произошла съ двухактной комедіей „7 ноября 1824 г.“, гдѣ на фонѣ ужасовъ петербургскаго наводненія описывался геройскій подвигъ графа Н. Увы, бѣдный авторъ не зналъ своихъ судей. Они тотчасъ раскрыли таинственный шифръ. „Можно ли,—спрашивалъ цензоръ—хотя въ самомъ лучшемъ видѣ и безъ обозначенія имени и фамиліи, выставить на сцену такое лицо, въ которомъ всѣ жители С.-Петербурга узнаютъ графа Милорадовича?“ Дубельтъ отвѣчалъ: „гдѣ-жа“ и пьесу изъяли изъ обращенія.

Запрещали пьесы также за то, что названіе дѣйствующихъ

¹⁾ Архивъ III отд. Соб. Его Вел. Канц., 5, д. № 4.

²⁾ Архивъ гл. упр. по дѣл. печ., протоколы 1843 г.

³⁾ Кн. А. А. Суворовъ былъ послѣдовательно курляндскимъ, лифляндскимъ, эстляндскимъ и спб. ген.-губ., затѣмъ инспекторомъ всей пѣхоты (1804—1882).

⁴⁾ Архивъ гл. упр. по дѣл. печ., протоколы 1853 г.

⁵⁾ Архивъ гл. упр. по дѣл. печ., протоколы 1842 г.

лицъ, въ примѣненіи къ сюжету, могло вызвать сомнѣніе: не скрывается ли здѣсь насмѣшка надъ аристократіею или властью *предержавной*. Въ этомъ грѣхѣ провинился *enfant terrible* николаевской цензуры, Н. А. Полевой. Онъ написалъ одноактную комедію „Ужасный незнакомецъ, или у страха глаза велики“, въ которой бургомистръ маленькаго нѣмецкаго городка, получивъ приказъ арестовать опаснаго человѣка, вздумалъ арестовать всѣхъ пріѣзжихъ и принялъ владѣтельнаго графа за разбойника. Ольдекопа, разсматривавшаго пьесу, смутили имена персонажей. Такъ, капитана городской стражи Полевой называлъ Фаустомъ фонъ Эзелманъ, приказчикъ именуется коммиссіонеромъ „торговаго дома Шпицъ-бубе“ и т. д. „Тутъ нѣтъ никакого остроумія, — замѣчалъ цензоръ — это просто глупо“. Онъ предлагалъ пьесу вернуть дирекціи Императорскихъ Театровъ, для того, чтобы „сочинитель перемѣнилъ самъ эти имена нѣсколько поумнѣ“. Дубельтъ написалъ: „совершенно справедливо“ ¹⁾.

Престижъ купеческаго сословія въ свою очередь поддерживался запрещеніемъ пьесъ, порочившихъ это сословіе. Въ числѣ такихъ пьесъ принадлежали произведенія нарождавшейся бытовой школы, съ А. Н. Островскимъ во главѣ. Известна исторія съ его первой комедіей „Свои люди — сочтемся“, запрещенной 23 ноября 1849 г. О ней докладывалъ цензоръ Гедеоновъ: „Богатый московскій купецъ — передавалъ онъ содержаніе пьесы — объявляетъ себя банкротомъ. Все имѣніе онъ переводитъ на имя приказчика, котораго считаетъ за честнаго человѣка и выдаетъ за него свою дочь. Приказчикъ такой же плутъ, какъ и хозяинъ; получивъ деньги, онъ предоставляетъ кредиторамъ посадить банкрота въ яму. Всѣ дѣйствующія лица: купецъ, его дочь, стряпчій, приказчикъ и сваха, отъявленные мерзавцы. Разговоры грязны, вся пьеса обидна для русскаго купечества“ ²⁾. Неблагопріятный приѣмъ встрѣтила и другая комедія Островскаго „Комедія семейнаго счастья“ ³⁾, написанная въ 1847 г. Она въ цензуру была представлена только въ 1855 г. и разсматривалъ ее цензоръ Гедерштернъ, въ своемъ мнѣніи сошедшійся съ Гедеоновымъ: „Пока два I-й гильдіи купца разсуждаютъ о томъ, какъ русскому торговцу подобаетъ надуть честнаго нѣмца, обмѣрить, обсчитать, взять товаръ или деньги, да не отдать и завести съ нимъ тяжбу, въ которой его же одурачить, — молодая жена одного изъ нихъ и девятнадцатилѣтняя купеческая дочь смышляютъ въ окна прохожихъ, перемигиваются съ офицерами и, обманомъ отъ мужей и родителей, ѣдутъ за городъ на любовное свиданіе съ чиновниками. Пьеса правосудительная; но прилично ли выводить на сцену съ такимъ цинизмомъ плутовство русскаго купечества, которое передается, какъ правило, отъ отца

¹⁾ Архивъ гл. упр. по дѣл. печ., протоколы 1839 г.

²⁾ Тамже, протоколы 1849 г.

³⁾ Или „Семейная картина“

къ сыну и для котораго нѣтъ ничего святого? Сочинитель этой пьесы (Островскій) состоитъ на замѣчаніи со времени написанія пьесы комедіи подъ заглавіемъ „Свои люди — сочтемся“... „Нѣтъ“, написалъ на докладѣ гр. Орловъ и 29 февраля запретилъ пьесу. Однако черезъ семь мѣсяцевъ, 29 сентября, ее разрѣшили ¹⁾.

Изъ ближайшихъ послѣдователей Островскаго посвящала изображенію купеческаго быта пьесы М. Н. Владыкинъ. Наиболее видная его комедія „Купецъ лабазникъ, или выгодная женитьба“ сначала была запрещена по высочайшему повелѣнію, а затѣмъ пропущена. Ея содержаніе сводилось къ приключеніямъ чиновника Скакунова, обманнымъ образомъ женившагося на дочери купца и обманутаго своимъ тестемъ. Запрещая подобную пьесу, цензура защищала въ одинаковой мѣрѣ и купца, и чиновника ²⁾. Въ 1847 г. запретили одноактную комедію „Банкротъ, или куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней“, такъ какъ „комедія доказываетъ, что богатый купецъ можетъ безнаказанно объявить себя банкротомъ, а что мелкому купцу это не сходитъ“. Разматривая пьесу, цензоръ находилъ ее „неприличной и обидной для купеческаго сословія“ ³⁾. Нѣсколько благополучнѣе прошла комедія Смирнова „Сбритая борода, вопреки пословицы: не вѣрь коню въ полѣ, а женѣ въ волѣ“, отданная въ цензуру въ декабрѣ 1840 г. Докладывалъ о ней Геденовъ: „Титулярный совѣтникъ, имѣющій орденъ Льва и Солнца, носитъ его въ видѣ звѣзды. Въ купеческомъ дому его принимаютъ за генерала, величаютъ превосходительствомъ и хотятъ выдать дочь за него. Пьеса имѣетъ нѣкоторое сходство съ комедіей „Ревизоръ“. Здѣсь выведенъ купеческій бытъ. Честолюбивая купчиха хочетъ быть знатной барыней, принимаетъ у себя чиновниковъ, ищетъ зятя генерала, преобразовываетъ домъ свой и заставляетъ мужа, ходившаго сорокъ лѣтъ въ сибирскіе и бородѣ, обриться и надѣть модный фракъ“. Пьеса, очевидно, вызвала сомнѣнія, ибо заслужила такую резолюцію Дубельта: „Графъ Венкендорфъ приказалъ пропустить, но подъ строгою отвѣтственностью цензора, чтобы не было ничего оскорбительнаго и обиднаго“ ⁴⁾.

Эти заботы о достоинствѣ сословія ставили иногда цензуру въ затруднительное положеніе. Какъ поступить въ томъ случаѣ, когда одно сословіе хвалятъ въ ущербъ другому? Такой вопросъ всталъ передъ цензоромъ, когда онъ читалъ комедію неизвѣстнаго автора, подъ названіемъ „Мужъ купецъ, жена дворянка, или новые друзья и старый пріятель“. Въ этой пьесѣ, по словамъ цензора, русское бородатое купечество выставлено въ прекрасномъ видѣ. Но дворянство не нравится сочинителю. По мнѣнію его, дворяне „толь, шмоль,

¹⁾ Архивъ Гл. Упр. по дѣл. печ., протоколы 1855 г.

²⁾ Тамже, протоколы 1852 г.

³⁾ Тамже, протоколы 1847 г.

⁴⁾ Архивъ Гл. Упр. по дѣл. печ., протоколы 1840 г.

ноль и компанія". Купцу возиться съ ними все равно, что „спать въ крапивѣ". „Пьеса во всѣхъ отношеніяхъ не позволительна" ¹⁾ Конечно, споръ разрѣшили въ пользу дворянства и пьеса была запрещена.

Защита лицъ духовнаго званія всегда ставилась цензурой въ связи съ общимъ вопросомъ: недопущенія на сцену изображенія храмовъ, церковной обрядности и пр. Впрочемъ, драматическіе писатели и не дерзали выводить духовенство въ неприглядномъ свѣтѣ, тѣмъ паче православное. Исключеніе составилъ авторъ передѣлки Гоголевскихъ „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки", изобразивъ пьянаго дьячка, котораго вдова Солоха прячетъ въ угольный мѣшокъ ²⁾. Былъ еще случай съ католическимъ монахомъ, къ которому по пьесѣ „L'habit ne fait pas le moine" St. Hilaire et Dupont относились недоброжелательно. Обѣ пьесы запретили, причемъ запрещеніе французской пьесы вызвало искреннее сожалѣніе цензора: „C'est dommage, c'est bien dommage, — восклицалъ онъ, — mais, hélas, la pièce doit être mise à l'index" ³⁾.

Вообще лицо, облеченное духовнымъ саномъ, какъ жена Цезаря, не могло быть въ подозрѣніи. На этомъ, вѣроятно, основаніи запретили пьесу Шубара „Der Günstling, oder keine Jesuiten mehr". гдѣ священникъ проповѣдовалъ правила, не соответствующія христіанской морали ⁴⁾. Вызывали также запрещеніе историческія пьесы съ именами, имѣвшими какое-нибудь касательство къ церкви. Напр., въ 1836 г. была запрещена трагедія г. Кошкина „Михайлъ Тверской" на томъ основаніи, что авторъ вывелъ лицо, канонизованное русской православной церковью ⁵⁾. Цѣлую переписку вызвала обыкновенная нѣмецкая мелодрама Блуменхагена „Simon", въ которой Ольдекопъ усмотрѣлъ великаго жреца Илью (Elie). Имя это смутило Бенкендорфа. „Il paraît, que M-r Oldekoppe, писалъ онъ на докладѣ, ne sait pas, que notre Eglise a sanctifié Elie et par conséquent qu'il n'y a aucun prétexte de le faire paraître sur la scene". Однако Ольдекопъ объяснилъ недоразумѣніе. По его словамъ, пророкъ Илья и Нѣлі пьесы Блуменхагена два различныхъ персонажа. Жили они въ разное время: Илья за 700 л. до Р. Х., а Нѣлі—1184 л. Пьесу доложили Государю и, съ высочайшаго соизволенія, допустили на сцену ⁶⁾. Иная судьба постигла комедию—анекдотъ К. Зелинскаго „Адамъ Евпловичъ и Ева Галактионовна", представлявшую пародію на библейскую легенду. На сценѣ

¹⁾ Тамже, протоколы 1844 г.

²⁾ Архивъ Гл. Упр. по дѣл. печ., протоколы 1852 г.

³⁾ Тамже, протоколы 1836 г.

⁴⁾ Тамже, протоколы 1846 г. Въ томъ же родѣ драма Фукса „Die drei Töchter der Witwe", изображавшая романъ іезуита (тамже, 1851 г.).

⁵⁾ Тамже, протоколы 1836 г.; на томъ же основаніи была запрещена въ 1838 г. пьеса „Добрыня" (выведенъ Владимиръ).

⁶⁾ Архивъ Гл. Упр. по дѣл. печ., протоколы 1832 г.

изображались крестьянинъ и крестьянка, а вмѣсто змія-соблазнителя... помѣщикъ. Онъ отводилъ ихъ въ садъ, гдѣ запрещалъ дотрагиваться до одного блюда. Но, подобно прародителямъ, супруги оказались любопытными. Подняли крышку и вдругъ „вылетѣлъ голубь“. Въ концѣ концовъ, помѣщикъ отпускаетъ крестьянъ домой съ наставленіемъ, что „человѣкъ долженъ довольствоваться тѣмъ, чѣмъ судьба его надѣлила“. Пьесу запретили ¹⁾.

На томъ же основаніи едва не погибла комедія Varin et Bievil-le „Phénomène ou l'enfant du clystère“. Содержаніе ея заключалось въ томъ, что у сумасброднаго алхимика, занятаго изображеніемъ искусственнаго человѣка, куклу замѣнили настоящимъ человѣкомъ. Это сдѣлала дочь его, подставивъ замѣнь манекена влюбленнаго въ нее юношу. Алхимикъ, принявъ послѣдняго за куклу, посадилъ его на стулъ, съ отверстіемъ въ подушкѣ, куда была проведена газовая трубка, и началъ накачивать черезъ нее газъ. Недоразумѣніе вызываетъ рядъ *qui pro quo*, которые, какъ водится, заключаются общимъ благополучіемъ. Цензоръ находилъ пьесу забавной, но видѣлъ въ ней, во 1-хъ, сатиру на алхимиковъ, а потомъ, что весьма важно, „насмѣшку надъ созданіемъ человѣка“, т. е. кощунство. По счастью для пьесы, Дубельтъ взглянулъ на дѣло иначе. Онъ призналъ возможнымъ разрѣшить комедію, при условіи, чтобы „газъ выпускать не изъ отверстія въ стулѣ“ ²⁾. Подвергались запрещенію или измѣненію и вообще произведенія, выводившія на сцену духовныхъ различныхъ исповѣданій, напр., папу („Carlin à Rome“ Рошефора и Лемезана ³⁾), кардиналовъ („Kaiser Friedrich I, Раупаха) ⁴⁾), католическихъ епископовъ („Catherine Howard“ А. Дюма) ⁵⁾), священниковъ или заключавшія въ себѣ, какъ пьеса Григорьева 2-го „Подвигъ Марина при пожарѣ Московскаго Большаго театра“, вслухъ произносимую молитву. Пьеса Григорьева была, зачѣмъ-то доложена Наслѣднику Цесаревичу и съ согласія его, по исключеніи (молитвы, допущена къ представленію ⁶⁾). Такія же хлопоты вызвала комедія Октава Фелье „L'hermitage“, запрещенная въ 1855 г., благодаря тому, что въ ней встрѣчались разсужденія о вѣрѣ и церковныхъ обрядахъ. Запрещенію пьесы взволновало, между прочимъ, артистку французскаго театра знаменитую Арну Плесси, которая, по словамъ цензора, вмѣстѣ съ режиссеромъ

¹⁾ Тамже, протоколы 1846 г. Въ томъ же родѣ была пьеса Федорова „Никита и Агафья“, запрещенная 16 апр. 1849 г. (тамже).

²⁾ Тамже, протоколы 1851 г.

³⁾ Архивъ Гл. Упр. по дѣл. печ., протоколы 1832 г.

⁴⁾ Тамже, протоколы 1838 г. „Кардиналъ неумѣстное лицо на нашихъ сценахъ“ (Ольдекопъ).

⁵⁾ Тамже, протоколы 1834 г.

⁶⁾ Тамже, протоколы 1853 г.

того же театра Пейсаромъ, поспѣшила уничтожить всё „нескромности“. Тогда пьесу разрѣшили ¹⁾.

По непонятнымъ совершенно причинамъ смѣтили цензуру балетъ Перро „La filleule des fées“ и невиннѣйшій водевилъ, переведенный съ французскаго „Крылатый бѣглець или чары любви“, зарегистрированные: первый въ 1849 г., второй въ 1852 г. По мнѣнію цензора Гедеонова, названіе балета „Крестница фей“ „можетъ показаться страннымъ, ибо волшебницы не могутъ крестить“. Постановили назвать балетъ „Питомца фей“ ²⁾. А водевилъ запретили: въ немъ усмотрѣли „насмѣшку надъ мнѣологическими богами“ ³⁾. Однородные мотивы послужили причиной къ запрещенію пародіи-водевила „Греческія бредни, или Ифигенія въ Тавридѣ на изнанку“. Докладывалъ о пьесѣ Федерштернъ: „Пьеса эта, которая самимъ авторомъ названа пародіею, имѣетъ цѣлью осмѣять древнія классическія трагедіи, сюжеты которыхъ заимствованы изъ мнѣологии, и поэтому въ ней часто встрѣчаются грубыя насмѣшки надъ религіозными убѣжденіями грековъ. Цензура находитъ, что хотя языческая религія не имѣетъ права на уваженіе, но осмѣяніе на сценѣ вѣры, каковая бы она ни была, представляется болѣе или менѣе неприличнымъ“ ⁴⁾.

Впрочемъ, большинство пьесъ этой категоріи обращало на себя вниманіе скорѣе отступленіями отъ разрѣшенной цензурой *mise en scène*, чѣмъ какими-либо другими погрѣшностями. Въ пьесѣ „Москва“ Сушкова изображался, напр., чудотворный образъ Спаса⁵⁾, въ пьесѣ I. Вейзентурна „So lohnt sich Kunst“ — икона Божьей Матери ⁶⁾, въ пьесѣ Кайзера „Geld“ была представлена комната, гдѣ „стѣны и мебель обтянуты чернымъ сукномъ, а лица всѣ являются въ глубокомъ траурѣ“, что, по словамъ цензора, заключало въ себѣ „преступное смѣшеніе площаднаго съ священнымъ“ ⁷⁾. Другой вопросъ, почему цензура, обнаруживъ такія погрѣшности, по просту не вымарывала ихъ, а пьесы, послѣ сдѣланныхъ исключеній, не допускала на сцену? Повидимому, въ этихъ случаяхъ цензура считалась съ общимъ направленіемъ автора, его вкусами и симпатіями. Въ этомъ предположеніи убѣждаетъ меня отношеніе цензуры къ такимъ пьесамъ, какъ извѣстная „Русская свадьба XVII ст.“ Сухонина, или какъ фарсъ П. Г. „Путешествіе Апраксинскаго купца въ адъ и благополучное возвращеніе“. Разсматривая эти пьесы, цензоръ исключилъ изъ нихъ то, что, по его мнѣнію, могло смутить благоговѣйное чувство зрителя. Въ Сухонинской пьесѣ не допущена была,

¹⁾ Тамже, протоколы 1855 г.

²⁾ Тамже, протоколы 1849 г.

³⁾ Архивъ Гл. Упр. по дѣл. печ., протоколы 1852 г.

⁴⁾ Тамже, протоколы 1853 г.

⁵⁾ Тамже, протоколы 1847 г.

⁶⁾ Тамже, протоколы 1831 г.

⁷⁾ Тамже, протоколы 1853 г.

напр., лампада передъ иконами и исключены всѣ упоминанія о Богѣ, о святыхъ ¹⁾, а въ фарсъ П. Г. было измѣнено названіе пьесы и вмѣсто прежняго заглавія предложено писать: „Необыкновенное путешествіе Апраксинскаго купца и благополучное возвращеніе“ ²⁾. Въ пьесѣ „Неминуемая смерть, но живъ таки остался“, разрѣшенной въ 1840 г., запрещено упоминать о царствіи небесномъ. Въ одномъ діалогѣ слова дѣйствующаго лица „позвольте пожелать всѣмъ *царства небеснаго*“, цензоръ исправилъ на „позвольте пожелать всѣмъ *счастливаго пути*“ ³⁾.

Иногда само министерство Двора не проявляло достаточной тщательности въ соблюденіи установленныхъ правилъ и въ этихъ случаяхъ оно немедленно подвергалось нареканіямъ со стороны другихъ вѣдомствъ. Такъ случилось однажды съ представленіями нѣмецкаго театра, вызвавшими спеціальныя запросы къ министру внутреннихъ дѣлъ с.-петербургской евангелической консисторіи. Министръ гр. Блудовъ писалъ объ этомъ кн. Волконскому: „С.-Петербургское Евангелическое Консисторіальное засѣданіе доноситъ мнѣ, что по дошедшимъ до него достовѣрнымъ слухамъ на здѣшнемъ нѣмецкомъ театрѣ представляются иногда протестанскіе проповѣдники въ полномъ духовномъ облаченіи“. Признавая сіе „весьма неприличнымъ“, министръ отъ имени засѣданія просилъ сдѣлать распоряженіе, чтобы „протестантскіе духовные, когда представляются на здѣшнихъ театрахъ, по крайней мѣрѣ, являлись не въ облаченіи высочайше утвержденномъ для духовныхъ сего исповѣданія въ Россіи, но въ обыкновенномъ черномъ платьѣ“. Эта просьба, разумѣется, была удовлетворена“ ⁴⁾.

Впрочемъ, такіе случаи были рѣдки, обыкновенно же цензура относилась съ преувеличенной осторожностью ко всему, что могло имѣть самое отдаленное касательство къ религіи. Хорошей иллюстраціей такого отношенія можетъ служить инцидентъ съ трагедіей „Аттила“, предположенной къ напечатанію въ 1832 г. Цензоръ Цвѣтковъ,

¹⁾ Архивъ Гл. Упр. по дѣл. печ., рапорты 1852 г.

²⁾ Тамже, протоколы 1816 г. Подобный случай былъ еще съ пьесой изъ жизни Рубенса «Страшный судъ». Геденовъ, докладывая о пьесѣ, заявилъ, что названіе пьесы не связано съ ней органически, что Р. не писалъ въ эту пору картины „Страшный судъ“. Бенкендорфъ дозволилъ пропустить пьесу во подъ другимъ заглавіемъ. Каратыгинъ предложилъ назвать драму „Послѣдній судъ“. Бенкендорфъ на это тоже не согласился, предложивъ другое заглавіе „Рубенсъ въ Мадридѣ“, „не иначе“. Въ такомъ видѣ пьеса и была пропущена. (Архивъ Г. У. по д. п., протоколы 1842 г.).

³⁾ Тамже, протоколы 1840 г.

⁴⁾ Общ. Архивъ Мин. Имп. Двора, Оп. 7/902, д. № 131 1832 г. Вообще духовное платье строго воспрещалось употреблять на сценѣ, въ особенности православное. На этомъ основаніи было сдѣлано много соотвѣтственныхъ вымарокъ въ извѣстной драмѣ Мея „Царская невѣста“ (разрѣшена въ 1841 г.). Такъ въ костюмѣ М. Скуратова зачеркнуто „въ тафѣ и черной рясѣ“, то же самое у Грязнаго, исключенъ ударъ колокола къ заутренѣ и т. д. (тамже, рапорты 1841 г.).

разсматривавшій пьесу, обратилъ вниманіе на mise en scène 4 акта. Тамъ изображалось появленіе въ лагерѣ Аттилы „римскаго епископа Льва съ церковною процессіею, т. е. съ священниками, дяконами, съ хоругвями, свѣчами и крестами. Епископъ самъ держитъ чашу съ Св. Дарами, священникъ и діаконъ поютъ духовные стихи по латыни“. Хотя пьеса не предполагалась для сцены, тѣмъ не менѣе Цвѣтковъ находилъ, что въ этомъ видѣ она не можетъ быть и напечатана, что необходимо выбросить 4 актъ цѣликомъ. Комитетъ единогласно согласился съ этимъ мнѣніемъ, исключая цензора Аксакова, подавшаго „особое мнѣніе“. Оно заключалось въ слѣдующемъ: „1, хотя время дѣйствія упомянутой трагедіи было до раздѣленія церквей, но одежды духовныхъ особъ и слова употреблены католическаго богослуженія; 2, чего нельзя представить на сценѣ, то можно позволить иногда печатать, ибо въ послѣднемъ случаѣ сочиненіе дѣлается поэмою въ драматическихъ формахъ, въ которой описаніе священныхъ обрядовъ никогда не воспрещалось“. Въ подтвержденіе этого положенія, Аксаковъ ссылаясь на „Орлеанскую Дѣву“ въ переводѣ В. А. Жуковскаго. Въ концѣ концовъ пьесу разрѣшили печатать¹⁾.

Бар. Н. В. Дризенъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Осенній день.

Земля—какъ пламя золотое.
Въ лѣсу осеннемъ тишина.
Лазурь хрустальная ясна;
Лишь капли звукомъ перебоя

Тревожатъ задремавшій день.
Кой-гдѣ синицы свищутъ тонко.
Пастухъ, кнутомъ щелкнувши звонко,
Прогонитъ стадо. Снова лѣнь

И листьевъ пышныя постели,
И паутина, тоньше льна,
И ароматъ осенней прѣли
И золотая тишина.

П. Радимовъ.

¹⁾ Архивъ Мин. Нар. Просвѣщенія, д. №№ 147145/483, 1832 г.

Романъ Парнелля ¹⁾.

I.

Давно уже англійская публика не набрасывалась съ такою жадностью на литературныя новинки, какъ на книгу о томъ, какъ жилъ и какъ любилъ Парнелль. Дорогое изданіе въ гинею (10 руб.) расхвачано въ одну недѣлю. Авторъ книги, г-жа О'Ши (впослѣдствіи г-жа Парнелль), выставляетъ на листѣ послѣ заглавнаго: „Dedicated to Love“, т. е. „Посвящается любви“. За этимъ слѣдуетъ четверостишіе изъ Мура: „Будь весь міръ въ моей власти, я изъ всѣхъ несмѣтныхъ сокровищъ его выбралъ бы только тебя, только тебя!“.

И мнѣ припоминаются изреченія, старыя какъ міръ, сложенные во всѣ вѣка, всѣми народами. „Любовь героя — первый шагъ къ его гибели; навожденіе любви — поворотъ къ смерти“. На эти тезисы написано на всѣхъ языкахъ безчисленное множество трагедій, поэмъ и лирическихъ стихотвореній. Мнѣ припоминаются удивительныя строки несчастнаго Леопарди:

Quando novellamente
Nasce nel cor profondo
Un amoroso affetto,
Languido e stanco insiem con esso in petto
Un desiderio di morir si sente.

(Когда вновь въ глубинѣ сердца зарождается любовь, туда заползаетъ томительное и тяжелое желаніе умереть). И отсюда выводъ, сдѣланный соотечественникомъ Леопарди:

Come il gelo a le piante, a i fior l'arsura,
Le grandine a le fronde, a i semi il verme,
Le reti a i cervi, ed a gli augelli il visco,
Così nemico a l'huom fu sempre amore.

(Какъ морозъ для растеній, какъ засуха для цвѣтовъ, градъ для колоса, червь для зерна, тенета для лани и птичій клей для птицъ, — для человѣка любовь всегда была врагомъ).

¹⁾ Katharine O'Shea (Mrs Parnell), „Charles Stewart Parnell, his Love Story and Political Life“, vol. I—II. London, 1914.

Книга г-жи О'Ши повѣствуетъ про то, какъ камнемъ упалъ на землю ширявшій подъ облаками орелъ, и про то, какую трагическую развязку имѣла большая любовь. Изъ той же книги мы узнаемъ, что трагедія вытекала не изъ самой любви и не изъ „сердечной остуды“, какъ говорили въ старой Руси. „Остуды“ не было. Любовь Парнелля къ г-жѣ О'Ши, продолжавшаяся одиннадцать лѣтъ, оборвалась только смертью. За нѣсколько недѣль до смерти своего возлюбленного, г-жа О'Ши пишетъ о немъ такъ же восторженно, какъ въ первые дни любви: „какъ я горжусь моимъ королемъ ¹⁾, моимъ величественнымъ возлюбленнымъ!“. Парнелль, ненавидѣвшій стихи, не понимавшій ихъ и, вѣроятно, никогда не дочитавшій до конца ни одного стихотворенія, сочиняетъ послѣ одиннадцати-лѣтней связи съ О'Ши единственный въ своей жизни экспромтъ:

The grass shall cease to grow,
The river's stream to run,
The stars shall ponder in their course
No more shall shine the sun;
The moon shall never wane or grow,
The tide shall cease to ebb and flow,
Ere i shall cease to love you.

(Скорѣ трава перестанетъ расти; скорѣ остановится бѣгъ рѣки, померкнутъ звѣзды, погаснетъ солнце, мѣсяцъ не будетъ прибывать и убывать; скорѣ прекратятся приливы и отливы, чѣмъ я перестану любить тебя).

Прочитавъ книгу про великую любовь, я вспомнилъ одно мѣсто въ дневн. большого человека, тоже смѣлаго борца, но только не ирландца, а русскаго. „Я гордился прежде ригризмомъ своимъ, но опытъ доказалъ, что я могу падать, увлеченный минутнымъ порывомъ знойной страсти; но отъ моего паденія до Grundton всей жизни моей нѣтъ перехода. Моя любовь къ Natalie моя святая святыхъ, высшее, существеннѣйшее отношеніе въ моей частной жизни... Я такъ сросся съ моей любовью, что мнѣ страшнымъ, чудовищнымъ кажется всякое сомнѣніе“. „Не было мгновенія, не токмо времени, въ которомъ бы я не любилъ ее со всѣмъ глубокимъ чувствомъ благоговѣнія... Между тѣмъ въ минуту физическаго, нечистаго увлеченія я сдѣлалъ поступокъ, — вносить черезъ два мѣсяца въ свой дневникъ великій русскій публицистъ.—Я никогда не придавалъ бы огромной важности гадкому, но безслѣдному поступку, еслибъ онъ не прибавилъ ей страданій. Она никогда не пойметъ, никогда не сообразитъ, что можетъ быть чистое физическое увлеченіе, минута буйнаго кипѣнія крови, минута разожженного образомъ нечистымъ, словомъ, страсть, которая вовсе не переводима на языкъ любви и непопят-

¹⁾ О'Ши называла Парнелля „My King“, а онъ ее „My Queen“ (моя королева) или „My Queenie“ (моя маленькая королева).

на для нея, страсть полуживотная, грязная и не благословленная тѣмъ знаменемъ, которымъ любовь освящаетъ физическій актъ“ ¹⁾. Еслибы эти строки попались страстному и сдержанному въ то же время Парнеллю, онъ бы ихъ, вѣроятно, не понялъ: любовь въ одной женщинѣ не оставила у него мѣста для другихъ увлечений, „мимолетныхъ, полуживотныхъ и грязныхъ“.

Трагическое въ романѣ великаго ирландскаго борца внесено не любовью, а лицемѣріемъ, ханжествомъ, злобой и пошлостью окружающаго міра. „Парнелль чувствовалъ чрезвычайное презрѣніе къ лицемѣрію государственныхъ дѣятелей, знавшихъ втеченіе десяти лѣтъ, что я — возлюбленная его, и пользовавшихся моею близостью къ нему для политическихъ переговоровъ и, тѣмъ не менѣе, поспѣшившихъ по „религіозному чувству“ отвернуться отъ него, когда связь наша стала достояніемъ большой публики“, — съ горечью пишетъ О'Ши.

Передъ нами не только книга о большой любви, оборванной лишь смертью, но также книга о большомъ человѣкѣ, о великомъ вождѣ цѣлаго народа, о національномъ героѣ, передъ которымъ ирландскіе крестьяне преклонялись, какъ передъ изображеніемъ святыхъ, и котораго въ такой же степени сильно ненавидѣли политическіе противники. „Однажды осенью, когда Парнелль пріѣхалъ ко мнѣ въ деревню,—пишетъ г-жа О'Ши — я повезла его бѣгаться въ открытой каретѣ, черезъ хмельники графства Кентъ. Я совершенно упустила изъ вида, что сотни ирландцевъ, работающихъ въ хмельникахъ, могутъ узнать Парнелля. Обогнувъ Чизельхёрстъ, мы подъѣхали къ полю, гдѣ работали „horpers“ (сборщики хмеля),—ирландцы,—съ женами и дѣтьми. Черезъ минуту громадная толпа ирландскихъ крестьянъ бросилась къ каретѣ съ крикомъ: „нашъ вождь! нашъ вождь!“ Кучеръ сразу остановилъ лошадей, въ опасеніи задавить кого-нибудь изъ восторженныхъ поклонниковъ, тѣснившихся, чтобы поцѣловать руку Парнеллю. Крестьяне молили, чтобы „the chief“ (вождь) сказалъ имъ нѣсколько словъ. Парнелль съ своей обычной важной и серьезной улыбкой поднялъ шляпу и сказалъ, что будетъ радъ обратиться къ нимъ съ рѣчью, когда увидитъ ихъ снова на родинѣ, въ Ирландіи. Затѣмъ онъ попросилъ позаботиться о ребятишкахъ, гомозившихся у колесъ кареты и у ногъ лошадей. Сборщики хмеля провожали Парнелля благословеніями и пожеланіями“ ²⁾. „Въ то время ко мнѣ только что поступила кухарка-ирландка,—пишетъ въ другомъ мѣстѣ г-жа О'Ши. — Если не ошибаюсь, ирландка была родомъ изъ графства Типперари (провинція Мѣнстеръ). Кухарка была безгранично счастлива, когда узнала, что пріѣдетъ „вождь“ и что ей предстоитъ стрипать для него. Ирландка попросила позволенія видѣть „вождя“.

¹⁾ Сочиненія А. И. Герцена. Томъ I, стр. 77, 89, 90. (Genève, 1875).

²⁾ O'Shea, vol. I, стр. 151; ib. стр. 168.

Войдя въ комнату, гдѣ сидѣлъ Парнелль, кухарка подбѣжала къ нему, упала на колѣни и поцѣловала ему, къ великому его ужасу, руку. Хотя въ Ирландіи Парнелль и привыкъ къ такой формѣ выраженія благоговѣнія, но онъ ужасно не любилъ ея¹⁾.

„Когда Парнелль явился впервые въ мартѣ 1889 года въ парламентъ, послѣ приговора специальной комиссіи, ему устроена была безпримѣрная овація. Министры, члены оппозиціи, словомъ, всѣ вскочили, какъ одинъ человѣкъ, бурно аплодировали и кричали до хрипоты: „Парнелль! Парнелль!“ Я спросила его потомъ, былъ ли онъ счастливъ и гордъ въ тотъ моментъ? Мой король улыбнулся только и сказалъ: „Еслибы только они могли, они бы мнѣ черезъ недѣлю перегрызли горло.“ Я потомъ вспомнила эти слова. „Восьмого марта 1889 года Парнелля чествовали вторично въ „Клубъ восьмидесяти“, а черезъ нѣсколько дней послѣ этого на большомъ митингѣ въ С.-Джемсовой залѣ. На обоихъ митингахъ энтузіазмъ собравшихся былъ такъ великъ, что всѣ присутствовавшіе вскочили съ мѣста, какъ только показался Парнелль, замахали платками и долго аплодировали. Конечно, всѣ эти оваціи, устроенныя моему герою, преисполнили меня радостью и гордостью; но Парнелль только улыбнулся, когда я ему сказала это.

— Неужели васъ хоть немножко не волнуютъ всѣ эти чествованія?—спросила я.

— Да, когда меня привѣтствуютъ крестьяне въ Ирландіи,—отвѣтилъ Парнелль.—Тогда мнѣ почти такъ же радостно, какъ въ то время, какъ вижу вашу улыбку при встрѣчѣ со мною. Но когда только у меня нѣсколько сильнѣе начинаетъ биться сердце отъ аплодисментовъ и восторженныхъ криковъ *этихъ* людей (т. е. англичанъ), я вспоминаю тотчасъ же толпу, съ воемъ гнавшуюся за человѣкомъ, чтобы устроить надъ нимъ самосудъ. Пусть васъ, Queenie, не слишкомъ радуютъ привѣтствія всей этой своры. У меня—предчувствіе, что скоро она метнется на насъ“²⁾.

И это предчувствіе оправдалось очень скоро. О ненависти, которую питали къ Парнеллю враги, можетъ дать представленіе хоть слѣдующая выдержка. Въ октябрѣ 1881 года Гладстонъ, на митингѣ въ „Гилдхоллѣ“ (ратушѣ), сказалъ, между прочимъ: „Я только что получилъ извѣстіе, что, въ интересахъ охраненія закона, порядка, права собственности, свободы и цивилизаціи, арестовали человѣка, принимавшаго самое главное участіе во всѣхъ анархическихъ выступленіяхъ въ Ирландіи“. И какъ только Гладстонъ сказалъ это, банкиры, негоціанты и политическіе вскочили на ноги и восторженно закричали: „Парнелль ванъ! Ура!“ „Арестъ Парнелля—пишетъ авторъ *Жизни Фор-*

¹⁾ Vol. II, 138.

²⁾ Ib. 141.

стера—былъ привѣтствованъ, какъ большая и рѣшительная побѣда, одержанная Англіей надъ страшнымъ противникомъ“¹⁾.

Враги ненавидѣли Парнелля и, чѣмъ больше былъ успѣхъ его, тѣмъ настойчивѣе добивались гибели его.

II.

Г-жа О'Ши написала книгу о томъ, какъ жилъ и какъ любилъ Парнелль. Произведенія подобнаго рода всегда имѣютъ колоссальный успѣхъ у публики, ждущей отъ книги повѣствованія про то, какъ „страсти гнали героя“, „als jene Wellen, die den Unglücklichen fern von seinem Vaterlande verschlagen“, какъ говоритъ Гете. Передъ нами также книга про то, какъ Парнелль властвовалъ надъ массами, болѣе всецѣло, чѣмъ когда-либо Лассаль надъ нѣмецкими рабочими. И прежде чѣмъ познакомить читателей съ книгой О'Ши, мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ о властителяхъ надъ массами.

„Что такое добро?—Все, что увеличиваетъ въ человѣкѣ сознание власти, желаніе властвовать, сама власть.—Что такое зло? — Все, что происходитъ отъ слабости.

„Что такое счастье? — Сознаніе, что власть увеличивается и что сопротивленіе преодолено. Не сонскательство, а больше власти; не миръ, купленный какою угодно цѣною, но война; не добродѣтель, но дарованіе. (Добродѣтель въ стилѣ Renaissance, virtù, т. е. добродѣтель безъ всякой моральной кислоты).

„Слабый и неприспособленный долженъ погибнуть: таковъ первый принципъ нашей благотворительности. И люди должны помочь слабымъ погибнуть.—Что вреднѣе преступленія?—Состраданіе ко всѣмъ слабымъ и неприспособленнымъ“.

Нѣтъ, кажется, другого мѣста у Ницше, которое произвело бы такое сильное впечатлѣніе на умы у насъ, какъ эта выдержка изъ „Антихриста“. Это мѣсто комментировалось вкривь и вкосъ читателями, беллетристами и поэтами. И сколько у насъ рассказовъ, повѣстей и романовъ, авторы которыхъ глубоко убѣждены, что „сознаніе власти, желаніе властвовать, сама власть“ это—„чего моя лѣвая нога хочетъ“, а „virtù безъ примѣси моральной кислоты“ означаетъ амурныя похождения.

Парнелль зналъ власть. Онъ, какъ и подобаетъ большому человѣку, самъ намѣтилъ себѣ цѣль въ жизни, самъ выбиралъ путь, чтобы дойти до цѣли, и самъ рѣшалъ, дозволены ли они или нѣтъ. Онъ усвоилъ и усовершенствовалъ методъ обструкціи, придуманный Биггаромъ, методъ, противъ котораго выступили даже старые ирландскіе вожди. Парнелль же придумалъ „бойкотированіе“. „Въ

¹⁾ Ib., стр. 208.

сентябрь 1880 года онъ выступилъ на митингъ въ Эпписъ, — рассказываетъ г-жа О'Ши.

— Что вы сдѣлаете фермеру, который захочетъ взять въ аренду мызу, изъ которой помѣщикъ выгналъ прежняго арендатора? — спросилъ ораторъ.

— Застрѣлимъ его! — крикнули нѣкоторые.

— Мнѣ слышалось, что нѣкоторые тутъ говорить о пуляхъ, — продолжалъ Парнелль. — Я хочу указать вамъ на болѣе христіанское и болѣе дѣйствительное средство, чѣмъ выстрѣлъ. Это средство дать возможность фермеру, снявшему мызу, раскаяться. Если встрѣтите крестьянина, арендовавшаго ферму, изъ которой только что прогнали другаго арендатора, отвернитесь отъ него. Отвернитесь отъ него на улицѣ, въ лавкѣ, на рынкѣ, въ церкви; оставьте его одного. Заключите его такимъ образомъ въ своего рода невидимый монастырь. Пусть фермеръ будетъ изолированъ такъ же совершенно, какъ въ средніе вѣка уединяли прокаженного. Пусть онъ видитъ то отвращеніе, которое вы питаете къ преступленію, совершенному имъ“¹⁾. Парнелль самъ выбиралъ пути и шелъ по нимъ, не считаясь ни съ восторженными привѣтствіями поклонниковъ, ни съ проклятіями и угрозами враговъ. „Некоронованный король Ирландіи“ не только самъ шелъ по такому пути, но также *зналъ* впереди себя своихъ послѣдователей, которыхъ презрительно называлъ „My rabble“ („моя челядь“). „Не разъ мнѣ приходилось отрывать Парнелля отъ его занятій геологіей, буквально стаскивать съ него вязанную куртку, насильно облачать его въ сюртукъ и гнать въ парламентъ, — рассказываетъ г-жа О'Ши. — Много разъ бывало, что тогда, когда я приказывала снести уже его вещи въ кэбъ, такъ какъ Парнеллю предстояло отправиться въ Ирландію, мой возлюбленный вдругъ садился въ кресло и говорилъ съ своей обычной серьезной улыбкой: „Вамъ очень хочется отдѣлаться отъ меня? Я побуду еще. Садитесь, моя Королевушка. Я хочу взглянуть на васъ еще разъ“. Напрасно я протестовала. Напрасно доказывала, что онъ опоздаетъ къ поѣзду“... „Ну, что же? — спокойно отвѣчалъ Парнелль: — мнѣ не для чего будетъ ѣхать на митингъ“. И Парнелль принимался бесѣдовать со мною о чемъ угодно. Когда онъ пропускалъ такимъ образомъ митингъ, гдѣ ждали его сотни и даже тысячи людей, или другое важное собраніе, я совѣтовала Парнеллю хоть телеграфировать.

— Вы, моя маленькая королева, не знаете еще королевской этики: никогда не объяснять причинъ и никогда не извиняться, — со смѣхомъ отвѣчалъ мнѣ Парнелль. — Я никогда не удержалъ бы мою челядь (my rabble) въ рукахъ, если бы не стоялъ выше чело-
вѣческой слабости извиняться“. Но меньше всего отсюда проистекаетъ, что Парнелль презиралъ людей вообще. „Угнетеніе надъ

¹⁾ O'Shea, vol. I, стр. 155

слабыми и безпомощными и вообще всякій актъ жестокости наполняли всегда сердце Парнелли глубокой ненавистью къ угнетателю и негодованіемъ. Въ силу этой ненависти къ угнетателямъ Парнелль заступился за Ирландію, которая была для него чужой страной. Цѣлыми часами онъ могъ сидѣть неподвижно, обдумывая новый планъ облегченія участи угнетенныхъ... Парнелль любилъ не только обездоленныхъ людей, но и животныхъ. Во время одного митинга онъ выскочилъ изъ кареты и бросился въ крайне враждебно настроенную противъ него толпу, чтобы спасти бездомную собаку, которую всѣ били¹⁾.

Идеаль, который намѣтилъ себѣ Парнелль, это — свободная Ирландія. Помѣщикъ и „джентльменъ“ по рожденію и состоянію, онъ безконечно любилъ ирландскихъ крестьянъ со всѣми ихъ суевѣріями. Англичанинъ по происхожденію—онъ ненавидѣлъ Англію, какъ угнетательницу Ирландіи. „Ненависть Парнелли къ Англіи зародилась тогда, когда онъ сталъ изучать, какъ она насаждала въ Ирландіи политику державной народности,—пишетъ г-жа О'Ши.—Въ своемъ помѣстьѣ *Авондэйл* Парнелль изучалъ исторію Ирландіи и параллельно съ этимъ крѣпко его отвращеніе къ порабощенію. Парнелль внимательно слѣдилъ за борьбой феніевъ. Мужество ихъ, самоотверженность и страданія въ тюрьмѣ вызывали его глубокія симпатіи“. Для достиженія цѣли, которую онъ самъ себѣ намѣтилъ, Парнелль объединилъ *все* оппозиціонныя силы въ странѣ: фермеровъ, рабочихъ, священниковъ, террористовъ... Онъ умѣлъ властвовать, т. е. умѣлъ гнать впередъ себя людей по пути, который считалъ правильнымъ и наиболее короткимъ для достиженія намѣченной цѣли: освобожденія Ирландіи. Парнелль совершенно не былъ краснорѣчивъ. Въ этомъ отношеніи его нельзя даже сравнивать не только съ Лассалемъ, но даже съ сколько-нибудь выдающимся коммунеромъ. Онъ не только не обладалъ такою всестороннею и блестящею эрудиціей, какъ Лассаль, но „некоронованнаго короля Ирландіи“ нельзя было даже назвать очень образованнымъ человекомъ. „Парнелль ни въ какомъ случаѣ не былъ пачитаннымъ человекомъ,—говоритъ г-жа О'Ши.—Его умъ былъ естественный, не отшлифованный ученіемъ²⁾. Парнелль былъ изъ тѣхъ, кто *творитъ* исторію, а не изучаетъ ее по книгамъ. Изящная литература его совершенно не интересовала. Онъ увлекался только книгами по геологій, механикѣ, инженерному дѣлу, а въ послѣдствіи—по астрономіи. Къ картинамъ онъ былъ равнодушенъ, а музыку положительно не любилъ. Только, чтобы доставить мнѣ удовольствіе, онъ иногда „пѣлъ“, сохраняя свой обычный серьезный и важный видъ, обрывки пѣсенъ, которые запомнилъ въ дѣтствѣ или въ школѣ“.

¹⁾ *Ib.*, vol. II, стр. 243.

²⁾ Парнелль учился въ Кембриджскомъ университетѣ, но вышелъ до окончанія курса.

Но, вмѣсто книжныхъ знаній, у Парнелля было глубокое пониманіе и знаніе людей, кромѣ того, ясный умъ и непреклонная, громадная воля. Импонировала также окружающимъ его важная осанка, величественная красота, спокойствіе и удивительная выдержанность. „О моральномъ мужествѣ Парнелля теперь знаютъ всѣ,—пишетъ г-жа О'Ши—но только мнѣ одной доподлинно извѣстно, какъ велико оно было. Онъ былъ безстрашенъ, непоколебимъ и героически мужественъ, самъ того не сознавая. Былъ ли онъ здоровъ или боленъ, Парнелль шелъ впередъ, не колеблясь, не мѣняясь, не зная сомнѣній. Привѣтствовали ли его, какъ спасителя родной страны, или бѣшено проклинали; осыпали ли его рабской лестью или поносили, Парнелль былъ всегда самъ собою... О немъ можно было сказать, что природа сломала форму, въ которую отлила его. Обычныя мѣрки обычныхъ людей къ нему не примѣнимы. Въ дѣтствѣ, въ юности и въ совершенномъ возрастѣ Парнелль всегда былъ *самъ по себѣ*“.

Парнелль объединилъ всѣ оппозиціонныя и разпородныя силы въ Ирландіи. Только вождь съ такой громадной волей и такимъ авторитетомъ, какъ онъ, могъ впрячь въ одну телѣгу террориста-свободнаго мыслителя и фанатика—ирландскаго священника. Въ эпоху революціонной борьбы самое опасное для возставшаго народа это—чрезмѣрныя самолюбія маленькихъ людей, ставшихъ вождями. Каждому изъ нихъ хочется быть диктаторомъ; каждому кажется, что только онъ одинъ знаетъ, что нужно дѣлать. Каждый маленькій человѣкъ, вынесенный волною революціи на первый планъ, готовъ скорѣе пожертвовать общимъ дѣломъ, чѣмъ своимъ безграничнымъ честолюбіемъ и самолюбіемъ. Когда Парнелль говорилъ о „my rabble“, т. е. о челяди, онъ имѣлъ въ виду этихъ маленькихъ вождей съ колоссальнымъ самолюбіемъ. Ихъ Парнелль умѣлъ держать въ рукахъ. „Rabble“ шипѣла, извивалась, выжидала случая укусить, но подчинялась желѣзной волѣ Парнелля. Обаяніе его было такъ велико, что за нимъ, протестантомъ, т. е. еретикомъ, шли католическіе священники, вопреки не только приказамъ епископовъ, но даже энцикликамъ самого папы.

Парнелль умѣлъ держать въ рукахъ даже такую апархическую силу, какъ террористовъ. Трудно было подчинить феніевъ, но еще труднѣе—Женскую террористическую лигу (Ladies' Land League), во главѣ которой стояла родная сестра некоронованнаго короля—Анна Парнелль. Лига эта имѣла безчисленныя отдѣленія всюду въ Ирландіи и въ Англіи. Она дѣлала террористическія выступленія, безцѣльныя, какъ подвиги милитантокъ-суффражистокъ, но болѣе рѣшительныя и смѣлыя. Лига пользовалась деньгами, собранными въ Америкѣ для осуществленія гомруля. Когда Парнелль нашелъ, что выступленія Женской террористической лиги вредны для общаго дѣла, онъ приказалъ ей прекратить свою дѣятельность. Лига не подчинилась. Тогда Парнелль запретилъ выдавать ей хоть

фартингъ. Безъ денегъ лига не могла существовать и прекратилась. „Анна Парнель никогда не могла простить брату его выступления противъ лиги и порвала всѣ сношенія съ нимъ, что очень огорчало вожда, любившаго сестру“.

Парнель, твердо зная ту цѣль, къ которой стремился, умѣлъ вести къ ней тѣ пестрые элементы, изъ которыхъ состояла его партія. „Я никогда не видалъ такой строгой военной дисциплины, такого абсолютнаго подчиненія, какъ въ ирландской партіи при Парнеллѣ,—сказалъ Гладстонъ Барри О'Брайену.—Ирландцы были всегда тамъ, гдѣ хотѣлъ Парнель; всегда готовы къ бою и всегда дѣйствовали дружно по сигналу Парнелля... Я твердо убѣжденъ, что, еслибы не бракоразводное дѣло, поднятое капитаномъ О'Ши, Ирландія имѣла бы теперь (въ 1895 году) отдѣльный парламентъ“¹⁾. Дѣятельность Парнелля имѣла неожиданную, специфическую для Англіи развязку. Некоронованный король Ирландіи упустилъ изъ виду „одиннадцатую заповѣдь лицемѣровъ: „дѣйствуй потихоньку“,—говорить г-жа О'Ши

III.

Г-жа О'Ши, судьба которой связана почти со всею политическою дѣятельностью Парнелля, происходитъ изъ талантливой, родовитой семьи, давшей Англіи много выдающихся дѣятелей, напр. предсѣдателя верхней палаты лорда Хатерли (дядя О'Ши) и выдающагося генерала и государственнаго дѣятеля и изслѣдователя сэра Эвелина Вуда (братъ г-жи О'Ши). Повидимому, авторъ кни съ дѣтства проявлялъ уже выдающіяся способности. Въ десять лѣтъ она сочиняла планы романовъ и повѣстей для матери и для старшей сестры, довольно извѣстныхъ въ свое время писательницъ. Дѣвочка очень любила музыку и подросткомъ написала нѣсколько пѣсень. Между прочимъ ею положено на музыку стихотвореніе Лонгфелло „Утомленіе“. Миссъ Вудъ (дѣвичье имя г-жи О'Ши) рано вышла замужъ за молодого, блестящаго гусарскаго офицера Вильяма О'Ши, ирландца родомъ. Отецъ молодого человѣка, богатый адвокатъ, посылая сына въ полкъ, далъ ему такой наказъ: „Прежде всего постарайтесь стать изящнымъ офицеромъ, потомъ поступайте, какъ всѣ остальные, а счетъ присылайте мнѣ“. И, когда молодой человѣкъ прислалъ счеты, отецъ нашелъ, что сынъ уже слишкомъ добросовѣстно исполняетъ наказъ. Въ самое короткое время молодой поручикъ надѣлалъ въ полку долговъ на 150 тысячъ рублей. Вильямъ О'Ши, или „Вилли“, какъ его называли всѣ, былъ красивъ, отлично танцевалъ, великолѣпно говорилъ по-французски и по-испански и былъ очень высокаго мнѣ-

¹⁾ R. Barry O'Brien, „The Life of Charles Parnell“, vol. II, стр. 359.

нія о своихъ способностяхъ. Отецъ заплатилъ всѣ долги Вилли, но велѣлъ ему выйти въ отставку, что онъ и сдѣлалъ въ чинѣ капитана. Вилли влюбился въ миссъ Вудъ, сдѣлалъ предложеніе и женился.

По англійскому обычаю, молодожены отправились послѣ свадьбы въ деревню, гдѣ знакомый помѣщикъ уступилъ имъ на мѣсяць свой громаднѣйшій дворецъ. Супруги, совершенно не подходившіе другъ къ другу ни по складу ума, ни по интеллектуальнымъ запросамъ, ни по характеру, отчаянно скучали во время медоваго мѣсяца въ деревнѣ. Изъ Англіи супруги отправились въ Мадридъ, гдѣ дядя О'Ши имѣлъ банкъ, въ который Вилли вступилъ участникомъ. Черезъ годъ супруги были опять въ Англіи, гдѣ Вилли попалъ на грандіозную, но очень невыгодную идею завести конскій заводъ. Кончилось предпріятіе банкротствомъ, но выручилъ изъ бѣды дядя г-жи О'Ши, лордъ Хатерли. Потомъ очень богатая тетка ея, сильно любившая „своего прекраснаго лебедя“, какъ она называла племянницу, обезпечила г-жу О'Ши на всю жизнь. Чтобы чаще видѣть „своего лебедя“, тетка подарила племянницѣ домъ въ Eltham (верстахъ въ 10 отъ Лондона), игравшій впоследствии роль въ любви О'Ши и Парнелли. Вилли находилъ жизнь въ деревнѣ скучной и, къ великому удовольствію жены, по молчаливому соглашенію, поселился въ городѣ, гдѣ велъ жизнь холостяка. Мужъ и жена смертельно надѣли другъ друга въ первый же годъ брачной жизни. „Спокойные годы, которые я провела въ Eltham'ѣ въ обществѣ моей тетки, сильно содѣйствовали моему литературному образованію, — пишетъ г-жа О'Ши. — Моя тетка въ совершенствѣ знала латинскую и французскую литературу. Что касается греческаго языка, то она имъ владѣла очень хорошо: за недѣлю до смерти (тетка умерла въ 90 лѣтъ) она еще переводила на англійскій языкъ греческіе стихи. Тетка сама была воспитана на энциклопедистахъ; но „для людей“ признавала необходимость культа. По воскресеньямъ старая дама собирала весь свой громаднѣйшій штатъ прислуги. Горничныя, лакеи, дворецкій всѣ должны были учить на память стихи. Такимъ образомъ дама заботилась объ эстетическомъ развитіи своихъ подчиненныхъ. Втеченіе многихъ лѣтъ знаменитый романистъ Джорджъ Мередитъ состоялъ при этой дамѣ лекторомъ, или gentleman reader, какъ его величали. Онъ приходилъ по воскресеньямъ, чтобы объяснять новинки англійской и французской литературы. За это Мередитъ, произведенія котораго тогда не шли, получалъ 300 ф. ст. въ годъ. „Каждый разъ передъ началомъ чтенія неизмѣнно происходилъ такой діалогъ.

— Ну, милая барыня моя, теперь я прочту вамъ что-нибудь собственное, — предлагалъ Мередитъ.

— Ахъ, дорогой мой мистеръ Мередитъ, но я не понимаю вашихъ романовъ.

— Я вамъ объясню ихъ значеніе, дорогая Mrs. Вудъ.

— Вы ужасно любезны, дорогой мистеръ Мередитъ; но, знаете, сегодня я предпочла бы Мольера“.

Г-жа О'Ши часто выѣзжала съ дѣтьми въ Брайтонъ и здѣсь въ концѣ семидесятыхъ годовъ познакомилась съ нѣкогда свѣтской дамой, отъ которой лицемѣрное общество отвернулось, когда она стала героиней бракоразводнаго процесса.

— Дурочка моя!—сказала эта дама г-жѣ О'Ши.—Я поставила громадную ставку въ игрѣ, которой имя любовь, и выиграла. Счастливые игроки, какъ и несчастные, должны поплатиться. Никогда не ставьте рискованныхъ ставокъ, если можно уклониться вообще отъ игры. Но, если вы убѣдились, что выиграете для васъ все въ жизни, тогда играйте, рискуйте и платитесь“. И подъ вліяніемъ бесѣдъ съ этою outcast, —талантливая, красивая, интересная и сильная женщина особенно постигла, что жизнь ея сѣра, что дарованія гибнуть напрасно, что красота ея не даетъ никому радости. „Я пріѣхала въ Брайтонъ, чтобы избавиться на время отъ Вилли или, точнѣе, отъ мысли о немъ, такъ какъ я вообще рѣдко встрѣчала мужа. Если я заѣзжала въ Брайтонъ къ сестрѣ, она меня непременно спрашивала:—„Что подѣлываетъ Вилли?“—На это я не могла отвѣтить. Затѣмъ непременно слѣдовалъ вопросъ: „Какъ поживаютъ дѣти?“ Я, къ счастью, могла сказать, что дѣти здоровы. Почему всѣ предполагаютъ, что у меня не должно быть другихъ интересовъ, кромѣ Вилли и здоровья дѣтей? Въ сущности говоря, Вилли меня совершенно не интересовалъ. Что касается моихъ дѣтей, то я ихъ очень любила; но они не были ни достаточно взрослы, ни въ такой степени малы, чтобы всецѣло заполнить все мое существованіе. Затѣмъ у меня была старая тетка Бетъ. Я ее очень любила, но съ ней можно было говорить только на темы не болѣе новыя, чѣмъ бракъ королевы Викторіи. И я думала о томъ, какъ узка моя жизнь и какъ убійственно скучна она“.

Вилли сталъ быстро забывать жену, что только радовало ее. И, когда въ 1879 году Вилли написалъ женѣ, что хочетъ баллотироваться въ парламентъ, она вполне одобрила планъ. „Я знала, что парламентская дѣятельность займетъ Вилли и будетъ держать насъ вдали другъ отъ друга, т. е., что мы будемъ пріятелями“¹⁾. Капитанъ О'Ши одержалъ побѣду на выборахъ. Въ домѣ коммонера, конечно, усиленно говорили о парламентскихъ дѣлахъ и тогда г-жа О'Ши, не интересовавшаяся раньше политикой, услышала впервые имя Парнелля, которому въ то время было 35 лѣтъ. Въ парламентѣ онъ находился уже пять лѣтъ (съ 1875 года). При Дизраэли Парнелль былъ уже дѣйствительнымъ парламентскимъ вождемъ ирландской партіи, хотя фактическимъ лидеромъ считался

¹⁾ O'Shea, vol. I, стр. 125.

Шоу, замѣнившій Исаака Бѣтта, скончавшагося въ 1879 году. Шоу хотѣлъ продолжать традиціи Бѣтта, т. е. старался въ парламентѣ разжалобить англичанъ картиной положенія дѣлъ въ Ирландіи. Англичане благодушно выслушивали рѣчи вождя и презрительно пожимали плечами.

И вотъ явился другой вождь съ совершенно новой тактикой. Парнелль два года пробылъ въ парламентѣ, присматриваясь только ко всему. Ирландцы были раздѣлены въ парламентѣ на фракціи, враждовавшія другъ съ другомъ. Эти группы ненавидѣли больше другъ друга, чѣмъ общаго врага. То же самое происходило и въ Ирландіи, гдѣ враждовали между собою не столько представители разныхъ политическихъ теченій, сколько громадныя самолюбія маленькихъ людей. „Миссіей Парнелля стало измѣнить все это, объединить всѣ враждовавшія силы и двинуть всю армію противъ Англіи“,—говорить г-жа О'Ши. Съ іюня 1876 года Парнелль, вмѣстѣ съ Биггаромъ, сталъ примѣнять въ парламентѣ обструкцію ¹⁾. Но молодой коммонеръ быстро понялъ, что для борьбы необходимо нѣчто другое, чѣмъ партизанскія выступленія въ парламентѣ; онъ понялъ, что партія должна опираться на какую-нибудь силу въ странѣ. И этой силой стала основанная въ 1879 году Майкелемъ Дэвиттомъ Земельная лига, избравшая Парнелля своимъ предсѣдателемъ. Земельная лига, по первоначальному плану, имѣла цѣлью уничтожить въ Ирландіи лэндлордизмъ, что, по мнѣнію Майкели Дэвитта, въ свою очередь должно было проложить путь для политическаго отдѣленія Ирландіи отъ Англіи. Самъ Парнелль стремился только къ гомрулю, но въ его рукахъ Земельная лига стала страшной силой, на которую опирались націоналисты, добивавшіеся политическихъ реформъ.

---

¹⁾ Биггаръ,—пишетъ Барри О'Брайенъ,—былъ богатый ольстерскій торговецъ, явившійся въ парламентъ фактически только для того, чтобы причинить возможно больше несправедливостей Британской имперіи. Къ палатѣ общинъ онъ не питалъ никакого уваженія. Такимъ же образомъ относился онъ къ другимъ англійскимъ учрежденіямъ. Биггаръ не имѣлъ ни ораторскихъ способностей, ни литературнаго таланта, ни образованія. Въ сущности, онъ съ трудомъ могъ связать двѣ-три фразы. Биггаръ презиралъ книги и всѣхъ тѣхъ, которые ихъ читаютъ; но онъ былъ за то очень уменъ, пронырливъ, дѣловитъ и совершенно безстрашенъ. Всѣ парламентскія правила онъ считалъ „чепухой“. Биггару доставляло величайшее наслажденіе привести въ ярость нижнюю палату и затормозить ея дѣла. У него были двѣ цѣли: оскорблять англійскую палату и, по возможности, сдѣлать себя ненавистнымъ. Въ томъ и другомъ Биггаръ преуспѣлъ, къ величайшему своему удовольствію. Втеченіе четырехъ часовъ, напр., когда обсуждался новый законъ объ усиленной охранѣ, Биггаръ читалъ выдержки изъ Синнихъ книгъ, статьи старыхъ газетъ и мычалъ что-то несвязное. Коммонеры смѣялись, потомъ негодовали, протестовали, вопили. Но Биггаръ добился своего: оттянулъ разсмотрѣніе законопроекта и сдѣлалъ смѣшной нижнюю палату. (R. Baggy O'Brien, „The Life of Charles Stewart Parnell“, vol. I, стр. 81—82).

IV.

Капитанъ О'Ши, избранный въ Ирландіи, устраивалъ политическіе обѣды для коммонеровъ ирландской партіи. На эти банкеты онъ постоянно приглашалъ Парнелля, но тотъ никогда не являлся. Въ обществѣ ходили тогда рассказы про „недоступность“ Парнелля и про то, что онъ не принимаетъ приглашеній даже отъ самыхъ знаменитыхъ „политическихъ“ дамъ Лондона. Говорили, что знаменитый коммонеръ ненавидитъ всѣ парадные обѣды и большія собранія. Между тѣмъ извѣстно было, что въ Америкѣ, откуда онъ только что возвратился послѣ большаго агитаціоннаго турнэ, Парнелль бывалъ на обѣдахъ, устраиваемыхъ въ его честь. Г-жа О'Ши твердо рѣшила заполучить на обѣдъ недоступнаго коммонера.

— Въ слѣдующій разъ, когда я устрою обѣдъ, — сказала она гостямъ — некоронованный король Ирландіи будетъ сидѣть здѣсь, на этомъ мѣстѣ, рядомъ со мною!

Гости приняли это заявленіе, какъ шутку; но г-жа О'Ши рѣшила лично пригласить Парнелля.

Шекспиръ въ великой трагедіи юношеской любви разсказалъ, какъ зарождается любовь съ перваго взгляда. Какъ только Ромео издали видитъ Джульету, онъ восклицаетъ:

O, she doth teach the torches to burn bright!
Her beauty hangs upon the cheek of night
Like a rich jewel in an Ethiop's ear:
Beauty too rich for use, for earth too dear!

(„О, она показываетъ факеламъ, какъ горѣть ясно. Ея красота виситъ на щекѣ ночи подобно драгоценному камню въ ухѣ эіона: красота слишкомъ драгоценная для употребленія; слишкомъ дорогая для земли“). Тутъ любовью, подобною „удару молніи“, какъ говорятъ французы, пораженъ сразу шестнадцатилѣтній мальчикъ. Изъ книги О'Ши мы узнаемъ, какъ такой же ударъ сразу испыталъ сильный, крайне сдержанный тридцатилѣтній мужчина.

„Въ погожій іюньскій день 1880 года я подѣхала къ парламенту вмѣстѣ съ моей сестрой, — разсказываетъ г-жа О'Ши. — Я дала мою карточку и попросила вызвать Парнелля. Вскорѣ къ намъ вышелъ очень высокій, худощавый мужчина съ мертвенно блѣднымъ лицомъ. Онъ подошелъ, улыбаясь. И я разглядѣла его удивительные, горящіе, пронизательные глаза, глядѣвшіе прямо въ мои глаза. И у меня тотчасъ же сверкнула мысль: „Это — необыкновенный человѣкъ. Онъ иной, чѣмъ всѣ“. Я спросила у Парнелля, почему онъ не отвѣтилъ мнѣ на приглашеніе на обѣдъ, и прибавила: неужели ничто не можетъ побудить его придти къ намъ?

Парнелль мнѣ отвѣтилъ, что иногда цѣлыми недѣлями не вскрываетъ получаемыхъ писемъ. Онъ принялъ приглашеніе, по обѣщалъ придти послѣ возвращенія изъ Парижа, куда отправлялся на свадьбу сестры. Когда я выглянула изъ окна каба, чтобы попрощаться съ Парнеллемъ, упала роза, которая была приколата къ моему корсажу. Парнелль поднялъ цвѣтокъ, поднесъ къ губамъ, затѣмъ вдѣлъ его себѣ въ петличку. Черезъ много лѣтъ потомъ я нашла среди наиболѣе важныхъ бумагъ Парнелля эту розу въ конвертѣ, на которомъ было написано мое имя и день встрѣчи. И, когда мой возлюбленный скончался, я ему положила этотъ засохшій цвѣтокъ на сердце“.

Парнелль пріѣхалъ потомъ на обѣдъ къ О'Ши, хотя сильно опоздалъ, въ чемъ извинился. Вождь казался очень больнымъ; вся жизнь и сила его сконцентрированы были въ глубокихъ, сверкающихъ глазахъ. Послѣ обѣда всѣ поѣхали въ оперу. Въ ложѣ Парнелль сидѣлъ за кресломъ г-жи О'Ши „Какъ только мы усѣлись,—разсказываетъ г-жа О'Ши—Парнелль принялся разсказывать. Между нами какъ-то сразу установились простыя, товарищескія отношенія, какъ будто я годами знала уже этого сдержаннаго, сильнаго, необыкновеннаго человѣка. Онъ вполголоса и монотонно передавалъ мнѣ свои американскія впечатлѣнія, затѣмъ умолкъ. Свѣтъ со сцены упалъ на глаза Парнелля и въ нихъ загорѣлось яркое пламя. Я слегка нагнулась къ нему, испытывая то же ощущеніе, будто мы уже цѣлую вѣчность какъ знакомы“. Парнелль опять заговорилъ. Онъ съ улыбкой разсказывалъ, какъ встрѣтился въ Америкѣ съ дѣвушкой, съ которой нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ почти формально обрученъ. Отецъ дѣвушки не хотѣлъ, чтобы она поѣхала за будущимъ мужемъ въ Европу, а Парнелль не желалъ остаться въ Соединенныхъ Штатахъ и отказаться отъ борьбы за Ирландію. Передъ отъѣздомъ въ Европу Парнелль посѣтилъ свою невѣсту и нашелъ, что ничего не чувствуетъ къ ней. Когда дѣвушка уходила въ свою комнату наверхъ, она всунула Парнеллю въ руку листочекъ съ такими стихами:

Если ты не думаешь въ толпѣ весь день
Про ту, что полюбила тебя;
Если ты не чувствуешь силы переступить
Черезъ дозволенное и недозволенное;
Если ты не можешь умереть, когда мечта прошла,—
О, не называй тогда это любовью.

— Не знаете ли, чьи это стихи?—спросилъ Парнелль у меня.

— Кажется, Браунинга,—отвѣтила я.

— Ну, я почувствовалъ, что не въ состояніи сдѣлать того, о чемъ говорится въ стихахъ, и уѣхалъ въ Европу,—спокойно закончилъ Парнелль.

Парнелль не былъ ораторомъ. Онъ плохо говорилъ въ парла-

ментъ. Во время же бесѣды даже съ самыми близкими и дорогими ему людьми наступало то, что г-жа О'Ши называетъ „the silence of tried friendship“, т. е. — молчаніе испытанной дружбы. О'Ши съ перваго раза произвела глубокое впечатлѣніе на Парнелля. Въ сентябрѣ того же года онъ писалъ ей изъ Дублина: „Скажу вамъ откровенно, что предстоящее десятидневное отсутствіе изъ Лондона не радуетъ меня такъ, какъ обрадовало бы три мѣсяца тому назадъ. Причина явленія таинственна; но, быть можетъ, вы отгадаете ее“. Черезъ два дня Парнелль пишетъ изъ своего ирландскаго помѣстья Avondale: „Дорогая моя г-жа О'Ши. Пользуюсь случаемъ написать вамъ, что я еще живъ; не смотря на то, съ каждымъ моментомъ убѣждаюсь, какъ трудно мнѣ не то что „жить“, но даже „существовать“ вдали отъ одного милаго и прекраснаго лица“. Черезъ недѣлю Парнелль пишетъ изъ Дублина: „Не могу больше жить вдали отъ васъ, поэтому сегодня ночью выѣзжаю обратно въ Лондонъ“. Политическая борьба въ Ирландіи была въ полномъ разгарѣ. Парнелль могъ отлучиться только на нѣсколько часовъ, единственно съ цѣлью повидать О'Ши. Онъ просилъ ее встрѣтить его на станціи въ Лондонѣ; но письмо опоздало. Парнелль со слѣдующимъ же побѣдомъ вернулся въ Ирландію. „Меня ужасно беспокоитъ то, что я васъ не видѣлъ на станціи, — пишетъ ирландскій вождь. — Я долженъ возвратиться немедленно въ Дублинъ. Я пріѣхалъ только для того, чтобы взглянуть на васъ. Другого дѣла въ Лондонѣ у меня не было“. „Только что получилъ вашу телеграмму, — пишетъ Парнелль черезъ три дня. — Каждая строчка отъ васъ — необходимая часть моего ежедневнаго существованія. Мнѣ трудно жить, если проходитъ день или два безъ письма или хоть безъ телеграммы отъ васъ... Буду въ Англію только, чтобы повидать васъ. Глубоко несчастенъ оттого, что не могу остаться тамъ навсегда“. А еще черезъ десять дней, письмо, отправленное 17 октября 1880 года, проникнуто уже сильною страстью: „Моя любимая! Вы не можете себѣ даже представить, какъ вы всецѣло завладѣли моими мыслями. Живу только мыслью о томъ, что скоро увижу васъ“.

Жаркій вихрь большой страсти захватилъ не только Парнелля, но и г-жу О'Ши. „Все во мнѣ возмущилось противъ прежней мирной, спокойной жизни, когда теченіе времени отмѣчалось только боемъ часовъ въ гостиной. Передо мною открылся новый міръ, красивый, яркій, въ которомъ все была борьба“ ¹⁾. О'Ши стала возлюбленной Парнелля, его единственнымъ другомъ, его помощницей и посредницей въ переговорахъ съ вождями другихъ политическихъ партій. Въ виду той роли, которую капитанъ О'Ши сыгралъ черезъ десять лѣтъ въ гибели политической карьеры Парнелля, въ высшей степени интересно выяснитъ одинъ пунктъ. Зналъ ли все время капитанъ объ

¹⁾ O'Shea, vol. I, стр. 148.

отношеніяхъ между Парнеллемъ и г-жей О'Ши? „Вилли зналъ, что я часто отправляюсь въ парламентъ, когда тамъ говорилъ Парнелль. Вилли самъ пригласилъ его пріѣхать къ намъ въ Eltham, чтобы погостить нѣсколько дней. Передъ первымъ приглашеніемъ я отговаривала Вилли. Я указывала, что домъ нашъ не очень уютенъ, что дѣти будутъ беспокоить такого нервнаго человѣка, какъ Парнелль, и что его посѣщеніе нарушитъ рутину нашей повседневной жизни (между нами установился тогда, т. е. въ 1880 году, формальный дружескій разъѣздъ). Я выставяла эти причины, потому что знала, какъ велика для меня опасность, если Парнелль будетъ гостить у насъ. Я знала, что не устою. Но Вилли, повидимому, не подозрѣвалъ даже возможности увлеченія съ моей стороны. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что то, что принадлежитъ *ему*, не можетъ подвергаться опасности. Онъ зналъ, что мною увлекались и что въ меня влюблялись, но Вилли только гордился тѣмъ, что такъ высоко цѣнить *его* собственность. *Его* жена не можетъ никого любить, кромѣ мужа. Правда, она не любитъ его; но, въ концѣ концовъ, любовь понятіе растяжимое и даже нѣсколько вульгарное. Оно приличествуетъ только дѣвочкамъ. Между супругами *должна* существовать связь, не смотря на разницу во взглядахъ, понятіяхъ и характерахъ“.

Осенью 1880 года О'Ши „была захвачена лавиной любви Парнелля“. „Я боролась сперва противъ этой любви, но Парнелль не хотѣлъ бороться. Онъ говорилъ мнѣ: „Къ добру ли это или къ худу, но я вашъ супругъ, вашъ возлюбленный, словомъ, все для васъ. Я отдамъ мою жизнь Ирландіи, но вамъ я отдамъ мою любовь, хотя не знаю, будетъ ли она для васъ раемъ или адомъ. Ваша любовь—моя судьба. Когда я смотрю вамъ въ глаза, я постигаю это“. Любовь Парнелля и О'Ши была такъ очевидна, что про нее знали всѣ. Трудно представить себѣ даже, чтобы хотя смутные слухи не доходили до Вилли. Больше того. Въ 1880 году, когда капитанъ О'Ши неожиданно пріѣхалъ изъ Лондона въ Eltham, онъ нашелъ въ одной изъ комнатъ чемоданъ Парнелля съ его вещами. Вилли уѣхалъ сейчасъ же въ Лондонъ, заявивъ, что пошлетъ Парнеллю вызовъ на поединокъ. Капитанъ О'Ши дѣйствительно прислалъ своего секунданта. „Парнелль объяснилъ Вилли, что ему необходимъ посредникъ при сношеніяхъ съ правительствомъ и что г-жа О'Ши любезно взяла на себя эту обязанность. Такъ какъ теперь переговоры наладились, то онъ, капитанъ, не будетъ, вѣроятно, препятствовать, послѣ того какъ дуэль состоится, тому, чтобы его жена была посредницей“. Поединокъ не состоялся. Капитанъ О'Ши потомъ нѣсколько разъ приглашалъ Парнелля погостить въ Eltham. Онъ требовалъ потомъ отъ Парнелля, чтобы тотъ помогъ ему пройти на общихъ выборахъ въ парламентъ. „Конечно, безъ содѣйствія Парнелля, у Вилли не было бы никакихъ шансовъ попасть въ парламентъ въ качествѣ представителя отъ Ирландіи,—

говорить г-жа О'Ши.—Капитанъ О'Ши такъ настоятельно требовалъ (черезъ посредство жены) содѣйствія Парнелля, что тотъ воскликнулъ наконецъ: „хорошо! Я заставлю ихъ (т. е. избирателей) проглотить даже капитана... Мой поступокъ будетъ стоять мнѣ довѣрія партіи; но Вилли мнѣ надобѣ съ своими требованіями“... Капитанъ О'Ши былъ избранъ отъ Голуэя ¹⁾. Такимъ образомъ, хотя г-жа О'Ши старается защитить память мужа и выставить такъ, что онъ десять лѣтъ ничего не зналъ, но съ этимъ утвержденіемъ плохо согласуются факты. Повидимому, капитанъ О'Ши старался использовать политическое могущество Парнелля. Сама г-жа О'Ши сообщаетъ, что Вилли надѣялся получить черезъ посредство Парнелля постъ товарища статсъ-секретаря по дѣламъ Ирландіи. Вилли долженъ былъ знать о связи его жены съ Парнеллемъ хотя бы потому, что у нея въ 1882 году родился ребенокъ, скоро скончавшійся. Г-жа О'Ши нѣсколько разъ говоритъ въ своей книгѣ, что не была женой Вилли уже до встрѣчи съ Парнеллемъ.

V.

Впродолженіе всего 1880 года Парнелль дѣятельно организовалъ всюду въ Ирландіи отдѣленія Земельной лиги. Къ зимѣ, вслѣдствіе неурожая и ухудшившагося матеріальнаго положенія крестьянъ, лига стала разрастаться такъ стремительно, что успѣхъ ея превзошелъ всѣ ожиданія Парнелля. Во время парламентскихъ ваканцій вождь устраивалъ въ Ирландіи митинги въ такихъ мѣстахъ, гдѣ недовольство было особенно сильно. На этихъ митингахъ Парнелль доказывалъ фермерамъ, что они должны строить всѣ надежды не на обѣщанія министровъ, а на своей готовности и способности организоваться. Въ началѣ сессіи Парнелль внесъ въ парламентъ законопроектъ о пріостановленіи изгнанія фермеровъ ²⁾. Это была первая съ его стороны попытка побудить парламентъ обратить вниманіе на лэндлордизмъ. Партія Парнелля такъ дружно поддержала билль, что Гладстонъ вынужденъ былъ включить часть законопроекта въ министерскій билль („Relief of Distress Bill“). Спикеръ палаты нашелъ такое соединеніе двухъ биллей неправильнымъ. Тогда статсъ-секретарь по ирландскимъ дѣламъ, Форстеръ, по указанію Гладстона, внесъ новый законопроектъ, который въ основныхъ чертахъ своихъ исполнѣ совпадалъ съ „Suspension of Ejectments Bill“ Парнелля. Во время обсужденія этого новаго законопроекта Гладстонъ сказалъ, что при той нуждѣ, которая наблюдается теперь въ Ирландіи, каждое изгнаніе фермера равносильно смертному приговору. А въ Ирландіи помѣщики по прежнему изгоняли фермеровъ.

¹⁾ *Ib.*, vol. II, стр. 107.

²⁾ „Suspension of Ejectments Bill“.

Парнелль постоянно выѣзжалъ изъ Лондона въ Ирландію, чтобы тамъ использовать озлобленность изгнанныхъ. По настоянію помѣщиковъ Парнелль и четырнадцать товарищей его были привлечены къ суду по обвиненію въ составленіи заговора, имѣющаго цѣлю раззорить землевладѣльцевъ. „Парнелль, конечно, отправился въ Ирландію на судъ, но считалъ все дѣло фарсомъ,—говоритъ г-жа О'Ши.—Онъ зналъ, что присяжные оправдаютъ подсудимыхъ“. И увѣренность въ оправдательномъ приговорѣ была такъ сильна, что Парнелль, когда присяжные долго совѣщались, убеждалъ ихъ „поторопиться“, такъ какъ иначе онъ опоздаетъ на пароходъ, отправляющійся въ Англію. Парнелль, котораго лэнд-лорды считали своимъ злѣйшимъ и наиболее опаснымъ врагомъ, былъ самъ, какъ извѣстно, крупнымъ ирландскимъ помѣщикомъ. Та кампанія, которую онъ повелъ, означала для него полное прекращеніе доходовъ съ имѣнія, такъ какъ фермеры очень широко истолковали слова „вождя“ и, покуда былъ живъ Парнелль, не платили ему ни фартинга ренты.

Когда озлобленіе политическихъ враговъ Парнелля достигло крайнихъ размѣровъ, друзья посоветовали ему временно скрыться. „Въ 1880 году Парнеллю дали знать, что враги требуютъ отъ правительства его ареста за мятежъ и что поэтому вождю лучше на время уѣхать за границу. Парнелль загадочно отвѣтилъ, что исчезнетъ на нѣсколько недѣль. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ ночью,—разсказываетъ г-жа О'Ши—постучалъ условленнымъ образомъ въ окно. Когда я его впустила, онъ, улыбаясь, сказалъ мнѣ, что долженъ спрятаться у меня на нѣсколько недѣль“. Парнелль объяснилъ, что желалъ бы быть арестованнымъ, если это необходимо, только черезъ нѣкоторое время, когда все будетъ организовано. О'Ши укрыла Парнелля въ комнатѣ, изъ которой былъ только одинъ выходъ въ ея будуаръ. Здѣсь вождь просидѣлъ безвыходно двѣ недѣли. Такъ какъ присутствіе гостя надо было конспирировать и отъ прислуги, то г-жа О'Ши сама носила плѣннику обѣды, объясняя, что желаетъ ѣсть въ своей комнатѣ. Прислуга только изумлялась, почему это у г-жи О'Ши такой большой аппетитъ, когда она обѣдаетъ наверху. Парнелль отдыхалъ, составлялъ „мятежныя“ рѣчи для будущаго употребленія и читалъ книгу, любимую дѣтьми и взрослыми англичанами, „Alice in Wonderland“. „Я не думаю, что Парнелль нашелъ эту книгу забавной, но онъ добросовѣстно, съ обычнымъ серьезнымъ видомъ, прочелъ ее отъ доски до доски и сказалъ мнѣ: „очень любопытно“. Парнелль почти не зналъ изящной литературы и не понималъ ея. Г-жа О'Ши ему подарила нѣсколько романовъ Диккенса, которые онъ все „собирался“ просмотрѣть.

Двѣ недѣли просидѣлъ Парнелль въ „одиночномъ заключеніи“ у г-жи О'Ши и все это время никто въ домѣ не подозрѣвалъ его присутствія. Черезъ двѣ недѣли Парнелль по дѣламъ Земельной

лиги уѣхалъ въ Парижъ, оставивъ г-жѣ О'Ши свои наиболѣе секретные документы.

Парнелль организовалъ всѣ оппозиціонныя силы въ странѣ и двинулъ ихъ противъ Англіи для завоеванія самоуправленія Ирландіи. Правительство сперва хотѣло подавить движеніе силой. Въ январѣ 1881 года внесенъ былъ въ парламентъ форстеровскій билль объ усиленной охранѣ въ Ирландіи. Парнелль всѣми силами старался затормозить билль и съ этою цѣлью усиленно пользовалъ обструкцію. Слабый физически, Парнелль способенъ былъ однако сидѣть круглыя сутки въ парламентѣ. Громадная воля брала верхъ надъ слабымъ организмомъ. Въ концѣ января былъ случай, когда засѣданіе нижней палаты продолжалось непрерывно 41 часъ. Послѣ длиннаго засѣданія Парнелль пріѣхалъ въ кабъ въ Eltham, гдѣ жила О'Ши.

— Я былъ не въ ударѣ сегодня ночью, Queenie (моя маленькая королева),— спокойно объяснялъ Парнелль, сидя передъ каминомъ.— Я потерялъ цитату, которую вы мнѣ дали, и сказалъ на память, перепутавъ ее, конечно. Затѣмъ я забылъ, чья эта цитата, и назвалъ автора просто „поэтомъ“.

— Что же? Шекспира можно назвать поэтомъ,—утѣшала О'Ши.

— Да? Неужели? А то репортеры приставали ко мнѣ потомъ съ разспросами о цитатѣ, которой они не поняли. Вы, Queenie, устройте въ слѣдующій разъ такъ, чтобъ я лучше запомнилъ цитаты.

Ранней весной 1881 года репортеры отмѣтили, что Парнелль исчезъ внезапно на нѣсколько дней съ политическаго горизонта и появился потомъ столь же внезапно безъ своей великолѣпной бороды и безъ усовъ. Тайнственное исчезновеніе и перемѣна „грима“ связывались тогда съ какимъ-нибудь тайнымъ засѣданіемъ Земельной лиги, устроеннымъ съ цѣлью помѣшать осуществленію форстеровскаго закона объ усиленной охранѣ. Дѣло объясняется нѣсколько иначе. Г-жа О'Ши уѣхала съ дѣтьми въ Брайтонъ. „Когда я вышла изъ вагона,—разсказываетъ она—ко мнѣ подошла высокая, незнакомый джентльменъ.

— Вы меня не узнали? — спокойно спросилъ онъ. То былъ Парнелль. Узнавъ, что я уѣзжаю, онъ сѣлъ въ поѣздъ на промежуточной станціи. Чтобы не быть узнаннымъ, Парнелль въ вагонѣ сбрѣзалъ бороду карманными ножницами. Въ Брайтонѣ онъ закуталъ горло и нижнюю часть лица бѣлымъ шарфомъ. И все это придавало Парнеллю такой подозрительный видъ, что хозяинъ гостиницы колебался нѣкоторое время, дать ли ему комнату или нѣтъ“ ¹⁾.

Coercion bill сталъ закономъ, но самыя суровыя преслѣдованія не могли остановить движеніе въ Ирландіи. Парнелль продолжалъ тамъ свою борьбу съ лэндлордизмомъ порождая бурный

¹⁾ *Ib.*, vol. I, стр. 182.

энтузіазмъ каждый разъ, когда появлялся на платформѣ. Въ Дублинѣ ему былъ устроенъ королевскій пріемъ. Восторженные поклонники выпрягли лошадей и съ триумфомъ провезли Парнелля по улицамъ. Ирландскіе помѣщики, вся консервативная партія и почти всѣ либералы усматривали тогда въ Парнеллѣ олицетвореніе революціи и непосредственно послѣ триумфа въ Дублинѣ Форстеръ написалъ Гладстону, что необходимо рѣшительное выступленіе со стороны правительства, Необходимо арестовать Парнелля на основаніи новаго закона объ усиленной охранѣ. По настоянію Форстера, Гладстонъ произнесъ въ Лидсѣ 7 октября 1881 г. рѣчь, представлявшую собою обвинительный актъ противъ Парнелля и его политики. „Ирландскіе крестьяне желаютъ воспользоваться благами, предоставленными имъ послѣднимъ земельнымъ закономъ, но Парнелль не дозволяетъ имъ“, — воскликнулъ Гладстонъ. Онъ напомнилъ дальше, что „средства цивилизаціи еще не истощились“, т. е., что у правительства есть еще сила бороться съ Парнеллемъ и съ Земельной лигой. Парнелль отвѣтилъ черезъ два дня въ Уэксфордѣ своею лучшею рѣчью. — „Гладстонъ сказалъ немного, но онъ призналъ всѣ тѣ обвиненія противъ Англіи, которые мы выдвигали, — указывалъ Парнелль. — Онъ призналъ, что вся британская политика державной народности была ошибкой; онъ призналъ, что унія (т. е. уничтоженіе граттановскаго парламента) принесла страшный вредъ Ирландіи; онъ призналъ, что революціонеры 1798 года были правы, поднявъ возстаніе; что въ такой же степени право было на сторонѣ революціонеровъ 1848 года и повстанцевъ 1865 года. Гладстонъ допустилъ, что цѣлыя поколѣнія борцовъ, шедшихъ смѣло въ тюрьму и въ каторжныя работы, видѣли передъ собою дѣйствительныя страданія ирландскаго народа. Вся рѣчь Гладстона доказываетъ, что мы правы теперь, возставая противъ преступной политики государственнаго націонализма. Еще одно усиліе и побѣда останется за нами. Ирландія будетъ свободна“.

— „Предположимъ, они васъ арестуютъ. Кто займетъ ваше мѣсто, мистеръ Парнелль?“ — спросили за обѣдомъ у вождя черезъ день послѣ рѣчи въ Уэксфордѣ.

— „Кто?“ — переспросилъ спокойно Парнелль. — Если меня заберутъ, мое мѣсто займетъ Captain Moonlight¹⁾. Черезъ три дня капитанъ О'Ши специально пріѣхалъ къ женѣ, чтобы доставить себѣ большое удовольствіе: привезти ей извѣстіе объ арестѣ Парнелля. „Я догадалась о томъ, что случилось, какъ только взглянула на радостное, возбужденное лицо Вилли, — пишетъ г-жа О'Ши. — Такъ какъ я была уже подготовлена къ возможности ареста Парнелля, то скрыла волненіе. Я замѣтила только, что не думаю, чтобы Парнелля долго продержали въ тюрьмѣ“. Вилли бурно ликовалъ и, за-

¹⁾ Т. е. террористы.

хлебывался отъ восторга, доказывалъ, что такъ и надо человѣку, доведшему Ирландію до гибели.

VI.

„Дорогая моя Королевушка,—писалъ въ тотъ же день Парнелль изъ Дублина. — Только что меня забрали два очень бравыхъ сыщика. Пишу эти строки къ женушкѣ моей (wife), чтобы она не сокрушалась слишкомъ и держала себя мужественно. Если что меня беспокоитъ теперь, такъ это ваше волненіе и опасеніе, что это повредитъ нашему будущему ребенку. Ради него хоть, дорогая моя, не тужите сильно. Если что-нибудь случится съ вами, я вѣдь такъ и умру бездѣтнымъ. Будьте же умницей и держите себя спокойно, моя дорогая женушка. Вашъ мужъ“.

Вмѣстѣ съ Парнеллемъ были арестованы наиболѣе выдающіеся коммонеры-ирландцы и главные дѣятели Земельной лиги: Секстонъ, О'Келли, Диллонъ, О'Брайенъ, Биггаръ, Хили и Артуръ О'Конноръ. Политическія страсти тогда такъ разгорѣлись и національная ненависть англичанъ къ ирландцамъ (ненависть, отъ которой теперь не осталось и слѣда) достигла такого напряженія, что арестъ Парнелля и его товарищей былъ привѣтствованъ, какъ большая побѣда Англіи надъ непріателемъ.

На мѣсто Парнелля дѣйствительно явился Captain Moonlight. Ирландскій вождь былъ врагъ непримиримый, но онъ все-таки велъ борьбу конституціонными средствами. Онъ держалъ въ рукахъ террористовъ, не позволяя имъ дѣлать выступленій, которые могли бы повредить общему дѣлу. Арестъ Парнелля и его товарищей развязалъ руки динамитчикамъ и сторонникамъ аграрнаго террора. Въ Дублинѣ произошли большіе беспорядки. Черезъ пять дней послѣ ареста вождя Земельная лига выпустила манифестъ о томъ, чтобы никто изъ фермеровъ не платилъ арендныхъ денегъ.

Заключеніе (арестованные сидѣли въ Килмэнхэмской тюрьмѣ) поставило, повидимому, правительство въ болѣе затруднительное положеніе, чѣмъ заключенныхъ. Арестъ членовъ парламента крайне серьезное дѣло вообще, а въ Англіи въ особенности. Этотъ поступокъ надо было мотивировать и создать процессъ, построенный на очень серьезномъ преступленіи. Надо было выдвинуть обвиненіе, которое выдержало бы критику защиты на судѣ. Не могло быть сомнѣнія въ томъ, что арестованные заручатся содѣйствіемъ лучшихъ законниковъ. Сгоряча, по совѣту Форстера, Парнелля арестовали; но затѣмъ оказалось, что, кромѣ шпионскихъ показаній, нѣтъ никакихъ данныхъ для обвиненія. Построить же процессъ только на однихъ шпионскихъ показаніяхъ противъ такого лица, какъ Парнелль, къ которому было приковано вниманіе всего міра,—правительство не рѣшилось. И очень скоро выяснилось затрудни-

тельное положеніе правительства, не знавшаго, какъ выпутаться изъ дѣла.

Черезъ мѣсяцъ послѣ ареста, 12 ноября 1881 года, Парнелль пишетъ О'Ши изъ тюрьмы: „Правительство дважды дало мнѣ знать, что меня выпустятъ немедленно, если я соглашусь уѣхать за границу. Я отвѣтилъ, что мнѣ не къ спѣху, что я не тороплюсь на свободу и, если выйду изъ тюрьмы, то буду жить, гдѣ захочу. Мнѣ удобнѣ сидѣть въ тюрьмѣ, покуда соберется парламентъ“. Черезъ два дня Парнелль сообщаетъ своей возлюбленной: „Дорогая моя Королевушка! Вашъ мужъ чувствуетъ себя хорошо и очень доволенъ общимъ положеніемъ дѣла. Мнѣ сообщили, что правительство не знаетъ, какъ поступить съ нами. Оно готово теперь воспользоваться первымъ предложомъ, чтобы покончить съ нашимъ дѣломъ“. „Я только что узналъ, что въ концѣ недѣли меня хотятъ отправить въ тюрьму въ Арма съ цѣлью дать мнѣ обѣжать съ дороги“,—пишетъ Парнелль восемнадцатаго ноября. Парнелля нисколько не беспокоила его участь. Напротивъ, взвѣсивъ своимъ яснымъ умомъ все положеніе, онъ быстро понялъ, что его пребываніе въ тюрьмѣ, въ сущности, содѣйствуетъ дѣлу освобожденія Ирландіи. Беспокоило его только то, что дѣлаетъ его „Королевушка“. Каждая записочка изъ тюрьмы свидѣтельствуетъ о нѣжной заботѣ Парнелля. „Ваше письмо успокоило меня нѣсколько,—пишетъ онъ 16 декабря.—Я такъ боялся за васъ всю эту недѣлю! Ненаглядная моя! Берегите себя, хоть ради меня, ради будущаго. Впередѣ у насъ еще много лѣтъ счастья. Мы будемъ жить другъ для друга“.

Политическимъ заключеннымъ въ тюрьмѣ жилось вообще недурно. Вслѣдствіе того, что въ тюрьмѣ находился Парнелль, товарищамъ его тоже оказывались разныя льготы. Правительство на первыхъ порахъ думало проявить большую строгость и совершенно изолировать заключенныхъ отъ внѣшняго міра; но среди стражниковъ и ключниковъ было много тайныхъ друзей, восторгавшихся вождемъ и готовыхъ пожертвовать для него своей службой и свободой. Эти тайные друзья отправляли письма Парнелля и доставляли ему корреспонденцію съ воли. Черезъ посредство тайныхъ друзей Парнелль изъ тюрьмы велъ дѣла Земельной лиги. Онъ видѣлъ, что ему необходимо сидѣть въ тюрьмѣ, чтобы увеличить затрудненія правительства, хотя онъ рвался къ своей возлюбленной. „Дорогая моя Королевушка! Вашъ „Король“ стосковался и не можетъ жить безъ васъ“,—говоритъ Парнелль почти въ каждомъ письмѣ. Шестнадцатаго февраля 1882 года О'Ши сообщила Парнеллю, что у нея родилась дочь. „Я была очень больна,—говоритъ г-жа О'Ши въ своей книгѣ—но меня окрыляло радостное сознаніе, что я держу въ рукахъ ребенка Парнелля. Дѣвочка была прекрасная, повидимому, крѣпкая и здоровая, во всякомъ случаѣ, въ первые недѣли. Глаза у нея были совсѣмъ отцовскіе. Младенецъ очень рѣдко плакалъ, но молча и серьезно смотрѣлъ на меня“.

„Мое сокровище! Моя возлюбленная Королевушка!—писалъ Парнелль, когда получилъ извѣстiе о рожденiи дочери. — Не могу передать вамъ, какъ порадовала меня вѣсть! Дорогая моя женушка! Получивъ вашу записочку отъ 14 декабря, я плакалъ. Два дня я не могъ думать ни о чемъ другомъ, покуда, наконецъ, не прибыла ваша телеграмма съ сообщенiемъ, что все благополучно. Родная моя! Берегите себя для меня. Мой Меркурiй ждетъ и надо вручить ему посланiе. Любящiй васъ мужъ“. „Если Королевушка пришлетъ мнѣ волосики нашей дочки, то я положу ихъ въ медальонъ, вмѣстѣ съ волосами моей женушки,—пишетъ изъ тюрьмы Парнелль черезъ мѣсяць.—Какъ вы думаете: не назвать ли намъ дочь Софьей? Такъ зовутъ одну изъ моихъ сестеръ, на которую, говорятъ, я очень похожъ. Но, быть можетъ, это возбудитъ подозрѣнiя“. „Я истомился по васъ, дорогая моя!—пишетъ Парнелль въ апрѣлѣ 1882 г., послѣ шестимѣсячнаго заключенiя. — Я люблю васъ, моя дорогая. Люблю съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе... Моя женушка не должна, впрочемъ, думать, что дѣла идутъ плохо. Напротивъ, все устраивается отлично. Гораздо лучше, чѣмъ можно было бы ждать“. Такимъ образомъ, дѣла, которую Парнелль самъ себѣ поставилъ, покрывала даже его сильную любовь. Суровый, холодный, непоколебимый, всегда спокойный вождь, обладавшiй совершенно исключительной выдержкой, проявляетъ себя удивительно нѣжнымъ отцомъ. „Волосики нашей дочери одинъ восторгъ,—пишетъ Парнелль. — Я такъ радъ, что они напоминаютъ скорѣе волосы моей Королевушки, чѣмъ мои. И безъ того въ дочкѣ столько моихъ чертъ, что онѣ портятъ прекрасное личико, похожее на ваше. Я люблюсь подолгу великолѣпнымъ золотымъ отливомъ волосиковъ моей дочки“.

Вопросъ о маленькой дѣвочкѣ—одинъ изъ неясныхъ пунктовъ книги г-жи О'Ши. „Вилли былъ очень хорошъ со мною,—пишетъ г-жа О'Ши.—Онъ не подозрѣвалъ истины и только поставилъ условiемъ, чтобы ребенка окрестили по обряду католической религiи. Я думаю, такъ потребовали мать и сестра Вилли. Противъ крещенiя по католическому обряду я ничего не имѣла. Мы съ Парнеллемъ давно уже уговорились, что безопаснѣе будетъ обратить нашего ребенка въ католичество. Самъ Парнелль принципиально ничего не имѣлъ противъ папизма, утверждая, что католичество самая лучшая вѣра для тѣхъ, кому вообще нужна она. Я изготвила въ гостинной алтарь изъ цвѣтовъ, такъ какъ ребенокъ заболѣлъ и его нельзя было повезти въ церковь. Священникъ окрестилъ дѣвочку и назвалъ ее Софьей въ честь сестры Парнелля и Клавдiей въ честь моего стараго друга“¹⁾. Дальше г-жа О'Ши приводитъ письма матери и сестеръ капитана для доказательства, что онѣ не подозрѣвали даже, кто былъ дѣйствительный отецъ малень-

¹⁾ Ib., vol. I, стр. 245.

кой Софiи. И, не смотря на эти письма, остается невыясненнымъ одинъ пунктъ. Если капитанъ О'Ши, какъ утверждаетъ авторъ книги, десять лѣтъ не подозрѣвалъ дѣйствительныхъ отношеній между г-жею О'Ши и Парнеллемъ, то какъ онъ принялъ рожденіе ребенка? Всѣ факты рисуютъ капитана въ гораздо менѣе выгодномъ свѣтѣ, чѣмъ выставляетъ его г-жа О'Ши.

Въ серединѣ апрѣля 1882 года правительство освободило на честное слово изъ тюрьмы Парнелля, чтобы дать ему возможность присутствовать на похоронахъ его племянника, скончавшагося въ Парижѣ.

Діонео.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Ночь сладко вѣетъ на поля
Воздушной тишиной;
Уснула темная земля
Подъ лаской голубой.
Затихли рокоты заботъ,
Синѣетъ густо даль.
Ложится кротко тишина...
Кого-то тайно жаль.
Разлучный свѣтъ, спокойный свѣтъ,
Алѣетъ словно кровь.
Ни зла, ни грусти въ мірѣ нѣтъ,
Одна-одна любовь!
Темнѣетъ сумерекъ эмаль,
Но жизнь ясна,—ясна,
Какъ эта тающая даль,
Какъ эта тишина.
Легъ вешній вечеръ на поля,
Подъ мглою голубой
Уснула добрая земля...
Да будетъ миръ съ тобой!

С. Астровъ.

Апостолъ интегральнаго социализма.

Только комбинація несправедливо нарушаемыхъ интересовъ съ альтруистической идеализаціей создаетъ активную силу, способную разбить желѣзный кругъ практическаго эгоизма, заграждающій дорогу новой справедливости, которую призываютъ всѣ угнетенные, всѣ эксплуатируемые и всѣ страждущіе...

Бенуа Малонъ.

Въ ноябрѣ минувшаго года, на парижскомъ кладбищѣ „Père Lachaise“ происходило международное социалистическое торжество. Французскіе социалисты, вмѣстѣ съ делегатами отъ крупнѣйшихъ социалистическихъ партій Европы, праздновали открытіе новаго памятника, работы знаменитаго скульптора Бартоломи, на могилѣ скончавшагося двадцать лѣтъ тому назадъ „отца“ интегральнаго социализма, Бенуа Малона.

Имя Бенуа Малона при его жизни было мало пзвѣстно за пределами Франціи. Это обстоятельство объясняется рядомъ причинъ, которыхъ мы коснемся ниже. Но въ самой Франціи Бенуа Малонъ пользовался большою популярностью и сыгралъ въ свое время весьма значительную роль во французскомъ социалистическомъ движеніи, какъ борецъ и агитаторъ и, главнымъ образомъ, какъ теоретикъ.

Ученіе Бенуа Малона, не смотря на его весьма существенные недостатки и пробѣлы, глубоко интересно, и теперь, когда многія изъ его положеній оправдались жизнью, ему начинаютъ отдавать должное и его бывшіе идейные противники. Для насъ, русскихъ, теорія интегральнаго социализма, созданная Малономъ, тѣмъ болѣе интересна, что какъ по общему духу своему, такъ и по своимъ теоретическимъ основамъ и практическимъ выводамъ, она имѣетъ много точекъ соприкосновенія съ ученіемъ основоположниковъ русскаго народничества.

Въ настоящей статьѣ мы ставимъ себѣ цѣлью наметить основныя черты интегральнаго социализма Бенуа Малона и выяснить ту роль, которую эта теорія сыграла въ общемъ развитіи французской социалистической мысли.

Но предварительно необходимо набросать хотя бы бѣглыми штрихами удивительную біографію ея автора и творца...

I.

Бенуа Малонъ родился въ 1841 году въ глухой заброшенной деревушкѣ на сѣверѣ Франціи, въ жалкой лачугѣ нищаго деревенскаго батрака. Маленькаго Бенуа грамотѣ, конечно, не обучали, а о школѣ онъ не имѣлъ разумѣется, никакого представленія. Когда ему исполнилось семь лѣтъ, родители отдали его въ услуженіе сосѣду крестьянину, у котораго онъ втеченіе трехъ лѣтъ исполнялъ обязанности подиаска. Въ десять лѣтъ Малонъ уже поступаетъ на ферму въ качествѣ „полурабочаго“ и на этой фермѣ остается до двадцатилѣтняго возраста, предаваясь съ утра до ночи съ большимъ рвеніемъ и любовью тяжелому земледѣльческому труду.

Съ малыхъ лѣтъ Малонъ отличался мечтательнымъ и созерцательнымъ характеромъ, чему не мало содѣйствовало его постоянное пребываніе на лонѣ природы. Малонъ отличался также удивительной добротой, необыкновенно ласковымъ и любовнымъ отношеніемъ къ людямъ и животнымъ и большой любознательностью.

Общественное неравенство, праздное существованіе однихъ и каторжный трудъ другихъ поразили его еще въ раннемъ возрастѣ. Смутныя мысли о справедливости и правдѣ бродили въ его юношеской головѣ, когда онъ, еще будучи совершенно безграмотнымъ, трудился съ утра до ночи за плугомъ или съ косой въ рукахъ.

Въ двадцать лѣтъ Малонъ покидаетъ ферму, гдѣ онъ провелъ свое отрочество, покидаетъ родныя мѣста и, движимый непреодолимымъ инстинктомъ любознательности, отправляется искать новой жизни, новыхъ людей. Онъ пріѣзжаетъ къ своему старшему брату, которому, благодаря особенно счастливому стеченію обстоятельствъ, удалось сдѣлаться сельскимъ учителемъ. У брата онъ начинаетъ учиться грамотѣ и научившись кое-какъ читать и писать, отправляется пѣшкомъ въ Парижъ. Въ Парижѣ Малонъ работаетъ сначала въ качествѣ поденщика; затѣмъ ему удалось поступить въ красильное заведеніе. Получая нищенское вознагражденіе и работая по четырнадцать часовъ въ сутки, Малонъ однако находилъ время для саморазвитія и самообразованія. Обладая могучимъ здоровьемъ и совершенно исключительной энергіей, онъ послѣ тяжелаго трудового дня проводилъ ночи напролетъ за книжкой въ своей тѣсной и холодной мансардѣ. Черезъ полтора года послѣ своего прихода въ Парижъ Малонъ уже настолько выдѣлился въ окружавшей его рабочей средѣ своей грамотностью и развитіемъ, что товарищи назначили его руководителемъ вспыхнувшей забастовки. Это было первое выступленіе Малона на арену рабочей борьбы, его боевое крещеніе. Съ тѣхъ поръ онъ предался душой и тѣломъ дѣлу защиты трудящихся. Съ половины шестидесятыхъ го-

довѣ въ Парижѣ и его предмѣстьяхъ начали все чаще вспыхивать забастовки рабочихъ, получившихъ нѣкоторую свободу легальной экономической борьбы, благодаря закону 1864 года о свободѣ коалицій. Во всѣхъ этихъ забастовкахъ Малонъ принималъ дѣятельное участіе. Популярность его быстро росла. Благодаря своимъ знаніямъ, надъ расширеніемъ которыхъ онъ неустанно трудился съ желѣзнымъ упорствомъ, благодаря открывшимся у него талантамъ пропагандиста и организатора, онъ все замѣтнѣе выдвигался въ начавшемся движеніи парижскихъ рабочихъ. Въ то же время Малонъ дѣятельно сотрудничалъ въ зародившейся рабочей прессѣ. Въ 1868 году онъ вступаетъ въ составъ перваго Интернаціонала и становится убѣжденнымъ социалистомъ. Имперская полиція, давно уже обратившая вниманіе на Малона, поторопилась арестовать молодого рабочаго лидера, какъ только узнала объ его участіи въ Интернаціоналѣ.

Послѣ трехмѣсячнаго заключенія Малонъ вышелъ на свободу и тотчасъ же, со свойственной ему энергіей, принялся за организацію французскихъ секцій Интернаціонала. Втеченіе короткаго времени ему удалось наберечь болѣе тысячи членовъ. Онъ объѣзжаетъ всю страну, кочуя изъ города въ городъ, переходитъ на нелегальное положеніе и непрерывно мѣняетъ имя и фамилію. Полиція не разъ арестовывала Малона, не разъ сажала его въ тюрьму, но, выйдя на свободу, Малонъ тотчасъ же принимался за свою прерванную дѣятельность.

Онъ сблизился также съ бланкистами и участвовалъ въ нѣсколькихъ революціонныхъ демонстраціяхъ, организованныхъ послѣдними въ 68 и 69 годахъ, когда императорскій режимъ уже доживалъ свои послѣдніе дни, еле держась на своемъ подгнившемъ фундаментѣ. Въ 70-мъ году Малонъ становится извѣстнымъ широкой публикѣ, какъ руководитель и вожакъ нѣсколькихъ шумѣвшихъ на всю Францію рабочихъ стачекъ (стачка въ Крезе, знаменитая стачка углекоповъ, послужившая темой для „Germinal“ Зола, и т. д.). Его снова арестовали, продержали нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, а затѣмъ привлекли по четвертому процессу Интернаціонала. Онъ получилъ годъ тюремнаго заключенія, которое долженъ былъ отбыть въ одной изъ провинціальныхъ тюремъ. Но уже надъ имперіей совершался гораздо болѣе суровый приговоръ исторіи.

Въ сентябрѣ того же года, по телеграфному распоряженію Гамбетты, Малона освободили изъ тюрьмы и онъ возвратился въ Парижъ, къ которому уже подступали непріятельскія войска. Малонъ тотчасъ же вступилъ въ ряды національной гвардіи и баталіонъ, къ которому онъ былъ причисленъ, вскорѣ избралъ его своимъ делегатомъ. Въ ноябрѣ Малона избираютъ на постъ помощника мэра квартала Батиньоль, въ январѣ онъ участвуетъ въ первый попыткѣ возстанія парижскихъ рабочихъ, въ февралѣ онъ уже изъ

бранъ 118 тысячами голосовъ депутатомъ отъ Парижа въ національное собраніе. Малонъ былъ одинъ изъ пяти социалистическихъ кандидатовъ, избранныхъ тогда Парижемъ. Изъ социалистическаго списка, кромѣ Малона, прошли Гарибальди, знаменитый своей борьбой противъ имперіи Ганбонъ, Феликсъ Піа и Толанъ. Это обстоятельство достаточно показываетъ популярность Малона среди рабочихъ массъ столицы. Между тѣмъ всего лишь шесть лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ, голодный, оборванный, нищій и почти безграмотный, пѣшкомъ пришелъ въ Парижъ въ поискахъ хлѣба и свѣта!..

Избранный депутатомъ, Малонъ былъ захваченъ въ водоворотъ быстро развивавшихся революціонныхъ событій. Въ національномъ собраніи въ Бордо онъ рѣзко протестовалъ противъ ратификаціи мирнаго договора, отдавашаго Германіи Эльзасъ и Лотарингію, и, чтобы показать, что его протестъ не пустая фраза, сложилъ свои депутатскія полномочія и возвратился въ Парижъ. Здѣсь Малонъ присоединился къ возставшему народу, а затѣмъ рабочій кварталъ Батиньоль избралъ его членомъ знаменитой Коммуны, въ которой Малонъ, вмѣстѣ съ Варленомъ, Дювалемъ, Ранвье и другими членами Интернаціонала, представлялъ интернаціоналистическое и социалистическое теченіе.

Малонъ мужественно и смѣло исполнялъ свои обязанности въ страшные и кровавые мѣсяцы Коммуны. Онъ дрался на баррикадахъ, не выпуская ружья изъ рукъ, и однимъ изъ послѣднихъ ушелъ съ послѣдней баррикады, когда все уже было кончено и версальская солдатчина окончательно завладѣла Парижемъ, сѣя ужасъ и смерть на своемъ пути.

Малону удалось спастись. Онъ прошелъ невредимымъ черезъ ряды не узнавшихъ его солдатъ и добрался до квартиры одного извѣстнаго скульптора республиканца, который пріютилъ его и продержалъ у себя тайкомъ нѣсколько недѣль. Затѣмъ, снабженный паспортомъ сына скульптора, Малонъ благополучно покинулъ Парижъ и перебрался въ Швейцарію. Этимъ кончается героическій періодъ жизни Малона.

Жизнь Малона въ изгнаніи была не сладкой. Ему приходилось скитаться изъ страны въ страну, изъ города въ городъ, и тяжелымъ физическимъ трудомъ добывать средства къ существованію. Онъ опять работаетъ съ утра до ночи, то въ качествѣ кожевника, то наборщика, то красильщика.

Онъ работаетъ, ѣстъ, пьетъ, пишетъ его біографъ Леонъ Клодель, но онъ почти не спитъ. Какъ и въ первые годы своей парижской жизни, Малонъ проводитъ ночи напролетъ за книгами. Теперь для него дѣло идетъ уже не объ элементарномъ образованіи. Онъ изучаетъ нѣсколько иностранныхъ языковъ, а также гре-

чекій и латинскій, изучаетъ соціологію, философію, экономическія и моральныя науки, и соціалистическихъ теоретиковъ. Работоспособность его была поистинѣ исключительной.

Благодаря неустанному, по мужицки упорному труду, Малонъ втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ удалось приобрести значительную эрудицію, надъ пополненіемъ и расширеніемъ которой онъ работалъ до самой смерти, превратившись въ живую энциклопедію.

Уже въ 1871 году Малонъ выпустилъ свое первое литературное произведеніе, брошюру, посвященную Коммунѣ, подъ заглавіемъ „Третье пораженіе французскаго пролетаріата“. Затѣмъ одна за другой выходятъ въ свѣтъ его „Соціалистическое изложеніе французскихъ соціалистическихъ школъ“, работа о Спартакѣ, книжка на итальянскомъ языкѣ „Socialismo, Religione, Famiglia, Proprieta“, „Критическая исторія политической экономіи“, первый томъ начатой имъ „Исторіи соціализма“. Въ то же время Малонъ дѣятельно сотрудничаетъ въ рабочей прессѣ Италіи, Швейцаріи, Бельгіи.

Послѣ амнистіи Малонъ возвратился во Францію. Сначала онъ поселился въ Лионѣ, гдѣ вмѣстѣ съ Гэдомъ сотрудничалъ въ соціалистическомъ органѣ „Emancipation Sociale“, а затѣмъ перѣхалъ въ Парижъ и принялъ дѣятельное участіе въ основанной Гэдомъ газетѣ „Egalité“. Малонъ принялъ также большое участіе въ организаціи французской рабочей партіи, возникшей въ 1879 году. Когда черезъ два года эта партія раскололась на непримиримыхъ и поссибилистовъ, Малонъ примкнулъ было къ послѣднимъ, но вскорѣ онъ покинулъ партійную организацію. Обострившіяся фракціонныя распри и полемика претили его прямодушной и широкой натурѣ. Онъ всецѣло отдался тогда теоретической дѣятельности. Въ 1885 году имъ былъ основанъ первый соціалистическій журналъ во Франціи, „Revue Socialiste“, существующій и понынѣ. Этотъ журналъ игралъ роль центрального теоретическаго органа французскихъ соціалистовъ, въ которомъ сотрудничали представители различныхъ соціалистическихъ направленій, въ томъ числѣ Жорзсъ, Гэдъ, Лафаргъ. Въ этотъ же періодъ Малонъ выпустилъ остальные четыре тома своей „Исторіи соціализма“ и свои основныя работы „Le nouveau Parti“, „Morale sociale“ и „Socialisme integral“, въ которыхъ даны важнѣйшіе элементы его учения.

Вокругъ Малона и его журнала постепенно сгруппировалось значительное ядро представителей передовой интеллигенціи, исповѣдовавшихъ соціалистическій идеалъ, но относившихся однако отрицательно къ существовавшему тогда соціалистическимъ фракціямъ. Малонъ привлекалъ эту интеллигенцію широтой своихъ взглядовъ, своей идеалистической интерпретаціей соціализма, что болѣе соответствовало интеллигентской психологіи, чѣмъ до край-

ности обостренный узко-классовый социализм Гюда и Лафарга или плоско-поссибилистическая теория Брусса и его сторонников.

Среди социалистической интеллигенции, сгруппировавшейся вокруг Малона, вскоре выдвинулись молодые силы, которые должны были впоследствии получить широкую известность. Таковы Жорес, Руанэ, Вивіани, Мильеран, Жорж Ренар, Этен Фурньер и т. д.

Жорес, в теоретическом отношении, является в значительной степени продолжателем Бенуа Малона.

„В ту пору, когда моя мысль еще искала своей дороги,—рассказывал Жорес в своей речи на открытии памятника Малона—интеллектуальное влияние Малона было одним из тех, которые наиболее содействовали моей эволюции в сторону социализма. Меня сразу привлекла широта его взглядов“.

Из интеллигентского кружка, сгруппировавшегося вокруг „Revue Socialiste“, некоторые попали в парламент. Но, участвуя в парламентской группе социалистов, они не примыкали ни к одной из партийных организаций. Впоследствии этот кружок, значительно разросшийся, организовался в „Конфедерацию независимых“, которая лишь во время дела Дрейфуса, когда была сделана попытка объединить всех французских социалистов, вошла в общую социалистическую партию. После нового социалистического раскола, вызванного вступлением Мильерана в министерство, „независимые“ образовали основное руководящее ядро „Parti socialiste Français“, во главе которой стал Жорес. Через „независимых“ малоновская идеология проникает в организованный французский социализм.

Малон умер в 1893 году, не успев написать второй части своего „Интегрального социализма“, которая по его мысли должна была придать его учению полный и законченный вид.

II.

Как я уже сказал, имя Б. Малона при его жизни не пользовалось известностью за пределами Франции. Это обстоятельство можно объяснить отчасти существенными проблемами в созданной им теории интегрального социализма, не получившей вследствие этого надлежащей цельности и полной научной обоснованности. Затем необходимо также отметить, что Малон, прекрасно владевший языком, обладавший хорошим и порою весьма ярким и сильным стилем, в изложении своих основных идей отличается некоторой расплывчатостью. У него мы не находим ни неуклонной логической стройности, ни категорических, как из стали выкованных, формул, создающих в огромной степени притягательную силу всякого учения. Наконец, Малон не систематизировал, не свел воедино своих взглядов. Его важнейшие идеи разбросаны в ряд работ и нередко весьма слабо координированы. Чтобы получить

ясное и полное представление о міровоззрѣніи Малона, чтобы отыскать логическіе мостики между его взглядами, необходима значительная работа мысли.

Но самая главная причина малой популярности Малона въ международномъ социализмѣ при его жизни заключалась въ томъ, что характеръ его ученія находился въ рѣзкомъ противорѣчій съ господствовавшими въ социалистическомъ мірѣ идейными течениями.

Малонъ выступилъ съ попыткой примирить социализмъ съ идеализмомъ, расширить содержаніе и смыслъ социалистическаго идеала въ періодъ, когда ортодоксальный марксизмъ находился въ зенитѣ своей славы и вліянія, когда экономическій матеріализмъ, до крайности обостренный учениками Маркса, господствовалъ безраздѣльно въ теоріи и практикѣ европейскаго социализма.

Правда, Малонъ не отрицалъ марксизма, не отрицалъ его научныхъ достоинствъ, его могучей критической силы, его ясно начертанной политической линіи. Но Малонъ видѣлъ въ марксизмѣ не всю истину, а лишь часть ея, не весь социализмъ, а лишь одну его сторону. Онъ выступилъ со своими теоретическими работами не для того, чтобы разрушать ученіе Маркса, а чтобы дополнить его и расширить, чтобы сочетать экономику съ другими факторами общественности и тѣмъ самымъ подвести подъ социализмъ болѣе широкій фундаментъ.

Отсутствіе моральнаго элемента въ стройномъ теоретическомъ зданіи марксизма въ глазахъ Малона казалось крупнымъ пробѣломъ, какъ бы обездушивающимъ социализмъ. Этотъ пролетарій, прошедшій суровую школу трудовой жизни и классовой борьбы, безстрашно сражавшійся съ оружіемъ въ рукахъ во имя своего идеала, не понималъ, какъ можно выводить социализмъ исключительно изъ классоваго интереса, какъ можно презрительно отбрасывать, какъ старый хламъ, какъ негодную ветошь, великія моральныя идеи права, справедливости, братства, которыя подымали въ прошломъ столько бурныхъ историческихъ волнъ и борьба во имя которыхъ оставила въ исторіи столько глубокихъ кровавыхъ бороздъ.

Рабочій классъ не долженъ осуществлять никакихъ идеаловъ,—писалъ Марксъ въ „Гражданской войнѣ во Франціи“—онъ долженъ лишь освободить производительныя силы, стихійно рвущія сдавливающую ихъ оболочку—капиталистическое общество.

Свобода, равенство, братство,—это „blagues“, выдумки буржуазіи, стремящейся ослѣпить рабочій классъ этой метафизической мишурой и прикрыть пышнымъ флеромъ громкихъ фразъ свое социально-экономическое господство, доказывали ученики Маркса съ Гедомъ и Лафаргомъ во главѣ. Рабочему классу нечего дѣлать съ этой метафизикой, утверждали они, социализмъ есть лишь движеніе

сознавшего свои классовые интересы пролетариата, движение, обусловленное стихийными экономическими причинами.

Но откуда же, спрашивал Малонъ, берется тотъ несомнѣнный идеализмъ, который проникаетъ социалистическое движение? Социалистическіе рабочіе борются не только во имя настоящаго, но и за будущее, котораго имъ не дано будетъ увидѣть, до котораго не доживутъ, быть можетъ, и ихъ внуки. Они приносятъ нерѣдко величайшія жертвы на алтарь общаго дѣла; въ періоды бурныхъ вспышекъ и острыхъ столкновеній многіе изъ нихъ идутъ на смерть, на гибель. Какъ бы сильно и напряженно ни было сознание классовыхъ интересовъ, оно не можетъ, по мнѣнію Малона, объяснить этихъ явленій. Мало того, отдѣльному рабочему, даже для того, чтобы только подняться до сознания классовой солидарности и дѣйствовать сообразно съ этимъ, требуется извѣстный запасъ идеализма. Классовый интересъ, по мнѣнію Малона, основывается на *относительномъ* социальномъ фактѣ, который можно обобщить въ теоріи, но который въ реальной жизни параллелизуется рядомъ побочныхъ обстоятельствъ. Экономическая солидарность сталкивается въ рабочемъ быту съ интересами болѣе непосредственными, которые пролетарій можетъ принести въ жертву интересамъ класса лишь въ томъ случаѣ, когда онъ подчиняется велѣнію долга, презираемаго въ теоріи марксизмомъ, ибо его нельзя вывести изъ „интересовъ желудка“...

Наличность идеалистическихъ элементовъ въ социалистическомъ движеніи убѣждала Малона въ томъ, что социализмъ нельзя отрывать отъ общей моральной эволюціи человѣчества, что для того, чтобы найти дѣйствительные корни социализма, необходимо изучать и понять эту эволюцію. Отрицающимъ идеализмъ въ исторіи Малонъ могъ бы, по всему складу своего міровоззрѣнія, поставить категорическій вопросъ, который былъ сформулировать впоследствии Жорэсомъ въ его знаменитомъ спорѣ съ Лафаргомъ.

Что представляетъ собою историческій процессъ—эволюцію или прогрессъ? — спрашивалъ Жорэсъ. — Если прогрессъ, — то существуетъ, слѣдовательно, какая-то *идея*, которая служитъ мѣриломъ различныхъ формъ человѣческаго развитія. Откуда же взялась она? Если эволюцію, — то чѣмъ объяснить, что она развивается въ извѣстномъ намъ направленіи, т. е. отъ варварства къ человѣчности?..

Еще въ своихъ раннихъ произведеніяхъ Малонъ стремился связать социализмъ съ эволюціей моральныхъ идей.

Въ „Nouveau Parti“ онъ доказывалъ, что социализмъ является матеріалистическимъ лишь въ томъ смыслѣ, что онъ отвергаетъ идеалы религиозныхъ и метафизическихъ ученій, отвлекающіе вниманіе страдающаго человѣчества отъ земной жизни. Социализмъ побуждаетъ человѣчество сбросить съ себя цѣпи нищеты и порабощенія, которыя религія прикрывала искусственнымъ

цвѣтами, и зоветь его собирать на дорогахъ *жизни* живые цвѣты истиннаго счастья при помощи науки, справедливости и солидарности.

Являясь матеріалистическимъ въ указанномъ смыслѣ, социализмъ не считаетъ, однако, матеріальнаго интереса единственнымъ двигателемъ исторіи и не распространяетъ на человечество зоологическаго закона дарвинизма, которымъ буржуазные теоретики пытаются оправдать капиталистическую эксплуатацію. Если война всѣхъ противъ всѣхъ есть универсальный законъ животнаго міра, то, наоборотъ, солидарность между индивидами лежитъ въ основѣ человеческихъ понятій и составляетъ законъ жизни для человечества. Эта солидарность явилась результатомъ постоянного *стремленія къ прогрессу*.

„Двигаясь черезъ безграничныя страданія, несправедливости и жестокости,—писалъ Малонъ—человѣчество было однако всегда приковано взоромъ къ свѣточу, вначалѣ окровавленному, съ еле мерцающимъ пламенемъ, но который изъ вѣка въ вѣкъ все сильнѣе и ярче разгорался. Этотъ свѣточъ—стремленіе къ прогрессу физическому и моральному, прогрессу, осуществляемому *коллективными усиліями* и сдѣлавшему, силою вещей, изъ солидарности непреложный законъ социальной жизни. Стремленіе къ прогрессу постепенно подавляло животное-эгоистическіе и жестокие инстинкты примитивнаго человѣка, человѣка-полувѣри, и вызвало зарожденіе чувства *человѣчности*, которое въ свою очередь породило чувство справедливости и симпатіи“ ¹⁾...

Подробное развитіе этой мысли, служащей для Малона исходнымъ пунктомъ, мы находимъ въ его позднѣйшихъ произведеніяхъ.

Признавая огромную роль идеализма въ исторіи, Малонъ не считаетъ однако идеализма отраженіемъ какой-то надчеловѣческой идеи, управляющей міромъ и развивающейся въ силу неизвѣстныхъ намъ законовъ въ историческомъ процессѣ; онъ не видитъ въ немъ также, подобно идеалистамъ-мистикамъ, частицы божественнаго огня.

Убѣжденный сторонникъ позитивизма, Малонъ ищетъ земныхъ историческихъ корней идеализма, какъ продукта историческаго развитія человечества. Для этого Малонъ старается прослѣдить зарожденіе и развитіе моральныхъ идей въ процессѣ исторіи. Но тутъ раньше всего встаетъ роковой для каждаго этического мыслителя вопросъ о томъ, что такое мораль, или, вѣрнѣе, что нужно считать моральнымъ. Вѣдь мораль, — это раньше всего должное, и естественно, что каждый мыслитель можетъ дать лишь субъективное опредѣленіе должнаго, опредѣленіе, стоящее въ связи съ его общимъ міровоззрѣніемъ.

¹⁾ В. Malon, „Le Nouveau Parti“, стр. 33; Paris. 1881.

Но Малонъ, оставаясь на почвѣ позитивизма, не берется вовсе рѣшать этотъ вопросъ, когда онъ приступаетъ къ своимъ морально-историческимъ изысканіямъ. Малонъ избираетъ другой методъ. Вмѣсто того, чтобы разсуждать о сущности морали, справедливости и права, говоритъ онъ, гораздо цѣлесообразнѣе и научнѣе исходить изъ того принципа, что всѣ эти понятія не суть ничто постоянное, неподвижное и разъ навсегда данное, а что они постоянно развиваются, измѣняются, принимая разнообразныя формы и содержаніе. Источникомъ морали является, по мнѣнію Малона, самъ человѣкъ. Эту же мысль развивалъ, какъ извѣстно, и Н. К. Михайловскій, утверждавшій, что нравственный законъ существуетъ лишь въ нашемъ сознаніи. Но человѣкъ, говоритъ Малонъ, по природѣ своей подвиженъ и измѣнителенъ въ зависимости отъ вліянія среды, степени индивидуальнаго сознанія, законовъ наслѣдственности и различныхъ специальныхъ обстоятельствъ и факторовъ.

Не ставя себѣ цѣлью отыскивать метафизическіе элементы морали, мы можемъ лишь констатировать, что нравственныя понятія существуютъ въ человѣчествѣ, что существуютъ понятія справедливости и права. Они существуютъ, утверждаетъ Малонъ, ибо мы видимъ ихъ дѣйствіе въ настоящемъ и прошломъ, ибо исторія наполнена борьбою во имя принциповъ справедливости и права, ихъ торжествомъ, но еще чаще ихъ пораженіями. Они родились, по мнѣнію Малона, изъ *соціального опыта*, изъ практики соціальной жизни.

Человѣческое общество не можетъ образоваться, не можетъ эволюционировать, не можетъ даже существовать безъ морали, т. е. безъ определенной системы *установленныхъ отношеній* между индивидуумами, объединившимися для совместной борьбы за существованіе. Оставаясь *изолированнымъ*, человѣкъ не можетъ выдерживать борьбы за самосохраненіе, за улучшеніе своей жизни противъ силъ природы, противъ враждебныхъ ему животныхъ организмовъ. Ассоціація является основнымъ условіемъ жизни для *человѣческаго* существа. Но ассоціація заставляетъ индивидуума считаться съ другими индивидуумами, возлагаетъ на него общія обязанности, совокупность которыхъ составляетъ мораль, и является такимъ образомъ продуктомъ общественности и въ то же время соціальной связью. *Изолированный* человѣкъ не можетъ имѣть никакихъ обязанностей.

Мораль, нравственныя понятія уходятъ, слѣдовательно, своими корнями въ первые эмбрионы *человѣческихъ объединеній*, создавшихся какъ въ силу физиологическихъ потребностей, такъ и вслѣдствіе *необходимостей* борьбы за существованіе. Ассоціація заставила индивидуума ограничить свой личный эгоизмъ *ограниченнымъ* личнымъ эгоизмомъ остальныхъ членовъ ассоціаціи, ибо длительныя отношенія между людьми не могутъ существовать, если индиви-

дуумъ не обуздаль своего животнаго эгоизма¹⁾. Получивъ толчокъ отъ ассоціаціи, мораль развивается по мѣрѣ развитія и усложненія послѣдней. Чѣмъ тѣснѣе связываются люди общественными узами, тѣмъ больше они вынуждены ограничивать личный эгоизмъ, тѣмъ больше они вынуждены считаться съ правами другихъ, тѣмъ сильнѣе общій интересъ торжествуетъ надъ интересомъ узко-эгоистическимъ. Тѣмъ самымъ развиваются также понятія справедливости, права, солидарности, которыя сначала распространяются на ограниченный соціальный кругъ, но постепенно расширяются, по мѣрѣ усложненія и развитія общественныхъ отношеній.

Лучшее доказательство устанавливаемой имъ связи морали съ общественностью Малонъ видитъ въ томъ, что въ обществахъ съ слабой, примитивной соціальной связью и уровень нравственныхъ понятій весьма низокъ.

Моральныя цѣнности, говоритъ Малонъ, являющіяся результатомъ соціальнаго прогресса, обобщаясь, становятся дѣйственной и прогрессивной основой текущей морали. Послѣдняя кристаллизуется въ законахъ и религіяхъ, которые, вслѣдствіе своей неподвижности, получаютъ съ теченіемъ времени реакціонный характеръ, въ виду дальнѣйшаго развитія общественности и, слѣдовательно, и роста нравственныхъ понятій; они должны поэтому подвергаться измѣненіямъ.

Исходя изъ всего изложеннаго, Малонъ представляетъ себѣ общее развитіе человѣчества слѣдующимъ образомъ:

„Развитіе человѣчества имѣетъ исходною точкою эгоистическое звѣрство, принимающее крайнія формы подъ вліяніемъ зоологическаго закона борьбы за существованіе. Альтернативы побѣды и поражений въ столкновеніи индивидуальныхъ силъ вставляютъ первобытное человѣческое „я“ придти къ сознанію другого „я“; уравненіе силъ приводитъ къ соглашеніямъ и къ высшей формѣ ассоціаціи для борьбы. Въ этой первой стадіи общественности вырабатываются зародыши соціальной солидарности. Позднѣ различныя группы, оставаясь враждебными или чужими, приходятъ постепенно къ взаимному уваженію. Тогда пускаютъ ужъ корни зародыши человѣческой солидарности,—остается лишь ихъ культивировать. Это вторая стадія. Еще позднѣ, прежде чѣмъ вторая стадія окончательно осуществилась, высшая концепція жизни проникаетъ наиболѣе прогрессивныя умы, которые начинаютъ мечтать о зрѣломъ и солидарномъ человѣчествѣ, распределяющемъ справедливой рукой обязанности и права, трудъ и благополучіе между всѣми своими дѣтьми. Это третья стадія, эра соціализма“²⁾.

Сопоставляя схему моральной эволюціи человѣчества, набросанную Малономъ съ схемами этой эволюціи, начертанными Ми-

¹⁾ B. Malon „La morale Sociale“, стр. 20—22.

²⁾ B. Malon „Morale Sociale“, стр. 178.

хайловскимъ и Лавровымъ, мы констатируемъ почти полное ихъ совпаденіе.

„Человѣкъ борется съ природой, писалъ Н. К. Михайловскій, давить ее, какъ и она съ нимъ борется и давить его. Но въ той мѣрѣ, въ какой людскіе интересы совпадаютъ въ виду этой борьбы, людямъ нуженъ миръ, а не борьба. Вслѣдствіе этого между членами группы съ совпадающими интересами устанавливаются особыя правила, называемыя *правилами нравственности и справедливости* и не прилагаемыя ими къ единицамъ, не входящимъ въ составъ группы“. Н. К. Михайловскій далѣе указываетъ, что кругъ людей, съ интересами которыхъ совпадаютъ интересы данной личности, можетъ быть болѣе или менѣе обширенъ, смотря по степени развитія личности, т. е. по степени легкости, съ которой личность переживаетъ чужую жизнь. „Это можетъ быть одна личность, семья, родъ, община, народъ и, наконецъ, человѣчество“¹⁾.

Еще опредѣленнѣе и категоричнѣе высказывается П. Л. Лавровъ, который видитъ въ творчествѣ общественныхъ формъ разныхъ періодовъ рядъ попытокъ удовлетворить личныя и коллективныя потребности человѣка *орудіемъ соціальной солидарности*. „Послѣдняя, пишетъ онъ, сначала охватываетъ лишь племя, общину, потомъ вырабатываетъ націю или государство, затѣмъ, въ вольныхъ и невольныхъ столкновенияхъ этихъ особей, образуетъ системы государствъ, связанныхъ между собою экономическими, политическими и духовными интересами... Зарождается идея о солидарности людей независимо отъ раздѣленія націй и государствъ, идея, сначала смутно теоретическая, потомъ эксплуатируемая государственнымъ интересомъ въ смыслѣ политическаго объединенія, наконецъ, громко провозглашенная, какъ философскій элементъ вѣрованія“²⁾.

Но вернемся къ Малону. Мы знаемъ, что для него нравственныя понятія, представленія о правѣ и справедливости, являются результатами соціального опыта, результатами развитія и роста общественности, подъ влияніемъ которой они расширяются до идеи человѣчества, общечеловѣческой солидарности. Но Малонъ этимъ объясненіемъ еще не ограничивается и пытается сдѣлать „подкопъ поглубже“. Будучи монистомъ въ философіи, Малонъ стремился связать эволюцію человѣчества съ универсальными законами, управляющими вселенной. Для этого онъ прибѣгаетъ къ смѣлой гипотезѣ. Малонъ раньше всего констатируетъ наличность въ человѣкѣ инстинктивнаго стремленія къ единенію съ собой подобными. Что такое инстинктивное стремленіе или инстинктъ живетъ въ человѣкѣ, по мнѣнію Малона, отрицать невозможно. Представленіе о жизни даже у самаго эгоистическаго человѣка неразрывно связано

¹⁾ Н. К. Михайловскій „Преступленіе и наказаніе“.

²⁾ „П. Л. Лавровъ“, Опытъ исторіи мысли, стр. 19.

съ представленіемъ о людскомъ общеніи, о союзѣ, ассоціаціи. Этотъ инстинктъ или чувство замѣчается даже у первобытнаго человѣка-полузвѣря, проявленія его можно найти еще въ до- исторической эпохѣ человѣчества, еще раньше, чѣмъ практика ассоціаціи создала зародыши болѣе или менѣе сознательной солидарности. Малонъ убѣжденъ, что инстинктъ единенія заложенъ въ человѣкѣ природой, и видитъ въ этомъ вліяніе закона всемірнаго притяженія. Конечно, это лишь гипотеза и Малонъ могъ бы свободно обойтись безъ нея. Онъ однако считалъ пужнымъ опереться на нее, чтобы примирить свою теорію моральной эволюціи со своими общефилософскими взглядами.

Инстинктъ единенія, обусловленный закономъ всемірнаго притяженія, получающій развитіе въ борьбѣ за существованіе, заставляющей человѣка прибѣгать къ ассоціаціи, все болѣе расширяя ея предѣлы, и создаетъ, по мнѣнію Малона, то стремленіе къ солидарности, стремленіе отъ разрозненности къ единству, которое лежитъ въ основѣ эволюціи человѣчества, точно такъ же, какъ и въ основѣ эволюціи вселенной.

Стремленіе къ единству борется подъ различными формами на всемъ протяженіи исторіи съ враждебными силами раздробленія и антагонизма, вооружившихъ другъ противъ друга людей, народы, расы. Это стремленіе проявляется сначала въ формѣ религіозной, затѣмъ метафизической. Но великія религіи и великія философскія системы, построенныя на чистомъ абсолютизмѣ, отражая указанное стремленіе, не связывали его съ развитіемъ подлинной исторической дѣйствительности. Исторіи и критика обнаружили несостоятельность этихъ первоначальныхъ формъ, въ которыхъ вылилось стремленіе къ единству. Теперь это стремленіе ищетъ осуществленія въ формѣ соціальной, ищетъ удовлетворенія въ области экономической, т. е. въ области исторической реальности.

Вотъ въ чемъ заключается истинная моральная основа социализма, вотъ что объясняетъ наличность глубокихъ идеалистическихъ элементовъ въ социалистическомъ движеніи, стремящемся черезъ борьбу къ единенію, черезъ классовую войну къ упраздненію классовъ, къ осуществленію свободного и солидарнаго человечества. Социализмъ нельзя поэтому выводить исключительно изъ экономическихъ интересовъ класса. Социализмъ есть раньше всего нравственный идеаль, обусловленный всей прошлой моральной эволюціей, но ищущій своего осуществленія на реальной почвѣ, на почвѣ подлинныхъ интересовъ людей. Это нравственный идеаль, во связанный съ историческимъ развитіемъ человѣчества, освѣщающій своимъ свѣточемъ еще неясные, теряющіеся въ будущемъ, но неизбежные пути этого развитія. Ибо, говоритъ Малонъ, необходимость для человѣчества прибѣгать въ борьбѣ за существованіе, за сохраненіе все большаго числа индивидуумовъ, къ все болѣе широкой формѣ ассоціаціи приведетъ къ большому росту социаль-

ной морали, т. е. къ преобладанію солидарности надъ эгоизмомъ и тогда сдѣлается возможной социалистическая форма человѣческихъ объединеній.

То же самое приблизительно говорить и П. Л. Лавровъ. Онъ также мыслить общественный строй, какъ осуществленіе развивающихся *нравственныхъ идеаловъ*, но въ то же время, какъ необходимый продуктъ творческаго процесса, столь же фатально обусловленнаго экономическими, политическими и духовными интересами, какъ паденіе капли дождя обусловлено механическими силами. Для него также солидарность человѣчества въ трудовой кооперации для всеобщаго развитія есть ближайшая видимая цѣль, къ которой стремится настоящая исторія столь же неизбежно, какъ наша солнечная система направляется въ настоящее время къ созвѣздію Геркулеса ¹⁾.

III.

Что социализмъ есть раньше всего нравственный идеалъ,—въ этомъ Малона убѣдила исторія социалистической мысли. Изучая эту исторію, разсматривая зарожденіе и развитіе социалистической идеи, начиная отъ Томаса Мора и кончая французскими гуманистами, Малонъ приходилъ къ заключенію, что моральныя побужденія играли здѣсь главную роль.

Дѣйствительно, предшественники современнаго социализма, даже самые гениальные изъ нихъ, въ своихъ ученіяхъ исходили преимущественно изъ должнаго, а не изъ необходимаго. Моральный мотивъ настолько сильно владѣлъ авторами социалистическихъ теорій и системъ, что они, въ своемъ увлеченіи, оторвались отъ исторической дѣйствительности, отодвинувъ на второй планъ научное изученіе законовъ историческаго развитія. Этимъ объясняется ихъ крайній, порою фантастическій субъективизмъ.

Марксизмъ, выдвинувшій на первое мѣсто необходимое, безжалостно развѣнчавшій моральныя идеи, перенесшій центръ тяжести на имманентное развитіе объективныхъ силъ исторіи, явился по мнѣнію Малона, естественной реакціей противъ субъективныхъ крайностей теоретиковъ утопической школы, дошедшихъ, въ концѣ концовъ, до идеалистическаго мистицизма.

До марксизма, говоритъ Малонъ, социализмъ былъ преимущественно французскимъ, и—если не считать Роберта Оуэна, — созданиємъ французскихъ мыслителей, французскаго духа.

Марксизмъ, сорвавшій съ социалистической идеи ея яркія сентиментальныя идеалистическія украшения, является уже нѣмецкой струей въ социализмъ, дѣтищемъ нѣмецкой философіи въ ея наиболѣе фаталистической и матеріалистической формѣ. Быстромъ

¹⁾ „Опытъ исторіи мысли“, стр. 13.

торжеству марксизма содѣйствовали историческія событія второй половины минувшаго вѣка.

Подавленіе парижской Коммуны, показавъ, какъ далеко можетъ пойти классовая ненависть, нанесло сильный ударъ идеализму пролетаріевъ. Оно обнаружило вмѣстѣ съ тѣмъ слабость рабочаго класса и мощь буржуазіи, прочность фундамента капиталистическаго общества.

При такихъ условіяхъ, по словамъ Малона, тяжело раненный социализмъ долженъ былъ покинуть цвѣтушія дороги крылатаго субъективизма, сіявшаго надеждой и вѣрой, и искать своихъ путей въ философіи исторіи и экономической наукѣ. Рѣчь уже не могла идти теперь о быстромъ и легкомъ завоёваніи земли обѣтованной, возвѣщенной новыми пророками; на первый планъ было выдвинуто изученіе законовъ, управляющихъ историческими и экономическими явленіями, законовъ, которые необходимо знать, чтобы дѣйствовать съ успѣхомъ въ трудной и долгой борьбѣ за освобожденіе, чтобы подготовить будущія побѣды. Здѣсь должна была начаться роль нѣмецкихъ социалистическихъ философовъ, которые, открывъ въ исторіи могучія динамическія силы, дали вмѣстѣ съ тѣмъ діалектическую классификацію силъ социальныхъ, опредѣляющихъ политическія революціи и экономическія преобразованія ¹⁾).

Марксизмъ, по мнѣнію Малона, явился полезной реакціей въ социализмѣ. Онъ вооружилъ социализмъ знаніемъ великихъ законовъ исторіи и приучилъ социалистическую мысль къ внимательному критическому изслѣдованію экономическихъ явленій. Благодаря марксизму, социализмъ пришелъ къ теоретической зрѣлости, безъ которой невозможны ни частичные успѣхи, ни конечная побѣда.

Но реакція марксизма, утверждаетъ Малонъ, была слишкомъ сильной; марксизмъ въ своемъ стремленіи связать социализмъ тѣсно съ исторической реальностью, съ историческимъ развитіемъ значительно хватилъ черезъ край.

Въ видѣ реакціи противъ спиритуалистическаго идеализма, граничащаго съ религіознымъ мистицизмомъ, социализмъ очистили отъ всѣхъ сантиментальныхъ стимуловъ, отъ всѣхъ философскихъ и братскихъ стремленій, составлявшихъ половину его силы; социализму отрѣзали крылья, чтобы онъ не могъ болѣе, поднявшись надъ землей, затеряться въ туманномъ небѣ утопій“.

Но, по мнѣнію Малона, нельзя безнаказанно пренебрегать моральными силами чувства, которыя мощно двигаютъ людьми, даютъ имъ возможность подняться въ идеалистическомъ порывѣ надъ узкимъ личнымъ или групповымъ эгоизмомъ.

„Жестоко оскорбляютъ человѣка, — писалъ Карлейль — когда

¹⁾ B. Malon, „Le Socialisme integral“, стр. 177—178.

утверждаютъ, что онъ можетъ дѣйствовать только во имя своего интереса. Трудность, самопожертвованіе, мученичество, смерть, вотъ силы, вліяющія могуче на человѣческое сердце. Зажгите внутреннюю душевную жизнь человѣка и вы получите пламя, которое сожжетъ всѣ низкія побужденія“. Въ этомъ утвержденіи Малонъ видѣлъ большую долю истины. Разсматривая исторію народныхъ движеній и революцій, онъ утверждалъ, что въ нихъ огромную роль играло моральное чувство, что, дѣйствуя на это чувство, вожди этихъ движеній приводили въ волненіе массы и подымали ихъ за собой.

Если, говорятъ Малонъ, философія XVIII вѣка оказала непобѣдимое вліяніе на человѣчество и привела къ гражданскому и политическому освобожденію, то это произошло не только потому, что она избрала своимъ орудіемъ науку и открыла широкія научныя перспективы, но также и по той причинѣ, что она культивировала моральное чувство. Можно ли представить себѣ Вольтера безъ его удивительныхъ и страстныхъ кампаній противъ судей-палачей, осудившихъ Гала, Сирвена и Ли Барра? Чѣмъ былъ бы Руссо безъ его рыданій „Новой Элоизы“, безъ его сантиментальныхъ изліяній въ „Эмилѣ“? „Общественный договоръ“ не превратился бы въ библію французской революціи, еслибы Руссо не написалъ ничего, кромѣ этой политической брошюры сомнительнаго достоинства. Что оставилъ бы Дидро, еслибы онъ не обладалъ такимъ открытымъ и экспрессивнымъ геніемъ, еслибы онъ не откликался на всякую несправедливость? То же самое, въ общихъ чертахъ, примѣнимо, по мнѣнію Малона, и къ Гольбаху, и къ Гельвецію, и д'Аламберу и т. д. Представляете ли вы себѣ этихъ великихъ людей, спрашиваетъ онъ, сухими, узкими, эгоистичными и терпкими, подобными нѣкоторымъ современнымъ свѣтиламъ науки и литературы?.. Думаете ли вы, что они могли бы революціонизировать міръ сухой научной критикой или учеными философско-историческими диссертаціями!

Малонъ ссылается также на русское народническое движеніе 70-хъ годовъ. Герои и мученики этой изумительной социалистической эпопеи—говоритъ онъ—вдохновятъ когда-нибудь историковъ, желающихъ показать, до какихъ высотъ самопожертвованія, преданности и альтруизма можетъ дойти человѣческая натура.

Въ силу особенностей человѣческой природы, доказываетъ Малонъ, люди могутъ совершать великія дѣйствія лишь двигаемые всемогущей силой альтруистическихъ чувствъ. Поэтизація борьбы, убѣжденіе, что посвящаешь себя чему-то высшему (отечеству, свободѣ, социальной справедливости), всегда были источниками героизма и побѣдъ. Никогда, восклицаетъ Малонъ, вы не увлечете массу на героическую борьбу во имя социальной цѣли, апеллируя лишь къ ея матеріальному интересу. Не можетъ быть мужественныхъ и рѣшительныхъ дѣйствій безъ идеализма. Дѣйствитель-

ность и идеаль — это два брата близнеца, которые на первый взгляд кажутся врагами, но которые на самомъ дѣлѣ неразлучны.

Страсть, возбужденная идеей общественнаго блага, стремление къ защитѣ своего идеала, глубокое чувство, что посвящаешь себя чему-то высокому и хорошему, — вотъ въ чемъ, за исключеніемъ религіознаго фанатизма, нужно видѣть, по мнѣнію Малона, главные импульсы массовыхъ движеній. Именно они создали побѣду XVIII вѣка; эти факторы зажгли въ душахъ тотъ неукротимый энтузіазмъ, благодаря которому стали возможны чудеса великой революціи и ея частичная побѣда.

Поэтому Малонъ убѣжденъ, что, только вдохновившись новой вѣрой, замѣнивъ религіозный атакизмъ, живущій въ каждомъ изъ насъ — какимъ бы матеріалистомъ мы себя не считали — широкимъ человѣческимъ идеаломъ, концепціей жизни и долга, способной открыть наши умы и сердца для новой справедливости, способной сдѣлать насъ готовыми на жертвы и лишенія во имя ея, что только тогда социаллисты сдѣлаются достаточно многочисленными и достаточно рѣшительными, „чтобы побѣдить громадную коалицію силъ прошлаго, чтобы смести огромное нагроможденіе несправедливостей и рабства, заграждающее золотыя двери социальнаго блага будущаго“...

Итакъ, социализмъ есть раньше всего нравственный идеаль, а моральное чувство — великій двигатель историческихъ движеній. Социалисты не должны поэтому выводить социализмъ исключительно изъ экономики, они не должны игнорировать нравственныхъ повлій и чувствъ, живущихъ въ человѣчествѣ. Слѣдуетъ ли изъ этого, что социалисты могутъ послѣдовать примѣру утопистовъ и строить свой идеаль, исходя лишь изъ должнаго и не считаясь съ необходимымъ, что они могутъ отмахнуться отъ историческихъ законовъ? Мы уже видѣли изъ предыдущаго, что Малонъ не стоялъ на такой точкѣ зрѣнія. Вѣдь главное достоинство марксизма онъ видѣлъ въ томъ, что это ученіе заставило социалистовъ спуститься съ небесъ фантазіи и стать ногами на твердую землю. Убѣжденіе, говоритъ онъ, является лишь слѣпой силой, если оно не освѣщено изученіемъ исторіи и социальныхъ явленій. Нужно изучать, а не выдумывать, не забывая однако, что всякая система обладаетъ вмѣстѣ съ истиной и нѣкоторой долей заблужденій и что только вѣрѣжда можетъ вообразить, что онъ обладаетъ всей истиной.

Рѣчь идетъ не о томъ только, говорить онъ далѣе, чтобы затратить много страсти на борьбу во имя своего идеала; необходимо также, чтобы наша философская, политическая и революціонная дѣятельность соответствовала историческому теченію, политическому положенію и экономическимъ тенденціямъ данной эпохи. Въ противномъ случаѣ, не смотря на всѣ наши революціонныя пре-

тензіи, мы превращаемся въ реакціонеровъ и идемъ на встрѣчу вѣрному пораженію ¹⁾).

Соціализмъ не долженъ, слѣдовательно, впадать ни въ одну, ни въ другую крайность: ни въ крайній объективизмъ, ни въ крайній субъективизмъ. Чтобы стать на вѣрную дорогу, соціализмъ, по мнѣнію Малона, долженъ *комбинировать силу моральную и силу научную*, т. е. комбинировать субъективизмъ съ объективизмомъ.

Первая стадія развитія соціалистической мысли характеризуется, по мнѣнію Малона, идеалистическимъ субъективизмомъ, вторая стадія, стадія марксизма, матеріалистическимъ объективизмомъ. Третья стадія должна явиться высшимъ синтезомъ обѣихъ предыдущихъ.

Иными словами мысль Малона можно изложить слѣдующимъ образомъ. Соціализмъ есть нравственный идеалъ, апеллирующій къ нравственнымъ чувствамъ и понятіямъ человечества, но считающійся съ законами историческаго развитія, ищущій осуществленія въ *направленіи этого развитія*, выясненіе котораго должно составить научную задачу соціалистическихъ теоретиковъ.

Въ отличіе отъ марксистовъ, Малонъ подходитъ къ изученію историческаго процесса съ опредѣленнымъ *этическимъ критеріемъ*, при помощи котораго онъ расцѣпляетъ тенденціи этого процесса. Онъ не преклоняется съ фаталистической покорностью передъ тенденціями исторіи, каковы бы онѣ ни были, и считаетъ нужнымъ воздействовать на нихъ, насколько это возможно, во имя должнаго, во имя нравственнаго идеала. Малонъ, какъ и Лавровъ, какъ и Михайловскій, не отрицалъ историческаго детерминизма, но, подобно этимъ мыслителямъ, онъ видѣлъ въ нравственномъ идеалѣ одну изъ дѣйственныхъ силъ исторіи, звено въ цѣпи причинъ, опредѣляющихъ направленіе историческаго процесса. Соціалисты не должны погрузиться въ лѣнливый фатализмъ, писалъ Малонъ, но имъ нужно всегда стремиться къ пониманію детерминизма явленій, т. е. выяснять, какія причины опредѣляютъ явленія, какія причины могутъ опредѣлить его. По мнѣнію Малона, различіе между фатализмомъ и детерминизмомъ заключается въ томъ, что съ точки зрѣнія послѣдняго можно считать, что явленіе наступитъ, если образуются необходимыя для него условія, но что оно можетъ и не наступить, если эти условія не осуществятся, между тѣмъ какъ фаталистъ слѣпо вѣритъ въ неизбежность наступленія явленія.

Но, придерживаясь взглядовъ научнаго детерминизма, говоритъ Малонъ, соціалисты не должны забывать, что идеалъ, основанный на научно-критической методѣ, является въ свою очередь огромной импульсивной силой, могучимъ орудіемъ въ рукахъ тѣхъ, которые

¹⁾ J. Malon, „Le nouveau Parti“, стр. 53.

борются, работают и страдают во имя лучшаго будущаго для всего человѣчества.

Малонъ различаетъ три фазиса въ развитіи человѣческой мысли. Первый фазисъ — сентиментальный, создающій вѣру, а иногда и интуицію. Второй фазисъ — метафизическій, создающій философію и весь ея метафизическій аппаратъ и открывающій возможность разсматривать идею въ ея логическомъ развитіи. И, наконецъ, третій фазисъ — экспериментальный, отличающійся научнымъ изученіемъ естественныхъ явленій и имѣющій цѣлью ихъ научное измѣненіе (если они могутъ быть измѣнены) во имя *блага человѣчества*.

Многими сторонами, говоритъ Малонъ, мы уже соприкасаемся съ третьимъ фазисомъ, но мы еще не освободились окончательно отъ вліянія двухъ предыдущихъ, о чемъ свидѣлствуютъ узкія, септантскія и чисто-критическія воззрѣнія, господствующія въ социалистическомъ лагерѣ.

IV.

Какъ же относился Малонъ къ схемѣ историческаго развитія, начертанной Марксомъ, схемѣ, согласно которой эволюція капитализма, сосредоточивая на одномъ полюсѣ всѣ богатства и капиталы, а на другомъ нищету и бѣдность, концентрируя производство, раздѣляя общество на два враждебныхъ, рѣзко отграниченныхъ класса, ведетъ съ непреложностью естественнаго процесса къ социализму?

Мы знаемъ, что Малонъ не фаталистъ, а детерминистъ; мы знаемъ, какъ онъ понимаетъ детерминизмъ. Придерживаясь взгляда, что явленіе можетъ наступить лишь тогда, когда осуществятся необходимыя для него условія, но что оно можетъ и не наступить, если эти условія не возникнутъ, Малонъ примѣняетъ этотъ взглядъ и къ схемѣ Маркса. Онъ не отрицаетъ возможной правильности этой схемы, но видитъ въ ней лишь научную гипотезу, историческую вѣроятность. Но, говоритъ онъ, исторія учитъ насъ, что историческія вѣроятности не всегда осуществлялись, ибо нерѣдко возникали новые факторы, которые нельзя было предвидѣть заранѣе и которые дѣйствовали въ обратномъ направленіи. Изъ этого однако не слѣдуетъ, по мнѣнію Малона, что социализмъ не зиждется на твердомъ историческомъ фундаментѣ. Малонъ убѣжденъ, что современное состояніе капиталистическаго общества, даже если его развитіе не дойдетъ до предѣловъ, указанныхъ Марксомъ, дѣлаетъ необходимымъ социализмъ, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ моральномъ отношеніи. Социализмъ долженъ явиться неизбежнымъ разрѣшеніемъ того *циклическаго кризиса*, кризиса цикла развитія, который переживаетъ культурное человѣчество, кризиса не

олько экономического, но также и философскаго, и политическаго, и социального.

Раньше всего экономическія причины толкають современное общество къ осуществленію социалистическаго идеала. Подъ экономическими причинами Малонъ не подразумѣваетъ, подобно марксистамъ, стихійнаго развитія производительныхъ силъ, рвущихъ свою капиталистическую оболочку. Экономическія причины—это усиливающийся экономическій гнетъ, подъ тяжестью котораго стонутъ трудящіеся массы, все болѣе приходящія къ сознанію несправедливости этого гнета и необходимости освободиться отъ него. Малонъ набрасываетъ широкими штрихами картину экономического положенія рабочаго класса, не шадя черныхъ красокъ. Въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ сходится съ Марксомъ. Онъ также признаетъ фактъ растущей нищеты пролетаріевъ, уменьшенія ихъ самостоятельности и свободы. Не надо забывать, что въ началѣ 90-хъ годовъ, когда Малонъ было написано его послѣднее произведение, неправильность теоріи обнищанія еще не была научно установлена.

Капиталистическое производство, указываетъ Малонъ, требуетъ концентраціи капиталовъ, безпрерывнаго усовершенствованія механическихъ орудій труда, скопленія огромныхъ массъ работниковъ. Оно, слѣдовательно, является *соціальнымъ* по своимъ средствамъ, сохраняя индивидуалистическую форму. Въ этомъ рѣзкомъ, кричащемъ противорѣчій между содержаніемъ и формой Малонъ видитъ основной корень современнаго экономического зла. Могучая экономическая сила, создающаяся благодаря растущей социальности средствъ производства, коллективнымъ трудамъ миллионовъ работниковъ, общимъ экономическимъ развитіемъ общества сосредоточивается въ рукахъ меньшинства, получающаго вслѣдствіе этого возможность подчинять себѣ массу производителей и диктовать ей свои условія. Чтобы измѣнить это положеніе, необходимо устранить причину, его создающую. Соціальное содержаніе должно получить социальную форму, а для этого необходимо обобществить капиталы и орудія труда, перевести ихъ въ собственность всего общества.

Переходя къ области философской, Малонъ и здѣсь констатируетъ кризисъ, безсиліе научной мысли создать ясную синтетическую философскую концепцію и вывести изъ нея моральные принципы. Религіозныя догмы находятся въ процессѣ разложенія, пишетъ онъ, философскія теоріи рѣзко противорѣчатъ одна другой, системы морали сталкиваются и борются между собой. Въ результатѣ отсутствіе общихъ направляющихъ принциповъ, а вмѣсто нихъ всеобщая борьба въ области идей, какъ въ области жизни.

Причины этого явленія коренятся, по мнѣнію Малона, въ характерѣ современнаго социального порядка.

Общество, гдѣ всѣ борются противъ всѣхъ, основнымъ прин-

типомъ котораго является „каждый для себя“, т. е. восхваленіе всеобщей варварской конкуренціи, которое создаетъ разрозненность и антагонизмы въ жизни, которое исполнено классовыми противорѣчіями, не можетъ создать общаго интеллектуальнаго и идейнаго теченія. Но этого мало. Не можетъ быть научно-философской концепціи, писалъ Малонъ, если она не вытекаетъ логически изъ интеллектуальнаго синтеза эпохи. Наша эпоха не даетъ такого синтеза. Интеллектуально мы еще только выходимъ изъ эклектическаго пессимизма, чтобы вступить въ область науки, а въ моральномъ отношеніи мы еще недостаточно освободились отъ религіозныхъ догматовъ, усугубляемыхъ девизомъ торжествующей буржуазіи „каждый для себя“. Такимъ образомъ современная наука, вопреки исторической логики, еще не создала синтетической философскіи моральной системы. Человѣческая мысль, сдавленная тисками капитализма, не можетъ выбраться изъ хаоса, который она сама создала. Подобно библейскому Самсону, она задавлена тяжестью обломковъ, ею же самою нагроможденныхъ, ибо ей не хватаетъ мужества и альтруизма, чтобы выбраться съ достоинствомъ изъ разваливающагося зданія старой религіи ¹⁾.

Но тотъ, у кого достаточно альтруизма и мужества, уже не можетъ, по мнѣнію Малона, оставаться на почвѣ настоящаго, загроможденнаго огромной глыбой экономической эксплуатаціи, національной ненависти, пережитковъ семейнаго, экономического и политическаго рабства. Мужественный и смѣлый мыслитель, ищущій истины и справедливости, долженъ подняться надъ настоящимъ, безстрашно проникнуть взоромъ въ будущее и принять его хотя еще смутныя указанія. Синтезъ современности, следовательно, невозможенъ,—возможны лишь поиски двудеиной правды будущаго, поиски въ направленіи социализма, который разрушить тотъ тупикъ, въ какомъ застряла философская мысль.

Лучшіе представители трудящагося человѣчества, интеллигенція этого человѣчества уже сейчасъ трудится, говоритъ Малонъ, во имя братства, морали и счастья идеальнаго города будущаго. Эта интеллигенція, дѣятельная и рѣшительная, не отчаивается. Она знаетъ, что трудъ и борьба суть отецъ и мать всякой цивилизаціи. И въ то время, какъ господствующее меньшинство, праздное и скучающее, развѣденное скептицизмомъ, засыпаетъ подъ пуховикомъ декаданса,—она завоевываетъ будущее.

Критическое состояніе, переживаемое современнымъ человѣчествомъ, характеризуется также, по Малону, кризисомъ политическимъ. Монархія—этотъ послѣдній пережитокъ политическаго рабства—господствуетъ еще въ большинствѣ европейскихъ странъ. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ уже удалось перейти къ республиканскому

¹⁾ В. Malon, „Morale Sociale“.

образу правления, политическій строй по существу пока мало отличается отъ монархическаго и, хотя заключаетъ въ себѣ элементы прогресса, но еще не выявленные вполне, не координированные. Но, главнымъ образомъ, политическій кризисъ создается растущимъ милитаризмомъ, свирѣпой и эгоистической борьбой націй. Европа разрѣзана мечемъ на неравныя части, отгороженные щетиной штыковъ, національныя права грубо подавляются силой. Обратитесь, восклицаетъ Малонъ, къ ирландцамъ, къ полякамъ, къ эльзасцамъ, къ датчанамъ Шлезвигъ, къ итальянцамъ Триеста, къ критянамъ, къ армянамъ, къ македонцамъ,—и они скажутъ вамъ, что сила, а не право, начертала географическія границы народовъ. Мало того, подъ предлогомъ колониальнаго расширенія, господствующіе классы Европы угнетаютъ и грабятъ три континента: Азію, Африку, Австралію. Но что еще болѣе ужасно въ современномъ международномъ положеніи—это растущая опасность страшной истребительной войны между культурными европейскими націями.

Армія нужна была господствующимъ классамъ раньше всего для охраны своихъ экономическихъ привилегій отъ увеличивающагося напора трудящихся. Вотъ почему милитаризмъ, не смотря на обѣщанія королей и договоры 1815 г., не только не сократился, но получилъ широкое развитіе. Но органъ создаетъ и функции. Образованіе огромныхъ армій дало толчокъ росту и обостренію націонализма, за который съ радостью ухватились правительства, увидѣвъ въ немъ удобную диверсію въ сторону отъ разрѣшенія жгучихъ внутреннихъ вопросовъ. Отсюда рядъ войнъ, обогрившихъ кровью Европу, и въ результатѣ Дамокловъ мечъ страшнаго братоубійственнаго столкновенія надъ головами европейскихъ народовъ. Такое столкновеніе, угрожающее унести въ кровавомъ ураганѣ миллионы жизней и превратить культурный міръ въ дымящіяся развалины, — неизбежно, по мнѣнію Малона, если буржуазная цивилизація разовьется до своего логическаго конца. Торжество социализма является поэтому не только вопросомъ лучшей политической и экономической организаціи, но вопросомъ жизни и смерти для культурнаго человечества.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ подробно изложить характеристику социальнаго кризиса современности, данную Малонемъ.

Онъ разсматриваетъ эволюцію формъ собственности и показываетъ, какъ пылѣвшая индивидуалистическая форма ея находится въ рѣзкомъ противорѣчій съ общимъ социально-экономическимъ развитіемъ эпохи. Онъ показываетъ, какъ принципы социализаціи уже сейчасъ пропитываютъ все болѣе и болѣе социально-экономическія отношенія. Малонъ посвящаетъ также много вниманія земельному вопросу и приходитъ къ убѣжденію, что интересы земельныхъ тружениковъ, какъ

и интересы всего общества требуютъ осуществленія коренныхъ аграрныхъ реформъ для постепеннаго перевода всей земли въ коллективное владѣніе націи. Наконецъ, Малонъ останавливается и на семейномъ вопросѣ. И здѣсь, разсматривая эволюцію семьи, смѣну формъ семейныхъ отношеній, онъ опять-таки констатируетъ кризисъ. Современная семья разлагается, она не можетъ служить дѣйствительной моральной скрѣпой, а превращается въ тяжелыя цѣли, калѣчащія личность. Современный бракъ, продуктъ христіанской религіи, превратился благодаря упадочной буржуазной морали въ простую торговую сдѣлку, гдѣ истинное чувство, духовная связь не играютъ никакой роли. А въ рабочемъ мірѣ семейная связь безжалостно разрывается капитализмомъ, отрывающимъ отъ семейнаго очага женщинъ и дѣтей, которыхъ онъ эксплуатируетъ на своихъ фабрикахъ и заводахъ. Моральныя и экономическія противорѣчія буржуазнаго общества загнали и семью въ тупикъ и пробить въ немъ брешь можетъ только соціализмъ, задача котораго освободить личность отъ всяческаго гнета.

Циклическій кризисъ современнаго человѣчества, кризисъ данаго цикла его исторической жизни, констатированный Малонемъ, вселялъ въ него увѣренность въ неизбежности соціализма, въ соотвѣтствіи соціалистическаго идеала общему направленію историческаго развитія. Вотъ почему Малонъ, „менѣе фаталистъ и менѣе оптимистъ, чѣмъ Марксъ“, какъ онъ самъ себя называетъ, считалъ однако возможнымъ смотрѣть съ надеждой на будущее, независимо отъ того, оправдается или не оправдается схема эволюціи стихійныхъ силъ, начертанная марксизмомъ.

Въ каждую критическую эпоху, предшествующую возрожденію, говоритъ Малонъ, совокупность всѣхъ прогрессивныхъ стремленій кристаллизуется въ одной общей идеѣ, отмѣчающей своей алмазной печатью начинающуюся новую стадію цивилизаціи и дающей ей импульсъ на многія столѣтія. Когда 16 вѣковъ тому назадъ древніе мореплаватели услышали среди безмолвія огромнаго моря тройной крикъ ужаса и отчаянія, возвѣщавшій смерть старыхъ боговъ,—родилась мессіанская идея. Искупительный свѣтъ озарилъ черное небо истощеннаго язычества и разоренную землю романизма и христіанство, до тѣхъ поръ презираемое и гонимое, вступило во владѣніе міромъ. Наша эпоха, интеллигенцію которой умственно освободили три вѣка философіи, которая насчитываетъ вѣкъ научныхъ открытій, политическихъ революцій и экономическихъ преобразованій, эпоха, открывающая возможность для самыхъ смѣлыхъ и ослѣпительныхъ соціальныхъ осуществленій, ждетъ своего спасенія отъ соціалистической идеи, вырастающей изъ всѣхъ глубинъ, изъ всѣхъ страданій, изъ всѣхъ надеждъ современности ¹⁾.

¹⁾ „Socialisme integral“, стр. 85.

Я изложилъ здѣсь, насколько это было возможно въ тѣсныхъ предѣлахъ журнальной статьи, главные теоретическія основы міровоззрѣнія Малона. Прежде, чѣмъ перейти къ его практическимъ выводамъ, позволю себѣ сказать нѣсколько словъ объ этихъ теоретическихъ основахъ. Въ историко-философской и соціальной части ученія Малона не трудно замѣтить рядъ крупныхъ пробѣловъ.

Малонъ потратилъ много силъ и энергіи для выясненія моральной эволюціи человѣчества, для выясненія роли нравственныхъ понятій и нравственного идеала въ историческомъ процессѣ, но онъ не показалъ конкретно, какъ этотъ факторъ переплетается съ другими факторами исторіи, не показалъ ихъ взаимодействія, ограничившись здѣсь лишь бѣглыми замѣчаніями. Кромѣ того, выясняя огромное значеніе нравственного идеала, подчеркивая роль мыслящаго меньшинства, вырабатывающаго и распространяющаго новыя идеи, Малонъ тѣмъ самымъ выдвинулъ личность, какъ важнѣйшій агентъ исторіи. Между тѣмъ вопросъ о роли личности въ историческомъ процессѣ имъ также не былъ подробно и научно разработанъ и, самое главное, онъ не показалъ, какимъ образомъ и подъ вліяніемъ какихъ причинъ личность въ своемъ развитіи поднимается надъ идейнымъ уровнемъ эпохи, опережая умственно процессъ несознательныхъ измѣненій, совершающихся въ обществѣ, и превращаясь въ личность критически мыслящую. Въ общемъ можно сказать, что Малонъ не далъ цѣльной и законченной историко-философской теоріи.

Съ другой стороны, и въ соціальной части ученія Малона также имѣются пробѣлы. Укажемъ главнѣйшій изъ нихъ.

Мы знаемъ, что въ современномъ капиталистическомъ обществѣ рѣзко сталкиваются двѣ противоположныя тенденціи: тенденція капитала къ все большему объединенію и группировкѣ въ картели и тресты, съ цѣлью не только поработить производителя, но и подчинить себѣ всецѣло потребителя, и тенденція трудящихся классовъ къ объединенію на почвѣ профессиональной и кооперативной во имя борьбы съ хищническими стремленіями капитализма. Правда, указанные тенденціи въ періодъ, когда писалъ Малонъ, только еще намѣчались, и это можетъ служить ему оправданіемъ.

Однако бѣгло перечисленные нами важнѣйшіе пробѣлы въ ученіи Малона являются лишь пробѣлами, не болѣе. Ихъ констатированіе позволяетъ лишь признать, что теорія интегральнаго социализма, данная Малономъ, нуждается въ дополненіи, въ дальнѣйшемъ развитіи, — они не могутъ служить основаніемъ для отрицанія правильности этой теоріи. Для этого во всякомъ случаѣ нужны другіе аргументы.

Что же касается центральной идеи Малона о необходимости синтеза идеализма и матеріализма и тѣмъ самымъ субъективизма

и объективизма, то эта идея оправдывается какъ практикой социалистическаго движенія, такъ и направлениемъ современной философской и историко-философской мысли.

Еще Альбертъ Ланге, знаменитый историкъ материализма, считавшій материализмъ „самой твердой ступенью философіи“, видѣлъ однако въ успѣхѣ этого ученія усталость философской мысли, отступленіе идей на второй планъ и предвидѣлъ неизбежность новаго синтеза, въ который материализмъ и идеализмъ войдутъ, какъ составные элементы.

„Если должно наступить новое, а старое пройти, писалъ Ланге, то должны соединиться двѣ большія вещи: воспламеняющая міръ *этическая идея* и социальный переворотъ... Трезвымъ смысломъ, искусственными системами этого не сдѣлать. Побѣду надъ раздробляющимъ эгоизмомъ и мертвящимъ холодомъ сердець одержитъ лишь великій идеалъ“ ¹⁾).

V.

Перейдемъ теперь къ практическимъ выводамъ Малона.

Раньше всего социалисты должны придать своей пропагандѣ болѣе яркую моральную окраску и не ограничиваться исключительно материальными интересами. Необходимо апеллировать не только къ материальному интересу трудящихся, но и къ ихъ моральному чувству, развивать въ нихъ это чувство.

Человѣкъ не живетъ исключительно политическими и экономическими интересами, писалъ Малонъ. Борцы за обновленіе человечества, воображающіе, что можно безнаказанно игнорировать моральныя стремленія, идутъ на встрѣчу жестокимъ разочарованіямъ. Конечно, социалистическая пропаганда не должна вырождаться въ отвлеченную моральную проповѣдь. Малонъ лишь доказывалъ, что необходимо, чтобы борьба за интересы связывалась съ нравственнымъ идеаломъ, освѣщалась имъ, сочеталась съ нимъ. Это необходимо раньше всего для успѣшности социалистическаго движенія, для его побѣды. Я глубоко убѣжденъ, писалъ Малонъ, и я не перестану кричать объ этомъ моимъ братьямъ по социализму, что экономическія требованія рабочаго класса осуществятся лишь въ томъ случаѣ, если они будутъ опираться на моральныя силы. Только комбинація несправедливо нарушаемыхъ интересовъ съ альтруистическою идеализаціей можетъ создать активную силу, способную разбить желѣзный кругъ практическаго эгоизма, заграждающаго путь новой справедливости, которую призываютъ всѣ угнетенные, всѣ эксплуатируемые, всѣ страждущіе ²⁾...

Мало того, поскольку социализмъ не строится исключительно

¹⁾ А. Ланге, „Исторія материализма“, стр. 736.

²⁾ „Socialisme integral“, стр. 448—449.

на экономическомъ базисѣ, поскольку онъ является также нравственнымъ идеаломъ, социалисты должны, съ одной стороны, распространить свою дѣятельность на всѣ области общественности, какъ матеріальныя, такъ и моральныя, — съ другой стороны, бороться противъ всякой несправедливости, противъ всякаго подавленія человѣческихъ правъ, въ какой бы формѣ оно ни совершалось. Конечно, писалъ Малонъ, на первомъ планѣ должно стоять требованіе экономической справедливости, уничтоженіе экономической эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. Самая возмутительная несправедливость — это несправедливость капиталистическая, — самое тяжелое страданіе — это страданіе пролетарское. Противъ этой несправедливости, этого страданія необходимо раньше всего бороться, — вотъ почему всѣ социалисты, достойные этого названія, ставятъ во главу своей программы экономическое преобразование. Но нельзя принимать часть за цѣлое, нельзя забывать, что социализмъ преслѣдуетъ и другія цѣли и что циклическій кризисъ, переживаемый современнымъ человѣчествомъ, расшатываетъ всѣ общественныя устои. Поэтому социалисты должны участвовать во всѣхъ битвахъ за освобожденіе личности, за улучшеніе условий общественности. Социалистическая дѣятельность должна получить характеръ разносторонній, ей не должно быть чуждо ничто человѣческое, ее необходимо расширять до крайнихъ предѣловъ возможности, сдѣлать ее *интегральной*, какъ интегральнымъ является и социалистическій идеалъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Малонъ считалъ нужнымъ расширить и составъ социалистической арміи, что было логическимъ выводомъ изъ его пониманія социализма, какъ общечеловѣческаго идеала. Индустріальный пролетаріатъ, по мнѣнію Малона, является лишь авангардомъ социализма, — онъ не составляетъ всей социалистической арміи. Всѣ трудовые классы, весь трудовой народъ въ его совокупности, испытывающій гнетъ современныхъ порядковъ, а также и передовая интеллигенція, выступающая во имя истины и справедливости, могутъ быть объединены вокругъ знамени социализма, знамени всѣхъ страждущихъ, борющихся и надѣющихся.

Малонъ не видѣлъ также въ политической партіи единственнаго орудія социалистическаго переворота. Всякая организація, объединяющая трудящихся во имя прогрессивныхъ цѣлей, имѣла въ его глазахъ социалистическую цѣнность, точно такъ же, какъ и всякая дѣятельность, въ какой бы формѣ она ни проявлялась, опредѣляемая стремленіемъ двинуть впередъ культуру человѣчества. Въ то же время онъ придавалъ огромное значеніе дѣлу завоеванія прогрессивныхъ реформъ еще въ рамкахъ существующаго общества. Каждая осуществленная реформа, по его мнѣнію, даетъ толчокъ борьбѣ за новыя реформы, каждое завоеванное улучшеніе побуждаетъ бороться за новыя улучшенія. Чрезмѣрная нужда, утверждалъ Малонъ, порождаетъ лишь покорность и отчаяніе.

Когда массы опускаются на крайнюю ступень нужды, моральная пружина, могущая толкать ихъ въ сторону борьбы за справедливость, ломается. Необходимо извѣстный толчокъ, имѣющій результатомъ завоеваніе улучшенія, чтобы зародился революціонный духъ.

Недостаточно поэтому идти къ массамъ съ одной лишь критикой существующаго и сулить имъ возрожденіе послѣ окончательнаго паденія капиталистическаго Молоха. Необходимо также звать ихъ на борьбу во имя реформъ, могущихъ быть добытыми въ настоящемъ, и связывать эту борьбу за настоящее съ борьбою за будущее. Кромѣ того, Малонъ отстаивалъ реформы, исходя изъ своего эволюціоннаго міровоззрѣнія. Въ исторіи вселенной и въ исторіи человѣчества онъ видѣлъ дѣйствіе законовъ эволюціи. Рѣзкіе перевороты и революціи являлись, по его мнѣнію, лишь результатомъ длительныхъ эволюціонныхъ процессовъ, завершеніемъ этихъ процессовъ. Малонъ протестовалъ поэтому самымъ энергическимъ образомъ противъ утвержденія французскихъ марксистовъ, доказывавшихъ, что никакія реформы, никакія улучшенія невозможны въ капиталистическомъ обществѣ и что социализмъ осуществится полностью и сразу, какъ только Молохъ капитализма обрушится подъ ударами кровавой социальной революціи ¹⁾.

Общества, писалъ Малонъ, преобразовываются постепенно, — ихъ нельзя перевернуть, какъ перчатку, какъ это думаютъ наивные люди и доказываютъ, создавая иллюзіи себѣ и другимъ, нѣкоторые крайніе. Истинный социалистъ не можетъ быть ни исключительно реформистомъ, ни исключительно революціонеромъ, — онъ долженъ быть реформистомъ и революціонеромъ.

Но, придавая огромное значеніе реформамъ, считая необходимымъ расширить составъ социалистической арміи, призывая къ объединенію всего трудового міра безъ различія категорій, Малонъ въ то же время доказывалъ, что социализмъ долженъ отграничиваться отъ нетрудовыхъ классовъ и строить свою тактику на принципѣ классовой борьбы. Въ пользу этого положенія Малонъ, по своему обыкновенію, выдвигаетъ аргументы, какъ матеріальнаго, такъ и моральнаго характера.

Раньше всего классовая борьба проходитъ красной линіей черезъ всю исторію, затѣмъ появленіе у власти буржуазіи отмѣчено

¹⁾ Изъ опубликованной въ концѣ прошлаго года переписки Маркса съ Энгельсомъ видно, что Марксъ далеко не раздѣлялъ рѣзко-катастрофическихъ взглядовъ своихъ французскихъ учениковъ. Марксъ жестоко высмѣиваетъ, въ письмѣ къ Энгельсу, своего зятя Лафарга — главнаго проповѣдника катастрофической теоріи. Онъ утверждаетъ, что взгляды Лафарга являются въ сущности анархическими и называетъ его „послѣднимъ изъ бакунистовъ“. „Лонгэ (тоже зять Маркса), послѣдній изъ прудонистовъ, — Лафаргъ, послѣдній изъ бакунистовъ, чортъ бы ихъ побралъ“, пишетъ Марксъ въ раздраженіи.

усиленіемъ классовыхъ антагонизмовъ, наконецъ, социальнo-экономическая эволюція создаетъ, все большую пропасть между классами эксплуатирующими и эксплуатируемыми, рѣзко противопоставляя ихъ другъ другу. Но, самое главное, социализмъ долженъ придерживаться принципа классовой борьбы въ виду того, что классъ трудящихся (*la classe travailleuse*) является историческимъ посятелемъ социалистической идеи.

Исторія учитъ насъ, говоритъ Малонъ, что надъ второстепенными и временными противоположностями эпохи, сталкивающимися подобно призракамъ въ эфемерномъ туманѣ, господствуетъ общій социальный синтезъ, осуществленіе котораго содержитъ цѣлую цивилизацію. Эти социальные синтезы, когда ихъ осуществленіе становится исторически необходимымъ, воплощаются въ опредѣленномъ общественномъ классѣ, совпадая съ его интересами. Они побѣждаютъ, господствуютъ, затѣмъ искажаются и становятся ретроградными и вредными вмѣстѣ съ классомъ, являющимся ихъ носителемъ. Три большихъ класса господствовали до сихъ поръ поочередно надъ міромъ, создавая новыя цивилизаціи и воплощая каждый опредѣленный социальный синтезъ. Классъ теократическій, при помощи религіозныхъ иллюзій, державшихся на страхѣ, далъ нашимъ дикимъ предкамъ элементарныя основы цивилизаціи и первую идею долга. Дворянскій классъ далъ идею отечества, развилъ чувство личнаго достоинства и открылъ возможность для первыхъ проявленій интеллектуальной свободы. Буржуазный классъ возсталъ во имя политической свободы и развитія экономическихъ силъ. Его миссія заключается въ накопленіи богатствъ и производительной мощи, благодаря чему создаются матеріальныя условія для болѣе справедливаго социального строя.

Классъ трудящихся борется уже сейчасъ за социализмъ,—онъ приноситъ міру солидарность. Этотъ классъ является непосредственно заинтересованнымъ въ наступленіи новой цивилизаціи и только его усиліями эта стадія сможетъ осуществиться. Социалистическій синтезъ, по мѣрѣ того, какъ онъ выясняется, превращается въ историческую идею класса, ждущаго своего освобожденія отъ его побѣды.

Такимъ образомъ, хотя социализмъ является общечеловѣческимъ идеаломъ, синтезомъ моральныхъ исканій человѣчества, но бороться за этотъ идеалъ необходимо, опираясь на классъ трудящихся, объединенный узами солидарности въ классовыхъ организаціяхъ. Но классъ трудящихся есть не одинъ лишь пролетаріатъ, а какъ мы уже видѣли, весь трудовой народъ. Малонъ, впрочемъ, находилъ возможнымъ вступать во временныя коалиціи и съ буржуазными партіями, если этого требовали интересы свободы или правильно понятыя интересы трудовыхъ классовъ...

„Что меня больше всего привлекало въ Малонѣ, сказалъ Жоржъ въ своей рѣчи на открытіи памятника,—это то, что онъ удивительно отражалъ французскій геній“.

Въ ученіи Малона мы, дѣйствительно, видимъ раньше всего отраженіе французскаго національнаго духа. Если марксизмъ былъ нѣмецкой реакціей противъ французскаго социализма, то интегральный социализмъ Малона явился французской реакціей противъ социализма нѣмецкаго. Въ своемъ стремленіи къ философскому единству, въ стремленіи связать эволюцію человечества съ эволюціей вселенной, расширить проблему социализма до общечеловѣческихъ предѣловъ, реабилитировать дѣйственную мощь моральныхъ понятій и чувствъ, связать борьбу за настоящее съ борьбою за будущее, Малонъ являлся послѣдователемъ французскихъ философовъ XVIII-го и начала XIX-го вѣка, продолжателемъ традицій французской социалистической школы и революционныхъ традицій французскаго рабочаго класса. Именно потому, что малоновскій социализмъ болѣе соответствуетъ французскому духу, чѣмъ рѣзко-ортодоксальный и чисто-критическій социализмъ французскихъ марксистовъ, направленіе, запечатлѣнное идеями Малона, проникши черезъ бывшихъ „независимыхъ“ въ организованное социалистическое движеніе, оказалось болѣе популярнымъ и собрало больше сторонниковъ, чѣмъ непримиримые гэдисты. Мало того, по мѣрѣ роста вліянія и силы социалистической партіи, гэдисты, подъ давленіемъ жизни, все болѣе теряютъ свою былую ортодоксальность и фактически уже начинаютъ идейно сливаться съ названнымъ направленіемъ...

Ученіе Малона явилось какъ бы посредствующимъ звеномъ между французскими социалистическими школами начала минувшаго вѣка и современнымъ французскимъ социализмомъ. Оно въ значительной степени содѣйствовало сохраненію идейной преемственной связи въ развитіи французской социалистической мысли, отличающейся и въ настоящемъ идеалистическимъ духомъ и широкимъ пониманіемъ социалистическаго идеала, которые были при-
сущи утопистамъ.

Что касается необходимости для социализма сдѣлаться интегральнымъ, то въ этомъ отношеніи Малонъ оказался гораздо дальновиднѣе своихъ противниковъ „реалистовъ“.

„Социализмъ дѣлается интегральнымъ по мѣрѣ того, какъ онъ растетъ,—правильно замѣтилъ въ своей рѣчи на открытіи памятника делегатъ отъ русскихъ марксистовъ.—Сила національная и интернаціональная, социализмъ все болѣе вынужденъ считаться со всѣми общественными силами и элементами и принимать участіе во всѣхъ движеніяхъ современности“.

Я уже указывалъ въ другихъ статьяхъ, что властная необходимость вынуждаетъ социалистическія партіи все болѣе расширять свою борьбу, все шире раздвигать ея рамки. Чрезвычайное усло-

жненіе соціальной жизни и растуцій консерватизмъ буржуазныхъ классовъ возлагають на соціалистовъ все большія обязанности въ борьбѣ за общественный прогрессъ, выдвигая передъ ними множество разностороннихъ задачъ. Ни въ одной изъ европейскихъ странъ соціалисты уже не ограничиваются болѣе одними политическими и экономическими требованіями пролетаріата. Сила вещей превращаетъ соціализмъ изъ фактора классоваго въ факторъ общечеловѣческой.

Малонъ не только предвидѣлъ эту неизбежную эволюцію соціализма, но и постарался, по мѣрѣ силъ, дать ей теоретическое обоснованіе и тѣмъ самымъ ускорить и облегчить ее.

Въ этомъ, главнымъ образомъ, не смотря на недостатки и пробы, заключается значеніе его ученія.

Е. Сталинскій.

Какъ странно, какъ нѣжно молчанье лѣсное,
 Когда затихаютъ прозрачныя дали
 И тихо мутнѣютъ въ вечернемъ покоѣ,
 И таютъ въ холодной, безмолвной печали.
 Деревья уснули въ тяжелыхъ уборахъ,
 И слилъ очертанья ихъ сумракъ дрожащій,
 И падаетъ иней, и вкрадчивый шорохъ
 Струится и рѣетъ въ серебряной чашѣ.
 Какъ будто бы въ дѣтской, счастливой тревогѣ,
 Обвѣяны дымкой мерцающей пыли,
 Березы сбѣжались къ пустынной дорогѣ
 И, въ чуткомъ молчаньи склонившись, застыли.
 Живое мерцанье звѣзды отдаленной
 Блѣднѣетъ и гаснетъ въ ихъ сѣткѣ жемчужной,
 Но ласково свѣтитъ имъ снѣгъ монотонный,
 И теплыхъ и трепетныхъ звѣздъ имъ не нужно.

Е. Федорова.

СЕМЬЯ КОРИСТОНОВЪ.

Романъ Гемфри Уордъ.

Перев. съ англ. Е. Н. Нелидовой.

(Продолженіе).

VIII.

Пока совершались всѣ эти событія въ Ходдонъ-Греѣ, Реджинальдъ Лестеръ проводилъ воскресенье въ Користонъ-Плацѣ, въ полномъ одиночествѣ, которое только послѣ полудня было нарушено посѣтителеми. Съ утра же онъ былъ вполне предоставленъ себѣ, такъ какъ никого, кромѣ прислуги, не было въ громадномъ помѣщицкомъ домѣ. Ему доставляло неизъяснимое наслажденіе свободно бродить по обширнымъ пустымъ заламъ, свободно наслаждаться изученіемъ старыхъ картинъ и гравюръ, разбираться въ прекрасной коллекціи фарфора, сложенной въ нижнихъ помѣщеніяхъ дома, куда давно уже никто не заглядывалъ, кромѣ него. Онъ осматривалъ всѣ, неизслѣдованные раньше, углы въ комнатахъ съ документами и странную, немного жуткую, коллекцію мертвыхъ масокъ, собранную дѣдомъ Користона и разставленную теперь рядами въ одномъ изъ библиотечныхъ шкафовъ. Онъ былъ прирожденный ученый и инстинкты антикварія, вѣроятно, преобладали въ немъ надъ тяготѣніемъ къ поэзіи и литературѣ, которыми онъ занимался въ послѣднее время. И теперь, когда онъ ради праздника отложилъ въ сторону каталоги, смѣшанныя впечатлѣнія стараго дома, полного историческихъ памятниковъ, явились для него богатымъ источникомъ размышлений. Но на воскресенье у него тоже полагалась опредѣленная работа. Онъ велъ дневникъ, въ которомъ записывалъ все, что произошло за истекшую недѣлю, и всѣ свои мысли и соображенія по поводу этого. Дѣлалъ онъ это для того, чтобы выработать себѣ болѣе гибкій и литературный слогъ, но при этомъ влияли и нѣкото-

рыя сокровенныя мечты. Отчего бы не сдѣлаться и ему писателемъ, какъ и другіе?

Случалось, что мысли о прочитанныхъ книгахъ или о политическихъ и литературныхъ разсужденіяхъ, которыми были полны нѣкоторые фоліанты, уступали вдругъ мѣсто чему-то совсѣмъ иному. И это иное становилось гораздо болѣе необходимымъ и болѣе неотразимымъ въ своей притягательной силѣ, чѣмъ вся премудрость, заключенная въ отложенныхъ въ сторону книгахъ.

Такъ, напримѣръ, теперь онъ записывалъ: „Что должно произойти или что уже произошло вчера или сегодня въ Ходдонъ-Греѣ? Это не трудно угадать. Почва подъ ногами Н. основательно укрѣпилась съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ видаться съ нею внѣ разнообразныхъ лондонскихъ вліяній. Все необычное и притягательное въ его личности проявилось и дѣйствовало, не сталкиваясь съ противорѣчащими элементами. И все-таки я сомнѣваюсь, чтобы для него выгодно было вводить ее часто въ свою домашнюю обстановку. Свой домъ она никогда не устроила бы по такому образцу. Въдѣ въ глубинѣ души она язычница, хотя и съ прекрасными языческими добродѣтелями какъ честь, справедливость, вѣрность, милосердіе—но все это совершенно не одухотворено тѣми эмоціями, на которыхъ зиждется жизнь въ Ходдонъ-Греѣ. Смирненіе для нея только слово, но не добродѣтель, которую она будетъ осуществлять. И я убѣжденъ, что она никогда не будетъ способна сокрушаться о „грѣхахъ“, въ религіозномъ смыслѣ этого слова, хотя мнѣ кажется, что ея богатая жизнь постоянно колеблется между двумя полюсами импульсовъ и угрызений. Она страстно стремится къ чему-нибудь и должна достигнуть этого. А по достиженіи она начинаетъ мучиться раскаяніемъ и страхомъ, не оскорбила ли она попутно кого-нибудь.

„Въ послѣднее время она заходила сюда, въ бібліотеку, чаще обыкновеннаго. И, я увѣренъ, она чувствуетъ, что я глубоко интересуюсь всѣмъ, касающимся ея. Иногда я имѣю смѣлость даже думать, что ей хочется, чтобы я понялъ и одобрилъ ее.

„Исходъ ясенъ, разумѣется. Но Н. не вполне сознаетъ опасность своего положенія. До извѣстной степени аскетическій элементъ его характера и его философія будутъ привлекать ее, будутъ притягивать, какъ огонь бабочку. Женщины съ сильнымъ характеромъ обыкновенно увлекаются мощью суроваго аскетизма въ мужчинахъ. Это доказываетъ исторія всѣхъ религіозныхъ движеній. Но современная жизнь полна разнообразныхъ теченій, идущихъ въ

разрѣзъ съ идеалами и вѣрованіями такихъ людей, какъ Ньюбери. И къ тому или иному изъ такихъ теченій, мнѣ кажется, она склонна уже пріобщиться. Возможно, что она сама еще и не знаетъ этого, не сознаетъ еще, что ее влечетъ уже безбрежный океанъ свободной науки и опыта, который никогда не будетъ имѣть значенія въ жизни Ньюбери.

„Користонъ употребить всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать браку, это я вижу. И онъ считаетъ себя правымъ, думая, что обязанъ спасти ее отъ этой нечеловѣческой и противообщественной, съ его точки зрѣнія, жизни. Будетъ удивительно, если успѣхъ увѣнчаетъ его усилія. Дѣйствительно ли онъ болѣе терпимъ, чѣмъ его мать? И могутъ ли быть терпимыми активные люди? И можетъ ли уживаться терпимость съ темпераментомъ? „Говоря о терпимости, я не подразумеваю терпимость къ пализму“,—сказалъ Мильтонъ. Лэди Користонъ не можетъ быть терпимой по отношенію къ сыну, а Користонъ не можетъ быть терпимымъ къ Ньюбери. И все-таки всѣ трое должны какъ-нибудь уживаться, входить въ составъ одного общества.

„Не бросаетъ ли это нѣкоторый свѣтъ на истинное назначеніе женщины? Въ чемъ должно оно заключаться? Неужто въ избирательныхъ правахъ, въ партійной борьбѣ?.. Скорѣе въ созданіи особой духовной атмосферы, въ которой нація могла бы совершенствоваться, постоянно стремиться къ достиженію высшаго блага и подходить къ этому благу такъ же легко и естественно, какъ естественно расцвѣтаетъ цвѣтокъ въ благоприятномъ климатѣ. Не это ли должна дѣлать для насъ женщина вмѣсто того, чтобы вертѣть вмѣстѣ съ нами старую, обветшалую машину политики, изобрѣтенную мужчинами? Лэди Користонъ, безъ сомнѣнія, хотѣла бы, чтобы всѣ женщины ея партіи обладали избирательными правами. Но что сказала бы она, еслибы такія же права получили и женщины противоположной партіи?

„Я уже наполовину кончилъ составленіе каталоговъ и сегодня написалъ нѣсколько писемъ въ Германію. Хотѣлось бы поработать зимой при какомъ-нибудь университетѣ. У меня уже выясняется въ головѣ планъ большого труда о ростѣ и паденіи Бургундіи. Лэди Користонъ хорошо оплачиваетъ мою работу и я могу считать себя обезпеченнымъ, по крайней мѣрѣ, на годъ. Кромѣ того, могу дать отдохнуть отъ нужды матери и Дженни. И, кто знаетъ, можетъ быть, мнѣ удастся, наконецъ, устроить жизнь по собственному желанію. Еслибы только я могъ писать!

„Въ концѣ концовъ я доволенъ этимъ годомъ, проведеннымъ съ Користонами. Долго ли еще богатый и свободный

классъ аристократіи, со всеѣми его привилегіями и могуществомъ, будетъ продолжать среди насъ свое существованіе? Онъ, очевидно, находится въ процессѣ разложенія и упадка. Хотя въ такихъ странахъ, какъ Англія, этотъ процессъ можетъ идти очень медленно.

„Мать и дочь указываютъ здѣсь почву, на которой можно придти къ соглашенію. Лэди Користонъ тиранъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Безъ сомнѣнія, она имѣетъ право властвовать и пользуется этимъ правомъ. И въ то же время она прекрасно знаетъ, что за народомъ — послѣднее слово, поэтому она лавируетъ между угрозами и заискиваньемъ. Здѣшній священникъ рассказывалъ мнѣ про нее удивительныя вещи. Какъ она, напримѣръ, не пустила къ себѣ на порогъ собственную сестру и никогда не хотѣла говорить съ нею за то, что та вышла замужъ за челоуѣка, перешедшаго къ либераламъ, и сама пошла за нимъ. Или какъ ея мужъ боялся ея, если ему приходилось расходиться съ ней въ политическихъ мнѣніяхъ. Что же касается ея отношеній съ Користономъ, то, въ самомъ лучшемъ случаѣ, можно надѣяться только на нѣчто вродѣ вооруженнаго нейтралитета.

„Здѣшнее бѣдное населеніе или большая часть его пользуется ея благодѣяніями и относится къ ней съ почтеніемъ. Оно считаетъ ее неизбѣжнымъ зломъ, какъ налоги или дурную погоду. И, когда она посылаетъ имъ уголь, одежду, или строить для нихъ народные дома, они думаютъ, что имъ могло бы быть и хуже. Съ другой стороны, я не вижу, чтобы и Користонъ былъ особенно популяренъ здѣсь. Люди считаютъ его отношеніе къ матери неприличнымъ, а, будучи на его мѣстѣ, они, конечно, не преминули бы воспользоваться всеѣми его преимуществами, безъ малѣйшаго потворства. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть небольшое количество молодежи въ деревнѣ и на фермахъ, которое причиняетъ безпокойство лэди Користонъ. Користонъ будоражитъ и возбуждаетъ ихъ. Но и они, по временамъ, начинаютъ коситься. Они не понимаютъ, какъ могъ онъ уйти изъ своего общества.

„Теперь Марція. Здѣсь, на страницахъ, которыхъ никто, кромѣ меня, никогда не увидитъ, я могу, вѣроятно, назвать ее по имени? Конечно, она не можетъ считаться ангеломъ-хранителемъ здѣшняго народа. Она не занимается разнѣренной благотворительностью, какой занимались, вѣроятно, здѣсь всегда представительницы ея рода. Ни бѣдные не чувствуютъ себя съ ней свободно и легко, ни она съ ними. Какъ корабль, утомленный противнымъ вѣтромъ, стремится въ гавань, такъ и она спѣшитъ въ родную обстановку послѣ общенія съ чуждыми ей людьми. Но, если что-нибудь

растрогаетъ ее, задѣнетъ ея чувство—эту любопытную и неопредѣленную черту ея натуры, — она дѣйствуетъ твердо и непоколебимо. Въ деревнѣ есть одна дѣвочка, сирота. Она жила у своей тетки, которая обращалась съ ней очень жестоко. Миссъ Користонъ слышала о ней отъ своей горничной, родственницы дѣвочки. Она отправилась въ деревню и, не обращая вниманія на тетку, увезла дѣвочку съ собой въ экипажѣ. Нужно было видѣть сцену въ саду коттеджа, когда Марція, блѣдная и взволнованная, съ гордо поднятой головой, вела, обнявъ за плечи, бѣдное голодное и забитое созданье, а старая вѣдьма шла за ней по пятамъ въ недоумѣніи. Затѣмъ здѣсь есть дряхлый старикъ, охотникъ, потерявшій зрѣніе, вслѣдствіе несчастнаго случая на охотѣ. Она находитъ какое-то своеобразное удовольствіе въ его старческой болтовнѣ и можетъ проводить цѣлыя часы за чашкой чая съ нимъ и съ его женой. Никогда не бываетъ, чтобы она забыла оказать ему вниманіе, сдѣлать какой-нибудь подарокъ въ праздникъ или въ день его рожденія. Но, конечно, все это просто забавляетъ ее. Замѣтно, что она старательно отстраняетъ отъ себя всѣ принципы, которыми живетъ ея мать, и вмѣстѣ съ тѣмъ не знаетъ, какими замѣнить ихъ.

„Но самая трагическая фигура—трагическая возможность—на этомъ фамильномъ кораблѣ въ настоящее время, безъ сомнѣнія, Артуръ. Благодаря нашей старой дружбѣ еще по Кембриджу, я знаю многое—часто противъ воли — изъ его жизни. Знаю, какъ онъ запутался, и чувствую, что можетъ наступить катастрофа. Въ своемъ вчерашнемъ письмѣ ко мнѣ онъ пишетъ, что снова преслѣдовалъ Энидъ своими мольбами и она снова уклонилась отъ прямого отвѣта. Могу себѣ представить, что сдѣлаетъ лэди Користонъ, узнавъ объ этой любви. И не сомнѣваюсь также ни одной минуты въ томъ, что эта молодая дѣвица не выйдетъ замужъ за Артура, если онъ останется безъ гроша. Она всегда найдетъ исходъ, и я слышала, многіе уже дѣлали ей предложеніе...“

На этомъ оборвалось записыванье и тетрадь была спрятана подальше отъ постороннихъ глазъ. Лестеръ, сидѣвшій у окна библіотеки, услышалъ стукъ мотора. Артуръ кивнулъ ему и, выпрыгнувъ изъ экипажа, остановившагося у подъѣзда, прошелъ черезъ дворъ къ боковому фасаду дома, гдѣ помещалась библіотека.

Лестеръ былъ непріятно пораженъ его видомъ. Вѣроятно, онъ мало спалъ и неумѣренно пилъ. Одежда его была въ беспорядкѣ, глаза блуждали, вообще онъ мало напоминалъ обычнаго Артура, изящнаго и подтянутаго. Онъ подошелъ къ столу Лестера и бросился, нахмурившись, въ кресло

— Миѣ сказали, что мать и Марція уѣхали?

— Онѣ въ Ходдонъ-Греѣ. Развѣ вы не знали, что ихъ приглашали на воскресенье?

— О, да, зналъ. Думаю, что зналъ. Мать писала что-то, — нетерпѣливо проговорилъ молодой человѣкъ. — Но у меня было достаточно и своихъ заботъ.

Лестеръ взглянулъ на него, но не сказалъ ни слова. Артуръ всталъ и началъ нервно ходить взадъ и впередъ по гладкому, полированному полу библіотеки. Отъ мирныхъ пейзажей на потолокъ и на стѣнахъ и отъ бюстовъ невозмутимыхъ господъ, въ завитыхъ парикахъ, стоявшихъ въ промежуткахъ между стеклянными шкапами, вѣяло тупымъ, самодовольнымъ спокойствіемъ, рядомъ съ этимъ измученнымъ, мятущимся человѣкомъ. Лестеръ рѣшилъ прекратить допросъ, но Артуръ внезапно остановился.

— Рвется послѣдняя соломинка, Лестеръ! Слышали вы, что мать собирается сдѣлать со мной? Здѣсь будетъ грандіозный митингъ тори черезъ мѣсяць. Мать устраиваетъ его. Не предупредивъ меня ни единымъ словомъ, если вы хотите знать все до конца! А я долженъ буду говорить на этомъ митингѣ и порочить Гленуилльяма! Объ этомъ она пишетъ миѣ въ письмѣ, которое я получилъ сегодня утромъ. На мою рѣчь миѣ не дали даже взглянуть, увѣряю васъ! Готовъ держать пари, что мать отпечатала уже и афиши!

— Вѣроятно, это будетъ отвѣтомъ на митингъ въ Матюверѣ.

— Очевидно. Будь онъ проклятъ, этотъ матюверскій митингъ! И какъ красиво! Два брата, накидывающіеся одинъ на другого, почти въ одномъ и томъ же приходѣ. Я убѣждаюсь, что у женщинъ нѣтъ вкуса. Нѣтъ и намекъ на него! Но я отказываюсь. Мать должна будетъ, хотя одинъ разъ, уступить.

Онъ снова сѣлъ и взялъ папиросу, протянутую ему Лестеромъ съ цѣлью успокоить его. Въ этомъ состояніи крайняго возбужденія Артуръ производилъ особенно жалкое впечатлѣніе на пріятеля, вспоминавшаго въ эту минуту молодого самодовольнаго оратора, расцвѣтающаго законодателя, какимъ онъ былъ въ апрѣлѣ.

— Вы боитесь, что она не пойметъ васъ?

— Если я буду говорить про ея отца то, что желаетъ моя мать, — сказалъ молодой человѣкъ съ удареніемъ, — Энидъ Гленуилльямъ никогда не скажетъ больше со мной ни одного слова. Она сдѣлаетъ это совершенно спокойно.

— Думаю, что она будетъ умнѣе, — съ живостью сказалъ Лестеръ. — Нужно же отдѣлять политику отъ дружескихъ отношеній.

Артуръ покачалъ головой.

— Другіе отдѣлили бы, она — нѣтъ. Если я публично назову ея отца воромъ, мошенникомъ или еще, какъ тамъ, не знаю, будетъ угодно моей матери, исчезнетъ послѣдняя надежда... Она фанатически относится къ своему отцу. Разъ-другой я уже получилъ за него выговоръ. Это даже красиво, Лестеръ! Увѣряю васъ, красиво!

И съ внезапно смягчившимся лицомъ и заблестѣвшими глазами Артуръ бросилъ свой, почти дѣтскій взглядъ на пріятеля.

— Охотно вѣрю. Они очень интересная пара... Но, признаюсь, я думаю о лэди Користонъ. Чѣмъ вы объясните ей? Приготовились вы что-нибудь сказать ей?

— А я не знаю, приготовился или нѣтъ. Что бы ни случилось, я все равно на краю пропасти. Если я скажу, она прогонитъ меня, если не скажу, она скоро догадается сама.

Наступило молчаніе, прерванное потомъ Лестеромъ, въ голубыхъ глазахъ котораго была видна глубокая задумчивость. Онъ наклонился впередъ.

— Послушайте, Артуръ! Не могли ли бы вы сдѣлать надъ собой нѣкоторое усиліе и освободиться?

Собесѣдникъ бросилъ на него взглядъ, полный обиды, но онъ настойчиво продолжалъ:

— Вы знаете, о чемъ я говорю. Вы могли бы найти себѣ счастье въ другомъ мѣстѣ. Вы съ ней принадлежите къ разнымъ мірамъ, которые никогда не сольются. Ея друзья никогда не будутъ вашими и ваши друзья ея друзьями. Теперь вы не придаете этому значенія только потому, что вы влюблены. А между тѣмъ это очень важно, и вы чувствовали бы это съ каждымъ годомъ сильнѣе.

— Развѣ я не знаю? — вскричалъ Артуръ. — Она презираетъ насъ всѣхъ. Смотритъ на насъ, на всѣхъ людей съ землею, съ деньгами и съ большими домами, какъ на помоль для мельницы отца или какъ на жирный скотъ для его потребления.

— И вы все-таки любите ее?

— Конечно, люблю! Вы не поймете этого, Лестеръ! Она никогда ничего не говоритъ о такихъ вещахъ, не говоритъ мнѣ, по крайней мѣрѣ. Она только насмѣхается и надъ своими, и надъ нашими одинаково. Но отца она боготворитъ и всѣ его мысли и слова священны для нея. Она его обожаетъ, пойдетъ за него хоть на костеръ. И, если вы хотите быть ея другомъ, пошевелите хоть пальцемъ для него, и вы увидите! Конечно, это безуміе, знаю. Но я скорѣе женюсь

на ней, безумной, чѣмъ на всякой другой, самой нормальной женщинѣ!

— И все-таки вы могли бы порвать... — настаивалъ Лестеръ.

— Конечно, могъ бы. Вѣдь, я могъ бы и повѣситься, или отравиться, или застрѣлиться, если ужъ на то пошло. Это будетъ то же самое. Если я буду принужденъ отказаться отъ нея, то брошу всѣ дѣла—парламентъ, помѣстья—все!

Лестеръ видѣлъ приближеніе новой бури и терпѣливо ждалъ успокоенія, пока рѣшился, наконецъ, предложить новый вопросъ.

— А каковы ваши шансы?

— Не знаю. Она поднимаетъ меня до небесъ сегодня и повергаетъ въ бездну отчаянія завтра. Одно только я знаю навѣрное. Если я буду присутствовать и говорить на митингѣ, то потеряю и то небольшое, что имѣлъ. Если же я откажусь и мать узнаетъ причину,—миѣ конецъ.

— Отчего вы не попросите Користона?

— О чемъ? Отказаться отъ выступления на митингѣ? Онъ скорѣе провалится... Эта проклятая его революціонная болтовня! Вѣдь онъ же предупредилъ, что поселится здѣсь, чтобы причинять всѣмъ неприятели, — ну, и исполняетъ свое обѣщаніе.

— Кто поминаетъ мое имя всеу?—прозвучалъ въ это время высокій фальцетъ въ дверяхъ.

Лестеръ повернулся и увидалъ просунувшуюся сквозь полуоткрытую дверь голову и улыбающееся лицо съ зелеными, искрящимися веселымъ смѣхомъ глазами. Користонъ проскользнулъ въ комнату и затворилъ за собой дверь.

— Здравствуй, Артуръ, что новаго, старикашка?

Артуръ сердито посмотрѣлъ, но былъ слишкомъ разстроенъ, чтобы отвѣчать. Лестеръ спокойно обдумывалъ положеніе. Користонъ насвистывалъ. Затѣмъ онъ поставилъ въ уголокъ удочку, взялъ папиросу и примостился на краю большого, деревяннаго постаментъ, поддерживавшаго бюстъ его предка въ парикѣ, жившаго въ восемнадцатомъ столѣтіи. Нѣжно обнявъ бюстъ за шею, онъ скрестилъ ноги, покуривая и размышляя.

— Помѣшаемъ мы или не помѣшаемъ митингу, Артуръ, все равно я не вижу для тебя выхода. Клянусь Богомъ, не вижу!

— Никто и не предполагалъ, что ты видишь! — закричалъ Артуръ.

— Передъ тобой такая дилемма,—продолжалъ Користонъ добродушно.—Если ты сдѣлаешь ей предложеніе, мать сей-

часть же лишить тебя состоянія. А если у тебя не будетъ состоянія, ты не будешь нуженъ миссъ Гленуилльямъ.

— Ты всѣхъ, кромѣ себя, Корри, считаешь корыстолюбивыми животными.

— А ты какъ думаешь? Неужели ты предполагаешь, что миссъ Гленуилльямъ согласилась бы жить съ милымъ гдѣ-нибудь на чердакѣ, на тысячу фунтовъ въ годъ? Для своего отца, она можетъ быть, пойдетъ на всякія жертвы, но больше ни для кого! Ея туалеты стоятъ не меньше трети этого.

Отвѣтомъ былъ только яростный взглядъ. Користонъ началъ ощущать безпокойство. Онъ слѣзъ съ своего насѣста, подошелъ къ все еще ходившему Артуру и взялъ его руку. Этому знаку вниманія младшій братъ только подчинился.

— Слушай, старина! Или я въ самомъ дѣлѣ превратился въ животное? Увѣренъ ты въ ней? Серьезно это?

— Увѣренъ въ ней? Боже милостивый, еслибы я былъ увѣренъ!

Онъ подошелъ близко къ окну и стоялъ, заложивъ руки въ карманы и смотря въ него, такъ что лица его не было видно его собесѣдникамъ.

Брови Користона поднялись, а въ глазахъ подъ ними засвѣтилось неподдѣльное участіе. Отказавшись отъ предложенной Лестеромъ папирсы, онъ вынулъ изъ кармана трубку и закурилъ ее съ самымъ мрачнымъ видомъ. Фигура у окна оставалась неподвижной. Лестеръ почувствовалъ, что вмѣшательство посторонняго было бы не деликатно, и сдѣлалъ попытку приняться за работу. Казалось, что Користонъ что-то придумалъ.

— Хорошо,—сказалъ онъ медленно—очень хорошо. Я уступлю свой митингъ, передамъ предсѣдательство Эзерстону, попрошу его извиниться. И все-таки положительно не вижу, чему это поможетъ? Въ Матверѣ были вывѣшены афиши о вашемъ митингѣ еще вчера...

— Не можетъ быть! — Артуръ повернулъ къ брату поблѣднѣвшее лицо.

— Истинная правда. Мать не теряла зря время. Я не сомнѣваюсь, что она написала уже и рѣчь для тебя.

— Но что же мнѣ дѣлать! — Онъ стоялъ въ безпомощномъ отчаяніи.

— Затѣвай ссору,—смѣясь, сказалъ Користонъ—хорошую ссору. И не поддавайся! Скажи матери, что ты, наконецъ, не желаешь, чтобы съ тобой такъ обращались, что ты взрослый человѣкъ, а не школьникъ, что ты предпочитаешь писать для себя рѣчи самъ... Ну, и такъ далѣе... Стой за свою независимость. Я берусь поддержать кампанію.

Лицо Артура начало проясняться.

— Выходить, что мы съ тобой заключаемъ условіе? Ты не выступишь на митингъ въ Матверѣ, а я...

— Изволь, заключимъ и условіе, если хочешь,—миролюбиво согласился Користонъ.—Только я опять-таки предупреждаю тебя, что большой помощи тебѣ отъ меня не будетъ.

— Хотя бы выиграть немного времени,—сказалъ молодой влюбленный унылымъ тономъ.

— Что толку въ этомъ? Пройдутъ года, и Гленуилльямъ останется Гленуилльямомъ, а мать матерью. Имѣй въ виду еще, что ты разобьешь ей сердце, и все тому подобное. Марція взяла съ меня обѣщаніе, что я скажу тебѣ это. И я говорю, потому что самъ увѣренъ въ этомъ. Хотя мнѣ менѣе всего слѣдовало бы говорить объ этомъ! Но вѣдь со мною мать всегда ссорилась, а ты былъ всегда примѣрнымъ сыномъ.

Гнѣвъ и тоска снова охватили Артура.

— Для какого дьявола ввязываются женщины въ политику! Почему онѣ не предоставятъ намъ это непріятное дѣло? Жизнь теряетъ всякую цѣнность, когда онѣ такъ поступаютъ...

— Жизнь!.. — повторилъ Користонъ съ насмѣшливымъ пренебреженіемъ.—Твоя жизнь? Да предложи ее, со всѣми твоими непріятностями, любому встрѣчному на улицѣ и ты увидишь, что будетъ!

Артуръ съ возмущеніемъ повернулся къ брату.

— Если ты думаешь, что я сегодня же не отдалъ бы всего этого — онъ показалъ рукой на мраморный фронтонъ дома, блестящій теперь на солнцѣ,—за... за Энидъ, ты никогда еще не ошибался такъ жестоко, Корри!

Въ удареніи, съ которыми были произнесены эти слова, звучали горечь и страсть. Выраженіе лица Користона снова измѣнилось.

— Къ сожалѣнію, такая жертва не принесла бы тебѣ пользы,—спокойно сказалъ онъ.—Миссъ Гленуилльямъ, если я вѣрно ее понимаю... я вовсе не хочу сказать ничего для нея оскорбительнаго—она прекрасно знаетъ цѣну деньгамъ.

Что-то вродѣ стога вырвалось въ отвѣтъ изъ груди Артура.

Въ это время Лестеръ поднялъ голову отъ книги.

— Вы не думаете, что миссъ Користонъ могла бы помочь вамъ?—спросилъ онъ, переводя взглядъ съ одного на другого изъ братьевъ.

— Марція!—воскликнулъ Користонъ, вскакивая.—Кстати, что дѣлаютъ теперь Марція и мать? Какъ вы полагаете, можетъ быть, тамъ уже рѣшено дѣло?

Онъ указалъ пальцемъ по направленію Ходдонъ-Грея. И при этихъ словахъ исчезла вся мягкость, проскальзывавшая сквозь насмѣшку въ его тонъ во время бесѣды съ Артуромъ. Лицо его въ одну минуту сдѣлалось жестокимъ и угрожающимъ.

— Пожалуйста, Користонъ,—сказалъ Лестеръ съ неудовольствіемъ—не обсуждайте при мнѣ этого вопроса. Вашей сестрѣ это можетъ быть неприятно. Если я упомянулъ ея имя, то только потому, что подумалъ, не можетъ ли она оказать вліяніе на мать въ дѣлѣ Артура. — Онъ поднялся, говоря это, и началъ собирать свои бумаги.

— Знаю. Но почему можетъ ей не понравиться, если мы будемъ говорить о ней? Развѣ вы не другъ ея? Не нашъ другъ? Вы нашъ общій другъ — сказалъ Користонъ рѣшительно. — Слушайте! Если Марція дѣйствительно выйдетъ замужъ за Ньюбери... — онъ съ жаромъ ударилъ кулакомъ по столу Лестера — будетъ новая семейная ссора! Ничто на свѣтѣ не остановитъ меня, чтобы не рассказать Марціи исторію Беттса! Я уже предупреждалъ ее, что буду говорить съ ней на этотъ счетъ, но кромѣ того посоветовалъ еще м-ссъ Беттсъ написать ей письмо. Она должна заставить Ньюбери выслушать всю правду. Если же она и сама не сможетъ или не захочетъ посмотрѣть на дѣло, какъ должно... Ну... тогда мы увидимъ, что будетъ!

— Послушай, Корри,—началъ Артуръ успокоительнымъ тономъ,—Эдвардъ Ньюбери прекрасный человѣкъ. Не порти же имъ дѣла.

— Это будетъ большая жестокость по отношенію къ сестрѣ,—прибавилъ Лестеръ.—Какъ можно посвящать ее въ эту исторію въ такое время!

— Если она счастлива, пусть принесетъ благодарственную жертву!—сказалъ неумолимый Користонъ.—Жизнь не падить своими фактами, почему будемъ падить мы? Артуръ, пойдемъ ко мнѣ!

Артуръ колебался, отговариваясь тѣмъ, что не считаетъ себя подходящимъ для социалистическаго жилища Користона, но въ концѣ концовъ подчинился и далъ себя увести.

Лестеръ снова остался на свободѣ въ своей библіотекѣ.

„Я посоветовалъ м-ссъ Беттсъ написать ей“.

Какъ не стыдно! Зачѣмъ отрывать дѣвушку отъ ея первой любовной грезы и сталкивать ее лицомъ къ лицу съ этимъ старымъ, проклятымъ, вѣчно не рѣшеннымъ вопросомъ? Онъ чувствовалъ яростное негодованіе противъ Користона. И, сидя опять въ одиночествѣ у окна библіотеки, онъ сталъ рисовать себѣ картины того, что должно было, по его

мнѣнію, происходитъ въ этотъ ясный лѣтній день въ Ходдонъ-Греѣ. Онъ зналъ старый домъ—лордъ Уилльямъ раза два любезно приглашалъ користоновскаго бібліотекаря посмотреть небольшое количество рѣдкостей, собранныхъ въ Ходдонъ-Греѣ. Онъ представлялъ себѣ Марцію въ обшитыхъ панелями комнатахъ и на лужайкахъ стараго парка—Марцію и Ньюбери.

Постепенно голова его опускалась на руки. Солнце скользило вдоль пола бібліотеки оранжевыми и пурпуровыми пятнами, ударяя въ старинныя, разноцвѣтныя стекла оконъ. Ни звука не раздавалось кругомъ, кромѣ воркованія голубей и отдаленнаго кукованія кукушки за рѣкой.

Оставалось только иронизировать надъ собой. Всѣ эти страстныя желанія и муки ревности ему не къ лицу. Но они, конечно, не вѣчны, они должны пройти. Пройдутъ постепенно и исчезнутъ безслѣдно. Нужно думать о своей карьерѣ, о матери, сестрѣ... Придетъ время, когда и онъ женится, будетъ имѣть домъ, дѣтей... Нужно мириться съ тѣми рамками, въ которыя поставило его семейное несчастье. Было бы, можетъ быть, легче презирать богатство, еслибы его не было раньше и еслибы недостатокъ его не проводилъ такой грани между нимъ и Марціей Користонъ. Но у него была здоровая и крѣпкая натура, позволявшая ему смотрѣть въ лицо жизни—ея ласкамъ и ударамъ и наслаждаться даже тѣми суровыми радостями, которыя выносятъ пытливый умъ изъ борьбы съ препятствіями. Въ концѣ концовъ онъ снова пришелъ въ веселое настроеніе и, когда вернулся Артуръ, могъ разговаривать съ нимъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ о дѣлахъ, поглощавшихъ молодого человѣка. Своей мягкой манерой сочувствія и легкаго юмора Лестеръ умѣлъ успокаивать людей, довѣрившихъ ему свою душу.

На слѣдующій день, рано утромъ, Марція вернулась съ матерью изъ Ходдонъ-Грея. Лэди Користонъ не любила заживаться въ гостяхъ. Если она пріѣзжала къ воскресенью, то утромъ въ понедѣльникъ торопилась уже уѣхать. На этотъ разъ ей пришлось удѣлить нѣкоторое время дѣловому разговору о времени свадьбы и другихъ необходимыхъ вопросахъ съ лордомъ Уилльямомъ. Но тотчасъ по окончаніи разговора она потребовала свой автомобиль и уѣхала.

— Какъ это утомительно!—проговорила она, откидываясь на подушки экипажа, съ усталымъ видомъ и полужакрытыми глазами, когда моторъ отъѣхалъ отъ парка. — Но ты, милочка, была счастлива!—прибавила она, какъ будто опомнившись:—Конечно, они превосходные люди.

Щеки Марціи горѣли, она едва сдерживалась. Безъ сомнѣнія, она и не ждала, что мать отнесется къ ея помолвкѣ

такъ, какъ обыкновенно матери относятся къ помолвкѣ дочерей. Она приняла сначала совершенно спокойно ея равнодушіе и отсутствіе нѣжности. И все-таки теперь ей было больно.

— Еслибы только Эдвардъ и вы, и всѣ остальные не торопились такъ со свадьбой,—отвѣтила она на слова матери.

— Семь недѣль вполне достаточно для свадебныхъ приготовленій, дитя мое. Чего еще ждать? Для меня это самое удобное. Осенью я буду страшно занята съ выборами Артура. Сэръ Люисъ сказалъ мнѣ, что они не могутъ задержаться дольше ноября. И, конечно, мнѣ придется имѣть дѣло не только съ выступленіями либераловъ, нужно будетъ еще бороться съ Користономъ.

— Знаю. Это хуже всего!—воскликнула Марція.—Еслибы онъ уѣхалъ!—Затѣмъ она съ безпокойствомъ посмотрѣла на мать.—Мнѣ не хотѣлось бы, матушка, чтобы вы посылали въ газеты замѣтку о митингѣ Артура, не поговоривъ съ нимъ. Почему вы даже не спросили его прежде, чѣмъ начали все это? Развѣ вы не боитесь оскорбить его?

— Нисколько. Артуръ знаетъ, чего я отъ него ожидаю. Разъ Користонъ позволяетъ себѣ такіе возмутительные поступки, Артуръ долженъ говорить въ своемъ помѣстьѣ. Необходимо, чтобы народъ зналъ, какого мнѣнія онъ о Гленуилльямѣ, когда до его выбора осталось всего пять мѣсяцевъ. Я все написала ему и до сихъ поръ не имѣю отвѣта. Что онъ дѣлалъ за эти послѣднія недѣли, не могу себѣ представить!

Марція погрузилась въ мрачное молчаніе. Увы, она знала гораздо больше, чѣмъ хотѣла бы знать, о томъ, что дѣлалъ Артуръ. Была еще надежда, что Користонъ поговоритъ съ нимъ, убѣдитъ его. Эдвардъ тоже обѣщалъ повидаться съ нимъ немедленно. Успѣютъ ли они сдѣлать что-нибудь, пока въ голову матери не закрались подозрѣнія?

По обыкновенію, груди писемъ ожидали лэди Користонъ и Марцію по ихъ возвращеніи домой. Но лэди Користонъ, не взглянувъ на нихъ, спросила дворецкаго:

— Дома м-ръ Артуръ?

— Да, миледи. М-ръ Артуръ пріѣхалъ, теперь вышелъ, но сказалъ, что будетъ къ завтраку.

Лицо лэди Користонъ прояснилось. Марція же не слыхала ни вопроса, ни отвѣта. Она была поглощена письмомъ, которое попало ей первымъ. Торопливо прочитывала она его, съ возрастающимъ изумленіемъ. Все еще держа его въ рукѣ, она хотѣла пройти въ свои комнаты, когда дворецкій остановилъ ее

— Васъ ждетъ молодая лэди, миссъ. Я проводилъ ее въ

вашу приемную. Она сказала, что приѣхала отъ портного, чтобы сообщить вамъ что-то относительно вашихъ новыхъ распоряженій.

— Относительно моихъ новыхъ распоряженій?—переспросила Марція съ изумленіемъ.—Я ничего не помню.

Она быстро поднялась наверхъ, продолжая на ходу просматривать письмо.

„Я не могу видѣться съ ней,—сказала она себѣ горячо—пока не посоветуюсь съ Эдвардомъ. Онъ имѣетъ теперь право знать все, что касается меня. Это не то, что Користонъ. Онъ можетъ сердиться на меня и на Эдварда, сколько ему угодно. Но сама м-ссъ Беттсъ! Нѣтъ это ужъ слишкомъ!“

Ея щеки горѣли отъ гнѣва. Она распахнула дверь приемной. Кто-то всталъ со стула при ея появленіи. Удивленная Марція увидала стройную молодую женщину, одѣтую небрежно, но съ претензіей на артистическій вкусъ. Она театрально всплеснула руками и заплакала при видѣ хозяйки.

— Кто вы?—спросила Марція, отступая.

К Н И Г А Ц.

Марція.

IX

— Миссъ Користонъ, я сдѣлала ужасную вещь...—проговорила посѣтельница дрожащимъ голосомъ.—Я обманула вашего слугу, сказала неправду, чтобы видѣть васъ. Но умоляю васъ, дайте мнѣ поговорить съ вами! Не прогоняйте меня!

Марція смотрѣла на стоящую передъ ней женщину, дрожащую и плачущую, какъ испуганный ребенокъ.

— Я не знаю, кто вы,—повторила она.—Пожалуйста, скажите ваше имя.

— Меня зовутъ... Алиса Беттсъ,—сказала незнакомка послѣ нѣкотораго колебанія.—Но, можетъ быть, вы ничего и не знаете обо мнѣ? Хотя едва-ли... Потому что... Потому что такъ много говорятъ...

— М-ссъ Беттсъ?—медленно повторила Марція. Глаза ея со вниманіемъ остановились на лицѣ собесѣдницы, сильно покраснѣвшей подъ этимъ пытливымъ взглядомъ. Марція въ простомъ, прекрасно сшитомъ, блѣдно-розовомъ платьѣ и такой же шляпѣ, съ ея юнымъ, свѣжимъ лицомъ, на фонѣ

зелени, видной изъ оконъ, производила впечатлѣнне роскошнаго, только что распустившагося цвѣтка. И рядомъ съ ней увядшее, напудренное лицо м-ссъ Беттсъ, не смотря на всѣ прикрасы—какъ оголенные руки и шея въ гранатовомъ ожерельѣ—казалось еще болѣе поблекшимъ и ясно говорило объ осенней порѣ тридцатипятилѣтней женщины.

— Развѣ вы не слыхали обо мнѣ?—спросила она жалобно.— Я думала... лордъ Користонъ...

Она окончательно смѣшалась и замолчала, опустивъ глаза.

— Да,—машинально проговорила Марція.—Такъ вы видѣли брата? Садитесь, пожалуйста.

М-ссъ Беттсъ сѣла съ продолжительнымъ вздохомъ, все еще не рѣшаясь поднять глаза и прижимая къ нимъ безпрестанно платокъ. Наконецъ, она начала говорить прерывающимся отъ слезъ голосомъ.

— Если вы не поможете намъ, миссъ Користонъ, я... я не знаю, что мы съ моимъ несчастнымъ мужемъ будемъ дѣлать. Вчера мы слышали, что за вечерней службой въ церкви... Мужъ теперь тамъ не бываетъ, а сколько разъ говорилъ онъ съ прихожанами въ прежнія времена въ этой церкви!.. Намъ говорилъ одинъ изъ нашихъ людей объ оглашеніи вашей помолвки съ мистеромъ Ньюбери. Мнѣ очень неловко, миссъ Користонъ, говорить о вашихъ личныхъ дѣлахъ! Я не нахожу словъ для извиненія...

Она подняла, наконецъ, съ мольбой большіе голубые глаза, съ пушистыми рѣсницами, въ которыхъ стояли еще слезы.

— Пожалуйста, продолжайте,—холодно сказала Марція, внутренно содрогаясь отъ волненія и усталости. Но она рѣшила владѣть собой; поэтому внѣшній видъ ея былъ совершенно спокойный.

— И тогда, только тогда...—М-ссъ Беттсъ закрыла на минуту лицо руками, потомъ отняла ихъ съ глубокимъ, жалобнымъ вздохомъ.—Тогда мы съ мужемъ посоветовались и рѣшили, что я пойду къ вамъ... буду говорить съ вами, миссъ Користонъ, буду просить васъ ходатайствовать за насъ передъ мистеромъ Ньюбери и лордомъ Уилльямомъ У васъ впереди такое счастье, миссъ Користонъ, а мы... мы такъ несчастны!—М-ссъ Беттсъ снова подняла глаза и на этотъ разъ слезы ея неудержимо текли по щекамъ и капали на голубое шелковое платье. Марція, сидѣвшая на соседнемъ стулѣ, была растрогана и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовала себя очень неловко.

— Я не думаю, чтобы кто-нибудь хотѣлъ вамъ зла,—сказала она смущенно.

М-ссъ Беттсъ съ живостью подалась впередъ.

— Такъ вы слышали? Вы знаете, что Джонъ долженъ будетъ оставить ферму, если не разойдется со мной?

Но рѣзкое оживленіе ея тона и манеръ снова покорибли Марцію и она отвѣтила твердо:

— Я не могу вмѣшиваться въ дѣла лорда Уилльяма.

— О, дорогая, дорогая миссъ Користонъ... что же я буду дѣлать?—воскликнула м-ссъ Беттсъ, задыхаясь. Глаза ея бѣгали по сторонамъ, какъ у загнаннаго звѣрька, маленькія руки нервно теребили платокъ. Но потомъ она вдругъ замолчала, словно застыла на мѣстѣ, и черезъ минуту снова заговорила горячо и страстно:

— Вы должны выслушать меня! Это будетъ жестоко... безсердечно, если вы не выслушаете меня! Вы готовитесь къ великому счастью, вы богаты... Вы имѣете и будете имѣть все, чего только можно желать на землѣ. Какъ же можете вы... Какъ можете вы не помочь такому жалкому человѣку, какъ я!

Маленькое круглое лицо и легкая подвижная фигурка вдругъ выросли и пріобрѣли какую-то трагическую силу. Было ясно, что она чувствовала себя на краю бездны, что она припадала уже къ послѣднему источнику надежды и боялась, что онъ изсякнетъ. И при всемъ этомъ жесты и голосъ ея были театральны, казалось, что она наблюдала за собой даже въ эту минуту отчаянія.

Марція, взволнованная и испуганная, молча смотрѣла на нее нѣсколько минутъ, затѣмъ сказала:

— Какъ я могу помочь вамъ, м-ссъ Беттсъ? Вамъ не ко мнѣ нужно было бы обратиться, право, не ко мнѣ. Я не знаю вашей исторіи, а, еслибы и знала, не могу понять ее. Отчего вы не попытались повидаться съ моей матерью?

— Лэди Користонъ даже и смотрѣть не будетъ на такихъ, какъ я!—воскликнула м-ссъ Беттсъ.—Нѣтъ, миссъ Користонъ! Можетъ быть, это и эгоистично съ моей стороны... Но именно потому, что вы такъ молоды... что вы такъ счастливы... потому и пришла я къ вамъ... Вы не знаете моей исторіи, я расскажу ее вамъ.—Она снова закрыла на минуту лицо руками.—Я никогда не считала себя хорошей женщиной, миссъ Користонъ. Но мнѣ пришлось пережить очень много тяжелаго... страшно тяжелаго!—Она торопливо продолжала, какъ будто боясь, что Марція остановитъ ее.—Видите ли... Я была выдана замужъ семнадцати лѣтъ за старика. Мать моя умирала и хотѣла пристроить меня при жизни. И не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ мужъ началъ тиранить меня. Что я тогда выстрадала—мнѣ никогда не рассказать вамъ. Онъ запиралъ меня, морилъ

голодомъ, билъ, оскорблялъ... Тогда...—Она отвернулась и говорила, торопясь и путаясь.—Тогда появился другой человекъ—онъ училъ меня музыкѣ... Вѣдь я была ребенкомъ, миссъ Користонъ! Мнѣ было только восемнадцать лѣтъ. Онъ увѣрялъ, что любитъ меня... А мнѣ этого никто еще не говорилъ. Мнѣ показалось, что передо мной открылись небеса... И онъ увезъ меня на берегъ моря, гдѣ мы и поселились съ нимъ. Это было дурно... Вѣроятно, я должна была терпѣть... Но я не могла. Нѣтъ, не могла! Послѣ того мужъ далъ мнѣ разводъ и десять лѣтъ я жила со старикомъ отцомъ. Тотъ человекъ уѣхалъ отъ меня. Я разыскала его, потому что не вѣрила, чтобы онъ могъ поступить со мной такъ жестоко. Но его родные не позволили ему жениться на мнѣ. Такъ я осталась одна... съ ребенкомъ.

М-съ Беттсъ робко взглянула на Марцію. Дѣвушка вспыхнула, но не сказала ни слова. М-съ Беттсъ продолжала:

— Я осталась жить съ отцомъ, очень жестокимъ человекомъ, который ненавидѣлъ меня за то, что я сдѣлала. Онъ постоянно придирался ко мнѣ и упрекалъ меня. Но я терпѣла, потому что не могла заработать денегъ, не могла жить самостоятельно. Я всегда была слабая, неумѣлая, а тутъ еще ребенокъ. Такъ мы жили вмѣстѣ, хотя намъ обоимъ было тяжело. Наконецъ, онъ заболѣлъ и я перевезла его умирающаго въ Кольвинъ-Бай. Здѣсь я и встрѣтилась, послѣ пятнадцатилѣтней разлуки, съ Джономъ Беттсомъ. Когда мнѣ было двадцать лѣтъ, онъ хотѣлъ жениться на мнѣ, но случайно мы разстались и не встрѣчались пятнадцать лѣтъ. Онъ подошелъ ко мнѣ... Какъ я обрадовалась ему! Мы долго гуляли съ нимъ по берегу и я рассказала ему все. Онъ пожалѣлъ меня. Вскорѣ умеръ отецъ. Небольшія деньги, оставшіяся послѣ него, пошли на уплату долговъ, мнѣ не досталось ничего. И у меня не было теперь ужъ никого, кто помогъ бы мнѣ и моему мальчику. М-ръ Беттсъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе. Онъ зналъ все относительно моего развода, я его ни въ чемъ не обманывала. Но онъ зналъ также и то, какъ долженъ посмотрѣть на это лордъ Уильямъ. Хотя, въ сущности, вѣдь это никого не касалось, кромѣ насъ двоихъ. Я была свободна и бракъ со мной никого не могъ опозорить.

Она безпомощно замолчала.

Яркій свѣтъ юньскаго солнца жестоко подчеркивалъ пожелтѣлость маленькаго личика, его преждевременную изношенность, грубые слѣды румянъ и пудры и некрасиво завитые волосы. Также виднѣе какъ будто дѣлались дыры на чищеныхъ бѣлыхъ перчаткахъ и всѣ недочеты стараго,

мѣстами тщательно подштопаннаго платья. Марція не могла не обратить на это вниманія и не удивляться этому. Жена Джона Беттса не могла быть такой бѣдной! Вдругъ ея незванная гостья снова подняла голову.

— Миссъ Користонъ! Если они отнимутъ у Джона изъ-за меня ферму...—единственное, чѣмъ онъ дорожить... на что онъ потратилъ столько труда и силъ...—я убью себя! Скажите это мистеру Ньюбѣри!

Маленькое жалкое созданіе снова какъ будто выросло, выпрямившись на мѣстѣ. Полные страсти голубые глаза-ищущіе взгляда Марціи, сверкали искренней угрозой. Ошеломленная дѣвушка могла только повторить подавленнымъ голосомъ то, что уже говорила.

— Я увѣрена, что никто не хочетъ зла мистеру Беттсу, и, право же, напрасно, напрасно вы говорите со мной такимъ образомъ, м-ссъ Беттсъ. Я очень сочувствую вамъ, но ничего не могу сдѣлать. Было бы очень странно, еслибы я вмѣшалась...

— Почему?—прервала ее м-ссъ Беттсъ съ негодованіемъ.—Развѣ женщины не должны помогать другъ другу? Я знаю, что лордъ Користонъ говорилъ уже съ вами и хотѣлъ говорить еще разъ. Разумѣется, разумѣется, м-ръ Ньюбѣри выслушаетъ васъ! А лордъ Уильямъ выслушаетъ м-ра Эдварда. Знаете ли вы, чего они требуютъ? О, это слишкомъ жестоко!—Она ломала руки въ отчаяніи.—Они говорятъ, что, если мы разойдемся и если Джонъ общается, что я не буду больше его женой, а останусь только его другомъ, причемъ мы будемъ видѣться нѣсколько разъ въ годъ, какъ простые знакомые,—онъ можетъ остаться на фермѣ. А я должна буду жить вблизи Общины Сестеръ, работать и посылать мальчика въ школу. Подумайте же теперь, каково это мнѣ! Вѣдь мы съ Джономъ нашли другъ друга послѣ столькихъ лѣтъ. Я нашла, наконецъ, человѣка, который поддержитъ меня, поможетъ мнѣ сдѣлаться лучше... Рыданія не давали ей говорить.—Который любитъ меня... И должна уйти отъ него, потому что иначе его жизнь будетъ разбита... Все, чѣмъ онъ привыкъ жить, будетъ отнято у него. Вы знаете, миссъ Користонъ, что Джону не найти другого такого мѣста во всей Англіи. Вѣдь онъ производилъ здѣсь всевозможные опыты столько лѣтъ, съ разнообразными сѣменами, приготовлялъ особеннымъ образомъ почву, выращивалъ разными способами фрукты... О, я не сумѣю вамъ рассказать, какъ слѣдуетъ, я не понимаю тутъ многого. Знаю только, что ничего подобнаго ему не удастся дѣлать въ другомъ мѣстѣ... А онъ не можетъ жить безъ всего этого... Онъ уйдетъ, конечно... Уйдетъ, чтобы не бросить меня. Но

это разобьетъ его сердце. А почему онъ *долженъ* уйти? Есть ли справедливая причина?

М-ссъ Беттсъ встала съ мѣста и наклонилась къ Марціи. По щекамъ ея текли слезы, а въ глазахъ проглядывало безуміе. Тутъ уже не было игры.

Молодая дѣвушка мучительно и беспомощно волновалась. Она ласково взяла за руку м-ссъ Беттсъ и мягко пригласила ее сѣсть на диванъ.

— Мнѣ страшно жалъ васъ! Я такъ хотѣла бы помочь вамъ. Но вѣдь вы знаете, какъ смотрятъ лордъ и лэди Уилльямъ — также и м-ръ Ньюбѣри — на разведенныхъ супруговъ, вступающихъ въ новый бракъ. Вы знаете, что они стараются привить свои взгляды здѣшнему населенію. Какъ могутъ они пойти противъ того, что сами проповѣдуютъ! Должны же и вы стать на ихъ точку зрѣнія, должны подумать объ ихъ чувствахъ. Имъ тяжело—я увѣрена, что имъ страшно тяжело—дѣлать кого-нибудь несчастнымъ. Но, если человѣкъ, стоящій на виду у народа, человѣкъ, у котораго народъ учится, будетъ жить, по ихъ мнѣнію, порочно, какъ же...

— А!—закричала м-ссъ Беттсъ, прерывая ее.—Такъ послушайте же, пожалуйста, послушайте, миссъ Користонъ! Я скажу вамъ то, что попрошу передать м-ру Ньюбѣри! Я не могу отказаться совсѣмъ отъ Джона и онъ никогда не откажется отъ меня. Но я уѣду, я уѣду въ маленькій домикъ, который принадлежалъ еще его матери, далеко отсюда. Никто здѣсь не будетъ даже знать. Джонъ будетъ приѣзжать ко мнѣ, когда ему будетъ можно, когда позволитъ ему его работа. Онъ будетъ приѣзжать въ моторѣ, во время объѣзда окрестныхъ фермъ. Онъ часто объѣзжаетъ ихъ... Никто не обратитъ на это вниманія. Можно всѣмъ говорить, что мы разошлись. Вѣдь мы дѣйствительно не будемъ жить вмѣстѣ. Но я, хотя изрѣдка, буду чувствовать Джона моимъ, только моимъ... Также и онъ, хотя иногда, будетъ знать, что я принадлежу только ему...

Рыданія прервали голосъ, лицо наклонилось къ дивану, м-ссъ Беттсъ дрожала съ ногъ до головы.

Марціа молчала, но чувствовала, какъ созрѣвали въ ней новыя мысли, открывались новые горизонты жизни. Впервые проходила она черезъ такой опытъ, впервые соприкасалась такъ близко съ грѣхомъ и страстью, которые были для нея до сихъ поръ только призраками, мелькающими гдѣ-то вдали. Современныя дѣвушки ея класса не воспитываются уже въ полномъ невѣдѣніи жизненнаго момента, кладущаго грань между тѣмъ, что было, и тѣмъ, что немедленно послѣ него будетъ. Нравы, театръ, разговоры нашего поколѣнія подсте-

регають такую невинность на каждомъ шагѣ. Но, вмѣсто неясныхъ представленій, составленныхъ по слухамъ, въ первый разъ развертывалась передъ ней новая картина жизни въ лицѣ этого жалкаго, страдающаго созданія.

И вдругъ, по какой-то странной ассоціаціи, въ ея памяти всталъ блестящій огнями оперный театръ — Ифигенія на сценѣ, обнимающая колѣни отца, въ смертельномъ страхѣ и отчаяніи — и голосъ Ньюбѣри: „Смерть! — вотъ чего она боится“... Затѣмъ новая сцена возбужденія и успокоенія послѣ него, и новое опредѣленіе въ устахъ Ньюбѣри: „Смерть,—вотъ съ чѣмъ она примирилась“.

Передъ ней мелькнуло лицо Ньюбѣри, говорившаго это, его красивыя черты, проникнутыя экзальтаціей, пугавшей и вмѣстѣ съ тѣмъ очаровывавшей ее. При этомъ воспоминаніи въ ея мозгу возникла новая мысль: „Онъ пошелъ бы самъ на всякое мученіе въ защиту своей вѣры и идеаловъ, потому съ неумолимостью требуетъ того же и отъ другихъ. Но вѣдь это онъ! А другіе... Страдающіе и не вѣрующіе... Страданія такихъ ужасны“.

На молодомъ лицѣ появилось выраженіе рѣшительности. Марція попыталась поднять м-съ Беттсъ.

— Не плачьте такъ, — сказала она дрожащимъ голосомъ. — Я постараюсь рассказать все м-ру Ньюбѣри такъ, какъ вы хотите. Вы говорите, что никто не будетъ ничего знать о васъ? Всѣ будутъ предполагать, что вы разошлись? М-ръ Беттсъ будетъ жить здѣсь, а вы гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ? Такъ вѣдь? Больше ничего никому и не нужно знать.

М-съ Беттсъ поднялась.

— Да, конечно... вы сами видите, что мы могли бы принять условія м-ра Уилльяма и затѣмъ обмануть его. Но мужъ не можетъ поступить такимъ образомъ. Онъ просто не желаетъ допускать, чтобы кто-нибудь здѣсь вмѣшивался въ нашу личную жизнь. Не хочетъ лгать лорду Уилльяму и м-ру Эдварду.

Она грустно замолчала и усталыми движеніями приводела въ порядокъ растрепавшіеся волосы и сбившуюся шляпу. Но потомъ вдругъ опять поймала руку Марціи.

— Миссъ Користонъ! Вы выходите замужъ за м-ра Ньюбѣри, потому что любите его. Если я потеряю Джона, кто скажетъ мнѣ доброе слово, кто посмотритъ на меня ласково. Я думала, что нашла, наконецъ, хотя немножко любви... Вѣдь и дурные люди... — голосъ ея оборвался — могутъ желать этого? Развѣ нѣтъ? Христосъ не запрещалъ этого никому.

Ея молящій о состраданіи взглядъ остановился на себе-сѣдницѣ. Слезы брызнули изъ глазъ Марціи, хотя по ха-

рактеру она не была изъ тѣхъ, кого легко растрогать. Даже и въ это время къ чувству состраданія примѣшивались все время чувства сомнѣнія и протеста. Но часы любви, проведенные въ Ходдонъ-Греѣ, размягчили ея душу, сдѣлали ее болѣе воспримчивой къ чужимъ страданіямъ.

— Я сдѣлаю, что могу,—медленно и съ удареніемъ проговорила она.—Обѣщаю вамъ поговорить съ мистеромъ Нью-бери.

М-ссъ Беттсъ осыпала ее горячими изліяніями благодарности, которыя непріятно дѣйствовали на Марцію. Она была рада, когда они, наконецъ, прекратились и м-ссъ Беттсъ поднялась, чтобы уходить. Желая избавить гостью отъ любопытныхъ взоровъ прислуги, которая обратила бы вниманіе на ея заплаканное лицо и разстроенный видъ, Марція проводила ее боковой лѣстницей черезъ необитаемую часть дома и глухой частью парка. На возвратномъ пути дѣвушка прошла открытой калиткой въ лѣсъ, гдѣ, среди цвѣтушихъ кустовъ дикихъ розъ, проходила узкая, мшистая, совершенно закрытая тропинка, куда не доносился ни одинъ звукъ изъ дома.

Ей хотѣлось успокоиться отъ возбужденнаго состоянія и собрать свои мысли. Она все еще видѣла передъ собой маленькое, заплаканное лицо, поношенное, измятое платье. Только что слышанный разсказъ все еще звучалъ въ ея ушахъ. Но неотвязнѣе всего преслѣдовалъ ее вопросъ, сможетъ ли она тронуть и убѣдить Эдварда? И что онъ ей скажетъ?

Въ тишинѣ уединеннаго лѣснаго уголка проходило въ ея воображенія все, пережитое съ нимъ вчера. Затаивъ дыханіе, прислушивалась она къ происходившему въ ея душѣ и думала о томъ новомъ, что такъ измѣнило ея жизнь. Была ли это въ самомъ дѣлѣ она, Марція Користонъ, увлекаемая въ эту атмосферу счастья и безстрастной религіи? Увлекаемая рукой нѣжной и ласковой, которой она не въ силахъ была сопротивляться. Всѣ относились къ ней тамъ съ любовью, даже строгій и набожный лордъ Уилльямъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ она не могла не сознавать, что въ первый разъ въ жизни она поддавалась посторонней волѣ, подчинялась чужой дисциплинѣ, давала вести себя тѣмъ, которые лучше ея знали, что нужно ей дѣлать и куда идти. Только въ обществѣ матери не чувствовала она себя центромъ вниманія и лицомъ, создающимъ настроеніе. Въ обществѣ же людей ея возраста всѣ и всегда считались съ ея желаніями, мнѣніями и сужденіями. Естественно, что она чувствовала себя самостоятельной и умѣющей сознательно направлять не только себя, но и другихъ.

Но въ Ходдонъ-Греѣ, даже въ самыя интимныя и упоительныя минуты первыхъ любовныхъ сценъ между нею и Ньюбери, ее не оставляла мысль, что она входитъ — или, вѣрнѣе, ее вводятъ — въ новый міръ, гдѣ уже почти не было мѣста для свободныхъ сужденій, гдѣ она теряетъ значеніе самостоятельной личности и должна думать такъ, какъ думаютъ тамъ. Ее ласкали и любили, какъ новую, самую дорогую плѣнницу ходдонъ-грейского режима и его вѣрованій.

И она начинала уже ощущать какое-то утонченное и опьяняющее наслажденіе въ самоподчиненіи. Каждый часъ раскрывалась передъ ней какая-нибудь новая черта возвышеннаго и оригинальнаго характера Ньюбери. Книги и занятія, среди которыхъ проходила его жизнь дома, письма его оксфордскихъ друзей къ нему и его къ нимъ — особенно полученное имъ въ это утро письмо самаго близкаго друга, поздравлявшаго его съ помолвкой, — все это уводило Марцію дальше и дальше въ новую страну, подъ новыя небеса. При всемъ этомъ сложность характера жениха приводила ее въ недоумѣніе. Соединеніе неистощимаго веселья и почти дѣтской жизнерадостности съ мистической суровостью, любви къ красотѣ въ искусствѣ и литературѣ съ безусловнымъ повиновеніемъ авторитету церковнаго закона и всѣмъ догматамъ англійской церкви подавляло ее и вмѣстѣ съ тѣмъ вызывало въ ней протестъ. Но то, что она любила, она чувствовала всѣмъ своимъ существомъ, каждымъ біеніемъ своего сердца. Атмосфера восторженнаго обожанія и нѣжной любви окружала ее въ присутствіи Эдварда и заставляла трепетать теперь, при наплывѣ воспоминаній. Что могъ онъ найти въ ней? Какими душевными качествами можетъ она сохранить эту любовь?

И все-таки, все-таки! Какой-то внутренній голосъ, который она особенно ясно слышала теперь, въ этомъ уединеніи, и къ которому не могла не прислушиваться, твердилъ ей, что святая святыхъ его существа не принадлежатъ ей, что глубочайшей основой его жизни была не человѣческая привязанность, а поглощеніе мистической вѣрой. И вотъ этого чувства поглощенія она не могла раздѣлить съ нимъ, на него не было отклика въ ея душѣ. Одну минуту ей захотѣлось даже закричать отъ остраго сознанія своей слабости и своихъ недостатковъ. Прежде всего, она была ревнива, безумно ревнива.

Она способна была подчиниться этому жалкому человѣческому чувству. Способна была ревновать именно такъ, какъ ревнуютъ женщины — къ вѣрѣ, къ искусству, къ дружбѣ — ко всему, что можетъ мѣшать полнотѣ обладанія

любимымъ человѣкомъ. И, когда она сидѣла такъ, задумавшись, въ ея душу закралась древняя искушительница Психея и нашептывала ей, чтобы она испытала будущаго властелина, пока узы не скрѣплены еще окончательно. Исторіей м-съ Беттсъ она была тронута вполне искренно. Ей, впервые испытавшей сладость любви, казалось невообразимой жестокостью желаніе раздѣлить людей, жаждущихъ любить другъ друга. И людей, осужденныхъ даже не закономъ, а только религіознымъ предразсудкомъ. Навѣрное, Эдвардъ согласится самъ и уговорить отца согласиться на компромиссъ, предлагаемый супругами. Развѣ не достаточно будетъ того, что м-съ Беттсъ уйдетъ отсюда? Кого можетъ это смущать? Разсуждая такъ, она забывала даже о сочувствіи и испытывала живѣйшее чувство любопытства. Она видѣла себя убѣдившей Эдварда, сломившей его упорство, достигшей своей цѣли... И затѣмъ, вмѣсто того, чтобы торжествовать надъ нимъ, она бросится въ его объятія, чтобы молить о прощеніи за то, что осмѣлилась спорить съ нимъ.

Счастливыя слезы брызнули изъ глазъ и сразу засохли отъ злой насмѣшки, внезапно смѣнившей умиленіе. „О, какая я глупая! Какая глупая!“ Въ волненіи пробѣжала она черезъ лѣсъ и очутилась на другомъ концѣ его, на залитой солнцемъ площадкѣ. На эту площадку выходила часть дома, въ которой помѣщались комнаты лэди Користонъ. Передъ сѣро-бѣлымъ фронтономъ съ безконечнымъ рядомъ колоннъ и портиковъ блестѣло на солнцѣ красивое озеро, по которому плавали лебеди. Всюду видѣлись бѣлыя статуи богинь и боговъ—и между колоннами, и по аллеямъ, и на мелкихъ островахъ среди озера. Цвѣты пестрѣли въ каменныхъ вазахъ и на клумбахъ, безчисленное количество мелкихъ душистыхъ лепестковъ носилось въ воздухѣ. Все блестѣло, искрилось и переливалось яркими красками въ лучахъ полуденнаго солнца. Въ обыкновенное время Марція не любила это мѣсто за его претенціозную поддѣлку подъ коринскій стиль, но сегодня ей нравились даже боги и богини, сдѣланные въ Римѣ для Користоновъ восемнадцатаго столѣтія. Сегодня она была влюблена во все, окружающее ее, а больше всего въ избытокъ жизни, кипѣвшей во всемъ ея физическомъ и духовномъ существѣ...

Черезъ открытыя окна гостиной она увидала разговаривавшихъ тамъ сэра Уильфрида, Артура и Користона. Видъ Артура сразу отвлекъ ее отъ всѣхъ мыслей и чувствъ, наполнявшихъ ее. Хотя Ньюбери и занималъ теперь главное мѣсто въ ея душѣ, все-таки мать не переставала еще цар-

ствовать въ ней. Она должна встать на защиту матери. А въ защитѣ мать будетъ нуждаться, если ни сэръ Уильфридь, ни Користонъ не успѣли убѣдить безумца. Хотя у нихъ есть теперь еще помощникъ и союзникъ — Эдвардь. Пусть Користонъ попробуетъ обвинять его передъ ней, если посмѣетъ! Она сумѣетъ постоять за него.

Между тѣмъ, какъ она спѣшила къ дому, въ дверяхъ, ведущихъ изъ библіотеки въ садъ, показалась фигура человека съ книгами подъ мышкой. Она узнала Лестера и чувство стыдливости, смѣшанное съ гордымъ сознаніемъ громаднаго счастья, вдругъ овладѣло ею и заставило замедлить шаги. Они встрѣтились въ широкой колоннадѣ, поддерживавшей первый этажъ дома. Лестеръ остановился около Марціа, она краснѣла и улыбалась.

— Я только что слышалъ,—сказалъ онъ.—Поздравляю васъ. Это такъ хорошо.

Она подала ему руку и онъ подумалъ, какъ преобразилось ея лицо и какъ похорошѣла она подъ вліяніемъ любви и счастья. Все несовершенное въ этомъ лицѣ исчезло и слилось съ общей гармоніей красоты. И никогда еще смуглый цвѣтъ кожи съ яркимъ румянцемъ не былъ такъ плѣнительно хорошъ, какъ въ эту минуту.

— Да, я очень счастлива. Онъ будетъ направлять меня. По крайней мѣрѣ, попытается.—Глаза ея сверкали.

— Кажется, всѣ очень довольны,—чтобы только сказать что-нибудь, сказалъ Лестеръ, идя рядомъ съ ней.

— Исключая Користона,—спокойно возразила Марціа.—Мнѣ придется еще пережить непріятныя минуты съ нимъ.

— Не поддавайтесь ему,—смѣясь, сказалъ Лестеръ.—Онъ больше лаетъ, чѣмъ кусается... Ага!..

Громкіе и взволнованные голоса лэди Користонъ и Артура прервали его слова и заставили ихъ остановиться.

— О, я должна быть тамъ!—поблѣднѣвъ, вскричала Марціа.—Благодарю васъ, очень благодарю васъ. До свиданія.

И она побѣжала въ домъ. Лестеръ остался, какъ окаменѣвшій, среди колоннъ и съ минуту или двѣ смотрѣлъ ей вслѣдъ неподвижнымъ, отсутствующимъ взглядомъ. Но разгоряченные голоса спорящихъ снова долетѣли до него и наполнили его душу смятеніемъ. Онъ быстро пошелъ прочь, но, не смотря на это, успѣлъ уловить нѣкоторыя слова разговора въ гостиной.

Х.

Марціа вошла въ гостиную матери въ самый разгаръ ожесточеннаго спора. Говорили всѣ, кромѣ Джемса, и голоса сливались въ общій неопредѣленный гулъ. Хотя сэръ Уиль-

фридъ и Користонъ, сидѣвшіе по обѣ стороны Джемса, оживленно разговаривали, Джемсъ молчалъ и только внимательно наблюдалъ за матерью. Лэди Користонъ на другомъ концѣ комнаты торопливо объясняла что-то Артуру и тотъ съ трудомъ сдерживалъ себя, чтобы только дослушать ее.

Входя, Марція услышала его громкій, взволнованный голосъ.

— Матушка, ваше предложеніе неправильно, я отказываюсь подчиняться.

Марція замерла у двери и съ изумленіемъ смотрѣла на младшаго брата.

Неужели же эти рѣзкія манеры, этотъ грубый голосъ принадлежали Артуру? Благовоспитанному, покорному сыну, примѣрному брату, какимъ онъ былъ въ обыкновенной жизни? Что случилось съ ними со всѣми?

Лэди Користонъ прервала Артура.

— Но твое предложеніе, Артуръ, неприемлемо для меня еще болѣе. То условіе, о которомъ ты говоришь, для меня невысказано.

— Услуга безъ услуги?—вмѣшался Користонъ, внезапно оборвавъ свой разговоръ съ сэромъ Уильфридомъ и перескочивъ на диванъ, ближе къ матери и Артуру.

Лэди Користонъ не обратила на него вниманія и продолжала, обращаясь къ младшему сыну:

— Дѣйствія Користона, послѣ того, что было уже имъ сдѣлано, не важны для меня. Первое объявленіе о матоверскомъ митингѣ было для меня вызовомъ и я приняла его. Но съ тѣхъ поръ произошло много новаго... Онъ бросалъ мнѣ вызовы уже съ другихъ сторонъ... Онъ не стѣснялся оскорблять публично и позорно какъ родственныя чувства, такъ и политическія приличія...

— Этого не дѣлалъ...—спокойно проговорилъ Користонъ.—Право, не дѣлалъ... Если считать, что мы живемъ въ свободной странѣ.

Лэди Користонъ только бросила въ его сторону негодующій взглядъ и продолжала:

— Такъ что я совершенно не забочусь о томъ, что дѣлаетъ Користонъ. Худшее онъ уже сдѣлалъ. Большихъ оскорбленій онъ мнѣ нанести не можетъ.

Користонъ покачалъ головой, безмолвно протестуя. Онъ взялъ перо со стола рядомъ и началъ грызть и обламывать его кончикъ, съ видомъ полного равнодушія.

— Но ты, Артуръ! — продолжала лэди Користонъ негодующимъ тономъ.—Ты можешь еще потерять или выиграть.

Если я говорю, что для меня не представляет особенной важности, будетъ Користонъ председателемъ или нѣтъ, такъ это потому, что я смотрю на него только, какъ на орудіе въ рукахъ Гленуилльяма. Но, если ты не выступишь противъ этого митинга въ Матоверѣ, ты погубишь себя въ глазахъ здѣшнихъ избирателей... Сыграешь роль труса... И, наконецъ, ты поставишь меня въ ложное положеніе передъ нашей партіей... Хотя послѣднее, кажется, интересуется тебя менѣе всего!

Джемсъ и сэръ Уильффридъ съ безпокойнымъ видомъ приблизились къ спорящимъ. По дорогѣ сэръ Уильффридъ взялъ подъ руку безмолвно стоящую Марцію и ласково сказалъ ей:

— Дорогая моя, мы не можемъ убѣдить вашу мать. Попробуйте вы.

— Мама, вы не должны настаивать, чтобы Артуръ выступалъ на митингѣ, разъ онъ этого не хочетъ,—горячо проговорила Марція.—Пусть откажется. Мнѣ кажется, такъ легко отложить митингъ.

Лэди Користонъ повернулась къ ней.

— Безъ сомнѣнія, все легко въ твоихъ глазахъ, Марція, трудно только исполнять свои обязанности и щадить меня! И вы всѣ прекрасно знаете, что до сихъ поръ Артуръ ничего не имѣлъ противъ, чтобы я въ подобныхъ случаяхъ все подготавливала и устраивала для него.

— Больше этого не будетъ, матушка!—рѣшительно проговорилъ Артуръ.—Вы должны предоставить мнѣ самому устраивать собственную жизнь и собственныя дѣла.

По длинному худому лицу лэди Користонъ пробѣжала судорога. Сидя на высокомъ стулѣ у окна, въ черномъ бархатномъ платьѣ, съ длинной таліей и съ высокимъ воротникомъ, вродѣ жабо, она особенно напоминала королеву Елизавету. И Джемсъ, всегда находившій это сходство, почти сознательно ждалъ, что она встанетъ и произнесетъ знаменитыя слова королевы Сесилию: „мальчикъ, еще твой отецъ не смѣлъ говорить мнѣ „должна!“

Но, вмѣсто того, она бросила сыну взглядъ злобнаго презрѣнія, со словами:

— Прежде, Артуръ, ты охотно принималъ мою помощь. Да и не былъ даже въ состояніи обойтись безъ нея. Я не строила себѣ никакихъ иллюзій относительно твоихъ парламентскихъ способностей.

— Матушка!—вскричали Марція и Джемсъ въ одинъ голосъ.

Користонъ вздернулъ плечами. Артуръ вырвалъ руку у

державшаго его сѣра Уильфрида и бросился къ матери. Его лицо пылало отъ гнѣва, глаза налились кровью.

— Вы любите говорить жестокия истины, матушка. Мы всѣ слышали ихъ достаточно. Слышалъ ихъ также и отецъ. И все-таки я намѣренъ думать самъ за себя въ будущемъ. О Гленуиллямѣ я держусь иного мнѣнія, чѣмъ вы. Я знаю его... И знаю его дочь.

Послѣднія слова были произнесены съ особеннымъ удареніемъ. Ужасъ охватилъ Марцію и безпокойство всѣхъ остальныхъ присутствующихъ. Сэръ Уильфридъ схватилъ Артура за руку, но тотъ нетерпѣливо вырвалъ ее у него.

Лэди Користонъ отвѣтила все тѣмъ же горящимъ взглядомъ на слова Артура.

— Интриганка... Беззащитная интриганка, похожая на своего отца!—съ уничтожающимъ презрѣніемъ отрѣзала она.

Краска на лицѣ Артура замѣнилась мертвенной блѣдностью. Користонъ вскочилъ съ мѣста и предостерегающе поднялъ руку.

— Осторожнѣе, осторожнѣе, дружище!—прошепталъ онъ.

Марція и Джемсъ бросились къ Артуру, но онъ оттолкнулъ ихъ и выступилъ впередъ.

— Мы должны договориться до конца съ матушкой!—Онъ наклонился къ ней и смотрѣлъ ей въ лицо.

— Прислушайтесь хорошенько, матушка, къ тому, что я буду говорить.

Наступило тягостное молчаніе. Затѣмъ онъ выпрямился, сложилъ руки и заговорилъ медленно, все еще смотря на лэди Користонъ:

— Я люблю дѣвушку, о которой вы отзываетесь такъ несправедливо. Я хочу жениться на ней и пойду на все, чтобы убѣдить ее выйти за меня. Теперь вы понимаете, почему я не хочу выступать противъ ея отца въ данномъ случаѣ.

— Артуръ!

Марція бросилась къ брату, чтобы отвести его въ сторону.

Между тѣмъ Користонъ, съ поднятыми бровями и удивительными зелеными глазами подъ ними, вытянувъ голову, не отрываясь, смотрѣлъ на мать. Безпокойство и необычная мягкость выражались въ этомъ взглядѣ.

Молчаніе протянулось нѣсколько мучительныхъ минутъ. Глаза противниковъ были устремлены другъ на друга. Переменная въ лицѣ лэди Користонъ не поддавалась обычному опредѣленію „поблѣднѣла“. Это было скорѣе выраженіе инстинктивнаго и быстрого напряженія всей человѣческой личности, въ виду опасности, наиболѣе смертельной изъ

всѣхъ, когда-либо встрѣчавшихся въ жизни. Это было лицо, потемнѣвшее отъ громаднаго усилія воли, но не поблѣднѣвшее отъ страха. Она засмѣялась, проведя платкомъ по губамъ, чтобы скрыть ихъ дрожаніе, какъ подумала потомъ Марція.

— Благодарю за откровенность, Артуръ. Едва-ли ты ожидалъ, однако я все же пожелаю тебѣ успѣха въ твоихъ любовныхъ начинаніяхъ. Но твоя исповѣдь, твоя удивительная исповѣдь дастъ, по крайней мѣрѣ, объясненіе твоему странному поведенію въ послѣднее время. Теперь, *теперь* я, конечно, не буду принуждать тебя выступать на митингъ, хотя онъ уже назначенъ. Разумѣется, онъ будетъ отложенъ. Что же касается другого, болѣе важнаго дѣла, мы поговоримъ о немъ потомъ и вдвоемъ. Мнѣ нужно обдумать все это.

Она встала. Джемсъ подошелъ къ ней.

— Не могу ли я пойти съ вами, матушка?

Она слегка вздрогнула.

— Не теперь, Джемсъ, не теперь. Я должна немедленно написать нѣсколько писемъ по поводу митинга.

И не взглянувъ ни на кого изъ другихъ дѣтей, она величественно прошла черезъ комнату. Сэръ Уильффридъ поспѣшилъ за ней къ дверямъ и тамъ шепнулъ ей что-то утѣшительное на ухо. Но она только покачала головой и онъ затворилъ за ней дверь.

Пока Артуръ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, а Користонъ лежалъ на диванѣ, смотря въ потолокъ, Марція, Джемсъ и сэръ Уильффридъ, молча и съ безпокойствомъ переглядывались между собой.

Сэръ Уильффридъ заговорилъ первый.

— Какъ намъ понимать, Артуръ, — дѣйствительно ли серьезно то, что мы сейчасъ слышали?

Артуръ нетерпѣливо повернулся къ нему.

— Развѣ я похожъ на человѣка, который шутить?

— Хотѣлъ бы я, чтобы было такъ, — сухо возразилъ сэръ Уильффридъ. — Для насъ всѣхъ это было бы пріятнѣе.

— Къ счастью, мать не вѣритъ ни одному слову изъ этого.

Это было произнесено Користономъ и обращено къ Адаму, украшавшему потолокъ.

Артуръ остановился.

— Что ты хочешь сказать?

— Не обижайся. Я не хочу сказать, что она не вѣритъ тебѣ. Но самый фактъ кажется ей слишкомъ смѣшнымъ и невѣроятнымъ, чтобы можно было о немъ безпокоиться.

— Возможно, что это и правда, — печально сказалъ Артуръ.

— Такъ или иначе, по она приметъ мѣры, мой милый, чтобы этого не было,—пробормоталъ Користонъ. Но сказалъ онъ это такъ тихо, что слова затерялись въ его усахъ. Онъ перевелъ глаза на Джемса, который стоялъ у окна и смотрѣлъ въ садъ. Что-то не понравилось ему въ спинѣ размышляющаго брата. Онъ прицѣлился и бросилъ въ нее скомканный конвертъ, который держалъ въ рукѣ. Джемсъ обернулся съ изумленіемъ.

— Слушай, Джемсъ, это тебѣ не Гегель, и не Лотце, и не Бергсонъ—это жизнь. Не приготовилъ ли ты какого-нибудь замѣчанія по поводу происшедшаго?

Въ голубыхъ глазахъ Джемса не было замѣтно ни малѣйшей обиды.

— Мнѣ грустно, что все такъ случилось,—сказалъ онъ спокойно.—И особенно жаль мать.

— Почему?

— Потому что она всѣхъ старше. У насъ есть будущее. У нея нѣтъ ничего.

Краска прилила къ лицу Марціи. Она съ благодарностью взглянула на брата. Сбѣдая голова сэра Уильфрида наклонилась въ знакъ согласія.

— Гмъ,—сказалъ Користонъ.—Я не такъ смотрю. Хотя, конечно, тутъ есть доля истины. Но это не даетъ еще основанія падить старшее поколѣніе. Въ самомъ дѣлѣ,—онъ вскочилъ съ мѣста—развѣ не стоитъ у насъ старшее поколѣніе всюду на дорогѣ? Мы не только выброшены имъ изъ современнаго общества и семьи, мы еще и раззорены имъ въ конецъ. Почему старики не отступаютъ на второй планъ, почему не уступаютъ намъ мѣсто? Мы знаемъ больше, чѣмъ они. Мы болѣе развиты, болѣе образованы. Нашимъ мозгамъ они противопоставляютъ свой опытъ и свои года. Увѣряю васъ, міръ не можетъ больше существовать при такихъ условіяхъ. Что-нибудь произойдетъ. Мы сведемъ свои счеты со стариками.

— Да, только этимъ будутъ заниматься тѣ, у кого нѣтъ въ душѣ ни совѣсти, ни состраданія!—сказала Марція. Сила, съ какой были произнесены эти слова, обратила на нее изумленные взоры всѣхъ троихъ братьевъ. Ни одинъ изъ нихъ не переставалъ еще смотрѣть на сестру, какъ на ребенка, съ мнѣніемъ котораго не стоитъ считаться. Користонъ невольно покраснѣлъ.

— Я получилъ не по заслугамъ, дорогая,—сказалъ онъ.—Ты меня не поняла. Развѣ я желаю зла старикамъ? Вовсе нѣтъ! Но время уже имъ сидѣть за печкой и предоставить намъ наши права! Ты считаешь это неблагодарностью и жестокостью? Боже мой! Но съ какой стати будемъ мы за-

ботиться о людяхъ, нашихъ современникахъ, съ которыми мы постоянно боремся, постоянно сталкиваемся въ томъ, что любимъ называть активностью? Развѣ не дороже намъ люди, утѣшающіе насъ и перевязывающіе намъ раны? Если бы я встрѣчалъ здѣсь не женщину, съ которой нужно вѣчно спорить и ссориться, а настоящую мать, мирно сидящую у огня, съ доброй улыбкой на губахъ, съ печатью мудрости на лицѣ, а не съ наточеннымъ топоромъ, чтобы отстаивать свои убѣжденія,—ты думаешь, я не обожалъ бы ее, не былъ бы вѣрнымъ рабомъ у ея ногъ? Вѣдь старшее поколѣніе имѣло достаточно времени для точенія топоровъ и отстаиванья убѣжденій. Тридцать лѣтъ! Совершенно достаточно! Теперь мы вышли на арену, а они могутъ быть только зрителями. Не время имъ вмѣшиваться въ игру!

— Не думаешь ли ты, Корри, что ты когда-нибудь могъ бы играть въ одну игру съ твоей матерью?—ѣдко спросилъ сэръ Уильфридъ.

Користонъ отвѣтилъ ему добродушнымъ взглядомъ.

— Можно ссориться до второго пришествія. Я согласенъ. Но вѣдь нужно же признавать, что наступилъ нашъ чередъ играть первыми. И вы, старшіе, должны уступить. Теперь мать собирается потиранить немного Артура, махнувъ рукой на меня. И что за смыслъ въ этомъ? Вѣдь за нами молодость, за нами сила, у насъ больше знаній, чѣмъ у старшихъ, просто потому, что мы родились на тридцать лѣтъ позднѣе! Пусть старшіе смирятся, и мы уложимъ для нихъ міръ подушками и проводимъ ихъ съ музыкой на покой. Но они хотятъ бороться съ нами и, конечно, будутъ побѣждены!

Користонъ стоялъ, выпрямившись, и смотрѣлъ на всѣхъ блестящими глазами.

— Какія ты глупости говоришь, Користонъ,—полусердито, полупрезрительно сказалъ Артуръ, продолжая ходить взадъ и впередъ безъ отдыха.

— Камни были и въ мой огородъ,—спокойно улыбаясь, сказалъ сэръ Уильфридъ.—Много есть игръ, дорогой мой Корри, въ которыхъ могутъ участвовать оба поколѣнія—и молодое, и старое. Однако теперь дѣло у насъ таково, что не до разсужденій. Артуръ, не хочешь ли выслушать совѣтъ стараго друга?

— Да,—неохотно отвѣтилъ Артуръ.—Еслибы только я не зналъ навѣрное, въ чемъ онъ будетъ состоять.

— Не будь такъ увѣренъ. Пойдемъ, погуляемъ вмѣстѣ въ липовой аллеѣ до завтрака.

Оба ушли. Джемсъ послѣдовалъ за ними. Марція, все

еще сильно встревоженная, хотѣла идти къ матери, но Користонъ остановилъ ее.

— Правда ли, Марція, что ты помолвлена съ Ньюбери?

Она гордо выпрямилась передъ нимъ.

— Правда.

— Я не буду поздравлять тебя!—сказалъ онъ горячо.— Мнѣ многое нужно сказать тебѣ относительно этого, хочешь выслушать?

— Если тебѣ угодно,—равнодушнымъ тономъ отвѣтила дѣвушка. Користонъ сѣлъ на край стола, у котораго она стояла, положилъ руки въ карманы и посмотрѣлъ ей въ лицо.

— Хорошо ли тебѣ извѣстно дѣло съ Беттсомъ?—отрывисто спросилъ онъ.

— Достаточно. По твоему совѣту, м-ссъ Беттсъ была у меня сегодня утромъ.

— А, такъ она приходила? Такъ видишь ли ты, здравый смыслъ и справедливость въ томъ, что христіане заставляютъ ее бросить мужа... Бросаютъ ее на растерзаніе волкамъ послѣ того, какъ она нашла убѣжище и спасеніе.

— По мнѣнію Эдварда, м-ръ Беттсъ не мужъ ей,—вызывающе сказала Марція.

— По мнѣнію Эдварда?—нетерпѣливо повторилъ Користонъ.—Дорогая моя, да какое же Эдварду дѣло до всего этого? Вѣдь его мнѣніе не законъ для страны. Пусть поступаетъ по своему закону самъ, если ему угодно. Но подѣлать жизнь людей подъ корень во имя какихъ-то особенныхъ законовъ, въ которые онъ вѣритъ, а другіе не вѣрятъ,—это слишкомъ ужъ смѣло для нашего времени. Ты можешь остановить это, Марція, и должна!

— Кто же беретъ на себя роль тирана теперь?—спросила Марція. — Развѣ не имѣютъ права другіе люди жить согласно своимъ вѣрованіямъ, какъ живешь ты?

— Да. До тѣхъ поръ, пока они не нарушаютъ ими жизнь другихъ людей.

— Хорошо,—холодно возразила Марція.—Ньюбери причиняютъ непріятности м-ру и м-ссъ Беттсъ, потому что порицаютъ ихъ поступокъ. А ты развѣ не такъ же поступаешь съ матерью?

Она бросила на брата торжествующій взглядъ.

— Какая бессмыслица!—вскричалъ Користонъ, вскакивая.—Самое нелѣпое сравненіе, какое только можно себѣ представить. Развѣ ты не видишь разницы между тѣмъ, что идетъ изъ глубины жизни, и тѣмъ, что находится на ея поверхности? Между спорами объ убѣжденіяхъ и разрус-

нѣмъ жизни, между дракой, какъ бы она ни была груба, и убійствомъ?

Онъ гнѣвно посмотрѣлъ на нее.

— Кто говоритъ объ убійствѣ? — Въ тонѣ слышалось презрѣніе.

— Я говорю! Если Ньюбери прогонять тѣхъ несчастныхъ, они убьютъ ихъ души. И, если ты говорила сегодня съ той женщиной, ты должна знать это такъ же хорошо, какъ и я!

Марція нѣсколько смутилась.

— Они могутъ встрѣчаться, какъ друзья.

— Да — подѣ надзоромъ святыхъ женщинъ, которыя будутъ неусыпно слѣдить, какъ бы не произошло чего-нибудь неприличнаго! Это дѣйствительно заманчивое предложеніе! Достойное только низкихъ и холодныхъ людей!

Стараясь сдержать себя и употребляя для этого такія невѣроятныя усилія, какія понадобились бы для обузданія взбѣсившагося коня, Користонъ метался по комнатѣ, пока не приобрѣлъ способности разговаривать.

Тогда онъ остановился передъ сестрой и, послѣ нѣкоторой паузы, огрывисто спросилъ ее:

— Ты дѣйствительно влюблена въ этого человѣка, Марція?

Застигнутая врасплохъ, Марція не сразу нашла отвѣтъ. Она устремила только неподвижный взглядъ на Користона и слабо улыбалась. Но Користонъ и не требовалъ уже отвѣта, онъ видѣлъ его въ прелестномъ, внезапно расцвѣтшемъ лицѣ, которымъ невольно залюбовался.

— Хорошо, такъ, если ты любишь его и онъ любитъ тебя, возбуди въ немъ чувство состраданія! Тѣ двое также любятъ другъ друга. Та женщина — бѣдное, простое, ничтожное созданіе. Она была маленькой незначительной актрисой не безъ таланта, до своего перваго брака, и осталась теперь такой же маленькой незначительной актрисой даже въ тѣ минуты, когда чувствуетъ искренно и глубоко. Ты, конечно, это замѣтила и она могла оттолкнуть тебя этимъ. Ты привыкла вѣдь къ чувствамъ изящнымъ и красивымъ и можешь позволять себѣ эту роскошь! Но, если вы оторвете ее отъ мужа, вы убьете въ ней и то небольшое хорошее, что она имѣетъ, уничтожите въ ней возможность сдѣлаться лучше. Мужъ можетъ поднять ее. Мало-по-малу онъ привыетъ ей свои взгляды на жизнь, свои привычки, потому что она любитъ его. А самъ Беттсъ — этотъ большой, молчаливый, мрачный человѣкъ, который только разъ въ жизни допустилъ себя пережить яркій моментъ! Забылся, и съ ушами, съ головой ушелъ въ любовь къ женщинѣ, и не можетъ теперь оторваться отъ этой любви. А вы, христіане, хотите отомстить ему за это, хотите разбить его сердце и уничто-

жить работу всей его жизни! Боже! Я хотѣлъ бы, чтобы вашъ Господь пришелъ сюда и сказалъ вамъ, что думаетъ Онъ обо всемъ этомъ!

— Но вѣдь ты не можешь считать себя единственнымъ истолкователемъ Его ученія!—задыхаясь, вскричала Марція.— Вѣдь Эдвардъ и его родители дѣйствуютъ Его же именемъ. Ты не смѣешь говорить... Ты не смѣешь думать, что это дѣлается только изъ деспотизма, изъ произвола!

Користонъ смотрѣлъ на нее нѣкоторое время молча.

— Безполезно спорить объ оцѣнкѣ этого—сказалъ онъ, наконецъ, коротко.—Ты недостаточно знакома съ дѣломъ, а я и Ньюбери никогда не сойдемся въ мнѣнiяхъ о немъ. Но только я долженъ предупредить и тебя, и его—играть двумя человѣческими жизнями, подобными этимъ, штука опасная. Они—люди чувствительные, легко возбуждаются... Я не хочу угрожать. Предупреждаю только—берегитесь!

— „Играть“! Какое глупое слово и какъ не подходитъ оно къ такимъ людямъ, какъ Эдвардъ и его отецъ, и въ такомъ дѣлѣ.—Марція говорила съ презрѣнiемъ и негодованiемъ.—Я поговорю съ Эдвардомъ, какъ обѣщала м-съ Беттсъ. Скажу тебѣ все-таки еще разъ, Корри, что, обвиняя другихъ въ тиранствѣ, ты самъ поступаешь со мной, какъ настоящій тиранъ.

Користонъ покачалъ головой.

— Глупости! Я врагъ всѣхъ тирановъ.

— Тиранъ! — повторила дѣвушка, откинувъ назадъ голову и вызывающе смотря на брата.—И безсердечный человѣкъ, въ придачу! Ты знаешь, что я вчера была помолвлена, и сказалъ ли ты мнѣ хотя одно слово участiя, выразилъ ли хотя одно доброе пожеланiе?

Ея губы дрожали. Користонъ отвернулся.

— Ты переходишь въ лагерь реакціонеровъ,—проговорилъ онъ сквозь зубы.—Будешь служить темнымъ, реакціоннымъ силамъ, которыя душатъ всякое проявленiе свободы—и въ личности, и въ государствѣ. Одно только горе,—прибавилъ онъ, повернувшись вдругъ къ ней и съ неожиданно веселой улыбкой, поразившей сестру,—я не смѣю ничего говорить о бракѣ, такъ какъ самъ, кажется, готовъ сдѣлать то же...

— Корри! Что ты хочешь сказать?

— Ага! А тебѣ хотѣлось бы знать? Погоди, придетъ время—узнаешь,—сказалъ Користонъ съ лукавствомъ.—Гдѣ же моя шапка?—И онъ оглянулся кругомъ, разыскивая невозможно обтрепанный предметъ, служившій ему головнымъ уборомъ.—До свиданiя, Марція. Если ты уладишь это дѣло съ твоимъ женихомъ, я слуга вамъ обоимъ. Я готовъ покло-

ниться даже лорду Уилльяму. Мое письмо должно было быть ему неприятно, я понимаю. Если же нѣтъ...

— Тогда что?

— Война!—былъ короткій отвѣтъ, брошенный уже при выходѣ изъ двери.

Но вдругъ онъ вернулся и сказалъ:

— Смотри за матерью. Дѣло съ Артуромъ можетъ не пройти ей даромъ. Она, конечно, и мысли не допускаетъ о томъ, чтобы Артуръ женился на этой дѣвушкѣ. Ну, а тутъ опять могутъ вмѣшаться силы, о которыхъ ты не имѣешь понятія. Извѣщай меня.

— Да—если ты общаешь помочь ему и ей—порвать съ этимъ,—твердо сказала Марція.

Користонъ медленно покачалъ головой и скрылся.

Между тѣмъ лэди Користонъ, отдѣлавшись отъ всѣхъ собесѣдниковъ, старалась укрыться подальше отъ постороннихъ глазъ. Она не хотѣла видѣть ни дѣтей, ни друзей, ни слугъ, пока не придетъ въ себя, пока не обдумаетъ, что дѣлать. Какъ и обыкновенно бывало съ ней въ худшія минуты ея жизни, разоблаченіе того, что ей угрожало, ожесточило ее и вмѣстѣ съ тѣмъ придало ей удивительную силу и бодрость. Въ короткомъ костюмѣ для гулянья, смѣнившемъ нарядное платье, и въ простой, черной шелковой шляпѣ, красиво обрамлявшей сѣдые волосы, она казалась помолодѣвшей. Быстрыми и легкими шагами ходила она по уединеннымъ аллеямъ парка и никогда еще, кажется, не чувствовала себя болѣе энергичной и крѣпкой. По временамъ какое-то странное чувство скрытой опасности мелькало въ ея сознаніи, но она быстро успѣла анализировать его. Конечно, здѣсь было не безъ примѣси ощущенія игрока, которому везло слишкомъ долго и который видитъ, что ближайшій поворотъ въ игрѣ грозитъ гибелью всего приобретеннаго раньше. Но это ощущеніе не дѣлало разницы въ послѣдовательномъ развитіи ея плана и не нарушало опредѣленности рѣшенія.

Теперь стало ясно и понятно все, что смущало ее въ продолженіе двухъ предыдущихъ мѣсяцевъ. Артуръ попалъ въ руки соблазнительницы какъ разъ передъ своей первой рѣчью въ парламентъ и съ тѣхъ поръ уже не сдѣлалъ ни шага впередъ. Въ то время, какъ мать старалась заклеить публичнымъ оскорбленіемъ министра, служившаго, по ея мнѣнію, злу, отказавшись сидѣть съ нимъ за однимъ столомъ на великосвѣтскомъ раутѣ, сынъ ухаживалъ за дочерью этого самаго человѣка. И дочь уже тогда торжествовала свою побѣду надъ врагомъ своего отца. Лэди Користонъ вспоминала большіе, насмѣшливые глаза Энидъ

Гленуилльямъ, которую она встрѣтила, черезъ двѣ недѣли послѣ того раута, на другомъ вечерѣ, и которую такъ же оскорбила, громко выразивъ нежеланіе познакомиться съ нею. И все это время, все время красивое, ненавистное созданіе держало въ рукахъ жизнь и карьеру Артура!

Хорошо же! Во всякомъ случаѣ она недолго будетъ тѣшиться этимъ. Мэди Користонъ говорила себѣ, что отлично понимаетъ, что такое миссъ Гленуилльямъ. Дѣло о лишеніи наслѣдства Користона было уже извѣстно многимъ, такъ же, какъ и непричастность Джемса къ наслѣдству. Гленуилльямъ бѣдны. Надежды на блестящую партію сомнительны, а дѣвушка честолюбива. Користоновскія помѣстья и положеніе, которое дастъ бракъ съ Користономъ дочери бывшаго стаффордшейрскаго штейгера,—искушеніе, передъ которымъ трудно устоять. Кромѣ того, сладость мщенія тоже должна была быть привлекательна для такихъ людей, какъ Гленуилльямъ.

Итакъ, схема ясна. Но и противодѣйствіе также несложно. Матоверскій митингъ будетъ еще не раньше, какъ черезъ три недѣли. Отъ Пэджа ей было извѣстно, что послѣ митинга канцлеръ съ дочерью будутъ въ гостяхъ у этого отвратительнаго господина Эзерстона. Запиской можно предупредить о желаніи повидаться, которое не можетъ быть отвергнуто. Нельзя терять времени, пока политическіе шансы Артура не исполнѣ еще погублены. Уже однихъ разговоровъ по секрету о такого рода сватовствѣ, среди раздраженныхъ политиковъ, будетъ достаточно, чтобы лишить его положенія и нарушить слабое колебаніе избирательнаго баланса правой стороны, поддерживаемаго округомъ въ цѣляхъ нейтрализаціи назойливаго радикализма мелкихъ городовъ.

Она дошла до холма въ паркѣ, гдѣ стояла скамейка подъ великолѣпнымъ дубомъ и откуда открывался видъ на окрестности. Зеленые холмы внизу сбѣгали на западъ къ широкому горизонту, гдѣ въ небѣ переливались всѣ оттѣнки сиренево-перламутроваго цвѣта, а выше собирались темныя, грозовыя тучи. Она смотрѣла на свои владѣнія, гдѣ незадолго передъ тѣмъ каждое слово ея было закономъ, а теперь исчезли послѣдніе признаки довѣрія и авторитета. Тамъ, на склонѣ холма, выдѣлялся бѣлымъ пятномъ коттеджъ Натчеттъ—старый, некрасивый домъ, гдѣ поселился Користонъ. Ея разстроенному воображенію представлялось, что это пятно постепенно растетъ, какъ опара на дрожжахъ, и разливается все шире и шире, заливая пространство кругомъ. Пятно борьбы и возмущенія. И только она, съ ея женскими силами, должна противостоять этой борьбѣ.

И трепетъ внезапной слабости пробѣжалъ по всему ея

тѣлу. Артуръ ея любимецъ! Было легче бороться съ Користономъ. Было ли время, когда она не ссорилась съ нимъ? Но Артуръ! Она вспоминала о счастливомъ времени, когда жила имъ—интриговала для него на выборахъ, готовила для него рѣчи, наблюдала за его первыми шагами въ палатѣ общинъ. Будущіе годы, годы наступающей старости представлялись ей въ сѣромъ, безрадостномъ туманѣ. И нѣсколько слезинокъ скупю оросили рѣсеницы. Или она, въ концѣ концовъ, плохо распорядилась своей жизнью? Сбывались ли это предсказанія ея мужа, которыхъ она никогда не хотѣла слушать? Ее охватила вдругъ глубокая тоска одиночества. Между тѣмъ свѣтъ заходящаго солнца тихо догоралъ на бѣлыхъ цвѣтахъ боярышника и въ брызгахъ и ряби весело журчащаго ручья.

Но она ни на минуту не отказалась отъ намѣренія видѣть Эвидъ Гленуилльямъ послѣ матоверскаго митинга. И ни на минуту также не входили въ ея расчеты мысли о счастьѣ Артура.

XI.

Гонгъ только что прозвонилъ къ утреннему завтраку въ Ходдонъ-Греѣ. Было четверть девятого. Молитва въ капеллѣ уже кончилась и лэди и лордъ Уилльямъ сидѣли въ столовой, по обѣимъ концамъ стола, съ очками на носу, просматривая утреннюю почту.

— Гдѣ же Эдвардъ? — спросила лэди Уилльямъ, оглядываясь кругомъ.

— Милая, — съ упрекомъ проговорилъ лордъ Уилльямъ.

— Совсѣмъ забыла, — сказала лэди Уилльямъ и легкая краска появилась на ея щекахъ. Сегодня была годовщина ихъ свадьбы, и никогда еще не случалось, съ самаго ранняго дѣтства ихъ дорогого, единственнаго сына, чтобы онъ не принесъ матери въ это утро букета юньскихъ розъ. Въ случаѣ его отсутствія, какъ въ то время, когда онъ жилъ въ Индіи, розы приносилъ старшій садовникъ, всегда получавшій распоряженіе къ этому дню. Лэди Уилльямъ часто вспоминала одинъ изъ такихъ дней, проведенный въ отелѣ въ Домодоссолѣ. Ей живо представлялся номеръ отеля, полуотворенныя двери и въ нихъ красивое, улыбающееся лицо одиннадцатилѣтняго Эдварда, державшаго въ рукахъ громадный букетъ изъ розъ и гвоздики. Мальчикъ всталъ раньше всѣхъ и обѣдалъ весь еще сонный итальянскій городокъ, чтобы достать цвѣтовъ. Они возили тогда Эдварда въ первый разъ за границу, въ промежутокъ между подготовительной школой и Итономъ, чтобы онъ оправился послѣ сильной кори. И лэди Уилльямъ не могла забыть этого времени, про-

веденнаго въ обществѣ прелестнаго мальчика, ласковаго и послушнаго, съ наслажденіемъ сопровождавшаго ее въ католическія церкви и скоро сдѣлавшагося общимъ любимцемъ. Онъ былъ въ дружбѣ со всеѣми крестьянами мѣстечка, съ кучеромъ, возившимъ ихъ на прогулки, и съ проводникомъ, который показывалъ имъ церкви и памятники.

И всегда, во все время дѣтства и юности, сынъ доставлялъ имъ только одно наслажденіе. Сегодня, не смотря на то, что лэди Уилльямъ была сильно увлечена письмомъ своего духовника епископа, она вспомнила объ Эдвардѣ и съ особенной нѣжностью напомнила мужу о томъ, что въ первый разъ они праздновали годовщину своей свадьбы послѣ помолвки сына. Возлѣ прибора лэди Уилльямъ стоялъ большой футляръ, потертый и старомодный, при видѣ котораго въ мысляхъ ея возникали представленія о старомъ, давно прошедшемъ — въ связи съ новымъ, только что начинающимся.

Утро было пасмурное и солнечные лучи, пробивавшіеся мѣстами сквозь разорванныя облака, мягко освѣщали столовую. Они пробѣгали иногда свѣтлыми полосами по рядамъ фамильныхъ портретовъ на сѣрыхъ стѣнахъ, по стариннымъ, гладко полированнымъ стульямъ возлѣ просто сервированнаго стола, по чернымъ съ позолотой часамъ на каминѣ и заставляли жмуриться каштановаго шпица, съ пушистымъ хвостомъ, сидѣвшаго на высокомъ табуретѣ, рядомъ съ лэди Уилльямъ. Завтракъ состоялъ изъ яицъ, поджареннаго хлѣба и кофе. Супруги вполне довольствовались самымъ легкимъ завтракомъ и втайнѣ презирали людей, любящихъ съ утра набѣдаться. Изъ снисхожденія къ молодому аппетиту Эдварда, или для гостей, къ завтраку полагались нѣкоторыя прибавленія, но въ весьма умѣренномъ количествѣ. Любившій покушать сэръ Уильфридъ говорилъ обыкновенно, что при такомъ столѣ строго соблюдавшіеся въ Ходдонъ-Греѣ посты теряли свое значеніе: не отъ чего было отказываться.

Но человѣкъ съ болѣе нѣжной душой нашелъ бы своеобразную прелесть въ настроеніи сегодняшняго утра въ Ходдонъ-Греѣ. Вся обстановка пустоватой комнаты была под стать столу, покрытому бѣлоснѣжной скатертью и украшенному небольшимъ количествомъ цвѣтовъ, стоявшихъ въ разныхъ мѣстахъ, и нѣсколькими предметами стариннаго серебра. Экономія въ сервировкѣ и въ кушаньяхъ гармонировала съ общимъ тономъ бережливости и аккуратности, которыми была проникнута жизнь въ Ходдонъ-Греѣ. Ньюбери были богаты. Объ этомъ ясно говорили и прекрасный домъ, и содержащееся въ образцовомъ порядкѣ имѣніе, съ роскошно украшенной церковью, народный домъ и другія учрежденія для

мѣстныхъ жителей. Но на частной жизни владѣльцевъ это богатство не откладывало никакого отпечатка, не оказывало на нее никакого вліянія.

— А, вотъ и онъ!—провозгласила лэди Уилльямъ, поворачиваясь къ двери съ нѣкоторымъ волненіемъ.—О, Эдвардъ, какія прелестныя розы!

Сынъ положилъ у ея прибора букетъ влажныхъ еще отъ росы цвѣтовъ и горячо поцѣловалъ ее.

— Желаю еще много такихъ счастливыхъ дней и вамъ, и батюшкѣ,—сказалъ онъ.—Но у васъ какой-то таинственный видъ, матушка! Почему вы покраснѣли? Въ чемъ дѣло?—все еще держа мать за руку, онъ смотрѣлъ, улыбаясь, на шкатулку, стоящую на столѣ.

— Ихъ, конечно, придется вставить въ новую оправу, дорогой мой, но камни очень хороши.

Лэди Уилльямъ открыла шкатулку и передала ее сыну. Въ ней лежалъ великолѣпный гарнитуръ изъ брилліантовъ и сапфировъ, состоявшій изъ ожерелья, броши и браслетовъ, въ тяжелой золотой оправѣ стариннаго образца. Еще на выставкѣ 1851 года производили эффектъ эти вещи, приобретенныя потомъ отцомъ лэди Уилльямъ въ подарокъ своей женѣ. Въ глубинѣ души лэди Уилльямъ находила и оправу не менѣе прекрасной, чѣмъ камни, но она знала, что ни одна молодая женщина не надѣнетъ уборъ въ такомъ видѣ.

Эдвардъ любовался камнями.

— Они великолѣпны, матушка. Я помню, что вы надѣвали ихъ на придворные балы, когда я былъ еще ребенкомъ. И вы хотите подарить ихъ Марціи? — Онъ снова поцѣловалъ ее.

— Передай это ей, пусть передѣлаетъ по своему вкусу,—сказала лэди Уилльямъ, вручая ящикъ сыну.

Между тѣмъ лордъ Уилльямъ не обращалъ никакого вниманія на эту сцену съ драгоценностями. Онъ былъ поглощенъ чтеніемъ какого-то письма, очевидно, непріятнаго. Кончивъ читать, онъ отбросилъ письмо и проговорилъ, смотря передъ собой и какъ будто ни къ кому не обращаясь:

— Я не запомню случая, болѣе грустнаго и труднаго.

Эдвардъ съ изумленіемъ взглянулъ на него.

— Опять письмо, батюшка?

Лордъ Уилльямъ передвинулъ письмо къ сыну.

Пока Ньюбери читалъ письмо, на лицѣ его появлялось мало-по-малу то же самое выраженіе, какое было на лицѣ его отца. Это было выраженіе серьезной, сосредоточенной грусти и безпокойства, но безъ малѣйшаго оттѣнка нерѣшительности. Лэди Уилльямъ ничего не спросила и только съ безпокойствомъ поглядывала на мужа и сына. Такъ до

конца завтрака не было сказано ни слова о письмѣ, но, какъ только онъ былъ конченъ, лордъ Уилльямъ сдѣлалъ знакъ сыну и оба ушли въ садъ, подальше отъ дома.

— Ты понимаешь, что мы не можемъ этого сдѣлать, Эдвардъ! — энергично произнесъ лордъ Уилльямъ, какъ только они остались одни.

Въ глазахъ Эдварда онъ ясно прочелъ утвердительный отвѣтъ и заговорилъ, волнуясь:

— Какъ я могу снова войти въ близкія отношенія съ человѣкомъ, считать его опять своей правой рукой во всемъ, приобщить его ко всѣмъ религіознымъ и благотворительнымъ дѣламъ, разъ онъ рѣшается обращаться ко мнѣ съ такого рода предложеніемъ! Онъ былъ всегда нашимъ помощникомъ во всемъ, что касалось нравственнаго оздоровленія здѣшнихъ жителей, а теперь проситъ меня поддержать его въ намѣреніи вести жизнь, которую ни мы, ни всѣ окружающіе не можемъ считать иначе, какъ безнравственной. Вѣдь въ сущности это ничто иное, какъ связь съ замужней женщиной. И, такъ какъ этого нельзя дѣлать открыто, онъ хочетъ удалить эту такъ называемую жену и затѣмъ видаться съ ней на сторонѣ, въ свободное отъ дѣла время. Между тѣмъ вся его дѣятельность въ деревнѣ и все вліяніе на здѣшнихъ жителей будутъ оставаться въ прежней мѣрѣ и силѣ. Это поставитъ насъ въ ложное положеніе передъ всѣми и будетъ съ нашей стороны самымъ отвратительнымъ лицемѣріемъ!

Наступило на нѣкоторое время молчаніе. Потомъ Ньюбери спросилъ:

— Вѣдь вы, вѣроятно, подтвердили ему въ вашемъ послѣднемъ письмѣ, что будете стараться обставить все наилучшимъ образомъ. Что все, что касается денегъ...

— Я писалъ ему, что будетъ сдѣлано все необходимое. Но что мы, не желая дѣлать насилія надъ чужой совѣстью, не допускаемъ его и надъ нашей. Если они будутъ продолжать совмѣстную жизнь, мы должны съ нимъ разстаться. Вѣдь они же могутъ поселиться гдѣ угодно, въ Англіи или въ колоніяхъ. Если же они разойдутся и она согласится устроиться такъ, какъ мы ей предлагаемъ, онъ останется здѣсь и будетъ опять нашимъ лучшимъ другомъ и правой рукой во всѣхъ дѣлахъ.

— Конечно, онъ хочетъ, главнымъ образомъ, удержать за собой ферму...

— Понятно, потому что онъ отдалъ ей лучшіе годы своей жизни. Производилъ въ ней всевозможные опыты и онъ дорога ему, какъ зѣница ока. Все это совершенно вѣрно и

понятно. Но какъ же онъ могъ рѣшиться на такой отчаянный шагъ, не посоветовавшись съ друзьями? Съ насъ такимъ образомъ снимается отвѣтственность.

На блѣдномъ красивомъ лицѣ старика лежало облако печали. Имъ овладѣвало чувство состраданія къ человѣческой слабости и онъ старался подавить его усиленіемъ воли.

— Есть какія-нибудь извѣстія изъ Общины Сестеръ?

— Да, вчера полученъ отвѣтъ. Лучшаго нечего и желать. Возлѣ самой общины есть маленькій домикъ, въ которомъ она могла бы поселиться съ мальчикомъ. Они будутъ давать ей работу и наблюдать за ней, наблюдать, конечно, со всей добротой, на какую только онъ способенъ. Мальчикъ будетъ ходить въ школу. Но, къ сожалѣнію, Беттсъ не хочетъ и слышать объ этомъ, такъ же и она. Въ отвѣтъ на это наше предложеніе они и сообщаютъ сегодня мнѣ о своемъ планѣ. Вчера онъ говорилъ мнѣ, что она не религіозна и не пойметъ сестеръ такъ же, какъ и сестры не поймутъ ее. Что она не сможетъ подчиниться ихъ требованіямъ и правиламъ, она можетъ возмутиться и тогда прежнія искушенія снова возьмутъ надъ ней силу. „Я взялъ ея жизнь на свою отвѣтственность—сказалъ онъ—и не могу уступить ее другимъ. Она моя, моей и останется“. Это, конечно, очень трогательно. Однако я могъ только отвѣтить, что не берусь и не брался быть судьей его совѣсти, но оставаться здѣсь онъ можетъ, лишь согласившись на наши условія.

— Письмо написано очень возбужденнымъ тономъ, — задумчиво сказалъ Ньюбери. — Трудно даже повѣрить, что его писалъ Беттсъ.

— Въ этомъ я вижу новое осложненіе, Онъ уже не прежній. Приступъ болѣзни подорвалъ его силы. Я не могу уже предъявлять къ нему тѣ требованія, какія предъявлялъ прежде.

Отецъ и сынъ, молча, шли, погруженные въ грустные размышленія, пока Ньюбери не замѣтилъ служителя, подходившаго къ нему съ запиской.

— Изъ Користонъ-Плаца, сэръ. Ждутъ отвѣта.

Лицо Ньюбери омрачилось еще больше, когда онъ прочиталъ письмо.

— Попросите передать миссъ Користонъ, что я буду къ завтраку.

Когда слуга отошелъ на достаточное разстояніе, Эдвардъ повернулся къ отцу и сказалъ съ волненіемъ:

— Знаете ли, что м-ръ и м-ссъ Беттсъ обращались къ Марціи?

— Не можетъ быть! Я думалъ, что Користонъ самъ будетъ говорить съ ней. Но поручить это имъ! Онъ дѣйствуетъ

положительно безразсудно! Что общаго между нею и Беттсами? Хотя нынѣшнія молодыя женщины вмѣшиваются во всякаго рода дѣла! — горячился лордъ Уилльямъ. — Марція должна бы довѣриться тебѣ и твоему сужденію въ этомъ случаѣ.

Ньюбѣри покраснѣлъ.

— Я думаю, такъ и будетъ, — сказалъ онъ медленно, опустивъ глаза. — Но м-съ Беттсъ была у нея.

— Какое сумасбродство! Совершенно неприличнѣйшій поступокъ! — Лордъ Уилльямъ горячился все больше и больше. — Она объ этомъ и пишетъ тебѣ? Дорогой Эдвардъ, ты долженъ идти туда и попросить Марцію — не вмѣшиваться въ это дѣло! Нечего ей обо всемъ этомъ беспокоиться. Пусть предоставитъ все намъ.

Старикъ выпрямился и нѣсколько надменно поднялъ съдую голову.

Черезъ два часа Ньюбѣри отправился въ Користонъ-Плацъ. Былъ одинъ изъ тѣхъ знойныхъ дней, какіе бываютъ въ разгарѣ лѣта. Боярышникъ и терновникъ уже отцвѣли, но всякія травы и молодая пшеница были въ полномъ расцвѣтѣ, а дикія розы пышными гирляндами обвивали всѣ изгороди. Весело журчащій ручей, мимо котораго шелъ Ньюбѣри, былъ почти закрытъ обильной сочной зеленью.

Чуткая совѣсть Эдварда и его впечатлительная душа не могли не страдать сегодня, не смотря на красоту роскошной лѣтней природы, окружавшей его, и на близость встрѣчи съ возлюбленной. Мысли о Марціи, воспоминаніе о ея прелести и ожиданіе ея поцѣлуевъ воспаляли кровь въ его жилахъ. Ему не было еще тридцати лѣтъ и никогда еще онъ не ощущалъ въ такой степени свои молодыя здоровыя силы. И все-таки его счастье было нарушено, ему мѣшали быть вполне счастливымъ тѣ двое несчастныхъ людей, надъ которыми какъ будто тяготѣла воля его отца и его самого. Но вѣдь они отказывались повиноваться церкви, не признавали заповѣди самого Христа.

Христіанскій бракъ не можетъ быть расторгнутъ. Онъ скрѣпляется священной печатью. Онъ есть изображеніе и внѣшній видимый символъ наиболѣе великаго и священнаго союза Христа съ душою. Нарушать церковное постановленіе, поддерживающее его, или помогать другимъ нарушать — съ христіанской точки зрѣнія — грѣхъ. Оказывать снисхожденіе людямъ, разрывающимъ бракъ по такимъ причинамъ, по какимъ разорвала его м-съ Беттсъ, — это значитъ оскорблять не только христіанскую церковь, но и людей, довѣряющихъ ей.

Таковы были взгляды его семьи, его церкви, которые въ немъ самомъ были непоколебимы. Онъ не зналъ выхода изъ нихъ. И страдалъ теперь отъ насилія надъ ними, даже въ самый разгаръ своего молодого счастья. Какъ убѣдить ему нарушителей закона и направить ихъ на единственный истинный путь! Или, если это невозможно, какъ устранить ихъ, чтобы онъ и его родные не могли быть отвѣтственны за ихъ поступки?

Чтобы сократить путь, онъ вышелъ изъ парка и пошелъ маленькой дорожкой возлѣ него. Только тутъ онъ замѣтилъ, что шелъ какъ разъ мимо изгороди опытной фермы, которая была извѣстна еще до Джона Беттса и прославилась вдвое больше за двадцать лѣтъ его управления. Вокругъ нея было поле въ тридцать акровъ, напоминающее громадную шахматную доску. На маленькихъ зеленѣющихъ клочкахъ земли культивировалась всѣхъ сортовъ пшеница, при разнообразномъ составѣ почвы и при разнообразныхъ условіяхъ ухода. Сюда пріѣзжали учиться и наблюдать фермеры Старого и Нового Свѣта. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видѣлись сараи, въ которыхъ культивировали пшеницу, произрастающую въ горшкахъ, подъ крышей, а не на открытомъ полѣ. Въ другой сторонѣ тянулись ряды помѣщеній для скота, тоже выкармливаемого самыми разнообразными способами. Здѣсь же была и новая химическая лабораторія, выстроенная его отцомъ для Джона Беттса. А на нѣкоторомъ разстояніи отъ нея стоялъ хорошенькій домикъ, принявшій подъ свою крышу женщину, причинившую столько безпокойства.

Безпокойство это безконечно увеличивалось присутствіемъ здѣсь Користона. Ньюбери, не смотря на всю свою любовь къ Марціи, не могъ не негодовать на ея брата и охотно поссорился бы съ нимъ, вернулъ бы ему всѣ оскорбленія, брошенныя имъ ему и его отцу.

Извезанно отворилась калитка въ невысокой изгороди.

Ньюбери узналъ Джона Беттса. Высокій, широкоплечій человѣкъ, съ слегка посеребренными волосами, загорѣлымъ, обвѣтраннымъ лицомъ и съ голубыми глазами въ очкахъ, вышелъ на дорогу.

— Я увидалъ васъ на дорогѣ, м-ръ Эдвардъ, и воспользовался случаемъ, чтобы поговорить съ вами.

— Къ вашимъ услугамъ,—проговорилъ Ньюбери, протягивая руку, которой Беттсъ не замѣтилъ. И они пошли вмѣстѣ. Любопытная это была пара. Молодой человѣкъ, съ высокимъ узкимъ лбомъ, крѣпкой, хотя тонкой фигурой и властнымъ видомъ бывшаго военного и прирожденного аристократа, невольно поддававшася въ данномъ случаѣ вліянію традиціоннаго отношенія господина къ подчиненному.

Изучающий современную социальную жизнь Англии остановился бы на немъ, какъ на лучшемъ образцѣ господствующаго англійскаго класса, какъ въ физическомъ, такъ и въ моральномъ отношеніи. Что же касается человѣка, шедшаго съ нимъ рядомъ, то, казалось, земля еще не отстала отъ него, отдающаго ей всѣ свои силы, но не только физическія, какъ обыкновенный земледѣлецъ и рабъ земли, а и умственные, которыя дѣлали его ея господиномъ и законодателемъ. Онъ также являлся типичнымъ представителемъ цѣлаго класса, новаго громаднаго класса земледѣльцевъ, вооруженныхъ научными свѣдѣніями.

Развился этотъ классъ изъ первыхъ труженниковъ земли и творцовъ земледѣльческаго искусства, первыхъ пахарей, жнецовъ и пастуховъ, которые ничего не знали и до всего доходили своимъ опытомъ. Сильный, молчаливый, мужиковатый человѣкъ, за котораго ручались его спокойные, голубые глаза и честный взглядъ. И обоихъ этихъ людей связывали воспоминанія о добрыхъ, дружескихъ отношеніяхъ, тянувшихся годами.

— Вашъ отецъ получилъ отъ меня письмо сегодня утромъ, м-ръ Эдвардъ,—отрывисто заговорилъ м-ръ Беттсъ.

— Да. И я оставилъ его за письмомъ къ вамъ.—Голосъ молодого человѣка былъ ласковый, даже почтительный.

— Вы, вѣроятно, читали его?

Ньюбери отвѣтилъ знакомъ согласія.

— Есть ли для насъ надежда, м-ръ Эдвардъ?

Беттсъ повернулся и заглянулъ въ лицо собесѣдника. Легкая дрожь обыкновенно крѣпко сжатыхъ губъ выдавала его волненіе.

Грустный и безпокойный взглядъ Ньюбери былъ ему отвѣтомъ.

— Еслибы вы знали, чего стоитъ намъ не идти въ данномъ случаѣ вамъ на встрѣчу.

— Вы полагаете, что и то, что мы предлагаемъ вамъ теперь, будетъ васъ компрометировать.

— Ну какъ же мы можемъ?—возразилъ молодой человѣкъ, съ явнымъ страданіемъ въ голосѣ.—Какъ можемъ мы своей помощью поощрять то, что считаемъ неправильнымъ потворствовать этому, вопреки нашимъ убѣжденіямъ? Какъ можемъ мы умышленно прививать народу превратныя понятія?

— Такъ что вы по прежнему требуете, чтобы мы разошлись?

— Если вы остаетесь здѣсь, у насъ на службѣ, продолжаете быть нашимъ представителемъ. Но, если вы захотите

устроиться гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, мы сдѣлаемъ для васъ все, что въ нашихъ силахъ.

Беттсъ помолчалъ немного, но затѣмъ заговорилъ быстро и горячо, смотря кругомъ:

— Я двадцать лѣтъ былъ во главѣ этой фермы. Я работалъ для нея день и ночь. Она была моей жизнью. Другіе мужчины работаютъ для жены, для дѣтей... Я работалъ только для фермы. Вѣдь вы знаете, м-ръ Эдвардъ, что я годами производилъ здѣсь опыты, которые теперь только начали давать результаты. И эти результаты для меня были заслуженной наградой. Развѣ легко мнѣ начинать работу сызнова и гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ? Кромѣ того, я усталъ. Я теперь уже не прежній. Лучшая часть меня отдава фермѣ. А вы хотите гнать меня изъ нея.

— О Беттсъ! Зачѣмъ вы... Зачѣмъ вы сдѣлали это?...— воскликнулъ Ньюбери съ отчаяніемъ.

— Зачѣмъ... Зачѣмъ я взялъ сюда женщину, которая привязалась ко мнѣ? М-ръ Эдвардъ, я напому вамъ одинъ случай изъ вашего дѣтства. Вы нашли однажды раненаго зайчика и велѣли убить его, чтобы прекратить его мученія. Потомъ вы долго плакали о томъ, что онъ такъ страдалъ. Такъ вотъ моя жена — она все-таки моя жена—такое же бѣдное раненое созданіе. Только я далъ ей жизнь! И тотъ, кто возьметъ ее отъ меня, убьетъ ее.

— А заповѣди нашего Господа ничего не значать для васъ, Беттсъ?—строго и съ внезапнымъ одушевленіемъ спросилъ Эдвардъ.—А между тѣмъ я когда-то самъ слышалъ ихъ отъ васъ. Намъ казалось, что вы вѣрите и чувствуете такъ же, какъ мы. Не вы ли подписывали петицію, посланную нами въ прошломъ году епископу?

— Это было давно, м-ръ Эдвардъ, очень давно. Я много пережилъ съ тѣхъ поръ.—Беттсъ говорилъ разсѣяннo, какъ будто мысли его были далеки отъ предмета разговора, какъ будто онъ думалъ все объ одномъ и томъ же. Затѣмъ онъ остановился.

— Да... Такъ до свиданія... До свиданія, сэръ. У меня еще есть кое-какая работа въ лабораторіи.

— Разрѣшите мнѣ придти поговорить съ вами еще сегодня вечеромъ, Беттсъ! У насъ есть нѣкоторые планы относительно Канады, которые могутъ заинтересовать васъ. Вы слышали о громадной правительственной фермѣ около Отавы? Отецъ могъ бы написать директору...

Беттсъ не далъ ему договорить.

— Приходите, пожалуйста, когда хотите, м-ръ Эдвардъ. Очень вамъ благодаренъ. Но только... Это не хорошо... не хорошо.

Голосъ его дрогнулъ.

Съ легкимъ поклономъ Беттсъ удалился.

Ньюбери продолжалъ путь, охваченный сильнымъ беспокойствомъ. Покорность или, скорѣе, апатія Беттса произвела на него тяжелое впечатлѣніе. Онъ привыкъ знать директора фермы, какъ человѣка живого, горячаго, рѣзкаго и не склоннаго стѣсняться въ словахъ и выраженіяхъ. Теперь онъ видѣлъ въ немъ колебаніе, неувѣренность въ собственной правотѣ и отчаянное желаніе цѣпляться за каждый признакъ этой правоты. Вѣдь убѣжденія, отстаиваемыя Ньюбери и его отцомъ, были также и его убѣжденіями втеченіе продолжительнаго періода его жизни. Набожный христіанинъ, какимъ онъ былъ много лѣтъ, не могъ исчезнуть въ немъ безслѣдно за столь короткое время.

Бѣлыя башни Користонъ-Плаца показались изъ-за деревьевъ. Ньюбери ускорилъ шаги. Встрѣтитъ ли она его?

Въ душѣ его поднимался протестъ. Почему долженъ онъ непременно говорить обо всей этой печальной исторіи съ Марціей? Это и несправедливо, и даже... неприлично. Онъ съ негодованіемъ думалъ о свиданіи Марціи съ м-ссь Беттсъ. Его чистая Марція и эта несчастная женщина съ сомнительной репутаціей! О ея жизни въ промежутокъ между ея первымъ бракомъ и встрѣчей съ Беттсомъ Ньюбери зналъ больше, чѣмъ хотѣлъ бы знать, и больше, чѣмъ зналъ, вѣроятно, самъ Беттсъ. И чудный іюньскій день, и красота зеленого лѣса, съ просвѣчивающими сквозь листву лучами солнца, и прозрачныя струи журчащаго ручья протестовали вмѣстѣ съ нимъ...

Онъ спѣшилъ. А... Это она! Легкая бѣлая фигура мелькала между деревьями.

Никого, кромѣ нихъ, не было въ лѣсной чащѣ... Она бросилась въ его объятія, обвила руками его шею и спрятала лицо на его груди...

Когда они медленно шли, рука въ руку, къ дому, Марція инстинктивно избѣгала всего непріятнаго въ разговорѣ. Она рассказывала сначала обо всемъ, что было у нихъ наканунѣ, затѣмъ перешла къ столкновенію между матерью и Артуромъ и тяжелый моментъ приблизился самъ собою.

— Ты помнишь, какъ я боялась, что мать узнаетъ? Но она приняла это довольно спокойно.

Она стала рассказывать все по порядку. Лэди Користонъ, повидимому, отмѣнила всѣ распоряженія относительно митинга и не говорила больше о немъ ни слова. Она была холодна съ Артуромъ и сторонилась отъ него, но это могли замѣчать только близко знающіе ее люди. Что же касается его самого, то, достигнувъ своей цѣли, онъ какъ будто

успокоился и сдѣлался опять любезенъ и внимателенъ. Но потомъ, сдѣлавъ нѣсколько необходимыхъ визитовъ въ окрестностяхъ, онъ уѣхалъ опять въ Лондонъ и сталъ проводить все время у Гленуилльямовъ.

— Они обручены?

— О, нѣтъ, милый! Користонъ даже не увѣренъ въ томъ, что она придаетъ серьезное значеніе чувству Артура. Онъ думаетъ также, что матушка что-то затѣваетъ противъ этого.

— Когда я могу видѣть Користона?—спросилъ Ньюбери, обращаясь къ ней съ нѣсколько принужденной улыбкой.— Долженъ же онъ привыкнуть къ мысли, что я буду его родственникомъ!

— Онъ говорилъ, что ему нужно видѣть тебя... говорить съ тобой,—смущенно проговорила Марція. Затѣмъ она вдругъ порывисто охватила обѣими руками руку Ньюбери.

— Эдвардъ! Сдѣлай... сдѣлай насъ всѣхъ счастливыми... милый!—Онъ заглянулъ въ влажные глаза и молодое вспыхнувшее лицо, обращенное къ нему.

— Какъ могу я сдѣлать васъ счастливыми?—Онъ поднесъ ея руку къ губамъ.—И тебя, дорогая? Что долженъ я сдѣлать?

Но, говоря эти слова, онъ уже зналъ, о чемъ она думаетъ, и чувствовалъ ужасъ при наступленіи рѣшительной минуты. Неужели же въ эти полные блаженства дни можетъ найтись что-нибудь, чего онъ не сдѣлалъ бы для нея, не положилъ къ ея ногамъ тотчасъ же? Для нея, которая общала ему себя!

— *Прошу* тебя... Оставь здѣсь м-ра Беттса... Прошу тебя, Эдвардъ! О, какъ мнѣ было тяжело, когда я говорила съ ней!

— Намъ всѣмъ жаль ее,—сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Отецъ и мать сдѣлаютъ для нихъ все, что могутъ.

— Такъ онъ останется у васъ?—Она, ласкаясь, прижалась головой къ его плечу.

— Безъ сомнѣнія! Если только онъ согласится на условія отца,—отвѣтилъ Ньюбери, избѣгая встрѣтиться глазами съ ея потемнѣвшимъ, пристальнымъ взглядомъ.

Она выпрямилась.

— Если они разойдутся, хочешь ты сказать...

— Боюсь, что имъ придется разойтись.

— Но это разобьетъ имъ сердце

Онъ бросилъ вдругъ на нее сверкнувшій, какъ острый мечъ, взглядъ.

— Это будетъ ихъ искупленіемъ.

— За то, что они сдѣлали? Но вѣдь они думаютъ иначе! — возразила она, вспыхнувъ горячимъ румянцемъ. — Они считаютъ себя мужемъ и женой и думаютъ, что никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ ихъ дѣла. И если даже законъ на ихъ сторонѣ, Эдвардъ, не будутъ ли находить, что вы поступаете съ ними слишкомъ жестоко?

— Конечно, насъ будутъ осуждать, — сказалъ онъ спокойно. — Но неужели же ты не понимаешь, дорогая, что, оставляя ихъ здѣсь и признавая ихъ бракъ, мы наносимъ страшное оскорбленіе...

— Кому? — спросила она съ изумленіемъ.

— Нашему Господу и Его святой церкви, — былъ рѣшительный отвѣтъ.

Возмущеніе и протестъ отразились въ ея глазахъ.

— Имѣемъ ли мы право требовать, чтобы всѣ шли за нашимъ знаменемъ? Да, наконецъ, они уже и не просятъ о томъ, чтобы оставаться здѣсь обоимъ. Она здѣсь не будетъ. М-съ Беттсъ приходила сказать мнѣ...

Марція начала съ жаромъ излагать планы м-съ Беттсъ. Ея невинность, сила ея чувства, стремленіе идти своимъ собственнымъ путемъ и получить желаемое — все это ясно выражалось въ ея горячихъ словахъ. Ньюбери слушалъ съ мучительнымъ безпокойствомъ, ни одну минуту не думая все-таки объ уступкѣ, что она скоро и замѣтила. Когда она круто оборвала себя и замолчала, выраженіе оскорбленной гордости отъ предчувствія отказа появилось на ея лицѣ.

— Дорогая, — сказалъ Ньюбери — я не могу говорить съ тобой объ этомъ. Но неужели же ты не вѣришь мнѣ и моему отцу, что мы не причинили бы ни минуты страданія этимъ несчастнымъ людямъ, еслибы могли помочь имъ?

Марція отшатнулась отъ него. По тому волненію, съ какимъ скручивала она и раскручивала ленты своего кушака и по дрожанію ея губъ, онъ увидалъ, какую боль причинилъ ей.

— Не могу понять, — бормотала она — не могу!

— Знаю, что не можешь. Но почему не хочешь довѣриться мнѣ? Ненаглядная, ты довѣряешь мнѣ свою жизнь? Не такъ ли?

Онъ привлекъ ее къ себѣ, наклонилъ къ ней свою красивую голову и осыпалъ ее поцѣлуями и ласками, шепча слова любви. И опять она была покорена, опять сдалась, хотя и не безъ чувства боли и оскорбленного самолюбія. Этотъ отказъ возлюбленнаго въ первые дни ихъ любви, оскорбляя ее, заставлялъ ее вмѣстѣ съ тѣмъ трепетать отъ неизъяснимаго наслажденія. Она снова почувствовала непоколебимую твердость таинственной силы въ Ньюбери, которая съ самаго начала и раздражала ее, и покоряла.

Но должна же она была хотя повторить то, что сказалъ ей Користонъ. Она заставила себя сдѣлать это.

— Користонъ просилъ меня, Эдвардъ, передать тебѣ, чтобы ты былъ осторожнѣе. Онъ видѣлъ м-ра и м-съ Беттсъ и говоритъ, что они способны легко приходить въ отчаяніе и оба очень любятъ другъ друга. Онъ не хотѣлъ сказать, что можетъ случиться.

Лицо Ньюбери снова окаменѣло.

— Думаю, что я знаю ихъ не хуже Користона. Мы примемъ всѣ мѣры, дорогая моя. А думать объ этомъ... Право, они не выходятъ у меня изъ головы все время, кромѣ только тѣхъ минутъ, которыя я провожу съ тобой.

Наконецъ, вопросъ можно было считать исчерпаннымъ. И они тихо брели домой лѣсомъ, вдыхая живительный ароматъ, разливающійся по ихъ жиламъ. Они были еще только въ стадіи познанія любви и познавали ее путями, такими же старыми и сладостными, какъ сама жизнь. Каждый любящій обучаетъ другого, а надъ всѣми господствуетъ природа, преслѣдующая свои мудрыя, вѣчныя цѣли.

Но не успѣли еще они дойти до дому, какъ снова была нарушена душевная гармонія Марціи. Что, кромѣ удовольствія, могли доставить взаимныя признанія въ томъ, кто первый почувствовалъ влеченіе, или выясненія мелкихъ любовныхъ недоразумѣній, или мечты о будущемъ, о томъ, гдѣ будетъ проведенъ медовый мѣсяцъ, какъ будетъ устроенъ домъ въ Лондонѣ, комнаты въ Ходдонъ-Греѣ? Драгоценности лэди Уилльямъ показались, наконецъ, на свѣтъ изъ кармана Ньюбери и Марція любовалась ими, останавливаясь подъ деревьями. Оба смѣялись надъ старомодной оправой и обсуждали новую. Но воспоминанія Ньюбери объ оксфордскомъ другѣ, котораго онъ считалъ самымъ близкимъ человекомъ, заставили его перейти къ разсказу о группѣ людей, имѣющихъ руководящее вліяніе на его жизнь и на него самого. Всѣ они принадлежали къ молодой партіи, преданной англиканской церкви. Съ особеннымъ увлеченіемъ Эдвардъ говорилъ о двоихъ членахъ этой партіи. Одинъ, въ должности священника, самоотверженно работалъ въ одномъ изъ приходовъ южнаго Лондона. Другой принадлежалъ къ „Обществу Вознесенія“ и долженъ былъ скоро отправиться въ миссіонерскій пунктъ, въ очень отдаленную мѣстность Индіи, гдѣ свирѣпствовала чума.

Но, чѣмъ больше слушала Марція, тѣмъ сосредоточеннѣе и серьезнѣе она становилась. Люди, о которыхъ онъ говорилъ, и ихъ идеалы, которыми онъ жилъ, были чужды ей. Хотя, конечно, она слыхала еще и раньше и о такихъ людяхъ, и объ ихъ дѣлахъ. Сначала она была тронута его раз-

сказомъ, затѣмъ слушала довольно равнодушно и, наконецъ, начала скучать. Это были опять разсужденія на ту же тему, къ которой относились взгляды Ходдонъ-Грея на исторію Беттсовъ. И снова она не понимала этого, снова не находилось отклика въ ея душѣ.

Она ловко направила его къ музыкѣ, къ оперѣ, къ представленію „Ифигенія“ и не встрѣтила сопротивленія. Оба увлеклись воспоминаніями и наслаждались общимъ интересомъ. Снова шли они рука въ руку, смѣясь, напѣвая и напоминая другъ другу болѣе красивыя мѣста. Ньюбери былъ незаурядный музыкантъ, Марція привыкла считать себя такой же. И было что-то новое и радостное въ чувствѣ признанія себя несвѣдущей ученицей рядомъ съ нимъ.

— Какъ много ты знаешь!—восторженно воскликнула дѣвушка и затѣмъ прибавила застѣнчиво: —Ты долженъ учить меня!

— Учить тебя!—Влюбленный взглядъ говорилъ больше словъ.—Учить тебя, когда ты такъ смотришь!

Это были золотые часы. Но, когда Марція снимала шляпу передъ зеркаломъ и смотрѣла впередъ блуждающимъ взглядомъ, въ упоеніи счастія, ей показалось вдругъ, что дверь позади нея отворилась и два печальные призрака вошли въ комнату и съ нѣмымъ укоромъ во взглядѣ напомнили ей о себѣ.

Когда она спустилась внизъ и встрѣтилась тамъ съ Эдвардомъ, по его сдержанному и молчаливому виду она поняла, что что-то подобное случилось и съ нимъ.

— Вы не видались еще съ Користонемъ? — спросилъ сэръ Уильфридъ, когда они возвращались вечеромъ съ Ньюбери въ Ходдонъ-Грей, оставивъ Марцію и лэди Користонъ во власти портного, заполнившего гостиную блестящими волнами шелка. Изъ разнообразныхъ образцовъ лэди Користонъ выбирала матеріалъ для приданого.

— Нѣтъ. Онъ даже не удостоилъ написать мнѣ письмо.

Ньюбери смѣялся, но отъ сэра Уильфрида не укрылась горечь этого смѣха.

— Сумасбродный человѣкъ!—проговорилъ онъ.—Его проделки здѣсь потѣшали меня, но, конечно, надоѣли его матери. Слышали вы о баптистахъ?

Ньюбери зналъ кое-что изъ мѣстныхъ газетъ.

— Однако они получили землю, благодаря Користону. Въ серединѣ деревни есть клочекъ земли, принадлежавшій одной старой дѣвицѣ, дочери бывшего булочника Користоновъ, которая переѣхала въ Эдинбургъ. Користонъ разыскалъ ее и убѣдилъ продать землю баптистамъ, заплативъ большую часть суммы. Я увѣренъ, что онъ скоро положитъ

здѣсь основаніе новой баптистской церкви, подѣ носомъ у матери.

— Истинно добрый и дружественный поступокъ!—съ негодованіемъ сказалъ Ньюбери.

Сэръ Уильффридъ лукаво посмотрѣлъ на него.

— Нравственность политическая, такъ же какъ и духовная, всегда порождаетъ только зло. А, главное, никогда не слѣдуетъ вредить людямъ послѣ своей смерти.

— Что это значить?

— Это значить: не слѣдуетъ дѣлать неправильное завѣщаніе и оставлять все состояніе женѣ. Такое завѣщаніе стало проклятіемъ этой семьи.

И душеприказчикъ покойнаго лорда Користона разсказалъ будущему зятю лэди Користонъ всю семейную исторію до послѣднихъ происшествій. Ньюбери, не обращавшій вниманія на сплетни, которыя доходили до него раньше, съ интересомъ слушалъ сэра Уильффрида. Конечно, никогда ничего подобнаго не допустили бы въ дѣлахъ наслѣдства и денегъ традиціи его семьи.

— Слѣдовательно, Артуръ получить все состояніе?

— Получить ли?—сказалъ сэръ Уильффридъ.

— Но я думалъ...

— Поживемъ, увидимъ, дорогой мой, поживемъ, увидимъ.

— Только черезъ трупъ матери перейдетъ онъ къ миссъ Гленуилльямъ. Но если ему и удастся жениться на ней, прощай всѣ помѣстья!

— Тогда ихъ получить Джемсъ, — улыбаясь, сказалъ Ньюбери.

— Почему не Марція? У нея такіе же шансы, какъ и у другихъ.

— Надѣюсь, этого не будетъ!—сказалъ Ньюбери съ неудовольствіемъ.—Что намѣрена дѣлать лэди Користонъ?

— Относительно Гленуилльямовъ? О! Чего она можетъ не сдѣлать!—многозначительно проговорилъ сэръ Уильффридъ.

Говоря это, онъ посмотрѣлъ на высокій холмъ, гдѣ бѣлѣлъ среди деревни коттеджъ Эзерстона.

— Они будутъ тамъ въ воскресенье черезъ двѣ недѣли, послѣ матоверскаго митинга,—сказалъ онъ, указывая на коттеджъ.

— Кто? Гленуилльямъ?

Сэръ Уильффридъ кивнулъ головой.

— И, мнѣ кажется, что-то должно случиться. Когда приближаются другъ къ другу два очень горячія вещества—непремѣнно что-нибудь происходитъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Милитаристы и пацифисты

(Письмо изъ Франціи).

Самымъ крупнымъ фактомъ европейской политики начала XX вѣка является безумный ростъ вооруженій. Военные бюджеты за эти годы почти удвоились, безостановочно увеличиваются контингенты войскъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ, усиленно сооружаются морскіе Левиафаны и воздушные крейсера различныхъ размѣровъ,—и конца этому не видно. Слѣдуя примѣру великихъ державъ, вооружаются до зубовъ даже мелкія второстепенныя государства. Испанія намѣрена довести численность своихъ войскъ до 450.000 человекъ; Бельгія до 180.000; Голландія тратитъ десятки милліоновъ на свои укрѣпленія; Швеція желаетъ удвоить флотъ. Вся Европа, словомъ, живетъ въ ожиданіи какъ будто неминуемой войны и идетъ на всѣ жертвы людями и деньгами, чтобы быть къ ней готовой. Это состояніе носитъ названіе „вооруженнаго мира“. Его общая причина заключается, по мнѣнію Сеньобоса, въ томъ, что „недовѣріе націй другъ къ другу настолько глубоко, что никто не вѣритъ искренности сосѣда и разсматриваетъ его миролюбивыя завѣренія, какъ простой маневръ, цѣль котораго — усыпить, чтобы потомъ разбить“¹⁾.

Объясненіе это имѣетъ свою цѣну, но оно едва-ли достаточно. Само „недовѣріе“ есть вѣдь производный факторъ, вытекающій изъ противоположности многообразныхъ и жизненно-важныхъ торгово-промышленныхъ и вообще экономическихъ, національныхъ и политическихъ интересовъ великихъ державъ, сталкивающихся между собой на пространствѣ почти всего земного шара, эксплуатируемаго Европой. Сложность и важность этихъ интересовъ повелительно требуютъ ихъ соглашенія, отсутствіе котораго по необходимости ведетъ къ борьбѣ и къ ея психологическому спутнику, враждѣ, отъ которой рукой подать до вооруженнаго столкновенія. Но прочное, постоянно дѣйствующее, введенное въ норму соглашеніе, есть по необходимости соглашеніе

¹⁾ Seignobos, „Histoire politique“; стр. 802.

организованное, опирающееся на договоръ и осуществляемое извѣстнымъ, впередъ установленнымъ путемъ, чрезъ посредство опредѣленныхъ учреждений. Оно предполагаетъ, слѣдовательно, превращеніе Европы въ союзъ или конфедерацію государствъ. Имѣется много признаковъ, свидѣтельствующихъ о необходимости превращенія Европы въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ въ такой союзъ или въ такую федерацію,—въ настоящемъ однако это только *pia desiderata* европейскаго меньшинства. И потому по необходимости нашъ старый материкъ находится подъ знакомъ не соглашенія, а вражды, умѣряемой только страхомъ пораженія въ предстоящей свалкѣ. Оттого-то и имѣть мѣсто тотъ на первый взглядъ странный и противорѣчивый фактъ, что именно въ буржуазной, слѣдовательно, казалось бы, миролюбивой, торгово-промышленной и трудовой Европѣ достигли своего крайняго напряженія духъ шовинизма и воинственные приготвленія. То обстоятельство, что въ борьбѣ находятся не отдѣльныя страны, а два союза, на которые дѣлится современная Европа, не могло качественно измѣнить положенія дѣлъ. Союзы эти только уменьшили подвижность отдѣльныхъ странъ, входящихъ въ ихъ составъ,—но за то, сорганизовавъ и сконцентрировавъ силы двухъ враждебныхъ другъ другу лагерей, они сдѣлали болѣе грознымъ возможное въ будущемъ столкновение.

Вторую причину Сеньобосъ видитъ во взаимномъ остромъ и отчасти традиціонномъ антагонизмѣ, существующемъ между Франціей и Германіей вслѣдствіе войны 1870 года и аннексіи Германіей Эльзасъ-Лотарингіи; между Россіей и Австріей, борющимися изъ-за вліянія на Балканскомъ полуостровѣ; между Германіей и Англіей, промышленно-торговое соревнованіе которыхъ достигло высшей степени.

Изъ этихъ трехъ длительныхъ конфликтовъ, я останавлиюсь на первомъ, какъ на наиболѣе серьезномъ и какъ на непосредственно интересующемъ Францію.

Извѣстно, что Франція, подписавъ по необходимости Франкфуртскій договоръ, до сихъ поръ его внутренне не признала. Эльзасъ и Лотарингія были отторгнуты,—*quand même* они будутъ вновь французскими! Идея реванша, по всей вѣроятности, была необходима Франціи на другой день послѣ пораженія,—необходима, какъ цѣль, какъ стимулъ, какъ утѣшеніе. Дѣятельно работая надъ укрѣпленіемъ своего пошатнушагося международнаго положенія, надъ воссозданіемъ своихъ вооруженныхъ силъ, Франція говорила себѣ: настанетъ день, когда наша работа принесетъ плоды; смыть будетъ позоръ пораженія и отнятое силой будетъ возвращено силой же!

Съ цѣлью обезпечить себѣ побѣду въ предстоящемъ столкновении, республика сблизилась съ Россіей, оплотомъ абсолютизма въ Европѣ; воспользовавшись возрастающимъ промышленно-торговымъ

антагонизмъ Англійи и Германіи, она заключила свою entente съ Англійей,—и оба эти союза всего усерднѣе защищались и защищаются до сихъ поръ во Франціи тѣми ея элементами, которымъ всего ближе идея реванша.

Сплошная полоса франко-германскаго антагонизма пересѣкалась, правда, нѣсколько разъ слабыми потоками иного настроенія. Три государственныхъ челоѣка Франціи,—Ферри, отчасти Фрейсина и Ганото,—ознаменовали свое пребываніе у власти стремленіемъ, съ одной стороны, расширить колоніальное могущество Франціи, а съ другой—улучшить ея отношенія къ Германіи. Затѣмъ могучій подъемъ демократическаго движенія во Франціи послѣ дѣла Дрейфуса, поставившій на очередь рядъ реформъ, приведшій ко власти радикаловъ и перенесшій центръ тяжести въ область внутреннихъ вопросовъ, ознаменовался значительнымъ измѣненіемъ въ настроеніи большинства французскаго общества. Идея реванша потеряла свою напряженность; духъ повинизма и милитаризма, скомпрометированный въ „дѣлѣ“, пошелъ на убыль; крѣпла идея мирной, трудовой, демократической республики,—и однимъ изъ результатовъ этой эволюціи явилась военная реформа, сводившая срокъ дѣйствительной военной службы къ двумъ годамъ. Подготовленная еще во время министерства Комба, реформа была окончательно осуществлена кабинетомъ Рувье (въ мартѣ 1905 г.) и имѣла послѣдствіемъ сокращеніе французской арміи на треть, — сокращеніе, не компенсированное ничѣмъ. Нѣсколько ранѣе, во время завѣдованія морскимъ министерствомъ Пеллѣтаномъ, ослаблено было военно-морское строительство, и французскій флотъ, долго занимавшій въ Европѣ второе послѣ англійскаго мѣсто, сразу уступилъ въ боевой силѣ нѣмецкому.

Эта временная пасификація Франціи, проведенная радикалами, не могла однако удержаться, — и это главнымъ образомъ потому, что политика радикальной партіи не отличалась единствомъ, и внутренняя стояла въ противорѣчій съ внѣшней. Внутренняя требовала демилитаризація, — она была произведена, — но иностранная, въ своихъ основахъ, осталась старой. По старому парижская биржа оставалась закрытой для нѣмецкихъ цѣнностей; экономическое сотрудничество съ Германіей въ Центральной Африкѣ и Марокко, договорно условленное въ 1902 году, оставалось на бумагѣ; и ничего не было сдѣлано для устраненія основного фактора разногласія и вражды. Напротивъ, въ министерство Клемансо начавшееся уже ранѣе того сближеніе съ Англійей, германскою конкуренткой, получило форму официальной entente. Франція, такимъ образомъ, осталась на старомъ наклонѣ.

По этому наклону она и соскользнула подъ давленіемъ обстоятельствъ, съ тѣмъ меньшимъ сопротивленіемъ, что въ странѣ произошла за послѣднія десять лѣтъ концентрація консервативныхъ силъ, дорожащихъ сохраненіемъ традицій, и враждебныхъ той по-

вой политической концепціи, элементами которой являются послѣдовательныя демократическія и социальныя реформы внутри страны и закрѣпленный обще-европейскимъ союзомъ миръ, какъ принципъ международной политики.

Очень скоро по введеніи въ дѣйствіе двухлѣтней службы началась агитація противъ нея въ военныхъ кругахъ. Соціалисты считали новый законъ закономъ переходнымъ. Они полагали, что постепенное и дальнѣйшее сокращеніе срока пребыванія въ казармахъ должно быть восполнено усиленнымъ военнымъ воспитаніемъ юношества и усиленнымъ же упражненіемъ резервистовъ, что привело бы въ концѣ концовъ къ замѣнѣ постоянной арміи милиціей. Не была совершенно чужда этой идеѣ и радикальная партія. Но офицерская среда отнеслась къ ней вполне отрицательно. Замѣна постоянной арміи милиціей не ослабляла, при соотвѣтственной организаціи, оборонительной силы страны, но дѣлала почти невозможной войну наступательную и исключала возможность той агрессивной „grande politique“, въ которую Франція, членъ тройственнаго соглашенія, втягивалась автоматически. Демилитаризація Франціи, осужденная правыми и умѣренными партіями, была осуждена такимъ образомъ и военными кругами,—поэтому при первомъ серьезномъ омраченіи европейскаго горизонта она и была отмѣнена, какъ стоящая въ противорѣчій съ общей тенденціей державъ усилить свои боевыя силы. Было бы однако ошибочно утверждать, какъ это дѣлаютъ здѣсь, что возвратъ къ трехлѣтней службѣ, усиленные ассигновки на флотъ, на вооруженія и на укрѣпленія границъ вырваны у Франціи насильно, что Франція вынуждена была прибѣгнуть къ этимъ мѣрамъ Германіей, ея агрессивной политикой, ея не прекращающимися вооруженіями.

Въ дѣлѣ безумныхъ европейскихъ вооруженій Франція далеко не играла и не играетъ пассивной роли. Она весьма активный членъ европейскаго концерта, играющаго въ разноголосіи, и ея нынѣшнія вооруженія естественный плодъ этой равноголосицы. Поэтому, если французскій Жакъ киваетъ, какъ на виновника, на нѣмецкаго Михеля, нѣмецкій Михель съ тѣмъ же основаніемъ можетъ кивать на француза-Жака.

Вы видите изъ вышеизложеннаго, что вопросъ о продолжительности срока военной службы является для Франціи по существу своему частью другого, болѣе общаго и глубокаго вопроса о направленіи ея международной политики.

Онъ можетъ быть рѣшенъ и онъ рѣшается въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, въ традиціонномъ, т. е. въ сохраненіи и упроченіи тройственнаго соглашенія, въ привлеченіи къ нему мелкихъ европейскихъ государствъ, въ усиленіи вооруженій—все въ цѣляхъ нейтрализаціи такихъ же точно усилій тройственнаго союза. Я уже указывалъ выше, что за этотъ способъ рѣшенія высказываются во Франціи всѣ консервативныя и націоналистскіе

элементы страны. На его сторонѣ находятся и нѣкоторые изъ выдающихся руководителей радикальной партіи—бывшіе президенты министровъ, Леонъ Буржуа и Клемансо, а также бывший посолъ въ Петербургѣ, Делькасса. На его сторону до сихъ поръ автоматически переходили и другіе радикалы, какъ только принимали на себя отвѣтственность власти. Такъ, министерство Думерга-Каю, получившее власть на другой день послѣ конгресса радикальной партіи, имѣвшаго мѣсто въ По и включившаго въ свою практическую программу немедленный возвратъ къ двухлѣтной службѣ, заявило въ своей деклараціи о необходимости „честнаго и лояльнаго примѣненія дѣйствующаго закона“ и только очень глухо обмолвилось о возможности вернуться къ двухлѣтной службѣ. Въ этомъ должно видѣть результатъ дѣйствія разнообразныхъ причинъ. Во первыхъ, правительственной отвѣтственности; во-вторыхъ, давленія союзниковъ Франціи: въ-третьихъ, недостаточной выясненности вопроса въ сознаніи страны; въ-четвертыхъ, затруднительности международнаго положенія. Казалось бы, что именно грозный характеръ международнаго положенія и общія опасенія возможной въ ближайшее же время общеевропейской войны должны были бы служить самымъ сильнымъ стимуломъ для пересмотра системы, которая привела къ этому результату. На дѣлѣ же никто не рѣшается взять на себя отвѣтственность перваго и рѣшительнаго шага, боясь не встрѣтить по ту сторону границы соотвѣтственнаго отклика. Мы имѣемъ поэтому сказать, что непрекращающіяся французскія вооруженія—дѣтя, прежде всего, страха.

На другомъ рѣшеніи интересующаго насъ вопроса, какъ на мало извѣстномъ, вы позволите мнѣ остановиться подробнѣе.

Его дали, первые открыто его поставили, первые его аргументировали—соціалисты. Съ нихъ и начнемъ. Для социализма всякая политическая система, грозящая войной, тѣмъ самымъ окончательно скомпрометирована, такъ какъ въ войнѣ тяжело страдаютъ не только непосредственные матеріальные интересы рабочаго класса, но и общіе интересы человѣческой культуры, и ея неизбежнымъ послѣдствіемъ явится одичаніе, которое остановить, быть можетъ, на столѣтія реализацію идеала справедливаго общественнаго устройства.

Такъ какъ положеніе Франціи на краю войны обусловлено франко-германскимъ антагонизмомъ, вызваннымъ главнымъ образомъ отторженіемъ Эльзаса-Лотарингіи, то единственнымъ выходомъ изъ положенія является отказъ отъ идеи реванша, официально заявленное примиреніе съ потерей провинцій, сближеніе съ Германіей. Въ пользу именно такого рѣшенія вопроса громко говорить желаніе самого населенія отторгнутыхъ провинцій; до прошлаго года можно было лишь теоретически утверждать, что новая франко-германская война не выгодна для Эльзаса-Лотарингіи, такъ

какъ военныя дѣйствія, театромъ которыхъ они по необходимости явятся, превратятъ въ прахъ ихъ цвѣтущіе города, поля, деревни, раззорятъ населеніе и поставятъ ихъ въ исключительно тяжелое матеріальное положеніе. До прошлаго года можно было только теоретически доказывать, что включеніе католическаго населенія Эльзаса-Лотарингіи въ составъ свѣтской и антиклерикальной Франціи можетъ быть тягостно для населенія, во имя котораго, во имя общаго, данныхъ которому, и не перестаютъ во Франціи бредить реваншемъ. Но въ прошломъ году всѣ эльзасъ-лотарингскія партіи рѣшительно и категорически заявили, что они смотрятъ на франко-германскую войну, какъ на величайшее изъ возможныхъ бѣдствій, противъ котораго онѣ протестуютъ всѣми силами.

„Не забывайте, — писалъ аббатъ Веттерлэ, вождь эльзасскихъ католиковъ, — что около 200,000 эльзасцевъ и лотарингцевъ покинули провинціи непосредственно послѣ войны и что съ тѣхъ поръ эмиграція во Францію никогда не прекращалась. Мы не настолько преступно-эгоистичны, чтобы желать войны, которая сведетъ на полѣ битвы, въ качествѣ враговъ, членовъ одной и той же семьи, вчерашнихъ друзей, — потому что эльзасъ-лотарингцы окажутся въ случаѣ войны въ обѣихъ арміяхъ. Въ этихъ условіяхъ, естественно, мы хотимъ мира“.

— Неужели вы думаете, — спрашиваетъ тотъ же Веттерлэ, хотя онъ и считается однимъ изъ ожесточеннѣйшихъ противниковъ германизации Эльзаса, — что найдется хотя одинъ человекъ среди насъ, желающій возврата къ Франціи цѣной войны? — И онъ съ грустью добавляетъ: „Эльзасъ могъ бы стать, въ условіяхъ свободнаго режима, живою связью между двумя великими народами и двумя соперничающими между собою цивилизаціями. Онъ есть, благодаря пангерманистамъ и французскимъ шовинистамъ, только поле битвы, гдѣ въ непрестанныхъ схваткахъ сталкиваются между собой символы прошедшаго и силы настоящаго“.

Друмъ, демократическій депутатъ отъ Мюльгаузена въ эльзасъ-лотарингскомъ парламентѣ, заявляетъ:

— Поколѣнія, для которыхъ „протестъ“, какъ говорили когда-то, былъ необходимъ, неизбеженъ и вытекалъ изъ элементарнаго чувства достоинства, сошли со сцены. Изъ пятнадцати депутатовъ, выбранныхъ послѣ войны въ рейхстагъ, которые заявили въ Берлинѣ „протестъ“ противъ насильственнаго присоединенія провинцій, живъ лишь одинъ, — Лялансъ. Для меня, для моихъ современниковъ и еще въ большей степени для младшихъ поколѣній „протестъ“ не имѣетъ болѣе реальнаго смысла. По влеченію и по воспитанію мы остаемся французами, — но это дѣло чувства и никому мы въ этомъ не обязаны отчетомъ. Но наши интересы въ Германіи, — и бесполезно это отрицать.

„И мы хотимъ, чтобы Франція и Германія пришли къ дружескому соглашенію. Это двѣ величайшія націи Европы. Франція

богата инициативой; Германія — методичностью, постоянством, способностью къ борьбѣ. Оба народа дополнили бы другъ друга и ихъ союзъ былъ бы дѣйствительно союзомъ, имѣющимъ моральныя основы. Итакъ, сначала сближеніе, затѣмъ союзъ, — вотъ къ чему должно стремиться. Потомъ всеобщее разоруженіе, какъ третій этапъ. Вотъ путь, по которому нужно идти“.

Иммеръ, демократическій депутатъ отъ Кольмара, высказался слѣдующимъ образомъ:

— Мы хотимъ мира для себя и для нашихъ сосѣдей. Мы вполне лояльно принимаемъ совершившіеся факты и желаемъ одного, чтобы и Германія относилась къ намъ лояльно. Все зло исходитъ отъ пангерманистовъ съ одной стороны, отъ вашихъ шовинистовъ, съ другой, — одинаково безсмысленныхъ. Это ихъ ссоры и тѣ раздражающія оскорбленія, которыми они обмѣниваются, мѣшаютъ Франціи и Германіи сговориться и стать друзьями, — т. е. сдѣлать то, что необходимо для нашего блага, для ихъ собственнаго блага, а равно и для блага всей Европы.

„Люди, вѣчно раздувающіе всякую мелочь и превращающіе всякую муху въ слона, могутъ въ одинъ прекрасный день вызвать самую ужасную изъ когда-либо происходившихъ войнъ; они — настоящая язва. Я не знаю, дѣйствительно ли любятъ насъ ваши націоналисты въ такой мѣрѣ, въ какой они заявляютъ. Но если они дѣйствительно къ намъ расположены, — то, значитъ, они не понимаютъ, сколько зла они намъ причиняютъ“.

Эльзасъ-лотаргинскіе социалисты съ своей стороны обратились къ французскимъ социалистамъ съ слѣдующимъ манифестомъ:

„Мы просимъ Францію имѣть настолько вниманія къ нашимъ интересамъ, чтобы помириться съ принадлежностью нашихъ провинцій къ другому государству и не подвергать ихъ еще разъ разоренію, не устилать полей трупами.“

„Обстоятельства ставятъ предъ нами ребромъ вопросъ, господствующій надъ всѣми остальными: хотимъ-ли мы войны?“

„И мы отвѣчаемъ отъ имени рабочаго класса, взгляды и нужды котораго мы доподлинно знаемъ: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!“

„И мы знаемъ, что среди буржуазныхъ классовъ тоже почти нѣтъ людей, которые отвѣтили бы иначе.“

„И такъ какъ мы множество разъ обсуждали его на общественныхъ и частныхъ собраніяхъ, то мы знаемъ, что на вопросъ: „хотѣли-ли бы вы отдѣлиться отъ Германіи цѣною войны?“ не можетъ быть другого отвѣта, кромѣ крика: „Не надо войны!“

„Мы хотимъ прочнаго мира“.

Наконецъ, чтобы кончить этотъ перечень эльзасъ-лотарингскихъ заявленій, укажемъ на резолюцію, единогласно вынесенную 13-го марта 1913 года представителями либеральной, католической и социалистической партій Эльзаса-Лотарингіи. Въ ней читаемъ:

„Въ виду нынѣшняго обостреннаго положенія мы считаемъ своей обязанностью не только избѣгать всего, что могло бы вызвать конфликтъ, но и заявить открыто и опредѣленно, что мы не хотимъ войны между Германіей и Франціей; что, напротивъ, наше самое горячее желаніе видѣть эти два великихъ народа живущими въ согласіи и мирѣ. Въ наши дни, наполненные шумомъ оружія, мы хотимъ выполнить нашъ долгъ передъ исторіей. И, хотя мы знаемъ, что наша страна является далеко не единственнымъ факторомъ, грозящимъ міру войной, все-таки мы не хотѣли бы дать кому-нибудь право упрекнуть насъ за молчаніе въ дни, когда нельзя молчать“¹⁾).

Это ясное и не подлежащее сомнѣнію желаніе эльзась-лотарингскаго населенія избѣжать новой франко-нѣмецкой войны и видѣть сближеніе двухъ нынѣ враждующихъ между собой сосѣдей, — является послѣднимъ и убѣдительнѣйшимъ аргументомъ въ пользу социалистической идеи о франко-германскомъ союзѣ, какъ подготовительной ступени для организаціи европейской федераціи. Въ соотвѣтствіи съ этимъ новымъ идеаломъ французской международной политики и этимъ новымъ идеаломъ европейскаго государственнаго устройства, покоющагося на интернаціональномъ сближеніи народовъ, находится и социалистическая система организаціи вооруженныхъ силъ Франціи. Практически эта система сводится къ замѣнѣ постоянной арміи народной милиціей. Въ послѣднее время къ ней однако чаще примѣняется терминъ „вооруженной націи“.

Между понятіями „милиціи“ и „вооруженной націи“ существуетъ нѣкоторое различіе. Когда въ старыхъ социалистическихъ программахъ говорилось объ уничтоженіи постоянныхъ армій, какъ орудій, съ одной стороны, внѣшнихъ войнъ, съ другой — внутренняго угнетенія, то съ понятіемъ милиціи, долженствовавшей замѣнить постоянныя войска, связывалось представленіе о почти полной демилитаризаціи. Авторамъ этихъ программъ народныя милиціи представлялись численно незначительными и расходы на нихъ, на ихъ боевую подготовку — ограниченными. Но первая изъ европейскихъ странъ, перешедшая къ режиму милиціи (Швейцарія), опровергла эти предположенія. Ея военный бюджетъ равняется 45 милліонамъ франковъ, что при населеніи въ 3,8 милліона душъ даетъ на голову 11,8 фр. въ то время, какъ въ государствахъ съ постоянной арміей мы имѣемъ:

	Воен. бюдж. въ милл. фр.	Насел. въ милл.	На голову въ фр.
Въ Болгаріи	40,5	4,3	9,4
„ Сербіи	29,5	2,9	10,1
„ Голландіи	69,3	6	11,55
„ Бельгіи	68	6,8	9,5
„ Швеціи	76,5	5,5	13,9

¹⁾ Выдержки, взятые изъ различныхъ номеровъ газетъ „Le Temps“ и „L'Humanité“ за 1913 годъ

Мы видимъ, что въ нейтрализованной Швейцаріи военные расходы стоятъ на уровнѣ военныхъ расходовъ вообще второстепенныхъ и третьестепенныхъ государствъ, и объясненіе этого надо видѣть, прежде всего, въ томъ, что потребности національной защиты принудили Швейцарію имѣть многочисленную милицію, покрывающую все взрослое и могущее носить оружіе население страны. Это то и есть „вооруженная нація“.

Стави требованіе не ограниченной численно милиціи, а поголовнаго обученія населенія военному ремеслу, социалистическая партія отдаетъ дань тѣмъ реальнымъ условіямъ, въ которыхъ живетъ Франція, членъ до зубовъ вооруженной Европы. Французскіе социалисты слишкомъ дорожатъ своей національной независимостью и культурой, своими свободными и республиканскими учрежденіями, чтобы желать разоруженія Франціи и допустить ослабленіе ея способности къ самозащитѣ. Они не ставятъ военной системѣ требованія, чтобы она соответствовала нуждамъ завоевательной политики, но хотятъ довести до maximum'a способность страны защищать свои границы отъ иностраннаго вторженія. И такъ какъ система вооруженной націи отвѣчаетъ этому послѣднему требованію,—они и высказываются за нее.

Здѣсь уместно остановиться на человѣкѣ, болѣе другихъ послужившемъ разработкѣ идеи вооруженной націи и пропагандѣ ея и въ странѣ вообще, и въ военныхъ кругахъ въ частности. Я имѣю въ виду выдающагося офицера дѣйствительной службы, подписывающаго свои статьи по военнымъ вопросамъ въ „L'Humanité“, постояннымъ сотрудникомъ которой онъ состоитъ, псевдонимомъ „Commandant Rossel“. Изъ всѣхъ общественныхъ дѣятелей Франціи, съ которыми мнѣ приходилось знакомиться или встрѣчаться, онъ произвелъ на меня самое сильное впечатлѣніе и я думаю, что это одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ людей нашей эпохи. Онъ не только теоретикъ системы, по которой должна быть построена „армія будущаго“,—онъ удивительный пропагандистъ и организаторъ, такъ какъ въ той мѣрѣ, въ какой общественныя движенія обязаны своимъ существованіемъ отдѣльнымъ лицамъ, идея вооруженной націи, ставшая уже нѣсколько лѣтъ догмой социалистической партіи, завоевавшая въ послѣднее время партію объединенныхъ радикаловъ, насчитывающая во французскомъ офицерскомъ корпусѣ очень большое число сочувствующихъ ей, обязана „коменданту Росселю“ болѣе, чѣмъ кому-либо.

Въ своемъ законченномъ видѣ система вооруженной націи представляется ему въ слѣдующемъ видѣ: вся страна должна быть разбита на рядъ военныхъ округовъ, такъ расположенныхъ относительно желѣзныхъ дорогъ, чтобы мобилизація могла совершаться быстро и съ максимальнымъ удобствомъ. Эти районные центры, centres militaires régionaux дѣлятся на округа второго порядка — мѣстныя. Эти мѣстныя „военные центры“ несутъ на себѣ много-

образныя военныя функціи. Во-первыхъ, они завѣдуютъ дѣломъ физическаго воспитанія юношества въ школьномъ и въ пошкольномъ возрастѣ въ цѣляхъ создать здороваго, сильнаго, ловкаго, выносливаго, находчиваго, хладнокровнаго и мужественнаго чело-вѣка. Они завѣдуютъ „индивидуальнымъ военнымъ обученіемъ“ молодыхъ людей 17-20-лѣтняго возраста, т. е. учатъ ихъ стрѣльбѣ, фехтованію, умѣнью пользоваться естественными и искусственными прикрытіями, умѣнью читать карту; они сообщаютъ имъ нужныя техническія свѣдѣнія относительно разныхъ видовъ оружія и механическихъ приборовъ, употребляемыхъ въ современныхъ войнахъ; они же бракуютъ неспособныхъ къ службѣ и распре-дѣляютъ способныхъ по различнымъ родамъ оружія, организуя для нихъ спеціальныя подготовительныя курсы. Индивидуально обу-ченные молодые люди поступаютъ для „массоваго военнаго воспи-танія“ на кратковременную дѣйствительную службу, организуемую военными центрами перваго порядка. Этому обученію придается характеръ настоящей подготовки къ войнѣ, — оно заканчивается поэтому боевыми маневрами и плацпарадная, казовая сторона службы отодвинута на совершенно задній планъ. По окончаніи массоваго обученія, молодые солдаты поступаютъ въ резервъ, периодически и часто упражняемый мѣстными и районными цен-трами.

Въ случаѣ войны военные же центры призываютъ подъ ружье все населеніе, находящееся у нихъ на счету; они мобилизуютъ его цѣликомъ, до послѣдняго чело-вѣка, безъ раздѣленія на призывы и классы, и двигаютъ полученные такимъ образомъ боевыя еди-ницы къ угрожаемымъ пунктамъ страны.

Предположимъ теперь, что при этой системѣ вспыхиваетъ война съ Германіей. При первомъ движеніи нѣмецкихъ войскъ къ гра-ницѣ, всему населенію департаментовъ, расположенныхъ между восточной и сѣверовосточной границами и Парижемъ, дается при-казъ мобилизоваться. Въ этихъ департаментахъ живетъ около 13 милліоновъ населенія. Мобилизуемая его часть около 3 милліо-новъ. Черезъ 4 часа послѣ отдачи приказанія эти три милліона солдатъ стоятъ подъ ружьемъ и массами двигаются къ тѣмъ нѣ-сколькимъ „проходамъ“, черезъ которые только и можетъ быть произведено вторженіе.

— Мы закупоримъ эти проходы своими войсками, точно проб-кой, — говорилъ мнѣ Россель — мы закроемъ страну отъ вторгаю-щейся арміи завѣсой такой плотности, которую никакая чело-вѣческая сила не будетъ въ состояніи прорвать. А между тѣмъ за ея охраной мобилизуется при нуждѣ вся страна, весь нашъ на-родъ, вставшій на защиту своей свободы и своихъ учреждений. Въ этихъ условіяхъ завоеваніе Франціи — слова безъ содержанія.

Такъ рѣшается количественная сторона вопроса. Перейдемъ къ качественной. При системѣ постоянной арміи рекрутъ отрывается

отъ семьи, отъ согражданъ и отъ мѣста рожденія. Въ казармѣ онъ попадаетъ въ чуждую ему среду; какъ единица военной части, онъ по долгу дисциплины исполняетъ приказанія начальства, съ которыми онъ ничѣмъ не связанъ. Въ первые мѣсяцы пребыванія въ казармѣ онъ скучаетъ и тоскуетъ; затѣмъ, втянувшись, онъ, занятый изученіемъ своего новаго ремесла, живетъ болѣе или менѣе содержательной жизнью; и, наконецъ, обучившись, вновь скучаетъ отъ „занятой праздности“ и деморализуется тѣмъ болѣе, чѣмъ дольше срокъ казарменной службы. Такимъ образомъ добрыя боевыя качества постоянной арміи зависятъ исключительно отъ хорошихъ физическихъ и интеллектуальныхъ качествъ молодого по возрасту контингента ея. Но постоянныя арміи лишены той опоры, которую даютъ людямъ обостренное гражданское чувство и дѣйствіе въ рядахъ своихъ родныхъ, своихъ согражданъ, совместно защищающихъ свои общіе жизненные интересы, подъ руководствомъ издавна знакомыхъ вождей. Этой добавочной опорой обладаетъ „вооруженная нація“, ясно сознающая въ минуту опасности, что она защищаетъ свое собственное и въ то же время общенациональное дѣло, — свою свободу, свои очаги, свою страну. Правда, „вооруженная нація“ менѣе выравнена физически, чѣмъ армія постоянная; въ ея составѣ много людей старшаго возраста не столь выносливыхъ и подвижныхъ, какъ молодежь. Но именно во Франціи отрицательныя послѣдствія разновозрастности милиціи должны сказываться не очень сильно. По общему мнѣнію, раздѣляемому всѣми знатоками французской арміи, французскіе резервисты медленно теряютъ хорошія боевыя качества. Это должно быть отнесено, вѣроятно, на счетъ расы, отчасти на счетъ экономическихъ условій. Въ то время, какъ тяжелый, сырой, пьющій много пива и тяжело работающій нѣмецъ то тяжелѣетъ, то изнашивается рано, — худощавый, мускулистый, нервный французъ, живущій вообще болѣе легкой жизнью, гораздо дольше сохраняетъ физическую свѣжесть.

Итакъ, „вооруженная нація“ дастъ для обороны страны многочисленные и легко мобилизуемые контингенты, обладающіе высокими моральными гражданскими и боевыми качествами. Вопросъ объ ихъ достаточномъ и доброкачественномъ вооруженіи — есть вопросъ денегъ: онъ рѣшается, слѣдовательно, относительно легко. Сложнѣе вопросъ о командующемъ составѣ. Для того, чтобы кака-либо военная система была приведена въ дѣйствіе и дала всѣ ожидаемыя отъ нея результаты, необходимо, чтобы она пользовалась довѣріемъ командующаго состава, чтобы офицерскій корпусъ, которому принадлежитъ роль организатора національной защиты и исполнителя организационнаго, мобилизационнаго и боевого плановъ, считалъ эту систему удобной, хорошей, соотвѣтственной требованіямъ военного дѣла: только убѣжденные работники работаютъ хорошо.

Какъ же относится къ идеѣ „вооруженной націи“ офицерскій корпусъ Франціи? Пока, въ своемъ большинствѣ, отрицательно. Высшій военный совѣтъ, генеральный штабъ, большинство офицеровъ дѣйствительной службы категорически высказываются за систему постоянной арміи. Но рядомъ съ этимъ необходимо указать на тотъ фактъ, что въ настоящее время имѣется уже значительное меньшинство, повернувшее спину традиціоннымъ воззрѣніямъ, и что меньшинство это безостановочно растетъ. Семь лѣтъ тому назадъ, по словамъ коменданта Росселя, во всей французской арміи насчитывалось всего *семь* офицеровъ, раздѣлявшихъ его идеи; теперь число ихъ перешло за *тысячу*, при чемъ въ составѣ этой тысячи имѣются и генералы, и командиры отдѣльных частей. Часть этихъ офицеровъ склонилась въ пользу „вооруженной націи“ отчасти вслѣдствіе военныхъ соображеній, отчасти вслѣдствіе требованій раздѣляемаго ими социалистическаго міровоззрѣнія. Но другая часть чужда социалистическимъ идеямъ и руководствуется *исключительно* боевыми соображеніями, находя, что, идя по линіи увеличенія своей постоянной арміи, Франція достигла послѣдней доступной для нея ступени и дальнѣйшее увеличеніе боевыхъ силъ и дальнѣйшее ихъ качественное улучшеніе возможно только путемъ привлеченія всей націи къ дѣлу охраны и защиты границы, національныхъ учреждений, національнаго существованія. Что очень важно,—эти сторонники коренной военной реформы до извѣстной степени организованы: въ войсковыхъ частяхъ они образуютъ кружки, занятые, во-первыхъ, изученіемъ и разработкой техническихъ, организаціонныхъ, мобилизаціонныхъ и стратегическихъ вопросовъ, связанныхъ съ реформой, во-вторыхъ, пропагандой своихъ идей среди товарищей.

Насколько успѣшно идетъ эта пропаганда и эта разработка, видно изъ того, что, кромѣ указанной тысячи вполне опредѣленныхъ сторонниковъ системы „вооруженной націи“, вокругъ нихъ имѣется кольцо симпатизирующихъ имъ офицеровъ, на счетъ котораго и растетъ центральная группа; численность ихъ комендантъ Россель опредѣляетъ въ 5-7 тысячъ человекъ. На правомъ флангѣ офицерскаго корпуса насчитывается, можетъ быть, такое же количество убѣжденныхъ и упорныхъ противниковъ новыхъ идей. Но, по мнѣнію Росселя, подобно всѣмъ консерваторамъ и реакціонерамъ, они должны будутъ сложить свое оружіе передъ требованіями дѣйствительной жизни, такъ какъ очевидно, что поднять оборонительныя силы демократической Франціи путемъ увеличенія контингента постоянной арміи нельзя, какъ нельзя и качественно улучшить солдата, оставляя его дольше въ казармѣ. Наконецъ, центръ офицерскаго корпуса и самую многочисленную его часть составляютъ люди, мало интересующіеся теоретическими и принципіальными вопросами, люди безъ опредѣленной инициативы, добросовѣстные работники,

добросовѣстные исполнители, которые будутъ прекрасно исполнять свои техническія и служебныя функціи при любой системѣ, разъ она будетъ установлена закономъ и введена въ жизнь. Россель полагаетъ, что идея „вооруженной націи“ уже теперь имѣетъ въ арміи на своей сторонѣ такія значительныя интеллектуальныя и моральныя силы и въ такой мѣрѣ детально разработана въ технически-военномъ отношеніи, что ея проведеніе въ жизнь и удачное осуществленіе возможно уже въ самое ближайшее время.

„— Во всякомъ случаѣ, если логика исторіи приведетъ Францію къ необходимости для защиты своихъ демократическихъ учрежденій обратиться къ широкимъ демократическимъ массамъ, — мы, офицеры, сторонники и пропагандисты этой реформы, явimsя предъ страной не съ пустыми руками, а съ детально разработанными организаціонными и мобилизаціонными планами. И я ручаюсь вамъ, что намъ хватитъ шести мѣсяцевъ, чтобы ввести реформу въ жизнь“.

Осуществляться реформа,—если ей осуществиться суждено, — будетъ, конечно, постепенно и ея первымъ этапомъ будетъ возвратъ къ двухлѣтней службѣ. По мнѣнію коменданта Росселя и социалистической партіи, за восстановленіемъ двухлѣтней службы должно послѣдовать ея дальнѣйшее сокращеніе до тѣхъ сравнительно немногихъ мѣсяцевъ, которые необходимы для „массоваго обученія“, т. е. для обученія массовымъ движеніямъ войскъ. Опытъ швейцарской милиціи и сербской арміи позволяетъ думать, что для этого достаточно шести мѣсяцевъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ постоянная армія совершенно уничтожается, такъ какъ обученныя войска немедленно распускаются по домамъ, и система вооруженной націи является намъ въ своемъ чистомъ видѣ.

Идетъ ли радикальная партія настолько далеко вмѣстѣ съ социалистами, я сказать не возьмусь. Въ свое время она замѣнила трехлѣтнюю службу двухлѣтней,—въ пору относительнаго международнаго спокойствія,—но дальнѣйшихъ шаговъ для замѣны постоянной арміи милиціей не сдѣлала. Когда европейскій горизонтъ омрачился, и воинственный духъ началъ вѣять вновь надъ Франціей,—радикальная партія пошла въ разногласію. Въ то время, какъ умѣренные республиканцы и консерваторы начали свою агитацію въ пользу восстановленія трехъ лѣтъ, часть радикаловъ съ частью своихъ старыхъ лидеровъ,—Клемансо, Буржуа, Делькасса,—оказалась на ихъ сторонѣ, часть, съ Комбомъ, Пельтаномъ и Кайо—противъ. Только въ По, на конгрессѣ, положившемъ начало партіи „объединенныхъ радикаловъ и радикаловъ-соціалистовъ“, она признала возвратъ къ двухлѣтней службѣ обязательнымъ пунктомъ своей программы,—но при этомъ о принципѣ „вооруженной націи“ она не упомянула. И только втеченіе послѣднихъ шести мѣсяцевъ радикальная мысль, логически развиваясь, привела партію къ логическому выводу, внѣ котораго она оказалась бы между

двумя стульями. Теперь эта идея встрѣчается и въ заявленіяхъ радикальныхъ дѣятелей, и на страницахъ газеты „Le Radical“ и на столбцахъ журнала республиканскаго офицерства, „L'Armée et la Démocratie“. Недавно генераль Персанъ, бывшій членъ высшаго военнаго совѣта и очень замѣтный радикаль, опубликовалъ даже въ газетахъ принципы выработаннаго имъ въ деталяхъ мобилизаціоннаго плана, соотвѣтственнаго понятію „вооруженной націи“. Въ своихъ основахъ онъ отличается отъ основаній системы коменданта Росселя лишь тѣмъ, что вооруженное населеніе cadaго военнаго округа разбивается на двѣ возрастныхъ группы; при первой мобилизаціи подъ ружье призываются первые десять призывовъ, при второй, — резервъ, состоящій изъ всѣхъ старшихъ возрастовъ.

Идея вооруженной націи такимъ образомъ, несомнѣнно, завоевываетъ во Франціи лѣвыя политическія партіи, дорожащія интересами демократіи, развитіемъ свободныхъ учрежденій страны, чуждыя завоевательнымъ стремленіямъ, равнодушныя къ „реваншу“ и ставящія задачей вооруженныхъ силъ исключительно „національную оборону“, а не поддержку агрессивной міровой политики.

Какая же изъ двухъ изложенныхъ нами точекъ зрѣнія пользуется расположеніемъ населенія? Я говорю: „расположеніемъ“, такъ какъ полагаю, что масса населенія плохо освѣдомлена и въ военно-техническихъ, и въ международныхъ вопросахъ, и было бы неправильно предполагать въ ней сознательно-критическое отношеніе къ вопросамъ столь большой сложности. Тѣмъ не менѣе она отдаетъ одной изъ нихъ свое предпочтеніе, — которой-же?

Если судить по выборамъ нынѣшняго года, то представляется слѣдующее затрудненіе: выборы дали палату, лѣвое большинство членовъ которой, — 309 изъ общаго числа 600, — принадлежитъ къ сторонникамъ сокращенія срока военной службы и милиціонной системы. Но если мы, не останавливаясь на конечномъ результатѣ выборовъ, обратимся къ подсчету голосовъ, данныхъ въ день выборовъ представителямъ различныхъ теченій и партій, то найдемъ, что консерваторы и умѣренные республиканцы разныхъ наименованій, высказавшіеся въ своихъ избирательныхъ платформахъ за обязательное сохраненіе трехлѣтней службы, собрали около 60% голосовъ.

Имѣемъ ли мы право основать на этой цифрѣ какое-либо сужденіе? Едва-ли. При системѣ выборовъ по округамъ, избиратели подають голоса не столько за программы, сколько въ пользу тѣхъ или другихъ лицъ, пользующихся въ округѣ симпатіями, вліяніемъ и пр. Огромную роль играютъ въ этихъ выборахъ личныя и мѣстныя вліянія, затемняющія отношеніе избирателей къ вопросамъ принципіальнаго характера. Я затруднился бы поэтому признать на основаніи избирательной статистики, что большинство избирате-

лей Франціи настроено шовинистично и воинственно. Я думаю, напротивъ, что оно глубоко миролюбиво, — по крайней мѣрѣ, въ наиболѣе образованной своей части, прошедшей черезъ свѣтскую школу. Свѣтская школа, сыгравшая такую крупную роль въ дѣлѣ укрѣпленія въ массахъ основныхъ идей свѣтской республики, была въ то же время въ общемъ школой миролюбивыхъ чувствъ и идеи національнаго братства и международнаго сближенія. Объ этомъ свидѣлствуетъ большое число заявленій, сдѣланныхъ въ разное время официальными представителями учительскихъ организаций во время учительскихъ конгрессовъ, а также на страницахъ журналовъ, издаваемыхъ учительскими ассоціаціями. Вотъ нѣсколько образцовъ учительскихъ умонастроеній.

„Рациональное-ли чувство патріотизмъ?“ — Этой темѣ посвященъ былъ, напр., докладъ извѣстнаго во Франціи педагога Бутру на педагогическомъ конгрессѣ 1910 г. — „Есть разнаго рода патріотизмы, — отвѣчаетъ докладчикъ: — патріотизмъ шовинистскій, агрессивный, патріотизмъ своей мѣстной колокольни, согласно которому человѣчество кончается на той или другой границѣ. Ни одинъ, ни другой не оправдываются разумомъ, такъ какъ разумъ стремится къ истинамъ, годнымъ для человѣка вообще и являющимся основой гуманитаризма и интернаціонализма. Идея человѣчества, конечно, не исключаетъ идеи національности, какъ сумма не исключаетъ своихъ слагаемыхъ, но и слагаемые не могутъ противоположаться суммѣ, — поэтому и націю нельзя противоположать человѣчеству. Дѣтей же необходимо приучать видѣть въ націи лишь члена общечеловѣческой семьи“.

Другой вліятельный педагогъ, Ру, президентъ федераціи обществъ взаимопомощи учителей, слѣдующимъ образомъ опредѣлилъ одну изъ основныхъ задачъ воспитанія:

„Научимъ нашихъ учениковъ любить отечество, какъ они любятъ свою провинцію, свой городъ, свое селеніе; но научимъ ихъ также любить наше великое отечество, — землю. Научимъ ихъ любить родныхъ и друзей, среди которыхъ они живутъ, но также и людей, обитающихъ подъ чужими небесами, которыхъ они не знаютъ, но которые думаютъ и чувствуютъ, какъ они, и вмѣстѣ съ ними работаютъ на благо человѣчества... Будемъ же работать надъ уничтоженіемъ въ народныхъ массахъ предрасудковъ, питающихся традиціями и невѣжествомъ, и всего усерднѣе будемъ работать надъ упроченіемъ мира. Общими усилиями выработаемъ изъ себя людей, способныхъ воспитать въ молодыхъ поколѣніяхъ преданность справедливости и любви и вражду къ несправедливости и къ національной розни. Если про нашихъ предшественниковъ говорили, что, благодаря ихъ трудамъ, націи побѣждали на поляхъ сраженій, то пусть про современнаго учителя скажутъ, что онъ одержалъ самую трудную изъ побѣдъ: побѣду надъ несправедливостью, невѣжествомъ и войной“.

Въ частной же бесѣдѣ мнѣ пришлось слышать отъ одного изъ вліятельныхъ парижскихъ учителей слѣдующее заявленіе:

— „Я и, насколько мнѣ извѣстно, большинство моихъ товарищей, проводимъ всегда и очень настойчиво одну идею, что война законна лишь оборонительная, когда врагъ, движимый стремленіемъ къ захвату чужой національной собственности, вторгается въ страну, лишаетъ жителей ея свободы, топчетъ ея культуру. Тогда долгъ каждого гражданина защищать свою страну,—и эта защита является единственной законной цѣлью существованія арміи. Употребленіе же армій для угнетенія чужихъ народностей, для завоеваній, для международнаго грабежа, въ какой бы формѣ и по какимъ бы предлогамъ это ни происходило,—всегда ни болѣе, ни менѣе, какъ преступленіе. Вотъ чему мы учимъ“!..

И трудно предположить, что эта проповѣдь пассивизма и гуманитарнаго интернационализма, веденная сотней тысячъ французскихъ народныхъ учителей, не дала за тридцать лѣтъ существованія новой свѣтской и республиканской школы замѣтнаго результата, что ходъ демократической и гуманитарной мысли не отразился такъ или иначе на поколѣніяхъ, выросшихъ подъ ея вліяніемъ. Тѣмъ болѣе, что вообще у младшихъ поколѣній, у поколѣній, рожденныхъ послѣ войны и послѣ отторженія провинцій, не перечувствовавшихъ непосредственно горести пораженія и утраты, для страстной вражды къ Германіи нѣтъ соответственныхъ психологическихъ условій.

Такъ заставляетъ думать, между прочимъ, и одна весьма любопытная, недавно появившаяся книга, — „La Paix armée et le problème d'Alsace dans l'opinion des nouvelles générations françaises“¹⁾. Книга эта—трудъ коллективный. Написана она докторомъ правъ Марселемъ Лораномъ, профессоромъ Филиппомъ Нораромъ и поэтомъ и публицистомъ Александромъ Мерсеро, извѣстнымъ русскому читателю въ качествѣ редактора французскаго отдѣла „Міра Искусства“. Но идеи книги сложились и вызрѣли не въ замкнутомъ и тѣсномъ кругѣ трехъ лицъ, а въ средѣ гораздо болѣе обширной,—младшаго, но возрастно зрѣлаго поколѣнія французской интеллигенціи. Книгѣ поэтому предпосланъ манифестъ, подписанный 71 представителями науки, литературы, искусства, промышленности, либеральныхъ профессій. Всѣ подписавшіеся принадлежатъ къ поколѣнію, родившемуся между 1875 и 1890 годами и начинающему поэтому играть руководящую роль въ общественной и духовной жизни Франціи. Но говорятъ они не только отъ своего имени, а отъ лица своего поколѣнія, — на какомъ основаніи? Признаемъ охотно,—на основаніи нѣсколько спорномъ и безъ формальнаго полномочія. Тѣмъ не менѣе послушаемъ ихъ.

„— Всѣ подписавшіеся, — говорятъ они, — французскіе граждане

¹⁾ О ней, между прочимъ, было уже говорено въ „Обозрѣніи иностранной жизни“ за май мѣсяцъ текущаго года.

и избиратели; всё они не занимаются политической дѣятельностью; и всё чувствуютъ потребность снять съ себя отвѣтственность за дѣйствія старшихъ поколѣній, видѣвшихъ войну 1870 г., управляющихъ теперь Франціей и проявляющихъ чуждыя имъ чувства и страсти“.

Дѣятельность этихъ старшихъ французскихъ поколѣній выражается втеченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ въ упорномъ и повсемѣстномъ противодействіи интересамъ Германіи и ея политикѣ,—что, вмѣстѣ съ старымъ антагонизмомъ, вызваннымъ отторженіемъ Эльзаса, является одной изъ главныхъ причинъ роста военныхъ вооруженій, иначе говоря, того „вооруженнаго мира“, который является основнымъ бѣдствіемъ Европы, постоянно угрожающимъ ей войной.

Авторы манифеста протестуютъ противъ этой французской политики; они указываютъ на то, что въ грядущемъ столкновеніи Франціи съ Германіей ставки обѣихъ странъ не равны: для Германіи—частичныя потери, для Франціи—существованіе.

— „Мы заявляемъ, что если для двухъ воюющихъ сторонъ шансы побѣды одинаковы, но ставки не равны, то въ этихъ условіяхъ война—безуміе“.

Они полагаютъ, что политика мира и соглашенія со всѣми противниками Франціи, и преимущественно съ Германіей, во-первыхъ, не повлекла бы за собой ни умаленія національнаго достоинства Франціи, ни ея мірового вліянія; во-вторыхъ, была бы самымъ вѣрнымъ средствомъ обезпечить цѣлость французскихъ границъ и колоній, и, въ-третьихъ, имѣла бы послѣдствіемъ демилитаризацію Европы. Они требуютъ поэтому возврата къ политикѣ Жюль Ферри, Фрейсина и Ганото, сближенія съ Германіей, разоруженія.

Книга Лорана, Норара и Мерсеро представляетъ развитіе этихъ положеній, но начинается она любопытнымъ разграниченіемъ двухъ поколѣній,—старшаго, видѣвшаго войну 70-го года, и младшаго, отъ имени котораго идетъ рѣчь.

„Поколѣнія, видѣвшія войну, до сихъ поръ еще испытываютъ на себѣ дѣйствіе пережитаго тогда кризиса. Послѣ всѣхъ нашихъ бѣдствій, двѣ задачи были поставлены тогда на очередь: возстановить наши національныя силы и организовать республику. Гамбетта былъ живымъ воплощеніемъ этихъ двухъ параллельныхъ цѣлей. Но если, съ одной стороны, кризисъ семидесятаго года имѣлъ на старшія поколѣнія благотворное дѣйствіе, заставивъ ихъ наперечъ всѣ свои силы, онъ, съ другой стороны, создалъ въ нихъ совершенно особое умонстроеніе, слѣдовъ котораго мы не находимъ у молодыхъ. Зная по непосредственному опыту, какъ близка была Франція къ гибели, старшія поколѣнія, управляющія нами до сихъ поръ, день за днемъ отсрочивали часть „реванша“ надъ Германіей. Тѣмъ не менѣе, по преданности къ принципамъ революціи, по вѣрѣ въ мистическую силу права, люди правящіе нами никогда не

отказывались и не могли отказаться отъ мечты о возвратѣ провинцій, аннексированныхъ иностранной державой.

„Старшія поколѣнія такимъ образомъ руководствовались чувствомъ... Они говорятъ намъ о правѣ, о справедливости. Но мы отвѣчаемъ имъ цифрами и указаніями на факты. Они остались вѣрными рыцарственной политикѣ чувства и принциповъ. Мы — сторонники политики разума и научнаго анализа. Они вносятъ въ изслѣдованіе мучительнаго эльзась-лотарингскаго вопроса весь пылъ вѣрующаго, всю экзальтацію религіознаго чувства, движимаго вѣрой, а не очевидностью. Мы же думаемъ, что политически мыслящій человекъ долженъ подходить къ политическимъ проблемамъ такъ, какъ подходить къ промышленнымъ проблемамъ добросовѣстный и трезвый промышленникъ или финансистъ, который, зная свои силы, не беретъ за непосильныя для него задачи“.

И вотъ, подходя къ „мучительной эльзась-лотарингской“, а затѣмъ и къ франко-германской проблемѣ, съ рѣшимостью изслѣдовать ее спокойно и примириться со всѣмъ тѣмъ, что въ ней неустранимо, — наши авторы констатируютъ, что Франція изъ всѣхъ странъ Европы несетъ на себѣ maximum военныхъ тяготей; что, при неподвижной численности ея населенія, эти тяготы станутъ для нея вскорѣ непереносными; что Эльзась-Лотарингія, — это яблоко раздора, — всѣми силами протестуетъ противъ новой франко-германской войны; что эти якобы французскія провинціи уже „расфранцузились“ и что присоединеніе ихъ къ Франціи не удовлетворило бы ихъ населенія; что, наконецъ, въ самой Франціи все сильнѣе и распространеннѣе становится желаніе разрѣшить эльзась-лотарингскій вопросъ путемъ превращенія отнятыхъ областей въ автономную провинцію въ составѣ Германской имперіи, — но что и это рѣшеніе затрудняется, — къ явному ущербу населенія провинцій, — агрессивностью французской политики. Эту политику надо поэтому оставить. Ее надо оставить еще потому, что связанный съ ней милитаризмъ уменьшаетъ во Франціи армію труда, — источника богатства, — и понижаетъ рождаемость; ведетъ къ росту непроизводительныхъ расходовъ, — съ 1870 года на армію Франціи затрачено 70 миллиардовъ, — что путемъ даже величайшихъ усилій Франція никогда не сравняется по численности своей арміи съ Германіей; что она грозитъ, наконецъ, національнымъ интересамъ Франціи.

Въ чемъ состоитъ основной національный интересъ? Послушать націоналистовъ и шовинистовъ, — въ національной независимости. Но на континентѣ Европы нѣтъ ни одной великой независимой державы, — всѣ взаимозависимы между собой, всѣ связаны то договорами и обязательствами, то конкуренціей, заставляющей стоять всегда на уровнѣ противниковъ. Въ этихъ условіяхъ очевидно, что національная независимость не уменьшается отъ договоровъ; отношенія вражды связываютъ сильнѣе отношенія дружбы, но къ тому

же грозятъ опасностями. Аргументъ національной независимости такимъ образомъ отпадаетъ, но остается въ силѣ аргументъ реальной пользы. Чего требуетъ онъ отъ Франціи? Онъ требуетъ, чтобы разоруженію ея предшествовало соглашеніе съ Германіей, соглашеніе, которое разоружило бы и послѣднюю. Безъ взаимнаго разоруженія Франція просто потеряла бы въ международномъ вѣсѣ. Демилитаризація Франціи можетъ такимъ образомъ осуществиться только какъ слѣдствіе новой ея международной политики,—только какъ результатъ французско-нѣмецкаго сближенія.

Но, какъ извѣстно, за сближенія надо платить. Что же должна была бы заплатить Франція Германіи? Что могла бы дать первая? Что хотѣла бы получить послѣдняя?

Первымъ и основнымъ условіемъ должно считать официальное признаніе франкфуртскаго договора и официальное же признаніе со стороны Франціи Эльзась-Лотарингіи, какъ неотдѣляемой части Германской имперіи.

Вторымъ условіемъ—экономическое сотрудничество Германіи и Франціи, какъ на континентѣ, такъ и въ колоніяхъ. Оно выразилось бы прежде всего въ допущеніи германскихъ цѣнностей на парижскую биржу. Ростущая германская промышленность нуждается въ деньгахъ, ищетъ ихъ всюду,—и даже при нынѣшнихъ условіяхъ она должна Франціи до 3 милліардовъ франковъ, взятыхъ подъ не-котирующіяся цѣнности. Доступъ нѣмецкихъ бумагъ на парижскій рынокъ позволилъ бы Германіи получить новые милліарды; онъ поднялъ бы цѣнность бумагъ нѣмецкихъ предпріятій, понизилъ бы въ Германіи долговой процентъ,—выигрывъ для Германіи вполне реальный. Франція же съ своей стороны получила бы кредитора болѣе надежнаго, чѣмъ разныя южно-американскія государства; а, во-вторыхъ, въ ея рукахъ оказалось бы могучее орудіе воздѣйствія на политику Германіи,—путемъ пониженія ея цѣнностей на парижскомъ рынкѣ въ случаѣ ссоры. Совмѣстная колониальная политика и дружественная таможенная привели бы, въ концѣ концовъ, Францію-банкира и Германію-предпринимательницу къ столь тѣсному экономическому симбіозу, что политическій союзъ между ними сталъ бы дѣломъ не только естественнымъ и логичнымъ, но и необходимымъ.

Таково вкратцѣ содержаніе книги Лорана-Норара-Мерсеро, обнаруживающей во Франціи наличность хода идей, новаго для нея и глубоко интереснаго. Отмѣченный печатью трезваго реализма, этотъ ходъ идей требуетъ прежде всего мира, разоруженія и, какъ его непремѣннаго и главнаго условія, сближенія Франціи съ Германіей и слѣдующаго за тѣмъ объединенія западной Европы.

Послѣ всего изложеннаго выше, я позволяю себѣ думать, что тезисъ, съ котораго я началъ мою статью и который гласитъ, что вопросъ о продолжительности военной службы является во Франціи

частью другого, болѣе общаго и глубокаго вопроса направленія ея международной политики, не долженъ вызывать въ читателѣ сомнѣнія. Онъ безспорно вѣренъ,—и такъ понимаетъ его общественная мысль прогрессивной Франціи. Но не такъ стоитъ вопросъ во французскомъ парламентѣ, — и на этомъ обстоятельстве необходимо остановиться, для того, чтобы измѣрить всѣ трудности, съ которыми придется еще бороться новой концепціи.

И въ парламентскихъ преніяхъ, и въ газетной полемикѣ по вопросу о продолжительности казарменной службы тѣсная и неразрывная связь, существующая между нею и между направлениемъ международной политики Франціи, представляется разорванной сторонниками короткой службы.

„Военные реакционеры“, консерваторы и консервативные республиканцы, шовинисты, и всѣ тѣ, кто за три года службы, — тѣ этой связи не разрываютъ. Напротивъ, они не перестаютъ „кивать на Михеля“, указывать на все растущую волну нѣмецкаго агрессивнаго милитаризма, съ одной стороны, на требованія дорогой союзницы—Россіи, съ другой. Они грозятъ, что переходъ къ двумъ годамъ—это разрывъ съ Россіей, и увѣряютъ, что Франція, не имѣющая подъ ружьемъ трехъ призывовъ, немедленно станетъ жертвой нѣмецкаго нападенія и что такую „слабую“ страной всѣ пренебрегутъ и никто ей не окажетъ помощи. Эта алармистская кампанія стоитъ въ странномъ противорѣчій съ столь острымъ обыкновенно чувствомъ французской національной гордости, — но внутренне она логична: разъ Франція является членомъ агрессивно настроеннаго тройственнаго соглашения, стоящаго лицомъ къ лицу съ столь же агрессивнымъ тройственнымъ союзомъ, ей ничего не остается другого, какъ держать подъ ружьемъ возможно большое число солдатъ,—ибо война, какъ евангельскій женихъ, придетъ въ часъ, котораго никто не знаетъ и не ожидаетъ. Нужно быть готовымъ поэтому всегда и во всякое время.

Эту связь мы находимъ и въ проектѣ первой министерской деклараціи Вивіани — той, на которой онъ споткнулся. Онъ обязывался въ ней представить палатамъ законопроектъ о военной подготовкѣ юношества и объ усиленныхъ повторныхъ военныхъ управленіяхъ резервистовъ и обѣщалъ, въ томъ случаѣ, если эти мѣры дадутъ положительные результаты, сократить продолжительность дѣйствительной службы, *тогда, когда это позволитъ международныя отношенія*. Какъ извѣстно, приглашенные въ составъ кабинета радикалы Годаръ и Понсо, вѣрные принятымъ объединенными радикалами принципамъ двухлѣтней службы, сочли эту формулу неприемлемой для себя, это обѣщаніе—простымъ уклоненіемъ отъ программы,—и сорвали кабинетъ Вивіани. Годаръ и Понсо совершенно правильно увидѣли въ условной формулѣ Вивіани экивокъ. Если Франція будетъ пассивно ждать того момента, когда европейское положеніе позволитъ ей сократить срокъ службы, то ждать ей

придется, можетъ быть, неопредѣленно долго, — въ особенности если она другой рукой будетъ создавать агрессивное европейское настроеніе. Но, требуя отъ Вивіани, чтобы онъ въ своей деклараціи заявилъ о готовности подготовить переходъ къ короткому сроку службы и перейти къ нему въ дѣйствительности, безотносительно къ европейскому положенію, они, несомнѣнно, перенесли вопросъ съ той плоскости, на которой онъ созрѣлъ въ общественномъ сознаніи части французскаго населенія, въ другую, новую плоскость, опредѣляющуюся случайно въ борьбѣ за двухлѣтнюю службу.

Извѣстно, что, проведя спѣшно законъ о трехлѣтней службѣ кабинетъ Барту и его военный министръ, Этьенъ, вмѣстѣ съ начальникомъ генеральнаго штаба Жоффромъ, очень неудовлетворительно организовали практическую сторону военной реформы. На спѣхъ безъ достаточнаго контроля построенныя и недостроенныя казармы для новыхъ войскъ оказались не помѣстительными, негигиеничными и неудобными. Въ переполненныхъ и протекающихъ сырыхъ и холодныхъ помѣщеніяхъ появились эпидеміи, возросли болѣзненность и смертность. Солдаты оказались плохо одѣтыми. Пришлось многихъ отправить въ резервъ. Къ маю мѣсяцу въ строю изъ 240 тысячъ набора осталось 96 тысячъ! Кромѣ того, по мнѣнію многихъ офицеровъ, въ томъ числѣ авторитетнаго генерала Персэна, мобилизаціонные планы, тоже на спѣхъ приравненные къ иначе расположенной и къ возросшей на треть арміи, оказались „испорченными“, — генераль Персэнь утверждаетъ, что старые мобилизаціонные планы, имѣвшіе въ виду двухпризывную армію, были разработаны прекрасно и гарантировали быструю, удобную и не поддающуюся путаницѣ мобилизацію. Исправленные же планы при осуществленіи приведутъ именно къ путаницѣ и промедленіямъ.

Изъ этихъ данныхъ противники трехлѣтней службы извелили аргументъ: защита границы лучше обезпечена при двухлѣтней службѣ, чѣмъ при трехлѣтней, при 480.000 солдатъ подъ ружьемъ, чѣмъ при 720.000! Аргументъ, очевидно, абсурдный, если не думать, что мобилизаціонная путаница и болѣзненность арміи являются неизбежными и неустранимыми спутниками трехлѣтней службы. Найдя этотъ сомнительный аргументъ, сторонники двухлѣтней службы, и социалисты въ томъ числѣ, замѣнили имъ свою старую аргументацію, настаивавшую на мирѣ съ Германіей. Миръ и соглашеніе съ Германіей! Объ этомъ легко писать въ книгахъ, легко говорить въ общихъ фразахъ, но заявить съ парламентской трибуны отъ лица партіи, не говоря уже отъ лица кабинета? А что отвѣтитъ страна, въ которой нѣмцедство все-таки сильно, въ которой шовинизмъ годами раздувался націоналистской прессой? Это опасно. Кабинетъ можетъ полетѣть внизъ; партія можетъ стать мишенью для обвиненія въ

предательствѣ, въ измѣнѣ. Неудобный аргументъ! Его и замѣняли другимъ, хотя и сомнительнымъ, но патріотичнымъ, и, въ концѣ концовъ, кажется, сами повѣрили въ него. Прочтите, напр., слѣдующія строки, написанныя Жоресомъ:

„Министерство Вивіани сформировано. Однако все, что мы о немъ знаемъ, это то, что г. Комбъ отказался войти въ него по той причинѣ, что г. Вивіани не хочетъ слѣдовать въ военномъ вопросѣ программѣ По, т. е. объявить о немедленной и методической подготовкѣ возстановленія двухлѣтней службы. Г. Комбъ былъ вдвойнѣ правъ, потребовавъ, въ особенности на другой день послѣ вогума палаты, опрокинувшего г. Рибо, чтобы правительство высказалось въ чистую. Онъ былъ правъ, отказавъ въ своей поддержкѣ двусмысленнымъ и неопредѣленнымъ формуламъ и сообщивъ всемъ республиканцамъ страны мотивы своего отказа.

„Если я хорошо осведомленъ, г. Вивіани сказалъ ему, что, каковы бы ни были дополнительные военные мѣры, которыя могли бы быть приняты въ цѣляхъ увеличенія оборонительныхъ силъ Франціи, нѣтъ возможности сократить продолжительность казарменной службы до тѣхъ поръ, пока Германія идетъ по пути увеличенія своихъ контингентовъ. Если это вѣрно, то, значить, г. Вивіани считаетъ трехлѣтнюю службу мѣрой необходимой обороны. Онъ думаетъ, слѣдовательно, что иная система, болѣе близкая къ типу вооруженной націи, ослабитъ Францію и подвергнетъ ее опасности.

„Если такъ, то между нимъ и нами цѣлая пропасть; цѣлая пропасть между нимъ и объединенной радикальной партіей, провозгласившей въ По, что система двухлѣтней военной службы, дополненная военнымъ обученіемъ молодежи и хорошей организаціей резервовъ, *всего лучше* отвѣчаетъ требованіямъ національной обороны“.

И такъ какъ между г. Вивіани и г. Жоресомъ „цѣлая пропасть“, — то первый и получаетъ отъ послѣдняго названіе „военнаго реакціонера“. Очевидно, Жоресъ не написалъ бы этихъ строкъ, еслибы не вѣрилъ въ то, что именно двухлѣтняя служба *всего болѣе* отвѣчаетъ требованіямъ національной обороны. На чемъ же основана эта вѣра? Почему три года „дополненные военнымъ обученіемъ молодежи и хорошей организаціей резервовъ“, менѣе соответствуютъ тѣмъ же требованіямъ? Потому что мобилизаціонные планы плохо разработаны и казармы антигигіеничны? Но планы можно исправить, казармы осушить и улучшить. И въ такомъ случаѣ, конечно, окажется, что 720 тысячъ солдатъ подъ ружьемъ будутъ отвѣчать требованіямъ національной обороны лучше, чѣмъ 480 тысячъ.

Кромѣ того, совершенно не ясно, въ чемъ же заключается та пропасть, о которой говоритъ г. Жоресъ. И онъ, и Вивіани хотятъ вооружить всю націю, имѣть солдатъ въ казармѣ, имѣть обученное

военному ремеслу юношество и хорошо организованные резервы. Споръ идетъ только о количествѣ солдатъ подъ ружьемъ. Очевидно, дѣло въ количественной разницѣ, а не въ качественной. Но если нѣтъ качественной разницы, то нѣтъ и пропасти. Ея нѣтъ потому, что ее замостили сами защитники короткой службы и „вооруженной націи“, сузивъ вопросъ и сведя споръ на военно-техническую почву. Еслибы они остались вѣрны себѣ, они поставили бы вопросъ о демилитаризаціи Франціи въ связь съ ея международной политикой и потребовали бы прежде всего мира съ Германіей, какъ это социалисты дѣлали уже столько разъ. „Политическія соображенія“ помѣшали имъ въ данномъ случаѣ сдѣлать этотъ шагъ,—и ихъ оппозиція тремъ годамъ потеряла и убѣдительность, и силу.

Очевидно, идея мира съ Германіей, европейской федераціи и разоруженія недостаточно еще вызрѣла во Франціи, недостаточно усвоена общественнымъ сознаниемъ, чтобы оперировать ею открыто въ парламентѣ. Политическіе дѣятели, даже искренно раздѣляющіе ее, не считаютъ потому возможнымъ, опираясь на нее, предложить странѣ разрывъ съ традиціонной политикой. Но то, что не вызрѣло сегодня, созрѣетъ завтра. Демократическая Франція съ растущей социалистической партіей, съ крѣпнущимъ, не смотря на всѣ усилія реакціи, радикализмомъ, не можетъ, не измѣняя себѣ, превратиться въ военный лагерь—съ двухъ-или трехлѣтней службой въ рядахъ дѣйствительной арміи, безразлично. Силой вещей, логикой демократической мысли она принуждена будетъ совершить поворотъ, который сразу разрядитъ полную грозой атмосферу и выведетъ страну изъ-подъ знака Марса — т. е. протянуть руку примиренія своему зарейнскому сосѣду. Тогда въ Европѣ начнется новая историческая полоса и широко откроется для нея дверь въ лучшее будущее.

Здѣсь уместно поставить вопросъ, придающій темѣ, нами трактуемой, животрепещущій интересъ для насъ, русскихъ:

— Войдемъ ли и мы въ эту дверь? Окажемся ли и мы въ „объединенной Европѣ“, или же за ея оградой?

Это будетъ зависеть отъ многого. И прежде всего отъ строя нашей внутренней жизни и отъ качества нашей политической культуры. И теперь, въ условіяхъ общеевропейскаго милитаризма, наши французскіе союзники дорожатъ нами почти исключительно, какъ самымъ большимъ въ Европѣ кулакомъ. И нужна была вся изолированность Франціи среди ея вооруженныхъ сосѣдей, чтобы сломить антипатію культурнаго и свободнаго народа къ странѣ закрѣпощенной и безправной. Когда въ Европѣ „вооруженный миръ“ уступитъ свое мѣсто объединенію народовъ и союзу культурныхъ странъ—въ кулакѣ нашемъ потребность пропадетъ и подавленный изъ утилитарныхъ соображеній антагонизмъ сложится

тогда свободно и отгѣснить насъ за предѣлы Европы. Конечно, въ томъ случаѣ, если мы не приведемъ,—къ тому, можетъ быть, не очень отдаленному времени,—свое государственное устройство, свою внутреннюю политику и свою культурную жизнь къ общеевропейскому уровню.

БѢЛОРУССОВЪ.

Обозрѣніе иностранной жизни.

1. Народныя волненія въ Италіи.—2. Современное положеніе Китая.—3. Развязка министерскаго кризиса во Франціи.

I.

Въ Италіи, въ первой половинѣ іюня, особенно между 7 и 13 числомъ, прокатилась цѣлая волна народныхъ—рабочихъ и крестьянскихъ—манifestацій, которыя мѣстами превращались въ настоящія возстанія и отчасти слились, отчасти были еще болѣе усилены всеобщей, хотя не вполне удавшейся забастовкой.

Ниже мы остановимся на нѣкоторыхъ подробностяхъ движенія. Но наблюдатель со стороны прежде всего хочетъ разобраться въ общемъ впечатлѣніи, которое производятъ на него эти событія. Какъ бы правительство ни говорило по обычаю о профессиональных агитаторахъ и предумышленномъ планѣ заговора противъ монархическаго режима и всего современнаго порядка вещей, крупныя безпорядки, прокинувшіеся по всему королевству съ сѣвера далеко на югъ, указываютъ на особое настроеніе широкихъ массъ, настроеніе, которое нельзя объяснить лишь подстрекательствомъ зачинщиковъ и хитростью конспираторовъ. Въ этомъ движеніи было слишкомъ много самопроизвольности, повсемѣстности и быстроты распространенія, чтобы его можно было приписать исключительно воздѣйствію на толпу революціоннаго меньшинства. Наоборотъ. Когда приглядываешься къ этому общему волненію массъ въ его цѣломъ, то невольно начинаешь думать о нѣкоторыхъ подсознательныхъ, неопредѣленныхъ, но тѣмъ болѣе могучихъ эмоціяхъ народной души, напоминающихъ тѣ подземныя рѣки, которыя бурлятъ гдѣ-то внизу, во мракѣ и глубинѣ, и вдругъ вырываются цѣлыми каскадами на поверхность. И самъ собою возникаетъ вопросъ: да насколько намъ вообще извѣстна душа современныхъ итальянскихъ массъ?

Маленькая оговорка. До сихъ поръ въ самой Италіи политическая буря, поднятая народнымъ движеніемъ, настолько еще не улеглась, что нельзя даже опредѣлить болѣе или менѣе точно размѣры волненій. Приходится прежде всего считаться съ пре-

увеличенными извѣстіями, которыя передавались изъ устъ въ уста, находили мѣсто на столбцахъ газетъ, служили предметомъ страстной оцѣнки на митингахъ, являлись отправнымъ пунктомъ для ожесточенныхъ партійныхъ прерій въ парламентѣ. Эти преувеличенія идутъ изъ двухъ діаметрально противоположныхъ лагерей. И крайніе лѣвые, и крайніе правые элементы склонны придавать движенію поистинѣ колоссальные размѣры,—первые потому, что имъ хотѣлось бы видѣть въ только что стихнувшихъ массовыхъ демонстраціяхъ „начало конца“, первые шаги настоящей революціи, которая смететъ Савойскую монархію; вторые—потому, что считаютъ ихъ дѣломъ опаснѣйшихъ враговъ отечества, арміи и династіи и, напуганные этою мыслию, стараются всѣми силами толкнуть правительство на путь рѣшительнаго подавленія всякихъ такихъ безпорядковъ.

Но если и отрѣшиться отъ этихъ внутреннихъ политическою страстью преувеличеній, то все же мы имѣемъ передъ собою массу хорошо проверенныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что дѣйствительно, недавнія волненія послали характеръ не простыхъ безпорядковъ, а рѣзкаго революціоннаго взрыва. Дѣло началось, какъ обыкновенно бываетъ, съ не особенно крупнаго событія. Палаты труда, обостряя съ весны текущаго года свою борьбу съ колониальной политикой Италіи и вообще съ ростомъ милитаризма рѣшили на воскресенье, 7-го іюня,—день опубликованія такъ называемаго „Статута“, легшаго въ основу конституціи королевства, — произвести во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только возможно, антимилитаристскія демонстраціи. Палаты связывали ихъ съ протестомъ противъ режима исправительныхъ ротъ, въ частности съ судьбою солдатъ Мазетти и Марони, которые не отступили передъ покушеніемъ на жизнь начальниковъ, лишь бы не участвовать въ Ливійской экспедиціи. Нынѣшній премьеръ Саландра, этотъ авторитарный буржуа-легистъ, характеристику котораго мы дали нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, счелъ такое рѣшеніе рабочихъ организацій верхомъ антипатріотической продерзости и, разославъ префектамъ телеграфныя инструкціи, заканчивающіяся слѣдующимъ приказомъ: „Такъ какъ дѣло идетъ о манифестаціяхъ направленныхъ къ тому, чтобы побудить солдатъ уклониться отъ ихъ долга и сдѣлать войско предметомъ ненависти и презрѣнія гражданъ, то должны быть строго воспрещены всякія публичныя собранія, процессіи, расклейка и раздача манифестовъ, клонящихся къ этой цѣли. Я беру на себя полную отвѣтственность за эти инструкціи“.

Это запрещеніе, которому—увы!—можно подыскать въ итальянской исторіи немало прецедентовъ даже и изъ той эпохи, когда во главѣ стояли радикальныя министерства, въ большинствѣ мѣстностей не вызвало особенно рѣзкаго сопротивленія. Но въ промышленномъ и морскомъ городѣ Анконѣ, гдѣ революціонные

элементы давно владѣютъ умами жителей, послѣ частнаго собранія на улицу вышла возбужденная рѣчами ораторовъ толпа и старалась увлечь за собою населеніе на главную площадь для производства большой манифестаціи. Полиція и карабинеры (итальянскіе жандармы) набросились на мирную толпу и разстали ее, не останавливаясь передъ самой жестокой расправой съ демонстрантами. Толпа бросилась бѣжать и, преслѣдуемая полицейскими, добралась до болѣе узкихъ улицъ, населенныхъ рабочими. Населеніе бѣдныхъ кварталовъ было крайне возмущено дѣйствіями властей и рѣшило воспротивиться во что бы то ни стало распоряженію правительства, которое оно считало незаконнымъ произволомъ. Изъ оконъ домовъ на карабинеровъ посыпались камни, кирпичи, скамейки, цвѣточныя горшки. Въ отвѣтъ жандармы безъ всякаго предупрежденія стали стрѣлять изъ револьверовъ. Въ результатѣ пострадало нѣсколько полицейскихъ, а на сторонѣ рабочихъ двое было убито, нѣсколько десятковъ ранено. Это только подлило масла въ огонь среди энергичнаго населенія Анконы. Втеченіе двухъ слѣдующихъ дней повсюду происходили стычки между горожанами и полиціей. Толпа наставала на своемъ правѣ организовать митинги подъ открытымъ небомъ, устраивала процессіи и, встрѣчая повсюду самое рѣшительное подавленіе демонстрацій со стороны властей, пустила въ ходъ всевозможныя метательныя орудія, опустошила нѣсколько оружейныхъ магазиновъ и выдержала цѣлый рядъ стычекъ съ карабинерами.

Между тѣмъ, какъ только на слѣдующій день, 8-го числа, газеты распространили по Италіи телеграфныя свѣдѣнія о происшедшемъ въ Анконѣ, социалистическая партія, состоящая изъ революціонеровъ, и итальянская Конфедерація труда, руководимая наоборотъ, реформистами, сочли моментъ достаточно серьезнымъ, для того, чтобы согласовать свои дѣйствія и провозгласить на 9 іюня въ знакъ протеста противъ правительства 24-часовую всеобщую забастовку. Забастовка эта не была проведена повсюду съ одинаковымъ успѣхомъ, хотя въ многихъ мѣстахъ само населеніе удлиннило ея продолжительность до двухъ-трехъ сутокъ и въ общемъ число ея участниковъ исчисляется до 3 милліоновъ. Въ частности, сильная организація желѣзнодорожныхъ служащихъ, — которая два мѣсяца тому назадъ сама призывала другихъ рабочихъ къ общей стачкѣ, а нынѣ измѣнила свою позицію, надѣясь выжидающимъ получить отъ правительства обѣщанныя улучшенія, — эта организація, говоримъ мы, высказалась противъ забастовки. И желѣзныя дороги прекратили движеніе лишь въ нѣкоторыхъ пунктахъ Италіи, напр., между Анконой и Бари. Но во многихъ городахъ, особенно въ крупныхъ административныхъ и рабочихъ центрахъ сѣвера, въ столицѣ, а нѣсколько позже на югѣ, забастовка приняла огромные размѣры и повсюду сопровождалась стычками между рабочимъ населеніемъ и полиціей, жандармами и войсками. Такъ

какъ газеты перестали выходить въ этихъ мѣстностяхъ, то стоустая молва еще болѣе преувеличивала широту и рѣзкость этого движенія. Было, дѣйствительно, неоднократно замѣчено, что на сей разъ, въ противоположность обыкновенному исходу такихъ столкновений, толпа обращалась въ бѣгство только тогда, когда „защитники порядка“ принимались безпощадно рубить и стрѣлять. Но и въ такихъ случаяхъ инсургенты отступали лишь шагъ за шагомъ, строили баррикады изъ камней мостовой, трамвайныхъ вагоновъ, бочекъ, ящиковъ и, укрываясь за этими импровизированными укрѣпленіями, осыпали нападавшихъ градомъ камней, а порою стрѣляли изъ револьверовъ. Особенно сильны эти столкновения были въ Туринѣ, Миланѣ, Флоренціи, Равеннѣ, Барі, Римѣ, нѣсколько позже въ Неаполѣ.

При этомъ обнаружилось любопытное явленіе въ областяхъ сѣверо-восточной Италіи, —Эмиліи, Романьѣ, Маркѣ, —гдѣ въ народѣ живутъ еще традиціи старой муниципальной жизни и автономныхъ общинъ. Въ разныхъ мѣстахъ этой полосы, тамъ, гдѣ не было по близости большого количества войскъ, напр., въ Фабріано, образовался цѣлый рядъ республикъ, которыя существовали втеченіе нѣсколькихъ дней и жители которыхъ, отрѣзанные отъ крупныхъ центровъ желѣзнодорожной забастовкой, какъ разъ удавшейся только здѣсь, серьезно думали, что и во всей Италіи монархія низвергнута. Заключая между собою „братскій союзъ“ на манеръ вольныхъ общинъ среднихъ вѣковъ, эти эфемерныя республики старались въ старыя муниципальныя традиціи влить новое социальное содержаніе. Дѣло не ограничивалось только тѣмъ, что на историческихъ ратушахъ этихъ городовъ и мѣстечекъ красные флаги вытѣснили національное зелено-бѣло-красное знамя и популярнымъ возгласомъ было: „долой короля“. Повсюду втеченіе недѣли были избраны новыя муниципальныя власти, которыя, твердо вѣруя, что наступилъ новый порядокъ вещей, старались тутъ же сдѣлать первые шаги „по пути къ социальной революціи“. Были устроены реквизиціи различныхъ продуктовъ у богатыхъ и розданы нуждающимся. Былъ установленъ максимумъ цѣнъ на предметы первой необходимости и нарушавшіе его подвергались строгимъ наказаніямъ. Торговцы, перепуганные движеніемъ рабочихъ и вообще бѣдныхъ слоевъ населенія, а порою и сами увлеченные мѣстнымъ республиканизмомъ, шли на встрѣчу этимъ желаніямъ и продавали хлѣбъ, мясо, овощи, равную живность по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Нѣкоторыя муниципалитеты гордились тѣмъ, что у нихъ на рынкѣ цѣна на куръ, напр., упала съ двухъ леръ до десяти центезимовъ (съ 75 до 4 копеекъ). Соціалисты, забывая вѣчныя распри съ анархистами, конфисковали суммы въ мѣстныхъ кассачействахъ и организовали пособіе немущимъ. Въ иныхъ мѣстахъ само населеніе, раздраженное торжествомъ націоналистовъ и

клерикаловъ на послѣднихъ выборахъ закрывало церкви, при сопротивленіи опустошало ихъ, а мѣстами сжигало.

По контрасту съ этимъ движеніемъ обнаружилось и совсѣмъ противоположное. На третій день всеобщей стачки, когда народныя волненія принимали особенно рѣзко республиканскій и социальный характеръ, наиболѣе энергичные или горячіе элементы среди буржуазіи попытались противопоставить имъ свои манифестаціи. И это движеніе по славу шовинизма и клерикализма, во имя арміи, королевскаго дома и Ливійской экспедиціи, принимало мѣстами характеръ торжественныхъ процессій, гдѣ аристократія, патриція и титулованные представители націоналистовъ дружно шли рядомъ съ католическими бослями и патриотическими золоторотцами. Организаторы этихъ манифестацій выбирали даже нарочно часы, когда рабочіе устраивали похоронныя шествія въ память убитыхъ товарищей, чтобы раздражить социалистовъ. Въ живыхъ и не лишенныхъ интереса корреспонденціяхъ Жана Каррера въ „Le Temps“ это движеніе прямо называется „выступленіемъ на сцену буржуазныхъ массъ (?) противъ массъ пролетарскихъ“. И если можно возражать противъ точности этой терминологіи, то само явленіе не подожить ни малѣйшему сомнѣнію. Начавшись въ Римѣ 10-го іюня, это движеніе пошло сначала какъ будто къ сѣверу, распространявшись на Миланъ, Болонью, Флоренцію, Венецію, а затѣмъ перекинулось на югъ, въ Неаполь, гдѣ въ этихъ демонстраціяхъ „патріотовъ“ приняла довольно неожиданно участіе значительная часть студенчества. Правда, рабочіе утверждаютъ, что благонамѣренные манифестаціи возникли лишь благодаря прямому содѣйствію правительства, которое, чтобы придать шествіямъ людей порядка болѣе импозантный видъ, защищало ихъ провокаторскія выступленія отъ социалистическихъ и республиканскихъ манифестантовъ силами полиціи и жандармовъ и давало имъ возможность развернуться по одному шаблону. Контръ-манифестанты неизмѣнно проходили по лучшимъ улицамъ городовъ, неизмѣнно развѣвывали національныя знамена и все время распѣвали патриотическіе гимны, неизмѣнно кричали „ура“ арміи и безпрепятственно доходили до мѣстныхъ правительственныхъ учреждений, прося администраторовъ принять ихъ патриотическіе и вѣрноподданническіе адреса. Это было, если можно такъ выразиться, итальянское черносотенство, поддерживаемое полиціей.

Не лишено интереса различіе въ оцѣнкѣ этого движенія со стороны публицистовъ разныхъ истинно культурныхъ націй, но имѣющихъ свои историческія традиции и пропитанныхъ своеобразной атмосферой общественной психологіи. Такъ, органъ крупной французской буржуазіи, уже упомянутое „Le Temps“, въ одной изъ передовицъ съ худо скрываемымъ удовольствіемъ говоритъ объ этой борьбѣ буржуазіи съ трудящимися, но считаетъ умѣстнымъ заявить, что все же онъ не одобряетъ этихъ приѣмовъ защиты даже

самыхъ почтенныхъ идей публичными выступленіями людей порядка: до такой степени французскій буржуа, торжество котораго выросло нѣкогда изъ баррикадъ, боится теперь вызвать сильное движеніе на улицѣ, хотя бы и во имя интересовъ верховъ. По другую сторону Ламаншскаго канала, „The Times“, выразитель взглядовъ крупной англійской буржуазіи и консервативныхъ землевладельцевъ, наоборотъ, съ крайнимъ одобреніемъ отзывается о такой попыткѣ итальянской буржуазіи. Еслибы—говоритъ онъ—имущіе классы всегда вели себя такъ, не пугаясь застраиванія людей безпорядка и противопоставляя социалистическимъ манифестаціямъ свои манифестаціи, то, вѣроятно, рабочіе безпорядки чаще сводились бы на нѣтъ и правительству можно было бы управлять гораздо легче въ критическіе моменты исторіи. Духъ независимости и политической смѣлости, характеризующій англійскаго гражданина, даже принадлежащаго къ привилегированному сословію, составляетъ не безынтересный контрастъ съ настроеніемъ современнаго французскаго буржуа, который желалъ бы всѣ функціи своей обороны возложить на правильно организованную власть,—правда, нынѣ находящуюся въ его рукахъ и исполняющую зачастую роль хорошей колотушки, которую онъ пускаетъ въ ходъ противъ трудящихся. Но возвратимся къ Італіи.

Не смотря на крайне сильное возбужденіе умовъ, вызванное этимъ народнымъ движеніемъ, которое, постепенно замирая, кончилось лишь въ срединѣ іюня, число человѣческихъ жертвъ оказалось сравнительно незначительнымъ. Цифра убитыхъ не достигла двухъ десятковъ. Тяжело раненыхъ насчитываются, однако, сотни и по большей части со стороны народа. Правительство, видимо, думаетъ воспользоваться событіями, чтобы росту боевого настроенія въ массахъ противопоставить реакціонную политику усмиренія. Послѣ первыхъ дней замѣшательства, которое обнаруживалось даже въ парламентскихъ рѣчахъ Саландры, просившаго, можно сказать, почти умолявшаго социалистовъ обратиться со словами успокоенія къ народу, правительство, какъ кажется, уже основательно забыло о тактикѣ социальнаго мира. Оно все болѣе и болѣе обнаруживаетъ желаніе бороться съ врагами современнаго строя рѣшительными средствами. Во всей Італіи число арестованныхъ вожаковъ и участниковъ движенія насчитывается тысячами. Изъ этихъ тысячъ уже фильтруются сотни, которыя правительство постарается, повидимому, посадить на скамью подсудимыхъ, организуя громадный тенденціозный процессъ, задачей котораго явится, по всей вѣроятности, доказать существованіе „широко задуманнаго заговора“,—какъ это вырвалось у Саландры въ палатѣ. И если, съ одной стороны, кабинетъ смѣщаетъ анконскаго помощника префекта, во время мятежа вручившаго всѣ свои полномочія военной власти и думавшаго укрыться за ея спиной, то, съ другой стороны, тотъ же самый кабинетъ временно отчисляетъ отъ дѣйствительной службы попод-

наго генерала Альярди, который, въ интересахъ гуманности и желая избѣжать кровопролитія, сдался арестовавшимъ его бунтовщикамъ во время рекогносцировки въ окрестностяхъ Савіо.

Таковы факты и первые результаты только что закончившагося движенія. Но тутъ возникаетъ другой вопросъ: въ чемъ же заключаются его основныя причины? Каково то народное настроеніе, о которомъ мы мимоходомъ уже говорили выше, какъ о подсознательномъ, но могучемъ теченіи въ итальянскомъ королевствѣ? Попробуемъ разрѣшить хотя бы такую задачу: отчего это движеніе приняло столь яркій характеръ? Неужели въ итальянскомъ народѣ такъ сильны антигосударственные и, въ частности, антимилитаристскіе элементы? Въ самомъ дѣлѣ. Осенью прошлаго года, какъ извѣстно, состоялись выборы при сильно увеличившемся на основаніи новаго закона числѣ избирателей и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ Ливійской кампаніи и вызванныхъ ею матеріальныхъ и денежныхъ жертвъ. Намъ уже раза два приходилось говорить читателю относительно того, что и этотъ значительный приростъ голосящихъ не особенно помогъ опредѣленности отвѣта итальянскаго народа на вопросъ: какъ относиться къ милитаризаціи страны. Наоборотъ. Въ большинствѣ случаевъ избиратели предпочли остаться на межеумочной позиціи. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Италіи обнаружилась сильная тига къ социалистамъ и общее число ихъ увеличилось въ новой палатѣ почти въ два раза. Но все же эта непримиримая лѣвая составляетъ немногимъ болѣе десятой части палаты. Что касается до другихъ партій, то если количество чистыхъ джолиттіанцевъ уменьшилось, а количество радикаловъ увеличилось, то перетасовка между этими двумя группами сводится въ политическомъ смыслѣ почти къ нулю, такъ какъ и большинство радикаловъ признало возможнымъ примириться съ походомъ въ Африку. Съ другой стороны, уменьшилось число республиканцевъ, часть которыхъ рѣзко относилась къ Ливійской экспедиціи, главнымъ образомъ, подъ влияніемъ вражды къ Савойской династіи. Наконецъ, если уже говорить о сдвигѣ, то, кромѣ роста самой крайней лѣвой, его можно видѣть развѣ въ усиленіи внутри палаты вліянія клерикаловъ, которые успѣли подчинить своимъ условіямъ на выборахъ половину всѣхъ теперешнихъ депутатовъ. А затѣмъ и прямо увеличилось число клерикаловъ и націоналистовъ, причемъ послѣдніе, какъ оказалось изъ преній на ихъ недавнемъ конгрессѣ, отказались отъ традиціоннаго антипапизма итальянскихъ либераловъ и раскрыли свои объятія католикамъ. Въ результатѣ—современная палата, которая прекрасно выноситъ не только добровольно ушедшаго Джолитти, но и гораздо болѣе его праваго Саландру.

Возьмите хотя бы вотумъ въ парламентѣ какъ разъ по поводу подавленія правительствомъ народнаго движенія. Какъ ли возражали противъ умѣренности этихъ приѣмовъ революціонные и умѣренные

соціаллисты, республиканцы и даже просто радикалы, премьеръ одержалъ въ этомъ вопросѣ рѣшительную побѣду. При значительномъ числѣ воздержавшихся за правительство было подано 254 голоса, противъ него—112, такъ что министерское большинство равняется 142 голосамъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что, если стоять на чисто-парламентарной точкѣ зрѣнія, то народъ, въ лицѣ своихъ представителей, высказывается за Саландру и противъ антимилитаризма. Кстати сказать, такой же выводъ получается, если мы обратимъ вниманіе на рядъ муниципальных выборовъ, протекающихъ въ настоящее время въ Италіи согласно новому закону. До сихъ поръ результаты этихъ выборовъ, происходящихъ не сразу, а серіями, выражаются почти повсюду въ торжествѣ клерикальныхъ, націоналистскихъ и умѣренно-либеральныхъ списковъ надъ радикальными, республиканскими и социалистическими. Это особенно ярко проявилось въ Римѣ. Даже изъ большихъ рабочихъ центровъ лишь въ одномъ Миланѣ социалистамъ удалось до сихъ поръ восторжествовать надъ противниками. Такимъ образомъ создается странное, повидимому, положеніе вещей. У народныхъ представителей не хватаетъ духу отказаться отъ того націоналистическаго теченія, которое продолжается въ Италіи со времени Ливійской экспедиціи и поддерживается, главнымъ образомъ, правительствомъ, значительными слоями буржуазіи, но также и полусознательной уличей. А, съ другой стороны, сами массы,—т. е. народъ, рассматриваемый не въ видѣ вотирующаго, а непосредственно дѣйствующаго цѣлаго,—рѣзко выражаютъ свое отвращеніе не только къ официальному шовинизму, но и вообще къ современному государству.

Этотъ парадоксъ объясняется однако, какъ намъ кажется, довольно правдоподобно, тѣмъ соображеніемъ, что въ то время, какъ итальянское населеніе, впервые привлеченное къ вотуму, не успѣло еще пріучиться къ правильной оппозиціонной дѣятельности и плохо разбирается въ кандидатахъ, оно даетъ волю своимъ миролюбивымъ и антимилитаристскимъ инстинктамъ въ формѣ непосредственныхъ манифестацій на улицахъ и площадяхъ. Кромѣ того, нужно считаться еще съ другимъ обстоятельствомъ. Народные навыки и традиции отличаются гораздо большею устойчивостью, чѣмъ мы это обыкновенно думаемъ. Многимъ казалось, напр., что за пятидесятилѣтнее существованіе все болѣе и болѣе централизующагося итальянскаго королевства прежнія автономныя и мѣстныя стремленія итальянцевъ, пріуроченныя къ существованію цѣлаго ряда мелкихъ государствъ, а, еще раньше этого, множества самостоятельныхъ общинъ, уже парализовались или, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени выѣтрились и потускнѣли. Оказывается однако, что народная душа пропитана еще сильными децентрализаторскими тенденціями прошлыхъ вѣковъ. Мало того. Если мы обратимъ вниманіе на мѣстности, гдѣ особенно сильно обнару-

жились республиканскій духъ во время послѣднихъ волненій, то мы увидимъ, что это будутъ какъ разъ тѣ самыя области,—Эмилія, Романья, Мархія,—которые издавна были знакомы съ республиканскимъ строемъ въ своихъ средневѣковыхъ коммунахъ и, охотно допуская федерацію этихъ общинъ, отрицательно однако относились къ центральной власти. Въ ней онѣ неизмѣнно видѣли носительницу тиранинн, — была ли то старая Римская имперія, или средневѣковые подесты, или, еще позже, ставшіе сильными свѣтскими владѣтелями папы, или, наконецъ, современная либеральная монархія. Нѣтъ сомнѣнія, что даже для рядового гражданина этихъ коммунъ крупное государство нашихъ дней съ его всеобщей воинской повинностью, тяжелыми налогами, значительными полномочіями центральной администраціи, должно обладать очень непріятнымъ характеромъ. Оно идетъ противъ стараго духа независимости и противъ той относительной, если не политической, то обывательской свободы, которая уживалась рядомъ съ деспотизмомъ мелкихъ властелиновъ, давившихъ преимущественно на либеральную интеллигенцію.

Наконецъ, нужно ввести въ рѣшеніе нашей задачи еще одинъ элементъ. Въ уже упомянутыхъ провинціяхъ сильна не только республиканская, не только социалистическая, но и анархическая струя, струи революціоннаго синдикализма, который рѣзко отличается отъ умѣреннаго, реформаторскаго синдикализма итальянской Конфедераціи труда, представляющей собою въ этомъ отношеніи рѣзкую противоположность со своей французской сестрой. Тутъ теорія „прямого воздѣйствія“ должна находить благоприятную для своего развитія почву еще съ давнихъ поръ. А нынѣ съ обостреніемъ социальнаго движенія эти области стали средоточіемъ успешнаго революціоннаго, полу-анархическаго, полу-коммуналистскаго, движенія. Возьмите, напр., въ этой полосѣ Италіи такіе крупные центры, какъ Равенна, Анкона, Парма, Имолла и т. д. Всѣ эти города являются очагами боевого республиканства, рѣзкаго аграрнаго социализма и анархическаго духа. Въ Анконѣ живетъ и оказываетъ громадное вліяніе на населеніе старый анархистъ Малатеста, знакомый со всѣми тюрьмами Европы. Въ Романѣ и въ Эмиліи центральной фигурой движенія является крайній синдикалистъ, Де-Амбрисъ, который прошелъ на послѣднихъ выборахъ въ палату депутатовъ, но такъ мало интересуется чисто парламентской дѣятельностью, что за все это время показался лишь одинъ разъ во дворцѣ Монтечиторіо. Подобныхъ же вождей можно, впрочемъ, найти не только въ указанныхъ нами областяхъ, но и на сѣверѣ, хотя бы, въ Миланѣ, и на югѣ, въ Неаполѣ и другихъ центрахъ, гдѣ существуютъ революціонно настроенныя массы.

Массы эти не могли еще проявить своихъ силъ въ организованной политической дѣятельности, включая сюда выборную и парламентскую работу. Но онѣ охотно слѣдуютъ за своими вожаками

всякій разъ, какъ только дѣло идетъ о томъ, чтобы оказать прямое сопротивленіе тому неизбежному гнету современнаго централизованнаго государства, который находится въ противорѣчій съ ихъ прежними автономными и коммуналистскими тенденціями. Тутъ еще разъ подтверждается то очень распространенное явленіе историческаго атактизма, которое заставляетъ далекое прошлое подавать руку неосуществленному, но похожему на него будущему, минуя среднія звенья цѣпи развитія. Старинныя республиканскія муниципалитеты Эмилии, независимыя, но сфедерированныя коммуны средневѣковой Мархи нѣкоторыми своими сторонами ближе подходятъ къ кооперативному и синдикалистскому идеалу крайнихъ социалистовъ и анархистовъ нашихъ дней, чѣмъ промежуточная ступень современнаго очень громоздкаго государства, опирающагося на сильную центральную власть, на постоянную строго дисциплинированную армію, на колоссальный бюджетъ.

Каковы бы ни были, впрочемъ, элементы прошлаго, способствующіе революціонному духу — массъ въ Италіи, несомнѣнно, что въ объединенномъ королевствѣ, не смотря на его демократическій фасадъ, накопилось много нестроений, давящихъ на простой народъ и дѣлающихъ изъ него легко воспламеняемый матеріалъ подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ, зачастую непредвидѣнныхъ обстоятельствъ. Въ частности путь колониальной политики, на который стала Италія, долженъ неизбежно вести ее, по крайней мѣрѣ, временно, ко все большей милитаризаціи государства и ко все растущему податному бремени. Необходимость огромныхъ военныхъ издержекъ должна фатально парализовать способность итальянскаго государства къ тѣмъ социальнымъ реформамъ, о которыхъ еще недавно говорили слуги монархіи. Трудно сказать, скоро ли успѣетъ, да и вообще успѣетъ ли современный итальянскій режимъ справиться съ этими затрудненіями. Но во всякомъ случаѣ въ Италіи нашихъ дней дѣло обстоитъ далеко не такъ благополучно, какъ можно было бы думать, оставаясь лишь на поверхности вещей и отказываясь вглядываться сквозь парламентарную декорацию въ тѣ подземныя народныя теченія, въ которыхъ тенденціи прошлаго сливаются съ настоящей злобой дня.

II.

Современная исторія Китая является вѣскимъ подтвержденіемъ той мысли, что весь культурный міръ нашихъ временъ все болѣе и болѣе соединяется въ одно цѣлое, подчиненное общимъ законамъ эволюціи, — не смотря на очень крупныя національныя особенности разныхъ странъ. Тѣ фазы, которыя въ данный моментъ пробѣгаетъ юная и — увы! — столь уже одряхлѣвшая Китайская республика по пути отъ революціи къ реакціи, даютъ на каждомъ шагѣ неожиданныя и поразительныя сближенія то съ прошлымъ,

то съ настоящимъ Европы. Иѣкоторые изъ этихъ аналогій положительно заставляютъ встрепенуться каждаго, кто мало-мальски знакомъ съ политической исторіей новыхъ временъ. Китай на каждомъ шагу вызываетъ въ нашемъ мозгу представленія то о реакціи второй имперіи противъ соціальной республики 48-го года, то о великомъ освободительномъ движеніи востока Европы, которое не удалось въ политическомъ смыслѣ, потому что было усложнено воплывшимъ о своемъ разрѣшеніи соціальнымъ вопросомъ, и т. д.

Мы оставили Юань-Ши-Кая, фактическаго диктатора китайской республики, занятымъ въ началѣ этого года организаціей новаго органа управленія, административнаго совѣта, который „пока“ замѣняютъ народное представительство. Мы привели длинныя и витіеватыя рѣчи президента передъ этимъ собраніемъ, рѣчи, въ которыхъ старый Лисъ высказывалъ крайне рѣзкое отношеніе ко всѣмъ демократическимъ и сознательнымъ элементамъ страны и, подъ прикрытіемъ громкихъ фразъ, начертывалъ путь, возвращающій Китай почти цѣлкомъ къ старому деспотическому режиму.

Дальнѣйшимъ шагомъ Юань-Ши-Кая при исполненіи этого плана было образованіе такъ называемой Конференціи по пересмотру временной конституціи. Членами этого собранія являются, главнымъ образомъ, тѣ самые послушные чиновники, изъ которыхъ Юань-Ши-Кай составилъ свой административный совѣтъ. Задачею конференціи является переработка временной конституціи на началахъ, болѣе отвѣчающихъ, по мнѣнію Юань-Ши-Кая, историческимъ особенностямъ страны. Засимъ должна послѣдовать выработка окончательной конституціи. Но такъ какъ до сихъ поръ неизвѣстно путемъ ли то учрежденіе, которое будетъ заниматься этой деликатной операціей, ли то санкционирующее ее „собраніе гражданъ“, громкое имя котораго отнюдь еще не говоритъ о его демократичности въ дѣлѣ окончательнаго вѣтума основныхъ законовъ, то мы остановимся пока на особенностяхъ пересмотрѣнной временной конституціи. Тѣмъ болѣе, что при безирерывныхъ передѣлкахъ всѣхъ этихъ мнимо-основныхъ законовъ трудно сказать, чтѣ исчезнетъ, какъ временное, и чтѣ сохранитъ характеръ постояннаго. Какъ бы то ни было, 1-го мая пересмотрѣнная конституція была опубликована къ всеобщему поученію китайцевъ. Заканчивая свои работы, конференція обратилась къ президенту съ довольно забавной петиціей, умолявшей его „пребывать въ состояніи подозрительности и не обнаруживать ни малѣйшаго колебанія“, идя по пути реакціи. Креатуры Юань-Ши-Кая просятъ создавшаго ихъ президента раздѣлаться съ недавнимъ революціоннымъ прошлымъ страны и поставить новый Китай на „незыблемыхъ основахъ порядка“. Въ самомъ дѣлѣ, — говоритъ петиція, — „политическое разумѣніе народа находится еще въ младенчествѣ, и ожидать отъ него умѣнья пользоваться парламентарнымъ правительствомъ значитъ обжечь на встрѣчу явной опасности. Если главѣ націи не будетъ

дано власти, и притомъ власти абсолютной, то Китай распадется на части и отсюда воспослѣдуетъ великая смута“.

Вся конституція является, дѣйствительно, выраженіемъ этой тенденціи послушнаго чиновничества вручить Юань-Ши-Каю неограниченную власть, смягченную развѣ нѣкоторыми фиктивными стоворками. Отъ прежней республики осталось лишь пустое слово. Согласно мнѣнію исправителей конституціи, верховная власть протекаетъ изъ совокупности всѣхъ гражданъ государства. Но, просматривая одинъ за другимъ параграфы конституціи, не находишь въ ней ни одной гарантіи, которая дѣйствительно охраняла бы права этого верховнаго народа. За то повсюду видишь массу канавовъ и подземныхъ ходовъ, при помощи которыхъ власти дается возможность совершать любыя злоупотребленія за предѣлами и безъ того необыкновенно широкихъ правительственныхъ полномочій. Такъ, во второй главѣ народу обезпечиваются на словахъ обычныя конституціонныя права: свобода слова, свобода религіозныхъ вѣрованій, тайна корреспонденціи и т. д. Но каждый разъ дѣлается оговорка: „въ границахъ, начертанныхъ закономъ“. А каковы эти границы, можно видѣть хотя бы изъ того, что новый законъ о печати вводитъ для всѣхъ изданій залогъ въ 350 долларовъ, а для столичныхъ въ 700 долларовъ, — сумма, для Китая огромная, — изъ которыхъ должны вноситься штрафы за малѣйшій проступокъ по дѣламъ печати, причемъ, по мѣрѣ истощенія залога, будетъ требоваться дополнительный взносъ. Штрафу или тюрьмѣ редакторы и издатели подлежатъ и за рѣзкую критику частныхъ лицъ, и за разглашеніе военныхъ и дипломатическихъ секретовъ, и даже за воспроизведеніе препій различныхъ учрежденій, „если они не принадлежать къ разряду публичныхъ“. Въ настоящее время, когда въ Китаѣ запрещены всякія публичныя собранія, этотъ параграфъ обрекаетъ печать на то, чтобы говорить, — какъ выражается непочтительный англійскій корреспондентъ — „лишь о великолѣпнн полевыхъ цвѣтовъ и о красотѣ пейзажа“. А, рядомъ съ этимъ, на всемъ широкомъ пространствѣ Китая свирѣпствуютъ обыски и аресты, неприкосновенность жилищъ нарушается безцеремонными посѣщеніями шпионовъ и офиціальное возстановленіе Юань-Ши-Каемъ государственной религіи Неба или Конфуція сопровождается грознымъ окрикомъ по адресу невѣрующахъ гражданъ.

Въ противоположность этой призрачной политической и индивидуальной свободѣ, глава третья выдвигаетъ обставленную всевозможными очень реальными гарантіями личность президента, который является нынѣ центральной фигурой всего строя. Статьи за статьей говорятъ о томъ, что президентъ располагаетъ властью абсолютнаго монарха. Помимо обыкновенныхъ функцій главы республики, онъ контролируетъ весь ходъ администраціи, повелѣваетъ и управляетъ арміею и флотомъ по своему усмотрѣнію, со-

зываетъ и распускаетъ законодательныя собранія и имѣетъ право возводить заслужившихъ того лицъ въ различныя степени дворянства. Въ слѣдующей, четвертой, главѣ, если и дается жалкій абрисъ учреждений, именующихся законодательными, то лишь съ тою цѣлью, чтобы опять подтвердить полномочія президента. Тутъ говорится о его правѣ не отвѣчать на запросы палаты хотя бы относительно самыхъ важныхъ вопросовъ и событій, разъ только президентъ сочтетъ это неудобнымъ въ интересахъ государства. Устанавливается право того же президента не только налагать veto на принятый парламентомъ законопроектъ, но и отвергать вторично представленный законопроектъ съ одобренія состоящаго при президентѣ совѣщательнаго комитета. Глава пятая кладетъ конецъ существованію объединеннаго кабинета. Верховнымъ органомъ администраціи является опять-таки президентъ, который „на американскій ладъ“ (эта ссылка по-истинѣ восхитительна въ устахъ авторовъ новой конституціи) избираетъ себѣ не министровъ, а отвѣтственныхъ секретарей. Наконецъ, глава восьмая—о финансахъ—отдаетъ въ сущности все изготовленіе бюджета въ руки президента, который получаетъ право, при помощи такъ называемаго резервнаго фонда, включать въ росписи какія ему угодно статьи издержекъ и въ то же время уполномоченъ отказывать въ своемъ согласіи на какія-либо измѣненія въ бюджетѣ, предложенныя законодательнымъ учрежденіемъ.

Здѣсь можно и покончить съ обсужденіемъ новой временной конституціи. Она является лишь закрѣпленіемъ на бумагѣ той фактически уже абсолютной власти, которая сосредоточена нынѣ въ рукахъ президента. Какъ далеко зайдетъ и гдѣ остановится эта ломка республиканскаго строя, стоившаго столько крови народу, сказать пока не легко. Но если усилія вновь организующихся революціонеровъ во главѣ съ Сунъ-Ять-Сэномъ не положатъ конецъ этому хозяйничанью президента и его бюрократіи, то въ Китаѣ водворится положеніе дѣлъ, которое заставитъ иныхъ гражданъ пожалѣть о недавнихъ временахъ Маньчжурской династіи. Довольно сказать, что режимъ Юань-Ши-Кая соединяетъ въ себѣ всѣ недостатки современнаго централизованнаго и очень дорого стоящаго государства со всѣми слабостями и изъянами старинныхъ варварскихъ учреждений. Такъ, займы слѣдуютъ за займами, концессіи даются иностранцамъ за концессіями, вводятся новые, „культурные“, налоги, вроде налога на вино, табакъ, заключеніе актовъ, доходы, и въ то же время возстанавливается только что отмѣненный республикой чудовищный *ликинъ*, т. е. тяжелый налогъ почти на всѣ предметы потребленія, перевозимые по странѣ и облагаемые этимъ сборомъ на каждой изъ безчисленныхъ внутреннихъ таможень.

Единственно, что нѣсколько удерживаетъ современное китайское правительство въ его безшабашной реакціонной дѣятельности,

такъ это исключительно грубые интересы кошелька. Лишь тѣ мѣропріятія, которыя вызываютъ неудовольствіе иностранныхъ государствъ и банкировъ, отмѣняются совсѣмъ или уступаютъ мѣсто болѣе цѣлесообразнымъ. Но — увы! — рѣдки случаи, когда такъ называемыя культурныя страны и особенно ихъ биржевые круги реагируютъ на китайское правительство въ духѣ гуманности. Это, напр., случилось за послѣдніе мѣсяцы всего одинъ разъ, когда реакціонная бюрократія подѣ предлогомъ экономіи въ расходахъ рѣшила замѣнить вновь учрежденные правильные суды старою административно-полицейскою расправою и возвратиться къ прежней практикѣ ужасныхъ истязаній и пытокъ, какъ альфы и омеги китайскаго процесса. Тутъ, дѣйствительно, китайскія бумаги пошли къ низу, и реформаторы навыворотъ, группирующіеся вокругъ Юань-Ши-Кай, временно отказались отъ своего варварскаго плана. Но въ большинствѣ случаевъ иностранныя государства и вдохновляющій ихъ международный капиталъ смѣются надъ требованіями права и справедливости въ приложеніи къ великой 400-милліонной странѣ и, наоборотъ, готовы поощрять въ Китаѣ всякій произволъ, лишь бы онъ давалъ имъ надежду на хорошіе барыши.

Я позволю себѣ въ видѣ иллюстраціи къ этому положенію вещей процитировать наиболѣе интересныя мѣста изъ статьи талантливаго младокитайскаго публициста Ма-Сю, редактора газеты „Китайскій Республиканецъ“, который обращается съ горячей отповѣдью къ Франціи, запретившей по просьбѣ китайскаго правительства изданіе этого оппозиціоннаго органа на территоріи французской колоніи въ Шанхаѣ.

„Мы можемъ лишь энергично протестовать противъ поведенія французскихъ властей, поведенія, абсолютно недостойнаго традицій этой страны, которую издали привыкли считать убѣжищемъ либеральныхъ идей и родиной свободы, гдѣ общественная жизнь можетъ развиваться на полной волѣ, вдали отъ гнетущихъ тенденцій монархическихъ странъ. Подобное поведеніе французскихъ властей наноситъ роковой ударъ свободному выраженію словомъ и перомъ человѣческой мысли, равно какъ правамъ убѣжденныхъ публицистовъ, и мы предоставляемъ независимой и разумной публикѣ рѣшить, хорошо ли для страны, чтобы оппозиціонная пресса была задущена и чтобы иностранцы получали лишь односторонній и крайне искаженный отчетъ о событіяхъ, происходящихъ въ Китаѣ. Отказывая оппозиціи въ правѣ возвышать свой голосъ, Юань-Ши-Кай подвергается большому риску. Опасно садиться на предохранительный клапанъ. Въ результатѣ обыкновенно бываетъ взрывъ. Юань-Ши-Кай своими собственными руками создаетъ и подготавливаетъ тѣ могучія силы, которыя вызовутъ ужасное потрясеніе. Но тогда уже будетъ поздно. Всѣ эти преслѣдованія являются еще одной лишней страницей въ лѣтописи заговора молча-

нія, организованнаго представителями официальнаго Китая и европейскими банкирами и имѣющаго цѣлью обмануть ту часть публики, которой надѣются всучить облигаціи будущаго китайскаго займа.

„Китайскій Республиканецъ“ не пожелалъ присоединиться къ этому заговору; отсюда—его запрещеніе. Мы присутствуемъ при систематическихъ попыткахъ нашего стараго режима, вступившаго въ союзъ съ нѣкоторыми европейскими монархіями, подавить тотъ новый духъ, который проявился во дни революціи и такъ могущественно распространился съ тѣхъ поръ. Сколько разъ я считалъ своимъ долгомъ обратить вниманіе моихъ согражданъ на то, въ чемъ я видѣлъ контръ-революцію, на всѣ эти усилія увѣковѣчить старую продажность и сущность стараго деспотизма подъ новыми политическими формулами... Свобода печати и слова, не смотря на одушевлявшую гражданъ благородную цѣль защищать наши истинные національные интересы, пришлась не по сердцу китайскимъ и иностраннымъ властямъ, царящимъ вмѣстѣ въ Пекинѣ. И однако заговоръ молчанія являлся бы достаточно преступнымъ даже въ томъ случаѣ, еслибы онъ служилъ лишь интересамъ реакціи въ Китаѣ. Но что думать о немъ, если цѣлью его является одурачить тысячи обитателей Запада, заставляя ихъ покупать бумаги новаго займа, предназначеннаго исключительно на военные и, стало быть, непронзводительныя издержки? Юань-Ши-Кай—свой человекъ для этихъ державъ и этихъ финансистовъ. Чтобы побѣдить недавнюю революцію, они снабдили его фондами, которыми онъ могъ покупать лояльность колебавшихся провинцій, и въ настоящее время можно ожидать, что они будутъ поддерживать всякую мѣру Юань-Ши-Кая противъ свободы, которой онъ такъ боится. Но духъ прогресса не побѣжденъ и прогрессъ восторжествуетъ и въ Китаѣ“.

Нельзя отдѣлаться отъ волненія при чтеніи этихъ строкъ. Это старая и вѣчно юная исторія. Сколько разъ и въ прошломъ Европы люди идейной оппозиціи въ отсталыхъ государствахъ пытались раскрывать глаза культурныхъ странъ на злоупотребленія отечественнаго варварскаго режима! Сколько разъ они старались разсѣять ту сознательную ложь, которую представители этихъ варварскихъ странъ распространяли за границей противъ своей оппозиціи и своихъ эмигрантовъ въ поискахъ наивной публики, которая согласилась бы безпрекословно давать взаймы деньги отживающимъ режимамъ на дѣла внутренней войны и угнетенія. Увы! шовинизмъ правительствъ, жажда наживы капиталистовъ и невѣжество рядового иностранца всегда почти парализовали благородныя попытки людей принципиальной оппозиціи пролить свѣтъ на настоящее положеніе дѣлъ въ варварскихъ странахъ, прикрывающихся лоскомъ внѣшней культуры. Но „духъ прогресса не побѣжденъ“,—какъ говоритъ Ма-Сю,—и этотъ духъ восторжествуетъ, будемъ надѣяться, и среди пасынковъ цивилизаціи.

III.

Послѣдній кабинетскій кризисъ во Франціи разрѣшился послѣ такихъ перипетій, которыя ясно показываютъ, что третья республика все болѣе и болѣе ступаетъ на старый путь министерскихъ паденій, обусловливаемыхъ не столько серьезною борьбою партій, сколько столкновѣніями личныхъ честолюбій. Въ тотъ моментъ, когда дописывались послѣднія строки моего предшествовавшего обзрѣнія, въ центрѣ намѣчавшейся комбинаціи стоялъ Вивіани. Съ тѣхъ поръ политическая равнодѣйствующая описала довольно забавную дугу въ 360° и возвратилась къ своей отправной точкѣ: Францію можно поздравить опять съ кабинетомъ Вивіани. Ибо выплывшее въ промежуткѣ крайне эфемерное министерство Рибо, побило, выражаясь на языкѣ спортсменовъ, рекордъ недолговѣчности. Оно не просуществовало и 24 полныхъ часовъ. Не успѣвъ, дѣйствительно, премьеръ Рибо прочитать своей министерской деклараціи, какъ нападеніемъ объединенныхъ радикаловъ и социалистовъ его кабинетъ былъ низвергнутъ вотумомъ недоувѣрія 306 голосовъ противъ 262. Дѣло происходило 12 іюня. Три дня спустя, на засѣданіи 16 іюня, предъ палатой стояло уже новое министерство во главѣ съ Вивіани. Но на сей разъ правительство получило огромное большинство 362 голосовъ противъ 139 при 98 воздержавшихся.

Любопытна однако не эта разница въ отношеніи палаты депутатовъ къ двумъ быстро слѣдовавшимъ другъ за другомъ министерствамъ. Любопытна, наоборотъ, причина, почему же въ сущности палата отвѣчала совершенно различно на деклараціи двухъ кабинетовъ, разъ эти деклараціи, какъ мы сейчасъ увидимъ, отличались только совершенно пустыми оттенками взглядовъ по наиболѣе главнымъ вопросамъ. Министерство Рибо было, что называется, показнымъ министерствомъ, кабинетомъ политическихъ именинныхъ генераловъ, которые пользуются уваженіемъ не столько за свою настоящую дѣятельность, сколько за прежнія, отчасти сомнительныя, заслуги, а то и просто на просто за парламентарную выслугу лѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое Рибо? Одинъ изъ консервативныхъ республиканцевъ, который во время оно находилъ черезчуръ радикальною даже политику Гамбетты и Ферри и который, подъ давленіемъ усиливавшагося радикализма во Франціи, подавался, правда, отъ времени до времени налѣво, но, точно спохватываясь, снова принимался за излюбленную консервативную политику. На сей разъ онъ счелъ нужнымъ заявить въ палатѣ, что понялъ смыслъ послѣднихъ выборовъ и рѣшилъ стать во главѣ министерства, которое будетъ отвѣчать въ достаточной мѣрѣ настроенію избирателей. Онъ даже не безъ

нѣкотораго кокетства примѣривалъ самъ къ себѣ вѣнокъ триумфатора, полагая свою заслугу именно въ томъ, что въ случаѣ крайности умѣетъ приспособляться къ новымъ вѣяніямъ.

Чтобы еще болѣе повернуться къ палатѣ своимъ радикальнымъ ликомъ, онъ включилъ въ составъ своего кабинета людей, которые въ свое время играли очень видную роль въ рядахъ лѣвой. Тутъ былъ и Леонъ Буржуа, которому принадлежала честь организовать первый во Франціи радикальный кабинетъ 19 лѣтъ тому назадъ. Тутъ были и господа Нейтраль и Шотанъ, извѣстные, впрочемъ, болѣе тѣмъ, что давно успѣли растерять свою радикальную невинность пребываніемъ въ оппортунистическихъ кабинетахъ. Тутъ, наконецъ, былъ и Делькассъ, котораго со времени обостренія шовинизма во Франціи принято считать выдающимся специалистомъ по международнымъ и военнымъ вопросамъ. Тутъ не было лишь объединенныхъ радикаловъ, которые, какъ извѣстно, требовали отъ Рибо заявленія относительно необходимости возвращенія къ двухлѣтнему сроку службы, хотя бы и путемъ постепенныхъ мѣръ. Но вотъ является министерство Вивіани. По внѣшнему составу оно уже болѣе радикально, чѣмъ министерство Рибо. Въ него вошло не мало объединенныхъ радикаловъ, членовъ кабинета Думерга, и даже социалистъ-республиканецъ Оганьёръ, который такъ рѣзко высказался во время избирательной кампаніи противъ трехлѣтней службы. И однако что за пропія французской политической исторіи! Достаточно самымъ бѣглымъ образомъ сравнить декларацію скоропостижно павшаго министерства Рибо и декларацію нынѣ здравствующаго министерства Вивіани для того, чтобы убѣдиться, что это въ сущности все одна и та же программа, глубоко оппортунистическій смыслъ которой трудно замазать какъ лѣвымъ составомъ кабинета, такъ и радикальными общими мѣстами деклараціи.

Сдѣлаемъ это сравненіе лишь въ двухъ, но за то самыхъ главныхъ пунктахъ политической программы: финансовой реформѣ и отношеніи къ закону о трехлѣтней службѣ. Что говорилъ Рибо о законѣ трехъ лѣтъ? „Законъ о продолжительности военной службы, вотированный предшествующей легислатурой послѣ долгихъ преній, гдѣ всѣ мнѣнія были свободно выражены, только что вступилъ въ періодъ примѣненія. Нельзя и поднимать вопроса о его измѣненіи. Изъ всѣхъ законовъ именно военные законы нуждаются болѣе всѣхъ другихъ въ устойчивости“. Ну, а что говорить Вивіани? „Парламентъ вотировалъ законъ 7 августа 1913 г. относительно удлинненія срока военной службы. Пренія по этому поводу были горячи и продолжительны. Но законъ вотированъ“. И лишь тогда, когда будутъ приняты еще новыя мѣры, усиливающія способность страны къ оборонѣ, „правительство можетъ предложить частичное облегченіе военныхъ тягостей. А до того времени

оно подъ контролемъ парламента будетъ работать надъ точнымъ и лойальнымъ примѣненіемъ закона“.

Возьмемъ теперь пунктъ о финансовой реформѣ. Опять-таки, что говорилъ о ней старый Рибо? „Мы обратимся къ сенату съ просьбою немедленно же приступить, для внесенія въ финансовый законъ (такъ называется на французскомъ парламентарномъ жаргонѣ бюджетъ. *Н. Р.*), къ обсужденію тѣхъ мѣръ, которыя были вотированы въ концѣ послѣдней легислатуры палатою депутатовъ на предметъ установленія общаго налога на доходъ. Мы думаемъ, что люди, обладающіе довольствомъ или богатствомъ, сочтутъ для себя за честь дать примѣръ широкаго участія въ военныхъ издержкахъ“. Послушаемъ теперь по тому же вопросу Вивіани: „Въ послѣдніе дни предшествующей легислатуры палата депутатовъ вотировала мѣры, клонящіяся къ возстановленію прогрессивнаго налога на совокупность доходовъ. Мы попросимъ сенатъ удержать ихъ въ финансовомъ законѣ 1914 г. Заботясь о томъ, чтобы потребовать отъ людей имущихъ законнаго участія въ общественныхъ тягостяхъ, мы внесемъ въ законопроектъ бюджета на 1915 г. текстъ, устанавливающій прогрессивный налогъ на капиталъ“.

Не правда-ли, нельзя не улыбаться, сопоставляя эти мѣста въ двухъ программахъ, мѣста, столь близкія по смыслу, столь повторяющія другъ друга въ отдѣльныхъ фразахъ, даже въ словахъ? Можно прямо подумать, что обѣ деклараціи — словно сочиненія плохихъ учениковъ, списывавшихъ съ одного общаго текста. Правда, Рибо потребовалъ отъ палаты вотировать заемъ для пополненія бюджетнаго дефицита и тѣмъ вызвалъ въ палатѣ очень пессимистическое настроеніе. Но... но Вивіани (или собственно, министръ финансовъ Нулансъ) сдѣлалъ еще лучше. Онъ предложилъ конкретную форму займа и этотъ заемъ въ 800 милліоновъ франковъ былъ послушно вотированъ всей палатою, кромѣ объединенныхъ социалистовъ. Зачѣмъ же было городить, или, лучше сказать, разгораживать министерскій огорождъ, надъ воздѣлываніемъ котораго обѣщался работать Рибо, разъ Вивіани разыгралъ какъ по нотамъ всю декларацію своего неудачнаго предшественника?

Не ясно-ли, что разница въ отношеніи палаты къ двумъ кабинетамъ опредѣляется лишь тѣмъ, что вторая комбинація, комбинація Вивіани, дала больше портфелей объединеннымъ радикаламъ, а тѣ согласились за эту чечевичную похлебку продать еще разъ право своего политическаго первородства? Смазавъ вопросъ о трехлѣтнемъ законѣ на выборахъ, они продолжаютъ смазывать его и теперь.

Но здѣсь возникаетъ иной, не менѣе серьезный вопросъ. Вивіани, желая парировать нападеніе социалистовъ, увѣщевалъ палату не гипнотизировать себя вѣчнымъ возвращеніемъ къ критикѣ военнаго закона, а посвятить себя проведенію широкихъ социальныхъ реформъ — вѣроятно, вродѣ тѣхъ, о которыхъ столь согласно говорили

объ деклараціи. Спрашивается однако, — уже не говоря о моральномъ значеніи борьбы противъ трехлѣтняго срока службы, который знаменуетъ собою и усиливаетъ шовинистскую политику, преобладающую въ данный моментъ французовъ, — спрашивается однако: ну, а этотъ громадный дефицитъ въ бюджетъ и эта необходимость займа, развѣ они не опредѣляются всецѣло тѣмъ, что, подхлестывая себя патріотическими фразами, французскій парламентъ вотумомъ удлинненнаго срока службы и вытекающаго отсюда увеличенія военныхъ издержекъ именно и прорылъ пропасть въ бюджетъ?

А затѣмъ еще одно соображеніе, на которомъ не безъ горькой ироніи остановился Жорэсъ. Германія — страна наполовину феодальная, чрезвычайно милитаристская, съ сильными полномочіями императора, съ ограниченнымъ вліяніемъ народнаго представительства на политическую жизнь. И однако парламентъ этой самой Германіи для пополненія издержекъ, потребовавшихся на увеличеніе арміи, вотировалъ единовременный налогъ на капиталы и доходы, который въ три года предпозначенъ погасить всѣ новыя обязательства. Франція, страна демократической республики, страна, гдѣ парламентъ играетъ исключительную роль въ общей политикѣ, такого налога до сихъ поръ не имѣетъ, хотя при обсужденіи трехлѣтняго закона патріотствующіе политики очень много кричали о томъ, что всѣ состоятельные люди съ радостью примутъ участіе въ несеніи возложенныхъ на націю новыхъ тягостей. И въ концѣ концовъ, отвергнувъ непосредственное и специальное обложеніе на военныя цѣли, французскій парламентъ предпочелъ замѣнить его займомъ, связывающимъ на 25 лѣтъ будущія поколѣнія.

Нѣтъ. Чѣмъ больше всматриваешься въ современную политику Франціи, тѣмъ болѣе складывается убѣжденіе, что это — бѣгъ злополучной бѣлки въ колесѣ. Никакія радикальныя фразы не въ состояніи скрыть отъ мало-мальски внимательнаго наблюдателя глубокой оппортунизма парламентскаго большинства третьей республики. И по-неволѣ начинаешь думать, что безъ серьезнаго правительственнаго кризиса, безъ глубокой идейной встряски, Франціи не выйти изъ того тупика, въ который загнали ее эгоизмъ и лицемерная патріотическая политика людей капитала и власти.

Н. С. Русановъ.

М е л ь к о м ъ .

(Впечатлѣнія проѣзжаго).

Земля была влажно зеленая, яркая, веселая, чуть-чуть лоснилась черной грязцой и неудовимо курилась тонкимъ ароматомъ весны и радостнаго расцвѣта. А небо хмурилось...

Сѣрыя неуклюжія облака тяжело клубились за крышами домовъ, надъ городскимъ садомъ и за рѣкой. Грузно ворочались, лѣзли другъ на друга, ползли въ ширь, рыхлыя, мутныя, словно съ похмелья, безтолково толпились и, видимо, упорно не желала подчиниться требованіямъ порядка—разойтись. Тянуло отъ нихъ свѣжимъ вѣтромъ, холодкомъ и угрюмымъ намѣреніемъ полить землю долгимъ, прочнымъ „обложнымъ“ дождемъ. Иной разъ какой-нибудь синій драконъ выпячивалъ нелѣпую зубчатую спину, разѣвалъ пасть и угрожающе тянулся къ городу. Но вдругъ останавливался, словно сконфузившись, свертывался и тонулъ въ мутной пучинѣ, похожей на далекій сосновый боръ...

Дождь нуженъ былъ землѣ, тѣмъ полямъ, которыя лежали въ жемчужной дымѣ за тихими городскими слободами. Нуженъ былъ и людямъ, прикованнымъ думами и заботами къ этимъ полямъ. Но намъ, тремъ туристамъ, сейчасъ онъ былъ лишь досадной помѣхой. По насъ за глава было достаточно и того количества осадковъ, которое выпало за позавчерашнюю ночь. Пыль прибило; грязь, которую взмѣсили въ городѣ, еще не подсохла; по дорогамъ видѣлись лужицы, зелень омыта, глядитъ молодо и весело,—чего жъ бы еще? Теперь бы самая подходящая статья выглянуть солнышку... Но небо хмурилось.

И мы вздыхали, поглядывая на него:

— Будетъ дождь... Будетъ!..

Одинъ день пришлось уже, скрѣпя сердце, пожертвовать городу Орлу—въ виду непогоды. Наступала очередь за другимъ и... жалко было. Конечно, хорошъ городъ Орелъ. Но пріѣхать сюда изъ Петербурга съ опредѣленнымъ заданіемъ—изъ Орла воднымъ путемъ дойти до Калуги, проплыть лодкой по р. Окѣ, взглянуть хоть однимъ окомъ на коренную русскую деревню и, насколько сіе окажется возможнымъ, познакомиться съ ея современнымъ общественнымъ настроеніемъ и хозяйственнымъ бытомъ, а вмѣсто этого заѣсть въ городъ и выжидать, пока проявится хмурый ликъ неба,—удовольствіе среднее.

Мы вздыхали.

День мы провели, положимъ не безплодно: пріобрѣли яликъ,

дали ему наименованіе „Энэсъ“, оборудовали интендантскую часть, на глазомѣръ изучили наиболѣе подозрительную часть ближайшаго фарватера Оки и къ вечеру съ чувствомъ удовлетворенія могли сказать себѣ, что сдѣлано все, что нужно для предстоящей экспедиціи, и сдѣлано не плохо. Особую гордость составляла покупка ялика. Казалось намъ, что и судно это верхъ великолѣпія, и приобрѣли мы его необычайно дешево, и практическая наша сметка проявила тутъ себя во всемъ блескѣ, потому что покупали мы не какъ-нибудь, не очертя голову, а этакъ съ подходцемъ, съ предварительнымъ изученіемъ вопроса, съ обходомъ всѣхъ мѣстныхъ судостроительныхъ фирмъ. Однимъ словомъ, семь разъ отмѣряли... Впослѣдствіи, когда въ Калугѣ мы объявили о продажѣ „Энэса“, одинъ изъ покупателей, человекъ тертый, видимо, указавъ намъ на его гнилые борта и на какую-то „заплату“. Признаться, мы при покупкѣ этого не уметрѣли. Но справедливость требуетъ сказать, что „Энэсъ“ совершилъ плаваніе великолѣпно...

У насъ было небольшое разногласіе на счетъ типа судна. Я стоялъ за дешевую, демократическую плоскодонку: мельче сидитъ и легче ликвидировать ее при случаѣ: рыбаки купятъ. Алексѣй Васильевичъ и Борисъ, мои товарищи и спутники, отстаивали килевую лодку, яликъ: ходъ быстрѣй, судно красивѣе, а что касается ликвидаціи, то Алексѣй Васильевичъ увѣрялъ, что у него въ Калугѣ есть знакомые, которые съ маху дадутъ за яликъ затраченную нами сумму. Одно затрудняло: пройдемъ-ли на яликѣ мели?

Ока считается отъ Орла судоходной. Въ учебникахъ географіи и понынѣ значится: Орелъ — хлѣбная *пристань*. И донинѣ также отъ Орла внизъ по обоимъ берегамъ рѣки идетъ такъ называемый *бичевникъ*, полоса въ пятнадцать саженой ширины, отчужденная для надобностей судоходства. Но мы видѣли съ берега, какъ по всему, доступному взору, пространству этой судоходной рѣки бродили ребятишки, подсучивъ штаны, безъ малѣйшихъ сомнѣній и опасеній...

Походили мы берегомъ, перешли черезъ „лаву“—мостикъ для пѣшеходовъ—отовсюду были видны мели: огѣ свѣтло сквозили въ водѣ, выступали песчаными косами, островами, дѣлали загибы и языки. Ничего успокоительнаго... Но отступать нельзя было, да и не хотѣлось.

— Ну, время нечего терять: покупаемъ лодку.

Рѣшили начать съ ближайшей купальни, около которой стояла сторожевая будка и были привязаны двѣ лодки. За лодками наблюдали два молодца въ пиджакахъ, здоровые парни, бронзовые отъ вѣтра и солнца.

Мы начали издалека:

— Скажите, можно ли тутъ проѣхать лодкой внизъ по рѣкѣ?

Бронзовый малый съ курносимъ лицомъ окпнулъ насъ оцѣнивающимъ взглядомъ и, вынувъ изъ кармана старый газетный

гнать, медленно оторвалъ отъ него узкій, длинный треугольникъ.

— Тута? — переспросилъ онъ, вертя въ бумажки трубочку, и долгимъ изучающимъ взглядомъ поглядѣлъ на бродившихъ по водѣ ребятишекъ.

— Можетъ, и пройдешь... Попробуй...

Лизнулъ языкомъ кончикъ трубочки и загнулъ собачью пожку.

— Какъ же тутъ пройдешь? — помолчавъ, продолжалъ онъ неторопливо, снисходительно, съ отѣнкомъ легкаго пренебреженія къ нашей наивности: — первымъ долгомъ, вотъ сейчасъ, подъ лавой, вогъ на полвершка, не болѣ. Воробью по колѣни не достанетъ. А насупротивъ Московскихъ воротъ прямо вваливай лодку на спину и волоки...

— А мы рассчитывали пройти...

— На чемъ? — Бронзовый малый сыпнулъ табаку на ладонь и, черная его собачьей пожкой, опять окинулъ рѣку критическимъ взглядомъ: — ежели на телѣгѣ, напримѣръ, то это другой вопросъ...

— На лодкѣ. Вотъ собирались купить этакую, скажемъ, какъ вотъ у васъ, и ѣхать до Калуги.

— До Калуги?..

Бронзовый собесѣдникъ нашъ на мигъ застылъ отъ изумленія.

— Отчего-жъ, можно... — сказалъ онъ, втягивая подбородокъ и стремительно вдохновляясь нашей идеей: — пройти, отчего не пройти... Вполнѣ пройдетъ... Ежели вотъ, напримѣръ, такая лодочка — она вездѣ проникнетъ... Легость! Легче пера!..

Лодка, на которую онъ ткнулъ пальцемъ, темная и грязная, была наполовину залита водой и, видимо, имѣла очень почтенный возрастъ.

— А какъ цѣна?

— Цѣна? — Онъ помолчалъ, дѣлая видъ, что соображаетъ и прикидываетъ въ умѣ нѣчто. — Безъ хозяина-то вотъ не знаю... Сомнѣваюсь. Рублей двадцать?..

— Это дорого.

— Дорога, другъ, своя голова, а это — не деньги. Вы посмотрите: лодка... мобилированная комната, а не лодка! Карапъ! Васъ сколько? Трое? А она десять человѣкъ подыметъ!..

— Воды полно... Небось, течетъ?

— Воду — это мы сейчасъ... Егоръ! — строго крикнулъ нашъ собесѣдникъ другому бронзовому малому, стоявшему тутъ же: — пода отлей!.. А сколько же вы думаете дать?

Мы поглядѣли въ спину Егору, который жесточенно началъ орудовать лопатой, выгребая воду изъ лодки, и не очень рѣши тельно сказали:

— Рубликовъ десять...

— Де-сять? Весло сдѣлать — и то рушъ стоитъ. Окончательно — семнадцать рублей желаете? Доставайте деньги и — съ Богомъ!..

Но мы, конечно, были не такіе простаки, какъ думаль о насъ бронзовый малый съ курносимъ лицомъ. Мы обѣщали ему подумать и отправились дальше.

Всюду, гдѣ были купальни и стояли лодки и ялики, мы приѣзжались и торговались. Запрашивали съ насъ 30, 40,—мы давали половину. Скоро весь берегъ Оки зналъ, что мы намѣрены проникнуть въ Калугу воднымъ путемъ отъ Орла и намъ нужна лодка. Предложеній явилось масса. Конкурирующие лодочники шептали намъ на ухо другъ про друга секретныя вещи, а мы мотали на усь эти тайны и тутъ же, въ своихъ видахъ, сѣяли раздоры между конкурентами: *divide et impera*...

— Вотъ за 23 лодочка. Новенькая—извольте взглянуть...

Очень почтеннаго вида и возраста человекъ въ длиннополомъ сюртукѣ, въ высокихъ сапогахъ, въ русскомъ картузѣ. Длинная, широкая борода червоннаго золота, лицо такое славянское, такъ ласково-простоудшно смотреть мягкіе сѣрые глаза—ни тѣни плутовства, „одно изъ славныхъ русскихъ лицъ“... Но мы уже освѣдомлены о немъ и объ его лодкахъ.

— Да вѣдь вы пару такихъ лодокъ приобрѣли за десять рублей. И одну ужъ успѣли сбыть за двадцать...

— Мало ли что. Богъ счастья послалъ. А нажить всякому хочется.

— Намъ за пятнадцать отдаютъ.

— За пятнадцать не могу: живой убытокъ...

— Какъ угодно. Да и мы склоняемся больше къ килевой.

— Что-жь, и килевую можно. Вотъ яликъ... за сорокъ отдамъ.

— Э, пѣтъ!

Ну сколько же по вашему?

— Да пройдетъ ли еще онъ по рѣкѣ-то? — уклоняемся мы отъ отвѣта.

— Очень свободно. Отчего не пройти? За милую душу вездѣ пройдетъ...

И такъ прошли мы весь берегъ и снова вернулись пройденнымъ путемъ. Уходили совсѣмъ. Опять приходили. Съ видомъ знающихъ, хитрымъ и проникательнымъ, осматривали предлагаемыя суда, заглядывали за досчатую настилку, — сколько тамъ воды, — примѣривали на глазъ. Наконецъ, остановились на одномъ яликѣ, опрокинутомъ на берегу. Видъ у него былъ не самый казистый. Кое-гдѣ подмазанъ, кое-гдѣ загрунтованъ. Видимо, претерпѣлъ основательный ремонтъ и теперь ждалъ окончательной окраски. Это намъ въ немъ и понравилось—что онъ не въ парадномъ блескѣ, а въ черновомъ видѣ былъ передъ нашими глазами.

— Старъ?

Тошій мѣщанинъ съ мочальной бородкой, въ фартукѣ, клятвою прижалъ руку къ сердцу:

— Третья вода!

— А дойдетъ ли до Калуги-то?

— До Нижняго дойдетъ! Благодарить будете... Ей-богу, благодарить будете!..

Послѣ долгаго и упорнаго торга сошлись на 27 рубляхъ. Наименовали яликъ „Энэсомъ“. Условились, что къ восьми часамъ утра „Энэсъ“ долженъ быть доставленъ къ нашей квартирѣ.

Уходили на этотъ разъ отъ лодочника съ чувствомъ торжественно-приподнятымъ: какъ-никакъ, а жребій брошенъ, лодка есть, и то, что до послѣдняго момента было лишь мечтой, нѣсколько какъ будто колеблющейся, неувѣренною, — наше предполагаемое путешествіе, — сейчасъ, съ покупкой ялика, становилось на половину реальнымъ осуществленіемъ ея...

Вышло какъ-то такъ, что и во всѣхъ магазинахъ, куда мы заходили, чтобы закупить необходимые для нашего путешествія припасы и вещи, — мы должны были объявлять, что ѣдемъ въ лодкѣ отъ Орла до Калуги.

— Дайте намъ брезентъ... желательнo небольшой и недорогой... лишь бы укрыться отъ дождя, — спрашиваемъ мы въ магазинѣ „Проводникъ“.

— Понимаю! — съ любезной улыбкой говоритъ господинъ въ клѣтчатомъ пиджакѣ: — вамъ непромокаемое пальто?

— Брезентъ! Просто — брезентъ... небольшой и недорогой...

— Для какой же, собственно, цѣли?

— Видите ли, предполагаемъ мы проѣхать въ лодкѣ отъ Орла до Калуги...

— До Калуги?! Въ лодкѣ?!

Господинъ въ клѣтчатомъ пиджакѣ изумленно поднимаетъ брови и молчитъ съ минуту, явно подавленный необычайностью нашего намѣренія. Потомъ упавшимъ голосомъ говоритъ приказчику:

— Дайте имъ брезентъ.

И тутъ мы принимали видъ людей тертыхъ, понимающихъ: прикидывали, примѣривали, задавали провѣряющіе вопросы, щупали. Брезентъ, впрочемъ, сразу намъ понравился и вполнѣ оправдалъ надежды: служилъ и отъ дождя, и вмѣсто простыни, когда мы ночевали на полу въ крестьянскихъ избахъ.

Въ этотъ день мы вообще обогатили себя познаніями и опытомъ практической жизни. Мы вошли во вкусъ, жесточенно торговались изъ-за трехъ копеекъ. Мы узнали, что лучшіе ножи — Завьялова, и не просто Завьялова, а того, у котораго „пять орловъ“. Впослѣдствіи мы, впрочемъ, убѣдились, что ножи съ пятью орлами рѣзали такъ же скверно, какъ и ножи безъ орловъ. Мы узнали цѣну кастрюлямъ, чайникамъ, деревяннымъ ложкамъ, топорамъ, гвоздямъ, пробоямъ, цѣпямъ, даже проволоку. Все это доселѣ не было намъ извѣстно. И именно тутъ мы какъ слѣдуетъ пропитались мудростью отечественной пословицы: „вѣкъ живи, вѣкъ учись — и все равно дуракомъ умрешь“. Многое изъ того, что мы съ та-

кимъ тщаніемъ пробовали на глазъ и на палецъ, обнюхивали, скребли, прикидывали на ладони—прежде, чѣмъ заплатить деньги—оказалось совершенной дрянью. На первой же почевкѣ мужичекъ осмотрѣлъ купленный нами топорикъ и иронически замѣтилъ:

— Чистѣйшаго желѣза... А гривень шесть, небось, отдали?

Мы заплатили дороже. И точно: отрубить что-нибудь тимъ топорикомъ было очень мудрено, но палецъ я надрубилъ имъ себѣ съ полнымъ успѣхомъ...

Тѣмъ не менѣе, закончивъ къ полудню всю подготовительную часть, мы съ полнымъ удовлетвореніемъ и ясной совѣстью попили чайку. Одно беспокоило: хмурое небо. По временамъ сыпалъ дождь, загонялъ прохожихъ подъ арки торговыхъ рядовъ. Пробѣгалъ. На минутку выглядывало солнце—и городъ блестялъ веселымъ глянецомъ. И опять наползали неуклюжія облака...

II.

... Проснулся я отъ того легкаго, радостнаго, пѣвучаго ощущенія, которое рождается теплымъ сіяніемъ солнечнаго утра. За окномъ, въ садикѣ, въ прозрачномъ переплетѣ зеленыхъ тѣней и золотого свѣта, шумно чирикали воробьи—словно мелкіе обрѣзки жести пересыпали. У крыльца цыплята умоляли о завтракѣ: цэ-цэ-цэ-цэ... жалобно и настойчиво. И гдѣ-то дальше неистово оралъ пѣтухъ. И на всемъ чувствовалось грѣющее солнце, веселое и ласковое.

— Вдемъ! — не утерпѣлъ, радостно сказалъ я вслухъ и разбудилъ восклицаніемъ своихъ товарищей въ другой комнатѣ.

Я торопливо одѣлся и вышелъ посмотреть, нѣтъ ли на рѣкѣ нашего ялика,—лодочникъ вчера говорилъ, что онъ не то, что къ восьми—къ семи доставитъ его.

Ялика еще не было. Но было великолѣпное солнце. Были и облачка—мелкіе, круглые, бѣлые барашки. Много-много, цѣлое стадо. Но они не страшили. Иногда сквозящей толпой набѣгали на солнце, на минутку одѣвала землю перламутровая полутьма, пробѣгала и—опять, сверкая острыми иглами, играли золотые лучи на ржавыхъ крышахъ, на проволокахъ телеграфа и на мелкой зыби Оки. Жмурились зарѣчныя дали въ тонкой бирюзовой дымкѣ, четко выступали главы церквей, трубы заводовъ, бѣлыя зданія въ зелени. Чуть-чуть дымился и тихо, ровно шуршалъ городъ. Старый знакомецъ...

Около двадцати пяти лѣтъ назадъ, когда я впервые пріѣхалъ сюда учителемъ гимназіи, это былъ тихій, типично провинціальныи городъ чиновниковъ и оскудѣвшихъ дворянъ съ старыми, сочными русскими фамиліями, армейскихъ офицеровъ и первобытныхъ еще купцовъ, слегка униженныхъ пеньковой кострикой. На окраинахъ, въ пригородныхъ слободахъ, можно было еще видѣть

открытые мѣщанскіе дворики, въ которыхъ на первобытныхъ крючкахъ вили веревки. Осенью здѣсь такъ вкусно пахло антоновкой, а базары были такіе колоритные, пестрые, шумные, дешевые...

Лѣтъ черезъ пятнадцать мнѣ пришлось разстаться съ городомъ,—онъ тогда началъ шевелиться и втягиваться въ общій водоворотъ взволнованной русской жизни. И не знаю, какъ прошли тутъ годы подъема и успокоенія. Сейчасъ—похоже—вернулась та же безмятежная тишина, что была и четверть вѣка назадъ, и пестрошумны лишь базары около Богоявленской церкви и на берегу Оки. Какъ и встарь, вчера удивительно знакомый козлиный голосъ мужичка въ сермягѣ, перекрикивая визжавшаго поросенка, убѣждалъ толстую особу въ старой кружевной накидкѣ:

— Судагыня! ежели вы этого сосунка возьмете, повѣрьте собѣсти—у насъ гривенникъ назадъ останется!..

И какъ тогда, на каждомъ шагу нараспѣвъ причитали нищіе, слѣпцы, калѣки, безносыя старухи. Назойливо преслѣдовали голоса:

— Баринъ! дворянинъ! Христа ради!..

Старое, полузабытое придвинулось вдругъ близко-близко, воспоминанія овладѣли душой, всплыли на минутку смутные сны молодости, обвѣянные грустью. И въ вечернихъ сумеркахъ, когда я шелъ знакомыми улицами, все казалось: вотъ-вотъ встрѣчу знакомыя лица—тѣ, прежнія, затерявшіяся въ толпѣ пережитыхъ событій и встрѣчъ, услышу знакомыя рѣчи, переживу забытыя, старыя милыя впечатлѣнія... Но...

Однихъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече...

Новыя лица кругомъ. И новое пѣчто прибавилось въ знакомомъ обликѣ тихаго города...

Улица, на которой мы остановились, именовалась Подострожной. Острогъ—рядомъ—занималъ господствующую позицію надъ городомъ. Тутъ же, возлѣ, и губернаторскій домъ, а немного дальше, за площадью, знаменитый въ лѣтописяхъ человѣческихъ нестяжаній орловскій централъ.

— Вотъ тутъ у насъ вѣшали,—говорилъ мнѣ бывшій мой ученикъ, идя со мной по великолѣпно разросшемуся бульвару, — онъ указалъ на арку надъ воротами, ведущими въ острогъ: — вонъ въ тѣ углубленія въ воротахъ концами клали бревно и — висѣлица готова. Вотъ изъ этихъ домиковъ, бывало передъ разсвѣтомъ, обыватели слышали крики смертниковъ... Кстати, помните вы Гаврюшу Шелудяковского?

— Какъ же! Благонравный былъ юноша... румяный такой?..

— Теперь—въ прокуратурѣ. Охотой вызывался присутствовать при казняхъ. Любитель... Разъ даже въ такой азартъ, говорятъ, вошелъ, что самъ показавъ палачу, какъ надо дернуть за ноги повѣшеннаго...

— Неужели... Гаврюша?

— Онъ самый. На хорошей дорогѣ сейчасъ, не нынче—завтра двинуть. И артистъ, нечего сказать. Одинъ разъ съ студенческаго бала—часа въ три утра—поѣхалъ присутствовать. Поприсутствовалъ и—опять вернулся на балъ. Танцевалъ...

Въ старомъ городѣ, какимъ я его зналъ, водились всякіе гады. Но такого, какъ Гаврюша Шелудяковскій, котораго я помнилъ тупымъ, но благонаправнымъ краснощекимымъ гимназистомъ, не безъ заѣпокъ добившимся аттестата,—какъ будто не было... Это уже продуктъ новыхъ туковъ и удобрений, внесенныхъ въ отечественную почву послѣдующей политической практикой.

И въ той средѣ, которая мнѣ была ближе всего знакома по старой службѣ, — въ педагогической—оказались новыя черточки, хотя внѣшнее какъ будто остался неизмѣннымъ старый укладъ. Чеховскій учитель древнихъ языковъ Бѣликовъ, старый „человѣкъ въ футлярѣ“, умеръ. Не весь, но „часть его большая“... Расцвѣлъ нѣкій новый человѣкъ въ патріотическомъ шпаклѣ и гороховомъ пальто одновременно. Онъ держитъ въ рукахъ весь педагогическій персоналъ и даже начальство гимназіи, наблюдаетъ, слѣдитъ, допрашиваетъ и сообщаетъ куда слѣдуетъ о замѣченныхъ уклоненіяхъ въ благонадежность. По его предложенію служатся торжественныя благодарственные молебствія, вывѣшиваются въ актовой залѣ портреты современныхъ столповъ охраненія исконныхъ началъ, посылаются патріотическія телеграммы, приобрятаются стѣны и иконы, прибавляются въ актовой залѣ мраморныя доски въ память кого-нибудь или чего-нибудь, — онъ неистощимо изобрѣтателенъ на патріотическія манифестаціи. И при этомъ онъ зорко слѣдитъ, всѣ ли учителя съ должнымъ усердіемъ кричатъ ура и поютъ гимнъ. Онъ нѣмъ — безапелляціонный хозяинъ и повелитель учебнаго заведенія. Самое удивительное въ этомъ—никѣмъ не предвидѣнная эволюція типа: въ мое время это былъ маленький надзиратель, даже не надзиратель, а „исправляющій обязанности“—за полнымъ отсутствіемъ какого-либо образовательнаго ценза, — затравленный озорными гимназистами человѣчекъ, изрѣдка приворовывавшій для семьи котлеты на пансіонской кухнѣ, извлекавшій небольшіе и не вполне безупречные доходы отъ пансіонеровъ. Теперь это—лицо, къ которому архіерей заѣзжаетъ съ визитами...

Старому, засохшему отъ страховъ и страхами угнетавшему, „человѣку въ футлярѣ“ далеко до этого педагога новой формаціи!

...Пришелъ яликъ. Съ нѣкоторымъ опозданіемъ, что заставило насъ поволеоваться: ужъ не надулъ ли насъ мѣщанинъ, такъ выразительно прижимавшій руку къ сердцу? Нѣтъ, не надулъ. Судно было приведено въ полномъ оборудованіи: четыре весла, багоръ, запасная шпаклевка—на всякій случай...

Еще разъ обстоятельно, даже придирчиво, осмотрѣли мы его. Какъ будто все въ исправности.

— Дойдетъ ли?—опять спросили мы у бывшаго владѣльца.

Онъ потрогалъ пальцами мочальную свою бородку и безъ особаго на этотъ разъ воодушевленія отвѣтилъ:

— Отчего не дойти, — дойдетъ! Я шпаклевочку положилъ тамъ—на случай, ежели потекетъ...

— А не сядемъ?

— Должонъ пройтить...

— Сядемъ!—упорно сомпѣвались мы.

Нашъ собесѣдникъ бережно уложилъ въ кошелекъ деньги, полученные отъ насъ, одернулъ рубаху, выпущенную изъ-подъ жилета, и разсудительно согласился съ нами:

— Не безъ того, само собой... Ну, да кого-нибудь поднаймете: гдѣ мелко—протянетъ волокомъ.

Это было, по крайней мѣрѣ, опредѣленно и давало успокоительное практическое указаніе. Мы тотчасъ же и приняли его къ исполненію.

— Такъ вы вотъ что: вы пришлите намъ кого-нибудь... опытного этакого лоцмана, цѣною въ рубль, примѣрно...

— Можно. За цѣлковый съ удовольствіемъ — любой... Самые тутъ пустяки; версты двѣ ежели протянуть и—съ Богомъ!..

Не болѣе, какъ минутъ черезъ десять, явилось сразу два лоцмана: ночной караульщикъ, ветхій старикъ въ валенкахъ, какъ бы склеенный на скорую руку изъ случайныхъ щепокъ и обрѣзковъ,—и бойкій малый лѣтъ этакъ семнадцати, съ облупленными скулами,—сапоги съ лакированными голенищами, но въ заплаткахъ, голубая рубаха подпоясана клѣтчатымъ спортсменскимъ поясомъ съ карманами.

— Это вамъ лодку провестъ?—спросили оба одновременно.

— Намъ. Проведете?

— Что-жъ, можно.

— Ну и отлично. Условіе вамъ сказали: рубль?

— Ру-ушь? — презрительно протянулъ малый въ лакированныхъ сапогахъ:—да вы что, господа?—тутъ верстовъ пять на себѣ ее переть, а вы—рушь!

— Двѣ версты, не больше.

— Двѣ? И въ пятнадцать не укладете! Противъ Московскихъ воротъ—разъ, у Костомаровки—два, возлѣ Щекотихиной—три... Словомъ сказать, зарушь вы не уѣдете... Я тутъ всѣ деревни знаю...

Онъ началъ сыпать неизвѣстными намъ географическими именами, какъ шрапнелью, съ артистически-небрежнымъ видомъ какого спеціалиста, вынужденнаго давать элементарныя объясненія невѣжественной черни,—и мы были сразу подавлены грозной перспективой хожденія по водѣ, яко по суху.

Одинъ изъ тѣхъ бронзовыхъ молодцовъ, у которыхъ мы торговали лодку и не купили, съ другого берега весело кричалъ:

— Да все равно тутъ не пройдетъ! Рази мысленно? Сматывайте удочки!..

Не то, чтобы дрогнули мы сердцами, но на одно мгновение встал смутный страх перед конфузомъ, перед публичнымъ крушеніемъ или смѣхотворнымъ воплощеніемъ въ реальность тѣхъ нарядныхъ мечтаній и плановъ, которыми успѣло уже обрости въ нашемъ кругу задуманное нами предпріятіе. А ну-ка ничего не выйдетъ и бросимъ на первыхъ же шагахъ? Стыда головешкѣ! Уже и сейчасъ, въ тонѣ бронзоваго малаго и лопмановъ, чувствуется явное зубоскальство надъ нашимъ положеніемъ—простоватыхъ людей, однажды уже околпаченныхъ: зря выбросившихъ деньги за лодку,—надъ которыми предстоитъ еще немало потѣхи.

Было обидно и горько... Досадно и на рѣку, и на этотъ самый „народъ“, о которомъ мы всегда искренне болѣли сердцемъ и который сейчасъ предстоялъ передъ нами во-очію—въ образѣ злобно издѣвающегося бронзоваго малаго, плутоватыхъ лопмановъ и веселой кучи ребятишекъ, уже облѣпившихъ „Энэсъ“ любопытнымъ роємъ.

— Пройдемъ одни!

Рѣшительный этотъ голосъ принадлежалъ младшему изъ насъ троихъ—Борису, юному, но опытному и отважному плователю, „морскому волку“, какъ мы прозвали его потомъ за неустранимость и находчивость въ самыхъ трудныхъ положеніяхъ нашего водяного скитанія.

— Вы, Ө. Д., съ папой пойдете берегомъ, а я поведу „Энэсъ“. Багажъ не тяжелъ—пройдемъ!

Эта юная, бодрая увѣренность заразила и насъ.

— Попробуемъ!

Въ толпѣ ребятъ, облѣпившей нашъ яликъ, я намѣтилъ одного—въ материнской, повидимому, кофтѣ, доходившей ему до колѣнъ, тяжелымъ треснувшимъ колоколомъ висѣвшей на его дѣтскихъ плечахъ. Въ рукахъ—удочка и деревянный обручъ.

— Чѣмъ занимаешься, дружокъ?—спрашиваю его.

Онъ шмыргнулъ носомъ и дѣловито сказалъ:

— Гусенка ищемъ.

— Гдѣ-жъ ты его потерялъ?

— А шутъ его... Можетъ, коршунъ унесъ. По всей рѣкѣ прошли съ Сережкой Дудниковымъ—иѣту!

— А не хотите ли съ Сережкой по двугривенному заработать? На случай, можете подсучить штаны и—какъ меля—попихивать яликъ впередъ?

— Можемъ,—съ спокойной увѣренностью отвѣтилъ маленькій человекъ въ большой кофтѣ.

— А гдѣ же этотъ самый Сережка?

— Да вонъ—онъ!

Сережка оказался тапихъ же размѣровъ мужчиной, но въ доспѣхахъ менѣе обременительныхъ.

— Можете?

— Можемъ!—весело и увѣренно отвѣтили оба разомъ.

— Они могутъ!—иронически подтвердилъ старикъ, склеенный изъ обрѣзковъ:—они такъ могутъ—вотъ вы чай пить уйдете, они весло совоздуютъ и скроются...

Но это была явно-пристрастная нота проигравшаго конкурента. Мы оказали довѣріе юнымъ лодманамъ и не ошиблись: Александръ Селиховъ и Сергѣй Дудниковъ вполнѣ оправдали довѣріе.

Выходъ „Энэса“ въ плаваніе былъ обставленъ не безъ торжественности. На высокомъ берегу стояли провожавшіе близкіе намъ люди, махали платочками. Закопѣлый сапожникъ на деревянной ногѣ, ночной сторожъ, ребятишки, бронзовые парни у купальни, нѣсколько женщинъ съ корзинками — всѣ застыли въ трепетномъ вниманіи, провожая глазами нашъ яликъ, пока онъ не скрылся за поворотомъ берега.

Мы съ А. В. шли берегомъ. Лодманы наши—Селиховъ и Дудниковъ—слѣдовали за нами. Какъ только „Энэсъ“ наткнулся на мель, Селиховъ бросалъ удочку и обручъ, скидалъ свой ватный колоколъ и, на бѣгу подсучивая штанишки, мчался на выручку. Дудниковъ по-началу тоже подсучалъ шаровары, а потомъ махнулъ рукой и работалъ, уже не заботясь о сухости своего костюма. Старались ребята на совѣсть. По временамъ присоединялись къ нимъ еще добровольцы такого же возраста, образовался цѣлый отрядъ двуногихъ буксирчиковъ, который мы переименовали въ „минную флотилію“. Они впивались въ борта, въ корму, въ носъ. „Морской волкъ“ орудовалъ весломъ, и „Энэсъ“—какъ бы то ни было—прошелъ лаву, прошелъ мель противъ Московскихъ воротъ и медленнымъ, но вѣрнымъ курсомъ пролагалъ дорогу впередъ и впередъ.

Вышло какъ-то такъ, что постепенно весь берегъ—оба берега—приняли живѣйшее участіе въ нашемъ плаваніи. Бабы, полоскавшія бѣлье, мясники, палившіе на берегу свинья туши, водовозъ на бочкѣ, солдатъ-гусаръ въ малиновыхъ штанахъ, пастухъ, перегонявшій коровъ черезъ рѣку,—всѣ кричали то съ той, то съ другой стороны, дѣлая разнорѣчивыя, но доброжелательныя указанія.

— Къ этому берегу! къ этому держи, тамъ поглубѣ!..

— Иди по середкѣ... пройдетъ! Ничего!

— Игдѣ пройдетъ, чего ты тамъ знаешь! Держи на темное!.. Видишь темное?..

Какой-то человѣкъ въ фартукѣ—явно дѣловой по виду и нетерпѣливый—побрелъ прямо въ сапогахъ къ ялику, но наши „миновосцы“ упредили его, сняли судно съ мели, и новому добровольцу пришлось вернуться.

Прошли Костомаровку. Городъ все еще провожалъ насъ, но берега пошли зеленѣе, городской шумъ звучалъ тише, люди показывались рѣже. Мы уже перешли ту черту, за которой, въ случаѣ

необходимости, не стыдно было и самимъ разуться и подсушить шаровары.

— Ну, большое спасибо вамъ, ребятки!

Вручили по двугривенному своимъ миноносцамъ и съѣли въ яликъ. Вѣтерокъ былъ попутный, „Энзсъ“ вступилъ въ удовлетворительный фарватеръ, и берега — одинъ изумрудно-зеленый, другой живописно-обрывистый, мѣловой — поплыли мимо, какъ въ хорошемъ кинематографѣ. И такъ уютно, весело стало: узенькая рѣчка, зеленая выь, зеленый берегъ и берегъ кремовый... Маленькое сказочное ущелье: ничего не видно, что есть тамъ, на высотѣ, за чертой, отдѣляющей зеленую землю отъ перламутроваго неба. Но отошли дальше и — выступило, прощайтесь съ нами, пройденное: городскія окраины съ трехкошными домиками, бѣлая колокольня за деревьями, гусарскія казармы, труба скотобойни, березовая рощица...

„Миноносцы“ наши еще долго провожали насъ берегомъ — словно имъ жалъ было расстаться съ „Энзсомъ“. Махали картузами. Но „Энзсъ“ шелъ подъ вѣтеръ такъ ходко, что шагомъ поспѣть за нимъ было нельзя. „Морской волкъ“ поднялъ свой плащъ вмѣсто паруса, — онъ еще раньше мечталъ приладить парусъ. А. В. усердно, какъ на смотру, работалъ веслами, а я лежалъ на носу и въ сладостномъ бездѣйствіи глядѣлъ, какъ постепенно скрывались изъ глазъ послѣдніе признаки города — колокольня, крыши, казармы и окраинныя лачужки.

Вотъ утонули онѣ за изгибомъ берега. Впереди вышолзла на пригоркѣ деревенька, на другой сторонѣ — другая и, вбѣгая на отлогіе холмы серебристой выь, протянулись поля ржи.

— Вотъ не это ли Щекотихино? — почти одновременно, съ нѣкоторой тревогой, спросили мы сами себя.

„Морской волкъ“ посмотрѣлъ въ карту. Карта 10-верстнаго масштаба была очень далека отъ удовлетворительности: слѣпа и, повидному, устарѣла. Мы вскорѣ пришли къ заключенію, что болѣе вѣрный и легкій способъ ориентироваться въ проходимой мѣстности — это спросить встрѣчную бабу или мальчонка, слѣдующаго удивленнымъ взглядомъ за нашимъ раскрашеннымъ яликомъ: какъ называется выступающая передъ нами деревня? А потомъ уже поискать, есть-ли она на картѣ... Впослѣдствіи мы пользовались картой для опредѣленія на глазомѣрь, какое пространство мы прошли и сколько еще остается пройти.

Но прежде, чѣмъ нашъ рулевой успѣлъ установить по картѣ, Щекотихино это или нѣтъ, — „Энзсъ“ врѣзали носомъ въ мель.

— Готово! — съ нѣкоторымъ какъ бы удовлетвореніемъ установили мы.

Уперлись веслами, подались назадъ. Подошли къ берегу, высадились. На „Энзсъ“ остался одинъ „морской волкъ“. Какъ „ялеть передъ травой“, выросъ передъ нами на берегу и двуногій бук-

спрь—малець лѣтъ четырнадцать, — „миноносець“, по нашей беззаботно-произвольной терминологіи. Не дожидаясь даже нашего приглашенія, онъ сбросилъ штаны, помогъ нашему рулевому въбраться съ „Эпасомъ“ на глубокое мѣсто и затѣмъ, какъ бы въ награду за трудъ, прокатился нѣсколько сажень, лежа животомъ на кормѣ, а голыми ногами, какъ рулемъ, дрыгая въ водѣ. Гривенникъ, выданный ему сверхъ этого удовольствія, повергъ его, повидимому, въ самое пріятное изумленіе.

— Ну, теперь, кажется, все,—говорили мы, снова располагаясь на яликѣ въ установленномъ порядкѣ. И были въ увѣренности, что больше мелей уже не встрѣтимъ. Рѣка приняла, кстати, почтенный, внушающій довѣріе видъ, раздалась въ ширь, потемнѣла. Уже не малая рябь, а волны, похожія на настоящія, ворочались и шуршали по ней. Оба берега были зелены и невысоки, но безъ той пологости, которая внушаетъ обычно подозрѣніе на счетъ отелей,—высоты отошли на нѣкоторое отдаленіе и съ лодки были видны свѣже оструганные телеграфные столбы, которые шли, вѣроятно, по шоссе. Сквозь бѣлыя барашковыя облачка голубѣло небо, солнце изрѣдка пряталось за нихъ, но сейчасъ же опять выглядывало, ясное и радостное. Было не жарко, легко и весело.

— А вѣдь недурно идетъ шельмець!

— Превосходно!

— А вы: плоскодонку, плоскодонку! Развѣ плоскодонка можетъ имѣть такой ходъ?

Я долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ, но пытался вывернуться:

— Но плоскодонка не такъ садится...

— Рассказывайте!.. Да если килевая и садится, то что-жъ такое? Вотъ были мели и—нѣтъ ихъ!.. Одно развлеченіе...

Показались избы впереди.

— Деревня! Борись, смотри по картѣ!

Да, это ужъ была несомнѣнно она, милая, растрепанная російская деревня, съ прижатыми въ землѣ сѣрыми лачужками, загадочно безмолвная и въ то же время открытая до оголенности, та самая, за участь которой болѣли наши сердца и къ познанію которой мы теперь намѣрены были подойти хотя и не вполне на манеръ высокихъ особъ, но тоже слегка какъ бы „съ высоты птичьего дуазо“...

На картѣ, по близости къ городу, въ одной тѣсной кучѣ скопилось нѣсколько пунктовъ, изъ которыхъ намъ надо было угадать наиболѣе вѣроятное названіе этихъ сѣрыхъ избушекъ.

— Касьяновка?

— Нѣтъ, скорѣй Булановка...

— Здѣсь вотъ погостъ какой-то обозначень...

— Какой погостъ? Тутъ и церкви-то нѣтъ!

— Ну, такъ—Плещеево!
 — Да ихъ двѣ цѣлыхъ!
 — Вотъ какая-нибудь изъ двухъ и будетъ...
 — А не проще ли у бабы вотъ спросить... Здравствуйте! Какъ называется эта деревня?

— Щекотихина!—прокричала баба.
 — Не можетъ быть! Мы прошли Щекотихино!
 — Верхнюю прошли, а это—Нижняя!

И тутъ „Энэсъ“ нашъ, словно огорчившись, опять воткнулся въ мель. Попробовали сняться веслами,—„упоромъ“ (терминъ, предложенный мной),—не подается. Побились—побились, бросили.

— Коротко и ясно: надо испытаннымъ способомъ!—внесъ я предложеніе и, не дожидаясь голосованія, разулся.

Подсучилъ штаны и вступилъ въ коварную стихію. Сперва вода немножко обожгла холодомъ, но потомъ ноги притерѣлись и стало даже приятно, какъ приятно и весело было—первое время—тащить на буксирѣ „Энэсъ“. Въ увлеченіи я даже не замѣтилъ, какъ подсученные валики шароваръ постепенно раскатались и погрузились въ воду. Увидѣлъ это, когда, направивъ „Энэсъ“ въ надежный фарватеръ, сѣлъ снова на свое мѣсто—на посу. Коварные товарищи хохотали надъ моимъ огорченнымъ видомъ, извили меня остротами, когда мнѣ пришлось, снявъ брюки, выжимать и высушивать ихъ, хотѣли увѣковѣчить эту сцену на фотографическомъ снимкѣ. На лонѣ природы это не очень смущало. Обидно лишь было, что острословы немедленно пожаловали меня званіемъ камергера, когда я по неволѣ долженъ былъ щеголять нѣкоторое время въ костюмѣ не совсѣмъ полномъ.

Впрочемъ, первое время веселость какъ-то неудержимо выпирала изъ всѣхъ насъ. Хохотали отъ всякаго пустяка. Помню, была одна критическая минута, когда я безуспѣшно возился надъ „Энэзомъ“, сѣвши на камни, а вѣтеръ сорвалъ съ меня фуражку и купалъ ее въ волнахъ Оки. Вѣроятно, видъ у меня былъ растерянный и комическій... Я суетился: не хотѣлъ и безъ головного убора остаться, и боязно было бросить яликъ ради спасенія фуражки. А товарищи, стоя на берегу, неистово хохотали надъ моими отчаянными усиліями и кричали издѣвательскимъ тономъ:

— Давай лодку!..

Ругаль я ихъ тутъ...

Вскорѣ мы примѣнились къ свойствамъ Оки, наматали глазъ. Какъ только вдалп, на пригоркѣ, показывались деревенскія избы, мы уже знали: предстонтъ мель. И не ошибались. Въ первый день—самый трудный, какъ потомъ оказалось, день нашего путешествія—мы прошли десятка полтора деревень до остановки на ночлегъ и не менѣе пятнадцати разъ намъ всѣмъ пришлось разуваться и лѣзть въ воду, чтобы стаскивать лодку съ мели. Сперва

это казалось забавнымъ и интереснымъ, но къ концу дня мы совершенно выбились изъ силъ, прозябли, отощали отъ голода (остановку дѣлали лишь въ полдень, чтобы вскипятить чайникъ). Къ вечеру всякій выступавшій впереди признакъ населеннаго пункта вызывалъ у насъ тревожное и огорченное восклицаніе:

— Деревня!?

Намъ ужъ не до наблюденій было, когда всѣ мысли и все вниманіе заняты были вопросомъ: сядемъ или нѣтъ?

Песчанья мелъ были трудны, но переносимы. Египетской казнью были мелъ, усѣянные мелкой каменной галью, острой, какъ зубья бороны. Мы невольно дѣлали тутъ такіе пируэты отъ внезапныхъ уколовъ, которымъ могли бы позавидовать прославленные танцовщики и акробаты...

Первое время мы очень тревожились за цѣлость „Энэса“: все казалось намъ, что это распаханіе песчаныхъ и каменныхъ косъ кончится тѣмъ, что продеремъ мы его обшивку. Но „Энэс“ выдержалъ испытаніе съ честью.

Къ вечеру стало свѣжѣе. Въ воду лѣзть уже не хотѣлось. Все тѣло ныло отъ усталости. Мы все ждали, что должны же быть на нашемъ пути ручьи и рѣчки, падающіе въ Оку, что они пополняютъ ее водой и намъ уже не будетъ необходимости подсучать шаровары. Но ручьи и овраги, встрѣченные нами, покорные закону естества своего, лишь насыпали мелъ. А рѣчка Неполодь совсѣмъ таки преградила намъ путь каменной пилой.

Единственнымъ упованіемъ нашимъ оставалась рѣчка Оптуха,—мы почувствовали къ ней особую какую-то симпатію просто за одни очертанія ея на картѣ. Вотъ она, навѣрно, вольетъ водицы въ тощую Оку и тогда поплывемъ мы свободно и смѣло.

Передъ закатомъ увидѣли высокій желѣзнодорожный мостъ ярко освѣщенный солнцемъ.

— Оптуха!

Рѣка впереди раздалась въ ширь. Виднѣлся паромъ противъ деревни—первый паромъ, который мы встрѣтили. Значить—конецъ мелямъ! Ударили въ четыре весла, понеслись бойко и щеголевато... и черезъ минуту врѣзались съ разбѣгу въ мягкую, илистую мелъ

Попробовали упоромъ — не подается. Сняли лишній балластъ, вышли на берегъ. „Морской волкъ“ бился-бился,—ничто не беретъ.

Глядѣли на насъ съ берега дѣвочки, полоскавшія бѣлье, и бѣлоголовые ребятишки. Равнодушно шумѣли поѣзда, пробѣгавшіе по мосту, весело гудѣли издали. Паромъ нѣсколько разъ перешелъ съ одного берега на другой и обратно. Низкое солнце червонными лучами окрасило въ оранжевый цвѣтъ зданія полустанка и бѣлыя стѣны домиковъ на холмѣ. По сизой ржи и зеленому лужку протянулись тѣни и между ними теплыя розовыя полосы. Предзакатная мечтательная тишина и покой сходили на усталую землю.

И мы, притихшіе отъ усталости, тупо глядѣли на безплодные

усилія милаго нашего „морского волка“, налегавшаго грудью на весло.

— Погодите, барчукъ, напрасно вы мучитесь...

Это подошелъ паромщикъ, мужичокъ съ бѣлесою бородой. Онъ снялъ сапоги, забрелъ въ воду и, немножко неudelкотно захвативъ за носъ нашъ яликъ, неторопливо подтащилъ его къ парому.

— Какая это деревня?

— А Хрыки!

— Переночевать тутъ можно?

— Почему же нельзя? Я вамъ и фатерку сейчасъ опредѣлю чистенькую. Вотъ къ сельскому старостѣ... Мое почтеніе—фатерка!

Мы рѣшили бросить якорь.

III.

Выбираясь крутымъ подъемомъ отъ парома къ деревнѣ, мы какъ-то неожиданно, сразу, уперлись въ сѣрую избу съ крытымъ соломой крыльцомъ. Куча ребятъ сопровождала насъ. Мы нашли всѣмъ дѣло: роздали имъ — кому кастрюлю, кому таганокъ, кому топорикъ, — и всѣ трудились, помогая намъ мобилизовать наше хозяйство.

На крыльцѣ встрѣтила насъ пожилая баба съ большой бородавкой на скулѣ, очень прѣвѣтливая и словоохотливая. Она расплахнула передъ нами дверь въ горницу, въ нежилую половину, безъ печи.

— Тутъ у насъ ни клопика, ни блошки... Мы тутъ сами не живемъ потому что... — говорила она голосомъ, привыкшимъ вѣроятно, къ бряку, — была въ немъ легкая охриплость и особая бабья энергія.

Нежилая половина пахла все-таки по жилому, тѣмъ густымъ русскимъ духомъ, который неизмѣнно встрѣчалъ насъ въ каждой крестьянской избѣ. Тутъ была смѣсь всего понемножку: треснувшіе болтыши—яйца изъ-подъ насѣдки, высиживающей цыплятъ въ гнѣздѣ подъ лавкой, трудовой русскій потъ, оставленный въ старыхъ онучахъ, слѣды повадливаго поросенка, чувшаго приготовленные ему помои, лучокъ, свѣже выпеченный хлѣбъ, полушубокъ изъ новыхъ овчинъ.

Но надо полагать, что комната была все-таки парадная: всѣ стѣны были оклеены какими-то діаграммами, профилями желѣзныхъ дорогъ, картинками изъ иллюстрированныхъ журналовъ. Досчатой перегородкой отдѣлены были къ задней стѣнѣ двѣ темныхъ клѣтшки съ широкими кроватями.

Мы остались удовлетворены осмотромъ помѣщенія.

— Отлично! Вотъ на полу намъ соломки постелите, — мы и заночуемъ...

— Да зачѣмъ вамъ на полу?—горячо возразила хозяйка: — у насъ воть кровати, воть лавки...

Мы покосились на широкую, некрашеную кровать, закиданную какимъ-то яркимъ, скомканнымъ тряпьемъ,—несомнѣнный пріютъ клоповъ—и поспѣшили отказаться:

— Нѣтъ, мы ужь на полу...

Какъ-то внезапно, словно изъ-подъ земли выросъ, между хозяйкой, ребятами и нами, въ самомъ центрѣ нашей людной компаніи, оказался новый человекъ—черная борода широкой лопатой, радостно вытаращенные глаза съ хмѣльной влагой, радостная улыбка.

— Будьте добры... здравствуйте! — развязно и громко воскликнулъ онъ и поочередно началъ совать намъ руку.

— Да ты бы ужь лежалъ въ своемъ мѣстѣ! чада! — строго и упоризненно глядя на него, почти простонала хозяйка:—воть вѣдь нечистая душа! Какъ въ городѣ побывать, такъ хочъ выжми!..

— Ну, постой, постой! слушай сюда!—умиротворяющимъ тономъ перебилъ ее человекъ съ роскошной бородой—это былъ самъ староста—слушай сюда, дай мнѣ сказать! Я очень хорошо самъ себя знаю и ничего такого не скажу... Будьте добры, куда жь вы сейчасъ ѣдете?

Онъ былъ немножко „на взводѣ“, но, какъ потомъ мы убѣдились, лишняго и непристойнаго, дѣйствительно, ничего не сказалъ, держалъ себя совершенно корректно, рассуждалъ трезво и резонно—и непріятное впечатлѣніе, которое почувствовалось было въ первую минуту, вскорѣ совершенно изгладилось. Выпалъ онъ въ городѣ, какъ оказалось, по причинѣ совершенно законной: пови́длся съ пріемнымъ сыномъ своимъ, воспитанникомъ, взятымъ когда-то изъ „заведенія“. Своихъ дѣтей не было, вырастили они съ женой чужого, женили въ деревнѣ. Теперь онъ жилъ въ городѣ, „старшимъ помернымъ“ въ гостиницѣ „Дрезденъ“, а жена съ дѣтьми осталась въ деревнѣ, на попеченіи нашего хозяина.

— Жизнь ничего, не плохая,—говорилъ староста, съ готовностью посвящая насъ въ подробности семейныхъ своихъ обстоятельствъ:—жить и тамъ можно, только гостя порядочнаго мало стало. Картинки эти отъ него всѣ,—съ гордостью указалъ онъ на стѣны.

— Что-жь, пущай живетъ, мы не препятствуемъ. Къ крестьянству ужь не приспособленъ. Когда пріѣдетъ, совершенно ничего не можетъ... Поѣсть—выпить, выпить—закусить, только... А больше ничего не можетъ... Ну, дежьжонокъ подаетъ, все-таки, на дѣтишекъ... какъ же... подаетъ!..

Расположились мы за столомъ, около самовара, который какъ-то необычайно проворно принесла хлопотливая наша хозяйка. Пригласили въ компанію старосту и паромщика. Хозяйка мимоходомъ опять пошпыняла слегка ослабѣвшаго, спохватшагося языкомъ своего супруга.

— И-и, статуи—чертъ! Лучше бы опять четыре года солдаткой быть, чѣмъ какъ ты пьяный являешься!

— А сама вѣдь приготовила половинку! — подмигивая намъ, сказала староста.

— Да вѣдь какъ же... знала: будешь рычать... Ужъ какъ въ городѣ побываетъ, тутъ ужъ похмеляй...

Паромщикъ отказался отъ компанейскаго чаепитія, потому что свой костюмъ считалъ не подходящимъ для приличнаго общества.

— Пойду, свой арестъ сыму... А то какъ навозъ возплъ, такъ въ этомъ парадѣ и остался...

Онъ все-таки не ушелъ, пока совместно со старостой не выяснилъ рядомъ подробныхъ разспросовъ, что мы за люди, откуда, куда и зачѣмъ ѣдемъ. То, что мы ѣдемъ ради своего удовольствія и любопытства, повидимому, вполне удовлетворило нашихъ собеседниковъ: мало ли какая блажь не приходитъ иногда въ голову господамъ!

— Лѣтось тоже проѣзжали тутъ на лодкѣ одни... мужъ съ женой. За споромъ вышло дѣло: поспорили съ однимъ другимъ, что дескать въ Москву не только по чугункѣ, а и флотомъ проѣхать можно. Вдарились на парѣ—на 500 рублей...

Потомъ наступила наша очередь разспрашивать ихъ, и мы тоже всесторонне начали обследовать деревенскую жизнь и деревенскій міръ, который былъ передъ нами сейчасъ въ лицѣ старосты и его жены,—паромщикъ ушелъ переодѣваться и застрѣлъ...

Мы, конечно, понимали цѣну такого обследования путемъ интервью за самоваромъ. Представленіе о современной деревенской дѣйствительности оно давало далеко не полное, какъ ни готовно и добросовѣстно наши собеседники старались развернуть ее передъ нами. Но было тутъ все-таки много новаго, цѣннаго, неожиданно озарявшаго какимъ-нибудь штрихомъ, мимолетнымъ замѣчаніемъ—насъ, книжныхъ людей, людей изъ другого міра, въ которыхъ чутье земли было вытравлено городомъ, кипѣніемъ и сутолокой профессиональной, между-партийной, кружковой интеллигентской жизни, которою мы послѣдніе годы безотрывно жили. Было нѣчто чрезвычайно реальное уже въ самомъ воздухѣ этой горницы, въ широкихъ, трудовых лопаткахъ хлопотливой нашей хозяйки, какъ-то волшебю успѣвавшей управляться въ чуланѣ съ дыплятами и поддерживать бесѣду съ нами, подавая полотенце, вернуть укоризненное слово провинившемуся супругу Герасиму Яковлеву и привѣтствовать съ крыльца ласковыми словами возвращавшуюся съ пастбы скотинушку. Неподдѣльной реальностью и непосредственностью дышалъ и подвыпившій староста, который, не смотря на подпитіе, разсуждалъ очень вдумчиво, логично и совершенно трезво. И мы съ нѣкоторымъ основаніемъ дерзаемъ теперь утверждать, что знакомство съ крестьянской жизнью, выписанное нами изъ нашей поѣздки на лодкѣ, ничуть не уступитъ по полнотѣ и

цѣлости, положимъ, знакомству съ положеніемъ государственной обороны, которое выносить изъ своихъ поѣздокъ военный министръ. Наша поѣздка лишь подешевле обошлась—только...

— Ну, какъ у васъ нынѣ жизнь идетъ, Герасимъ Яковлевичъ?

— Будьте добры... какаѣ наша жизнь!—воскликаетъ съ виноватой усмѣшкой староста, принимая стаканъ чаю:—только что живы, по милости Господа Бога, и—все... Извѣстное дѣло: крестьянская жизнь, положеніе тѣсное... Насъ вотъ двое съ женой—чего намъ надо? Дѣтишки чужія, хлопотать бы и нѣтъ нужды... А я все-таки прикупаю земельки на 90 рублей въ годъ... Несу иго...

— А какое иго?

— Иначе сказать, соху-матушку... И надоѣла она, уйтить бы въ городъ—мѣсто оказывалось,—ну... привыкъ, какъ кобель къ обрывку...

Онъ бережно выбираетъ кусочекъ сахару поменьше и кладетъ его рядомъ съ блюдцемъ.

— Да вы кладите въ стаканъ.

— Нѣтъ, мы къ этому не приучены... Также самое сказать и о всей крестьянской нашей жизни: пока—живы... а дальше не спрашивай...

— На отруба выдѣляются у васъ?

— Будьте добры—сколько угодно! Вездѣ нынче—поля до дома. Есть и отруба, какъ же... Не болѣ какъ въ верстѣ отъ деревни.

Онъ съ увлеченіемъ началъ рассказывать свѣжую и, видимо, волновавшую его исторію новыхъ земельныхъ отношеній въ предѣлахъ ихъ волости. Хрыковское сельское общество, къ которому принадлежалъ Герасимъ Яковлевъ, на отруба не пошло и за это было наказано лишеніемъ аренды казенной оброчной статьи, на которую втеченіе 50 лѣтъ привыкло смотрѣть, какъ на нѣчто неотъемлемое. На этой землѣ, лежавшей сейчасъ же за деревенскими огородами, сидѣли теперь пришлые хуторяне. Исторія была, повидимому, полна горечи и обиды. Староста и его жена въ разговорѣ не разъ возвращались къ ней, вздыхали, горестно ахали объ этой земелѣ. Заднимъ числомъ соображали, почему „осерчалъ“ ликвидаторъ: хотѣлъ устроить онъ для хрыковцевъ черепичный заводъ, научить ихъ дѣлать черепицу, а хрыковцы уперлись, не дали мѣста подъ заводъ, не отвели участка для добыванія песку и глины,—онъ обидѣлся и продалъ землю пришлому со стороны товариществу...

Герасимъ Яковлевъ былъ горячимъ сторонникомъ общины и новый порядокъ владѣнія землей критиковалъ сердито и оглоумомъ—можетъ быть, даже въ ущербъ безпристрастію: ничего въ немъ не видѣлъ ни правильнаго, ни выгоднаго.

— Девять обществъ собирали насъ. Сошлись мы, староста отъ девяти обществъ. Приѣхалъ земскій и этотъ... какъ его... князь изъ землеустроительной комиссіи.—„Можете вы на отруба?“ Ну, я

сейчасъ это не въ себѣ, а тогда я не позволилъ себѣ даже рюмки выпить. Разговаривать много, конечно, нельзя было, у насъ даже случай былъ: священникъ молодой... хорошій батюшка такой... одинъ тутъ изъ богатѣйшихъ нашихъ мужичковъ зашелъ къ нему посоветоваться: вотъ, молъ, хочу на отрубъ выйти, землю укрѣпить въ собственность, на вѣчность. А онъ ему скажи: „хорошо-ли, молъ, это будетъ, когда ты въ ротъ себѣ заплнешь два куска, а другому кому ни одного не принадлеать?“ Такъ объ этихъ словахъ дошло до губернатора, и нашего батю такъ метнули отсюда!.. — Герасимъ Яковлевъ благодушно разсмѣялся и закашлялся. — Ужь онъ ѣздилъ-ѣздилъ, просилъ-просилъ... насилу умолил! Теперь — молчокъ! Никакъ не говорить... Ну, и я понимаю: лучше я буду языкъ за зубами держать... Однако говорю: „ваше сіятельство! какъ имѣемъ мы скотоводство, то что же можетъ получиться, ежели мы на отруба расселимся? куда мы съ скотиной дѣнемся? овцу, напримеръ, рази ее удержишь? не иначе, какъ переводить, а перевести жалко: съ овцы я съ ногъ до головы одѣть, а кормку ей вовсе мало требуется“... Ну, за мной и другіе подтвердили, что дескать лишиться надо скотоводства. — „Значить, не желаете?“ — Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство. — „Распишитесь!“ — Расписались. Писали — думали, что бумага такая: не желаемъ и — кончено! А послѣ глядь-поглядъ: тому вырѣзаютъ, другому вырѣзаютъ — оказались желающіе...

Хозяйка, стоявшая у двери, вздохнула долгимъ, громкимъ вздохомъ:

— Конечно, не одна мать всѣхъ родила, не въ одно и думаемъ...

— Девять обещавъ! — прибавилъ Герасимъ Яковлевъ.

— Ну, какъ же съ хуторянами живете? ладно?

— Ничего, не серчаемъ. Чего же обижаться — дѣло добровольное.

Хозяйка прибавила:

— Живутъ они съ нами во всѣхъ отношеніяхъ...

— Ну, какъ же по вашему, Герасимъ Яковлевичъ: лучше или хуже жить хуторами? по совѣсти?..

Староста загадочно усмѣхнулся.

— Будьте добры — сказать вамъ! — воскликнулъ онъ, мотнувъ головой слегка упрекающимъ жестомъ: — откуда же можетъ быть лучше? Кто тутъ плохо жилъ, у того и тамъ нѣтъ ничего! Что это за хозяинъ, будьте добры, ежели онъ гвоздя вбить не умѣетъ? Ну, а ежели такой на хуторъ вышелъ, отъ чего же ему будетъ лучше? Такъ же самое — все врозь будетъ ползть и только...

Онъ досталъ изъ кармана кисетъ съ табакомъ, но А. В. поспѣшно предложилъ ему папиросу.

— У кого, конечно, побольше земельки, ну тотъ дыхнетъ, — продолжалъ староста, закуривъ и разгоняя рукой дымъ, чтобы онъ не беспокоилъ насъ, не курящихъ: — а что бѣдный, нищій-неимущій. — ни черта ничего у него не будетъ!.. Вѣдь они и отруба въ

двухъ смыслахъ: одного награждать, а другому—голая глина да песокъ достанется... грызи ее, какъ хочешь!..

— У насъ одному,—вставила слово хозяйка, опять изъ чулана заглянувшая къ намъ,—видимо, предметъ нашей бесѣды интересовалъ ее не менѣе, чѣмъ самого старосту:—одному тутъ подъ самымъ домомъ тридцать три десятины вырѣзали... Землемѣръ на квартирѣ у него стоялъ... Ну, и возилъ онъ его всегда, денегъ не бралъ за это...

— Ну, это дѣло другого рода,—дипломатично остановилъ ее староста:—а что зла черезъ это дробленіе земли много... И черезъ что это такъ стараются—разселить, будьте добры?..

Герасимъ Яковлевъ поглядѣлъ на насъ влажнымъ, недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Очевидно, чтобы не вмѣстѣ, а врозь жили.

— Вовсе вотъ раззорить мужика,—сказалъ онъ раздумчиво и печально:—извольте вотъ послушать...

Онъ остановился, подумалъ. Хотѣлось ли ему сказать что-то особенно убѣдительное и вѣское, а оно не давалось, или не рѣшался онъ выложить до конца наболѣвшія въ сердцѣ печали,—нельзя было угадать.

— Даже голову съ плечъ сымаютъ,—проговорилъ онъ, потрясая бородой:—вотъ какъ стало эти два года—на навозъ даже мужички мало стали обращать вниманія! „Что-жъ, молъ, я ее унавожю, а завтра ее отрѣжутъ другому“...

Онъ задумчиво поглядѣлъ на профили желѣзныхъ дорогъ, налѣпленные на стѣнѣ,—въ надвигающихся сумеркахъ рисунки стали уже расплываться въ мутныя пятна. Помолчалъ. И продолжалъ уныло:

— Плохо сталъ жить народъ сейчасъ. Вовче—изъ рукъ вонъ!.. Куда ни глянь... Молодой народъ ослабѣлъ ужасно, попустился на это самое щегольство да на пьянство. Поглядишь: иной идетъ, какъ управитель хорошій, этакъ—тыщъ на пять десятинъ... Пинь-жакъ на немъ или кустюмъ—рублей пятнадцать, а то и двадцать стоитъ, не меньше. А въ брюхѣ—нѣтъ ничего. И окромя кустюма—ничего у него нѣтъ и отцу ни копыя не подастъ. Отецъ пускаетъ въ городъ, думаетъ—помогать малый будетъ, а я тутъ земельку осплю. Земельку всю передробили—много-ли округ нея надо рукъ? А онъ отломился и—нѣтъ его... и годъ, и два...

Мы помолчали. Хозяйка, стоявшая у двери, судорожно вздохнула:

— Эхъ, ты, Господи Боже мой! плохое положеніе!..

Въ маленькія окошки глядѣли сумерки, свѣтлыя и грустныя. За рѣкой, на станціонныхъ домикахъ, чуть алѣли отблески зари, а на лужкѣ лежала уже сплошная тѣнь. Весело и гулко погромыхивали поѣзда, гудѣли свистки, перезванивалъ гдѣ-то удивительно мелодичный колоколь.

— Весело у васъ тутъ—сколько поѣздовъ...

— Это — эксперсы, — подувъ на блюдечко, сказалъ Герасимъ Яковлевъ.

Пилъ онъ чай, какъ водится, не спѣша, обстоятельно и вѣско, громко откусывая сахаръ. Отиралъ ладонью лицо и блестящую бороду. Вздыхалъ.

— Такъ вы питерскіе? — утершись, оборвалъ онъ затянувшуюся паузу.

— Питерскіе.

— А въ Аршавѣ не были?

— Я былъ, — сказалъ А. В.

— Агромаднѣйшій городъ!..

Герасимъ Яковлевъ отбывалъ въ Варшавѣ воинскую повинность. Воспоминанія о службѣ у него были мрачныя.

— Былъ я на порядочномъ счету, какъ зналъ хорошо грамотѣ. Ну, командиръ облюбовалъ — въ денщики къ себѣ взялъ. Самъ-то ничего бы... выпить любилъ, конечно... Но барыня... чертъ! Какъ начнетъ, бывало, по щекамъ охаживать... сколько разъ даже думалъ руки на себя наложить! Ничѣмъ ей не угодишь... Я-то зналъ, чего ей требуется, ну... совѣсть противъ своего начальника не позволяла...

Опять помолчали мы, поддаваясь сумеречному настроенію. Темное прошлое, сложное и запутанное настоящее, загадочное будущее русской жизни заглянуло сюда, подъ низкій и темный потолокъ горницы Герасима Яковлева, въ вечерній этотъ часъ, покрыло насъ сумрачнымъ крыломъ горькихъ недоумѣній и старыхъ, неразрѣшенныхъ вопросовъ... Дробленіе земли, костюмъ въ 15 рублей, какъ непозволительная роскошь, нужда, отрывающая отъ родного угла, соблазны, прилѣпляющіе сердце къ городу, безчисленныя трещины въ старомъ, освященномъ вѣками укладѣ и непобѣдимая грусть при мысли о его неминуемомъ крушеніи... Кто обновитъ старыя мѣха? когда? и какъ? Сохранится ли зерно здоровой, правильной жизни по-божьи? или погибнетъ? и станетъ человѣкъ человѣку — кирпичъ?..

Синѣли, густѣли сумерки, умирали послѣдніе звуки деревенскаго дня за окномъ. Погасли алые отсвѣты за рѣкой. Съ луга долетало монотонное хриплѣе коростеля.

— Что же, господа, можетъ, прогуляетесь на улицу? — предложилъ Герасимъ Яковлевъ: — у насъ мѣстечко веселое... рѣчка — вотъ...

— А хутора у васъ далеко?

— Вотъ сейчасъ за огородами. Съ версту, не больше!

— Такъ вы насъ на хутора проводите.

— Будьте добры, съ нашимъ удовольствіемъ!..

IV.

Мало наѣзженная, поросшая травой дорожка шла передъ нами узенькимъ ущельемъ между стѣнами ржи и въ далекомъ концѣ

его тѣла вечерняя заря. Осторожно, нѣжно, точно кокетливо крадучись, вѣялъ въ лицо робкій вѣтерокъ, шопотъ пробѣгалъ по выбому вечернему морю ржи, доносилъ запахъ „пара“ — видѣлись въ сторонкѣ поля, похожія на гигантскія шашечныя доски съ темными шашками — кучками навоза. И тишина, кроткая, задумчивая, покоряющая своею мечтательностью, опять сливалась съ синими сумерками и зыбкимъ моремъ хлѣбовъ. Изрѣдка плеснетъ перепелъ свое тонкое „подъ пенекъ!“ — и смолкнетъ... Бѣлая колоколенка справа, въ селѣ Пасловѣ, чуть маячитъ изъ зеленой пѣны садовъ, зелено чернѣетъ березовая роща слѣва, по-весеннему, по-майскому нарядная, свѣжая и радостная. И тонкій, чуть уловимый аромат поля волнуетъ уже сердце знакомымъ радостнымъ волненіемъ родного простора съ синими тѣнями и долгимъ румянцемъ зари въ прозрачномъ вечернемъ небѣ... Чудится въ теплой тишинѣ этихъ застывшихъ гигантскихъ пологихъ волнъ зеленой земли что-то тургеневское, мечтательное, нѣжное... И вотъ-вотъ услышишь тотъ заключительный прелестный аккордъ „Пѣвцовъ“ — тонкій, далекій дѣтскій голосокъ:

— Ан-троп-ка-а! Иди, тебя тятка высѣчь хо-чи-ить!

Вотъ-вотъ прозвенитъ онъ гдѣ-нибудь на горизонтѣ, надъ сумеречными дремлющими зелеными нивами — и воскреснетъ вновь давно пережитая радость отроческаго восхищенія...

— У васъ и лѣсокъ есть? Общественный?

Герасимъ Яковлевъ останавливается, дѣлаетъ валенками дватри танцующихъ шажка назадъ — его немного пошатываетъ, идетъ онъ по дорожкѣ, какъ по палубѣ корабля въ свѣжую зыбь. Можетъ быть, поэтому именно охотно дѣлаетъ остановки для поясненій и азгвора.

— Общественный. Сейчасъ продали на срубъ по 350 за десятину. Одиннадцать десятинъ.

— Что же, въ банкъ положили?

— Б-бже сохрани!

Онъ закурнулся и съ комическимъ ужасомъ замоталъ головой.

— Два раза съѣздили въ городъ за получкой... И не больше, какъ два раза напились до-сыта, вдобылись .. а на третій не хватило! Къ Успенью вотъ послѣдняя получка — къ праздничку: у насъ въ Пасловѣ престоль... Оно какъ разъ кстати...

Въ тонѣ его звучала легкая насмѣшка надъ собой и своими однообщественниками, безъ горечи и сердитости.

— Эта рощица еще осталась, а тамъ все сведено. Осенью сведетъ и эту...

Нашъ собесѣдникъ махнулъ рукой съ особымъ какъ будто удовлетвореніемъ: все, молъ, по порядку, какъ надо. Пошелъ бы то впередъ, но опять остановился, шатнувшись назадъ.

— Лѣса у насъ были громаднѣйшіе! — съ гордостью воскликнулъ

Онъ: — ну наши отцы-дѣды прожили. Соснякъ былъ — въ три обхвата!.. Ничего не осталось... Вотъ эту березовую рощицу послѣднюю доѣдаемъ...

— А какъ же дальше?

— А дальше какъ Богъ дастъ...—сказалъ онъ яснымъ и беззаботнымъ голосомъ:—соломкой будемъ какъ-нибудь обходиться... А ужъ палки взять негдѣ будетъ...

Помолчалъ и прибавилъ:

— На три года положили не пахать — можетъ, заростетъ. А если ничего не выйдетъ—подъ распахъ!

И опять полное удовлетвореніе, даже удовольствіе прозвучало въ его голосѣ.

Какъ-то сразу сдуло мечтательное, тургеневское. Встала рядомъ голая современность: исчезающая красота земли, опустошеніе природы, младенческая беззаботность о завтрашнемъ днѣ, фатальный уклонъ въ сторону самоограбленія. Передъ глазами на фонѣ умирающей зари, безпечно пошатываясь, слегка ныряла впередъ или танцевала назадъ легкая, узкоплечая фигурка старосты, а за ней, на горизонтѣ, чернѣли нѣсколько широко разбросанныхъ, припавшихъ къ дремлющимъ нивамъ избушекъ.

— Это хутора?

— Они самые-съ. Это вотъ по казенной землѣ — была наша когда-то, а энти во-онъ куда потянулись — черезъ банку кушили.

— Далеко. Какъ же они, напримѣръ, съ школой будутъ?

Герасимъ Яковлевъ презрительно фыркнулъ:

— Будьте добры, какая школа, когда ему самому одѣться не во что! Гдѣ ему, къ черту, дѣтей одѣть—въ школу послать?

— Но какъ же безъ школы? Все будущее хуторовъ разсчитано на болѣе разумное пользованіе землей, значить—на знанія...

— Какая знанія!—съ рѣшительнымъ презрѣніемъ отмахнулся староста:—будутъ дикари... волки!..

Мы прошли по ближайшему хутору. На усадебномъ мѣстѣ стоялъ сарай, амбаръ и недостроенный срубъ—на половину новый, на половину старый—избы обычнаго крестьянскаго типа. Отъ Герасима Яковлева узнали мы краткую исторію этого хутора. Надѣльную землю и старую усадьбу хозяинъ продалъ и купилъ семь десятинъ у казны. Но переселеніе оказалось дороже, чѣмъ онъ предполагалъ. Вырученныя отъ продажи деньги и пособіе отъ казны ушли на покушку лѣса, на перевозку на новое мѣсто и на текущіе расходы. На стройку уже не хватило, выбился человѣкъ изъ силъ и принужденъ былъ нанять квартиру въ деревнѣ. Мучился со скотиной: пастбище—на хуторѣ, а водопой въ деревнѣ, — два раза въ день гонялъ туда и обратно среди чужихъ хлѣбныхъ загоновъ...

Хуторъ глядѣлъ уныло. На усадебномъ мѣстѣ разсаженъ былъ крошечный садикъ,—деревца были перенесены зимой, „съ стуломъ“

Молодые яблоньки распустились, а тѣ, что побольше, болѣли и стояли безъ листьевъ, помертвѣлы. Подпочва была каменистая—подъ каждымъ деревцомъ лежала кучка мелкаго желтосѣраго известковаго щебня. Колодца не было—воду находили на глубинѣ лишь десяти сажень. Кое-гдѣ казна вырыла колодцы, но большинство хуторянъ бѣдствовало водою.

Обошли пашню, паръ, посмотрѣли хлѣбъ. Земля булая, сѣрая. Изрыта сохой. Никакихъ культурныхъ новшествъ—ни клевера, ни рядового посѣва, ни удобрений не было замѣтно. Рожь, какъ и всюду по сторонамъ—средняя.

— Вотъ и хутора,—говорилъ Герасимъ, и въ голосѣ его звучало сожалѣніе и пренебреженіе вмѣстѣ:—но будьте добры вамъ сказать, на чемъ же тутъ развернуться? Имѣемъ мы скотоводство. Ну, въ обществѣ мнѣ корова, овца, свинья—словомъ, вся моя скотина—обойдется рубля четыре въ годъ на пастуха. А выйди я сюда—что я долженъ? Долженъ я нанять подпаса, заплатить ему 30 рублей да прохарчить его чего-нибудь стоятъ!.. Вотъ онъ привезъ къ намъ овцу,—потому что овца—животная шкодливая, за ней такъ и гляди... Общество говоритъ: „поставь за овцу четверть!“ Поставилъ. А она—два десять... Да хорошо еще—никто не вникаетъ въ это дѣло, а то найдется такой и скажетъ: нѣтъ, молъ, намъ твоей овцы не надо!.. А курица? а поросенокъ?.. Въ общинѣ—у того—двѣ души, одна корова; у меня—полъ-души, двѣ коровы,—всѣ равны, всѣ вмѣстѣ ходятъ. А тутъ выпусти—онъ курицу на мою землю—дсейчасъ скажу:—„свать! или—кумъ! это что за безобразіе?..“

Онъ сдѣлалъ строго указующій жестъ и остановился, глядя на насъ влажно-черными, торжествующе вытаращенными глазами.

— Это какъ будетъ? Голосъ или нѣтъ?—спросилъ онъ. И, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ:

— Опять, ежели коль скоро скота не держать, то будьте добры—чѣмъ же намъ навозить землю, когда наша земля навозу просить? Кто же у него унавозить, коль скоро онъ скотину перевелъ?

Онъ сдѣлалъ паузу, строго посмотрѣлъ:

— Жаворопокъ сидеть—унавозить?..

Не дали отвѣта ни мы, ни тихія поля, одѣтые вечернею печалью, ни унылый, недостроенный хуторъ съ чахлымъ садикомъ. Безмолвно и нѣмо глядѣлъ голый срубъ, невеселый скелетъ будущей „крѣпкой“ хуторской жизни. Было нѣчто враждебно-торжествующее въ полепическомъ задорѣ Герасима Яковлева. Не Богъ вѣсть какимъ сіяніемъ правды и совершенства могло гордиться то, что стояло за нимъ, за близкимъ его сердцу и мысли порядкомъ: мертвая община, безъ уравнительнаго передѣла, давно затывшая въ старыхъ ревизскихъ душахъ, мелкое дробленіе земли, косная мысль, пестрота клѣновъ и полосъ, первобытная земель-

ная культура, опустошеніе природы, доѣданіе послѣднихъ кусковъ... Но то, что шло на смѣну этому порядку, намѣренно и грубо попирая живучее представленіе о правдѣ и глубоко спрятанную мечту объ иномъ разрѣшеніи узъ тѣсноты и пужды,—лежало сейчасть передъ нами загадочно жалкимъ и безсильнымъ...

— Что же изъ общественныхъ учрежденій есть у хуторянъ? свой сходъ, свой староста?

— Ничего нѣтъ. Землеустроительная коммиссія и—все,—мрачно сказалъ Герасимъ Яковлевъ. Помолчалъ и прибавилъ съ досадою:

— А староста—все я же. Мнѣ отъ нихъ ни жалованья, ни преимущества никакого нѣтъ, а хлопотать хлопочи, ходи. Пришлиють бумагу: хрыковскому старостѣ—вручить такому-то... Долженъ я это сдѣлать. И мѣсишь киселя верстѣ пять...

Вернулись въ деревню. Прошли узкой деревенской улочкой. По одну сторону—амбарушки, слѣпленные изъ сѣраго камня-известняка, по другую—избы, выстроенныя тѣснымъ, кривымъ рядомъ, прижимаясь одна къ другой. Корявыя, обрубленные ветлы, израненныя и въ темныхъ стрункахъ, распростерли уцѣлѣвшія вѣтви, безъ словъ вызывая къ бѣлому вечернему небу, и стояли, не шелохнувшись, словно прислушиваясь къ замправшему шелесту дневной суеты. У воротъ стояли, понутивъ головы, тощія лошади—ихъ еще не увели въ ночное. Маленькіе жеребята, набѣгавшіеся за день, переважно растянулись на самой дорогѣ, вытянувъ ноги и головами приникнувъ къ пыльной землѣ. Въ мутную синеву сумерекъ брызнули кое-гдѣ золотымъ свѣтомъ огоньки и въ маленькія окошки можно было видѣть дѣтскія головки вокругъ стола, женскія лица, а надъ ними закоптѣлую висячую лампочку. Въ амбарушкахъ еще возились кое-гдѣ бабы, слышался четкій перебой ситѣ: къ празднику—завтра Троица—готовились печь булки.

И было что-то волшебное—умиротворяющее въ тишинѣ и скученности этой улочки, въ ея убогихъ ветлахъ, въ понурыхъ лошадкахъ, въ гаснущемъ шорохѣ крестьянскихъ будней. Цѣлебнымъ покоемъ и непобѣдимыми чарами кроткаго молчанія земли, усталой, изрытой, безъ конца истекаемой, но вѣчно воскресающей и вновь покорно рождающей, земли-кормилицы вѣло отъ этихъ приникшихъ къ земному праху избушекъ... роднымъ, *своимъ*, такъ близкимъ и *болѣзненнымъ* сердцу...

Въ одномъ мѣстѣ старичокъ съ сѣдымъ клочкомъ на подбородкѣ сортировалъ и клалъ въ кучки зеленныя березовыя вѣтви: удалось ему добыть ихъ въ „своей“ когда-то рошѣ, войдя въ сдѣлку съ сторожемъ, и теперь онъ готовился зорькой поѣхать въ городъ, поторгать—*вѣнками*“.

— Бѣдному продамъ за копейку,—говорилъ онъ весело:—а по-дойдетъ богатый, какъ вы, баринъ:—„дай, старикъ, за пятіалтынный“.—съ удовольствіемъ!.. Онъ мнѣ и гошъ будетъ...

Веселымъ проворнымъ движеніемъ руки по штанамъ, тамъ, гдѣ должны быть карманы, старикъ показалъ, какъ онъ спрячетъ этотъ самый пятіалтынный, предметъ его давнихъ, очевидно, мечтаній.

Мы отъ души пожелали ему успѣха и вернулись подъ кровъ Герасима Яковлева. Устали. Клонило ко сну.

Хозяйка принесла соломы. Но ей казалось конфузнымъ, что мы ляжемъ на полу. Предлагала опять кровать и лавки. Мы успокоили ее увѣреніемъ, что сами хотимъ испытать всѣ походныя условія и закаляемъ себя въ лишенияхъ. Укрыли солому брезентомъ, разулись и, не раздѣваясь, легли. По-походному.

Герасимъ Яковлевъ снялъ валенки и пиджакъ, погасилъ лампу. Оставилъ было голубую лампадку передъ иконами, покрестился на нее, бормоча поспѣшно какую-то короткую молитву и почесываясь голой ногой. Потомъ подумалъ и лампадку погасилъ. Должно быть, онъ все-таки немножко страдалъ отъ перегара. Зайдя за перегородку, сѣлъ на кровать, вздохнулъ и разсудительнымъ тономъ сказалъ:

— И лучше бы на свѣтѣ было одно молоко, а алкоголяка этого распостылаго не было бы совсѣмъ...

Помолчалъ въ раздумьи и спросилъ:

— А какъ вы на счетъ православія, господа?

— Такъ себѣ, — неопредѣленно отвѣтилъ Алексѣй Васильевичъ.

Повидимому, Герасимъ Яковлевъ вполне удовлетворился этимъ отвѣтомъ.

— Я тоже. Середу и пятницу вотъ ужъ забылъ. Да и посты не всѣ блюдемъ... Нечѣмъ больше кормиться—молокомъ...

Мысль равнодушно скользнула по этому новому для деревни явленію—крушенію обрядовыхъ установленій православія изъ-за требованій желудка... Слипались глаза. Дрожала рѣчная зыбь, бѣжали мимо зеленые берега, покачивался яликъ, шуршала вода подъ нимъ... И густо пахло курами и кислымъ квасомъ.

Въ темнотѣ прошла по нашимъ ногамъ хозяйка, молча легла на кровати рядомъ съ мужемъ. Дѣтскій голосокъ за другой перегородкой захныкалъ, заговорилъ что-то во снѣ. За стѣной, на улицѣ, лаялъ Шарикъ. И опять дрожала рѣчная зыбь и мѣрно колыбалась лодка...

Потомъ все утонуло...

Проснулся... Не знаю почему. Можетъ быть, потому, что могучій храпъ доносился изъ-за перегородки, съ кровати. Что-то хлопало, съ грохотомъ поднималось въ гору и стремительно падало назадъ. Робко вторилъ этому громокипящему клеткоту другой кто-то, воркуя и хлипя, какъ маленькій, быстро закипающій самоваръ. Рядомъ дѣловито сопѣли мои товарищи.

Іюль. Отдѣлъ II.

Полежалъ. Съ отвращеніемъ раздавилъ около уха какую-то воящую гадость. Осмотрѣлся. Казалось все фантастическимъ: эта пѣмая горница, наполненная странными звуками и полусвѣтомъ занимающейся зари, стѣны съ профилями желѣзныхъ дорогъ, низкіе темные потолки, достатыя, какъ въ конюшнѣ, перегородки, пахучій, тошный воздухъ, загадочное шуршаніе въ соломѣ, на столѣ и по стѣнамъ, могучій храпъ... Надо было преодолѣть, не думать. И уснуть. Хотѣлось уснуть. Закрывъ глаза: шуршала вода подъ лодкой, шуршала солома подъ брезентомъ и что-то маленькое, щекочущее, отвратительное падало на лицо, ползло... Кашлялъ и стоялъ Герасимъ Яковлевъ. А могучій храпъ на его кровати kloкоталъ и гремялъ, не обрываясь. Значить, это хозяйка обладала такимъ могучимъ діапазономъ...

Гдѣ-то близко проснулись цыплята, начали цѣкать. Какъ будто начинался уже день...

Сквозь долгое, утомительное, нудное полузабытье, не отрывая глазъ, я слышалъ, какъ вдругъ оборвался густой храпъ, кто-то всталъ съ кровати и прошелъ, шагая черезъ наши ноги. Скрипнула дверь. И еще разъ—гдѣ-то дальше, другая. Въ чуланѣ черезъ минуту раздалось настойчивое, требовательное хрюканье поросятъ и сердитый голосъ хозяйки. И въ горницу, черезъ какую-то щель, вмѣстѣ съ холодкомъ утренняго воздуха потянула струя новаго крѣпкаго запаха. Потомъ за окнами раздалось мычаніе и гдѣ-то далеко нѣжно заигралъ рожокъ пастуха...

Долго не хотѣлось вставать, но и сонъ не шелъ, — звуки деревенскаго утра все шумнѣе стучали въ окошки, жужжали и не давали покоя проснувшимся мухи. Цыплята безъ перерыва жаловались и плакали въ чуланѣ.

Всталъ и вышелъ на крылецъ, сопровождаемый голодной свитой цыплятъ. Вдохнулъ жадно, всей грудью—свѣжъ и живителенъ былъ утренній воздухъ. Голубѣло небо, чуть затканное тонкой, прозрачной паутиной облачковъ. За станціей весело бѣлѣли въ лучахъ солнца обложенные известнякомъ домики подъ соломенными крышами. Перекликались пѣтухи. Тонко пропѣлъ рожокъ стрѣлочника и мелодичнымъ перезвономъ отозвался ему таинственный колоколъ. Мелкою, далекою трелью пробарабанилъ поѣздъ, весь въ солнечномъ блескѣ. Ушелъ. И надъ лугомъ, за рѣкой, осталась заливиная трель жаворонковъ, звонкая, безшабашно-веселая.

У паромъ, на рѣчкѣ, телѣга, запряженная бѣлой лошадкой, и трое мужиковъ. Говоръ ихъ, ясный, не громкій, звучалъ такъ знакомо и ласково. На пригревѣ, на бережку, сидѣла сѣрая кошка, глядѣла, какъ тонкимъ бѣлымъ кузовомъ дымилась рѣка и плыли надъ водой, межъ зеленыхъ береговъ, прозрачные клочья ваты. Сіяла рѣчка золотомъ и сталью. Опрокинулись зеленые берега въ ней. Сверкали клочья тумана, какъ сребротканныя ризы...

Вышелъ Герасимъ Яковлевъ. Подъ мышкой чистая рубаха и порты, скатанные въ трубку.

— Ну что, голова не болитъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ...

— Голова поболится-поболится, прочь не отвалится, — послышался изъ чулана энергическій голосъ хозяйки:—онъ на это хоть молодецъ!..

За чаемъ гостепріимный хозяинъ нашъ все уговаривалъ насъ остаться на денекъ въ Хрыковѣ.

— Праздничное дѣло — въ церкву съѣздили бы... А вечеромъ карагоды будутъ—посмотрѣть къ любопытству вашему...

Но у насъ было заданіе: воднымъ путемъ, во что бы то ни стало, достигнуть Калуги. Отказались.

Пришелъ паромщикъ. Вмѣстѣ съ старостой повели они „Энзѣ“ черезъ мель. Герасимъ Яковлевъ очень суетился, командовалъ, усердствовалъ и безъ нужды вымочился. Мы шли берегомъ. Было зелено, солнечно, тепло, весело. Лужокъ нестрѣлъ цвѣтами, какъ на картинѣ. Глядѣлась въ рѣкѣ великолѣпная сизо-зеленая роща на другой сторонѣ, въ имѣніи Нарышкиной. Зелено-темной полосой далеко протянулись обѣ дорогу елочные насажденія. Серебристой зыбью разбѣгались по холмамъ ржанья поля, свѣтлыя, солнечныя, радостныя русскія поля съ теплымъ дыханіемъ вѣтра и ароматомъ согрѣтой земли...

„Энзѣ“ вышелъ на глубокій фарватеръ.

Мы попрощались съ гостепріимными, милыми хрыковцами. Сѣли. Герасимъ Яковлевъ и паромщикъ долго стояли на берегу и смотрѣли намъ вслѣдъ. Скрылись за поворотомъ. Остались зеленые берега, зеленая рѣчка съ лознякомъ и жаркое голубое небо вверху...

Θ. Крюковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Хроника внутренней жизни.

1. Процессъ адвокатовъ.—2. Три оппозиціи.—3. Движенія въ верхахъ.—4. Военныя „реформы“ и ассигнованія.—5. Гдѣ оппозиція и гдѣ реакція.

„23 октября 1913 г. въ городѣ Петербургѣ въ зданіи судебныхъ установленій состоялось общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ округа петербургской судебной палаты, принявшее нижеслѣдующую резолюцію:

„Общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ округа петербургской судебной палаты считаетъ профессиональнымъ и гражданскимъ долгомъ адвокатуры высказать протестъ противъ извращенія основъ правосудія, про-

явившагося въ созданіи процесса Бейлиса, противъ возведенія въ судебномъ порядкѣ на еврейскій народъ клеветы, отвергнутой всѣмъ культурнымъ чловѣчествомъ, и противъ возложенія на судъ пропаганды идей расовой и національной вражды. Это надругательство надъ основами чловѣческаго общежитія унижаетъ и позоритъ Россію передъ лицомъ всего міра, и мы поднимаемъ свой голосъ на защиту чести и достоинства Россіи".

Резолюцій и протестовъ противъ постановки дѣла Бейлиса было очень много. Покарать всѣхъ протестующихъ Немезида не имѣетъ физической возможности. Но все-таки немало лицъ и учреждений поражены перунами,—иные административными, другіе судебными. Не миновало возмездіе и петербургскихъ адвокатовъ. 23 октября они приняли резолюцію. 25 октября „освѣдомительное бюро“ опубликовало, что прокуроръ возбудилъ ходатайство о дисциплинарномъ и уголовномъ преслѣдованіи. По настоятельному требованію палаты, дисциплинарное преслѣдованіе было начато, производилось и въ совѣтѣ присяжныхъ повѣренныхъ закончилось оправданіемъ. Преслѣдованіе уголовное завершилось въ началѣ іюля обвинительнымъ приговоромъ петербургскаго окружнаго суда: двое получили по 8 мѣсяцевъ тюрьмы, 23 назначено по 6 мѣсяцевъ также тюрьмы. Результатъ обычный. Но по пути къ нему понадобились не обычные методы и не обычная юридическая мотивировка.

Резолюція выражаетъ протестъ противъ судебного обвиненія іудейской религіи въ каннибальствѣ. Извѣстно, что нѣкоторымъ начальствующимъ лицамъ это не нравится. Но іудейская религія признана терпимой и въ качествѣ таковой охраняется законами Россійской имперіи. Защищать ее отъ нелѣпыхъ, злостныхъ и опасныхъ навѣтовъ значить защищать основательность охраняющихъ ее законовъ. Приговорить къ тюрьмѣ за защиту іудейской религіи юридически невозможно. Иныхъ виновныхъ въ протестѣ противъ постановки дѣла Бейлиса привлекаютъ и судятъ за распространеніе завѣдомо ложныхъ свѣдѣній о дѣятельности правительственныхъ лицъ и учреждений. Но въ резолюціи петербургскихъ адвокатовъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, а есть только сужденія. Кромѣ того, въ этихъ сужденіяхъ явно не содержится ни призыва къ ниспроверженію, ни возбужденія, ни иныхъ „признаковъ“, уловляемыхъ универсальной 129 ст. уголовного уложенія. Примѣненіе этой статьи затруднялось даже составомъ лицъ, подписавшихъ резолюцію; среди нихъ есть и такъ называемые „правые“ адвокаты,—напримѣръ, г. Бобрищевъ-Пушкинъ. Первоначально выдвигалась мысль привлечь адвокатовъ не по содержанію резолюціи, а за формальное преступленіе. Предполагали примѣнить 341 ст. Уложенія о наказаніяхъ, трактующую о „превышеніи или противозаконномъ бездѣйствіи власти“ и 362-ую о „подлогѣ по службѣ“. Т. е., повидимому, подписавшихъ резолюцію отъ имени

общаго собранія предполагалось обвинить въ подлогѣ, а общее собраніе, допустившее такой „подлогъ“,—въ бездѣйствіи власти. Но въ концѣ концовъ эта мысль была оставлена. И возмездіе примѣнено за содержаніе резолюціи.

Большую помощь прокуратурѣ въ этомъ дѣлѣ оказалъ нѣкій г. фонъ-Эгертъ, —тоже петербургскій присяжный повѣренный. По его словамъ, онъ очень возмущенъ резолюціей и увѣренъ, что она содержитъ „осужденіе всего судебного строя, по крайней мѣрѣ, данной эпохи“, сверхъ того, по его мнѣнію, резолюція осуждаетъ кievскую судебную палату и высшихъ чиновъ министерства юстиціи. Эти свои выводы и предположенія г. фонъ-Эгертъ изложилъ въ „Новомъ Времени“. А впослѣдствіи подалъ судебному слѣдователю „особое изобличительное заявленіе“... Этотъ добровольный комментаторъ, впрочемъ, самъ призналъ, что его выводы не совпадаютъ съ точнымъ смысломъ резолюціи и могутъ получиться лишь въ томъ случаѣ, если предположить, что резолюція написана эзоповскимъ языкомъ. И тѣмъ не менѣе г. фонъ-Эгертъ выступалъ на судѣ не въ качествѣ эксперта или присяжнаго переводчика съ эзоповскаго языка на русскій, а въ качествѣ *свидѣтеля*, и его выводы, противорѣчащіе точному смыслу резолюціи, принимались, какъ *свидѣтельское* показаніе. Нашлись и другіе „свидѣтели“. Напримѣръ, присяжный повѣренный Раздольскій „категорически заявилъ“, что „резолюція касается высшихъ чиновъ министерства юстиціи“,—правда, признаетъ г. Раздольскій, въ ней этого не сказано, но таковъ его, г. Раздольскаго, „выводъ“. Виповные въ протестъ противъ дѣла Бейлиса рѣшительно, а нѣкоторые и негодуяще отвергали такое толкованіе ихъ резолюціи. Намѣренія прибѣгать къ эзоповскому языку—говорили они—у нихъ не было. Еслибы они считали, что дѣло Бейлиса поставлено именно кievской палатой и министромъ юстиціи, то въ резолюціи такъ и было бы сказано. Но они полагаютъ, что дѣло это возникло вслѣдствіе общихъ ненормальныхъ политическихъ условій. Противъ этихъ общихъ условій, извратившихъ функціи суда, и направлена резолюція. Она выражаетъ протестъ не противъ отдѣльныхъ лицъ или учреждений, а противъ явленія. Петербургскій окружный судъ однако призналъ правильными показанія „свидѣтелей“ фонъ-Эгерта и Раздольскаго. Хотя—говорится въ мотивированномъ приговорѣ—резолюція не содержитъ никакихъ указаній на опредѣленныхъ лицъ, но подсудимымъ, какъ адвокатамъ, должно быть хорошо извѣстно, что распоряженіе о преданіи Бейлиса суду могло исходить только отъ кievской судебной палаты, а такъ какъ въ резолюціи говорится объ опозореніи Россіи передъ лицомъ всего міра, то ясно,

что мѣстное учрежденіе своими хотя бы и неправильными дѣйствіями не можетъ колебать достоинство всей страны. Это можетъ сдѣлать лишь власть болѣе обширная,—въ данномъ случаѣ министерство юстиціи...

Новое открытіе въ области судебныхъ доказательствъ. И его значеніе легко пояснить примѣромъ. Представьте,—въ какой-либо газетѣ напечатано ходячее сужденіе: „произволъ и лихоимство позорятъ и губятъ Россію“. При желаніи прокуратуры непременно найдутся „свидѣтели“, готовые на судѣ удостовѣрить, что, по ихъ мнѣнію, это относится къ правительственнымъ лицамъ и учрежденіямъ. Показанія свидѣтелей могутъ быть подкрѣплены въ приговорѣ. Во-первыхъ, редакторъ газеты имя рекъ, напечатавшій означенное сужденіе, долженъ знать, что среди лицъ, состоящихъ на правительственной службѣ, случаются беззаконники и лихоимцы. Во-вторыхъ, сужденіе явно направлено противъ высшаго начальства, такъ какъ мѣстные и мелкіе чины своими дѣйствіями не могутъ опозорить и погубить Россію, на это способна лишь власть болѣе обширная...

Великолѣпное открытіе,—хотя и равносильное полному разрыву дипломатическихъ сношеній съ логикой. Но резолюція адвокатовъ такова, что даже при этомъ способѣ судебныхъ доказательствъ она не превращается въ криминаль. Въ ней говорится о такихъ дѣйствіяхъ, которые могутъ быть юридически безразличны. Тутъ нѣтъ обвиненій, основательность которыхъ можно опровергать или доказывать. Адвокаты высказываютъ лишь свой взглядъ на государственное и общественное значеніе извѣстнаго событія. Даже еслибы мнѣнія, изложенныя въ резолюціи, были прямо адресованы правительству или министру юстиціи, они сами по себѣ все-таки оставались бы легальнымъ актомъ политической борьбы, не дающимъ основанія для судебной репрессіи. Было время, когда политическая борьба вообще не допускалась, населеніе считалось обязаннымъ признавать министровъ непогрѣшимыми и не имѣло права высказывать объ ихъ дѣйствіяхъ неодобрительныя сужденія. Съ возникновеніемъ выборнаго законодательнаго учрежденія, сужденія о дѣйствіяхъ правительства стали не только общественнымъ правомъ, но и общественною обязанностью, безъ соблюденія которой представительное участіе въ дѣлахъ законодательства не можетъ быть сознательнымъ и вообще не имѣетъ смысла. Въ рѣзкомъ противорѣчій съ этимъ правомъ и съ этой обязанностью стоитъ преслѣдованіе многихъ и особенно такъ называемыхъ „разрушительныхъ“ сужденій—анархическихъ, социалистическихъ, республиканскихъ и т. д. Но весьма прискорбное противорѣчіе все-таки не равносильно отрицанію публичныхъ правъ и обязанностей. Они не отрицаются, а лишь подвергаются политически неосновательному и, съ государственной точки зрѣнія, вредному ограниченію. Въ связи съ резолюціей адвокатовъ возникъ другой вопросъ,—насколько было удобно высказывать протестующія сужденія отъ имени представляющаго всю корпорацію общаго собранія? Не было ли правильнѣе говорить отъ лица только тѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ, которые присутствовали

на данномъ собраніи? Но, какъ бы ни рѣшать этотъ вопросъ, имъ отнюдь не поражается право высказывать политическія сужденія. Пусть достаточны вышеописанныя доказательства, что протестъ направленъ противъ „высшихъ чиновъ министерства юстиціи“, пусть онъ прямо адресованъ министру,—отсюда вовсе не слѣдуетъ, что протестующихъ можно въ порядкѣ судебного приговора отправить въ тюрьму,—отправить только за то, что они протестовали. Требовалось не только упростить судебныя доказательства; надо было еще и „найти статью“.

Разумѣется, статью нашли. Нашли ее въ Уложеніи о наказаніяхъ, именно въ „раздѣлѣ четвертомъ“, трактующемъ „о преступленіяхъ и проступкахъ противъ порядка управленія“. Значится она тамъ подъ № 279 и гласитъ слѣдующее:

Кто будетъ изобличенъ въ составленіи, подкидываніи, выставленіи въ публичныхъ мѣстахъ или же инымъ какимъ бы то ни было образомъ, но завѣдомо съ умысломъ распространеніи ругательныхъ писемъ или другихъ сочиненій и бумагъ или изображеній, оскорбительныхъ для высшихъ въ государствѣ мѣстъ и лицъ, тотъ приговаривается

или къ лишенію нѣкоторыхъ правъ и тюрьмѣ до двухъ лѣтъ, или „только къ тюремному заключенію“ отъ 4 до 8 мѣсяцевъ. Говорятъ: статья временъ Бирона, съ момента введенія судебныхъ уставовъ Александра II и по сіе время была почти мертвымъ памятникомъ сѣдой древности. Но отчасти именно поэтому найденная юридическая норма и по существу, и по терминологіи далека отъ нашего времени и отъ обстоятельствъ данного дѣла. Виновные въ протестѣ противъ судебного обвиненія охраняемой законами іудейской религіи въ каннибальствѣ не писали ни писемъ, ни сочиненій, ни бумагъ, не рисовали изображеній; они даже ничего не „составляли“, а совершили особый актъ публично-правовой жизни, называемый принятіемъ резолюціи. Это—не письмо, не сочиненіе, а вотумъ организованнаго собранія. Словомъ, мало было найти эту статью; требовалось еще замѣнить одно понятіе, почти неизвѣстное политическому быту временъ Бирона (резолюція), другимъ понятіемъ, чуждымъ политическому быту нашего времени („письма“, называвшіяся подметными). Далѣе, найденная статья предусматриваетъ ругательства и оскорбленія. Въ резолюціи содержатся всего лишь неодобрительныя сужденія. Требовалось замѣнить и эти понятія. Наконецъ, статья караетъ тѣхъ, „кто будетъ изобличенъ“... И это опять-таки соотвѣтствуетъ политическому быту отдаленныхъ временъ. Тогда были подметныя письма; потому именно и подметныя, что ихъ разбрасывали тайно и подметчика надо было именно изобличать, найти улики, не смотря на записрательство. Адвокаты дѣйствовали открыто. А тѣ 25 лицъ, которые привлечены къ суду, отнюдь не запирались; ихъ не требовалось изобличать; они сами изложили слѣдствію и суду содѣянное ими. Требовалась такимъ образомъ и еще одна логическая операція, чтобы сдѣлать возмож-

нымъ примѣненіе найденной статьи: надо было открытъ поступокъ считать тайнымъ, полное раскрытіе самымъ обвиняемымъ фактическихъ обстоятельствъ дѣла равносильнымъ изобличенію.

Требовалось совершить эти операціи...

Вѣдь къ подсудимымъ—говорить „Кіевлянинъ“ (12. VI) — предъявлено было обвиненіе въ оскорбленіи министра юстиціи, а такое обвиненіе безъ увѣренности въ утвержденіи его приговоромъ предъявить было невозможно.

Увѣренность была такъ велика, что товарищъ министра юстиціи высказалъ ее задолго до рассмотрѣнія дѣла судомъ въ рѣчи, обращенной къ Государственной Думѣ. „Обвиненіе утверждено приговоромъ“. И вмѣстѣ съ тѣмъ достигнуть результатъ, имѣющій чрезвычайно важное общее значеніе.

До сихъ поръ многіе протесты и оппозиціонныя политическія сужденія, порою очень непріятныя правительству, оставались безнаказанными, такъ какъ „не соотвѣтствуютъ признакамъ“ даже 129 статьи. Теперь они могутъ быть направлены тѣмъ же путемъ, по какому проведено дѣло о резолюціи адвокатовъ, подведены подъ реставрированную, при помощи замѣны однихъ понятій другими, карательную норму времени Вирона. Правда, путь проторенъ пока лишь первой инстанціей. Впереди еще двѣ стадіи. Въ конечномъ итогѣ о неожиданномъ примѣненіи 279 статьи долженъ будетъ дать отзывъ и сенатъ. Но вѣдь не къ одной только первой инстанціи относится захѣтаніе „Кіевлянина“: „такое обвиненіе, безъ увѣренности въ утвержденіи его приговоромъ, предъявить невозможно“.

Во всякомъ случаѣ, совершенное первой инстанціей способно не только черезчуръ ограничить, но и по просту упразднить право политическихъ сужденій, а тѣмъ самымъ не только подрѣзать корни представительнаго участія въ законодательной власти, но и превратить всякую непріятную или нежелательную начальству оцѣнку текущихъ явленій и событій государственной жизни въ „подметное письмо“,—такая оцѣнка внутри Россіи стаплетъ возможной лишь въ подпольныхъ прокламаціяхъ и въ изданіяхъ, завѣдомо обреченныхъ на конфискацію и судебное преслѣдованіе и т. д. Широкое примѣненіе новоизобрѣтеннаго оружія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ударитъ больнѣе и глубже, чѣмъ, напр., „разгонъ Думы“, замѣна ея законодательныхъ правъ законосовѣщательными. Въ сущности тотъ же переворотъ, но тихій, въ порядкѣ судебной практики.

Пока предполагалось привлечь адвокатовъ, виновныхъ въ протестѣ, за „служебный подлогъ“, за „бездѣйствіе власти“, дѣло о резолюціи велось не только шумно, но и крикливо: запечатали помѣщеніе совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, произвели цѣлый рядъ практически ненужныхъ обысковъ, предполагалось привлечь около ста человекъ и т. д. Но, когда началась основательная реставрація

279 статьи, дѣло пошло тихо и неторопливо. Изъ намѣченного состава обвиняемыхъ

освобождены были отъ суда всѣ тѣ привлеченные, кто сослался на свое *alibi*, и даже тѣ, кто отказался давать объясненія, но не заявилъ при этомъ, что голосовалъ за принятіе резолюціи („Рѣчь“, 3. VI).

По объясненіямъ подсудимыхъ, уже во время судебного слѣдствія, чтобъ удержаться въ числѣ обвиняемыхъ, требовалась нѣкоторая настойчивость, надо было положительно подтвердить: да, голосовалъ за резолюцію, да, сочувствую ей. Предоставлялась обширная возможность избѣжать преданія суду. Тѣмъ не менѣе вышелъ громкій процессъ. Громкій даже по количеству подсудимыхъ—25 присяжныхъ повѣренныхъ, занимающихъ довольно видное общественное положеніе. Кромѣ того, на скамьѣ подсудимыхъ оказались представленными всѣ общественныя теченія, какія вмѣщаются въ предѣлахъ между лѣвымъ народничествомъ и марксизмомъ, съ одной стороны, и октябристами включительно—съ другой. И уже поэтому вниманіе всѣхъ партійныхъ группъ и всѣхъ направленій, начиная отъ крайнихъ лѣвыхъ и кончая октябристами, было приковано къ процессу.

Наконецъ, люди разныхъ лагерей сошлись не въ качествѣ лишь сосѣдей по скамьѣ подсудимыхъ, а потомъ, вѣроятно, и по тюрьмѣ. У нихъ общее дѣло—они защищаютъ право высказывать политическія сужденія. Въ этомъ смыслѣ дѣло 25 адвокатовъ явилось выраженіемъ политическаго конфликта между министерствомъ юстиціи, съ одной стороны, и широкими кругами общества—съ другой. Чрезвычайно широкими. Достаточно сказать, что сочувствіе подсудимымъ высказалъ даже націоналистическій „Кіевлянинъ“. И начиная отъ „Кіевлянина“, моральная поддержка выражена всею прессою, не исключая, разумѣется, и крайнихъ лѣвыхъ рабочихъ газетъ. Со всѣми общественными кругами и теченіями, которыя вмѣщаются въ этихъ предѣлахъ, министерство юстиціи столкнулось не только вслѣдствіе политическаго разномыслія. Подсудимыхъ сближало и единство болѣе глубокихъ побужденій. Всѣ двадцать пять, не скрывая партійныхъ различій, мотивировали на судѣ свое поведеніе, хотя и разными словами, но по существу одинаково: голосовали за резолюцію потому, что считали долгомъ совѣсти протестовать противъ постановки дѣла Бейлиса, а не воспользовались возможностью избѣжать суда потому, что сѣсть на скамью подсудимыхъ, разъ ужъ требуется возмездіе, считали вопросомъ чести... Не даромъ референты газетъ отмѣчали „бодрящее впечатлѣніе“. Демонстрированіе подсудимыми высшихъ человѣческихъ свойствъ вовсе не рѣдкость на русскихъ политическихъ процессахъ. Но, сколько помнится, еще не было случая, чтобъ о совѣсти и чести единодушно свидѣтельствовали предъ страной люди столь разнообразнаго образа мыслей, свидѣтельствовали съ такого убѣдитель-

наго мѣста, какъ скамья подсудимыхъ въ гласномъ политическомъ процессѣ, и такимъ убѣдительнымъ способомъ, какъ готовность во имя совѣсти и чести подвергнуться лишенію правъ и заключенію въ тюрьмѣ. Обычно подобныя свидѣтельства противопоставляются физической силѣ, формально мотивирующей свои дѣйствія ссылками на юридическія нормы. На сей разъ въ распоряженіи физической силы были не столько нормы, сколько изобрѣтательное ихъ примѣненіе и толкованіе. Получился такимъ образомъ конфликтъ не только политическій и правовой, но и этический. Въ дальнѣйшихъ стадіяхъ онъ можетъ быть нѣсколько суженъ. Стоять лишь оправдать, напр., г. Бобрищева-Пушкина, и для октябристовъ интересъ къ процессу станетъ не столь близкимъ и кровнымъ. Но пока всѣ 25 адвокатовъ приговорены къ тюрьмѣ. Распрею непосредственно задѣты всѣ теченія, представленныя на скамьѣ подсудимыхъ. И они не безмолвствуютъ. Они совершаютъ „восхваленіе преступниковъ“, какъ опредѣлил г. Замысловскій: сочувствіе и моральная поддержка осужденнымъ выражаются самыми разнообразными общественными кругами и крайне разнообразными способами: забастовками протеста противъ приговора, банкетами, адресами, многочисленными письменными и телеграфными привѣтствіями... На судебную репрессию, выдвинутую противъ самаго права высказывать непріятныя начальству политическія сужденія, общество отвѣтило градомъ новыхъ политическихъ сужденій. По естественнымъ законамъ борьбы, со стороны начальства можно ожидать отвѣта на отвѣтъ. Въ порядкѣ официальномъ такая реплика услышана прежде всего цѣлымъ рядомъ газетъ, подвергнутыхъ административному или судебному преслѣдованію за отзывы о дѣлѣ 25-и. А офиціозно въ синодальномъ „Колоколѣ“ сообщено, что предполагается привлечь къ отвѣтственности еще трехъ членовъ Государственной Думы, которые въ своихъ думскихъ рѣчахъ высказывали неодобрительныя сужденія по поводу процесса адвокатовъ. О подобныхъ предначертаніяхъ пока могутъ быть только офиціозныя свѣдѣнія: если у г. Щегловитова и возникла такая мысль, — она должна пройти черезъ свѣтъ министровъ, а потомъ еще получить высшую санкцію. Но сама по себѣ мысль резонная. Нечего, въ самомъ дѣлѣ, дробиться на мелочи. Всѣхъ протестующихъ не привлечешь. А въ смыслѣ устрашенія наибольшій эффектъ дають удары въ центръ. Возможны однако и мелочи: водворить порядокъ, напр., среди тѣхъ адвокатовъ многихъ городовъ, которые выразили сочувствіе осужденнымъ, министерству юстиціи довольно сподручно.

На очереди стоятъ, кромѣ того, нѣкоторыя побочныя, хотя и существенно важныя операціи. Обвинительный приговоръ петербургскаго окружного суда, помимо своей прямой цѣли, служить „новымъ доказательствомъ“, что въ общемъ собраніи корпораціи тысячныхъ повѣренныхъ не только могутъ совершаться, но и

дѣйствительно совершаются преступленія. Зло необходимо пресѣчь,—для каковой надобности, по газетнымъ свѣдѣніямъ, разрабатывается проектъ, подчиняющій корпоративную жизнь и дѣятельность присяжной адвокатуры непосредственному надзору чиновъ министерства юстиціи. Въ газетахъ уже появились протестующія статьи по поводу этой, впрочемъ, давно ожидаемой „реформы“. Указывается, что независимость адвокатуры одинъ изъ важнѣйшихъ устоевъ въ судебныхъ уставахъ 1864 г. Вѣрно. Но вѣдь именно поэтому устой и остался недостроеннымъ. Именно поэтому систематически, исподволь ломаютъ и ту часть его, которую въ первые годы дѣйствія уставовъ удалось построить. И по этой же причинѣ есть тяготѣніе разрушить остатки.. Приговоръ по дѣлу 25—такой прекрасный предлогъ для завершительнаго удара, что не воспользоваться имъ значило бы—съ извѣстной точки зрѣнія—обнаружить „бездѣйствіе власти“.

Словомъ, дѣломъ адвокатовъ конфликтъ врядъ-ли ограничится. Продолженіе, навѣрное, слѣдуетъ.

II.

Процессъ 25-и нѣсколько сблизилъ разнородные общественные элементы и оживилъ объединительные разговоры. Среди группъ, между которыми единеніе считается возможнымъ, наиболѣе сомнительную репутацію имѣетъ правое крыло. Сомнительна его стойкость. Сомнительны и его подлинныя цѣли. Быть можетъ, отчасти по этой причинѣ имѣла нѣкоторый успѣхъ попытка А. В. Бобрищева-Пушкина высказать свой, октябристскій, взглядъ на возможности объединенія. „Опять мы очутились въ 1904 г.“—говорилъ онъ на петербургскомъ банкетѣ, устроенномъ въ знакъ сочувствія осужденнымъ адвокатамъ.

Я вижу снова вмѣстѣ кадетовъ, октябристовъ, социаль-демократовъ. Правительству удалось снова объединить все русское общество и вернуть настроеніе 1904 г. Умѣренные присоединяются къ вашей борьбѣ послѣдними. Блаженны, однако, пришедшіе въ одиннадцатый часъ,—и они признаны достойными полной мзды. Всѣмъ безъ различія я протягиваю руку. Когда корабль накренился, всѣмъ пассажирамъ нужно быть заодно. Нельзя отвергнуть умѣренныхъ, такъ какъ наступилъ одиннадцатый часъ. Скоро пробьетъ полночь послѣдняго мрачнаго дня. (Цит. по „Кіевской Мысли“).

Умѣренные присоединяются послѣдними и не совсемъ для борьбы. Десять лѣтъ назадъ они въ рѣшительную минуту стали противъ освободительнаго движенія. И если движеніе не достигло желательныхъ результатовъ, то вслѣдствіе отпора именно со стороны умѣренныхъ. Теперь они получили урокъ отъ бюрократіи,—поняли и не забудутъ. И по отношенію ко вновь нарождающему освободительному движенію сохранять дружественный нейтралитетъ,—мѣшать не станутъ, а кое въ чемъ, быть можетъ, и

помогутъ... Конечно, все это г. Бобрищевъ-Пушкинъ говорилъ лично отъ себя, и при томъ на банкетѣ, гдѣ не всяко лько въ строку, и, наконецъ, вскорѣ послѣ суда, подѣ свѣжимъ и сложнымъ впечатлѣніемъ, въ которомъ должна быть и горечь обвинительнаго приговора, и просвѣтляющее воодушевленіе идейной борьбы. И если рѣчь имѣла успѣхъ, то не обѣщаніемъ нейтралитета. Удачно или не удачно,—но она оформила умѣренный взглядъ на ту реальность, которую кадетская пресса называетъ „изоляціей власти“. Въ точномъ смыслѣ „изоляции“ нѣтъ. И нѣтъ того настроенія, о которомъ съ увѣренностью можно бы сказать: какъ въ 1904 г. Все это—метафоры. Но въ жизни возникло что-то, соответствующее имъ, и это обнаружила рѣчь г. Бобрищева-Пушкина независимо отъ высказанныхъ въ ней частныхъ и спорныхъ мыслей. Онъ—октябристъ, онъ—противникъ, и не скрываетъ этого: даже подчеркиваетъ. Но посмотрите,—надѣется въ сущности на то же, на что и лѣвый лагерь. И уже одно это—признакъ нѣкотораго, хотя и туманнаго, единства.

Не только рѣчь г. Бобрищева-Пушкина подтверждаетъ... По завершеніи „боевыхъ бюджетныхъ дней“ и передъ окончаніемъ думской сессіи газеты произвели традиціонный опросъ „нашихъ болѣе или менѣе выдающихся парламентаріевъ“. И оказалось,—подавляющее большинство опрошенныхъ, начиная слѣва и довольно далеко направо, говоритъ словно „единными усты“ и въ томъ смыслѣ, что настала одиннадцатая часть... Къ сожалѣнію, одиннадцатый, ибо впереди еще болѣе глухое и темное время — полночь. И къ радости, что уже одиннадцатый, ибо за близкой полночью неминуемъ разсвѣтъ. По мнѣнію, напр., А. И. Шингарева, въ ближайшемъ будущемъ—до наступленія разсвѣта—предстоитъ дальнѣйшее сгущеніе тьмы.

Никакихъ надеждъ—говорилъ онъ сотруднику „Рѣчи“—на то, что власть пойметъ свои ошибки, я не питаю. Она не пойметъ ихъ просто потому, что она не хочетъ ихъ понять. Предстоитъ дальнѣйшее расхожденіе между Государственной Думой и правительствомъ, неизбежно и обостреніе борьбы.

В. А. Маклаковъ держится того же взгляда; въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ „Голоса Москвы“ онъ высказалъ, между прочимъ, такое соображеніе:

„Если меня спросятъ, чего я желаю Государственной Думѣ, я отвѣтилъ бы: погибнуть съ честью. Погибнуть все равно придется, ибо реакціонныя силы слишкомъ слѣпы и самоувѣренны, чтобъ понять, чего будетъ стоить ихъ побѣда. При этихъ условіяхъ я и желаю Думѣ погибнуть, а не влечать безплодное существованіе..

У прогрессиста А. И. Коновалова, бывшаго товарища председателя Думы, „нѣтъ надежды“ на измѣненіе правительственной политики къ лучшему; „конфликтъ будетъ расти и углубляться“...

Лѣвый октябристъ бар. А. Ф. Мейендорфъ „не вѣрить въ ослабленіе реакціоннаго курса“:

У меня—говорилъ онъ сотруднику „Рѣчи“—такое впечатлѣніе, что думскія предостереженія никакого впечатлѣнія на правительство не производятъ, ибо всѣ тѣ, которые дѣйствуютъ наперекоръ этимъ предостереженіямъ, считаются въ высшихъ кругахъ героями момента...

Близкій по убѣжденіямъ къ бар. Мейендорфу С. И. Шидловскій „не говоритъ, что совершенно потерялъ надежду“ на измѣненіе правительственной политики къ лучшему,—

ибо это значило бы сказать, что я потерялъ надежду и на мирное нормальное развитіе всей государственной жизни. Но все, чему свидѣтелями мы являемся, даетъ пищу только скептицизму.

Къ самой „возможности перемѣны политическаго курса“ г. Шидловскій относится „очень скептически“. А между тѣмъ при этомъ курсъ „никакая органическая работа (въ Думѣ) невозможна“.

Та декларативная работа, которою вынуждена была заниматься въ послѣднее время Государственная Дума, служить опредѣленнымъ и яснымъ показателемъ глубокаго расхожденія съ широкими общественными кругами. Политика правительства вызываетъ рѣшительное осужденіе даже въ консервативно настроенныхъ слояхъ общества. Надо быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, что при такомъ состояніи государственной машины..., законодательное творчество абсолютно немислимо. Для декларативной работы, для демонстраціи мы негодны. Результатъ получается очень печальный.

„Пессимистически смотритъ“ и октябристъ-земецъ гр. Д. П. Капнистъ. Онъ „мало вѣрить въ созданіе тѣхъ условій, которыя способны открыть разумный и нормальный выходъ“. По мнѣнію гр. Капниста, „этотъ выходъ заключается въ образованіи кабинета изъ людей, объединенныхъ искреннимъ желаніемъ осуществить необходимыя реформы въ духѣ манифеста 17 октября“. Но,

къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя позволили бы надѣяться на осуществленіе въ скоромъ времени этой скромной мечты умѣренныхъ и спокойныхъ элементовъ страны. Возможны къ осени, конечно, частичныя перемѣны. Можетъ произойти замѣна однихъ лицъ другими. Но не слѣдуетъ заблуждаться: это дѣла не мѣняетъ. Что пользы въ томъ, что вмѣсто X будетъ Y, если останется неприкосновенной общая политическая система и общій политическій курсъ? Необходимъ опредѣленный политическій поворотъ...

А именно на поворотъ-то и нѣтъ надежды... Такъ говорятъ нынѣ даже правые октябристы. Этотъ языкъ и эти мысли оказываются свойственными людямъ еще болѣе правыхъ группъ и теченій общественной мысли. Вліятельнѣйшій органъ націоналистовъ—„Кіевлянинъ“ констатируетъ народженіе „правой оппозиціи“ и выдвигаетъ вопросъ о необходимости намѣтить для нея самостоятельную тактику. Рѣчь идетъ не о той „правой оппозиціи“, которая въ первый годъ жизни IV Думы старалась „свалить Коковцова“. Возникла

ная „правая оппозиція“, объявляющая себя принципиальной (а не личной), конституционной (а не черносотенной). По разъясненіямъ „Кіевлянина“ (20. V), эта новая оппозиція, сочувствуя „консервативной государственности“, „не закрываетъ глаза“ на то, „что у исторической государственной власти не мало грѣховъ и органическихъ пороковъ“. Свою „жизненную задачу“ правая оппозиція полагаетъ въ томъ, чтобы

исправлять и искоренять эти грѣхи и недостатки, въ первую очередь окаменѣвшій бюрократизмъ, nepотизмъ, сословность и недостаточно живой (въ политикѣ правительства) русскій народный духъ.

Это вообще. Въ частности же „правая оппозиція“ относится отрицательно къ „борьбѣ старой власти“ противъ народнаго представительства. Правда,

исторически эта борьба неизбежна, но исторически же безнадежна. Твердое убѣжденіе правой оппозиціи въ безнадежности этой борьбы для старыхъ теченій должно создавать моральную ея силу, за которой побѣда безусловно обезпечена“.

„Правая оппозиція“ можетъ и должна „относиться къ попыткамъ старыхъ теченій свести на нѣтъ народное представительство, какъ къ конвульсіямъ умирающаго прошлаго“. Въ этомъ она сходится съ оппозиціей умѣренной и лѣвой. Но для лѣвой оппозиціи это прошлое ненавистно, она не прочь добить умирающаго въ порядкѣ „революціонномъ“; правая же оппозиція, хотя и вынуждена вести борьбу противъ конвульсій, но умирающее прошлое для нея „не чуждо, не враждебно, а, можетъ быть, скорѣе близко, даже дорого“, и ей возможенъ лишь путь „эволюціонный“.

Ну, конечно,—правая оппозиція существенно отлична отъ умѣренной, а умѣренная отъ лѣвой. Но самая эта терминологія—правая оппозиція, умѣренная оппозиція, лѣвая оппозиція—продуктъ послѣднихъ мѣсяцевъ только что истекшаго законодательнаго сезона. Произошла дифференціація, положившая грани между этими тремя группами и въ то же время опредѣлившая степень ихъ программной близости. Всѣ онѣ противъ реакціи. И въ этомъ смыслѣ называются оппозиціей. Всѣ онѣ за правовой егрой,—и въ этомъ смыслѣ конституціоналисты. Казалось бы, ясно: создалось единство при условіи отчетливо сознаваемого различія.

Картина нѣсколько осложняется, лишь только рѣчь заходитъ о будущемъ, такъ сказать, второй очереди,—объ утрѣ того дня, который долженъ наступить послѣ мрака ожидаемой полночи. Впрочемъ, на первый взглядъ и объ утрѣ всѣ три оппозиціи говорятъ словно „едиными устамъ“. На это утро всѣ надѣются. Всѣ вѣрятъ въ грядущій разсвѣтъ. Разсуждая объ ожидаемомъ новомъ днѣ, даже „Кіевлянинъ“, обычно холодный и желчный, говоритъ восторженнымъ языкомъ:

Мы вѣримъ, что по пути политическаго развитія мы пойдемъ быстрыми шагами, на удивленіе всему міру. Мы вѣримъ, что всѣ тѣ, кто въ настоящее время старается исподтишка вытащить перышко изъ убора Государственной Думы, поймутъ, что это занятіе бесплодное... На козрь-самолетѣ чисто русскаго издѣлія мы перемахнемъ вѣка (т. е. догонимъ далеко опередившую насъ Европу,—А. И.)... Все это будетъ и въ скоромъ времени.

Ожидаемый новый день будетъ днемъ торжества для друзей правового строя. Какое-то рѣшающее слово скажетъ и должна сказать страна, выходъ изъ тупика будетъ найденъ живыми силами народа, общества. Среди правой оппозиціи есть разногласія относительно той роли, какую способна выполнить при этомъ историческая власть. „Кіевлянинъ“, напр., полагаетъ, что ошибочный курсъ будетъ оставленъ, власть станетъ на правильную дорогу, намѣчаемую обществомъ. Другіе, какъ мы видѣли, на это почти не надѣются. Третьи вовсе не надѣются. А четвертые склонны даже обвинять страну въ томъ, что государственныи корабль сидитъ на мели и своими силами не способенъ сняться. По мнѣнію, напр., гр. Д. П. Капниста,

большая отвѣтственность за создавшееся положеніе лежитъ и на обществѣ,... на обывателяхъ. Государственная Дума могла бы дѣйствовать гораздо рѣшительнѣе, еслибы была увѣрена въ поддержкѣ мѣстныхъ людей, а у насъ въ провинціи, къ сожалѣнію, господствовала до самаго послѣдняго времени самая непростительная инертность... Необходимо, чтобы и общество... проявило болѣе активности въ отстаиваніи своихъ правъ. Впрочемъ, въ послѣднее время зашевелился, повидимому, и обыватель.

Словомъ, и правая оппозиція какъ будто начинаетъ уповать на страну, отчасти даже склонна возложить на нее чрезмѣрное бремя. Но если внимательнѣе прислушаться къ разговорамъ о странѣ, обществѣ, „обывателяхъ“, о той роли, какую могли бы и могутъ, должны бы и должны сыграть они, то не трудно замѣтить, что разные люди одними и тѣми же словами говорятъ о существенно различныхъ величинахъ. Часть кадетъ, напр., въ своихъ сужденіяхъ о странѣ довольно опредѣленно выражаетъ упованіе на демократію. Прогрессистъ А. И. Коноваловъ довольствуется общей формулой,—онъ считаетъ, что „разрѣшеніе тяжелаго конфликта“ будетъ дано „самимъ обществомъ“ „самой страной“,—

отъ степени организованности общественныхъ силъ страны, отъ роста общественнаго самосознанія и зависитъ скорѣйшее оздоровленіе и преобразование Россіи.

Другой прогрессистъ, Н. Н. Львовъ, конкретизируетъ и суживаетъ эту общую формулу. По его мнѣнію,

велика въ настоящую минуту задача среднихъ классовъ общества. Они должны выйти изъ своего пассивнаго и выжидательнаго состоянія. Дума безсильна безъ общества. Общество безсильно безъ Думы. Не надо возлагать надеждъ на случайности, на неожиданности. Если эти классы изъ своей пассивности не выйдутъ, не поймутъ своихъ интересовъ и не

объединятся для общей защиты своихъ правъ, они легко сдѣлаются пѣш-ками въ чужой игрѣ.

Далѣе вправо бар. А. Ф. Мейендорффъ уже прямо со страхомъ ждетъ момента,

когда спокойные и умѣренные элементы общества усилями правительства будутъ оттолкнуты на задній планъ и на политическую авансцену выступятъ широкія массы. Ни въ политическомъ, ни въ культурномъ отношеніи мнѣ это не представляется заманчивымъ... Вотъ почему я съ особеннымъ прискорбіемъ констатирую, что политика правительства толкаетъ страну на путь опасныхъ крайностей.

Тѣ же опасенія высказываетъ и октябристъ Н. Н. Опочининъ:

широкія массы не разбираются обыкновенно въ томъ, кто правъ и кто виноватъ... Можетъ наступить такое время, когда пострадаютъ и самые принципы, на которыхъ зиждется государственное устройство.

Еще правѣе—напр., среди націоналистовъ „Кіевлянина“—опасенія высказываются откровеннѣе или, по крайней мѣрѣ, определеннѣе. Задача, по соображеніямъ газеты г. Шульгина, поддается существенному упрощенію. Если всѣ оппозиціи объединятся, то правительству не устоять.

Намъ скажутъ — писать „Кіевлянинъ“, (20.V) — и пусть оно валится, устъ уходитъ! Пусть уступаетъ мѣсто другому правительству! Но какому?

Двѣ возможности предвидитъ кіевская охранительная газета. Одно дѣло, — „если правая оппозиція представляетъ или отражаетъ дѣйствительное политическое большинство“ страны. Въ такомъ случаѣ новое правительство, имѣющее придти на смѣну нынѣшнему, „оказалось бы заодно съ политическимъ большинствомъ“, стало бы правительствомъ „правой оппозиціи“, и это было бы „нормальное явленіе“.

Но если — спрашиваетъ „Кіевлянинъ“ — правая оппозиція не представляетъ и даже не отражаетъ политическаго большинства? Если эта правая оппозиція только часть того общественнаго слоя, на которомъ до сихъ поръ держалась историческая консервативная государственная власть?..

Не окажется ли тогда правая оппозиція и въ самомъ дѣлѣ всего только пѣшкой въ чужой игрѣ? Именно для того, чтобы чаша сія миновала, и необходимо тщательно взвѣсить тактическіе пути правой оппозиціи. Именно потому и необходимо единеніе умѣренныхъ и консервативныхъ круговъ общества для активной борьбы противъ нынѣшняго политическаго курса, — ибо онъ открываетъ дорогу крайнимъ демократическимъ теченіямъ, ведетъ къ опаснѣйшему — съ консервативной точки зрѣнія — народному возбужденію... Собрать общественныя силы для давленія на власть, чтобы побудить ее къ уступкамъ, способнымъ предотвратить роковой напоръ народной, демократической стихіи, — такова вкратцѣ задача правой оппозиціи, таково существо ея упованій на „страну“.

Сознаваемые различія такимъ образомъ очень велики. Такъ велики, что, пожалуй, для сходства немного остается. Но все-таки есть и сходство. И не въ однихъ словахъ и отзывахъ идеологовъ и лидеров оно улавливается. Не только въ центрахъ чувствуется и сказывается. Есть вѣдь характерные факты мѣстной, провинціальной жизни. Выше я привелъ слова гр. Капниста: „въ послѣднее время зашевелился, повидимому, обыватель“. Едва-ли гр. Капнистъ разумѣлъ при этомъ тѣхъ обывателей, которые называются трудовымъ и, въ частности, рабочимъ народомъ... Они давненько уже шевелятся. Гр. Капнистъ не совсѣмъ правъ даже относительно близкаго ему обывателя изъ охранительныхъ слоевъ и круговъ. Вѣдь и охранительный обыватель сталъ шевелиться не только въ послѣднее время. Наша крупная буржуазія, напр., во всякомъ случаѣ не на дняхъ вступила на путь оформленныхъ протестовъ противъ нынѣшняго реакціоннаго курса и во имя пачалъ манифеста 17 октября. Обыватели дворянскаго званія считаются наиболѣе консервативнымъ и по преимуществу реакціоннымъ слоемъ русскаго населенія. Но и они начали оппозиционно шевелиться не со вчерашняго дня. Напомню хотя бы, какую роль сыграли нѣсколько лѣтъ назадъ саратовскіе дворяне—въ томъ числѣ занимающіе видное мѣсто среди объединеннаго дворянства—въ разоблаченіи мѣстной уѣздной полиціи. Какими мотивами руководились саратовскіе дворяне,—судить мудрено. Но объективно ихъ „оппозиція“ въ данномъ случаѣ имѣла государственный характеръ, хотя и была направлена противъ отдѣльныхъ фактовъ, противъ частныхъ проявленій системы. За послѣднее время можно, пожалуй, замѣтить нѣкоторые характерныя измѣненія дворянской оппозиціи, объективно имѣющей государственный характеръ. Она какъ бы обобщается, переходитъ отъ фактовъ къ явленіямъ; отъ частныхъ проявленій системы дворянская протестующая мысль какъ бы приближается къ сужденіямъ о самой системѣ.

Какъ на характерный въ этомъ смыслѣ примѣръ, можно указать на майское „выступленіе“ дворянъ Черниговской губерніи. Здѣсь сначала на одномъ изъ уѣздныхъ совѣщаній дворянства обсуждалось особое „заявленіе о ненормальностяхъ жизни“. Существо этого заявленія „Кіевскою Мыслью“ (6. VI) излагается такъ:

Не смотря на неоднократные указы и манифесты о соблюденіи законности въ странѣ, не смотря на то, что эти указы грозили строгими карами всѣмъ лицамъ, не блюдушимъ законъ, эти указы и манифесты, къ сожалѣнію, не соблюдаются. Въ результатъ произволъ господствуетъ въ странѣ.

Это — вообще. Въ частности же, по словамъ „заявленія“, указанныя „ненормальности жизни“ подрываютъ помѣстную — общественную и государственную — дѣятельность перваго сословія. Она сосредоточивается главнымъ образомъ въ земствахъ.

А между тѣмъ земская дѣятельность систематически тормозится администраціей. Наши избранники осозъ всякихъ къ тому оснований не утверждаются въ должностяхъ, что тягостно отражается на судьбахъ какъ отдельныхъ лицъ, какъ и цѣлыхъ общественныхъ организацій.

Въ виду этого заявленіе „предлагаетъ уѣздному дворянству обратиться къ губернскому предводителю дворянства съ просьбою довести обо всемъ вышесказанномъ до свѣдѣнія верховной власти“... На уѣздномъ совѣщаніи это предложеніе было принято громаднымъ большинствомъ: 20 голосами противъ 4. Это уѣздное постановленіе, прежде чѣмъ официально дойти до губернскаго предводителя, перешло на апробацію депутатскаго дворянскаго собранія. Последнее рѣшило внести на губернское дворянское собраніе слѣдующее предложеніе „о необходимости добиться устраненія ненормальныхъ условій жизни въ губерніи“:

Собраніе предводителей и депутатовъ дворянства, признавая, что общественное служеніе на мѣстахъ является основной задачей дворянства, какъ старшаго, первенствующаго сословія, и что обязанностью дворянства и его предводителей должно быть въ данномъ случаѣ принятіе всѣхъ мѣръ къ водворенію нормальнаго строя въ нашей губерніи, предлагаетъ выразить увѣренность, что нашъ губернский предводитель дворянства, пользуясь всѣми предоставленными ему закономъ правами, изыщетъ всѣ необходимыя средства къ тому, чтобы жизнь вошла въ нормальное русло.

Какъ извѣстно, въ числѣ правъ, предоставленныхъ закономъ губернскому предводителю дворянства, есть и право непосредственнаго обращенія къ верховной власти. Приведенное предложеніе было внесено въ публичномъ засѣданіи губернскаго дворянскаго собранія 30 мая и принято здѣсь значительнымъ большинствомъ. Въ газетныхъ рефератахъ подчеркивалось, что за принятіе высказался и вліятельнѣйшій изъ черниговскихъ „магнатовъ“ гр. Мушинъ-Пушкинъ, по убѣжденіямъ близкій къ правымъ октябристамъ... Дворянство Черниговской губерніи, безъ сомнѣнія, помнить, что вышло 10 лѣтъ назадъ, когда черниговскій же предводитель дворянства, нынѣ покойный, воспользовался въ цѣляхъ государственн. правомъ непосредственнаго обращенія, — правда, не отъ имени „перваго сословія“, а въ качествѣ предсѣдателя губернскаго земскаго собранія. Воспользуется ли нынѣшній черниговскій предводитель дворянства А. К. Рачинскій этимъ ответственн. а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и опасн. правомъ, — предугадывать не будемъ. Пока приходится отмѣтить лишь нѣкоторую эволюцію въ дворянскомъ противодѣйствіи „ненормальностямъ жизни“.

Характерна и другая черта. Въ народныхъ массахъ послѣ 9 января 1905 г. не замѣтно мысли о непосредственномъ обращеніи. Тутъ если и собираются сказать рѣшительное слово, то не въ порядкѣ петицій. Въ слояхъ, по самой природѣ своей охранительныхъ, наоборотъ, за послѣднее время, немало говорятъ о непосредственномъ обращеніи. Объ этомъ говорилось, между прочимъ, на

последнемъ майскомъ съѣздѣ представителей торговли и промышленности. Перейти отъ разговоровъ къ рѣшеніямъ участникамъ съѣзда не удалось. Но, сколько извѣстно, мысль непосредственно обратиться отнюдь не оставлена торгово-промышленными кругами. Мы видимъ ту же мысль и въ дворянскихъ кругахъ. По свѣдѣніямъ „Русскаго Слова“ (8. VI), среди черниговскихъ дворянъ есть сторонники „активной“ тактики: они предлагали во время майскаго дворянскаго собранія прямо „избрать депутацію съ особыми полномочіями“ для непосредственнаго и личнаго обращенія и только настойчивость „благоразумной“ части сословія склонила большинство къ компромиссному рѣшенію—депутациі не посылать, а поддержать губернскаго предводителя дворянства напоминаніемъ о *всѣхъ* его правахъ.

Къ этимъ знаменіямъ времени нужны серьезныя оговорки. „Ненормальностямъ жизни“ черниговскіе дворяне рѣшаютъ объявить войну. И одновременно выносятъ другое рѣшеніе: оставаться въ рядахъ объединеннаго дворянства, признавая, впрочемъ, дѣятельность этой организаціи не заслуживающей полнаго одобренія. Сверхъ того, черниговскіе дворяне озабочены пріисканіемъ мѣръ и средствъ, способныхъ предотвратить дальѣйшій моральный и экономическій упадокъ первенствующаго сословія... Тутъ слишкомъ мало общаго съ протестующими движеніями, духовно близкими умѣренной и тѣмъ паче лѣвой оппозиціи. Сознаемыя различія страшно глубоки, во многихъ отношеніяхъ трагически непримиримы. И тѣмъ не менѣе передъ нами фактъ: противъ реакціи встаютъ митинги пролетаріевъ, съѣзды и комитеты буржуазіи, сословныя собранія дворянства. Конечно, пути столь разнородныхъ группъ если и могутъ совпасть, то лишь на мгновеніе, лишь на воробьиный шагъ, лишь въ случаяхъ особой крайности. И все-таки мы видимъ какъ будто совпаденіе путей.

III.

Таковъ одинъ изъ важныхъ выводовъ политическаго сезона. Онъ былъ бы существенно важенъ, еслибы одновременно не складывались выводы иного характера... „Всѣ“ недовольны, „всѣ“ протестуютъ. Но еслибы эти „всѣ“ объединились и выступили въ походъ, то неизвѣстно, гдѣ бы они нашли общаго врага, именуемаго реакціей.

Бар. А. Ф. Мейендорфъ въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ „Рѣчи“ счелъ нужнымъ оговорить и подчеркнуть, что источникъ недуга, вызывающаго недовольство и протесты, нельзя видѣть въ официальном правительствѣ.

Я не вѣрю—говорилъ онъ—въ ослабленіе реакціоннаго курса, хотъ въ реакціонныхъ убѣжденіяхъ нашихъ министровъ

никто не убѣжденъ... Если наступили бы другія времена, эти самые министры оказались бы способными вести совершенно противоположную политику.

И не только съ нынѣшними министрами происходитъ такой анекдотъ. Вѣдь есть же свѣдѣнія, что нѣкоторые и при томъ боевые запросы III Думы о незаконномѣрныхъ дѣйствіяхъ правительства виселись по закулисной инициативѣ председателя совѣта министровъ Столыпина. Въ частности, были въ печати указанія, что напумѣвшее нѣкогда выступленіе—въ той же III Думѣ—А. И. Гучкова противъ Распутина произошло съ вѣдома Столыпина; говорилось даже, что именно покойный Столыпинъ снабдилъ думскихъ разоблачителей знаменитаго „старца“ нѣкоторыми фактическими данными. Гр. Коковцовъ во времена Столыпина считался оппозиционнымъ министромъ,—по крайней мѣрѣ, относительно націоналистическихъ эксцессовъ реакціоннаго курса; а въ качествѣ председателя совѣта министровъ тоже слылъ „лѣвой оппозиціей въ своемъ кабинетѣ“ и порою даже при выступленіяхъ въ Государственномъ Совѣтѣ оказывался довольно одинокой оппозиціей. Нынѣ однимъ изъ самыхъ реакціонныхъ министровъ считается г. Маклаковъ. Между прочимъ, отчасти противъ него направлень протестъ черниговскихъ дворянъ; именно г. Маклаковъ въ бытность мѣстнымъ губернаторомъ довелъ административное давленіе на земство до крайностей, возбудившихъ среди дворянъ сильное недовольство; при г. Маклаковѣ, какъ губернаторѣ, продѣланы и знаменитые черниговскіе выборы въ IV Думу. Но вотъ газетныя свѣдѣнія о недавней поѣздкѣ того же г. Маклакова по Дунаю. Правительство, видите ли, рѣшило наконецъ не медлить съ земской и городской реформой въ Измаильскомъ уѣздѣ. Вопросъ объ этомъ поднять около 30 лѣтъ назадъ, но нынѣ остается безъ движенія. Да и теперь сдвинуть его не просто,—Государственный Совѣтъ систематически хоронитъ законопроекты объ окраинныхъ земствахъ. И министръ ѣдетъ на мѣсто предполагаемой реформы для личнаго обследованія. Конечно, обследованіе могло быть только поверхностное, съ птичьего полета. Но и съ птичьего полета многое можно замѣтить.

Какъ передаютъ лица, сопровождавшія министра, г. Маклаковъ съ большимъ интересомъ обозрѣвалъ съ парохода румынскіе города и селенія, восхищаясь ихъ благоустройствомъ... Любой румынскій городокъ по берегу Дуная располагаетъ благоустроеннымъ портомъ, удобными шоссе и желѣзнодорожными путями... А на противоположномъ русскіи берегу мерзость запустѣнія.

Министръ, видимо, не скрывалъ своихъ впечатлѣній. Въ частности, даже подчеркнул печальное состояніе нашего дунайскаго канала: на него ухлопаны большія суммы, на его содержаніе ежегодно расходуется 300.000 р., а между тѣмъ онъ занесенъ пломъ,

пескомъ, негоденъ для плаванія, тогда какъ рядомъ международный сулинскій каналъ вполне соответствуетъ своему назначенію; по нашему каналу министерскій пароходъ не могъ проплыть, а по сулинскому проплылъ (заплативъ за пользованіе чужимъ каналомъ 700 франковъ)... Словомъ, оказалось, что „русскіе порядки“ первѣйшими сановниками такъ же критикуются и осуждаются, какъ и простыми смертными... По прибытіи въ Измаилъ министръ пригласилъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ чиновниковъ и общественныхъ дѣятелей на совѣщаніе о реформахъ подъ его личнымъ предсѣдательствомъ. И тутъ—опять-таки по газетнымъ свѣдѣніямъ—было объявлено, что правительство рѣшило неукоснительно превратить „мерзость запустѣнія“ на русскомъ берегу въ благоустроенное состояніе, для каковой надобности предполагается: 1) ввести выборное земство; 2) всѣмъ болѣе крупнымъ городамъ по Дунаю даровать полное городское положеніе; 3) въ городахъ менѣе крупныхъ ввести городское положеніе упрощенное; 4) произвести судебную реформу и притомъ такъ, чтобы въ судахъ, по крайней мѣрѣ, низшей инстанціи, по причинѣ крайней національной пестроты мѣстнаго населенія, допускались мѣстные языки; 5) оставить у земскихъ начальниковъ только административную власть, отобравъ у нихъ судебныя функціи. Наконецъ,—ужь если реформа, такъ реформа—правительство „безповоротно рѣшило“ на русскій берегъ рѣки Дуная въ цѣляхъ благоустройства „вести дворянское сословіе“... Какъ предполагается вводить означенное сословіе, въ точности неизвѣстно. Мѣстныхъ людей, повидимому, беспокоитъ другой вопросъ: земская реформа давнымъ давно обѣщана, между прочимъ, и Сибири, однако Государственный Совѣтъ... Какъ бы отвѣчая на эти сомнѣнія,

министръ Н. А. Маклаковъ далъ понять, что правительство, спѣша съ осуществленіемъ реформы, готово, въ случаѣ препятствій, провести ее въ порядкѣ 87 статьи основныхъ законовъ („Одесскія Новости“, 4. VI).

Во всемъ этомъ люди изъ лѣвой оппозиціи усмотрятъ, пожалуй, смѣсь серьезныхъ вопросовъ съ бессознательнымъ пародированіемъ сатиръ Щедрина. Но если сопоставить дунайскія рѣчи министра съ программными положеніями, напр., „Кіевлянина“, то крайне затруднительно объяснить, чѣмъ собственно отличается г. Маклаковъ отъ г. Шульгина. Столь же мудрено уловить программное различіе между однимъ изъ крупнѣйшихъ помѣщиковъ Черниговской губерніи полунаціоналистомъ-полуоктябристомъ гр. Мусинымъ-Пушкинымъ и бывшимъ черниговскимъ губернаторомъ, а нынѣ министромъ. Однако г. Маклаковъ считается важнѣйшимъ изъ дѣятелей реакціоннаго курса, а г. Шульгинъ и гр. Мусинъ-Пушкинъ—правая оппозиція, протестующая противъ этого курса во имя земскаго принципа и защиты правового строя.

А. И. Гучковъ выдвигалъ нѣкогда гипотезу о шептуняхъ: ми-

нистры многое вынуждены дѣлать наперекоръ своимъ взглядамъ и еще больше вынуждены допускать, такъ какъ они безсильны противъ шептуновъ, противъ безотвѣтственныхъ вліяній, орудующихъ у самаго центра власти. Роль шептуновъ и безотвѣтственныхъ вліяній отрицать не приходится. Но вотъ уже втеченіе почти 6 мѣсяцевъ со дня отставки гр. Коковцова мы находимся въ періодѣ особо активныхъ и отчасти гласныхъ предубаженій высшей власти по вопросамъ внутренней политики. За это время было нѣсколько рескриптовъ. Въ газетахъ сообщались краткія свѣдѣнія объ особо торжественныхъ засѣданіяхъ совѣта министровъ. Поскольку предубаженія оглашались или были допущены къ оглашенію, они немногословны, составлены въ самыхъ общихъ выраженіяхъ и относительно нихъ логически возможны различные комментаріи. И все-таки предубаженнымъ фиксируются нѣкоторые важные принципы правового строя: 1) правительство должно быть объединеннымъ и солидарнымъ, 2) законныя права законодательныхъ собраній должны быть уважаемы. Въ рѣзкомъ несоотвѣтствіи съ этими принципами стоитъ поведеніе большинства Государственнаго Совѣта, состоящаго главнымъ образомъ изъ назначенныхъ членовъ. Это большинство усвоило себѣ политику почти не замаскированного третированія вотумовъ Думы и систематическаго отверженія законопроектовъ, нежелательныхъ съ узко-сословной и грубо-реакціонной, крѣпостнической точки зрѣнія. Газетами втеченіе послѣднихъ мѣсяцевъ довольно упорно отмѣчались слухи, что въ высшихъ сферахъ такой тенденціей совѣтскаго большинства недовольны. Послѣ пасхальныхъ вакацій въ газетахъ появились другіе слухи,—недовольство Государственнымъ Совѣтомъ начинаетъ принимать опредѣленныя формы: предсѣдатель Совѣта Акимовъ дважды собирався представить докладъ и оба раза попытка была будто бы отклонена; указывалось далѣе, что въ высшихъ кругахъ особенно недовольны отклоненіемъ законопроекта о городской реформѣ въ Царствѣ Польскомъ, относительно которой даны особыя обѣщанія. Объ этихъ слухахъ, достовѣрность которыхъ неизвѣстна, можно бы и не вспоминать, еслибы за ними не послѣдовали новыя указанія. Въ одинъ и тотъ же день—11 іюля опубликованы: 1) рескриптъ на имя Горемыкина, предлагающій „немедленно, до окончанія сессіи“, внести въ Государственную Думу на вторичное законодательное разсмотрѣніе „проектъ реформы городского управленія въ Привислинскомъ краѣ“, отклоненный Государственнымъ Совѣтомъ 2) высочайшая телеграмма также на имя Горемыкина, поручающая „передать Государственной Думѣ изъясненіе искренняго удовольствія по поводу принятія Думою патріотическаго постановленія объ отпускѣ средствъ на усовершенствованіе обороны государства.“—Второй изъ этихъ актовъ не укладывается въ конституціонную догму, по которой отношенія между законодательными собраніями и верховной властью не могутъ быть осложняемы

официальными выражениями удовольствия или неудовольствия, поощрениями или наказаниями. Но мы живем не в органической, а в учредительный период русской истории. Вместо определенного политического строя, у нас неустойчивое равновесие противоречивых начал, затянувшаяся на годы борьба между сторонниками конституции и защитниками сословного господства, возглавляемого абсолютизмом. Хронический конфликт между Думой и Советом является одним из отражений этих черт эпохи. При таких условиях вопрос: на стороне Думы или на стороне Совета высшая власть, имеет самостоятельное политическое значение, — независимо от юридической нормы и догмы. С этой точки зрения, для кучки реакционеров, превративших Государственный Совет в законодательную пробку, оба акта имели достаточно внушительный смысл; внушительно было и одновременное их опубликование... Вслед за тем появились дополнительные „симптомы“: перед самым концом сессии президиум Совета, в виду болезненного состояния г. Акимова, особым указом подвергнуть обновлению, правые утратили своего единомышленника в президиуме и сам лидер их, г. Дурново, опять „неожиданно уехал в отпуск“...

От этих симптомов и показаний левая и умеренная оппозиция стоят в стороне. Между прочим, кадеты, трудовики и социаль-демократы голосовали против тех ассигнований, за принятие которых Дума официально выражено через посредство председателя совета министров высочайшее удовольствие. Самое поручение И. Л. Горемыкину подтверждает, сколь действительность далека от желательных левым начал парламентаризма. И вообще с каком-либо удовлетворении левых взглядов, конечно, не может быть и речи. Иное дело средние классы общества, ставшие правой оппозицией. Собственно, почему они оппозиция, а не правительственная партия? Ведь все известные руководящие указания, которые последовали в течение последних месяцев, если не прямо совпадают с ее взглядами, то во всяком случае гораздо ближе к правой оппозиции, чем к реакционным лозунгам гг. Стишинских и Дурново.

Ближе к ней, если не прямо совпадают... А между тем именно со времени отставки г. Коковцова умеренно-охранительному обществу понадобилось обострить и оформить свою оппозиционность. Именно за последние месяцы законные права Государственной Думы подверглись особо тесной блокаде, — в частности, „разъяснено“ право предъявлять запросы совету министров и оформлено „дело Чхендзе“. Именно за последние месяцы на торговлю и промышленность обрушены апрельские „правила“ об акционерных компаниях. Именно за последние месяцы рядом с министерством народного просвещения возникли „филареты“ и подогриваемое ими стремление к идеалам Магницкого доведено

до умопомраченія, — запрещенъ даже арифметическій задачникъ Верещагина (на 28-омъ изданіи). Именно въ послѣдніе мѣсяцы по министерству юстиціи окончательно двинуто дѣло 25 адвокатовъ, реставрирована статья о подметныхъ письмахъ, заготовляются правила, способныя окончательно упразднить корпоративную независимость присяжной адвокатуры. Именно за послѣдніе мѣсяцы кн. Мещерскій вознесся на чрезвычайную высоту и сталъ государственнымъ оракуломъ, Распутинъ завелъ собственную квартиру въ Петербургѣ и открылъ официальные приемы просителей, возрождено „общество активной борьбы съ революціей“, бывшее упраздненнымъ послѣ разоблаченій по дѣлу объ убійствѣ Герценштейна...

Можно сослаться на „прецеденты“. Въ исторіи такіе парадоксы не рѣдки. Подобное мы уже видѣли въ 1904 и первой половинѣ 1905 г. Тогда, какъ и теперь, отъ высшей власти также исходили одно за другимъ руководящія указанія (важнѣйшія изъ нихъ не исполнены и понынѣ), отъ министровъ слѣдовали либеральныя обѣщанія, покойный А. С. Суворинъ провозглашалъ весну, „всѣ говорили: такъ дальше жить нельзя“, а тѣмъ временемъ упрощалась военная юстиція для гражданскихъ надобностей, въ отвѣтъ на лойяльнѣйшія заявленія о необходимыхъ реформахъ нерѣдко сыпались ожесточеннѣйшія репрессіи (достаточно вспомнить 9 января), развертывалась азефовщина, изъ какихъ-то преисподнихъ выскакивали у вершинъ вліянія полузабытые нынѣ Папюсы, усиленно плодились черносотенныя организаціи, которыя, по ироніи судебъ, проявили особенную активность тотчасъ же по опубликованіи манифеста 17 октября... Это было. Но вѣдь было потому, что за всѣмъ этимъ стояли извѣстныя социальныя силы. Соціальными силами держится и нынѣ происходящее. И жизнь даетъ довольно опредѣленныя указанія, изъ какихъ элементовъ онѣ состоятъ.

IV.

Политическій „курсъ“, породившій три оппозиціи, ознаменовалъ себя подъ конецъ только что истекшаго законодательнаго сезона новымъ проявленіемъ. Оно скрѣплено вотумомъ Думы. „Рѣчь“ назвала этотъ вотумъ самымъ печальнымъ событіемъ въ исторіи всѣхъ четырехъ Думъ,—т. е., повидимому, болѣе печальнымъ, чѣмъ даже землеустроительные законы, коими подкрѣпленъ и дополненъ указъ 9 ноября. Событіе, такъ характеризуемое к.-д. газетою, — отпускъ чрезвычайныхъ военныхъ кредитовъ.

Характерныя особенности современнаго милитаризма общезвѣстны. Нынѣшніе военные доспѣхи таковы, что они способны задавить страну, которая въ нихъ облачается. Съ другой стороны, военные круги многихъ странъ подвержены обычной слабости профессіоналовъ — увлекаться своею спеціальностью: склонны чуть не все муж

ское населеніе рабочаго возраста держать подъ ружьемъ, заводить неисчислимое количество сверхпушекъ и десятки сверхдреднотовъ, тратить огромныя средства на всевозможные опыты, упражненія, маневры, подготовки... А такъ какъ къ тому же склонны и правительства (по крайней мѣрѣ, на европейскомъ континентѣ), то надъ многими изъ нынѣшнихъ государствъ виситъ опасность перевооружиться до самоубійства. Теоретически мыслима такая возможность: чтобы содержать огромную армію въ мирное время и оборудовать ее, государственная власть истощаетъ всѣ платежныя средства населенія, истощаетъ его финансовыя и экономическіе ресурсы, залѣзаетъ въ неоплатные долги, и затѣмъ, когда наступятъ военныя обстоятельства, на лицо можетъ не оказаться самаго необходимаго для войны—денегъ. Можно такъ основательно готовиться къ войнѣ, что въ результатѣ окажется утраченной физическая способность воевать. Въ моменты, когда жажда вооруженій повышается, охватываетъ Европу, подобно пароксизму злокачественной маляріи, для отдѣльныхъ странъ особенно близка опасность задушить себя черезчуръ тяжкими воинскими доспѣхами. Именно такой злокачественный пароксизмъ наблюдается въ данное время. Но, говоря вообще, для западной Европы опасность нѣсколько смягчена. На практикѣ по ту сторону Вержболова военныя круги и правительства, какъ бы ни увлекались они, не могутъ пойти дальше, чѣмъ позволять представители народа, заседающіе въ парламентахъ. А представители народа, въ качествѣ штатскихъ людей, все-таки учитываютъ платежныя силы населенія, его экономическіе и финансовыя ресурсы, его культурныя потребности, также требующія средствъ, наконецъ, просто его желанія. Если парламентъ почему-либо учитываетъ плохо, то существуютъ правовыя условія, благодаря которымъ можетъ высказать свои соображенія народъ. Нельзя сказать, что это—полная гарантія. Милитаризмъ и за нашимъ западнымъ рубежомъ протянулъ ножки не по одежкѣ. Но все-таки есть заслоны.

Нечего доказывать, что Россія въ смыслѣ гарантій существенно отлична отъ странъ установившейся и прочной парламентской культуры. Но, конечно, нынѣшній обостренный пароксизмъ вооруженій перекинулся, какъ зараза, и къ намъ. Мало того,—у насъ онъ осложнился попытками реставрировать былой блескъ во внѣшней политикѣ, перейти къ активности, отыскать новыя группировки, поднять старый вопросъ о проливахъ, открывающихъ выходъ изъ Чернаго моря. Для соответственныхъ великой державѣ блеска и активности во внѣшней политикѣ нужна, помимо талантовъ, внутренняя сила. Но вопросъ о талантахъ и внутренней силѣ трудно поддается рѣшенію. Гораздо легче обзавестись тѣми внѣшними проявленіями, которыя способны выражать силу, хотя могутъ прикрыть и внутреннее безсиліе. И у насъ началось... Дѣловымъ образомъ опредѣлять, что именно началось,—затрудни-

тельно. Извѣстно лишь, что приступлено къ осуществленію морскихъ и сухопутныхъ „программъ“. Но даже заголовки нѣкоторыхъ важнѣйшихъ законопроектовъ, связанныхъ съ этими „программами“, объявлены секретомъ. Въ секретѣ держатся самыя цифры ассигнованій. Секретничаніемъ вызываются большія нареканія. Даже „Новое Время“ выражало неудовольствіе, доказывая, что за границей эти секреты извѣстны, не освѣдомляется только русское общество. Кое-какіе обрывки свѣдѣній доходятъ все-таки и до русскаго общества, хотя порою довольно кружнымъ путемъ. Такъ, напр., по случаю недавняго министерскаго кризиса во Франціи, связаннаго отчасти съ вопросомъ о срокѣ военной службы, была напечатана въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ замѣтка подъ весьма задорнымъ заголовкомъ: „Россія готова, должна быть готова и Франція“. Замѣтка произвела шумъ и за границей, и въ Россіи. И тамъ, и здѣсь ее сразу же объявили инспирированной правительствомъ. Говорится въ ней, между прочимъ, слѣдующее:

Тѣ реформы, которыя произведены военнымъ вѣдомствомъ, превосходятъ все, что когда-либо и гдѣ-либо дѣлалось въ этомъ направленіи. Нашъ ежегодный контингентъ новобранцевъ, согласно послѣднему высочайшему указу, доведенъ съ 450.000 до 580.000 человѣкъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ увеличеніе арміи на 130.000 человѣкъ. вмѣстѣ съ тѣмъ срокъ службы увеличенъ на полгода, благодаря чему у насъ втеченіе каждой зимы будетъ подъ ружьемъ 4 контингента новобранцевъ. При помощи простого ариметическаго разсчета можно получить цифровыя данныя о нашей арміи, подобныхъ которымъ не имѣло ни одно государство: $580.000 \times 4 = 2.320.000$. Такія цифры не нуждаются ни въ какихъ комментаріяхъ. Роскошь эту можетъ себѣ позволить только великая могучая Россія.

„Простой ариметическій подсчетъ“ легко продолжить: къ 4 контингентамъ новобранцевъ, составляющимъ 2.320.000 человѣкъ, надо прибавить безсрочно-служащихъ да командный составъ, да казачьи части... Въ итогѣ сложатся такія цифры дѣйствительно служащихъ въ *мирное* время и оторванныхъ отъ производительнаго труда, что поневолѣ вспомнишь о такихъ сооруженіяхъ, какъ непобѣдимая армада или вавилонская башня до небесъ. А замѣтка въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“, признаваемая официозной, говоритъ о нихъ столь легкомысленнымъ тономъ и развязнымъ языкомъ, словно само военное вѣдомство считаетъ произведенную реформу „роскошью“, цѣль которой побить рекорды, поразить воображеніе. „Простой ариметическій подсчетъ“ можно и еще продолжить. 2½ миллиона людей ежегодно оторваны отъ производительнаго труда. Большинство ихъ, сверхъ того, семьи вынуждены посылать пособие, — въ добавокъ къ казенному довольству и обмундированію (сколько расходовъ у солдатскихъ семей связано съ одними только интендантскими сапогами). А затѣмъ населеніе повинно оплатить полностью и казенные расходы на довольство и обмундировку. Во что же все это обойдется? Далѣе, — къ небыва-

тому числу солдатъ требуется и небывалое количество вооруженій. Помимо увеличенія контингента и срока службы, имѣются „программы“, для осуществленія которыхъ нужны чрезвычайныя ассигновки. Точныя цифры, повторяю, объявлены секретомъ. А о приблизительныхъ говорилъ еще гр. Коковцовъ въ бытность председателемъ совѣта министровъ; онъ предупреждалъ, что намѣченное къ осуществленію въ первую очередь потребуетъ не только значительныхъ ассигновокъ изъ текущихъ бюджетныхъ средствъ, но и всей свободной наличности. Нынѣ докладъ финансовой коммисіи Государственнаго Совѣта по росписи текущаго года нѣсколько дополняетъ эти предупрежденія. По соображенію коммисіи, „единовременныя издержки“ на оборону дѣйствительно грозятъ поглотить всю свободную наличность, а затѣмъ предвидится „громадное возростаніе текущихъ издержекъ“, — столь громадное, что едва ли можно обойтись „лишь съ помощью естественнаго роста бюджета“, и „намъ несомнѣнно придется прибѣгнуть, какъ къ изысканію новыхъ источниковъ дохода, такъ и къ займамъ“; слѣдуетъ при этомъ занимать формально не на военныя издержки, а на культурныя потребности, — на постройку желѣзныхъ дорогъ... Съ какого именно времени намъ предстоитъ покрывать военныя „текущія издержки“ за счетъ „естественныхъ доходовъ“, а культурныя потребности поставить въ зависимость отъ займовъ, заключать которые не всегда удастся, — неизвѣстно. Но любопытны мотивы, выдвинутыя въ Государственной Думѣ при обсужденіи вопроса объ улучшеніи матеріальнаго положенія народныхъ учителей. Предлагалось и рѣшено Думою увеличить ихъ вознагражденіе въ такомъ размѣрѣ, чтобы они получали не меньше городскихъ. Необходимость и неотложность положительнаго рѣшенія вполне ясны. Но одна изъ думскихъ коммисій высказалась за немедленную прибавку, другая считала нужнымъ повременить. И во время дебатовъ по этому случаю въ открытомъ засѣданіи Думы былъ предъявленъ, между прочимъ, и такой аргументъ: надо торопиться, такъ какъ съ 1916 года начнутся дефицитные бюджеты, и тогда добиться прибавокъ по народному образованію будетъ нелегко... То есть, сколько можно понять, „единовременныя“ и „текущія издержки“ на некультурныя потребности уже въ 1916 г. поглотятъ запасной фондъ, собранный при помощи прежнихъ займовъ, поглотятъ и все возможное изъ обыкновеннаго доходнаго бюджета. И это случится, когда въ распоряженіи военнаго начальства будетъ только два контингента по 580.000 человѣкъ. А ихъ должно быть четыре. И доканчивать нигдѣ небывалую и нигдѣ, кромѣ „великой и могучей Россіи“, невозможную „реформу“ придется въ условіяхъ „дефицитнаго бюджета“. Это даже въ томъ случаѣ, если не очень обманетъ господинъ урожай, если не произойдетъ какихъ-либо иныхъ экономическихъ потрясеній, если въ ростъ доходовъ не произойдетъ заминки. Участъ даже неотложнѣйшихъ культурныхъ потребно

стей, выходить, предрѣшена. Ихъ и впрямь, пожалуй, придется, поставить въ зависимость отъ чрезвычайныхъ или даже случайныхъ поступленій. Предрѣшенъ и темпъ дальнѣйшаго усиленія кредитной кабалы. А, сверхъ того, возникаетъ самъ собою и болѣе узкій вопросъ: что произойдетъ въ случаѣ международнаго столкновенія, напримѣръ, въ томъ же 1916 г.? За истощеніемъ запасныхъ и текущихъ финансовыхъ ресурсовъ,—откуда возьмутся деньги, безъ которыхъ, какова бы ни была армія, современная война физически невозможна? Соразмѣренны ли эти грандіозные планы съ экономическими и финансовыми возможностями страны? На какомъ учетѣ зиждется увѣренность, что предпринятая оборона не такъ чрезмѣрна, чтобы вести къ уtratѣ способности обороняться? Произведенъ ли этотъ учетъ? И кѣмъ произведенъ? Если военнымъ начальствомъ, то дѣло плохо: отъ военного человѣка штатскія возможности заслоняются профессиональными увлеченіями, да онъ и недостаточно подготовленъ для экономическихъ и финансовыхъ учетовъ. Правительства—не только у насъ—вообще склонны къ милитаристической роскоши. Значить, надо бы „уповать на Думу“...

Незачѣмъ сызнова возвращаться къ обсужденію, — можетъ ли Дума 3 іюня быть признаваемой народнымъ представительствомъ. Положеніе таково, что осуществляемые военныя реформы возбуждаютъ нѣкоторую тревогу и во владѣльческихъ слояхъ. Высказывается даже въ охранительной прессѣ общее опасеніе: не слишкомъ ли обширны замыслы? Высказывается опасеніе и, такъ сказать, техническое: справится ли правительство при его нынѣшнемъ разбродѣ и безлюдѣ съ тою грандіозною задачею, какую оно на себя беретъ? Само „Новое Время“ склонилось къ отрицательному отвѣту и привело свѣжій примѣръ: на постройку черноморскихъ судовъ средства даны щедро и тѣмъ не менѣе „нашъ перегнала даже Турція“,—перегнала въ скорости и превзошла въ качествѣ: купленные ею за границей суда быстроходнѣе и дальнобойнѣе тѣхъ броненосцевъ, которые строятся съ обычнымъ запозданіемъ нами. Высказывались—опять-таки даже въ охранительной прессѣ — и разныя другія болѣе спеціальныя сомнѣнія. А что же Дума? Въ точности и это неизвѣстно. Всѣ засѣданія Думы, посвященные милитаристической „реформѣ“, объявлены секретомъ. Страна кратко оповѣщается лишь, что на увеличеніе контингента согласіе дано, какіе-то кредиты по какой-то большой программѣ отпущены, много частныхъ законопроектовъ, требующихъ военныхъ ассигновокъ, принято. Извѣстно далѣе, что отъ перваго предварительнаго совѣщанія правительства и представителей думскихъ фракцій о военныхъ кредитахъ трудовики и социаль-демократы были отстранены. Кромѣ того, сообщалось, что кадеты, трудовики и социаль-демократы голосовали противъ, а прогрессисты и всѣ остальные, по словамъ „Новаго Времени“, *безпрекословно* отпустили, сколько тре-

бывало правительство. Извѣстны, наконецъ, мнѣнія отдѣльныхъ депутатовъ, занимающихъ видное положеніе въ тѣхъ фракціяхъ, которыя ассигновали требуемое правительствомъ „безпрекословно“. И, надо сказать, этими мнѣніями, до нѣкоторой степени объясняется сговорчивость. Такъ, напр., по словамъ „Русскихъ Вѣдомостей“,

товарищъ предсѣдателя Государственной Думы и предсѣдатель коммисіи о торговлѣ и промышленности А. Д. Протопоповъ отмѣчаетъ то значеніе, какое будетъ имѣть ассигнованіе кредитовъ для русской крупной промышленности... Послѣ 1905 г. наша металлургія пер. жила длительный кризисъ... Многія промышленныя предпріятія, особенно на югѣ, были созданы въ расчетъ на крупные казенные заказы. Вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ заказы эти не поступили, и промышленность пережила настолько тяжелый кризисъ, что даже къ самой промышленности было подорвано довѣріе.

Благодаря военнымъ ассигновкамъ, заказы уже двинулись. Съ отпускомъ новыхъ кредитовъ они двинутся по-настоящему. Объ одномъ жалѣтъ октябристы—землевладѣлецъ и промышленникъ—А. Д. Протопоповъ: „даже при напряженіи всѣхъ своихъ силъ“ „русская промышленность“ не справится съ предстоящими работами по государственной оборонѣ, „и весьма возможно, что, въ виду срочнаго характера казенныхъ заказовъ, часть ихъ придется передать за границу“... Газеты опросили еще нѣкоторыхъ депутатовъ. Оказалось, не только октябристы, но и кое-кто изъ прогресистовъ находится въ восторженномъ состояніи:

— Вотъ когда пойдутъ настоящіе заказы. Вотъ когда русская промышленность дождалась золотого дождя...

„Что же это такое?“—спрашиваетъ „День“. Конечно, не только у насъ

вокругъ милитаризма расцвѣтаютъ ажіотажъ и грюндерство. Но, кажется, только въ Россіи члены законодательныхъ учреждений въ интервью съ газетчиками такъ геприкрыто раздуваютъ ноздри отъ запаха жаренаго.

Но вѣдь это лишь слѣдствіе общихъ причинъ. Крупны и Виккерсы у себя дома вынуждены удовлетворять аппетитъ въ условіяхъ общаго избирательнаго права и свободной гражданственности. Поневолѣ надо прикрываться благовидными личинами. Подъ защитою избирательнаго закона 3 іюня и режима охранъ можно ходить и разговаривать по-домашнему. Характернѣе, быть можетъ, другое. Эти господа, расцѣпывающіе съ точки зрѣнія дивидендовъ, подрядовъ и поставокъ серьезный государственный вопросъ, связанный со многими опасеніями и опасностями, называются нынѣ правой, а иные даже прогрессивной оппозиціей. И не только называются. Вѣдь, они и въ самомъ дѣлѣ недовольны, протестуютъ, настаиваютъ на осуществленіи началъ манифеста 17 октября... Да, они требуютъ осуществленія манифеста,—хотя для того, чтобъ радующій ихъ золотой дождь пролился безпрекословно, нужно было безмолвіе печати, полная неосвѣдомленность страны, нуженъ ре-

жимъ охранѣ, нужно, словомъ, то, что называютъ реакціоннымъ „курсомъ“ которымъ „всѣ“ недовольны, противъ котораго „всѣ“ протестуютъ“.

У.

Одновременно съ отпускомъ кредитовъ, долженствующихъ золотымъ дождемъ оросить крупную промышленность (кстати — они оросятъ и землевладѣніе), правая оппозиція совмѣстно съ оппозиціей умѣренной вела „борьбу на почвѣ бюджета за права народа и народнаго представительства“. О характерѣ этой „борьбы“ мы уже приходилось писать. Общество отнеслось къ ней довольно холодно. Особую судьбу имѣло лишь бюджетное постановление Думы, подтвердившее незаконность бюрократическаго обычая самовольно передвигать кредиты мелкими суммами изъ одного параграфа въ другой на основаніи „правила 1868 года“, не опубликованнаго и формально упраздненнаго высочайшимъ указомъ о введеніи смѣтныхъ правилъ 8 марта 1906 г. Это постановленіе, неточно называемое „поправкой Годнева“, использовано въ Государственномъ Совѣтѣ сообразно тенденціи урѣзывать законодательныя права Думы. Такъ какъ окончательное рѣшеніе Совѣта въ этомъ духѣ состоялось послѣ нашихъ очередныхъ работъ по хроникѣ, то о судьбѣ „поправки Годнева“ намъ, вѣроятно придется говорить особо въ ближайшей слѣдующей книжкѣ журнала... Судьба исключительная. И разговоръ о ней нуженъ особый. Вообще же „борьба на почвѣ бюджета“, поскольку она велась соединенными силами правой и умѣренной оппозиціи, повторяю, не вызвала замѣтнаго участія со стороны общества.

По сообщеніямъ и отзывамъ нѣкоторыхъ, газетъ — напр., „Голоса Москвы“, — въ правительственныхъ и правящихъ сферахъ, наоборотъ, думская „борьба“ произвела сильное впечатлѣніе. О характерѣ впечатлѣнія именно на правящіе круги высказалось и „Новое Время“. Во время бюджетныхъ преній наблюдалась, видите ли, „чрезвычайная повышенная температура въ залахъ Таврическаго дворца“, большинство обнаруживало „непримиримость“. И, казалось, „происходить страстная борьба между Думой и правительствомъ“.

Временами въ эти дни IV Дума напоминала архи-радикальную I Думу и давала мысль, что между IV Думой и правительствомъ легла непроходимая пропасть, исключаящая возможность не только ихъ сотрудничества, но и совмѣстнаго существованія.

Такъ было однако лишь „временами“, а именно при разсмотрѣніи смѣтъ министерства внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и юстиціи.

Но вотъ—пишетъ далѣе „Новое Время“ (31.V)—пошли другія смѣты и Дума какъ будто стала другою. Уже при разсмотрѣніи смѣтъ министерства

торговли и промышленности обнаружилось со всею очевидностью, что у Думы нѣтъ принципиальной непримиримости съ правительствомъ... Г. Тимашеву, наряду съ дѣловой критикой дѣятельности его вѣдомства, заявлялись симпатіи, высказывалось доброжелательство. Еще съ большей яркостью такое же сочувственное и доброжелательное отношеніе Государственной Думы проявилось къ вѣдомству землеустройства и земледѣлія. Г. Кривошеину, не смотря на его отсутствіе въ Думѣ при разсмотрѣніи его смѣтъ, выпали почти оваціи, во всякомъ случаѣ, весьма лестные комплименты и ему лично, и руководимому имъ вѣдомству.

„Очевидно“,—дѣлаетъ отсюда выводы „Новое Время“—

между IV Думой и правительствомъ нѣтъ принципиальнаго антагонизма, нѣтъ общаго разлада, создающаго непримиримость, не лежитъ непроходимой пропасти, исключающей возможность совмѣстной работы.

Есть „разномыслія“; правда, они, „по всему судя, весьма глу боки“, но касаются „лишь политическаго курса отдѣльныхъ вѣдомствъ“, — точнѣе говоря, „различныхъ проявленій особыхъ вѣдомственныхъ политическихъ теченій“. Эти „проявленія“

въ сущности мелочи, рѣшительно не имѣющія никакой важности съ государственной точки зрѣнія, но задѣвавшія самолюбіе, отчасти даже достоинство Думы, какъ законодательнаго учрежденія, т. е. одного изъ высшихъ государственныхъ установленій.

Съ другой стороны, на такія „проявленія“ уже обращено вниманіе, на И. Л. Горемыкина возложена миссія прекратить ихъ. Миссія пока не выполнена, — пельзя же сразу. Но во всякомъ случаѣ бюджетныя пренія показали, что примиреніе съ Думою возможно, и при томъ на условіяхъ, „нѣсколько не тяжелыхъ для правительства“.

Для „умѣренной оппозиціи“, возлагавшей на бюджетную борьбу особыя надежды, это — жестокій выводъ. Но онъ соотвѣтствуетъ фактическимъ обстоятельствамъ. Словесные громы и молніи, рѣшительное осужденіе „правительственнаго курса“. Но вотъ очередь доходить, напр., до одного изъ яркихъ проявленій этого курса,—до законопроекта о ввозныхъ хлѣбныхъ пошлинахъ для Финляндіи. Декораціи моментально мѣняются. И на сторонѣ правительственной политики оказывается даже часть прогрессистовъ. Безъ долгихъ разговоровъ Дума отбрасываетъ юридическія возраженія (какъ совмѣстить законопроектъ, проводимый помимо сейма, съ существованіемъ финляндской конституціи).

— „Финляндія — заявилъ съ трибуны прогрессистъ Масленниковъ—провинція, завоеванная русской кровью, и превращать ее въ самостоятельное государство никто не смѣетъ“.

Съ такою же непоколебимостью Дума отбросила и возраженія противъ хлѣбныхъ пошлинъ по существу:

— „Пусть противники законопроекта—говорилъ тотъ же прогрессистъ Масленниковъ—идутъ съ своими рѣчами въ германскій рейхстагъ“... „Въ Финляндію ввозится 60 милліоновъ пудовъ“ одной

только муки,—для отечественныхъ мукомоловъ подспорье... Говорятъ, установленіе пошлыны приводитъ къ вздорожанію хлѣба. Пустяки. Если правительство будетъ покровительствовать мукомольной промышленности, то вздорожанія не произойдетъ. Вообще—законопроектъ великолѣпный, и г. Масленниковъ нѣсколько разъ выразилъ сожалѣніе, что правительство не предложило этой мѣры раньше.

Правда, все это г. Масленниковъ говорилъ не отъ имени фракціи. А при голосованіи лишь меньшая часть прогрессистовъ подала голоса за законопроектъ; большинство фракціи голосовало противъ. Но это уже фракціонныя разногласія,—для правительства не больно-то интересныя. Главное,—на сторонѣ одного изъ боевыхъ проявленій „курса“ подавляющее большинство Думы. И, значитъ, рѣзко мѣнять этотъ курсъ нѣтъ нужды.

Съ особенною рѣзкостью осуждена при обсужденіи бюджета политика министерства внутреннихъ дѣлъ. Но вотъ очередь дошла до законопроекта о дополнительной ассигновкѣ земскимъ начальникамъ (усиленіе средствъ на разъѣзды и канцелярскіе расходы). Съ законопроектомъ на сей разъ связаны исключительныя обстоятельства: министерство предполагаетъ ознаменовать празднествами 25-лѣтній юбилей института земскихъ начальниковъ и въ печати это намѣреніе истолковывается, какъ попытка произвести демонстрацію въ противовѣсъ безчисленнымъ и непрерывнымъ нареканіямъ общества. И такимъ образомъ отношеніе Думы къ законопроекту о дополнительной ассигновкѣ „юбиліару“ получало особый смыслъ. Какъ же отнеслась Дума? При обсужденіи законопроекта выступилъ съ краткой рѣчью товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ г. Плеве:

Правительство—заявилъ онъ между прочимъ—находитъ, что нѣкоторые переканія на институтъ земскихъ начальниковъ могутъ служить къ чести этого института.

На сторонѣ правительства оказалось подавляющее большинство,—въ томъ числѣ почти всѣ октябристы. Ораторы большинства выступили съ заявленіями, что институтъ земскихъ начальниковъ—очень полезное учрежденіе, много сдѣлавшее для подавленія революціи. Пользу подтвердили и нѣкоторые изъ правыхъ крестьянъ. Законопроектъ, такимъ образомъ не только принятъ, но и сопровождается выраженіемъ „юбиліару“ принципиальнаго сочувствія. Вѣроятно, именно это послѣднее обстоятельство вызвало въ провинціальной прессѣ (напр., въ „Одесскихъ Новостяхъ“) разныя недоумѣнные вопросы:

— О какомъ правовомъ строѣ говоритъ правая оппозиція, если она принципиально поддерживаетъ реставрированные покойнымъ гр. Д. А. Толстымъ пережитки крѣпостного права? Если одобряется такое учрежденіе, какъ институтъ земскихъ начальниковъ, то

зачѣмъ было осуждать политику министерства внутреннихъ дѣлъ и какой смыслъ можетъ имѣть это осужденіе? Приняли, хотя и съ проволочками, законопроектъ объ иммунитетѣ парламентскаго слова, говорили при этомъ разныя хорошія слова о депутатской независимости и морально поддерживали земскихъ начальниковъ, отъ усмотрѣнія которыхъ зависитъ семья депутата-крестьянина, его родственники, его хозяйство и самъ онъ, лишь только кончатся его полномочія. Вѣдь это же секретъ полишинеля,—что, пока существуютъ исключительныя правомочія земскихъ начальниковъ, для депутатовъ-крестьянъ слово: „неприкосновенность“, звучитъ въ особенности саркастически. Члены Думы не могутъ не знать объ этомъ. Нѣкоторые депутаты крестьяне съ трибуны откровенно объясняли свое зависимое положеніе. А разъ это извѣстно, какъ надо понимать, разсужденія объ иммунитетѣ? Для депутатовъ благороднаго званія свобода, а депутаты изъ мужиковъ пусть помалкиваютъ, памятуя о земскомъ начальникѣ,—такъ, что ли, разсуждаютъ „конституціоналисты охранительнаго лагеря“?..

Но это отзывы лѣвыхъ... Для „Новаго Времени“, какъ и для правительства, картина гораздо отраднѣе: если „общество“, въ лицѣ своихъ представителей, засѣдающихъ въ Таврическомъ дворцѣ, пріемлетъ и даже одобряетъ институтъ земскихъ начальниковъ, то рѣзкое осужденіе политики министерства внутреннихъ дѣлъ не должно быть понимаемо въ смыслѣ непримиримости. Примиреніе, очевидно, возможно, и при томъ на условіяхъ, нисколько не тяжелыхъ для правительства. А послѣ „безпрекословнаго“ отпуска военныхъ кредитовъ даже странно говорить о примиреніи. Не видно серьезныхъ поводовъ для войны. Есть, конечно, частныя разногласія, есть мелкія недоразумѣнія, есть дворянско-губернаторскія *qui pro quo* (когда ихъ не было?). Но вѣдь это же именно мелочи, а не *casus belli*.

О чемъ собственно можетъ быть споръ? Промышленность воспособляется правительствомъ и дѣятельность соотвѣтственнаго вѣдомства одобрена Думой. „Прерогативы“ первенствующаго сословія правительство охраняетъ и укрѣпляетъ, — и соотвѣтственная дѣятельность извѣстнаго вѣдомства въ Думѣ удостоена „почти овацій“, какъ выразилось „Новое Время“. Что же касается режима охранъ, то безъ него нельзя ни проливать золотые дожди, ни поддерживать сословныя „прерогативы“. Не понимать этого — значитъ по просту обнаруживать недомысліе...

Итакъ,—гдѣ же силы, поддерживающія реакціонный курсъ, которымъ „всѣ“ недовольны и противъ котораго „всѣ“ протестуютъ? Онѣ тамъ, гдѣ и были. А въ частности,—такъ называемая правая

оппозиція остается, какъ и была доселѣ, социальной реакціей. Прошедшее въ послѣднія недѣли только что оконченной законодательной сессіи показало, что нѣтъ достаточныхъ оснований отдѣлять отъ силъ социальной реакціи и нѣкоторую часть прогрессистовъ. Но тѣ административныя и политическія мѣры, которыя необходимы при социальной реакціи, вызываютъ недовольство даже въ ея рядахъ, у нея самой рождаются опасенія за будущее и отчасти ей самой вредны въ настоящемъ. И „дѣлится царство на ся“. Оставаясь социальной реакціей, люди становятся политической оппозиціей, говорятъ о войнѣ съ правительствомъ, тогда какъ въ дѣйствительности имъ приходится воевать съ собственной тѣнью. И они воюютъ. Въ концѣ истекшей сессіи война доходила временами даже до ожесточенія.

А. Петрицевъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Дим. Крачковскій. Золотая карета. Разказы. Московское книгоиздательство. Стр. 237. Ц. 1 р. 25 к.

Основное, неизмѣнное содержаніе разказовъ г. Крачковскаго — роковое, ничѣмъ не преодолимое одиночество человѣческаго существа. Лучшее всего это одиночество познается въ томъ, что кажется и должно быть его отрицаніемъ, его преодоленіемъ: въ любви. И любовь есть почти неизмѣнный сюжетъ этихъ разказовъ: любовь рѣдко счастливая, чаще односторонняя, еще чаще осложненная ревностью, ложью, измѣной, подозрѣніемъ. Стѣна между людьми — и никогда никакая пытливая мысль, съ самымъ нечеловѣческимъ напряженіемъ ищущая понять или узнать чужое, не узнаетъ, что дѣлается за безстрастіемъ *этого* дѣла, за сверканіемъ *этихъ* глазъ. Мечутся герои г. Крачковскаго, бьются, губятъ другихъ, сами гибнутъ, кровью залито ихъ сердце и слезами залиты глаза, — но съ ними или за нихъ рѣдко страдаешь. Страдаетъ ли самъ авторъ? — трудно сказать. Онъ очень неглубокій человѣкъ, жадно вдумывающійся въ жизнь и, пожалуй, больно ощущающій ту сторону человѣческаго страданія, которая ему видна. Но это вообще: конкретно едва-ли онъ чувствуетъ своихъ героевъ и насъ не заставляетъ почувствовать ихъ какъ живое, какъ свое. Трудно винить въ этомъ только манеру г. Крачковскаго. Онъ, правда, охотно абстрагируетъ своихъ героевъ; онъ называетъ много конкретныхъ подробностей, умѣло подобранныхъ, но самая эта умѣлость такъ умышленна и навязчива, что всегда разбиваетъ цѣльное впечатлѣніе; изъ-за мелочей не видишь цѣлаго. На нашихъ глазахъ производится интересный анализъ, — это хорошо, какъ переходная ступень, — мы

знаемъ, что находимся въ области художественнаго мышленія, мы ждемъ синтеза—и синтеза не получаемъ. „Въ двѣнадцать часовъ, когда на Москвѣ-рѣкѣ снаряжали первые пароходы, свистѣли мѣдные гудки, развѣвались флаги, а въ ресторатѣ на Воробьевыхъ горахъ покрывали столы бѣлыми скатертями и пускали въ аквариумъ бѣлыхъ налимовъ, профессоръ читалъ лекцію въ аудиторіи № 11,—яркій лучъ горѣлъ въ углу возлѣ карты берлинскаго изданія, съ цвѣтами и травами“. Казалось бы, сдѣлано все, чтобы было *видно*; но это ошибочное впечатлѣніе и, быть можетъ, авторъ и не хочетъ, чтобы было видно; воспроизведеніе жизни, ея синтезъ—виѣ его цѣлей, онъ и не ищетъ ничего, кромѣ анализа жизни, хочетъ только заставить насъ подумать о ней: хотя бы посредствомъ умной прозы или чего-то очень близкаго къ ней. Въ этомъ—роковая ошибка метода г. Крачковскаго или порокъ его дарованія. Пока онъ будетъ рисовать намѣренно монотонно—точно вышивки гобелена,—пока онъ не заставитъ насъ видѣть своихъ отдѣльных героевъ, мы не будемъ жить ихъ жизнью—ибо нѣтъ *ихъ* жизни. Есть въ разсказѣ Крачковскаго жизнь всеобщая, но нѣтъ жизни индивидуальной; а между тѣмъ и къ ощущенію этой всеобщей жизни надо идти не черезъ конкретность вещей, которую такъ облюбовалъ Крачковскій, но прежде всего чрезъ конкретность людей, которой онъ, быть можетъ, не искалъ и во всякомъ случаѣ не добился.

М. Коцюбинскій. Тѣни забытыхъ предковъ (Разсказы, т. III). Пер. съ украинскаго Мих. Могилянскаго и Ф. Волховскаго. Книгоиздательство писателей въ Москвѣ. 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Разсказы г. Коцюбинскаго почти всегда интересны по содержанію, часто колоритны, написаны хорошимъ языкомъ,—но, главное,—авторъ умѣетъ заглянуть въ тайники человѣческаго сердца... „Глубокимъ, старчески-вдумчивымъ взоромъ“ смотритъ въ „Тѣняхъ забытыхъ предковъ“ Иванъ Палійчукъ, девятнадцатый ребенокъ гуцульской семьи, девятнадцатый—по порядку появленія на свѣтъ Божій, и четвертый—по счету ея наличныхъ дѣтскихъ душъ, такъ какъ пятнадцать маленькихъ Палійчуковъ успѣли до него переселиться подъ сѣнь кладбищенскихъ крестовъ. До одури однообразно тянутся дни Антопа („Сонъ“) въ захолустномъ городишкѣ, который можно увидѣть весь сразу, заглянувъ въ лужу среди городской площади. — „Не мелите, чортъ знаетъ чего“, — бросаетъ Потапъ дряхлой матери, предлагающей ускорить — съ помощью мороза—затянувшійся переходъ ея въ лучший міръ. Потапъ говоритъ это почти сердито, но „больше самъ себя, чѣмъ ей“, потому что слова старухи „падали на него, какъ зерна на приготовленную ниву“. — „Опомнились уже? Забыли вчерашнія глупости?“ — спрашиваетъ онъ, тщетно прождавъ цѣлый день во-

возобновленія разговора о лѣсѣ, гдѣ деревья стоятъ словно „свѣчи въ церкви“, и гдѣ она, усталая, забытая смертью, будетъ ждать свою избавительницу, моля Матерь Божию: „не суди сына, суди нужду людскую“ („Что записано въ книгу жизни“).

По строгости рисунка, по выдержанности и примиряющему, теплому концу—это одинъ изъ лучшихъ рассказовъ даннаго тома. Хорошо также „Именинный подарокъ“. Невообразимо дикая для всякаго интеллигентнаго человѣка мысль преподнести сыну-гимназисту, вмѣсто имениннаго подарка, зрѣлище смертной казни,—дѣлается совершенно естественной для околоточнаго надзирателя, грубаго, какъ его квадратное лицо, тяжелаго, какъ его кулакъ. Карпа Петровича и самого въ дѣтствѣ возили смотрѣть разстрѣль солдатъ, и достаточно онъ привыкъ къ такимъ вещамъ, чтобы задумываться надъ возможными послѣдствіями—душевными муками своего маленькаго Дори. Дѣйствующія лица „Имениннаго подарка“ очерчены ярко: передъ читателемъ какъ живые — и топорный Карпъ Петровичъ, и его рыхлая супруга Сусанна, въ ея туче-подобныхъ „муслинахъ“, и Доря, въ длинныхъ гимназическихъ брюкахъ, дѣлающихъ Дорины ноги похожими на ноги слоненка.

Въ переводахъ г. Могилянскаго попадаютъ, напр., такіа выраженія, какъ — „смѣюсь къ дитяти“, „портьеръ“ — вмѣсто „портье“, „подорожная сумка“, когда по-русски она называется „дорожжал“, или „откушиваль“, когда на самомъ-то дѣлѣ „откусываль“ и т. п. Однако этихъ недочетовъ не такъ ужъ много, чтобы они могли мѣшать общему впечатлѣнію.

Пушкинистъ. Историко-литературный сборникъ подъ ред. С. А. Венгерова. I. СПБ. 1914. Стр. XXIV+239. Ц. 1 р. 25 к.

Въ сборникѣ представлены результаты работъ пушкинскихъ семинаріевъ, руководимыхъ С. А. Венгеровымъ, который ведетъ практическія занятія по изученію Пушкина въ рядѣ высшихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ. Часть этихъ работъ оказалась настолько цѣнной, что нашла мѣсто въ академическомъ журналѣ „Пушкинъ и его современники“ и другихъ изданіяхъ, часть печатается здѣсь. Молодежь, работающая въ семинаріяхъ, очевидно, нашла въ С. А. Венгеровѣ прежде всего энтузіаста литературныхъ изученій, зажигающаго начинающихъ пламенемъ первой научной любознательности, но также и дѣятельнаго руководителя, ставящаго надлежащіе вопросы и помогающаго рѣшить ихъ. Статьи, помѣщенные въ сборникъ, говорятъ не только объ умѣнной выступающей здѣсь молодежи сознательно отнестись къ темъ и ориентироваться въ соотвѣтственной литературѣ, но также о стремленіи самостоятельно построить свои выводы на сыромъ матеріалѣ, изученномъ добросовѣстно и вдумчиво. Содержаніе статей разнообразно. Г. Бемъ представляетъ новыя данныя къ рѣшенію

вопроса о вліянні Шатобріана на Пушкіна, подвергая при этомъ основательной критикѣ взгляды г. Сиповскаго, значительно преувеличившаго это вліяніе. Г. Искозъ рѣзко намѣчаетъ проблему индивидуализма, какъ основной мотивъ „Цыганъ“. Объ индивидуализмѣ, какъ о существеннѣйшей чертѣ характера Байрона, говоритъ и г. Красновъ,—но какое отношеніе имѣетъ данная имъ характеристика Байрона къ Пушкину, не видно, такъ какъ въ сборникѣ напечатана лишь часть его обширнаго доклада „Пушкинъ и Байронъ“. Наиболее любопытной и по приѣмамъ, и по выводамъ намъ показалась статья г-жи Колобовой о природѣ въ поэзіи Пушкина. Изучивъ обширный матеріалъ и распредѣливъ его по категоріямъ, которыя въ общемъ даютъ исчерпывающее представленіе объ отношеніи поэта къ отдѣльнымъ явленіямъ и стихіямъ природы, авторъ пришелъ къ заключенію, что человекъ былъ ближе поэту, чѣмъ природа. Пушкинъ „описываетъ ея явленіе, но не объясняетъ ихъ. Онъ не раскрываетъ передъ нами ея глубокой вѣтренней жизни. Не открываетъ тайны, которая мерцаетъ въ ея нечеловѣческихъ глазахъ“. Выводы кажутся намъ грубоватыми; они, несомнѣнно, подлежатъ усложненію и достойны болѣе нюансированной формулы, но въ общемъ достаточно обоснованы. Непріятное впечатлѣніе производитъ въ статьяхъ г-жи Колобовой—отчасти и въ другихъ статьяхъ—претенціозная манерность такого, напримѣръ, типа: „Они построили себѣ свой собственный міръ вещей. Лишенный тайны. Лишенный призрачныхъ видѣній. Лишенный тѣней“. И такъ далѣе. Тѣнь Пушкина вопіетъ, зывая о простотѣ и ясности при видѣ такихъ дѣтскихъ ухищреній дурного тона; и, на нашъ взглядъ, г. Венгеровъ имѣлъ здѣсь всѣ основанія вмѣшаться и пройти своимъ редакторскимъ и по просту учительскимъ карандашомъ по всѣмъ этимъ кривляніямъ, въ концѣ концовъ недостойнымъ недурной и дѣловитой работы г-жи Колобовой.

Въ сборникъ вошли, кромѣ статей, еще лѣтопись Пушкинскихъ семинаріевъ, — общій обзоръ занятій, списокъ участниковъ и темъ, предложенныхъ имъ, а также программа составленія словаря поэтического языка Пушкина, которое понемногу осуществляется въ семинаріяхъ. Не хочется быть непріятнымъ пророкомъ, но вожделѣнное доведеніе этой работы до конца представляется намъ довольно сомнительнымъ. Въ предисловіи С. А. Венгеровъ сообщаетъ, что онъ слышалъ отъ покойнаго кн. А. И. Урусова объ образовавшемся по его инициативѣ московскомъ кружкѣ для составленія Пушкинскаго словаря. „По какой программѣ онъ составлялся—мнѣ неизвѣстно, хотя, въ общемъ, сколько припоминаю, задачи были элементарныя. Но, какъ бы то ни было, изъ записокъ кн. Урусова ничего не вышло“. Письмо кн. Урусова, напечатанное въ сборникѣ „Слово“, позволяетъ дополнить это сообщеніе С. А. Венгерова. „Занимаюсь Пушкинскимъ словаремъ,—пи-

саль Урусовъ А. П. Чехову въ январѣ 1899 года.—Мнѣ нужны 600.000 осьмушекъ бумаги. Въ Пушкинѣ будетъ около милліона словъ (конечно, считая повторяющія, частицы...) Работа идетъ, но къ 26 мая врядъ-ли поспѣетъ даже часть“. Едва-ли одна смерть инициатора помѣшала осуществленію „затѣи“ кн. Урусова: приступить къ такому предпріятію много легче, чѣмъ достойно завершить, особенно при строгости нынѣшнихъ научныхъ требованій. Намъ представляется, что необходимымъ условіемъ такого осуществленія была бы не экстенсивная работа учащихся, а интенсивный трудъ немногихъ специалистовъ, сознательныхъ и спѣвшихъ въ трудѣ. Иначе—даже при заполненіи всего милліона карточекъ—„словарная руда“, какъ хорошо называетъ это сырье С. А. Венгеровъ, останется въ ибдрахъ картонныхъ коробокъ безнадежнымъ сырьемъ. Кстати сказать, на нашъ взглядъ, редакторъ словаря нѣсколько затрудняетъ составленіе словарныхъ карточекъ, требуя занесенія на нихъ свѣдѣнія о томъ, изъ какого языка заимствовано попадающеея у Пушкина иностранное слово, причемъ къ „не-русскимъ“ словамъ причислены такія слова, какъ *лошадь*. Очевидно, наряду съ лошадью придется отмѣчать, какъ иностранныя, такія слова, какъ несомнѣнно заимствованныя яблоко, лѣто, буква, хлѣбъ, скамья, хата, товарищъ, башмакъ, сундукъ, топоръ, ватага, кровать, водка, шляпа, ситецъ, царь и т. п. Нужно ли это для изученія Пушкина, который, быть можетъ, и не подозревалъ, что лошадь—слово татарское, и не осложняетъ ли это безъ нужды работу по накопленію словарнаго сырья?

Объ обработкѣ этого сырья С. А. Венгеровъ высказываетъ въ предисловіи нѣсколько мыслей, изъ коихъ нѣкоторыя вызываютъ на возраженіе. Какъ мы ни склонны цѣнить результаты изученія языка писателя, мы все же не думаемъ, что „міросозерцаніе и идеалы“ поэта можно „доподлинно установить съ помощью словаря“; еще болѣе сомнительно, что „съ помощью словаря наглядно, статистически могутъ быть рѣшаемы вопросы даже о самыхъ интимныхъ переживаніяхъ поэта“. Для изученія самыхъ интимныхъ переживаній лексическая статистика, право, слишкомъ грубый способъ; поэтъ вѣдь можетъ и не называть того, что первенствуетъ въ его „творческихъ думкахъ и волненіяхъ“,—какъ вѣрующій еврей не произноситъ имени Ееговы. Напомнимъ для примѣра и то, что словарь не даетъ представленія о такой существенной сторонѣ языка, какъ синтаксисъ. Въ чрезвычайно серьезныхъ поправкахъ пуждались бы также соображенія предисловія объ образности поэтического языка. „Еслибы—говорится здѣсь—въ нашемъ распоряженіи былъ Пушкинскій словарь, и сила этой образности, и свойства ея могли бы быть установлены почти математическимъ подсчетомъ. Ибо что такое „образность“? Обиліе образовъ, т. е. обиліе предметовъ, изъ которыхъ образъ составляется, т. е. обиліе именъ существительныхъ“. Но, прежде всего, абсолютное количество обра-

зовъ не точка опоры для суждений, а относительное едва-ли удастся опредѣлить; затѣмъ словарь вѣдь и не даетъ представленія объ образности, такъ какъ изъ него не видно, съ поэтическимъ употребленіемъ слова мы имѣемъ дѣло или съ прозаическимъ, да программа составленія словаря, предложенная составителямъ, и не требуетъ отъ нихъ такого указанія—кстати сказать, иногда чрезвычайно труднаго. И, наконецъ, въ связи съ этимъ: образами могутъ быть не только имена существительныя, но и всякая часть рѣчи,—и въ стихотвореніи „Къ портрету Жуковского“, разнесеномъ для образца на карточки, одни слова *и, о и его* могутъ быть названы не образными, все же остальное—рядъ поэтическихъ образовъ. А вѣдь есть еще поэзія—о ней говорилъ Гете,—которая не орудуетъ образами, но сама въ цѣломъ есть единый образъ: что сдѣлаетъ словарная статистика съ такой поэзіей?

Такъ или иначе: копить „словарную руду“ можно и должно—уже съ педагогическими цѣлями. И выйдетъ изъ трудовъ пушкинскаго семинарія научный пушкинскій словарь или нѣтъ, заслугой его руководителя будетъ, во всякомъ случаѣ, то, что онъ сгруппировалъ вокругъ себя научную молодежь и научилъ ее любить знаніе о поэзіи и искать этого знанія въ сокровищницахъ самой поэзіи.

В. М. С.—ъ. Первая экскурсія въ Италію съ маршрутомъ на 28 дней. СПБ. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

Его-же. Въ странѣ художественныхъ впечатлѣній. I. Венеція, СПБ. 1913. Ц. 75 к.—II. Падуа и Болонья. Ц. 50 к.

Ростущій въ нашемъ обществѣ интересъ къ итальянскому искусству, съ одной стороны, и массовыя экскурсіи Московскаго Общества распространенія техническихъ знаній, съ другой,—эти два явленія значительно расширили съ внутренней и внѣшней стороны кругъ итальянскихъ путешественниковъ. Народился огромный спросъ на доступныя по изложенію и цѣнѣ книжки—„спутники“ по Италіи, и, конечно, книжный рынокъ немедленно на спросъ отвѣчаетъ предложеніемъ. Вышли блестяще написанныя впечатлѣнія объ итальянскомъ искусствѣ Муратова („Образы Италіи“), на дняхъ появилась культурно и красиво написанная книжка „Римъ“ Грифцова; печатается (I томъ уже въ продажѣ) нѣсколько устарѣвшее, но знаменитое „Путешествіе по Италіи“ И. Тэна въ русскомъ переводѣ. Но эти книги даютъ возможность подготовиться къ путешествію, во время странствованій чтеніе ихъ обогащаетъ и углубляетъ личныя переживанія,—но онѣ не замѣняютъ настоящаго путеводителя-справочника, дающаго подробныя и объективныя свѣдѣнія о маршрутахъ, художественныхъ памятникахъ и музеяхъ, объ исторіи страны, т. е. то, что съ такой исчерпывающей и добро-совѣстной полнотою даютъ нѣмецкіе путеводители Baedeker, Meyer

(особенно прекрасный томъ, посвященный Риму), французскій Жоанне и др.

Рецензируемая нами книга является, по словамъ ея автора, „первымъ опытомъ краткаго русскаго путеводителя по главнымъ художественнымъ центрамъ Италіи“. Удался ли этотъ первый опытъ? Къ сожалѣнію, безусловно нѣтъ. Авторъ распредѣлилъ путешествіе по главнѣйшимъ городамъ Италіи на 28 дней, на каждый день намѣтилъ двѣ или три прогулки или посѣщенія музеевъ и водить за собою такимъ образомъ читателя.

Авторъ искренно влюбленъ въ Италію, и это трогательное отношеніе подкупаетъ въ его пользу. Но, къ сожалѣнію, не всегда влюбленные понимаютъ свою возлюбленную—и на этотъ разъ очень сказалась сія великая истина. Съ какимъ-то глубоко обывательскимъ простодушіемъ подходитъ авторъ къ произведеніямъ искусства и къ историческимъ памятникамъ. Ему *все* интересно и все равно красиво—и великія фрески Джотто, и чудесныя улицы Венеціи и... даже флорентійскій памятникъ Данте, всѣхъ поклонниковъ Флоренціи оскорбляющій своимъ провинціальнымъ безобразіемъ. Авторъ сильно напоминаетъ мѣстами старыхъ паломниковъ, которымъ *все* было въ диковину въ чужихъ земляхъ. Въ храмахъ и городахъ онъ перечисляетъ (почти только перечисляетъ) подъ-рядъ всѣ художественные и рѣдкіе предметы, называетъ *темы* изображеній, ничего не говоря по существу ихъ; глядя на какую-нибудь св. Варвару Пальма Веккіо въ Венеціи, онъ простодушно замѣчаетъ: „при всей ея красотѣ не нашелъ я святости въ выраженіи лица“; а когда онъ разсматриваетъ диковины Венеціанскаго собора св. Марка или скульптуры на колокольнѣ флорентійскаго собора, то онъ необыкновенно напоминаетъ стараго Данила Паломника, который съ такимъ же любопытствомъ разглядывалъ и записывалъ видѣнное въ Святой землѣ. Правда, за то у нашего автора похвальная скромность и къ описанію картинъ онъ прибавляетъ часто слова „по личному впечатлѣнію“, а въ другихъ мѣстахъ подчеркиваетъ, что онъ говоритъ не для художниковъ, а для лицъ, мало знакомыхъ съ искусствомъ. Но и для послѣднихъ ничего, кромѣ сумбура, не создадутъ замѣчанія, въ которыхъ авторъ хочетъ дать научныя свѣдѣнія или характеристики, какъ напр., что Джотто „хорошо владѣлъ идеями и постепенно отвыкалъ отъ греческихъ образцовъ“ (стр. 63). Такъ онъ ведетъ своего туриста изъ музея на городскую площадь, въ церковь и опять въ музей. Правильно распредѣлить вниманіе и любознательность читателя онъ не умѣетъ: достаточно сказать, что въ Римѣ онъ удѣляетъ осмотру Палатинскаго холма 13 строкъ, описанію Рафаэлевскихъ станцій менѣе страницы, а всей Сикстинской капеллы 38 строкъ! Есть области искусства, нашему автору вовсе не знакомыя, напр. древне-христіанскія мозаики въ церквахъ Рима и Равенны; онъ ихъ называетъ, но не умѣетъ хоть двумя словами привязать къ

нимъ вниманіе русскаго туриста, для котораго онѣ особенно интересны, какъ связь искусства Италіи съ Византіей и косвенно и съ нами. Далѣе, у автора почти совсѣмъ нѣтъ историческихъ свѣдѣній ни о городахъ, ни о мѣстностяхъ, ни о памятникахъ—однимъ словомъ, недостаетъ одной изъ важнѣйшихъ сторонъ всякаго путеводителя. Чтобы оцѣнить историческія знанія автора, достаточно взглянуть на то, сколько безграмотностей нагромождено въ 3 строкахъ о римскихъ холмахъ (стр. 224)! Да и въ основныхъ знаніяхъ по исторіи искусства составитель, видимо, не очень твердъ: онѣ спокойно пишетъ Рафаэль *Дурбино*, Джирландайо, Пинтуриччіо. Античнаго искусства онѣ совсѣмъ не знаетъ, ограничивается названіемъ статуи, да и то порою нелѣпнымъ: передъ знаменитой Венерой Книдской Праксителя онѣ пишетъ: Венера Афродита, а къ Венерѣ Медичейской онѣ прибавляетъ безграмотное опредѣленіе: „новой аеинской (?) школы“. Но за то нашъ авторъ смѣло открываетъ на стѣнахъ флорентійскаго Palazzo Vecchio „огромныя батальныя картины Леонардо да Винчи и Микель Анджело“—ничего подобного тамъ, конечно, нѣтъ.

Таковъ, къ сожалѣнію, этотъ первый опытъ русскаго путеводителя по Италіи. Въ заключеніе можно добавить, что даже простыя справочныя свѣдѣнія, приложенныя къ книжкѣ, далеко не удовлетворительны: гостиницы и рестораны названы большей частью слишкомъ дорогіе для средняго туриста; банки и консульства безъ адресовъ; общіе денежные расчеты для путешествія очень аристократичны; и, наконецъ, нѣтъ ни одного плана городовъ.

Съ удовольствіемъ можно констатировать, что двѣ маленькія книжки „впечатлѣній“, приложенныя къ путеводителю, составлены гораздо лучше. Тамъ тоже наивный и неумѣлый подходъ къ искусству, порою смѣшныя замѣчанія. Но все же эти книжки вполне можно взять съ собой въ путешествіе, такъ какъ онѣ дають о Падуѣ, Венеціи и Болоньѣ рядъ интересныхъ свѣдѣній; особенно въ главѣ о Падуѣ авторъ подробно рассказываетъ религіозное содержаніе знаменитыхъ фресокъ Джотто въ церкви „на Арень“, что очень помогаетъ ихъ созерцанію.

С. Г. Лозинскій. Исторія инквизиціи въ Испаніи. Изданіе Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1914. Стр. 507. Ц. 5 р.

Эта книга разсматриваетъ исторію инквизиціи въ Испаніи отъ 1480 г. вплоть до момента ея уничтоженія (декретомъ королевы Маріи-Христины 15 іюля 1834 года). Собственно, этотъ трудъ г. Лозинскаго по плану всего изданія „Исторія инквизиціи“, принятому издательствомъ Брокгауза-Ефрона, долженъ служить прямымъ продолженіемъ первыхъ двухъ томовъ, посвященныхъ инквизиціи въ средніе вѣка и занятыхъ полностью переводомъ соотвѣтствующей части монументальной работы Ли. Авторъ гово-

рить, что представлялось затруднительнымъ дать вслѣдъ за этими двумя томами & остальные томы того же Ли, — и тогда онъ взялъ на себя изложить въ одномъ томѣ періодъ новаго времени (1480 — 1835) въ исторіи инквизиціи. Нужно сказать, что, хотя вліяніе классическаго труда Ли на г. Лозинскаго безспорно, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно и то, что г. Лозинскій много и самостоятельно поработалъ надъ своимъ сюжетомъ, знакомился съ источниками совершенно независимо, провѣрялъ Ли по этимъ источникамъ, — и вообще продѣлалъ чрезвычайно большую подготовительную работу, явные слѣды которой бросаются въ глаза всякому, кто знакомъ съ техникою историческаго анализа. Мы бы затруднились назвать книгу г. Лозинскаго изслѣдованіемъ въ точномъ смыслѣ слова: взятые хронологическія рамки слишкомъ огромны, обязательный по условіямъ изданія масштабъ — слишкомъ невеликъ (всего 507 стр.) и, конечно, г. Лозинскому приходилось сильно себя ограничивать и урѣзывать. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, эта книга гораздо выше по самому *тону* работы, нежели простая, хотя бы и хорошая, популяризація, да и непосредственное обращеніе къ источникамъ рѣшительно не позволяетъ назвать ее популяризацией. Кажется, г. Лозинскій не принадлежитъ къ числу университетскихъ преподавателей, — но эта книга его больше всего напоминаетъ хорошо продуманный и изложенный, добросовѣстно и самостоятельно обработанный университетскій курсъ по исторіи инквизиціи. — Авторъ не соглашается съ довольно распространеннымъ воззрѣніемъ о страшномъ взрывѣ испанскаго религіознаго фанатизма, которымъ якобы сопровождалось отвоеваніе Пиренейскаго полуострова испанцами у мавровъ. По его мнѣнію (далеко не единичному въ исторической литературѣ), „въ раннемъ средневѣковѣ не замѣчалось особой религіозной вражды между воюющими сторонами — маврами и христіанами“, — и въ позднемъ средневѣковѣ тоже особаго фанатизма не наблюдалось. Евреи получали отъ испанскихъ королей (такъ же, какъ покорившіеся мавры) опредѣленные права, надѣлялись землею. Довольно частымъ явленіемъ сдѣлались въ Испаніи того времени, напр., еврей-министры и, вообще, еврей-сановники. Но по цѣлому ряду причинъ королевская власть нуждалась въ дѣятельной поддержкѣ со стороны римской церкви, а папская курія не переставала жаловаться и негодовать на терпимость свѣтской власти. Отцы Латеранскаго собора 1215 г. прямо указывали съ горечью, что „ни въ одной странѣ положеніе евреевъ не отличается такимъ благополучіемъ, какъ въ Испаніи“, — и что даже духовенство испанское повинно въ недостаточной ревности къ интересамъ христіанства. Съ XIV вѣка положеніе стало мѣняться. Помимо церковнаго вліянія, богатство и процвѣтаніе еврейскихъ общинъ, ихъ денежное могущество вызывали и алчности правящихъ классовъ, и жалобы и ненависть простаго народа. Начались страшнѣйшіе разгромы со стороны черни и жестокія пре-

слѣдованія со стороны властей. Съ конца XV столѣтія инквизиція, до тѣхъ поръ сравнительно слабый по своему вліянію въ государствѣ духовный судъ, превращается въ грозный трибуналъ, начинающій эру кровавыхъ преслѣдованій, въ полномъ смыслѣ слова истребительный походъ противъ мавровъ, евреевъ — и еретиковъ. Авторъ обстоятельно рассказываетъ о самомъ институтѣ инквизиціи, о ея дѣлопроизводствѣ, личномъ составѣ, сферѣ подсудности, обще-государственномъ значеніи. Очень удалось автору изложеніе событій XVI вѣка, когда инквизиція неслыханно жестоко расправилась съ слабыми ростками свободной мысли и начатками реформаціоннаго умонастроенія, проникшаго въ этотъ вѣкъ и на Пиренейскій полуостровъ. Нѣсколько бѣгло очерчена послѣдующая эпоха XVII—XVIII вв., а она-то больше всего и нуждается въ обстоятельномъ обслѣдованіи, такъ какъ историческая наука меньше всего знаетъ именно *этотъ* періодъ въ жизни инквизиціи. Римская курія долгими десятилѣтіями бывала не въ ладахъ съ инквизиціей, — и между ними шла упорнѣйшая борьба за компетенцію. Этой борьбѣ въ книгѣ г. Лозинскаго посвящена особая глава. Съ XVIII вѣка — особенно съ конца его — уже не евреи, не мусульмане, не протестанты, — а *политически*-подозрительные люди привлекаютъ къ себѣ вниманіе страшнаго трибунала. Инквизиція становится окончательно тѣмъ, чѣмъ она, въ сущности, нерѣдко бывала и раньше: орудіемъ свѣтской власти въ борьбѣ съ политическими врагами этой власти. Начавши завоеваніе Испаніи, Наполеонъ уничтожилъ инквизицію 4 декабря 1808 года, едва только его войска вошли въ Мадридъ. При реставраціи испанскихъ Бурбоновъ инквизиція была возстановлена и въ эпоху жестокой реакціи въ царствованіе Фердинанда VII сыграла въ послѣдній разъ замѣтную роль. Преемница Фердинанда, регентша королева Христина (управлявшая въ малолѣтство дочери своей Изабеллы Испаніею), желая привлечь на свою сторону либеральные элементы общества въ борьбѣ противъ претендента донь-Карлоса, отмѣнила въ 1834 г. инквизицію, — на этотъ разъ навсегда. Долгая и сложная исторія инквизиціи рассказана живо, съ интересными экскурсами („Отдѣльные эпизоды изъ жизни инквизиціи“, „Государство и инквизиція“, „Римская курія и инквизиція“), причемъ эти экскурсы логически связаны съ общою нитью рассказа. Кое-гдѣ излишне подробно излагаются обще-политическіе факты, отводится слишкомъ много страницъ исторіи Испаніи, а не исторіи инквизиціи; кое-гдѣ попадаются незначительные недосмотры. Ко роль Іоаннъ III отнюдь не былъ только „невѣжественнымъ фанатикомъ“, всецѣло находившимся подъ вліяніемъ духовенства: напротивъ, онъ дѣлательно и часто весьма рѣзко боролся противъ духовенства и римской куріи. На стр. 303 говорится о библіи „на вульгарномъ языкѣ“. Если рѣчь идетъ о такъ наз. *vulgata*, то это отнюдь не означаетъ библіи на „вульгарномъ языкѣ“, а нѣжне

было бы рассказать — хотя бы въ обстоятельномъ примѣчаніи — что такое была вульгата. Во всякомъ случаѣ вульгата *не* есть переводъ библіи на испанскій, напр., языкъ, и нужно избѣгнуть возможной путаницы въ терминахъ. На страницѣ 308 читаемъ: „но когда въ число запрещенныхъ авторовъ попалъ и кардиналъ Норисъ, выдающійся сочиненія котораго *Historia pelagiana* и *Dissertatio* не пришлись по вкусу іезуитамъ“, и т. д. А почему они не пришлись по вкусу, — читатель не узнаетъ, тогда какъ это было для автора благодарнѣйшій случай остановиться на великомъ спорѣ о свободѣ воли и рассмотреть, каковы были *догматическія* предпочтенія инквизиціи въ XVIII столѣтіи. Вообще эволюція этихъ догматическихъ предпочтеній инквизиціи за огромный періодъ, охваченный разбираемою книгою, не выяснена; между тѣмъ такое выясненіе имѣло бы большой интересъ и для общей исторіи церкви, такъ какъ показало бы, что именно Римъ считалъ (не формально, а реально) въ каждый данный моментъ наиболѣе драгоцѣннымъ достояніемъ изъ всего догматическаго наслѣдія. Затѣмъ хотѣлось бы хоть краткой библіографіи, хоть указанія на основные взгляды, высказывавшіеся въ наукѣ относительно инквизиціи. Напр., мы *ничего* не нашли о теоріи Гефеле, Кноффлера, отчасти Гамса, признающихъ государственный характеръ инквизиціи — главнымъ. Можно съ этой теоріей не соглашаться, но упомянуть о ней слѣдовало бы.

Всѣ эти мелкія упущенія не могутъ поколебать нисколько того благоприятнаго впечатлѣнія, которое оставляетъ эта серьезная и полезная книга, и заставить измѣнить ту общую высокую оцѣнку, которая сдѣлана выше. Хорошій литературный языкъ еще повышаетъ ея значеніе для широкой публики, которой можно ее смѣло рекомендовать. Внѣшность изданія — хороша, хотя безъ нѣкоторыхъ портретовъ (напр., историковъ Амадора де-лосъ-Ріоса и Льоренте) можно было бы обойтись.

Н. И. Карѣвъ. Было ли парижское возстаніе 13 вандемьера IV года роялистическимъ? 1914. Стр. 16 (цѣна не обознач.).

Въ послѣдніе годы Н. И. Карѣвъ заинтересовался вопросомъ о роли и значеніи парижскихъ „секцій“, участковыхъ собраний города Парижа во времена революціи. Часть работъ, посвященныхъ имъ этому вопросу, извѣстна читателямъ „Русскаго Богатства“. Авторъ успѣлъ найти и обнародовать нѣкоторые весьма интересные документы, характеризующіе дѣятельность и сферу возможнаго вліянія этихъ секцій и, попутно, нѣкоторыя казавшіяся вполнѣ выясненными событія стали ему представляться въ нѣсколько новомъ свѣтѣ. Въ лежащей предъ нами брошюрѣ онъ ставитъ и отчасти рѣшаетъ новый и крайне любопытный вопросъ, очень точно выраженный въ заглавіи. Вандемьерское воз-

стапіе 1795 года, происшедшее какъ разъ въ тотъ моментъ (начало октября 1795 г.), когда конвентъ готовился уступить власть созданной имъ же директоріи, приписывается твердо установленною традиціею роялистическимъ проискамъ, направленнымъ къ низверженію республики въ этотъ переходный періодъ и возвращенію на престолъ брата казненнаго Людовика XVI—графа Прованскаго. Анализъ документовъ изданныхъ отчасти Оларомъ (полицейскія донесенія), отчасти самимъ Н. И. Карѣвымъ (протоколы секцій), убѣждаетъ автора, что „старыя изложенія исторіи конца фрюктидора III года и начала вандемьера IV года во всякомъ случаѣ должны быть признаны не выражающими подлиннаго существа дѣла. Специально роялистическаго характера 13-е вандемьера отнюдь не имѣло“. Нужно сказать, что и тутъ историкъ встрѣчается съ роковымъ затрудненіемъ, какъ всегда, когда хочетъ прослѣдить какое-нибудь событіе по бумагамъ секцій: пожаръ, уничтожившій въ эпоху усмиренія Коммуны 1871 года зданіе префектуры, истребилъ и массу этихъ документовъ,—и Н. И. Карѣвъ отмѣчаетъ это. Съ другой стороны, можно указать и на то, что секціонныя бумаги отнюдь не откровенны: вѣдь секція послѣ кроваваго подавленія вандемьерскаго возстанія бонапартовскими пушками и не посмѣли бы признаваться въ своихъ роялистическихкихъ чувствахъ, такъ какъ это грозило немедленною и жестокою карою, да, впрочемъ, и до 13 вандемьера тоже было далеко не безопасно говорить о собственномъ роялизмѣ, да еще заносить свои роялистическія выступленія въ официальный протоколъ. Но, такъ или иначе, доказать *положительно*, что вандемьерское возстаніе было вполнѣ роялистическимъ, дѣйствительно, трудно. Очень желательно, чтобы почтенный авторъ разработалъ удачно поставленную имъ интересную проблему со всею обстоятельностью. Намъ кажется, что при дальнѣйшемъ углубленіи темы самъ собою выдвинется еще одинъ, попутный, такъ сказать, вопросъ: какъ смотрѣла *эмиграція* на вандемьерское возстаніе? Д'Ивернуа и другіе публицисты вѣдь очень часто откликались изъ Лондона, изъ Вѣны—на все, происходившее во Франціи, особенно, со временъ термидоріацкой реакціи, т. е. со второй половины 1794 года. Не расскажутъ ли что нибудь любопытное брошюрныя залежи Національной бібліотеки, а особенно Британскаго музея, гдѣ эмигрантская роялистическая литература сохранилась лучше, чѣмъ въ парижскомъ хранилищѣ?

Франческо Руффини, профессоръ Туринскаго Университета. **Религіозная свобода.** Исторія идеи. Вып. I. Переводъ съ итальянскаго А. Н. Ильинскаго, подъ ред. В. П. Сперанскаго. Спб. 1914. Стр. 145. Ц. 1 р. 25 к.

Эта книга является сжатымъ, связнымъ и, въ общемъ, весьма содержательнымъ обзоромъ постепенной эволюціи идеи религіоз-

ной терпимости отъ древнихъ временъ. Переведенный на русскій языкъ первый выпускъ кончается 17-мъ столѣтіемъ (только послѣдній параграфъ затрогиваетъ отчасти позднѣйшую эпоху). Авторъ сначала подвергаетъ тщательному анализу самое понятіе религиозной терпимости и признаетъ, что самый терминъ въ современномъ государствѣ неумѣстенъ: „современное государство не должно болѣе практиковать терпимость, но должно знать только свободу, потому что первая—звучитъ, какъ милостивая уступка государства гражданину, а вторая—какъ право гражданина къ государству. Теперь религія воистину является поприщемъ, на которомъ государство, какъ таковое, ничего не можетъ дать, а гражданинъ, напротивъ, имѣетъ право все требовать“. Авторъ начинаетъ обзоръ съ Тертуліана, яркаго защитника религиозной свободы въ опасный для христіанства періодъ древне-римской имперіи, отмѣчаетъ фатальную роль блаженнаго Августина въ дѣлѣ развитія нетерпимости, слѣдитъ за ростомъ и укрѣпленіемъ нетерпимости по мѣрѣ консолидаціи и расцвѣта римскаго католицизма въ средніе вѣка, много страницъ посвящаетъ иллюстраціи той мысли, что реформаторы и вообще весь вѣкъ реформаціи были такъ же далеки отъ религиозной свободы, какъ самые жестокіе инквизиторы и самыя глухія времена безраздѣльнаго господства католицизма. Съ особенною обстоятельностью и теплымъ чувствомъ авторъ отмѣчаетъ первыхъ провозвѣстниковъ религиозной терпимости—Лелія Социна и социніанъ въ XVI в., Себастіана Кастелліона и др., одинокихъ, гонимыхъ мыслителей, отстаивавшихъ въ этотъ жестокій вѣкъ религиозную терпимость. Насколько не устарѣли эти свѣточи XVI вѣка, русскій читатель могъ убѣдиться въ 1893 или 1894 г., когда покойный Н. К. Михайловскій долженъ былъ въ живой злободневной полемикѣ сослаться на классическія слова Себастіана Кастелліона, что противъ книгъ и мнѣній нужно бороться только книгами и мнѣніями. Тѣ, съ кѣмъ онъ полемизировалъ тогда, отнюдь не раздѣляли этого взгляда...

Изъ мыслителей XVII столѣтія авторъ больше всего останавливается на Дж. Локкѣ и Пьерѣ Бейлѣ, а также на полемикѣ гугенотскихъ эмигрантовъ противъ католической церкви и жестокаго преслѣдователя—Людовика XIV. Живѣйшее, активнѣйшее вліяніе церкви—сначала католической, а потомъ и католической, и протестантскихъ—на развитіе нетерпимости, воздѣйствіе и инициатива *церкви*, а не государства—выясняются очень выпукло и доказательно. Отмѣтимъ кое-какіе дефекты.

На стр. 3 читаемъ: „кто бы могъ понять сущность религиозной борьбы во Франціи, еслибы не изучилъ при этомъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ условій конкордата 1801 г., сохранившаго силу и по настоящее время“. Это писано авторомъ въ 1900 году, но въ переводѣ слѣдовало бы оговорить, что конкордатъ 1801 г. былъ отмѣненъ закономъ 9 декабря 1905 года. На стр. 28 разска-

зывается о присциллианской ереси—и *ничего* не говорится объ осудившемъ эту ересь Толедскомъ соборѣ 400 года. На стр. 31 читаемъ: „точасъ послѣ Константина одинъ христіанскій писатель Юлій Фирминъ Матернъ совѣтовалъ его сыновьямъ бороться, не стѣсняясь, всѣми средствами, противъ языческаго идолопоклонства“ и т. д. Такъ какъ больше о Матернѣ ничего въ книгѣ нѣтъ, то читатель такъ и не узнаетъ, что Матернъ былъ не „одинъ христіанскій писатель“, а кельскій епископъ, между тѣмъ автору важно разслѣдовать вопросъ, насколько рано *сановники церкви*, а вовсе не частныя лица стали проявлять нетерпимость. На стр. 66 авторъ совершенно бездоказательно по существу и неумѣстно по формѣ характеризуетъ первыя выступленія анабаптистовъ, какъ „распутно-революціонныя“. Пора бы эту старенькую полемически-злобную квалификацію, пущенную въ ходъ лютеранскимъ ортодоксализмомъ, изгнать изъ научныхъ книгъ. Все, что касается Лютера, у Руффини устарѣло, такъ какъ, когда онъ писалъ, еще не вышелъ огромный трехтомный трудъ о Лютерѣ профессора инсбрукскаго университета іезуита Гартмана Гризара (Luther, 1910—1911—1912). Этотъ, правда, затаенно-недоброжелательный, не смотря на все видимое безпристрастіе, но въ высшей степени самостоятельный, основанный на необъятномъ матеріалѣ трудъ заставилъ очень многое пересмотрѣть также и въ вопросѣ объ отношеніи Лютера къ религіозной свободѣ, къ свободѣ мысли и т. п.—На страницахъ, посвященныхъ Кальвину и кальвинизму, совершенно ничего не находимъ объ очень и очень оживленной борьбѣ изъ-за *политической* власти между пасторатомъ и гугенотскимъ дворянствомъ во Франціи въ XVI вѣкѣ, хотя эта сторона дѣла имѣетъ тѣснѣйшую связь съ книгою Руффини (даже не упоминается о томъ, что подобная борьба имѣла мѣсто). Изумительно также, что ровно *ничего* не сказано о янсенистахъ, тогда какъ ихъ сложное, двойственное, не всегда досказываемое до конца отношеніе къ вопросу о свободѣ совѣсти и къ другимъ сопредѣльнымъ вопросамъ заслуживало бы обстоятельнаго анализа и именно въ *этой* части книга Руффини могла бы стать кое-чѣмъ лобольше общаго обзора, такъ какъ многія черты янсенизма еще весьма и весьма нуждаются въ изслѣдованіи и объясненіи. Это внутри-церковное, католическое и вмѣстѣ съ тѣмъ яро враждебное іезуитизму теченіе объединило вокругъ себя цвѣтъ французской интеллигенціи временъ Людовика XIV и нужно было непременно на немъ остановиться.

Переводчикъ въ общемъ удачно справился со своею задачею и далъ русскому читателю возможность ознакомиться съ полезною книгою.

М. Гершензонъ. Грибоѣдовская Москва. М. 1914. Стр. IV—120. Ц. 1 р.

Г. Гершензонъ задался цѣлью дать „опытъ исторической иллюстраціи къ „Горе отъ ума“, сдѣлать „попытку представить возможно нагляднымъ образомъ уголокъ той подлинной, реальной дѣйствительности, которую Грибоѣдовъ, творчески преобразая, изобразилъ въ гениальной комедіи“ (III). Преслѣдуя эту цѣль, г. Гершензонъ въ своей книжкѣ, на основаніи частью печатныхъ источниковъ, главнымъ же образомъ неизданной семейной переписки, подробно излагаетъ жизнь и судьбы одной изъ видныхъ семей въ московскомъ свѣтскомъ обществѣ начала XIX вѣка, Римскихъ-Корсаковыхъ, попутно указывая въ членахъ этой семьи и въ ея знакомыхъ прообразы Грибоѣдовскихъ персонажей. Не всѣ такія указанія автора, правда, одинаково убѣдительны и нѣкоторые изъ нихъ способны вызвать большія сомнѣнія. Точно также не всѣ эпизоды стараго дворянскаго быта, воспроизводимые г. Гершензономъ, равно интересны и въ нѣкоторыхъ случаяхъ восхищеніе, испытываемое авторомъ передъ публикуемымъ имъ матеріаломъ, читателю можетъ, пожалуй, показаться чрезмѣрно преувеличеннымъ. Но въ общемъ живо и ярко написанная книжка г. Гершензона, несомнѣнно, заинтересуетъ читателя и тотъ, кто дастъ себѣ трудъ ознакомиться съ нею, не пожалѣетъ о времени, потраченномъ на это ознакомленіе. Любопытный матеріалъ интимной переписки, вошедшій въ нее и оживленный талантливымъ изложеніемъ автора, даетъ возможность читателю нагляднѣе познакомиться если не съ „Грибоѣдовской Москвой“ въ полномъ ея объемѣ, то, по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторыми сторонами жизни московскаго дворянскаго общества въ эпоху Александра I и Николая I и тѣмъ самымъ позволяетъ ближе подойти къ пониманію этой жизни въ ея наиболѣе интимныхъ проявленіяхъ, пониманію, безъ котораго остается невыполненной до конца задача всякаго историческаго изслѣдованія. Нельзя не пожалѣть только, что издатели книги г. Гершензона назначили за нее чрезмѣрно дорогую плату 1 р. за 7¹/₂ печатныхъ листовъ небольшого формата—это, по условіямъ нашего книжнаго рынка, слишкомъ большая цѣна.

И. М. Соловьевъ. Русскіе университеты въ ихъ уставахъ и воспоминаніяхъ современниковъ. Выпускъ первый. Университеты до эпохи шестидесятыхъ годовъ. (Культурно-историческая Библіотека подъ редакціей Исторической Коммиссіи учебнаго отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній. № 1). СПб. 1914. Стр. 206. Ц. 1 р. 25 к.

Г. Соловьевъ поставилъ своей задачей „вскрыть передъ читателемъ строй и внутреннюю жизнь нашихъ университетовъ“ путемъ ознакомленія съ „непосредственными документами“, которые, по ег-

хотя бы и безпристрастное повѣствованіе историка“. Поставивъ себѣ такую задачу, г. Соловьевъ свою роль комментатора документовъ, предлагаемыхъ имъ читателю, ограничилъ очень тѣсными рамками. Онъ предпослалъ, правда, своему сборнику краткую вступительную статью, но въ ней исторія нашихъ университетовъ съ момента ихъ возникновенія до шестидесятихъ годовъ прошлаго вѣка намѣчена лишь въ самыхъ бѣглыхъ и поверхностныхъ чертахъ. Что касается документовъ, включенныхъ г. Соловьевымъ въ его сборникъ, то они распадаются на двѣ неравныя по объему части. Въ первой, значительно меньшей, составителемъ собраны выдержки изъ университетскихъ уставовъ, изъ инструкцій и циркуляровъ министерства народнаго просвѣщенія и, наконецъ, изъ тѣхъ рѣчей и записокъ, которыми представители учебной власти комментировали общее направленіе своей административной дѣятельности и отдѣльныя ея проявленія. Матеріалу, подобранному составителемъ въ этомъ отдѣлѣ сборника, нельзя отказать ни въ яркости, ни въ характерности, но въ интересахъ болѣе полного ознакомленія читателя съ политикою властей относительно университетовъ слѣдовало, пожалуй, привести такого матеріала нѣсколько больше, чѣмъ его имѣется въ сборникѣ. Вторую и главную часть послѣдняго составляютъ выдержки изъ воспоминаній современниковъ различныхъ эпохъ въ жизни русскихъ университетовъ, выдержки, начинающіяся отрывкомъ изъ автобіографіи Фонвизина и заканчивающіяся извлеченіями изъ записокъ С. М. Соловьева. Эти выдержки, въ большинствѣ своемъ умѣло и тщательно подобранныя составителемъ изъ мемуаровъ разныхъ лицъ, позволяютъ читателю довольно наглядно представить себѣ бытовую обстановку жизни русскихъ университетовъ на протяженіи столѣтія послѣ основанія перваго изъ нихъ. Болѣе или менѣе полно представлена въ этомъ матеріалѣ, правда, лишь жизнь московскаго и петербургскаго университетовъ. Относительно провинціальныхъ университетовъ самъ составитель сборника оговаривается, что въ даваемомъ имъ матеріалѣ ихъ жизнь „освѣщена неполно и, быть можетъ, односторонне“. И, если не односторонность, то неполнота сборника въ этомъ отношеніи, дѣйствительно, сильно даетъ себя чувствовать. Даже знаменитому разгрому казанскаго университета Магницкимъ въ сборникѣ уделено очень мало мѣста и вниманія. Есть въ немъ и другіе, не менѣе серьезные и ощутительные пробѣлы. Но наличность всѣхъ такихъ пробѣловъ не мѣшаетъ признать за даннымъ сборникомъ значеніе интересной и полезной книги. Онъ, конечно, не замѣнитъ собою, вопреки мнѣнію его составителя, „повѣствованія историка“, но рядомъ съ такимъ повѣствованіемъ онъ явится полезнымъ пособіемъ, дающимъ возможность тѣмъ изъ читателей, которые интересуются прошлою жизнью русскихъ университетовъ, ближе приглядѣться и къ нормамъ, регулировавшимъ эту жизнь,

и къ тѣмъ ея проявленіямъ, которые наиболѣе запечатлѣлись въ памяти ея современниковъ.

Мемуары князя Адама Чарторижскаго и его переписка съ императоромъ Александромъ I. Переводъ съ французскаго А. Дмитріевой. Редакція и вступительная статья А. Кизеветтера. Томъ второй. М. 1913. Стр. 362+III. Ц. 2 р.

Въ прошломъ году намъ приходилось говорить на страницахъ „Русскаго Богатства“ о первомъ томѣ „Мемуаровъ князя Адама Чарторижскаго“ въ русскомъ переводѣ. Въ этомъ первомъ томѣ и заключались собственно мемуары Чарторьскаго. Второй томъ включаетъ въ себя собраніе своего рода оправдательныхъ документовъ къ нимъ—переписку Чарторьскаго съ Александромъ I за время съ 1801 по 1823 г., записки устныхъ бесѣдъ, происходившихъ въ разное время между ними, отчеты и записки Чарторьскаго по вопросамъ иностранной политики Россіи въ періодъ его управленія этой политикой, письма Чарторьскаго къ гр. Воронцову за тотъ періодъ, когда первый изъ нихъ, состоя въ должности товарища министра иностранныхъ дѣлъ, въ дѣйствительности управлялъ этимъ министерствомъ, а второй, отсутствуя изъ Петербурга, номинально еще сохранялъ постъ государственнаго канцлера, и т. д. Въ своей совокупности всѣ эти матеріалы имѣютъ большое значеніе для выясненія отношеній между Александромъ I и кн. Чарторьскимъ, являясь какъ бы документальнымъ комментариемъ къ воспоминаніямъ послѣдняго. Правда, этотъ комментарий не приходится считать ни вполне объективнымъ, ни достаточно полнымъ, такъ какъ въ него вошли далеко не всѣ документы, касающіеся отношеній Чарторьскаго къ Александру I. Уже въ вышедшемъ недавно трудѣ вел. кн. Николая Михайловича „Императоръ Александръ I“ былъ напечатанъ рядъ важныхъ документовъ изъ исторіи этихъ отношеній, документовъ вовсе не вошедшихъ или вошедшихъ лишь частью во второй томъ „Мемуаровъ“ кн. Чарторьскаго. Не менѣе важный матеріалъ такого же рода открытъ за послѣднее время извѣстнымъ польскимъ историкомъ, проф. Аскепази. Редакторъ русскаго перевода нашелъ однако болѣе правильнымъ и целесообразнымъ включить въ него лишь „тотъ самый подборъ матеріаловъ, который былъ приложенъ къ французскому оригиналу, на томъ основаніи, что этотъ именно подборъ, преднамѣченный, повидимому, самимъ авторомъ мемуаровъ, имѣетъ значеніе прежде всего какъ документальный комментарий къ тексту мемуаровъ“. Этому соображенію нельзя отказать въ извѣстной основательности, но, думается, читатель только выигралъ бы, еслибы въ приложеніяхъ къ этому комментарию были помѣщены дополненія къ нему. Теперь же читатель „Мемуаровъ“ кн. Чарторьскаго не долженъ забывать, что ни въ

нихъ самихъ, ни въ сопровождающей ихъ вступительной статьѣ редактора русскаго ихъ перевода не нашли себѣ мѣста всѣ извѣстные уже исторической наукѣ матеріалы, освѣщающіе личность кн. Адама Чарторыскаго и исторію его отношеній къ императору Александру I.

Записки княгини М. Н. Волконской. Пер. съ франц. оригинала А. Н. Бударцевой. Біографическій очеркъ и примѣчанія П. Е. Щеголева. Кн-го „Прометей“. Спб. 1914. Стр. VIII + 209. Ц. 1 р. 50 к.

Прошлой осенью минуло полвѣка со дня смерти княгини М. Н. Волконской и прекращеніе правъ литературной собственности на ея „Записки“ дало издательству возможность сдѣлать нѣсколько болѣе общедоступнымъ этотъ прекрасный образецъ русско-мемуарной литературы. „Общедоступность“ для небольшой книги, правда, относительная, но первое, роскошное изданіе сына покойной было вдвое дороже. Біографическая статья и обширныя примѣчанія П. Е. Щеголева окружаютъ достойной рамкой воспоминанія одной изъ героинь „Русскихъ женщинъ“ Некрасова. Надо пожалѣть, что издательство вынуждено было дать—рядомъ съ французскимъ подлинникомъ—новый переводъ „Записокъ“. Какимъ бы ни были его достоинства, въ старомъ переводѣ, вышедшемъ изъ семьи покойной, было какъ бы нѣчто автентическое—и было бы какъ-то пріятнѣе, еслибы и русскій текстъ былъ единственнымъ,—какъ бы оригиналомъ.

Такъ или иначе—русскій читатель долженъ знать „Записки“: не потому только, что онѣ представляютъ собой какъ бы продолженіе и окончаніе той части „Русскихъ женщинъ“, въ которой Некрасовъ воспроизвелъ воспоминанія княгини Волконской съ точностью почти дословной, но и потому, что въ „Запискахъ“ художественно запечатлѣлась искренняя исповѣдь души великой. Мы знаемъ, что княгиня Волконская не была единственной подвижницей среди женъ декабристовъ. „Трубецкая, Розенъ, Давыдова, Нарышкина, Ентальцева, Анненкова, Ивашева, Фонвизина раздѣляютъ славу Волконской. Различны психологическіе мотивы подвига каждой изъ нихъ. Для однихъ, какъ для Анненковой и Ивашевой путешествіе въ Сибирь было подвигомъ страстной любви, для другихъ (Давыдова, Ентальцева и др.)—подвигомъ супружеской любви и долга. Фонвизина рѣшилась на подвигъ ради самого подвига. Для Волконской онъ былъ подвигомъ „борьбы“, чисто органическимъ и абсолютно чуждымъ эгоистическимъ соображеніямъ. Она совершила его не для себя, не для мужа, а „по человечеству“. Когда ей высказывали удивленіе по поводу того, какъ она могла лишиться себя всего, что имѣла, и все покинуть, чтобы слѣдовать за мужемъ, она отвѣчала: „Что же тутъ удиви-

тельнаго? Пять тысячъ женщинъ дѣлають добровольно то же самое“. Это величіе души удачно отлилось въ достойную словесную форму—и „Записки“ княгини Волконской также отчетливо изобразили ея внутреннюю красоту, какъ и ея подвигъ. Достоинства большой натуры, богатой, жизненной и просвѣтленной страданіемъ, тѣмъ сильнѣе въ этомъ замѣчательномъ документѣ, что не бросаются въ глаза—и стоитъ познакомиться съ нимъ хотя бы для того, чтобы оцѣнить его прекрасную сдержанность, его благородную открытость, его ясную простоту.

А. И. Яроцкій (ординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета). **Альтруистическая мораль** и ея индивидуалистическое обоснованіе. Юрьевъ. 1914. Стр. VI+54. Ц. 50 к.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ проф. Яроцкій выпустилъ книгу „Идеализмъ, какъ фізіологическій факторъ“, въ которой проводилась та мысль, что высоконравственное настроеніе духа имѣетъ терапевтическое значеніе, что всякій больной, а особенно серьезно больной, вѣрнѣе всего достигнетъ излеченія, если забудетъ о своей личности и отдастъ свои помысленія любви къ ближнимъ и высокимъ духовнымъ интересамъ.

Въ № 3 „Русск. Бог.“ за 1909 г. была помѣщена нами рецензія на эту книгу проф. Яроцкаго. Вполнѣ признавая то обстоятельство, что „бодрость духа“ больного имѣетъ значительное терапевтическое значеніе, мы все-таки утверждали, что проф. Яроцкій не доказалъ своего основного положенія о терапевтическомъ значеніи именно нравственныхъ чувствъ.

Настоящей своей брошюрой проф. Яроцкій даетъ отвѣтъ своимъ критикамъ. Онъ говоритъ: „Мнѣ возражали на мой тезисъ...: ну, да, ясно, что бодрый и сильный духъ въ высшей степени благотворно дѣйствуетъ на процессы тѣла. Но не доказано, что альтруизмъ, чувство долга, способность отвѣчать на глубокіе политическіе, религіозные и социальныя запросы жизни являются факторами, влекущими за собою яркое, бодрое, устойчивое душевное настроеніе“ (стр. IV). Поэтому нашъ авторъ и опредѣляетъ задачу своей новой работы, какъ „попытку выяснить роль альтруистической морали и чувства долга, какъ условій устойчивости и богатства душевной жизни“ (стр. IV).

Такимъ образомъ проф. Яроцкій переноситъ центръ тяжести своего изслѣдованія изъ области фізіологіи въ область психологіи и этики. И, дѣйствительно, все дальнѣйшее изложеніе въ его брошюрѣ имѣетъ характеръ изслѣдованія въ области этики. Практическій врачъ, написавшій книгу, которая должна руководить дѣятельностью другихъ практическихъ врачей у кровати больного,—проф. Яроцкій долженъ былъ бы для обоснованія своего тезиса объяснить вліяніе нравственныхъ чувствъ на пульсъ, дыханіе, обмѣнъ

веществъ, иннервацию и т. п., а вмѣсто этого онъ, въ отвѣтъ на возраженія критиковъ, считаетъ важнымъ указать на то обстоятельство, что его пониманіе нравственности совпадаетъ съ пониманіемъ Спинозы (стр. V).

Все разсужденіе проф. Яроцкаго является, по нашему мнѣнію, однимъ изъ примѣровъ логической ошибки, называемой *quaternio terminorum*. Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ при заболѣваніи „падаетъ духомъ“ и теряетъ „бодрость“, то это малодушное поведеніе, безспорно, ухудшитъ его положеніе. Съ другой стороны, мы и безъ доказательствъ проф. Яроцкаго знали, что высокая нравственность есть условіе „устойчивости и богатства душевной жизни“. Но только спрашивается: эта альтруистическая, этическая „устойчивость“ тождественна ли съ той, если не эгоистической, то, во всякомъ случаѣ, эгоцентрической „бодростью“?

Этого проф. Яроцкій даже и не пытается доказать.

А между тѣмъ очевидно, что во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ проф. Яроцкій молчаливо предполагаетъ, что, доказавши увеличеніе „устойчивости и богатства душевной жизни“ при высоконравственномъ поведеніи, онъ тѣмъ самымъ заставитъ сложить оружіе тѣхъ своихъ оппонентовъ, которые заранѣе признали терапевтическое значеніе „бодраго духа“.

Мы не будемъ подробно слѣдить за ходомъ разсужденій проф. Яроцкаго. Какъ мы уже говорили, вся его брошюра наполнена изслѣдованіями въ области этики, а не физиологіи. Но, конечно, самъ авторъ не претендуетъ на то, чтобы его маленькая брошюра дала какое-либо новое обоснованіе этики и, какъ мы видимъ, онъ охотно укрывается подъ эгидой Спинозы. Поэтому мы ограничимся цитатой, знакомящей съ основнымъ положеніемъ брошюры, и посмотримъ, что изъ нея вытекаетъ. На стр. 37 авторъ рѣшаетъ „обобщить“ „факты“ и даетъ такое резюме своимъ разсужденіямъ: „Альтруистическое направленіе душевной дѣятельности является факторомъ, благоприятствующимъ ея болѣе интенсивнымъ и прочнымъ проявленіямъ, такъ какъ альтруистическія чувства влекутъ человѣка изъ болѣе тѣснаго и простаго круга отношеній въ болѣе сложный и обширный“.

Мы вполне согласны съ этимъ выводомъ и готовы были бы поздравить нашего автора съ успѣхомъ, еслибы онъ это написалъ въ защиту книги, озаглавленной, напримѣръ, „Утѣшеніе въ философіи“ или „Счастіе Праведника“, а не въ защиту медицинскаго трактата, носящаго заглавіе „Идеализмъ, какъ физиологическій факторъ“.

Шопенгауэръ, какъ извѣстно, утверждалъ, что для человѣка, наслаждающагося созерцаніемъ заходящаго солнца, все равно, предается ли онъ этому эстетическому созерцанію изъ оконъ дворца или изъ-за тюремной рѣшетки. Но Шопенгауэръ не думалъ утверждать, что путемъ созерцанія заката солнца узникъ *тѣлесно* осво-

бодится отъ тюрьмы. А проф. Яроцкій именно и утверждаетъ нѣчто подобное тѣлесному освобожденію отъ тюрьмы путемъ эстетическаго созерцанія. Повторяемъ: врачъ, защищая врачебный тезисъ, все время пребываетъ въ сферѣ этики и при этомъ воображаетъ, будто этимъ онъ рѣшаетъ *физиологическій* вопросъ!

Исправная дѣятельность всѣхъ нашихъ тѣлесныхъ органовъ сопровождается тѣмъ чувствомъ физическаго благодѣянія, которое называется бодростью, а „бодрость“ въ свою очередь даетъ возможность тѣлу лучше перенести случайныя разстройства. Это вполне аналогично тому, какъ въ государствѣ рациональное земледѣліе и цвѣтущая промышленность приводятъ къ финансовому благоденствію государственнаго казначейства, а это „финансовое благоденствіе“, въ свою очередь, облегчаетъ земледѣльческіе и промышленныя кризисы. Но группа нравственныхъ чувствъ есть система, наиболее оторванная отъ тѣлесныхъ явленій; альтруистическія чувства дѣйствительно, какъ говоритъ нашъ авторъ, „гдѣ-то“ человѣка изъ болѣе тѣснаго и простаго круга отношеній“, они поднимаютъ человѣка выше „земного“ и „матеріальнаго“, но именно потому, что они влекутъ человѣка въ чисто душевный міръ, ихъ физиологическое значеніе и является сомнительнымъ.

И во всякомъ случаѣ физиологическую роль нравственныхъ чувствъ слѣдуетъ изучать при содѣйствіи физиологическихъ методовъ. А если мы видимъ, что изслѣдователь остается все время въ области этики и, доказывая, что нравственность ведетъ къ душевной „устойчивости“, воображаетъ, будто онъ этимъ доказываетъ и то повышеніе тѣлесной устойчивости, которое проявляется духовной бодростью, то мы не можемъ не сказать: это разсужденіе заключаетъ въ себѣ ошибку *quaternio terminorum*.

Библіотека натуралиста подъ ред. И. И. Полянскаго. Изд. А. С. Панафидиной. М. 1913—1914.—Проф. С. П. Кравковъ. Жизнь почвы.—Почвы земного шара.—Почва и культурное растеніе.—Проф. Г. Ф. Морозовъ.—Лѣсъ, какъ растительное сообщество.—Проф. В. Н. Ипатьевъ.—Нефть и ея происхожденіе.—Химическія явленія въ природѣ: катализъ.—Проф. С. П. Костычевъ.—О появленіи жизни на землѣ.—Проф. Б. Ф. Веригъ.—Роль бѣлковъ въ обменѣ веществъ животнаго организма.—Проф. В. И. Палладинъ.—Роль ферментовъ въ живыхъ и убитыхъ растеніяхъ.—А. В. Палладинъ.—О химическомъ взаимодействіи органовъ человѣка.—Проф. Д. К. Третьяковъ.—Вѣсмертіе и долголѣтіе.—Донсторическій человѣкъ: древній каменный вѣкъ.—Прив.-доц. П. Ю. Шмидтъ.—Страхъ и угроза у животныхъ.

За послѣднее время вышло и выходитъ нѣсколько серій относительно дешевыхъ и небольшихъ по объему, но преимущественно переводныхъ книжечекъ по естествознанію, касающихся наиболѣе злободневныхъ и интересныхъ научныхъ вопросовъ. Отличитель-

ной чертой серии, издаваемой А. С. Панафидиной подъ названіемъ „Библиотеки натуралиста“, является прежде всего то, что **всѣ книжки** ея **вполнѣ оригинальны** и принадлежать перу **лучшихъ знатоковъ** даннаго вопроса у насъ въ Россіи, — среди **вышедшихъ 13 книжекъ нѣтъ ни одной переводной!** Это является особымъ достоинствомъ особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда тема близко касается русской природы. Такъ, книжечка проф. Кравкова даютъ сжатую, но удобопонятную даже и для мало подготовленнаго читателя характеристику почвъ, преимущественно русскихъ, ихъ происхожденія, свойствъ и распредѣленія и ихъ отношеній къ растеніямъ. Точно также и книжечка проф. Морозова представляетъ собою цѣнный вкладъ въ популярную литературу о природѣ русскаго лѣса. Большой интересъ представляетъ очеркъ проф. Ипатьева, посвященный вопросу о происхожденіи нефти — также нашего крупнаго національнаго богатства. Авторъ, какъ химикъ, защищаетъ органическую теорію происхожденія нефти, т. е. возникновеніе ея изъ разлагающихся труповъ животныхъ, — теорія, совершенно неприемлемая для біолога! Предполагается, что нефть въ природѣ могла произойти „въслѣдствіе образованія массовыхъ могилъ морской фауны“, но интересно бы подсчитать, какое количество представителей морской фауны, погибшихъ внезапно въслѣдствіе какой-то катастрофы, потребовалось бы для того, чтобы изъ оставшихся отъ нихъ и сохранившихся втеченіе тысячелѣтій углеводовъ (бѣлки, предполагается, разложились) могли образоваться 500 милліоновъ пудовъ нефти, добываемые ежегодно въ бакинскомъ районѣ, и болѣе милліарда пудовъ въ Сѣверной Америкѣ! Самый приблизительный подсчетъ показалъ бы полную несостоятельность этихъ предположеній!

Нѣкоторыя изъ книжекъ „Библиотеки натуралиста“ касаются широкихъ и общихъ вопросовъ естествознанія, при томъ представляющихъ въ настоящее время особый интересъ. Таковы интересная книжечка проф. Палладина о значеніи ферментовъ и очеркъ проф. Вериги, посвященный роли бѣлковъ въ организмѣ животнаго. Также содержательны и очень общедоступно изложены очерки А. В. Палладина о внутренней секреціи и С. П. Костычева о происхожденіи жизни. Нѣсколько слабѣе въ смыслѣ изложенія книжка проф. Третьякова о безсмертіи и долготѣи, — охватывая слишкомъ широкую тему, она очень неравномѣрно освѣщаетъ различныя стороны вопроса.

Не совсѣмъ удачное названіе серии можетъ заставить думать, что она предназначена лишь для натуралистовъ. На самомъ дѣлѣ, почти всѣ вышедшія книжки (за исключеніемъ развѣ таковыхъ на химическія темы) вполнѣ доступны пониманію **каждаго интересующагося** вопросомъ **интеллигентнаго читателя**. Въ нѣкоторую вину редакціи можно поставить, что подборъ темъ нѣсколько одностороненъ и случаенъ, — такъ, изъ 23 вышедшихъ и намѣченныхъ

книжечекъ шесть посвящены почвѣ и лѣсу! Внѣшность книжечекъ, недурно иллюстрированныхъ иногда оригинальными рисунками, вполне прилична, и цѣна за 3—4 листа отъ 20 до 30 к. настолько невысока, что ихъ могутъ приобрести и небогатые бібліотеки. Слѣдуетъ отъ души пожелать „Библіотекѣ натуралиста“ самаго широкаго распространенія.

Эрнестъ Лехеръ. Физика для медиковъ и біологовъ. Перев. подъ ред. проф. П. Г. Статкевича. Москва. 1914.

Знаніе физики обязательно въ настоящее время для біологовъ и въ особенности для физиологовъ и медиковъ, но приобрести это знаніе трудно безъ математической подготовки.

Наши университетскіе курсы физики, среди которыхъ имѣются и первоклассныя въ дидактическомъ отношеніи произведенія, припоровлены къ математикамъ и переполнены формулами, требующими знанія высшей математики. Учебникъ проф. Лехера имѣетъ въ виду, наоборотъ, лицъ, знакомыхъ съ математикой лишь въ размѣрѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній и потому, сохраняя полную научность, пригоденъ не только для медиковъ и физиологовъ, но и въ качествѣ пособия при самообразованіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не отмѣтить, что книга содержитъ всѣ самыя послѣднія новинки и заключаетъ, помимо обычнаго матеріала, много спеціально интереснаго для біологовъ—движеніе жидкости въ трубкахъ разсматривается примѣнительно къ сосудамъ и къ кровообращенію, давленіе воздуха—примѣнительно къ дыханію, диффузія—въ связи съ явленіями осмоса въ клѣткахъ и т. д. Очень подробно разработаны законы термодинамики, важныя для выясненія внутреннихъ процессовъ выдѣленія теплоты животныхъ, а также большое вниманіе удѣлено оптикѣ и тѣмъ отдѣламъ электричества, которые важны для медиковъ. Учебникъ отличается замѣчательно сжатымъ изложеніемъ и большою компактностью. Чертежи почти всѣ оригинальны и очень отчетливы и понятны. Переводъ вполне удовлетворителенъ, но замѣчается немало недосмотровъ, которымъ не мѣсто въ учебникѣ, такъ, напр., на стр. 242 изъ-за путаницы въ буквахъ и неясности перевода трудно понять, въ чемъ сущность наблюденія Рёмера. Еще удивительнѣе типографскій недосмотръ, изъ-за котораго совершенно пропущены стр. 170 и 171, содержащія, повидимому, очень существенные параграфы. Съ внѣшней стороны книга издана вполне прилично.

А. Н. Сѣверцовъ. Современныя задачи эволюціонной теоріи. Изд. „Bios“. М. 1914. Стр. 155. 41 рис. Ц. 80 к.

„Большинство эволюціонистовъ-теоретиковъ останавливались главнымъ образомъ на біологической сторонѣ эволюціи и сравни-

тельно мало затрагивали морфологическую и физиологическую стороны этого процесса“ отмѣчаетъ самъ авторъ въ заключительной главѣ своей книги (стр. 141). Дѣйствительно, большинство послѣдователей Дарвина въ области изученія строенія или формы организмовъ (морфологін) мало останавливались на общихъ законахъ эволюціоннаго процесса. Ихъ болѣе интересовало установленіе родственныхъ отношеній отдѣльныхъ группъ животнаго царства другъ къ другу, при чемъ нерѣдко все морфологическое изслѣдованіе принимало исключительно филогенетическій характеръ, т. е. видѣло свою главную задачу въ филогеніи, въ выясненіи происхожденія тѣхъ или иныхъ организмовъ отъ ихъ отдаленныхъ предковъ. При этомъ создавались цѣлыя родословныя деревья, часто основывавшіяся на очень шаткихъ данныхъ, что дало поводъ Дюбура-Реймону остроумно замѣтить про нихъ, что научная цѣнность подобныхъ построеній не выше научной цѣнности родословныхъ героевъ по Гомеру. Отсюда наблюдающійся за послѣднее время упадокъ интереса къ морфологін и отливъ силъ въ другія біологическія дисциплины.

Нерѣдко приходится даже слышать, что пѣсня чистой морфологін уже спѣта, что она изжила самое себя и что теперь необходимы другіе методы изслѣдованія. Насколько подобная точка зрѣнія ошибочна, лучше всего показываетъ разбираемая книга Сѣверцова. Мы наглядно видимъ здѣсь, какъ много можетъ еще дать чисто морфологическое изслѣдованіе и насколько неправильно переносить на цѣлую дисциплину тотъ упрекъ, который можно сдѣлать ея одностороннему направленію.

Автору разбираемой нами книги принадлежитъ рядъ крупныхъ специальныхъ изслѣдованій по морфологін позвоночныхъ. Два года тому назадъ онъ выпустилъ книгу „Этюды по теоріи эволюціи“, гдѣ имъ разобранъ глубоко интересный вопросъ объ отношеніи индивидуальнаго развитія и эволюціи, но это изслѣдованіе по своему специальному характеру едва-ли доступно для широкой публики. „Современныя задачи эволюціонной теоріи“, напротивъ, могутъ быть прочтены съ глубокимъ интересомъ каждымъ, кто интересуется развитіемъ біологической мысли.

Цѣль автора показать, что можетъ дать морфологическое изслѣдованіе „для изученія общихъ закономерностей эволюціоннаго процесса въ его цѣломъ“. Первая глава посвящена вопросу о происхожденіи высшаго типа животнаго царства, именно позвоночныхъ, чтобы наглядно показать читателю результаты современнаго филогенетическаго изслѣдованія, при чемъ многое въ ней настолько ново, что представляетъ большой интересъ и для специалистовъ. Во второй главѣ авторъ разбираетъ съ присущей ему ясностью общія закономерности эволюціоннаго процесса: прогрессъ и регрессъ, схождение и расхождение признаковъ (конвергенцію и дивергенцію), вопросъ объ общемъ и множественномъ происхо-

женіи различных организмовъ (монофілія и полифілія). Особенный интересъ представляетъ третья глава, гдѣ авторъ излагаетъ свою собственную теорію коррелятивныхъ измѣненій. Подъ именемъ корреляціи или соотношенія въ морфологін понимаютъ соотвѣстственные измѣненія въ однихъ органахъ подъ вліяніемъ измѣненія въ другихъ. Сѣверцовъ считаетъ, что подобныя измѣненія играютъ при эволюціонномъ процессѣ очень важную роль, и разбираетъ при этомъ чрезвычайно важный и недостаточно освѣщенный вопросъ о значеніи ненаслѣдственныхъ измѣненій вообще. И здѣсь мы сталкиваемся съ рядомъ новыхъ и интересныхъ соображеній, которыми богата вся книга.

Нельзя не отмѣтить одного пункта въ воззрѣніяхъ автора, проходящаго красной нитью черезъ всю книгу, именно мысли о тѣсной связи между эволюціей организмовъ и измѣненіями среды. Осложненію условій виѣшней среды отвѣчаетъ общая прогрессивная эволюція организма; если условія среды измѣняются, но сложность ея не уменьшается, то организація измѣняется, но остается на прежней высотѣ; наконецъ, при измѣненіи условій въ сторону упрощенія понижается и общая сложность организаціи. Это своего рода *credo* автора, сторонникомъ котораго онъ заявилъ себя уже раньше. Однако вопросъ этотъ до сихъ поръ нельзя признать рѣшеннымъ, что лучше всего видно изъ того, что и теперь существуютъ прямо противоположныя* воззрѣнія, согласно которымъ такая связь между измѣненіями среды и эволюціей отнюдь не является необходимой. Нельзя не отмѣтить, что этотъ кардинальный пунктъ эволюціонной теоріи не можетъ быть уже разрѣшенъ ни морфологіей, ни какой бы то ни было описательной дисциплиной и здѣсь необходимъ экспериментъ. Въ этомъ вопросѣ чистая морфологія доходитъ до своей естественной границы и должна уступить мѣсто экспериментальной біологін, которая такъ быстро развивается за послѣднее время.

Во всякомъ случаѣ разбираемая нами книга помимо заключеннаго въ ней фактическаго матеріала, возбуждаетъ рядъ новыхъ вопросовъ и безспорно принадлежитъ къ числу тѣхъ книгъ, которыя могутъ быть прочтены съ большою пользою и интересомъ.

Проф. В. Рейнъ. Педагогика. Пер. С. Ипсевичъ. Библіотека „Наука и Жизнь“. Рига. Стр. 164. Ц. 65 коп.

Авторъ этой книжки принадлежитъ къ числу наиболѣе дѣятельныхъ современныхъ герbartіанцевъ и вся эта книжка является собственно только повтореніемъ системы Гербарта. Педагогика опирается съ одной стороны на этику, съ другой — на психологію. Этика указываетъ на цѣль, психологія на средства воспитанія. Согласно этикѣ Гербарта, цѣлью воспитанія является образованіе идеальнаго характера, абсолютной нравственной воли; со-

гласно же психологін Гербарта, единственными душевными функциями, изъ которыхъ слагаются понятія, чувствованія, желанія, а въ конечномъ счетѣ и воля, являются представленія. „Тупоумные не могутъ быть нравственными“,—говоритъ Гербартъ, и Рейнъ вслѣдъ за нимъ повторяетъ: „желанія вѣдъ міра представленія, вѣдъ знанія—нѣтъ. Желаніе коренится въ мірѣ мыслей, отсюда вырастаетъ“. Но между этикой Гербарта, которая выставляетъ, какъ цѣль воспитанія,—образованіе воли, и психологіей, которая видитъ въ развитіи интеллектуальной жизни единственное средство воспитанія, возникаетъ несоотвѣтствіе, которое Рейнъ не только не разрѣшаетъ, но даже еще больше обостряетъ, благодаря тому, что придаетъ этикѣ Гербарта болѣе волюнтаристскій характеръ. Такъ какъ развитіе воли возможно только путемъ представленій, то въ педагогикѣ Гербарта-Рейна преобладающее значеніе приобретаетъ обученіе. Отдѣлять обученіе отъ собственнаго воспитанія невозможно, обученіе есть воспитаніе. Обученіе должно сообщить всѣ тѣ представленія, изъ которыхъ слагается объективная воля; но не каждое представленіе порождаетъ волю: для того, чтобы представленія переходили въ волю, они должны вызвать извѣстное душевное движеніе, они должны создать интересъ. На основаніи этихъ требованій Гербартъ разрабатываетъ свой планъ обученія, который по своей стройности и простотѣ не можетъ не подкупать даже противниковъ гербартианства, но который все же не уничтожаетъ основного противорѣчія этой системы. Если представленія могутъ переработаться въ волю только путемъ интереса, то очевидно, что самъ этотъ интересъ есть нѣчто отличное отъ представленій; и не заключается ли уже въ самомъ требованіи интереса признаніе того, что представленія не являются единственною функцией души, что, помимо нихъ, имѣются еще другіе пути къ образованію воли, другія силы, приводящія волю въ движеніе? Впрочемъ, Гербартъ самъ дополняетъ свое ученіе объ обученіи ученіемъ о надзорѣ, т. е. о воспитательной дѣятельности въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, о непосредственномъ воздѣйствіи на характеръ. Но какое же можетъ быть непосредственное воздѣйствіе на характеръ, если нѣтъ характера вѣдъ представленій? Вѣдъ значеніе всѣхъ этихъ работъ въ школьномъ саду, мастерской, библіотекѣ и т. д., школьныхъ игръ, праздниковъ, экскурсій, которые Гербартъ, а за нимъ и Рейнъ вводятъ въ содержаніе „надзора“, заключается не въ томъ, что они создаютъ тѣ или иные представленія, а въ томъ, что они вызываютъ въ душѣ ученика непосредственныя эмоціи и чувства, непосредственныя переживанія. Такъ или иначе, ученіе о надзорѣ снова отрываетъ воспитаніе отъ обученія, и стройное единство, которое Гербарту удалось было установить между ними въ своей системѣ обученія, снова распадается. Интеллектуалистическая этика оказалась не въ силахъ дать базисъ единого и цѣлостнаго воспитанія. Дѣйствительное начало жизни воли, является въ этой системѣ только пролаз-

водной изъ представленій, конечнымъ результатомъ воспитанія; гербартовская „функція“, или, какъ конкретнѣе выражается Рейнъ, примѣненіе, умѣніе, т. е. активная творческая дѣятельность, которая въ новѣйшей педагогикѣ разсматривается, какъ исходная точка, какъ живой, органическій путь воспитанія, является въ этой системѣ только послѣдней формальной ступенью обученія, которой долженъ предшествовать путь апперцепціи и отвлеченія (абстракціи). Но Рейнъ предлагаетъ намъ систему Гербарта, послѣднее слово педагогической науки, и въ изданіи, предназначенномъ для цѣлей популяризаціи „современнаго знанія“, онъ ни словомъ не упоминаетъ о новѣйшихъ теченіяхъ педагогической мысли, которыми удалось преодолѣть и превозмочь психологическій интелектуализмъ. И въ своей „практической педагогикѣ“, которую Рейнъ препосылаетъ теоретической и которую онъ опредѣляетъ, какъ „философское разсмотрѣніе практическихъ условій, при которыхъ проходитъ воспитаніе“, авторъ собственно даетъ только философское обоснованіе установившихся формъ воспитанія и совершенно обходитъ молчаніемъ всѣ новыя исканія и начинанія. Поскольку онъ критикуетъ современную нѣмецкую школу, онъ остается на почвѣ тѣхъ практическихъ требованій, которыя составляли еще Гербартъ, и своевременно постольку, поскольку своевременно еще Гербартъ, напр., въ вопросѣ о реформѣ классической гимназіи. Но тамъ, гдѣ авторъ подходитъ къ проблемамъ, выдвинутымъ современною жизнью, какъ, напр., къ проблемѣ женскаго образованія, онъ спускается со своей философской высоты и становится зауряднымъ обывателемъ. Правда, высшее женское образованіе признано уже нѣмецкимъ государствомъ и авторъ отмѣчаетъ, какъ успѣхъ, что въ Германіи *особенно одареннымъ* дѣвушкамъ открылся доступъ къ научнымъ занятіямъ; но „нѣмецкому духу гораздо больше подходитъ второй взглядъ“, т. е. взглядъ, что „не ученые, начитанныя женскія существа нужны образованнымъ классамъ страны, но прежде всего матери, которыя яснымъ взоромъ смотрятъ на міръ и своимъ сердечнымъ участіемъ способны слѣдить за дѣлами мужа... которыя свою энергію посвящаютъ домашнему очагу“... и т. д. „На первомъ планѣ должно стоять не интелектуальное образованіе, а нравственное, оборудованіе души“; противоположная точка зрѣнія „питается большею частію теоріями, нанесенными извнѣ“. Въ своемъ декламаторскомъ пафосѣ авторъ совершенно забываетъ о психологическомъ интелектуализмѣ, о томъ, что „нѣтъ желанія внѣ знанія“.

Вся книжка изложена сухо и схематично и примѣсь довольно безвкуснаго пафоса не придаетъ ей большей живости. Впрочемъ, теоретическая часть не лишена извѣстной стройности и во всякомъ случаѣ, какъ популяризація системы Гербарта, представляетъ нѣкоторый интересъ; въ практической же части мы находимъ нѣкоторыя небезполезныя свѣдѣнія объ организаціи школь-

наго дѣла въ Германіи. Переводъ сдѣланъ тяжело, неряшливо и неумѣло. Въ своемъ предисловіи переводчикъ извиняется, что опасеніе нарушить „цѣльность“ и „стройность“ системы Рейна заставило его „воздержаться отъ внесенія какихъ-либо добавленій или поясненій, касающихся постановки школьнаго дѣла въ Россіи“. Ужъ не эти ли соображенія заставили его привести прямо въ подлинникѣ 16 страницъ литературнаго указателя, не дополнивъ его ни однимъ русскимъ названіемъ и даже не отмѣтивъ тѣхъ изъ указанныхъ въ подлинникѣ книгъ, которыя имѣются въ русскомъ переводѣ?

Цѣна книжки, 65 коп., кажется намъ слишкомъ высокой: на нѣмецкомъ языкѣ выпускъ *Sammlung Göschen*, воспроизводимый въ русскомъ изданіи, стоитъ всего только 80 пфенниговъ, т. е. почти вдвое дешевле.

Владиміръ Розенбергъ. Лѣтопись русской печати. (1907—1914 гг.). М. 1914. Стр. 102. Ц. 70 к.

Въ своей книжкѣ г. Розенбергъ собралъ рядъ статей по вопросу о положеніи русской печати, напечатанныхъ имъ за послѣдніе годы, главнымъ образомъ, въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“,—собралъ, какъ онъ самъ говоритъ, въ надеждѣ, что „появленіе этой «Лѣтописи русской печати» за послѣдніе годы въ отдѣльномъ изданіи будетъ, быть можетъ, не бесполезно въ виду начавшагося въ Государственной Думѣ обсужденія министерскаго проекта новаго закона о печати“. Если, питая такую надежду, г. Розенбергъ рассчитывалъ оказать извѣстное воздѣйствіе на членовъ Государственной Думы, то онъ долженъ былъ испытать серьезное разочарованіе. Большинство „законодателей“, заседающихъ въ IV Думѣ, успѣло уже показать, что оно совершенно не заинтересовано установленіемъ свободы печати въ Россіи и скорѣе готово стремиться къ прямо противоположной цѣли. Иного рода стремленій, конечно, трудно было и ждать отъ этого большинства, но именно поэтому напрасны были бы и надежды убѣдить его въ въ пользу свободной печати. Другое дѣло — рядовой читатель, интересующійся судьбами русской печати и дающій себѣ отчетъ въ ея дѣйствительной цѣнности. Для него книжка г. Розенберга, въ рядѣ небольшихъ, но содержательныхъ очерковъ обрисовывающая условія существованія русской печати за послѣдніе годы, представитъ собою интересное и поучительное чтеніе. „Кто любитъ литературу, кто цѣнитъ печатное слово, кто даже только привыкъ къ пользованію книгой, къ чтенію газеты, тотъ не можетъ безъ душевной боли оглянуться на минувшій 1908 годъ“,—говоритъ авторъ въ одномъ изъ этихъ очерковъ (стр. 15) и въ сущности то же самое онъ могъ бы сказать и о каждомъ изъ слѣдующихъ годовъ. „Положеніе печати при третьей Думѣ—говоритъ авторъ въ другомъ

мѣстѣ своей книжки — можетъ быть сравнено съ мрачѣйшими періодами цензурной дѣятельности. Цензуры нѣтъ, т. е. нѣтъ въ видѣ общаго правила, такъ какъ кое-какіе спеціальныя виды цензуры сохранились, а мѣстами и общая цензура возстановлена по „добровольному“ соглашенію издателей съ мѣстными властями, — цензуры нѣтъ, но остался и властвуетъ надъ печатью, какъ встарь, цензурный трепеть... Старыя „независящія отъ редакціи обстоятельства“ послѣ недолговременной летаргіи воскресли вновь, да и какъ имъ было не воскреснуть послѣ 5.000 легальныхъ и сверх-легальныхъ каръ, воспринятыхъ періодической печатью втеченіе какихъ-нибудь пяти лѣтъ, послѣ того, какъ російскій *index librorum prohibitorum* обратился въ объемистую книжку, заключающую въ себѣ буквально тысячи названій, послѣ того, какъ сотни русскихъ писателей, и въ томъ числѣ весь цвѣтъ современной литературы, были посажены на скамью подсудимыхъ и во многихъ случаяхъ присуждены за свою литературную дѣятельность къ заключенію въ тюрьмѣ и крѣпости, послѣ того, какъ даже въ столицахъ не осталось ни одного сколько-нибудь вліятельнаго журнала, ни одной газеты, не подвергавшихся штрафу, конфискаціи, судебнымъ преслѣдованіямъ“ (43)... Не улучшилось положеніе печати и при четвертой Думѣ, а внесенный въ нее и уже принятый ея комиссіей министерскій законопроектъ общаетъ, какъ показываетъ авторъ въ заключительномъ очеркѣ своей книжки, еще болѣе ухудшить это положеніе и поставить русскую печать въ еще болѣе тяжелыя условія существованія. Но судьбы печати — это судьбы мысли всей страны, всего народа. Знакомство съ условіями, среди которыхъ живетъ и борется печать, въ сущности обязательно поэтому для всякаго читателя, и книжка г. Розенберга, помогая такому знакомству, можетъ сдѣлать хорошее и полезное дѣло.

Украинскій вопросъ. Изданіе редакціи журнала „Украинская Жизнь“. Спб. 1914. Стр. 134. Ц. 75 к.

„Цѣль настоящей книги — говорить въ своемъ предисловіи къ ней ея составители — дать русскому обществу матеріалъ для установленія правильнаго принципиальнаго отношенія къ украинскому вопросу, внести въ его оцѣнку необходимую объективность и спокойствіе освѣщеніемъ тѣхъ сторонъ и основъ украинскаго движенія, которыя въ настоящее время либо игнорируются, либо извращаются его антагонистами. Издатели будутъ считать свою задачу достигнутою, если настоящему очерку удастся хоть отчасти разсѣять скопившіяся около украинскаго вопроса предубѣжденія и недоразумѣнія, раскрыть тѣсную связь украинскаго движенія съ глубокими корнями народнои жизни и доказать совмѣстимость удовлетворенія украинскіхъ стремленій съ общегосударственными интересами“ (4). Поставивъ себѣ такую задачу, составители книги въ

рядъ послѣдовательныхъ главъ разсматриваютъ основные элементы украинской національной идеи, украинское національное движеніе въ его прошломъ и настоящемъ, національныя пріобрѣтенія украинства въ области художественной и научной литературы, прессы, театра и искусства и, наконецъ, отношеніе украинства къ русской государственности и культурѣ. Трактуютъ всѣ эти вопросы, составители не претендуютъ на большую самостоятельность изложенія и тому, кто достаточно знакомъ съ прошлымъ и настоящимъ Малороссіи, ихъ книга не дастъ въ сущности чего-либо новаго ни въ сферѣ конкретныхъ фактовъ, ни въ области ихъ истолкованія. Но для рядового русскаго читателя, по большей части мало и плохо освѣдомленнаго въ малорусской жизни, эта книга можетъ принести большую долю пользы, помогая ему освободиться отъ широко разлившагося въ наше время тумана націоналистическихъ предубѣжденій, ближе подойти къ пониманію того явленія, которое носитъ названіе украинскаго движенія, и точнѣе оцѣнить лежащія въ основѣ его потребности народной жизни. Порою, правда, составители книги нѣсколько увлекаются стремленіемъ изобразить всѣ бѣды современной Малороссіи, какъ результатъ стѣсненія ея національныхъ потребностей, и допускаютъ въ своемъ изложеніи нѣкоторые преувеличенія. Врядъ-ли правильно, напримѣръ, противопоставлять сравнительно слабую развитію грамотности въ нынѣшней русской Украинѣ свидѣтельство Павла Алеппскаго о поголовной будто бы грамотности малорусскихъ козаковъ эпохи Богдана Хмельницкаго (110). На самомъ-то дѣлѣ мы вѣдь знаемъ, что даже среди высшей козацкой старшины этой эпохи было достаточно неграмотныхъ людей, а о грамотности всего населенія или хотя бы большинства его не можетъ быть и рѣчи. Точно также врядъ-ли правильно поступаютъ составители книги и тогда, когда они усматриваютъ причину неудачи Столыпинской земельной политики въ Малороссіи въ національныхъ стѣсненіяхъ, практикуемыхъ здѣсь правительствомъ (118). Достаточно вспомнить, что еще болѣе крупную неудачу потерпѣла та же политика въ чисто-великорусскихъ областяхъ. Но такого рода преувеличеній въ разбираемой книгѣ немного, и въ общемъ ея изложеніе достаточно объективно, чтобы подготовить читателя къ принятію вытекающихъ изъ ея содержанія выводовъ. „Границы между любовью къ малорусскому народному нарѣчію и требованіемъ націонализаціи украинской народной школы — говорить составители книги на одной изъ послѣднихъ ея страницъ — по существу никакой нѣтъ. Признаніе національной особенности украинцевъ равносильно признанію ихъ права на благоприятныя условія для своего національнаго развитія. Народная пѣсня и художественная литература на украинскомъ языкѣ логически ведутъ за собою украинскую прессу, украинскую школу, украинскую науку. Если же усматривать опасность въ существованіи украинской газеты, то приходится вооружиться и противъ народной украинской

иѣсни, ибо въ ней лежитъ источникъ того, что націоналисты обзываютъ „мазепинствомъ“. Но уничтожить украинскій этнографизмъ, обрусить національную жизнь Малороссіи государство безсильно: слѣдовательно, необходимо дать свободный естественный выходъ національнымъ стремленіямъ украинцевъ, признавъ за украинскою національною культурою права на существованіе и развитіе до тѣхъ предѣловъ, какіе будутъ указаны свободнымъ взаимодействіемъ общегосударственныхъ и мѣстныхъ интересовъ. Это послѣднее мѣрило должно быть признано не только наиболѣе правильнымъ, но и единственнымъ“ (124). Сколько-нибудь внимательный и непредубѣжденный читатель разбираемой книги въ результатъ ознакомленія съ ней, думается, согласится и съ этимъ выводомъ, и съ неизбежными его послѣдствіями.

И. М. Чериковеръ. Исторія общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. (Культурно-общественныя теченія въ рускомъ еврействѣ) 1863 — 1893. Томъ I. СПб. 1913. Стр. 254. Ц. 1 р. 50 коп.

Въ истекшемъ году исполнилось пятидесятилѣтіе дѣятельности общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи и нельзя не привѣтствовать появленія исторіи этого общества, которое сыграло такую крупную роль въ дѣлѣ еврейскаго просвѣщенія. Начало дѣятельности общества просвѣщенія относится къ „эпохѣ великихъ реформъ“ и первый періодъ его дѣятельности можно обозначить, какъ періодъ отеческаго попеченія правительства и радужныхъ иллюзій еврейскихъ общественныхъ дѣателей. Въ то время казалось, дѣйствительно, что правительство во всемъ идетъ на встрѣчу нуждамъ еврейскаго просвѣщенія. Рѣшительно отвергая всю ту систему вмѣшательства въ религіозную жизнь евреевъ, которая приняла столь рѣзкія формы въ просвѣтительной политикѣ николаевской эпохи, новые государственные дѣатели провозглашали принципъ „распространенія общечеловѣческихъ свѣдѣній среди евреевъ“, приобщенія еврейскаго населенія къ русской культурѣ путемъ „общечеловѣческаго воспитанія, доступнаго всѣмъ и каждому“. Тогда же впервые въ правительственныхъ сферахъ возникла мысль о томъ, что усвоеніе евреями общаго образованія должно постепенно открыть имъ доступъ къ гражданскому равноправію. Эта мысль о зависимости гражданской эмансипаціи евреевъ отъ общаго ихъ просвѣщенія стала центральною воодушевляющею идеей первыхъ дѣателей общества для распространенія просвѣщенія среди евреевъ. Они смотрѣли на себя, какъ на представителей гражданскихъ интересовъ евреевъ передъ правительствомъ и какъ на помощниковъ правительства въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія среди еврейской массы. Первое время, дѣйствительно, установилось нѣчто вродѣ совмѣстной

дѣятельности между правительствомъ и обществомъ просвѣщенія: многіе изданные въ то время законы, направленные на расширеніе правъ евреевъ, были выработаны подъ воздѣйствіемъ ходатайствъ и докладныхъ записокъ, исходявшихъ изъ среды главныхъ дѣятелей общества просвѣщенія, и нерѣдки были случаи, когда правительство испрашивало мнѣнія этого общества по поводу той или иной реформы еврейскаго образованія.

Теперь, когда еврейская общественная инициатива подавляется въ самомъ своемъ корнѣ и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія каждый день изобрѣтаются новыя мѣры пресѣченія еврейскаго образованія, чѣмъ-то идиллическимъ вѣетъ отъ этихъ сношеній еврейскаго общества съ правительственными сферами и прямо-таки фантастическимъ представляется то время, когда попечитель учебнаго округа могъ вносить въ еврейское общество просвѣщенія предложенія по поводу той или иной стороны его дѣятельности, когда генералъ-губернаторъ открытымъ письмомъ въ газетѣ предлагалъ каждому сообщать ему свое мнѣніе о реформѣ еврейскихъ училищъ и государственные дѣятели умѣряли пылъ еврейскихъ обрусителей указаніемъ на права еврейскихъ обществъ.

Но идиллія длилась недолго. Реакція 80-хъ годовъ со всею тяжестью обрушилась на евреевъ и съ тѣхъ поръ правительственная политика просвѣщенія евреевъ сводится къ борьбѣ противъ еврейскаго просвѣщенія. Обществу просвѣщенія пришлось навсегда отказаться отъ своихъ первоначальныхъ иллюзій: оно перестало смотрѣть на себя „какъ на внѣшній факторъ еврейской жизни, призванный сыграть роль представительства культурныхъ и гражданскихъ интересовъ русскихъ евреевъ, и постепенно замыкалось въ болѣе тѣсный кругъ конкретныхъ жизненныхъ нуждъ просвѣщенія“. Однако общество много выиграло при этомъ въ своей глубинѣ и организациа еврейскаго народнаго просвѣщенія, въ кругъ котораго сосредоточивается въ настоящее время вся его дѣятельность, выдвигаетъ передъ нимъ цѣлый рядъ глубокихъ и сложныхъ проблемъ, которыя оно по мѣрѣ силъ своихъ пытается разрѣшить.

„Исторія“ составлена дѣльно и толково и заслуживаетъ вниманія каждаго, кто интересуется вопросами русско-еврейской общечественности.

Народное образованіе въ земствахъ. Основы организациа и практика дѣла. Сборникъ подъ редакціей *Е. А. Звягинцева, А. М. Обухова, С. О. Стрѣполова и Н. В. Чехова*. Изд.-ство „Задруга“. Москва. 1914 г. 445 стр. Ц. 3 р.

Книга предназначена для практической цѣли — какъ руководство для земскихъ дѣятелей въ дѣлѣ организациа народнаго

образования. Последніе годы, какъ извѣстно, отмѣчены усиленнымъ ростомъ—внѣшнимъ, по крайней мѣрѣ, количественнымъ—народно-просвѣтительныхъ учреждений въ земствѣ. Выросло число начальныхъ школъ и библіотекъ, увеличилось количество учащихся и учащихся, усилены школьныя смѣты и ассигнованія. Какимъ интенсивнымъ темпомъ шелъ этотъ ростъ, можно судить по тому, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ за послѣднія пять лѣтъ открыто школъ больше, чѣмъ за все предшествующее время существованія земства. вмѣстѣ съ этимъ земскихъ дѣятелей уже не удовлетворяетъ нынѣшній типъ начальной школы—школа грамоты, — на первомъ общеземскомъ съѣздѣ былъ поставленъ вопросъ объ увеличеніи курса ея, объ усиленіи объема преподаванія объ усовершенствованіи методовъ. Но эта картина просвѣтительныхъ мѣропріятій производитъ лишь показной эффектъ, бумажный, такъ сказать—статистическій. Для лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу, не секретъ, что въ дѣлѣ элементарнаго народнаго образования нынѣ больше дыма, чѣмъ огня, и есть несомнѣнные признаки недалекаго кризиса. Опубликованныя недавно данныя по Весьегонскому у., гдѣ еще въ 1910 г. объявлена была осуществленной всеобщность начального образования, свидѣтельствуютъ, что 47% дѣтей школьнаго возраста въ 1913 г. не обучалось въ школахъ и число посѣщавшихъ школы учениковъ уменьшилось по сравненію съ прежними годами. Разбираемая книга указываетъ, что *качественное* развитіе всѣхъ начинаній по народному образованію въ большинствѣ уѣздовъ остановилось, а во многихъ случаяхъ пошло назадъ. Методы обученія старые, подготовка учителей очень далека отъ удовлетворительности, ученики по выходѣ изъ школы быстро забываютъ все, чему учились. Экзамены поражаютъ свѣжаго человека нелѣпостью.

Школьныя помѣщенія—безъ прісматра и запущены, а если судить по книгѣ П. Соломатина „Какъ живетъ и работаетъ народный учитель“, то прямо невѣроятны по убожеству и антигигіеничности. Учитель больше, чѣмъ когда-либо, нынѣ—„гость“ въ деревнѣ, отодвинутъ въ сторону отъ крестьянской жизни и крестьянскихъ интересовъ. Если прибавить къ этому, что вліяніе на внутреннюю сторону народнаго образованія переходитъ въ руки органовъ надзора отъ министерства народнаго просвѣщенія, какое, по традиціи, первѣе всего заботится о томъ, чтобы просвѣщеніе имѣло, по возможности, характеръ непросвѣщенный,—то блескъ статистическаго школьнаго роста значительно потускнѣетъ и обнаружитъ скудость внутренняго содержанія. Неудовлетворенность состояніемъ народнаго образованія, высказанная на первомъ общеземскомъ съѣздѣ, раздѣляется всеми искренне-преданными народнымъ интересамъ людьми. Основную причину безуспѣшности новыхъ просвѣтительныхъ начинаній разбираемая книга видитъ въ томъ, что земская организація народнаго образованія осталась

въ прежнихъ архаическихъ формахъ и размѣрахъ, не смотря на все усложненіе дѣла,—въ томъ видѣ, „когда работа земствъ въ этой области носила случайный, полублаготворительный, такъ сказать, кустарный характеръ“. Былъ членъ управы, былъ при немъ письмоводитель,—они и вершили дѣло. Такъ осталось и понинѣ, при нынѣшнемъ количествѣ школъ, и тѣ же упрощенные домашніе способы,—никакой попытки приспособиться къ дѣламъ и размаху, которые поставлены теперь жизнью. „Между тѣмъ—пшутъ редакторы сборника въ предисловіи—предстоитъ громадная работа по выработкѣ такой организаціи, по приспособленію ея къ современнымъ нуждамъ, по подготовкѣ соотвѣствующихъ работниковъ. Если удастся достигнуть этого, то тогда кризисъ минетъ благополучно, и внутреннее качество всѣхъ начинаній пойдетъ за количественнымъ ростомъ нога въ ногу, и сдѣлается совершенно невозможной бюрократизація земской школы“.

Книга и ставитъ себѣ, главнымъ образомъ, эту практическую задачу—прийти на помощь земствамъ въ намѣчаемомъ ею пути. Главная часть ея посвящена вопросамъ организаціоннымъ, начиная съ губернскаго земства и кончая мѣстными мелкими ячейками. Она дѣлаетъ указанія, какими способами можно привлечь къ дѣйственной роли—исполнительной или хотя бы совѣщательной—тѣ силы и тѣхъ работниковъ, которые могутъ оказаться въ земствѣ, какъ наиболѣе производительно использовать эти силы, распределить, подготовить къ многообразной работѣ. Даетъ практическія наставленія по организаціи школьно-санитарнаго надзора, экзаменовъ, школьнаго хозяйства, экскурсій, статистики народнаго образованія, библиотекъ, школьныхъ музеевъ, снабженія школъ учебными пособиями, лѣтнихъ педагогическихъ курсовъ, учительскихъ сѣздовъ и многоаго другого. Нѣтъ надобности говорить, какъ полезно, благовременно и необходимо такое руководство для земства и земскихъ дѣятелей.

Новыя книги, поступившія въ редакцію

Значащіяся въ этомъ списокѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала не продаются. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя комиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ.

Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Памятники мировой литературы. Алкей и Сафо. Ц. 1 р. 25 к.—Софокль. Драмъ. Т. III. Ц. 3 р.—А. Микхтенбергъ. Современная Германия. Ц. 1 р. 25 к. М. 1914.

Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Вахъ

Бергъ. Критическое пособие. Т. IV. Оедоровъ. Игрушка—какъ начало столярнаго дѣла. Ц. 75 к.—Дѣтская энциклопедія. Т. III. — Т. IX, Т. X — С. С. Кондурушкинъ. Звонарь. Ц. 75 к.—Д. И. Багалъй. Русская исторія. Т. I. Ц. 2 р.—Л. О. Вейя-

- Вып. I. Ц. 1 р. — Е. Барановъ. Сказки терских казаковъ. Ц. 85 к. — О. Фортъ. Что кому нравится. Ц. 85 к. — М. Ю. Лермонтовъ. Казачья колыбельная пѣсня. Ц. 50 к. — Л. Винтергальтеръ. Практический курсъ природовѣдѣнія. Ч. II. Ц. 50 к. — Д. И. Багалъй. Экономическое положеніе русскихъ университетовъ. — Культурно-историческій альбомъ. Древній міръ. Вып. II. Греческій міръ. Ц. 1 р. — Вып. III. Римскій міръ. Ц. 1 р. — А. Ф. Андроновъ. Живая работа. Вып. II. Ц. 50 к. — К. Лукашевичъ. Нянчить юбилей. Ком. въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Ц. 20 к. — Ея же. Сцены деревенской жизни. Ц. 15 к. — Я. Берлина. Очерки древне-греческой культуры. Ц. 60 к. — М. 1914.
- Книгоизд. „Зеленая Палочка“. Вып. IX. I. Гёргенсенъ. Мой путь. Пер. съ датскаго. Ц. 75 к. — Т. де-Визе-ва. Варшава. Пер. съ франц. Ц. 15 к. М. 1914.
- Изд. „Проблемы эстетики“. Луи Гуртикъ. Франція. Ц. 4 р. 50 к. М. 1914.
- Изд. О-ва для распр. просвѣщ. между евреями въ Россіи. Справочникъ по евр. библи. дѣлу. Ц. 40 к. СПб. 1914.
- К-во „Эзро“. Х. Е. Перскій. Безправные. Ц. 1 р. СПб. 1914.
- Изд-во „Освобожденіе“. И. Гуревичъ. Шипы любви. Ц. 1 р. 25 к. — С. Подъячевъ. Забытые. Ц. 1 р. 25 к. — Н. Н. Киселевъ. Сердце. Ц. 1 р. 25 к. СПб. — Мск. 1914.
- Книгоизд. Т-ва „Просвѣщеніе“. А. В. Амфитеатровъ. Эзоповъ ликъ. Ц. 1 р. 50 к. — Его же. Властители думъ. Ц. 1 р. 50 к. — В. Гюго. Несчастные. Ц. 1 р. 25 к. — Н. Олштеръ. Собр. соч. Т. V. Ц. 1 р. 25 к. — В. А. Ральцевичъ и Б. Н. Васильевъ. Краткая новѣйшая исторія. Ц. 1 р. СПб. 1914.
- Книгоизд. „Энергія“. И. М. Катаевъ. Дореформенная бюрократія. Ц. 1 р. 10 к. — Сборникъ Третій. Ц. 1 р. 50 к. СПб. 1914.
- Изд. „Прибой“. Сборникъ пролетарскихъ писателей. Ц. 40 к. СПб. 1914.
- Петръ Масловъ. Капитализмъ. Ч. I-я. Наемный трудъ и заработная плата. Ц. 2 р. СПб. 1914.
- Альманахъ. Литературный сборникъ. Книгоизд. Г. Каспари. Берлинъ. 1914. Ц. 6 мар.
- Д. Кайгородовъ. Наши лѣтніе вѣты. Ц. 1 р. СПб. 1914.
- Конст. Ковалевъ. Художникъ и поэтъ (сказка). Ц. 5 к. 1914.
- Н. И. Карѣевъ. Было ли парижское возстаніе 13 вандемьера IV года роялистическимъ? Харьк. 1914.
- А. Закржевскій. Рыцари безумія. (Футуристы). Ц. 1 р. СПб. 914.
- Проф. В. Ф. Левитскій. Исторія политической экономіи въ связи съ исторіей хозяйственного быта. Ц. 2 р. 80 к. Харьковъ. 914.
- И. Галантъ. Арсеновали ли евреи церкви на Украинѣ?
- А. М. Пѣшковскій. Русский синтаксисъ въ научномъ освѣщеніи. Ц. 1 р. 75 к.
- Ю. Айхенвальдъ. Споръ о Бѣлинскомъ. Ц. 75 к. М. 914.
- Е. Слуцкій. Сэръ Вилльямъ Петти. Ц. 40 к. Киевъ. 914.
- С. К. Запорожцевъ. Руководство по естествовѣдѣнію. Ц. 1 р. 70 к. СПб. 914.
- В. Твердохлѣбовъ. Теорія переложенія налоговъ. СПб. 914.
- М. В. Вишнякъ. Къ вопросу о судебной отвѣтственности министровъ. Ярославль. 914.
- Проф. Ир. Скворцовъ. Происхожденіе и строеніе разнообразныхъ видовъ вещества въ связи съ ихъ физич. и химич. свойствами. Ц. 75 к. Киевъ. 914.
- П. В. Каменскій. Исторія одного погрома. Изд. 2-е. Екатеринославъ. 914.
- Wladislaw Malinjak. Andreas Fricius Modreyus. Wien, 913.
- Изд. на Софійскій Университетъ. Д. Михалчевъ. Форма и отношеніе приносъ къ учению за познанието. Т. I. Ц. 8 лева.
- Библиотека „Кооперативной Жизни“. 1-й и 2-й сборникъ статей. М. 914.
- Вопросникъ по коопераціи. Ц. 10 к. М. 914.
- Изд. Т-ва „Помощь кооператорамъ“. И. М. Подольскій. Очерки по теоріи мелкаго народнаго кредита. СПб. 914.
- Изд. Сел.-хоз. отд. Подольской Губ. Земской Управы. Р. Ф. Реннингъ. Основные положенія земскаго содѣйствія кооперативному дѣлу. Ц. 25 к. Кам.-Подольскъ. 914.
- Труды перваго съѣзда инспекторовъ мелкаго кредита и представителей сельскихъ кредитныхъ товариществъ Приамурскаго края. 1 — 3 сент. 1913. Хабаровскъ. 914.
- Изд. В. Крестовникова. Н. Макаровъ. Очеркъ кооперативнаго сбыта зерна. Ц. 1 р. М. 914.

С. Кузницкій. Зимнее содержание подмосковного дойного скота. Ц. 30 к. М. 914.

Изд. „Жизни для всѣхъ“. В. А. Поссе. Бракъ. Семья и школа. Ц. 30 к. СПб. 914.

Изд. ред. еженедѣл. „Дымъ Очечества“. Новая Россія. Ц. 75 к. СПб. 914.

Изд. „Музея Труда“. Двѣ серіи диаграммъ—открытыхъ писемъ въ краскахъ. Ц. 1-й серіи 16 к., 2-й—10 к.

Изд. Высш. Женск. Курсовъ въ Кіевѣ. П. Г. Григорьева. Судъ во Франціи при старомъ порядкѣ. Ц. 70 к.

Изд. Главнаго Управл. Землеустр. и Земледѣлія. Сборникъ статико-экономическихъ свѣдѣній по сельскому хозяйству Россіи и иностр. государствъ. Историко-географическій Атласъ Россіи съ 2-мя томами объяснительнаго къ нему текста, изд. Переселенч. Управления—А. Д. Педашенко. Указатель книгъ, журнальных и газетныхъ статей по сел. хоз. за 1910 г.

Книгоизд. „Жизнь и Знаніе“. М. Горькій. Т. XI. Городъ Окуровъ. Ц. 1 р.—С. Юшкевичъ. Распадъ. Т. I. Ц. 1 р. СПб. 914.

Изд. Нижегород. Губ. Земства. Избранныя книги. Составилъ Н. А. Малиновскій. Ц. 25 к. Н.-Новг. 914.

Изд. Моск. Губ. Земства. Инженеръ И. М. Козьминныхъ-Ланиныхъ. Къ вопросу объ артельномъ харчеваніи фаб.-заводскихъ рабочихъ Моск. губ. Ц. 1 р. 25 к. М. 914.

А. Н. Асаткинъ. О-ва потребителей Моск. губ.

Изд. кн. маг. М. А. Голубева. Поэзія М. Ю. Лермонтова. Ц. 90 к. Казань. 1914.

Изд. Министерства Торг. и Промышленности. Охрана жизни и здоровья рабочихъ въ промышленности. Ч. I. Вып. 2. Ц. 3 р. СПб. 914.

Захватъ дворянскими учрежденіями управления земскими дѣлами Прибалтійскаго Края.

Изд. Статистич. Бюро Имп. Кавк. О-ва сел. хоз. П. Петровичъ. Итоги урожая хлопка въ Закавказьѣ въ 1913 г. Тифл. 914.

Московский Городской Народный Университетъ имени А. Л. Шанявскаго. 1914—1915. Годъ 7-й. М. 914.

О. К. Смирновъ. Календарь-справочникъ 1913—1914 учебн. годъ. „Народный Учитель“. 7-й годъ изд. М.

Изд. Т-ва Бр. Гранатъ и К^о.

Энциклопедическій Словарь. 7-е изд. Т. 23.

Моск. О-во сел. хозяйства. Князь К. В. Кекуатовъ. „Кооперация и право“. Ц. 1 р. 50 к. Мск. 914.

Семинаріи по политической экономіи при Моск. Высш. Женск. Кур. Вып. X. Е. А. Олюнина. Портновскій промыселъ въ Москвѣ и въ деревняхъ Моск. и Ряз. губ. Ц. 1 р. 50 к. М. 914.

Пензенское Губ. Земство. Оцѣночное Отдѣленіе. Серія I. Геологія. Вып. V. Наровчатскій уѣздъ. Ц. 50 к. М. 914.

Книгоизд. „Русская Мысль“. М. Ливеровская. Объ Оксенѣ и Николетѣ. Старофранц. сказка - пѣсня. Ц. 50 к. СПб.—М. 1914.

Изд. ред. журн. „Домашнее и школьное обученіе“. С. Фарфоровскій. Лабораторный методъ преподаванія исторіи. Варш. 914.

В. А. Мукосѣевъ. Повышеніе товарныхъ цѣнъ. СПб. 914.

И. Канделаки. Роль ярмарокъ въ русской торговлѣ. СПб. 914.

И. А. Линниченко. Рѣчи и поминки. Одесса. 1914.

И. Лундбергъ. Мережковский и его новое христіанство. СПб. 914. Ц. 1 р.

П. Э. Каптеревъ. Педагогическая психологія. Изд. 3-е перер. и доп. СПб. 914. Ц. 3 р.

Влад. Вольскій. На пути къ свободѣ слова. СПб. 914. Ц. 10 к.

П. Рудинъ. Законодательство и жизнь. Петропавл. 913. Ц. 30 к.

Аухагенъ, д-ръ. Критика русской земельной реформы. Пер. съ нѣм. СПб. 914.

Объ искусствѣ и художникахъ. Размышленія отшельника, любителя изящнаго, изданныя Л. Тикомъ. Изд. К. М. Некрасова. М. Ц. 90 к.

Alex. Ludskanow. Ueber d. Verhältnisswahl. Bern. 1911.

В. Дембовецкій. Волокна и ткани. 914. Ц. 1 р.

В. А. Бродскій д-ръ. Искусственный выкидышъ. М. 914. Ц. 50 к.

Итоги науки въ теоріи и практикѣ. Кн. XXVII. Изд. Т-ва Миръ. М. 914.

С. П. Аржановъ. Изъ жизни растений. II. Въ листовномъ лѣсу. Изд. А. Ф. Девріена. СПб. 913. Ц. 60 к.

И. М. Любомудровъ. Краткій курсъ бактеріологіи, Поганчи. 914. Ц. 35 к.

Б. П. Вейнбергъ проф. Движеніе безъ тренія. СПб. 914. Ц. 50 к.

А. Ю. Салинъ. д-ръ. Солнечныя ванны. Ригл. 914. Ц. 30 к.

Сем. Масловъ. Новые законы о крестьянской землѣ. М. 914. Ц. 20 к.

Л. М. Зайцевъ. Взаимное исполненіе судебныхъ рѣшеній и русско-германскій торговый договоръ. Кіевъ. 1914.

В. В. Быховскій. Личныя и имущественныя отношенія супруговъ между собою и къ дѣтямъ при раздѣльномъ жителствѣ по новому закону 12-го марта 1914 г. М. 914. Ц. 75 к.

С. Соколовъ и Н. Бородинъ. Тетрадь для домашнихъ и классныхъ работъ по географіи Европы. М. Ц. 20 к.

С. И. Минцловъ инж. Периодическія и конечныя десятичныя дроби и дѣйствія надъ ними. СПб. 914. Ц. 45 к.

Н. В. Тулуповъ и П. М. Шестаковъ. Бодрое слово. Хрестоматія для начальныхъ школъ. Ч. I. и II. Ц. 1 р. 60 к. М. 914.

Н. О. Арепьевъ. Географія въ средней школѣ и школьныя экскурсіи. СПб. 914.

К. Н. Деруновъ. Жизненные задачи библіографіи. М. 913.

Э. Н. и Дж. Партриджъ. Какъ и что разсказывать дѣтямъ въ школѣ и дома. Пер. съ англ. М. 914. Ц. 1 р. 20 к.

В. А. Зеленко. Дѣтская литература. Харьковъ 914.

В. Чернышевъ. Правильность и чистота русской рѣчи. В. I. 914. Ц. 1 р.

Мих. Коваленскій. Хрестоматія по русской исторіи. Т. I. М. 914. Ц. 75 к.

Альманахъ изд. „Шиповникъ“. Кн. 23-я. СПб. 914. Ц. 1 р. 50 к.

Жатва. Кн. IV. М. 914. Ц. 2 р.

Солнечный путь. Южный альманахъ. Кн. 1-я. Одесса. 914. Ц. 50 к.

Вселенское дѣло. Сборникъ 1-й. Одесса. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

Н. С. Доброхотовъ. Положеніе объ учрежденіяхъ мелкаго кредита. СПб. 914. Ц. 3 р. 50 к.

Толстовскій музей. Т. II. Переписка Л. Н. Толстого съ Н. Н. Страховымъ. 1870—1894 г. СПб. 1914. Ц. 2 р. 50 к.

Ежегодникъ Пермскаго Г. З. и календарь на 1914 г. Ц. 50 к.

Труды 1-го Всероссийскаго съѣзда по образованію женщинъ. Т. I. СПб. 914. Ц. 2 р. 50 к.

Изд. Кіевской Губ. З. Упр.—Сводки доходныхъ и расходныхъ смѣтъ земствъ Кіевск. губ. за 1913 г.—Календарь и записная книжка.

Труды 1-го Всероссийскаго сельско-хозяйст. съѣзда въ Кіевѣ 1—10 сентября 1913 г. В. III. Кіевъ.

Изд. Гл. Упр. З. и З. СПб. 914.—Статистика расходовъ Д-та земледѣлія 1914.

Труды 1-го всероссійскаго съѣзда по семейному воспитанію. Т. II. СПб. 914. Ц. 3 р.

Извѣстія Вологодскаго О-ва изученія сѣвернаго края В. I. Вологда 1914. Ц. 50 к.

Хозяйственно-статистическій обзоръ Уфимской губ. за 1912 г.

О Т Ч Е Т Ъ

конторы редакціи журнала «Русское Богатство».

П О С Т У П И Л О:

Въ пользу пострадавшихъ отъ урагана: отъ музыкально-драматическаго кружка—10 р.

Въ распоряженіе В. Г. Короленко: отъ А. Н. Ш. — 5 р.; отъ Шабинова—50 р.

Итого . . . 60 р.

Съ благотворительной пѣлю: черезъ М. П.—70 р.; отъ „Якова Одиноканаго изъ Шадринска 13 мая"—3 р.; отъ группы юристовъ, окончившихъ Кіевскій университетъ весной 1914 г.—9 р. 59 к.

Для передачи въ газ. „Смѣлая Мысль“ отъ В. А. Борнемана—19 р. 55 к.

Редакторъ А. О. Родіонова. Издатель В. Г. Короленко.

Книги по архитектурѣ и строительному искусству.

Мотивы выплюдов, работъ—бордюры, напичники, коньки въ натур. велич. 10 вып. по 6 табл. по 50 к. съ перес. каждый, всѣ десять выпусков. — 4 руб. Дерев. дома-дачи съ 127 рис.—1 р. 50 к. Мотивы заборовъ, оградъ и подсадовъ, съ 8 рис.—60 к. Современ. дачи и виллы, 8 таб.—60 к. Мотивы дерев. украшеній для дачъ 8 таб.—60 к. Деревяп. лестницы, съ 100 рис.—50 к. Кровельные матеріалы, съ 138 рис.—1 р. 50 к. Мотивы дачной деревянной архитектуры, 12 табл. съ 222 рис.—80 к. Мотивы садовой архитектуры, съ 60 рис.—1 р. Проекты камен. домовъ-дачъ, 12 проектов—60 к. Проекты с.-хоз. построекъ дер. помѣщ. дома, дерев. жилого дома, конюшни, овчарни, свинарни, птичника, коровника, конюшни съ каретн. сараемъ, бани и прачешной, купальни съ раздѣлальн. молочною съ ледник., дерев. школы съ ночлеж. для учениковъ и квартирой для учителя—3 р. 50 к. Проекты небольшихъ усадебъ, съ 3 табл.—60 к. Проекты дерев. домовъ-дачъ, 12 проектов—60 к. Современное дачное строительство, съ 134 рис.—1 р. 50 к. Мотивы современ. дачъ, 8 таб.—60 к. Детали и украшения для деревн. домовъ и дачъ, съ 70 рис.—60 к. Обшивка деревян. домовъ-дачъ, съ 40 рис.—60 к. Мотивы фасадовъ и обстановки магазиновъ, съ 24 рис.—40 к. Портланд-цементъ—60 к. Строительств. работъ при постр. домовъ, съ 17 рис.—60 к. Постройка неогороженныхъ хуторовъ, съ 205 рис.—1 руб. Общ. украшенія акацій, съ 30 рис.—1 руб. Какъ построить домъ или дачу въ городѣ и за городомъ, съ 34 рис. табл. и 154 рис.—1 р. Мотивы кирпичной архитектуры, 2 выпуска по 60 к. Мотивы воротъ и калитокъ—40 к. Садовые бесѣдки, качели, мостики—40 к. Вымыслаетъ надом. платеж.

Книжный складъ «А. Ф. СУХОВА» Спб. Екатеринбургскій пр., 10-19.

Пересылка одной книги—15 к., 2 кн.—19 к., 3 кн.—23 к., 4 кн.—27 к. и 5 кн.—31 к. Наложениемъ платимъ на 10 к. дорожно. При выпискѣ болѣе чѣмъ на 2 р. пересылка безплатно. Полный каталогъ книгъ по архитектурѣ и строительному искусству высылается безплатно.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1914 годъ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

„ГОЛОСЪ МИНУВШАГО“.

(Годъ изданія 2-й)

Подъ редакціей **С. П. Мельгунова** и **В. Н. Семева**.

Журналъ, какъ въ предшествующемъ году, посвящается разработкѣ вопросовъ исторіи и исторіи литературы **русской и всеобщей** и имѣетъ въ виду интересы **широкихъ круговъ** интеллигентныхъ читателей.

Журналъ **ИЛЛЮСТРИРУЕТСЯ** картинами изъ прошлаго и портретами дѣятелей русскихъ и иностранныхъ

Вышла майская книга (№ 5).

СОДЕРЖАНІЕ: В. П. Крайнефельдъ. Среди „ташкентцевъ“. Н. Щедрикъ. Господа ташкентцы. Изъ воспоминаній одного просвѣтителя. Н. Щедрикъ. Ташкентцы пригласительнаго класса. Ю. М. Степановъ. Последние годы жизни М. А. Бакунина. В. В. Микановскій. Учебные годы А. Н. Радищева. Г. А. де-Волпозъ. Счерки прошлаго. О. Е. Кафиро. Другъ Бакунина Карло Кафиро. Н. А. Толстой. Исповѣдь священника. Л. П. Никифоровъ. Мои тюрьмы. А. Россъ. Бакунины и его вилла Бароната. Ч. Вѣтринскій. М. Е. Салтыковъ и Г. П. Успенскій. Д. А. Милютинъ. Письма къ Г. А. Джалалову. Н. В. Сивковъ. Провинціальная администрація въ 1912 г. В. А. Францевъ. Выдача Бакунина австрийцами. В. А. Францевъ. Приглашеніе русскихъ на славянской сѣздъ въ Прагѣ въ 1848 г. М. М. Клементоній. Освободительное движеніе въ освѣщеніи „Историческаго Вѣстника“. В. Л. Реймонть. 1793 годъ. Ч. I. Послѣдній сеймъ Речи Посполитой. Гл. VIII. Пер. Е. М. Загорскаго. **РИСУНКИ.** Портреты. М. Е. Салтыкова, М. А. Бакунина. Памятникъ на могилѣ Бакунина.

Условія подписки на 1914 годъ съ доставкой и пересылкой въ Россію: на годъ—8 р., на 1/2 года—4 р., на одинъ мѣсяцъ—1 р., за границу—12 р. 1/2 года—6 р. Въ отдѣльной продажѣ книга журнала—1 р. (налож. плат.—1 р. 25 к.). **ПОДПИСНЫЯ ДЕНЬГИ** на 1914 годъ должны направляться въ контору журнала. Складъ издательства „ЗАДРУГА“, Москва, Нижняя Кисловка, д. № 1, кв. 4, тел. 4-50-61. Комплекты за прошлый годъ (безъ № 1) 7 р. 50 к. (безъ перес.). Подписка принимается и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

И. Г. МАЛЫГО. „Общепольное Чтение“.

Предлагает полн. собр. соч. рус. и иностран. писателей.

Приложения к „Нивѣ“ и др.

Андреевъ. 17 т.—3 р.
Апухтинъ. 1 т.—4 р.
Аксаковъ. 1 т.—50 к.
Аксаковъ. 6 т. въ кож. перепл. изд. „Провѣщаніе“ за 6 р.

Баратынский. 2 т.—50 к.
Байронъ. 3 т. изд. Брокгауза-Ефрона, въ хор. перепл. ам. 24 р. за 14 р.

Боборыкинъ. 12 т.—2 р. 50 к.
Буссенаръ. 40 т.—5 р.
Вѣликий. 4 т.—2 р. 25 к.
Вересаевъ. 10 т.—2 р.
Всемирная Исторія. 34 т.—3 р.
Гамсунъ. 18 т.—2 р. 50 к.
Ганъ. 6 т.—1 р.
Гауптманъ. 10 т.—1 р. 50 к.
Гейне. 16 т.—1 р. 50 к.
Гюгено. 10 т.—1 р.
Гоголь. Полн. соч. въ 1 т. иллюстр. хор. изд. за 1 р. 40 к. Въ кож. пер. 2 р. 15 к.

Головинъ. 1 т.—50 к.
Гончаровъ. 12 т.—7 р.
Гончаровъ. 9 т.—9 р.
Горбуновъ. 4 т.—80 к.
Грановскій. 2 т.—1 р. 50 к.
Грибодовъ. 1 т.—50 к.
Григорьевъ. 12 т.—6 р.
Данилевскій. 24 т.—3 р. 50 к.
Державинъ. 4 т.—1 р. 25 к.
Диккенсъ. 46 т.—7 р.
Достоевскій. 24 т.—15 р.
Дюма (отецъ) первые 40 т.—4 р. 50 к.
Дюма (отецъ) вторые 44 т.—5 р.
Оба года вмѣстѣ—9 р.

Жанполи. 18 т.—3 р. 50 к.
Жуковский. 12 т.—1 р. 20 к.
Жуковский. Полн. соч. въ 1 т. нм. хор. изд. за 1 р. 40 к. въ кож. пер. 2 р. 15 к.
Загоскинъ. 2 т.—2 р. 25 к.

Ибсенъ. 18 т.—2 р. 50 к.
Историческая бібліотека. 18 т.—2 р.
Квитко-Основяненко. 1 т.—40 к.
Кнзловъ. 1 т.—50 к.
Мольцовъ. 1 т. 1 р., въ кож. пер. 1 р. 20 к.
Монанъ-Дойль. 20 т.—3 р. 50 к.
Костомаровъ. Русская исторія. 16 в.—3 р. 50 к.

Крестовскій, Всев. 8 т.—8 р.
Крестовскій, Вс. (псевдонимъ) 38 т.—3 р. 25 к.

Крыловъ, И. А. 4 т. въ кож. перепл. изд. „Провѣщаніе“ ам. 5 р. за 3 р. 25 к.

Куперъ. 38 т.—5 р.
Купринъ. 21 т.—3 р. 50 к.

Лермонтовъ. Въ 1 т. съ иллюстр. хорош. изд. за 1 р., въ кож. пер. 1 р. 60 к.

Ломоносовъ. 1 т. 50 к.

Льсковъ. 36 т.—3 р. 50 к.

Марриэтъ. 24 т.—3 р. 50 к.

Мей. 8 т.—1 р. 25 к.

Мольеръ. 2 т. въ кож. пер. изд. Брокгауза, ц. 16 р. за 12 руб.

Мельниковъ-Печерскій. 22 т.—4 р.

Мольеръ. 10 т.—2 р.

Мопассанъ. 15 т.—3 р.

Надсонъ. Стихотворенія ц. 2 р.

Некрасовъ. 2 т. 5 р., въ кож. пер. 6 р. 50 к.

Новжинъ. 12 т., въ кож. пер. ам.—12 р.

Оржешко. 12 т., въ кож. пер.—10 р.

Островскій. 12 т., въ кож. пер.—18 р.

Писемскій. 38 т.—5 р.

Писемскій. 24 т., въ кож. пер.—12 руб.

По Здг. 3 т. въ кож. перепл. изд. „Провѣщаніе“ за 3 р.

Полежаевъ. 1 т.—50 к.

Помяловскій. 5 т.—1 р.

Помяловскій. 2 т.—60 к.

Помяловскій. 2 т. въ кож. перепл. изд. „Провѣщаніе“ 3 р.

Потѣкинъ. 12 т., въ кож. пер.—12 р.

Преву, М. 14 т.—1 р. 50 к.

Пруст, Б. 5 т. бол. форм. за 6 р., въ кож. пер. за 9 р.

Пушкинъ. Пол. соч. въ 1 т. съ нм. хор. изд. за 1 р. 50 к., въ пер. 2 р. 25 к.

Пушкинъ. 5 т. изд. Брокгауза-Ефрона, въ кож. перепл. ам. 40 р. за 22 р.

Пушкинъ. 8 т. въ кож. перепл., изд. „Провѣщаніе“ за 7 р.

Салтыковъ-Щедринъ. 40 т.—5 р.

Самаровъ. 20 т.—2 р.

Сенкевичъ. Въ 7 т. за 6 р., въ кож. пер. за 9 р.

Слѣпцовъ. 1 т.—за 2 р.

Соловьевъ. Во. 10 т. 7 р.

Спенсеръ. 7 т. за 10 р., въ кож. пер. за 19 р. 50 к.

Станюковичъ. 40 т.—4 р.

Танъ. 10 т. въ кож. перепл., изд. „Провѣщаніе“ за 7 р.

Твенъ, М. 23 т.—5 р.

Твенъ, М. 12 т. въ перепл. на хор. бум. ц. 14 р. 65 к. за 6 р.

Толстой А. К. 12 т.—3 р. 50 к.

Тургеневъ. 10 т.—9 р.

Тютчевъ. 8 т.—1 р.

Уайльдъ. 8 т.—1 р. 50 к.

Успенскій, Глѣбъ. 28 т.—3 р.

Фетъ. 6 т.—1 р. 25 к.

Чернышевскій. 10 т.—14 р.

Чеховъ. 16 т. за 1803 г.—6 р.

Чеховъ. 12 т. за 1911 г.—3 р.

Шенкспиръ. 4 т. хор. изд. за 5 р., въ кож. пер. за 8 р.

Шенкспиръ. 5 т. изд. Брокгауза-Ефрона, въ кож. перепл. ам. 40 р. за 22 р.

Шеллеръ-Михайловъ. 50 т.—3 р.

Шиллеръ. 4 т. изд. Брокгауза-Ефрона, въ кож. перепл. ам. 32 р. за 18 р.

Шубинъ. 22 т. за 2 р.

Ясинскій. Пол. соб. пов. и раз. 4 т. за 3 р.

Тайны вѣщеносцевъ. 40 т.—3 р.

Форель, Авг., проф. Цоловой вопросъ. 2 т., лучш. изд. Ам. 2 р. 50 к. за 85 к.

ОСОБЕННО РЕКОМЕНДУЕМЪ ВСѢМЪ

Настоящую книгу для каждой семьи. // Золотая книга женщины //

„ЖЕНЩИНА какъ ВРАЧЪ“

практикующаго врача, доктора медицины Анны Фишер-Дюнелльманъ. Полн. переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія доктора В. Е. Шехтера. Около 600 страницъ убористаго, яса четкаго текста, на вѣлѣной бумагѣ, съ 448 рисунка. въ текстѣ, иллюстрир. здоровые и больные органы человѣческаго организма и приемы самостоятельнаго домашняго леченія ихъ. Цѣна съ упаковкой и пересылкой безъ перепл. 3 р. 50 к., въ перепл. 4 р. 25 к.

Всѣ вышеуказанныя книги высылаемъ налож. платежомъ немедленно по полученіи заказа, казеннымъ учрежденіямъ безъ наложекъ. Пересылка за счетъ заказчика, упаковка за счетъ магазина. Цѣна безъ пересылки.

Высылаемъ книги по всѣмъ рекламкамъ и объявленіямъ по ихъ цѣнамъ и дешевле.

Каталогъ книгъ высылается бесплатно.

Кромѣ означенныхъ книгъ магазинъ высылаетъ всѣ книги, предлагаемыя другими магазинами по ихъ цѣнамъ и дешевле.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ И ВЗРОСЛЫХЪ

ВСЕМІРНО-ИЗВѢСТНЫЕ

ЯКОРНЫЕ КАМЕННО - СТРОИТЕЛЬНЫЕ КУБИКИ

Эта игрушка удобна для родителей, нежелающихъ затратить значительныхъ средствъ. Можно сначала, затратить весьма небольшую сумму, купить небольшой ящикъ и постепенно докупая ватѣмъ дополнительные ящики, неважно для своего бюджета, по мѣрѣ роста ребенка имѣть ящикъ съ все болѣе и болѣе сложными кубиками, дающими возможность ребенку строить все новыя и болѣе сложные сооруженія, благодаря чему интересъ къ игрушкѣ никогда не падаетъ и она постоянно остается желанной и любимой.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ К высылаемъ бесплатно.

ОТДѢЛЕНИЕ и ФАБРИКА

Ф. Ад. РИХТЕРЪ и К^о.

С.-Петербургъ, Николаевская ул., № 14. Телеф. 430—78.

Санаторія

„СОКОЛЬНИКИ“

д-ра Н. В. СОЛОВЬЕВА

Москва, Сокольники, Поперечн. преслѣз. Телеф. 3—84.

Оборудованъ новѣйшими физическими методами для лѣченія болѣзней, **НЕРВН., ВНУТРЕН., ОБМѢНА** и т. п. По роскоши, удобствамъ и научной постановкѣ не уступаетъ лучш. заграницѣ. Проспекты по треб. Справки на мѣстѣ или у владѣльца: Мыльниковъ пер., с. д. Тел. 102—77.

Художественная библіотека.

Брейеръ. Изящныя работы съ цѣтн. синдетикономъ, съ 19 рис.—30 коп. Гордонъ Художественн. выжиганіе, съ 25 рис.—40 к. Груберъ. Какъ выучиться лѣпить, съ 25 рис.—50 коп. Ленике. Живопись масляными красками—80 коп. Ковальскій. Тисненіе по кожѣ, вытраиваніе по дереву, стеклу и т. д. съ 31 рис.—30 коп. Красовскій. Лѣбныя работы изъ глины, съ 54 рис.—30 коп. Леонардъ. Тисненіе и живопись по кожѣ, съ 30 рис.—30 коп. Леонардъ. Тисненіе и выжиганіе по бархату и живопись на тканяхъ, съ 10 рис.—30 коп. Маликовъ. Металлопластика, съ 35 рис.—50 коп. Михайловъ. Живопись по фарфору, майоликѣ и кожѣ—50 коп. Михайловъ. Живопись акварелью и масляными красками, съ 11 рис.—50 коп. Незнамова. Живопись брызгами, съ рис.—30 коп. Незнамова. Пящныя работы изъ перьевъ, съ 7 рис.—30 коп. Рейманъ. Работы выжигательнымъ карандашемъ съ рис.—30 коп. Ротъ. Металлопластика, съ 83 рис.—40 коп. Руботамъ. Живопись акварелью—40 к. Серебряковъ. Художств. выжиганіе—всѣ новости пирографіи съ 41 рис.—60 коп. Ротъ Иатарея или мозаика по дереву, съ 18 рис.—30 коп. Сигаринъ. Живопись масляи. красками, акварелью и пастелью съ рис.—80 коп. Художникъ-любит. съ рис.—50 коп. Александровъ. Иякрустация и мозаика съ рис.—30 коп. Высылаетъ наложеннымъ платежемъ книжный складъ „А. Ф. Сухова“, С.-Петербургъ, Екатерингофскій пр., 10/19. Пересылка одной книги—15 коп., 2 книги—19 коп., 3 книги—23 коп., 4 книги—27 коп., 5 книгъ—31 коп. Наложеннымъ платежемъ на 10 к. дороже. При выпискѣ болѣе чѣмъ на 2 руб. пересылка безплатно. Полный каталогъ художественныхъ книгъ высылается безплатно.

БИОМАЛЬЦЪ

Бр. Патерманъ Тельтовъ Берлинъ

есть натуральное питательное и цѣлебное средство, извлеченное изъ отборнаго солода.

БИОМАЛЬЦЪ на основаніи анализа, между прочими высоко-питательными и укрѣпляющими легко перевариваемыми составными частями,—содержитъ: сахаръ въ натуральномъ видѣ (мальтоза), декстринъ, фосфоръ, известь, желѣзо и друг.

БИОМАЛЬЦЪ превосходно дѣйствуетъ на повышеніе аппетита, урегулированіе пищеваженія; онъ питаетъ нервы, укрѣпляетъ весь организмъ, оздоравливаетъ кровь и усиливаетъ мускулатуру.

БИОМАЛЬЦЪ гораздо питательнѣе какао. Его можно принимать въ натуральномъ видѣ, а также въ молокѣ, чаѣ, супѣ, пивѣ, бульонѣ и т. д. Продается въ аптек. и аптекарск. магаз. по 85 к. и 1 р. 50 к. Фабричное клеймо „Два карлика“.

Литературу высылаетъ Т-во Автосиль въ Берлинъ и въ Вильнѣ.

УСПѢХЪ

вина «Сень-Рафаэль» Компанія вина Сень-Рафаэль, Валансъ, (Дромъ), Франція

вызвалъ подражанія и поддѣлки, а потому просимъ при покупкѣ обращать вниманіе на фирму, таможенную печать и имѣющуюся на бандероли каждой бутылки

эту подпись

J. Raiffa

АВГУСТЪ.

1914

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 8.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.
2. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНІЕ.
3. САМСОНЪ ГЛЕЧИКЪ. . . . . К. Тренева.
4. ИСКУССТВЕННАЯ КУЛЬТУРА ОРГАНОВЪ и ТКАНЕЙ. . . . . П. Ю. Шмидта.
5. ПОСЛѢ ГРОЗЫ. Стихотвореніе. . . . . П. Радина.
6. ТРЯСИНА. . . . . О. Н. Ольнемъ.
7. СТИХОТВОРЕНІЕ. . . . . Нины Наратыгиной.
8. РОМАНЪ ПАРНЕЛЛЯ. . . . . Діонео.
9. СЕМЬЯ КОРИСТОНОВЪ . . . . . Гемфри Уордъ.
10. МЕЛЬКОМЪ. . . . . Ѳ. Крюкова.
11. ВОЗВРАЩЕНІЕ. Стихотвореніе. . . . . Зинаиды Тулубъ.
12. БОРЬБА СЪ ЖЕНСКИМЪ ТРУДОМЪ
ВЪ РАБОЧЕМЪ ДВИЖЕНІИ. . . . . Ю. Делевскаго.
13. ПОЛЕТЪ. Стихотвореніе. . . . . А. Ѳедорова.
14. ПАМЯТИ ВЕЛИКАГО АГИТАТОРА. . . . . В. Майскаго.
15. НОВЫЙ ВЕЛЬГІЙСКІЙ ШКОЛЬНЫЙ
ЗАКОНЪ . . . . . С. Гарденина.
16. МѢСТНЫЕ ЯЗЫКИ и БУДУЩІЯ РЕ-
ФОРМЫ. . . . . Ф. Сибирскаго.
17. НА ОЧЕРЕДНЫЯ ТЕМЫ. . . . . А. Пъшехонова.
18. СМЕРТЬ ЖОРЕСА. . . . . В. Мянотина.
19. НОВЫЯ КНИГИ.
20. ОТЧЕТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦИИ ЖУР-
НАЛА „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.
21. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРОГРАММЫ и ПРАВИЛА.

Городскихъ училищъ—30 к. Землеустроительныхъ училищъ—30 к. Учительск. инсти- тут.—30 к. На первый классный чинъ—30 к. На аттестатъ зрѣлости—50 к. На учителя— цы начальн. училищъ—30 к. На учителя—цы городск. приходск. и домашн. учителя—30 к. Коммерч. училищъ—40 к. На техника путей сообщенія—25 к. На техника строит. работъ—25 к. Вольноопредѣляющихся жеребьевыхъ и охотниковъ 1-го разряда по образ. и пропорціонковъ—30 к. Высылаеть наложеннымъ платежемъ **Книжный складъ „А. Ф. СУХОВА“ С.-Петербургъ, Енаторингофскій пр. 10/19.** Пересылка одной книги—13 к., 2 кв.—19 к., 3 кв.—23 к., 4 кв.—27 к. и 5 кв.—31 к. При выпискѣ болѣе чѣмъ на 2 руб. пересылка бесплатно. Наложеннымъ платежемъ на 10 к. дороже. Полный каталогъ правилъ и программъ высылаеться бесплатно. С 2

ЗААЛЕКСІЯ МАСТЕРСКІЯ

ВЫСТАВКА и ПРОДАЖА:

Берлинъ W., Викторія штрассе, 23.

Художественное руководство профес. **ШУЛЬЦЕ-НАУМБУРГЪ.**

Составленіе проектовъ и произведство работъ по постройкѣ дворовъ, барокихъ усадебъ, дачъ, распланировка садовъ и парковъ. Постановка полныхъ квартирныхъ обстановокъ, отдѣль- ныхъ предметовъ мебе- ли, арматуры для освѣ- щенія.

АВГУСТЪ.

1914.

РУССКОЕ КОЛЯТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

№ 8.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія СПБ. Акц. Общ. „СЛОВО“, ул. Жуковского, № 21—23, соб. д.
1914.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ

(XXII-ый ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

издаваемый Вл. Г. КОРОЛЕНКО

при ближайшемъ участіи: А. Г. Горнфельда, Діонео, С. Я. Елпатьевскаго, О. Д. Крюкова, Н. Е. Кудрина (Н. С. Русанова), П. В. Мокіевскаго, В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева, А. В. Пъшехонова и А. Е. Рѣдько.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою: на годъ—9 р., на 6 мѣс.—4 р. 50 к., на 4 мѣс.—3 р., на 1 мѣс.—75 к.

Безъ доставки: на годъ—8 р.; на 6 мѣс.—4 р.

Съ наложеннымъ платежомъ отдѣльная книжка 1 р. 10 к.

За границу: на годъ—12 р.; на 6 мѣс.—6 р., на 1 мѣс.—1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала,—*Баскова ул., 9.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы,—*Никитскій бульваръ 19.*

Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ „Одесскія Новости“—*Дерибасовская, 20**). Въ магазинѣ „Трудъ“—*Дерибасовская ул. д. № 25.*

Доставляющіе подписку **КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ, ЗЕМСКІЕ СКЛАДЫ, УПРАВЫ, ЧАСТНЫЯ и ОБЩЕСТВЕННЫЯ БИБЛИОТЕКИ, ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА, ГАЗЕТНЫЯ БЮРО, КОМИТЕТЫ ИЛИ АГЕНТЫ ПО ПРИЕМУ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ** могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ по 40 коп. съ каждаго экземпляра, т. е. присылать вмѣсто 9 рублей 8 руб. 60 коп., **ТОЛЬКО ПРИ ПЕРЕДАЧѢ СРАЗУ ПОЛНОЙ ГОДОВОЙ ПЛАТЫ.**

Подписка въ разорочку или не вполне оплаченная—8 р. 60—отъ нихъ **НЕ ПРИНИМАЕТСЯ** до полученія недостающихъ денегъ, какъ бы ни была мала удержанная сумма.

При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ **дополнительныхъ взносовъ по разорочкѣ** подписной платы, необходимо прилагать **печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №. Не сообщаящіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 1 числа **каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленіе конторы, **благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.**

*) Здѣсь же продажа изданій „Русскаго Богатства“.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Высочайшій манифестъ	V—VI
2. Правительственное сообщеніе	VI—VIII
3. Самсонъ Глечикъ. <i>К. Тренева</i>	1— 34
4. Искусственная культура органовъ и тканей. <i>П. Ю. Шмидта</i>	34— 54
5. Послѣ грозы. Стихотвореніе. <i>П. Радина</i>	54
6. Трасина. <i>О. Н. Ольнемъ</i>	55—108
7. Стихотвореніе. <i>Нины Каратыгиной</i>	108
8. Ромэнъ Парнелля. (Окончаніе). <i>Діонео</i>	109—128
9. Семья Користоновъ. Романъ <i>Гелфри Уордъ</i> . Переводъ съ англійскаго <i>Е. Н. Нелидовой</i>	129—169
10. Мелькомъ. (Впечатлѣнія проѣзжаго). (Продолженіе). <i>Ф. Крюкова</i>	170—207
11. Возвращеніе. Стихотвореніе. <i>Зинаиды Тулубъ</i>	207—208
12. Борьба съ женскимъ трудомъ въ рабочемъ движеніи. <i>Ю. Делевскаго</i>	209—227
13. Полетъ. Стихотвореніе. <i>А. Оедорова</i>	228
14. Памяти великаго агитатора. (Къ пятидесятилѣтію смерти Фердинанда Лассаля). <i>В. Майскаго</i>	229—254
15. Новый бельгійскій школьный законъ. <i>С. Гарденина</i>	255—270
16. Мѣстные языки и будущія реформы. (Письмо съ Кавказа). <i>Ф. Сибирскаго</i>	271—288
17. На очередныя темы. Вѣроятное и возможное. <i>А. Пѣшехонова</i>	288—299
18. Смерть Жореса. <i>В. Мякотина</i>	299—303
19. Новыя книги. Кнутъ Гамсунъ. Дѣти времени.—Евгеній Чириковъ. Житѣе- бытъ. Марька изъ Ямъ.—Иванъ Рукавишниковъ. Близкое и	

- далекое.—М. Л. Михайловъ. Полное собраніе сочиненій.—
Юрій Озаровскій. Музыка живого слова.—О. Э. Озаровская.
Школа чтеца.—Систематическій указатель литературы.—
М. Гершензонъ. Декабристъ Кривцовъ и его братья.—К. В.
Сивковъ. Путешествія русскихъ людей за границу.—Л. С.
Козловскій. Герценъ-публицистъ.—Петръ Масловъ. капита-
лизмъ. Ч. I.—С. А. Алексѣевъ (Аскольдовъ). Мысль и дѣй-
ствительность.—Новыя книги, поступившія въ редакцію . . . 303—325
20. **Отчетъ конторы редакціи журнала „Русское Богат-**
ство“ 325
21. **Объявленія.**

Высочайшій Манифестъ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и проч., и проч., и проч.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Слѣдуя историческимъ своимъ завѣтамъ, Россія, единая по вѣрѣ и крови съ славянскими народами, никогда не взидала на ихъ судьбу безучастно. Съ полнымъ единодушіемъ и особою силою пробудились братскія чувства русскаго народа къ славянамъ въ послѣдніе дни, когда Австро-Венгрія предъявила Сербіи завѣдомо неприемлемыя для державнаго государства требованія.

Презрѣвъ уступчивый и миролюбивый отвѣтъ сербскаго правительства, отвергнувъ доброжелательное посредничество Россіи, Австрія поспѣшно перешла въ вооруженное нападеніе, открывъ бомбардировку беззащитнаго Бѣлграда.

Вынужденные, въ силу создавшихся условій, принять необходимыя мѣры предосторожности, Мы повелѣли привести армію и флотъ на военное положеніе, но, дорожа кровью и достояніемъ нашихъ подданныхъ, прилагали всѣ усилія къ мирному исходу начавшихся переговоровъ.

Среди дружественныхъ сношеній, союзная Австріи Германія, вопреки Нашимъ надеждамъ на вѣковое доброе сосѣдство и не внемля завѣренію Нашему, что принятія мѣры отнюдь не имѣютъ враждебныхъ ей цѣлей, стала домогаться немедленной ихъ отмѣны и, встрѣтивъ отказъ въ этомъ требованіи, внезапно объявила Россіи войну.

Нынѣ предстоитъ уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную Намъ страну, но оградить честь, достоинство, цѣлость Россіи и положеніе ея среди Великихъ Державъ. Мы непоколебимо вѣримъ, что на защиту Русской земли дружно и самоотверженно встанутъ всѣ вѣрные Наши подданные.

Въ грозный часъ испытанія да будутъ забыты внутреннія распри. Да укрѣпится еще тѣснѣе единеніе Царя съ

Его народомъ и да отразить Россія, поднявшаяся, какъ одинъ человѣкъ, дерзкій натискъ врага.

Съ глубокою вѣрою въ правоту Нашего дѣла и смиреннымъ упованіемъ на Всемогущій Промыселъ, Мы молитвенно призываемъ на Святую Русь и доблестныя войска Наши Божіе благословеніе.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, въ двадцатый день Іюля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четырнадцатое, Царствования же Нашего въ двадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Правительственное сообщеніе.

Вслѣдствіе того, что въ иностранной печати появилось искаженное изложеніе событій послѣднихъ дней, министерство иностранныхъ дѣлъ считаетъ долгомъ дать слѣдующій краткій обзоръ дипломатическихъ сношеній за указанное время.

10-го іюля сего года австро-венгерскій посланникъ въ Бѣлградѣ вручилъ сербскому министру-президенту ноту, заключающую въ себѣ обвиненіе сербскаго правительства въ поощреніи велико-сербскаго движенія, приведшаго къ убійству наслѣдника австро-венгерскаго престола. Въ виду сего Австро-Венгрія требовала отъ сербскаго правительства не только осужденія въ торжественной формѣ означенной пропаганды, но также принятія, подъ контролемъ Австро-Венгріи, ряда мѣръ къ раскрытію заговора, наказанію участвовавшихъ въ немъ сербскихъ подданныхъ и пресѣченію въ будущемъ всякихъ посягательствъ на территоріи королевства. Для отвѣта на означенную ноту сербскому правительству предоставлялось 48 часовъ.

Императорское правительство, освѣдомившись изъ сообщеннаго ему австро-венгерскимъ посломъ въ С.-Петербургѣ, по истеченіи уже 17 часовъ, текста врученной въ Бѣлградѣ ноты о сущности заключавшихся въ ней требованій, не могло не усмотрѣть, что нѣкоторые изъ таковыхъ по существу своему являлись невыполнимыми, нѣкоторые же были предъявлены въ формѣ, несовмѣстимой съ достоинствомъ независимаго государства. Считая недопустимымъ заключающееся въ такихъ требованіяхъ умаленіе достоинства Сербіи и проявленное этимъ самымъ Австро-Венгріей стремленіе утвердить свое преобладаніе на Балканахъ, Россійское правительство въ самой дружеской формѣ указало Австро-Венгріи на желательность подвергнуть новому обсужденію содержащіеся въ австро-венгерской нотѣ пункты. Австро-венгерское правительство

не сочло возможнымъ согласиться на обсужденіе ноты. Равнымъ образомъ умѣряющее дѣйствіе другихъ державъ въ Вѣнѣ не увѣнилось успѣхомъ.

Не смотря на осужденіе Сербіей преступнаго злодѣянія и на выказанную Сербіей готовность дать удовлетвореніе Австріи въ мѣрѣ, которая превзошла ожиданія не только Россіи, но и другихъ державъ, австро-венгерскій посланникъ въ Бѣлградѣ призналъ сербскій отвѣтъ неудовлетворительнымъ и выѣхалъ изъ Бѣлграда.

Еще ранѣе, сознавая чрезмѣрность предъявленныхъ Австріею требованій, Россія заявила о невозможности остаться равнодушной, не отказываясь въ то же время приложить всѣ усилія къ изысканію мирнаго выхода, пріемлемаго для Австро-Венгрии и не затрагивающаго ея самолюбія, какъ великой державы. При этомъ Россія твердо установила, что мирное разрѣшеніе вопроса она допускаетъ лишь поскольку оно не вызоветъ умаленія достоинства Сербіи, какъ независимаго государства. Къ сожалѣнію, однако, всѣ приложенныя Императорскимъ правительствомъ въ этомъ направленіи усилія оказались тщетными. Австро-венгерское правительство, уклонившись отъ всякаго примирительнаго вмѣшательства державъ въ его ссору съ Сербіей, приступило къ мобилизаціи, официально объявило Сербіи войну и на слѣдующій день Бѣлградъ подвергся бомбардировкѣ. Въ манифестѣ, сопровождающемъ объявленіе войны, Сербія открыто обвиняется въ подготовкѣ и выполненіи сараевского злодѣянія. Подобное обвиненіе дѣлаго народа и государства въ уголовномъ преступленіи своей явной несостоятельностью вызвало по отношенію къ Сербіи широкія симпатіи европейскихъ общественныхъ круговъ.

Вслѣдствіе такого образа дѣйствій австро-венгерскаго правительства, вопреки заявленію Россіи, что она не можетъ остаться равнодушной къ участи Сербіи, Императорское правительство сочло необходимымъ объявить мобилизацію кіевскаго, одесскаго, московскаго и казанскаго военныхъ округовъ.

Такое рѣшеніе представлялось необходимымъ въ виду того, что со дня врученія австро-венгерской ноты сербскому правительству и первыхъ шаговъ Россіи прошло пять дней, а, между тѣмъ-со стороны вѣнскаго кабинета не было сдѣлано никакихъ шаговъ навстрѣчу нашимъ мирнымъ попыткамъ и, наоборотъ, была объявлена мобилизація половины австро-венгерской арміи.

О принимаемыхъ Россіею мѣрахъ было доведено до свѣдѣнія германскаго правительства, съ объясненіемъ, что онѣ являются послѣдствіемъ австрійскихъ вооруженій и отнюдь не направлены противъ Германіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Императорское правительство заявило о готовности Россіи, путемъ непосредственныхъ сношеній съ вѣнскимъ кабинетомъ или же, согласно предложенію Великобританіи, путемъ конференціи четырехъ незаинтересованныхъ

непосредственно великихъ державъ—Англіи, Франціи, Германіи и Італіи,—продолжать переговоры о мирномъ улаженіи спора.

Однако и эта попытка Россіи не увѣчалась успѣхомъ. Австро-Венгрія отклоняла дальнѣйшій обмѣнъ мнѣній съ нами, а берлинскій кабинетъ уклонился отъ участія въ предложенной конференціи державъ.

Тѣмъ не менѣе, Россія и здѣсь продолжала свои усилія въ пользу мира. На вопросъ германскаго посла указать, на какихъ условіяхъ мы еще согласились бы пріостановить наши вооруженія, министръ иностранныхъ дѣлъ заявилъ, что таковымъ условіемъ является признаніе Австро-Венгріею, что австро-сербскій вопросъ принялъ характеръ европейскаго вопроса, и заявленіе ея, что она согласна не настаивать на требованіяхъ, несовмѣстныхъ съ суверенными правами Сербіи.

Предложеніе Россіи было признано Германіей непріемлемымъ для Австро-Венгріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Петербургъ было получено извѣстіе объ объявленіи Австро-Венгріей общей мобилизаціи.

Въ то же время продолжались военныя дѣйствія на сербской территоріи и Бѣлградъ подвергся новой бомбардировкѣ.

Послѣдствіемъ такого неуспѣха нашихъ мирныхъ предложеній явилась необходимость расширенія военныхъ мѣръ предосторожности.

На запросъ по этому поводу берлинскаго кабинета было отвѣчено, что Россія вынуждена была начать вооруженія, дабы предохранить себя отъ всякихъ случайностей.

Принимая такую мѣру предосторожности, Россія вмѣстѣ съ тѣмъ продолжала всѣми силами изыскивать исходъ изъ создавшагося положенія и выразила готовность согласиться на всякій способъ разрѣшенія спора, при коемъ были бы соблюдены поставленныя нами условія.

Не смотря на такое миролюбивое сообщеніе, германское правительство 18 іюля обратилось къ Россійскому правительству съ требованіемъ къ 12 часамъ 19 іюля пріостановить военныя мѣры, угрожая въ противномъ случаѣ приступить къ всеобщей мобилизаціи.

На слѣдующій день, 19 іюля, германскій посолъ передалъ министру иностранныхъ дѣлъ отъ имени своего правительства объявленіе войны.

Самсонъ Глечикъ.

I.

На третьемъ урокъ въ учительскую городского училища влетѣла громадная муха. Пожалуй, даже не муха, а скорѣе оса.

Влетѣла въ окно и давай виться вокругъ инспектора Хивренка.

Выкатились у него глаза отъ ужаса; на кругломъ, какъ арбузъ, лицѣ багровыя пятна, остановилось дыханіе. Отмахивается коротенькими пухлыми руками, а муха все жужжить и вьется—вотъ, вотъ укусить...

— Мыкыта! Мыкыта!

Кричитъ Хивренко хрипло, глухо.

Мыкыта входитъ не сразу: просовываетъ сначала голову и спрашиваетъ:

— Чого?

— Гони ее, мерщій!

— Кого?

— А, чтобъ тебѣ! Не видишь!

Но муха порывисто зажужжала, рванулась и сама исчезла за окномъ.

— Фу-у. чтобъ ты трижды сказала! — отдувается Хивренко въ свѣсившіеся черезъ губу черные усы, вытираетъ сѣрымъ платкомъ холодный потъ на круглой, коротко остриженной головѣ. А пухлыя руки еще дрожать, глаза выпучены страхомъ.

— Зачиняй окно!

Переваливаясь на короткихъ, какъ двѣ коническія тумбы, ногахъ, идетъ къ окну вслѣдъ за Мыкытой.

Прозвенѣлъ звонокъ на перемену. Вырвался шумъ изъ классовъ. Вошли учителя съ журналами и тетрадами.

Молодой, новенькій учитель Спичкинъ вынулъ изъ кармана газету, прочиталъ отдѣлъ телеграммъ, потомъ набралъ въ грудь воздуху и, стуча пальцами по газетѣ, сказалъ:

Августъ. Отдѣлъ I.

— Нашъ правительственный режимъ настолько возмутителенъ, что не можетъ не возмущать всякаго сознательнаго человѣка!

Учитель исторіи и пѣнія Глечикъ молча сталъ записывать что-то въ памятную книжку, а Спичкинъ продолжалъ, заложивъ руку за бортъ новенькой форменной тужурки:

— Особенно это нужно сказать относительно режима нашего бездушнаго министерства, столь далекаго въ своихъ дѣйствіяхъ отъ идеаловъ педагогики!

— Этъ!—махнулъ рукою законоучитель о. Іона.

Онъ торопливо вертѣлъ и слюнилъ папиросу, разсыпая табакъ на темно-красную съ просѣдью бороду, на столъ, на учебники:

— Этъ! Всѣ прохвосты! Панчутка, — второй гильдіи купецъ, двѣсти пятьдесятъ тысячъ обороту, а сегодня за похороны бабки двѣ трешницы заплатилъ. Вотъ тебѣ режимъ! Безстыжія жъ твои очи! Я жъ для тебя, прохвоста, на трехъ перекресткахъ останавливался евангеліе читать! Обязанъ я вотъ то за двѣ трешницы дѣлать? Га? „Это, говорить, вамъ лучше знать, что по уставу полагается“. Ну, вы жъ посмотрите на этихъ песиголовцевъ! На шармака бабку схоронить желаютъ! Даромъ для его я долженъ евангеліе читать! Этъ, прохвосты!—махнулъ рукою о. Іона и опрокинулъ чернильницу на журналъ.

— У тебя одна бабка, да и та умерла, а я позавчера седьмую дочку въ спархіальное отвезъ!—громилъ онъ схвативъ тетрадь, чтобы вытереть ею чернила.

— Эй, авва, авва!—вырвалъ у него тетрадь учитель русскаго языка Кочерыгинъ: — сіе возбраняется. Зане писано, что чернила для тетради, но не тетрадь для чернилъ.

— Этъ!

Прозвенѣлъ звонокъ на уроки. О. Іона торопливо затушилъ папиросой, потушилъ ее о переплетъ катехизиса и, расчесывая спутавшіеся волосы длинными корявыми пальцами, пошелъ въ классъ.

Спичкинъ бросилъ газету, взялъ журналъ и тоже пошелъ на урокъ. Но въ дверяхъ всталъ передъ нимъ Глечикъ, громадный, сутулый, уперся въ его цвѣтной галстукъ свинцовымъ взглядомъ узенькихъ глазъ и спросилъ сиплымъ басомъ:

— Это вы на какомъ же основаніи такого мнѣнія о нашемъ правительствѣ?

— Да помилуйте! Полнѣйшая реакція! Скольکو лѣтъ тому назадъ объявленъ манифестъ 17-го октября, и что же мы видимъ? Гдѣ свобода? Между тѣмъ, если вы идѣте въ

Западную Европу, не говоря уже о Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ...

— Нѣтъ, ужъ это вы сами побѣждаете въ Западную Европу, а нашему правительству такіе социаль-демократы всякіе безъ надобности. И вы не имѣете права жалованье получать отъ него.

— Позвольте... Какіе же со... социаль-демократы...

— Ну, пожалуйста, не втирайте очки! Разъ вы такъ позволяете на счетъ правительства, когда будучи облечены въ форму и при исполненіи служебныхъ обязанностей, то, значитъ, вы социаль-демократы!

— Но это васъ даже не касается.

— Нѣтъ, касается. И по долгу службы я этого такъ оставить не могу.

— Шутить?—подумалъ Спичкинъ. Глянулъ въ его сѣрое лицо, вздувшееся коробкой, какъ у утопленника. Похолодѣло внутри.

— Значитъ, вы намѣняете присягѣ, — гудѣлъ Глечикъ, какъ съ колокольни. — А присяга гласитъ нижеслѣдующее указаніе, что если я, чиновникъ, услышу что-нибудь въ смыслѣ угрозы государственному порядку, то мой священный долгъ доложить объ этомъ. Такъ что ваши слова я записалъ на предметъ донесенія по гражданскому начальству.

— Но, Самсонъ Емельяновичъ... я только въ томъ смыслѣ, что сравнительно съ Западной Европой...

— Бываетъ Западная Европа, а бываетъ Восточная Сибирь,—сообщилъ Глечикъ.

Спичкинъ оглянулся: сидитъ Хивренко, выкативъ глаза въ уголъ, тяжело отдувается:

— Фу-у...

А впереди пустой коридоръ. Глянулъ Спичкинъ,—конца ему не видно, будто до самой Сибири протянулся. А сверху, какъ мертвая, вытянутая въ эллипсисъ луна, смотритъ огромное матовое лицо. И не убѣжать отъ него... Нахнуло оттуда внутрь холодомъ — околѣбли руки...

Уже Глечикъ въ классѣ, а Спичкинъ все не можетъ сдвинуться съ мѣста и не можетъ поднять съ полу скользкій, какъ ледъ, журналъ.

— Та въ какой же мнѣ классъ?—недоумѣваетъ о. Іона, очутившійся на чужомъ урокѣ.

— Мы объ этомъ не извѣстны, — ворчитъ въ углу Мыкыта.—Дванадцатый годъ при звонку, а что оно тамъ, къ чему,—до насъ, благодарить Господа, не доходитъ.

— Этъ, дуракъ!

II.

Тихое лѣтнее утро. Густой, бѣлый, какъ вата, теплый туманъ вмѣстѣ съ солнцемъ поднимается отъ широкаго займища и разбросанныхъ по немъ, спрятанныхъ въ камышахъ илосовъ. Бѣлые клубы, вставъ отъ рѣки, сначала насаждаютъ на городъ, потомъ медленно ползутъ за мельницы, по верхушкамъ лѣса, въ гору, и тогда блестятъ на солнцѣ покрытый росой городокъ, старый-старый, но не выросшій, будто карликъ. По косоугору тѣсно налѣплены покосившіеся отъ дряхлости деревянные домики. Словно изъ предосторожности, чтобъ не разбились другъ о друга, тщательно окутаны они густой зеленью садовъ и палисадниковъ съ подсолнухами, маками и гвоздиками.

Сегодня неучебный день. Прошелъ черезъ площадь Глечикъ съ удочками на плечѣ. Остановившись у паперти, трижды перекрестился. Улицей къ мосту пошелъ.

Длинный деревянный мостъ протянулся отъ города черезъ рѣку и дальше черезъ все займище, исчезая гдѣ-то въ лѣсной опушкѣ. Вправо и влѣво отъ моста разбросаны по займищу вербы, то въ одиночку, то небольшими рощами, бѣлѣютъ камыши и сверкаютъ небольшія озера. Глечикъ прошелъ весь мостъ. Потомъ взялъ вдоль займища по опушкѣ. На одной изъ полянъ набрелъ на группу своихъ учениковъ вмѣстѣ съ учителемъ Кочерыгинымъ, расположившимся на травѣ, въ тѣни двухъ старыхъ дубовъ, вокругъ самовара. Завидѣвъ Глечика, смолкли, насторожились.

Молча посмотрѣлъ на нихъ Глечикъ и пошелъ къ большому плесу. Удиль тамъ до самаго вечера и вернулся въ сумеркахъ, когда городъ совсѣмъ утонулъ въ темныхъ садахъ, лишь кое-гдѣ отмѣтивъ домики мирно свѣтящимися точками, отраженными подъ горою въ зеркалѣ рѣки.

Квартиру онъ занималъ казенную, при училищѣ. Собственно, учителямъ казенныхъ квартиръ не полагалось. Но вышло такъ: была при городскомъ училищѣ вечерняя школа и читальня для рабочихъ съ чугунно-литейнаго завода. Какъ только Глечикъ перевелся въ городъ и написалъ докладъ о крамольности школы, ее закрыли, а три комнаты при училищѣ остались свободными. Въ тотъ же день Глечикъ переехалъ туда вмѣстѣ съ теткой Ѳеклой Ѳоминишной.

Комнаты просторныя, свѣтлыя,—лѣтомъ заново отремонтированы. Полы выкрашены подъ паркетъ.

Поѣвъ свѣжей ухи, сидитъ Глечикъ передъ столомъ, пишетъ. Тутъ же расплылась въ мягкомъ креслѣ Ѳекла Ѳоминишна. Стала было чулокъ вязать, да что-то не охота.

Лучше такъ посидѣть часъ-другой. Легли руки на животъ. Уставила на лампу глаза, заплывшіе жиромъ, маленькіе, круглые, какъ двѣ сѣрыя пуговицы. Недвижно стала на стѣнѣ огромная тѣнь отъ нея. Зѣвается.

— Чи пріѣхала до бакалейщика Хмары сестра въ гости, чи, може, не пріѣхала?

Проходитъ нѣсколько минутъ. Слышенъ только скрипъ пера. Глечикъ исписалъ уже страницу. Оекла Ооминишна рѣшаетъ:

— Мабуть, пріѣхала.

Еще четверть часа. Глечикъ исписалъ новую страницу.

— А, може, и не пріѣхала,—перерѣшила Оекла Ооминишна.

Глечикъ пишетъ:

„...А также по долгу присяги имѣю честь донести вашему превосходительству. Мѣстомъ собраній у нихъ является „Зеленый островъ“, такъ называемая мѣстность среди рѣчки, въ двухъ верстахъ.

„Списокъ участвующихъ при семъ прилагаю“.

А въ другой бумагѣ:

„...Кромѣ изложеннаго, какъ ревностный сынъ церкви, считаю священнымъ долгомъ донести вашему преосвященству, что священникъ Іона Заплатицъ 10-го сего августа, идя на потребу, зашелъ въ табачную лавку и, взявъ табаку, забылъ тамъ крестъ и епитрахиль.

„А 23-го августа учитель Кочерыгинъ на перемѣнѣ между вторымъ и третьимъ уроками неодобрительно отзывался о мощахъ и о г. губернаторѣ, назвавъ первыя недостовѣрными, а второго „негодяемъ“. А 24-го августа законоучителя о. Іону Заплатина поносилъ „натлатымъ чертомъ“, на что послѣдній только малодушно смѣялся. Не говоря уже о томъ, что они часто бываютъ другъ у друга, напиваясь до нетрезваго состоянія и выпивая свыше трехъ дюжинъ одного пива. По истеченіи чего, учитель Кочерыгинъ играетъ на гитарѣ и поетъ: „Ой, гопъ, Тетяна, чернобрыва кохана!“ и т. д., и т. д., а о. Іона, сбросивъ полукафтаны, пускается въ плясъ. О tempo, о mores!“

— Проклятые революціонеры,—сипитъ онъ, посылая пескомъ исписанную страницу.

— И каждый же день ихъ вѣшаютъ, а не переводятся,—говоритъ Оекла Ооминишна, зѣвая и крестя ротъ.—Хоть бы вже, Господи, скорѣй всѣхъ перевѣшали.

Исписавъ нѣсколько писчихъ листовъ, Глечикъ пишетъ на почтовой бумагѣ:

„Милостивая Государыня,

Анна Ивановна!

Я теперь съ холоднымъ внутреннимъ смѣхомъ вспоминаю, какъ вы, вмѣсто любви, постоянно упрекали меня въ невѣжествѣ, хотя въ то же время семь лѣтъ безнаказанно ѣли мой кусокъ хлѣба. Конечно, я о васъ очень сожалѣю, что вы такъ горько ошиблись: думали, что я, какъ окончившій три класса гимназій, такъ въ сельскихъ учителяхъ и заглохну до смерти. И потому, подъ видомъ идей, бросили меня. Но tempora mutantur, и въ головѣ моей шарикки работаютъ! Я уже преподаватель городского училища и на такой дорогѣ, что не сегодня - завтра — инспекторъ! Не знаю, что-то вы тогда запоете? Но независимо отъ этого у меня такой авторитетъ въ городѣ, что даже особы восьмого класса передо мной трепещутъ. Все начальство у меня, я у нихъ — чуть ли не черезъ день чай вмѣстѣ пьемъ. А также бываютъ у меня и другія лица, такъ что мою квартиру „салонномъ“ называютъ. Въ день ангела исправникъ поднесъ бредень въ рублей 25 и серебряный портсигаръ съ эниціалами и съ надписью: „незамѣнимому другу въ знакъ любви“. Вотъ вамъ и три класса гимназій! А вы съ восемью классами, да сидите въ кондитерской за кассой!..“

Запечатавъ письма, Глечикъ вышелъ за ворота. На площади передъ училищемъ насласть привязанная на длинной веревкѣ сѣрая коза. Позвалъ:

— Машка, Машка!

Шелестя веревкой въ травѣ, подошла коза къ рукамъ. Глечикъ отвелъ ее въ сарай, а самъ пошелъ пройтись по городу. Спать трехконные домики, закутанные въ темную зелень садовъ, надъ плетнями повисъ запахъ яблокъ и грушъ. Спать улица, спать деревянные лари и старенькіе торговые ряды. Только въ дверяхъ и окнахъ новаго кура-новскаго дома яркій ацетиленовый свѣтъ:

„I. РОКОВАЯ СУДЬБА.

Ужасная кровавая драма въ 1.400 метровъ.

II. Кромѣ того, по желанію публики остановились на самое короткое время всемірно извѣстныя гастролі концерта русскихъ балалаечниковъ и куплетистовъ *братьевъ Селезневыхъ*“.

Въ кинематографѣ полно публики. Глечикъ окинулъ ее взглядомъ отъ переднихъ рядовъ, гдѣ толпились мальчишки, до заднихъ, гдѣ форменныя фуражки и дамскія шляпки, и что-то сладко колыхнулось въ груди:

— Одно слово, и всѣхъ на ноги поставлю.

Прошелъ на мѣсто для исправника и, когда балалаечники окончили свой номеръ, поднялся и сказалъ, обведя залъ тускло-блестящимъ взглядомъ:

— Цсс... Прошу всѣхъ встать! Гг. артисты, прошу исполнить гимнъ!

Братья Селезевы растерянно переглянулись.

— Прошу немедленно... Не уклоняйтесь, если русскіе люди желаютъ. Встать! шапки долой!..

— Прошу повторить!..

— До трехъ разъ!

— Ура! Приглашаю всѣхъ прокричать ура! Еще разъ: Ура-а!

— Благодарю васъ, господа, за выраженіе! Хотя же долженъ замѣтить, что мною извѣстно, что нѣкоторые неохотно приняли участіе, какъ, напримѣръ, нѣкоторые изъ жидовъ,—бросилъ онъ взглядъ на портного Кацмана, единственного въ городѣ еврея.—Можетъ, имъ не нравится, такъ пусть себѣ за границу убираются! Въ Сіонъ!

II.

жегодно тридцатаго августа совершается крестный ходъ къ Александрo-Невской часовнѣ, воздвигнутой на базарѣ по случаю прекращенія холеры.

Въ этомъ году съ обычнымъ торжествомъ соединили освященіе выстроеннаго земствомъ народнаго дома съ читальней.

Крестный ходъ совершалъ о. Іона соборнѣ съ о. Меводіемъ, маленькимъ, согнувшимся старикомъ. Отъ старости ли, отъ запоя ли, о. Меводій отрицательно трясетъ головой.

Мягко звенѣлъ хоръ въ утреннемъ воздухѣ, а рядомъ шелъ печникъ Омелько Кресало и кошмарно пронзительнымъ дискантомъ, будто натянутой ниткой, рвалъ и херъ, и воздухъ. Пѣлъ, сладко закрывъ глаза и задравъ къ небу бѣлую острую бородку. А когда спотыкался о что-нибудь и вырывалась такая визгливая нота, будто рядомъ на базарѣ поросенка за ноги поймали, то о. Іона махалъ на него рукой и кричалъ:

— Затихни, дуросвѣтъ!

А по тощей фигурѣ о. Іоны, по задумчиво опущенной, не расчесанной головѣ было видно, какъ далеко онъ и отъ Омельки, и отъ крестнаго хода. Неизбывныя житейскія заботы, какъ паутиной, мелкими морщинами покрыли худое, загорѣлое лицо. Временами онъ нервно третъ его ладонью,

но паутина не стирается, и о. Іона безпомощно обводитъ площадь добрыми голубыми глазами.

— Чебакъ почему? — задерживается онъ подлѣ воза. — Къ церковному дому подвези... по семигривеннику... матушкѣ скажешь! — кричитъ, оглядываясь, увлекаемый процессіей.

Въ народномъ домѣ передъ молебномъ хотѣлъ сказать слово на текстъ: „Приступите къ нему и просвѣтитесь“. Да вмѣсто этого началъ съ заупокойнаго стиха: „Приступите, послѣднее цѣлованіе дадимъ“. Вспомнилъ, что послѣ молебна надо ѣхать на хуторъ, вдову хоронить, — стайка дѣтей отъ нея осталась, — и забылъ, что нужно говорить дальше. Молча затылокъ почесалъ, махнулъ рукой и началъ молебенъ.

Запѣлъ вмѣстѣ съ хоромъ пробравшійся въ чашу дамскихъ шляпокъ Омелько Кресало.

— Та выведи его, прохвоста! — крикнулъ о. Іона сторожу Кондрату.

— Чадо, изыди, — сказалъ пропахшій огарками дѣдъ Кондратъ, взявъ Омельку за рукавъ: — не погань благолѣпія.

Но Омелько подошелъ къ о. Іонѣ и, тряся бородой, безпокойно зашепталъ:

— Невозможно! Я жъ по обѣщанію! Пропасница шесть недѣль трусила, такъ обѣщался шесть недѣль славословить... Ни одной службы не пропускать... Бросила—благодарить Бога...

— А, чтобъ она тебя, прохвоста, не бросала!

Дѣдъ Кондратъ уперся жирно промасленной головой въ грудь Омелька и молча вытѣснилъ его за дверь.

Послѣ молебна говорили рѣчи: предсѣдатель управы, инспекторъ; читали привѣтственную телеграмму отъ предводителя изъ-за границы, потомъ составляли свои телеграммы. Потомъ Глечикъ вышелъ впередъ и тоже сказалъ рѣчь:

— Въ сегодняшній высокаторжественный день я могу сказать...—началъ онъ, обведя глазами переполненный публикой залъ: впереди дамы, мундиры; тревожно впились сотни глазъ, съ непривычки какъ-то не по себѣ; губы растянулись и посинѣли, голосъ сипѣлъ и срывался, какъ свистокъ паровоза на вѣтрѣ. Потомъ осмѣлѣлъ:

— Въ высокаторжественный день открытія, я имѣю въ виду сказать, къ чему мы въ общемъ всѣ должны устремляться... и за чѣмъ неукоснительно блюдить, согласно долгу и присягѣ! Конечно, что книги въ общемъ суть очень полезныя для народнаго просвѣщенія, и поэтому мудрое пра-

вительство разрѣшаетъ ихъ. Но бываютъ книги, не приносящія никакой пользы, кромѣ какъ вреда! Не даромъ знаменитый нашъ писатель и баснописецъ, дѣдушка Крыловъ, сказалъ:

„Хотя въ ученіи зримъ мы многихъ благъ причину,
Но дерзкій умъ находитъ въ немъ пучину“...

Или, какъ по-латыни говорится: *non stultum, sed multa!*

Перевелъ духъ и снова продолжалъ, туго выдавливая и отрывая сырые слова, вытѣпливая неуклюжія, уродливыя предложенія.

— Поэтому желательно, чтобы мы все въ общемъ шли по стопамъ и къ подножію, а не какъ-нибудь иначе!.. Мы должны блюсти и обращать невольное вниманіе, чтобы чтеніе было на пользу... Да!.. Чтобы чтеніе произращивало намъ въ груди патріотическія чувства и готовность кровь проливать за вѣру, царя и отечество! До послѣдней капли крови!.. Ура!..

Глаза вдругъ остро блеснули, вошли въ публику. На сѣромъ лицѣ выступили красныя пятна. Голосъ повысиль:

— Конечно, я, въ общемъ, знаю и даже по выраженію фізіономіи могу замѣчать, что нѣкоторымъ мои слова глаза колятъ и потому они ихъ отвергаютъ! Ну, мы на этихъ разныхъ пролетаристовъ, покамѣстъ, нуль вниманія! Какъ говорится, баба съ воза, кобылѣ легче! Ура!..

Закричалъ, размахивая руками, откинувъ назадъ голову и широко раскрывъ ротъ.

Оробѣвшая публика торопливо, молча покидала народный домъ.

IV.

Пересматривалъ Хивренко четвертныя вѣдомости и тяжело отдувался:

— Фу-у...

Ночью былъ сердечный припадокъ, а, когда на разсвѣтѣ заснулъ, опять приснилась отвратительная большая муха и Хивренко проснулся, стуча зубами отъ ужаса. О, этотъ сонъ! Впервые приснился пять лѣтъ тому назадъ: будто вьется надъ головой и кусаетъ огромная зеленая муха. А утромъ получилъ извѣщеніе за подписью директора Мухина, что за нераспорядительность смѣщенъ съ инспекторства на должность преподавателя... Только въ прошломъ году возстановленъ и посланъ въ этотъ всеми забытый городъ.

Кочерыгинъ исправлялъ тетради, а Спичкинъ тихо перелистывалъ старые циркуляры. Газетъ ужъ не носилъ съ собой и на перемѣнахъ молчалъ.

Глечикъ сидѣлъ въ любимой позѣ: заложивъ ногу за ногу, угрюмо смотрѣлъ въ бѣлую стѣнку. Перевелъ взглядъ на Спичкина и спросилъ:

— Гдѣ это вы въ воскресенье были?

Спичкинъ испуганно заморгалъ бѣлыми вѣками:

— Ни... гдѣ.

— Гм... Какъ же это—нигдѣ! Что за бессмысленница!

— Ахъ, да! Виновать,—вспомнилъ Спичкинъ.—Въ воскресенье я ѣздивъ въ Горлянку. Учитель тамъ—мой школьный товарищъ... Но онъ вполне благонадежный человѣкъ.

— Ну, это еще неизвѣстно.

Въ передней о. Іона на мѣщанина Кравца кричалъ:

— Поцѣлуй меня сегодня, а я тебя завтра! Чтобъ-то за пять рублевъ вѣнчать, и безъ оглашенія—такихъ дурней, братику, нѣту!—кипятился, снявъ калоши и вѣшая ихъ на крючокъ вмѣсто шляпы.—Да ты невѣстку берешь или шкапу купуешь? Га? Да я тебѣ священникъ чи маклеръ? Га? Этъ, прохвость!..—махнулъ онъ рукой, входя въ учительскую.

— Жадность тебя, авва, обуяла!

— Шо такое? Отъ же я въ твои тетради не встряваю! Ну?

— Марѳа, Марѳа, почепи-и-ся! — протянулъ басомъ Кочерыгинъ. — А знаешь, авва, анекдотъ о посѣщеніи архіереемъ женскаго монастыря?

— Этъ! Отстань! У меня вотъ у самого анекдотъ: опять сына изъ бурсы выгоняють.

— А ты все-таки послушай: пріѣхалъ, знаешь ли, архіерей въ женскую обитель. Ну, честь честью, осмотрѣлъ все: благолѣпіе. А потомъ и спрашиваетъ: „А есть у васъ, честная игуменія, достопримѣчательности въ обители?“

Кочерыгинъ рассказываетъ монотонно-благочестивымъ тономъ, будто четьи-минеи читаетъ, весь въ исправленіе тетрадей ушелъ. А о. Іона хрипитъ и плачетъ, взявшись за животь, катается по дивану:

— Ахъ, прохвость! Ахъ, сукинаго сына хлопецъ! И гдѣ только ты ихъ каждый день выкапываешь!

Трясется на тумбахъ Хивренко — страшно смотрѣть на его посинѣвшее отъ смѣха лицо. Визжитъ, отмахиваясь руками, Спичкинъ.

Не смѣется Глечикъ.

— Виновать, о. Іона. Я тутъ ничего не вижу смѣшного, кромѣ кощунства, и долженъ вамъ это поставить на видъ.

— Шо такое?—брезгливо сморщился о. Іона, повернувъ къ нему ухо.

— Вы—пастырь и не имѣете права смѣяться надъ этимъ.

— Знаешь, шо? Поцѣлуй меня въ шупокъ, бо я на Спаса медь ѣлъ!

— Хорошо... Я это запишу, — проспѣлъ Глечикъ; вынулъ книжку и, слюня карандашъ, сталъ записывать.

— Ну, фигура! — вздохнулъ о. Іона. — Вылилъ Господь, да и форму закинулъ.

— Какъ вы сказали?

— Запишешь?.. Ну, пиши, — тыкалъ въ книжку кривымъ, желтымъ отъ табаку указательнымъ пальцемъ. — Пиши: „Вылилъ меня, Самсона Глечика, Господь... Записалъ? Да и хворму закинулъ... закинулъ“. Уже? Прибавь: „штобъ друтого такого дурня на свѣтъ не было“.

— Хорошо, хорошо!.. Записано, что вы съ Кочерыгинымъ того-то и повыше насъ дурнемъ величали...

Вздохнулъ Кочерыгинъ:

— Охъ, Іона! быть тебѣ во чревѣ китовѣ.

— Подавится!

— Фу-у...

Спичкинъ сидѣлъ блѣдный, навсегда испуганный. Звонокъ жалобно прозвенѣлъ. Трясущимися руками схватилъ журналъ и, спрятавъ въ плечи голову пирожкомъ, пошелъ въ классъ.

У Глечика урокъ пѣнія:

— Донось, идолова дытына! На бемоль не доносишь! — стучитъ смычкомъ по головѣ мальчугана. — Мы дру-ужно на враго-овъ, на бо-ой, друзья, спѣши-имъ...

— Ой, Самсонъ Емельяновичъ! Кацманова собака за козой гоняется!

Глянулъ въ окно: такъ и есть! Съ крикомъ мечется по площади привязанная за ногу коза, а за ней собака гоняется... Выпрыгнулъ въ окно, захватилъ въ обѣ руки мелкихъ камней, и — за собакой. А собака юркнула въ переулокъ, потомъ во дворъ къ Кацману. Глечикъ за ней по пятамъ. Но изъ двора она прыгнула черезъ плетень и скрылась въ садакъ.

Глечикъ застучалъ колѣнями и кулаками въ низенькую дверь — заперта.

— Я тебѣ покажу! Я тебя съ твоими бебехами въ двадцать четыре часа! Чтобъ паршивая жидовская собака да рускую, христіанскую козу смѣла рвать

Кособокая хибарка, съ одного конца въ землю вросшая, съ другого вспухшая и стѣны выпятившая, испуганно молчала...

Когда Глечикъ вышелъ за ворота, Кацманъ высунулъ рыжую голову въ дверь и закричалъ вслѣдъ теноромъ, очень напоминавшимъ крикъ козы:

— Пожалуйста, у мене не кричите! А то вы мене въ домѣ всѣ окна полопаете! Идите себѣ въ своя квартире и тамъ таки можете кричать!

Съ ревомъ ринулся Глечикъ назадъ. Но за дверью шелкнула задвижка.

V.

Тихо гасъ короткій, но хрустально-прозрачный и звонкій, морозцемъ скрѣпленный осенній день. Въ городѣ было еще свѣтло, только, туманясь, темнѣлъ лѣсъ за рѣкой; а на горѣ уже обнаженные его верхушки протянулись четкими темными кружевами на красномъ фонѣ погорѣвшаго неба. Глечикъ шелъ по серединѣ немощеной улицы, тяжело стуча сапогами и ломая въ лужицахъ нѣжныя ледяныя иглы. На горизонтѣ стояли сиреневыя тучки съ золотыми обрѣзами, а сверху небо чистое и голубое, какъ мундиръ у ротмистра Карпенка.

Когда ротмистръ Карпенко, прїѣзжавшій арестовать Кочерыгина, сдѣлалъ Глечикъ визитъ, чай у него пилъ и благодарилъ, то все это было лестно и очень прїятно, только какъ-то грустно и жаль было, что нельзя сдѣлаться жандармомъ и носить эту красивую форму.

Но теперь, черезъ двѣ недѣли, это досадное чувство потускнѣло и собственно, если разсудить основательно, то сдѣлаться инспекторомъ тоже—не баранъ начиналъ! И формочка не вредная: цвѣтъ мундира почти такой же, чуть только темнѣй. Но можно взять сукно и посвѣтлѣе. А шитье на воротникѣ тоже аксельбантамъ не уступитъ.

На Красную улицу вышелъ, — людно, шумно возлѣ лавокъ. А завидѣли—тихо стало, какъ въ классѣ послѣ звонка... Глечикъ повелъ покатыми плечами, выпятилъ плоскую грудь и сталъ сразу легкій самому себѣ, будто не самъ идетъ, а кто-то невидимый несетъ его по улицѣ, высоко, выше его собственного роста, голубымъ цвѣтомъ одѣваетъ... А ноги только отбиваютъ по мерзлой землѣ: ррыкъ, ррыкъ...

Какъ Карпенко! Ломаются подъ ногами ледяныя иглы и, если вслушаться, то нѣжно звенятъ, будто серебряныя шноры:

— Ррыкъ... дзинь... дзинь...

Смотритъ Глечикъ налѣво, направо, и въ глазахъ, когда-то тусклыхъ, блеститъ вдохновеніе.

Кланяются лавочники, приказчики, мужички. Глечикъ съ Карпенковой граціей руку къ козырьку и слышитъ въ рукѣ такую ловкость да силу, что махни ею по магазинамъ — и нѣтъ ихъ, въ порошокъ...

Бакалейщикъ Макотрусенко, — въ лавкѣ товару тысячъ

за семьдесятъ, — сталъ на ступенькахъ, шапку снялъ, кланяется лысиной въ поясъ.

— Съ преддверіемъ табеля васъ, Самсонъ Омеляновичъ! Здоровьячко ваше какъ?

— Ничего, благодарю.

— Ну, слава Тебѣ, Господи! — расцвѣтаетъ лицей ликъ успокоенной улыбкой. — А зашли бы въ магазинчикъ!

— Нѣтъ, благодарю, — не время... А вы жъ не забудьте завтра на молебенъ.

— Ну, какъ же можно! Святой долгъ! Мыкъта ваше объявленіе расклеивалъ, такъ я специально попросилъ у меня парочку приклеить: одну на фонарь, а другую вотъ на дверяхъ. Чтобъ покупатель читалъ. И также словесно внушаю...

Морщинистой рукою почтительно разгладилъ объявленіе на дверяхъ:

„По случаю высокаторжественнаго дня проявленія знаменія свыше, предлагаю завтра гг. чиновникамъ, а также и жителямъ, пожаловать на торжественное молебствіе въ храмъ или на площади, въ зависимости отъ состоянія погоды.

С. Е. Глечикъ-Кувшинскій“.

— А вотъ, кстати, и батюшка идетъ. Здравствуйте, о Мееодій, не узнали?

О. Мееодій всмотрѣлся, сдѣлавъ ладонью козырекъ надъ застланными слезой глазами и безпомощно замѣтилъ:

— Болванъетъ кто-то подъ зорю, а кто—безъ очковъ не того...

— Гм... плохо...

— А, Самсонъ Емельяновичъ! Добраго здоровьячка!

— Гуляете, о. Мееодій?

— Да нѣтъ, отъ чеботаря иду. Еще съ лѣта отдалъ ему и чоботы, и товаръ, чтобъ хлопчинкамъ подметки подкинулъ. Объячалъ еще на вторую Пречистую сдѣлать, да видно... до второго пришествія. Ни халявъ, ни подметокъ, и самъ гдѣ-то на хуторахъ кубритъ... И-и, бѣда!

Говоритъ усталымъ отъ старости голосомъ, отрицательно тряся головой.

— Такъ... Вы жъ, о. Мееодій, имѣйте въ виду, завтра молебенъ на площади.

— Ну, гораздъ.

— Не забудьте. А то, бывало, о. Іона—объявишь ему: молебенъ, а онъ: „я не обязанъ, по сѣно ѣду“. Вотъ теперь пускай тамъ, въ Голодаевкѣ по сѣно ѣздитъ!.. Кстати, о. Мееодій: я сегодня былъ у васъ въ обѣднѣ.

— Были? Ну, спаси Христосъ.

-- Да. И долженъ сдѣлать вамъ одно замѣчаніе, — ска-

залъ Глечикъ, окидывая взглядомъ высыпавшихъ изъ лавокъ торговцевъ.

— А! Ну, сдѣлайте.

— Замѣчаніе по случаю тому, что во-первыхъ, на великомъ входѣ вы не помянули восначальниковъ, градоначальниковъ и христолюбивое воинство. А прямо: „васъ и всѣхъ православныхъ христіанъ“...

— Ну, простите, Христа ради, забылъ по старости. Хотя, признаться, въ чинѣ литургіи оно жъ этого и нѣту.

— Какъ это! Въ литургіи про военачальниковъ и градоначальниковъ нѣту?

— Эге жъ.

— Гм... не можетъ быть!

— Ну, счастливо оставаться.

— Нѣтъ, это еще не все. Прошу выслушать. Да что жъ вы ушли! Пойдите, вамъ говорятъ!

— А? Вы меня кличете?

— Прошу вернуться!

— Старый человѣкъ, плохо слышу...

— Во-вторыхъ, вы не дали псаломщику прочесть псаломъ 133-й.

— То-бъ-то 33-й?

— Да, именно! Пропустили!

— Извините, по старческой немощи. Тѣмъ паче, что сей псаломъ часто даже при архіерейскомъ богослуженіи опускается.

— Да... но... однакоже... уставъ церковный этимъ нарушается. И я просить бы впредь не нарушать, но въ строгости соблюдать. Потому что уставъ церковный — это самое главное!

— Ну, спаси Христосъ за бесѣду.

Зашелъ Глечикъ къ исправнику, какъ разъ къ чаю.

— Вотъ и отлично, что пожаловали. А то я ужъ хотѣлъ было самъ къ вамъ навѣдаться. Расскажите жъ, Самсонъ Емельяновичъ, за что собственно вы бабаевского конторщика къ намъ, въ полицію, прислали? А то, знаете, сидитъ въ клопахъ съ утра, а въ чемъ дѣло—не ясно.

— Ну, да какъ же! Идетъ, понимаете ли, изъ библіотеки, журналъ читаетъ.

— По улицѣ?

— Ну, да—по улицѣ! Идетъ и читаетъ, а само маленькое, подслѣповатое, въ сѣрой кепочкѣ — ногтемъ раздавить. Я ему на встрѣчу. Эту библіотеку еще позволили!.. Онъ шелъ-шелъ, уцурившись въ книгу, да головой мнѣ въ животъ — бучъ... Я его по книжкѣ—бацъ...

— Хи-хи-хи...

Голова у исправника маленькая, рыжіе волосы п бородка—будто не острижены, а выщипаны клоками. Смѣется онъ, осклабясь по-собачьи, всей головой: ходять по ней рыжіе клоки.

— Листы—по улицѣ. Пovýлазило?—говорю;—на встрѣчу чело́вѣкъ идетъ!—Этто не мнѣ, а тебѣ пovýлазило.—Да ты знаешь, сволочь, что я чиновникъ десятаго класса?—Знаю,—говорить, — что ты именно сволочь, а какого класса, не знаю,—и, понимаете, зубоскалить! А на углу городской Швайка. Взять!

— Все-таки мы его отпустимъ, Самсонъ Емельяновичъ. Прижали—будетъ помнить, довольно съ него. А то, знаете,—незаконно нѣсколько.

— Ну, если незаконно, я ничего противъ не имѣю. А въ библиотеку я ужъ какъ-нибудь загляну.

Однажды заглянулъ. Шелъ мимо и зашелъ. Библиотекарша Марья Степановна, пятая дочь покойнаго о. діакона, сосала леденцы и просматривала иллюстраціи къ русскимъ сказкамъ. Сама маленькая, а глаза большіе, испуганные. Темныя кудри подстрижены.

— Хорошенькая, — подумалъ Глечикъ;—намъ это безъ надобности.

Прошелъ къ полкамъ.

— Позвольте полюбопытствовать.

— Это... официально?

— Нѣтъ, частнымъ образомъ

— Но... какъ же это такъ?

Не отвѣчая, какъ это такъ, сталъ отворачивать переплеты и читать названія книгъ.

— Позвольте! Это у васъ какой же отдѣлъ? Педагогическій? А фребелевскіе сады! Гм... Это вы, пожалуйста, къ садоводству и огородничеству... Разказы Лѣва Толстого!.. Ну, это вы неукоснительно измите!

— Но допущены же...

— Это меня не касается. Не могу...

Оборачиваясь, встрѣчалъ широко раскрытые влажные глаза, а, перебирая книги, чувствовалъ эти глаза на себѣ: въ спинѣ тепло и приятно, какъ коту на солнышкѣ, а обращеніе съ книгами выходило мягкое, граціозное, какъ у ромистра Карпенка.

— „Эволюція“! Нѣтъ, вы, пожалуйста, такихъ книгъ не выписывайте. Очень васъ прошу! И то отъ этихъ писателей уже въ Нарымскомъ краѣ тѣсно.

— Это съ англійскаго.

— Вотъ! Вотъ! По-англійски — эволюція, а по-русски — революція. Замаскировано! Тѣнь наводятъ... Понимаемъ!

— А это въ шкафчикѣ тоже книжки?—спросилъ, заглянувъ въ комнату Марьи Степановны.

— Это мои... собственные.

— Да это все равно.

— Нѣтъ, этихъ, ради Бога, не трогайте... Прошу васъ...

— Но я бы не совѣтовалъ вамъ препятствовать...

И добавилъ мягче:

— Я жъ только посмотрю.

— По крайней мѣрѣ... дайте честное слово, что... не донесете,—всклипывая, сказала Марья Степановна.

— Гм... Ну, да извольте... У ротмистра Карпенка двѣ громадныя связки ключей, такъ онъ, знаете, моментально всѣ замки у Кочерыгина поотпиралъ... Ну, ужъ эту книжечку я, извините, запишу и конфискую.

Марья Степановна вскрикнула:

— А честное слово?

— Такъ позвольте жъ! Пожалуйста, вы меня не учите. Что жъ, по-вашему, важнѣй—слово, которое я далъ какой-нибудь социаль-демократкѣ, или присяга? Странно!

Сказалъ обиженно, сухо. И сразу высохли слезы и сталъ ужасъ въ глазахъ Марьи Степановны. И казалось ей: Змѣй Горынычъ, влетѣвъ, всю комнату наполнилъ—дохнуть нельзя — и растопыренными лапами лазить по книгамъ, оставляя на нихъ склизкіе слѣды...

VI.

Рано стала глубокая зима. Завалило сугробами глухія улицы; утонули по окна городскіе домишки и, когда смотришь на засыпанные снѣгомъ крыши и сады, кажется, лѣто было такъ давно, что и дома, и сады успѣли посѣдѣть отъ старости... За окномъ летали бѣлыя мухи, и Хивренко смотрѣлъ на нихъ, спокойно отдуваясь.

А въ учительской теперь тихо. Спичкинъ въ присутствіи Глечика испуганно мигалъ бѣлыми рѣсницами и терялъ связность рѣчи. Присланный на мѣсто Кочерыгина учитель всѣмъ заискивающе улыбался, даже тетрадамъ, отъ которыхъ не поднималъ глазъ. Въмѣсто о. Іоны, переведеннаго въ деревню, все еще никого не прислали. Наконецъ, получилось увѣдомленіе, что назначенъ о. Мойсей Никольскій изъ губернской тюремной церкви. Назначенъ и законоучителемъ, и благочиннымъ, вмѣсто о. Василя, и предсѣдателемъ училищнаго совѣта.

Въ Филипповъ постъ пріѣзжалъ на два дня военный судъ, и городъ сталъ такимъ неузнаваемо красивымъ, какимъ не былъ за всѣ двѣсти лѣтъ своей жизни. Ъздили по

улицамъ блестящіе генералы и офицеры, окруженные конной стражей, бѣжали за ними восхищенные мальчишки, жались толпы любопытныхъ у калитокъ. Встрѣчные обозы съ дровами сворачивали къ заборамъ, въ сугробы; сопровождавшіе ихъ мужики снимали шапки, а мальчишки, глядя на нихъ, смѣялись: бороды бѣлыя, а головы черныя! Старые домики, робко кося поделѣноватыми окнами, прятались за сугробы.

Судь приговорилъ къ повѣшенію Шквырю и Уханя — двухъ пьяницъ, двадцать лѣтъ извѣстныхъ городской дѣтворѣ и отнявшихъ у Макотрусенка полученные съ королевскихъ мужиковъ тысячу триста сорокъ пять рублей. Узнали о приговорѣ въ солнечный базарный день, и сразу умолкъ шумный говоръ на базарѣ и въ лавкахъ, и поблекъ ясный день. Быстро опустѣла площадь. Въ углу ея, за церковной оградой, лѣнили дѣти снѣжную бабу; какъ разъ голову было начали лѣнить, да, завидѣвъ ковровыя сани, сразу бросили работу и разсыпались по дворамъ, какъ цыплята въ травѣ, когда вдругъ поплыветъ по улицѣ тѣнь коршуна. А баба такъ и осталась съ половиной головы.

Фекла Ооминишна достала изъ сундука засыпанное нафталиномъ шерстяное темнозеленое платье, все отдѣланное аграмантомъ, надѣла его и стала моложе и красивѣй. Не отъ платья, а оттого, что въ тусклыхъ пуговицахъ-глазахъ заискрилась живая мысль, проснулось желаніе.

Въ лисьей шубѣ, чуть присѣдая на лѣвую ногу, пошла къ исправнику.

Встрѣтилъ ее, широко осклабясь, побѣждали рыжіе клоки по головѣ.

— Вотъ нечаянная радость! Прошу покорнѣйше! Чѣмъ прикажете угощать?

— Та! Ничого не треба!

Вытерла губы платочкомъ.

— Бо мы вже пообѣдали и кохвію напились. Съ заграничною галвою: Макотрусенко Самсону Омельяновичу подаруваль.

— Такъ-съ.

— Казавъ: шесть гривень фунтъ, та, може, бреше.

Зѣвнула и, понизивъ голосъ, сказала:

— Я жъ до васъ на часыночку: дѣло.

— Очень радъ услужить.

— Эге-жъ. Услужить таки, Бога ради.

Еще понизивъ голосъ, таинственно спросила:

— Когда оно будутъ вѣшать?

— Вѣшать?.. А вамъ это собственно зачѣмъ?

Августъ. Отдѣлъ I.

— Та чи не можно бѣ подивиться? Сроду-жъ не бачила такого дива... какъ это оно тамъ.

— И не увидите, Ѳекла Ѳоминишна.

— Та ну бо! Ради жъ знакомства. Хлѣбъ-соль же!..

— Отцу—матери не могу! Прокуроръ не допуститъ.

— Такъ вы жъ меня гдѣ-нибудь у куточку сховайте. Хоть бы однимъ окомъ... А я жъ за васъ просвирочку куплю да часточку выну.

— Нельзя.

— Та ну бо!—подмигнула Ѳекла Ѳоминишна.

— Поймите: не отъ меня же зависитъ. Прокурора просите! Вотъ кусочекъ веревочки могу презентовать.

Шла обратно и все думала съ обидой:

— Чтобъ то на своихъ горожанъ, да и не посмотрѣть!

Когда прѣѣхалъ прокуроръ, ходила къ нему съ просвиркой.

Просвирку взялъ, а просьбу не уважилъ.

— Куда это ходили?—встрѣтила ее на улицѣ дьячиха.

— Та!—махнула рукой Ѳекла Ѳоминишна --була колись правда на свѣтѣ!.. Генераламъ та великимъ людямъ, то все доступно, а намъ, маленькимъ людямъ, и глянуть не дадутъ! На всякое-то дѣло, мабуть, грошики нужны!.. А въ старовину,—покойный батько рассказывалъ,—такъ на плацу казнили, та въ праздникъ. И, Господи, сколько, каже, на это диво міра кругомъ! И всякому доступно. Потому — на помостъ жь!

VII.

Послѣ Крещенія, войдя въ учительскую, Гленикъ увидѣлъ на диванѣ незнакомаго молодого батюшку, а передъ нимъ Хивренка; сразу догадался, что это новый законоучитель, и отрекомендовался:

— Учитель исторіи и пѣнія Самсонъ Емельяновичъ Гленикъ.

— А-а!—всталъ новый батюшка на встрѣчу. Въ выпуклыхъ глазахъ его сіяло умиленіе.

— Очень, очень приятно!.. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа...

Широкимъ, торжественнымъ крестомъ осѣнилъ его, немного поднявшись на цыпочки, положили маленькую пухлую руку на темя, потомъ быстро поднесъ ее къ губамъ Гленика и секунду-другую задержалъ тамъ.

— Благія, благія вѣсти удалось слышать о васъ, возлюбленное о Христѣ чадо! Скажу вамъ—въ наши лукавіи дни это особенно отрадно!.. Семень Дмитріевичъ, когда вмѣстѣ съ супругой, ея превосходительствомъ Дарьей Ми-

хайловной, провожалъ меня на вокзалъ, пожалъ мнѣ руки и говорить:

— Дай Богъ вамъ, дорогой нашъ батюшечка, найти тамъ достойныхъ помощниковъ себѣ!

— Я, говорю, возлюбленный Семенъ Дмитріевичъ, вѣрю въ благодать споспѣшествующую, и оттого, куда бы я ни повернулся, всюду у меня, слава Богу, есть присные по духу... Кстати, господа: Семенъ Дмитріевичъ просилъ передать вамъ свой директорскій привѣтъ и пожеланіе ревностно трудиться на народной нивѣ во славу Божію, въ просвѣщеніе во тьмѣ сидящихъ, въ возвращеніе вѣрныхъ сыновъ церкви и престолу.

Всѣ встали и поклонились. А изумленный Глечикъ спросилъ:

— Такъ васъ его превосходительство даже на вокзалъ провожалъ?..

— Да-а, провожалъ. Очень трогательно. У насъ съ нимъ тѣсная жъ дружба. Онъ моихъ дѣтокъ воспринималъ, а я у него матушку и супругу исповѣдываю. По полтора часа. Очень довольны! Также на бесѣдахъ моихъ часто присутствовалъ. Читали, конечно, въ губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостяхъ о моихъ бесѣдахъ? А также о крестномъ ходѣ, который я устроилъ къ чудотворной иконѣ? Какъ-же! До пяти тысячъ молящихся, не считая младенцевъ... Теперь вотъ къ вамъ. Мой дядя, преосвященный Нифонтъ, говоритъ: охота тебѣ, Моисей, въ такую даль и глушь! А я говорю: тамъ, дядя, попроще шире.

Послѣ уроковъ зашелъ къ Глечику. А вечеромъ Глечикъ отдалъ визитъ и батюшка, обрадовавшись, опять его благословилъ и далъ руку поцѣловать.

— Уже-жъ цѣловалъ сегодня,—подумалъ Глечикъ, чмокнувъ мягкую, какъ подушечка, руку.

Подробно разсказалъ Глечикъ, кто какъ относится здѣсь къ религіи и кто въ городѣ социаль-демократы.

— Очень, очень утѣшительно встрѣтить въ нашемъ лицѣ столь ревностнаго помощника,—сказалъ о. Моисей.

— Гм... „помощника“—подумалъ Глечикъ:—сказалъ бы товарища.

И замѣтилъ:

— Также когда ротмистръ Флоръ Кузьмичъ Карпенко пріѣзжаетъ, то всегда со мною на дружескую ногу.

— А-а, знаю его, встрѣчалъ у своего духовнаго сына,—жандармскаго полковника Петра Львовича Крыги... симпатичный!.. Мы съ вами, Самсонъ Емельяновичъ, будемъ дѣйствовать воедино, какъ двѣ руки одинаго тѣла: я—десница, вы—

шуйца. Десница, конечно, главное, но и безъ шуйцы было бы затруднительно.

— Это вѣрно! А то одинъ въ полѣ не воинъ. Каждый за пазухой камень держитъ.

— Ну, дай Богъ, дай Богъ. Я поведу бесѣды и благоговѣйное служеніе, а вы ужь давайте примѣръ ревностнаго усердія... А теперь у меня къ вамъ просьба.

— Сдѣлайте милость.

— Можетъ быть, для васъ это будетъ нежелательно, и вы, пожалуйста, прямо скажите... Видите ли, я вотъ пріѣхалъ среди зimy въ чужой городъ и, какъ это ни странно для протоіерея, благочиннаго и предсѣдателя, мнѣ нѣтъ казенной квартиры. Долженъ въ чужомъ домѣ ютиться!.. Между тѣмъ при училищѣ же имѣется казенная квартирка. Правда, тѣсноватая, не совсѣмъ, такъ сказать, удобная, но все же какъ-ни-какъ—казенная. И казалось бы поистинѣ справедливымъ мнѣ, какъ законоучителю, занять сію квартирку.

— Та-акъ,—туго повернуль мозгами Глечикъ.

— Вы понимаете, конечно, что я говорю о квартирѣ, временно занятой вами? Но, ради самого Создателя,—воскликнулъ о. Моисей, прикладывая лѣвую руку къ своему сердцу, а правую къ сердцу Глечика,—ради Создателя, не подумайте, Самсонъ Емельяновичъ, что я хочу якобы выживать васъ насильно или что-нибудь имѣю противъ васъ. Напротивъ! Потому-то и говорю съ вами искренне, безъ обиняговъ, что уже успѣлъ полюбить васъ. Но, согласитесь, получается даже какая-то неловкость: рядовой преподаватель имѣетъ казенную квартирку, а законоучитель, лицо, по своему сану и по тѣмъ особымъ полномочіямъ, коими вышнему начальству благоугодно было, такъ сказать, облечь его, стоящее выше всѣхъ, оказывается безъ оной! Не правда ли—ненормально?

— Ненормально...—чугунно прогудѣлъ Глечикъ.

— Ну, вотъ и слава Богу, что вы единомышленны со мной! И повѣрьте, Самсонъ Емельяновичъ,—интимно понизилъ голосъ:—Вы на этомъ не потеряете... Я вамъ пригужусь... За эту жалкую квартирку вы, дастъ Богъ, лучшую получите... Это я вамъ говорю...

Переѣзжалъ Глечикъ на новую квартиру, а Ѳекла Ѳомишна говорила, лѣниво зѣвая:

— Хоть бы жъ было до весны подождать.

— Понимаете вы много! До весны онъ меня въ инспектора протянетъ. А вы—подождать!

— Дай-то, Пречистая Матинка. Можетъ, тогда и на диво осматрѣть деслупнѣй будетъ.

VIII.

Съ прїѣздомъ о. Моисея въ жизнь соннаго города внесена новая струя: основано общество трезвости—записались все учителя и духовенство; а два раза въ недѣлю велъ о. Моисей религиозно-нравственныя бесѣды. Сначала на бесѣды приходило много всякаго народа.

Но ораторъ изъ о. Моисея плохой вышелъ: говорилъ вѣтвато, а въ голосѣ—пустота. Бесѣды тянулись часа по три, но къ серединѣ ихъ запасъ краснорѣчія истощался,—о. Моисей обрывалъ изустную бесѣду на полусловѣ и читалъ по сборнику проповѣдей. Десятковъ-другой глухихъ старухъ дремлютъ и бьютъ поклоны. А Глечикъ сидитъ впереди, стараясь поменьше мигать, потому что миганье—это ужъ вѣрный признакъ, что глаза слипнутся. Смотрить въ лоснящееся лицо о. Моисея, сначала оно—вотъ, въ двухъ шагахъ, а потомъ вздрогнетъ и плыветъ-уплываетъ, дѣлаясь все меньше, превращается въ тающую желтую точку. Глечикъ широко раскрываетъ глаза, и лицо о. Моисея опять здѣсь—широкое снизу, отъ окладистой свѣтлой бородки, узкое ко лбу, отъ натуги сжавшемуся въ комокъ морщинъ, съ зачесаннымъ надъ нимъ хохолкомъ.

— Посему-то, слушатели благочестивые и чада мои возлюбленные, убѣдительнѣйше и неотступно, такъ сказать, прошу васъ неукоснительно соблюдать посты, иначе же великой постъ, а также среду и, такъ сказать, пятокъ.

Смотрить въ окно мартовское солнце, легло на полъ, взобралось Глечикъ на спину, а за окномъ грачи кричатъ, на деревьяхъ снѣжныя шубы въ клочки рвутся. И опять круглое лицо уплываетъ, превращаясь въ точку; плыветъ все дальше, до самыхъ зеленыхъ камышей, гдѣ сидитъ Глечикъ съ удочками, а надъ головой тучи монетки поютъ:

— А-а-а...

Круглый поплавокъ заколебался, дернулъ Глечикъ удочку рукой,—никакого полавка, а просто лицо о. Моисея колыхнется. Смущенно поднесъ вздернутую руку ко лбу и сталъ креститься. А этого совсѣмъ и не нужно: поученіе жъ, а не молитва!

Въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ было напечатано:

„И старъ, и младъ, и простолюдинъ, и интеллигентъ снѣшили слышать вдохновенное слово молодого о. благочиннаго, возжигающаго огнемъ сердца слушателей, коихъ не могли вмѣстить стѣны огромнаго зала. Все старалось не проронить ни единого слова и, когда батюшка спрашивалъ: „не утомились ли“? все единодушно отвѣчали: „нѣтъ! Про-

симъ, просимъ, батюшечка"! И сіи возгласы обновляли усталыя силы о. Моисея, и снова неудержимо лилась помазанию-умилительная рѣчь. Поздно вечеромъ неохотно расходились слушатели, унося въ сердцахъ чувства, а на устахъ слова горячей признательности „нашему дорогому батюшечкѣ“.

Разъ Глечикъ взялъ да и не пошелъ на бесѣду. А на другой день о. Моисей зашелъ къ нему, какъ разъ послѣ обѣда, потянулъ носомъ и сказалъ со скорбію:

— Скоромненькое кушаете...

Глечикъ очень смутился:

— Грѣшенъ, о. Моисей...

— Не ждалъ, не ждалъ...

Вздохнулъ, поднявъ къ небу грустные выпуклые глаза.

— А я какъ разъ въ послѣдней бесѣдѣ о необходимости поста весьма убѣдительно и пространно говорилъ... Но васъ, къ сожалѣнію, не замѣтили!

— Да, знаете, дѣла задержали...

— Какія?

— Какія?..

Придумывая, глянулъ въ окно: по двору, на мартовскомъ припекѣ, гуляетъ коза. Куча воробьевъ и среди нихъ галка хлопчутъ на кускѣ навоза, выглянувшемъ изъ-подъ талаго ослѣпительно бѣлаго снѣга. Коза подойдетъ къ нимъ и сначала мечтательно смотритъ на ихъ суету, потомъ отрицательно качнетъ головой и топнетъ ногою. Воробьи и галка нехотя взлетаютъ, а коза, потряхивая хвостомъ, идетъ на другой конецъ двора.

— Козу лечиль... Что-то прихворала...

О. Моисей тоже глянулъ въ окно, продолжительно потянулъ въ себя воздухъ и сразу выдохнулъ.

— Вотъ именно, по евангельской притчѣ: не могъ на брачный пиръ явиться, зане воловъ купихъ... А козочка симпатичная. Только мѣшаетъ она вамъ. Благо бы отобрать ее у васъ!—засмѣялся:—а то лишняя она у васъ. Но симпатичненькое созданіе. Мальчикамъ любопытная забава.

Глечикъ взглянулъ въ глаза о. Моисея — теплые да влажные, и солнце и дворъ съ козой, отразившись, таютъ въ нихъ. Догадался, наконецъ:

— Съ удовольствіемъ... Въ знакъ дружбы.

— Ну, спаси Христосъ. Грѣшнѣ съ Митой развлеченіе.

— Это вѣрно.

Очень жаль стало отдавать:

— Но, впрочемъ, имѣйте въ виду, брыкается съ лѣвой ногой, и, боюсь, какъ бы у нея не... чахотка.

— Пустяки. Видикъ вполне благообразный.

IX.

Пришелъ мыкыта къ Глечикѣ, торжественно оркалъ у порога багровый носъ:

— Отецъ благочинный требуютъ.

— Требуешь?

— Ну да, требуетъ. Вышли: „Пойди, говорить, Мыкыта, по Глечика, потребуй, чтобы сейчасъ до меня заявился“.

— Ну, ладно... Иди къ грецю.

Мыкыта пошелъ, а въ дверяхъ остановился и тономъ безмятежнаго довольства сказалъ то, что всѣмъ говорилъ:

— А объ чемъ требуютъ—я не звѣстенъ. Какъ до меня это дѣло, слава Богу, не доходить. Меня, какъ ходилъ я на Кубань, на косовицу, та загубилъ паспортъ, такъ черезъ одиннадцать городовъ этапнымъ правиломъ прогнали. А я, благодарить Бога, на тѣ города—байдуже,—и не глянулъ. И какъ они тамъ по прозвищу—не знаю. Бо я не звѣстенъ! На що жъ оно мнѣ!

Залегло въ полузакрытыхъ его глазахъ и на корявомъ, какъ сукъ, лицѣ полное духовное удовлетвореніе.

Глечикъ пришелъ къ батюшкѣ, а тамъ гости: о. Мееодій, Макотрусенко, акцизный. Чай пьютъ.

Батюшка благословилъ Глечика, сердито прислонивъ руку къ его губамъ, и, не приглашая садиться, сталъ говорить:

— Я сейчасъ увидѣлъ расклеенное на улицахъ ваше „объявленіе“ и просто глазамъ своимъ не вѣрю. Какъ? Вы, исправляющій должность учителя городского училища, приглашаете гражданъ на завтрашній молебень помимо духовныхъ и свѣтскихъ властей? Да по какому же праву?

— Но... Я это дѣлаю уже второй годъ, какъ истинный патриотъ. И раньше всѣ довольны были.

— Что было раньше, меня не интересуетъ, хотя, признаюсь, и удивляетъ. А теперь прошу прекратить.

— Гм... не понимаю...

— Такъ вотъ я вамъ разъясняю, а вы поймите, ибо сіе—превышеніе власти и самоуправство, за кои, такъ сказать, подъ судъ отдають.

Впился въ него пупковидными глазами. Собственно, можно бы и плюнуть въ эти глаза... Но почему-то слюна въ горлѣ пересыхаетъ. Глечикъ, вмѣсто этого, скосилъ свои глаза въ сторону, на гостей: акцизный зубы скалитъ, а Макотрусенко лѣвой рукой бороду поглаживаетъ, правой чай на блюдечко наливаетъ: лисица!

— Подожди ты у меня, морда!—подумалъ.

— Хорошо, — отвѣтилъ с. Моисею. — Я впредь не буду приглашать.

— Да не впредь, а сейчасъ же сорвите всѣ объявленія... А что это у васъ еще за прибавленіе такое къ фамиліи: „Кувшинскій“?

— Такъ это жъ я подаль на высочайшее имя прошеніе, чтобы мою фамилію, въ виду ея хохлацкой неблагозвучности, замѣнили соответствующей русской. Потому что глечикъ—есть то же самое, что кувшинъ.

— Но вѣдь вамъ еще не перемѣнили фамилію?

— Ну да, такъ я жъ въ ожиданіи покамѣстъ въ видѣ псевдонима ее приписываю.

— Что жъ вы—актеръ или корреспондентъ?..

Послалъ Глечикъ Мыкыту по городу срывать объявленіе. А на другой день — идетъ при шпагѣ въ церковь, а Кацманъ по противоположной сторонѣ улицы—на встрѣчу. Спрашиваетъ:

— Чи сегодня у насъ молебна на площади не будетъ, чи вже какъ оно и будетъ? А?

— Тебѣ, жидюга, какое дѣло!

— Дѣла нѣту. Ну, только такъ, ради антресу спрашивается. Квитанціи ваши сорвали.

— Я съ тебя голову сорву...

Кацманъ отставлялъ ногу, выпятить грудь и, помахивая указательнымъ пальцемъ передъ кривымъ конопатымъ носомъ, сказалъ:

— Ну-ну!.. Безъ дураковъ, пожалуйста! Эти шутки мои вже порадошно надоѣли!

Никогда раньше не становился онъ въ такую позу.

— Но эти дѣла мы еще раземотримъ!—думалъ Глечикъ, расталкивая въ церкви народъ и становясь передъ амвономъ.

По окончаніи молебна, по обыкновенію, подошелъ ко кресту вслѣдъ за исправникомъ, воинскимъ начальникомъ и инспекторомъ. Но о. Моисей черезъ его голову подаль крестъ городскому головѣ. Глечикъ протянулъ было губы послѣ головы, а батюшка — опять черезъ голову — судѣ. Потомъ—акцизному, нотаріусу... Глечикъ ужъ и губы пересталъ протягивать. А народъ смотреть... Сталъ въ сторонѣ, лицо вѣдулось и сначала сдѣлалось кирпичное, потомъ бѣлое, какъ луна, съ чугуннымъ отливомъ.

Х.

Зачастилъ Мыкыта:

— Отецъ благочинный требуютъ. Сказали: „Гони по Глечика“. А объ чемъ, я, слава Богу, не звѣстенъ.

Притащится Глечикъ по грязи, а о. Моисей:

— Что жъ это вы сегодня у ранней обѣдни не были?

— А я жъ, о. Моисей, въ поздней былъ. Съ учениками жъ.

— Да. Сіе по обязанности службы, какъ педагогъ. А для души, какъ христіанинъ?

— Но въ двѣ обѣдни подрядъ... наврядъ кто во всемъ городѣ найдетъся, чтобъ ходилъ...

— Напрасно вы для себя въ городѣ примѣра ищете. Я полагалъ было, что сами вы для города примѣромъ будете. Конечно, не могу оказывать на васъ давленіе. Но я уповалъ, что мы съ вами, какъ десница и шуйца единого тѣла, будемъ въ этомъ градѣ дѣлать великое дѣланіе Господне. Я мнилъ поставить васъ надъ градомъ, такъ сказать, свѣтильникомъ на свѣщницѣ, который бы свѣтилъ всѣмъ, иже въ храминѣ суть... Вотъ на-дняхъ получилъ отъ Семена Дмитриевича письмо. Спрашиваетъ, какъ соратники и помощники. Весь вечеръ на отвѣтъ посвятилъ.

Помолчалъ, задумчиво возведя очи горѣ. Кашлянулъ Глечикъ.

— А можно знать, какъ на счетъ меня?.. Писали что-нибудь?

О. Моисей улыбнулся:

— Будемъ, голубчикъ, поступать по Евангелію: шуйца да не вѣдаетъ, что творитъ десница... А вотъ сугубо при-скорбно, что вы, кромѣ ранней, не посѣщаете также и прежде-освященныя.

— Но уроки жъ...

— Нѣтъ, я смотрѣлъ расписаніе: въ среду—да, но какъ разъ въ пятокъ отъ 9 до 10 у васъ свободный часъ.

— Что-жъ...

— Желательно также, чтобы вы говѣли на Страстной.

— Но я уже на первой отговѣлся.

— Вотъ именно и желательно, чтобы вы двукратнымъ говѣніемъ дали благочестивый образецъ достойнаго почитанія святыхъ четырехдесятницы.

— Что-жъ... можно...

Измотался Глечикъ за постъ, пожелтѣлъ, осунулся, въ запавшихъ глазахъ, вмѣсто вдохновенія, жалкая растерянность. Вперились въ нихъ кроткіе выпуклые глаза и, куда бы ни повернулся, что бы ни сталъ дѣлать, они тутъ, давятъ на мозгъ; и, туго ворочая имъ, безпокойно думаетъ Глечикъ:

— Скоро ли?..

А Мыкыта уже сморкается на порогѣ:

— Отецъ благочинный требуютъ...

Однажды о. Моисей таинственно закрылъ дверь въ кабинетъ и сказалъ:

— Тема нашей настоящей бесѣды будетъ нѣсколько щекотлива. Такъ что ужъ прошу извинить. Но только, ради Создателя, не подумайте, что я лично здѣсь что-нибудь. Нѣтъ! Дѣло не во мнѣ. Но скажите, пожалуйста, Ѳекла Ѳоминишна вамъ тетушка?

— Тетушка.

— Весьма симпатичная и добродѣтельная женщина. Но, знаете, подъ одной кровлей—могутъ быть разныя сплетни, не щадящія, такъ сказать, ни родства, ни свойства. Вы меня, конечно, понимаете. Можетъ пасть тѣнь и на училище, и на васъ, какъ на педагога, и на нее, какъ на женщину. А оное можетъ повредить вамъ по службѣ. Въ виду сего, дабы лишить сплетню пищи, мой благой совѣтъ вамъ поселиться съ Ѳеклой Ѳоминишной подъ разными кровлями.

— Но я взялъ ее къ себѣ на другой день послѣ того, какъ жена меня бросила.

— Сие-то совпаденіе и могутъ истолковать превратно и вашимъ же оружіемъ сразять васъ! Кстати, долженъ осведомить васъ, что на частныя донесенія ваши тамъ—поднялъ указательный перстъ—смотрятъ уже не благосклонно, ибо все надлежитъ творить въ мѣру и во благовремение!

На Свѣтлой недѣлѣ сто дней исполнилось обществу трезвости: служили въ народномъ домѣ торжественный молебенъ. Публики было полно и Глечикъ стоялъ впереди всѣхъ. О. Моисей облачился въ свѣтлыя ризы и только что хотѣлъ было начинать, да вспомнилъ, что цвѣтную Тріодь дома забылъ.

— Самсонъ Емельяновичъ, сбѣгайте-ка, голубчикъ, ко мнѣ на домъ за Тріодью, ибо сторожъ неграмотенъ, а псаломщикъ занятъ.

Сказалъ громко, при полной тишинѣ. Да еще и добавилъ вслѣдъ:

— Но торопитесь, ради Христа!

Шелъ Глечикъ за Тріодью и думалъ:

— Это же—не модель...

Только принесъ Тріодь, догадался, что можно было вмѣсто себя послать стоявшаго тутъ же, позади, Спичкина. Досадно стало и съ молебна ушелъ.

XI.

Мрѣетъ за рѣкой по горѣ ближайшій лѣсъ, окутанный поверхъ зелени прозрачными весенними грезами. Въ трехъ верстахъ отъ города, за излучиной рѣки молодая березовая

рошница чистой невѣстой стоитъ на разостланномъ у нея ногѣ зеленомъ коврѣ. А съ ней рядомъ сосновый боръ, густой и суровый, сквозь зимнюю стужу пронесшій зеленую свѣжесть одеждъ... Доносятся оттуда перекликающіеся голоса, пѣніе. На травѣ у песчаного берега, поросшаго кустарникомъ, закинулъ Глечикъ удочки. День яркій, въ рѣчкѣ солнце, голубое небо да бѣлыя бѣлыя тучки плывутъ, плохо клюетъ.

Прислушался, за кустами разговоръ идетъ, въ два голоса: мужской и женскій. Вслушался:—Спичкинъ и библиотечарша Марья Степановна. Оставилъ удила и на четверенькахъ полѣзъ въ кустарникъ. Тутъ слова Спичкина разобрать можно:

— Я долженъ замѣтить, что любовь—высшій даръ, который посылается съ неба только однажды! Она перерождаетъ человѣка и, окрыляя, возноситъ его надъ житейской прозой! „Вся жизнь моя была залогомъ свиданья вѣрнаго съ тобой“. И я съ Пушкинымъ вполне согласенъ!

— Гм,—подумалъ Глечикъ, раздвигая кусты: на травѣ Спичкинъ въ новомъ кителѣ и библиотечарша въ русскомъ сарафанѣ, въ рукѣ букетъ лѣсныхъ цвѣтовъ, другую руку Спичкинъ держитъ. А на лицахъ вся буйная радость весны.

Изъ-за кустарника медленно, какъ луна, выглянула фізіономія Глечика... Въ двухъ шагахъ... Вскочилъ Спичкинъ на ноги, снялъ фуражку, весь бѣлый, забормоталъ извиненіе. Марья Степановна схватила Спичкина за руку—удержать хотѣла, а онъ рѣзко вырвалъ и подаль руку Глечику. Покраснѣла, слезы брызнули, быстро пошла прочь, по направленію къ городу. Спичкинъ, заплетаясь въ невнятныхъ словахъ, топтался на мѣстѣ. Глечикъ смотрѣлъ на него недвижнымъ насмѣшливымъ взглядомъ.

— Позвольте зайти къ вамъ сегодня... Я, Самсонъ Емельяновичъ, объясню...

Глечикъ молчалъ.

Побѣждалъ Спичкинъ догонять Марью Степановну и видѣлъ Глечикъ, какъ та швырнула цвѣты въ грязную лужу, что не высохла еще послѣ проливного дождя.

Вечеромъ Спичкинъ приходилъ къ Глечику объясняться. Дѣло въ томъ, что онъ еще на Пасхѣ сдѣлалъ предложеніе, а на каникулахъ и свадьба будетъ. А то развѣ онъ, педагогъ, позволилъ бы себѣ такую позу въ рошѣ, съ посторонней дѣвушкой!

Глечикъ холодно выслушалъ объясненіе. Только, ѣдко улыбувшись, замѣтилъ:

— Что жъ это вы: осенью противъ павительства, а весной уже въ законный бракъ! Странно даже!..

Пожалъ сутулыми плечами.

— Впрочемъ, если женитесь, я ничего противъ не имѣю. Но въ случаѣ, если только подѣ видомъ, то этого дѣла такъ не оставлю.

А въ глазахъ пьяно засвѣтилась померкшая было сила...

Радостный прибѣжалъ Спичкинъ къ невѣстѣ:

— Убѣдилъ-таки, что я не лгу, а женюсь!

А она стояла, прислонивъ голову къ стѣнѣ, такая же бллая, какъ стѣна.

— Нѣтъ, вы лгали... Вы не женитесь... Пойдите скажите ему объ этомъ...

Подавила что-то kloкочущее въ горлѣ и добавила хрипло:

— Слизъ на рукѣ...

Спичкинъ глянулъ въ это лицо, искаженное брезгливостью, въ потемнѣвшіе огромные глаза, и не узналъ ихъ: безконечно далеки они въ своемъ холодномъ презрѣніи и никогда ужъ не будутъ грѣть его... А онъ стоитъ одинъ, лицомъ къ лицу со страшной жизнью, которая повернулась къ нему обликомъ Глечика, смотритъ его ледяными глазами. О, какъ жутко отъ этихъ глазъ!..

Еле прошепталъ замороженными губами:

— Хоть объясните ему, что сами отказали...

— Хорошо. Я вамъ удостовѣреніе выдамъ.

Шелъ Спичкинъ по улицѣ и билъ его ознобъ; фуражка не попадала на голову и онъ несъ ее передъ собой. Выглядывала изъ-за садовъ вытянувшаяся, перекошенная презрѣніемъ, какъ лицо Глечика, луна; и торопился Спичкинъ, прячась отъ нея въ тѣни наполненныхъ соловьиными трелями садовъ. Вошелъ въ комнату, что занималъ во флигелѣ у помощника исправника, а она тоже вся залита луной...

Торопливо закрылъ ставни, легъ съ головой подѣ одеяло и лежалъ до разсвѣта, оцѣпенѣвъ отъ ужаса.

ХІІ.

На девятую пятницу о. Моисей пошелъ крестнымъ ходомъ въ монастырь къ Параскевѣ-Пятницѣ, за 50 верстъ отъ города. Заранѣ говорилъ объ этомъ поученія въ церкви, призывая вѣрующихъ, а на бесѣдѣ со старухами сказалъ:

— Разумѣется, и Самсонъ Емельяновичъ не откажется принять участіе въ столь душеполезномъ дѣлѣ. Тѣмъ паче, что время неучебное... И вѣтъ мы всѣ съ посошками въ рукахъ, съ котомочками за плечами, съ вѣрою въ сердца, пойдемъ себѣ тропочкою къ матушкѣ Параскевѣ-Пятницѣ,

къ ходатаицъ и молитвенницѣ! Въ „Вѣдомостяхъ“ о насъ напишутъ, чтобы для другихъ назидательнымъ примѣромъ было.

— Гм.... крестоносецъ нашелся!—думалъ Глечикъ, возвращаясь съ бесѣды:—Петръ Амьенскій, подумаешь... — Іезуитъ!.. Петръ Скарга!.. Дулю съ макомъ!

Наканунѣ выступленія послалъ о. Моисею записку, что по болѣзни участвовать въ крестномъ ходѣ не можетъ. А самъ съ вечера ушелъ въ камыши рыбалить. Тамъ на свѣжемъ снѣгѣ и спалъ. А рано утромъ, только стала рыба брать, слышитъ—хруститъ кто-то сзади въ камышахъ. Оглянулся: бѣлый подрясникъ.

— Ахъ, это вы, Самсонъ Емельяновичъ? А я гуляю тихой зорькой — докторъ отъ одышки прописалъ — смотрю: краснѣетъ сквозь камыши... Поправились? Ну, слава Богу! Вѣрьте: это васъ Параскева-Пятница отъ одра болѣзни воздвигла, дабы вы для нея потрудились! О семъ знаменіи я даже въ описаніи нашего паломничества упомяну...

Шли лугомъ къ просыпающемуся городу, оставляя на мокрой блестящей травѣ ярко-зеленую полосу. Батюшъ впереди:

— Господи! утро-то какое райское!

Умиленно зашѣлъ:

— Завтра услыши гласъ мой!

Обернулся, потрогалъ красную рубашку Глечика:

— Вотъ это вы ужъ напрасно...

Всего народу пошло къ Пятницѣ съ Глечикомъ сорокъ семь душъ. Шли два дня. По пескамъ, въ знойной пыли. Бурѣли кругомъ безнадежно сожженные поля. Хвеська Пациоренчиха, торгующая на базарѣ мочеными кислицами, третью недѣлю, отъ самой правой середи, не владѣла руками. Но имѣла отъ Параскевы-Пятницы видѣніе и потому именно пошла. Въ монастырѣ, дѣйствительно, отъ прикосновенія получила исцѣленіе.

Обратно шли—безпрерывно дождь лилъ, и о. Моисей горилъ въ поляхъ и селахъ мокрымъ мужикамъ:

— Это именно мы вамъ сію благодать принесли!

Мужики очень благодарили и отвѣчали:

— Оно бы раньше. А то—безъ пользы.

А Глечикъ растеръ въ кровь ногу и шелъ, обмотавъ ее тряпкой. Хотѣлъ нанять подводу, но о. Моисей убѣдительно попросилъ не дѣлать этого, памятуя болѣзни и раны, пріятія истинными подвижниками.

Входили въ городъ при трезвонѣ на обѣихъ колокольняхъ. Но было все мокро, грязно и по-будничному скучно.

Солнце передъ самымъ закатомъ выглянуло изъ-за грозно-синихъ тучъ, кроваво-красное, но холодное, скользнуло

по крестамъ, по густо зеленымъ разбухшимъ отъ дождей садамъ, и снова закуталось тучами.

Глечикъ и деркачевскій бондарь Смалъ несли рыхлую Пацюренчиху, посадивъ на скрещенныя руки, чтобъ всемъ видно было. Размахивая исцѣленными руками, хрипло рассказывала она, какъ все это сотворилось.

Какой-то согнувшійся дѣдъ съ Волчиныхъ хуторовъ сказалъ, всмотрѣвшись:

— Сдается, у васъ же я на томъ тижидѣ *) кислицы покупалъ? На семигривенника?

— Схаменитесь!—махнула на него рукой Пацюренчиха:— да я васъ, дѣдусю, сроду и въ очи не видала!

На грязныхъ улицахъ было почти пусто. Только, шлепая по лужамъ, выбѣжали на встрѣчу мальчишки, увидали, въ чемъ дѣло, и давай кричать, покрывая колокольный звонъ и пѣніе:

— Гляньте! Глечикъ Пацюренчиху на рукахъ претъ!.. Ой-ой-ой! Ажъ очи на лобъ лѣзутъ!

— Сволочь!—подумалъ Глечикъ. Выдернулъ руки и, хромая, скрылся въ переулокъ.

ХІІ.

Жаркимъ іюльскимъ утромъ сидѣлъ Хивренко въ столовой, чай съ наперстянкой пилъ. Семья къ роднымъ въ деревню уѣхала и былъ онъ одинъ во всей квартирѣ. Въ окна тысячами красныхъ глазъ смотрѣли спѣлыя вишни. Но самыя окна были затворены: отъ мухи.

Принесъ Мыкыта почту: „Вѣдомости“ и пакетъ отъ директора.

Открылъ дверь на балконъ, остановился въ зеленомъ просвѣтѣ:

— Не знаю, что оно тамъ за пакетъ.

— Фу-у...

Привычно дрогнувшими пальцами сталъ Хивренко распечатывать. А въ это время въ дверяхъ:

— Ззз...

Крикнулъ не своимъ голосомъ:

— Зачиний!

Скрылся Мыкыта, захлопнувъ за собой дверь, а громадная муха осталась въ комнатѣ и стала кружиться надъ столовой.

Высохло въ горлѣ, хотѣлъ и не могъ крикнуть:

— Гони!..

Отмахнуться—руки застыли... Мелькаетъ муха передъ

*) недѣль.

глазами зеленымъ пятномъ и зелень ея расплывается по стѣнамъ и по полу, жужжа, заливаешь комнату темно-зелеными волнами—вотъ-вотъ хлынуть въ горло...

Муха сдѣлала послѣдній кругъ и хлопнула въ лобъ...

— Фу-у...

Ударилъ волна, и упала голова назадъ; а руки, сжавъ нераспечатанный пакетъ, остались на столѣ.

Такъ и сидѣлъ съ ужасомъ въ выкатившихся глазахъ, и ползала муха по лицу, пока не пришелъ Мыкыта разсказать, что ему, слава Богу, ничего не извѣстно.

Черезъ часъ шелъ о. Моисей на панихиду, а подлѣ школьнаго палисадника догналъ его Глечикъ:

— О. Моисей, на минуточку...

Запыхался, перевелъ дыханіе.

— Такъ какъ-же теперь?.. Можетъ, телеграфировали бы директору?..

— Относительно чего?

— Да чтобы должность за мной.

— Какая должность?

— Да инспектора жь! Захватить же могутъ!.. Можетъ, лично бы благоволили съѣздить?.. Дорога на мой счетъ... А то, знаете, конкуренты!..

— Извините, я васъ съ трудомъ понимаю.

— Съ трудомъ?.. Я жь прошу ходатайствовать!..

— Во-первыхъ, не имѣю права.

— Ну... порекомендовать.

— Во-вторыхъ, и этого не могу.

— Почему?!

— Да потому, что моей рекомендаціи никто не спрашиваетъ.

— А если спросятъ?

— Тогда и рѣчь можетъ быть.

— А... если не спросятъ?

— Тогда и рѣчи не можетъ быть... Сейчасъ же такія рѣчи у неостывшаго, такъ сказать, трупа я считаю даже непристойными.

— Та-акъ...

XIV

Хоронили Хивренка въ тихій, знойный день и, когда несли по улицамъ, мимо садовъ и огородовъ, гудѣли надъ нимъ, слетая съ цвѣтовъ и плодовъ, пчелы, осы, мухи. А жена и кучка маленькихъ дѣтей вились у гроба и тоже гудѣли, будто пчелы вокругъ колоды...

А черезъ двѣ недѣли, къ началу занятій, получилась

бумага, что назначенъ откуда-то изъ другой губерніи новый инспекторъ.

Пришелъ Глечикъ къ о. Моисею—впалые глаза горятъ, посинѣвшія губы дрожатъ.

— Хотѣлъ бы имѣть конфиденціальный разговоръ... Значитъ, вотъ это и все, чего я отъ васъ дождался?

— Я васъ съ трудомъ понимаю.

— Пожалуйста! Безъ труда вы меня понимаете! А вотъ за мои труды вы, дѣйствительно, меня отблагодарили! Значитъ, только подъ видомъ? Игрались мной, какъ кошка птичкой?

— Но вы преимущественно о какихъ трудахъ изволите говорить?

— Гм... Забыли, о какихъ? А бесѣды? А два раза кто говѣлъ? А Пацюренчиху, чтобъ она сказала, кто вамъ носилъ? А бреднемъ рыбу, будучи въ брюкахъ, кто ловилъ?..

Глечикъ перечислялъ, а о. Моисей отъ удивленія даже къ двери отступилъ.

— Такъ за сіе вы вознагражденія ждали?..

— А вы жъ какъ думали?

— Я было думалъ, что вы, какъ православный христіанинъ, возлагаете упованіе на мзду тамъ.

Поднялъ благоговѣйный взоръ:

— Но если я ошибся въ васъ, то, не обинуясь, скажу, что сіе для меня нравственный ударъ.

— Ну, я тоже въ васъ ошибся и такой ударъ получилъ...

— Ахъ, Боже мой, Боже мой!—вытеръ слезу:—тяжело разочаровываться въ людяхъ, но сугубо горестно терять горохищенное овца, которое, обрѣтя, возложилъ было на рамена... Ахъ, Самсонъ Емельяновичъ!..

— Вы, пожалуйста, козу мнѣ верните!.. Или тоже думаете, что я дарилъ ее вамъ за награду на небесахъ?

— Да, представьте! Ибо всякъ, дающій даяніе служителю алтаря, тѣмъ печется о душѣ своей. Очень жаль, что вы, сынъ церкви, этого не знаете.

— И знать не желаю!—сильно закричалъ Глечикъ.—Верните козу! А то изъ квартиры выгнать, да еще и козу отнять! Тоже!.. Штукарь!

— Квартирой я пользуюсь по праву, а козой по дару, и ни сію, ни оную возвратить не могу. Меня только поражаютъ ваши претензіи: полуграмотный человѣкъ, не имѣющій правъ даже учителя городского училища и лишь по особому, такъ сказать, благоволенію и снисхожденію допущенный къ исполненію таковой должности, требуетъ инспекторства! Не значить ли сіе требовать чуда? Но для сего идите къ Параскевъ-Пятницѣ.

— Я уже ходилъ... Довольно! А на счетъ чудесъ—посмотримъ!.. Иезуитъ!.. Торквемада!..

Хлопнулъ дверь. Возвращался домой,—несло горячую пыль и песокъ по Красной улицѣ; лавочники, занятые дѣломъ, отворачивались, и пусто было въ головѣ и во всемъ тѣлѣ; а ноги тяжело волоклись, будто поперекъ ихъ переѣхали. И тяжело волоклась мутная мысль:

— Иуды проклятые! Лойола! Жаба лупоглазая! Пьявка!.. Только соки сосать... изъ народа...

И чувствовалъ,—изъ самого весь сокъ высосали: сталъ сухой да сморщенный, къ землѣ приплюснутый. Скрипнулъ зубами,—кусаться хочется.

А въ палисадникѣ у старой дьяконицы красуются разноцвѣтные маки, гвоздика, два громадныхъ подсолнуха черезъ частоколъ на улицу смотреть.

— Сволочь!.. Задастся...

Сорвалъ подсолнуху голову и швырнулъ, какъ дискъ, вдоль по улицѣ, спугнулъ копошившихся въ пыли куръ.

А съ о. Моисеемъ, точно, чудеса разные начали случаться: дохлую мышъ у себя въ карманѣ нашель; взялъ разъ шляпу съ полки надъ вѣшалкой, а оттуда живая лягушка—прыгъ. На урокѣ открылъ катехизисъ, чтобы отмѣтить „до сихъ“,—табакъ посыпался. Разказалъ объ этомъ въ учительской:

— Въ жизни своей никогда не курилъ!

А Глечикъ, уставясь въ стѣну:

— Бываетъ, нѣкоторые тайно курятъ.

Посмотрѣлъ о. Моисей въ его пожелтѣвшее, опавшее лицо:

— Да, бываетъ также, нѣкоторые ближнему гадости тайкомъ творять. Но нѣсть тайно, еже не будетъ явно!

Разъ ночью въ окно къ о. Моисею камень влетѣлъ. Ни въ кого не попалъ, только икону разбилъ.

Вечеромъ на постнаго Ивана—у Макотрусенка уже лавку запирали—пришелъ Мыкыта съ мазницей.

— Кварту возового. „У Макотрусенка, каже, не бери, а сходи, каже, до дегтяря, бо тамъ на копейку дешевле“. Блигомъ свѣтъ—за копейку черезъ весь городъ до дегтяря швандать!.. Краще-жь вы эту копейку скиньте. Бо Глечикъ-жь.

Макотрусенко спросилъ, зачѣмъ Глечикъ деготь. А Мыкыта, въ отвѣтъ, разказалъ объ одиннадцати неизвѣстныхъ ему городахъ.

Ночь была темная, безъ луны и безъ тучъ. Только часто падали звѣзды, должно быть, отъ большой тѣсноты, такъ много ихъ было на небѣ. Кое-гдѣ на улицѣ мерцали фонари

на низенькихъ кривыхъ столбахъ. Подлѣ квартиры о. благочиннаго тоже стоялъ фонарь. Но въ эту ночь онъ не горѣлъ: можетъ быть, вѣтромъ задуло. Гдѣ-то за рѣчкой, въ лугу костеръ горѣлъ. А въ городѣ было темно и тихо. Только шумѣлъ въ листьяхъ предосенній вѣтеръ. За шумомъ его совсемъ не слышно было шопота въ палисадникѣ передъ домомъ о. благочиннаго, гдѣ въ кустахъ сирени и акаціи засѣли—самъ о. благочинный, исправникъ, Макотрусенко и четыре городскихъ.

На площади передъ палисадникомъ сѣрымъ пятномъ маячила привязанная на веревкѣ коза: для приманки.

— Только бы онъ ее взялъ!—сказалъ позавчера исправникъ.

Но коза уже третью ночь ходила по площади, а Глечикъ ее не бралъ. Пробыло два часа. Было все такъ же тихо; и вѣтеръ передъ утромъ упалъ.

Тихо подкрался Глечикъ, вошелъ, затановивъ дыханіе, въ палисадникъ и провелъ квачемъ по бѣлой стѣнѣ — разъ. Занесъ руку, чтобы въ другой разъ—да схватили городовые—такъ и осталась занесенной. Зажегъ исправникъ два пожарныхъ факела—себѣ и Макотрусенку, побѣжали тѣни по площади. Заблестѣла жирная полоса дегтя у о. Моисея на стѣнѣ. Танцили Глечика черезъ площадь—съ мазницей въ лѣвой рукѣ, съ квачемъ въ правой, онъ упирался и кричалъ:

— Протоколъ составляйте, а лишать свободы личности не имѣете права! Опричники!

Выбѣжали на улицу потревоженные огнемъ и крикомъ мѣщане. Металась по площади и кричала вмѣстѣ съ Глечикомъ перепуганная коза.

К. Треневъ.

Искусственная культура органовъ и тканей.

I.

Однимъ изъ величайшихъ завоеваній прошлаго XIX вѣка является *клеточная теорія строенія живыхъ существъ*. Организмъ растенія, животнаго и человѣка представлялся ранѣе чѣмъ-то цѣльнымъ, нераздѣльнымъ, вполне самостоятельнымъ. Каждая имѣющая особое назначеніе часть организма—иными словами, каждый органъ—состояла, какъ представлялось, изъ какого-то спеціальнаго, лишь ей свойственнаго вещества. Между листомъ растенія, кожей животнаго, сердцемъ человѣка не замѣчалось ничего общаго, связующаго. Это все были „вещи сами по себѣ“, специфическія приспособленія, созданныя Творцомъ для особыхъ цѣлей...

И эта специфичность отдѣльныхъ частей живыхъ организмовъ являлась, несомнѣнно, однимъ изъ существеннѣйшихъ препятствій къ развитію и утвержденію въ наукѣ эволюціонной идеи. Какъ можно было думать о какой бы то ни было родственной связи между растеніями и животными, если тѣ и другія состоятъ изъ совершенно различнаго матеріала и по внѣшней формѣ своей органы ихъ не имѣютъ ничего общаго? Или какое сходство можно было найти между наѣкомыми съ ихъ твердымъ наружнымъ панциремъ и позвоночными съ мягкими покровами и твердымъ внутреннимъ скелетомъ?

Правда, гениальныя прозорливцы, какъ Гёте, догадывались о существованіи какого-то общаго „таинственнаго“ закона:

Alle Gestalten sind ähnlich,
Doch keine gleicht der andern.
Und so deutet der Cher
Auf ein geheimes Gesetz! ¹⁾—

¹⁾ „Формы всѣ имѣютъ между собою сходство, но ни одна изъ нихъ не тождественна съ другою,—все же стройный хоръ ихъ указываетъ на общій таинственный законъ“. (Гёте).

Но это была лишь гениальная интуиція, не болѣе, — она не опиралась на фактическую основу. И, когда пытался подойти къ вопросу ближе, упирались въ тупикъ — слишкомъ различны были органы отдѣльныхъ группъ живыхъ существъ, чтобы можно было объединить ихъ, найти какую-нибудь связующую нить между ними!

Такая связующая нить была однако найдена, когда благодаря изслѣдованіямъ и открытіямъ Шванна и Шлейдена возникла въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія *теорія кѣтки*, какъ основного элемента жизни. Значеніе этой теоріи въ биологій можетъ быть сравнено лишь со значеніемъ атомистической теоріи въ химіи. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ рѣзко мѣнялось представленіе о самомъ существѣ предмета: то, что ранѣе казалось однороднымъ, сплошнымъ, — получало извѣстную тонкую структуру, оказывалось состоящимъ изъ мелкихъ, невидимыхъ простымъ глазомъ элементовъ ¹⁾; съ другой стороны — разнородные объекты объединялись общимъ строеніемъ и одинаковымъ составомъ изъ первичныхъ элементовъ, — они не являлись уже вполнѣ чуждыми другъ другу, ихъ связывало хотя бы то, что они состояли изъ одного общаго матеріала.

Появленіе кѣточной теоріи знаменуетъ собою переломъ въ представленіяхъ о жизни. Жизнь животныхъ и растений была какъ бы расчленена, сведена на комплексъ жизни отдѣльныхъ элементовъ. Живое вещество перестало быть аморфнымъ (безформеннымъ) и специфичнымъ, — оно получило опредѣленную и при томъ единую для всего живого структуру.

Ясно, что такое внѣшнее объединеніе всего живого должно было подготовить путь къ объединенію его во времени, т. е. къ возникновенію представленія объ единствѣ развитія жизни на землѣ. И не прошло двухъ десятковъ лѣтъ съ утвержденія кѣточной теоріи, какъ появилось ученіе Дарвина, прочно обосновавшее теорію эволюціи...

Въ настоящее время ученіе о кѣткѣ, какъ объ единицѣ жизни, составляетъ основной фундаментъ всѣхъ биологическихъ представлений. Мы знаемъ твердо, что живые существа, — безразлично, растения или животные — состоятъ либо каждое изъ одной кѣтки, приспособленной къ самостоятельной жизни, либо — изъ комплекса кѣтокъ.

Разнообразіе кѣтокъ, входящихъ въ составъ сложнаго организма, чрезвычайно велико и число ихъ громадно. О приблизительномъ количествѣ кѣтокъ могутъ дать представленіе слѣ-

¹⁾ Въ химіи эти невидимые элементы — атомы — не могли быть, конечно, констатированы микроскопомъ, но въ настоящее время выработаны методы не только точнаго опредѣленія размѣровъ атомовъ и молекулъ, но и непосредственнаго наблюденія и даже фотографированія ихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ (у радиоактивныхъ веществъ).

дующія соображенія, касающіяся числа клѣтокъ въ организмѣ человека. Представимъ себѣ, что всѣ клѣтки человека такихъ размѣровъ, какъ красныя кровяныя тѣльца, и находятся одна отъ другой на такомъ же разстояніи, какъ эти тѣльца въ крови. Диаметръ этихъ плоскихъ, дискообразныхъ кровяныхъ тѣлецъ—0,0067—0,0093 миллм., объемъ тѣльца—0,000.000.077 куб. миллм., вѣсъ его—0,000.000.8 грамма. Размѣры такой воображаемой нами средней клѣтки человека, слѣдовательно, очень малы, но на самомъ дѣлѣ едва-ли не большинство клѣтокъ человека еще гораздо мельче и располагаются онѣ несравненно тѣснѣе, чѣмъ красныя тѣльца въ жидкости крови.

Но, пренебрегая этими отличіями, посмотримъ все же, каково было бы количество клѣтокъ въ тѣлѣ человека, еслибы все тѣло состояло изъ такихъ клѣтокъ, какъ красныя кровяныя тѣльца. Въ 1 кубич. миллиметрѣ крови содержится въ среднемъ около 5 милліоновъ этихъ тѣлецъ, въ 1 кубич. сантиметрѣ крови, слѣдовательно—5,000.000.000 тѣлецъ, въ тѣлѣ же человека крови всего около 5 литровъ, т. е. 5.000 куб. сантим. Итакъ, число красныхъ кровяныхъ тѣлецъ у человека—25.000.000.000.000! Но кровь составляетъ примѣрно 7,7% вѣса всего тѣла человека, слѣдовательно, при сдѣланномъ нами выше допущеніи, число клѣтокъ въ тѣлѣ человека составило бы—325,000.000.000.000! На самомъ дѣлѣ это число гораздо значительнѣе. Можно себѣ представить, какъ велико число клѣтокъ въ тѣлѣ гренландскаго кита, достигающаго длины 12 сажень, а по размѣрамъ клѣтокъ нисколько не отличающагося отъ человека!

И такое слагающееся изъ трилліоновъ, а, быть можетъ, и изъ квадрилліоновъ, клѣтокъ скопленіе составляетъ все же одно согласованное цѣлое, работающее вполне гармонично для достиженія общейцѣли—сохраненія своего существованія и возможности продленія своего рода!

Конечно, такой результатъ можетъ быть достигнутъ лишь путемъ чрезвычайнаго раздѣленія труда между отдѣльными клѣтками и, съ другой стороны, путемъ объединенія ихъ дѣятельности связующимъ вліяніемъ нервной системы. Клѣтки, одинаковыя по формѣ и дѣятельности, собраны въ комплексы, называемые „тканями“ и, уже изъ тканей слагаются составныя части организма—органы. Чѣмъ сложнѣе организмъ, тѣмъ больше число его органовъ и тѣмъ сложнѣе устройство каждаго органа изъ тканей. Всѣ органы связаны между собой первою системою, но, кромѣ того, связующимъ звеномъ между ними, какъ показали новѣйшія изслѣдованія, являются и особыя химическія вещества, выделяемыя различными железами въ кровь—гормоны. Эти вещества усиливаютъ или ослабляютъ дѣятельность различныхъ тканей, побуждаютъ ихъ къ развитію или, наоборотъ, задерживаютъ размноженіе клѣтокъ и даже губятъ полѣдня.

Такова та картина общаго строенія организма, которая составила у насъ въ результатъ почти 75-лѣтняго существованія въ наукѣ клѣточной теоріи. Организмъ представляется намъ сложнѣйшимъ механизмомъ, состоящимъ изъ мельчайшихъ элементовъ, строго согласованныхъ между собою въ своей дѣятельности. Жизнь организма для насъ теперь—сумма жизней клѣтокъ, его составляющихъ.

Однако представленіе о *жизни* организма, какъ о чемъ-то единомъ и цѣломъ, все же сохраняется въ наукѣ,—его трудно устранить хотя бы уже вслѣдствіе того, что мы сами чувствуемъ въ себѣ біеніе единаго пульса жизни.

Точно также единымъ процессомъ, разрушительнымъ вихремърывающимся въ гармоничную дѣятельность организма, представляется намъ и *смерть*. Мы не можемъ никакъ отрѣшиться отъ мысли, что въ моментъ смерти что-то уходитъ изъ организма, исчезаетъ какое-то единое и общее начало.

На самомъ дѣлѣ однако механика смерти намъ также теперь достаточно разъяснена біологической наукой. Процессъ смерти состоитъ изъ ряда отдѣльныхъ процессовъ остановки и гибели различныхъ группъ тканей и органовъ.

Если мы представимъ себѣ, напримѣръ, гибель организма отъ перерѣзки одного изъ важныхъ сосудовъ, то первымъ результатомъ кровоизліянія будетъ пониженіе давленія крови въ головномъ мозгу, ухудшеніе питанія и дыханія тканей головного мозга и, вслѣдствіе этого, приостановка дѣятельности нервной системы,—слѣдовательно, прекратить свою дѣятельность и органы чувствъ и органы движенія, разстроится дыхательный аппаратъ и кровь перестанетъ окисляться и начнетъ отравлять углекислотой всѣ остальные органы. Наконецъ, если кровоизліяніе не будетъ прекращено и питаніе головного и спинного мозга кровью не возобновится, то затормозится дѣятельность сердца, кровь перестанетъ обращаться, нарушатся процессы выдѣленія тепла и тѣло начнетъ холодѣть. Съ окончательной остановкой сердца—смерть всего организма является уже почти неминуемой, такъ какъ при отсутствіи кровообращенія прекращаются питаніе и дыханіе всѣхъ органовъ и тканей и они начинаютъ погибать отъ недостатка пищи и кислорода...

Такимъ образомъ въ этомъ случаѣ смерть наступаетъ какъ бы этапами. Постепенно останавливается одно колесико механизма за другимъ и остановка cadaго изъ нихъ вызываетъ остановку другого. Въ результатъ—останавливается и весь механизмъ.

Совершенно такая же картина смерти и въ другихъ случаяхъ, напримѣръ, при отравленіи организма какими-либо ядами. Точно также и ядъ дѣйствуетъ обыкновенно прежде всего на нервную систему, останавливая ея дѣятельность, а за тѣмъ уже прекращаютъ правильно функционировать и другіе органы.

Сущность процесса смерти заключается, слѣдовательно, въ томъ, что отдѣльные органы и ткани попадаютъ въ неблагоприятныя условія существованія и вслѣдствіе этого сперва дѣятельность ихъ разстраивается, а затѣмъ они погибаютъ.

Въ отношеніи выносливости при неблагоприятныхъ условіяхъ существованія и, слѣдовательно, въ отношеніи живучести, органы и ткани очень различны. Они далеко не всѣ погибаютъ одновременно. Тканью самой чувствительной является нервная—достаточно незначительнаго нарушенія, чтобы вызвать разстройство въ дѣятельности нервныхъ клѣтокъ и ихъ отростковъ—нервныхъ волоконъ, изъ которыхъ слагаются нервы.

Гораздо болѣе стойкими тканями являются мышечная и покровная (эпителиальная),—онѣ погибаютъ значительно поздиѣ нервной. Мерцательный эпителий, выстилающій дыхательное горло, обнаруживаетъ втеченіе нѣсколькихъ часовъ движеніе рѣсничекъ послѣ наступленія окончательной смерти организма. Живучесть мышечной ткани особенно ярко проявляется въ опытахъ оживленія сердца, которые представляютъ такой интересъ, что объ нихъ стоитъ поговорить подробнѣе.

II.

Сердце представляетъ собою мускулистый органъ изъ мышцъ совершенно особаго строенія, органъ, снабженный къ тому же собственнымъ нервнымъ аппаратомъ, который заводитъ автоматическими сокращеніями этихъ мышцъ. Сердечныя мышцы производятъ при жизни человѣка и животныхъ колоссальную работу. Работа, совершаемая сердцемъ человѣка въ сутки, составляетъ примѣрно 18.800 килограммъ-метровъ, т. е. соответствуетъ работѣ, какую нужно было бы совершить для того, чтобы поднять 188 килограммовъ (около 12 пудовъ) на 100 метровъ (около 50 саж.) вышины, или, если говорить еще нагляднѣе, то она соответствуетъ работѣ, потребной для того, чтобы поднять быка на вышину Исаакиевского собора! Если опредѣлять среднюю человѣческую жизнь въ 40 лѣтъ, то работа, выполняемая за это время сердцемъ, составитъ 274 милліона килограмметровъ, иначе говоря, будетъ соответствовать работѣ, которую нужно было бы выполнить для того, чтобы поднять огромную тяжесть въ 27,400 килограммовъ (около 1.700 пудовъ) на вышину 10.000 метровъ (около 10 веретъ). Эти цифры ясно показываютъ, какой мощный и неутомимый органъ—человѣческое сердце.

При такой своей работоспособности мышцы сердца оказываются и наиболѣе живучими частями организма. При нормальной смерти сердце нерѣдко продолжаетъ биться еще долго послѣ того, какъ жизнедѣятельность всѣхъ остальныхъ органовъ уже прекратилась. Для питанія своихъ мышцъ сердце располагаетъ особыми

собственными сосулами, берущими начало отъ самаго основанія аорты — это такъ называемыя „вѣчныя артеріи“. И вотъ оказывается, что, даже когда въ сосуды сердца (напримѣръ, при задушении) кровь поступаетъ почти чисто венозная, сердце все еще долгое время работаетъ, не получая почти вовсе кислорода.

Давно уже было извѣстно, что сердце холоднокровныхъ животныхъ обладаетъ чрезвычайной живучестью. Сердце лягушки, вырѣзанное изъ тѣла животнаго и подвѣшенное подъ стекляннымъ колпакомъ во влажной атмосферѣ, можетъ сокращаться втеченіе цѣлой недѣли, сердце черепахи при такихъ условіяхъ не перестаетъ работать даже нѣсколько недѣль.

Можно было думать однако, что сердце теплокровныхъ животныхъ, особенно млекопитающихъ, гораздо болѣе чувствительно и не можетъ пульсировать внѣ организма.

Но еще въ 1895 г. Лангендорфу удалось возстановить дѣятельность сердца, вынутаго изъ организма теплокровнаго животнаго, съ помощью пропуска въ его вѣчные сосуды дефибрированной (т. е. лишенной бѣлковаго свертывающагося вещества, фибрина) крови. Дѣятельность сердца возстановилась, впрочемъ, на очень короткій срокъ. Позднѣ Рунъ и Локкъ нѣсколько усовершенствовали методъ Лангендорфа.

Окончательное рѣшеніе вопроса объ искусственномъ питаніи изолированнаго сердца составляетъ заслугу русскаго ученаго, проф. А. А. Кулябко. Въ 1902 году имъ былъ выработанъ методъ настоящаго оживленія сердца, такъ какъ ему удавалось заставлять биться сердце, вырѣзанное изъ мертваго кролика, много времени спустя послѣ смерти животнаго.

Методъ этотъ вовсе не является особенно сложнымъ. Сердце привязывается за обрѣзокъ аорты къ трубочкѣ, по которой въ него поступаетъ питательная жидкость. Эта такъ называемая „жидкость Локка“ состоитъ изъ воднаго раствора нѣкоторыхъ солей ¹⁾ и винограднаго сахара. Составъ солей подходитъ къ составу солей кровяной сыворотки. Для того, чтобы ткани сердца получали кислородъ и необходимое для ихъ жизни тепло, жидкость Локка предварительно насыщается подъ нѣкоторымъ давлениемъ кислородомъ и подогревается въ водяной банѣ до температуры 37—39° Ц. Черезъ аорту питательная жидкость попадаетъ въ вѣчные сосуды сердца и снабжаетъ мышцы сердца необходимой пищей (въ качествѣ питательнаго вещества дѣйствуетъ главнымъ образомъ виноградный сахаръ). Содержа въ себѣ необходимыя составныя части артеріальной крови, эта жидкость временно можетъ поддерживать жизнь сердечныхъ мышцъ и можетъ даже вызывать ихъ къ жизни въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ хотя

¹⁾ Поваренной соли—0,9%, хлористаго кальція, хлористаго калия и соды по 0,02% и винограднаго сахара 0,1%.

и прекратили свою жизнедѣятельность, но не окончательно погибли, т. е., не претерпѣли еще сильныхъ химическихъ измѣненій.

Опытъ, столь простой по своей постановкѣ, производить, положительно, впечатлѣніе какого-то колдовства. Сердце, вырѣзанное изъ трупа и привязанное къ стеклянной трубкѣ аппарата, втеченіе многихъ часовъ подрядъ сокращается совершенно нормально, будто оно работаетъ въ грудной клеткѣ. Автоматическія записи его сокращеній ничѣмъ не отличаются отъ записей живого сердца—получаются тѣ же самыя фазы сокращеній желудочковъ и предсердій, какъ и въ живомъ организмѣ.

Лучше и вѣрнѣе всего удастся опытъ оживленія сердца съ сердцемъ, недавно вырѣзаннымъ изъ животнаго—изъ кролика или изъ кошки. При этомъ для успѣха опыта особенно важно, чтобы сердце предварительно было хорошо промыто тою же Локковскою жидкостью. Иначе въ вѣнечныхъ сосудахъ могутъ образоваться кровяные сгустки, которые ихъ закупорятъ и не позволятъ возобновить сердечнаго кровообращенія.

Но проф. Кулябко удавалось оживить также и сердце, находившееся уже долгое время въ трупѣ. Въ одномъ изъ его опытовъ сердце было вырѣзано изъ кролика, погибшаго отъ какой-то болѣзни, черезъ 14 часовъ послѣ его смерти (трупъ хранился на льду). Сердце, привѣшенное къ трубкѣ аппарата, вскорѣ начало сокращаться и проработало 3½ часа, послѣ чего было помѣщено снова на ледъ. Черезъ 46 часовъ пребыванія на льду и почти 66 часовъ послѣ смерти кролика сердце снова было оживлено и работало почти нормально. И даже еще черезъ двое сутокъ, когда желудочки сердца были уже желтовато-сѣраго цвѣта, а сердечныя ушки мутны, пропусканіе жидкости вызывало все же хотя и слабыя сокращенія! Въ одномъ изъ слѣдующихъ опытовъ сердце удалось оживить даже черезъ 7 сутокъ послѣ естественной смерти животнаго!

Послѣ такихъ удачныхъ опытовъ съ оживленіемъ сердца животныхъ можно было перейти и къ опытамъ оживленія человѣческаго сердца, хотя въ этомъ отношеніи предвидѣлось много техническихъ препятствій. Первые опыты были, дѣйствительно, неудачны, но затѣмъ, измѣнивъ нѣсколько методику, удалось добиться блестящихъ результатовъ.

Сердце трехмѣсячнаго ребенка, почти черезъ сутки послѣ смерти отъ пневмоніи, было помѣщено въ аппаратъ и черезъ 20 минутъ начало биться совершенно правильно и нормально. Въ первой же серіи опытовъ изъ 10 изслѣдованныхъ сердецъ только 3 не дали ни малѣйшаго возстановленія дѣятельности,—во всѣхъ остальныхъ опытахъ хоть слабое сокращеніе предсердій и желудочковъ получалось.

Было доказано такимъ образомъ, что и человѣческое сердце

не составляетъ исключенія въ смыслъ феноменальной живучести, — и его мышцы останавливаютъ свою дѣятельность лишь въ слѣдствіе неблагоприятныхъ условій питанія или, можетъ быть, изъ-за накопленія въ нихъ ядовитыхъ продуктовъ выдѣленія. Стоитъ промыть сердце Локковской жидкостью и снабдить его мышцы всѣмъ необходимымъ для жизни, и сердце снова начинаетъ работу, совершенно такую же, какъ въ живомъ организмѣ.

Правда, работа эта не вѣчна: ненормальное питаніе, равно какъ и воздѣйствіе другихъ неблагоприятныхъ условій искусственной жизни (подсыхание, дѣйствіе микробовъ, попадающихъ изъ воздуха, и т. п.), въ концѣ концовъ, все же разрушаютъ мышцы сердца и губятъ его окончательно.

Техника оживленія сердца была еще болѣе развита послѣдующими изслѣдователями. Велихъ (1903) добился оживленія сердца, подвергнутого предварительно замораживанію. Герингу и Денекке (1905) удалось оживить сердце взрослого человѣка (проф. Кулябко пользовался дѣтскими сердцами), а Цезари-Демель (1911) доказать микроскопическими изслѣдованіями, что оживленіе сердца человѣка не можетъ быть достигнуто лишь въ томъ случаѣ, если наблюдаются явные патологическія измѣненія стѣнокъ сердца.

Итакъ, мы видимъ, что сердце, какъ органъ наиболѣе живучій, поддается до извѣстной степени искусственному культивированію. Вырѣзанное изъ организма и поставленное въ условія, приближающіяся къ нормальнымъ, сердце продолжаетъ правильно функционировать, пока ткани его не приобретутъ глубокихъ измѣненій.

Наблюденія эти имѣютъ прежде всего большое теоретическое значеніе, доказывая, что нѣкоторые органы обладаютъ какъ бы извѣстной автономностью по отношенію къ остальному организму и могутъ существовать безо всякой связи съ нимъ, если только условія ихъ существованія подходящи. Въмѣстѣ съ тѣмъ и практическое значеніе новаго метода оживленія сердца очень велико: на изолированномъ сердцѣ легко и удобно изучать дѣйствіе различныхъ врачебныхъ средствъ, а также и выяснять значеніе вѣшнихъ условій температуры, химическаго состава питательной жидкости и т. п.

Само собой разумѣется, что далеко не для всѣхъ органовъ удастся создать такъ просто искусственныя условія, приближающіяся къ нормальнымъ, и можно было бы думать, что труднѣе всего это для нервной системы, которая отличается особой пѣжностью и чувствительностью къ измѣненію вѣшнихъ условій.

Однако и по отношенію къ нервной системѣ извѣстенъ цѣлый рядъ наблюденій, свидѣтельствующихъ о ея способности „переживания“ остальныхъ органовъ и „оживленія“ при возвращеніи къ нормальнымъ условіямъ.

Еще физиологъ Куперъ въ 1838 г. наблюдалъ, что если прекратить доступъ артеріальной крови къ головному мозгу животнаго на 2—3 минуты, то функціи мозга, по прекращеніи анэміи¹⁾ снова восстанавлиются. Позднѣе Куссмауль и Теннеръ, Майеръ и знаменитый Броунъ-Секаръ доказали, что если при такомъ прекращеніи доступа крови къ мозгу производить искусственное дыханіе (что поддерживаетъ питаніе артеріальной кровью во всемъ остальномъ организмѣ), то головной мозгъ можетъ пребыть безнаказанно лишеннымъ свѣжей крови въ полномъ бездѣйствіи 10, 15 и даже 17 минутъ, и затѣмъ, снабженный кровью, снова оживаетъ.

Броунъ-Секаръ для доказательства этого положенія дѣлалъ даже такой жестокой опытъ: онъ отсѣкалъ голову собакъ и восстанавливалъ затѣмъ питаніе головного мозга дефибринированной кровью—мозговые функціи при этомъ восстанавливались. Въ одномъ изъ опытовъ была отсѣчена голова собаки, долгое время жившей въ лабораторіи; когда собаку называли по имени, то голова ея поворачивала глаза въ сторону зовущаго—опытъ, напоминающій одну изъ сказокъ „1001 ночи“, въ которой голова казненнаго мудреца отвѣчала на вопросы халифа!

Отсѣченіе головы представляетъ однако слишкомъ грубое нарушеніе цѣлости всѣхъ существующихъ механизмовъ, потому Бателли въ 1900 г. попытался выяснитъ вопросъ о живучести головного мозга инымъ путемъ. Онъ хлороформировалъ собаку до полного паралича сердца и прекращалъ при этомъ притокъ крови къ мозгу. Оказывалось, что головной мозгъ въ этихъ условіяхъ можетъ быть лишенъ притока крови втеченіе нѣсколькихъ часовъ и по восстановленіи питанія кровью снова можетъ совершенно ожить. Спинной мозгъ оказался менѣе выносливымъ и выдерживалъ анэмію лишь втеченіе 20 минутъ.

Всѣ эти опыты показываютъ, что и нервная система далеко не такъ уже моментально погибаетъ съ пріостановкой притока крови. Ясно, что и въ случаяхъ нормальной смерти послѣ утраты сознанія и остановки всѣхъ нервныхъ функцій продолжается еще нѣкоторый періодъ переживанія нервной ткани, втеченіе котораго она не можетъ еще считаться погибшей окончательно, и если въ предѣлахъ этого періода благоприятныя условія будутъ восстановлены, то ткань оживаетъ и начинаетъ функционировать по-прежнему.

Но, если, такимъ образомъ, можетъ быть восстановлена искусственно жизнеспособность двухъ главныхъ органовъ, заведующихъ важнѣйшими отправленіями,—именно, сердца и мозга,—то не возможно ли попытаться оживить и цѣликомъ погибшій организмъ, вдохнуть жизнь въ мертвый трупъ?

Такую задачу поставилъ себѣ одинъ изъ русскихъ физиологовъ,

1) Анемія—недостатокъ крови.

д-ръ О. А. Андреевъ въ Москвѣ, и ему повезло блистательно разрѣшить ее.

Онъ исходилъ изъ того соображенія, что главнымъ источникомъ смерти является остановка дѣятельности сердца и, слѣдовательно, оживленіе всего организма должно вызываться восстановленіемъ правильной дѣятельности этого органа. Восстановленіе послѣдней возможно такимъ же образомъ, какъ и въ изолированномъ сердцѣ, съ помощью искусственнаго питанія мышцъ жидкостью, содержащею соли. Опыты показали, что въ этой жидкости можетъ даже отсутствовать виноградный сахаръ, но за то необходимо присутствіе въ ней небольшого количества адреналина, вещества, вызывающаго сокращенія сосудовъ.

Постановка опытовъ д-ра Андреева была очень несложная. Собака подвергалась хлороформированію, причемъ точно записывались на вращающемся барабанѣ ея дыхательныя движенія, кровяное давленіе и пульсъ. Такимъ образомъ можно было слѣдить за прекращеніемъ ея жизнеспособности. Когда движенія сердца и дыханіе совершенно останавливались и исчезали всѣ рефлексы, — животное можно было считать трупомъ. Предоставленное самому себѣ, оно, несомнѣнно, погибло бы въ самый короткій срокъ окончательно и не могло бы уже быть возвращено къ жизни.

Выждавъ нѣкоторый срокъ, — 5—12—20 минутъ, — послѣ полной остановки всѣхъ жизненныхъ функцій, экспериментаторъ вводилъ въ одну изъ крупныхъ артерій, направляющихся прямо къ сердцу, жидкость Рингера-Локка ¹⁾, при чемъ даже не насыщалъ ее кислородомъ, а лишь подогревалъ и прибавлялъ очень небольшое количество адреналина. Какъ только жидкость подъ небольшимъ давленіемъ (150—200 миллим. ртутнаго столба) попадала въ аорту, клапаны сердца замыкались и жидкость по вѣнечнымъ сосудамъ направлялась въ стѣнки сердца, промывала сосуды и оживляла сердечныя мышцы.

Очень скоро послѣ вливанія сердце начинало сокращаться, остановившійся пульсъ снова начиналъ дѣйствовать, черезъ нѣкоторый срокъ появлялось и дыханіе, въ видѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ глубокихъ вздоховъ. Затѣмъ начинались непрерывныя дыхательныя движенія грудной кѣтки и грудобрюшной преграды, восстанавливалась постепенно способность къ активнымъ движеніямъ, животное оживало и во многихъ случаяхъ могло быть окончательно спасено отъ неминуемой, можно сказать, уже наступавшей смерти!

Цѣлый рядъ такихъ опытовъ былъ продѣланъ д-ромъ Андреевымъ не только надъ собаками, подвергнутыми хлороформированію, но и надъ животными, погибавшими отъ различныхъ другихъ причинъ — отъ пораженія электрическимъ токомъ, отъ нара-

¹⁾ Эта жидкость содержитъ 0,9% поваренной соли, 0,03% соды, 0,042% хлористаго калия, 0,024% хлористаго кальція.

лица сердца вслѣдствіе остраго его переутомленія, отъ задушенія и даже отъ отравленія дифтерійнымъ и другими ядами (токсинами). Во всѣхъ этихъ случаяхъ наблюдалось, если не полное, то, по крайней мѣрѣ, временное восстановленіе дѣятельности сердца и другихъ органовъ, при чемъ эта дѣятельность точнѣйшимъ образомъ регистрировалась на вращающемся цилиндрѣ. При этомъ особенно удачные результаты получались при комбинированіи вливанія жидкости съ искусственнымъ дыханіемъ. Благодаря послѣднему, конечно, тотчасъ же начинался процессъ окисленія крови, прогоняемой въ легкія сердцемъ, возобновившимъ свою дѣятельность.

Всѣ эти опыты д-ра Андреева приводятъ къ заключенію, что вслѣдъ за моментомъ видимой смерти, въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, наступаетъ періодъ „переживанія“ или „скрытой клѣточной жизни“, втеченіе котораго жизнь клѣтокъ продолжается болѣе или менѣе долгій періодъ. Въ противоположность опытамъ съ оживленіемъ изолированнаго сердца, опыты оживленія трупа показываютъ однако, что всѣ ткани организма способны на такое переживаніе, въ томъ числѣ даже и самая нѣжная и чувствительная ткань—нервная.

III.

Опыты искусственнаго культивированія органовъ показываютъ, что комплексы тканей, изъ которыхъ органы состоятъ, перенесенные въ искусственную обстановку, могутъ нормально жить и дѣйствовать втеченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Отъ этого одинъ шагъ до настоящаго *культивированія тканей съ искусственной средой*.

Искусственное культивированіе одноклѣточныхъ существъ, какъ растительнаго, такъ и животнаго царства, давно уже практикуется въ наукѣ и не возбуждаетъ никакаго удивленія. Дѣйствительно, инфузорія, напримѣръ, хорошо живутъ въ стоячей водѣ, содержащей много органическихъ веществъ—ясно, что онѣ еще лучше будутъ жить въ какой-нибудь искусственной настойкѣ изъ растительныхъ веществъ, содержащей еще больше пищи для нихъ.

Наконецъ, и вся наша современная бактериологическая техника, выработанная въ свое время Пастеромъ, основывается именно на свойствѣ микроорганизмовъ не дѣлать никакаго различія между искусственной и естественной средой. Бактеріи требуютъ нѣкоторой пищи, нѣкотораго количества кислорода и извѣстныхъ температурныхъ и иныхъ условий,—если все это имѣется въ наличности, онѣ живутъ, питаются, растутъ и размножаются наилучшимъ образомъ, пока не будетъ исчерпанъ весь запасъ пищи или не возникнутъ какія-либо неблагоприятныя для жизни ихъ условія, вродѣ, напримѣръ, отравленія всей окружающей среды ихъ собственными

идовитыми видѣленіями. Будетъ ли эта среда природная или будетъ она искусственная,—для нихъ безразлично.

Бактеріологи съ самаго возникновенія своей науки каждоедневно пользуются этою перазборчивостью микроорганизмовъ въ широмъ масштабѣ. Бактеріи постоянно культивируются на желатинѣ, на агаръ-агарѣ, въ бульонѣ и въ другихъ искусственныхъ средахъ и только этотъ приемъ и даетъ возможность получать ихъ въ чистомъ видѣ и изучать ихъ дѣйствіе.

На искусственной средѣ, соответственнымъ образомъ подобранной, бактеріи чувствуютъ себя даже лучше, чѣмъ на естественной почвѣ, и культура ихъ, можно сказать, *потенціально безсмертна*. Пока существуютъ данныя условія, пока они не нарушены какими-либо посторонними обстоятельствами, бактеріи могутъ жить, питаться, расти и размножаться *безконечно*! Ихъ размноженію нѣтъ предѣловъ, кромѣ чисто физическихъ! Лишь измѣненіе условій въ ту или другую сторону можетъ прекратить это безграничное размноженіе. Если, напримѣръ, бактерій разовьется слишкомъ много въ замкнутой средѣ, онѣ потребятъ всю пищу и станутъ голодать, кромѣ того, своими видѣленіями онѣ отравятъ окружающую среду и это вызоветъ гибель части ихъ, а затѣмъ, быть можетъ, и всѣхъ. Кромѣ того, нерѣдко бываетъ прямая борьба за существованіе между нѣсколькими микробами и одерживаетъ побѣду и вытѣсняетъ другихъ болѣе стойкій къ ядамъ и менѣе требовательный.

Точно также и инфузоріи *потенціально безсмертны* въ искусственной средѣ, которая поддерживается въ чистомъ видѣ. Онѣ также превосходно питаются и размножаются и точно также этому размноженію нѣтъ предѣла. Достигнувъ путемъ питанія извѣстныхъ размѣровъ, каждая инфузорія дѣлится пополамъ и даетъ двѣ молодыхъ. Ея живое вещество, слѣдовательно, не погибаетъ—оно остается, превращаясь въ двѣ новыя инфузоріи.

Это *потенціальное безсмертіе* одноклѣточныхъ существъ въ свое время противопоставлялось знаменитымъ германскимъ біологомъ Августомъ Вейсманномъ смертности многоклѣточныхъ. Последнія, за счетъ своей большей сложности и совершенства строенія, утрачиваютъ безсмертіе. Вѣрнѣе, безсмертными у нихъ остаются лишь половыя клѣтки. При слияніи двухъ половыхъ клѣтокъ, мужской и женской, получается оплодотворенное яйцо, представляющее собою какъ бы одноклѣточный организмъ. При дальнѣйшемъ развитіи, совершающемся путемъ сотенъ и тысячъ послѣдовательныхъ дѣленій первоначальной клѣтки, получается многоклѣточный организмъ. Въ немъ, какъ мы видѣли уже, огромное количество разнородныхъ и „дифференцированныхъ“ клѣтокъ—однѣ изъ нихъ покровныя, другія—мышечныя, третьи—чувствительныя и т. д. Жизнь и размноженіе такихъ клѣтокъ въ организмѣ уже не безпредѣльны. Продѣлавъ опредѣленный циклъ раз-

житія, совершивъ извѣстное число дѣлений, кѣтки слабѣютъ, дряхлѣютъ и умираютъ. Онѣ *принципиально смертны*! Однако *потенціальное безсмертіе* все же сохраняется за извѣстною группою кѣтокъ, именно за *половыми* кѣтками. Онѣ снова соединяются попарно и опять даютъ начало новому организму, въ который переходятъ ихъ потомки,—конечно, если условія для этого благоприятны! Половые кѣтки передаются отъ особи къ особи, отъ одного поколѣнія къ другому, такъ въ себѣ священный огонь жизни.

Итакъ, у многокѣточныхъ животныхъ мы имѣемъ, по воззрѣніямъ Вейсманны, къ которымъ примыкаетъ большинство ученыхъ, два сорта кѣтокъ: смертныя кѣтки тѣла (соматическія) и безсмертныя кѣтки—половыя. Существованіе половыхъ кѣтокъ въ организмѣ, въ формѣ не соединившихся еще половыхъ продуктовъ, или въ формѣ оплодотвореннаго яйца, для многихъ многокѣточныхъ животныхъ—нормальное и закономѣрное явленіе. Кѣтки эти получаютъ даже соотвѣтствующія приспособленія: оболочки, скорлупу, различные придатки, органы движенія и т. п.

Могутъ ли однако существовать въ организмѣ кѣтки тѣла, отличающіяся значительной дифференцировкой, приспособленными къ совершенно спеціальнымъ цѣлямъ? До послѣдняго времени это казалось мало вѣроятнымъ, такъ какъ условія существованія кѣтокъ въ организмѣ представлялись слишкомъ сложными, трудно воспроизводимыми искусственно.

Въ 1907 году однако появилась работа американскаго изслѣдователя Гаррисона, который, занимаясь изученіемъ развитія нервовъ въ спинномъ мозгу головастика, попытался помѣстить кусочекъ, вырѣзанный изъ спинного мозга, въ каплю кровяной сыворотки подъ микроскопомъ. Обнаружилось, что черезъ нѣкоторое время изъ кусочка мозга вырастаютъ нервныя волокна, которыя направляются въ сыворотку и въ ней распределяются.

Это наблюденіе не обратило на себя особеннаго вниманія, но на слѣдующій же годъ появилось извѣстіе, что Льюису удалось получить настоящую тканевую культуру. Онъ помѣщалъ костный мозгъ морскихъ свинокъ на агаръ-агаръ, какъ это дѣлается съ бактеріями, и оказалось, что черезъ нѣкоторое время образуются настоящія пленки изъ костно-мозговыхъ кѣтокъ. Еще лучшіе результаты получались, когда костный мозгъ брался отъ свиныхъ зародышей и помѣщался въ кровяной сывороткѣ тѣхъ же зародышей.

Настоящіе же методы культивированія тканей удалось разработать американскому изслѣдователю Каррелю, имя котораго сразу приобрѣло большую извѣстность въ ученomъ мѣрѣ. Въ своихъ работахъ, вышедшихъ въ 1911—12 гг., Каррель, вмѣстѣ съ своей помощницей миссъ Борроу, опубликовалъ какъ основанія техники, такъ и замѣчательные результаты своихъ опытовъ.

Основная задача, которую ставилъ себѣ Каррель, была весьма проста: *создать для тканей мало-мальски благоприятныя условія питанія и жизни*. Снабдить ихъ пищей не трудно,—для этого стоитъ лишь помѣстить ихъ въ жидкость, приближающуюся по составу къ крови, омывающей ткани въ нормальныхъ условіяхъ. Взять однако просто кровь невозможно, такъ какъ въ ней содержится большое количество красныхъ и бѣлыхъ кровяныхъ тѣлецъ, для которыхъ трудно создать подходящія условія существованія. Поэтому въ качествѣ питательной жидкости берется лишь сыворотка (плазма) крови, получаемая центрифугированіемъ, т. е. сплывшимъ и быстрымъ вращеніемъ крови въ пробиркѣ—при этомъ всѣ кровяныя тѣльца осѣдаютъ, а жидкая часть крови, какъ болѣе легкая, образуетъ слой, находящійся сверху. Опытъ показалъ, что жизнѣдѣтельность тканей повышается, если разбавить сыворотку жидкостью Локка-Рингера (см. выше).

Главная трудность заключается въ необходимости полной „стерильности“ всѣхъ операций съ тканями, т. е. въ предупрежденіи попаданія въ сыворотку и въ ткани микроорганизмовъ изъ воздуха. Поэтому принимаются всѣ мѣры, обычно примѣняемыя бактериологами,—посуда и инструменты стерилизуются, сыворотка добывается также возможно болѣе стерильнымъ образомъ, сосудъ съ культурой защищается отъ споръ, могущихъ попасть изъ воздуха, и т. п.

Но и при всѣхъ этихъ предосторожностяхъ бактеріи все же часто разводятся въ культурахъ тканей и губятъ ихъ. Это тѣмъ болѣе возможно, что культуры приходится держать въ термостатѣ, при температурѣ тѣла, слѣдовательно, при условіяхъ весьма благоприятныхъ и для размноженія микробовъ.

Самый способъ постановки опытовъ Карреля заключается въ слѣдующемъ. Ткани берутся чаще всего изъ зародыша млекопитающаго или птицы, такъ какъ такія молодыя ткани наиболѣе жизнеспособны. Кусочки ихъ вырѣзаются со всѣми возможными предосторожностями и переносятся въ заранее приготовленную стерильную сыворотку. Помѣщаются эти кусочки либо въ висячей каплѣ на покровномъ стеклѣ¹⁾, либо въ плоскихъ, плотно замыкающихся крышечками стеклянныхъ чашкахъ съ сывороткой. Затѣмъ эти сосуды ставятся въ термостатъ.

Въ первомъ случаѣ является возможность наблюдать непосредственно подъ микроскопомъ за ростомъ культуры, во второмъ—приходится готовить изъ культивируемой ткани препараты, но за то можно взять болѣе крупный кусочекъ ткани.

¹⁾ Капля жидкости помѣщается на тонкое покровное стекло и послѣднее переворачивается каплею внизъ, при чемъ имъ прикрывается углубленіе въ предметномъ стеклѣ. Такимъ образомъ висячая капля оказывается въ замкнутомъ пространствѣ и не испаряется.

Съ теченіемъ времени въ жидкости накаплиются продукты дѣленія клѣтокъ и ткань, отравляемая ими, начинаетъ хирѣть. Тогда приходится прибѣгнуть къ промыванію ткани и перемѣстить ее въ свѣжую жидкость. Иногда все же развиваются микробы и тогда приходится передъ промывкою просто удалить зараженную часть—это можетъ спасти культуру.

Матеріаломъ для опытовъ Карреля служили главнымъ образомъ различныя ткани зародыша цыпленка, морскихъ свинокъ и другихъ лабораторныхъ животныхъ. Иногда брались и ткани взрослыхъ животныхъ, но онѣ давали гораздо худшіе результаты. Почти всѣ ткани зародыша годятся для опытовъ искусственнаго культивировація; такъ, вполне удачно культивируются мышечныя клѣтки, нервныя волокна, соединительно-тканныя клѣтки, клѣтки костнаго мозга. Точно также удавалось культивировать ткани щитовидной железы, яичниковъ, почекъ, хряща и брюшины взрослыхъ животныхъ и, наконецъ, даже различныя болѣзненные образованія—саркомы и раковыя опухоли мышей и крысъ.

Лучше всего растутъ въ искусственныхъ условіяхъ соединительная ткань, костный мозгъ, ткань селезенки и лимфатическихъ железъ. Очень энергичный ростъ обнаруживали также ткани болѣзненныхъ опухолей. Все же можно сказать, что опыты выращиванія тканей требуютъ большого искусства и навыка и далеко не всегда удаются. При томъ и причины неудачъ нерѣдко остаются невыясненными.

Разростаніе ткани, т. е. дѣленіе и появленіе новыхъ клѣтокъ, начинается различно—иногда уже черезъ 2-12 часовъ. Мышечныя и нервныя волокна начинаютъ расти на 2-6 день. Клѣтки соединительной ткани и опухолей иногда уже въ 3-4 дня совершенно заполняютъ среду, если выращиваются въ висячей каплѣ. При наблюденіи подъ микроскопомъ можно видѣть очень интересную картину. По краямъ кусочка ткани появляются сперва выросты, а затѣмъ лучеобразно расходящіеся во всѣ стороны веретеновидныя или звѣздчатыя клѣтки. Эти лучи изъ новыхъ клѣтокъ, получающихся путемъ дѣленія, мало-по-малу заполняютъ всю каплю и затѣмъ образуютъ пленку на ея поверхности. Интересно, что при этомъ клѣтки не только подвигаются впередъ путемъ дѣленія, но и прямо ползутъ, какъ амёбы, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Точно также и нервныя волокна вытягиваются сперва какъ ложноножки амёбъ, затѣмъ эти выросты постепенно удлиняются, тянутся въ видѣ нитей, вѣтвятся и образуютъ настоящіе нервныя волокна.

Если изслѣдовать подробно такую растущую ткань съ помощью разрывовъ, то обнаруживается, что клѣтки усиленно размножаются прямымъ и непрямымъ дѣленіемъ (амитозомъ и митозомъ), и это и вызываетъ главнымъ образомъ ростъ ткани.

Нѣкоторые изъ новѣйшихъ изслѣдователей пытаются доказать, что настоящаго роста ткани не происходитъ, а имѣется лишь пѣ-который „некробіотическій“ процессъ, т. е. процессъ отмиранія ткани. Можно думать однако, что они имѣли дѣло съ не вполне нормальными, отравленными культурами тканей, такъ какъ въ другихъ случаяхъ нормальный ростъ и размноженіе клѣтокъ твердо установлены прямыми наблюденіями.

Срокъ жизни культуры ткани въ всякой каплѣ не особенно продолжителенъ, — по опытамъ Карреля отъ 6 до 20 дней, но затѣмъ возможно пересѣять культуру или часть ея въ новую среду и такимъ способомъ получить почти вѣчный ростъ. Каррелю удавалось, по крайней мѣрѣ, разводить нѣкоторыя ткани съ помощью пересѣиванія втеченіе мѣсяцевъ.

Такимъ образомъ является возможность культивировать внѣ организма составляющія его клѣтки, совершенно какъ какихъ-нибудь бактерий или инфузорій. Это доказываетъ прежде всего, что и въ организмѣ клѣтки, очевидно, обладаютъ извѣстной самостоятельностью и если растутъ и размножаются по опредѣленнымъ путямъ и законамъ, то лишь благодаря *взаимодѣйствію* однихъ клѣтокъ на другія. Выведенныя въ искусственной культурѣ изъ сферы вліянія этой зависимости, онѣ начинаютъ расти во все стороны, по всемъ направленіямъ, гдѣ только не встрѣчаютъ сопротивленія. вмѣсто стройной ткани или органа получается такимъ образомъ безформенная масса клѣтокъ, не пригодныхъ ни для какой дѣятельности.

Этотъ основной выводъ подтверждается еще болѣе новѣйшими открытіями проф. Шампи, работавшаго съ помощью тѣхъ же геніально простыхъ методовъ, которые были предложены Каррелемъ.

Проф. Шампи открылъ, что при искусственномъ культивированіи тканей онѣ, такъ сказать, *дезорганизуются*. Тѣ клѣтки, которыя въ ткани имѣютъ опредѣленное назначеніе и въ соотвѣтствіи съ этимъ спеціально организованы (т. е. имѣютъ особую форму, величину и строеніе), при ростѣ въ сывороткѣ крови утрачиваютъ свои специфическія черты, становятся простыми округлыми клѣтками, весьма похожими на зародышевыя. Клѣтки какъ бы превращаются снова въ дѣтство, становятся атипическими, утрачиваютъ свойственныя имъ особенности и способности. Такъ, напр., клѣтки железъ перестаютъ выделять то вещество, которое онѣ нормально выделяютъ, клѣтки сѣменныхъ канальцевъ прекращаютъ образованіе сѣменныхъ тѣлецъ и т. д. Вслѣдствіе этого вмѣсто организованной ткани получается комочекъ *одинаковыхъ* клѣтокъ, энергично дѣлящихся, но ужь *простыхъ*, первичныхъ, какъ бы *зародышевыхъ* по своему строенію!

Ясно, что жизнь клѣтокъ въ искусственной средѣ обращаетъ ихъ вслѣдствіе, заставляетъ вернуться къ начальной зародышевой

стаціи... Но чѣмъ же, спрашивается, отличается искусственное существованіе клѣтокъ отъ развитія ихъ въ организмѣ?

Вѣдь если клѣтки успѣшно растутъ и размножаются, то, очевидно, условія питанія и жизни въ искусственной средѣ достаточно благоприятны. Слѣдовательно, опять-таки не только на направленіе и форму роста ткани, но даже и на строеніе, форму, размѣры клѣтокъ дѣйствуетъ *взаимодѣйствіе* послѣднихъ. Очевидно, ихъ взаимное давленіе, химическія вліянія другъ на друга, быть можетъ, и еще какія-нибудь другія дѣйствія, напр., электрическія, — создаютъ и внѣшній видъ, и внутреннее строеніе клѣтокъ. Линь эти условія, во всей ихъ сложности и преемственности, дѣлають железистую клѣтку именно железистой, а мышечную — мышечной.

Какъ только прекращаются сложныя взаимодѣйствія между клѣтками въ организмѣ, такъ онѣ утрачиваютъ все приобрѣтенное продолжительною совмѣстной работой, утрачиваютъ свою характерную фizioномію и переходить въ первичное состояніе, превращаются снова въ клѣтки зародышеваго характера...

Конечно, въ этихъ выводахъ, дѣлаемыхъ изъ наблюденій Карреля и Шампи, нѣтъ ничего особенно неожиданнаго и новаго. Мы и ранѣе смотрѣли на клѣтки, какъ на элементы самостоятельныя, какъ на нѣкоторыя „единицы жизни“, но никогда самостоятельность ихъ не вырисовывалась все же въ такомъ рѣзкомъ и опредѣленномъ видѣ, какъ въ результатахъ, получаемыхъ съ искусственными культурами.

Мы видимъ теперь, что сложный многоклеточный организмъ, дѣйствительно, складывается изъ этихъ „единицъ жизни“, какъ государство — изъ отдѣльныхъ личностей. И все судьбы и вся природа этихъ единицъ, равно какъ и все устройство клеточнаго государства, зависятъ отъ ихъ взаимодѣйствія. Группа клѣтокъ, выключенная отъ общенія съ другими, по поставленной въ возможные условія существованія, живетъ и размножается, но въ то же время утрачиваетъ свои специфическія особенности, принимаетъ примитивный видъ, совершенно такъ же, какъ группа людей, попавшая на необитаемый островъ и выключенная отъ соприкосновенія съ остальнымъ человѣческимъ обществомъ, дичаетъ и обращается къ первобытному существованію.

Таковы пока теоретическіе выводы изъ опытовъ искусственнаго культивированія тканей. Нельзя не отмѣтить однако, что, какъ всякій новый путь и новый методъ въ наукѣ, искусственное культивированіе тканей имѣетъ и практическое значеніе. Правда, это значеніе нельзя еще полностью учесть и опредѣлить его настоящую цѣну, но чувствуется уже, что оно велико и что новый методъ можетъ получить широкое распространеніе.

Въ данномъ случаѣ положеніе вещей можно сравнить съ положеніемъ, наблюдавшимся послѣ первыхъ работъ Пастера надъ искус-

ственнымъ культивированіемъ бактерій, — и тогда чувствовалась грандіозность открытія, хотя и не было еще въ наличности тѣхъ реальныхъ — вродѣ прививокъ и сыворотокъ — результатовъ, которые обнаружилились позднѣе.

Въ практическомъ отношеніи методъ культивированія тканей имѣетъ прежде всего тотъ интересъ, что позволяетъ наблюдать живую ткань въ чисто-лабораторныхъ условіяхъ. Является возможность, напр., подвергать ткань дѣйствию различныхъ веществъ, различныхъ ядовъ и прежде всего — различныхъ кліточныхъ ядовъ или цитотоксеновъ.

Въ этомъ направленіи проф. Футомъ получены уже нѣкоторые интересные данныя. Когда кролику вырыскивали эмульсію костного мозга курицы, то въ его крови вырабатывался специфическій ядъ противъ куриного костного мозга. Затѣмъ приготавлилась искусственная культура ткани куриного костного мозга въ нормальной сывороткѣ крови и въ сывороткѣ отъ кролика, подвергшагося вырыскиванію. Оказалось, что, тогда какъ въ первомъ случаѣ тканевая культура разрастается совершенно свободно, во второмъ — наблюдается рѣзкое перерожденіе клітокъ и смерть ихъ. Мало того, даже костномозговая ткань того же самого кролика погибала во взятой отъ него же сывороткѣ!

Еще интереснѣе опыты Карреля надъ культурами ткани лимфатической железы кролика въ сывороткѣ его же крови. Одну изъ такихъ культуръ Каррель оставлялъ въ качествѣ контрольной, а къ другимъ прибавлялъ красныхъ кровяныхъ тѣлецъ козы. Первые сутки бѣлыя кровяныя тѣльца (лейкоциты) лимфатической ткани кролика держались въ сторонѣ отъ красныхъ тѣлецъ козы, но по прошествіи двухъ сутокъ они начали ихъ оживленно заглатывать и переваривать (фагоцитировать). При томъ оказалось, что жидкость, въ которой культивировалась эта ткань, получила способность растворять козьи красныя кровяныя тѣльца, чего не могла дѣлать жидкость контрольной культуры. Такимъ образомъ въ пробиркахъ и чашкахъ лабораторіи удалось получить такіе результаты, какіе до сихъ поръ достигались лишь въ живомъ организмѣ!

Уже эти два примѣра показываютъ, какое огромное значеніе можетъ получить методъ искусственной культуры тканей для изученія таинственныхъ процессовъ, происходящихъ въ нормальныхъ тканяхъ животнаго и человека! Но, кромѣ того, и цѣлый рядъ другихъ вопросовъ по физиологій тканей можетъ быть наиболѣе простымъ способомъ разрѣшенъ подобными опытами. Такъ, Футъ, съ помощію культивированія куриной костно-мозговой ткани, могъ во всѣхъ деталяхъ изслѣдовать превращеніе соединительной ткани въ жирную и констатировать, что этому содѣйствуетъ богатство жирами кровяной лимфы. Каррель открылъ явленіе, имѣющее, по-видимому, немаловажное общее значеніе, — именно, онъ подмѣтилъ, что ростъ ткани въ искусственной культурѣ усиливается

послѣ нѣкотораго покоя на холоду. Онъ дѣлаетъ изъ этого выводъ, что ткань животнаго, кромѣ періода *явнаго* роста, для того, чтобы продолжать размножаться, должна пройти періодъ покоя или *скрытаго* роста. Такой покой не только восстанавливаетъ, но даже усиливаетъ ростъ ткани въ культурѣ и, чередуя періоды роста съ періодами покоя, можно удлиннить существованіе искусственной культуры.

Затѣмъ обнаружилось, что избытокъ или недостатокъ солей въ сывороткѣ крови также усиливаетъ ростъ искусственно культивируемой ткани. Наконецъ, удалось сдѣлать и рядъ цѣнныхъ наблюдений надъ вліяніемъ различныхъ ядовъ, разныхъ продуктовъ выдѣленія железъ и т. п. Конечно, все это лишь первые робкіе шаги. Дальнѣйшія открытія въ этой области не замедлятъ и значеніе ихъ теперь трудно даже предвидѣть.

Итакъ, мы стоимъ въ настоящее время передъ новымъ и значительнымъ шагомъ впередъ біологической науки. Искусственная культура органовъ позволяетъ намъ глубже проникнуть въ ихъ дѣятельность, выясняетъ ихъ автономность и заставляетъ думать, что жизнь и смерть—явленія какъ бы мозаичнаго характера. Они слагаются изъ жизней и смертей отдѣльныхъ механизмовъ, способныхъ при извѣстныхъ условіяхъ существовать и внѣ организма.

Искусственная культура тканей еще глубже вонзаетъ острый ножъ научнаго анализа и еще болѣе дѣлаетъ жизнь мозаичной. Мы видимъ, что и жизнь органовъ слагается изъ массы жизней мельчайшихъ жизненныхъ элементовъ—кѣлокъ. И эти живыя индивидуальности точно также самостоятельны и могутъ, если не создаваться, то, по крайней мѣрѣ, жить и размножаться въ пробиркахъ и стеклянныхъ чашкахъ лабораторій, въ искусственно приготовленной средѣ... И опять приходитъ въ голову аналогія съ наукой о бактеріяхъ. Подобно тому, какъ открытія и новые методы Пастѣра дали въ руки ученымъ міръ невидимыхъ глазу организмовъ, такъ открытія и методы Карреля предоставляютъ въ ихъ полное распоряженіе кѣтки, изъ которыхъ въ концѣ концовъ и сами ученые состоятъ!

Основная, первая и главная задача науки — это анализъ, и въ этомъ отношеніи новый методъ — мощное орудіе. Мы можемъ съ его помощью расчленивъ жизнь, можемъ разбить живой организмъ на рядъ мельчайшихъ частицъ, культивируемыхъ „*in vitro*“ („въ стеклѣ“) и удобоизучаемыхъ... Однимъ словомъ, мы можемъ разложить жизнь на отдѣльные элементы, какъ механикъ разбираетъ сложный механизмъ, и можемъ каждый изъ этихъ элементовъ разсматривать особо и подвергать различнымъ воздѣйствіямъ!..

Сможемъ ли мы перейти ко второй задачѣ — къ синтезу? Сумѣемъ ли мы направлять ростъ тканей и клѣтокъ и управлять ими по нашему желанію? Наконецъ, разложивши организмъ, сумѣемъ ли мы его опять соединить и создать нѣчто цѣлое? Все это вопросы, на которые пока нельзя дать никакого отвѣта!..

П. Ю. Шмидтъ.

Послѣ грозы.

Гудя, клубяся и сверкая,
Ужъ отошла съ небесъ гроза.
Опять яснѣетъ бирюза,
И блещетъ зелень молодая,

И солнце радугой цвѣтистой
По лужамъ расплескалось вдругъ,
И, смятый влагой серебристой,
Какъ дымомъ закурился лугъ,

И въ ближней рощѣ засвистала,
Поетъ, восторгъ излить спѣша
Въ напѣвахъ вешняго хорала,
Всего пернатого кружала
Звонкоголосая душа.

П. Радинъ.

ГРЯСИНА.

I.

— Жена Навотнаго? Ой, Боже мой, Боже мой! Да это же воронье пугало, страшидно съ огорода. Если такую посадить при большой дорогѣ, то люди и шляхъ отвернуть въ сторону. Какъ же Навотному не кутить и не развлекаться? И какъ ей не жить затворницей... если она на всѣхъ дьяволовъ похожа? Лѣтъ на пятнадцать старше мужа, да еще...

— Ужь и на пятнадцать. И все-то вы, пане Дембо, превеличиваете.

— Ну, вродѣ того, пане Волковичъ. На пятнадцать или на пять... то не столь существенно, сердечно уважаемый Евгений Орестовичъ. Важно, что она—страхолюдная. Такая, говорятъ, и въ молодости была. При мнѣ про нее одинъ человѣкъ рассказывалъ смачно. Ъхалъ я по служебному билету. А въ третьемъ классѣ по билету платному сестра жены моей, молодая паненка. Зашелъ я навѣдаться къ ней въ вагонъ, послѣ задержался покурить на площадкѣ. Тутъ же стояло нѣсколько желѣзнодорожныхъ служащихъ. Съ линіи. Изъ низшихъ. И одинъ, не зная меня, говорилъ, какъ онъ ѣздилъ прошлымъ лѣтомъ, искать правды къ инженеру Навотному. Въ имѣніе жены его. Обидѣли его по службѣ. Онъ и надумалъ: добьюсь до начальника пути, и все выявлю. Найду на враговъ управу. „Доѣхалъ — говоритъ — я до станціи Зыряно. Тамъ пораспросилъ дорогу въ имѣніе пани Навотной. Отъ станціи недалеко, пошелъ пѣшкомъ. Прихожу, да не засталъ инженера дома. А „жинка“ его чай пьетъ на балконѣ. Я ударился до нея, расскажу хоть ей, думаю. Глянулъ, и ажъ перепугался. Ну, и поганая-жъ. А дытына еще хуже. Тутъ же, коло матери за столомъ сидитъ. Нехай Богъ милуетъ отъ такой дытыны!“— „Да у Навотнаго нѣтъ дѣтей. То обезьяна. Ручная у нихъ, дрессированная. Они ее всегда за столомъ кормятъ“. — „Обезьяна? А я, ей-Богу, и надумалъ: дытына. Одно-жъ лицо съ матерью!“

Въ канцеляріи коммерческой службы—хохотъ. Смѣются въ архивѣ и въ регистратурѣ, звонко хохочутъ дамы. Заливаются раскатисто Сухарикъ и Брежневичъ,—оба безусые, едва не мальчики, прозванные за дружбу свою Аяксами... Подхохотывается истерически-захлебывающимся смѣшкомъ дѣлопроизводитель канцеляріи,—чернобородый Ловичъ-Волковичъ, — истерикъ изъ интеллигентовъ. Недоучившійся студентъ, бывшій литераторъ, — онъ, благодаря искусному перу, быстро попалъ въ дѣлопроизводители. Но постоянный лишь въ непостоянствѣ,—Волковичъ уже тяготится однообразіемъ канцелярской работы. И оттого поощряетъ балагурство стараго пересмѣшника Дембо.

Дембо съ утра въ канцеляріи, хотя мѣсто его въ соседней комнатѣ, гдѣ работаютъ коммерческіе агенты. Да сегодня—что за работа. Управленскими главарями только-что законченъ весенній осмотръ дорогъ. Начальники отдѣльных службъ едва возвратились съ линіи. Кое-кто изъ нихъ явился на службу прямо съ вокзала, остальныхъ нѣтъ вовсе.

Въ управленіи—общая бездѣятельная разслабленность. Словно дуновеніе надвигающейся весны, проникнувъ сквозь двойныя рамы и толстыя кирпичныя стѣны, разлилось по канцеляріямъ и кабинетамъ, навѣяло на всѣхъ лѣнь, освободило отъ докучной обязанности работать...

Вячеславъ Оттоновичъ Дембо въ ударѣ. Розово-свѣжій, высокій, полный въ бедрахъ, съ присѣдающей походкой, съ пухлымъ лицомъ и густо-каштановой, изрядно-засѣдѣвшей бородою, — онъ доволенъ, что насмѣшилъ. И продолжаетъ, не улыбаясь:

— Навотный—эгоистъ, кутила... въ немъ тысяча слабостей. Но терпѣнье у него—какъ у святого. Выносить подлѣ себя такую жену? Да еслибы на меня... я бы давно сказалъ: „будь здорова!“ и ушелъ, не оглядаючись. Не разберешь: лошадь или обезьяна? Еще и характерецъ, вѣрно, злокозненный. Недаромъ Варвара. Варвара — и означаетъ: жестокосердая. У насъ про то и присказка есть: кто съѣтъ пшеницу-татарку, а жену имѣетъ Варварку, того не спрашивай о здоровьи, а живъ ли, небоже?

Смѣются снова, но уже не такъ единодушно.

— А вотъ къ женѣ Навотнаго это и не подходитъ,—еще посмѣиваясь, возражаетъ авторитетно Магдалина Закржевская,—регистраторъ исходящихъ бумагъ.—Максъ... Максимъ Андреевичъ! — поспѣшно исправляетъ она будто печально сорвавшуюся обмолвку,—не можетъ пожаловаться на жену. Она, правда, нехороша собой. Но никогда никакихъ сценъ... Никакого стѣсненія. И всего года на четыре старше Макоша

Андреевича. Книжна вѣдь она. Рожденная Рокитская-Рокова. Послѣдняя въ родѣ.

-- Оттого вѣрно и уродливая такая... на почвѣ вырожденія,—комически вставляетъ Дембо.

Закржевская съ напускной великодушностью говоритъ о Навотной, съ которой незнакома.

— Право же, она милая... это всѣ находятъ. Когда они поженились, Максимъ Андреевичъ еще студентомъ былъ. А ей подбиралось къ тридцати годамъ.

— Бракъ по расчету, конечно... съ его стороны,—замѣчаетъ Дембо съ непререкаемой увѣренностью.—Ея Желанное не имѣніе, а золотой дождь.

Магдалина не соглашается и тутъ.

— Ну, это кто знаетъ. Молодые юнцы увлекаются такъ... несуразно. Вѣдь ѣздилъ же за ней добровольно въ ссылку?.. Ее тогда послѣ свадьбы выслали въ Сибирь. Въ административномъ порядкѣ. Давно это... въ восьмидесятыхъ годахъ... Или въ девяностыхъ, кажется. Такъ онъ помчался за нею. И ученье бросилъ. Послѣ ужъ, когда ее возвратили, кончалъ институтъ.

Магдалина Закржевская умолкаетъ. Однако молчаніе у нея—дающее понять, что о супругахъ Навотныхъ она могла бы рассказать гораздо больше.

Закржевская, собственно, носитъ имя Маріи, но зоветъ себя Магдалиной, и за Марію сердится.

Управленская „баламутка“ и пожирательница сердецъ,—она остается красивой, выхоленной, всегда модно одѣтой брюнеткой, хотя лѣтъ ей много, давно за сорокъ. Располнѣла жестоко, и при взглядѣ на нее представляется, будто тѣло ея распираетъ ткани надѣтыхъ на ней одеждъ. А все не сдается, не ликвидируетъ любовныхъ походовъ. Только отъ инженеровъ спустилась до служащихъ пониже. Одно время,—правда, давненько и недолго,—Магдалина была въ близкихъ отношеніяхъ съ Навотнымъ. Въ эпоху Навотнаго пріѣзжала въ управленіе на собственномъ рысакѣ, въ пролеткѣ на резиновыхъ шинахъ. Ходила разукрашенная брильянтами, въ дорогихъ мѣхахъ, въ заграничныхъ платьяхъ и шляпкахъ. Вскорѣ это миновало. Но о своей быстротечной близости къ Навотному Закржевская не хочетъ забыть. До сихъ поръ о Навотномъ и обо всемъ, что касается его, упоминаетъ не иначе, какъ тономъ очень близкаго человѣка,

— А мы говорили, Навотный побаивается жены, — пропозноситъ Дембо послѣ молчанія.

Магдалина опровергаетъ.

— И невѣрно. У него полная свобода. Когда идетъ изъ дому, Варвара Петровна ни за что не спроситъ: куда?

— Можетъ, еще благословить въ путь-дорогу и перекрестить? Иди и будь счастлива?

— Крестить не станеть. Она завзятая атеистка. Изъ прежнихъ... Изъ нигилистокъ еще. Въ деревнѣ у нея до сей поры игра въ мужичка—меньшого брата. Школы, больницы, театръ для народа. Денегъ на это просаживаетъ уйму. А съ мужемъ—они друзья. И Навотный никогда не разойдется съ нею... сколько бы ни увлекался другими женщинами.

Закржевская—будто пенаарокомъ—обращаетъ любопытно-ехидный взоръ на Октавію Владиміровну Нецадимъ, которая регистрируетъ въ канцеляріи бумаги входящія.

Двадцатисемилѣтняя Нецадимъ—самая юная изъ канцелярскихъ дамъ. Она миловидная, у нея чудесный цвѣтъ лица, оригинально-прорѣзанные и красиво удлинненные глаза, густые волосы, тонкій абрисъ щекъ. И Навотному она нравится издавна. Шесть лѣтъ назадъ перешла въ коммерческую службу изъ службы пути, гдѣ работала у Навотнаго, когда тотъ еще былъ начальникомъ технического отдѣла. Тогда она носила дѣвическую фамилію Ватугиной, кромѣ жалованья получала пенсію послѣ отца, пѣхотнаго генерала. Навотный обратилъ на нее вниманіе, по обыкновенію своему охотился за нею, и съ усиленной настойчивостью. Но потерпѣлъ неудачу. Октавія Владиміровна вышла замужъ за Виктора Нецадима, молодого юриста. Бракъ оказался не изъ удачныхъ. Какъ-то сразу пошли нелады, Нецадимъ отбился отъ жены, отъ дома. Послѣ присвоилъ деньги, полученные по конкурсу для довѣрителя. Спустилъ ихъ съ новой возлюбленной, замужней женщиной. Запутался, и застрѣлился внезапно. И опять всплылъ на горизонтѣ Октавіи Владиміровны Навотный. Сталъ охотиться энергичнѣй, чѣмъ прежде.

Изъ-за этого Магдалина Закржевская ревниво преслѣдуетъ Нецадимъ еле замаскированными уколами. Октавія не умѣетъ отражать удары. Недовольна на себя, на неумѣнье дать отпоръ, но переноситъ молчаливо выпады Магдалины.

Теперь за Нецадимъ косвенно вступается галантный Дембо. Видя, что Магдалина собирается обстрѣливать ненаходчивую противницу, Дембо вспоминаетъ, не пора ли и потрудиться?

— Но какъ я заговорился!—спохватывается онъ сокрушенно. — А у меня—докладъ мой... о новыхъ вагонахъ-холодильникахъ... Покоится на столѣ до радостнаго часа. Прощу васъ, пане Дембо,—указываетъ онъ на дверь самому себѣ—приступить къ выполненію вашихъ непосредственныхъ обязанностей.

Отвлекая всѣхъ отъ Навотнаго и его домашней жизни Дембо добавляетъ въ эпическомъ тонѣ:

— Это сейчасъ въ управленіи Извилистыхъ дорогъ допустимо выраженіе: прошу васъ. Раньше говорить такъ нельзя было. Особымъ приказомъ по линиямъ объявляли: изъять изъ употребленія „прошу васъ“, а ввести „честь имѣю покорнѣйше просить“. То имѣло мѣсто не за вашу господа, память,—когда дороги становились изъ частныхъ казенными. До того—благословенныя были времена. Аркадія. Управляющимъ дорогъ былъ самъ Гессе. Умнѣйшій изъ россиянь. Не нынѣшнему Евмену Заворотникову чета. И процвѣтали у насъ при Гессе: быстрота дѣйствій, толковость, отсутствіе формалистики, упрощенность. Въ каждой бумагѣ безъ лишняго пустословія: прошу то-то и то-то... Но какъ стали мы казенными, — уже безъ Гессе, — немедленно по линиямъ манифестъ. Всѣ отношенія и бумаги писать по установленной формѣ. Какъ принято. И слова: „прошу васъ“ — упряднить. А всюду ставить: „честь имѣю покорнѣйше просить“. Такъ что бы вы думали? Служащіе изъ карьеристовъ настолько твердо усвоили предписаніе, что даже въ романсѣ: „Прошу васъ, птички“, стали пѣть: „Честь имѣю покорнѣйше просить васъ, птички, объ одномъ“!

Дембо выводитъ начало романса ускоренно и пискливо, тоненькимъ фальцетомъ.

Опять хохотъ въ канцеляріи. А Дембо дѣлаетъ круговой шутливый поклонъ и, точно танцуя, отступаетъ къ дверямъ своей присѣдающей походкой.

II.

Широкимъ управленскимъ коридоромъ съ портфелемъ подъ рукой шелъ Навотный къ служебному кабинету начальника дорогъ. Кивками головы отвѣчалъ на низкіе поклоны курьеровъ. Разсѣянно поглядывалъ и подвигался медленно, — крупный, крутогрудый, съ полными плечами, крѣпконогій, легко-подвижной — независимо отъ его, уже довольно грузной, полноты. Иногда коридоры расширялись въ площадки, гдѣ были устроены небольшія пріемныя помѣщенія съ мягкой мебелью. Тамъ висѣли зеркала и Навотный, проходя мимо нихъ, глядѣлъ на отраженія своей фигуры — мимолетно, но внимательно. Зеркала отражали его, одѣтаго съ умысленными отступленіями отъ послѣдней моды, но съ тою щеголеватой заботливостью, какая встрѣчается у старѣющихъ людей, боящихся старости. Двадцать лѣтъ назадъ Навотнаго находили красивымъ. Теперь никто не говорилъ этого. Лицо его стало большое, мясистое, съ

складками отъ носа къ губамъ, съ частыми морщинами возлѣ глазъ. Глаза—слегка заплаканныя, окруженные не синевой, а чернотой. Голосъ на головѣ—съ бѣлымъ налетомъ, словно припудренные. Короткая борода и пышные усы еще оставались нетронутыми сѣдиной. Дородный и поношенный, весь какъ бы сотканный изъ однихъ недостатковъ и слабостей,—которыхъ онъ не только не скрывалъ, но наоборотъ, выставилъ напоказъ, часто безъ всякой надобности,—Навотный однако нравился людямъ. Въ немъ таилось много безотчетной привлекательности, присущей болѣе одареннымъ натурамъ.

Слегка постучалъ онъ въ дверь начальника дорогъ и вошелъ, какъ всегда, безъ доклада. Солнце уже отвернулось отъ балкона и отъ оконъ кабинета. Обширная комната, обставленная съ роскошью казеннаго типа, выглядела темноватой.

— Максимъ Андреевъ,—привѣтливо, почти любовно сказалъ начальникъ дорогъ, Евмень Платоновичъ Заворотниковъ.

Онъ вышелъ изъ-за длиннаго письменнаго стола, поспѣшно прикрывъ газетой пасьянсъ, который раскладывалъ среди бумагъ на бюро.

Невысокій, коротконогий, пшенично-рыхлый, Заворотниковъ косолапилъ на ходу, ступалъ неуклюже, какъ человѣкъ, привыкшій засиживаться. У него была русифицированная виѣшность, русая борода старо-московскаго стиля. Некрасиво растягивались при улыбкѣ вывороченныя губы широкаго рта.

Въ сторонѣ отъ письменнаго стола стоялъ кожаный диванъ, передъ нимъ круглый столъ и глубокія вокругъ кресла. Навотный примѣтилъ, что Евмену хочется утаить раскладку пасьянса, и направился къ дивану раньше Заворотникова.

— А я полагалъ, вы не въ управленіи,—дружески заговорилъ Евмень.—Показалось, поѣхали домой съ вокзала.

— И дома побывалъ, и сюда поспѣлъ,—глуховатымъ баритономъ съ басовыми нотками отвѣтилъ Навотный.—Вы хотѣли предварительно поговорить о проектѣ расширенія управленскаго зданія. Я набросалъ тутъ чертежи.

— Уже?—удивился Заворотниковъ.

Самъ онъ работалъ тяжкодумно и копотливо. Продуктивность „легкокровнаго“, — какъ называлъ онъ,—Навотнаго возбуждала въ немъ что-то, близкое къ завистливому удивленію. Навотный сдѣлалъ полунебрежный жестъ, свидѣтельствующій, что надъ такимъ пустякомъ не стоило медлить. Онъ вынулъ изъ портфеля свой набросокъ. Не разворачи-

вая сложенного листка, сталъ излагать сущность, приписывая Заворотникову инициативу своего проекта. Говорилъ сжато, обстоятельно, безъ увлеченія, отчасти скучливо. Заворотниковъ слушалъ, вдумываясь. Держался съ будничной простотой, безъ помпезности, проявляемой по отношенію къ чужимъ. А чужими Заворотниковъ считалъ въ управленіи всѣхъ, кромѣ Навотнаго. Самый легкомысленный, но и самый независимый изъ управленскихъ инженеровъ, Навотный только одинъ числился у начальника дорогъ на положеніи пріятеля.

Съ всѣми прочими Заворотниковъ бывалъ вѣжливъ, но съ соблюденіемъ церемоній, держался натянуто и педантично изъ боязни, какъ бы не уронить престижъ свой. Всегда на чеку, всегда подозрительно, съ опаской... Постъ начальника Извилистыхъ дорогъ Евмень получилъ при содѣйствіи могущественнаго однокашника. Очень среднеспособный инженеръ изъ честныхъ и уравновѣшенныхъ службистовъ, — Заворотниковъ не сознавалъ ограниченности своей натуры, не понималъ, что уравновѣшенность граничитъ у него съ безличностью. Любилъ повторять: „Мое положеніе начальника дорогъ обязываетъ меня“... И всѣ его поступки согласовались съ этимъ главнымъ руководящимъ правиломъ. Усидчивый и трудолюбивый, онъ удѣлялъ много времени работѣ. Помимо управленскихъ дѣлъ, трудился надъ усовершенствованіемъ быстроходнаго паровоза. Твердо вѣрилъ въ будущій успѣхъ этого начинанія. Усовершенствованному паровозу намѣревался отдать свое имя: „Паровозъ инженеръ-Заворотниковъ“. А въ часы досуга съ увлеченіемъ раскладывалъ пасьянсы или затѣвалъ шумныя игры съ своими дѣтьми...

Точнѣйшимъ образомъ изучилъ Навотный слабыя струнки Евмена. Подчасъ наигрывалъ на нихъ озорливо и дерзко, изъ желанія позабавиться. Подшучивалъ и надъ паровозомъ „Инженеръ-Заворотниковъ“, и надъ воображаемой геніальностью Заворотниковскихъ дѣтей. Евмень же ничего этого не понималъ, былъ непоколебимъ въ своемъ самооправданіи, не допускалъ и помысла о возможности чьей-либо шутки относительно него...

Навотный кончилъ о проектѣ. Поглядѣлъ на насунувшееся лицо Заворотникова и спросилъ:

— Изготовить подробный докладъ? Будете проводить въ министерствѣ?

Евмень протянулъ черезъ столъ пухлую руку.

— Погодите, не такъ сразу. Дайте-ка мнѣ. Надо пораскинуть умомъ... Обдумать.

Навотный отдалъ свой листокъ. Евмень все новое вос-

принимать тугу. Необходимо было дать ему время. Выждать, пока онъ поборетъ боязнъ предстоящихъ трудностей, неохоту связывать себя опредѣленнымъ словомъ.

Пряча въ боковой карманъ конспектъ Навотнаго, Заворотниковъ проговорилъ:

— Я обсужу, сосредоточившись. А вы о моемъ дѣлѣ подумайте на досугѣ.

— Оль-райтъ,—охотно отозвался любимымъ своимъ словечкомъ Навотный.—О чемъ прикажете?

— Да щекотливое обстоятельство. Собирался пригласить васъ завтра. Хотѣлъ поговорить...

— А partè?—слегка озорливо подсказалъ Навотный.—Весь къ вашимъ услугамъ.

— Знаете, Максимъ Андренчъ... въ коммерческой службѣ у насъ неблагополучно.

— Аллахъ-Керимъ! Да что вы! Можетъ ли быть?

— Къ сожалѣнію, это есть. Между нами, но... жалуются контрагенты на злоупотребленія при заключеніи контрактовъ.

— Какихъ контрактовъ?—уясняя себѣ дѣло, нѣсколько нетерпѣливо освѣдомился Навотный.

— По сдачѣ въ аренду желѣзнодорожныхъ земель.

Навотный уже понялъ главное и зашалилъ снова.

— „*Pas de scandale ici dans notre beau chateau!*“—смѣшнымъ полуречитативомъ произносилъ онъ.

— Не шутите, Максимъ Андренчъ,—сказалъ Заворотниковъ съ строгостью.—Вопросъ серьезный. Я не знаю... передать ли въ соединенную комиссію изъ представителей разныхъ службъ? Дать ли потомъ дѣлу officialный ходъ? Или уладить домашнимъ способомъ? Юрисконсультъ освѣтилъ все юридически. Но пока въ сферѣ секретности. Я вамъ приготовилъ на просмотръ докладъ юрисконсульта. Интересно ваше мнѣніе. У васъ—чутье... въ которое я очень вѣрю. Вы какъ-то въ одинъ моментъ подходите къ рѣшенію здраваго смысла. А здравый смыслъ—это... да это все, что требуется для каждой практической задачи.

Навотный съ непроницаемымъ лицомъ чуть наклонилъ голову, благодаря за неизмѣнно-лестное объ его здоровомъ смыслѣ мнѣніе.

Заворотниковъ, переваливаясь, подошелъ къ письменному столу, вынулъ изъ-подъ газетнаго листа, прикрывающаго пасьянсъ, объемистую тетрадь, исписанную на пишущей машинкѣ.

— Вотъ.

Навотный молча взялъ докладъ, вложилъ его въ свой портфель.

Просьба Евмена не изумила его. Заворотниковъ, въ чемъ-нибудь затруднился, часто звалъ на совѣтъ Навотнаго. При обостренныхъ затрудненіяхъ приглашалъ къ себѣ экстренно, и управленскіе балагуры называли въ такихъ случаяхъ Навотнаго „каретой скорой помощи“.

— Я что могу, съ удовольствіемъ, — скороговоркой замятилъ Навотный и прибавилъ скромно: — хотя... это, собственно, не по моей специальности.

— Вы по всеѣмъ специальностямъ разбираетесь легко и правильно, — отъ души польстилъ ему Заворотниковъ. — У васъ быстрый умъ и... острый взглядъ на вещи. Вы почти не ошибаетесь ни въ дѣлахъ, ни въ людяхъ... если дадите себѣ трудъ задуматься серьезно. У васъ не учёба. Не то, что зазубрено, или выработано практикой, навыкомъ, а... именно здравый смыслъ. Это во всякомъ дѣлѣ самое главное.

— Пожалуй, и такъ... это — главное, — съ легкимъ лукавствомъ согласился Навотный. — Не мимо, видно, сказано: мудрые не бываютъ учены, а ученые — мудры.

Заворотниковъ разсмѣялся съ благодушностью.

— Но помните о конфиденціальности, Максимъ Андреевичъ, — попросилъ онъ. — Никому, никому. Ни слова. Борцу — особенно. Вы съ нимъ весьма сошлись. Не напрасно ли? Не нравится мнѣ этотъ молоденькій инженерикъ. Карьеристъ... Молодой да ранній. Я подозреваю, не черезъ него ли попадаетъ въ печать многое секретное изъ управленія.

— Черезъ Борца? — не повѣрилъ Навотный. — Но онъ чрезвычайно осторожный. Сдержанный... до прѣсноты даже.

— Осторожный и пакости дѣлаетъ осторожно. И что у васъ общаго съ нимъ? Вы — солидный инженеръ... съ именемъ, съ положеніемъ. Онъ — пришлый мальчишка. Кто и что онъ? Никто изъ насъ его толкомъ не знаетъ.

— А мнѣ онъ нравится, — заявилъ Навотный капризно.

— Да вы-то знаете его?

— Онъ работалъ у меня и понравился мнѣ. Для знакомства со мною этого достаточно. Я позволяю себѣ роскошь сходитьсѣ съ тѣми, кто мнѣ по вкусу. Не различая возраста или положенія. Борецъ бываетъ у меня. Я у него — также. Прошлымъ лѣтомъ онъ гостилъ у насъ въ Желанномъ... такъ мы съ женой влюбились въ него. Нѣтъ, онъ парень — хороший.

— Хорошій? Не слишкомъ ли поспѣшно сказано? Ваша неразборчивость можетъ возмутить. Эта готовность сблизиться съ кѣмъ угодно... что за излишекъ снисхожденія!

Выпяченная нижняя губа Заворотникова отвисла съ выраженіемъ брезгливости.

— Э, Евмейй Платоновичъ. Я и самъ нуждаюсь въ снѣ-

схожденіи. Да, если разсудить хорошенько,—человѣческія отношенія... они только на снисхожденіи и основаны.

— О, сколь примѣрное челоѣколюбіе.

— Скорѣе отсутствіе любви къ людямъ. Ихъ ставишь такъ невысоко, что ровно ничего отъ нихъ не требуешь. Борець—даровитый челоѣкъ. Съ нимъ пріятно. И работникъ онъ. Миѣ жалъ, зачѣмъ убрали его отъ меня къ Славензону.

— Вы слишкомъ выдвигали его.

— Онъ того вполне заслуживалъ. Боюсь, что теперь его слишкомъ затирать будутъ.

Заворотниковъ перевелъ рѣчь на другое.

— Значить, вы докладъ изучите?

— Охотно.

— И когда дадите отвѣтъ?

— Да когда же? Хоть завтра.

— Такъ скоро?

Навотный безпечно усмѣхнулся. Начальникъ дорогъ полу-вздыхнулъ. И послѣ вспомнилъ:

— Кстати... Читали вы? Инженеръ Борисенко, начальникъ Степныхъ дорогъ...

— Назначенъ директоромъ департамента? Какъ же, читалъ. Вчера еще.

— Я близко знаю его. Товарищи по институту.

— Способный инженеръ?

— Такъ себѣ. Среднихъ способностей. А вотъ поплылъ. И еще выплыветъ. Теперь открыть путь. Впрочемъ... еслибы позвали меня... Въ директоры департамента?—благодарю покорно. Другихъ изъ начальниковъ дорогъ въ министры брали. Чѣмъ же я хуже? Моя эрудиція побольше многихъ и многихъ. Вѣдь Заворотниковъ—двуствольный, такъ сказать, инженеръ: горный и путей сообщенія. Немного такихъ у насъ отыщутъ.

— Да, да,—скачая, подтвердилъ Навотный. На него продолжительная бесѣда съ Евменомъ всегда нагоняла скуку. Ради развлечения захотѣлось сошкольничать. Опъ полутаинственно замѣтилъ:

— А какому я новому пасьянсу, Евменій Платоновичъ, научился! Отдай все, и мало.

— Ну?

Сѣрые вставные зубы Заворотникова ненатурально и мертво блеснули.

— Пасьянсъ захватывающаго интереса. И названіе оригинальное: „Выселеніе евреевъ“.

— Подите вы, съ названіями вашими. Навѣрно сами придумали.

— А вы же раскладываете „Прекрасную Люцію?“ И „По-

лушарія“, и „Четыре угла“? Есть „Солнечные часы“, „Осажденный городъ“, „Англійская конституція“... отчего не быть „Выселенію евреевъ“? А интересно. Даже увлекательно. Еслибы карты, показали бы сейчасъ.

Заворотниковъ сдѣлалъ стремительное движеніе къ письменному столу, но что-то сообразилъ и остался на диванѣ.

— Да, жаль. Нѣту картъ,—настороженно произнесъ онъ.

Навотный понялъ, что перетягиваетъ струну. Заговорилъ серьезно и невинно:

— А я и безъ картъ могу рассказать. При вашемъ опытѣ вы и такъ усвоите. Пасьянсъ въ двѣ колоды. Съ двойками. Раскладывается открыто шесть рядовъ по шести картъ. Если въ одномъ и томъ же ряду вдоль или поперекъ лягутъ: король, дама, валетъ,—ихъ отбрасывать. Это выселяется еврейское семейство: тателе, мамеле, Мойшеньке... Затѣмъ вынимать по двѣ карты изъ каждаго ряда въ длину или въ ширину, но такъ, чтобы сумма ихъ очковъ составляла одиннадцать. Десятка съ тузомъ, двойка съ девяткой, восьмерка съ тройкой. Пустыя мѣста заполняются новыми картами изъ запаса. Когда запасъ истощится, остающіяся карты перекладываются съ послѣднихъ мѣстъ на свободныя первыя. Конечная цѣль,—чтобы вышли изъ рядовъ всѣ карты. Тогда евреи выселены.

Заворотниковъ слушалъ съ интересомъ. Повидимому, живо представлялъ передъ собою ходъ пасьянса.

— А вѣдь это такъ,—сообразительно одобрилъ онъ, выслушавъ.—Легко можетъ выйти. На счетѣ одиннадцать основано много примитивныхъ пасьянсовъ. Неголоволомно и быстро, вотъ что—хорошо. Не надо думать... Истинный отдыхъ для головы послѣ работы. И занятно.

— Увлекательно,—поправилъ Навотный.

III.

— Такъ никогда?

— Никогда.

— А я вамъ скажу, что это выдумки. Психологія... Прѣснятина. Дружба? У меня съ вами—дружба! Нѣтъ-съ. Это вы—въ романъ. Въ романъ, въ романъ. Оставьте на то время, когда будете писать романы.

— Я? Романы?

— Обязательно. И съ психологіей. Вотъ тогда и станете раздѣлывать подъ шлифъ вашу идею дружбы. Дружба, это—для романа. Въ жизни такого простофили не сыщете

Августъ. Отдѣлъ I

Тѣмъ болѣе не я буду являть образецъ этого. Я „психологъ“ не выношу органически.

— Вы грубы.

— Поставимъ книги на полку и обратимся къ жизни. Въ жизни будетъ по-моему. Настанетъ моментъ, когда вы сами посмѣетесь надъ вашимъ: никогда. Вмѣстѣ со мною, Октавія Владиміровна.

— Посмотримъ.

— Увидите.

Раздѣленные овальнымъ столикомъ, они глядѣли другъ на друга, какъ упорные и властные враги, изъ которыхъ ни одинъ не пойдетъ на уступку.

Навотный рѣзко поднялся съ кресла, едва не потащилъ за собою со стола поблекшую бархатную скатерть. Потомъ сталъ ходить по тѣсно-загроможденной комнатѣ. Онъ ненавидѣлъ эту „меблирашку“. И парадную часть ея,—жалкое подобіе не то гостиной, не то столовой съ двумя окошками во дворъ,—и крошечную прихожую, полутемную и безобразную, гдѣ за платянымъ шкафомъ и за драпировкой спрятаны были кровать съ умывальникомъ.

— „Какъ тамъ, должно быть, душно спать. И что за отвратительная конура вся меблирашка“...

Навотный былъ золъ, раздраженъ, обезкураженъ, обиженъ. И, не смотря на то, продолжалъ испытывать непреодолимую нѣжность къ этой, почему-то заполонившей его женщины. Въ немъ клокотало странное для него, едва-ли доступное анализу двойственное ощущеніе. Напряженное влеченіе къ Октавіи Владиміровнѣ и страстная на нее злоба, гнѣвная возмущенность. Въ головѣ отъ прилива злобной страсти стояла толча, безпомощно крутились обрывки фразъ мыслей, желаній. Хотѣлось сказать Октавіи Владиміровнѣ, что-то колкое, обидно-насмѣшливое, иронически-задѣвающее, хотѣлось проявить свое превосходство, больно пристыдить, унижить... Но не находилось ни словъ, ни отваги.

Навотный молчалъ, продолжая ходить въ тѣснотѣ съ тою неожиданной легкостью въ походкѣ, какая иногда бываетъ у крупныхъ и грузныхъ людей. Онъ упрямо избѣгалъ взглянуть въ уголъ, гдѣ сидѣла въ креслѣ у стола Октавія Владиміровна.

А Октавія безбоязненно смотрѣла на него, откровенно переводила глаза изъ одного конца комнаты въ другой по мѣрѣ того, какъ шагала Навотный. Она присматривалась къ Навотному, будто видя его впервые. И сама не могла истолковать, почему это раньше онъ былъ въ ея глазахъ такъ несложенъ, а теперь становился чѣмъ дальше, тѣмъ менѣе уловимымъ и понятнымъ? Прежде Октавія думала о

немъ: изъ тѣхъ, кого принято называть „blasé“ и „vivent les bagatelles“, — пресыщенный, переизбалованный всею своею жизнью, своею женой, цѣлымъ полчищемъ другихъ женщинъ. Лѣнивый, но не безъ таланта въ своей сферѣ... Исповѣдуетъ культъ тѣлоугодничества, презираетъ чужія порицанія, не цѣнитъ похвалъ, обращая ихъ въ иронію. Принципіально безпринципенъ, знаетъ всему ходовую цѣну, ничему не придаетъ значенія... Это было такъ ясно, и этимъ Навотный исчерпывался всецѣло. А теперь, чѣмъ ближе узнавала его Октавія, тѣмъ больше померкалъ для нея былой обликъ Навотнаго. Представлялось въ немъ иное, болѣе сложное содержаніе. Прежнія понятія и выводы спутывались, переплетались съ новыми. Казалось, будто въ Навотномъ пребывалъ не одинъ, а нѣсколько разнородныхъ человѣческихъ характеровъ. Онъ, его индивидуальность дѣлалась менѣе и менѣе уловимыми и влекли къ себѣ, какъ влечетъ все неопредѣлимое, непонятное. Попутно съ этимъ развивалась въра въ хорошія возможности, заключающіяся въ Навотномъ. Созрѣвало убѣжденіе, будто Навотный не пользуется этими возможностями, не проявляетъ ихъ только по безшабашности своей, по безпечной лѣни и изъ удализма. Даже явные недочеты Навотнаго уже не возмущали, не отталкивали. Октавія представлялось, что они наносные, случайно-налипшіе. Что неприглядная корка, выросшая на духовномъ обликѣ Навотнаго, — не существенная и временная, могущая отпасть и исчезнуть, не оставивъ вліянія. Самъ же онъ — въ основѣ, въ грунтѣ души своей, какой-то особенно хорошій, достойный безоговорочныхъ симпатій...

Навотный остановился у столика, раздѣлявшаго ихъ кресла. Онъ произнесъ злобно и угрожая:

— Но вы же кончите тѣмъ, что...

— Стану вашей содержанкой? Никогда.

— Прошу замѣтить: грубое слово содержанка произнесено вами, а не мною.

— Грубость мысли страшнѣе грубости слова. Я назвала то, о чемъ вы думали.

Навотный сдѣлалъ возмущенно-досадливое движеніе и умолкъ. Онъ испытывалъ большое желаніе выругаться покрѣпче. А выругаться боялся, хотя, на его взглядъ, и слѣдовало бы. Изъ всѣхъ знакомыхъ ему женщинъ Октавія Владиміровна была единственной, предъ которой онъ ощущалъ робость. Онъ, — всегда предприимчивый и развязный съ женщинами. Это и злило, и умиляло его.

Навотный сѣлъ въ кресло, на прежнее мѣсто. Искоса наблюдалъ Октавію, тоже примолкшую. Такая она, сравни-

тельно съ нимъ, маленькая, неловкая, слабосильная... Только протянуть руку... и была бы смята, была бы вся въ его власти. Но протянуть-то руку и не хватало отваги. Въмѣсто того Навотный обидчиво проговорилъ жалующимся голосомъ:

— Ну, да. Вы смотрите на меня, какъ на ничтожество. Для васъ я пошлякъ, виверъ. Развратничающій инженеръ-костоломъ. Не болѣе.

— Это сказали вы. А не я, — повторила Октавія его недавнюю фразу.

Навотный кипятился, уязвленный.

— Но я то-разгадалъ ваши думы. Знаю, знаю, какъ вы обо мнѣ мыслите. У васъ готовыя для всего расхожіе трафареты. Для меня: эпикурействующій, распутный инженеръ, и то не изъ разборчивыхъ. Если хотите, это такъ. Но вѣрно, да не совсѣмъ. Остается еще кое-что, чего вы величественно не примѣчаете. Ну, и не примѣчайте. Думайте, что хотите, а я не ржусь ни въ чьи перья. Не рисуюсь не передъ кѣмъ. И пусть меня цѣнятъ такого, каковъ я есть.

— И пусть цѣнятъ, сколько хотятъ. Но... Что вы на меня кричите?

— Я люблю васъ — сказалъ Навотный сердито.

— Даже любите?

— Сомнѣваетесь?

— Сомнѣваюсь. Вы не изъ тѣхъ, которые любятъ.

Онъ опѣшилъ. Замолчалъ, не находя, что отвѣтить. Долго въ упоръ глядѣлъ на Октавію съ вновь нахлынувшей злостью. Въ приливъ злобности пытался охладить, разочаровать себя. Думалъ непочтительно и ядовито:

— „И что въ ней? Эти полумонгольскіе глаза, широковатый ротъ. Уже не первой юности, начала полнѣть... Неграціозная въ движеніяхъ... Десятки, сотни женщинъ лучше ея. Можно сказать, некрасива даже. Нѣтъ игривости, нѣтъ кокетства... ничего искрометнаго. А вотъ... нравится. Какое-то подсознательное пристрастіе и противъ него не прищещь средства.

Повторялъ себѣ еще и еще о несовершенствахъ этой „безтолковой“ Нецадимъ... Но растерянно замѣчалъ, что гложущая сила влеченія не хочетъ пойти на убыль, сколько бы онъ ни расхолаживалъ себя.

При встрѣчахъ съ Октавіей и не видя ея, Навотный относился къ ней одинаково неровно. То придавалъ ей все лучшее, что могъ вообразить въ человѣкѣ, то отменялъ хорошее и надѣлялъ ее свойствами почти негоднаго существа. Постоянно или преувеличивалъ, или преуменьшалъ ея достоинства и недостатки. Не находилъ умѣнья взгля-

нута на нее спокойно и критически, какъ на другихъ правившихся ему женщинъ...

Послѣ долгаго молчанія Навотный сказалъ уже не злобно а съ растерянностью, которая вопіюще не гармонировала съ его обычнымъ видомъ самоувѣреннаго и довольнаго собой удачливаго женолюба.

— Я бы женился на васъ. Но это невозможно.

— Не добиваюсь, чтобы женились,—отвѣтила Октавія.

— Тогда бы вы повѣрили мнѣ. Но я не могу. Какъ заговорить? Какъ сказать? Просить у нея... у жены развода? Немыслимо. Она стара. У нея сольное сердце. И стыдно, наконецъ. Вѣдь не стѣсняетъ меня? Но и такъ нельзя продолжать. Что же дѣлать?

— Не напускать на себя несуществующихъ чувствъ. Не воображать того, чего нѣтъ.

— Я ничего не воображаю.

— Все вы внушили себѣ. И все—игра вашей фантазіи. Одно упрямство. Многолѣтній капризъ. Досада на случайную неудачу.

Октавія говорила насмѣшливо. А видѣла, что Навотному отъ ея словъ больно, что онъ ищетъ и не находитъ доказательствъ серьезности своего къ ней отношенія. Было жаль его, непривычно-растеряннаго, робѣющаго. Но доставляло неизъяснимое наслажденіе сознавать, что онъ страдаетъ, и изъ-за нея. Мучительство хотѣлось продолжить надолго, до послѣднихъ предѣловъ. Никогда не бывалъ столь близокъ и дорогъ для Октавіи Навотный, какъ въ такія минуты.

Навотный говорилъ, опять жалуясь, бичуя себя больше прежняго.

— Ну, да, я—скверный, дрянной, распущенный. Я васъ не стою... все это такъ. И развратенъ я... И много женщинъ пршло черезъ мои руки... Ихъ было много, я не скрываюсь. Но ни къ одной не чувствовалъ я того, что къ вамъ. А вы говорите: никогда. Почему: никогда?

Октавія Владиміровна молчала.

Навотный началъ снова.

— Вы боитесь какихъ-то новыхъ огорченій. Находите, что достаточно съ васъ и прежнихъ... съ Нещадимомъ. Но почему я долженъ нести расплату за... ваши разочарованья? Держать отвѣтъ за Виктора Нещадима? За то, что онъ былъ плохимъ мужемъ... измѣнялъ вамъ, третировалъ васъ какъ...

— Я попрошу не касаться этого. То мое, личное дѣло. Только мое.

— Какъ только ваше... если и я долженъ отвѣтствовать за вашего Виктора? Если изъ-за него вы мнѣ представляете

ваше царственное; никогда? Вы тогда отвергли меня... а что выиграли отъ супружества съ Нещадимомъ? Вывозили его на своихъ плечахъ... Можно сказать, содержали! пока онъ готовился облачиться въ тогу великаго юриста...

— Я васъ просила помолчать.

— Не хочу я молчать. Вы содержали его. Потеряли вашу пенсію. Бросились давать уроки. Нахватали въ управленіи работы на домъ. Подурнѣли, заработались, извелись... глядѣть на васъ было вчужѣ обидно. Какихъ жертвъ не приносили вы! И что же? Викторъ вашъ, едва пробравшись въ люди, сталъ мѣнять васъ на любую искательницу приключеній. И вы все терпѣли... все переносили безропотно.

— Оставьте. Вамъ не понять этого.

— Куда ужъ мнѣ. Мнѣ ли постигнуть. Но я понимаю зато другое: что женскія жертвы не сближаютъ, а разъединяютъ. И мнѣ моя жена принесла жертвъ не мало. Въ былыя времена говорили, будто она выдумала меня. Выдумала и создала, какъ инженера. И тутъ былъ кусочекъ правды. Она заставила меня кончить институтъ. Везила за границу, побуждала работать. Но это-то и оттолкнуло меня отъ нея... было первымъ толчкомъ, насъ разъединившимъ. Мужчина не прощаетъ, если его создаетъ и выдумываетъ женщина. Одинъ мой товарищъ женился на особѣ изъ публичнаго дома. На отверженной, падшей женщинѣ. Представьте, это былъ счастливый бракъ. И я понимаю товарища. Хочется видѣть подлѣ себя такую жену, которая всею, рѣшительно всею тебѣ обязана. Понялъ бы это и Викторъ Нещадимъ.

— Возможно.

— Вамъ тоже было съ нимъ скверно. Вы лишь изъ гордости не хотѣли сознаться. Не сознаетесь и донынѣ. А сожалѣли не разъ, зачѣмъ вышли за него. Вѣдь такъ легко было устроить жизнь иначе... но вы не пожелали.

— То-есть, не бросилась на встрѣчу чести-стать одной изъ вашихъ наложницъ? По примѣру Закржевской? Или Небойко? Но участь Магдалины Закржевской не плѣняла мое воображеніе.

— Еще къѣмъ попрекнете меня! Закржевская?.. *Simpatie d'epiderme*... маленькое чувственное плеченіе. И изъ этого создавать „трагедіи“? Господи Боже, ядыко небесъ! Спросите кого угодно, всякъ скажетъ, что такое эта управленская *agresse*,—Магдалина Закржевская. Ходила по рукамъ... пока была помоложе. Къ не хотѣлъ, не былъ близокъ съ нею. Ну, былъ и я... что же изъ того?

— Ничего. Я хочу сказать, что ея ампула не представляется мнѣ лестнымъ. Меня обижаетъ, когда я вы, и другіе... Мои сослуживцы, примѣръ... думаютъ, будто я также...

не прочь приѣзжать на службу на собственномъ рысакѣ, пока я... помоложе.

Навотный вспылчиво и быстро всталъ на ноги.

— О! Что за тяжелый характеръ! Непереносимый... Теперь я начинаю понимать, кто довелъ несчастнаго Нецади-ма до пули. Растрата — что. У рѣдкаго адвокатика не бываетъ растраты. Не безвыходная бѣда, можно уладить. Но когда приходится жить бокъ-о-бокъ съ существомъ, лишеннымъ душевной мягкости...

Разсердилась распаленно и Октавія Владиміровна.

— И прекрасно. И оставьте меня съ моимъ невыносимымъ характеромъ.

— И оставлю. Но раньше скажу: будь вы женщиной, болѣе мягкой, не столь жестокой, менѣе нетерпимой... Нецадимъ могъ бы дружески, откровенно поговорить съ вами. При вашей поддержкѣ найти иной исходъ. А теперь онъ гнѣтъ въ гробу... лѣтъ на сорокъ раньше положеннаго ему срока.

Эти слова ранили въ наболѣвшее мѣсто. Октавія крикнула, какъ при нанесеніи физической боли:

— Я еще разъ прошу не касаться этого! Вы хотѣли уйти? Сдѣлайте одолженіе. Уходите и... не возвращайтесь.

— И уйду. Уйду-съ, уйду. Вы слишкомъ испытываете мое терпѣніе. Уйду и не возвращуся.

— Отлично сдѣлаете.

— Имѣю честь кланяться.

— Прощайте.

Навотный демонстративно убралъ со стола свой портсигаръ. Вышелъ, невольно стукнувъ въ сердцахъ дверь.

Раздѣвался онъ внизу, у швейцара меблированныхъ комнатъ. Ему предстояло пройти сперва по затхлому коридору, потомъ по лѣстницѣ, спускаясь съ третьяго этажа. Онъ шелъ нога за ногой, поджидая предложенія вернуться.

И Октавія, прислушиваясь, замерла на мѣстѣ. Надѣялась и она, не возвратится ли Навотный. Было остро, томительно жаль, зачѣмъ онъ ушелъ, и было страшно: а вдругъ не вернется? Не вернется совсѣмъ, ни сейчасъ, ни завтра, ни потомъ?... Голосъ инстинкта, чисто-женскаго предвидѣнія подсказывалъ: вернется. Если не сейчасъ, то завтра, потомъ.

IV.

На улицѣ Навотный задумался, не зная, куда дѣвать себя.

Злость сразу потухла въ немъ, смѣнилась апатіей. Уже сгустилась темно-весенняя ночь, погасивъ долгія сумерки.

Не хотѣлось никуда, и пуще всего не хотѣлось домой, гдѣ ничего не оставалось иного, какъ лечь спать или сѣсть за работу. Спать было рано, о работѣ — отвратительно вспомнить.

Навотный направился влѣво — безъ опредѣленнаго замысла.

Свернулъ за уголъ, миновалъ улицу, часть другой и набрелъ на меблированный домъ Люксъ, гдѣ жилъ Борець. Въ угловыхъ окнахъ верхняго этажа виднѣлся зеленоватый свѣтъ отъ затѣненныхъ абажурами рабочихъ лампъ. Значить, Борець дома и корнитъ надъ проектами въ кабинетѣ. Въ Навотномъ всплыло капризное желаніе оторвать Борца отъ его чертежей. Зайти, поболтать, вытащить на кутежъ, расшевелить не по лѣтамъ благоразумнаго человѣка, который во всякое время умѣетъ сѣсть за работу. Зажжетъ нѣсколько лампъ и усидчиво высидитъ у письменнаго стола, пока не прикончитъ задуманнаго.

— Странный малый...

Навотный вошелъ въ подъездъ Люкса. Борець занималъ меблированную квартиру въ нѣсколько крошечныхъ комнатъ, держалъ своего лакея. Поднявшись съ лифтомъ, Навотный позвонилъ у дверей.

— Что, Леонтій Макаровичъ очень занятъ?

Изъ кабинета Борець узналъ знакомый голосъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Максимъ Андреевичъ. Очень радъ. Пожалуйста.

Борець въ прихожей пожималъ руку Навотнаго и говорилъ своему человѣку:

— Чаю намъ, Пантелеймонъ. Максиму Андреевичу покрѣпче. И погасите свѣтъ въ кабинетѣ.

На порогѣ гостиной онъ повернулъ выключатель, освѣтивъ сверху традиціонное убранство мебелишки — сортомъ почище той, которую только что покинулъ Навотный. Комната напоминала Навотному недавнее свиданье съ Октавіей Владиміровной. Воспоминаніе было щемяще-тоскливо. Хотѣлось отмахнуться отъ него, забыться, разсѣяться...

Навотный сѣлъ на диванчикъ, досталъ портсигаръ, закурилъ и весело сказалъ Борцу, хорошо скрывая свое подлинное настроеніе:

— А! Чтобы не забыть... Третьяго дня при осмотрѣ дорогъ Славензонъ говорилъ мнѣ о васъ. Что вы — талантливый. Что прогрессируете у него. И — замѣтно.

— Очень радъ... если онъ это находитъ, — произнесъ Борець сдержанно.

Славензона онъ ставилъ невысоко, похвалъ его не прилагалъ значенія. Другое дѣло, еслибы похвалили самъ Навотный. У этого — Борець признавалъ и талантъ инженера

и пониманіе. Свидѣтельствовалъ же теперь о своей радости изъ любезности къ Навотному, къ его доброжелательному сообщенію.

— А еслибы раскритиковалъ васъ Славензонъ... были бы огорчены?—спросилъ вдругъ Навотный лукаво.

Борецъ уклончиво привелъ вмѣсто отвѣта:

— „Не бойся ѣдкихъ осужденій, но уповительныхъ похвалъ“.

— О, благоразуміе. И... смиреніе. Только знаете что? Я въ вашу смиренность не вѣрю. То же самомиѣніе, доведенное до рафинированной скромности. Вы, пожалуй, и сами считаете свою скромность искренней. Но вытекаетъ она отнюдь не изъ смиренія.

— Со стороны виднѣе,—отозвался Борецъ привѣтливо и спокойно.—Себя вѣдь не знаешь. Мало ли что таится тамъ... внутри души.

Навотный съ открытой недоумѣнностью смотрѣлъ на Борца.

Хорошо сложенный брUNETъ малороссійскаго типа, тонкій въ таліи и широкій въ плечахъ, гибкій и выносливый, съ губами розово-вишневаго цвѣта и съ глазами, заставляющими вспоминать о черныхъ черешняхъ,—Борецъ привлекалъ любопытство Навотнаго.

Въ такіе годы, при его внѣшности, и столько выдержки въ трудѣ, столько разсудочной настойчивости. Отрѣшенность отъ жизни — чуть не аскетическая. Вся энергія, весь пылъ души — устремлены на одну работу, — неустанную, упорно-систематичную, не надоѣдающую... Работа у него — точно спортивное состязаніе. Вродѣ бѣга на призъ или состязательнаго плаванія. Своего рода азартная игра. Намѣтилъ цѣль: выбиться въ крупные инженеры. Выбиться, не имѣя протекціи, безъ заручки извнѣ. И идетъ, идетъ къ цѣли безъ уклоненій, находя, должно быть, удовлетвореніе въ самомъ процессѣ достиженія...

Теоретически Навотный постигалъ это. Но самъ поступать такъ не былъ способенъ. Въ примѣненіи къ жизни поведеніе Борца оставалось удивительнымъ для Навотнаго, и, какъ все удивляющее, занимало и правилось.

Пантелеймонъ подалъ на подносѣ чай, много сухарей и печенья, лимонъ на блюдечкѣ и ромъ въ графинѣ.

Навотный взялъ стаканъ съ горячимъ чаемъ, отпилъ нѣсколько глотковъ, долилъ ромомъ и поставилъ передъ собой. А, когда Пантелеймонъ ушелъ, устало пожаловался.

— Истрепался я къ ночи. Днемъ Евменъ меня выварилъ. Сейчасъ тоже... невесело провелъ время.

— Евмень?—съ живостью спросилъ Борець.—Чѣмъ выварилъ?

Его интересовало все, что касалось начальника дорогъ, который почему-то—Борець зналъ это—относился къ нему отрицательно.

— Долгой бесѣдой своей. У него талантъ говорить обо всемъ скучно-скучно. И—ничего человѣкъ, есть много хуже. Но скука подлѣ него — непереваримая. Какъ въ пріемной дантиста... Когда васъ окружають кнелыя, искривленныя отъ зубной боли лица.

Борець сочувственно раземѣлся. По-молодому засверкали влажнымъ блескомъ его ярко-бѣлые зубы подъ темными, юношески-бархатистыми усами. Онъ напомнилъ:

— А какой авторитетъ передъ подвластными лицами! Непогрѣшимѣйшій первосвященникъ. И поминутно любитъ себя.

— Ну, любованіе собой—участъ бездарностей. А его авторитетность—шаткая скала. Непрочность кажущагося могущества. Авторитетнымъ онъ лишь прикидывается. Маскируетъ свою слабость... да и то не передъ всѣми.

Борець вздохнулъ.

— Но онъ на высотѣ. И кого не жалуешь, тотъ постоянно будетъ наткаться на его антипатію.

— Если вы о себѣ, то бросьте. Не возносите Евмена на незаслуженный пьедесталъ. Залогъ вашихъ успѣховъ не въ чужихъ содѣйствіяхъ, а въ васъ самомъ. Евмень же... у него умственный автоматизмъ. Невоспріимчивость къ новымъ впечатлѣніямъ. Кто для него новинка, тотъ и непріемлемъ. А попривыкнетъ, и начнетъ жаловать своимъ расположеніемъ.

— Но пока-то. Я ужъ подумывалъ... не уйти ли куда на другую дорогу?

— Выждите съ годикъ. А тамъ... можете перейти хоть на Елизаветинскія. На Елизаветинскихъ у меня всѣ—свои люди. Съ начальникомъ дорогъ—кумовья мы, служили вмѣстѣ. По телеграфу въ нѣсколько часовъ васъ устрою. Но Извѣлестыя—интереснѣй. Шире арена, болѣе глубокія воды.

— Благодарю, Максимъ Андренчъ. Я и безъ того такъ вамъ обязанъ...

— Пустяки. Никому вы не обязаны. Ни во мнѣ, ни въ Евменѣ не нуждаетесь. И безъ насъ дойдете до своей точки. Ваши способности и работы говорятъ сами за себя. Съ вашей обдуманной волей... Съ отсутствіемъ аффектовъ... Кому же и преуспѣвать, какъ не вамъ? Для васъ не существуютъ никакія страсти. Даже женщинъ, и тѣхъ не любите.

— Нѣтъ, отчего же?—возразилъ Борець.—Я ихъ, какъ и

вы, люблю тоже. Но мнѣ кажется... что вообще... никакой страсти нельзя давать надъ собой верховодства.

— Ха-ха...—засмѣялся немного натянуто Навотный. Онъ шутливо заговорилъ, отпивая небольшими глотками полустывшій чай.—Спрячьтесь вы, съ вашей каплуньей моралью. И это называется: инженеръ? Молодой инженеръ? Позоръ, позоръ... Гдѣ васъ вырастили? У маменькинаго подола? Нѣ-ѣтъ. Вы, господинъ хороший, закосѣли. Моралистъ вы, субъектъ съ филистерскимъ міропониманіемъ. Ваши принципы, конечно, благоразумны. Но вѣдь только неблагоразуміе свое и вспоминаешь потомъ съ удовольствіемъ. Удовольствіе же—единственное, ради чего можно жить.

— А работа?

— Печальная необходимость.

— Вы серьезно?

— Совершенно.

— Трудъ, какъ таковой, вамъ удовольствія не доставляетъ?

— Откровенно говоря, ни малѣйшаго. Надо одѣлать, я сдѣлаю. Прикажу себѣ, и выполню. Моя работа всегда запойная. И всегда—въ моментъ послѣдняго срока.

— Вотъ отчего она и утомляетъ васъ.

— Не столько утомляетъ, сколько надоѣдаетъ,—чистосердечно признался Навотный.—Если же не надо работать, тѣмъ лучше. Предпочитаю побездѣльничать. Или кутнуть въласть. Ба! идея. Не кутнуть ли намъ сегодня, Леонтій Макаровичъ? Знаете что? Ыдемъ? Меня что-то на кутежъ потянуло. Ыдемъ кутить.

— Кутить?—переспросилъ Борецъ.—Что за удовольствіе? Ну, чего тамъ хорошаго? Напьюся, потомъ женщины... Все—безъ удержу. И съ кѣмъ? Прожигатели жизни... кокетки.

— Простите. Съ кокетками я не кучу. У меня—любительницы. Исключительно онѣ. Вы знаете, что такое любительницы? Не знаете, держу пари.

— Участники любительскихъ спектаклей, что ли?

— Какихъ спектаклей? То-то и есть, что не знаете.

— Ну, не знаю.

— И пожалѣйте. Это интересно. Особый типъ женщины. Бытовое явленіе городской жизни. Молодые жены своихъ мужей. Иногда дѣвицы, дочери приличныхъ родителей. Изъ благородныхъ, но небогатыхъ дамъ. Охотницы разглѣяться, повеселиться... покутить на чужой счетъ. Да кстати и подработать себѣ на туалеты. Вы примѣтили, какъ здѣсь шикарно одѣваются женщины? Почти поголовно. Это и подталкиваетъ

сперва... Лиха бѣда начало... потомъ создается тайный отхо-
жій промыселъ. Весьма доходный.

— Гадость какая!

— Ай, не филистерствуйте вы. Чего тутъ? Дѣло обы-
денное. Есть особия штабъ-квартиры, откуда вамъ доста-
вать въ любое время такихъ любителей. Въ ресторанъ...
или куда вы скажете. Позвоните лишь въ телефонъ. Можно
выбирать по фотографіямъ. Въ специальныхъ альбомахъ.
Но въ штабъ-квартирѣ васъ должны знать. Иначе вы ни-
чего не достигнете. Столкнетесь съ гранитной добродѣтью.
А штабъ-квартира — это одна волоокая дама въ возрастѣ
выше среднего.

— Выходить, я не ошибся. Кокотки.

— Э! психологія, Леонтіи Макаровичъ. Отбросимъ пси-
хологію, къ черту ее, и... ѣдемъ. Сейчасъ наберу компанію
„невеличку, но честну“... И — на кутежъ. Охъ, напьюсь-же я!
Вдрызгъ, до чертиковъ, до портативности.

Навотный прошелъ въ кабинетъ, къ телефону. Борецъ,
допивая чай, прислушивался къ его распоряженіямъ. Вотъ
позвонилъ въ ресторанъ Жарденъ де-розъ. Назвалъ себя,
спросилъ управляющаго и сталъ заказывать кабинетъ.

— Что? Какой? Который побольше. Германскій? Можно
германскій. Да-да. Та-акъ. Черезъ полчаса буду. Да, да...
цвѣтовъ... Побольше уюта. Чтобы все было по моему. Что?..
а? Вы помните? Я знаю, что знаете. Да, хорошо. Оль-райтъ.
Отлично.

Онъ спросилъ номеръ 56—06 и сообщилъ:

— Говорить Навотный. Попросите Зою Петровну. Зоя
Петровна! Это вы? — тутъ онъ вкрадчиво понизилъ голосъ. —
Мое почтеніе. Я тоже... тоже очень радъ. Вотъ что, милая
Зоя Петровна. Я бы попросилъ... да, да, да... вы угадали,
О, разумѣется: васъ съ дамами. Какихъ? Помоложе, и —
только приличныхъ. Покрасивѣй, понятно. Да, благодарю,
тогда былъ доволенъ. Но теперь попросилъ бы что-нибудь
новенькое. А? Ха-ха... Конечно, повтореніе всегда не то, Зоя
Петровна. Только вы одна-многогранная. На вашъ вкусъ,
на вашъ вкусъ, дорогая. Будете и сами? Оль-райтъ. Жарденъ
де-розъ. Въ германскій кабинетъ... Черезъ полчаса я тамъ.
Цѣлую ваши ручки. Оль-райтъ. Буду ждать васъ.

Навотный далъ отбой.

Послѣ началъ переговоры съ знакомыми. Приглашалъ.
Повторялъ: „Оль-райтъ!“ „Я жду“ „Жарденъ де-розъ“... —
„Черезъ полчаса“... И звонилъ въ новое мѣсто.

Борецъ, не дослушавъ, поторопился въ спальную, пере-
одѣться.

V.

Отъ Люкса къ Жарденъ де-розъ поѣхали на лихачѣ.

Самый большой пзъ ресторанныхъ кабинетовъ,—германскій—былъ ярко освѣщенъ. Борецъ попалъ сюда въ первый разъ и осматривался.

Старо-германскій стиль комнатной отдѣлки, массивная до некрасивости мебель.

Какъ два громадныхъ костра, горять другъ противъ друга зажженные каминны. Лакеи, священнодѣйствуя, устанавливаютъ деликатесами закусочный столъ. Открыто піанино, приподнята крышка большого рояля. Столъ для ужина сервированъ среди комнаты, убранъ живыми цвѣтами въ стильныхъ вазахъ. У каждаго прибора по розѣ въ тоненькой стеклянной трубочкѣ на тяжелой подножкѣ. И вездѣ въ кабинетѣ много цвѣтовъ—въ букетахъ и отдѣльными вѣтками. Полъ затянута мягкимъ ковромъ. Въ сторонѣ обширная, густо заплетенная плющемъ бесѣдка. Тамъ горять розовыя лампочки и среди высокихъ лавровыхъ деревьевъ плещетъ напористый комнатный фонтанъ съ бассейномъ. За нимъ—алиповатый гротъ, въ гротѣ скульптурная группа. Напрыскано духами, маслянисто-сладкими, похожими на запахъ розоваго масла.

— „Это по ихъ кабацкимъ понятіямъ называется: создать побольше уюта“—думалъ Борецъ, приглядываясь. Онъ находилъ все претенціознымъ, банальнымъ, готовился скучать.

Навотный увлеченно совѣщался съ ресторанными заправами. Не успѣлъ Борецъ дожидаться окончанія этихъ переговоровъ, какъ стали съѣзжаться гости Навотнаго. Они не заставили себя ждать. Сначала прибыло нѣсколько мужчинъ, — инженеры помоложе и болѣе почтеннаго возраста, нестарый полковникъ въ саперной формѣ, молодой членъ суда съ пристриженными по модѣ усами, которые придавали его лицу глуповато-комическое выраженіе. Еще какія-то мужскія фигуры въ штатскомъ платьѣ. Появились и дамы,—Зоя Петровна и другія. Зоя Петровна—постарѣвшая, полурасплывшаяся, рыжеватая блондинка въ черномъ кружевномъ платьѣ. На ней много украшеній изъ цѣнныхъ камней. Каждымъ словомъ своимъ и движеніемъ старается показать, что съ Навотнымъ они старинные друзья, и только потому согласилась она принять его угощеніе въ ресторанѣ, и пріятельницъ своихъ привезла на ужинъ. Четыре пріятельницы—молодыя, хорошо одѣтыя и оживленныя—тоже старательно подчеркиваютъ свою приличность. Всѣ онѣ тотчасъ очутились дамами болѣе состоятельныхъ, хотя и не-

молодыхъ инженеровъ. А самая красивая, — Раиса Павловна, — приклеилась къ Навотному, едва успѣвъ съ нимъ познакомиться. Ея интересная внѣшность понравилась Борцу, заставила пожалѣть лишній разъ, зачѣмъ онъ инженеръ, еще ничего не добившійся... Брюнетка, высокая, съ тонкой фигурой. Глаза голубые, какъ цвѣтки полевого цикорія, блестяще-влажные, влекущіе. Вся она — томность, покорность и нѣга. Кто-то сказалъ подлѣ Борца, будто Раиса — жена зубного врача. Не такъ давно посѣщала музыкальное училище, — пока не вышла замужъ... Борецъ посматривалъ на Раису Павловну. Она же не видѣла и не слышала никого — кромѣ Навотнаго. Но Навотный разсѣянно принималъ ея исключительное вниманіе.

Набросились на закуску и сразу начали пить.

Разныя водки, коньякъ, еще что-то, очень крѣпкое, обжгали непьющему Борцу горло. Онъ пробовалъ и оставлялъ недопитыми предлагаемые Навотнымъ напитки. Навотный много пилъ самъ и успѣвалъ угощать гостей.

— Коньяку. Еще коньяку, Леонтій Макаровичъ, — приставалъ онъ къ Борцу. — Пейте еще.

— Не могу. Нельзя больше.

— Нельзя? Что за слова, не подходящія къ мѣсту сему? Здѣсь все можно. Да процвѣтаетъ вседозволенность.

За ужиномъ пили безъ мѣры. Пьянѣли дамы и мужчины. Пьянѣлъ и Борецъ — противъ воли. Онъ пилъ меньше другихъ. Остановился на старомъ венгерскомъ Эстергази, о которомъ говорили, что вино это — дамское. Вкусное и сладкое, оно казалось некрѣпкимъ. И отъ него голова оставалась какъ будто свѣжей. Но къ концу ужина Борецъ сталъ замѣчать, что ноги его расслаблены — словно парализованныя, и непривычное ощущеніе расслабленности было ему пріятно. За столомъ чрезмѣрно шумѣли. Смѣялись, выкрикивали въ нѣсколько голосовъ тосты, зачѣмъ-то двигали стульями, позванивали ножами о бокалы. Кто-то швырялъ въ Борца черезъ столъ пахучими розами, бросая одну за другою. Борецъ не могъ понять, Навотный ли бросаетъ въ него цвѣтами, или сидящая близко къ Навотному Раиса... Все мелькало безпорядочно и отрывочно, — точно врываясь на время въ затуманенное сознаніе. Но и въ туманной мглѣ опьяненности Борецъ примѣчалъ: не пьянѣетъ одинъ Навотный, хотя пьетъ много. Близко-близко придвигалась къ Навотному великолѣпная Раиса Павловна. Все упорнѣй устремляла на Навотнаго голубые, мерцающіе глаза. На красивомъ лицѣ ея была одна лишь готовность угодить хозяину пирушки, готовность на все, чего бы Навотный отъ нея ни

потребоваль. А Навотный, какъ и прежде, мало обращалъ на Раису вниманія.

Онъ скучалъ. Выраженіе напускной веселости и напускной безшабашности часто появлялось въ его глазахъ. И шутилъ онъ, и шумѣлъ, и посмѣивался вмѣстѣ съ остальными. Но кутежъ не взвинчивалъ его нервовъ, какъ бывало съ нимъ прежде. Сѣрые глаза его съ припухшими вѣками не туманились, смотрѣли насквозь проникательнымъ, много понимающимъ взглядомъ.

Послѣ ужина очутились въ бесѣдкѣ съ гротомъ. Шумъ голосовъ возрасталъ. Для Борца моментами наставлялъ провалъ сознанія, тогда онъ не отдавалъ себѣ отчета, что происходитъ. Сидѣлъ на диванчикѣ подъ большой пальмой, пытался сообразить, есть ли еще у него ноги? А если нѣтъ, то какъ же онъ добрался сюда отъ стола, за которымъ ужиналъ? Ногъ своихъ не чувствовалъ, и это смѣшило...

Погасили электричество, чтобы сварить жженку. Едва погасли розовыя лампочки, загорѣлся цвѣтными огнями фонтанъ бесѣдки. Въ центрѣ фонтана поднимался пирамидальнымъ тополькомъ водяной столбъ. По краямъ его загорались цвѣтныя струйки, кружились то выше, то ниже, переплетаясь, настигая одна другую. Смѣшивались цвѣта зеленый съ сиреневымъ, оранжевый съ малиновымъ, лиловый съ краснымъ. Потомъ все позолотилось, фонтанъ осѣлъ, сталъ походить на золотисто-огненный кустъ. Это смѣнилось пестротой, переплетались струи всѣхъ оттѣнковъ. Опять пошли цвѣта желтый съ лиловымъ, малиновый съ краснымъ. Было красиво, но у Борца уставало и безъ того утомленное зрѣніе. Смутно обижало и задѣвало его, что Раиса Павловна глядитъ на свѣтящійся фонтанъ, сѣдя на угловомъ диванчикѣ почти въ объѣтахъ Навотнаго...

Фонтанъ догорѣлъ. Заговорили о жженкѣ. Ее варилъ Навотный. На нѣсколько минутъ зажгли розовыя лампочки. Навотный съ серьезнымъ лицомъ смѣшивалъ въ матовомъ серебряномъ ведрѣ бѣлая вина съ шампанскимъ... Укрѣплялъ поверхъ ведра головку сахара съ углубленіемъ на верхушкѣ, лилъ на сахаръ коньякъ. На секунду стало темно. Навотный зажегъ спичку. Въ темнотѣ разливался синеватый свѣтъ подожженного спирта. Онъ еще не разгорѣлся, а Раиса Павловна, покинутая Навотнымъ въ углу на диванчикѣ, ловко пробралась, никого не задѣвъ, среди гостей, и сѣла рядомъ съ Борцомъ. Въ первое мгновеніе Борецъ такъ обрадовался, что даже не повѣрилъ этому. Подумалъ, не грезится ли послѣ венгерскаго? Но Раиса откинулась назадъ, удобно привалившись къ спинкѣ дивана. Эта поза приблизила ее къ Борцу. Ему слышенъ сталъ запахъ ея

духовъ, рѣзковатыхъ и пряныхъ. Спиртъ горѣлъ сильнымъ пламенемъ, полусвѣщая въ бесѣдкѣ и гротъ, и плещущій фонтанчикъ, бѣлыхъ амуровъ въ гротѣ, зеленые, но будто неживые листья лавровъ. Лица гостей посинѣли, начали казаться мертвенными. Въ полусвѣтѣ перебрасывались шутками, что-то запѣвали и не доканчивали, безтолково смѣялись, подсаживались ближе къ дамамъ... Ранса уже сидѣла вплотную возлѣ Борца, Борецъ ощущалъ теплоту ея разгоряченнаго тѣла. Близость къ ней навѣвала блаженно-радостное ощущение. Но оно отравлялось опасливой боязнью, что Навотный покончитъ со жженкой, зажгутъ элекричество и Ранса снова прилѣпится къ Навотному. Это возмущало Борца противъ Рансы, пробуждало въ немъ пренебреженіе, презрительность. Но пріятно было думать, что, предоставленная въ темнотѣ самой себѣ и своимъ безкорыстнымъ вкусамъ, Ранса выбрала его, а не другого. Выбрала, по безотчетному влеченію, въ силу одного изъ тѣхъ малопонятныхъ для людей тяготѣній, которыя почти всегда оказываются взаимными.. И хотѣлось сидѣть вотъ такъ вплотную близко къ разгоряченной Рансѣ, позабывъ о всемъ остальномъ.

Спиртъ горѣлъ и горѣлъ. Навотный поливалъ сахаръ.

Подлѣ грота кто-то предложилъ:

— Спѣть бы хоромъ? Составимъ хоръ.

Поддержали съ нѣсколькихъ сторонъ.

— Хоръ. Хоръ.

— Споемъ хоромъ.

Не было запѣвалы. Предложили запѣвать Навотному, и онъ согласился.

— Оль-райтъ. Только врядъ-ли въ голосѣ. Задѣру у меня что-то мало сегодня. Что же пѣть? Споемъ: „Эй, вы, ну-ли?“

Ранса Павловна недовольно возразила:

— Ну, зачѣмъ? Солдатская пѣсня. Другое что-нибудь.

Навотный заупрямился.

— Поемъ „Эй, вы, ну-ли“.

Онъ затянулъ пѣсню молодого ямщика съ удалской тоскливостью въ голосѣ.

Ахъ, какъ скучно,
Ахъ, какъ грустно.
День идетъ не въ день.
А бывало, распѣвалъ я,
Шапка набекрень.

Пѣлъ хриповатымъ, уже надтреснутымъ баритономъ съ басовыми переливами въ иныхъ мѣстахъ, вкладывая въ пѣніе много печальной выразительности. Кончилъ куплетъ, и хоръ подхватилъ вслѣдъ за нимъ:

Эй, вы, ну-ли..
 Что заснули?..
 Швелись—лети,
 Воронье-удалые,
 Гривачи мои!

У Раисы Павловны оказался недурной голосокъ, довольно обработанный. Распѣлся и блаженно-опьянѣвшій Борецъ, пріятно удивленный голосовыми средствами красивой Раисы.

Чѣмъ дальше, тѣмъ грустиѣ становилась исповѣдь ямщика про исторію его недолгой любви. „Мать узнала, все пропало, Любу заперла... И изъ дому за Ерѣму замужъ отдала“. Звучалъ и припѣвъ—будто печальнѣе, хотя не терялъ оттѣнковъ залихватской удалы. Ямщикъ грозилъ, что другую молодую выберетъ жену: въ темномъ борѣ на просторѣ гибкую сосну... И, будто очнувшись, понукалъ тройку, а за нимъ подхватывалъ и хоръ, проникаясь его скорбью:

Эй, вы, ну-ли..
 Что заснули?..

Дошло и до фінала пѣсни.

Время минетъ,
 Кровь остынетъ
 И уснетъ печаль..
 Вороную, удалую
 Мнѣ лишь тройку жаль.

Послѣднее: „Эй, вы, ну-ли“...—захватило и Навотнаго, и хористовъ. Вышло удачно, и жаль было, что кончили.

Провалился въ ведро растопившійся сахаръ, вспыхнуло въ розовыхъ лампочкахъ электричество.

Навотный помѣшивалъ жженку и говорилъ:

— Что это однако? Попойка со слезою. И вечеръ будто не мой. Не развлеченье, а психологія. Къ черту психологію. И къ черту женщинъ съ психологіей. Не хочу! Баста.

Онъ, забывшись, сводилъ счеты съ кѣмъ-то воображаемымъ. На зло этому воображаемому существу призывалъ въ эксперты Раису.

— Правда, Раиса Павловна, безъ психологія лучше?

Она отпрянула отъ Борца, словно ее оттолкнули съ большою силой. Горячо соглашалась съ Навотнымъ, опять прищиплилась къ нему... Жженка была готова, Навотный разливалъ ее ковшикомъ. Пить возвратились въ кабинетъ. Пряная, сладкая, сильно-пьянящая жженка погасила въ Борцѣ послѣднюю ясность мысли. Мгновенія просвѣтленія дѣлались все отрывочнѣе, провалы продолжительнѣй.

Молодой членъ суда проигралъ на рестораннымъ роялѣ

нѣсколько шопеновскихъ этюдовъ. Сказалъ: „Это не рояль, а „тарабанъ“. Но потомъ сыгралъ,—и не плохо,—Лунную сонату. Раиса начала пѣть подѣ аккомпаниментъ Зои Петровны. Пѣла съ замирающе-томными паузами между слогами словъ:

Аа-ахъ!.. люблю-у... я-а... тебя-а!..

Не отда-амъ никому!

Вѣрно, ея пѣніе или самая томность мотива напомнили Навотному непріятное. Онъ стукнулъ рукой по столу и повелительно сказалъ:

— Не надо. Не это. Пойте другое... Безъ психологій.

И Раиса послушно запѣла: „Отдай мнѣ эту ночь!“ И еще романсъ, гдѣ былъ призывъ: „О, позабудь бывшя увлеченья“...

Что происходило дальше, Борецъ по возвращеніи домой не помнилъ. Не могъ возстановить и того, какъ попалъ къ себѣ въ Люксъ, кто его доставилъ...

Навотный изъ Жарденъ-де-розъ поѣхалъ на лихачѣ съ Раисой Павловной.

Когда отѣхали отъ ресторана, онъ предложилъ:

— Не покататься ли намъ? Скоро разсвѣтъ. Хочется воздуха.

— Поѣдемъ.

Раиса согласилась, но разочарованно, будто ждала чего-то другого.

— Вези къ восходу солнца,—сказалъ лихачу Навотный.— И трогай.

Лихачъ понесся во весь духъ лошади.

— А потомъ, куда?—задыхаясь отъ быстроты движенія, спросила Раиса.

— А вамъ куда хочется?—произнесъ Навотный дерзко, съ безцеремонной пытливостью разглядывая лицо спутницы въ предутреннемъ, еще мгlistомъ свѣтѣ.

— Я не знаю... куда вы хотите.

Онъ отвернулся и отвѣтилъ грубо:

— Никуда я не хочу. Эй, извозчикъ... поворачивай назадъ. Не надо.

Лихачъ невозмутимо замедлилъ ходъ и повернулъ обратно. Ъхали по набережному шоссе подѣ горой, мимо кладбища. Навотный умышленно разжигалъ въ себѣ злость, брюзжалъ, стараясь побольше уязвить Раису.

— Ей все равно, куда и съ кѣмъ... только на платьѣ ей подарите. И что вы,—бабы,—тряпки такъ свирѣпо любите? Думаете, лучше отъ нихъ становитесь? Все такія же... ничтожныя. Глупы вы. Глупъ и тотъ, кто изъ-за васъ му-

чится. Не стоитъ. Всѣ—такія Если не тряпки, не продажность... то психологін... трагеди... еще горше.

— Вы капризничаете, — обидчиво сказала ему, сдерживая себя, Раиса.

— Ну, и капризничая, — грубѣй прежняго подтвердилъ онъ, прикидываясь пьянѣ, чѣмъ былъ въ дѣйствительности. — А ты... знаешь что? Уходи ты къ... черту. Лихачъ! Стой, лихачъ! Барыня выйдетъ.

— Вы шутите! — оскорбленно взвизгнула Раиса. — Я не позволю...

— И не позволяй. Спрошусь у тебя, какъ же... Нужно очень. И что ты мнѣ? Лишняя иллюстрація человѣческой подлости... гнусной подлости. Ихъ у меня и безъ тебя достаточно.

— Послушайте! Это подло! — изводилась Раиса. — Такъ поступаютъ только...

— Ну, ну... потише. Тоже за панибрата свинья съ пастиухомъ. Безъ разговоровъ. А я сейчасъ все, что съ меня причиталось бы...

Навотный разстегнулъ пальто, досталъ бумажникъ, раскрылъ его.

Раиса притихла.

Слушала, какъ хрустѣли у Навотнаго въ рукахъ твердо-пергаментныя, повѣнькія бумажки.

— Ну-съ... получай на твои нелѣпыя тряпки. И... до свиданья... *chère madame!*

— Какое варварство!

Въ голосѣ Раисы звучали слезы. Но бумажки она взяла и Навотный ѣдко замѣтилъ:

— Безъ жалкихъ словъ, *madame*. Выходите скорѣй. Мнѣ надоѣло. Еще моментъ, и я васъ вышвырну.

— Невѣжа... Наглець... я женщина... Меня ограбятъ здѣсь... убить могутъ.

— Въ такомъ случаѣ выйду я.

Навотный стоялъ у тротуара пустынной набережной, опять роясь въ бумажникѣ.

— Получай, лихачъ, на чай, и свежи барыню, куда прикажетъ. Пошелъ.

Привыкшій ко всему лихачъ поблагодарилъ за подачку, натянулъ возжи и исчезъ. Умчался, какъ провалился на мѣстѣ.

Всходило солнце. На набережной подъ горой, гдѣ лѣтомъ стояли купальни, было тихо и пусто. Рѣка оставалась невидимой подъ густой кисеєю тумана. Клубился надъ водой холодный утренній паръ, еще не прорѣзанный золотомъ

солнечнаго свѣта. Тихо было и вверху, за прибрежными горами, на городскихъ улицахъ. Городъ спалъ подъ туманами ранняго утра. Въ немъ позже начинался день съ неразлучнымъ спутникомъ—дневнымъ шумомъ.

Навотный постоялъ на тротуарѣ, замахнувъ пальто и медленно пошелъ къ городу.

VI.

Отъ набережной до своей квартиры,—пространство около четырехъ верстъ,—Навотный прошелъ пѣшкомъ, погруженный въ раздумье.

Все, что, происходило съ нимъ въ ту ночь,—пребываніе у Борца, попойку въ «Мартенъ де-розъ», катанье съ Раксой, грубый финалъ знакомства съ нею,—Навотный отсталъ, небрежно отодвигалъ далеко въ сторону... Думалъ лишь о себѣ да объ Октавіи Владиміровнѣ, и думалъ такъ, будто только-что разстался съ нею. Онъ стремился къ ней, по вчерашнему залился на нее и на ея упрямство, напряженный вчерашняго присекивалъ выходъ изъ создавагося положенія. Въ немъ назрѣвало новое рѣшеніе, еще не вполне ясное для него самого. Вѣришь сказать,—предчувствіе рѣшенія вмѣстѣ съ сознаніемъ, что разрѣшить запутанность необходимо, и въ недалекомъ будущемъ. Разрѣшить,—это созрѣло въ немъ безповоротно. Онъ еще не зналъ, какъ приступить къ разрѣшенію, но ему настойчиво захотѣлось превратить свое побужденіе въ дѣйствіе, не оставляя промежутка для процесса обдумыванія. Такъ привыкъ онъ поступать въ жизни, и до сихъ поръ жизнь баловала его. Не доводилось раскаиваться въ поступкахъ, самыхъ опрометчивыхъ. Въ такихъ, которые сгубили бы другого, а ему доставляли успѣхъ, забаву, удачу. Онъ вѣрилъ въ свою звѣзду, вѣрилъ, что въ конечномъ итогѣ всегда закончится все въ его пользу. А потому торопился приступить къ дѣйствію.

Разгорѣлось весеннее утро, когда Навотный попалъ домой.

Снѣ поднялся въ бель-этажъ, тихо отперъ ключемъ замокъ входной двери. Давно служила для него эмблемой пустынности и скуки его квартира,—молчаливо-обширная, комфортабельная, съ скромными на видъ, но дорогими, старинными вещами. Давно пересталъ онъ примѣчать заботливость и комфортъ, какими былъ окруженъ у себя дома. Попадавъ домой, замѣчалъ лишь тишину, пустынность и скуку. А сегодня его волновали привычно-безмолвные стѣны, надобѣвшія своимъ застывшимъ однообразиемъ. Дома уже не

спали. Слышны были голоса изъ столовой. Здѣсь вставали по-деревенски рано.

Въ другое время Навотный неслышно проскользнулъ бы изъ прихожей направо, въ свои комнаты. Теперь же направился черезъ малиновую гостиную къ столовой. Тамъ Нелли Константиновна Сурова,—пожилая дѣвушка, двоюродная племянница его жены,—пила кофе.

И „Няка“, — старая нянюшка, Зиновія Поликарповна,—стояла у буфетнаго шкафа. И обезьянка Дагоръ вертѣлась тутъ же. Дагоръ по-якутски—другъ, правильнѣе,—землякъ, товарищъ. Ручную обезьяну назвала этимъ якутскимъ наименованьемъ, въ память давнишней ссылки, жена Навотнаго, Варвара Петровна. Вертлявая обезьянка пробуждала въ Навотномъ воспоминанія о далеко отошедшей юности, о времени, когда жилъ онъ съ Варварой Петровной въ Якутскѣ... Вспомнилось это и сейчасъ, и, вспомнивъ, Навотный недовольно поморщился...

Комнатные фокс-терьеры,—Дикъ, Дунайка и Дези,—бросились ему подъ ноги, радостно привѣтствуя его непонятно-раннее появленіе. Онъ, оттолкнувъ собачекъ, спросилъ у Нелли:

— Варвара Петровна спитъ?

— Одѣвается.

Отвѣтъ обрадовалъ его, заставилъ подумать:—„Какъ хорошо. Сейчасъ же все и рѣшится“.

— Тогда я подожду.

Нелли поглядѣла ему въ лицо. Длинная, тонкая, увядшая и безкровная,—она была нехороша собою. Варвару Петровну по-институтски обожала, а та относилась къ Нелли съ сострадательной жалостью. Часто раздражительно ворчала въ отвѣтъ на изліянія обожанія.

Навотный выдержалъ полуукоризненный, мягко-меланхолическій взглядъ Нелли. Припомнилъ, что много пилъ и не спалъ ночь, что видъ у него долженъ быть непристойный, „катценъ-яммерный“... Но сѣлъ за столъ, не стѣняясь.

— Позвольте мнѣ кофе. Чернаго.

Нелли засуетилась, подогрѣла на спиртовкѣ кофейникъ, налила въ граненый стаканъ крѣпкаго кофе.

Навотный пилъ учащенными глотками. Ограждая Варвару Петровну, Нелли заявила:

— Варвара Петровна несовсѣмъ здорова.

— Что такое? — обезпокоился Навотный. — Былъ ночью припадокъ сердца?

— Нѣтъ, но... головокруженія у нея. Бессонницы. Приливы крови къ головѣ постоянно. Такъ вдругъ: ффф-аа! И зальетъ ее всю. Багровая... бураковаго цвѣта станетъ.

— А, — приливы... Приливы — пустякъ, — безопасно сказалъ Навотный, и сталъ дразнить Дагора, то отнимая у него красный мячикъ, то пощелкивая пальцами надъ обезьянкой, не переносившей щелчковъ.

— Ему все пустякъ... что не у Него болить, — забормотала ворчливо Няка у буфета, гдѣ перетирала замшей столовое серебро.

Навотный посмотрѣлъ на Няку, не зная, отвѣтить ли на ея выходку.

Няка, не смущаясь пристальнымъ взоромъ, полуоткрыла провалившійся беззубый ротъ. Морщинистое, сухенькое лицо ея выражало вызовъ, боевую готовность. Она была древняя, выращивала когда-то Варвару Петровну, помнила крѣпостныя времена у князей Рокитскихъ-Рокотовыхъ въ Желанномъ. Доживала вѣкъ, засохшая, съ острыми чертами лица, всегда въ темномъ. Еще пытались старательно работать ея руки, — жилистыя, узловатыя, корявыя, — какъ вѣтки засыхающаго дерева Навотный взглянулъ на Някины руки и подумалъ, что скоро онѣ будутъ важно сложены на мертвой груди. Отъ этого стало неловко обидѣть еще живую Няку. Навотный смолчалъ, будто не слышалъ или позабылъ ея замѣчаніе.

Послѣ оставилъ Дагора и заговорилъ:

— Поди, Няка, узнай... спроси, можно ли къ барынѣ?

Няка отозвалась опять недружелюбно:

— Чего мнѣ ходить спрашивать? Кто ей мужъ, самъ пускай идетъ. Самъ и спросится.

И опять смолчалъ передъ нею Навотный. Безмолвно вышелъ изъ столовой. За дверью въ коридорчикъ слышно было ему, какъ говорила Няка:

— Уже загорѣлось что-то. Чего-то надо ему. Какъ приспичить, — умри, а подай. Достань и положи, хоть мѣсяцъ съ неба. Какъ то дитя капризучее: — „Ой, хочу — хочу печеночки изъ черной курочки“!..

Навотный усмѣхнулся, но идти къ Варварѣ Петровнѣ не раздумалъ.

Варвара Петровна сидѣла за письменнымъ столомъ въ комнатѣ рядомъ съ ея спальней. Откинувшись къ креслѣ, читала утреннюю газету, — одѣтая уже по дневному, въ англійское темно-пестрое платье съ твердымъ бѣлымъ воротникомъ и манжетами. Черезъ открытую дверь Навотный увидѣлъ въ профиль ея круглую, рано посѣдѣвшую голову, по мужски пристриженную сзади. Прямая, болѣе длинная прядь обѣихъ волосъ, зачесанная отъ лба и отъ ушей кверху, лежала, не рассыпаясь.

Навотный хотѣлъ войны и остановился въ нерѣшительномъ волненіи.

Онъ почти не помнилъ такого времени, когда бы отсутствовала въ его жизни эта коренасто-приземистая женщина. Она ни въ чемъ не стѣсняла, не спрашивала, не выслѣживала, не упрекала. Жила,—какъ сама говорила,—по ту сторону ревности. Можетъ быть, и по ту сторону подозрѣній. Но оставалась неизмѣнно тутъ... неразрывно-близко отъ Навотнаго, и онъ рѣдко забывалъ вполне объ ея близости. Раньше была помоложе, построинѣй, посвѣжѣе, но и тогда—некрасивая, съ лошадинымъ строеніемъ вытянутаго лица, съ широкими скулами. Потомъ кожа ея загрубѣла и потемнѣла, приобрѣла склерозный, изжелта-красный оттѣнокъ. Стриженные волосы посѣдѣли до бѣла. Увялъ чувственно-полный, большой, но умный ротъ, порѣдѣли крупные,—и безъ того рѣдко посаженные,—зубы. Въ корпусѣ она непомѣрно расширилась, и это преуменьшило ей ростъ. Сутулая была смолodu, теперь спина совсѣмъ колесомъ. Остались красивыми лишь глаза,—каріе, едва не черные, молодые, глубокіе и печальные, словно разглядѣвшіе что-то, скрытое отъ другихъ,—болѣе поверхностныхъ и оттого болѣе веселыхъ. Да еще по прежнему хороши кисти рукъ и маленькія подѣмистыя ноги, онъ будто приставлены извнѣ къ ея нескладному туловищу...

Варвара Петровна почувствовала, что кто-то глядитъ на нее изъ коридора. Она повернула голову. Отъ неожиданности лицо ея побагровѣло, сдѣлались лилово-красными крупныя, музыкальныя уши.

Но, когда Навотный спросилъ:—„Можно къ тебѣ, Варя“?—она произнесла спокойно, съ легкимъ удивленіемъ:

— Это ты, Максъ? Войди. Что случилось?

Онъ вошелъ безъ колебаній. Поцѣловалъ ей руку, заговорилъ, отчасти подтрунивая надъ собой:

— Приношу извиненіе, ибо являюсь въ неприличномъ видѣ. Пропаивалъ ночь. Разитъ, вѣрно, винищемъ. И виѣшность моя, должно быть, отвратная. Но я не пьянъ, не пьянъ несколько. И хочу сказать тебѣ... хотѣлъ бы поговорить съ тобою.

Варвара Петровна остановила на немъ глаза. Внимательно поглядѣла секунду-другую, не снимая пенснэ. Методически сложила газетный листъ, отодвинула его на край стола, сняла пенснэ.

— Я слушаю,—сказала она спокойно.

Навотный молчалъ. Разглядывалъ заграничный фисгармоніумъ, который замѣнилъ для Варвары Петровны прежній рояль съ тѣхъ поръ, какъ участились у нея сердечные

принадки и она, ослабѣвъ, поотстала отъ музыки. Это бездушное напоминаніе объ ея физической слабости и болѣзни парализовало энергію въ Навотномъ. Надо было говорить, а слова застревали въ горлѣ, не шли съ языка.

— Я прошелъ отъ набережной,—съ запинкой сообщилъ Навотный.—Пѣшкомъ... до самаго дома. И все думалъ, думалъ... какъ заговорить съ тобою?

— Прямо. Только прямо,—посоветовала Варвара Петровна безъ волненія, чуть-чуть проницески.

А лицо у нея стало серьезно-выжидательное и въ глазахъ забѣгали огоньки нетерпѣливости. Навотный замолчалъ наново.

Много лѣтъ его отношеніе къ женѣ близко походило на то, какое встрѣчается у иныхъ безпутныхъ сыновей къ любящимъ матерямъ. Когда у него случалась бѣда или затрудненіе, если было на душѣ неспокойно или тоскливо, онъ шелъ къ Варварѣ Петровнѣ за поддержкой и облегченіемъ. А когда все обстояло хорошо, забывалъ о ней. И Варвара Петровна, замкнувшаяся въ себѣ издавна, относилась къ Навотному скорѣй по матерински. Онъ представлялся ей тѣмъ прежнимъ,—даровитымъ, симпатично-привлекательнымъ, хотя и непутевымъ студентикомъ,—какимъ былъ въ эпоху ихъ перваго знакомства. Его теперешняго,—опытнаго и сѣдѣющаго,—она словно не видѣла передъ собою. Или видѣла на мигъ и отрѣшталась отъ получуждаго облика. Мимолетная усмѣшка, привычное изстари движеніе, капризная гримаса или школьническая ужимка Навотнаго,—что-нибудь прежнее, напоминающее о прошломъ,—и текущей дѣйствительности не оставалось. Варвара Петровна реставрировала минувшее, игнорируя то, что есть. Навотный — уже немолодой, тучный инженеръ, — уступалъ мѣсто Навотному-студенту, худощавому и милому „Максику“. Даже въ лицѣ его, — измятомъ временемъ, излишествами и порочностью,—память Варвары Петровны восстанавливала и былую свѣжесть, и всю его былую красоту. Благодаря тому прежнему—Максику, для Навотнаго теперешняго отыскивались у жены его неистощимые запасы терпѣнія. Во имя прошлаго вырабатывалась въ настоящемъ не измѣняющая ясность духа, ровность характера, готовность ко всякой неожиданности.

Навотный привыкъ къ этому. Но сегодня испытывалъ смущеніе. Не находя подходящихъ словъ и тона, онъ началъ съ самобичеванія, зачѣмъ-то переплетая его съ обидчивой укоризной:

— Да! Легко сказать тебѣ: только прямо. А прямо—и есть самое трудное. Нѣтъ ничего тяжелѣе прямоты.

Конечно, всё воображаютъ, что мнѣ все нипочемъ. Каждая гадость по плечу и по вкусу. Я и заслужилъ это. Всегда былъ эгоистомъ. Никогда не умѣлъ думать о другихъ.... примѣняться къ тѣмъ, съ кѣмъ живу... доставлять имъ радость. Наоборотъ. Вѣчно причинялъ непріятности. Тебѣ, напримѣръ. Что видѣла ты отъ меня? Однѣ несправедливости... Тяжкія испытанія твоего долготерпѣнья.

— Кажется, я не жаловалась, — испытующе вставила Варвара Петровна.

— Тѣмъ хуже. Какъ не опостылѣло тебѣ все сносить? Прощать... терпѣть до... самоотреченія? А я—чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Всегда былъ эгоистъ,—прирожденно-пошлый. Съ лѣтами повышла наружу та пошлость, что была заштукатурена молодостью да твоимъ вліяніемъ. Такъ трудно среди людей остаться человѣкомъ. Ты же осталась прежняя. Чуткая, самоотверженная... готовая на жертвы ради близкаго.

Серьезно-нахмурившееся лицо Варвары Петровны стало суровымъ. Выжидательно и тревожно она произнесла:

— Я думаю... жертвы легче приносить, чѣмъ принимать ихъ. Да и къ чему обо мнѣ? Моя пѣсня закончена. И говорить не про что. Одна пустота осталась.

— А у меня—не пустота?—загорячился Навотный.—Всѣ только полагаютъ, будто я благоденствую. Живу въ свое удовольствіе, развлекаюсь... мѣняю увлеченія. А на дѣлѣ—что? Убѣгаешь отъ пустоты... набрасываешься на то, на другое. Сперва не понимаешь, что новая приманка—тоже пустая. А мои увлеченія? Чѣмъ больше переменяю, тѣмъ больше однообразія. И скучно это. Сколько разъ я присутствовалъ на кутежахъ и не веселился. Развратничалъ, но не любилъ...

— А теперь, наконецъ, полюбилъ?—докончила за него Варвара Петровна съ спокойствіемъ, хорошо выдержаннымъ. Навотный обрадовался, что нужное слово произнесено.

Радость его была бурная и ясная.

— Тебѣ уже сказали?!

Варвара Петровна раздраженно наморщила открытый ротъ.

— Никому говорить я бы ничего не позволила.

— Какъ же ты... узнала? Отъ кого?

— Отъ тебя. Знакомы, слава Богу, не первый годъ.

Навотный замолчалъ, созерцая фисгармоніумъ.

— Дальше?—спросила, подождавъ, Варвара Петровна.

— Все,—отвѣтилъ Навотный жестоко.

— Кто же она?

— Нещадимъ... Октавія Владиміровна. Ты не знаешь ея.

— Не знаю. А чего вы съ нею отъ меня хотите?

— Она—ничего. Ничего рѣшительно.

— А ты?

Онъ молчалъ.

— Чего отъ меня ждешь? Развода?—выговорила Варвара Петровна съ громаднымъ усиліемъ, едва раскрывая и закрывая непослушныя, одеревенѣлыя губы.

— Нѣтъ, нѣтъ. Это было бы слишкомъ...—Навотный порывисто приблизился къ ней, протянулъ руки, не то испрашивая прощенья, не то пытаясь успокоить.

— Такъ чего же?

— Постой... дай собраться съ духомъ. Мнѣ трудно сказать. Но не разводъ. Не подвергать же тебя еще и этому... испытанію. Развода не надо. Кто теперь обращаетъ на это вниманіе.

— Тогда къ чему мнѣ знать про твои... тамъ гдѣ-то похождения?

Вмѣсто отвѣта онъ сталъ жаловаться на Октавію Нещадимъ.

— Но это не женщина, а одно упрямство. Сплошное, необбѣдное. Упрямство и фантазерство. И еще—недовѣрчивость. Неудачно вышла замужъ. Ея мужъ—адвокатъ Нещадимъ, можешь помнить?—застрѣлился. Изъ-за растраты.

— Такъ она—жена того? Я помню. Слышала... и читала тогда въ газетахъ.

— Онъ обманывалъ ее... а она мнѣ не вѣритъ.

— Въ чемъ?

— Ни въ чемъ. Считаетъ, что я — какъ папильонъ. Только съ цвѣтка на цвѣтокъ. Что и ее хочу лишь временно... взять на содержаніе, поиграть и бросить. Ахъ, это несмываемое тавро на моей репутаціи! Навотный—жуиръ, Навотный—собиратель пѣнокъ... оно и въ гробъ пойдетъ за мною. Да и что я могу предложить ей иное, какъ не положеніе содержанки? Я несвободенъ. Официально живу съ женой. Ввести другую женщину въ домъ свой не имѣю возможности. У меня нѣтъ къ ней подхода. Ничего не остается. Нечего предпринять.

— И все же не понимаю: я-то здѣсь при чемъ? Что мнѣ надо сдѣлать? Умереть, что-ли?

— Ахъ, Варя... ну, зачѣмъ ты такъ!..

— Такъ что же? что?

— Я полагаю вотъ какъ: еслибы ты уѣхала? Заграницу Или въ Желанное. И не до зимы, а...

— Совсѣмъ?

Онъ виновато наклонилъ голову.

— Понимаю. Поняла. Я чтобы уѣхала, а ты... возьмешь ее сюда? Въ домъ нашъ?

Онъ опровергнулъ, но не вполне:

— Я перемѣню квартиру.

Варвара Петровна повторила вопросъ:

— И будешь жить съ нею?

— Если она согласится,—высказался до конца Навотный.

— А ты еще не увѣренъ въ согласіи?

— Я не... не могъ спросить, не поговоривъ съ тобою. Но, если ты не хочешь, все останется по-старому.

— Нѣтъ... зачѣмъ же?—оскорбленно протянула Варвара Петровна.—Столь тяжелой не приму жертвы. Я увѣду,—пообщала она твердо.

— Варя!—и радостно, и сострадательно, и умиленно произнесъ Навотный.

— Оставь, оставь,—рѣзко прервала его Варвара Петровна, отдергивая руку, которую онъ хотѣлъ поцѣловать. Она помолчала. Послѣ спросила—уже по-дружески:

— Ты не сомнѣваешься, что... привязался въ самомъ дѣлѣ? Seriously?

Онъ въ смятеніи потупилъ глаза, признался, какъ виноватый.

— На этотъ разъ серьезно.

— Смотри,—глухо предостерегла Варвара Петровна.—Дѣйствительно ли нужна коренная ломка? Вѣдь часто придаешь пустякамъ громадное значеніе. А отвернешься и пересташь о нихъ думать. Долго заниматься однимъ человекомъ ты неспособенъ. Тебѣ надоѣдаетъ.

— Теперь не надоѣсть,—возразилъ Навотный съ пылкостью.—Тутъ съ моей стороны прочно. Я немолодъ уже. И надоѣли перемѣны...

— Какъ-то мало похоже на тебя.

— Правда? Я и самъ себя не узнаю. Но это какъ разъ то, чего мнѣ не доставало. Хотѣлось давно прочной женской привязанности. Привязанности серьезной. Вѣдь я, можно сказать, не знаю ея. До сихъ поръ были лишь суррогаты этого.

— Ты находишь?

Глубокіе глаза Варвары Петровны сверкнули ледянымъ блескомъ.

Но Навотный былъ далекъ отъ нея мыслью и ея вопроса не понялъ.

VII.

Спать въ это утро Навотный не захотѣлъ лечь. Принялъ освѣжающій душъ, переодѣлся, вынулъ еще чернаго кофе и

сѣлъ за докладъ юрисконсульта о злоупотребленіяхъ въ коммерческой части. Надо было подумать, какъ просилъ Заворотниковъ. Навотный сосредоточился надъ докладомъ, отрѣшившись отъ себя, отъ своихъ тревогъ, отъ физической утомленности. Съ юности владѣлъ онъ послушнымъ до покорности вниманіемъ. При самыхъ неблагопріятныхъ для работы обстоятельствахъ фиксировалъ вниманіе въ высокой степени напряженно. И въ этомъ таился секретъ его рабочей продуктивности. Внимательно прочиталъ онъ докладъ, подумалъ, бѣгло набросалъ выводы и замѣчанія на листкѣ блокнота. А, когда пріѣхалъ въ управленіе, выглядѣлъ бодро-дѣловитымъ, будто не пьянствовалъ, не волновался, не спалъ ночью, какъ полагалось. Онъ повеселѣлъ, успокоился: все выяснилось, опредѣлилось, всѣмъ будетъ хорошо. Пораздумавши и погрузивъ, найдетъ утѣшеніе и Варвара Петровна. Ухватится за сознаніе собственнаго великодушія, начнетъ любоваться своей „красивой“ жертвой...

Варвара Петровна долго сидѣла послѣ его ухода,—пришибленная, смятая рухнувшей на нее тяжестью. Проходили по коридору мимо раскрытой двери Нелли, Няка... Вбѣгали въ комнату вертлявый Даторъ, навѣдывались избалованныя собачки... Она никого не слышала, не замѣчала. И всѣ отступали передъ ея задумчивой неподвижностью. Только любимецъ ея, Дикъ,—бѣлый въ черныхъ пятнахъ фокс-терьеръ,—попытался выразить участіе. Потеря мордочкой о колѣни, поглядѣлъ вопросительно, лизнулъ разъ-другой свѣсившуюся съ кресла руку, завизжалъ сочувственно и жалостливо. Варвара Петровна его не примѣтила и Дикъ отошелъ обезкураженный.

Сперва Варварѣ Петровнѣ не было очень больно. Казалось, будто наступаетъ конецъ ея жизни, тяжелая агонія. Она думала одно: *этого*—пережить нельзя. Тутъ—предѣлъ, конецъ. А конецъ—такъ конецъ. Долженъ же онъ когда-нибудь настать, зачѣмъ его пугаться? Остается выйти съ честью изъ послѣдняго испытанія. Не унижить себя жалкой слабостью, не растерять остатковъ стойкости передъ пытками агоніи. Пусть никто не узнаетъ, каково ей. Рыбу рѣжутъ, она молчитъ, и кажется, что ей не больно. А закричитъ она, обидно пожалѣютъ, но пощадить, все равно, не пощадятъ... Лучше молчать, какъ рыба.

Потомъ это настроеніе начало растворяться въ чувствѣ оскорбленности, въ сострадательной къ себѣ жалости. Наростало возмущеніе.

Вспоминалось все, что было сдѣлано за долгую совместную жизнь для Навотнаго... Все, что довелось вытерпѣть

отъ него и для него. И возмущенный крикъ: „Безчеловѣчно!“ не вырываясь наружу, разростался внутри.

— „Не отправляютъ такъ изъ дому и многолѣтнюю прислугу болѣе чуткіе люди“...

Передъ Варварой Петровной проплывали подробности всего, что произойдетъ теперь тамъ, у той...

Бросится къ ней прямо изъ управленія. Войдетъ... Разскажетъ съ восторгомъ. Уступила, сходитъ съ дороги... Будутъ пѣжничать. Максъ помолодѣетъ, заворкуетъ, какъ молодой женихъ или новобрачный.

Макса Варвара Петровна ярко видѣла передъ собой въ его новой роли. А *се* не могла вообразить. Рвалась неудержимо—узнать, какая она? Увидѣть, поговорить, повернуть ножъ въ собственной ранѣ, довести до кипѣнія свою муку... Въ этомъ предчувствовалось терзаніе, доходящее почти до отрады.

— Только бы посмотрѣть, какая? Молодая,—конечно. И навѣрно хороша. Но какая? Блондинка или пѣтъ? Высокая? Маленькая? Умная или пустенькая, милая или антипатичная?

Приходило на мысль узнать сейчасъ же адресъ въ адресномъ столѣ. Написать, позвать къ себѣ, потребовать, чтобы явилась. Не захочетъ? Откажется?—поѣхать самой. Допытаться, гдѣ она, ворваться силой. Пусть неловко, назойливо, не принято,—но увидѣть, увидѣть непременно. Не уступать, не сходить съ дороги, не увидѣвши.

Регниное любовнѣство разгоралось. Мучительно было, что оно остается неудовлетвореннымъ. Что продолжаетъ расти и жечь, какъ припекающее пламя. Съ любовными похождениями Навотнаго Варвара Петровна научилась мириться. Они не колебали ея положенія жены и вѣрнаго друга. Варвара Петровна избѣгала думать о нихъ, хотя знала, что они есть, не могутъ не быть. Но, пока женщины у Навотнаго мѣнялись, попадали ненадолго въ фаворитки и быстро надоѣдали, Варвара Петровна не тревожилась. Это вошло въ обиходъ ея жизни, перестало волновать или пугать. Варвара Петровна усматривала тутъ со стороны Навотнаго лишь минутныя прихоти, капризы чувственности. А душа Макса—думала она—со мною. Если же не принадлежитъ всецѣло мнѣ, то и никому другому. Теперь новымъ чувствомъ привязанности была задѣта и душа Навотнаго. Онъ искалъ прочности отношеній съ женщиной, чего обыкновенно боялся. Момаль годами налаженную жизнь, хотѣлъ взять, но и отдавать себя,—всего нераздѣльно.

Варвару Петровну это обжигало. Ея несчастье представлялось ей бездонно-глубокимъ, такимъ, которое

пережить. И странно, у нея не наступалъ припадокъ больного сердца. Сердце—точно заморозилось въ груди. Не было ни обморока, ни забытья, ни припадной расслабленности. А такъ хотѣлось заболѣть. Забыться, остаться безъ памяти на долгое время... Потерять сознание, долго спать, не просыпаясь, и такъ уйти изъ жизни, не проснуться потомъ. Нескоро послѣ полудня позвонила Варвара Петровна, зовя кого-нибудь. Пришла не горничная, а Нелли. Въ домѣ не знали ничего, но уже подозрѣвали серьезно-неладное. Нелли появилась съ дѣланной миной, преувеличенно-беззаботная, ничего не выжидающая. Варвара Петровна безразлично сказала:

— Что у насъ сегодня? Суббота? Въ среду мы уѣзжаемъ. Въ Желанное.

Нелли всполошилась.

— Какъ въ среду? А у портнихи? Ваши халаты и платья лѣтнія? Во вторникъ только примѣрка. Повремените пѣсколько дней.

— Уѣзжаемъ въ среду. Вечернимъ. Ни одного дня, ни часа лишняго.

Тонъ былъ таковъ, что Нелли умолкла.

— На завтра вызовите по телефону упаковщиковъ,—распорядилась Варвара Петровна.

— Завтра воскресенье.

— Сказать, что экстренно... заплатить дороже. Затѣмъ... отобрать и уложить мои вещи. Все, что изъ деревни и... лично мое. Отправка въ Желанное. Вещей Максима Андреевича не трогать.

— Но что произошло?—испуганнымъ крикомъ вырвалось у Нелли.

— Мы... оставляемъ квартиру.

— А контрактъ?

— Контрактъ будетъ нарушенъ. Можете идти, Нелли. Пусть меня не беспокоятъ.

Нелли пошла къ дверямъ.

— Да... еще,—остановила ее Варвара Петровна тѣмъ же суховато-размѣреннымъ голосомъ, какимъ говорила все время.—Пошлите въ адресный столъ. Узнать мнѣ адресъ. Я запишу тутъ.

Тонкимъ наклоннымъ почеркомъ она написала на четвертушкѣ почтового листка: Пенцадимъ, Октавія Владиміровна.

Протянула было записку, но отодвинула назадъ къ себѣ и добавила пониже: вдова помощника присяжнаго повѣреннаго.

Осталась снова одна. Ходила по комнатѣ, будто разминая ноги. Глядѣла въ окно. Сидѣла безъ движенія то въ одномъ,

то въ другомъ креслѣ. Затѣмъ-то открывала и закрывала фисгармоніумъ. Пробовала прочесть газету, но, не понимая печатныхъ строкъ, уронила газетный листъ на полъ. И все, какъ въ горячечномъ жару, съ неполнымъ сознаніемъ, съ глазами, въ которыхъ застыло отсутствующее выраженіе.

Къ обѣду Навотный изъ управленія не пріѣхалъ.

Варвара Петровна вышла въ столовую.

Приласкала Дагора и собачекъ, ѣла кое-что, справилась объ упаковщикахъ.

— Завтра придутъ съ утра,—отвѣтила Нелли.

Варвара Петровна поощрительно кивнула головой и задумалась, забывшись.

Справку адреснаго стола Нелли подала позже. Варвара Петровна тогда уже нашла себѣ дѣло: разбирала у письменнаго стола свои бумаги, готовясь къ укладкѣ. Она взглянула на адресный листокъ, и лицо ея стало синевато-краснымъ.

— Хорошо. Положите,—какъ о малозначительномъ, сказала она.

Нелли ушла.

Варвара Петровна полуавтоматически перебирала накопившіяся бумаги и письма. Сортировала, что взять въ Желанное, что отбросить для сожженія. И поглядывала на адресный листокъ съ такимъ ощущеніемъ, точно это была живая частица кого-то живого.

— „Павловская, 21... Павловская, 21... какъ близко! И онъ теперь тамъ... тамъ“!

Вынула изъ шифоньера отдѣльно хранившуюся пачку писемъ въ пожелтѣлыхъ конвертахъ съ марками стариннаго образца.

„Въ Якутскъ. Варварѣ Петровнѣ Навотной“...

Это тѣ, что писалъ Максимъ ей въ ссылку, пока самъ туда не пріѣхалъ.

Давнія, выцвѣтшія, трогательныя... Слезы хлынули безудержно, застилая пожелтѣвшіе конверты. Прорвались неожиданно и лились неукротимыя. Варвара Петровна не соображала, сколько времени проплакала надъ разбросанными по столу бумагами. Не замѣтила, какъ свечерѣло и наступила ночь.

Зажгла электричество. Навотнаго не было. Позже въ домѣ спали. Протекала ночь: медленная, тяжелая, не выпускающая изъ тисковъ горла. Нѣсколько разъ навѣдывалась, Варвара Петровна въ прихожую: не вернулся ли? Нѣтъ. На вѣшалкѣ не было пальто и комнаты его—пустыя. Казалось, она успокоится, если узнаетъ, что онъ тутъ, дома, въ своей

спальной. Что ближайшее будущее еще остается будущимъ, пока же—все идетъ по-старому, и перемена только готовится, а еще не пришла...

Плыли старые, не позабытые, но давно не вспоминаемые эпизоды жизни. Какъ все грустно, одиноко... Только было и радости, что въ сны...

Максъ вернулся лишь подь утро.

— „Поладили. Та—согласилась. Согласилась, разумеется... какъ могло жить сомнѣнье?“

Въ комнатѣ у него тотчасъ затихло. Варвара Петровна, прислушиваясь, стояла въ прихожей. Повалился спать,—благо, сегодня праздникъ,—на цѣлые сутки. Привыкъ отсыпаться по суткамъ послѣ веселыхъ кутежей и прятныхъ приключеній. Не измѣнилъ привычекъ своей и теперь, на рубежѣ обновляемой жизни.

Послѣ его возвращенія забылась сномъ и Варвара Петровна. Уснула, не раздвываясь, на кабинетномъ диванѣ. И пробудилась часа черезъ полтора, будто кто-то встряхнулъ ее, крикнувъ въ ухо:

— „Вспомни!“

Мгновенно вспомнила все, и новой, хронически-затяжной, ревнивой болью наполнилось до краевъ ея существованіе.

А Максъ спитъ. Отдыхаетъ отъ счастья, видитъ во снѣ ее, ту,—которую никакъ не удастся вообразить Варварѣ Петровнѣ. Опять засосало желаніе узнать, разглядѣть, запомнить... Казалось, еслибы увидѣть ее,—живую, реальную—сразу стало бы не такъ больно. Легче было бы примириться, признать фактъ, отступить въ сторону.

— „Поѣду“...

Это оживило, увлекло, вернуло Варварѣ Петровнѣ частичку ея энергій. Но было боязно. Пугало не то, что невѣдомая Нецадимъ не захочетъ принять или приметъ грубо, позволить себѣ третировать, издѣваться... Еслибы даже и такъ,—терять нечего. Душа Варвары Петровны наболѣла сверхъ мѣры, никакая новая боль уже не нашла бы въ ней мѣста, оттолкнулась бы, не проникая внутрь. Варвара Петровна боялась другого: что сама она не сумѣетъ познакомиться. Пропустить случай разговориться и узнать *ту*. Въ послѣдніе годы становилось трудно говорить съ малознакомыми людьми. Когда-то было легко, а теперь трудно. Отвычка. Варвара Петровна давно не заводила новыхъ знакомствъ изъ боязни обидныхъ уколовъ и намековъ о своей семейной жизни. Съ годами утратила технику искусства общенія съ людьми. Растеряла умѣнье устанавливать съ ними правильныя отношенія, начала казаться суше и холоднѣй, чѣмъ была на дѣлѣ. И стала уединяться, разрывая знакомства

прежнія. Это ~~набавляло~~ отъ досады и раздраженія на себя же за свою неумѣлость подходить къ людямъ. Въмѣсто искусства общительности у нея развилось иное: искусство обходиться безъ людей, не давать себя имъ въ обиду.

А сейчасъ она жадно стремилась къ новому человѣку. Крѣпко желала встрѣтиться съ Нецадимъ, не опасаясь ни обидъ, ни намековъ, ни уколовъ, зная, что они не страшны больше.

VIII.

Въ домѣ работали упаковщики, пахло рогожей. Топталась на ногахъ, не присѣдая, прислуга, распоряжались Няка и Нелли.

Варвара Петровна одѣлась и вышла на улицу.

— Извозчикъ. На Павловскую.

Было близко, даже представлялось неловкимъ ѣхать на извозчикѣ. Нашла двадцать первый номеръ. Тутъ ли? Какія-то меблированныя комнаты, — непрезентабельныя, плохого сорта. Тотъ ли домъ? Спросила у швейцара. Тотъ. Нецадимъ, Октавія Владиміровна здѣсь... И—дома.

— Третій этажъ. Номеръ комнаты—сорокъ седьмой.

Не было лифта. Варвара Петровна задыхалась, но шла и шла, поднимаясь вверхъ. Думала, что только смерть, — мгновенная, внезапная, — удержала бы ее... Помѣшала увидѣть своими глазами, познакомиться. Лѣстница—скверная, на всемъ—отсвѣтъ убогой захватанности. Промелькнула мысль: „Она нуждается... Что, если у нея—разсчетъ, а не увлеченіе Максомъ“?

Въ этомъ было что-то безотчетно-утѣшительное, злорадствующее. Всплывала смутно-неясная надежда на хороший конецъ случившагося крушенія. Но трудно дышалось, не хотѣлось думать о предстоящихъ возможностяхъ основательнѣй.

Третій этажъ. Насилу-то. Площадка раздѣляла коридоръ на-двое. Варвара Петровна остановилась, отдышалась, пошла ваугадъ налѣво.

Встрѣтилась горничная, молодая, но неряшливая.

— Сорокъ седьмой номеръ здѣсь?

— Вторая дверь съ лѣвой стороны.

— Октавія Владиміровна не спитъ?

— Вставши.

Въ полутемнотѣ не видно было номерациі комнатъ. У второй лѣвой двери Варвара Петровна постучалась съ увѣренностью.

Августъ. Отдѣлъ I.

— Можно,—разрѣшилъ за дверью звонкій, но будто утомленный женскій голосъ.

Варвара Петровна вошла.

Она... Она,—до сихъ поръ загадочная, таинственно-невѣдомая Нещадимъ,—поднималась съ кресла, запрятаннаго въ углу за овальнымъ столикомъ съ линялой бархатной скатертью.

Варвара Петровна въ мигъ разглядѣла ее всю,—отъ небрежной,—можетъ быть, еще вчерашней,—прически до мягкихъ сафьяновыхъ туфель,—темно-красныхъ съ золочеными пряжками.

— „Молода и недурна. Но хуже, чѣмъ можно ждать было. Цвѣтъ лица—хорошъ... А спина—уже кругловатая“...

И въ этомъ—тоже была частица радостно-непонятнаго успокоенія.

Октавія Владиміровна стояла поблѣднѣвшая, широко открывъ удлинненные глаза. Съ перваго взгляда угадала она, кто пришелъ, кто эта некрасивая и пожилая дама, одѣтая въ свободный англійскій костюмъ. Передъ тѣмъ никогда не видѣла жены Навотнаго. Не доводилось. Знала, что Навотная некрасива, но мало ли некрасивыхъ? А тутъ не усумнилась и первая произнесла при встрѣчѣ:

— Госпожа... Навотная?

Навотная пошатнулась. Потемнѣло, все закружилось. Кровь бросилась въ голову, застучала въ ушахъ. Варварѣ Петровнѣ удалось преодолѣть это. Стала говорить задумчиво, легко и просто, чего полчаса назадъ сама не ожидала.

— Вы угадали. Я—Навотная. Мнѣ хотѣлось увидѣться съ вами. И поговорить... если вы не отвергнете моего посѣщенія.

— Пожалуйста.

Октавія смущенно пожимала руку Навотной.

Безъ приглашенія, не снимая плоской полумужской шляпы, Варвара Петровна сдѣлала нѣсколько шаговъ и сѣла въ то кресло у овальнаго столика, гдѣ сидѣлъ всегда Навотный.

И Октавія очутилась на обычномъ своемъ мѣстѣ, въ углу за столикомъ.

Говорила Варвара Петровна, — опять легко и задумчиво.

— Съ точки зрѣнія общепринятаго, можетъ, и смѣшно, что я пришла къ вамъ. Болѣе, чѣмъ смѣшно,—нелѣпо. Но... отбросимъ, что принято. Иногда надо стать выше. Бываютъ случаи, когда все внѣшнее... обычаи, свѣтскость, приличія второстепенны. Впереди нихъ другое. Хотя бы чувство... Или большая жажда познакомиться. Участливость... Сердечность тоже. Намъ есть о чемъ поговорить. Максимъ Андреичъ, конечно, былъ вчера у васъ. И все сказать вамъ.

— Былъ, — опуская глаза, подтвердила Октавія. — Онъ сказалъ... вы согласились?

— Да. А вы? Что отвѣтили ему вы?

— И я... пообщала. Но теперь не знаю...

— Вы колеблетесь? Почему? Если изъ-за того, что нѣтъ развода, то я... разумѣется...

— Нѣтъ, не оттого.

— Развода онъ и не просилъ у меня. Говорилъ, не нужно. Но, можетъ, шадить мое спокойствіе? Миѣ на старости лѣтъ, правду сказать, вся процедура и пачкотня развода... была бы мерака... обременительна. Но, если это служитъ препятствіемъ, я... понятно...

— Это—не препятствіе. Не то вовсе.

— Такъ что же?

— Не могу назвать, но... Миѣ какъ-то... страшно, зачѣмъ я согласилась? Только вы тутъ не при чемъ. Повѣрьте.

— Вѣрю. А еще... что я хотѣла еще сказать? А, да. Въ среду я уѣзжаю. Совсѣмъ. И вотъ, передъ отъѣздомъ... можетъ, это и глупо... но миѣ захотѣлось увидѣть васъ. Взглянуть, какая вы... кому я отдаю, уступаю... Словомъ, узнать васъ.

Октавія Владиміровна горячо заговорила въ отвѣтъ:

— Какъ я вторгаюсь въ вашу жизнь! Уничтожаю все... ваше... Вы должны ненавидѣть меня.

— Васъ? За что? Все мое давно уничтожено... сломано. Съ Максимомъ Андреевичемъ мы ужъ много лѣтъ—друзья. И только.

— Я не хочу, чтобъ вы думали... право, онъ пошелъ къ вамъ безъ моего давленія. Я и не знала... не ждала никакъ.

Октавія волновалась. Варвара Петровна неотрывно глядѣла на нее и думала:

— „Не изъ тѣхъ, которыя продаются, сходятся по расчету. Такую не купишь. И отъ нея не откупишься“..

— Вѣдь я также пережила подобное... какъ вы теперь, почти тоже. Знаю, какъ больно... — Октавія запнулась и не умѣла докончить. Навотная торопливо помогла ей:

— Знаю, знаю. Слышала о... вашемъ горѣ. И у васъ было его немало.

— Оттого и непростительно теперь для меня. Не понимаю, какъ это?.. Была увѣрена, что невозможно. Думала, послѣ смерти мужа все умерло... личное. Даже раньше смерти его. Послѣ того, какъ узнала о первой его невѣрности, казалось, навсегда я застрахована... больше ужъ ничего не можетъ быть новаго. И вдругъ этотъ... новый шевель!

Въ Варварѣ Петровнѣ словно порвалась какая-то струна. Уплывало послѣднее, что еще связывало ее съ неясной надеждой на хорошій исходъ ея крушенія. Надежда исчезала, таяла.

— „Любить и она. Не больше, чѣмъ Максъ... но любить“,

Больно ныло сердце, точно тискалъ его кто-то, издѣваясь и тѣшась надъ сердечной болью. И примѣшивалась къ этой боли всегда непостижимая отрада самонистязанія. Пробуждалось желаніе терзать себя больше и больше... Безъ конца созерцать мятущуюся, красивую и молодую Нещадимъ, которая не понимала собственныхъ поступковъ, терзалась тоже и въ счастіи своемъ не была счастлива.

Тревожной огорченности, вчерашняго возмущенія въ Варварѣ Петровнѣ—будто не стало. Ихъ устраняла болѣе рѣзкая боль. Нещадимъ уже не возбуждала ни ревнивой злобности, ни злораднаго недоброжелательства. Напротивъ, Варвара Петровна не въ состояніи была отдѣлаться отъ какихъ-то смутныхъ, сочувственныхъ по отношенію къ Нещадимъ настроеній. А сама оставалась по внѣшности спокойной. Опять отыскала въ себѣ способность выглядѣть безпредѣльно-снисходительной, стоящей по ту сторону женской ревности и женской психологій.

Она говорила нѣсколько принудительно, но съ отзвуками снисходящей мягкости, какъ мать младшей дочери.

— Вы еще настолько молоды... Это не могло быть иначе. Мнѣ хочется думать, что Максъ будетъ счастливъ съ вами. И я рада, если будетъ такъ.

— Рады? — пораженно выговорила Октавія. — Что вы сказали!

— Вамъ еще не понять этого. Опять-таки потому, что слишкомъ вы молоды. И вы любите. А моя... мои прежнія чувства давно разсѣялись... переродились. Осталось расположеніе, почти материнское. И оно неразруσιμο. Тяжело не то, что приходится отдать Макса другой... молодой, какъ вы, женщиנѣ. Тяжело не видѣть его. Не встрѣчаться. Дожить мои дни вдали отъ него. Это, вѣрно, испытываютъ матери, когда сыновья женятся.

— Но зачѣмъ же не встрѣчаться, не видѣть?—повѣривъ ей, возразила Октавія.—Вы всегда можете и видѣться, и встрѣчаться... когда захотите.

— Если вы не будете противъ этого.

— Я? Да почему же? Къ чему мнѣ?..

— Въ самомъ дѣлѣ? Благодарю. Вы—хорошая, значитъ. Съ чуткимъ сердцемъ. Не мелочная. Вѣдь Максъ для меня—какъ дитя мое. До извѣстной степени онъ созданъ мною...

— И вы недовольны вашимъ созданиємъ?—пытливо и осторожно спросила Октавія.

— Любовь не видитъ недостатковъ, дружба ихъ прощаетъ. Прощаю и я.

— А я бы не простила... такъ много.

— Тоже потому, что вы еще молоды. Кто для себя ничего не ждетъ, тотъ легче понимаетъ многое. И легче прощаетъ.

Барвара Петровна замолкла. Пристально смотрѣла ей въ лицо Октавія, любясь ея глазами. Въ красивой оправѣ густыхъ, недлинныхъ рѣсницъ искрометно горѣли темные глаза на непривлекательномъ лицѣ Барвары Петровны. Мерцали—какъ звѣзды на тускло-вечернемъ небѣ. Октавіи пришло на умъ это избитое сравненіе. Она удивлялась: какъ могутъ называть Навотную уродливо-некрасивой при такихъ глазахъ?

Вслухъ Октавія произнесла:

— Какая вы—непохожая на другихъ... особенная. Неподобно у васъ и глаза... какъ звѣзды. Прекрасные глаза. Какъ вѣрно восторгался ими Максимъ Андреевичъ... въ молодости.

— Это было такъ давно. И такъ недолго. Но помню время, когда и онъ звалъ меня звѣздою.

— А меня зоветъ—лунной!—саркастически засмѣялась вдругъ уязвленная Октавія.—Какой у него одиотонный репертуаръ. На протяжении многихъ лѣтъ неизмѣнно астрономическій. Вы—звѣздою, я—лунная. Кто же солнечная?

Барвара Петровна поглядѣла на нее и не отвѣтила. Но подумала: эта не станетъ щадить и прощать. Не простить ничего, все поставить въ счетъ.

Говорили много, какъ давніе друзья. Октавія спрашивала:

— Не будете скучать въ деревнѣ? Неужели навсегда поселитесь тамъ?

— Если соскучусь не въ моготу, позову васъ съ Максимомъ. Приѣдете?

— Непремѣнно.

— Вотъ это мило. Хотя въ Желанномъ у меня много дѣла, а могу и соскучиться. Впрочемъ, я привыкла. Прежде было скучнѣе всегда одной, безъ близкихъ. Возрастъ былъ иной, еще не выработалась привычка. Трудно привыкать къ одиночеству. Хотя и зовутъ его удѣломъ королей да великихъ душъ... а съ нимъ надо сжиться сначала. Зато, если привыкнешь, тогда ничто не пугаетъ. Развѣ смерть? Но одинокому и умирать не страшно. Что теряетъ онъ, умирая? Привычку жить. Не болѣе.

— И давно вы начали привыкать къ нему? Къ одиночеству?

— Очень давно. Сейчас послѣ ссылки. Едва вернулись, Максъ сталъ отходить отъ меня. Пустѣла жизнь, а не во что было уйти. Нарочно выискивала занятія, заботы, чтобы въ нихъ забыться отъ своихъ огорченій. Занялась тогда въ „Желанномъ“ общественными дѣлами. Пришлось отыскивать, во что уйти, куда спрятаться отъ своей боли. Отсюда и пошли всѣ мои деревенскія начинанія.

Варвара Петровна говорила о себѣ, о желанновцахъ, о Навотномъ... Октавія рассказывала про свое съ Нещадимомъ.

Позабылось совершенно, что онѣ—соперницы. Понимали одна другую, обѣимъ было душевно-тепло, не хотѣлось разставаться. И обѣ инстинктивно сознавали себя объединенными передъ властной силой какого-то отсутствующаго, но могущественнаго общаго противника...

IX.

Варвара Петровна уѣхала въ Желанное незамѣтно и тихо.

Но переселенія на новую квартиру Навотный и Октавія прождали больше двухъ мѣсяцевъ. Не закончена была отдѣлка комнатъ, не завершены детали обстановки. Навотный самъ руководилъ убранствомъ дома. Не показывалъ будущей квартиры Октавіи, чтобы потомъ восхитить тѣмъ сильнѣе. Старое жилище свое онъ ликвидировалъ въ три дня. Передалъ квартиру, продалъ остатки обстановки, распустилъ прислугу и временно поселился въ отелѣ.

Въ этомъ году онъ не пользовался правомъ лѣтняго отпуска. Переѣзжать на дачу было для него неудобно, не хотѣлось трепать себя ежедневными поѣздками въ управленіе. И онъ выбралъ квартиру въ помѣщичьемъ особнякѣ среди густого, подсыхающаго сада, на горѣ надъ рѣкою, съ красивымъ видомъ изъ оконъ и съ высокаго бельведера—на рѣку, и зарѣчье. Обширный особнякъ строили во вкусѣ умной старины, удобно и привольно, безъ скопидомства практической городской экономности. Въ немъ было много свѣта, воздуха, простора, сказывался хорошій архитектурный вкусъ и размахъ. Навотный увлекся, отдѣлывая домъ наново, меблировалъ его въ жанрѣ русской старины. Старина въ художественной обработкѣ отъ древнихъ до недавнихъ временъ заполняла каждый уголокъ, налагала отпечатокъ на мебель, на обои, на ковры, сервировку, бездѣлушки.

Навотный зарывался, увлекаясь. Художественныя вещи стоили дорого, рыночная стилизація не удовлетворяла его

вкусовъ. Онъ выбиралъ все лучшее и, когда не хватало денегъ, не останавливался передъ долгами. То были первые долги его со студенческихъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ женился онъ на Варварѣ Петровнѣ. Ужь такъ повелось изстари, что содержаніе городской квартиры и жизни въ Желанномъ — лежало на Варварѣ Петровнѣ. Навотный жилъ, занимая въ домѣ первенствующее мѣсто, окруженный мелочной заботливостью и удобствами. Но не зналъ, откуда что берется, чуждаясь расходовъ на повседневную жизнь. На Извилистыхъ дорогахъ ему, — какъ начальнику службы пути, — причитались, кромѣ жалованья, нормировочныя суммы и преміи, и въ общемъ его возросшій съ годами заработокъ превышалъ двѣнадцать тысячъ въ годъ. Все это шло цѣликомъ на личныя потребности Навотнаго. Онъ покучивалъ, содержалъ на сторонѣ женщинъ, не отказывалъ себѣ въ прихотяхъ. И полагалъ, что зарабатываетъ достаточно, даже много. А тутъ сразу появились нехватки, и вмѣстѣ съ ними — долги. Теперь, когда предстояло оплачивать новую жизнь собственными доходами, — получаемые заработки представлялись Навотному мизерными. Онъ видѣлъ, что при его барскихъ замашкахъ ему еле будетъ хватать на самое необходимое. Впереди же стояло погашеніе долговъ за стилизованную обстановку.

Въ своемъ отелѣ Навотный лишь числился проживающимъ. Свободное время проводилъ у Октавіи Владиміровны въ ея „меблирашкѣ“. Они близко сошлись за это время, но ладъ и миръ не наставляли между ними и послѣ сближенія. Навотный нервничалъ, ворчалъ, раздражался. Нѣжныя сцены и влюбленныя воркованья смѣнялись у него странной ревностью къ прошлому. Онъ ревновалъ Октавію къ „молодому“ Непцадиму, къ самой памяти объ ея покойномъ мужѣ. Неврастеническая вспыльчивость, нареканія на холодность, ѣдкіе укоры, безпредметныя подозрѣнія.... Октавія не понимала источниковъ этихъ настроеній, терялась въ догадкахъ. Передъ нею былъ опять новый Навотный. Не тотъ — безразличный для нея, ловеласничающій инженеръ-начальникъ, какимъ знала его Октавія Владиміровна вначалѣ. И не тотъ привлекательный человекъ, какимъ сталъ онъ въ ея глазахъ за послѣдній годъ. Новый Навотный заслонилъ и отодвинулъ свои прежніе образы, а самъ оставался чужимъ и непонятнымъ съ безпричинной ревностью, раздражительностью, съ склонностью язвить, терзать и мучить...

Октавія подчиненно и терпѣливо молчала, избѣгая дразнить разъяреннаго Навотнаго. А Навотный, не встрѣчая отпора, взвинчивалъ себя все сильнѣе. Онъ отдавалъ женщинъ такъ много, какъ никогда раньше. И эгоистически

стремился взять, какъ можно больше, самъ не опредѣляя въ точности своихъ требованій. Онъ настолько упрямо и настолько часто напоминалъ Октавію о „молодомъ“ Нещадимѣ, что та поневолѣ начинала думать о покойномъ. И недовольная настоящимъ,—принималась идеализировать былую жизнь съ Нещадимомъ, какъ идеализируютъ все, невозвратно-минувшее. Ея память не хранила больше ничего плохого о Нещадимѣ. Невниманіе, равнодушіе къ личности жены, потомъ измѣны и грубости,—все отлетало. Оставались лишь недолгія хорошія минуты, нѣжно-ласковыя словечки, юношески-непритязательная любовь еще не загрязненнаго жизнью Нещадима... Представлялось трогательнымъ, что онъ довѣрялъ Октавію, не подозрѣвая за нею ничего грязнаго. А маленькія и очень рѣдкія его заботы о женѣ претворялись почти въ самоотверженные подвиги. Рядомъ съ этимъ юнымъ мужскимъ обликомъ тучный, поматый жизнью Навотный много проигрывалъ. Главное же, съ нимъ было несравнимо скучнѣе, чѣмъ съ Нещадимомъ. Тотъ былъ — вполнѣ свой, вполнѣ близкій, прозрачно-понятный. Нещадимъ — какъ и Октавія — часами могъ дурачиться и хохотать изъ-за какого нибудь, въ другое время вовсе не смѣшного, пустяка. А подоврительность, вспышки мелочныхъ капризовъ, брюзжанье и придирчивость Навотнаго оставались для Октавіи чуждыми, трудно-объяснимыми, граничили со старческими причудами. Въ горнилѣ ея воспоминаній поблѣднѣли даже измѣны Нещадима. Она уже находила, будто въ былыхъ измѣнническихъ поступкахъ повиненъ не самъ Нещадимъ — юный и еще не ополченный, — а тѣ навязчивыя женщины, которыя совращали его, увлекали въ скверныя авантюры...

Навотный постоянно наталкивалъ Октавію на невыгодныя для него сравненія. Говоря о Нещадимѣ, упоминалъ о своей якобы старости и ждалъ пламенныхъ опроверженій. Но Октавія принимала зондирующіе подходы Навотнаго за чистую монету. Смотрѣла на разговоры о старости, какъ на безплодныя толкованія о непоправимомъ фактѣ. И это больше всего выводило изъ равновѣсія тщеславнаго Навотнаго.

Для изощренно-жестокихъ сценъ у нихъ оставалось много времени. Они нигдѣ не бывали, никого не видѣли у себя. Знакомыхъ Октавію сразу отводилъ отъ визитовъ Навотный, а самъ съ однимъ лишь Борцомъ познакомилъ Октавію, да и Борецъ заходилъ къ нимъ въ меблирашку не часто. Просиживалъ недолго и уывадалъ, безсознательно поддаваясь гнетущему настроенію, которое создавалъ вокругъ себя Навотный. Попутно Навотный ревновалъ Октавію Владиміровну и къ Борцу. Воображалъ, что молодой, „свѣжій“ Борецъ

напоминаетъ Октавію Нещадима, и оттого она оживляется, разговаривая съ Борцомъ...

Отдѣлку квартиры закончили.

Навотный переѣхалъ туда первымъ въ воскресенье, послѣ обѣда, и ждалъ, какъ хозяинъ, Октавію къ вечеру. Она медлила. Навотнаго разбирало нетерпѣніе. Отъ окна къ окну бродилъ онъ, высматривая, не ѣдетъ ли? Какъ часто бываетъ при напряженно-длительномъ ожиданіи, утомился ждать и едва не пропустилъ появленіе Октавіи. Увидѣлъ въ окно, когда извозчикъ пролетка объѣзжала круглый газонъ передъ домомъ. Бросился стремглавъ на встрѣчу, у дверей подъѣзда торжественно подхватилъ Октавію на руки, быстро понесъ вверхъ по лѣстницѣ.

Внизу помѣщался лишь полуэтажъ со службами и лѣстница не была высокой. Но Октавія вспомнила, что у Навотнаго ожирѣлое сердце, и испугалась за него.

— Не надо, Максимъ Андреичъ. Оставьте. У васъ — сердце... вамъ вредно.

Онъ уже одолѣлъ лѣстницу и хотя задыхался, но шутилъ, — полуобожженный и молодцоватый, — уязвленно отражая воображаемый ударъ.

— Не беспокойтесь, пожалуйста. Почему-то вы всегда рады записать меня въ старики. А я еще не настолько старъ и немощенъ, чтобы не позволить себѣ даже этого.

Долго осматривали квартиру.

Она была отдѣлана красиво, съ тонкимъ вкусомъ, съ расточительной щедростью.

— Тебѣ нравится? Нравится тебѣ?

Октавія отвѣчала:

— Очень.

— А этотъ каминъ? А тотъ экранъ? Или вотъ шкафикъ? А вонъ тотъ уголокъ за аркой?

— Все прелестно.

— Но лучше всего самый домъ, не такъ ли? Эти строгія комнаты, вездѣ дубъ, бронза. Не похоже, что въ городѣ. Внутреннія ставни на окнахъ, напимѣръ, и ставни — снаружи. А какія наивныя лежанки въ спальняхъ покояхъ. Сколько всякихъ кладовыхъ, боковушекъ, закоулковъ въ коридорахъ...

Октавія хвалила и находила, что все прекрасно. Но похвалы ея были немного безучастныя. Она никогда не жила среди художественныхъ вещей, не умѣла ихъ цѣнить, не считала принадлежностью счастья. Навотнаго ея тонъ задѣвалъ и онъ не воздержался отъ упрека.

— Ты такъ холодна, словно и не для тебя все это. Вѣдь съ Нещадимомъ не видѣла ничего подобнаго. Прозябала въ

жалкихъ трехъ комнаткахъ... а—точно королева, которую ничѣмъ не удивишь.

— Да я мало понимаю во всемъ этомъ... именно потому, что прозябала въ жалкихъ комнаткахъ,—сказала Октавія.

Ея отвѣтъ будто успокоилъ Навотнаго.

За вечернимъ чаемъ онъ говорилъ:

— Ну... теперь ты, надѣюсь, разстанешься со своей службой окончательно?

Октавія настоительно спросила:

— Зачѣмъ?

— Я такъ хочу,—упрямо произнесъ Навотный.

Его тонъ разсердилъ Октавію.

— А я—нѣтъ,—строптиво возразила она, и добавила, возмущаясь:—Зачѣмъ я должна уничтожать все мое... растворяться въ вашемъ? Мнѣ хотѣлось бы сохранить свое „я“... Свой трудъ, заработокъ.

— Даже заработокъ? Эти мизерные гроши?

— Какіе есть... но они—мои.

— Психологія! Фантазерство. Я понимаю, если ты продолжала служить при Нещадимѣ. Нещадимъ былъ не обезпеченъ, самъ нуждался въ твоемъ подспорьи. И то былъ—такой непрочный союзъ. Но теперь? Твои пятьдесятъ пять рублей въ нашемъ бюджетѣ?.. Это комично. Ребячливо. Или ты не довѣряешь мнѣ? Хочешь имѣть лазейку для возврата? Небось, еслибы Нещадимъ...

— Оставимъ Нещадима мирно спать въ гробу. Мнѣ успѣло надоѣсть. Нещадимъ, Нещадимъ... во всѣхъ падежахъ.

— Раненько успѣло надоѣсть.

— Да надоѣло хоть бы кому. Эти разспросы... „Какъ ты любила Нещадима?“ „А какъ онъ цѣловалъ тебя?“ Постоянныя допытыванья... Угадыванья, мучительства, упреки. И въ своемъ домѣ вы меня встрѣчаете прежде всего тѣмъ же.

— А зачѣмъ ты сошлась со мной, если равнодушна ко мнѣ? Взяла въ утѣшители съ горя? Уступила моимъ назойливымъ домоганьямъ? чтобъ не обидѣть меня? Я не мирюсь съ такой ролью. Ну, и чтила бы свято память своего Нещадима... послѣ котораго тебѣ скучно со мной.

— О, Боже... начинается. Опять этотъ бредъ!

— Да! Опять. Нещадимъ, небось, развлекалъ и забавлялъ, и всегда былъ пріятенъ. А я, по сравненію съ нимъ, недостаточно, изволите ли видѣть, молодъ. Или достаточно старъ уже. И отъ этого...

— Но, Максимъ Андреечъ? Да что съ вами? Съ чего вы мучите и меня, и себя?

Навотный кричалъ, какъ въ забытѣ, грубо сжимая кулаки и потрясая ими.

— Зачѣмъ онъ былъ. Зачѣмъ былъ онъ... Нещадимъ твой глупый! И зачѣмъ ты помнишь о немъ?

— Охотно забыла бы. Вы же не даете. Отъ васъ идутъ непрерывныя напоминанья.

— О, ла-ла! Не замечайте слѣдовъ, madame. Не пытайтесь обойти и провести меня. Не удастся. Я вижу... я знаю... чувствую. Относительно меня—никакой иллюзии. Никакой нѣжности или идеализаціи. Самое трезвое отношеніе. И все: „Максимъ Андреичъ“... „вы“, „вы“, „вы“. Для меня даже простого „ты“ не находится...

— Если нѣжность и была... вы ее упорно уничтожаете.

— Если была... въ томъ-то и дѣло, что ее не было. Ты смѣешься въ душѣ надо мною. Но я хочу быть любимымъ. Такъ же, какъ Нещадимъ. Не нужно мнѣ твоей прѣсной дружбы!

— Что вы все корите меня Нещадимомъ? Я не скрывала, что любила его. Вы знали это.

— „Любила“... вотъ въ чемъ суть. Его—любила, а меня—нѣтъ. Ко мнѣ изволятъ лишь снисходить... Съ такимъ... маленькимъ пренебреженіемъ. А чуть коснется Нещадима... „ахъ! я любила!“ За что, спрашивается, любила? За то, что молодъ? За то, что не было морщинъ? За блестящіе глаза? За красныя губы? Человѣкъ унижалъ ее... третировалъ до издѣвки... а она: „ахъ! любила“...

Октавія Владиміровна плакала. А Навотный снова распаленно требовалъ у нея отвѣта:

— Нѣтъ, я тебя спрашиваю, зачѣмъ ты тутъ, если холодна ко мнѣ? Что руководило тобой? Что заставило сойтись со мною? Желаніе найти во мнѣ друга? Человѣка, на котораго можно было бы опереться? Но я не хочу быть для женщины ни другомъ... ни опорой въ превратной судьбѣ. И, вдобавокъ, для женщины, которая... не любитъ меня, какъ я желалъ бы.

Октавія изнеможенно прижала руки къ глазамъ.

— Одно и то же.. одно и то же—безъ конца. „Я вижу, я знаю, я чувствую“... Какъ бредъ какой-то.

— Не бредъ, а я хочу видѣть то же, что было у тебя къ Нещадиму. Не оправдывайся своею святостью... Не говори мнѣ о ней. Объ этомъ намъ многое могъ бы поразсказать господинъ Нещадимъ. Да онъ такъ хорошо упрятанъ, что—увъ!—ничего не разскажетъ.

Все острѣй и обиднѣй становилась размолвка. Потомъ наступилъ переломъ пароксизма ссоры. Навотный опомнился, просилъ прощенья, бичевалъ себя.

— У каждого—свой психозъ. У меня—такой. Если любишь, подыщи для него оправданія.

Онъ давалъ пламенные обѣты не вспоминать о Нецадимѣ. И снова упрашивалъ Октавію бросить ненужную службу.

— Подари мнѣ это, какъ доказательство твоей привязанности. Я прошу, какъ жертвы. Для меня. Оставь управленіе. Не ходи туда. Пока ты бываешь тамъ, я не буду спокоенъ.

Такъ прошелъ ихъ первый вечеръ подъ крышей общей квартиры.

(Окончаніе слѣдуетъ).

О. Н. Ольнемъ.

* *
*

Позднимъ вечеромъ, въ вечеръ сѣверный
Отдаюсь мечтѣ, одинокая...
Съ поля вносятся запахъ клеверный...
Ночь прозрачная, многоокая...

Въ ночь безмолвную, въ ночь спокойную
Появляются грезы милыя...
Лишь для грезъ моихъ душу знойную
Сохраниютъ мнѣ силы хилыя...

Съ молодой зарей, съ золотистою
Расплывается греза свѣтлая...
Надъ травой ночной и росистою
Замолкаетъ пѣснь—пѣснь привѣтная...

Утромъ медленнымъ, утромъ сѣвернымъ
Засыпаю я, одинокая...
Вѣетъ въ воздухъ полемъ клевернымъ...
Даль лучистая, свѣтлоокая...

Нина Каратыгина.

Романъ Парнелля.

(Окончаніе).

VII.

Въ концѣ апрѣля 1882 года Парнелль, выпущенный на честное слово изъ Килмэнхэмской тюрьмы, снова возвратился туда. Онъ составилъ здѣсь проектъ договора съ правительствомъ. За улучшение положенія фермеровъ и за примѣненіе земельного закона ирландская партія обѣщала не только взять обратно манифестъ о неплатежѣ ренты, но и убѣдить также фермеровъ, чтобы они столковались съ помѣщиками. Гладстонъ согласился на этотъ договоръ. Надо знать, что Парнелль въ тюрьмѣ неизмѣримо болѣе стѣснялъ правительство, чѣмъ Парнелль на волѣ. „Правительство охотно освободило бы его, еслибы Парнелль далъ какую-нибудь гарантію,—пишетъ г-жа О'Ши.—Вождемъ на свободѣ затруднялъ, конечно, правительство; но онъ все-таки удерживалъ разрушительныя подпольныя силы, которыя теперь, съ заключеніемъ Парнелля въ тюрьму, вырвались на волю. Парнелль былъ блещемъ для англійскаго правительства; но террористы, взявшіе верхъ, когда вожди арестовали, представляли собою скорпионовъ. Такимъ-то образомъ Парнелль и товарищи его вышли изъ Килмэнхэмской тюрьмы на основаніи формальнаго договора съ правительствомъ... Я никогда не пыталась воздѣйствовать на Парнелля, чтобы заставить его сдѣлать тотъ или другой политическій шагъ, но въ данномъ случаѣ употребила все вліяніе мое на то, чтобы мирный договоръ между правительствомъ и ирландской партіей былъ заключенъ“.

О существованіи формальнаго договора мы знаемъ уже по труду Барри О'Брайена. Тѣмъ болѣе любопытно, что Гладстонъ категорически отрицалъ письменное соглашеніе, когда вопросъ былъ поднятъ въ парламентѣ. „Освобожденіе ирландскихъ депутатовъ представляетъ собою актъ, совершенно свободный отъ какого бы то ни было соглашенія, договора или обѣщанія“—торжественно заявлялъ въ парламентѣ Гладстонъ. Послѣдовалъ протестъ со стороны тѣхъ сторонниковъ министерства, которые явились виновни-

ками репрессій въ Ирландіи. „Эти джентльмены (т. е. Парнелль и его товарищи) арестованы были потому, что пытались навязать Ирландіи свои законы, послѣдствіемъ которыхъ явилось раззореніе подданныхъ ея величества и устраниеніе ихъ. Не будь мистеръ Парнелль заключенъ въ тюрьму, онъ дѣйствительно сталъ бы королемъ ирландскимъ,—сказалъ Форстеръ.—Я не хочу сказать, что Парнелль и друзья его прямо призывали къ бунту; но несомнѣнно то, что они установили систему устрашенія. Вотъ почему Парнелль и его друзья должны были бы быть освобождены только въ томъ случаѣ, еслибы публично дали обѣщаніе измѣнить свою тактику. Освободить ихъ при томъ можно было бы только въ томъ случаѣ, еслибы Ирландія была совершенно зампрена. Скверно то, что правительство сдалось; но неизмѣримо хуже то, что оно дало освобожденнымъ формальныя обязательства“.

Съ мая 1882 года начинаются непрерывные переговоры между Гладстономъ и Парнеллемъ, при чемъ постоянной посредницей является г-жа О'Ши. „Прежде чѣмъ закончилось мое первое свиданіе съ Гладстономъ, онъ отлично зналъ, что вмѣшиваюсь я въ ирландскую политику только потому, что Парнелль мнѣ очень близокъ—говорятъ г-жа О'Ши.—Гладстонъ далъ мнѣ понять, что знаетъ это... Гладстонъ сказалъ мнѣ, что правительство находитъ удобнымъ вести приватныя и дружескія переговоры съ Парнеллемъ. И такъ какъ мои интересы тѣсно связаны съ интересами ирландскаго вождя, то мое посредничество является не только приемлемымъ, но и въ высшей степени желательнымъ. За первымъ свиданіемъ слѣдовали другія. Я часто прѣзжала въ министерство на Downing Street и привозила Гладстону проекты новыхъ параграфовъ для обсуждаемыхъ биллей, поправки къ разнымъ пунктамъ ихъ и словесныя совѣты Парнелля. Всѣ эти поправки, конечно, имѣли цѣлью улучшеніе билля въ интересахъ Ирландіи. Гладстонъ приторговывалъ поддержку ирландской партіи, безъ которой не могъ обойтись“. Интересенъ портретъ стараго восьмидесятилѣтняго „орла съ зоркими, стальными, непроницаемыми глазами“, набрасываемый г-жей О'Ши. „Гладстонъ никогда не сидѣлъ спокойно, когда бесѣдовалъ со мною, но любилъ шагать взадъ и впередъ по комнатѣ. Когда я входила, онъ поднимался изъ-за стола, здоровался, затѣмъ торжественно подавалъ мнѣ стулъ, подходилъ къ всегда открытой двери въ другомъ концѣ комнаты, тщательно запиралъ ее на ключъ; продѣлавъ это, Гладстонъ подходилъ къ той двери, черезъ которую я вошла, и пробоваъ, заперта ли она. Эти приготовленія постоянно вызывали у меня улыбку, которая передавалась и Гладстону. Послѣ этого онъ подходилъ ко мнѣ, галантно предлагалъ руку и говорилъ:

— „Не хотите ли походить со мною по комнатѣ? Мнѣ такъ удобнѣе разговаривать“. И мы ходили взадъ и впередъ по кабинету. Я передавала порученія Парнелля и выслушивала отвѣты

Гладстона, стараясь запомнить каждое слово. Великій старецъ, отвѣчая мнѣ, начиналъ всегда такъ: „Вашъ другъ долженъ знать“, или „Я готовъ уступить вашему другу“, etc.

— Кого вы, мистеръ Гладстонъ, запираете въ той комнатѣ каждый разъ, когда я вхожу?—спросила я.

— О, это не интересно. Тамъ обыкновенно сидитъ секретарь, а въ эти дни глупыхъ тревогъ—полицейскій агентъ. Насъ никто не можетъ подслушать,—прибавилъ Гладстонъ, понявъ мой вопросительный взглядъ.

„И каждый разъ, когда я стояла лицомъ къ лицу съ великимъ старцемъ, каждый разъ, когда я глядѣла въ его зоркіе, орлиные глаза, я испытывала жуткое чувство, не смотря на чрезвычайную любезность и внимательность Гладстона. Мнѣ казалось, что предо мною прекрасная хищная птица. Проницательные, жестокіе глаза не смягчались любезной, изысканной улыбкой. Орелъ сторожилъ добычу, готовый, когда это ему понадобится, спокойно растерзать ее“¹⁾. Гладстонъ пользовался посредничествомъ г-жи О’Ши много лѣтъ. „Восьмого апрѣля 1886 года, въ тотъ вечеръ, когда Гладстонъ вносилъ въ парламентъ свой билль о гомрулѣ, первый министръ прислалъ ко мнѣ въ Эльтэмъ своего секретаря съ письмомъ,—писать г-жа О’Ши.—Я должна была спросить у Парнелля, принимаетъ ли онъ билль. Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта мнѣ предстояло отвѣтить по телеграфу только однимъ словомъ *да*. Парнелль далъ мнѣ такъ поздно отвѣтъ, что я едва успѣла протелеграфировать Гладстону“. „Восьмого мая 1886 года члену кабинета Морлею понадобилось вручить Парнеллю въ высшей степени важное письмо. Такъ какъ Морлей не зналъ, гдѣ находится Парнелль, то министръ прислалъ курьера ко мнѣ... Впослѣдствіи, когда публично выяснилось, что Парнелль мой возлюбленный, Гладстонъ и его коллега демонстративно заявляли, что они шокированы этимъ обстоятельствомъ. Добродѣтельное негодованіе министровъ въ связи съ тѣмъ, что они сами справлялись у меня, гдѣ находится Парнелль, ужасно забавляло насъ... Разъ правительству понадобилось узнать взглядъ Парнелля на билль, подготовлявшійся тогда. Въ Эльтэмъ былъ посланъ министерскій курьеръ съ письмомъ. Я въ это время была съ дѣтьми въ Гастингсѣ. Прислуга отвѣтила, что не знаетъ, гдѣ мистеръ Парнелль, но что г-жа О’Ши на берегу моря. Тогда догадливый курьеръ, взявъ у прислуги мой адресъ въ Гастингсѣ, повезъ туда письмо къ Парнеллю. Гладстонъ тогда получилъ отвѣтъ“. И великій старецъ, знавшій доподлинно втеченіе многихъ лѣтъ, какія отношенія между Парнеллемъ и О’Ши, скорбѣлъ потомъ о „паденіи“ ирландскаго вождя и заявилъ, что съ нарушителемъ седьмой заповѣди не можетъ имѣть никакихъ дѣлъ! Повидимому, Гладстонъ признавалъ только

¹⁾ Katharine O’Shea, „Charles Stewart Parnell: His Love Story and Political Life“ vol. I, стр. 252—274.

одну заповѣдь, саркастически замѣчаетъ О'Ши: „прячь концы въ воду“ ¹⁾).

Какъ сильный человѣкъ, Парнелль вѣрилъ, прежде всего, въ свободу. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что свободный человѣкъ самъ сумѣетъ устроить свою судьбу и легко разрѣшитъ тогда такіе вопросы, какъ аграрный. Вотъ почему въ глазахъ Парнелля гомруль былъ наиболѣе важной реформой, въ которой нуждалась Ирландія. Въ 1884 году Парнелль изложилъ свои требованія въ меморандумѣ, посланномъ Гладстону. Проектъ сводился къ слѣдующему. Выборная законодательная палата, вѣдающая всѣ ирландскія дѣла, но не вмѣшивающаяся въ имперскую политику. Палата состоитъ изъ 300 депутатовъ. Интересы протестантскаго населенія въ Ольстерѣ представлены числомъ депутатовъ, пропорціональнымъ населенію. Дублинскій парламентъ имѣетъ полный контроль надъ исполнительной властью и надъ полиціей. Онъ же назначаетъ судей, слѣдственныхъ судей (magistrates) и другихъ судебныхъ чиновниковъ, а также опредѣляетъ ихъ жалованье. Ирландія можетъ имѣть своихъ представителей въ имперскомъ парламентѣ или можетъ не имѣть ихъ. Это не важно ²⁾).

Гладстонъ, повидимому, забылъ про меморандумъ до выборовъ 1885 года, когда внезапно вспомнилъ о немъ. Во время выборовъ обѣ партіи заигрывали съ Парнеллемъ, стараясь залучить его на свою сторону. Изъ видныхъ членовъ министерской партіи раньше всего Джозефъ Чамберленъ заявилъ, что „замиреніе Ирландіи находится въ прямой зависимости отъ того, насколько скоро ей предоставлено будетъ неоспоримое право вершить свои собственныя

¹⁾ ib., vol. II, стр. 39.

²⁾ Интересно сравнить меморандумъ Парнелля съ биллемъ о гомрулѣ, принятымъ теперь нижней палатой. Ирландія получаетъ отдѣльный парламентъ съ отвѣственнымъ министерствомъ. Британскій парламентъ сохраняетъ свой верховный авторитетъ, хотя въ собственныхъ дѣлахъ Ирландія получаетъ дѣйствительную автономию. Парламентъ будетъ состоять изъ представителя короны и изъ двухъ палатъ. Представителемъ короны является лордъ-намѣстникъ, назначаемый королемъ на опредѣленный срокъ. Въ чисто-ирландскихъ дѣлахъ намѣстникъ слѣдуетъ „совѣту“, поданному ирландскимъ кабинетомъ. Верхняя палата, или сенатъ, состоитъ изъ сорока членовъ, а нижняя палата изъ ста шестидесяти четырехъ коммонеровъ. Сенаторы назначаются имперской исполнительной властью на восемь лѣтъ, при чемъ часть ихъ въ опредѣленный срокъ замѣщается ирландской исполнительной властью. По мнѣнію Редмонда, такой сенатъ будетъ болѣе демократическимъ институтомъ, чѣмъ верхняя палата, избираемая людьми, имѣющими высокій имущественный цензъ. Члены нижней палаты избираются на основаніи закона, дѣйствующаго во всемъ Соединенномъ Королевствѣ. Другими словами, избирателями являются лица, уплачивающія за квартиру десять ф. ст. въ годъ въ городѣ и пять ф. ст.—въ деревнѣ. „Дублинскій парламентъ издаетъ законы, способствующіе установленію мира, порядка и хорошаго правительства въ Ирландіи“. Парламентъ имѣетъ контроль надъ исполнительной властью, контроль надъ жандармеріей передается ему черезъ шесть лѣтъ.

дѣла“. Въ такомъ же духѣ произнесъ рѣчь вождь консервативной партіи, лордъ Солсбери. Въ результатѣ выборовъ было то, что Парнелль сталъ самымъ вліятельнымъ человѣкомъ въ парламентѣ. Обѣ партіи находились въ зависимости отъ ирландскихъ націоналистовъ. Тори вмѣстѣ съ ирландцами имѣли большинство въ четыре голоса надъ либералами, а либералы вмѣстѣ съ ирландцами большинство въ 167 голосовъ надъ консерваторами. Гладстонъ тогда сдѣлалъ рѣшительный шагъ къ сближенію съ Парнеллемъ и внесъ билль о гомрулѣ. Палата тогда отражала настроеніе страны по отношенію къ ирландцамъ и отношеніе это было до такой степени враждебно, что первый законопроектъ о гомрулѣ былъ отклоненъ большинствомъ 343 голосовъ противъ 313. Палата была распущена въ іюлѣ 1886 года, а на ближайшихъ выборахъ націоналисты выступили союзниками либераловъ, которые, кажется, ввели въ Ирландіи еще больше законовъ объ усиленной охранѣ, чѣмъ консерваторы. До этого времени Гладстонъ никогда не встрѣчался съ Парнеллемъ. Переговоры велись постоянно черезъ О'Ши. Передъ новыми выборами Гладстонъ, бесѣдуя съ г-жею О'Ши, выразилъ желаніе повидаться съ Парнеллемъ, чтобы лучше обсудить политическое положеніе дѣлъ. И въ результатѣ Гладстонъ прислалъ ирландскому вождю приглашеніе погостить въ Гаварденѣ, т. е. въ помѣстьѣ, гдѣ великій старецъ всегда проводилъ лѣто. Объ этомъ посѣщеніи, состоявшемся осенью 1886 года, г-жа О'Ши рассказываетъ нѣсколько анекдотовъ.

— Кто величайшій актеръ, котораго вы когда-либо видѣли, мистеръ Парнелль?—спросила за обѣдомъ миссъ Гладстонъ, сидѣвшая рядомъ съ ирландскимъ вождемъ. — *Your father, undoubtedly*, — т. е., несомнѣнно, вашъ отецъ,—улыбаясь, отвѣтилъ Парнелль къ великому удовольствію своей сосѣдки.

Гладстонъ окончательно рѣшилъ выставить гомруль первымъ пунктомъ своей политической программы. Для осуществленія этого ему надобно было, чтобы Ирландія была немного болѣе нервна и возбуждена. „Помню, разъ въ апрѣлѣ или въ маѣ 1888 года я подѣхала вмѣстѣ съ Парнеллемъ къ дому, гдѣ жилъ тогда Морлей,—разсказываетъ г-жа О'Ши.—Я дожидалась въ кэбѣ, покуда Парнелль велъ приватный и крайне важный разговоръ съ министромъ. Наконецъ, Парнелль вышелъ съ усмѣшкой на лицѣ.

— Мы никакъ не угодимъ англійскимъ политическимъ дѣтелямъ! — началъ Парнелль, когда кэбъ тронулся. — Они посадили меня въ тюрьму за агитацію въ Ирландіи, а теперь знаете, чего они хотятъ? Во всякомъ случаѣ агитаціи, если не маленькихъ террористическихъ выступленій. Надо немножко разбудить англійскую публику,—сказалъ мнѣ Морлей.—Надо ей показать, что Ирландія действительно требуетъ гомруля. Не можете ли вы это сдѣлать, мистеръ Парнелль?

— Знай они, — продолжалъ со смѣхомъ Парнелль — какъ мнѣ легко поднять Ирландію и какъ дьявольски трудно ее потомъ успокоить, министры осторожнѣе дѣлали бы мнѣ подобныя предложенія.

Парнелль тогда объяснилъ Морлею, что съ терроризмомъ надо обращаться осторожнѣе ¹⁾. Дѣйствительно, вождь ирландцевъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы держать въ рукахъ террористовъ. Фени, въ общемъ, подчинились желѣзной волѣ Парнелля и подпадали подъ обаяніе его личности; но иногда террористы вырывались на волю. Тогда совершались такіа выступленія, какъ убійство лорда Кавендиша и Бёрка въ Фениксъ-паркѣ, приводившія въ ужасъ Парнелля.

VIII.

Теперь трудно даже представить себѣ размѣры того благоговѣнія, съ одной стороны, и страшной ненависти — съ другой, которыми былъ окруженъ Парнелль. Съ одной стороны, были миллионы людей, молившихся на Парнелля и считавшихъ его божествомъ. Съ другой, въ Англіи его ненавидѣли, какъ страшнаго врага. И чѣмъ сильнѣе было вліяніе Парнелля въ Ирландіи, тѣмъ болѣе крѣпло желаніе избавиться какъ-нибудь отъ него. Сперва были попытки убить его изъ-за угла. Одно изъ такихъ покушеній описываетъ г-жа О'Ши. Затѣмъ задуманъ былъ болѣе „культурный“ планъ, чтобы убрать Парнелля, заключавшійся въ попыткѣ изобразить его инициаторомъ всѣхъ террористическихъ выступленій. За осуществленіе этого плана взялся *Times*. Седьмого марта 1887 года въ этой газетѣ, которая тогда еще была самымъ вліятельнымъ органомъ англійской печати, а не двусмысленнымъ изданіемъ, какъ теперь, купленнымъ лордомъ Норклифомъ и другими, — появилось первое письмо, составившее потомъ серію „*Parnellism and Crime*“, т. е. *Парнеллизмъ и преступленіе*. Предо мною лежитъ теперь отдѣльное изданіе этихъ писемъ съ отмѣткою, что это *девяностое* изданіе. (Брошюра выпущена въ апрѣлѣ или въ маѣ 1887 года). На обложкѣ красной краской сдѣланъ отпечатокъ окровавленнаго пальца, при чемъ подпись гласитъ: „Знакъ Національной Лиги“. „Отмоютъ ли всѣ волны Нептунова океана эту кровь съ рукъ твоихъ? Нѣтъ“, — читаемъ мы на той же обложкѣ. Въ брошюрѣ перепечатаны всѣ статьи противъ Парнелля изъ *Times'a*, что занимаетъ сорокъ страницъ мелкаго шрифта. Вторая половина брошюры, отъ страницы 41 до 88, носитъ отдѣльный заголовокъ, тоже крайне внушительный: „Годичная дѣятельность Адской Бригады, или лѣтопись выступленій Ирландской Націоналистической Лиги. Предсѣдатель: членъ парламента Чарльзъ Стюартъ Пар-

¹⁾ O'Shea, vol. II, стр. 42-43.

иелль“. Въ „лѣтописи“ обозначены всѣ пожары, всѣ случаи бойкота и всѣ политическія убійства, происшедшія въ Ирландіи: цѣль этой брошюры — отправить Парнелля, какъ вождя шайки убійць, на каторгу или на висѣлицу. „Въ тотъ день, т. е. 7 марта 1887 года, я не хотѣла было, чтобы Парнелль раскрылъ Times до окончанія завтрака, — рассказываетъ г-жа О'Ши. — Я ему сказала, что въ газетѣ сегодня грязи больше обыкновеннаго; но Парнелль попросилъ дать ему газету немедленно. Онъ спокойно сталъ читать развернутый листъ, тщательно намазывая греноекъ вареньемъ. Парнелль кончилъ статью, затѣмъ спокойно продолжалъ завтракать. Послѣ этого онъ вынулъ сигару, обрѣзалъ, закурилъ и потомъ ужъ сказалъ съ улыбкой:

— Развѣ вы, королевушка, не закрыли бы лицо отъ стыда, еслибы вашъ король былъ такимъ глупцомъ, какимъ онъ изображенъ въ этой статьѣ?

Послѣ этого онъ спокойно занялся геологіей, которою увлекался тогда. Я старалась убѣдить Парнелля, что выступленіе Times'a въ высшей степени серьезное дѣло, на которое поэтому необходимо немедленно обратить вниманіе.

— Вы подумайте за меня, — спокойно отвѣтилъ Парнелль; — мнѣ хочется продѣлать теперь одинъ опытъ съ образчиками этой руды. — И все его вниманіе ушло въ плавильный тигель. Онъ проработалъ такъ два часа.

— Ну, мой король, — начала я: — теперь займитесь Times'омъ. Вамъ надо привлечь газету къ суду.

— Не хочу. Затѣмъ? Я никогда не обращалъ вниманія на то, что говорятъ газеты обо мнѣ. Съ какой стати я это сдѣлаю теперь?“¹⁾

Въ концѣ концовъ, отправляясь въ парламентъ, Парнелль общалъ посовѣтоваться съ партіей. „Онъ въ тотъ день возвратился домой раньше, чѣмъ я, — продолжаетъ г-жа О'Ши. — Когда я возвратилась, то застала его погруженнымъ въ работу. Онъ изслѣдовалъ образчики руды и извлекъ оттуда нѣсколько ничтожныхъ крупицъ золота.

— Не говорите со мною, покуда не я кончу, — началъ Парнелль. — И я собрала все терпѣніе, какое только у меня было. Я сидѣла долго. Вотъ, наконецъ, Парнелль поднимается и съ необыкновеннымъ торжествомъ объявляетъ мнѣ, что извлекъ крупицу золота. Я твердо сказала, что статья Times'a теперь важнѣе всего, и спросила, что говорить партія.

— Они хотятъ, чтобы я началъ процессъ, — вяло отвѣтилъ Парнелль. Все его оживленіе сразу исчезло. — Какая скучная исторія, королевушка! — Парнелль доказывалъ мнѣ, что все это

¹⁾ ib., II, стр. 130.

лишнее, такъ какъ его совершенно не интересуетъ мнѣніе ни Times'a, ни читателей этой газеты.—Я настаивала на томъ, что необходимо привлечь газету къ суду, и доказывала, что въ интересахъ Ирландіи слѣдуетъ обнаружить клевету, пущенную самою вліятельною газетою. Парнелль обѣщалъ обратить серьезное вниманіе на статью. „Хорошо. Я накажу теперь газету за клевету,—сказалъ онъ:—хотя, еслибы понадобилось сѣчь англичанъ за всю ту ложь, которую они пускаютъ въ ходъ по отношенію къ намъ, потребовалось бы измочалить всѣ терновые кусты нашихъ холмовъ“.

А въ „Times'ѣ“ между тѣмъ продолжали появляться статьи „Парнеллизмъ и преступленіе“. Восемнадцатаго апрѣля 1887 года газета, желая окончательно и неоспоримо доказать, что Парнелль принималъ участіе въ террористическихъ выступленіяхъ, помѣстила facsimile его письма, въ которомъ восхвалялось убійство въ Фениксъ-Паркѣ. „Меня не изумляетъ гнѣвъ вашего пріятеля по поводу того, что я въ парламентѣ осуждалъ убійство, совершенное въ Фениксъ-Паркѣ,—писалъ будто бы Парнелль. — Но вы и онъ должны понять, что намъ только и оставалось, что формально выступить противъ убійства. Такъ поступить требовала политика. Но вы можете сказать вашему пріятелю и всѣмъ другимъ, причастнымъ къ этому дѣлу, что хотя мнѣ и жаль лорда Кавендиша, но, по моему глубокому убѣжденію, Бёркъ получилъ вполне по заслугамъ. Если найдете необходимымъ, можете показать это письмо вашему пріятелю и другимъ лицамъ, заслуживающимъ довѣрія. Не сообщайте только, гдѣ я нахожусь. Пусть мнѣ адресуютъ письма въ палату общинъ. Преданный вамъ Чарльзъ С. Парнелль“. „Появленіе этого письма въ „Times'ѣ“ произвело колоссальное впечатлѣніе,—пишетъ Барри О'Брайенъ.—Всѣ говорили: „Наконецъ-то нанесенъ окончательный ударъ вождю этой шайки мятежниковъ и убійцъ! Теперь гомруль похороненъ навсегда!“ Вечеромъ того дня Парнелль съ совершенно беззаботнымъ видомъ появился въ парламентѣ.

— Видѣли ли вы сегодня „Times“? — спросилъ Гаррингтонъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ вождь, читавшій газеты только тогда, когда обращали его вниманіе на какую-нибудь статью. Парнелля повели въ читальню и дали ему номеръ „Times'a“. Вождь погрузился въ чтеніе. Гаррингтонъ ожидалъ, что Парнелль возмутится, негодуя крикнетъ: „Какая низость!“ или скажетъ: „Какой наглый подлогъ!“ Но ничего подобнаго не было. Парнелль указалъ пальцемъ на подпись и совершенно спокойно сказалъ: „Съ 1878 года я не обозначаю болѣе мое второе имя одною только литерою С.“.

— Боже мой! — подумалъ Гаррингтонъ: — если онъ такъ отнесется къ письму, то во всей нижней палатѣ не будетъ англича-

вина, сомнѣвающегося, что документъ дѣйствительно написанъ Парнеллемъ“ 1).

Какъ извѣстно, парламентъ назначилъ тогда судебно-слѣдственную комиссію для выясненія обвиненій, выставленныхъ „Times'омъ“. Слѣдствіе выяснило, что статьи „Times'a“ были основаны на ложныхъ показаніяхъ и что главное обвиненіе, писанное Парнеллемъ—подложно. Пипотъ, совершившій подлогъ за 500 ф. ст., полученныхъ отъ „Times'a“, сознался въ этомъ на перекрестномъ допросѣ и въ тотъ же день бѣжалъ въ Мадридъ, гдѣ 1 марта 1889 года застрѣлся, когда его пришли арестовать. Парнелль изъ слѣдствія вышелъ побѣдителемъ. Онъ привлекъ къ суду „Times“ и газета должна была заплатить пять тысячъ ф. ст. Такимъ образомъ путемъ судебного процесса, какъ и путемъ убійства изъ-за угла, не удалось убрать Парнелля. Тогда съ этою цѣлью въ ходъ пущено было новое средство, которое дало ожидаемые результаты. Я напому здѣсь только одну дату. Судебно-слѣдственная парламентская комиссія имѣла свое послѣднее засѣданіе 22 ноября 1889 года и фактически обѣлила Парнелля во всѣхъ обвиненіяхъ, возведенныхъ „Times'омъ“. „Вождь разстроилъ всѣ заговоры противъ него, уничтожилъ вѣчныя распри въ рядахъ ирландской партіи, примирилъ враждующія силы, объединилъ конституціоналистовъ и революціонеровъ, разсѣялъ старую вражду между феніями и церковью и организовалъ парламентскую партію, безпримѣрную по своей силѣ. Однимъ словомъ, Парнелль объединилъ ирландскій народъ, разбросанный по всему свѣту, и сталъ во главѣ не только партіи, но націи. Онъ побѣдилъ почти всѣхъ своихъ враговъ: Форстеръ былъ раздавленъ, папа сокрушенъ, Гладстонъ завоеванъ, „Times“ посрамленъ, тори разгромлены, а либералы подчинены. Не было ни человѣка, ни партіи, ни силы, которые не были бы разбиты, когда выступали противъ Парнелля“ 2). Двадцать второго ноября 1889 года враги Парнелля, повидимому, потерпѣли послѣднее пораженіе; но у нихъ осталось еще одно оружіе и самое сильное. Черезъ мѣсяцъ, 24 декабря 1889 года, капитанъ О'Ши подалъ прошеніе о разводѣ, обвиняя свою жену въ прелюбодѣяннѣ съ Парнеллемъ.

IX.

Читатели видѣли, что „Вилли“ уже въ 1881 году догадывался объ отношеніяхъ, существовавшихъ между его женой и Парнеллемъ. Связь не конспирировалась и о ней знали всѣ. Капитанъ О'Ши, повидимому, старался использовать вліяніе Парнелля при каждомъ случаѣ. Такимъ образомъ, напр., капитанъ добился изъ

1) R. Barry O'Brien, „The Life of Charles Stewart Parnell“, vol. II стр. 197—199.

2) Barry O'Brien, vol. II, стр. 235.

бранія въ парламентъ въ 1887 году. По настоятельной просьбѣ „Вилли“, переданной *черезъ жену* Парнелля, „вождь“ рекомендовалъ капитана избирателямъ округа Голуэй въ Ирландіи. „Рекомендациі“ вождя означала, что всѣ ирландцы голосовали за кандидата. И вотъ въ декабрѣ 1889 года капитанъ О’Ши рѣшилъ защитить свою честь...

Дѣла подобнаго рода тянутся въ Англіи медленно и только въ ноябрѣ 1890 года Парнелль получилъ копію прошенія, т. е. сообщеніе, что имя его упоминается въ процессѣ. Парнелль отказался отъ предложенія избрать адвоката. „Мой король категорически заявилъ, что не будетъ защищаться,—нишеть г-жа О’Ши—а я одна, безъ него, тоже не могла этого сдѣлать. Адвокатъ сэръ Фрэнкъ Локвудъ просилъ меня воздѣйствовать на Парнелля, чтобы убѣдить его защищаться, но мои увѣщанія были напрасны... Послѣ обѣда Парнелль пришелъ въ мою комнату, такъ какъ я была больна. Онъ, по обыкновенію, закурилъ сигару и сѣлъ у постели. Я убѣждала его пойти на другое утро въ судъ и сдѣлать хоть попытку защиты.

— Нѣтъ, королевушка, зачѣмъ? Мы вѣдь хотимъ развода. Стоитъ ли онъ или нѣтъ, я всегда буду съ вами. Зачѣмъ же я пойду въ судъ? Дайте лучше я почитаю вамъ вслухъ... Мы столько лѣтъ желали быть свободными и теперь, когда свобода приходитъ, вы страшитесь!“ Г-жа О’Ши, какъ англичанка, сграшнулась той бури липемѣрія, которая поднимется, когда судъ выскажется за разводъ. Въ Англіи бракоразводный процессъ изгоняетъ виновныхъ изъ общества, члены котораго грѣшатъ, но только потихоньку, чтобы никто не зналъ. Парнелль, какъ сильный и смѣлый человѣкъ, не считался съ мнѣніемъ общества. Г-жа О’Ши убѣждала Парнелля защищаться, выставляя на видъ, что иначе погибнетъ вся его общественная дѣятельность.

— Королевушка,—отвѣтилъ Парнелль,—не думайте о моей общественной дѣятельности и не страшитесь за судьбу ея. Я отдамъ Ирландіи и еще отдамъ ей все то, что могу отдать. Такъ я общалъ; но моя частная жизнь принадлежит не странѣ, а одной только женщинѣ. Конечно, послѣ процесса поднимется вой; но завывать будутъ липемѣры. Подголосками явятся тѣ ирландскіе глупцы, которые искренно вѣрятъ, что формы и догматы направляютъ жизнь человѣка. Быть можетъ, въ *ихъ* сферѣ это такъ, но я не похожъ на нихъ. Они лишь безпомощные младенцы, а я мужчина. Я подсказалъ этимъ дѣтямъ, чего они хотятъ, и теперь они кричатъ объ этомъ. Если они дадутъ мнѣ свободу дѣйствовать, я добуду для нихъ все. Но если дѣти эти, подчинившись хору липемѣровъ, отвернутся отъ меня, то дѣло, за которое я стою, не погибло. Рано или поздно Ирландія восторжествуетъ. Теперь я знаю только, что люблю васъ и что хочу, чтобы вы были свободны.

На другое утро, въ то время, когда въ судѣ разбирался бракоразводный процессъ, привлечшій вниманіе не только всей Англіи,

но и всего міра, Парнелль спокойно завтракалъ и просматривалъ полученные письма.

— Должно быть, они наслаждаются теперь въ судѣ,—шутливо сказалъ Парнелль своей подружкѣ. „Это было въ субботу 15 ноября,—пишетъ г-жа О'Ши.—Въ понедѣльникъ 17 ноября мой адвокатъ принесъ мнѣ копію *deştee nisi* ¹⁾. Мы были очень счастливы въ тотъ день. Парнелль выразилъ желаніе вставить въ рамку постановленіе суда“. Въ тотъ же день всѣ газеты дѣйствительно „завыли“. Читая ихъ, можно было подумать, что съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ Англія, никогда еще не бывало сожительства мужчины съ женщиной помимо брака. „Times“ громилъ, укасался, вопилъ. По его словамъ выходило, что Англія опозорена на вѣчныя времена, если свершившій прелюбодѣіііе останется въ парламентѣ. Надо вспомнить, что лишь незадолго до этого въ „*Pall Mall Gazette*“ появились статьи Стада о систематической продажѣ малолѣтнихъ дѣвочекъ. Покупателями ихъ являлись многіе изъ тѣхъ Катонъ, которые по поводу процесса Парнелля укасались паденію нравовъ въ Англіи.

„Каждый ирландецъ рождается заговорщикомъ, журналистомъ и ораторомъ“,—говоритъ англійская поговорка. Можно прибавить еще, что почти всѣ ирландцы чуть ли не отъ рожденія надѣлены стремленіемъ не только организовать „фракцію“ или „секцію“, но и быть вождемъ ея. Ни въ одной странѣ, кажется, нѣтъ столько „секцій“ и враждующихъ между собою „вождей“, какъ въ Ирландіи. Когда въ Ирландіи является сильный, талантливый человѣкъ съ громадной волей, то ему приходится затратить больше энергіи на то, чтобы объединить фракціи и секціи, чѣмъ на борьбу съ Англіей. Парнелль спаялъ всѣ группы въ одну партію и подчинилъ маленькихъ вождей съ громаднымъ честолюбіемъ желѣзной дисциплинѣ. Именно этихъ маленькихъ вождей, а не рядовыхъ, Парнелль имѣлъ въ виду, когда говорилъ „*my rabble*“ (моя челядь), „*Rabble*“ подчинялась дисциплинѣ и дѣйствовала согласно волѣ вождя, но злобствовала въ глубинѣ души, косилась, когда Парнелль не видѣлъ, и... ждала. Разводъ и вой, поднятый лицомъ въ лицо по поводу него, явился поводомъ, чтобы дать волю долго скрываемой злобѣ. Явился также благовидный предлогъ для католическихъ священниковъ, которые тоже должны были подчиниться желѣзной дисциплинѣ. Но въ первые дни всѣ эти враждебныя силы должны были еще таиться.

Во вторникъ 18 ноября 1890 года состоялся въ Дублинѣ митингъ Національной Лиги, чтобы выяснить отношеніе партіи къ вождю. Предсѣдательствовалъ Джонъ Редмондъ, стоящій теперь во главѣ ирландской партіи. Собраніе приняло резолюцію, говорившую,

¹⁾ Постановленіе о томъ, что фактъ прелюбодѣіііа признанъ и что бракъ поэтому будетъ формально расторгнутъ черезъ шесть мѣсяцевъ.

что націоналистическая партія останется вѣрной вождю. „Прежде всего я желаю выразить мою глубокую преданность вождю,—сказалъ тогда Свифтъ Макъ-Нейлъ.—Избавь насъ, Господь, отъ измѣны вождю, который велъ насъ отъ побѣды къ побѣдѣ. Я считаю величайшей честью для себя, что сидѣлъ рядомъ съ Парнеллемъ, когда онъ шестнадцать лѣтъ тому назадъ выступилъ съ первой рѣчью. И такую же честью для меня будетъ теперь поддержать вождя въ трудную для него минуту“¹⁾. „Двадцать шестого ноября состоялось засѣданіе ирландской партіи, на которомъ присутствовалъ мой король,—разсказываетъ г-жа О'Ши.—Засѣданіе было потомъ отложено до перваго декабря. Когда мой возлюбленный возвратился домой, онъ обнялъ меня.

— Миѣ кажется, королевушка, предстоитъ большая борьба. Вынесете ли вы ее? Боюсь, она явится слишкомъ большимъ испытаніемъ для васъ.

„Когда я взглянула на хрупкую фигуру Парнелля, когда я всмотрѣлась въ блѣдное, нѣжное лицо, на которомъ сила и рѣшимость сконцентрированы были только въ глазахъ, сердце у меня замерло. У меня явилось предчувствіе, что у Парнелля не хватитъ физическихъ силъ на борьбу.

— Но въ чемъ дѣло?!—воскликнула я. — Почему они теперь подняли вопросъ о нашихъ личныхъ отношеніяхъ, о которыхъ знали уже много лѣтъ тому назадъ?

Парнелль тихо засмѣялся.

— Любимая моя! Ирландцы боятся, что Гладстонъ будетъ шокированъ, когда узнаетъ, что они не отвернулись отъ человѣка, состоявшаго въ незаконной связи.

— Но вѣдь Гладстонъ все время зналъ!—недоумѣвала я.

— Совершенно вѣрно. Но все дѣло въ томъ, что теперь мы явно изобличены. Гладстонъ очень религіозный человѣкъ!

Двадцать пятаго ноября состоялось въ „совѣщательной комнатѣ № 15“ въ Палатѣ общины историческое засѣданіе парламентской ирландской партіи. Предстояло выбрать новаго предсѣдателя. Ирландцы еще не знали содержанія письма, посланнаго въ тотъ день Гладстономъ Морлею. Первый министръ заявлялъ, что выйдетъ въ отставку, если Парнелль останется вождемъ ирландской партіи. Когда Парнелль, по обыкновенію спокойный и важный, вошелъ въ совѣщательную комнату № 15, товарищи встрѣтили его дружными аплодисментами, которыми желали выразить свою преданность вождю. Парнелль былъ переизбранъ немедленно предсѣдателемъ партіи, что опять вызвало продолжительные аплодисменты. Лицо вождя сохраняло обычную серьезность.

— Какой видъ имѣлъ Парнелль, когда явился на ваше совѣщаніе?—спросилъ потомъ Лабушеръ у пріятеля-ирландца.

¹⁾ Barry O'Brien, vol. II, стр. 239.

— Какъ вамъ сказать? Видь у Парнелля былъ такой, какъ будто мы только что были изблечены въ прелюбодѣянн съ его женою ¹⁾.

— Славное дѣло вы сдѣлали только что!—сказалъ сэръ Вильямъ Гаркортъ (министръ финансовъ) коммонеру Мэхогани, выходявшему изъ совѣщательной комнаты № 15:— вы переизбрали Парнелля, не смотря на письмо Гладстона.

— О какомъ письмѣ говорите вы?—спросилъ Мэхогани.

— Какъ! Гладстонъ вѣдь заявилъ, что не останется вождемъ либеральной партіи, если Парнелля снова выберутъ предсѣдателемъ. Письмо напечатано въ вечернихъ газетахъ.

До сихъ поръ, между прочимъ, неизвѣстно, какимъ образомъ приватное письмо министра къ министру попало въ тотъ же день въ газеты. Во всякомъ случаѣ оно произвело желанный результатъ, такъ какъ явилось предлогомъ для многихъ коммонеровъ-ирландцевъ возстать противъ вождя. 26 ноября 1890 года состоялось новое засѣданіе ирландской парламентской партіи для обсужденія положенія, созданнаго письмомъ Гладстона. Парнелль, спокойный и сдержанный, явился нѣсколько позже другихъ и немедленно открылъ засѣданіе. Первый же ораторъ предложилъ Парнеллю, въ виду отношенія Гладстона, временно удалиться отъ дѣлъ. Другіе ораторы, какъ полковникъ Ноланъ и Редмондъ, настоятельно совѣтовали вождю упорствовать, *to stand to his guns*,—по англійскому выраженію. Такимъ образомъ въ партіи намѣтился расколъ. Диллонъ, Вильямъ О'Брайенъ, Т. П. О'Конноръ и др. уже тогда рѣшили оставить вождя, хотя засѣданіе было отложено на нѣсколько дней. Парнелль крайне пренебрежительно и надменно относился къ „rabble“, т. е. къ маленькимъ человѣчкамъ съ громаднымъ честолюбіемъ; но питалъ безконечную любовь и нѣжность къ массамъ, къ рабочимъ, а въ особенности къ ирландскимъ крестьянамъ. И вотъ къ этимъ массамъ онъ рѣшилъ обратиться съ „манифестомъ“, когда выяснилось, что часть товарищей по партіи готова бросить его. Въ этомъ длинномъ документѣ Парнелль указываетъ ирландцамъ, какъ невыгодно будетъ имъ, если они согласятся „бросить его англійскимъ волкамъ, воющимъ теперь въ ожиданіи добычи“. „Шестнадцать лѣтъ тому назадъ я задумалъ основать ирландскую партію, совершенно независимую отъ какой-либо англійской партіи,—читаемъ мы въ манифестѣ.—Вотъ уже десять лѣтъ, какъ подобная партія существуетъ. И такъ какъ она совершенно независима, то заставила англичанъ признать необходимость гомруля. Я глубоко убѣжденъ, что ирландская партія добудетъ гомруль, если только сохранитъ свою независимость. Я не думаю, чтобы выступленіе ирландскаго народа съ цѣлью поддержать меня отстрочило бы какъ-нибудь осуществле-

¹⁾ Baggy O'Brien vol. II, стр. 249.

ніе парламента въ Дублинѣ. Но еслибы даже была опасность такого рода, лучше идти на встрѣчу ей, чѣмъ принять ультиматумъ англійской партіи“. Двадцать девятаго ноября 1890 года манифестъ Парнелля появился въ газетахъ, а черезъ день значительная часть партіи формально отпала отъ вождя.

Х.

„Втеченіе десяти лѣтъ Гладстонъ зналъ о моихъ отношеніяхъ къ Парнеллю и пользовался этимъ знаніемъ для сношеній съ вождемъ ирландской партіи,—говорить г-жа О'Ши.—Втеченіе десяти лѣтъ! Но все это онъ зналъ приватно. Когда же о моей связи заговорили всѣ, Гладстонъ рѣшилъ, что англійскій государственный дѣятель долженъ стоять на сторонѣ ангеловъ. Такимъ образомъ Гладстонъ нашелъ, что его религія можетъ, наконецъ, пригодиться англичанамъ. Парнелль не питалъ за это никакого мстительнаго чувства къ Гладстону, но только сказалъ мнѣ съ своею обычною серьезною улыбкою: „Этотъ старый наукъ захватилъ теперь въ свою паутину всѣхъ моихъ мухъ“. Я стала негодовать.

— Вы, дружокъ, не учитываете государственной необходимости,—усмѣхнулся Парнелль. — Во-первыхъ, Гладстону надо успокоить ярость цѣломудренныхъ диссентеровъ, а, во-вторыхъ, какъ вамъ извѣстно, онъ всегда ненавидѣлъ меня. Я противъ него ничего не имѣю. Нѣсколько огорчаютъ меня только глупцы, вышвырнувшіе меня за борть по приказу Гладстона“.

„И я вспомнила тогда лицо стараго орла съ жестокими глазами и фальшивой ласковой улыбкой на губахъ. Меня больше не удивляло поведение Гладстона“¹⁾.

Въ декабрѣ 1890 года въ Килкенни (въ Ирландіи) должны были состояться дополнительные выборы, исходъ которыхъ рѣшалъ, чью сторону приняли избиратели: Парнелля ли или анти-парнеллистовъ. Вождь рѣшилъ бороться и поѣхалъ въ Ирландію поддерживать своего кандидата. Въ Дублинѣ Парнелля приняли восторженно. „Было около половины девятаго, когда мы въ залѣ услышали приближеніе музыки,—описываетъ тотъ вечеръ беллетристка Тайнанъ. — Затѣмъ окна снаружи вдругъ освѣтились пламенемъ многихъ тысячъ факеловъ. Послышался гулъ, будто ревъ надвигающагося моря. Многотысячная толпа, собравшаяся въ колоссальной круглой залѣ, ждала терпѣливо. Затѣмъ, подобно шуму прибоя, грянули аплодисменты. На платформѣ показалась высокая, хрупкая, стройная фигура вождя. Трудно даже описать пріемъ. Всѣ присутствующіе вскочили съ мѣстъ. Всюду я видѣла восторженные лица, на которыхъ горѣли любовь, благоговѣніе, восторгъ. Аплодисменты долго не умолкали. Парнелль кланялся. Толпа безум-

¹⁾ O'Shea, vol. II стр. 164.

ствовала отъ восторга. За предѣлами Ирландіи никто не постигаетъ даже всего обаянія личности Парнелля. Все соединилось въ немъ для того, чтобы дѣйствовать на умъ: удивительная наружность, красивое, сильное лицо, величественный взглядъ, осанка. Ирландцы—артистическій народъ и тонко цѣнятъ поэтому красоту. Я замѣтила доктору Кенни, стоявшему рядомъ со мною, что Парнелль единственный спокойный человѣкъ во всей залѣ. „Да, наружно“ — отвѣтилъ мнѣ Кенни. Когда я внимательно взглянула на лицо Парнелля, то замѣтила расширенныя, вздрагивавшія ноздри, сверкающіе глаза и нервную блѣдность. Все показывало, что только поразительное самообладаніе помогало Парнеллю сохранять спокойный видъ. Послѣ той ненависти, которая окружала Парнелля въ Лондонѣ, онъ, повидимому, упивался любовью къ нему окружающихъ. Тѣломъ онъ казался тогда хрупкимъ, но лицо выражало силу, спокойствіе и готовность къ бою. Возбужденіе присутствующихъ долго не давало Парнеллю возможности говорить“. А куда продолжался митингъ въ круглой залѣ, анти-парнеллисты задумали рѣшительное выступленіе: они захватили редакцію парнеллевской газеты *United Ireland* и забаррикадировались тамъ. Парнеллю дали немедленно знать, и онъ изъ круглой залы отправился въ сопровожденіи громадной толпы къ запертымъ дверямъ редакціи и постучался. Отвѣта нѣтъ. Тогда Парнелль отдалъ приказъ сломать двери и самъ первый ударилъ ломомъ. И вотъ двери выломаны. Парнеллисты врываются въ редакцію, гдѣ завязывается отчаянная борьба между нападающими и защищающимися. Осажденные взяты и одинъ за другимъ вышвырнуты изъ редакціи. Во второмъ этажѣ высадили окно, чтобы Парнелль могъ показаться своимъ сторонникамъ, заполнившимъ всю улицу. Онъ потерялъ шляпу. Волосы его растрепались, а сюртукъ былъ запачканъ известкой и пылью. Раздались бѣшеные аплодисменты, затѣмъ все умолкло: Парнелль началъ говорить.

Захватъ *United Ireland* былъ только первымъ выступленіемъ анти-парнеллистовъ. Въ Дублинѣ они были слабы, но въ Килкенни, гдѣ происходили дополнительные выборы, враги Парнелля собрали уже многочисленныхъ сторонниковъ. И здѣсь вождя ждало громадное пораженіе. Выборная борьба продолжалась десять дней. Во время одного изъ послѣднихъ митинговъ кто-то изъ толпы бросилъ Парнеллю въ лицо негашенную известь. Только по счастливой случайности вождь сохранилъ зрѣніе. Выбранъ былъ кандидатъ, выставленный анти-парнеллистами. Читая про подробности, сопровождавшія выборы, мы не можемъ не поражаться психологіей толпы. Парнелль отдалъ всю свою жизнь Ирландіи и никогда не сдѣлалъ ни одного ошибочнаго шага, который могъ бы возстановить противъ него толпу. Связь Парнелля съ г-жею О'Ши нисколько не касалась толпы, состоявшей, конечно, не изъ праведниковъ и не изъ ангеловъ. Между тѣмъ во время выборовъ Пар-

нелля встрѣчали въ Килкенни такъ, будто онъ измѣнилъ Ирландію, предаль родину или сдѣлалъ какое-нибудь другое ужасное преступленіе. Мальчишки и пропойцы распѣвали на улицахъ скабрезныя пѣсни, въ которыхъ „Китти О'Ши“ забрасывалась грязью. Надо прибавить, что не таково было отношеніе ирландскихъ крестьянъ, сохранившихъ къ своему вождю чувство молитвеннаго благоговѣнія. Ирландскіе крестьяне фанатики и привыкли безусловно подчиняться священникамъ. Но, не смотря на то, что католическіе священники наказывали теперь своимъ духовнымъ чадамъ отвернуться отъ „протестанта, изболченнаго въ прелюбодѣяніи“, крестьяне трогательно выражали Парнеллю свою привязанность, благоговѣніе и глубокую любовь...

Двадцать четвертаго іюня 1891 года истекъ шестимѣсячный срокъ со дня постановленія суда о разводѣ и бракъ О'Ши былъ окончательно расторгнутъ. Парнелль немедленно женился на г-жѣ О'Ши. „Вообще Парнелль никогда не замѣчалъ, во что я бывала одѣта, — пишетъ г-жа О'Ши. — Платья онъ называлъ „вещью“. — Ваши вещи вамъ къ лицу! — таковъ бывалъ высшій комплиментъ, который я получала отъ него, когда надѣвала новое платье. Но въ тотъ день, когда мы отправлялись вѣнчаться, Парнелль сказалъ мнѣ: „Королевушка, вы прекрасны въ вашей кружевной *штукѣ* и въ чудесной шляпѣ съ розами! Я горжусь вами“. „Но какъ я гордилась моимъ королемъ, моимъ величественнымъ возлюбленнымъ, когда мы въ то чудесное іюньское утро ѣхали хлѣбными полями и вдоль живыхъ изгородей изъ цвѣтущаго шиповника!“¹⁾).

Это было въ іюнѣ, а въ октябрѣ того же года Парнелль заболѣлъ, возвратившись изъ Ирландіи, гдѣ присутствовалъ на открытомъ митингѣ. Слабый организмъ, подорванный сильными нервными потрясеніями, не могъ бороться съ болѣзью. Шестого октября 1891 года одинъ изъ наиболѣе крупныхъ и замѣчательныхъ политическихъ дѣятелей XIX вѣка скончался. „Что мнѣ добавить еще? — горестно спрашиваетъ О'Ши. — Всю ночь я просидѣла у постели. Я ждала, что онъ заговоритъ со мною. Я не открывала двери, чтобы не потревожить его“.

XI.

Въ лицѣ Парнелля мы видимъ дѣйствительную силу, т. е. борца за обойденныхъ и униженныхъ. Въ книгѣ г-жи О'Ши передъ нами вырисовывается прирожденный вождь, сразу и точно умѣвшій опредѣлять характеръ людей. Глубокимъ пониманіемъ ихъ отчасти объясняется то вліяніе, которымъ онъ пользовался. Парнелль умѣлъ подчинить себя той цѣли, къ которой стремился, и

¹⁾ O'Shea, vol. II, стр. 252.

умѣлъ подчинять другихъ. Онъ былъ надѣленъ способностью властвовать, with the power of command, какъ говорятъ англичане; но у Парнелля не было стремленія къ власти ради одной любви къ ней. Докончу портретъ Парнелля на основаніи данныхъ, сообщаемыхъ г-жею О'Ши. Ирландскій вождь плохо понималъ поэзію, хотя очень любилъ природу, а въ особенности проявленія силы въ ней. „Парнелль очень любилъ морскія бури,—разсказываетъ г-жа О'Ши.—Какъ только, бывало, съ запада затынетъ шквалъ, онъ водилъ меня къ берегу, на скалы, чтобы слушать, какъ ревутъ внизу волны. Онъ подводилъ меня такъ близко къ краю, что, казалось, вотъ-вотъ вѣтеръ смететъ насъ въ море. Парнелль накидывалъ на меня тогда свой плащъ, туго обвязывалъ его и крѣпко держалъ меня за руку. „Какъ это великолепно! — восклицалъ Парнелль, глядя на бушующее море.—Смотрите, королевушка: — оно живое!“ ¹⁾. „Я помню одинъ бурный день... У Парнелля было тогда много огорченій по поводу хода дѣлъ... Онъ взялъ меня подъ руку и повелъ на эспланаду, выходящую далеко въ море. Волны были такъ высоки, что протянули цѣпь съ цѣлью помѣшать гуляющимъ спуститься на нижнюю площадку, гдѣ было опасно. Парнелль на рукахъ снесъ меня внизъ. И мы стояли здѣсь, обдаваемые волнами, потрясавшими все сооруженіе. Я не могла больше смотрѣть на взрытыя пучины, потому что у меня начиналась морская болѣзнь. Обернувшись къ Парнеллю, я замѣтила его горячіе глаза. Онъ схватилъ меня, крѣпко обнялъ и поднялъ на руки надъ перилами.

— Моя возлюбленная! — шепнулъ онъ.—При видѣ такого моря хочется броситься туда вмѣстѣ съ вами! Мы будемъ тогда свободны, какъ оно.

И я чувствовала, что онъ кинется въ море со мною, если я только проявлю какой-нибудь страхъ“ ²⁾.

Парнелль очень мало читалъ. „Онъ творилъ исторію, а не изучалъ ее“,—говоритъ г-жа О'Ши. Интересовали его только спеціальныя сочиненія по горному дѣлу, механикѣ или по астрономіи, которыми онъ увлекался въ разное время. Увлечшись механикой или геологіей, онъ погружался въ занятія такъ всецѣло, что забывалъ даже про политическую дѣятельность.

Мы видѣли, что Парнелль отличался поразительнымъ мужествомъ. Въ немъ было не только физическое мужество, которое, въ концѣ концовъ, встрѣчается довольно часто, но и очень рѣдкое мужество моральное. Онъ безстрашно шелъ впередъ по дорогѣ, которую самъ для себя намѣтилъ, не боясь ни подосланныхъ убійцъ, ни клеветниковъ, ни традицій. И въ то же время Парнелль суетѣрно, по дѣтски боялся мертвецовъ. „Они приводили его въ такой ужасъ,

¹⁾ Q'Shea, vol. II стр. 110.

²⁾ Ib., стр. 153.

что только благодаря громадному самообладанію онъ могъ находиться въ ихъ присутствіи. Парнелль такъ умѣлъ владѣть собою, что никто не замѣчалъ, какое отвращеніе и какой ужасъ испытывалъ онъ, когда ему приходилось присутствовать на похоронахъ. Когда во время катанья мы должны были проѣзжать мимо кладбища, Парнелль выбиралъ всегда длинную, окольную дорогу¹⁾. Человѣкъ, едва могшій сдерживать трепетъ при видѣ мертвеца, готовъ былъ рискнуть жизнью на каждомъ шагѣ. „Всякое проявленіе жестокости или насилія по отношенію къ слабымъ вызывало у Парнелли не только негодованіе, но порой бѣшенство. Онъ тогда забывалъ даже свою сдержанность... Для спасенія бродячей собаки онъ выскочилъ изъ кареты и бросился въ толпу, крайне враждебно настроенную противъ него“²⁾. „Парнелль былъ суевѣренъ въ высшей степени, какъ ирландскій крестьянинъ. И въ этомъ суевѣріи не поддавался никакому убѣжденію. Суевѣріе, по всей вѣроятности, было внушено ему въ раннемъ дѣтствѣ нянькой ирландкой и крѣпilo съ годами. Парнелль вполне соглашался со мною, когда я ему доказывала неразумность нѣкоторыхъ его вѣрованій, но тѣмъ не менѣе продолжалъ говорить о „счастливыхъ“ и „несчастливыхъ“ предзнаменованіяхъ, о скверныхъ сочетаніяхъ цифръ и т. д... Парнелль не любилъ зеленого цвѣта и почему-то считалъ его „несчастливымъ“ для себя. Происхожденіе этого суевѣрія я никакъ не могла понять, потому что любимый цвѣтъ ирландцевъ — зеленый. Нелюбовь Парнелли къ этому цвѣту была такъ велика, что онъ не хотѣлъ сидѣть въ комнатахъ съ зеленымъ ковромъ или зеленой мебелью. Возлюбленный не позволялъ даже мнѣ носить тѣхъ великолѣпныхъ вышивокъ на зеленомъ шелкѣ, которыя часто подносились ему восторженными поклонниками“²⁾. Кстати о приношеніяхъ отъ поклонниковъ. „Парнелль возвращался каждый разъ изъ Ирландіи съ карманами, набитыми разными сувенирами. Тутъ были маленькіе образки и медали съ изображеніями святыхъ, ладунки и вышитые кресты, всунутые восторженными поклонниками потихоньку въ карманы вождю и еретикъ“. Тутъ были также странные подарки, поднесенные крестьянами: кусокъ веревки, на которой повѣсили патріота („это облегчитъ вашу мплость отъ ревматизма, если намотаете на руку“, — объяснилъ крестьянинъ), или сплюснутая пуля, крѣпившая магическія свойства отъ того, что прошла сквозь сердце пэмѣнника. Были также тутъ платки, великолѣпно вышитые шелками, четырехлиственный, а потому „счастливый“ трилистникъ, найденный гдѣ-нибудь въ холмахъ. Подносившій подарокъ бывалъ надолго счастливъ, если „вождь“ отдаривалъ улыбкой. Были подношенія даже отъ крестьянскихъ дѣтей: фартингъ, полученный отъ матери на лакомство, какой-

¹⁾ Ib., II, стр. 243.

²⁾ Ib. 246.

нибудь странный камень или птичье яйцо, точище, остатки его. Эти подарки свидетельствовали о благоговѣнн, которое ирландскіе крестьяне питали къ своему „вождю“. У Парнелля не было опредѣленныхъ религіозныхъ чувствъ, отлившихся въ какіе-нибудь догматы, хотя онъ съ глубокимъ уваженіемъ относился ко всякому искреннему и сильному вѣрованію. Этому уваженію—говорить г-жа О'Ши—Парнелль тоже научился у ирландскихъ крестьянъ. Самъ онъ вѣрилъ во всеобщій міровой законъ „притяженія“, частью котораго являются силы природы. Вся природа, по мнѣнію Парнелля, направляется къ неизвѣстной и непознаваемой цѣли, которая будетъ достигнута черезъ неисчислимый періодъ времени. Міръ—только небольшая часть невѣдомаго и непостояннаго цѣлаго, черезъ которое проходитъ „духъ“ человѣческій, выполняя предопредѣленную судьбу: стремленіе къ „притяженію“. Парнелль вѣрилъ въ первоначальную причину и въ предопредѣленный конецъ, хотя полагалъ, что все это относится къ области непознаваемаго. „Я уже упомянула,—замѣчаетъ г-жа О'Ши—что Парнелль обращался къ книгамъ очень рѣдко, и то лишь для того, чтобы приобрѣсти не чужія мысли, а точныя свѣдѣнія“. Еще нѣсколько словъ о наружности Парнелля. „Онъ былъ поразительно красивъ. Тонкое благородное лицо его выражало силу, а манеры всегда были холодны и сдержанны. Когда онъ говорилъ съ женщинами, то проявлялъ старомодную, важную изысканность и деликатность. И эта манера держаться сильно импонировала. Женщины, какъ свѣтскія, такъ и крестьянки находили его „совершеннымъ джентльменомъ“. Въ обществѣ близкихъ людей Парнелль былъ очень милъ, но сдержанность не оставляла его. Такимъ образомъ ни мужчинамъ, ни женщинамъ не приходило въ голову фамиллярничать съ нимъ. Эта сдержанность, величественный видъ и холодъ скрывали большую застѣчивость. Парнелль, когда находился въ обществѣ О'Ши, на берегу моря, могъ быть веселымъ, какъ мальчикъ. „Не коронованный король Ирландіи“, поражавшій всѣхъ своею надменностью и холодомъ, заразительно смѣялся и даже пробовалъ пѣть обрывки пѣсенъ, слышанныхъ отъ пиявки и въ школь...

Въ борьбѣ онъ наносилъ въ парламентъ врагамъ сильныя удары, но и тутъ оставался все время „джентльменомъ“. Парнелль долго и тщательно обдумывалъ свои дѣйствія. Дойдя до какого-нибудь рѣшенія, онъ выполнялъ его, не считаясь ни съ какими препятствіями. Если ему удавалось подкупить палату общинъ своей волею, онъ не испытывалъ гордости удовлетвореннаго честолюбія. Парнелль не былъ честолюбивъ. „Никто не могъ льстить ему, но никто также не могъ унижить его“—говорить г-жа О'Ши. Онъ былъ слишкомъ скромнаго мнѣнія о своемъ умѣ, недооцѣнивалъ его, тогда какъ всегда высоко цѣнилъ умъ у другихъ, все равно, были ли то друзья или враги. Парнелль часто говорилъ

мнѣ, что любить сражаться съ „великимъ старымъ паукомъ“, потому что тотъ такъ поразительно уменъ.

У Парнелля въ жизни была одна цѣль—освобожденіе Ирландіи,—говорить О'Ши.—Онъ не былъ честолюбцемъ, не гонялся ни за какими благами, не искалъ популярности и терпѣть ее не могъ. Трогали его только преданность и любовь ирландскихъ крестьянъ. Восторженные встрѣчи, которыя устраивались ему въ Англіи пѣвтомъ населенія, оставляли Парнелля холоднымъ или даже раздражали его. Онъ сталъ борцомъ за Ирландію, потому что былъ пораженъ ея страданіями.

Въ своей книгѣ г-жа О'Ши повѣдала намъ, какъ жилъ, какъ боролся, какъ любилъ и какъ умеръ большой человекъ, надѣленный сильной индивидуальностью, словомъ „человѣкъ съ цѣлью въ жизни“. Для каждаго изъ такихъ людей природа какъ будто имѣетъ отдѣльную форму, которая ломается потомъ. Эти люди не считаются съ мнѣніемъ толпы и подчиняются только законамъ, которые сами выработали для себя. Они настолько самобытны, что стоятъ выше лесты и порицаній; они настолько сильны, что умѣютъ подчинять другихъ своей волѣ. Но величіе и значеніе такихъ людей *только* въ томъ, что цѣль, намѣченная ими, это—благо другихъ людей, счастье слабыхъ, обойденныхъ и поработенныхъ.

Діонео.

СЕМЬЯ КОРИСТОНОВЪ.

Романъ Гемфри Уордъ.

Перев. съ англ. Е. Н. Нелидовой.

(Продолженіе).

XII.

Слѣдующія затѣмъ недѣли не были ознаменованы никакими важными событіями. Користонъ былъ отозванъ избирательной кампаніей на сѣверъ, гдѣ произнесъ цѣлый рядъ рѣчей, наскучившихъ, въ концѣ концовъ, рабочимъ избирателямъ, которые поддерживали его за то, что онъ нападалъ на тори. Признаваемый какъ друзьями, такъ и врагами социалистомъ, онъ открыто говорилъ въ своихъ рѣчахъ, что онъ противникъ социализма.

Въ одинъ изъ свободныхъ вечеровъ онъ написалъ письмо Эдварду Ньюбери, милостиво соглашаясь признать его родственникомъ при соблюденіи нѣкоторыхъ условій.

„Я не вижу причинъ, — писалъ онъ — которыя помѣшали бы намъ быть добрыми друзьями, еслибы я только убѣдилъ васъ отнестись съ большей гуманностью къ несчастнымъ людямъ, исторія которыхъ надѣлала столько шума въ нашихъ краяхъ. Ваше мнѣніе о разводѣ не интересно для меня, такъ же, какъ и мое для васъ. Но есть жестокости, за которыя можно осудить cadaго человѣка. И если вы, подчиняясь своимъ убѣжденіямъ, будете такимъ человѣкомъ, то, все равно, женитесь вы на Марціи или нѣтъ, мы не можемъ быть друзьями. Было бы лицемѣріемъ поддерживать васъ въ такомъ случаѣ. И я говорю вамъ откровенно, что употребляю всѣ усилія, чтобы повліять въ этомъ направленіи на Марцію. Въ письмѣ къ вашему отцу я указывалъ уже нѣкоторые пути, которыми вы могли бы отстраниться отъ этого дѣла или, по крайней мѣрѣ, не считать себя отвѣтственными за то, что вы считаете безнравственностью. Но если вы упре-

тесъ на своемъ прежнемъ требованіи — разойтись или уходить,—тогда я буду бороться съ вами за Марцію. И предупреждаю васъ, что Марція, въ глубинѣ души, человѣчна—въ современномъ смыслѣ этого слова—какъ и я“.

Ньюбѣри немедленно отвѣтилъ:

„Дорогой Користонъ, я вполне готовъ обсуждать съ вами дѣло Беттсовъ, когда вы вернетесь и дадите мнѣ случай видѣться съ вами. Но, мнѣ кажется, мы не можемъ даже и начать разговора о дѣлѣ прежде, чѣмъ вы не признаете за мной права свободы мнѣнія, какого требуете для себя. Странно предполагать, что мы согласимся отказаться отъ своихъ убѣжденій, чтобы не быть жестокими въ данномъ случаѣ. Мнѣ трудно писать о Марціи, потому, можетъ быть, что мое сердце и мой умъ полны ею. Я могу только сказать, что счастье, которое она дала мнѣ, согласившись быть моей женой, конечно, должно имѣть вліяніе на всѣ мои мысли и чувства. И прежде всего оно заставляетъ меня понимать и любить всѣхъ, кого она любитъ. Она очень привязана къ вамъ, но часто огорчается всѣмъ, что вы дѣлаете здѣсь... Извѣстите, когда вы вернетесь, чтобы я могъ придти къ вамъ въ Натчеттъ. Не правда ли, мы можемъ быть братьями, при всемъ различіи нашихъ взглядовъ на жизнь?“

Но на это письмо Користонъ, отправившійся на рабочій конгрессъ въ Шотландію, не отвѣтилъ.

Юнь подходилъ къ концу, наступала середина лѣта. Ежедневно видѣлись Ньюбѣри и Марція и почти не вспоминали уже о дѣлѣ Беттса. Марція совершенно успокоилась послѣ того, какъ Ньюбѣри сообщилъ ей, что лордъ Уильямъ видѣлся въ Лондонѣ съ вліятельными въ Канадѣ лицами, которыя приняли самое сердечное участіе въ судьбѣ Джона Беттса и обѣщали помочь ему устроиться при правительственной фермѣ въ Альбертѣ. Такимъ образомъ начало было положено, а всѣ расходы по переѣзду Ньюбѣри брали на себя. И самъ Беттсъ сталъ какъ будто примиряться съ мыслью о перемѣнѣ мѣста, настаивая попрежнему на законности своего брака. Но онъ видѣлъ, что никто не хотѣлъ вредить ему, и, казалось, спокойно обдумывалъ сдѣланное ему предложеніе. Съ недѣлю или двѣ Ньюбѣри былъ почти увѣренъ, что дѣло уладится.

Между тѣмъ, какъ ни старались Ньюбѣри скрыть подробности исторіи не только отъ Марціи, но и отъ всѣхъ постороннихъ, слухи о причинахъ, по которымъ Алиса и Джонъ Беттсы не могли жить вмѣстѣ, не переставали усиленно распространяться повсюду. Не переставали также усиливаться партіи за и противъ Ньюбѣри. Многіе симпатизировали имъ вообще и держались ихъ точки зрѣнія въ данномъ

случаѣ, но большинство было на сторонѣ Беттсовъ, ихъ защищали и жалѣли. Дѣло проникло въ газеты. Наконецъ изъ Лондона приѣхалъ лекторъ и прочелъ нѣсколько лекцій на тему о рациональномъ бракѣ. Лекціи произвели сильное впечатлѣніе на жителей, и послѣ одной изъ нихъ Ньюбери, возвращаясь вечеромъ изъ Користонъ-Плаца, подвергся нападенію. Въ него бросали изъ-за изгороди камнями и комьями грязи. Ушибы были незначительны и, когда Марція выражала беспокойство, онъ съ улыбкой просилъ ее забыть объ этомъ. Она благодарила только судьбу, что Користонъ былъ въ это время въ отсутствіи.

Для лэди Користонъ, конечно, Бетсы почти не существовали. Когда слухи доходили и до нея, она съ раздраженіемъ говорила, что такіа частныя дѣла должны обсуждаться только людьми, заинтересованными въ нихъ. Воззрѣнія англиканской церкви на разводъ казались ей, повидимому, такимъ же преувеличеніемъ, какъ и чрезмѣрная набожность въ Ходдонъ-Греѣ. Но Марція прекрасно знала, что, кромѣ того, мать просто считаетъ это пустяками, какъ и все вообще, включая и ея замужество, кромѣ признанія Артура и его намѣреній. О планахъ матери она не имѣла никакого понятія. Они продолжали жить въ Користонъ-Плацѣ, хотя въ виду близости свадьбы слѣдовало бы уже вернуться въ Лондонъ для разныхъ приготовленій. И Марція замѣчала, что мать болѣе, чѣмъ когда-либо, погрузилась въ политику и менѣе обыкновеннаго обращала вниманіе на дѣла помѣстья и деревни. Объявленіе о матоверскомъ митингѣ не сходило со стола ея гостиной. Изъ слышанныхъ случайно разговоровъ матери съ м-ромъ Пэджемъ Марція знала, что она тщательно собираетъ свѣдѣнія о странныхъ людяхъ Эзерстонахъ, у которыхъ останются Гленуиллями для присутствія на митингѣ. Не боялась ли мать, что Артуръ сдѣлаетъ какую-нибудь глупость, когда они будутъ здѣсь? Ничего подобнаго не могло случиться. У него была постоянная возможность видѣться съ ними въ Лондонѣ, не подвергаясь пересудамъ и не раздражая мать. Уже, когда открылся парламентъ и Артуръ, сухо простившись съ матерью, вернулся къ своимъ обязанностямъ, Марція тщетно приводила лэди Користонъ все резоны, по которымъ имъ также слѣдовало бы переѣхать въ Лондонъ. Во-первыхъ, она находила нелишнимъ присматривать все-таки немного за вышедшимъ изъ повиновенія Артуромъ, во-вторыхъ, указывала матери на необходимость спѣшить съ приготовленіями къ свадьбѣ. Лэди Користонъ кратко возразила, что Марція можетъ пользоваться, когда ей угодно, автомобилемъ для по-

ѣздокъ въ городъ, а она должна пробыть еще двѣ недѣли въ Користонъ-Плацъ. Марція недоумѣвала, но могла только сообщить объ этомъ Джемсу и просить его быть насторожѣ, хотя отлично понимала, что, если Артуръ приготовился къ рѣшительному шагу, Джемсъ не можетъ остановить его.

За день до митинга лэди Користонъ возвращалась, въ семь часовъ вечера, изъ МатOVERA, черезъ большую, богатую деревню Користонъ-Мэджоръ. Она нашла въ старинномъ мѣстечкѣ МатOVERA нѣсколько человекъ, общавшихъ ей, за небольшую плату, превратить митингъ радикаловъ въ столпотвореніе вавилонское. Гордая успѣхомъ своего предприятия, она сидѣла, величественно выпрямившись, въ моторѣ и мозгъ ея усиленно работалъ надъ сооруженіемъ новыхъ плановъ. Страсть партійной и личной ненависти кипѣла въ ея жилахъ. Она чувствовала утомленіе, но не хотѣла признаваться въ этомъ. Наоборотъ, не проходило дня, чтобы она не твердила себѣ, что вовсе еще не стара, что лучшая партійная работа ея еще впереди и что, если даже Артуръ измѣнитъ ей—пезамѣнимая потеря,—то она будетъ бороться одна, будетъ бороться до конца. Она оставитъ слѣдъ въ исторіи своей страны, насколько можетъ это сдѣлать женщина безъ избирательныхъ правъ, но съ большимъ состояніемъ.

И все-таки мысли объ Артурѣ вливали горечь въ ея душу; и ожиданіе—черезъ сорокъ восемь часовъ—сценъ, къ которой она осмотнительно готовилась, волновало ее. Она была увѣрена, что выиграетъ битву, ни на минуту не допускала мысли о пораженіи. Но неужели же сынъ будетъ причиной страданій, которыя она предвидѣла, не смотря на нежеланіе обнаруживать смутный страхъ и предчувствія, таившіяся въ глубинѣ души?

Былъ прекрасный лѣтній вечеръ, ясный, но свѣжій. Улицы Користонъ-Мэджора были полны народа и лэди Користонъ безпрестанно отвѣчала на привѣтствія подвластныхъ ей жителей деревни. Но въ впереди она замѣтила громадную толпу, замедлившую ходъ автомобиля.

— Что тамъ такое, Петерсонъ?—спросила она шоффера.

— Камень или что-то такое лежитъ на дорогѣ, милэди,—сказалъ шофферъ смущенно.

— Камень?—спросила она съ изумленіемъ. Когда толпа раздвинулась, чтобы дать дорогу мотору, она увидала часть огорода, который еще сегодня утромъ былъ закрытъ старымъ заборомъ, стоявшимъ здѣсь съ незапамятныхъ временъ. Теперь заборъ былъ разобранъ, чтобы открыть проходъ внутрь, гдѣ собралась громадная толпа, часть которой осталась снаружи, за неимѣніемъ мѣста. Лэди Користонъ успѣла

разсмотрѣть небольшой помостъ, нѣсколько человѣкъ въ черныхъ сюртукахъ съ бѣлыми повязками, малюсенькую пожилую лэди и съ полдюжины стульевъ. На одномъ концѣ помоста была видна большая доска съ надписью, очевидно, только что поставленная двумя людьми, которые укрѣпили еще ее внизу. На доскѣ было написано: „Новая баптистская церковь въ Користонъ-Мэджоръ. Всякія пожертвованія на сооруженіе храма принимаются съ благодарностью“.

Не было еще положено ни каменнаго камня для основанія, трава и деревья были еще не тронуты, но посреди помоста, на стулѣ, за маленькимъ столомъ, лэди Користонъ увидала знакомую фигуру съ пышной шевелюрой, оживленно жестикулирующую.

Она узнала старшаго сына

— Поѣзжайте же скорѣе Петерсонъ! — сказала она гнѣвно.

— Не могу, милэди, толпа слишкомъ велика.

Моторъ придвинулся къ центру толпы, заполнявшей дорогу, и нѣкоторые узнали лэди Користонъ. Движеніе пробѣжало въ толпѣ. Многіе обернулись въ сторону автомобиля, потомъ перевели взгляды на помостъ, съ матери на сына. На однихъ лицахъ показались лукавыя улыбки, на другихъ отразилось смущеніе. Наконецъ, моторъ совершенно остановился, такъ какъ шофферъ боялся раздавить кого-нибудь. Стоящіе на помостѣ увидали его и Користонъ прервалъ свою рѣчь.

На минуту всѣ затаили дыханіе. Затѣмъ Користонъ вышелъ изъ-за стола и подошелъ къ краю помоста.

— Мы, конечно, не ожидали, друзья,—началъ онъ громко и отчетливо—видѣть сегодня здѣсь, среди насъ мою мать, лэди Користонъ. Лэди Користонъ, безъ сомнѣнія, можетъ имѣть свои убѣжденія, такъ же, какъ и каждый изъ насъ. До сихъ поръ она относилась къ нашему предпріятію съ осужденіемъ. Она, можетъ быть, не предполагала, что такъ много баптистовъ—большихъ и маленькихъ баптистовъ въ Користонъ-Мэджоръ.

Онъ сдѣлалъ знакъ рукой по направленію къ слушателямъ, впереди которыхъ стояли ряды ребятишекъ:—Не можемъ ли мы падѣяться, что ея присутствіе здѣсь сегодня знаменуетъ перемѣну ея взглядовъ? Можетъ быть, она не только поддержитъ насъ, но и ассигнуетъ сумму для начала нашего фонда? Да здравствуетъ лэди Користонъ!

Снѣ указалъ на надпись и стоялъ такъ съ протянутой рукой, съ буйно развѣвающимися волосами надъ изборозженными морщинами лбомъ и съ причудливо изогнутыми гу-

бами. Снова поднявъ руку, онъ первый закричалъ. — Ура! Ура!..

— Поѣзжайте, Петерсонъ! — крикнула лэди Користонъ шофферу, нетерпѣливо стуча въ переднее окно экипажа. Толпа волновалась, кричала ура и добродушно смѣялась. Рожокъ шоффера отчаянно гудѣлъ и стоявшіе вблизи мотора начали разбѣгаться съ криками и смѣхомъ. Лэди Користонъ сидѣла блѣдная и неподвижная. Наконецъ, дорога была очищена и моторъ помчался. Користонъ вернулся къ столу и продолжалъ свою рѣчь, какъ будто ничего не случилось.

— Какой позоръ! Какая наглость! — Гибъныя слова невольно слетали съ губъ лэди Користонъ. Такъ заговоръ, въ существованіе котораго она не хотѣла вѣрить, все-таки существовалъ и теперь обнаружился передъ всѣми! Та женщина на помостѣ была, безъ сомнѣнія, дочь булочника, ничтожное существо, двадцать лѣтъ не помышлявшая о продажѣ своего огорода. Користонъ откопалъ ее гдѣ-то и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ на ея землѣ будетъ красоваться баптистская церковь, возникновенію которой такъ противилась его мать.

Сколько вниманія и благородства проявляетъ Користонъ, поступая такимъ образомъ съ матерью! Придя въ свою комнату, лэди Користонъ была готова заплакать чистоплабьи. Она сидѣла нѣкоторое время въ темнотѣ, стараясь вернуть свое самообладаніе, заставляя себя думать о приближающемся днѣ пріѣзда Гленуилльмовъ и о томъ, какъ нужна ей вся сила ея воли и ясность головы, чтобы пройти черезъ то, на что она рѣшилась, и что было несравненно важнѣе пустяшной непріятности въ деревнѣ.

Звукъ шаговъ отвлекли ее отъ мыслей и она увидала въ окно Марцію, подходящую къ дому. Дѣвушка тихо шла, напѣвая что-то вполголоса.

Шляпа была снята и висѣла на ея рукѣ, а темные локоны обрамляли прелестное лицо. Вечерній свѣтъ, казалось, окружалъ ее ореоломъ и ласкалъ ее. Мать смотрѣла на нее и думала: „она только что разсталась съ Эдвардомъ“! Что-то вродѣ зависти къ дочери на одну секунду овладѣло ею, — зависти къ юности, любви и открытой жизни. Она почувствовала себя брошенной и забытой. Сыновья всѣ противъ нея, а дочь не нуждается въ ней. Воспоминаніе о собственныхъ счастливыхъ дняхъ любви промелькнуло передъ ней, какъ рѣдкій гость. И она почувствовала вдругъ страстную тоску по мужу, который исполнялъ всегда всѣ ея желанія, — кромѣ только одного раза, — всегда гордился ея умомъ и добродушно восхищался ея энергіей. И, думая о немъ, она, казалось, видѣла его лежащимъ на смертномъ одрѣ, въ упор-

номъ молчаніи, выродоженіе долгихъ послѣднихъ часовъ, когда его душа еще при жизни закрылась передъ нею.

Между тѣмъ у Марціи вовсе не было такъ легко и просто на душѣ, какъ думала ея мать. Разумѣется, близость свадьбы волновала и радовала ее. Она никогда не забывала о Ньюбери, его вліяніе отражалось на всѣхъ ея мысляхъ и дѣйствіяхъ, и это было нѣчто большее, чѣмъ вліяніе пола и страсти. Съ первыхъ же дней ихъ любви Марція чувствовала всю силу его обаянія. Куда и къ чему оно приведетъ ее? Вмѣстѣ съ тѣмъ она не переставала сознавать въ себѣ все ту же борьбу влеченія покориться съ возмущеніемъ противъ подчиненія. Чтобы не быть раздавленной силой его характера, она съ самаго начала ихъ романа вооружилась обаяніемъ своей прелестной юности. Но постоянный контрастъ между природной нѣжностью его натуры и суровостью, съ какой онъ относился къ себѣ и къ своей жизни, не переставалъ изумлять ее. Страстное осужденіе чужихъ мнѣній и другихъ людей возмущало ее. Но, размысливъ, она убѣждалась, что ни въ его суровости, ни въ его горячности не было ничего личнаго. Онъ былъ только солдатъ на посту, творящій чужую волю, побуждаемый тайной силой, которую она со страхомъ признавала. Одинъ или два раза въ эти двѣ недѣли чувствовалось въ ихъ отношеніяхъ леденящее дуновение чего-то безконечно чуждаго. Отчасти поняла она это нѣсколько лѣтъ спустя, когда прочла книгу мадамъ Перриэ о жизни ея брата Блэза Паскаля.

Бываютъ требованія, физическія или духовныя, которыя пробуждаютъ, какъ въ мужчинѣ, такъ и въ женщинѣ, могучія, но дремлющія силы. Такое духовное и моральное вліяніе оказываютъ люди, подобные Ньюбери.

Марція вставала во весь ростъ на встрѣчу его запросамъ. Она чувствовала напряжение и подъемъ во всемъ существѣ. Присущіе ей эгоизмъ и самомнѣніе падали ницъ, посрамленные. Она упивалась божественной атмосферой, создаваемой имъ, и жизнь протекала часъ за часомъ въ восторженномъ состояніи, хотя всегда подъ угрозой опасности, которую она чувствовала, но не могла объяснить.

Ньюбери скоро предъявилъ ей требованія возлюбленнаго, господина и друга. Его любовь вносила что-то испытующее и тревожное въ каждый часъ и въ каждый день, которые они проводили вмѣстѣ.

Въ день матоверскаго митинга Марція осталась одна въ Користонъ-Плацѣ. Ньюбери, съ большой неохотой, уѣхалъ на епархіальный съѣздъ въ отдаленный конецъ графства.

Леди Користонъ, безпокойство которой было очевидно, отправилась осматривать новую ферму въ нѣсколькихъ ми-

ляхъ разстоянія. На обратномъ пути она сдѣлала необычный визитъ къ своему управляющему и даже осталась обѣдать съ нимъ и его женой. Здѣсь она могла узнать самыя послѣднія новости о пріѣздѣ канцлера и о пресловутомъ митингѣ, для котораго шли экстренные поѣзда, привозившіе множество иногороднихъ участниковъ.

Марція проводила день въ писаніи благодарственныхъ писемъ за свадебные подарки и въ составленіи инструкцій для Уоггинъ, которая давно уже была занята въ городѣ приготовленіями къ свадьбѣ. Бездѣйствіе и безучастное отношеніе лэди Користонъ огорчало и озадачивало старую гувернантку. Подумавъ еще немного о подвѣнечномъ платьѣ, одинокая невѣста пошла въ цвѣтникъ и долго безцѣльно бродила, набравъ полныя руки розъ. Мысли ея, подобно мельничному колесу, безъ устали вращались между только что минувшимъ и ближайшимъ будущимъ.

Странно переживала она этотъ первый день, проведенный безъ жениха. Ей страшно не хватало его и въ то же время она чувствовала что-то вродѣ облегченія, какъ будто отдыхали отъ долгаго напряженія умственные и моральные мускулы, и чувство своеобразнаго удовольствія сопровождало этотъ отдыхъ.

Въ такомъ состояніи засталъ ее Лестеръ, принесшій изъ дому записку.

— Я принесъ вамъ это, потому что, кажется, нуженъ отвѣтъ, — сказалъ онъ, подойдя къ ней. Его глаза съ восхищеніемъ остановились на изящной фигурѣ въ бѣломъ платьѣ, среди розъ, подъ голубымъ вечернимъ небомъ. Онъ почти не видалъ ея въ послѣднее время. Въ своемъ счастьѣ и за хлопотами она, дѣйствительно, какъ будто позабыла о его присутствіи въ домѣ.

Она открыла записку и Лестеръ видѣлъ, какъ мѣнялось ея лицо во время чтенія и какъ появлялось на немъ выраженіе сосредоточеннаго раздумья вмѣсто прежней ясности.

— Мнѣ нуженъ сейчасъ же маленькій моторъ. Не можете ли вы распорядиться?

— Разумѣется.

— Пожалуйста, поскорѣе.

Машинально бросила она на землю цвѣты, отряхнула платье и побѣжала къ боковому крылу дома, гдѣ были ея комнаты. Лестеръ собралъ розы, разсыпавшіяся по травѣ, и унесъ ихъ съ собой. Что опять случилось?

Черезъ мгновеніе она появилась въ плащѣ, съ газовымъ шарфомъ на головѣ. Усаживая ее въ автомобиль, онъ съ безпокойствомъ спросилъ, не можетъ-ли помочь ей чѣмъ-нибудь и что сказать лэди Користонъ, когда она вернется.

— Я оставила записку мамѣ. Скажите, пожалуйста, сэру Уильфриду, что я не буду къ обѣду. Благодарю васъ! Очень благодарю васъ! Но мнѣ ничего не нужно.—Затѣмъ она обратилась къ шофферу:

— Ферма Редкростъ. Какъ можно скорѣе!

Лестеръ остался въ недоумѣніи. Новый актъ въ драмѣ Беттсовъ? Послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія онъ пошелъ въ домъ разыскивать сэра Уильфрида Бери.

Между тѣмъ автомобиль мчалъ Марцію мимо полей, на которыхъ жатва была въ полномъ разгарѣ. Народъ не начиналъ еще расходиться по домамъ. Днемъ нѣсколько разъ собиралась гроза; погода, видимо, мѣнялась. Полосы свѣта и тѣней лежали на обнаженномъ жнивьи. Ребятишки кубаремъ катались по снопамъ, веселые крики и смѣхъ раздавались въ прозрачномъ вечернемъ воздухѣ. Но Марція думала только о запискѣ, которую держала въ рукахъ.

„Не можете-ли пріѣхать ко мнѣ? Сегодня вечеромъ... Сейчасъ. Не берите съ собой никого. Меня беспокоитъ мужъ. Мистеръ Эдвардъ уѣхалъ до завтра. Мэри Беттсъ“.

Этотъ внезапный призывъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Марцію. Она вспоминала предостереженіе Корнстона—„берегитесь“ и содрогалась. Эдвардъ не пріѣдетъ до завтра. Ей придется дѣйствовать—помогать одной. Эта мысль напрягала ея волю. О матери нечего и говорить... Но она жалѣла теперь, что не попросила сэра Уильфрида поѣхать съ ней...

Моторъ свернулъ на проселочную дорогу, ведущую къ фермѣ. Вѣтеръ усиливался и все время гналъ съ запада тяжелыя облака, собирая ихъ вокругъ садящагося солнца. Въ воздухѣ становилось свѣжѣе и освѣщеніе измѣнилось.

— Похоже на то, что будетъ буря, миссъ,—сказалъ молодой шофферъ, сынъ главнаго садовника, только что выучившійся управлять моторомъ. Въ это время изъ одного изъ строеній на другомъ концѣ поля показался человекъ, который остановился и посмотрѣлъ на моторъ. Онъ несъ что-то на рукахъ. Марціи показалось, что это былъ ягненокъ. Видъ лади въ экипажѣ какъ будто удивилъ его, но, посмотрѣвъ на нее минуту или двѣ, онъ завернулъ за ближайшее строеніе и исчезъ.

— Здѣсь выкармливаютъ ихъ разными способами, миссъ,—сказалъ шофферъ—а это самъ мистеръ Беттсъ,—прибавилъ онъ.—Онъ ужасно возится съ этими животными.

— Вы знаете ферму, Джэксонъ?

— Еще бы, отецъ пріятель съ Беттсомъ,—отвѣтилъ шофферъ съ гордостью.—Мы ходимъ къ нему въ гости по воскресеніямъ. Мистеръ Беттсъ прекрасный господинъ. Онъ все покажетъ и расскажетъ вамъ съ удовольствіемъ...

Но на послѣднихъ словахъ молодой человѣкъ вдругъ заинулся, покраснѣлъ и замолчалъ. Марція поняла, что онъ многое зналъ. Вѣроятно, не меньше даже, чѣмъ она, такъ какъ разговоры окрестныхъ жителей не могли миновать Користонъ-Плаца.

Замедляя ходъ мотора, они подъѣзжали къ дому—старому зданію, съ новѣйшими пристройками, окруженному небольшимъ садикомъ и стоящему на краю поля, напоминавшего шахматную доску или стеганное одѣяло изъ зеленыхъ, желтыхъ и коричневыхъ лоскутковъ. Марція часто смотрѣла на это поле, катаясь мимо, и не понимала, отчего оно такъ отличалось отъ другихъ полей. Въ нѣсколькихъ шагахъ, противъ крыльца дома, возвышалось прочное одноэтажное строеніе. Поймавъ любопытный взглядъ миссъ Користонъ, Джэксонъ съ живостью сталъ объяснять:

— Это лабораторія, миссъ. Лордъ выстроилъ ее шесть лѣтъ назадъ. Въ прошломъ году здѣсь былъ большой митингъ. Мы съ отцомъ слушали рѣчи. Мистеру Беттсу дали золотую медаль... И былъ тамъ одинъ господинъ изъ Америки и онъ тоже говорилъ... Онъ рассказывалъ, какъ въ Штатахъ хвалятъ все, что сдѣлалъ мистеръ Беттсъ... Тамъ, вверху, помѣщенія для скота, миссъ, тамъ его откармливаютъ и взвѣшиваютъ. А внизу дренажное поле, куда собирается вся вода, когда удобряютъ поля. Здѣсь свекловичное поле... А...

— Осторожнѣе въ воротахъ, Джэксонъ, — перебила его Марція. Юноша замолчалъ, вернулся къ своимъ обязанностямъ и благополучно подвелъ моторъ къ крыльцу фермы.

Неряшливо одѣтая служанка открыла дверь на звонокъ Марціи, украдкой осмотрѣла ее съ ногъ до головы, потомъ проводила въ маленькую гостиную. Марція стояла у окна и смотрѣла въ него. Она видѣла, какъ завернулъ куда-то за уголъ и исчезъ моторъ. Вѣроятно, тамъ былъ гаражъ. Гроза приближалась. На западѣ чернѣла громадная туча, вспыхивающая молнія ярко освѣщала поля и разбросанныя строенія. Какъ все здѣсь благоустроено! Какимъ прочнымъ благосостояніемъ вѣетъ отовсюду! Громадные скотные дворы для крупнаго и мелкаго скота, огороженные палисадами, красивая каменная лабораторія и поля, растянувшіяся на большое пространство кругомъ.

Взглядъ ея невольно перешелъ на комнату, въ которой она находилась. Никакихъ признаков уюта и домовитости не было замѣтно здѣсь.

Холостая комната, съ простыми столами и стульями, украшенная неумѣлой, безвкусной рукой. Измятыя кисейныя занавѣски на окнахъ и громадное количество фотографій де-

кольтированныхъ дамъ, въ эффектныхъ позахъ, на стѣнахъ. Всюду бездѣлушки, запыленные, некрасивыя. Надъ каминномъ большой, раскрашенный портретъ самой м-ссы Беттсъ, въ костюмъ Аріэля. На стулѣ брошено платье, на полу грязные башмаки, на столѣ остатки обѣда. Все вмѣстѣ вызывало въ Марціи непріятное чувство брезгливости.

Дверь отворилась. Маленькая фигурка, въ черномъ платьѣ, легко проскользнула въ комнату, закрыла за собой дверь и остановилась, смотря на гостью. Въ первую минуту Марція была ошеломлена. Она видѣла м-ссу Беттсъ только одинъ разъ, въ парадномъ платьѣ и шляпѣ. У нея сохранилось представление о возбужденной, растрепанной женщинѣ, съ красными отъ слезъ глазами, одѣтой неряшливо и крикливо, вполне отвѣчающей той обстановкѣ, какую она видѣла здѣсь. Теперь эта женщина стояла передъ ней въ простой темной одеждѣ, тихая и скромная. Гладкое платье, безъ малѣйшихъ украшеній, мягко обрисовывало красивыя линіи воздушной фигуры и выгодно отбѣляло бѣлизну рукъ и шеи. Лицо было мертвенно блѣдно, но спокойно. Въ волосахъ, небрежно собранныхъ въ узелъ и приколотыхъ гребнемъ, было много сѣдины. На этотъ разъ не замѣчалось никакихъ усилій скрыть или замаскировать слѣды надвигающейся старости.

Въ первый разъ дѣвушка пришла въ голову мысль, что м-сся Беттсъ была когда-то поставалась отчасти теперь привлекательной женщиной. Какой инстинктъ подсказалъ ей привести себя въ такой видъ для предстоящаго свиданія? Жалкую актрису на подмосткахъ не осѣнило ли вдругъ вдохновеніе для этого критическаго момента въ драмѣ ея личной жизни?

— Вы очень добры, миссъ Користонъ, что не отказались пріѣхать ко мнѣ. — Она подвинула стулъ. — Присядьте, прошу васъ. Мнѣ такъ совѣстно за этотъ беспорядокъ. Извините, пожалуйста. — Она оглянувшись кругомъ, утомленно махнула рукой съ видомъ отвращенія и снова перевела глаза на Марцію, возбужденную и взволнованную. Тяжелый плащъ спускался съ плечъ дѣвушки и открывалъ бѣлое платье, и голубой газовый шарфъ красиво отбѣлялъ блестящіе глаза и пылающія щеки.

— Мнѣ не хочется сидѣть, благодарю васъ. Я не могу долго быть у васъ, — торопливо заговорила она. — Скажите, зачѣмъ вы посылали за мной? Я пріѣхала, но матушка будетъ очень удивлена, если не найдетъ меня дома, когда вернется.

Не сразу отвѣтивъ, м-сся Беттсъ подошла къ окну и выглянула изъ него. Становилось все темнѣе, деревья бѣшено пригибались къ землѣ, начиналась буря.

— Не встрѣтили вы моего мужа?—спросила она.

— Да. Онъ что-то несъ. Онъ видѣлъ меня, но едва-ли онъ знаетъ, кто я.

— Онъ не былъ дома сегодня всю ночь, — сказала м-съ Беттсъ, все еще смотря въ окно. — Онъ бродилъ все время по полямъ и скотнымъ дворамъ. Когда разсвѣло, я видѣла его въ пшеничномъ полѣ. Онъ безпрестанно останавливался, что-то осматривалъ и дѣлалъ замѣтки въ книжкѣ. А въ четыре часа, когда я снова выглянула изъ окна, онъ выходилъ изъ хлѣва и несъ что-то въ лабораторію. Когда взошло солнце, я заглянула черезъ шелку въ двери, онъ стоялъ все на томъ же мѣстѣ. Наконецъ, я позвала его. Но онъ все-таки не согласился отдохнуть, а пошелъ въ контору и началъ писать. Я принесла ему чаю и тогда...

Въ первый разъ блѣдное лицо женщины оживилось. Она подошла къ Марціи и положила обѣ руки на ея плечи.

— Онъ сказалъ мнѣ, что теряетъ память и рассудокъ. Онъ думалъ, что совершенно поправился отъ болѣзни въ Кольвинъ-Баѣ, но она вернулась вслѣдствіе безпокойства. М-ръ Эдвардъ надѣется, что онъ поѣдетъ въ Канаду, но онъ говоритъ, что этого не будетъ. Имъ не нуженъ такой разбитый человѣкъ. Онъ не въ состояніи начинать новую работу. Вся его жизнь ушла на эту ферму. Тогда...

Слезы заструились по щекамъ изъ большихъ голубыхъ глазъ, смотрѣвшихъ на Марцію. М-съ Беттсъ не обращала на нихъ вниманія. Они капали на грудь Марціи, которая робко и незамѣтно смахнула ихъ носовымъ платкомъ.

— Тогда я сказала ему, что мнѣ лучше уйти. Я принесла ему только горе и не стою его. Но онъ разсердился на меня за эти слова. Я не должна никогда, никогда не должна оставлять его—сказалъ онъ, — но только теперь мнѣ нужно уйти, чтобы дать ему написать письма. А когда я пошла къ двери, онъ пошелъ за мной и... и взялъ меня на руки, принесъ наверхъ, положилъ на постель и укрылъ одѣяломъ. А самъ остался стоять у кровати, смотрѣлъ на меня и говорилъ какія-то странныя слова. Наконецъ, ушелъ опять внизъ... Весь день онъ ходилъ около фермы. Люди говорили, что онъ былъ очень странный. Они боялись оставлять его одного, но онъ прогонялъ ихъ, когда они заговаривали съ нимъ. Такъ я его больше не видала... И тогда ужъ рѣшилась написать вамъ.

Она замолчала, машинально проводя маленькой рукой вверхъ и внизъ по плечу Марціи.

— Я никого здѣсь не знаю. У Джона много друзей, но я не близка съ ними... Даже, когда они жалѣютъ насъ... Они знаютъ, что я сдѣлала... И какъ будто сторонятся меня. Вы

хотѣли поговорить о насъ съ мистеромъ рдомъ. И я знаю, что вы говорили... М-ръ Эдвардъ говорилъ Джону. Вы отнеслись ко мнѣ всехъ добрѣе здѣсь. Потому я хотѣла сказать вамъ, что намѣрена дѣлать. Я уйду. Я непремѣнно уйду. Джонъ не будетъ знать, никто не будетъ знать, куда я ушла. Но я прошу васъ сказать мистеру Эдварду и лорду Уильяму, чтобы они были по прежнему добры къ Джону. Онъ переживетъ это какъ-нибудь... мало-по-малу.

Затѣмъ, выпрямившись, она отодвинулась отъ Марціи.

— Я не пойду въ Общину Сестеръ,—сказала она презрительно.—Скорѣе умру! Можете сказать м-ру Ньюбѣри, что я буду жить своей собственной жизнью и воспитаю моего мальчика. Джонъ меня не найдетъ, объ этомъ я позабочусь. Если я не подхожу къ приличнымъ людямъ, вѣдь есть много и такихъ, какъ я. Я ни передъ кѣмъ не буду пресмыкаться, а пойду туда, гдѣ мнѣ будутъ рады. Теперь вы понимаете, что я хотѣла вамъ сказать?

— Нѣтъ, нѣтъ!—вскричала Марція съ волненіемъ. — Но вы не должны этого дѣлать! Прошу васъ... Прошу васъ, потерпите еще немного. Я поговорю еще разъ съ м-ромъ Ньюбѣри. Я увижу его завтра.

М-съ Беттсъ покачала головой.

— Безполезно, бесполезно. Единственно, что нужно сдѣлать — это отстраниться мнѣ. Никто не остановитъ меня. Еслибы вы даже сказали Джону, я не осталась бы. И онъ не можетъ остановить меня. Я уйду — это рѣшено. Но онъ не уйдетъ. Онъ опять примется за работу здѣсь. И м-ръ Эдвардъ долженъ убѣдить его... и смотрѣть за нимъ... и беречь его. Къ чему же его религія, если онъ и этого не сдѣлаетъ? О, какъ я ненавижу ихъ религію!

Ея глаза заблестѣли страстью. Была игра въ ея монологѣ или нѣтъ, эта послѣдняя фраза дышала неподдѣльной искренностью.

— Развѣ у меня нѣтъ на это причинъ?—Она сжала кулаки, говоря это. — Это то, что встало между нами, это и ферма! Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вернулся сюда, прежнія мысли и привычки возвратились къ нему. Онъ думаетъ, что его поступокъ смертный грѣхъ... что онъ проклятъ... И вмѣстѣ съ тѣмъ я ему нужна... Онъ не можетъ отказаться отъ меня. Бѣдный мой старый Джонъ! Мы были такъ счастливы эти нѣсколько недѣль! Зачѣмъ не оставили они насъ въ покоѣ? Этотъ жестокій старикъ лордъ Уильямъ! И м-ръ Эдвардъ... который будетъ имѣть васъ... и имѣть все, чего только можно желать на свѣтѣ! Теперь, конечно, и вы отъ меня отвернетесь!—Она стояла, гордо выпрямившись, у стѣны, откинувъ назадъ голову. Марція невольно разрыдалась.

— Я не отвернусь отъ васъ. Нѣтъ... Нѣтъ! Я не отвернусь отъ васъ! Вы увидите. Я опять буду говорить съ м-ромъ Ньюбери... Общаю вамъ! Онъ не жестокий... Онъ не злой... Нѣтъ!...

— Те! Тише! — сказала м-съ Беттсъ, стремительно наклоняясь къ окну.— Вонъ онъ! — И, дрожа съ ногъ до головы, она указывала на мужа, стоявшаго недалеко отъ окна и смотрѣвшаго на нихъ. Гроза была уже надъ домомъ и началъ идти дождь. Капля за каплей падала на непокрытую сѣдую голову Джона Беттса и на его обвѣтренныя щеки и на короткую бороду. Его видъ заставлялъ содрогаться Марцію. Казалось, онъ смотрѣлъ на нихъ и не видѣлъ ихъ. Его глаза были устремлены на нее и въ нихъ не было замѣтно сознанія. Сдѣлавъ какой-то неопредѣленный жестъ рукой, онъ повернулся и пошелъ, не обращая вниманія на усиливающійся дождь, сторбившійся, запинаящимися и медленными шагами.

— О, идите, идите за нимъ! — умоляюще проговорила Марція.— Не заботьтесь обо мнѣ. Я найду свой моторъ. Идите! Возьмите мой плащъ! — Она закутывала плащемъ м-съ Беттсъ и толкала ее къ двери. Но та остановила ее.

— Не къ чему. Онъ не послушается меня. Я пошлю кого-нибудь изъ людей за нимъ. А служанка позоветъ вашего шоффера.— Она пошла изъ комнаты, чтобы распорядиться, но вернулась. Увидѣвъ, при свѣтѣ вспыхнувшей молніи, Марцію, стоящую посреди комнаты и плачущую, она вдругъ упала на колѣни, обняла ее, заглушая рыданія и невнятно бормоча слова благодарности.

— Пусть они сдѣлаютъ что-нибудь для Джона. Не стоитъ думать обо мнѣ. Пусть только успокоятъ Джона! Тогда я прощу имъ все.

XIII.

Маріонъ Эзерстонъ сидѣла за шитьемъ въ саду у котеджа. Но измѣнившаяся погода заставила ее перенести рабочий столикъ въ небольшую бесѣдку, откуда была видна вся равнина внизу. Ряды багряныхъ облаковъ поднимались одинъ надъ другимъ колоссальнымъ амфитеатромъ и опоясывали горизонтъ. Каждый рядъ, выходя изъ темнаго основанія, постепенно переходилъ въ перламутровые тона и заканчивался серебристой каймой. Наконецъ, бѣлоснѣжный край послѣдняго ряда вверху сливался съ необъятнымъ голубымъ сводомъ, величественно поднимавшимся надъ широко раскинувшимися лѣсами и полями. Съ этихъ холмовъ смотрѣли когда-то датчане на нетронутые лѣса внизу, про-

никая взорами въ будущее. Отсюда же Джонъ Гэмпденъ со своими соратниками, ринулся въ битву, въ которой нашелъ свою смерть.

Маріонъ была англичанка до глубины души и достаточно начитанная. Она знала всѣ видныя отсюда города, церкви и мѣстечки, ознаменованныя историческими событіями. Но въ настоящую минуту мысли ея были далеки отъ исторіи, а глаза безпрестанно обращались къ бѣлому пятну, миляхъ въ трехъ отъ основанія холмовъ.

Бѣлое пятно былъ Натчеттъ, а думала Маріонъ о лордѣ Користонѣ. Она не разговаривала съ нимъ уже двѣ недѣли, хотя толстая пачка его писемъ лежала въ потайномъ ящикѣ, гдѣ она прятала особенно дорогія для нея вещи. Но ее беспокоило, что Користонъ вернулся сумрачный и недовольный послѣ митинговъ на сѣверѣ, центромъ которыхъ онъ былъ. А здѣсь новый вызовъ, брошенный имъ лэди Користонъ, и это баптистское знамя рядомъ со старой церковью въ Користонъ-Мэджорѣ. Маріонъ качала головой, когда ея отецъ въ комическихъ краскахъ изображалъ негодованіе лэди Користонъ, а Гленуилльямъ раскатисто хохоталъ, сотрясая свой огромный животъ.

А! Занавѣска, наконецъ, поднялась. Маріонъ взглянула на одно изъ оконъ дома. Это было окно комнаты, въ которой помѣстилась Энидъ Гленуилльямъ. Хотя на церковныхъ часахъ внизу пробило уже одиннадцать и колокольный звонъ возвѣстилъ объ окончаніи утренней службы, Энидъ не вставала еще съ постели. А между тѣмъ ея подруга не пошла въ церковь, чтобы побесѣдовать съ ней утромъ. Но такова ужъ была Энидъ, во-первыхъ, а, во-вторыхъ, нужно было принять во вниманіе возбужденіе послѣ вчерашняго грандіознаго митинга. Кровь волновалась еще до сихъ поръ даже въ жилахъ спокойной и консервативной Маріонъ, хотя она ни на одну минуту не была увлечена краснорѣчіемъ Гленуилльяма. Она считала его человѣкомъ гениальнымъ, удивительнымъ, но фальшивымъ комедіантомъ, способнымъ погубить и себя, и Англію. Дочери, конечно, не легко было жить съ нимъ, особенно дочери, обожающей его, какъ Энидъ. Она не завидовала спокойствію послѣдней.

Но вотъ открылась калитка! Отворившій былъ именно тотъ, кого она ждала, хотя онъ исчезъ вчера съ митинга такъ неожиданно и не обѣщалъ придти. Користонъ шелъ по дорожкѣ, подозрительно оглядываясь по сторонамъ. При видѣ Маріонъ онъ снялъ фуражку. Она подала ему руку и онъ сѣлъ возлѣ нея.

— Вы одна? Это хорошо!

Она взглянула на него съ укоризненной улыбкой.

— Отецъ съ канцлеромъ ушли гулять. Энидъ еще не стала.

— Почему? Кажется, она здорова? Еслибы она была женой рабочаго и должна была вставать въ шесть часовъ, чтобы приготовить ему завтракъ и вымыть дѣтей, ей веселѣе жилось бы на свѣтѣ.

— Какъ вы можете знать? Вы всегда только осуждаете людей, а пользы отъ этого никакой.

— Да, но иначе нельзя. Необходимо высказать свои мнѣнія, а то лопнешь. Я осуждалъ вчера и Гленуилльяма, когда слушалъ.

— Отецъ находитъ, что это была не изъ лучшихъ его рѣчей,—осторожно сказала Маріонъ.

— Непроходимая чепуха она была, вотъ что! Мнѣ было стыдно за него и больно за либерализмъ, когда я слушалъ. Отъ такихъ рѣчей уйдешь въ лигу Подсѣжника!

Маріонъ подняла голубые глаза и, смѣясь, приложила палецъ къ губамъ.

— Тс! Она можетъ услышать.—Она указала на полуоткрытое окно верхняго этажа.

— И прекрасно,—рычалъ Користонъ.—Она обожаетъ его и этимъ портитъ. Почему онъ не работаетъ надъ своими рѣчами или не возьметъ приличнаго секретаря? Онъ дѣлаетъ промахи, которые могли бы опозорить недоучившагося студента... И нисколько не смущается, потому что зала, наполненная дураками, аплодируетъ ему.

— Прежде вы такъ не говорили.

— Да, потому что самъ заблуждался—послѣдовалъ рѣзкій и откровенный отвѣтъ.—Я жилъ иллюзіями и Гленуилльямъ былъ одной изъ моихъ иллюзій. Земля? Что знаетъ онъ о землѣ! Что можетъ знать о ней ничему не учившійся рудокопъ? Что знаетъ онъ о земледѣліи? Да въ мизинцѣ того человѣка, Джона Беттса,—онъ указалъ ходдонъ-грейскіе лѣса на горизонтѣ — котораго Ньюбѣри выгоняютъ за то, что онъ вытаскилъ женщину изъ грязи... о, эти благочестивые христіане!—да, такъ въ мизинцѣ Беттса больше свѣдѣній о землѣ и земледѣліи, чѣмъ во всей особѣ Гленуилльяма! А между тѣмъ посмотрите-ка на нихъ вмѣстѣ! Вы увидите, какъ надменно и покровительственно будетъ говорить съ нимъ Гленуилльямъ и какъ будетъ робѣть передъ нимъ Беттсъ! Мнѣ больно все это! Я уѣду въ Канаду вмѣстѣ съ Беттсомъ!

Маріонъ взглянула на него.

— Мнѣ казалось, что вы собирались только что перейти въ лигу Подсѣжника?

— Вы меня ловите на словахъ,—мрачно пробурчалъ Користонъ.—А у меня дѣйствительно скверно на душѣ.

— Вы слишкомъ требовательны...—мягко возразила Маріонъ, съ сокрушеніемъ оглядывая его измятые воротничокъ и манжеты и изорванное у кармановъ пальто.—А вы сказали бы однако м-ссъ Потиферъ, чтобы она починила ваше пальто,—прибавила она наставительнымъ тономъ.

— М-ссъ Потиферъ мое второе разочарованіе. Она лѣнива и грязна. А Потиферъ считаетъ это чѣмъ-то неизбѣжнымъ и вовсе не вреднымъ. Мораль—никогда не ломать копій за мучениковъ. Это вѣрный способъ превратить ихъ въ учителей...

Онъ круто оборвалъ, смотря на нее съ нахмуренными бровями.

— Маріонъ!

Она повернулась къ нему, пораженная, и краска залила ея простое милое лицо.

— Лордъ Користонъ!

— Если вы находите недостатки въ моей одеждѣ, почему же вы не хотите присмотрѣть за ней и за мной?

Она сначала остоленѣла отъ изумленія, но потомъ оправилась и сказала спокойно:

— Потому что вы никогда не просили меня объ этомъ.

— Просилъ! Не ругали вы меня и не отчитывала въ продолженіе цѣлыхъ недѣль? Было ли что-нибудь въ моей частной или общественной жизни, что не осуждали бы вы такъ, какъ вамъ нравится? Сколько разъ за день вы заставляли меня чувствовать себя дуракомъ или скотиной! И я шелъ послѣ этого домой и писалъ вамъ гнусныя письма... оправдывался... объяснялся. И вы думаете, что я сдѣлалъ бы что-нибудь подобное для другой женщины? И вы осмѣлитесь сказать, что не знаете, что это значитъ?

Онъ приблизился лицомъ къ ея лицу и смотрѣлъ на нее голубыми, полными угрозы и страстнаго обвиненія, глазами. Маріонъ собирала свою работу, губы ея дрожали.

— Я не знала, что занималась въ одно и то же время и менторствомъ, и фарисействомъ.

— Лицемѣрка!—произнесъ онъ энергично, забирая обѣ ея руки въ свою. Но она спокойно освободила ихъ.

— Дорогой другъ... если вы захотите кончить когда-нибудь этотъ разговоръ... сдѣлаемъ это въ другое время. Я не могла предупредить васъ раньше, потому что сама узнала только вчера вечеромъ отъ Энидъ. Ваша мать—лэди Користонъ—будетъ здѣсь черезъ полчаса, чтобы видѣть Энидъ.

Онъ смотрѣлъ изумленными глазами.

— Мать! Такъ вотъ что она придумала!

— Кажется, она еще нѣсколько дней назадъ спрашивала Энидъ запиской, можетъ ли видѣться съ ней здѣсь. Отецъ увелъ гулять м-ра Гленуилльяма и я должна тоже куда-нибудь исчезнуть.

— Но что же здѣсь произойдетъ, чортъ побери!

Маріонъ не знала никакихъ подробностей. По ея словамъ, Энидъ видѣлась въ Лондонѣ очень часто съ Артуромъ, и миссъ Эзерстонъ предполагала лишь, что канцлеру все извѣстно.

— И онъ не могъ остановить этого? — вскричалъ Користонъ съ блестящими глазами. — У Гленуилльяма есть недостатки, но я увѣренъ, что ему не улыбается мысль имѣть зятемъ Артура, даже со всеми его помѣстьями. Кромѣ того, онъ не могъ и разсчитывать получить и то, и другое — и Артура, и помѣстья.

— Изъ-за вашей матери!

Користонъ утвердительно кивнулъ головой.

— Такъ что есть еще одинъ мужчина — сильный и громадный, — который, подобно мнѣ и Артуру, зависитъ отъ каприза женщины. Ничего, для Гленуилльяма это полезно. Онъ принадлежитъ къ классу людей, которые привыкли бить своихъ женъ. Такъ, такъ... слѣдовательно, матушка будетъ здѣсь! — Онъ окинулъ взоромъ маленькій домикъ и садъ. — Слушайте! — сказалъ онъ потомъ, наклоняясь къ Маріонъ. — Вы уже устройте, чтобы миссъ Гленуилльямъ обошлась съ ней прилично!

Маріонъ была смущена.

— Я не довѣряю этой дѣвушкѣ! — горячо продолжалъ Користонъ. — Есть какая-то жестокость въ ея глазахъ.

— Жестокость! Но вѣдь и леди Користонъ...

— Приходить сюда не съ добрыми намѣреніями? Безъ сомнѣнія. Я знаю это. Но вѣдь всякій дуракъ можетъ видѣть, что побѣда останется за миссъ Гленуилльямъ. Она прижметъ мать къ стѣнѣ. Можетъ быть, мнѣ даже лучше быть гдѣ-нибудь по близости. Хорошо, хорошо, я ухожу. А когда же мы „кончимъ этотъ разговоръ“, какъ вамъ угодно было выразиться?

Онъ смотрѣлъ на нее, улыбаясь. Маріонъ снова покраснѣла и въ замѣшательствѣ опрокинула рабочую корзинку, такъ что все мотки шерсти и клубки рассыпались по травѣ.

Она наклонилась, чтобы собрать ихъ.

— Не трогайте! — закричалъ Користонъ.

Она тотчасъ же повиновалась, а онъ, ползая на колѣняхъ, собиралъ мотки и клубки и подавалъ ей.

— Хотите разсыпать опять? Разсыпьте. Я подберу.— Глаза его нѣжно улыбались ей и, прежде, чѣмъ она успѣла возразить, онъ поймалъ ея свободную руку и поцѣловалъ. Затѣмъ всталъ.

— Теперь я иду. До свиданья.

— Въ какія дразги намѣрены вы сегодня впутаться?— спросила она нѣсколько заглушеннымъ голосомъ.

— Сегодня воскресенье, такъ что дѣла будетъ немного. Во-первыхъ,—онъ загнулъ одинъ палецъ—пойду въ Редкросскую ферму, повидая Беттса, и, въ случаѣ необходимости, буду имѣть пріятное столкновение съ Эдвардомъ Ньюбери или съ его папашей. Во-вторыхъ—воздамъ 'по заслугамъ' моему сосѣду кузнецу—вы его знаете! Проповѣдникъ социализма, котораго я выцарапалъ изъ лапъ матушки, поселилъ въ Натчеттъ, устроилъ ему кузницу и все прочее. Задамъ ему трезвону за то, что онъ обобралъ вдову, которая живетъ въ домѣ, оставленномъ ему братомъ. Есть такая притча о „лукавомъ рабѣ“, такъ я постараюсь внушить ее ему. Подъ номеромъ третьимъ будетъ драка съ однимъ господиномъ за его отношеніе къ человѣку, подавшему голосъ за Артура. Мельникъ, радикалъ изъ МатOVERA. Онъ придетъ ко мнѣ, чтобы спросить, за какимъ дьяволомъ я распускаю дурные слухи о немъ. Вѣроятно, разговоръ будетъ жаркій.

— Но онъ одинъ изъ баптистовъ, бывшихъ съ вами вчера на платформѣ?—Маріонъ указала на мѣстную газету, лежавшую на травѣ.

— Ничего не значитъ. Я терпѣть не могу баптистовъ, но заступаюсь за нихъ, когда ихъ угнетаютъ. — Энергичный ударъ ногой въ камень, лежавшій на дорогѣ, усилилъ выразительность заявленія.—Итакъ до свиданія. Вечеромъ зайду въ Користонъ-Плацъ посмотрѣть, что останется отъ моей матушки.

И онъ пошелъ, насвистывая. Въ это время головка молодой дѣвушки, обильно украшенная золотисто-красными волосами, выглянула изъ верхняго окна. Гостья Маріонъ посмотрѣла вслѣдъ Користону.

— Почему вы не удержали его?—спокойно спросила Энидъ, спустившись внизъ и сядя на скамью возлѣ бесѣдки.

— Наоборотъ, я попросила его уйти.

— И сказали ему, кого мы ожидаемъ? Было это для него новостью?

— Вполнѣ. Онъ выразилъ надежду, что вы отнесетесь повнимательнѣе къ лэди Користонъ.—И, оторвавшись вдругъ отъ работы, Маріонъ посмотрѣла серьезно и нѣсколько вызывающе на собесѣдницу.

Энидъ засмѣялась и, пересѣвъ на кресло, развалилась, оправляя складки блѣдно-голубого платья, которое чрезвычайно шло къ ея стройной фигурѣ и золотистымъ волосамъ.

— Это очень хорошо! Я ничего не имѣла бы противъ того, чтобы онъ здѣсь остался.

— Но вѣдь вы обѣщали лэди Користонъ, что будете съ ней вдвоемъ, и она имѣетъ право требовать этого,—сказала Маріонъ съ удареніемъ.

— Вы находите? Я не знаю, имѣетъ ли она вообще на что-нибудь право.—Энидъ замолчала и разсѣянно смотрѣла по сторонамъ.

— Подумали ли вы, Энидъ, о томъ, что будете говорить?

— Какъ же я буду думать объ этомъ, когда я не знаю, что она будетъ говорить?

— Ну, безъ сомнѣнія, вы это прекрасно знаете.

— Разумѣется, знаю, что ни одна изъ консервативныхъ матерей не пожелаетъ имѣть меня своей невѣсткой. Но у лэди Користонъ это должно выразиться особенно сильно, вѣдь она живая квинтэссенція консервативныхъ матерей. Вопросъ въ томъ, какъ снизойдетъ она до разговора со мной?

— Я не вижу, чтобы вы хотя сколько-нибудь думали объ Артурѣ,—серьезно сказала Маріонъ.—А если вы такъ мало заботитесь о немъ, какъ можете вы выйти замужъ за него?

— О, вы забываете еще много разныхъ вещей!—холодно возразила Энидъ.—Вы слишкомъ упрощаете вопросы.

— Чувствовали вы большую близость къ нему, хотя раньше шесть недѣль назадъ?

— Онъ милый, очень милый, хорошій...—Выраженіе на лицѣ дѣвушки сдѣлалось болѣе мягкимъ.—И теперь было бы еще пріятнѣе утереть носъ всѣмъ маменькамъ, которыя ловятъ его еще старательнѣе, чѣмъ ловили шесть недѣль назадъ.

— Энидъ!

— Ничего не подѣлаешь, дорогая моя. Я такая ужъ отъ природы. Я вижу всѣ безобразія, низкія выходки, которыя должна принимать въ расчетъ, какъ должна терпѣливо сносить всѣ штуки лэди Користонъ, опредѣленно направленные противъ насъ. И какое наслажденіе доставляетъ мнѣ борьба съ ней! Вѣдь я знаю, что могла бы достигнуть того, что черезъ полгода Артуръ былъ бы личнымъ секретаремъ моего отца.

— Но вы презирали бы его за это!

— Да, по всей вѣроятности, презирала бы. Но тогда ужъ я писала бы его рѣчи, и онъ не дали бы спать лэди Корн-

стонъ. Ага! Слышите?—Отдаленное гудѣніе автомобиля дѣлалось уже болѣе яснымъ.

Маріонъ поднялась.

— Вѣроятно, это она. Садъ въ вашемъ распоряженіи. Я позабочусь, чтобы никто не помѣшалъ вамъ.

Энидъ кивнула головой. Но, отойдя нѣсколько шаговъ, Маріонъ вернулась.

— Помните же, Энидъ,—убѣдительно сказала она,—мать сильно привязана къ нему. Не ссорьте ихъ... если не будетъ необходимости.

Энидъ улыбнулась и поцѣловала наклонившееся къ ней лицо.

— Лордъ Користонъ проситъ васъ объ этомъ?

Маріонъ молча удалилась.

Энидъ Гленуилльямъ ждала. Когда гудѣніе автомобиля приблизилось еще больше, она подняла съ земли газету и стала со вниманіемъ читать извѣстія о вчерашнемъ митингѣ. Газета была радикальная; поэтому сообщенія, касающіяся канцлера и его выступленій, были снабжены громкими заголовками, напечатанными жирнымъ шрифтомъ: „Канцлеръ выступаетъ противъ помѣщиковъ“, „Уничтожающая атака“, „Тори разбиты“, „Неистовые ашплудисменты“.

Она отбросила газету съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, но удовлетворенная.

Она привыкла уже къ преувеличеннымъ восхваленіямъ отца партійными политиками и не могла обойтись безъ нихъ, но въ то же время относилась къ нимъ критически. „Отецъ не былъ вчера такъ хорошъ, какъ обыкновенно“, — сказала она себѣ. „И все-таки всякій другой былъ бы хуже вдвое“, — прибавила она затѣмъ съ гордостью.

Съ этимъ чувствомъ встала она на встрѣчу высокой лэди въ черномъ платьѣ, которую прислуга Эзерстоновъ проводила къ ней черезъ садъ.

— Миссъ Гленуилльямъ, вѣроятно?—Лэди Користонъ подняла лорнетъ къ глазамъ. Энидъ Гленуилльямъ подошла къ ней, протягивая руку.

— Какъ поживаете, лэди Користонъ?

Тонъ былъ веселый, даже шуточный. Лэди Користонъ почувствовала на себѣ пронизательный взглядъ глазъ, обладательница которыхъ вовсе не была смущена.

Уже первый шагъ въ борьбѣ, казалось, былъ въ пользу болѣе молодого врага.

Лэди Користонъ хотѣла поздороваться съ ней, какъ съ особой, совершенно незнакомой. Энидъ Гленуилльямъ, отвѣчая на привѣтствіе, напомнила, что онѣ много разъ встрѣчались въ обществѣ.

Затѣмъ она предложила гостѣ сѣсть.

— Если вы не боитесь сырости? А то мы можемъ войти въ комнаты.

— Благодарю васъ. Здѣсь будетъ хорошо. Вы очень добры, что согласились видѣться со мной.

— Я была весьма польщена, конечно.

Наступило минутное молчаніе. Женщины осматривали другъ друга. Лэди Користонъ взяла предложенный стулъ и сѣла, нѣсколько возбужденная. Блѣдное лицо, съ крупными чертами и проницательными глазами, красиво выступало на фонѣ черной кружевной шляпы, завязанной подъ подбородкомъ. И эта шляпа, и дорогое черное платье, и изящно вышитый шарфъ ясно говорили о тонкомъ вкусѣ женщины, располагающей большими средствами, но слишкомъ гордой, чтобы быть тщеславной.

Кровь закипала въ жилахъ Энидъ Гленуилльямъ, хотя по внѣшности она оставалась совершенно спокойной. Она взяла вѣеръ — традиціонное женское оружіе и медленно обмахивалась имъ въ ожиданіи начала разговора со стороны гостыи.

— Миссъ Гленуилльямъ! — начала, наконецъ, лэди Користонъ. — Вамъ, конечно, должно было показаться очень страннымъ мое желаніе поговорить съ вами?

Тонъ былъ слегка вопросительный и дѣвушка отвѣтила утвердительно.

— Но, признаюсь, мнѣ казалось, что это будетъ самое лучшее и самое честное. Я привыкла идти прямо къ цѣли въ серьезныхъ дѣлахъ и ненавижу глупыя колебанія. Вы, какъ всѣмъ намъ извѣстно, очень умны и прекрасно знаете жизнь. И, вѣроятно, тоже предпочитаете полную откровенность съ своей стороны.

— Разумѣется, — съ улыбкой отвѣчала Энидъ — еслибы я только знала, въ чемъ дѣло.

Тонъ лэди Користонъ сдѣлался еще холоднѣе.

— Я думала, что оно ясно для васъ. Вы часто видались съ моимъ сыномъ, миссъ Гленуилльямъ. Ваша... ваша дружба съ нимъ возбуждала подозрѣнія. А теперь я уже знаю отъ него самого, что онъ влюбленъ въ васъ и сдѣлалъ уже или намѣренъ сдѣлать вамъ предложеніе.

— Онъ дѣлалъ его уже нѣсколько разъ, — спокойно отвѣтила дѣвушка. — Я уѣхала сюда съ отцомъ, отчасти изъ желанія избѣгнуть повторенія этого.

— Такъ вы отказали ему? — Голосъ задрожалъ предательски.

— Пока.

— Пока? Должна-ли я это понимать такъ, что вы сами не рѣшили еще окончательно?

— Я не сказала еще ему окончательно.

Лэди Користонъ помолчала нѣсколько секундъ, сосредоточивъ вниманіе на видѣ, открывающемся изъ сада, затѣмъ сказала съ удареніемъ:

— Если такъ, то тѣмъ лучше, что мы имѣемъ еще возможность поговорить объ этомъ. Прежде, чѣмъ принять окончательное рѣшеніе, мнѣ кажется, вамъ полезно было бы знать взглядъ семьи моего сына на этотъ бракъ.

— Взглядъ лорда Користона и вашъ?

— Между моимъ сыномъ Користономъ и мной нѣтъ теперь ничего общаго,—отвѣтила лэди Користонъ сухо.—Разница въ нашихъ политическихъ убѣжденіяхъ и направленіи общественной дѣятельности, я думаю, очевидна для всѣхъ.

Ея собесѣдница не говорила ни слова, наклонившись надъ вѣеромъ и расправляя длинными пальцами его перья.

— Нѣтъ! Когда я говорю о семьѣ,—поясняла лэди Користонъ—то, къ сожалѣнію, должна подразумѣвать въ настоящее время только себя, такъ какъ одна стою на стражѣ семейныхъ традицій. Но такъ я намѣрена поступать до конца моей жизни. А я не могу считать бракъ между вами и моимъ сыномъ желательнымъ и не только для моего сына, но и, даже въ большей степени, для васъ, миссъ Гленуилльямъ.

— Почему?

Положивъ вѣеръ на колѣни, молодая дѣвушка продолжала разглаживать бѣлыя волнистыя перья.

Легкая краска показалась на сухихъ, впалыхъ щекахъ лэди Користонъ.

— Потому что рѣдко, вѣрнѣе, никогда не бываютъ удачны браки между людьми, принадлежащими къ двумъ разнымъ мірамъ и имѣющими столь различныя убѣжденія,—твердо сказала лэди Користонъ.—Потому что я не могу относиться къ вамъ, какъ къ дочери... И потому еще, что бракъ съ вами испортитъ карьеру моего сына.

— Я не понимаю только, что вы называете „разными мірами“,—сказала миссъ Гленуилльямъ, какъ бы съ невиннымъ изумленіемъ.—Артуръ и я постоянно встрѣчаемся на танцевальныхъ вечерахъ въ одномъ и томъ же обществѣ.

Краска ярче вспыхнула на щекахъ лэди Користонъ и она съ трудомъ овладѣла голосомъ.

— Я думаю, что вы понимаете, о чемъ я говорю, и не хотѣла быть грубой по отношенію къ вамъ.

— Я увѣрена въ этомъ. Но, очевидно, вамъ не нравится мое происхожденіе и моя бѣдность?

— Бѣдность тутъ не при чемъ, рѣшительно не при чемъ. Я никогда не принимала въ расчетъ денегъ, думая о бракѣ Артура и никогда не буду принимать.

— Потому что у васъ ихъ такъ много?

Поднявъ лицо отъ вѣра, Энидъ взглянула удивленными глазами на сидящую рядомъ женщину. И эта женщина почувствовала скрытый ледъ въ мягкомъ голосѣ говорящей.

— Вы можете объяснять это, какъ вамъ угодно. Во всякомъ случаѣ, повторяю, деньги тутъ не при чемъ. Но, миссъ Гленуилльямъ, мой сынъ принадлежитъ къ семьѣ, которая крѣпко держится за свои принципы...

Быстрый, насмѣшливый взглядъ молодой собесѣдницы прервалъ на минуту тщательно составленную рѣчь старой.

Энидъ подумала о случайномъ замѣчаніи отца, слышанномъ ею сегодня утромъ за завтракомъ: „О, да, Користоны старинной фамиліи. Они были изъ первыхъ вѣговъ. Тогда Питтъ выбралъ изъ ряда своихъ первыхъ перовъ лорда Користона для какой-то службы во флотѣ. Въ это время было положено основаніе ихъ богатству. Затѣмъ явились валлійскія угольные копи... И такъ далѣе“.

Но она оставила при себѣ свои воспоминанія. Лэди Користонъ продолжала:

— Нѣсколькимъ поколѣніямъ принадлежали эти принципы. И мы гордимся ими. Мой мужъ умеръ съ ними. Я посвятила имъ всю жизнь. Это принципы консервативной партіи. Мой старшій сынъ, котораго вы, безъ сомнѣнія, знаете, отдѣлился отъ нихъ. Въмѣсто того, чтобы оставить помѣстья ему, мужъ оставилъ ихъ мнѣ, какъ хранительницѣ политическихъ убѣжденій, въ которыя онъ вѣрилъ. Вашъ отецъ тоже держался этихъ убѣжденій когда-то... Извините меня за откровенность, но я думаю, что такъ будетъ лучше для насъ обѣихъ. Теперь онъ принадлежитъ къ враждебному лагерю! Когда я осталась вдовой, мнѣ предстояло рѣшить вопросъ, кому завѣщать помѣстья послѣ моей смерти. Какъ ни больно мнѣ это было, но я видѣла, что совѣсть не позволяетъ мнѣ завѣщать ихъ Користону. Три мѣсяца назадъ я сдѣлала своимъ наслѣдникомъ Артура.

— Вотъ какъ! — сказала дѣвушка, закрываясь вѣеромъ. Лэди Користонъ не было видно ея лица.

— Будетъ лучше для васъ и для Артура, — продолжала она медленно и осторожно — если я скажу откровенно, что при этомъ новомъ осложненіи, т. е. если Артуръ женится на васъ, онъ не можетъ остаться наслѣдникомъ помѣстій. Придется вновь передѣлать завѣщаніе.

Энидъ Гленуилльямъ бросила вѣеръ и подняла голову. Лицо ея поблѣднѣло.

— Потому, лэди Користонъ, что я дочь моего отца?

— Потому что вы внесете въ нашу семью принципы, со-

горьменно противоположные семейнымъ традиціямъ. И я не оправдаю довѣрія, если допущу это.—Сознаніе собственнаго достоинства, съ какимъ были произнесены эти слова, увеличивало ихъ торжественность.

Наступила минутная пауза.

— Слѣдовательно, если Артуръ женится на мнѣ — мы будемъ нищими? — спросила дѣвушка, наклоняясь впередъ.

— У него останется его тысяча фунтовъ въ годъ.

— Это мѣняетъ дѣло! Мнѣ нужно хорошенько подумать.

Лэди Коркстонъ сдѣлала нервное движеніе.

— Я васъ не понимаю.

— Знаете, чего я менѣе всего хотѣла бы, лэди Коркстонъ. Быть въ зависимости отъ матери Артура!

Глаза дѣвушки блестѣли. Лэди Коркстонъ поблѣднѣла.

— Я, конечно, и не рассчитывала найти въ васъ добрыя чувства ко мнѣ, — сказала она черезъ минуту.

— Вы не могли рассчитывать, о, конечно, не могли!

Энидъ Гленуилльямъ вскочила, стала передъ гостьей, слегка наклоняясь къ ней и опираясь руками о стоящій рядомъ столъ.

— Да, — заговорила она, волнуясь и задыхаясь, — можетъ быть, теперь я и выйду за него, можетъ быть, теперь выйду! Теперь, когда я не буду больше бояться зависимости отъ васъ, когда я могу рассчитывать жить свободно своей жизнью, могу знать точно, что не на что рассчитывать и вмѣстѣ съ тѣмъ нечего бояться, можно встать лицомъ къ лицу съ фактомъ и подумать. У насъ съ отцомъ тоже есть свои идеи, свои принципы, которые мы могли бы привить Артуру. И я увѣрена, что онъ принялъ бы ихъ. У него вѣдь нѣтъ и никогда не было собственныхъ убѣжденій. Вы навязывали ему свои! И, безъ сомнѣнія, вамъ было непонятно, какъ мы, съ нашими принципами, могли служить вамъ помѣхой. Вы думаете, что мнѣ нужны только деньги. Я люблю деньги, люблю роскошь и прекрасныя вещи. Признаюсь, у меня было большое искушеніе, когда Артуръ дѣлалъ мнѣ дважды предложеніе вступить въ бракъ съ нимъ, исполнивъ необходимыя формальности, и представиться вамъ въ качествѣ его жены. Вамъ оставалось бы только примириться съ совершившимся фактомъ, и я увѣрена, что вы, въ концѣ концовъ, примирились бы! Артуръ былъ убѣжденъ, что, посердившись немного, вы простили бы его. Но я заглянула впередъ... мѣсяцы... годы впередъ... увидала себя ухаживающей за вами, лъстящей вамъ, ищущей вашей благосклонности... поступающей своими взглядами, принимающей, можетъ быть, ваши... отвернувшейся отъ отца... старыхъ друзей, партій... за деньги! О, да! Еслибы я была способна на это. Предположимъ, что была

бы способна. И я содрогнулась! Я содрогнулась отъ отвращенія. Извиняюсь за грубость, но не могу выразить иначе того, что чувствовала. А теперь вы приходите и говорите: „примете его предложеніе, и я *тотчасъ же* лишу его наслѣдства“. Это даетъ другой оборотъ дѣлу, это искушаетъ... дьявола... или ангела... не знаю. Миѣ нравится Артуръ. И, что бы вы тамъ ни дѣлали и ни говорили, мое общественное положеніе много выиграло бы отъ этого замужества, а тысяча фунтовъ въ годъ для меня не то, что для васъ. Потому что, какъ вамъ извѣстно, мой отецъ началъ жизнь рабочимъ въ коняхъ! Да, дѣло принимаетъ другой оборотъ!

Дѣвушка стояла, выпрямившись во весь свой высокій ростъ, заложивъ руки за спину и смотря въ упоръ на леди Користонъ.

И на минуту дочери канцлера показалось, что она прочла въ глазахъ бѣдной леди трепетъ передъ мстящей судьбой. Наконецъ, и леди Користонъ увидала силу и очарованіе въ этой дѣвушкѣ, которая отняла у нея сына. Наконецъ, она замѣтила, съ отчаяніемъ замѣтила ея странную и могучую красоту. Тонкій, длинный ротъ, теперь дышавшій презрѣніемъ короткій подбородокъ и выдающіяся скулы не давали Энидъ права на званіе красавицы. Но прелестные глаза и волосы, темныя брови и широкій, изящно очерченный лобъ надъ ними, бѣлорозовая кожа, посадка головы и стройная фигура, смѣсь неотразимой женственности и страсти въ данную минуту производили впечатлѣніе очаровательнаго созданія. Леди Користонъ чувствовала въ ней ея отца, ей казалось, что она ощущаетъ ужасъ отъ приближенія самого Гленуилльяма.

Смущеніе и непривычная слабость овладѣли вдругъ леди Користонъ. Нѣсколько минутъ назадъ, подъ угрожающими взорами дѣвушки, она могла еще говорить, во всякомъ случаѣ. Теперь она съ трудомъ заставила себя произносить слова.

— Вы, можетъ быть, и выйдете за моего сына, миссъ Гленуилльямъ, но вы не любите его! Это совершенно ясно. И вы рѣшаетесь, тѣмъ не менѣе, разбить его и мое счастье чтобы...

— Я не люблю его? О, это совсѣмъ другое дѣло! Люблю ли я его? По совѣсти, не знаю. Я не думаю, чтобы была способна влюбляться, какъ другія дѣвушки влюбляются или говорить, что влюбляются. Миѣ онъ нравится, я могла бы выйти за него замужъ, да, могла бы,—медленно повторила она. — Хотя бы ужъ для того, леди Користонъ, чтобы доставить себѣ наслажденіе наказать васъ за ваше пренебреженіе къ отцу! Ну, а затѣмъ, и по другимъ причинамъ. Но, вы видите, я еще думаю, я должна еще кое-что обдумать...

Дѣвушка опустилась въ кресло и смотрѣла черезъ столъ на гостью.

— Вы говорите,—начала она опять уже измѣнившимся голосомъ—что не хотѣли бы этого, лэди Користонъ. Хорошо. Это не рѣшено еще также для меня, не рѣшено для Артура. Но есть еще одинъ человѣкъ, который тоже не хочетъ этого.

Обѣ молчали. Миссъ Гленуилльямъ снова взяла въ руки вѣеръ и играла имъ, разсматривая его.

— Вчера вечеромъ отецъ пришелъ ко мнѣ въ комнату,—начала Эннъ—чтобы поговорить со мной объ этомъ. „Эннъ, сказалъ онъ, не выходи замужъ за этого человѣка! Онъ хорошій парень, но войдетъ клиномъ въ нашу жизнь. Мы съ нимъ не сойдемся. Онъ встанетъ между нами, моя дѣвочка. А для чего же это будетъ, разъ ты не любишь его?“ Мы долго говорили и наконецъ я сказала ему, что не хочу, *не хочу!* Такъ видите, лэди Користонъ, если я и не приму предложенія вашего сына, такъ не изъ-за васъ, а изъ-за моего отца, котораго вы оскорбляли. Онъ не хочетъ, чтобы я вошла въ вашу семью, сдѣлалась женой вашего сына, онъ отговариваетъ меня отъ этого!

Лэди Користонъ смотрѣла въ лицо своей собесѣдницѣ и видѣла, что пасуетъ передъ цѣльнымъ и непосредственнымъ чувствомъ, горящимъ въ ея глазахъ. И, подъ вліяніемъ этого огня, она въ первый разъ нашла болѣе естественныя и человѣческія слова, которыя и произнесла медленно, вставая съ мѣста.

— Вы любите вашего отца, миссъ Гленуилльямъ. Такъ вспомните же, что и я люблю сына,—и между нами не было сказано ни одного рѣзкаго слова, пока онъ не познакомился съ вами.

Она колебалась нѣкоторое время, подбирая рукой платье. А дѣвушка замѣтила ея смертельную блѣдность и вдругъ устыдилась своей горячности. Она тоже встала.

— Простите, лэди Користонъ. Я была груба. Но, когда я думаю о моемъ отцѣ и о тѣхъ, кто ненавидитъ его, я прихожу въ ярость. Мнѣ не слѣдовало говорить многого изъ того, что я говорила. Но что толку оправдываться? Я позволю себѣ еще просить васъ только объ одномъ, лэди Користонъ. Пожалуйте вашего сына. Онъ влюбленъ въ меня, и мнѣ *очень* жаль его. Разрѣшите мнѣ написать ему, прежде чѣмъ вы будете говорить съ нимъ. Я постараюсь не обидѣть его. Постараюсь смягчить зло, которое причиняю ему. Но, предупреждаю васъ, ему будетъ страшно больно, и онъ можетъ приписать вамъ это, не смотря на все, что я ему напишу. Когда будетъ онъ въ Користонъ-Плацъ?

— Сегодня ночью.

— Я пошлю письмо завтра утромъ. Вашъ экипажъ ждетъ.

Онѣ пошли вмѣстѣ по дорожкѣ, не говоря ни слова. Лэди Користонъ сѣла въ экипажъ. Энидъ Гленуилльямъ сдѣлала низкій, почти придворный поклонъ, лэди отвѣтила на него и автомобиль тронулся.

Энидъ вернулась къ бесѣдкѣ, сѣла опять за столъ и закрыла лицо руками.

Черезъ нѣкоторое время раздался звукъ поспѣшныхъ шаговъ по дорожкѣ, ведущей къ бесѣдкѣ. Она подняла голову и увидала отца. Массивная фигура канцлера заполнила входъ въ маленькую бесѣдку. Его темное, цыганское лицо озарилось веселой улыбкой, когда онъ наклонился къ дочери.

— Ну, Энидъ, какъ ты себя чувствуешь послѣ посѣщенія? Не истоптала она тебя, не исцарапала, не оплевала? Ну, бьюсь объ закладъ, что ты не осталась въ обидѣ! Эге! Да въ чемъ же дѣло, моя дѣвочка? Ты взволнована?

Энидъ старалась вернуть свое обычное хладнокровіе.

— Я обошлась съ ней, какъ злѣйшій врагъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—Раскатистый хохотъ канцлера заполнилъ бесѣдку.—Старая вѣдьма! Наконецъ-то нашелся человѣкъ, который сказалъ ей правду! Нашла кого испугать! Вѣроятно, угрожала тебѣ всѣми муками ада, если ты выйдешь замужъ за ея сокровище? И ты воздала ей должное? Но въ чемъ же дѣло, Энидъ? Не будь дурочкой, дорогая моя. Тебѣ жаль его?

— Нѣтъ.—Онъ нѣжно обнялъ ее, когда она прижалась къ нему. Потомъ она подняла голову и поцѣловала его.

— Я никогда не выйду замужъ, папа. Насъ двое, и развѣ это мало, хотя бы противъ цѣлаго міра?

— Противъ половины міра,—смѣясь, сказалъ Гленуилльямъ.—Добрая половина его на нашей сторонѣ, дорогая, и въ ней немало найдется для тебя жениховъ.

Онъ съ гордымъ восхищеніемъ смотрѣлъ на нее.

Она покачала головой, взяла его подъ руку, и оба пошли къ дому.

XIV.

Въ странномъ состояніи возвращалась лэди Користонъ изъ коттеджа Эзерстоновъ. Въ сущности, она получила все, чего добивалась, и, не смотря на это, съ необыкновенно болѣзненной остротой чувствовала себя униженной и пораженной. Женщины, съ ея положеніемъ въ обществѣ и съ ея характеромъ, слишкомъ защищены отъ всего грубаго въ жизни, слишкомъ привыкли видѣть во всѣхъ окружающихъ почтеніе и вниманіе къ себѣ. Обращеніе Энидъ Гленуилльямъ со своей жертвой должно было, въ концѣ концовъ, смутить

и разстроить послѣднюю. Лэди Користонъ казалось, что ее били и физически, и морально, и она не могла примириться съ этимъ. Блѣдная и дрожащая сидѣла она, прижавшись въ углу автомобиля, и новый страхъ возникалъ въ ея душѣ. Сегодня она еще не увидитъ Артура. Онъ вернется очень поздно. Передъ объясненіемъ съ нимъ у нея еще цѣлая ночь отдыха, въ которомъ она такъ нуждалась послѣ свиданія съ этой удивительной дѣвушкой. Чувствуя усиленное бѣіеніе сердца, она невольно вспомнила предостереженіе доктора, видѣвшаго ее передъ отъѣздомъ изъ города. „Вы преувеличиваете свои силы,—сказалъ онъ ей—вамъ необходимо отдохнуть“. Пустяки! Она происходитъ изъ рода долголѣтнихъ людей, съ здоровымъ сердцемъ, не избалованнымъ нѣжностью, и крѣпкими легкими. И все-таки въ тотъ день она инстинктивно старалась отстранять отъ себя всякія волнующія мысли, чтобы успокоиться къ ночи. Она вспомнила еще и то, что провела почти безъ сна предыдущую ночь. Вообще, послѣ ужасной сцены съ Артуромъ, двѣ недѣли назадъ, она ощущала физическую и душевную разслабленность.

Вслѣдствіе всего этого удивительно было то чувство раздраженія, съ какимъ она замѣтила фигуру дочери, стоявшей на крыльцѣ користоновскаго дома, рядомъ съ сэрѣмъ Уильфридомъ Бери. Еще сегодня утромъ Марціа напомнила ей объ этой скучной исторіи Ньюбери съ м-ссъ Беттсъ. Какъ можетъ она интересоваться подобными вещами, когда мысль матери полна Артуромъ? Дѣвушки должны быть внимательнѣе къ близкимъ.

Марціа и сэръ Уильфридъ издали замѣтили моторъ и дожидались его. Какъ ни была лэди Користонъ поглощена собственными дѣлами, она не могла не замѣтить подавленности и молчаливости Марціи. Она ни о чемъ не спросила мать и, какъ только поздоровалась съ ней, тотчасъ же ушла къ себѣ. На минуту мелькнула въ головѣ лэди Користонъ мысль о томъ, что дочь чѣмъ-то разстроена, огорчена. Можетъ быть, ея? Но она не могла уже сосредоточиться на этомъ новомъ впечатлѣніи.

Сэръ Уильфридъ прошелъ за ней въ гостиную.

— Чѣмъ вы были заняты?—спросилъ онъ ее, улыбаясь и пользуясь свободой стараго друга.—Мнѣ кажется, я догадываюсь.

Она грустно посмотрѣла на него.

— Она не выйдетъ за него! Но только ни слова Артуру. Прошу васъ. Ни слова, пока я не скажу вамъ. Я прошла черезъ тяжелое испытаніе.

Ея разслабленный и утомленный видъ произвелъ на него непріятное впечатлѣніе. Онъ пожалъ ей руку.

— Пока что и это хорошо,—сказалъ онъ серьезно.—Для васъ это большое облегченіе. Бѣдняга!—прибавилъ онъ, понизивъ голосъ.

Лэди Користонъ ничего не возразила, сказавъ только, что она будетъ готова къ завтраку. Она ушла изъ комнаты какъ разъ въ то время, когда сэръ Уильфридъ увидалъ Эдварда Ньюбери, проѣзжающаго верхомъ черезъ паркъ.

„Красивый малый!—подумалъ онъ, наблюдая за нимъ изъ окна.—И какъ сидитъ на лошади! Что же это дѣвочка не бѣжитъ встрѣчать его? Въ мое время такъ бывало“.

Но никто, кромѣ конюха, не встрѣтилъ Ньюбери и Марцію не появилась раньше, чѣмъ ударили въ гонгъ къ завтраку.

Сэръ Уильфридъ одинъ поддерживалъ разговоръ во время этого завтрака. Лэди Користонъ почти все время молчала и ничего не ѣла. Марція тоже и ѣла мало, и говорила мало. Ньюбери пріѣхалъ въ радужномъ настроеніи и приготовился подразнить Марцію великолѣпнымъ описаніемъ ея приданаго, которое онъ нашелъ въ одной изъ газетъ. Но она съ видимой неохотой едва отвѣчала на его шутки, такъ что онъ тоже скоро замолчалъ и только бросалъ на нее время отъ времени недоумѣвающіе взгляды. Ея черные глаза и волосы выдѣлялись сегодня болѣе обыкновеннаго на фонѣ совершенно простого бѣлаго платья, безъ всякихъ украшеній. Но на лицѣ ея отсутствовало обычное оживленіе, составлявшее главную прелесть его. Вялость и разсѣянность дѣлали Марцію неинтересной и сэръ Уильфридъ удивлялся, какъ не предостеречь ее тайный дѣвическій инстинктъ отъ того, чтобы показываться въ такомъ видѣ жениху.

Ньюбери провелъ предыдущій вечеръ въ „монастырѣ“, какъ упорно называлъ сэръ Уильфридъ домъ англиканскаго братства или Общину Вознесенія, главой котораго былъ лучший другъ Ньюбери, братъ Бріэрли. Въ отместку за подразниваніе Марціи сэръ Уильфридъ хотѣлъ подразнить Ньюбери его „монастыремъ“. Но Ньюбери очень ловко отдѣлывался отъ него. Онъ охотно смѣялся, но не надъ тѣми, въ гостяхъ у которыхъ только что былъ. И за всѣми его шутками слышалось трепетаніе глубокаго чувства, которое онъ скрывалъ. „Чертовски странные глаза“, думалъ сэръ Уильфридъ, наблюдая за лицомъ Ньюбери въ одну изъ наступившихъ паузъ. „Они здѣсь только наполовину даже тогда, когда онъ смотритъ на любимую дѣвушку“. Послѣ завтрака Марція сдѣлала такъ Ньюбери, и они

оба исчезли. Они прошли по берегу озера въ чащу лѣса, куда лучи солнца пробивались только сквозь густыя вѣтви буковъ. Ньюбери усадилъ Марцію на стволъ стараго упавшаго дерева и сѣлъ самъ рядомъ съ ней. Вся природа казалась умывшейся послѣ грозы. Теплый лѣтній воздухъ былъ напоенъ ароматомъ всякихъ травъ, земли и папоротника. Лѣсъ казался живымъ отъ жужжанья и гудѣнья безчисленныхъ насѣкомыхъ, которыхъ было слышно теперь, потому что птицы на время примолкли. Съ полусжатыхъ полей не доносился стукъ машины, которая отдыхала, и не было слышно голосовъ рабочихъ. Изрѣдка мелькалъ какой-нибудь пѣшеходъ, переходившій тропинку вдали, слышался одинокій крикъ куропатки или сойки, но потомъ снова тишина и молчаніе не нарушались никѣмъ и томили душу Марціи мрачной давящей тоской.

Ньюбери обнялъ ее, прижалъ къ себѣ и покрылъ ея лицо страстными поцѣлуями. Она не сопротивлялась. Но это было только подчиненіе его ласкамъ, а не отвѣтъ на нихъ. И опять, какъ за завтракомъ, предчувствіе закралось въ его душу.

— Дорогая, что случилось? Что мучаетъ тебя?—спросилъ онъ съ безпокойствомъ.—Не думаешь ли ты, что я хотя на одну минуту забывалъ о тебѣ во время отсутствія?

— Навѣрное—когда спалъ,—съ лукавой улыбкой отвѣтила она, ласково глядя его руку.

— Неправда! Вотъ и неправда! Я видѣлъ тебя во снѣ. Но прошлую ночь, дорогая моя, я не спалъ и думалъ о тебѣ.

— Гдѣ же ты былъ?—тихо и смущенно спросила она.

— Въ церкви... Въ Блэкмоунтской церкви, на особенномъ богослуженіи, которое не совершается въ другихъ церквяхъ и даже запрещено епископомъ. Но онъ не можетъ вмѣшиваться въ порядокъ службы въ частныхъ церквяхъ, какъ, напримѣръ, наша или въ Блэкмоунтѣ. Это было что-то удивительное! Мнѣ казалось вчера, что передо мной отверзлись врата Царства Небеснаго, и я жалѣлъ только, что ты не была со мной.

Она ничего не отвѣтила, но брови ея нахмурились. Онъ продолжалъ:

— Безъ сомнѣнія, такія службы не могутъ посѣщаться всѣми. Но братья совершаютъ ихъ съ необыкновенной торжественностью. И знаешь ли, любовь моя!—Онъ сжималъ ея руку и смотрѣлъ на нее сіяющими глазами.—Знаешь ли, о чемъ хотѣлъ я просить тебя? Хотя я едва рѣшаюсь выговорить мою просьбу. Еслибы ты... Могла бы ты доставить мнѣ величайшую радость, величайшее счастье, прежде чѣмъ

мы повѣнчаемся? Братъ Бріэрли—мой лучший другъ—пріобщить насъ съ тобой утромъ, въ день нашей свадьбы, въ маленькой братской церкви, гдѣ мы будемъ совсѣмъ одни. Вѣдь это не утомитъ тебя?—Голосъ его былъ сама нѣжность.—Я пріѣду за тобой въ половинѣ восьмого, никто, кромѣ твоей матушки, не будетъ знать. А потомъ пусть обвѣнчаютъ насъ торжественно, при всѣхъ. Лэди Користонъ говорила мнѣ, что это будетъ въ церкви Генриха Седьмого, такъ вѣдь? Но прежде мы помолимся нашему Создателю одни, въ нашихъ сердцахъ, чтобы пріобщиться къ нему навѣки!

Кругомъ по прежнему царила тишина. Онъ говорилъ нѣжно, кротко, но съ настойчивостью и увѣренностью, которыя не ускользнули отъ дѣвушки. И опять внезапный ужасъ охватилъ Марцію. Опять за возлюбленнымъ она увидѣла жреца, призывающаго, требующаго и даже угрожающаго. Она отшатнулась.

— Эдвардъ! Можешь ли ты... Можешь ли ты рассчитывать на меня въ подобныхъ вещахъ?

Его лицо, съ проникновеннымъ экзальтированнымъ взглядомъ, почти не измѣнилось.

— Я ни на что не рассчитываю, дорогая. Я только предлагаю тебѣ. Я говорилъ объ этомъ съ Бріэрли. Онъ просилъ передать тебѣ...

— Но я не знаю его!—закричала Марція.—И не знаю, нужно ли мнѣ знать его. Я не увѣрена, что думаю такъ, какъ ты, Эдвардъ. Ты только приписываешь мнѣ это... А между тѣмъ въ моемъ умѣ происходитъ такая путаница... такая путаница... Я сама не знаю, что думаю о многихъ вещахъ.

— Церковь думаетъ и рѣшаетъ за насъ, дорогая—это дастъ намъ силу и увѣренность.

— Но что такое церковь? Мнѣ кажется, каждый выбираетъ себѣ собственную церковь. Знаешь ли ты, что священникъ, который былъ въ Ходдонъ-Греѣ, находить, что ты не правъ такъ же, какъ не права я! Даже я.—Она засмѣялась судорожнымъ, нервнымъ смѣхомъ. Ея громадныя черныя глаза пристально смотрѣли на него.—А я, Эдвардъ, хотѣла сказать тебѣ что-то совсѣмъ, совсѣмъ другое! Я чувствовала себя такой несчастной всю ночь и весь день сего дня. Я истомилась, ожидая тебя... И такъ боялась, что ты скажешь...

Она не кончила и старалась заглянуть въ его глаза.

И наблюдая за его лицомъ, она видѣла, какъ появлялось на немъ выраженіе напряженнаго ожиданія и подозрѣнія. Она заторопилась.

— Я была у м-ссы Беттсъ вчера, Эдвардъ. Она прискакала за мной. И нашла ее почти больной, въ отчаяніи. Я убѣждала ее подождать, пока не увижусь еще разъ съ тобой. Но, можетъ быть, ты уже былъ у нихъ сегодня?

Она воспросительно взглянула на него.

— Разумѣется, не былъ. — Тонъ его совершенно измѣнился, сдѣлался холоднымъ и жесткимъ. — Я уѣхалъ изъ Блэкмоунта сегодня, послѣ утренней службы, на моторѣ домой, на минуту повидался съ отцомъ и матерью, ни о чемъ не говорилъ и полетѣлъ сюда. Что тамъ опять случилось, дорогая? Я былъ увѣренъ, что эта мучительная исторія кончена. И, признаюсь, считаю весьма неделикатнымъ со стороны м-ссы Беттсъ во что бы то ни стало втягивать тебя въ свои дѣла!

— Что же ей дѣлать? У нея нѣтъ друзей, Эдвардъ! Всѣ очень жалѣютъ его и относятся съ пренебреженіемъ къ ней. Я не знаю, заслужила она это или нѣтъ, меня это не касается. Я вижу только, что она ужасно жалка и несчастна! Она уходитъ! Она рѣшила уйти. Это она и хотѣла сказать мнѣ, хотѣла, чтобы я передала тебѣ.

— Это самое лучшее, что она можетъ сдѣлать и для него, и для себя, — твердо сказалъ Ньюбери.

— Но она не такъ уходитъ, какъ ты предполагалъ! О, нѣтъ. Она хочетъ исчезнуть, скрыться! Онъ не будетъ знать, куда она уйдетъ. И она умоляетъ тебя удержать его здѣсь, позаботиться о немъ, успокоить его.

— Конечно, мы это сдѣлаемъ.

Спокойный, твердый тонъ заставилъ содрогнуться Марцію. Она поймала руку Ньюбери и сжала ее въ своихъ.

— Но слушай, Эдвардъ! Вѣдь это можетъ убить ихъ обоихъ. У него уже какъ будто мутится разумъ. Я получила опять письмо отъ нея сегодня утромъ, которое подтверждаетъ ихъ докторъ. А она сама.. Она говоритъ, что, если приличные люди отворачиваются отъ нея, ей лучше вернуться къ тѣмъ, которые были добры къ ней. Ничто не заставить ее идти въ Общину сестеръ.

— Это ужъ, конечно, ея дѣло, — холодно сказалъ Ньюбери.

— Но вы не должны допускать, чтобы она ушла! Вы не должны! О, какіе они несчастные! Я и его видѣла, Эдвардъ, и никогда не забуду этого!

И съ возрастающимъ возбужденіемъ она подробно рассказала о своемъ посѣщеніи фермы, о разговорѣ съ м-ссы Беттсъ и о скорбномъ, блѣдномъ призракѣ за окномъ.

— Ему пятьдесятъ два года. Гдѣ же ему начинать опять

сначала? Теперь онъ только и живетъ дѣломъ и ею. Если же она уйдетъ отъ него, скроется, исчезнетъ послѣдняя соломинка, за которую онъ цѣпляется. Онъ вѣритъ вѣдь, что спасъ ее отъ дурной жизни, а тогда онъ будетъ думать, что только причинилъ ей зло. А между тѣмъ онъ боленъ, разсудокъ его уже не въ порядкѣ. Эдвардъ, дорогой Эдвардъ! Оставь ихъ! Хотя бы для меня! Оставь ихъ!

Вся душа ея вылилась въ ея взглядъ. Никогда она не была еще такъ чарующе привлекательна. Она положила руки на его плечи и прислонилась нѣжной щекой къ его лицу.

— Ты хочешь сказать—оставить ихъ на фермѣ? — спросилъ онъ послѣ нѣкоторой паузы, обнимая ее и прижимая къ себѣ.

— Развѣ нельзя? Они живутъ такъ тихо. Они почти нигде не показываются... И развѣ онъ будетъ дѣлать свое дѣло... свое полезное дѣло... Чѣмъ можетъ это помѣшать вамъ? Какія другія отношенія могутъ быть у васъ съ ними? И развѣ не поймешь всякій, что вы оставили ихъ изъ состраданія?

Снова наступило молчаніе. Наконецъ, онъ проговорилъ съ трудомъ:

— Марція, дорогая! Подумала ли ты хотя на минуту о моемъ отцѣ?

— О, не могу ли я пойти... и просить лорда Уильяма?

— погоди! Выслушай, что я хочу тебѣ сказать. Отецъ—старый человекъ. Вся эта исторія была для него жестокимъ ударомъ. Она состарила его на нѣсколько лѣтъ. Онъ вѣрилъ Беттсу, какъ самому себѣ. А теперь... ко всему этому, ты хочешь еще, чтобы онъ чувствовалъ себя неправымъ.

— Но вѣдь они *женаты*, Эдвардъ. Развѣ это не тиранія—она смѣло выговорила слово—причинять такое страданіе?.. Карать еще больше, чѣмъ караетъ законъ?

— Для насъ существуетъ только одинъ законъ—законъ Христа!

И снова вспыхнуло что-то вроде гнѣва въ его глазахъ, и онъ прибавилъ съ особенной настойчивостью:

— Мы не можемъ считать ихъ мужемъ и женою и, признавая ихъ бракъ, мы будемъ потакать беззаконію. О, Марція, дорогая, зачѣмъ заставляешь ты меня говорить тебѣ все это? Я не могу и не хочу обсуждать съ тобой эти вопросы!

Онъ проговорилъ послѣднія слова съ болью и отчаяніемъ.

Она освободилась изъ его объятій и отодвинулась.

Состояніе полной безнадёжности и раздраженіе овладѣли ею.

— Такъ ты не хочешь попытаться убѣдить отца... даже для меня. Эдвардъ?

Онъ молчалъ. Она видѣла, какъ дорожили его губы, но знала, что это происходило только отъ нерѣшительности говорить окончательный отказъ.

Томительное молчаніе продолжалось. Марція подняла голову и смотрѣла въ зеленую прогалину лѣса, слезы медленно наполняли ея глаза. Онъ не спускалъ съ нея тревожнаго взгляда. Наконецъ, она начала говорить тихимъ, замирающимъ голосомъ:

— А я... я не могу выйти замужъ... не могу быть счастливой... съ этой постоянной мыслью о нихъ... о томъ, что съ ними случилось... И о томъ еще, что ты не могъ исполнить моей просьбы. Я думала объ этомъ уже очень много. Боюсь, Эдвардъ, что мы... мы сдѣлали большую ошибку!

Она осторожно отняла руку, которую онъ держалъ, и смотрѣла на него, блѣдная и дрожащая, съ новымъ, чуждымъ для него выраженіемъ непоколебимой рѣшимости.

— Марція!—Въ крикъ его прозвучала невыносимая боль.

— О, это была моя ошибка!—Она всплеснула руками и въ этомъ жестѣ соединилась дѣтская безпомощность съ душевнымъ страданіемъ взрослого человѣка.—Съ самаго начала я уже видѣла, что ты ошибаешься во мнѣ. Это было вполне естественно. Ты старше меня и, безъ сомнѣнія, безъ сомнѣнія... думалъ, что, если... если я люблю тебя, тебѣ легко будетъ руководить мною, легко будетъ заставить меня думать по твоему. Но, видишь ли, Эдвардъ, я была болѣе представлена сама себѣ, жила болѣе своей собственной жизнью, чѣмъ другія дѣвушки... Мать всегда была занята другими дѣлами, въ которыя я не вмѣшивалась... Обо мнѣ мало заботились и я задумывалась о многихъ вещахъ, о которыхъ мнѣ никогда не говорили. Я упряма... Горда... Если я повѣрю, такъ ужъ сама по себѣ, а не потому только, что другіе вѣрятъ. А пока, я сама еще не знаю, къ чему приду. Послѣ нашей помолвки я начала думать еще больше. Съ тѣхъ поръ, какъ мы стали женихомъ и невестой, за эти нѣсколько недѣль, я передумала Богъ знаетъ сколько. И странное дѣло! Эти думы какъ будто отдаляли меня отъ тебя. А теперь еще эта ужасная исторія. Я не могу...—Она съ страстнымъ отчаяніемъ сжала руки.—Я не могу согласиться съ тобой. Это убиваетъ меня. Ты повинуюешься чему-то внѣшнему, во что вѣришь. Но, если я доведу до отчаянія людей, увѣряя ихъ, что они не правы въ томъ, въ чемъ они считаютъ себя правыми, я никогда не буду чувствовать себя въ душѣ счастливой. Любовь, по-моему, должна давать только счастье и никогда—мученье. По-твоему, въ любви есть что-то большее о чемъ говорить церковь и Библія. А я никогда не буду ви-

дѣтъ того, что гдѣнишь ты. Я никогда не соглашусь съ тобой, никогда не подчинюсь тебѣ. И мы будемъ несчастливы. Ты будешь считать меня порочною, а я... я...—Она замялась, какъ бы подыскивая слова.—Гадкія... злыя... чувства поднимаются иногда во мнѣ. Я не могла бы ненавидѣть тебя, Эдвардъ... но... и теперь уже... я чувствую, что могла бы ненавидѣть то, во что ты вѣришь!

Внезапная перемена въ его взглядѣ поразила ее до глубины души. Она протянула къ нему руки съ мольбою:

— Прости меня! О, прости меня!

Во время ея исповѣди онъ всталъ и теперь стоялъ, прислонившись къ молодому деревцу, возлѣ нея, смотря внизъ на нее, слѣднй и неподвижный. Онъ не взялъ протянутыхъ рукъ и онъ упали на колѣни.

— Это ужасно!—проговорилъ онъ, какъ бы про себя и въ полусознаніи:—ужасно!

— Но право же... Право же, такъ лучше!

Она произнесла эти слова почти шопотомъ и прерывая рыданіями. Потомъ закрыла лицо руками, которыхъ онъ не принять.

Прошло нѣсколько безконечныхъ минутъ, прежде чѣмъ онъ началъ говорить. И ей казалось, что наступило затишье въ моментъ страшной бури. Она угадывала бурю въ этомъ человѣкѣ глубокнхъ и сосредоточенныхъ чувствъ и съ ужасомъ ждала ея проявленія.

— Марція... Такъ это правда? Я не могу дать тебѣ счастья? Я не могу руководить твоими мыслями? Хотя ты сама говоришь, что я старше тебя, слѣдовательно, имѣлъ больше времени для размышленія, для опыта. Если ты любишь меня, что удивительнаго въ томъ, что я имѣлъ бы вліяніе на тебя?

— Это могло бы быть,—сказала она грустно.—Но не будетъ. Теперь я знаю себя лучше, чѣмъ знала раньше. Я измучила бы тебя и борьба съ тобой ожесточила бы меня.

Снова наступило молчаніе. Но для обоихъ это было такое молчаніе, во время котораго умъ однимъ взмахомъ напряженнаго усилія собираетъ жатву со всѣхъ мыслей и образовъ, созрѣвшихъ уже, бессознательно для самихъ себя. Молчаніе, болѣе дѣйствительное, чѣмъ рѣчи, опредѣляющее теченіе жизни.

Онъ снова сѣлъ возлѣ нея.

— Такъ мы должны уступить... Должны подчиниться. Благословляю васъ за счастье, которое вы мнѣ дали... за это время. Прощу у Бога благословенія для васъ... теперь и навсегда.

Рыдая, подняла она лицо къ нему и онъ поцѣловалъ ее

въ послѣдній разъ. Затѣмъ сняла обручальное кольцо и отдала ему. Онъ посмотрѣлъ на него съ грустной улыбкой, прижалъ его къ губамъ, затѣмъ поднялъ лежавшую у ногъ палку и выкопалъ глубокую ямку въ сырой, волокнистой землѣ. Туда опустил онъ кольцо и засыпалъ его землей, мхомъ и увядшей листвою. Закрывъ затѣмъ на минуту глаза, онъ всталъ.

— Я провожу васъ домой. Вечеромъ напишу лэди Користонъ.

Молча шли они черезъ лѣсъ къ дому. Никогда, во всю жизнь, не чувствовала себя Марція такой несчастной, какъ въ эти минуты. Она сознавала, что сдѣланное было и неизбѣжно, и непоправимо.

Съ трепетомъ заглянули они другъ другу въ глаза на прощанье и она страдальчески пролепетала:

— О, какъ мнѣ больно! Какъ тяжело!

Въ то время, когда Марція и Ньюбери проходили по саду передъ домомъ, двое людей были видны черезъ окно въ гостиной лэди Користонъ.

Эти двое были, странно сказать, лэди Користонъ и ея старшій сынъ. Послѣ завтрака лэди Користонъ почувствовала себя настолько нездоровой, что тотчасъ же удалилась въ свою комнату, распорядившись, чтобы ее не беспокоили. Сэръ Уильфридъ и Лестеръ пошли гулять. Марція и Ньюбери исчезли.

Домъ, съ безчисленнымъ количествомъ комнатъ и корридоровъ, погрузился въ глубокую тишину. Лэди Користонъ лежала на софѣ съ закрытыми глазами. Она не переставала переживать въ умѣ всю сцену свиданія съ Эндью Гленуилльямъ. Она видѣла ея жесты и выраженіе лица, слышала ея голосъ и особенно ясно послѣднія слова предостереженія.

Но вѣдь не она, не его мать сдѣлала все это. Безъ нея случилось бы то же самое. Она ловила себя все время на этомъ оправданіи и на чувствѣ страха, который охватывалъ ее. Кого она боялась? Артура? Какая бессмыслица! Гордость ея возмущалась.

И все-таки она знала, что прислушивается, прислушивается съ ужасомъ къ шагамъ, раздающимся гдѣ-то въ домѣ. Но и это бессмыслица. Артуръ остался съ друзьями на другомъ концѣ графства и не можетъ быть дома раньше ночи. И она не увидитъ его, пока не пошлетъ за нимъ,—до слѣдующаго утра, когда письмо будетъ уже получено. Тогда ей придется встрѣтиться съ нимъ лицомъ къ лицу.

Но его шаги все время звучали въ ея воображеніи, а въ ея памяти вставалъ онъ, веселый и бодрый, въ палатѣ общины, произносящій свою первую рѣчь. То было въ апрѣлѣ,

теперь июль. Начиналось ли уже тогда то безуміе, которое похитило у нея его—ея дорогого... ея Веніамина?

Она впала въ дремоту на нѣкоторое время и внезапно проснулась въ смятеніи. Кто-то подходилъ къ двери, очевидно, на цыпочкахъ. Кто-то постучалъ, очень тихо. Она сѣла и вся дрожала.

— Войдите!

Дверь отворилась, вошелъ Користонъ.

Она опустила на подушки съ видомъ изумленія и усталости.

— Я просила не беспокоить меня, Користонъ.

Онъ, молча, стоялъ на порогѣ.

— Я помѣшалъ вамъ? Не нужно ли вамъ чего-нибудь? Не почитать ли?

Его тихій ласковый голосъ обезоружилъ ее, хотя все-таки былъ непріятенъ.

— Войди. Такимъ я давно не видала тебя, Користонъ.

— Да. Ничего. Что почитать?

Она указала на книжку журнала, который былъ раскрытъ на статьѣ „Послѣдніе годы Дизраэли“.

Користонъ поморщился. Онъ зналъ автора статьи и презиралъ его. Но, не смотря на это, онъ безпрекословно сѣлъ возлѣ матери и началъ читать. Чтеніе было защитой отъ разговора и это служило облегченіемъ для обоихъ.

Черезъ нѣкоторое время онъ замѣтилъ, что оно убаюкиваетъ ее. Она боролась со сномъ нѣкоторое время, но все-таки заснула. Опустивъ книгу на колѣни, онъ сидѣлъ неподвижно, всматриваясь въ строгія черты лица въ рамкѣ сѣдыхъ волосъ. Въ этомъ временномъ покоѣ и безпомощности матери было что-то такое, что глубоко трогало его. И онъ теперь только замѣтилъ, какъ постарѣла она за эти нѣсколько мѣсяцевъ. И въ то время, какъ онъ такъ смотрѣлъ на нее, внезапно имъ овладѣло какое-то чувство мягкости и грусти и точно преобразило его душу, какъ при созерцаніи чего-то, болѣе глубокаго и значительнаго, чѣмъ всѣ обычныя явленія жизни. Вся его тонкая фигура опустилась и руки повисли по сторонамъ. Мертвая тишина въ домѣ подавляла его, какъ зловѣщее предзнаменованіе.

Онъ зналъ, что она видѣла утромъ Энидъ Гленуилльямъ. Въ коротенькой запискѣ Маріонъ Эзерстонъ онъ видѣлъ участіе и безпокойство. „Энидъ призналась, что была груба. Боюсь, что разговоръ былъ мучительный“. А теперь предстояло свиданіе съ Артуромъ, который никогда не повѣритъ, что мать не была причиной окончательнаго разрыва.

Легкій шумъ въ саду привлекъ его вниманіе. Онъ выглянулъ изъ окна и увидалъ Марцію и Ньюбери.

Ихъ видъ вызвалъ въ немъ все прежнее озлобленіе. Этотъ ханжа, съ его религіей! И старый упрямый инквизиторъ, его батюшка!

Интересно, удалось ли ей добиться чего-нибудь отъ этого юнаго Тартюфа? Онъ внимательно вглядывался въ нихъ. Гдѣ ей! Затѣмъ онъ всталъ потихоньку, чтобы не разбудить лэди Користонъ, и подошелъ къ окну, продолжая наблюдать за ними. Что-то странное въ нихъ обоихъ поразило его. „Не особенно они веселы“, проворчалъ онъ, какъ будто съ нѣкоторымъ удовлетвореніемъ.

Вернувшись на мѣсто, онъ отбросилъ журналъ и взялъ другую книгу, но не прочелъ и десяти строкъ. Умъ его былъ занятъ исторіей Беттсовъ и мыслями о томъ, удастся ли Марціи уговорить Ньюбери, а, въ противномъ случаѣ, удастся ли ему возбудить противъ нихъ общественное мнѣніе, чтобы дать другой исходъ этой трагедіи. Онъ еще утромъ опять видѣлъ этихъ несчастныхъ людей. Но ни тотъ, ни другая не говорили ему ничего о своихъ планахъ. Только м-съ Беттсъ нѣсколько разъ безсвязно бормотала, что „ждетъ вѣстей отъ миссъ Користонъ“. Бѣдное созданіе! Она еще могла ждать.

Прошло минутъ двадцать и онъ услышалъ шаги и шелестъ платья въ коридорѣ. Марція!

Онъ отворилъ дверь.

— Не входи. Матушка спитъ.

Марція посмотрѣла на него съ изумленіемъ, но все-таки прошла мимо него и встала на порогѣ, смотря на мать. Въ трогательной безпомощности обратилась бѣдная дѣвушка къ своему естественному другу и защитнику, въ критическую минуту своей жизни.

И этотъ инстинктивный призывъ остался безъ отвѣта. Она повернулась къ Користону.

— Выйди со мной—на минутку.—Безшумно сошли они по лѣстницѣ въ первый этажъ, въ комнату, которая была ихъ классной во время дѣтства. Марція положила руку на плечо брата.

— Користонъ—я пришла поговорить съ матушкой. Я порвала съ Ньюбери.

— Слава Богу!—закричалъ Користонъ, застигнутый врасплохъ.—Слава Богу!

Онъ хотѣлъ обнять и поцѣловать ее, внѣ себя отъ восторга. Но Марція отступила назадъ. На блѣдномъ лицѣ ея показалось страстное раздраженіе.

— Не говори объ немъ, Корри! Не говори ни слова. Ты никогда не поймешь его и я никогда не буду говорить съ тобой о немъ. Я не могу выносить этого. Что съ матушкой?

— Ее разстроила эта дѣвица, Энидъ Гленуилльямъ. Она видѣлась съ ней утромъ.

Онъ разсказалъ ей подробности. Марція выслушала съ вялымъ интересомъ.

— Бѣдная матушка!— сказала она разсѣянно. — Такъ я ужь не буду тревожить ее своими дѣлами до завтра. Не говори ей ничего, Корри. До свиданія.

— Слушай, Марція, голубушка, не сердись на меня. Ты очень ужь поразила меня,—неуклюже оправдывался Користонъ.

— О, не въ томъ дѣло. Люди вообще не понимаютъ друга друга—или не хотятъ понимать. Прощай!

Користонъ вскорѣ ушелъ. Лэди Користонъ легла въ постель, не желая никого видѣть и жалуясь на головную боль. Марція тоже оставила Лестера и сэра Уильфрида тотчасъ послѣ обѣда. Сэръ Уильфридъ остался въ мрачномъ настроеніи, чувствуя что опять случилось что-то недоброе въ семьѣ Користоновъ въ этотъ особенно тяжелый и безпокойный день.

Марція сидѣла въ своей комнатѣ у открытаго окна. Она писала большое письмо Ньюбѣри, изливая въ немъ свою душу. Все, что не могла она высказать ему на словахъ, по молодости и незрѣлости, пыталась она теперь изложить на этихъ мелко написанныхъ страницахъ, съ многочисленными пометками. Писаніе облегчало ей душу, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ напряженіе истощало ея умственные и физическія силы, ослабленныя всѣми событіями послѣднихъ дней.

Лѣтняя ночь была тиха и душна. Неподвижно высились темные великаны въ паркѣ и въ лѣсу. Изъ-за края красноватаго облака выглядывалъ въ бездонную лазурь блестящій ободокъ мѣсяца. Издали доносился монотонный шумъ маленькаго водопада у запруды, изрѣдка щебетала гдѣ-то птичка—больше ничто не нарушало тишины, ничто не мѣшало одиночеству души, погруженной въ себя. Одинъ разъ только услышала Марція громкіе голоса сверху и веселый дѣвичій смѣхъ. Одна изъ горничныхъ отъ души смѣялась чему-то на верхнемъ этажѣ. Какъ далеко это! И какъ близко вмѣстѣ съ тѣмъ!

А на другомъ концѣ лѣса, подъ такими же деревьями Ньюбѣри, раздавленный ударомъ, который она ему нанесла, и страдающій, страдающій... И та несчастная плачетъ, можетъ быть, послѣднюю ночь возлѣ мужа, котораго должна оставить. Что можетъ сдѣлать она для нея? Чѣмъ помочь? Такъ сидѣла Марція часъ за часомъ, то охватываемая своей собственной тоской, то сочувствуя чужой и сознавая въ то же время избытокъ молодой жизни, улыбающейся въ ней и

пробивающейся сквозь муки умирающей любви и душевной тоски.

Она легла въ постель и заснула уже передъ утромъ. Дѣвушка разбудила ее и стояла передъ ней блѣдная, съ выраженіемъ ужаса въ глазахъ.

— О, миссъ!..

— Что случилось?

Марція сѣла на постели. Мать больна? Умерла?

Дѣвушка сообщила ужасныя вѣсти. Бригсъ, главный садовникъ, только что принесъ ихъ. Управляющій Редкресской фермой во время утренняго осмотра замѣтилъ огонь въ лабораторіи. Дверь была заперта, но онъ сорвалъ крючокъ и вошелъ. Джонъ Беттсъ сидѣлъ мертвый въ креслѣ, съ прострѣленнымъ вискомъ, м-ссъ Беттсъ, на маленькомъ стулѣ рядомъ, прислонилась къ его колѣнямъ. Вѣроятно, она нашла его мертвымъ и послѣ нѣкотораго промежутка — долгого или короткаго — взяла револьверъ, предусмотрительно разстегнувъ платье на груди... Пуля попала въ сердце. На клочкѣ бумаги, лежавшемъ на столѣ, было написано рукой Джона Беттса — „Боленъ — прости“. А рядомъ лежала маленькая, свернутая записочка, адресованная „Миссъ Марціи Користонъ“. Управляющій передалъ ее Бригсу. Служанка вручила ее Марціи.

Она хотѣла прочесть, но не могла. Горничная вдругъ увидѣла Марцію въ обморокѣ на подушкахъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Мелькомъ.

(Впечатлѣнія проѣзжаго).

(Продолженіе).

V.

Зеленый праздникъ—Троица... И мы провели его въ самомъ лонѣ нарядной, ликующей зелени, въ томъ храмѣ нерукотворномъ, гдѣ необъятенъ голубой сводъ и многозвучный хоръ ликующихъ голосовъ сливается въ чудесную гармонію съ торжественной, безбрежной тишью. Подъ щедро-жгучимъ солнцемъ, отъ котораго сразу помалиновѣли наши лица и побагровѣли шеи...

Все было празднично. Даже берега пошли картиннѣй, веселѣй, разнообразнѣе—чаще стали попадаться рощицы, кудрявые лѣсочки иной разъ долго провожали насъ, карабкаясь по крутизнамъ, пестрѣя бѣлымъ подвѣнчнымъ нарядомъ калины или бузины, спускаясь въ рѣчку густымъ сизо-зеленымъ ивнякомъ, подъ которымъ бойко всплескивала рыба...

Наканунѣ, въ первый день нашего плаванія, намъ пришлось не разъ пожалѣть, что, отправляясь въ свою экспедицію, мы не взяли съ собой нѣсколько полнѣн дровъ изъ города: остановку сдѣлали, а чайникъ вскипятить не на чемъ. Пришлось долго ходить по берегу, собирать всякій соръ, сырые щетки, гнилушки, бурьянъ. Выручила верша, оставленная на берегу. По какимъ-то признакамъ мы рѣшили, что она брошена за негодностью и ненадобностью. И—не безъ оглядки—использовали ее, какъ горючій матеріалъ. Но я и сейчасъ склоненъ думать, что совершили мы въ этотъ разъ дѣяніе, опредѣленно поименованное въ уголовномъ кодексѣ подъ рубрикой присвоенія чужой собственности...

Теперь мы видѣли, что больше уже не придется брать грѣха на душу, не будетъ необходимости экспроприровать довѣрчиво оставленную на берегу вершу...

Звонилъ гдѣ-то тамъ, въ высотѣ, за кружевной чертой берега, колоколь. Мѣдные звуки прилетали къ намъ мягкіе, пѣвучіе, зовущіе и тихо таяли надъ рѣчкой. Яркимъ цвѣтничкомъ пестрѣли вкрапленные въ зелень бѣло-красныя дѣвочки съ вѣнками, маль-

чуганы въ цвѣтныхъ рубашкахъ и армячкахъ, коровы съ вѣнками на рогахъ и шеяхъ, разномастные лошадки. Наше появленіе возбуждало общее вниманіе и любопытство. Удивленно поднимъ головы, уставившись большими глазами, глядѣли коровы и телята, оборачивались лошадки, сбѣгались къ водѣ мальчуганы и алыя съ бѣлыми дѣвочки съ вѣнками на головахъ.

— Чьи будете?

— Орловскіе!

— А далече ѣдете?

— Въ Нижній. На ярмарку спѣшимъ!..

И вотъ отодвинулась уже назадъ пестрая, цвѣтная группа изумленныхъ ребятковъ и коровушекъ въ вѣнкахъ... Опять недвижный лознякъ, звенящая тишь, всплески рыбы, солнце въ небѣ и солнце въ зыбкой зеленой глубинѣ подъ яликомъ. И въ зеленыхъ тѣняхъ къ берегу плывутъ кое-гдѣ брошенные въ воду вѣночки...

Эти зеленныя колечки, свитыя изъ березовыхъ вѣтокъ, бѣлоалыя дѣвочки, гадающія о судьбѣ, такъ похожія на игрушечныхъ „Матрешекъ“, пестрыя коровки въ зеленомъ уборѣ были умильтельны прелестью своего незатѣйливаго праздничнаго торжества и наряда. Чувствовалось, что въ скудную радостями жизнь сѣренскихъ деревушекъ весна волшебница вносила яркій праздникъ, голлодный, можетъ быть, но настоящій, бездумный, беззаботный часъ отдыха и звонкой пѣсни...

Пѣсни не было, но звучала она въ воображеніи, привидѣ плывущихъ этихъ вѣнковъ, вспоминался знакомый, грустный, раздумчиво-протяжный мотивъ тоски и жалобы дѣвичей:

Какъ всѣ вѣнки поверхъ плывутъ.

А мой потонулъ...

Какъ всѣ дружки домой идутъ,

А мой не пришелъ...

Въ первые часы мы, по опыту предыдущаго дня, все ждали мелей и встрѣчи съ деревнями внушали намъ страхъ. Но фарватеръ былъ удовлетворителенъ. И если раза два мы разулись, то сдѣлали это скорѣе потому, что пріятно было въ жару побродить по водѣ, а „Энэсъ“ свободно снимался „упоромъ“. Въ одномъ мѣстѣ едва не опрокинулись: попали на каменное загражденіе, образовавшее порогъ. Быстрымъ потокомъ бросило насъ на камень, повернуло лодку бортомъ поперекъ стремени, и „Энэсъ“ едва не хлебнулъ водицы. Но... „упоромъ“ выровнялись, снялись и благополучно вынеслись въ безопасное русло. Послѣ этого стали бояться уже не мелей, а крутыхъ загибовъ рѣки—а Ока была щедра на нихъ и на заворотахъ именно и громоздила каменныя гребни.

Около полудня сдѣлали привалъ у березовой рощицы, пройдя село Чижи. Было очень жарко. Хотѣлось пить. Рѣшили также при-

ступитъ — въ первый разъ — къ испытанію собственныхъ кулинарныхъ познаній и дарованій.

Шумная толпа парней и дѣвушекъ показалась изъ рощицы какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ мы вытаскивали „Энзсъ“ и ставили килемъ на берегъ — на всякій случай, чтобы въ наше отсутствіе онъ не вздумалъ самовольно пуститься въ плаваніе. Окружили наряднымъ, любопытнымъ кольцомъ. Парни въ лакированныхъ сапогахъ, въ цвѣтныхъ кашемировыхъ рубахахъ, въ новыхъ пиджакахъ. Дѣвцы — въ яркихъ праздничныхъ платьяхъ покроя скорѣе городского, хотъ и не самого моднаго, чѣмъ деревенскаго. Парни поздоровались, подавая намъ руки, — видимо, считали это требованіемъ хорошаго тона. „Энзсъ“ привлекъ ихъ вниманіе больше, чѣмъ мы.

— Вотъ лодочка-то! Покататься бы...

— Далече ѣдете? — Распросили, какъ водится: кто, откуда, зачѣмъ?

— Гуляете? — спросили и мы ихъ.

— Нѣтъ, мы за иконами. Къ намъ сейчасъ попы пойдутъ, у чижовскихъ отмолебствовали...

Отъ села доносились заглушенные звуки пѣнія, прерываемаго долгими паузами. Словно рой мухъ, забравшихся въ пустую бутылъ изъ-подъ наливки, прожужжитъ поспѣшно и недовольно, встряхнутой скучающей рукой, и опять дѣловито смолкнетъ — до новаго толчка. Вслушавшись, можно было уловить въ этомъ жужжаніи низкій голосъ съ трещиной и старательный тенорокъ, крикливо бравшій верхи въ знакомомъ мотивѣ молебнаго прошенія.

Ушла молодежь. Мы выгрузили корзинку съ посудой и другую съ провизіей, расположились шагахъ въ двадцати отъ берега, въ закрытомъ, тѣнистомъ мѣстечкѣ, въ устьѣ глубокаго оврага. Я пошелъ собирать дрова въ перелѣскѣ — сушиника валялось много.

Откуда-то выросъ мужичокъ — съ бѣлокурой бородкой, съ круглымъ привѣтливымъ лицомъ, съ мягкимъ носомъ, мягкими сѣрыми глазами — весь мягкій и душевно расположенный. Прежде всего онъ изумился, что я затрудняю себя поисками дровъ.

— Да вотъ ракирка-то... Пожалуйте сюда топорикъ!

— А это чей лѣсъ-то? — спросилъ я съ сомнѣніемъ.

— Батюшкинъ.

— Ну какъ же мы будемъ чужое рубить?

— Да помилуйте, что жъ онъ ее садилъ, что-ль? Вѣдь и онъ ее не садилъ, не поливалъ, а Господь возрастилъ... А они и такъ съ живого и мертваго дерутъ, — съ нихъ по поздри хватить!..

И онъ началъ тянуть тупымъ нашимъ топорикомъ, обрубая вѣтки ракиры.

Какъ-то такъ вышло, что я незамѣтно предоставилъ ему удовольствіе устроить треножникъ, приладить кастрюлю на проволоку, — потому что купленный нами въ Орлѣ таганокъ потерялъ одну

ножку и оказался къ дальнѣйшей службѣ неспособнымъ, — бѣгать за водой, кипятить молоко, варить яйца—причемъ предупредилъ, чтобы не переваривалъ,—разостлать для насъ брезентъ на травкѣ, въ тѣни той самой ракиты, у которой онъ обрубилъ нѣсколько вѣтокъ. А онъ усердно — въ потѣ лица—принялся хлопотать надъ изготовленіемъ будущей трапезы для насъ и своей стремительной готовностью какъ будто успливался укрѣпить въ насъ шутливое предположеніе, перешедшее потомъ въ увѣренность, что онъ — тотъ самый мужикъ щедринской сказки, который двухъ генераловъ прокормилъ... Мы были не генералы. Даже видъ имѣли сомнительно-господскій. Но онъ хоть бы на одну секунду поколебался, что ему—мужичку—надлежитъ служить господамъ, каковы бы они ни были! Онъ старался, какъ на экзаменѣ. И надо ему отдать справедливость—съ блескомъ поддерживалъ славу національнаго генія...

Мы распредѣлили между собой господскія роли: А. В. съ удочками ушелъ подъ сѣнь ракитника, откуда поддразнивала его игривыми всплесками рыбка,—я и Борисъ расположились на брезентѣ и предались полудремотному созерцанію бездоннаго голубого неба, въ которомъ чуть-чуть дрожала блѣдная листва ракиты и веселымъ клубкомъ кружился хороводъ маленькихъ зеленыхъ мушекъ. Кружился и тонко звепѣлъ. И минутами надъ этимъ безбрежнымъ звономъ, жужжа, всплывалъ знакомый мотивъ и сквозь полудрему явственно слышалось:

— Свя-ти-те-лю отче Нико-о-лае, моли Бо-о-га о на-асъ!

— Святый ве-ли-ко-му-чен-ни-че Гео-о-оргіе, моли Бо-га о на-асъ!

Лѣнливо подымаю голову. Одну минуту на крутомъ берегу, у крайнихъ чижовскихъ избъ, колышутся малиновыя пятна хоругвей и тянется небольшой хвостъ богомольцевъ. Потомъ все съ глухимъ жужжаніемъ тонетъ въ широкомъ оврагѣ, который отдѣляетъ погостъ отъ видимой мнѣ части села.

Лѣнь шевелиться. Совѣсть немножко угрызаетъ, что бѣлокурый мужичокъ печется изъ-за насъ, въ эти жаркіе часы, у огня—вѣдь онъ теперь праздновалъ бы какъ-нибудь... Фурчитъ золотой огонекъ, блѣдными, мигающими языками лижетъ чайникъ и кастрюлю, вьется бирюзовый дымокъ... Мужичокъ на корточкахъ старательно моетъ въ чашкѣ и вытираетъ тряпкой яйца, бережно складываетъ ихъ на тарелку. Такой пріятный мужичокъ, и небо сверкаетъ синевой, и мушки звенятъ въ тѣни—красиво, какъ въ сказкѣ...

— Почему это нынче молебствуютъ у васъ?

Импровизированный поваръ подымаетъ ко мнѣ отъ огня взмокшее, малиновое лицо.

— Молебствіе? А это положеніе уже такое по православію... Какъ праздникъ выдающій—вся земля даже ликуетъ нынѣ... „Вся земля да поклонится Тебѣ, и поетъ Тебѣ, да поетъ же имени Твоему въ вышнихъ!“.. Вотъ и молебствуемъ. Кому для хлѣбца требуется, кому для скотинки, кому для пчелокъ...

Я вспоминаю изъ гимназическаго ученія кое-какіе отрывки.

— Относительно скота—это Георгію Побѣдоносцу?

— Егорію—да... ему вобще на счетъ скотинки,—ласково, тономъ доброжелательнаго наставника, подтверждаетъ поваръ и голой рукой беретъ съ огня кастрюлю.

— Да вы руки обожжете! — Жаръ отъ огня доходитъ даже до меня, а я сажу шагахъ въ пяти отъ него.

— Мы привычны, — равнодушно говоритъ мой собесѣдникъ и, не торопясь, спокойно устанавливаетъ кастрюлю на тавкѣ.—Для скотинки можно и другимъ святымъ служить, — продолжаетъ онъ тономъ добраго совѣтника: — ежели на счетъ лошадей, то Хролу-Лавру. И Микола Милосливый не плохо помогаетъ... О благополучіи птицы—Трифону мученику...

— Ну, а на счетъ хлѣба?

— А на счетъ хлѣба — это ужъ Борисъ-Хлѣбъ! — живо отвѣчаетъ онъ, какъ вещь всѣмъ известную:—можно и Аграфенъ Похлѣбнищъ...

Онъ съ готовностью развѣртываетъ передо мной всю вѣковую агіологическую энциклопедію, замѣняющую въ лонѣ этой звенящей и жужжащей тишины агрономическія, ветеринарныя, медицинскія и всякія иныя науки, дающую готовый отвѣтъ на всѣ рѣшительно вопросы практическаго бытія.

— Для гусей хорошъ Никита преподобный... гусятникъ... Для пчелы—Микола Юродивый, также—Зосима и Савватей... Отъ червей—Ликаноръ Червоточивый. Кто ежели отъ головы мучается—служи безъ сумнѣнія Настасья Узорѣшительница! Антипій—этотъ отъ зубовъ хорошо помогаетъ... Вонифать—отъ пьянства...

Просвѣщая меня, онъ ни на одно мгновеніе не упускалъ изъ виду своихъ обязанностей: широкой рукой съ набухшими, не разгибающимися пальцами подвигалъ горячія головы подъ чайникъ, не спѣша, спокойно снималъ крышку, чтобы посмотреть, кипитъ или нѣтъ, пальцами вынималъ изъ кипятку яйца, считая лишнимъ баловствомъ пользоваться ложкой, на которую я ему указалъ.

Изготовилъ и подаль намъ на развернутую салфетку. Мы усѣлись вокругъ нея и пригласили его къ трапезѣ, — онъ конфузливо отказался:

— Нѣтъ, вы продолжайте... Я—того... недавно уже было...

Мы рѣшительно возстали противъ этого почтительнаго воздержанія. Но онъ продолжалъ упираться, конфузливо скребъ голову и согласился сѣсть только тогда, когда увидѣлъ, что мы уже наѣлись и намѣреваемся выкинуть остатки кулеша и ветчины. Чтобы не пропадало „добро“, сѣлъ и доѣлъ все, что оставалось, и допилъ весь чай. За это время рассказалъ намъ о рѣкѣ до самаго Бѣлева, гдѣ будутъ мели, гдѣ быстринки,—былъ онъ рыбакъ и рѣку знаетъ, какъ свою ладонь.

Спросили на счетъ земли—махнулъ рукой

— Живемъ съ братомъ, не дѣлены: одна душонка у двоихъ. А дѣтей—четверо: у этого двѣ дѣвчонки, у меня—мальцы. Да нынче и съ дѣвками — не медь: замужъ отдать — дай не дай приданого. Рублей 30, а то и всю полсотню иной заломить!..

— А какъ у васъ на отруба—выдѣляются или нѣтъ?

— У насъ пока нѣтъ. По сторонамъ — слышать, есть это, а у насъ отрубать-то нечего: землю лаштемъ мѣряемъ...

Получивъ четвертакъ за свои услуги, онъ усугубилъ служительское усердіе до крайнихъ предѣловъ: вымылъ всю посуду, вычистилъ, собралъ, уложилъ. Перенесъ корзинки въ лодку и предлагалъ даже проѣхать берегомъ на лошади, — показать намъ опасныя мѣста. Но эта готовность служить до послѣдняго дыханія превышала уже мѣру нашей господской емкости. Мы отказались...

Долго махалъ онъ намъ вслѣдъ картузомъ... А мы даже забыли спросить объ его имени и остался онъ въ нашихъ воспоминаніяхъ подъ кличкой „повара“.

VI.

И опять мы въ зеленомъ жолобѣ, изъ котораго видимъ только то, что пройдено или что далеко впереди, а вблизи—или дремлющій въ жаркой истомѣ явнякъ и кудрявыя рощи за нимъ, или крутые красно-глинистые, живописные по-своему, обрывы. Иногда доносятся до насъ бойкіе звуки гармоникъ, но за лознякомъ намъ не видать, кто и какъ веселится въ зеленыхъ дужкахъ.

Прошли какой-то заводъ—послѣ узнали: винокуренный. Сѣдой сердитый господинъ въ чесунчовой парѣ высочилъ на балконъ кирпичнаго барскаго дома и закричалъ свирѣпымъ голосомъ:

— Эт-то кто позволилъ?!

— Что?

— За-чѣмъ лодку взяли?..

— Скажите лучше, какой это заводъ!

Выше—у парома—стоялъ старенькій, ободранный яликъ. Очевидно, господинъ въ чесунчовой парѣ принялъ насъ за рѣчныхъ пиратовъ, захватившихъ его собственность. *Inde ira*. Кто-то позади его разъяснилъ ему недоразумѣніе и сердитый господинъ показалъ тылъ...

Солнце спустилось за курчавый гребень праваго берега. Тѣни протянулись черезъ рѣку. Стало свѣжо и легко. Мы начали разсматривать карту, соображая, въ какомъ пунктѣ сдѣлать остановку на ночь. На одномъ изъ поворотовъ нашъ кормчій воскликнулъ:

— Мостъ!

Это было первое препятствіе на нашемъ пути, сооруженное руками человѣческими. Пролеты моста такъ низко висѣли надъ водой, что пройти подъ ними было задачей не легкой.

Слѣва, среди стараго парка, выросъ большой бѣлый домъ, великолѣпныя службы. Очевидно—усадьба крупнаго владѣльца.

На мосту толпилась темная кучка людей. Доносились лѣнныя звуки гармоникъ. Съ лужка подходила пестрая, цвѣтная группа дѣвицъ. Кто-то изъ толпы на мосту ухнулъ на нихъ, вспугнулъ, погнался—и цвѣтнымъ дождемъ, съ веселымъ визгомъ, рассыпался онъ по луку. Потомъ гармоника густо, протяжно пропѣла... И вслѣдъ за этимъ частымъ, звонкимъ ливнемъ хлынулъ бойкій мотивъ какого-то танца, — задорные звуки заполнили каждый уголокъ на рѣкѣ искрометнымъ, подмывающимъ весельемъ...

Видно было, какъ оторвался отъ толпы кто-то легкій и подвижный, изогнулся, вскинулъ руками, ударилъ дробь и пошелъ кружить и выдѣлывать ногами вихревидныя шутки...

Признаюсь, мелькнула у меня малодушная мысль о деревенскихъ хулиганахъ. Вотъ, молъ, деревенскіе эти парни въ праздничномъ подпитіи и пьяно-героическомъ настроеніи окружать насъ и начать озорничать, колоть грубымъ остроуміемъ, непристойными шутками, можетъ быть—куражиться, — въ присутствіи дѣвицъ такъ соблазнительно стяжать дешевыя лавры удалца и остролова. Мы же совершенно беззащитны...

Пришвартовались. Вышли на берегъ. Толпа тотчасъ же окружила насъ и сразу отрѣзала другъ отъ друга. Конечно, вопросы: откуда, куда, кто? Къ посямленію моему, не раздалось ни одного невѣжливаго, непристойнаго слова, ни одного насмѣшливаго или вызывающаго восклицанія! Простое любопытство на безусыхъ, простыхъ, номышленныхъ лицахъ. Въ одеждѣ молодежи слабо чувствовалась деревня. Были воротнички и манишки, картузы нѣмецкаго покроя и фуражки, фасономъ и оттѣнкомъ сукна напоминавшія студенческія...

А. В. наткнулся на собесѣдника, бывшаго сильно навеселѣ, а мнѣ попался человѣкъ серьезный и трезвый, лицо до нѣкоторой степени официальное—сторожъ моста, онъ же и паромщикъ въ пору весенняго половодья. Глухой, немолодой человѣкъ съ толстыми усами и бритымъ подбородкомъ, въ жилеткѣ, въ рубахѣ, выпущенной изъ штановъ, и высокихъ сапогахъ.

— Кому бы лодку поручить на храненіе?—спросилъ я его.

Онъ приставилъ ладонь къ уху и скорѣе по жесту, чѣмъ по словамъ, догадался, что вопросъ идетъ о лодкѣ.

— Будьте покойны, я погляжу! — голосъ его бубнилъ и сразу внушалъ довѣріе.—Я—всегда тутъ, при этомъ мѣстѣ. А ночевать гдѣ будете?

— А вотъ не знаемъ еще...

— Можетъ, на барскій дворъ пожелаете?

— Нѣтъ, лучше бы въ деревнѣ.

— А въ деревнѣ—такъ къ Федору Игнатову, у него чисто. Даже господа останавливаются. Съ полверсты отсюда..

— Нѣтъ, это далеко,—сказалъ я.

— Ась?..

Изъ толпы выдвинулся молодой мужичокъ съ короткой бѣлокурой бородкой, въ сѣренькомъ пиджачкѣ и студенческой фуражкѣ.

— Вамъ переночевать?—мягкимъ, искательнымъ голосомъ сказалъ онъ:—пожалуйте, есть квартирка...

— Чаво?—сердито въ полъ-оборота оглянувшись на него сторожъ—либо у тебя?

— У меня чистая половина. Вполнѣ соотвѣтствуетъ... Инженеры стояли...

— Какіе? Это кондукторы-то съ вѣсовщикомъ? — пренебрежительно скосившись, спросилъ паромщикъ и, не дожидаясь отвѣта, сердито прибавилъ:—ты понимай сортъ людей! куда лѣзешь?

— Ей-богу, инженеры квартировали! — вполголоса, по секрету отъ глухого паромщика, повторила мнѣ студенческая фуражка.

Намъ, въ сущности, не требовался ужъ такой комфортъ, который способенъ былъ удовлетворить даже инженеровъ: мы вѣдь задались цѣлью знакомиться съ подлинной деревней, съ деревенской тѣснотой и бѣдностью,—но я вспомнилъ Хрыки, ночной шелестъ таракановъ, бессонницу—и такъ захотѣлось попасть куда-нибудь въ чистое помѣщеніе, безъ клоповъ, таракановъ, безъ куриного запаха и—выспаться вѣрнѣе...

— Далеко?

— Вотъ—сейчасъ... вотъ тутъ, съ краю деревни!..

— Идемъ!

Позвалъ я своихъ товарищей. А. В. договорился было о ночевкѣ у подвыпившаго своего собесѣдника, чернаго, похожаго на цыгана, кузнеца изъ барской экономіи. Но я шепнулъ о предложенныхъ мнѣ покояхъ:

— Инженеры квартировали!

И взялъ верхъ. Да и мужичокъ въ студенческой фуражкѣ, будущій нашъ хозяинъ, уже держалъ въ рукахъ наши вещи.

— Михайло! преслѣдуй тутъ!..—заботливо-строгимъ тономъ сказалъ онъ паромщику и начальническимъ жестомъ кивнулъ въ сторону ялика.

— Чаво?—приставилъ ладонь къ уху Михайло. На лицѣ его, похожемъ сейчасъ на морду огорченнаго бульдога, было написано явное неудовольствіе, что мы попали въ плѣнъ къ этому мужику въ студенческомъ головномъ уборѣ.

— Имѣй наблюденіе, какъ не можно!—большимъ пальцемъ черезъ плечо указалъ нашъ хозяинъ.

— Безъ тебя знаютъ! Мнѣ господа препоручили и — не твое дѣло! Идешь и—иди!..

Мы прошли лужкомъ, потомъ веселой березовой рощицей, потомъ огородами, на которыхъ были раскинуты холсты, садикомъ.

Августъ. Отдѣлъ I.

Деревня оказалась не такъ близко отъ моста. Мостъ принадлежалъ экономіи,—это было имѣніе кн. Тенишевой, известной дѣятельницы въ области кустарной промышленности. Наконецъ, вотъ и изба, въ которой квартировали инженеры: крошечныя, слѣпныя окошки, земляные полы, грязь и затхлый воздухъ. Такія же, какъ у хрыковскаго старосты, клѣтушки отдѣлены досчатыми перегородками, такъ напоминающими конюшню, широкія кровати, нары-ли — съ тремя. Стѣны толстыя, каменные—изъ известняка, а окошки въ нихъ — маленькія, какъ амбразуры, и солнце въ избу, навѣрное, никогда не заглядываетъ.

Впрочемъ, хозяинъ нашъ—Сергій Александровъ—изысканнымъ краснорѣчіемъ старался скрасить убожество инженерской квартиры.

— Это, дѣйствительно, умственно вы придумали, — лѣстивымъ голосомъ говорилъ онъ:—посмотрѣть Рассею... На разныя природы полюбоваться... посѣвы, лѣса... прі-от-лич-но!..

Было чѣмъ-то завѣшено его нутро, а наружи осталось одно лакейское, угодливое, подлаживающееся: какая-то суетливость, слащавый смѣшокъ и подлакиванье всему рѣшительно. По наклонности его къ кудрявымъ оборотамъ рѣчи я принялъ было его за солдата, не очень давно разставшагося съ казармой. Но оказалось, въ солдатахъ онъ не служилъ. А въ городахъ бывалъ. И лишь недавно перестали вмѣстѣ съ отцомъ ходить на сторону, на заработки—они плотничали.

Отецъ Сергія былъ благообразный сѣдой старикъ лѣтъ за 70, типичный великороссъ, какъ будто взятый прямо съ картинки изъ какой-нибудь иллюстрированной хрестоматіи: завитки бѣлыхъ волосъ вокругъ картуза, благодушное широкое лицо, патріархальная бѣлая борода, трубка, бѣлая холщевая рубаха, низко подпоясанная узенькой тесемкой, холщевые порты и валенки.

— Небось, крѣпостное время еще помните, дѣдушка?

— А какъ же-съ, помню, — сказалъ онъ звучнымъ стариковскимъ басомъ, яснымъ и медлительнымъ.

— Когда же лучше жилось: въ старину или теперь?

Онъ не сразу отвѣтилъ. Подумалъ.

— Нѣтъ, теперь лучше. — Помолчалъ и прибавилъ:—Вольготнѣй во всемъ стали жить. И въ одежѣ, и въ їдѣ... И никакихъ тѣхъ... разныхъ... А тогда было—у-у, избавь и сохрани Царяца Небесная! Староста у насъ былъ малаго роста... Такъ онъ, бывало, ежели не достанетъ кого вдарить, — на бабашки подымется и по щекамъ дастъ-дастъ!.. Ловко лунилъ!..

Покрутилъ старикъ головой и задумался, окунувшись въ воспоминанія.

— А нынѣшній характеръ—на какого налетѣшь, а то онъ тебя разорветъ пополамъ!.. Народъ сталъ... настойчиватый!..

Поговорили о нынѣшней жизни. Конечно, тѣснѣй стало, и хитрѣй народъ пошелъ, исчезла простота, вѣрность слову, страхъ—

начало премудрости. Трудно жить стало, но... кое-какъ изворачиваются, живутъ. Хотя вся жизнь заполнена одними мыслями и одними усиліями — извернуться нынче, а завтра — что Богъ пошлетъ...

— Лужковъ вотъ у барыни симемъ—рубляковъ по 40 десятина,—соберемъ сѣнца, вотъ и обойдемся какъ-нибудь съ скотинкой... И слава Богу!.. На отрубъ? Нѣтъ, у насъ землицы акуратно, куда ужъ ее рубить! И съ скотинкой куда дѣться? Овца, поросенокъ—сейчасъ они опредѣлены къ мѣсту, а тогда скачь за ними цѣлый день... Акуратно у насъ земельки, очень акуратно! Вотъ у насъ сейчасъ одна душа, а сидимъ мы на ней—стало быть, сколько насъ? шестеро?—спросилъ онъ, глядя на сына.

У Сергѣя Александрова кромѣ своихъ дѣтей—мальчика и дѣвочки—еще приемышъ, взятый изъ Орловскаго воспитательнаго дома. Какъ вокругъ Москвы „шнитаты“, подкидыши изъ Орловскаго воспитательнаго дома здѣсь составляютъ предметъ особаго промысла: за плату кажется, рублей шесть въ мѣсяцъ—ихъ берутъ крестьянскія семьи на воспитаніе. Взялъ мальчика и Сергѣй Александровъ, когда перемерли у него всѣ свои дѣти,—старые люди посовѣтовали: сиротка удержитъ въ живыхъ тѣхъ дѣтей, которыя при немъ появятся на свѣтъ. И точно: родились послѣ этого двое и—живы...

— Растутъ, Богъ далъ... Пуцай растутъ!—благодушно понаблюдывая на ребятъ, торчавшихъ въ дверяхъ, сказалъ старикъ.

— Ну а какъ же дальше думаете—съ чужимъ-то?..

— А какъ Господь... До 15 годовъ додержимъ, а тамъ ужъ за него платить не будутъ... Ну, да онъ и самъ тогда цѣлковыхъ шесть-семь зарабатаетъ. Вѣдь, и жалко: привыкли... вродѣ какъ свой кровный... Зарабатаетъ!

— Въ экономіи?

— Бо-оже упаси!—съ живостью воскликнулъ Сергѣй:—лучше же его сюда было не брать, чѣмъ въ экономію отдавать—грязь топтать... Нѣ-ѣтъ!—Куда-нибудь опредѣлимъ. Въ кровельщики, въ мастерство разное идутъ—хорошія деньги зарабатываютъ. У насъ сейчасъ въ экономію мужской полъ нейдетъ никакъ: по случаю шахтъ очень дороги стали люди...

— А у помѣщиковъ кто же работаетъ?

— Монанки.

Въ первый разъ услышали мы это слово.—Это кто-же?

— Однимъ словомъ—крестьянскія барышни,—пояснилъ Сергѣй съ присущей ему изысканностью выраженія,—а старикъ прибавилъ:

— По-нашему, по-мужички,—дѣвки. Полѣшки. Нанимаются на все лѣто. Значить, онѣ и пахать, и возить... А косить—самокоской. Понѣжій какая дѣвчоночка—8 рублей на мѣсяцъ, а покрѣпче—9...

Еще въ Орлѣ намъ довелось слышать изъ землевладѣльческой среды жалобы на отсутствіе рабочихъ рукъ, на дороговизну, на неминуемый кризисъ сельскаго хозяйства. Отхожіе промыслы, дѣйствительно, забираютъ большую часть мужскаго населенія, для сельскаго хозяйства волей-неволей приходится довольствоваться женскимъ трудомъ.

— У насъ у самихъ при землѣ тоже больше бабы находятся, а мужики идутъ въ городъ. Въ Малороссію. Въ кровельщики, въ каменщики... Ну, и на шахту много идетъ...

Старикъ вздохнулъ, затыкнулся трубкой, пыхнулъ.

— Шахта, шахта... А что эта шахта? Горбъ согнешь, здоровье потеряешь и ничего не наживешь... Есть у насъ примѣры...

Подали самоваръ—большой, но грязный, давно нечищенный. На этотъ разъ молодой хозяинъ почувствовалъ какъ бы конфузъ, сталъ извиняться:

— Не успѣла вчера баба за суетой, не почистила... Кабы одно дѣло-то...

Но мы успокоили его: въ зеленомъ садикѣ, на свѣжемъ воздухѣ, послѣ хорошей физической работы, чай даже изъ нечищенного самовара имѣлъ превосходный вкусъ...

Послѣ чаю пошли глядѣть деревню. За глубокимъ сухимъ оврагомъ, на зеленомъ пригоркѣ, пестрѣла молодежь—дѣвицы въ яркихъ нарядахъ, разномастные ребятишки, подростки и парни въ пиджакахъ, праздничныхъ блузахъ и яркихъ рубашкахъ. Съ пригорка открывался широкій и живописный видъ: зеленый лугъ, извилистая зеркальная рѣчка въ изумрудной оправѣ, за рѣчкой—великолѣпный бѣлый домъ въ барской усадьбѣ, а за нимъ—въ просѣкѣ рощи—тихо, торжественно румянѣла заря.

Кружился медленно хороводъ. Пѣлъ. Что-то тягучее, монотонное, раздумчиво жалующееся. Слова улавливались трудно. Когда мы подошли ближе, дѣвица въ длинномъ черномъ пальто-сакѣ, въ бѣлыхъ ботинкахъ на тонкихъ каблучкахъ, съ вычурной высокой прической, запѣвала хрипловатымъ низкимъ голосомъ:

Изъ-за лѣсенку-то было лѣсу темнаго,

Не бѣла заря занималася...

А хороводъ пѣлъ вслѣдъ за этимъ однообразный припѣвъ, въ которомъ я разобралъ лишь:

Ой, роза, роза... Ой роза, роза...

Мотивъ отдавалъ стариннымъ ладомъ и строемъ, у пѣвицы былъ настоящій крестьянскій голосъ—грубоватое контральто,—но не чувствовалось подлинной пѣсенной красоты, свойственной настоящей старой, нынѣ, можетъ быть, безслѣдно умершей въ деревнѣ пѣсни, которая такъ удивительно гармонируетъ съ смутной печалью бѣлой зари, чистаго поля—широкаго раздолья, горькаго частаго осинника... И было что-то диссонирующее уже въ этомъ модномъ сакѣ и бѣлыхъ ботинкахъ, въ городскихъ костюмахъ и

прическахъ дѣвицъ, въ мягкихъ шляпахъ и нѣмецкихъ картузахъ, которые видѣлись въ группѣ молодежи, окружавшей хороводъ...

Пришла компанія изъ-за рѣки, съ барскаго двора. Въ центрѣ бойкая горничная, въ кружевахъ, корсетъ, съ явными слѣдами румянъ на веснушчатомъ маленькомъ личикѣ. Около нея красный, широкоплечій, разбитной молодецъ въ коричневой бархатной курткѣ, въ лохматомъ нѣмецкомъ картузѣ и камашахъ. Очень шумный, подвижной, полированный до великолѣпія. Слесарь со станціи, какъ сказали.

Въ тихую, медленно переливчатую, монотонную пѣсню хоровада съ звонкимъ шумомъ вторглись звуки гармоники, бойкій говоръ, смѣхъ, что-то чужое, сразу спугнувшее мечтательную задумчивость сумерекъ, сдвинувшее съ мѣстъ идиллическія кучки бабъ въ теплыхъ ватныхъ кофтахъ и валенкахъ расположившихся посидѣть на травкѣ съ грудными ребятами въ полахъ, и мужичковъ въ полушубкахъ, накинутыхъ на плечи.

— Слушайте... Иванъ Прокофичъ!—кокетливо обратилась горничная къ гармонисту:—ну... что-нибудь повеселѣй, что-ль?..

— Съ нашимъ удовольствіемъ, сколько угодно!—галантно отвѣтилъ молодой человѣкъ въ чесунчовой рубахѣ.

Гармонія протяжно и ласково прорычала. Застыла въ короткой паузѣ. И вдругъ сорвалась съ мѣста, взмыла забористымъ каскадомъ пѣвуче звонкихъ, легкихъ, ритмически порхающихъ звуковъ. Смолокъ хороводъ, сгрудилась толпа въ одинъ кругъ, гикнулъ паренъ въ бархатной курткѣ:

— Ухъ-ха-а... ха-ха-ха-а...

Шагъ впередъ, подперся фертотомъ. Топнулъ, щелкнулъ каблуками.

— Прасковья Степановна! дѣло за вами!

Горничная, маленькая, стройная, изящная, вышла и стала напротивъ. Гармоника участила темпъ. Подмывающая звонкая дробь запрыгала, зарядила. Закружились легкіе, упругіе звуки... Взлетали, падали. Замирали и вновь вскидывались мгновеннымъ огнемъ. Неслись въ лихой и звонкой схваткѣ.

— Ухъ-х-ха-ха!..

Паренъ въ бархатной курткѣ, притопывая, прошелся по кругу впередъ, назадъ. Всталъ, ударивъ каблуками, передъ дамой. Окликнулъ кругъ побѣдоноснымъ взглядомъ. И вдругъ взметнулся, какъ ловкою рукою пущенный кубарь, ударилъ дробь и пошелъ пылить мелкой, частой, мелькающей трелью. Артистическое колѣно было. Потомъ, взмахнувъ руками, изгибаясь, качаясь, закружилась горничная.

Оба были молоды, ловки, полны жизни и движенія. Слесарь ухалъ, присѣдалъ, порой выдѣлывалъ комическія фигуры: то до земли разстился передъ своею дамой, то внезапнымъ взмахомъ руки загребалъ ее въ объятія и пытался поцѣловать. Она съ виз-

гомъ отбивалась, вырывалась и кружилась потомъ, кокетливо селонивъ голову, дразня его издали воздушными поцѣлуями...

— Ух-хъ, ми-лоч-ка!—хрипло стоналъ слесарь, простирая къ ней широкія, красныя руки.

Наконецъ дама выбилась изъ силъ. Остановилась. Съ протяжнымъ, недовольнымъ звукомъ, какъ бы упрекая, оборвалась гармоника. А слесарь въ коричневой курткѣ все еще не могъ успокоиться. Онъ кружился, изгибался, шумно выкрикивалъ прибаутки, приставалъ къ дѣвицамъ, вызывалъ охотниковъ.

— Ну, кто еще, кто? На полноріи! Барышни, позвольте предложить! Что, въ самъ-дѣлъ! Давайте удивимъ Еврону!.. Ихъ-ты-ы...

Но не находилось желающихъ. Можетъ быть, потому, что было что-то въ этомъ парнѣ чрезмѣрно-развязное, толкающееся и какъ бы уязвляющее деревенскую неполированную, непривычку къ свободно-бойкому обращенію. Кавалеръ со станціи, видимо, рѣшительно затмевалъ скромныхъ мѣстныхъ кавалеровъ, побивалъ ихъ бойкостью манеръ и словесности, которая сыпалась изъ него, какъ отборный горохъ изъ мѣшка.

— Ахъ, виновать... пардонъ... извините!.. Мерси, благодарю васъ! Очень тронуть... сдвинуть... опрокинуть... мягко раздавленъ и закинуть!..

Въ этотъ бурлящій и прыгающій словесный потокъ порой врывались двусмысленныя прибаутки. Вѣроятно, деревнѣ онѣ были не безызвѣстны и не новы. Но здѣсь, въ празднично настроенной, трезвой, чинной, разновозрастной толпѣ онѣ казались не у мѣста, не вызывали поощрительнаго смѣха, явно проваливались...

— Ну, барышни! барышни! — продолжалъ взывать, останавливаясь передъ дѣвицами, слесарь: — вдаримся разокъ! Позвольте васъ просить!... То-есть позвольте сперва приставиться... или привалиться... какъ кому угодно, я на все согласенъ... Сидоръ-Карпъ-Миронъчъ Мокроносовъ... Позвольте вамъ предложить?

— Проѣзжайте мимо!

— То-есть... пардонъ—виновать!—почему такъ сурьезно?

— А такъ... вамъ ѣхать дальше...

— Виновать, извините... но почему именно не желаете? Не хотите? „нѣтъ—такъ не надо, другую найдемъ!“ Потужите сами... А вы, барышни, не имѣете охоты время повеселѣй раздѣлить?...

— Вы, пожалуйста, не мыльтесь: бриться у насъ не будете! — послышался крикливый сердитый голосъ изъ кучки пожилыхъ бабъ, сзади.

Кавалеръ со станціи готовно обернулся туда:

— Позвольте, виновать... почему такъ, а не иначе?

— А такъ! Поменьше ломайся въ поясъ! У насъ это—ни къ чему... И наши барышни не пойдутъ съ вами!

— Пардонъ, извините... Какое же именно замѣчаніе вы имѣете подо мной, мамаша?...

— А такое! Изображаетъ изъ себя фонъ-барона, думаетъ: и чертъ его не знаетъ какая цаца! Огарокъ хорошъ! Да только барышни наши не пойдутъ съ тобой!

— Ошибаетесь, мамаша! Захочу—пойдутъ! Напрасно разстраиваетесь! Завтра къ вамъ приду въ гости—и вы примете...

— Нужень еще... чертъ-то... Безъ Нестера десятеро...

Споръ грозилъ обостриться. Изъ дѣвичьей толпы раза два слышался голосъ, адресованный къ крикливой бабѣ: „Да будетъ тебѣ, мама! вотъ связалась!“... Но баба не хотѣла уняться, и парень въ бархатной курткѣ не желалъ уступить поле битвы. Онъ держался въ границахъ необходимой вѣжливости, на брань бабы отвѣчалъ сдержанно: „пardonъ, извините!“—но словесный перевѣсъ былъ на его сторонѣ, хотя сочувствіе, видимо,—на сторонѣ крикливой бабы.

По просьбѣ горничной гармонистъ заигралъ польку и музыка залила огонь словесной перепалки. Горничная сама выбрала кавалера—уже не слесаря на этотъ разъ, а Илью Захарыча, сына коваля изъ барской усадьбы. Илья Захарычъ поправилъ ладонью крахмальныи воротникъ, очевидно, давившій ему шею, и осторожно взялъ свою даму не за талію, а за руки. Сдѣлали нѣсколько круговъ серьезно, бережно, церемонно. Остановились. Въ сторонкѣ снова закружился хороводъ, припѣвая монотонное: „Ой, роза, роза“.. И какъ будто уваль слесарь въ коричневой курткѣ,—вниманіе толпы покинуло его, а онъ былъ великолѣпенъ, видимо, лишь на глазахъ публики, на аванъ-сценѣ. Онъ стоялъ одиноко и курилъ съ независимымъ видомъ, поглядывая на кружокъ парней, затѣвавшихъ хоровое пѣніе. Пѣсня долго не налаживалась, голоса были жидкіе, робкіе, недружные... Наконецъ, напали на „Ухари купца“ и, поддерживаемые гармоникой, запѣли согласно и стройно...

Возвращаясь, я заговорилъ съ Сергѣемъ Александровичемъ о молодежи, о деревенскомъ озорствѣ, пьянствѣ и паденіи нравовъ. Не знаю, былъ ли онъ достаточно искрененъ, или хитрилъ и скрывалъ правду, но отвѣтъ его рѣзко расходился съ тѣмъ, что я предполагалъ услышать.

— Ничего, у насъ никакого озорства не слышать. И на ребятъ нельзя пожаловаться: соберутся когда, вѣжливымъ манеромъ пѣсенки поиграютъ—вполнѣ благородно... И барышни содержатъ сами себя въ акуратѣ... Конечно, образованія такого нѣтъ, но что и спросить: деревня, не городъ... А слесарь этотъ—конечно, онъ въ выпитомъ разѣ... Развитой человѣкъ на всѣ участы, но и выпить любитель...

Хороводная пѣсня доносилась до насъ издали и звучала теперь мягко, нѣжно, грустно и красиво. Тусклымъ кривымъ зеркаломъ бѣлѣла рѣка внизу и въ ней угасала румяная узкая полоса зари... И тишина безбрежная висѣла надъ деревенькой, мудрая, загадочная, хранящая лишь ей вѣдомыя тайны...

...Спаль опять плохо—клоповъ и блохъ было въ преизбыткѣ. И опять, какъ въ предыдущую ночевку, разбудили цыплята, говоръ въ чуланѣ, шумъ проснувшейся дневной заботы.

Всталъ, вышелъ въ садикъ, гдѣ пили вчера чай. И ахнулъ: тихо шелестѣлъ по мокрой листь мелкій, теплый дождикъ...

— Господь благодать посылаетъ!—сказалъ старикъ. Стоялъ онъ босой, радостно сіяющій, весь бѣлый, — лишь трубка въ рукѣ чернѣла.

Дождикъ былъ нужный и драгоценный: теплый, тихій, спорый, ни одна капля зря не пропадетъ и хлѣбу ростъ будетъ буйный. Въ другое время я искренно раздѣлилъ бы радость старика. Но теперь приунылъ: неужели засядемъ здѣсь?

Сергѣй Александровъ тоже былъ очень доволенъ — и дождемъ, и тѣмъ, что мы не такъ скоро разстанемся съ его инженерской квартирой:

— Что-же, перебудете денекъ—другой. У насъ тутъ—замѣсто дачи. У меня когда инженеры квартировали, то даже говорили: чисто дача у тебя, Сергѣй! Къ тебѣ даже господа на лѣто будутъ приѣзжать...

Намъ эта дача далеко не такъ нравилась, какъ миѣческимъ инженерамъ. Одну ночь провести въ ней — еще куда ни шло, но сидѣть еще день въ полутемной конурѣ — номеръ былъ трудный.

— Тутъ у насъ даже по близости мощи открылись, — прибавилъ Сергѣй, заноса и это новое обстоятельство въ активъ своей дачѣ: — то-есть не вполнѣ еще открылись, но явленіе было... Преподобнаго Никона.

— Гдѣ же именно? далеко отсюда?

— А тутъ верстахъ въ трехъ. Въ лѣсу, возлѣ Кологривова. Старушка одна. Ей во снѣ онъ сколько разъ являлся: дескать, роите въ такомъ-то вотъ мѣстѣ, въ лѣсу, колодезь — откроюсь. Въ древнее время тутъ жилъ святой Кукшъ, а это—его ученикъ, Никонъ. Ну, она пошла, старушка, къ священникамъ: благословите, молъ, рыть. — Рой!... Подговорила еще товарокъ себѣ, стали рыть. Словомъ сказать, народу собралось — веліе!.. Рыли — рыли... ну, мощей пока не напали, скрываются. А колодезь большой вырыли. И есть доказательство, что это самое мѣсто. Приведутъ бѣсноватую — вотъ что кликается. Ведутъ — идетъ ничего... А какъ до этого мѣста доходить — хлопъ на бокъ и начнеть биться!.. До той степени бьется, пока ее свяченой водой не побрызгаютъ. Покропать — послѣ того стихнетъ... Чудесъ было нѣсколько!..

Сергѣй рассказывалъ о чудесахъ съ видимымъ увлеченіемъ, но что-то чувствовалось въ его рѣчи рассчитанное и напускное, — скорѣе тонъ старательнаго рекламиста, чѣмъ вѣра убѣжденнаго человека.

— Матушка мнѣ вчера — я заходилъ къ нимъ послѣ обѣдни

чайку попить:—„вотъ, Сергѣй, Господь оглянулся на насъ, милость посылаетъ“...

Бытовые подробности, о которыхъ онъ съ простодушнымъ хвастовствомъ распространился, выясняли больше одну сторону этой милости. Народъ валомъ валить—хворые и жаждущіе исцѣленія,—священники служатъ молебны—по заказу—и ново-открытое святое мѣсто уже теперь приняло типичный обликъ доходной святыни.

— Конечно, объявить сейчасъ нельзя по всей имперіи, что есть мощи и чудеса происходятъ. Ну, а служба идетъ... Старушка эта отъ себя наймаетъ священника, привозить. Онъ молебствуетъ, именно о здравіи или тамъ кому что требуется. Деньги за молебенъ—ему, а что отъ усердія несутъ—полотенца, холсты, платки, янички, другое прочее—это ей, старухѣ... Ждутъ теперь комиссію изъ Орла. Комиссія осмотритъ и объявитъ: открыть-ли, отставить-ли... какъ ужъ опредѣлять...

Сергѣй опять убѣждалъ насъ остаться и съѣздить къ этому чудодѣйственному колодцу. Какъ ни интересно было взглянуть на зарождающуюся святыню и на толпу, жаждущую чуда, и на предприимчивыхъ антрепренеровъ, дѣлающихъ дѣла около этой жажды и темной вѣры,—мы предпочли все-таки продолжать намѣченный раньше путь и не отклоняться въ стороны.

Сергѣй запрегъ лошадь и доставилъ нашъ багажъ къ мосту. Паромщикъ Михайло, по-вчерашнему, смотрѣлъ на него косо и сердито. Стали совѣщаться, какъ поступить съ „Энэсомъ“. Сергѣй предлагалъ перетащить его волокомъ черезъ дамбу. Михайло отрывисто и авторитетно заявилъ:

— Я подъ мостомъ проведу... Чего тамъ ляскаться!..

Пришлось подчиниться этой единоличной резолюціи. Сергѣй сѣлъ на носу и обычнымъ своимъ, такъ раздражавшимъ Михайлу, тономъ непрощеннаго командира сказалъ:

— Ну, Михайло, направляй стрелебію прямо на меня!

— Чаво-о?—сурово отозвался паромщикъ, приставляя ладонь къ уху.

— Дѣйствуй—говору—соотвѣтственно: на меня прямо держи!

— Безъ тебя анжэ!..

— Ну, гляди—не прожмурь!..

Направили въ пролетъ носъ. Сергѣй, распластавшись навзничь, закатилъ глаза и вытянулъ руки за голову. Ухватившись за перекладину, онъ втянулъ себя въ темное жерло. Яликъ продвинулся и сейчасъ же остановился, задръгившись уключинами. Сергѣй подрыгалъ ногами—онъ у него оставались еще внѣ пролета—и закричалъ сдавленнымъ голосомъ:

— Михайло! осаживай книзу и подавай на меня какъ не можно! Ослобони уключины, дѣлай дистанцію, налѣво! Налѣво, чертъ глухой! Ну, и человѣче! Меланхоликъ—ей-богу—какой-то, а не чело-
вѣкъ!

Краснорѣчіе не покидало Сергѣя даже въ ущемленномъ состояніи.

— Чаво-о?—сердито откликнулся Михайло:—ты не сбивай меня! Чего ты лишь голову мнѣ морочишь!..

Мы всё суетились, командовали, указывали. Какой-то старикъ съ палкой подошелъ къ мосту, тощая баба—жена Михайлы—всѣ вовлеклись въ рѣшеніе нелегкой задачи, кричали, понукали, давали совѣты... Пропихнули ноги Сергѣя, дошли до кормы. Михайло легъ навзничъ, вытаращилъ глаза въ сѣрое небо и медленно сталъ вѣзать подъ мостъ.

— Ототреть ему голову!—сказалъ я съ опасеніемъ.

— Ничаво! бѣды какой!—спокойнымъ и разсудительнымъ голосомъ сказала тощая его жена:—ему въ охотку! Сколько ужъ пузу-то не парить въ землянкѣ... скучно! Вотъ и покатается—хочъ подъ мостомъ...

Это нескрушимое спокойствіе передалось и намъ. „Энѣсь“ крылся въ пролетѣ. Минуты двѣ-три слышался изъ-подъ досчатого настила бубнящій голосъ Михайлы и тонкое язвительное краснорѣчіе Сергѣя.

— Да ты колѣнками упоръ имѣй, а не головой!..

— Ву-ву-ву-ву-ву...—бубнилъ на это Михайло.

Наконецъ, выбрался носъ съ притиснутымъ, взъерошеннымъ Сергѣемъ, потомъ показался и Михайло, красный, съ вытаращенными глазами.

— Вотъ молодцы!—похвалила баба:—мочалку на бублики вамъ въ награду!..

— Я говорилъ: проведу!—торжествующе сказалъ Михайло и окинулъ насъ побѣдоноснымъ взоромъ.

Мы поблагодарили. Оба остались очень довольны. Михайло провожалъ насъ нѣкоторое разстояніе по берегу, хотя въ этомъ не было никакой надобности. Тихо шелестѣлъ дождикъ. Шевелилась по зелено-сѣрой рѣкѣ живая сѣтка мелкихъ колечекъ и частыхъ-частыхъ точекъ...

VII.

Дождь заставилъ насъ все-таки сдѣлать остановку у с. Спаскаго, оно же Сашкино. Пріютились у лавочника. Онъ удивилъ насъ, между прочимъ, тѣмъ, что за чай, молоко, десятокъ яицъ, бѣлый хлѣбъ—пожелалъ получить съ насъ только 45 копеекъ—ни больше, ни меньше. Кстати упомянуть, что это отсутствіе корысти бросалось намъ въ глаза всюду на нашемъ пути. За ночлегъ, самоваръ, молоко, творогъ, яйца и хлѣбъ—нигдѣ не хотѣли назначать платы и тѣмъ вознагражденіемъ, которое давали мы, — отнюдь не очень щедрымъ—оставались всюду видимо, чрезвычайно довольны...

Поѣхали дальше уже послѣ полудня. Тучка еще синѣла за правымъ берегомъ, на горизонтѣ, чуть слышно ворчалъ громъ. Но надъ нами голубѣло небо и сверкало солнце. Омытые берега казались еще зеленѣе и тихо качался, опрокинутый въ рѣкѣ, ихъ курчавый гребень.

— А вѣдь это хуторъ!—сказалъ А. В., глядя на взъерошенную крышу избы, торчавшую за верхушками лозняка. Хутора были предметомъ его исключительнаго вниманія и у него былъ особый нюхъ на нихъ.

Стоявшіе на берегу мужикъ и баба съ любопытствомъ глядѣли въ нашу сторону. У нихъ былъ видъ людей празднующихъ, свободныхъ, на досугѣ вышедшихъ на бережокъ постоять отъ скуки.

— Это хуторъ?—закричалъ я.

— Здравствуйте!—звонко отвѣчала баба. Мужикъ проворно сдернулъ картузь съ головы:

— Хуторъ, такъ точно! Тутъ кругомъ хуторья!

— Можно посмотрѣть?

— Пожалуйте, милости просимъ! Многіе даже господа пріѣзжаютъ...

Мы причалили къ зеленой муравкѣ. Я прыгнулъ и... увязъ—попалъ въ болотину, брюки до колѣнъ покрылись слоемъ жидкой грязи шоколаднаго цвѣта. Огорчился и сконфузился... Мужичокъ успокоительно говорилъ:

— Тутъ-таки вязко. Да ничего, обсохнеть. Какъ говорится: не сажо—помялъ и отстало...

Но мнѣ потомъ очень пришлось смущаться за эту шоколадную броню на брюкахъ, которую и мять-то можно было лишь на другой день...

— Извольте, извольте взглянуть, — говорилъ радушно мужичокъ.

У него былъ носъ морковкой, соломеннаго цвѣта растрепанная бородка и соломенные завитки подъ околышемъ картуза. Попахивало немножко винцомъ.

— Очень многіе даже господа антиресуются, преповѣдываютъ. А вы чьи сами будете? Питерскіе?! Не можетъ быть!?

Онъ остановился, словно пораженный какимъ-то пріятѣйшимъ шлепкомъ, и глядѣлъ на насъ радостно изумленными, маленькими глазками водянистаго цвѣта.

— Въ самомъ Петербургѣ и живете?

— Въ самомъ Петербургѣ.

— Такъ вы, поэтому, тамъ Илюшу видали, сынка моего? Не встрѣчались? Какъ же, какъ же! Сыночекъ у меня въ Петербургѣ,—за агента служить. Лиръ-Росбаума, небось, знаете? швейныя машины... У Лиръ-Росбаума! Увидите — поклончикъ ему передайте. Такъ и скажите: видѣли, моль, твоего папашку...

Онъ еще болѣе засуетился, усилилъ тонъ любезности и распо-

ложенія къ памѣ. Повелѣ насъ сперва по лужку, потомъ по клеверу и по яровому. Омытыя дождемъ поля глядѣли свѣжо, ясно и радостно.

— Пожалуйте... посмотрите. Тутъ у насъ—отрада-съ! Вотъ... Чѣмъ хорошо: сижу подъ окошечкомъ, — и вся моя земляца вотъ она, тутъ! Зашла чужая скотина, а ее сейчасъ—сюды-ы!..

Онъ сдѣлалъ рукой загребающій къ себѣ жестъ и разсмѣялся радостнымъ, дѣтски-яснымъ смѣхомъ.

— Вся земелька въ кучкѣ... Просто сказать—отрада! Вотъ—оврагъ: былъ онъ—ни къ чему, а я его произведу въ дѣло, березки посажу, сосенки...

Передъ нами былъ первый хуторянинъ и первый сторонникъ хуторского владѣнія, находящійся, видимо, въ періодъ еще медоваго восторга, судя по тому, что кругомъ видны были пока лишь слѣды незаконченности: изба была покрыта плохо, у крыльца сложены были кучи кирпича, приготовленнаго для какой-то постройки, подъ амбары занята была горница и на дворѣ стоялъ лишь одинъ—единственный сарай.

— Не скучаете тутъ?

— И Бо-о-оже мой! Да тутъ народу—сколько хотите! И зимой по рѣкѣ ѣзда туда-сюда! Какая скука! А удобіе? Господи Боже мой!.. Вонъ у меня—лѣсокъ...

— Это что же, бывший крестьянскій?

— Купленный-съ. У Лаврихи купили. Можетъ, въ Петербургѣ слышали—барыня Лаврова, генеральша? Бо-гатая! У ней эта земелька куплена. Вонъ столбикъ изволите видѣть? Это—моя грань. И лужокъ вонъ туда—тоже мой...

— Хорошій уголокъ!

— Не плохой-съ...—скромно, тихимъ голосомъ, сказалъ нашъ собесѣдникъ.

— Что же, и лѣсокъ всѣмъ достался при выдѣлѣ?

— По жребію-съ. Кому какъ. Кому лѣсокъ, а кому сведеная часть. Жребіемъ. Ну, всѣхъ, знамо дѣло, не уравниаешь. Есть и обижаются... На меня вотъ ропчутъ... Я, видите ли, охотой. Когда стали вызывать охотниковъ на Дубовской—участокъ этотъ Дубовской называется,—я и заявилъ, во-первыхъ: пишите, молъ, Кутепова—меня, то-есть... Прочіе не хотѣли выходить, а насъ пять хозяевъ согласились, заявили. Землемѣръ вырѣзалъ намъ тамъ вонъ—нашъ собесѣдникъ махнулъ рукой за холмистое поле—усадебныя мѣста. А первому номеру—тутъ. Тряхнули жеребій, первый номеръ выналь: Кутепову!.. Ну, номерокъ—считаютъ—мой лучше другихъ, посырѣй... Другимъ-то это вродѣ какъ завидно...

Онъ вздохнулъ съ кроткимъ укоромъ. Помолчалъ.

— А меня обидѣлъ немного землемѣръ—не уважилъ. Просилъ я дорогу мнѣ вырѣзать попрямѣй, — не вырѣзалъ. Приходится теперь—въ объѣздъ. А и самая малость была бы—вырѣзать: одинъ

какой-нибудь саженецъ свернуть бы съ проселка — вотъ и весь разговоръ... А то теперь — кружи!

— У васъ сколько же купленной земли?

Кутеповъ вздохнулъ.

— Четыре десятинки всего... Маловато бы, и...

— Что-жъ еще не прикупили?

— Барыня не допустила! — щелкнулъ онъ языкомъ съ отъѣнкомъ сожалѣнія и досады. — „Нѣтъ, нѣтъ! довольно съ тебя четырехъ десятинокъ!“ — заговорилъ онъ хрипло-тонкимъ голосомъ, избражая, очевидно, барыню. — А то развѣ я далъ бы другому взять десять-то десятинокъ?..

Въ голосѣ его зазвучали суровыя ноты хозяйственного мужичка. Онъ пошаталъ козырекъ, оглянулся кругомъ, опять вздохнулъ о чемъ-то своемъ.

— Лавриха... да-съ... Это ея все было. И лѣсокъ этотъ она сажала...

Имя это — Лавриха — мы потомъ слышали почти безпрерывно. Все, что носило признаки культурныхъ начинаній, было связано съ Лаврихой. Повидимому, и хутора здѣшніе обязаны были ей если не возникновеніемъ, то — во всякомъ случаѣ — своимъ благообразіемъ, которое потомъ мы увидѣли. Помѣщица продала крестьянамъ, пожелавшимъ выйти на отрубъ, нѣсколько сотъ десятинокъ на очень льготныхъ условіяхъ. Купленная земля — очень высокаго качества — послужила выдѣленцамъ еще и въ томъ отношеніи, что изъ общинной сельской земли имъ выдѣлена была часть, примыкающая къ приобретенному покупкой участку, тоже лучшаго качества. А овраги, холмы, оголенные скаты, бывшіе подъ выгономъ, достались на долю оставшимся въ общинѣ.

— Обижаются - съ, — говорилъ Кутеповъ спокойнымъ, безстрастнымъ тономъ: — ну, да всѣхъ гдѣ же и уравнивать!..

Онъ пригласилъ насъ зайти въ избу.

Прошлыя двѣ ночи намъ пришлось ночевать въ горницахъ, въ лѣтнихъ, нежилыхъ, помѣщеніяхъ. Сейчасъ передъ нами была настоящая изба, гдѣ жили зиму и лѣто, стряпали, ѣли, работали и спали. И я поразился тѣмъ обиліемъ грязи, копоти, духоты и наскромыхъ, которое увидѣлъ здѣсь. Самъ я родился въ трудовой средѣ, непосредственно знакомой съ плугомъ, бороной, косой, вилами, граблями, дегтемъ, навозомъ. Выросъ въ постоянномъ общеніи съ лошадьми, волами, овцами, среди соломы, сѣна, зерна и черноземной пыли. Но ничего подобнаго этой грязи, неряшливости, неприбранности не видѣлъ и не знаю въ томъ земледѣльческомъ краю, гдѣ я родился и выросъ. Нештукатуренныя, зіяющія трещинами стѣны, опарпанная неуклюжая печь въ сажѣ, лохани съ помоями, беспорядочно брошенное тряпье, всюду соръ и безстрашные тараканы. Единственное украшеніе — рекламы торговаго дома

„Лиръ и Росбаумъ“ на стѣнѣ и двѣ заспѣженныхъ мухами, полувывѣтшихъ фотографіи.

— Таракановъ-то какъ переправили съ собой?

— Да этой пакости тутъ ка-быть еще больше стало, — сказала хозяйка.

Самъ Кутеповъ—для своихъ 60 лѣтъ, о которыхъ сказалъ онъ намъ — имѣлъ видъ моложавый, а жена его, сморщенная, худая, съ двумя лишь передними зубами, глядѣла совѣтъ старухой. Лишь тонкія брови и тонкія черты высохшаго лица намекали, что въ молодости она была не дурна.

— Эту вотъ за 150 сваялъ, давали пособіе, — говорилъ Кутеповъ, показывая избу: — теперь Илюша пишетъ: „папаша! мы построимъ дачу, къ намъ хорошіе господа будутъ ѣздить“. Вотъ кирпичу навозилъ—строиться будемъ. А эта за кухню у насъ пойдетъ...

Онъ снялъ одну изъ двухъ карточекъ, висѣвшихъ на стѣнѣ, поплевалъ на стекло и вытеръ рукавомъ.

— Это вотъ сынокъ нашъ Илюша, — чернымъ ногтемъ провелъ онъ по усамъ господина, важно сидѣвшаго въ креслѣ рядомъ съ дамой.

— А это барыня ихняя, — подбородкомъ указала старуха на даму.

— Питерская!

— Нѣтъ, изъ тутошнихъ. Изъ крестьянскаго рода.

Старуха почему-то судорожно вздохнула... А Кутеповъ, мрачно насупившись, прибавилъ:

— Да и изъ роду-то погананаго... Живутъ незavidно промежду себя. Сынокъ-то у насъ—дай Богъ всякому православному христіанину: 120 получаетъ. И процентъ. Ну такой сынокъ... Всего двѣ зимы въ школу бѣгалъ, а вышелъ на дѣло... А она вотъ попалась—ну, такой перецъ: привезъ сюда — ей то не хорошо, другое не по ней... Какъ видать, на отбой бьетъ...

Какая-то скрытая драма почувствовалась въ безоблачной — на первый взглядъ—жизни нашего словоохотливаго, радушнаго собесѣдника. Мы не видѣли питерской гостыи. Но представляли, что въ этой обстановкѣ ей едва-ли могло казаться пріятнымъ дачное времяпрепровожденіе. Можетъ быть, тутъ и скрыта причина взаимной враждебности...

— Въ Кривцово ушла сейчасъ, — мрачнымъ тономъ прибавилъ Кутеповъ:—вотъ придетъ, посмотрите, что за барыня...

— А вотъ это—наша дочка!—поднесла намъ старуха еще карточку. На дешевенькой—такъ называемой „моментальной“ — фотографіи изображена была дѣвица въ шляпѣ съ перомъ или esprit. Четвертая дочь Кутепова.—Въ горничныхъ—тоже въ Петербургѣ служить,—съ гордымъ удовольствіемъ сообщила мать.

Прибѣжалъ худенькій мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, похожій чертами лица на старуху. Второй и послѣдній сынъ Кутепова

— Въ школу ходить?

— Какъ же! Въ Кривцово бѣгаетъ. Да далековъко вотъ теперь отсюда — версты четыре будетъ. Зимнимъ бытомъ особенно. Прибѣжить иной разъ — мокренькій, какъ мышеночекъ. И то ужъ не каждый день пуцаемъ. Иной урокъ и пропустить, чего жъ подѣлаешь... И плачетъ: „папаша, молю, я опять отсталъ отъ товарищей“... Ну, каждый разъ и не наѣздишься! Когда добѣжить, когда и пропустить...

Это была небольшая—въ глазахъ Кутепова,—но несомнѣнная трещинка въ хуторскомъ благополучіи. Онъ какъ-то неохотно на ней остановился на минутку и сейчасъ же переимѣнилъ разговоръ.

— Да вамъ, можетъ, самоваръ поставить? Покажи-ка баба, какой самоваръ намъ сынокъ прислалъ!

Старуха съ торжествомъ вынесла новый никелированный самоваръ. Послѣ самовара у Сергѣя Александра этотъ оказался намъ идеальнымъ образцомъ блеска и великолѣпія.

— Хорошъ. Изъ такого, дѣйствительно, пріятно попить чайку. А яицъ у васъ достать можно?

— Добудемъ! Своихъ-то куръ нѣтъ, ястребъ перетаскалъ. Ну... достанемъ! И молока можно добыть. У меня-то двѣ телки... ну, это все достанемъ... Да вы, можетъ, и перепочевали бы у насъ?

Мы спросили: а гдѣ-же они насъ положить? Для нихъ этотъ вопросъ, повидимому, не представлялъ никакихъ затрудненій: здѣсь же, въ этой избѣ, на лавкахъ. А насъ смущало не только обиліе таракановъ, но и то обстоятельство, что тутъ же должна ночевать и „питерская барыня“. Вмѣстѣ съ тѣмъ было соблазнительно поближе увидѣть самоновѣйшій продуктъ русскаго государственнаго творчества въ области землеустройства, взглянуть на подлинный хуторъ, подышать его благословеннымъ воздухомъ, раздѣлить радость нашего суетливо-любезнаго хозяина. Въ этой его „отрадѣ“ намъ—даже въ первые полчаса—не все показалось отраднымъ: вотъ хотя бы касательно яицъ и молока—куръ ястребъ потаскалъ, а отсутствіе коровы такъ и осталось для насъ необъяснимымъ; въ дальнѣйшемъ выяснилось, что и овецъ пришлось перевести: за овцой глазъ да глазъ нуженъ, бѣжить куда зря, глупая... И этотъ худенькій мальчикъ, плачущій о пропущенныхъ урокахъ... Любопытно было заглянуть, если представится возможность, въ самое нутро этой отрады...

Рѣшили остаться. И просили хозяина: пока вскипятъ самоваръ, показать намъ тотъ самый поселокъ, который первымъ вышелъ на отрубъ,—онъ былъ ближе всѣхъ хуторовъ къ номеру первому.

Откуда-то появилась еще старуха — съ толстымъ, бурымъ лицомъ, сырая, шумно вздыхающая, съ слезливо-умиленнымъ густымъ голосомъ.

— Здравствуйте, дѣточки! Дальніевы? Изъ Орла?! Родя-именные!

Любопытствуете... да, да... Не дай Богъ, какая жизнь! Посмотрите, миленькіе, какъ мы, мужики, живемъ... какъ родителей теперь почитаютъ... посмотрите!

Кутеповъ ревниво отнесся къ тому, что старуха вздумала задержать насъ разспросами и вздыхающимъ своимъ многословіемъ. Должно быть, онъ догадывался уже, о чемъ она сейчасъ заговорить, и сурово сказалъ:

— Бабка, буде грѣшить! бабка!..

— Да я ничего, милый...—виноватымъ и умоляющимъ тономъ возразила старуха:—сыночекъ вотъ только... Я съ малыхъ лѣтъ его растила, кормила - поила... какъ яичко блюла... онъ вотъ меня теперь: долой со двора!..

И, словно изъ ветхой, прорвавшейся сумы, посыпались изъ нея жалобы, что сынъ обижаетъ ее, не хочетъ кормить. Жили на селѣ—какъ будто стѣснялся людей, а теперь—на хуторѣ—полный хозяинъ, гонить изъ дому и дѣться некуда...

Но Кутеповъ перебилъ потокъ ея подвывающихъ причитаній:

— Буде, буде, бабка! Ты бы шла энтой дорогой!..

Мы вышли изъ избы и поднялись на изволокъ. Мимо яровыхъ, узенькой дорожкой, прошли къ березовой рошѣ и рощей направились къ поселку Дубовскому. Кутеповъ началъ было излагать жалобу на своего брата, который завладѣлъ какою-то наслѣдственной спорной душой. Старуха не отставала и слезливо подвывающимъ голосомъ продолжала жаловаться на сына. Кутепову ея рассказъ представлялся совершенно неумѣстнымъ,—онъ нервничалъ и, обрывая свою рѣчь, кричалъ на старуху:

— Да будетъ тебѣ, бабка! Они желаютъ преповѣдать мой участокъ, имъ любопытно, а ты съ пустяками! Говорю—шла бы энтой дорогой!..—Онъ махнулъ рукой куда-то въ сторону.

— Да я объ сынкѣ... какъ онъ мать родимую почитаетъ...

— Э, съ глупостью своей... Иди, милая!

— И, миленькій, да я слѣпая, — слезливо возразила старуха,—не пройду... дороги-то тутъ не знаю...

— Ну, слѣпая... Пройдешь... небось, пройдешь... Иди вотъ прямо черезъ лѣсъ—вонъ она, Андропова изба...

— Ты бы проводилъ меня...

— Идѣ?—остановившись, съ сердитымъ изумленіемъ поглядѣлъ Кутеповъ на старуху: — проводилъ! есть когда! Я нипочемъ не пойду, иди ты къ Богу! Куда я съ тобой пойду? Господа желаютъ хуторя проповѣдать, а я буду съ тобой возжаться! Поди, Дуняшкѣ вотъ въ окно стукни, она проводить...

Мы свернули влѣво, старуха осталась у поселка. Въ поселкѣ никого не было видно:—ушли въ село,—догадался Кутеповъ—праздничное время, хочется на народъ, да и такъ тянетъ „на старый корень“. Опять почувствовалась малая трещинка въ новой жизни, въ шумно утверждаемой „отрадѣ“: невольный вздохъ о старомъ

корнѣ, тяготѣніе къ нему, къ его общественному, мірскому обиходу. Но Кутеповъ не хотѣлъ останавливаться на этомъ: въ „отраду“ онъ увѣровалъ, повидимому, прочно и безповоротнo, и единственно, чего ему не хватало, это—исправить бы кое-какія погрѣшности, допущенныя начальствомъ по отношенію къ его, Кутепова, личнымъ интересамъ.

Проходя послѣднюю грань своего участка, онъ опять вспомнилъ, что его обидѣлъ землемѣръ.

— Вотъ бы ему вся статья идѣ вырѣзать дорожку-то! Это вотъ—моя грань, а это—сосѣдская. Одинъ саженецъ—и мнѣ бы прямо ѣздить. Не уважилъ...

Мы шли хуторскими полями. По сторонамъ недвижно стояли полосы высокой, ровной ржи, широкими выемками тянулись паровые клины, разсѣянными, мелкими кучками бродили по нимъ скотъ и около него виднѣлись маленькіе пастушки—ребятики.

— Это вотъ двухъ братовъ отрубъ, недѣленный еще,—показывалъ намъ Кутеповъ:—а энто вотъ усадьба барынина кучера... Лаврихина была... Вотъ какое устройство!..

Усадьба была окружена старыми, высокими елями. Желѣзные крыши дома и хозяйственныхъ строекъ дѣлали ее похожей на помѣщичій дворъ.

— Вотъ это—хуторъ!—похвалили мы.

— Э-э!—воскликнулъ Кутеповъ съ тоскою въ голосъ:—тутъ, можетъ, милліоны вложены... Гдѣ бы ему самому-то нажить! Мнѣ бы этого на всю жизнь хватило наживать, да и сынъ-то мой не наживетъ, а тутъ вотъ—даромъ попало подѣ палецъ... Мы хотѣли жеребій тряхнуть: кому идѣ достанется? Можетъ, мнѣ бы досталось тамъ!.. Въ казенную палату посылали уполномоченныхъ... да что! Мнѣ десять словъ, а барынѣ полъ-слова сказать,—что-жъ подѣлаешь! Лавриха сказала:—„это мое, дарственное. Я подарила, а вы не трожьте“.. Ему и прирѣзали туда. Пофортунило человѣку... Брюхо во-о какое!..

Я не совсѣмъ ясно представлялъ себѣ тѣ основанія, на какихъ была куплена и подѣлена кривцовскими крестьянами-отрубщиками помѣщичья земля и почему нашъ собесѣдникъ и руководитель считалъ возможнымъ претендовать на усадьбу кучера во имя „правильности“. Но въ голосъ Кутепова слышалась подлинная тоска отравленнаго горькой обидой человѣка.

Повеселѣлъ онъ слегка лишь тогда, когда насъ обогнала телѣга, запряженная тощей лошадкой. Въ телѣгѣ торчала куча мелкихъ ребятъ, среди нихъ собачка—бѣлая, съ черными пятнами.

Тощая, болѣзненная баба въ старомъ сермяжномъ армякѣ, съ груднымъ ребенкомъ въ полѣ, сидѣла въ задкѣ телѣги, а съ боку, свѣсивъ ноги, погонялъ лошадку маленькій мужичокъ, еще молодой.

— Иванъ! продавать, что-ль, везешь?—крикнулъ вслѣдъ ему

Августъ. Отдѣлъ I.

Кутеповъ.—Тоже хуторянинъ—бросилъ онъ намъ:—ну, пересе-
литься силы нѣтъ, ѣздить изъ Кривцова... вотъ такъ ребятешекъ
сгребетъ въ кучу и катаетъ туда-сюда.

— Сколько же у него земли?—любопытствовали мы.

— Не густо. Иванъ! сколько земли имѣешь?

— Четыре десятины! — крикнулъ издали мужичокъ. Потомъ
посмотрѣлъ вверхъ, придержалъ лошадь и опять крикнулъ:—Да
еще полторы! Да подъ усадьбой—полдесятины...

— А дѣтей?

Онъ махнулъ кнutomъ на лошадку.

— Дѣтей—шестеро! Да еще подбавимъ, пожалуй...

— Ничего... жить можно,—съ веселой ироніей подмигнулъ намъ
Кутеповъ.

Не очень далеко оставалось и до Кривцова. Отчетливо видны
были: церковь, большой бѣлый, двухъэтажный домъ и еще дома, не
похожіе на крестьянскіе. Кутеповъ пояснилъ намъ, что бѣлый
домъ—двухклассное училище, а домъ направо—больница.

— Въ больницѣ у насъ докторица. Авдотья Миколавна... Слав-
ная старушка. Стрижена... А совѣсть у ней—на рѣдкость, до-
брѣйшая госпожа...

Это сообщеніе о „стриженой“ доброй старушкѣ дало намъ
мысль—поговорить съ человѣкомъ, близкимъ къ деревнѣ и въ то
же время стоящимъ внѣ сложнаго узла ея внутреннихъ и внѣш-
нихъ отношеній, объективнымъ свидѣтелемъ ея упованій и налич-
ной дѣйствительности, исканій и отступленій, усобицъ и загадоч-
ной тишины. Кутеповъ съ готовностью согласился представить
насъ.

— Я войду и скажу:—Авдотья Миколавна! можно, молъ, моимъ
гостямъ взойти, — вотъ любопытствуютъ о хуторяхъ?. А она ска-
жетъ:—„можно, можно!“..—Опять онъ попытался изобразить дам-
скій голосъ,—вышло тонко, но хрипло. — А вы войдете и скажете:
„здравствуйте, молъ, Авдотья Миколавна!“.. Ну, чайку попьете,
прикажете лошадку вамъ подать...

На листкѣ-блокъ-нота А. В. написалъ наши фамиліи и передалъ
нашему заботливому провожатому. Онъ взглянулъ на бумажку
какъ-то подозрительно. Повертѣлъ въ рукахъ.

— Это куда же мнѣ? Показать и назадъ взять?

— Нѣтъ, просто передать.

Онъ пошелъ въ больницу, а мы остались у палисадника. Пе-
редъ нами лежалъ омытый дождемъ зеленый-зеленый плацъ—онъ
же выгонъ. Изъ ряда крестьянскихъ домиковъ съ противоположной
стороны выбрался на него новый, блестящій свѣже-отесанными
бревнами, домъ кредитнаго товарищества, какъ послѣ намъ ска-
зали. Направо стоялъ прекрасный училищный домъ—даже въ го-
родѣ онъ обратилъ бы на себя вниманіе.

— Пожалуйте-съ! — торжественно сказалъ Кутеповъ и вполголоса, ободряющимъ тономъ, прибавилъ: — идите смѣло! ничего!...

VIII.

Отъ Авдотьи Николаевны, служившей врачомъ въ Кривцовѣ уже 35 лѣтъ, мы узнали, что Кривцово—особенный уголокъ, около котораго давно работаетъ тѣсная группа культурныхъ работниковъ во главѣ съ мѣстной землевладѣлицей Маріей Александровной Лавровой. Начать съ училища: оборудовано оно великолѣпно, учительствовали здѣсь и учительствуютъ лица съ высшимъ педагогическимъ образованіемъ. Многіе изъ нихъ изъ Кривцова перешли на службу въ столичныя среднія учебныя заведенія. Тутъ и народный домъ, и чтенія, и лекціи для взрослыхъ, и даже театръ. На кривцовской сценѣ наряду съ мѣстными любителями—между прочимъ, и изъ крестьянъ—выступали и артисты Моековского Художественнаго театра. Тутъ ставились драмы Пушкина и Шекспира. Кривцово дало нѣкоторыхъ идейныхъ общественныхъ дѣятелей. Нынешній членъ Болховской земской управы О. И. Баскаковъ — питомецъ кривцовской школы, крестьянинъ, по ремеслу—печникъ. Въ земствѣ онъ является самымъ горячимъ и убѣжденнымъ защитникомъ широкой постановки начального школьнаго образованія. До него въ Болховскомъ уѣздѣ было только 25 начальныхъ школъ. Теперь школьная сѣть такова, что является возможнымъ осуществить всеобщность начального обученія... Но само Кривцово культурными своими учрежденіями — школой, больницей — обязано исключительно заботамъ и средствамъ М. А. Лавровой, которою и въ окрестности учрежденъ рядъ школъ и пріемныхъ покоевъ—въ память мужа, ген. Лаврова, убитаго подъ Горнымъ Дубнякомъ.

— Да нѣтъ, вы зайдите къ Марьѣ Александровнѣ! — воскликнула А. Н.:—она вамъ все расскажетъ лучше меня—и о деревнѣ, и о хуторахъ, и исторію выдѣла... и какъ прошли у насъ эти послѣдніе годы... все, все!.. Я какъ-то занята, не всегда въ курсѣ... А она во все посвятить подробно.

Мы указали на свой ужасный видъ. А. Н. успокоила: это ничего не значить, намъ будутъ рады.

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній рѣшили мы, въ качествѣ любопытствующихъ туристовъ, заглянуть и на барскій дворъ. Опять поручили себя руководству Кутепова.

Кажется, уже сѣло солнце, — сплошная тѣнь легла на плацу. За новымъ домомъ кружился хороводъ. Тутъ костюмы уже были настоящіе деревенскіе, удивительно живописные въ своемъ сочетаніи яркихъ цвѣтовъ и оригинальныхъ головныхъ уборовъ. И мотивъ хороводной пѣсни показался мнѣ не столь монотоннымъ, какъ въ Волобуевѣ,—издали, по крайней мѣрѣ. Вечерній воздухъ

былъ тихъ и влаженъ, и въ чуткой недвижности его дѣвнчи голоса звенѣли красиво и нѣжно, съ мечтательной грустью.

Мы прошли деревню. Перешли оврагъ мимо пустыхъ усадебныхъ мѣстъ со свѣжими пнями.

— Это садочки были,—пояснялъ Кутеповъ:—ну, хозяева переселились, вырубил, конечно. Что жъ, кабы онъ мнѣ, кому это досталось, далъ хоть бы рубля по два за дерево — я бы себѣ привокъ купилъ. А то онъ ничего не даетъ—зачѣмъ же я буду дарить! Пуцай на дрова идуть...

Когда-то некрасовскій помѣщикъ Обольтъ-Оболдуевъ съ горечью жаловался:

Обширный садъ помѣщичій,
Столѣтьями взлелѣанный,
Подъ топоромъ крестьянина
Весь легъ,—мужикъ любитъся,
Какъ много вышло дровъ...

Думаль-ли онъ, что настанетъ утѣшительное время, когда подъ мужицкимъ топоромъ ляжетъ и мужицкій садъ—во имя грядущей новой культуры, имѣющей укрѣпить въ мужицкомъ сознаниіи вмѣстѣ съ правильнымъ понятіемъ собственности и уваженіе ко всякому культурному достоянію?..

Когда мы вошли въ великолѣпный паркъ съ вѣковыми липами и елями, было уже темно. И такъ красиво и таинственно подъ безмолвнымъ зелено-чернымъ шатромъ. Кутеповъ опять наставлялъ насъ, какъ войти къ барынѣ — теперь ужъ не называлъ ее Лаврихой,—какъ поклониться, что сказать.

— Я войду и подамъ бумагу,—потрясая новымъ листкомъ пѣз блокнота, говорилъ онъ:—а вы идите ближе! къ балкону! ближе, ближе! Не робѣйте! Я вамъ тогда махну — какъ подходить. Она — барыня корпусная... ну, ничего, не робѣйте!..

Мы все-таки не вполне послѣдовали его указаніямъ: сѣли въ пѣкоторомъ отдаленіи отъ балкона, въ паркѣ — попалась скамейка и тянуло отдохнуть — устали таки за день. Сквозь глубокій строй недвижныхъ черныхъ великановъ краснѣлъ свѣтъ въ окнахъ барскаго дома и чуть видѣлся кремовый узоръ на ближнихъ вѣтвяхъ. А вокругъ насъ лежалъ свѣжій, нѣмой сумракъ и вставали въ дремотномъ воображеніи смутныя тѣни давняго времени: безымянные ряды сермягъ, трудившихся надъ созданіемъ этого великолѣпія, мечтательныя дѣвушки, прелестныя героини тургеневскихъ повѣстей, переживавшія здѣсь юныя томленія и смутныя восторги первой любви...

Что-то долго не показывался нашъ Кутеповъ. Мы уже стали было поговаривать, не уйти-ли намъ назадъ, въ деревню, но какъ разъ въ это время къ намъ подошелъ господинъ съ бритымъ лицомъ, въ сѣрой поджачной парѣ.

— Пожалуйте, господа! Вы себѣ неудачнаго провожатаго взяли. Мы долго не могли понять, въ чемъ дѣло...

Приняли насъ съ самымъ широкимъ радушіемъ, такъ что мы скоро перестали конфузиться ужаснаго состоянія своихъ костюмовъ. Кажется, Кутеповъ вздумалъ даже учесть это радушіе, приписавъ себѣ заслугу, что доставилъ барынѣ этакихъ пріятныхъ гостей,—и просилъ на водку у встрѣтившаго насъ артиста Зиминской оперы Максанина.

Начали, по обыкновенію, съ интервью. Но оно незамѣтно перешло въ легкій общій споръ, переплетенный со свѣжими воспоминаніями. М. А. Лаврова была еще въ неостывшемъ увлеченіи хуторскими перспективами. Нѣкоторые хутора въ Кривцовѣ возникли, при ея содѣйствіи, гораздо раньше указа 9-го ноября и теперь процвѣтали, могли похвастать образцовымъ состояніемъ хозяйства. Но, не говоря объ особыхъ условіяхъ ихъ возникновенія, они разнились отъ нынѣшнихъ отрубныхъ крестьянскихъ хозяйствъ и размѣрами, и веденіемъ хозяйства. Тутъ, конечно, тоже крестьяне сидѣли, но крестьяне особенные. Достаточно сказать, что однимъ изъ этихъ хуторянъ былъ уже упомянутый членъ уѣздной земской управы Баскаковъ. Для насъ успѣхъ такихъ хуторскихъ хозяйствъ не былъ убѣдителенъ. А для М. А. казалось несомнѣннымъ и безповоротно доказаннымъ, что въ общинѣ никакой хозяйственный прогрессъ, никакія культурныя улучшенія невозможны: немислимо переломить общинную мужицкую косность, упрямую темень и стадное недовѣріе... Хутора—другое дѣло.

— Мнѣ кажется, что даже климатъ измѣнится, когда кругомъ будутъ сады, дома, усадьбы... Не будетъ этихъ завирухъ и прочее...

Къ этимъ розовымъ упованіямъ мы относились скептически. Поспорили. Незамѣтно отъ гаданій о будущемъ перешли къ недавнему прошлому. Въ годы освободительнаго движенія и въ Кривцовѣ было достаточно шума. Были митинги, ораторы, своеобразныя „забастовки“. Громить не громили, но приходили толпой на барскій дворъ и предъявляли „постановленія“. Никакихъ возраженій и резонновъ не принимали: „все наше“. А дни черезъ три-четыре опять толпа, но уже другого состава—съ корзинками яицъ, съ поклонами—какая-нибудь нужда оказалась въ барынѣ:

— Давайте по-старому жить, какъ жили: мы—ваши, вы—наши. Куда же дѣться-то?

Начальство иногда немножко косилось на кривцовскую помѣщичью усадьбу. Уѣздные дворяне изъ правыхъ называли ее революціоннымъ гнѣздомъ. Не обошлось и безъ обыска...

— Что же теперь представляетъ собой деревня?

Все прошло. Все по старому: тихо и загадочно нѣмо. Если оставить въ сторонѣ хутора, то на чемъ остановиться? Молодежь? На ней главный отпечатокъ—и мало утѣшительный—сейчасъ

даетъ шахта. До шахты—одинъ человѣкъ. Побываетъ на шахтѣ—другой.

— Старики лучше,—говорила М. А.—Съ стариками я съ удовольствіемъ говорю... Какъ-то достоинства въ нихъ больше, мягкости, культурности... чувства порядочности... А молодежь—вся съ какими-то острыми углами...

Бывшій учитель кривцовской школы, теперь петербургскій педагогъ, Е. К. Соломинъ, зналъ почти всю кривцовскую молодежь со школьнаго возраста. Онъ разсказалъ кое-какія характерныя біографіи современныхъ героевъ Кривцова. Былъ, между прочимъ, приемъ въ школѣ одинъ даровитый, многообщающій мальчикъ—любопытности необыкновенной. Прочиталъ все, что было въ школьной бібліотекѣ. Проглаталъ залпомъ всякій печатный матеріалъ, какой попадался, и все великолѣпно усваивалъ. Въ годы общественнаго движенія онъ былъ уже взрослымъ. Какъ и можно было ожидать, оказался прекраснымъ ораторомъ, убѣжденнымъ сторонникомъ лѣвыхъ ученій. Но... схлынула волна—подался направо, сошелся съ бывшимъ кривцовскимъ писаремъ, человѣкомъ пьянымъ, продажнымъ, темнымъ, и... совокупными силами занялись доносами, въ результатѣ которыхъ и были обыски въ Кривцовѣ. Теперь—горькій пьяница, жену вогналъ въ гробъ побоями. Хозяйство было хорошее при отцѣ; нынѣ—еле держится.

— Онъ, между прочимъ, первый заявилъ желаніе выйти на отрубъ. Понялъ и доказалъ обществу выгоду новаго порядка. Сходка его слушаетъ—ораторъ хоть куда! А противъ барскаго двора и всего, что отсюда исходитъ,—прочная ненависть, классовая... Просили мы недавно для школы нѣсколько аршинъ земли, чтобы выпрямить линію палисадника. Никакихъ возраженій не было. Стали копать ямки—является толпа:—„это на какомъ основаніи? Кто дозволилъ?“ Послѣ уже узнали: Карандухъ настроилъ, этотъ самый ораторъ нашъ...

Конечно, насъ оставили ночевать. Нѣкоторое угрызеніе совѣсти чувствовали мы передъ Кутеновымъ, у котораго кипѣлъ, поджидая насъ, новый самоваръ. Но остались: на завтра намъ обѣщали показать сосѣдніе Багриновскіе хутора, на банковской землѣ,—любопытно было поговорить и съ общинниками Кривцова.

Послѣ ночевки въ Хрыковѣ и въ инженерской квартирѣ Сергѣя Александрова намъ показался сказочнымъ тотъ комфортъ, которымъ мы были окружены въ домѣ М. А. Лавровой. Онъ испортилъ насъ потомъ для дальнѣйшей дороги, ослабилъ спартанскій закалъ, отравилъ воспоминаніями о прекрасныхъ умывальникахъ и свѣжемъ бѣльѣ... за то—хоть одну ночь мы выспались вѣсть...

... Осматривать Багриновскіе хутора мы поѣхали уже на манеръ знатныхъ иностранцевъ; на прекрасной тройкѣ—съ тѣмъ самымъ кучеромъ, на слѣбую фортуну котораго вчера такъ не

годовалъ Кутеповъ—въ обществѣ М. А. Лавровой, Е. К. Соломина и двухъ учительницъ--мѣстной и петербургской.

Тургеневская Русь съ зелеными холмами, синими перелѣсками и рощами, съ мягко волнующимися серебристо-зелеными нивами, бѣлыми церковками, деревеньками и усадьбами открылась передъ нами, какъ только выѣхали мы изъ спреновой аллеи. Чуть-чуть дымились дали—влажный теплый паръ подымался надъ землей. Солнца не было видно—за облаками, но уже чувствовалось его горячее дыханіе. Сочно шелестѣла не просохшая земля подъ колесами и копытами лошадей. Теплый вѣтерокъ бѣжалъ на встрѣчу, несъ милый запахъ ржаныхъ полей. Сухая трель жаворонокъ была разсыпана кругомъ.

Проѣхали нѣсколько хуторовъ, давнихъ, возникшихъ еще до Столыпина. Эти были—небольшія имѣніица культурнаго типа, все въ нихъ глядѣло даже издали уютно, хозяйственно, крѣпко. Непосредственно вслѣдъ за ними потянулись остатки отошедшаго въ прошлое крупнаго владѣнія—огромный помѣщичій садъ, въ 40 десятинъ, съ великолѣпнымъ паркомъ. За нимъ обгорѣлые столбы какой-то постройки и рядомъ каменные стѣны безъ крыши, зіявшія пустыми окнами, остатки обширнаго скотнаго двора.

— Это что же?—спросили мы, указывая на обгорѣлые столбы.

— А это... однимъ изъ владѣльцевъ имѣнія, перемѣнившихся тутъ въ послѣдніе годы, побылъ офицеръ Преображенскаго полка Д—въ. Ну, человекъ военный, шутокъ не любилъ, съ мужиками поступалъ серьезно. Сказалъ—чтобы было исполнено! Форменную дисциплину хотѣлъ установить... Ну вотъ... мужички отвѣтили... И Д—въ ушелъ...

Рядомъ съ этими унылыми реликвіями былого великолѣпія стояли новые, юные ростки будущаго прочнаго хозяйственнаго быта—четыре хutorскихъ двора. Мы зашли въ первый—налѣво, около котораго торчала разномастная дѣтвора. Пожилая баба въ паневѣ встрѣтила насъ на крыльцѣ.

— Можно войти—посмотрѣть, какъ вы живете?

— Пожалуйста!—суетливо - услужливо открыла она дверь въ стѣни.

Пригнувшись, мы вошли въ избу съ землянымъ поломъ, съ роемъ мухъ надъ мокрымъ столомъ, съ ребятишками, трапезовавшими вокругъ него, съ классическимъ сѣдымъ дѣдомъ—„лысымъ, съ бѣлой бородою“, который „за скорби славить Бога“... Онъ всталъ передъ нами и никакъ не хотѣлъ сѣсть. И все время молчалъ—должно быть, глухъ былъ. Грязно, душно, тѣсно, неопытно. Обычная печь, огромная, не оштукатуренная, ободранная. Небольшой досчатый помостъ около нея и некрашенная кровать на немъ съ какими-то овчинными лохмотьями. Гигантская лохань съ помоями. На шесткѣ, на черныхъ стѣнахъ одежда. На скамьяхъ—горшки, чашки, черепки. И ничего въ смыслѣ украше-

нія—ни картинки, ни занавѣсочки на окнѣ, ни цвѣточка. Духота и грязь...

— Сколько же васъ живетъ тутъ?

— Да зимой-то тѣсно,—вздохнула баба:—много собирается...

Она стала считать. Кромѣ дѣда, да ея самой съ мужемъ, два сына женатыхъ, да дѣтвора—всего человѣкъ 14.

— Тѣсно! Все не воскреснемъ никакъ. И тутъ надо, по домашности, и въ банку надо—все заработай..., Сыночки вотъ въ Петербургъ уѣхали — по шикатурной части. Можетъ, чуточку не воскреснемъ ли. Избеночку-то вотъ не опекуримъ себѣ никакъ...

— Что же, хлѣба теперь много застѣваете?

— Хлѣбушку сѣмъ, а то какъ же! Себѣ стараемся, хотъ чтобы голько точка въ точку... чтобы лишь хватило. Все хлопочемъ: только бы оплатиться съ банкою, чтобы насъ банка не тянула...

— А много платить въ годъ?

— Близу двухсотъ!

— Недоимки нѣтъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! помилуй, Господи! — замахала руками баба въ ужасѣ:—мы и такъ благодарны, что они насъ на этакое мѣсто посадили! Мы ужъ собой не дорожимъ, а какъ мало-маленько—чтобы расплатиться съ банкой... Чтобы банка-то насъ не тянула—повторила она опять, прижимая узловатыя руки къ плоской груди, прикрытой грязной холщевой рубахой съ сборками.

— Ну, а съ скотиной какъ?

— Скотинки завели—теперь слава Богу! Теперь двѣ коровочки у насъ!—нараспѣвъ подчеркнула она съ радостно-горделивымъ выраженіемъ: — двѣ лошади! Кобылица на выставкѣ медаль получила... Вотъ извольте-ка посмотреть кобылку...

Засуетилась баба. Видимо, премпированная кобылка составляла гордость всего хутора, было чѣмъ похвалиться. Мы вышли черезъ сѣни на дворъ. Двѣ лошади стояли у яслей, въ сыромъ навозѣ. Одна — молодая гнѣдая кобылица была, дѣйствительно, недурна, но въ моихъ родныхъ мѣстахъ медали бы не получила...

— Вотъ и медаль.

Баба держала передъ нами коробочку съ серебряной медалью. Мы посмотрѣли, похвалили: и медаль хороша, а кобыла еще лучше. Баба расцвѣла отъ удовольствія.

Зашли въ горницу. Милостивая молодка въ красномъ сарафанѣ, сидя на полу, мотала нитки.

— Это вотъ молодая, ввѣли недавно за сына. Только съ Дальняго Востока вернулся—въ солдатахъ служилъ. А теперь въ Питеръ уѣхалъ съ старшимъ. Сами себя потѣсняемъ, а ихъ пустили... Чего жъ дѣлать, — авось заработаютъ. Старшій-то говорить:—поѣдемъ, братъ, что-нибудь заработаемъ... У меня и ховяинъ ватяжной работать! Въ постель ляжетъ, а самъ будетъ все думать, какъ бы скорѣй выплатить...

И въ горницѣ была грязь, висѣлъ кислый запахъ. Стояла кадка съ квасомъ, лежалъ хомутъ, лопаты. Опять невольно пришли мнѣ на память чистыя горницы моего родного края, съ перинами и подушками, горой лежащими на крашеной кровати, покрытой пестро-яркимъ штучнымъ одѣяломъ, картинки на стѣнахъ, цвѣты на окнахъ... Когда-то будутъ жить эти хуторяне хоть чуть похоже на жизнь тѣхъ землеробовъ? и будутъ ли?

Какъ ни была рада новому мѣсту наша собесѣдница, но пришлось признать, что постороннимъ заработкомъ и только имъ держалось упованіе — какъ-нибудь расплатиться съ „банкой“, „воскреснуть“. Дальше этого момента она не заглядывала, словно боялась. Несомнѣнно было, что, когда настанетъ моментъ этого „воскресенія“, т. е. когда заплатить банку послѣдній рубль, на хуторѣ будетъ сидѣть уже не 15, а 25 душъ и передъ ними встанетъ тотъ же вопросъ: въ какой сторонѣ искать заработка?..

Было пріятно все-таки видѣть эти робкія, но радостныя надежды, эту павивную гордость медалью, дѣтское ликованіе при упоминаніи о двухъ коровкахъ. И меркли передъ этой радостью досадныя терніи новаго житія: пужда въ водопоѣ и стѣсненіе въ пастбищѣ. Гоняли поить въ „барскій“ прудъ. Нынѣшній владѣлецъ относится къ этому довольно снисходительно, а прежній запрещалъ.

— Иной разъ и этотъ хочетъ сердцемъ, ну мы къ нему съ поклономъ—онъ и отойдетъ... куда же дѣнешься-то! А другой былъ, передъ нимъ,—бѣда! Ружьемъ грозился!..

Гоняли и на деревню поить. Пытались и пасти тамъ, на выгонѣ, но общинники прогоняли.

Вадыхала баба. Не хотѣлось ей, повидимому, огорчать господъ этими невеселыми подробностями, желалось показать, что лучше—любить больше свѣтлые колера господа, — но... къ слову пришлось, нельзя умолчать...

Зашли въ другую избу—побѣдище. Здѣсь было совсѣмъ черно, тѣсно, голо. Низкіе потолки густо были закрашены копотью. Бесѣдовали и тутъ съ бабой—мужиковъ не было дома. Хозяинъ по ремеслу копачъ. По словамъ сопровождавшаго насъ Е. К. Соломина, имѣетъ слабость къ вину.

— Что же это у васъ потолки-то?

— Да труба плохая. Поправить нечѣмъ. Я зимой завалила ее, да по черному и топила.

— А мужъ гдѣ?—спросилъ Е. К. Соломинъ.

— Работы пошелъ искать.

— Не похмеляться ли?

— Нѣ-ѣтъ! Гдѣ ужъ... не на что и выпить-то было. Да онъ и не пьетъ, — не очень увѣренно прибавила старуха. — Когда и выпьетъ—съ устатку... Нагрѣетъ горбъ добре—и выпьетъ. А сейчасъ пошелъ работы искать: добре *только* безъ работы-то...

Меня поразило это „только“—въ такомъ словесномъ сочетаніи.

Привыкъ я его встрѣчать въ изящныхъ поэтическихъ вещахъ вмѣстѣ съ „робкимъ дыханьемъ, трелями соловья“... А тутъ—такая унылая проза...

— Ну что же, лучше или хуже живется, чѣмъ раньше?

Старуха грустно поглядѣла въ крошечное зеленое окошко, вздохнула.

— Хорошаго пока не видали. Оттедова-то пришли прямо на голую вочку. И вотъ все не воскреснемъ никакъ. Тутъ долги, тутъ хлѣбушка не хватило—покупали...

— Неурожай, что-ль, былъ?

— Нѣтъ, 90 пудовъ намолотили. Да продали — банкъ заплатили.

— А скотинка есть?

— Двѣ овечки.

— На чемъ же работаете?

— Да наймаемъ. Кругъ одинъ сдаемъ... Стоить 20, отдашь за 15, — чего жъ подѣлаешь, изъ дыханія выбились. Вотъ и наймешь спазать, заборонить. Старикъ — вся надежда на него. Работаетъ, копаетъ канавы ходитъ...

Посмотрѣли мы кругомъ — нѣтъ, не похоже тутъ на скорое и прочное „воскресенье“... Въ старенькомъ, прорванномъ подъ мышками полусубкѣ стояла на крыльцѣ маленькая женщина, молодая. Мы приняли ее за дѣвушку-подростка. Оказалось: сноха, жена старухина сына, ушедшаго на заработки. „Лядащенская“, непрочная, жалкая, какъ и все это хуторское благополучіе, около котораго ей суждено плодиться, множиться и наполнять землю хилымъ потомствомъ...

Дальше! Къ „татаринскимъ“ хуторянамъ—у тѣхъ, говорятъ, лучше, веселѣй, больше благоустройства и достатка.

Опять—серебристая зыбь прекрасныхъ ржаныхъ полей, звонкая трель жаворонковъ. Направо, въ голубой дымкѣ, городъ Болховъ съ своими церквями. Налѣво—зеленая низина Оки.

Надъ живописной, заросшей кленами и ясенями, балкой—два хутора. Они—точно—имѣютъ видъ очень благообразный, крѣпкій, сытый. Все такъ хорошо воздѣлано: огороды съ лукомъ, люцерна, клеверъ, веселая щетина ярового. Повидимому, та же „трехклинка“, т. е. трехполье, но съ посѣвомъ травъ.

Вышелъ на встрѣчу мужичокъ въ армякѣ—тоже „крѣпкаго“ вида, такой степенный, почтительный, неторопливый въ словахъ и движеніяхъ. Видимо, понимающій, какъ надо говорить съ господами.

Но въ избѣ и у него все-таки грязно. И тѣсно, и душно.

— Ружьецо для чего же? охотничаете?

— Нѣтъ, это раньше раззорили насъ тутъ деревенскіе — для оборонной руки это...

— А теперь какъ?

— Теперь ничего. Начальство наѣзжало, стражники были. Сейчас утихомирились.

Въ сторонѣ стояла другая, не достроенная еще изба.—Это для зимней работы—пояснилъ мужичокъ. Но похоже было, что приготовлена на случай семейнаго раздѣла.

— Что-жь, лучше здѣсь, чѣмъ въ общинѣ?

— Плохого не оказывается,—сказалъ онъ неторопливо, спокойно, съ вѣсомъ.—Мы довольны, а дальше—какъ Богъ пошлетъ. Пятьдесятъ лѣтъ прожилъ въ деревнѣ, теперь поживу на-отшибѣ,—прибавилъ онъ съ выраженіемъ тихаго, серьезнаго раздумья.

— Ничего. Скотинкой вотъ исправился. Пара лошадей—вонъ онѣ ходятъ,—а на деревнѣ одна была. Двѣ коровки... На деревнѣ жилъ—тоже одна была.

Онъ остановился на минутку, окинулъ взглядомъ свои поля. Вздохнулъ.

— Трудно было на деревнѣ... Я ужъ собирался летѣть. Въ Сибирь, на вольныя земли. Ну, тутъ оказалась продажная земля—объявили: на номера выходить—желающіе! У меня мужского народу оказалось и хозяйство было—приняли. А у кого мужского народу мало было или хозяйства не было — не примали. Вотъ и остался...

— Ну, а если придется дѣлиться?—думали объ этомъ?

Онъ не сразу отвѣтилъ:

— А можетъ, Богъ дастъ, еще какія-нибудь права выйдутъ...

Ясно было, что мужицкій умъ его не считалъ окончательно рѣшеннымъ вопросъ о землѣ при посредствѣ этого выхода „на номера“. Въ душѣ не угасала надежда на какое-то иное рѣшеніе, иныя права, на новое и, можетъ быть, не столь отдаленное измѣненіе земельныхъ отношеній. А сейчасъ надо хватать то, что сподручнѣе: Сибирь—такъ Сибирь, номера—такъ номера... Потому что другого близкаго выхода пока не видать.

— Я на деревнѣ 50 лѣтъ прожилъ, пущай и сыновья проживутъ такъ. Наше мужицкое дѣло—работай, пока ноги таскаютъ...

— Сыновья гдѣ же работаютъ?—на шахтахъ?

— Нѣ-ѣтъ. Плотницкую часть. По шахтамъ ходить—это я не позволяю. Мои ровесники, которые работали на шахтахъ, ихъ ужъ и на свѣтѣ нѣтъ...

Хуторъ рядомъ принадлежалъ тихому, низкорослому старичку съ длинной бородой—какъ разъ бывавшему на шахтахъ. И одинъ изъ двухъ сыновей его сейчасъ ушелъ на заработки въ каменно-угольный районъ. Другой—бывшій солдатъ, недавно окончившій службу—остался дома. На этомъ хуторѣ возникъ и практически рѣшался теперь какъ разъ тотъ вопросъ, который мы задавали первому хуторянину—о дѣлѣжѣ.

— Бабы не ладятъ, приходится дѣлить,—говорилъ старичокъ:—а банка не разрѣшаетъ дѣлиться,—кто, молъ платить будетъ? Мы

ужь сами тутъ разрубили пополамъ—это твоя, это—его... А я на деревнѣ усадьбу оставилъ за собой...

Поговорили о бабахъ. Трудно стало съ ними. И было не легко, а нынѣ стало еще труднѣй. Теперь вотъ приданое стало брать—рублей 30, 50, а гдѣ и 100,—и то не удержишь.]

— Пока дѣтей нѣтъ—она, такого форсу откидываетъ, годъ или два! А ребятъ народить—станетъ жить ничего...

Старичку тоже не хотѣлось заглядывать за грань того темнаго будущаго, когда сыновьямъ его придется дробить свои участки между его внуками. Пусть живутъ, какъ могутъ! Конечно, не кругло будетъ... И сейчасъ—не медь. Лучше, чѣмъ въ деревнѣ, а безъ шахты ничего не сдѣлаешь. Вотъ сноха бьется съ ребятишками тутъ, на участкѣ, а сынъ, можетъ быть, лежитъ сейчасъ на боку гдѣ-нибудь въ забой—безъ рубахи—крошитъ уголекъ,—вся надежда на него, на его заработокъ...

Старикъ лежитъ локтями на огорожѣ, глядитъ въ земь. Не договариваетъ всего. Какіе-то неизвѣстные господа передъ нимъ,—безопаснѣе—языкъ за зубами поддержать. Но чувствуется, что, если, бы ему сказать все, по совѣсти,—онъ бы, можетъ быть, предложилъ иное рѣшеніе земельного вопроса...

Намъ пришлось еще разъ въ этотъ день столкнуться съ тѣмъ же вопросомъ о раздѣлѣ хуторскаго хозяйства. На обратномъ пути мы зашли взглянуть на маленькій, построенный изъ пластинъ, домикъ-мазанку, стоявшій у дороги. Хозяинъ — молодой мужичокъ въ пиджакѣ, съ отпечаткомъ бывалости въ манерахъ и разговорѣ (работалъ онъ въ южныхъ губерніяхъ по плотницкой части)—сообщилъ намъ, что намѣренъ отдѣлиться отъ родительской семьи. Четыре брата, всѣ работали, но не всѣ одинаково подавали въ семью, и на этой почвѣ возникали раздоры. Начали хлопоты о томъ, чтобы выдѣлить изъ общаго участка четвертую часть отходящему,—банкъ отказалъ. Разрѣшаетъ только раздѣлить участокъ пополамъ. Но никто изъ остающихся братьевъ не соглашается идти въ одну часть съ отходящимъ. Вотъ и стоитъ теперь передъ задачей, рѣшить которую съ соблюденіемъ формальной законности нѣтъ возможности. Мира и ладу отъ этого не прибавляется...

Это—теперь, въ медовый мѣсяцъ молодой земельной эры. А что будетъ потомъ? Татаринскіе хуторяне поступаютъ премудро, не заглядывая за темную грань будущаго...

Съ общинниками поговорить не пришлось. Какъ разъ все общинное Кривцово было занято въ этотъ день передѣломъ овраговъ, которые раньше были подъ общимъ выгономъ, а теперь, съ выдѣломъ отрубниковъ, должны были поступить подъ пашню оставшимся въ общинѣ.

Во всей улицѣ попался намъ одинъ мужичка — ветхій старичокъ Морозикъ. Въ овчинной шапкѣ, въ армякѣ, сидѣлъ онъ на бревнышкахъ, дремалъ. Вздумали было опросить его, но онъ, не

слушая нашихъ вопросовъ, сталъ жаловаться на свою хворость: возомъ его переѣхало прошлымъ лѣтомъ и теперь ребра срослись неправильно.

— Вотъ извольте глянуть...

Онъ сдернулъ армякъ, обернулся къ намъ задомъ, завернулъ рубаху—и мы увидѣли искривленный позвоночникъ и вдавленные худые бока.

— А много ли годковъ-то, дѣдушка!

— Да подъ восемьдесятъ.

— Ну, не долго осталось!

— Да кабы она пришла, смерть-то! А то забудеть... А кому я—такой калѣка—нужень?..

— Въ порядочныхъ тысячахъ мужичокъ,—сказалъ намъ Е. К.

...Отпустила насъ гостепріимная хозяйка лишь послѣ обѣда.

Проходя назадъ Дубовскимъ поселкомъ, заглянули мы въ одну полуземлянку. Съ трудомъ разыскали дверь. По нищетѣ и убогости эта изба превосходила все, что мы видѣли. Изможденная старая женщина съ ребенкомъ на рукахъ стояла у низенькаго, некрашеннаго стола. Около нея бѣлоголовый мальчикъ съ перепачканнымъ личикомъ испуганно глядѣлъ на насъ сѣрыми, круглыми глазками. На лавкѣ полулежала дѣвочка лѣтъ 14-ти съ спутанными русыми волосами, съ худымъ желтымъ лицомъ.

— Больная?

— Легкія болять. Жила у купца въ прислугахъ, захворала. Съ самой зимы вотъ не встаетъ.

Старухѣ было 34 года. Мужъ нанялся въ пастухи—за 70 руб. до снѣга. Своей скотинки никакой нѣтъ. Землю отдаютъ въ аренду, а двѣ десятины наняли спяхать и засѣять.

Нищета кричала, вопіяла изъ всѣхъ угловъ. Нищета и безвыходность. Несомнѣнно было, что эти собственники обречены, что, можетъ быть, завтра хуторъ этотъ станетъ добычей „крѣпкаго“ мужичка, а эта больная дѣвочка и мелкая дѣтвора будутъ выкинуты на проселокъ...

Мы вышли. Въ концѣ проулка, отъ крайняго къ рошѣ двора, горластая приземистая баба, прихрамывая, наступая правой ногой на пятку, гнала корову и пронзительно кричала на голосившую маленькую дѣвчурку въ армячкѣ и съ краюхой хлѣба въ рукѣ:

— Я изъ тебя волосы повыдергаю! Чертъ васъ не видалъ! Повиселились на хутора, а стеречь—нѣтъ васъ!..

На ступенькахъ крылечка сосѣдней избы сидѣла дѣвочка въ красномъ сарафаникѣ и бѣлой вышитой рубашкѣ. На калѣняхъ у нея лежала книга—хрестоматія „Живое Слово“. Эта чернобровая дѣвочка съ тонкими, изящными чертами смуглаго личика, съ книжкой въ рукахъ, была такимъ свѣтлымъ пятнышкомъ на уныломъ фонѣ поселка.

— Вы гчитесь?

— Да. Въ двухклассномъ, въ Кривцовѣ.

— Далеко ходить-то!

— Я на квартирѣ тамъ. Марья Александровна за меня платитъ. Четыре рубля въ мѣсяцъ.

Хорошо, что есть добрая душа. Но школьный вопросъ едва-ли для всѣхъ хуторянъ рѣшается такъ счастливо. Мальчикъ Кутеповъ вотъ бѣгаетъ... „прибѣжить иной разъ мокренькій, какъ мышеночекъ“... Конечно, въ глазахъ самого Кутепова школа пока учрежденіе не первой необходимости: благоприятная погода—можно послать мальчугана, неблагоприятная—пусть посидитъ дома. Но въ перспективѣ будущаго расцвѣта хуторского хозяйства школа должна вѣдь занимать первое мѣсто... Какъ же будутъ съ ней обитатели Дубовского?

— Ну, гдѣ же лучше—здѣсь или на селѣ?

— Здѣсь веселѣй,—сказала дѣвочка.

— Неужели? Что-жь тутъ веселаго?

— А все вотъ на глазахъ, вся земля. А тамъ насъ обижали—мы смиренные: на огородъ заберутся, травить, раззоряють. Тутъ не трогаютъ. Только страшно...

— Чего же страшно?

— Ходятъ тутъ. Какъ бы не запалили. Мы мало и спимъ по ночамъ. У насъ амбаръ спалили...

— Кто же спалилъ?

— Дядя нашъ родной. Вотъ это вотъ—его домъ.

Дѣвочка указала на кирпичный домъ съ соломенной крышей и заколоченными окнами. По ея разсказу, не очень понятному, выходило такъ, что дядя—пьяный—поссорился съ сосѣдомъ, а амбаръ зажегъ ихъ, чтобы сжечь этимъ путемъ и сосѣда. За поджогъ онъ сидитъ теперь въ тюрьмѣ—приговоренъ на три года.

— А теперь-то кого же вы боитесь?

— Да такъ...—Дѣвочка глядѣла мимо насъ своими прекрасными черными глазами.—Мы смиренные... всѣхъ боимся...

Было уже около пяти вечера, когда мы вернулись на хуторъ Кутепова. Самого хозяина не было дома. Хозяйка опять засуетилась было съ питерскимъ самоваромъ, но мы отказались отъ чаепитія. Побесѣдовали нѣсколько минутъ съ питерской гостьей о Петербургѣ, смели таракановъ съ своихъ вещей и пошли къ лодкѣ, сопровождаемые взрослымъ и малымъ населеніемъ хутора.

Уже когда сажались въ лодку, прибѣжала, запыхавшись, та самая крикливая хромая баба, которую мы видѣли въ поселкѣ.

— Господа хорошіе! дѣточки! что же вы мнѣ-то ничего не дали?—говорила она, съ трудомъ переводя дыханіе.—Дарыкъ дали, а мнѣ хочъ бы на хлѣбушко... Ежели у ней градъ побилъ, такъ и у насъ побилъ хлѣбецъ-отъ!..

— Опохмелитесь-то ей годилось бы!—улыбался, вполголоса сказала намъ хозяйка.

Мы поблагодарили за гостепріимство и отплыли. Зеленый лознякъ скоро скрылъ отъ насъ новую, хуторскую Русь съ ея нынѣшней спорной „отрадой“ и смутнымъ грядущимъ благоденствіемъ..

Ә. Крюковъ.

Возвращеніе.

— На дальнемъ сѣверѣ я проводилъ весну.
 Былъ нѣженъ жемчугъ зорь надъ чуткимъ, соннымъ
 штилемъ
 И жидкій перламутръ дрожалъ подъ краснымъ килемъ
 И мягко лоснился... И видѣлъ я луну
 Огнемъ сквозящую. И солнце не живое
 Кровавымъ призракомъ стояло надъ водою —
 И полночь видѣла багровый ликъ зари.

— Не умолкай, пришелецъ. Говори!

— И ночи южныя я полюбилъ душой.
 На бакѣ до утра журчали мандолины,
 И фосфористый слѣдъ, курчавясь пѣной длинной,
 Дымясь, какъ Млечный Путь, свѣтился за кормой,
 И въ теплой тьмѣ небесъ лучились, какъ лампы,
 Созвѣздій трепетныхъ загадочные взгляды,
 Прозрачно—близкіе, какъ рейда фонари...

— Не умолкай, пришелецъ. Говори!

— И тихимъ вечеромъ пришла ко мнѣ печаль,
 Какъ звѣзды, нѣжная и кроткая, какъ зори.
 Лиловымъ отблескомъ она коснулась моря
 И тусклымъ золотомъ позолотила даль.
 Я вспомнилъ родину: подъ низкимъ небомъ—дюны,
 Прибрежье хмурое... Маякъ... кругомъ буруны.
 Селенье вспомнилось... родные рыбаки...

— Не умолкай, пришелецъ. Говори!

— И вечеръ вспомнился: жужжить веретено.
Въ избушкѣ—сумерки, И лишь на днѣ камина
Глядятъ сквозь пыль золы два алые рубина,
А вѣтеръ съвера стучить крыломъ въ окно.
И мать мнѣ вспомнилась—и больно-больно стало...
Далекій голосъ звалъ тоскливо и устало —
И... я пришелъ на зовъ. Я—сынъ твой. Посмотри!

— О, сынъ мой, сынъ... Молчи, не говори!..

Зинаида Тулубъ.

Борьба съ женскимъ трудомъ въ рабочемъ движеніи.

I.

Не такъ давно во французской печати возбудилъ много толковъ слѣдующій случай. Одна ліонская наборщица, работавшая въ типографіи уже семнадцать лѣтъ и получавшая одинаковую плату съ наборщиками, согласно синдикальному тарифу, просила мѣстный типографскій рабочій союзъ принять ее въ число членовъ синдиката. Союзъ не только отказалъ ей въ ея просьбѣ, но потребовалъ отъ ея мужа, тоже наборщика и стараго члена синдиката, чтобы онъ, согласно уставу, воспрепятствовалъ своей женѣ заниматься типографскимъ трудомъ. Мужъ, напротивъ того, заступился за жену, и тогда онъ былъ исключенъ изъ синдиката. Въ защиту наборщицы и ея мужа выступила тогда федерація феминистокъ юго-востока Франціи, которая протестовала противъ поведенія ліонскаго синдиката, исходя какъ изъ формальныхъ основаній, такъ и изъ права женщины на трудъ и независимость. По этому же поводу вынесъ резолюцію конгрессъ учительницъ-феминистокъ, состоявшійся въ августѣ мѣсяцѣ 1913 года. Рабочая газета „Bataille Syndicaliste“ открыла анкету среди синдикальных дѣятелей и на столбцахъ ея печатались мнѣнія какъ сторонниковъ, такъ и противниковъ женскаго труда въ мастерской.

Вотъ эпизодъ рабочаго движенія, отнюдь не блестящій драматизмомъ, но отражающій въ себѣ, какъ въ каплѣ воды, многообразіе и причудливость сплетенія нѣкоторыхъ соціальныхъ антагонизмовъ современности.

Грозный призракъ трудно организуемаго и низко оплачиваемаго женскаго труда неотвязчиво преслѣдуетъ рабочаго, постоянно рисуя передъ нимъ опасность растущей конкуренціи работницъ, упадка заработной платы, учащенія безработицы и потери завоеваній, достигнутыхъ въ результатъ тяжкихъ жертвъ и трудной борьбы съ предпринимателями. Какъ избавиться отъ призрака, какъ бороться съ опасностью? Рабочему мерещится, что наиболѣе

простое и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе радикальное средство заключается въ ostracismъ работницъ, въ изгнаніи женщинъ изъ фабрики, изъ мастерской, изъ завода.

Случай въ Лионѣ показываетъ, какимъ образомъ классовая борьба рабочихъ съ предпринимателями переплетается въ современномъ обществѣ съ нѣкоторымъ внутриклассовымъ антагонизмомъ, а именно съ антагонизмомъ пола.

Этотъ случай, съ другой стороны, показываетъ, что въ подобныхъ конфликтахъ пола работница, отвергаемая и даже преслѣдуемая рабочими-мужчинами, товарищами по классу, можетъ находить сочувствіе и поддержку въ другихъ женщинахъ, товарищахъ по полу, хотя бы и принадлежащихъ къ другимъ классамъ общества, какъ, напримѣръ, въ феминисткахъ не-пролетарскаго класса.

Когда въ 1884 году, при обсужденіи въ англійскомъ парламентѣ билля о распространеніи избирательныхъ правъ на новые классы населенія, была предложена поправка о предоставленіи такихъ же правъ и женщинамъ, членъ палаты общинъ Брайсъ высказался противъ необходимости поправки въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Избирательныя права были широко распространены на эти классы, въ виду существованія особыхъ основаній, дѣлавшихъ реформу необходимою, — въ виду того, что спеціальныя интересы городскихъ и земледѣльческихъ рабочихъ нуждались въ защитѣ путемъ предоставленія имъ вотума, дабы не оставить ихъ во власти болѣе богатыхъ классовъ. Для женщинъ подобнаго основанія нѣтъ. Женщины — не классъ. Ихъ желанія и нужды не отличаются существенно отъ желаній и нуждъ мужчинъ, ихъ родныхъ. Только въ немногихъ случаяхъ можно о нихъ говорить, что онѣ имѣютъ особые интересы, да и то несправедливости, отъ которыхъ онѣ, безъ сомнѣнія, страдали, постепенно устраниются“¹⁾.

Женщины — не классъ. Это — безусловная истина. Но существуетъ цѣлый рядъ другихъ антагонизмовъ, какъ, напримѣръ антагонизмы расовые, національные, религіозные, политическіе, острота которыхъ можетъ достигать и даже превышать степень остроты антагонизмовъ классовыхъ. И, въ частности, политика современныхъ англійскихъ суффражетокъ показываетъ, какія рѣзкія формы можетъ принимать борьба за завоеваніе правъ подчиненнымъ поломъ.

Брайсъ говорилъ о женщинахъ, независимо отъ принадлежности ея къ тому или другому классу общества. Воинствующій феминизмъ выдвинулъ, напротивъ того, девизъ борьбы пола съ поломъ, но тоже независимо отъ классовыхъ различій. Въ обоихъ случаяхъ и признаніе, и отрицаніе антагонизма пола распространяется одинаково на всѣ классы общества. Но могло казаться, что этого анта-

¹⁾ Hansard's Parliamentary Debates, 1884, vol. CCLXXXIX, 168.

гонизма чуждъ во всякомъ случаѣ классъ пролетаріевъ. Не является ли въ самомъ дѣлѣ пролетаріатъ, въ извѣстныхъ теоріяхъ, классомъ, миссія котораго заключается въ освобожденіи отъ гнета всѣхъ группъ, классовъ и слоевъ общества?

Въ 1843 году Флора Тристанъ, социалистка и поборница „абсолютнаго равенства мужчины и женщины“, обращалась къ пролетаріямъ съ пламеннымъ призывомъ о содѣйствіи эмансипаціи женщины: „То, что произошло для пролетаріевъ, является, слѣдуетъ это признать, хорошимъ предвѣстіемъ для женщинъ, когда пробьетъ ихъ 89-й годъ... Вы, въ свою очередь, пролетаріи, должны освободить послѣднихъ рабынь, которыя остаются еще во французскомъ обществѣ: провозгласите права женщины“¹⁾.

То, что звучитъ какъ пророчество и пожеланіе въ устахъ Флоры Тристанъ, принимается какъ научно доказанный фактъ въ нѣкоторыхъ социаль-демократическихъ теоріяхъ.

Августъ Бебель, не отрицающій антагонизма пола, доказываетъ, что освобожденіе женщины можетъ быть достигнуто только въ результатъ борьбы съ капитализмомъ и что оно совпадаетъ съ побѣдою пролетаріата надъ классомъ предпринимателей²⁾.

„Освободительная борьба пролетарской женщины, говорила Клара Цеткинъ, не можетъ быть, какъ у буржуазной женщины, борьбою противъ мужчины ея класса; напротивъ того, это—борьба вмѣстѣ съ мужчиною ея класса противъ класса капиталистовъ. И потому ей не приходится бороться противъ мужчинъ ея класса для разрушенія преградъ, которыя поставлены ей на пути свободной конкуренціи“. Въ этомъ смыслѣ и была принята резолюція готскимъ партейтагомъ германской социаль-демократической партіи въ 1896 году. Резолюція 4-ой конференціи социалистическихъ женщинъ въ Мангеймѣ гласитъ, между прочимъ, слѣдующее: „Практическія потребности освободительной борьбы пролетаріата вмѣстѣ съ историческою прозорливостью и чувствомъ справедливости дѣлаютъ пролетаріатъ самымъ послѣдовательнымъ борцомъ за полное политическое равноправіе женскаго пола“³⁾.

Въ своей книгѣ о женскомъ вопросѣ Лили Браунъ пишетъ: „Въ сферѣ пролетарскаго труда мужчина можетъ быть разсматриваемъ, какъ врагъ женщинъ, еще въ меньшей степени, чѣмъ въ сферѣ буржуазнаго труда... Конечно, источникомъ движенія работницъ является также экономическая нужда, но она выражается не въ исключеніи женской рабочей силы изъ сферъ труда муж-

¹⁾ Flora Tristan. Union ouvrière, Paris 1843, стр. 49 и 70.

²⁾ A. Bebel. Die Frau und der Sozialismus, 25 Aufl., стр. 293, 435 472.

³⁾ Protokoll des Parteitag der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands zu Cotha, 1896, стр. 163 и 174—175.—Clara Zetkin. Zur Frage des Frauenwahlrechts, Berlin 1907, стр. 11—13 и 54.

чиною, а въ чрезмѣрной эксплуатаціи рабочей силы обоихъ капитализмомъ. Классовый интересъ работницъ связываетъ ихъ не съ другими женщинами, товарищами по полу, а съ работниками, товарищами по труду и страданіямъ“¹⁾.

Если между пролетаріями того и другого пола нѣтъ никакого антагонизма, если, мало того, эмансипація женщины является задачей и дѣломъ пролетаріата, то рабочіе, естественно, не могутъ противодействовать поступательному шествію работницъ въ области индустріальнаго труда,—напротивъ того, они должны всячески помогать имъ въ осуществленіи ихъ права на трудъ, которое есть одно изъ условій и одна изъ цѣлей освобожденія женщины. Но факты показываютъ, что непосредственные групповые и корпоративные интересы дѣйствуютъ часто сильнѣе, чѣмъ чувство справедливости и величія идеала, не говоря уже о долгѣ „исторической миссіи“. Невольница въ прошломъ и неполноправный членъ общества въ настоящемъ, женщина на своемъ трудовомъ пути встрѣчаетъ помѣхи со стороны мужчины не только въ либеральныхъ профессіяхъ, но и въ сферѣ ручного труда.

II.

Въ борьбѣ, которую рабочіе вели противъ женскаго индустріальнаго труда, они прибѣгали и къ стачкамъ противъ найма работницъ, и къ недопущенію ихъ въ союзы, и къ отказу обучать женщинъ ремеслу, и къ требованію законодательныхъ воспрещеній и ограниченій.

Во Франціи противъ женскаго труда выступали многочисленныя категоріи рабочихъ. Такъ, рабочіе-портные не допускали въ свой синдикатъ женщинъ изъ боязни конкуренціи. Въ 1892 году высказались противъ допущенія въ свой синдикатъ женщинъ парижскіе жестяники. Конгрессъ федераціи рабочихъ союзовъ сапожнаго производства въ 1889 году высказался одновременно и за „соціализацію средствъ производства“, и за уничтоженіе фабричнаго труда женщины, которой приходится работать за низкую плату „въ ущербъ заработку мужчины“. Уставъ союза перчаточниковъ заключаетъ въ себѣ требованіе упраздненія женскаго труда въ нѣкоторыхъ отрасляхъ перчаточнаго производства. На 4-мъ (цюрихскомъ) международномъ конгрессѣ союзовъ перчаточниковъ въ 1898 году французскіе делегаты требовали полнаго воспрещенія труда женщинъ въ мастерской. Въ 1902 году рабочіе по фабрикаціи коробокъ для консервовъ въ Дуарненесѣ (Бретани) и въ 1904 году рабочіе по производству обуви въ Анжерѣ объявляли стачки, требуя увольненія работницъ и вообще исключенія женскаго труда. Подобныя же стачки происходили еще раньше по тому же поводу на фабрикахъ

¹⁾ Lily Braun. Die Frauenfrage, Leipzig 1901, стр. 299 и 481—482.

обуви Ліона, Фужера и другихъ городовъ. Въ одинъ изъ парижскихъ синдикатовъ рабочихъ по фабрикаціи обуви не принимались, согласно уставу, женатыя на закройщикахъ обуви, продолжающихъ заниматься своею профессіею. Конгрессы парикмахеровъ въ 1894 и 1895 годахъ (въ Ліонѣ и Бордо) принимали резолюціи, воспрещавшія обучать женщинъ ремеслу. Очень враждебно настроены противъ женскаго труда сырмятники. Въ 1905 году происходила весьма крупная стачка сырмятниковъ въ С.-Дени (около Парижа); одно изъ существенныхъ требованій, которыя предъявляли стачечники, состояло въ томъ, чтобы уволить всѣхъ женщинъ. Въ коллективномъ договорѣ, который недавно, лѣтомъ 1913 года, былъ заключенъ между рабочими и хозяевами кожанаго производства департамента Роны, оговорено, что употребленіе женщины, какъ закройщицы, строго воспрещено во всѣхъ случаяхъ.

Союзъ литографскихъ рабочихъ постановилъ на своемъ 2-мъ конгрессѣ 1894 года допускать женщинъ лишь для отдѣлки бумаги. Впрочемъ, марсельскій делегатъ на этомъ конгрессѣ заявилъ, что литографскіе рабочіе Марселя охотно допускаютъ женщину, какъ *помощницу*, ибо они видятъ въ ней меньшую опасность конкуренціи, чѣмъ въ ученикахъ ¹⁾. Значить, для нѣкоторыхъ литографскихъ рабочихъ женщина представляется лишь меньшимъ зломъ и этимъ объясняется ихъ терпимость по отношенію къ ней.

Даже земледѣльческіе рабочіе въ случаѣ стачекъ предъявляютъ иногда требованіе, чтобы „женщина впредь не употреблялась для мужскихъ работъ“ ²⁾.

Особенно жестокую борьбу противъ женскаго труда вели типографскіе рабочіе, которые страдали отъ понижательнаго дѣйствія конкуренціи женщинъ на заработную плату, быть можетъ, въ большей степени, чѣмъ рабочіе какой-нибудь другой профессіи.

Движеніе противъ женщинъ въ типографскомъ производствѣ началось въ 1862 году, когда, во время переговоровъ между хозяевами и рабочими по поводу новыхъ тарифовъ, одна типографія въ Парижѣ разсчитала вдругъ шесть наборщиковъ, которыхъ она замѣнила женщинами за плату ниже тарифной таксы. Рабочіе забастовали и нѣкоторые изъ нихъ подверглись аресту по обвиненію въ коалиціи. Съ этого момента растетъ притокъ женскихъ рабочихъ силъ въ типографскія заведенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сопротивленіе рабочихъ вторженію женскаго труда. Такъ, одна ліонская типографія была объявлена подъ бойкотомъ за то, что она употребляла наборщицъ. Первый конгрессъ федераціи союзовъ рабочихъ книжнаго дѣла въ 1881 году постановилъ „бороться всѣми законными средствами противъ труда наборщицъ“. Вмѣстѣ

¹⁾ Associations professionnelles ouvrières, t. I, стр. 693.

²⁾ Ministère du Travail. Statistique des grèves pendant l'année 1911, Paris 1913, стр. 505 (стачка въ Эгъ-Мортъ).

съ тѣмъ почти единогласно было принято рѣшеніе о неприятіи женщинъ въ синдикатъ, даже въ случаѣ оплаты ихъ труда по тарифу. Противъ этой послѣдней резолюціи вотировалъ только одинъ делегатъ Руана, — города, гдѣ никогда еще не было въ типографіяхъ женщинъ... Свое отрицательное отношеніе къ женскому труду типографскіе рабочіе выразили въ еще болѣе рѣзкой резолюціи, принятой 2-мъ конгрессомъ федераціи въ 1885 году: „устранять всѣми законными средствами, даже при равной платѣ, женщину изъ мастерской, и въ особенности изъ наборнаго отдѣленія, такъ какъ присутствіе ея представляетъ постоянную опасность пониженія заработной платы въ этихъ мастерскихъ, куда она вступаетъ вовсе не какъ помощница, а какъ конкурентка“.

Въ дальнѣйшей политикѣ типографскихъ рабочихъ въ отношеніи женскаго труда непримиримая вражда смѣняется иногда примирительными тенденціями. Такъ, центральный комитетъ федераціи предложилъ въ 1887 году 4-му конгрессу бороться съ вредными послѣдствіями конкуренціи женскаго труда, организуя работницъ въ особые женскіе синдикаты. Но это предложеніе было отвергнуто какъ 4-мъ, такъ и 5-мъ конгрессомъ 1889 года. Въ 1900 году конгрессъ федераціи принялъ тѣмъ не менѣе пожеланіе, чтобы женщина принималась въ синдикаты подѣ условіемъ „одинаковой платы за одинаковую работу“. Но, чтобы стать закономъ для организаціи, пожеланіе это должно было предварительно подвергнуться референдуму всѣхъ ея членовъ. И что же? Въ результатѣ голосованія оно было отвергнуто большинствомъ трехъ четвертей голосовъ.

Въ официальномъ отчетѣ объ ученичествѣ въ типографской индустріи, который былъ опубликованъ въ 1902 году, упоминается о высказанныхъ рабочими пожеланіяхъ касательно упраздненія женскаго труда въ наборной мастерской ¹⁾.

Въ 1905 году центральный комитетъ федераціи снова попытался склонить конгрессъ къ болѣе мягкой политикѣ по отношенію къ женщинамъ. На конгрессѣ нашлись ораторы, которые доказывали, что въ послѣдствіяхъ женской конкуренціи виноваты сами мужчины, такъ какъ они оттолкнули женщину отъ типографской организаціи, вмѣсто того, чтобы привлечь ее въ синдикатъ. Въ видѣ компромисса была предложена резолюція слѣдующаго рода: сдѣлать попытки къ организаціи женщинъ до ближайшаго конгресса и, въ случаѣ неуспѣха, вернуться къ методу ostracisme. Но конгрессъ остался непреклоненъ. Въ концѣ концовъ восторжествовала непримиримая резолюція о противодѣйствіи всѣми мѣрами допущенію женщины въ наборныя мастерскія, даже и при оплатѣ ея труда по синдикальному тарифу.

¹⁾ Office du Travail. L'apprentissage industriel. Rapport sur l'apprentissage dans l'imprimerie 1899—1901, Paris 1902, стр. XCVI.

Послѣ конгресса 1905 года въ различныхъ городахъ Франціи—въ Лиллѣ, въ Труа, въ Осеррѣ—происходили стачки типографскихъ рабочихъ противъ употребленія наборщицъ и линотипистокъ.

Наконецъ, въ 1910 году центральнымъ комитетомъ федераціи была предложена конгрессу въ Бордо слѣдующая резолюція, которая и была принята незначительнымъ большинствомъ: „Втеченіе переходнаго періода времени, продолжительность котораго будетъ опредѣлена центральнымъ комитетомъ, женщины, нынѣ употребляемыя въ качествѣ наборщицъ или линотипистокъ, безъ различія возраста и семейнаго положенія, могутъ быть принимаемы въ федерацію книжнаго производства на тѣхъ же условіяхъ, что и мужчины. По окончаніи переходнаго періода въ синдикатъ будутъ допускаться только женщины, оплачиваемыя по синдикальному тарифу“.

Впослѣдствіи секретарь федераціи Кейферъ говорилъ, что центральный комитетъ, предложившій эту резолюцію, самъ удивлялся тому, что она была принята конгрессомъ.

Казалось, что принятіе конгрессомъ подобной резолюціи знаменовало собою поворотъ въ анти-феминистской политикѣ организованныхъ типографскихъ рабочихъ Франціи. Но, во-первыхъ, принята была резолюція лишь слабымъ большинствомъ. Во-вторыхъ, возникало сомнѣніе въ томъ, какъ истолковать резолюцію: является ли допущеніе женщинъ въ синдикатъ для мѣстныхъ секцій *правомъ* или *обязанностью*? Вскорѣ оказалось, что центральный комитетъ федераціи совершенно безсиленъ провести въ жизнь рѣшеніе конгресса, понимаемое какъ *обязательное*. Уступая необходимости, онъ постановилъ въ концѣ 1911 года, что секціямъ предоставляется полная свобода, при практическомъ осуществленіи рѣшенія конгресса, дѣйствовать въ соотвѣтствіи съ ихъ пониманіемъ мѣстныхъ интересовъ союза и всей организаціи.

Вотъ почему ліонская секція типографскихъ рабочихъ, которая никогда не переставала бороться съ женскимъ трудомъ и которая гордилась тѣмъ, что втеченіе тридцати лѣтъ она заставила отказаться отъ работы сотню наборщицъ, считала себя въ правѣ оставить въ силѣ свой уставъ, воспрещавшій принятіе въ синдикатъ женщинъ и исключавшій изъ синдиката рабочихъ, женатыхъ на наборщицахъ, занимающихся своею профессією. Вотъ почему, когда произошелъ рассказанный нами случай въ Ліонѣ, центральный комитетъ федераціи не заступился энергично ни за наборщицу, которой синдикатъ отказалъ въ принятіи, ни за мужа ея, исключеннаго изъ синдиката за то, что онъ имѣлъ такую жену.

III.

Въ другихъ странахъ дѣйствовали тѣ же экономическіе и психологическіе мотивы, что и во Франціи. На извѣстной ступени

развитія индустріи, съ одной стороны, и стремленія женщины къ независимому существованію, съ другой стороны, борьба рабочихъ съ конкуренціею женскаго труда составляетъ почти всеобщее явленіе.

Въ *Англіи* старые трэдъ-юніоны долгое время сохраняли враждебное отношеніе къ промышленному труду женщины, унаследованное еще отъ цехового строя. Многочисленныя корпораціи рабочихъ долгое время не мирялись съ проникновеніемъ женщины въ ихъ промыселъ. До сихъ поръ, по словамъ *Вебба*, еще сохранилось среди рабочихъ по производству перламутровыхъ пуговицъ правило, воспрещающее членамъ союза, подъ страхомъ штрафа или исключенія, работать тамъ, гдѣ работаетъ женщина. До сихъ поръ еще среди чесальщиковъ шерсти господствуетъ убѣжденіе, что единственное средство для выхода изъ ихъ тяжелаго положенія заключается въ исключеніи женщинъ изъ ремесла. Какъ бы то ни было, но рабочіе оказались безсильны бороться съ наплывомъ женщинъ въ индустрію. Они должны были примириться съ необходимостью, какъ, напр., это сдѣлали наборщики, которые въ концѣ концовъ отказались отъ запрета труда женщины, какъ женщины. Рѣшеніе найдено было въ примѣненіи одного изъ двухъ принциповъ—принципа одинаковой платы за одинаковый трудъ или же выполненія женщинами особыхъ работъ, не входящихъ въ сферу мужскаго труда.

Въ *Бельгіи* многочисленныя корпораціи рабочихъ исключали женщинъ изъ ремесла. Къ числу ихъ относятся типографскіе рабочіе, которые въ свое время издали манифестъ, торжественно протестовавшій „передъ типографскою Европою“ противъ совращенія женщины на неподобающую ей профессію наборщицы.

Менѣе рѣзко и менѣе часто проявляется борьба рабочихъ съ женскимъ трудомъ въ *Австріи* и *Германіи*. Но было бы ошибочно думать, что въ этихъ странахъ она вовсе не имѣетъ мѣста. Бываютъ случаи, что во время стачекъ или при заключеніи коллективныхъ договоровъ рабочими предъявляются требованія объ ограниченіи женскаго труда или объ употребленіи женщинъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда доказанъ недостатокъ въ мужскихъ рабочихъ силахъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки существуютъ еще трэдъ-юніоны, которые исключаютъ женщинъ и которые воспрещаютъ своимъ членамъ работать вмѣстѣ съ женщинами такъ же строго, какъ съ штрейкбрехерами ¹⁾. Союзъ рабочихъ сигарщиковъ нѣкоторое время послѣ своего основанія не принималъ женщинъ въ число своихъ членовъ. Въ настоящее время, вообще говоря, принятіе женщинъ въ трэдъ-юніоны обуславливается требованіемъ одинаковой оплаты ихъ труда съ трудомъ мужчинъ. Но и при фор-

¹⁾ F. T. Stockton, The closed shop in American trade unions, Baltimore 1911, стр. 79

малыомъ выношеніи этого условія отношеніе къ работницамъ въ tradъ-юніонахъ далеко не всегда отличалось любовью или просто лояльностью.

Въ *Канадѣ* конгрессъ рабочихъ союзовъ, состоявшійся въ 1898 году въ Виннипегѣ, въ своей деклараціи принципиовъ формулировалъ одновременно съ требованіемъ изгнанія китайцевъ также и требованіе упраздненія женскаго труда въ индустріи.

IV.

Разберемся теперь въ мотивахъ противодѣйствія рабочихъ женскому труду въ индустріи.

Корней анти-феминистской политики рабочихъ союзовъ не слѣдуетъ, прежде всего, искать въ большей или меньшей „революціонности“ ихъ. Отрицательное отношеніе къ женскому труду въ федераціи французскихъ рабочихъ печатнаго дѣла одинаково представлено и въ его „реформистскомъ“ большинствѣ, и въ его „революціонномъ“ меньшинствѣ, къ которому принадлежитъ парижская секція. Руководители федераціи, въ лицѣ ея центрального комитета, который „революціонные синдикалисты“ постоянно обвиняли въ чрезмѣрной трезвости и умѣренности, неоднократно выступали инициаторами предложеній, клонившихся къ смягченію суровости воспретительныхъ противъ женщины мѣръ, но большею частью наталкивались на непримиримость массы.

Далѣе, закрытіе женщинамъ доступа въ ремесло практикуется не только квалифицированными, но и мало квалифицированными рабочими. Какъ извѣстно, мѣры ограничительной политики (какъ ограниченіе ученичества, особые условія для поступленія въ союзы и т. п.), принимаемые квалифицированными рабочими для защиты своего труда, имѣютъ цѣлью, главнымъ образомъ, оградить професію отъ наплыва мало обученныхъ рабочихъ, конкуренція которыхъ парализуетъ завоеванія союзовъ въ борьбѣ труда съ капиталомъ, понижаетъ заработную плату, удлиняетъ рабочий день и способствуетъ росту безработицы. Бываетъ также, что эти мѣры направлены на созданіе искусственной монополіи. Легко видѣть, что и остракизмъ, которому подвергаются женщины, есть одно изъ проявленій борьбы съ конкуренціею болѣе дешеваго труда, въ данномъ случаѣ женскаго труда, и вмѣстѣ съ тѣмъ борьбы за монополію, въ данномъ случаѣ за монополію пола въ индустріальномъ трудѣ. Последнее явствуетъ и изъ того, что борьба съ женскимъ трудомъ велась и ведется также въ профессіяхъ, принадлежащихъ къ отраслямъ неквалифицированного труда.

Далѣе, мѣры ограниченія доступа въ промыслы менѣе квалифицированными рабочими путемъ строгихъ правилъ объ ученичествѣ теряютъ свою силу и примѣнимость во многихъ случаяхъ съ развитіемъ машинной техники и дѣленіемъ труда, когда система

производства сводится на рядъ простѣйшихъ операций. Напротивъ того, движеніе противъ женскаго труда въ новѣйшей индустріи— за исключеніемъ нѣкоторыхъ цеховыхъ пережитковъ и традицій— возникало именно чаще всего тогда, когда развитіе машинизма въ томъ или другомъ производствѣ допускало эксплуатацію женскаго труда, до тѣхъ поръ непримѣнимаго. Отсюда видно, что одинъ изъ мотивовъ индустріальнаго антифеминизма заключается во враждѣ къ труду женщины, именно какъ женщины.

Главную опасность конкуренціи женскаго труда рабочіе видятъ въ томъ, что трудъ работницы дешевле мужскаго труда и потому онъ либо вытѣсняетъ послѣдній, либо вліяетъ въ смыслѣ паденія заработной платы мужчины. Но почему женскій трудъ дешевле? И въ какой мѣрѣ дешевизна женскаго труда въ современномъ общественномъ строѣ представляетъ собою временное и преходящее, а не постоянное явленіе?

Дешевизна женскаго труда объясняется двумя главными причинами. Женскій трудъ во многихъ случаяхъ менѣе производителенъ или менѣе удобенъ, чѣмъ трудъ мужчины, и потому онъ представляетъ меньшую цѣнность для хозяевъ. Съ другой стороны, женщина большею частью проявляетъ нынѣ меньшую требовательность, чѣмъ мужчина. Часто обѣ эти причины дѣйствуютъ вмѣстѣ¹⁾.

Въ отношеніи физической силы женщина вообще уступаетъ мужчинѣ, и въ тѣхъ производствахъ, въ которыхъ количество продукта зависитъ отъ силы, производительность женщины слабѣе производительности мужчины. Такъ, въ Ліонѣ въ фабрикаціи шелка, гдѣ практикуется поштучная плата, одинаковая для работниковъ обоего пола, дневной заработокъ женщины ниже мужскаго, сообразно меньшему числу выработанныхъ ею метровъ. Далѣе, есть производства, въ которыхъ женщины обнаруживаютъ не меньшую и даже большую ловкость, чѣмъ мужчины; но существуютъ многочисленные отрасли труда, въ которыхъ женщины не достигли еще такого совершенства, какъ мужчины, или не могли еще выучиться одному какому-нибудь основному процессу. Такъ, въ Англіи женщины не могли выучиться точить рѣзецъ въ промыслѣ гравированія на серебрѣ или установкѣ ткацкаго станка въ мастерской присучальщиковъ и волочильщиковъ. Женскій трудъ обладаетъ потому меньшею эластичностью, чѣмъ трудъ мужской, ибо мужчина можетъ почти всюду въ промыслѣ замѣнять женщину, тогда какъ женщина далеко не всегда можетъ замѣнять мужчину. Далѣе, женщина чаще, чѣмъ мужчина, выполняетъ менѣе квалифицированныя работы. Средній возрастъ работницы ниже средняго возраста ра-

¹⁾ Alice Salomon. Die Ursachen der ungleichen Entlohnung von Männer-und Frauenarbeit, Leipzig 1906, VII Kap. (Schluss), стр. 122-132.— M-elle Schiracher. Le travail des Femmes, Musée Social, Mai 1902, стр. 372.—Webb. Problems of modern industry. London 1898, 52—80.

бочаго-мужчины, и многія женщины остаются въ промыслѣ лишь сравнительно короткое время (до замужества). Наконецъ, требованія соціальнаго законодательства, какъ сокращеніе рабочаго дня для женщинъ, воспрещеніе ночного труда для нихъ и тому подобныя мѣры, дѣлають для предпринимателя, при прочихъ равныхъ условіяхъ, трудъ женщины менѣе удобнымъ, чѣмъ трудъ мужчины, и нѣкоторое пониженіе заработной платы женщины сравнительно съ мужскою является лишь компенсаціею за указанныя неудобства.

Тамъ, гдѣ сравнительная дешевизна женскаго труда зависитъ только отъ меньшей производительности или меньшаго удобства его, не можетъ быть и рѣчи о вредныхъ послѣдствіяхъ конкуренціи женскаго труда и о вытѣсненіи имъ труда мужского, ибо оба рода труда оцѣниваются въ сущности по одному и тому же масштабу. Требованіе въ видѣ корректива „одинаковой платы за одинаковую работу“ здѣсь не имѣетъ значенія по той простой причинѣ, что принципъ этотъ въ данномъ случаѣ и безъ того примѣненъ. При сдѣльной или поштучной платѣ, расцѣнки одинаковы для мужчинъ и для женщинъ и, если при этой системѣ суточный заработокъ ткачихи въ Ліонѣ или Дербинширѣ или работницы въ соляныхъ промыслахъ Англіи все же меньше суточнаго заработка мужчины въ тѣхъ же профессіяхъ, то это лишь естественный результатъ меньшей физической силы или меньшей опытности женщины. При повременной платѣ, женщина получаетъ почасно или посуточно меньше, чѣмъ мужчина, все равно, какъ необученный или менѣе крѣпкій рабочій получаетъ посуточную или почасную плату меньшую, чѣмъ квалифицированный или болѣе крѣпкій рабочій. Жюль Симонъ нѣкогда писалъ, что здѣсь находитъ себѣ примѣненіе „либеральный“ принципъ: „à chacun suivant ses oeuvres“, каждому по результатамъ его труда, и что жаловаться приходится лишь на природу ¹⁾. Но извѣстно, что соціальныя послѣдствія природныхъ различій зависятъ отъ формы общественнаго строя и отъ характера господствующихъ соціальныхъ идей и представленій. Въ той мѣрѣ, въ какой болѣе низкій заработокъ женщины есть послѣдствіе физическихъ особенностей ея организма и ея роли въ современной семьѣ, онъ—отнюдь не непреложный законъ даже въ капиталистическомъ обществѣ. Цѣлесообразное раздѣленіе труда между работниками и работницами,—такое, чтобы на долю cadaго пола выпали наиболѣе свойственныя его силамъ и способностямъ функціи,—и пріобрѣтеніе работницами надлежащей сноровки и опытности въ самомъ процессѣ труда—необходимыя и достаточныя условія для установленія равновѣсія заработковъ пролетаріевъ того и другаго пола. Объ этомъ свидѣтельствуетъ примѣръ ланкаширскихъ бумаготкачихъ.

Конкуренція женскаго труда становится опасною для рабочихъ

¹⁾ Jules Simon. L'Ouvrière. Paris, 1861, стр. 33 и 34.

тогда, когда женский трудъ, не смотря на одинаковую производительность и одинаковое удобство, дешевле мужского вследствие того, что онъ оплачивается по болѣе низкому масштабу, какъ трудъ женскій. При почасной платѣ за совершенно тождественную работу женщина оплачивается тогда по болѣе низкому тарифу. Такъ, въ Парижѣ или Единбургѣ наборщица за наборъ 10.000 буквъ получаетъ лишь двѣ трети или три четверти той платы, которую за наборъ тѣхъ же 10.000 буквъ получаетъ наборщикъ. Въ производствѣ готового мужского платья на дому за одинъ и тотъ же артикулъ платятъ мужчинамъ въ Парижѣ, на примѣръ, 6 франковъ, а женщинамъ только 4 франка; женщины прибегаютъ иногда къ маленькой хитрости: онѣ посылаютъ своихъ мужей брать и относить работу, и тогда ихъ работа оплачивается по болѣе высокому мужскому тарифу. На томъ же основаніи повременная плата женщины ниже мужской, причемъ разница между обѣими платами далеко превосходитъ разницу между производительностью труда работника и работницы. Выгода, извлекаемая предпринимателемъ изъ эксплуатаціи женскаго труда, выражается всею разницею между заработной платою мужчиною и женщины, остающеюся при допущеніи одинаковой производительности и одинакового удобства труда мужчины и женщины.

Понятно, что, при существованіи подобной выгоды, конкуренція дѣйствуетъ въ смыслъ вытѣсненія мужского труда женскимъ или же пониженія оплаты перваго. Дешевизна женскаго труда является иногда даже препятствіемъ для введенія машинъ, какъ напр. въ фабрикаціи бумаги въ Берлинѣ, ибо машины здѣсь не „репентируютъ“. Женскій трудъ можетъ быть въ свою очередь вытѣсненъ употребленіемъ еще болѣе дешевой рабочей силы, напр., трудомъ эмигрантовъ въ Сѣв. Америкѣ.

Что женскій трудъ, *caeteris paribus*, дешевле мужского,—это объясняется также и тѣмъ, что, въ первоначальную фазу развитія индустріальнаго труда женщины, работница обладаетъ меньшимъ духомъ требовательности и меньшею силою сопротивленія капиталистической эксплуатаціи.

Женскій заработокъ весьма часто является лишь подспорьемъ и дополнительнымъ заработкомъ къ другимъ источникамъ существованія. Женщина лишь сравнительно рѣдко должна заботиться о содержаніи семьи. Глава семьи и ея кормилецъ, это—главнымъ образомъ мужчина. Семейная женщина содержится обыкновенно мужемъ или другомъ. Фабричный трудъ молодой дѣвушки — не рѣдко лишь переходная фаза въ ея жизни, до замужества. Американскую дѣвушку толкаетъ на фабрику главнымъ образомъ забота о туалетѣ¹⁾. Женщины, которыя видятъ въ заработкѣ лишь

¹⁾ M-me Jean van Uorst. *L'ouvrière aux Etats-Unis*, Paris 1904, стр. 58, 88, 119, 167, 168.—R. Gonnard, *La femme dans l'industrie*, Paris 1906, стр. 56, 57, 177 и 178

дополнительный ресурсъ, довольствуются сравнительно малымъ, а конкуренція ихъ поражаетъ заработокъ тѣхъ, для которыхъ онъ—единственный источникъ существованія.

Съ другой стороны, на заработокъ женщины губительно дѣйствуетъ убійственная конкуренція между работницами. Число женщинъ, идущихъ на фабрики и заводы, постоянно растетъ. Не всѣ профессіи имъ доступны. Выборъ затрудняется для нихъ ихъ меньшею подвижностью. Огромное предложеніе женскаго труда на рабочемъ рынкѣ при такихъ условіяхъ страшно понижаетъ заработную плату женщины.

Можетъ ли быть рѣчь о торжествѣ принципа „одинаковой платы за одинаковую работу“ до тѣхъ поръ, покамѣстъ оплата женскаго труда регулируется безпорядочною конкуренціею между работницами? Единственное средство для борьбы со зломъ въ современныхъ условіяхъ производства, это—организация. Необходимо объединеніе работницъ въ союзы для завоеванія права на справедливое вознагражденіе и на справедливыя условія труда,—справедливыя даже съ точки зрѣнія признаваемыхъ въ нашемъ общественномъ строѣ критеріумовъ. Что это достижимо, доказывается примѣромъ хотя бы тѣхъ же ланкаширскихъ бумаготкачихъ.

Но успѣшной организациі женщинъ мѣшаютъ весьма серьезныя препятствія. Низкій уровень умственнаго развитія работницъ, ихъ невежество, узость интересовъ, внудряемая воспитаніемъ пассивность, взглядъ на индустріальный трудъ, какъ на временное призваніе,—все это ослабляетъ воспримчивость работницы къ идеѣ ассоціаціи для борьбы за достиженіе лучшихъ условій труда. При низкомъ заработкѣ женщинъ даже незначительный мѣсячный взносъ въ синдикатъ часто оказывается чувствительною жертвою. Крімъ того, фабричная работница—не только работница; по окончаніи ея рабочаго дня она часто дома поглощена еще работою по хозяйству и уходу за дѣтьми. Работницѣ труднѣе посѣщать рабочія собранія и принимать активное участіе въ дѣлахъ синдиката.

Вотъ почему въ большинствѣ промышленныхъ странъ профессиональная организованность женщинъ ничтожна сравнительно съ общими размѣрами синдикальнаго движенія рабочихъ. Она растетъ, но растетъ сравнительно медленно. Въ Германіи, которая въ ряду другихъ странъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ по числу организованныхъ работницъ, одна изъ видныхъ синдикальных дѣятельницъ, г-жа Цитцъ, горько жаловалась на трудности организациі женщинъ. Во Франціи раздавались жалобы—въ союзахъ рабочихъ керамиковъ и наборщиковъ,—что работницы, вступающія въ синдикатъ, не остаются ему вѣрны, не посѣщаютъ его собраній и перестаютъ дѣлать взносы. Работа по организациі женщинъ требуетъ непрерывнаго терпѣнія и долгихъ, кропотливыхъ усилій, не останавливающихся передъ трудностями и неудачами.

Однимъ словомъ, для того, чтобы работа профессиональнаго объединенія и синдикальнаго воспитанія женщинъ могла давать осязательные результаты въ смыслѣ повышения ихъ заработной платы и борьбы со всѣми вредными послѣдствіями конкуренціи между ними, равно какъ конкуренціи женскаго труда съ мужскимъ, необходимо время.

С.

Но если время необходимо для рѣшенія задачи увеличенія сознательности и организованности работницъ до того уровня, при которомъ женскій трудъ оплачивается по тому же масштабу, что и мужской, то антагонизмъ непосредственныхъ интересовъ не прекращается въ переходную эпоху. Покамѣстъ конкуренція болѣе дешеваго женскаго труда продолжается, рабочимъ кажется, что передъ ними лишь одна альтернатива: или приносить жертвы, или бороться съ женскимъ трудомъ.

Непосредственный интересъ дѣйствуетъ часто сильнѣе чувства справедливости или сознанія права женщины на трудъ. Рабочіе думаютъ, что ограничительными мѣрами, недопущеніемъ женщинъ въ синдикатъ, воспрещеніемъ работать тамъ, гдѣ работаютъ женщины, имъ удастся закрыть женщинамъ доступъ въ промыселъ. И они объявляютъ войну индустріальному труду женщинъ, не заботясь о томъ, что станетъ съ работницами, и не замѣчая вовсе, что подобная политика часто ведетъ къ результатамъ, совершенно противоположнымъ намѣченной цѣли. Во многихъ случаяхъ тутъ просто дѣйствуетъ безотчетная ненависть къ „конкуренткѣ“ и „интриганкѣ“.

Здѣсь наблюдается интересная аналогія съ отношеніемъ рабочихъ къ конкуренціи иммигрантовъ. И женскій трудъ, и трудъ иммигрантовъ представляютъ опасность конкуренціи на рабочемъ рынкѣ въ силу ихъ дешевизны. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ дешевизна труда есть послѣдствіе низкаго уровня жизни или потребностей, отсутствія сознательности и организованности. Въ обоихъ случаяхъ дешевизна труда и вредныя послѣдствія ея конкуренціи — лишь преходящая фаза историко-экономическаго процесса. Въ обоихъ случаяхъ необходимо время для того, чтобы сознательное и стихійное дѣйствіе культурныхъ факторовъ привело къ экономической ассимиляціи. Въ обоихъ случаяхъ непосредственный и ближайшій интересъ побуждаетъ рабочихъ бороться съ конкуренціею дешеваго труда путемъ ограничительныхъ и воспретительныхъ мѣръ. Въ обоихъ случаяхъ политикою рабочихъ союзовъ руководить не какой-нибудь широкій идеалъ, а эгоистическій интересъ одной стороны, совершенно игнорирующей интересы другой стороны. Наконецъ, въ обоихъ случаяхъ — какъ и въ

и некоторых других случаях внутренних антагонизмовъ въ средѣ пролетаріата—предприниматели перѣдко выступаютъ въ роли защитниковъ свободы труда и права на трудъ.

Многіе рабочіе союзы въ Англіи, Франціи и Сѣв. Америкѣ, относящіеся болѣе терпимо къ индустріальному труду женщины, допускаютъ его лишь на основѣ принципа „одинаковой платы за одинаковую работу“. То же требованіе было сформулировано въ резолюціяхъ, принятыхъ многочисленными феминистскими конгрессами. На послѣднемъ конгрессѣ англійскихъ тредъ-юніоновъ въ Манчестерѣ (сентябрь 1913 года) было постановлено не допускать коллективныхъ договоровъ съ фирмами, въ которыхъ заработная плата женщинъ ниже заработной платы мужчинъ той же категоріи.

Но строгое примѣненіе этого принципа въ первоначальную фазу развитія индустріальнаго труда женщины, когда работница не укрѣпилась еще прочно въ профессіи и когда надлежащее раздѣленіе труда еще не произвело того подбора промысловъ, при которомъ женщины удѣляются функціи, наиболѣе соответствующія ея силамъ и способностямъ, можетъ вести къ исключенію женщины изъ ремесла, не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ воспріятельная политика. Что прельщаетъ первоначально предпринимателей, какъ не дешевизна женскаго труда? Если этотъ главный мотивъ исчезнетъ, то для нихъ вообще не будетъ побужденія употреблять женщинъ. Меньшая оплата труда женщинъ составляетъ для нихъ, въ началѣ періода втягиванія ихъ въ промыселъ, своего рода привилегію.

Работницы это до такой степени хорошо чувствуютъ, что онѣ часто возстаютъ противъ навязываемаго имъ требованія „одинаковой платы за одинаковый трудъ“. Такъ, работницы въ производствѣ готоваго платья въ Германіи, не смотря на крайне низкую заработную плату, отказываются выставить хозяевамъ требованіе объ увеличеніи платы, утверждая, что иначе ихъ разсчитаютъ. Органъ союза переплетчиковъ въ Германіи констатировалъ, что требованіе одинаковой заработной платы для мужчинъ и женщинъ при современныхъ условіяхъ не осуществимо и что при такомъ лозунгѣ не удалось бы привлечь въ организацію ни одной работницы. Когда парижскіе шеточники предложили женщинамъ, участвующимъ въ ихъ производствѣ, вступить въ синдикатъ и потребовать для себя одинаковой платы съ мужчинами, работницы отказались, говоря, что хозяева предпочтутъ тогда мужчинъ. Подобнымъ же образомъ и въ Англіи, въ лестерскомъ чулочномъ производствѣ женщины не согласились требовать повышенія ихъ платы до уровня мужской; сошлись на компромиссъ, по которому женщины получили право работать на фартингъ съ дюжины дешевле, чѣмъ мужчины, причемъ мужчины

должны были работать на больших станках съ восемью рамками, а женщины на малых съ шестью рамками.

При сохраненіи требованія равной платы для того и другого пола женщины часто видятъ въ стараніяхъ мужчинъ привлечь ихъ въ синдикатъ уловку и интригу съ ихъ стороны съ цѣлью исключить вовсе женщинъ изъ профессіи. Этимъ спасеніемъ объясняется отказъ женщинъ вступить въ синдикаты чесальщиковъ шерсти и придильщиковъ Йоркшира. Надо признать, что политика синдикатовъ часто оправдываетъ подобныя подозрѣнія женщинъ. Сами рабочіе иногда сознаются, что подъ формулою „одинаковая плата за одинаковую работу“ нерѣдко лицемерно скрывается умыселъ объ остракизмѣ женщинъ ¹⁾.

Отвергаемая союзами мужчинъ работницы пытаются организовать собственные женскіе синдикаты. Такъ и цвѣтныя рабочіе Сѣв. Америки, не принимаемыя трэдъ-юнионами бѣлыхъ, образуютъ собственные союзы. Въ Англіи вдохновительницею и организаторшею женскихъ профессиональныхъ союзовъ была мистрисъ Патерсонъ; во Франціи этимъ дѣломъ преимущественно заинтересовались католическія лиги. Интересно, что первоначально образованіе женскихъ синдикатовъ готовы были поощрять и въ Англіи, и во Франціи рабочіе союзы (мужчинъ),— во Франціи, напр., федерация типографскихъ рабочихъ. Но идея женскихъ синдикатовъ, какъ особой организаціи, не мирится съ требованіемъ необходимости сосредоточенія всѣхъ организованныхъ силъ рабочихъ каждой индустріи въ одномъ союзѣ, съ единою волею и единою профессиональною программой, выступающемъ, какъ одна коллективная личность, передъ всѣми предпринимателями и устраняющемъ возможность опасныхъ внутреннихъ треній, соперничества и конфликтовъ. При существованіи параллельныхъ организацій всегда имѣется на-лицо опасность конкуренціи и борьбы. Взаимное ожесточеніе можетъ порождать даже штрейкбрехерство. Въ 1901 году синдикатъ наборщицъ въ Нанси далъ работницамъ для замѣщенія только что забастовавшихъ наборщиковъ; этотъ женскій синдикатъ былъ тогда изгнанъ изъ биржи труда въ Парижѣ.

Только объединеніе рабочихъ и работницъ въ одномъ союзѣ, руководимое искреннимъ желаніемъ содѣйствовать подъему и развитію женскаго труда путемъ синдикальнаго воспитанія, постоянного сплоченія силъ и постепеннаго возвышенія требовательности женщинъ, безъ рѣзкаго выставленія неосуществимыхъ или трудно осуществимыхъ домогательствъ, заключаетъ въ себѣ надлежащее рѣшеніе проблемы. Въ коллективныхъ договорахъ, которые нѣмецкія организаціи (а также французскіе земледѣльческіе синди-

¹⁾ Bataille Syndicaliste, 25 août u 2 septembre 1913, Rosmer, Le Travail industriel des femmes.—Cp. La Voix du Peuple, 21—28 juillet 1907, № 35, Merheim, Dans l'Automobile.

баты) заключаютъ съ предпринимателями, часто устанавливается минимумъ заработной платы женщинъ въ нѣсколько низшемъ размѣрѣ сравнительно съ минимумомъ платы для мужчинъ.

VI.

Дешевизна женскаго труда не есть однако единственная причина враждебнаго къ нему отношенія рабочихъ. Здѣсь дѣйствуетъ также психологія господствующаго пола, видящаго въ конкуренціи работницъ посягательство на свою монополію и признающаго за женщиною лишь право довольствоваться своимъ скромнымъ положеніемъ хозяйки и воспитательницы дѣтей.

Французскіе типографскіе рабочіе неоднократно постановляли бороться съ трудомъ наборщицъ даже и при одинаковой оплатѣ его съ мужскимъ трудомъ. Парижскіе жестяники требовали для женщинъ одинаковой оплаты съ трудомъ мужчинъ, но даже и при исполненіи этого требованія не допускали женщинъ въ свой синдикатъ. Въ 1908 году лильскіе наборщики объявили стачку противъ предпринимателя, нанявшаго лнотипистку на тѣхъ же условіяхъ, что и мужчинъ. Это—факты того же порядка, что протесты врачей и студентовъ медицины противъ допущенія женщинъ въ медицинскія школы, петиція берлинскихъ прикащиковъ въ 1848 году противъ конкуренціи женщинъ въ ихъ профессіи, борьба учителей прусскихъ народныхъ школъ противъ конкуренціи учительницъ и резолюціи конгрессовъ учителей въ Италіи о томъ, чтобы женщинамъ давались мѣста учительницъ лишь въ низшихъ классахъ народныхъ школъ. Сильный полъ защищаетъ свои привилегіи противъ слабаго пола.

Горькую пилюлю остракизма женщинъ рабочіе иногда позачиваютъ аргументаціей заботы о „морали“ и „достоинствѣ“ женщины: фабричный трудъ деградируетъ и унижаетъ женщину, отвлекая ее отъ ея миссіи. Для нихъ настоящее призваніе женщины, это—быть женою и матерью, это домашнее хозяйство и уходъ за дѣтьми. Мысль объ эмансипаціи женщины, о приобрѣтеніи ею независимаго и равноправнаго съ мужчиною существованія такъ же далека отъ рабочаго, міросозерцанія котораго не переработано критическою мыслью, какъ и отъ буржуазнаго филистера. Мужчина, какъ глава семьи, долженъ кормить и содержать женщину,—таково нормальное положеніе вещей для него, все остальное есть отступленіе отъ нормы. Когда послѣ основанія въ одной французской деревнѣ кооперативной мастерской заработная плата женщинъ значительно повысилась, мужчины-рабочіе вознегодовали и въ свою очередь потребовали отъ хозяевъ прибавки, не желая допустить, какъ они выражались, чтобы „ихъ содержали ихъ жены“.

Мишлэ, противникъ индустріальнаго труда женщины, считалъ самое слово „работница“ кощунственнымъ и позорящимъ нашъ вѣкъ прогресса. Идеаль Мишлэ, это — идеаль, за который часто высказывались и высказываются многіе организованные рабочіе и рабочія организаціи; это—идеаль полнаго упраздненія промышленнаго труда женщинъ, въ особенности замужнихъ женщинъ. Съ точки зрѣнія этого идеала, осуществленіе требованія „одинаковой платы за одинаковый трудъ“ есть лишь палліативъ, временная мѣра или даже средство борьбы за достиженіе идеала.

На зйзенахскомъ социаль-демократическомъ конгрессѣ 1869 года было внесено предложеніе о томъ, чтобы требованіе объ упраздненіи женскаго труда на фабрикѣ сдѣлать однимъ изъ пунктовъ партійной программы. Въ 1882 году берлинскіе рабочіе синдикаты обратились въ рейхстагъ съ петиціею, въ которой они между прочимъ просили о воспрещеніи фабричнаго труда замужними женщинами. Это — также идеаль христіанскаго синдикалиста д-ра Гитце. Еще въ 1902 году на штуттгартскомъ конгрессѣ рабочихъ союзовъ Германіи раздавались голоса, что дѣятельное участіе женщинъ въ союзахъ отвлекаетъ ихъ отъ домашнихъ занятій и отъ ухода за дѣтьми.

Представители англійскихъ трэдъ-юніоновъ неоднократно заявляли, что „настоящее мѣсто для женщинъ—ихъ домъ“.

Во Франціи коммиссія рабочаго конгресса 1876 года высказалась противъ фабричнаго труда женщины, какъ противнаго правиламъ гигиены и морали. На гаврскомъ конгрессѣ 1880 года одинъ делегатъ (Кейферъ, потомъ секретарь федераціи типографскихъ рабочихъ) говорилъ, что миссія женщины, это—семейный очагъ, откуда она вовсе не должна выходить. На этомъ же конгрессѣ другой делегатъ совѣтовалъ мужчинамъ научиться штопать носки, если женщины получаютъ право голосовать. Конгрессъ французскихъ рабочихъ синдикатовъ 1888 года (въ Бордо) принялъ резолюцію, гласившую, что „трудъ женщины на фабрикахъ и заводахъ есть чудовищное явленіе, которое порождено капиталистическою эксплуатациею, и должно исчезнуть вмѣстѣ съ нею“, и что этотъ трудъ долженъ быть совершенно упраздненъ для матери семейства, которая „должна посвятить себя исключительно домашнему хозяйству и заботамъ о дѣтяхъ“. Конгрессъ рабочихъ союзовъ 1898 года (въ Реннѣ) провозгласилъ необходимость пропагандировать идею, что „мужчина долженъ кормить женщину“ и что „принципъ одинаковой платы за одинаковую работу“ долженъ находить себѣ примѣненіе во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ женщины вынуждены работать, напр., вдовы. Живучесть идеи о „миссіи“ женщины въ рабочей средѣ видна изъ того, что она часто высказывалась представителями рабочихъ союзовъ въ самое послѣднее время. Это—точка зрѣнія, которая проводилась большинствомъ делегатовъ на конгрессѣ союза синдикатовъ департ. Вост. Пиринеевъ

въ 1911 году. Это—также точка зрѣнія ліонской секціи французской федераціи типографскихъ рабочихъ.

Интересно, что это — точка зрѣнія, раздѣляемая иногда и въ средѣ феминистокъ. На южно-американскомъ феминистскомъ конгрессѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Буэносъ-Айресѣ въ 1910 году, одна делегатка защищала между прочимъ слѣдующіе два тезиса: 1) конкуренція женскаго труда затрудняетъ для мужчинъ возможность женитьбы; 2) поэтому распространеніе женскаго труда вообще нежелательно ¹⁾. Нужно ли удивляться послѣ того, что рядовыя женщины смотрятъ на трудъ, какъ на временную и часто печальную необходимость, и что противники индустріальнаго труда женщины охотно подкрѣпляютъ свою аргументацію ссылкой на ту же „миссію“?

Какъ бы то ни было, судьба женскаго труда обезпечена. Неудержимый ходъ промышленной эволюціи, упорная борьба женщинъ за право на трудъ и могучіе идейные факторы сдѣлаютъ свое дѣло. Но побѣда индустріальнаго труда женщины будетъ достигнута вопреки противодѣйствію—довольно частому — рабочихъ организацій. До извѣстной степени борьба съ женскимъ трудомъ есть не что иное, какъ продолженіе политики закрѣпощенія женщины, угнетенія пола. Эта борьба входитъ лишь, какъ отдѣльный актъ, въ многосложную драму современной дѣйствительности. Переплетаясь съ классовою борьбою, но не сливаясь съ нею, антагонизмъ пола порождаетъ коллизіи внутри пролетаріата не въ меньшей степени, чѣмъ въ другихъ классахъ. И для разрѣшенія проблемъ, выдвигаемыхъ этимъ антагонизмомъ, едва-ли много можетъ помочь принципы классовой борьбы и „интересовъ пролетаріата“.

Ю. Делевскій.

---

¹⁾ Primer Congreso Femenino Internacional de la República Argentina, Buenos Aires 1911, стр. 256.

Полетъ.

Мнѣ въ дѣтствѣ снилось: я летаю,
Кружусь, взвиваюсь въ высоту,
Въ восторгѣ жуткомъ сердцемъ таю,
Какъ снѣгъ весенній, на лету.
Сбылся мой сонъ. И гдѣ? Такъ странно,—
Въ Египтѣ, возлѣ пирамидъ.
Гудить моторъ аэроплана
И вдругъ, какъ птица, онъ летитъ.
Едва съ земли сорвались, тѣло
Какъ будто потеряло вѣсъ,
И мчимся мы легко и смѣло
Все выше, выше въ глубь небесъ.
Толпа чернѣетъ звонкой рябью
На свѣтломъ золотѣ песка.
Я ей оставилъ трусость рабью
И будни жалкаго мірка.
Упругій вихрь летитъ на встрѣчу,
Рветъ волоса, въ ухахъ свиститъ.
Пусть смертью я за мигъ отвѣчу,
Дробясь о камни пирамидъ,—
Сейчасъ я выше власти косной.
И что сказалъ бы ты, Тутму,
Когда бы духъ твой свѣтоносный
Покинулъ душную тюрьму!
Предъ этой царственной забавой
Какъ ты ничтоженъ весь, съ пустой
Кроваво-пурпурною славой
И позлащенной тщетой.
Мнѣ захватило духъ отъ счастья.
Внизу сверкаетъ вѣчный Ниль,
То замыкаюсь, какъ запястье,
То извиваясь средь могиль,
И зданья свѣтлаго Каира
Въ горячемъ солнечномъ лучѣ,
Среди песковъ, игрой сапфира
Блестятъ на затканной парчѣ.
Гуди, моторъ—и выше, выше,
О, чудо-птица, воспарь.
А ты, о, сердце, бейся тишь
И въ безпредѣльности замри.

А. Федоровъ.

Памяти великаго агитатора.

(Къ пятидесятилѣтню смерти Фердинанда Лассалю).

„Dem Kämpfer und dem Denker“ 1).

1.

Какъ-то давно, въ разгарѣ жаркаго и сухого лѣта, мнѣ пришлось взбираться на одну изъ увѣчаныхъ снѣжной короной тирольскихъ вершинъ. Дорога была трудная и крутая. Узкое русло высохшаго потока, служившее естественной тропинкой для подъема на гору, длинными и извилистыми зигзагами взбѣгало вверхъ и безслѣдно терялось въ отдаленіи. День близился къ концу и большое красное солнце начинало медленно склоняться къ горизонту. Оно уходило куда-то внизъ за волнистую линію снѣговаго хребта и озаряло своими прощальными лучами горный ландшафтъ, переливавшійся всѣми цвѣтами радуги. Долины и впадины уже покрылись легкой мглой и на нихъ упали длинныя тѣни окружающихъ вершинъ. Погасла фантастическая игра лучей на зеленыхъ склонахъ горъ и пасущіеся стада, наполняя посвѣжѣвшій воздухъ мелодичнымъ звономъ безчисленныхъ колокольчиковъ, тронулись въ болѣе укромныя мѣста на ночлеги. Во все гуще надвигающейся темноты пропали очертанія пройденной дороги и, когда, оборачиваясь назадъ, я мысленно стремился уловить линію оставшагося позади пути, мой взглядъ безсильно тонулъ въ сѣроватой дымкѣ быстро подымавшагося тумана. И только тамъ и сямъ, купаясь въ послѣднихъ лучахъ заходящаго свѣтила, горѣли яркимъ огнемъ высокіе остроконечные пики, гордо подымавшие голову изъ глубины затѣненныхъ долинъ къ небу. Я миновалъ эти пики еще раннимъ утромъ, въ самомъ началѣ подъема, и вотъ теперь они посылали мнѣ послѣдній привѣтъ въ мою подоблачную высоту...

Эта яркая картина рѣзко запечатлѣлась въ моей памяти и она часто приходитъ мнѣ въ голову, когда я думаю о поступательномъ шествіи современной демократіи. Трудящіеся массы медленнымъ

---

1) Надпись на могильномъ памятникѣ Ф. Лассалю.

Августъ, Отдѣлъ II.

и тяжелым шагом бредут по узкому руслу исторического потока. Въ неустанной каждодневной борьбѣ онѣ отрываютъ у будущаго одну пядь земли за другой, зигзагообразными тропинками онѣ поднимаются все выше и выше, къ самымъ вершинамъ общечеловѣческаго счастья и свободы. Ихъ стремленіе—неудержимо, ихъ движеніе полно стихійно-непреодолимой силы. Пройденные ими пути теряются во мракѣ прошлаго, окутаннаго дымкой историческаго тумана и, когда, оглядываясь назадъ, мы хотимъ окинуть ретроспективнымъ взглядомъ все то, что было сдѣлано и достигнуто до сихъ поръ, намъ невольно бросаются въ глаза лишь исполнскія фигуры великихъ народныхъ вождей, давно отошедшихъ и все еще продолжающихъ незримо жить вмѣстѣ съ нами. Они, эти вожди, точно высокіе острые пики, которые мы миновали раннимъ утромъ, но которые смѣло поднимаютъ свои вершины къ небу и продолжаютъ ослѣпительно горѣть подъ яркими лучами историческаго солнца. Мы смотримъ на эти фигуры, изучаемъ черты ихъ лица, думаемъ о нихъ, быть можетъ, мечтаемъ. И, поступая такъ, мы не только отдаемъ дань естественнаго уваженія тѣмъ, кто своей самоотверженной работой создалъ и подготовилъ наши нынѣшніе успѣхи,—мы безконечно обогащаемъ также и весь нашъ внутренній міръ, наше сознаніе и наши ощущенія. Переворачивать страницы жизни великаго народнаго вождя—это значитъ переворачивать страницы любопытнѣйшаго человѣческаго документа, а вмѣстѣ съ тѣмъ знакомиться съ цѣлой эпохой въ развитіи демократіи, эпохой, нашедшей свое наиболѣе яркое и концентрированное выраженіе въ могучей личности „героя“. Эти встрѣчи съ гигантами прошлаго, съ царственными исполнителями воли и мысли можно почаще рекомендовать всѣмъ „труждающимся и обремененнымъ“, слишкомъ исключительно погруженнымъ въ горести и радости сегоднѣшняго дня. Созерцаніе всего вѣчнаго и великаго вызываетъ въ душѣ каждаго извѣстный сочувственный откликъ, подымаетъ его надъ преходящими злобами текущаго момента, будитъ въ немъ наиболѣе глубокія и благородныя стороны его натуры и даетъ новые импульсы къ дѣятельности и борьбѣ...

Въ пантеонѣ современной демократіи немного найдется фигуръ, которые такъ властно приковывали бы къ себѣ вниманіе и представляли бы источникъ такого длительного интереса для потомковъ, какъ фигура родоначальника германской социаль-демократіи Фердинанда Лассалья.

II.

Когда на разстояніи полувѣкового развитія окидываешь внимательнымъ взглядомъ образъ основателя германской социаль-демократіи,—въ глаза невольно бросается крайняя сложность и противорѣчивость его натуры. Лассаль—не Бебель, который предста-

вмѣля собой лишь одѣтую въ плоть и кровь идею и о которомъ можно по справедливости сказать словами Лермонтова, что онъ

„Зналъ одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть!“

Лассаль—не Марксъ, который съ суровымъ ригоризмомъ отталкивалъ отъ себя всѣ радости и соблазны жизни и, полный священной ненависти къ насилию и угнетенію, въ тиши Британскаго музея неутомимо ковалъ смертельное оружіе противъ первопричины этихъ насилія и угнетенія—современнаго экономическаго строя. Лассаль—человѣкъ иного склада. Пламенный народный трибунъ, гнѣвно бичевавшій пороки правящихъ и господствующихъ, уживался въ немъ рядомъ съ изнѣженнымъ сибаритомъ; строгій мыслитель, обладавшій совершенно безпримѣрными діалектическими способностями, то и дѣло смѣнялся легкомысленнымъ, дѣтски-капризнымъ Донъ-Жуаномъ. Эти столь различные и, казалось бы, другъ друга взаимно исключаютія качества какимъ-то страннымъ, непонятнымъ образомъ скрещивались и переплетались въ его существѣ, создавая въ итогъ крайне пеструю и своеобразную амальгаму, поражающую современниковъ (да и не только ихъ) фатальной глубиной заложенныхъ въ ней противорѣчій. Сегодня Лассаль могъ ярко горѣть, какъ подлинный благородный алмазь, а завтра онъ внезапно превращался въ сѣрый прозаическій булыжникъ.

Но все-таки, если начать пристальнѣе вглядываться въ строеніе духовнаго лица великаго агитатора, то вскорѣ можно замѣтить, что главной, наиболѣе замѣчательной чертой его характера, сокровеннѣйшимъ смысломъ всей его натуры, душой его души были гениальная *воля* и тѣсно связанное съ ней гениальное же, порой почти безумное *держаніе*.

Уже самая наружность Лассалья выдавала эти основные качества его личности. Онъ былъ высокъ и строенъ, отличался большою физической силой, имѣлъ темные волосы и темно-голубые глаза и лицо его было полно такой гордости и такого величія, что каждому, сталкивавшемуся съ нимъ, въ голову невольно приходила мысль о цезарѣ, переодѣвшемся въ обывательское платье. Одинъ нѣмецкій писатель, который видѣлъ Лассалья всего только разъ въ концертномъ залѣ, слѣдующимъ образомъ передаетъ свое впечатлѣніе отъ послѣдняго: „Онъ выглядѣлъ, какъ олицетворенное упорство и на челѣ его лежала печать такой мощи, что не казалось удивительнымъ, еслибы онъ завоевалъ себѣ тронъ“¹⁾.

Этотъ особый отпечатокъ царственности, который бросался въ глаза при первомъ же взглядѣ на фигуру социалистическаго вождя, при болѣе близкомъ знакомствѣ съ нимъ выступалъ еще рельеф-

¹⁾ G. Brandes, Ferdinand Lassale, 1900, Leipzig, стр. 11.

нѣе. Когда въ 1878 году, во время дебатовъ объ исключительномъ законѣ противъ социалистовъ въ рейхстагѣ, кн. Бисмаркъ коснулся своихъ отношеній къ Лассалю, — у него невольно вырвалось любопытное признаніе: „Лассаль — говорилъ желѣзный канцлеръ — обладалъ честолюбіемъ высокаго стиля и для него было еще далеко не ясно, сядетъ ли на тронъ будущей Германской имперіи династія Гогенцоллерновъ или династія Лассалей“.

Самъ Лассаль тоже былъ полонъ мыслями и мечтами о своемъ совершенно исключительномъ историческомъ предназначеніи. Онъ безгранично вѣрилъ въ свою звѣзду, чувствовалъ въ себѣ заложенными исполнскія силы и былъ непоколебимо убѣжденъ, что для него все возможно. Онъ очень любилъ сравнивать себя съ орломъ и полусуть хвалился своей „Freschheit“¹⁾, предъ которой пасуютъ люди и обстоятельства. Будучи 15-ти лѣтнимъ мальчикомъ, онъ заносить въ свой дневникъ слѣдующія замѣчательныя строки:

„Хотя я полонъ сейчасъ революціонно-демократическо-республиканскихъ воззрѣній, но все-таки я чувствую, что на мѣстѣ графа Лаваньи (въ „Фіеско“ Шиллера) я дѣйствовалъ бы такъ же, какъ онъ, и не удовольствовался бы лишь именемъ перваго гражданина Генуи, а протянулъ бы руку къ коронѣ. Отсюда слѣдуетъ, что, по существу дѣла, я эгоистъ. Будь я рожденъ принцемъ или княземъ, я былъ бы душой и тѣломъ аристократъ. Но такъ какъ я — простой купеческій сынъ, то я сдѣлаюсь въ свое время демократомъ“ (19 іюля 1840 г.)²⁾.

Незадолго до своей трагической смерти, — всего за четыре недѣли до роковой дуэли, — Лассаль, охваченный бурнымъ порывомъ страсти къ Еленѣ фонъ-Деннигсъ, лунной ночью мечтаетъ со своей возлюбленной о будущемъ и рисуетъ ей при этомъ волшебную картину. Они еще дождутся дня, когда онъ возложитъ ей на голову побѣдную діадему. Они въѣдутъ въ Берлинъ, какъ повелители, въ каретѣ, запряженной шестеркой кровныхъ лошадей. Кругомъ — враги, какъ песокъ морской. „Но мы на нихъ нуль вниманія... Толпа ликуетъ... Ура, Фердинандъ — народный избранникъ! Ура! Ура! — безъ конца. Это звучитъ гордо, — не правда-ли? Да здравствуетъ республика и ея златокудрая президентша!“³⁾.

О такихъ вещахъ думалъ и такія вещи рѣшался высказывать не какой-либо зеленый юноша, а 39-лѣтній мыслитель и борецъ, прошедшій долгую школу теоретической выучки и практическаго опыта!

Воля и дерзаніе — были наиболѣе естественной и родной стихіей для Лассали. Опасности его не пугали, — онъ только еще больше разжигали его желаніе; трудности не приводили его въ смущеніе,

¹⁾ Значить: дерзость, нахальство.

²⁾ P. Lindau; F. Lassales Tagebuch, 1891, Breslau, стр. 180.

³⁾ Brandes, *ibid.*, стр. 212. См. также Helene von Racowitza—*Meine Beziehungen zu Ferdinand Lassale*, Breslau, 1879, стр. 108—109.

а вызывали лишь неодолимое стремленіе схватиться съ ними грудь съ грудью и побѣдить. Борьба — вотъ та атмосфера, въ которой онъ чувствовалъ себя вольнѣе всего, въ которой освѣжалась его душа и буйной радостью наполнялось все его существо. Рубить направо и налево тяжелымъ мечемъ, ставить волчьи ямы противнику, отражать удары его палицы, гнать его по пятамъ, хитрить, изворачиваться, волноваться, переживать минуты сомнѣній и колебаній, возноситься до высочайшихъ вершинъ торжества и побѣды— это любилъ и въ этомъ находилъ самого себя Лассаль. Оттого онъ лучше всего чувствовалъ себя на скамьѣ подсудимыхъ, гдѣ изъ обвиняемаго онъ всегда превращался въ грознаго обвинителя и съ истинно-геркулесовской силой обрушивался на прокурора и на своихъ политическихъ противниковъ. Эту тактику онъ впервые примѣнилъ 23-лѣтнимъ юношей на своемъ первомъ процессѣ въ 1848 г. и онъ остался ей вѣренъ до самаго конца. Оттого же Лассаль былъ несравненнымъ полемистомъ, умѣвшимъ, какъ никто, уничтожить своего врага.

Вѣра въ себя и страсть къ преодолѣнію препятствій проходили красной нитью черезъ всю жизнь и дѣятельность великаго агитатора. Еще будучи юнымъ студентомъ филологіи, онъ рѣшаетъ написать изслѣдованіе о греческомъ философѣ Гераклитѣ. Весьма вѣроятно, что въ этомъ рѣшеніи Лассалья сказывалось извѣстное сродство характеровъ, которое онъ ощущалъ между собой и знаменитымъ мало-азіатскимъ мудрецомъ, но еще болѣе вѣроятно, что Лассалья привлекала тутъ самая трудность предстоящей работы. Гераклитъ со временъ сѣдой древности носилъ прозваніе „темнаго“,—и все, что отъ него осталось,—были немногочисленные разрозненные отрывки его произведеній, пониманіе которыхъ было дѣломъ далеко нелегкимъ. Для того, чтобы возстановить всю систему философіи Гераклита, необходимо было обладать детальнымъ знаніемъ всей классической литературы и совершенно исключительной остротой мысли. Десятки ученыхъ приступали къ данной задачѣ, но, побившись нѣкоторое время, складывали оружіе. Именно это обстоятельство и разожгло упорство Лассалья. Онъ взялся за работу и... блестяще выполнилъ ее. Она стоила ему, правда, многолѣтнихъ усилій, но за то завѣса, скрывавшая греческаго мудреца отъ взоровъ науки, была сразу сорвана. Лассаль побѣдилъ.

Въ концѣ 50-хъ гг. будущему вождю социаль-демократіи пришлось въ голову написать трагедію „Franz-von-Sickingen“. Богато одаренный отъ природы разнообразными талантами, Лассаль однако по странной ироніи судьбы былъ почти совершенно лишенъ того качества, которое можетъ быть названо стихотворнымъ слухомъ. Литературные друзья совѣтовали ему поэтому не гнаться за стихотворной формой, а обратиться къ прозѣ, большимъ мастеромъ которой онъ себя уже неоднократно показалъ. Но Лассаль былъ иного мнѣнія. Воспитанный на классическихъ образцахъ, онъ про-

сто не въ состояніи былъ мыслить историческую трагедію, лишенную одѣянія изъ пятистопныхъ ямбовъ. Не смотря на всѣ убѣжденія и отговоры окружающихъ, онъ все-таки настоялъ на своемъ и написалъ „Зикингена“ стихами. Правда, стихи оказались совсѣмъ посредственные, да и все произведеніе съ художественной точки зрѣнія не выдерживало сколько-нибудь серьезной критики, но, окончивъ его, Лассаль тѣмъ не менѣе испытывалъ большое удовлетвореніе. Судьба воздвигла на его пути, казалось, совершенно неодолимое препятствіе, но онъ не склонился предъ нимъ и побѣдилъ.

III.

Какъ ни характерны сами по себѣ приведенные примѣры,—все-таки самымъ яркимъ и поразительнымъ образчикомъ лассалевскаго дерзанія было его участіе въ извѣстномъ процессѣ графини фонъ-Гатцфельдъ. Суть этого знаменитаго дѣла заключалась въ слѣдующемъ. Графъ Эдмундъ фонъ-Гатцфельдъ, владѣлецъ состоянія въ 5 милліоновъ талеровъ и одинъ изъ могущественнѣйшихъ прусскихъ магнатовъ 40-хъ гг. прошлаго столѣтія, вознепаивдѣлъ и сталъ безчеловѣчно преслѣдовать свою кузину и жену Софію фонъ-Гатцфельдъ. Что именно привело къ разрыву и враждѣ между супругами, точно неизвѣстно, но за то послѣдствія семейной ссоры получили очень широкую огласку. Графъ лишилъ свою жену всякихъ средствъ къ жизни, заперъ ее въ одномъ изъ своихъ рейнскихъ замковъ, обманнымъ образомъ увезъ отъ нея дѣтей и въ своей слѣпой жестокости дошелъ даже до того, что отказалъ ей въ медицинской помощи, когда она заболѣла. Не довольствуясь этимъ, графъ при помощи напныхъ писакъ еще стремился скомпрометировать ее въ глазахъ общественнаго мнѣнія, распространяя о ней всевозможные позорящіе и клеветнические слухи. Родственники графини, занимавшіе по большей части различные высокіе бюрократическіе посты, пытались нѣсколько разъ уладить острый конфликтъ путемъ компромисса. Одинъ разъ въ роли примирителя между мужемъ и женой выступилъ самъ король. Однако это мало помогло дѣлу. Эдмундъ фонъ-Гатцфельдъ неоднократно давалъ обѣщанія измѣнить свое отношеніе къ супругѣ и вслѣдъ затѣмъ снова его нарушалъ. Оставался лишь одинъ выходъ изъ создавшагося положенія—судебный процессъ, долженствовавшій освободить графиню отъ мужа и обезпечить за ней права на часть фамиліаго имуществва. Однако при огромныхъ связяхъ и вліяніи графа, при его богатствѣ и тѣхъ сословныхъ привиллегіяхъ, которыми онъ обладалъ, какъ представитель прусскаго юнкерства, данный путь рѣшенія запутаннаго спора общалъ слабѣйшей сторонѣ очень мало благоприятнаго.

Какъ разъ около этого времени (въ 1846 г.) Лассаль познакомился съ Софіей фонъ-Гатцфельдъ. Умная и образованная жен-

щина, не смотря на свои 39 лѣтъ и на всѣ удары и превратности судьбы, сумѣвшая сохранить еще весь блескъ своей красоты, произвела на пылкаго юношу очень сильное впечатлѣніе. А тѣ страданія, которыя ей пришлось претерпѣть, окружали ея образъ въ глазахъ Лассалья только большимъ ореоломъ: въ Софіи фонъ-Гатцфельдъ онъ видѣлъ не просто жертву бездушнаго графа-милліонера, но символъ классовой или, по меньшей мѣрѣ, сословной несправедливости, съ которой онъ поклялся бороться еще въ свои полудѣтскіе годы. Трудно сказать, играло ли во всемъ дальнѣйшемъ извѣстную роль чувство любви къ графинѣ со стороны Лассалья,—послѣдній всегда это отрицалъ и нѣтъ особыхъ основаній заподозривать его правдивость, — но, если даже любовь и имѣла нѣкоторое значеніе, то во всякомъ случаѣ только второстепенное. Вмѣстительство будущаго агитатора въ судьбу притѣсняемой женщины было продиктовано ему прежде всего искреннимъ негодованіемъ противъ совершающейся на его глазахъ несправедливости, да еще его страстью къ борьбѣ и къ преодолѣнію препятствій.

Одинъ изъ друзей Лассалья рассказываетъ, что послѣдній вскорѣ послѣ знакомства съ Софіей фонъ-Гатцфельдъ, глубоко тронутый ея страданіями, явился къ графу и вызвалъ того на дуэль. Однако надменный вельможа въ отвѣтъ только расхохотался и довольно невѣжливо показалъ незванному рыцарю на дверь. Еще бы: глава одной изъ стариннѣйшихъ дворянскихъ фамилій и какой-то „dumme Judenjunge“ (такъ называлъ графъ Гатцфельдъ Лассалья), — какъ могли они встрѣтиться, какъ равные, у барьера! Какъ смѣлъ Лассаль даже помыслить объ этомъ!

Однако Лассаль осмѣлился помыслить еще и о кое-чемъ другомъ. Убѣдившись въ невозможности ликвидировать семейный споръ при помощи поединка, онъ со свойственной ему стремительностью рѣшилъ повести атаку на графа судебнымъ порядкомъ. Въ одномъ крайне любопытномъ и характерномъ письмѣ Лассаль сообщаетъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ онъ предпринялъ этотъ рискованный шагъ, слѣдующее:

„Я былъ молодымъ человѣкомъ, 20 лѣтъ отъ роду. Я только что покинулъ университетъ, гдѣ изучалъ философію. О юриспруденціи я не имѣлъ никакого понятія. Но ничто не могло меня остановить! Графинѣ, которая была въ состояніи полной растерянности, я сказалъ: вы знаете очень хорошо, что, начиная процессъ, вы теряете всякую поддержку со стороны вашихъ родственниковъ,—они всѣ обратятся противъ васъ, какъ вамъ это уже неоднократно говорили. Но, съ другой стороны, вы знаете такъ же хорошо, что оттуда, кромѣ сочувственныхъ словъ, вы ничего не получите. Если вы однако твердо рѣшили побѣдить или умереть,—я беру ваше дѣло въ эти молодцы, по сильнымъ рукамъ и я клянусь вамъ бороться за васъ до самой смерти. Графиня вѣрила въ свою

правоту, она вѣрила въ свои и мои силы. Она отъ всего сердца приняла мое предложеніе. И я, молодой, ничтожный еврей, возсталъ противъ могущественнѣйшихъ силъ и препятствій“¹⁾.

Такъ поступить могъ только Лассаль. И онъ свято сдержалъ свою клятву. Съ нечеловѣческой энергіей онъ сталъ засыпать графа десятками процессовъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ — совершенный профанъ въ области права — превратился въ блестящаго юриста, съ которымъ могли поспорить лишь немногіе адвокаты Германіи. На каждый ходъ графа онъ всегда находилъ контръ-ходъ, на каждый ударъ съ вражеской стороны онъ отвѣчалъ двумя ударами съ своей. Съ непостижимымъ искусствомъ онъ умѣлъ разрывать самыя крѣпкія сѣти, которыми его пытался опутать надменный юнкеръ, и съ удивительной находчивостью онъ превращалъ самыя тонкіе стратегическіе расчеты противника въ ихъ собственную противоположность. Не довольствуясь борьбой въ судебныхъ учрежденіяхъ, Лассаль привелъ въ движеніе общественное мнѣніе. Онъ заинтересовалъ судьбой Софіи фонъ-Гатцфельдъ передовую печать и, связавъ ея дѣло съ дѣломъ демократіи. Въ короткое время графъ въ глазахъ широкой публики былъ совершенно уничтоженъ, и это естественно облегчало борьбу съ нимъ на судебной аренѣ. Передъ 1848 г. процессы, которые велъ Лассаль, кончались большей частью благопріятно, но за то съ наступленіемъ эпохи контръ-революціи положеніе сразу измѣнилось: одно поражение слѣдовало за другимъ и конца имъ, казалось, не предвидѣлось. Вдобавокъ самъ Лассаль былъ арестованъ по дѣлу о призывѣ къ вооруженной защитѣ конституціи и провелъ около года въ стѣнахъ тюремной кельи. Это однако не сломило его энергіи. Сидя въ заключеніи, онъ продолжалъ руководить юридической защитой графини. По выходѣ изъ тюрьмы Лассаль съ удвоенной силой обрушился на врага, все тѣснѣе сжимая желѣзное кольцо вокругъ него и все болѣе загоняя его въ безвыходное положеніе...

Только въ 1854 г., послѣ 8-лѣтняго юридическаго поединка въ 36 различныхъ судахъ страны, эта замѣчательная борьба пришла къ своему естественному концу. Надменный вельможа былъ утомленъ, обезсиленъ и смиренно просилъ пощады. Онъ соглашался дать разводъ своей женѣ и уступить ей значительную часть своего состоянія. „Der dumme Iudenjunge“, котораго высокомерный юнкеръ когда-то не удостоивалъ серьезнаго разговора, теперь диктовалъ ему условія мира. И онъ долженъ былъ ихъ принять. Лассаль опять побѣдилъ...

Воля и сила психологически родственныя категоріи. Неудивительно поэтому, что въ Лассаль съ его столь мощно выраженными волевыми импульсами сила, подчасъ даже довольно грубая сила,

¹⁾ Brandes, *ibidem*, стр. 20—21.

вызывала всегда особаго рода восхищеніе, граничившееся нерѣдко съ полнымъ упоеніемъ. Проблема о взаимоотношеніи между силой и правомъ всю жизнь чрезвычайно занимала великаго агитатора, заставляла его неоднократно возвращаться къ ней. Послѣ его извѣстной рѣчи „О сущности конституціи“ (1862 г.) либеральная пресса обвинила Лассалья въ томъ, что онъ силу морально ставитъ выше права. Въ такой формѣ брошенное обвиненіе было совершенно ложно и Лассаль имѣлъ полное основаніе въ своемъ отвѣтномъ письмѣ, появившемся въ видѣ брошюры подъ заголовкомъ «Macht und Recht», проницательно замѣтить:

„Еслибы я создавалъ міръ, то весьма вѣроятно, что въ видѣ исключенія я руководился бы при этомъ желаніями «Volkszeitung» и графа Шверина и постарался бы устроить такъ, чтобы право шло впереди силы. Ибо это вполне соответствуетъ моей этической точкѣ зрѣнія и моимъ желаніямъ. Къ сожалѣнію, однако я не имѣлъ возможности создавать міръ и потому долженъ отклонить отъ себя всякую отвѣтственность — будетъ ли то хвала или порицаніе — за его нынѣшнее устройство“.

Лассаль тутъ совершенно правъ. Въ своей рѣчи онъ не произносилъ моральнаго суда надъ явленіями и фактами дѣйствительности, онъ просто, какъ добросовѣстный ученый, изслѣдовалъ ихъ и дѣлалъ отсюда соответственные логическіе выводы. И не его вина, если въ грѣшномъ подлунномъ мірѣ правовыя нормы опредѣляются наличнымъ соотношеніемъ силъ, если даже самыя благородныя идеи остаются въ немъ безплотными призраками до тѣхъ поръ, пока онѣ лишены возможности бросить въ свою защиту на чашу историческихъ вѣсовъ тяжелый мечъ реального могущества. Повторяю, Лассаль тутъ совершенно правъ и однако, вчитываясь внимательно въ такія вещи его, какъ «Assisenrede» (1849 г.) «Ueber Verfassungswesen», «Was nun?», «Recht und Macht» (всѣ въ 1862 г.), вы какъ-то невольно начинаете ощущать, что автора, быть можетъ, даже не вполне сознательно для него самого, плѣняетъ сила, которая находится сейчасъ въ рукахъ его враговъ, просто потому, что это *сила*, что онъ какъ бы любитъ ее, какъ бы наблюдаетъ за ея эволюціями съ особымъ родомъ враждебнаго восторга. Лассаль больше всего на свѣтѣ любилъ силу, — никому изъ великихъ социалистовъ она не импонировала въ такой мѣрѣ, какъ ему, — и явные слѣды этого настроенія вы нерѣдко находите въ его произведеніяхъ. Такъ, не случайно въ его рѣчахъ и даже научныхъ сочиненіяхъ столь бесконечно часто повторяется слово „железо“, „железный“ и т. д., не случайно Францъ-фонъ-Эпкингенъ въ трагедіи того же имени называетъ железу „богомъ мужа“, „волшебнымъ жезломъ, приводящимъ въ исполненіе всѣ желанія“, „вѣрнѣйшимъ залогомъ человѣческой свободы“. Не случайность также, что любимый историческій герой Лассалья, Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, въ той же самой трагедіи слагаетъ настоящій гимнъ

„мечу“. Въ отвѣтъ на утверждение одного изъ дѣйствующихъ лицъ, что свѣтъ разума и истины распространяется въ міръ самъ собою, Гуттенъ разражается слѣдующей страстной тирадой:

„Erwü'd'ger Herr! Schlecht kennt Ihr die Geschichte.
Ihr habt ganz Recht, es ist Vernunft ihr Inhalt,
Doch ihre Form bleibt ewig—die Gewalt!...

Ein Schwert, geschwungen für die Freiheit, ist
Das fleischgewordene Wort, von dem Ihr predigt,
Der Gott, der in die Wirklichkeit geboren.
Das Christentum, es ward durchs Schwert verbreitet,
Durchs Schwert hat Deutschland jener Karl getauft,
Den wir noch heut den Grossen staunend nennen!
Es ward durchs Schwert das Heidentum gestürzt,
Durchs Schwert befreit des Welterlosers Grab!
Durchs Schwert aus Rom Tarquinius vertrieben,
Und Wissenschaft und Künste uns geboren.
Durchs Schwert schlug David, Simson, Gideon!
So vor-wie seitdem wart durchs Schwert vollendet
Das Herrliche, was die Geschichte sah,
Und alles Grosse, was sich jemals wird vollbringen
Dem Schwert zuletzt verdankt es sein Gelingen!¹⁾

Въ этихъ словахъ восхищеніе Лассалы силой и только силой находить свое поистинѣ классическое выраженіе.

IV.

Геніальная воля—что бываетъ крайне рѣдко—гармонично сочеталась въ Лассалѣ съ необыкновенно сильной и глубокой мыслью. Еще на студенческой скамьѣ будущій великій агитаторъ произвелъ такое впечатлѣніе на знаменитаго Александра Гумбольдта, что тотъ безъ обиняковъ окрестилъ его именемъ Wunderkind'a. Точно также Генрихъ Гейне, съ которымъ Лассаль познакомился въ 1845 г. въ Парижѣ, отзывался о знаніяхъ и талантахъ своего новаго друга въ выраженіяхъ, которые не часто выходили изъ подъ пера поэта-скептика. Эти лестныя характеристики были вполнѣ заслужены, ибо, дѣйствительно, будущій основатель германской социаль-демократіи являлся однимъ изъ крупнѣйшихъ и оригиналь-

¹⁾ Почтенный отецъ! Плохо же знаете вы исторію. Вы правы, ея содержаніемъ является разумъ, но ея формой всегда остается сила!.. Мечъ, поданный во имя свободы, — это облеченное въ плоть и кровь слово, которое вы проповѣдуете, это—Богъ, рожденный въ дѣйствительности. Мечемъ было распространено христіанство, мечемъ крестилъ Германію тотъ Карлъ, котораго мы еще понинѣ зовемъ Великимъ! Мечемъ было низвергнуто язычество, мечемъ освобожденъ гробъ Спасителя! Мечемъ былъ изгнанъ изъ Рима Тарквиній, мечемъ прогнанъ Ксерксъ изъ Эллады, мечемъ были рождены наука и искусства. Мечемъ одержали побѣду Давидъ, Самсонъ, Геденъ! Мечемъ было совершено все прекрасное, что знаетъ исторія, и мечемъ же будетъ въ послѣднемъ счетѣ осуществляться въ мірѣ все великое во вѣки вѣковъ! („Franz-von-Siekingen“—„Reden und Schriften“ von Ferd. Lassale, 1892—93, III т., стр. 486—7)

нѣйшихъ *умовъ*, какіе когда-либо знало мировое социалистическое движеніе.

Я уже упоминалъ выше о работѣ Лассалья, посвященной Гераклиту,—она считается первокласснымъ научнымъ изслѣдованіемъ, высоко цѣннымъ философскими авторитетами. Г. Брандесъ рассказываетъ, что на его вопросъ, понималъ ли Лассаль мало-азиатскаго „темнаго“ мудреца, — берлинскій профессоръ Штейнталь, одинъ изъ крупнѣйшихъ специалистовъ въ данной области, отвѣтилъ: „О, да, онъ его, конечно, понималъ. Средній филологъ Гераклита не понялъ бы, просто не въ состояніи былъ бы понять, но Лассаль его понималъ, и книга Лассалья о Гераклитѣ — превосходное произведение“ ¹⁾.

Въ еще большей степени сила лассалевскаго ума обнаруживается въ его главномъ научномъ трудѣ „Система приобрѣтенныхъ правъ“, появившемся въ 1861 г. Въ немъ авторъ ставитъ себѣ задачей опредѣлить границы дѣйствія перешедшихъ по наслѣдству отъ прежнихъ эпохъ юридическихъ нормъ и институтовъ и формулировать тѣ условія, при которыхъ новый законъ можетъ получать обратную силу. Въ своихъ послѣднихъ логическихъ выводахъ работа Лассалья являлась, въ сущности, обоснованіемъ права народовъ на революцію и на ломку устарѣлыхъ юридическихъ формъ. Я не могу здѣсь даже кратко коснуться самаго содержанія названнаго изслѣдованія—это завело бы меня слишкомъ далеко,—замѣчу только, что крупные авторитеты считают произведеніе Лассалья „дѣлающимъ эпоху“ въ юридической наукѣ и во многихъ отношеніяхъ весьма замѣчательнымъ. Если мы въ настоящее время и не можемъ согласиться со всѣми частностями книги (это особенно относится къ анализу римскаго наслѣдственнаго права), — то во всякомъ случаѣ основная идея послѣдней остается и понынѣ неоспоримой, а колоссальная эрудиція и необыкновенная тонкость логическихъ построеній, обнаруженные авторомъ въ своей работѣ—способны вызвать въ читателѣ самое глубокое изумленіе.

Для того, чтобы въ полной мѣрѣ оцѣнить совершенно исключительную талантливость Лассалья, нужно еще принять во вниманіе, что обѣ названныя научныя работы, вышедшія изъ - подъ его пера, являются въ извѣстной степени лишь случайными упражненіями на философскія и юридическія темы. Лассаль вѣдь никогда не былъ и никогда не сталъ ни специалистомъ-философомъ, ни специалистомъ-юристомъ. Просто въ годы юности и въ эпоху контръ-революціи его могучія силы, не получивши примѣненія на политической аренѣ, для которой онъ собственно былъ рожденъ, искали себѣ какого-нибудь выхода и временно нашли его, за неимѣніемъ ничего лучшаго, въ теоретической наукѣ. И тѣмъ не менѣе какую поразительную глубину мысли, какую гениальную

) Brandes, *ibid.*, стр. 30.

диалектику, какую рѣдкую эрудицію сумѣлъ обнаружить при этомъ Лассаль!

Меньше оригинальности проявилъ великій агитаторъ въ области экономики и социологии. Анализируя его произведенія, касающіяся данныхъ вопросовъ, невольно приходишь къ выводу, что его общественное міросозерцаніе складывалось подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, Родбертуса, Маркса и Луи Блана. Самъ Лассаль откровенно признавалъ свою духовную зависимость отъ названныхъ теоретиковъ социализма. Но все-таки было бы несправедливо утверждать, что основатель германской социаль-демократіи былъ просто ихъ ученикомъ, ученикомъ въ такой мѣрѣ, какъ, скажемъ, учениками Маркса были В. Либкнехтъ или Бебель и нынѣ является К. Каутскій. Лассаль былъ неизмѣримо болѣе самостоятеленъ. Если вы возьмете, напр., одну изъ его наиболѣе блестящихъ рѣчей, — именно „Программу работниковъ“, являющуюся, въ сущности, въ сжатой формѣ изложеннымъ социаль-политическимъ и философско-историческимъ счедо Лассалья, — то вы сейчасъ же увидите, что вся она отъ начала и до конца являетъ оригинальное произведеніе. Конечный выводъ автора — необходимость социализма, демократіи и самостоятельнаго политическаго движенія рабочихъ массъ — тотъ же, что и у Маркса, но путь, которымъ онъ приходитъ къ этому выводу, его аргументація, его методъ доказательствъ — все это совсѣмъ иное, не марксистское, а свое, лассалевское.

То же самое слѣдуетъ сказать и о другой исторической рѣчи Лассалья — „О сущности конституціи“. Конечно, мысль о томъ, что всѣ юридическія нормы являются лишь производнымъ отъ соответственныхъ экономическихъ отношеній была ясно сформулирована Марксомъ еще въ 1859 г. въ его знаменитомъ предисловіи къ „Zur Kritik“, — отсюда уже нетрудно было сдѣлать выводъ, легшій въ основу названной рѣчи о томъ, что всякая писанная конституція опредѣляется реальнымъ соотношеніемъ силъ, господствующимъ въ обществѣ. Однако справедливость требуетъ сказать, что уже въ „Assisenrede“ Лассалья, относящейся къ 1849 г., мы находимъ слѣдующее любопытное мѣсто:

„Въ народной жизни правовая почва — плохая точка зрѣнія, ибо всякій законъ есть только выраженіе и писанная воля общества, но никогда — его хозяинъ. Измѣнились общественная воля и потребности, — и старый кодексъ отирается въ историческій музей, а на его мѣсто становится новый кодексъ, болѣе соответствующій своему времени“.

Точно также, объясняя причины успѣха контръ-революціи, Лассаль въ той же рѣчи замѣчаетъ:

„Реакціонеры не имѣли права, но они имѣли нѣчто лучшее, чѣмъ право. Они имѣли осажденное положеніе въ Берлинѣ, Врангеля, 60.000 солдатъ и столько-то сотенъ пушекъ. Въ Бреславлѣ. Маг-

дебургъ, Кельнъ, Дюссельдорфъ, они имѣли столько-то солдатъ и столько-то пушекъ. Это—очень убѣдительные доводы, которые понятны для всякаго!“¹⁾

Здѣсь, въ приведенныхъ нѣсколькихъ фразахъ, въ зародышевомъ видѣ заключается вся рѣчь Лассалья о конституціи, произнесенная имъ 18 лѣтъ спустя.

Не иначе обстоитъ дѣло и съ крупнѣйшимъ экономическимъ трудомъ Лассалья „Бастіа—Шульце - Деличъ“ (появился въ 1864 г.). Не подлежитъ сомнѣнію, что идеи, развиваемыя имъ въ этой книгѣ, почерпнуты въ значительной степени у Маркса и Родбертуса, однако ихъ обработка, обоснованіе, доказательство — опять-таки свои собственныя, чисто-лассалевскія. И какія! По глубинѣ анализа, по тонкости и отчетливости мысли, по обширности эрудиціи и поразительному блеску формы—это, несомнѣнно, одно изъ лучшихъ произведеній міровой экономической литературы. Не забудемъ также, что первый томъ „Капитала“ Маркса появился лишь три года спустя послѣ смерти Лассалья,—такъ что послѣдній, работая надъ своимъ „Бастіа“, могъ знать воззрѣнія Маркса лишь въ болѣе или менѣе общихъ чертахъ, полного изложенія ихъ передъ нимъ не было. Вотъ почему утвержденіе Маркса, будто экономическія произведенія Лассалья являются простымъ плагиатомъ него, должно быть признано черезчуръ рѣзкимъ и едва-ли справедливымъ: въ этихъ произведеніяхъ есть, несомнѣнно, много отъ Маркса, но также очень много и отъ самого Лассалья.

Та же необыкновенная сила мысли и глубина познанія придаютъ совершенно исключительное значеніе агитаціоннымъ рѣчамъ Лассалья. Несомнѣнно, Лассаль былъ хорошимъ ораторомъ, хотя, судя по свидѣтельствамъ современниковъ, въ смыслѣ формальныхъ ораторскихъ дарованій—голоса, плавности рѣчи, красоты образовъ и т. д.—онъ не представлялъ изъ себя ничего особенно экстраординарнаго. Весьма вѣроятно, что, напр., Жоресъ въ этомъ отношеніи значительно превосходитъ Лассалья. И если тѣмъ не менѣе такія вещи послѣдняго, какъ „Программа работниковъ“ или „О сущности конституціи“, живутъ вплоть до настоящаго дня, если онѣ и сейчасъ представляютъ собой лучшее агитаціонное оружіе германской социаль-демократіи,—то это объясняется, конечно, тѣмъ, что каждая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ глубокую и вѣрную идею, облеченную при томъ въ несравненную по силѣ, красотѣ и благородству форму. Вѣдь взять вотъ, напр., хотя бы только что упоминавшуюся „Программу работниковъ“, — сколько рѣчей на протяженіи минувшаго полустолѣтія было сказано на ту же тему и сказано крупными и выдающимися вождями интернаціональнаго социализма, а между тѣмъ всѣмъ имъ суждено было лишь мотыль-

¹⁾ „Reden und Schriften“, т. I, стр. 231.

Августъ. Отдѣлъ II.

ковое существованіе. И только одна рѣчь Лассалья осталась жить въ „вѣчности“, будя изъ поколѣнія въ поколѣніе своимъ набатнымъ звономъ души миллионовъ пробуждающихся къ сознательному существованію пролетаріевъ. И это неудивительно: по богатству своего внутренняго содержанія нѣкоторые коротенькія рѣчи Лассалья могутъ смѣло поспорить съ многотомными научными сочиненіями.

Чрезвычайно любопытно, что это гармоническое сочетаніе въ Лассаль могучей воли съ могучимъ интеллектомъ было прекрасно подмѣчено Генрихомъ Гейне еще въ то время, когда будущій агитаторъ былъ совсѣмъ зеленымъ юношей. Въ рекомендательномъ письмѣ (отъ 3 января 1846 г.), данномъ имъ Лассалю къ Варнгагену-фонъ-Энзе, великій поэтъ такъ характеризуетъ подателя послѣдняго:

„Мой другъ, г. Лассаль... молодой человѣкъ, надѣленный замѣчательными духовными дарованіями: съ глубокой ученостью, съ обширными знаніями, съ величайшей остротой мысли, какую мнѣ когда-либо приходилось встрѣчать, съ рѣдкимъ изобразительнымъ талантомъ онъ соединяетъ энергію воли и способность къ дѣйствию, которыя повергаютъ меня въ изумленіе, и, если его симпатія ко мнѣ останется неизмѣнной, я ожидаю отъ него чрезвычайно цѣнной поддержки. Во всякомъ случаѣ это сочетаніе знанія и воли, таланта и характера было для меня пріятнымъ явленіемъ... Г. Лассаль—истинный сынъ новаго времени, которое не хочетъ ничего знать о самоотреченіи и скромности, съ которыми мы въ наше время болѣе или менѣе лицемерно носились. Это новое поколѣніе хочетъ наслаждаться и проявлять себя въ дѣйствительности. Мы, старики, покорно склонялись предъ невидимымъ, мечтали о призрачныхъ поцѣлуяхъ и ароматахъ голубыхъ цвѣтовъ, отрекались отъ самихъ себя и вздыхали, и все-таки были, пожалуй, счастливыѣ, чѣмъ эти суровые гладіаторы, которые такъ гордо идутъ на встрѣчу смерти на полѣ битвы“¹⁾.

Такой полной и блестящей характеристикѣ Лассалья и въ столь немногихъ словахъ никто не давалъ. И, если вспомнить, что въ тотъ моментъ, когда писалось приведенное письмо, будущему вождю социалистическаго пролетаріата было всего лишь 20 лѣтъ, гейневскую оцѣнку личности послѣдняго придется признать почти пророческой.

У.

До сихъ поръ мнѣ приходилось останавливаться на ярко-свѣтовыхъ сторонахъ лассалевскаго характера, тѣхъ сторонахъ, которыя обезпечили ему его непреходящее мировое значеніе. Но выше

¹⁾ Brandes, I. с., стр. 16.

я уже указывалъ, что родоначальникъ германской социаль-демократіи представлялъ собой крайне сложную и противорѣчивую натуру, въ которой благородные металлы воли, мысли, идеализма причудливо перемѣшивались со шлаками мелочности, тщеславія и легкомыслія. И образъ Лассалья сильно потерялъ бы въ своей исторической вѣрности и своемъ своеобразіи, еслибы мы не бросили, бѣглаго взгляда и на эти шлаки.

Среди нихъ на первомъ мѣстѣ приходится, несомнѣнно, поставить его по истинѣ дьявольское честолюбіе и его крайнюю неразборчивость въ средствахъ при достиженіи намѣченныхъ цѣлей. Что человѣкъ, подобный Лассалю, имѣлъ огромное честолюбіе, — вполне законно и естественно. При тѣхъ силахъ, которыми надѣла его природа, онъ имѣлъ на него полное право. Плохо только то, что это честолюбіе слишкомъ часто вырождалось въ довольно мелкое тщеславіе, въ любовь ко всему вишне-блестящему и въ стремленіе самому блистать во что бы то ни стало, въ почти болѣзненную страсть быть всегда окруженнымъ титанами и ким-валами сенсационнаго общественнаго вниманія. Когда въ его рѣчахъ нерѣдко встрѣчаешь довольно-таки низменные восхваленія самого себя или когда въ его брошюрѣ „Die Feete, die Presse und der Frankfurter Abgeordnetertag“ читаешь, что его выступленіе противъ литературнаго историка Юліана Шмидта совершилось „при бурныхъ одобреніяхъ величайшихъ ученыхъ и мыслителей Германіи, которые устно и письменно пожимали мнѣ руку“, или когда видишь, какія усилія прилагалъ Лассаль къ организаціи своего „триумфальнаго шествія“ въ 1864 г. по Рейнской провинціи (объ этомъ ниже), — то невольно беретъ законное раздраженіе и хочется спросить: къ чему все это? И присталъ ли подобный образъ дѣйствительной вождю социалистической демократіи?

Такое же, если не большее, недоумѣніе вызываетъ слишкомъ явная беззаботность Лассалья на счетъ безупречности средствъ, которыми онъ пользовался для осуществленія своихъ желаній. Такъ, когда въ серединѣ 50 гг. онъ рѣшилъ переселиться изъ Дюссельдорфа въ Берлинъ, куда въѣздъ ему послѣ революціи былъ воспрещенъ, онъ не постѣснялся обратиться къ берлинскому полицей-президенту фонъ-Гинкельдею и принцу Вильгельму Прусскому съ прошеніями, содержаніе которыхъ было, правда, не слишкомъ ужасно, но все-таки и не абсолютно корректно. Какъ извѣстно, благодаря заступничеству Александра Гумбольдта, просьба Лассалья была уважена и съ 1857 г. онъ прочно обосновался въ столицѣ. Въ своей политической и литературной борьбѣ великій агитаторъ тоже не всегда оставался на высотѣ положенія. Особенно методы его полемики съ противниками могли вызывать подчасъ серьезные возраженія. Когда ему нужно было уничтожить врага, онъ не брезгалъ ни передержками, ни личными выпадами, ни при-

писываніемъ оппоненту того, чего тотъ не говорилъ. Его „Бастіа-Шульце-Деличъ“ въ этомъ отношеніи наиболѣе яркій примѣръ. Насколько правъ былъ Лассаль въ своемъ принципиальномъ отрицаніи мѣщанской идеологіи отца нѣмецкой коопераціи, настолько же несдержанъ и подчасъ несправедливъ онъ былъ къ нему въ формѣ своей полемики. Съ наибольшей выпуклостью неразборчивость Лассалья въ средствахъ выступила въ самые послѣдніе годы его жизни, когда для борьбы съ либеральной буржуазіей онъ пытался войти въ извѣстнаго рода неписанное соглашеніе съ юнкерской реакціей, но на этомъ вопросѣ мы подробнѣе остановимся ниже.

Нѣсколько странную картину представляла собой также частная жизнь Лассалья. Беря въ свои руки дѣло графини Гатцфельдъ, послѣдній въ особомъ формальномъ договорѣ, заключенномъ между ними, выговорилъ себѣ въ случаѣ успѣха процесса пожизненную ренту въ размѣрѣ 7000 талеровъ (около 10 тыс. р.) въ годъ. Процессъ, какъ мы знаемъ, закончился удачно и такимъ образомъ матеріальная сторона существованія Лассалья была обезпечена. Располагая значительными по тому времени денежными средствами, онъ велъ образъ жизни зажиточнаго и нѣсколько избалованнаго буржуа. Его берлинская квартира поражала своимъ тонкимъ блескомъ и изящнымъ великолѣпіемъ. Зеркала, бронза, бархаты, восточные ковры, японскія издѣлія въ изобиліи наполняли помещеніе. Въ тѣни тяжелыхъ портьеръ прятались прекрасныя статуи изъ мрамора и алебаstra въ натуральную человѣческую величину, а небольшой зимній садъ, примыкавшій къ квартирѣ, сверкалъ всѣми красками и цвѣтами экзотическихъ растений. Въ домѣ Лассалья собиралось самое изысканное общество Берлина—выдающіеся писатели, артисты, ученые, политическіе дѣятели. Регулярно устраивались дружескіе обѣды и souperz, славившіеся въ столицѣ не только тѣмъ артистически-возвышеннымъ духомъ, который господствовалъ на нихъ, но также и своимъ необыкновеннымъ гастрономическимъ совершенствомъ. Лассаль держалъ особаго повара-француза, отличавшагося замѣчательными кулинарными талантами. Веселость и изобрѣтательность хозяина не знали предѣловъ: блестящіе вечера, виртуозные домашніе концерты, интересныя прогулки за городъ и т. п. слѣдовали непрерывной чередой. Однажды ради шутки Лассаль и его нѣсколько друзей рѣшили даже превратиться въ фаталистическихъ сыновъ Востока: они облачились въ турецкое платье, привезенное великимъ агитаторомъ изъ Малой Азіи во время его двукратнаго путешествія въ экзотическія страны въ началѣ 50 гг., и въ такомъ видѣ пробовали курить гашишъ. Лѣтомъ Лассаль, подобно всѣмъ людямъ „comme il faut“, отиралился на какія-нибудь болѣе или менѣе фешенебельныя „воды“ и этой привычкѣ своей онъ остался вѣ-

ренъ и тогда, когда страна уже была взбудоражена его социалистической агитаціей...

Само собой разумѣется, что дѣло не обходилось безъ романовъ и разнаго рода увлеченій женщинами. Лассаль всегда былъ окруженъ блестящей гирляндой изъ наиболѣ видныхъ представительницъ берлинскаго интеллигентнаго общества. Его могучая личность воспламеняла многихъ и число его побѣдъ въ царствѣ купидона было очень велико. Любилъ ли онъ, дѣйствительно, при этомъ,—очень трудно сказать, но, что ему нравились непрерывные триумфы, что его самолюбію льстило всеобщее женское поклоненіе,—не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Впрочемъ, два раза въ жизни Лассаль, повидимому, искренно любилъ. Первый разъ—въ 1860 г., когда въ Аахенѣ на курортѣ онъ случайно встрѣтился съ дочерью русскаго помѣщика Софіей Солнцевой, и второй разъ—въ 1864 г., когда на „водахъ“ въ Швейцаріи возобновилъ свое берлинское знакомство съ дочерью баварскаго дипломата Еленой фонъ-Дѣннингсъ. Однако оба эти романа не принесли великому социалисту счастья: Солнцева, которая была вообще совершенно неподходящая къ нему натура, отказалась принять сдѣланное предложеніе, а любовь къ Еленѣ-фонъ-Дѣннингсъ стояла ему жизни¹⁾...

Конечно, говоря словами Пушкина, „быть можно дѣльнымъ человѣкомъ и думать о красѣ ногтей“—самъ Лассаль именно и былъ наиболѣ блестящимъ доказательствомъ этой истины,—но все-таки присталъ ли образъ жизни, подобный вышеописанному, вождю социалистической демократіи? Присталъ ли онъ въ особенности тому, кто обращался къ рабочему классу съ торжественнымъ призывомъ:

„Васъ недостойны пороки убитенныхъ, пустыя развлечения безпечныхъ, легкомысліе незначительныхъ. Вы скала, на которой должна быть воздвигнута церковь настоящаго! Глубокая нравственная серьезность этой мысли должна безъ остатка овладѣть всѣмъ вашимъ духомъ, наполнить все ваше существо и сдѣлать всю вашу жизнь достойной ей, соотвѣтствующей ей, всегда тѣснѣйшимъ образомъ связанной съ ней“²⁾.

Еще весной 1862 г., наканунѣ своего крестоваго похода противъ буржуазіи, Лассаль продолжалъ вести свою изысканно-свѣтскую жизнь, появляться въ салонахъ, ухаживать за женщинами, устраивать у себя рауты и вечера... Но подъ этой привычной разсѣянной внѣшностью въ его сознаніи совершался крутой, полный величайшихъ послѣдствій переломъ. Его могучій духъ, изнывавшій въ темные годы контръ-революціи и реакціи отъ бездѣлья и въ тоскѣ по настоящему дѣлу бросавшійся то въ глубины теоретической науки, то въ авантюры романическихъ приключеній,—уловилъ, наконецъ, въ общественной атмосферѣ вліяніе по-

¹⁾ Объ образѣ жизни Лассалья см. Brandes, стр. 13, 86—89, 160 и слѣд.

²⁾ „Arbeiter-Programm“—„Reden u. Schriften“, т. II, стр. 48.

выхъ теченій, обѣщавшихъ наступленіе болѣе благопріятныхъ вѣременъ. И, какъ старый боевой конь, слышавшій трубу, онъ сразу бросился со всей страстью и неудержимостью своей демонической натуры въ сторону раздавагося звука, сжигая свѣчу своей жизни съ обонхъ концовъ и поражая при этомъ міръ ослѣпительнымъ блескомъ таившихся въ немъ дарованій. Ибо лишь теперь его дремавшій духъ, наконецъ, нашелъ самого себя: рожденъ былъ Насаль все-таки народнымъ трубачомъ и только народнымъ трубачомъ!

VI.

Политическая ситуація въ моментъ появленія великаго агитатора на полѣ общественной борьбы была полна глубокаго драматизма и, казалось, таила въ себѣ неизмѣримо широкія возможности. Мертвая полоса послѣреволюціонной эпохи миновала. Ледъ реакціи оттаялъ и „зеленый шумъ, весенній шумъ“ наполнилъ собой атмосферу пробудившейся страны. Международныя осложненія и потребности экономическаго развитія властно поставили въ порядокъ дня осуществленіе старой мечты 1848 г. объ объединеніи раздробленной и разорванной на десятки „удѣльныхъ княжествъ“ Германіи и оживили надежды на близость крупныхъ событій и великихъ преобразованій. Смѣна лицъ на прусскомъ престолѣ, состоявшаяся въ 1858 г., принесла съ собой „либеральную эру“ и новое умѣренно-прогрессивное министерство. Въ 1859 г. возникъ „Nationalverein“, ставшій кристаллизационнымъ пунктомъ для всей оппозиціи. Вопли опредѣленной фizioноміи у него, правда, еще не было, но все-таки въ политическомъ отношеніи онъ исповѣдовалъ идеи послѣдовательнаго либерализма, а въ экономическомъ — принципы чистаго манчестерства. Съ 1858 г. демократія, втеченіе контръ-революціоннаго періода бойкотировавшая прусскій ландтагъ, начала принимать участіе въ выборахъ и однимъ ударомъ завоевала себѣ господствующее положеніе въ палатѣ. Въ ландтагѣ 1859 г. оппозиція располагала 210 мандатами, въ ландтагѣ 1861 г. 195, въ ландтагѣ 1862 г. — 242 изъ общаго количества 350. Парламентскіе успѣхи либерализма, организовавшагося въ 1861 г. въ такъ называемой „Fortschrittspartei“ („прогрессивной партіи“), имѣли своимъ послѣдствіемъ острый конституціонный конфликтъ, возникшій на почвѣ борьбы за объединеніе Германіи. Прусское юнкерство мечтало о гегемоніи Пруссіи въ будущей Германской имперіи, рожденіе которой предчувствовалось уже всѣми. Для этой гегемоніи необходимъ былъ, какъ предварительная предпосылка, разгромъ Австріи, а для разгрома Австріи — усиленіе военнаго могущества Пруссіи. Король и его министры, во главѣ которыхъ съ 1862 г. сталъ кн. Бисмаркъ, прекрасно понимали, что либеральный ландтагъ откажетъ имъ въ содѣйствіи въ данномъ направленіи, и потому рѣшили обойтись совѣмъ безъ него. За спиной у народ-

наго представительства была предпринята реформа арміи, значительно увеличивавшая ея нормальный составъ и усиливавшая ея независимость отъ парламента. Это былъ настоящій конституціонный *coup d'état* и ландтагъ реагировалъ на него бурными нападеніями на правительство и отклоненіемъ бюджета. Министерство дважды распускало палату, но каждый разъ оппозиція возвращалась въ усиленномъ составѣ. Кризисъ все больше обострялся и предъ страной въ цѣломъ, а предъ демократіей страны въ особенности все настойчивѣе вставалъ вопросъ: что же дальше?

Именно въ этотъ моментъ на политической трибунѣ появился Фердинандъ Лассаль. Онъ уже давно съ пристальнымъ вниманіемъ изъ тишины своей артистической квартиры слѣдилъ за развитіемъ событій и теперь сразу почувствовалъ, что пришелъ его часъ.

Въ апрѣлѣ 1862 г. въ нѣсколькихъ берлинскихъ политическихъ фрейнахъ Лассаль выступилъ съ своей знаменитой рѣчью „О сущности конституціи“. Хотя эта рѣчь формулировала лишь общіе принципы конституціоннаго строительства, однако она имѣла самое прямое отношеніе къ занимавшему тогда всѣхъ прусскому парламентскому конфликту. Осенью того же года Лассаль произнесъ вторую рѣчь на тему „Was nun?“, и въ ней онъ уже специально и исключительно останавливался на событіяхъ, глубоко волновавшихъ въ тотъ моментъ всю страну. Въ этой второй рѣчи великій агитаторъ, вкратцѣ изложивъ ходъ предшествующихъ событій, задавался вопросомъ: что же дѣлать? Какъ поступить демократіи для того, чтобы отстоять отъ покушеній со стороны реакціи священнѣйшее право народнаго представительства—право вотирования бюджета? И отвѣчалъ: та мѣра, которая носится въ головахъ многихъ либеральныхъ и радикальныхъ политиковъ, — именно отказъ отъ уплаты налоговъ — не является цѣлесообразной, ибо въ милитаристско-автократической Пруссіи она въ широкихъ размѣрахъ непримѣнима. Наоборотъ, единственно цѣлесообразнымъ и разумнымъ представлялся ему совсѣмъ другой путь. Прусское правительство, несомнѣнно, очень реакціонно, но, не смотря на это, оно все-таки не можетъ, не въ силахъ обойтись безъ наличности конституціи или, точнѣе говоря, псевдо-конституціи. Ему нуженъ фигурный листокъ народнаго представительства, ибо къ этому его вынуждаютъ и международныя осложненія, и состояніе финансовъ, и растущее недовольство въ странѣ. Здѣсь его Ахиллесова пята и въ нее-то именно и должна бить демократія. Необходимо *открыто высказать то, что есть*, именно то, что въ Пруссіи еще не существуетъ настоящей конституціи, а есть только псевдо-конституція, и для этого необходимо прекратить засѣданія ландтага на неопредѣленное время и, развивая широкую агитацію въ странѣ, ждать. Даннымъ шагомъ палаты правительство будетъ поставлено въ критическое положеніе и рано или поздно должно будетъ, несо-

миѣнно, уступить. И, чѣмъ упорнѣе оно будетъ сопротивляться, тѣмъ неизбежнѣе и тѣмъ полнѣе будетъ побѣда демократіи. И, когда это совершится, тогда „никакой пощады и примиренія, никакого компромисса съ старымъ абсолютизмомъ“, но „дубиной по головѣ и копьёмъ на грудь!“ Закапчивая рѣчь, Лассаль обращался съ горячимъ призывомъ ко всей демократіи въ цѣломъ — буржуазной и рабочей безразлично — принять его совѣтъ и такимъ образомъ спасти положеніе. Въ этотъ періодъ онъ еще не потерялъ окончательно вѣры въ либерализмъ, онъ еще надѣялся на возможность рѣшительнаго выступленія съ его стороны. Да оно и понятно: политическая дифференціація въ началѣ 60-хъ гг. въ оппозиціонномъ лагерѣ только что начиналась и въ рядахъ новой „прогрессивной партіи“ Лассаль видѣлъ чуть не всѣхъ своихъ лучшихъ друзей, такъ часто встрѣчавшихся за его обѣденнымъ столомъ.

Извѣстно, какъ встрѣчено было въ лагерѣ буржуазной оппозиціи предложеніе Лассалья. Въ своихъ политическихъ выводахъ оно было, въ сущности, очень революціоннаго характера: еслибы правительство, наскучивъ „ожиданіемъ“, прибѣгло къ мѣрамъ открытой репрессіи, — отвѣтомъ на нихъ, очевидно, могло бы только быть открытое же сопротивленіе. „Высказываніе того, что есть“, до чрезвычайности упрощало и проясняло ситуацію и дѣлало совершенно невозможными дипломатизированіе и правовую эквилибристику, до которыхъ такіе большіе охотники либералы всѣхъ странъ и народовъ. Но этого-то какъ разъ и не хотѣли прусскіе прогрессисты: на возстаніе, на революцію они не имѣли ни смѣлости, ни силы и все, что они могли выдвинуть въ качествѣ оружія противъ государственнаго переворота реакціи, были лишь слова, слова, слова. Неудивительно поэтому, что либеральная печать съ яростью обрушилась на рѣчи Лассалья и что виднѣйшіе политики либеральной партіи, прикрываясь различными высоко-конституціонными соображеніями, съ которыми мы достаточно знакомы по нашему собственному опыту, рѣшительно осудили „парламентскую стачку“.

Между Лассалемъ и прогрессивной партіей разверзлась такимъ образомъ глубокая пропасть, а вмѣстѣ съ тѣмъ было положено начало самостоятельному политическому движенію пролетаріата. Разочаровавшись въ своихъ надеждахъ на либеральное бюргерство, которому тяжелый мечъ демократіи оказался не по плечу, великій агитаторъ естественно обратилъ свои взоры туда, гдѣ онъ могъ вѣрнѣе рассчитывать найти извѣстное сочувствіе своимъ взглядамъ, — именно въ сторону рабочаго класса. Правда, послѣдній былъ въ Германіи въ тотъ періодъ еще не очень многочисленъ и еще слѣпо шелъ за буржуазной оппозиціей. Въ просвѣтительныхъ рабочихъ ферейнахъ, начавшихъ вырастать въ началѣ 60-хъ гг., какъ грибы послѣ дождя, безраздѣльно господствовали либералы и мѣщанская проповѣдь Шюльде-Делича о всеспа-

сающемъ значеніи кооперативной „самопомощи“ находила широкій откликъ въ пролетарскихъ кругахъ, — однако, какъ бы то ни было, здѣсь имѣлась налицо подлинная демократическая почва, и обработка ея обѣщала дать уже въ ближайшемъ будущемъ крупныя положительныя результаты. И Лассаль рѣшился.

Еще весной 1862 г. онъ произнесъ на одномъ собраніи берлинскихъ механиковъ, бывшихъ въ то время пролетарской гвардіей прогрессивной партіи, свою вторую историческую рѣчь — уже упоминавшуюся выше „Программу работников“. Въ ней, ссылаясь на опытъ исторіи, тенденціи развитія и интересы „рабочаго сслова“, Лассаль съ поистинѣ несравненнымъ блескомъ обосновывалъ необходимость социализма и, какъ его предпосылки, всеобщаго и равнаго избирательнаго права. Рѣчь эта, выпущенная въ видѣ брошюры, получила довольно широкое распространеніе среди рабочихъ и создала ему тамъ извѣстное имя и симпатіи. Къ указанному моменту въ рядахъ пролетарскихъ элементовъ стали обнаруживаться первые признаки классоваго сознанія. Рабочіе были недовольны своимъ „подначальнымъ“ положеніемъ въ лагерѣ оппозиціи и мечтами о болѣе активномъ участіи въ ея борьбѣ. Они требовали допущенія рабочихъ въ „Nationalverein“, — на что руководителями послѣдняго имъ было не безъ ехидства отвѣчено, что они и безъ того могутъ считать себя прирожденными „почетными“ (т. е. безгласными) членами организациі. Рабочіе настаивали, далѣе, на включеніи въ программу прогрессивной партіи всеобщаго избирательнаго права, — но бюргерство, удовлетворенное въ тотъ моментъ дѣйствіемъ трехклассной избирательной системы (она давала вѣдь либеральное большинство), относилось къ этимъ настояніямъ крайне отрицательно. Въ томъ же 1862 г. передовая часть пролетаріата стала носиться съ мыслью о созывѣ обще-германскаго рабочаго конгресса и, хотя намѣченный порядокъ дня отличался полной безобидностью (въ немъ значились: свобода промышленности и передвиженія, инвалидныя кассы и всемірная промышленная выставка въ Берлинѣ), — однако прогрессисты съ вѣрнымъ классовымъ чутьемъ поняли, что даже подобный конгрессъ, несомнѣнно, послужитъ дѣлу политической эмансипаціи рабочихъ массъ, и единодушно выступили противъ его устройства.

Между тѣмъ броженіе въ пролетарскихъ массахъ продолжало расти. Не смотря на оппозицію прогрессистовъ, въ Лейпцигѣ все-таки образовался особый комитетъ по созыву рабочаго конгресса и въ февралѣ 1863 г. онъ обратился къ Лассалю съ предложеніемъ высказать свое мнѣніе о задачахъ предстоящаго свѣзда. 1 марта Лассаль отвѣтилъ своимъ знаменитымъ „Открытымъ письмомъ къ центральному комитету“, которое, по мнѣнію его автора, должно было имѣть такое же дѣйствіе, какое имѣли въ свое время знаменитыя „Тезисы“ Лютера, прибитыя послѣднимъ въ 1517 г. на две-

ряхъ церкви въ Виттенбергѣ. И, пожалуй, въ извѣстномъ смыслѣ великій агитаторъ не ошибался. Мы знаемъ содержаніе лассалевскаго отвѣта лейпцигскимъ рабочимъ: признаніе знаменитаго „железнаго закона“ заработной платы, доказательство бесплодности кооперативной „самопомощи“ для радикальнаго рѣшенія соціальнаго вопроса, рекомендація производительныхъ товариществъ съ государственной помощью, какъ средства для улучшенія положенія „рабочаго сословія“, какъ класса, и, наконецъ, страстная апологія всеобщаго и равнаго избирательнаго права, являющагося необходимой предпосылкой для намѣченныхъ Лассалемъ соціальныхъ преобразованій, — таковы основные пункты этого въ полномъ смыслѣ слова историческаго документа. Со свойственнымъ ему реализмомъ мышленія великій агитаторъ съ особенной рѣзкостью подчеркивалъ свое ближайшее и потому наибодѣе актуальное требованіе. „Не смотрите—писалъ онъ—ни направо, ни налево, будьте глухи ко всему, что не есть всеобщее и прямое избирательное право или что не находится въ связи съ нимъ или не можетъ къ нему вести!.. Оно—знаменіе, которымъ вы побѣдите! Никакого другого не существуетъ для васъ!“ Для завоеванія всеобщаго избирательнаго права Лассаль предлагалъ рабочимъ создать по образцу англійской „Лиги свободной торговли“ особую самостоятельную организацію, которая должна была быть независимой отъ прогрессивной партіи и вести свою собственную политическую линію.

„Открытое письмо“ вызвало новый взрывъ негодованія въ либеральномъ лагерѣ. Лассалья обвинили во внесеніи раздора въ ряды оппозиціи, въ оказаніи помощи бисмарковской реакціи, наконецъ, въ прямой подкупленности со стороны министерства. Эти обвиненія находили тѣмъ болѣе благодарную почву, что „Kreuz-Zeitung“ и вся вообще консервативная партія не безъ злорадства приветствовали выступленіе социалистическаго агитатора. Прогрессисты двинули противъ послѣдняго свои самыя тяжелыя орудія—прессу Шульце-Делича, рабочіе образовательные фрейны; Лассалю пришлось отбиваться отъ тысячеголосаго враждебнаго хора либеральнаго общества и либеральной печати, отражать нападки противниковъ и клеветы недавнихъ друзей, носиться изъ города въ городъ, выступать на безчисленныхъ собраніяхъ, убѣждать и полемизировать, обращаться съ призывами, вдохновлять, увѣщевать. Онъ одинъ, ибо въ то время еще не существовало никакой партіи, стоялъ противъ цѣлаго войска прогрессистскихъ пращниковъ, со всѣхъ сторонъ забрасывавшихъ его настоящей тучей камней. Онъ одинъ велъ въ тотъ же періодъ отчаянную борьбу съ королевскою юстиціей, преслѣдовавшей его, начиная съ „Программы работниковъ“, безконечной серіей судебныхъ процессовъ. Онъ былъ одинъ, одинъ, какъ перстъ, но онъ былъ въ своей стихіи—стихіи борьбы,—и, какъ не разъ уже раньше, онъ снова побѣдилъ: 23 мая 1863 г. на съѣздѣ представителей отъ 11 городовъ въ Лейпцигѣ былъ

основалъ „Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ“, президентомъ котораго былъ всѣми голосами противъ одного избранъ Фердинандъ Лассаль. Германская социаль-демократія родилась.

УШ.

Ставъ во главѣ вновь образовавшейся рабочей партіи, Лассаль почувствовалъ себя въ положеніи полководца на полѣ сраженія. Онъ сталъ фактическимъ диктаторомъ „Всеобщаго союза“ и, почти не встрѣчая ни откуда оппозиціи, властно повелъ его по тому пути, который представлялся ему наиболее выгоднымъ и цѣлесообразнымъ. Ближайшей цѣлью великаго агитатора, цѣлью, которая стала въ центрѣ его вниманія и захватила все его существо, было завоеваніе всеобщаго избирательнаго права. Планъ кампаніи, который онъ себѣ намѣтилъ для осуществленія этой цѣли, заключался въ использованіи ситуациі, которая была создана прусскимъ конституціоннымъ конфликтомъ. Правительство находилось въ открытой войнѣ съ либеральной буржуазіей, господствовавшей въ ландтагѣ, правительство искало средствъ для ликвидаціи затянувшегося столкновенія и мечтало о полученіи камеры, болѣе послушной его желаніямъ, чѣмъ существующая. Оппозиціонная палата 1861—62 гг. выходила изъ трехклассныхъ выборовъ, установленныхъ королевскимъ указомъ 1849 г.; очевидно, для низверженія либерализма необходимо было измѣненіе избирательной системы и постановка на мѣсто дѣйствовавшей какой-нибудь новой. Но какой? Въ консервативныхъ кругахъ того времени не безъ нѣкотораго сочувствія думали о всеобщемъ избирательномъ правѣ, которое во Франціи подъ эгидой Наполеона III давало на первыхъ порахъ столь оградные для реакціи результаты. Вотъ на эту-то борьбу Бисмарка съ прогрессистами и на эти-то нѣсколько неясныя симпатіи консерваторовъ ко всеобщему голосованію и спекулировалъ Лассаль. Онъ вѣдь тоже, хотя и по совсѣмъ другимъ соображеніямъ, ненавидѣлъ либеральную буржуазію, онъ вѣдь тоже стремился ко „всеобщему и прямому избирательному праву“, здѣсь былъ пунктъ, на которомъ,—по старому правилу: *les extrémités se touchent*,—сходились „железный канцлеръ“ и великій социалистическій агитаторъ.

Лассаль, конечно, прекрасно понималъ, что для того, чтобы явиться гирей, перетягивающей чашу вѣсовъ въ сторону желательной ему реформы, онъ долженъ представлять собой реальную силу. И онъ съ по-истинѣ нечеловѣческой энергіей работалъ надъ созданіемъ этой силы. Онъ неутомимо развѣзжалъ по странѣ, гонорилъ рѣчи, велъ обширную дѣловую корреспонденцію, организовалъ группы и отдѣленія, стремился привлечь на свою сторону виднѣйшихъ людей того времени (напр., Родбертусъ, Гервега и др.), писалъ памфлеты и научныя сочиненія (къ этому періоду отно-

сится появленіе „Бастіа—Шульце - Деличъ“), сражался, какъ левъ, противъ прусской юстиціи и выполнялъ тысячи другихъ крупныхъ и мелкихъ вещей, которыя выпадаютъ на долю каждому вождю начинающей партіи. Въ эти послѣдніе 1½—2 года своей жизни Лассаль положительно не зналъ усталости. Точно испанскіе запасы силъ, накопленные имъ за годы вынужденнаго бездѣлія, теперь бурнымъ потокомъ прорвались наружу...

Но, не смотря на всѣ усилія Лассалья, дѣйствительные успѣхи его агитаціи далеко отставали отъ его ожиданій. Начиная борьбу, великій агитаторъ рассчитывалъ, что въ какой-нибудь годъ-два ему удастся создать широкое массовое движеніе пролетаріата. Подобно римскому цезарю, онъ думалъ, что стоитъ ему лишь топнуть ногой и изъ-подъ земли выростутъ рабочіе легіоны, мощью которыхъ онъ сможетъ грозить и либерализму, и реакціи, и такимъ образомъ принудить правительство къ введенію всеобщаго избирательнаго права. На дѣлѣ вышло однако совсѣмъ иначе. Законы массоваго движенія даже и для Лассалей не дѣлаютъ исключенія и тутъ впервые въ жизни великаго агитатора ждала неудача: годъ спустя послѣ своего основанія „Всеобщій союзъ“ насчитывалъ все еще лишь немногимъ больше 4,000 членовъ и впередѣ все яснѣе начинала обрисовываться длинная и тяжелая дорога медленнаго, постепеннаго, многолѣтняго развитія.

Это глубокое разочарованіе подкосило энергію Лассалья и вмѣстѣ съ тѣмъ послужило исходной точкой его гибели. Лассаль не былъ рожденъ для упорной и систематической будничной работы, которая, подобно работѣ коралловъ, на протяжении лѣтъ и десятилѣтій способна творить истинныя чудеса; онъ не могъ годы и годы жить лишь однимъ ожиданіемъ власти и мечтать о роли политическаго творца только въ „государствѣ будущаго“, для этого онъ былъ слишкомъ яркая, мощная и эгоистическая индивидуальность, для этого слишкомъ много страсти и огня таилось въ его груди. И потому, прижатый къ стѣнѣ неблагоприятными обстоятельствами, онъ задумалъ искусственно ускорить слишкомъ медленный для него ходъ событій. Онъ вступилъ въ прямые сношенія съ Бисмаркомъ, видѣлся съ нимъ, разговаривалъ, посылалъ ему свои сочиненія и силой своего слова и убѣжденія старался привлечь его на сторону всеобщаго избирательнаго права. Онъ сталъ заигрывать съ консервативной партіей, помѣщая отъ времени до времени статьи въ „Kreuz-Zeitung“ и дѣлая явные реверансы по адресу прусской монархіи. Что сказать, въ самомъ дѣлѣ, напр., о слѣдующемъ мѣстѣ защитительной рѣчи Лассалья въ его послѣднемъ процессѣ о „государственной измѣнѣ“:

„Королевство Луи Филиппа,—патетически восклицалъ обвиняемый—королевство волей буржуазіи не могло бы рискнуть на апелляцію къ народу. Но королевство, которое замѣшано на вѣковомъ историческомъ тѣстѣ, которое властно стоитъ, опираясь

на рукоятку меча, могло бы это сдѣлать, если оно твердо рѣшилось идти къ осуществленію истинно-великихъ, національных и народныхъ цѣлей“.

И это говорилоь о томъ самомъ королевствѣ, по отношенію къ которому тотъ же Лассаль всего 16 мѣсяцевъ назадъ рекомендовалъ: дубиной по головѣ и колѣномъ на грудь!

Великій агитаторъ пошелъ еще дальше. Онъ не постѣснился опереться (въ такъ наз. Ронсдорфской рѣчи отъ 22 мая 1864 г.) въ своихъ интересахъ на авторитетъ ловкаго католическаго епископа Кеттелера, незадолго передъ тѣмъ высказавшагося за него и такимъ образомъ на глазахъ у всего міра какъ бы протянуть руку довѣрія католической церкви. Въ то же время онъ не жалѣлъ ни энергіи, ни средствъ для возможно болѣе шумнаго и сенсационнаго демонстрированія довольно-таки сомнительной еще въ то время „мощи“ руководимаго имъ движенія. Онъ потратилъ много силъ для импозантной организаціи своего послѣдняго „тріумфальнаго шествія“ по Рейнской области въ маѣ 1864 года, съ цвѣтами, арками, торжественными рѣчами и хорами одѣтыхъ въ бѣлыя платья молодыхъ работницъ; онъ инспирировалъ сильно преувеличенные отчеты въ газетахъ о своемъ „королевскомъ“ проѣздѣ, онъ—не безъ сознательнаго расчета на „пару лицъ въ Берлинѣ“ (имѣлись въ виду Бисмаркъ и король)—подчеркивалъ и превозносилъ желѣзную дисциплину, господствующую въ его „Союзѣ“, и безусловную готовность массъ слѣдовать за нимъ, куда угодно и на что угодно. Это была уже не строго рассчитанная и сама собой владѣющая политическая дѣятельность, это была—крупная и азартная политическая игра, которая ставитъ все на одну карту, и которая кончается катастрофой, если эта карта бита...

Именно такъ и случилось съ Лассалемъ. Не смотря на весь громъ и на весь театралный успѣхъ его выступленій, подлинное реальное движеніе массъ росло лишь медленно и постепенно. Съ другой стороны, Бисмаркъ не торопился съ введеніемъ всеобщаго голосованія и сталъ даже явно уклоняться отъ встрѣчъ съ социалистическимъ агитаторомъ. Консервативная партія все опредѣленнѣе выражала свое недовольство „безбожностью“ и „демагогическимъ радикализмомъ“ пролетарскаго вождя и, въ концѣ концовъ, закрыла для него столбцы „Kreuz-Zeitung“. Все это были очень зловѣщіе для Лассалья симптомы, а къ нимъ еще прибавились надорванное нечеловѣческой работой здоровье и перспектива годичнаго заключенія въ тюрьмѣ, какъ результатъ его процесса о „государственной памѣтѣ“. Усталый, измученный, разочаровавшійся въ политикѣ, полный пеленыхъ предчувствій близости рокового конца, Лассаль пріѣхалъ для отдыха въ Швейцарію. И тутъ-то настгла его судьба. Тутъ, на фонѣ волшебной-красивой горной природы, разыгрался его послѣдній пламенный романъ съ Еленой фонъ-

Денингсгъ, его борьба съ родителями Елены и, наконецъ, его бессмысленная и трагическая дуэль съ женихомъ любимой дѣвушки — румынскимъ бояриномъ Янко Фопъ-Раковница. 31 августа 1864 г. великаго агитатора не стало...

Смерть вернула его социалистическому движенію, отъ котораго онъ психологически началъ было уже отдаляться. Но смерть же разъ навсегда поставила крестъ надъ всѣми великими возможностями, которыя таились въ этомъ по-истинѣ гениальномъ чело-вѣкѣ.

Я не случайно упомянулъ о великихъ возможностяхъ. Дѣятельность каждой крупной личности является равнодѣйствующей изъ отпущенныхъ ей отъ природы силъ и тѣхъ объективныхъ условій, въ которыхъ приходится жить и работать. Эти условія для Лассалы сложились крайне неблагоприятно. Надѣленный могучей волей, яркой индивидуальностью, неистощимой энергіей и глубокимъ истинно-государственнымъ умомъ, онъ самой судьбой какъ бы былъ предназначенъ для роли вождя націи, творца и руководителя ея политическаго бытія. Это былъ очень большой корабль, которому нужно было очень большое плаваніе. И живи Лассаль, напр., во Франціи въ эпоху великой революціи, онъ сумѣлъ бы, вѣроятно, подняться до высочайшихъ вершинъ политическаго могущества, взять въ свои твердыя руки бразды правленія и, быть можетъ, воплотить въ своей личности образъ государственнаго мужа демократіи, каковаго мы до сихъ поръ еще не видали. Судьба сложилась иначе. Лассалю пришлось жить въ Германіи середины прошлаго вѣка, бороться и работать въ условіяхъ юнкерско-реакціонной Пруссіи, подымать новъ пролетарскаго движенія въ эпоху медленнаго эволюціоннаго развитія. Ему было тѣсно и душно въ этой обстановкѣ, его могучій духъ судорожно бился, какъ бабочка подъ стаканомъ, въ узкомъ пространствѣ, вынашиваемъ ему на долю, и, какъ бабочка же, онъ обломалъ себѣ въ неравной борьбѣ крылья, раздавленный раньше времени стихійной силой внѣшнихъ обстоятельствъ. И для насъ, потомковъ Лассалы, его гигантскій образъ остался навсегда, какъ ярко освѣщенный историческимъ солнцемъ остро конечный пикъ, который современная демократія миновала раннимъ утромъ, въ самомъ началѣ своего великаго и многообещающаго подъема.

В. Майскій.

Новый бельгийскій школьный законъ.

Самымъ крупнымъ событіемъ политической жизни Бельгіи за 1913-14 годъ является, несомнѣнно, новый школьный законъ. Онъ вызвалъ отчаянную борьбу въ парламентѣ, привлекъ къ себѣ вниманіе всѣхъ круговъ общества, покрылъ страну сотнями и тысячами митинговъ, демонстрацій, собраний, пославшихъ въ палату тысячи петицій. О страстности и напряженности дебатовъ можно судить уже по тому, что обѣ палаты — палата представителей и сенатъ — посвятили этому закону 74 засѣданія, отчеты о которыхъ занимаютъ болѣе 3.000 столбцовъ убористой печати, и что при окончательномъ его голосованіи вся оппозиція демонстративно удалась изъ обѣихъ палатъ, прочитавъ деклараціи, составленныя въ выраженіяхъ, совсѣмъ не обычныхъ въ устахъ умѣренныхъ и корректныхъ либераловъ.

Въ борьбѣ за законъ столкнулись двѣ Бельгіи: промышленная, либерально-соціалистическая, французская Валлонія и земледѣльческая, католическая, фламандская Фландрія, страна угольных копей, металлургическихъ заводовъ, акціонерныхъ компаній и пролетаріата и страна полей, садовъ, помѣщичьихъ замковъ и крестьянскихъ хуторовъ. На первомъ этапѣ борьбы — въ парламентѣ — побѣдителями вышли фламандцы. Законопроектъ, образецъ реакціонно-клерикальнаго творчества, прошелъ черезъ законодательныя палаты, 19 мая утвержденъ королемъ и сталъ закономъ.

Ничего результата нельзя было, впрочемъ, и ожидать. Держать въ своей власти будущую страну — молодое поколѣніе, — подчинить его всецѣло единой католической церкви, фабриковать изъ него въ будущемъ послушныхъ избирателей клерикальной партіи, вліять черезъ школу на родителей и обезпечить себѣ такимъ путемъ силу и власть на долгое время — перспектива, слишкомъ заманчивая для того, чтобы католическое большинство въ данномъ вопросѣ сдѣлало хотя бы малѣйшую уступку либераламъ. Не даромъ же католическая партія, стоящая у власти тридцать лѣтъ подрядъ и за послѣднія 80 лѣтъ всего лишь одинъ разъ на 5 лѣтъ (съ 1878 по 1884 годъ) уступившая ее либераламъ, сдѣлала все возможное для того, чтобы подчинить школу своему вліянію. Законодательство, денежныя субсидіи, административная практика, система подготовки и назначенія учительскаго персонала, школьная инспекція и дирекція, моральное и экономическое давленіе на родителей — всѣ средства были пущены въ ходъ и все было направлено къ одной цѣли: поддержать конфессіональныя школы вообще, конгрегационныя въ частности, не дать развиваться „без-

божной“ свѣтской школѣ. И, если свѣтская школа мѣстами завоевала себѣ прочное положеніе, если нѣкоторые крупныя промышленныя провинціи и коммуны—Брюссель, Льежъ, Шарльлеруа, Монсъ,—не останавливаясь ни передъ какими затратами, создали образцовую свѣтскую школу, то въ этомъ не вина католиковъ, а сила обстоятельствъ, неизбежное слѣдствіе промышленнаго развитія Бельгіи, вопреки усиліямъ и стараніямъ реакціи ведущаго страну по пути умственного прогресса.

Бельгійская конституція объявила школу свободной и все-таки бельгійская школа находится въ рукахъ конгрегацій. Вотъ какими словами характеризуетъ это положеніе дѣлъ извѣстный бельгійскій политическій дѣятель Вандервельде ¹⁾:

„Говорятъ о свободной школѣ: въ Бельгіи нѣтъ свободной школы: есть государственная школа, болѣе или менѣе зависящая отъ церкви, и церковная, болѣе или менѣе зависящая отъ государства.

„Говорятъ о равномерномъ распредѣленіи государственныхъ субсидій: нѣтъ и не будетъ равномернаго распредѣленія субсидій: субсидіи всегда идутъ къ людямъ сильнымъ, къ людямъ богатымъ, къ тѣмъ, кто имѣетъ возможность сдѣлать необходимыя предварительныя затраты на открытіе школы.

„Наконецъ, говорятъ о свободномъ выборѣ школы отцами семействъ: у отцовъ семействъ нѣтъ свободного выбора школы: по истинѣ у нихъ нѣтъ иного выбора, какъ между коммунальной конфессіональной школой и частной, еще болѣе конфессіональной“.

Нѣсколько фактовъ и цифръ покажутъ намъ, насколько вѣрно освѣщаютъ положеніе дѣлъ эти утвержденія Вандервельде.

Дѣйствующее законодательство, органическій школьный законъ 1884-1895 гг., признаетъ и подчиняетъ государственному надзору три категоріи школъ: 1) школы коммунальныя, организуемыя, управляемыя и содержимыя коммунами, при нѣкоторомъ субсидированіи со стороны государства; 2) школы частныя, „усыновленныя“ коммунами и заступающія мѣсто коммунальныхъ школъ; онѣ организуются и управляются конгрегаціями, но содержатся за счетъ коммунъ при широкомъ субсидированіи со стороны государства; 3) школы частныя, т. е. конгрегаціонныя, хотя и не „усыновленныя“ коммунами, но обладающія качествами, необходимыми для такого „усыновленія“, т. е. принявшія офиціальную программу и подчинившіяся государственному надзору; эта послѣдняя категорія школъ содержится на счетъ конгрегацій при самомъ широкомъ субсидированіи со стороны государства ²⁾. Численность этихъ трехъ ка-

¹⁾ Рѣчь въ палатѣ депутатовъ 4 ноября 1913 г. Цитируемъ по офиціальному стенографическому отчету.

²⁾ Существуетъ еще четвертая и довольно многочисленная категорія школъ, не регулируемая никакимъ закономъ и не подчиненная ни государственному, ни коммунальному надзору. Это частныя, въ подавляющемъ

тегорій школъ по официальнымъ даннымъ къ 31 декабря 1911 года была такова: школъ первой категоріи—4.684, второй и третьей вмѣстѣ—2.906, всего же 7.590. Но по этимъ цифрамъ еще нельзя судить о степени клерикализаціи начальной школы въ Бельгіи. Дѣло въ томъ, что лишь небольшая сравнительно часть школъ первой категоріи является свѣтскими—это школы крупныхъ промышленныхъ коммунъ провинцій Эно, Льежъ, Намюръ и отчасти Брабантъ. Всѣ остальные школы первой категоріи и всѣ безъ исключенія школы второй и третьей—всецѣло конфессіональныя. Однако за отсутствіемъ статистическихъ данныхъ невозможно установить соотношенія между численностью свѣтскихъ и конфессіональныхъ школъ. Но официальная статистика 1909 года даетъ, пожалуй, болѣе точный критерій степени клерикализаціи бельгійской начальной школы.

Чтобы понять значеніе приводимыхъ ниже цифръ, надо знать, что органическій школьный законъ 1884—95 г. требуетъ обязательнаго включенія въ программу школы, получающей государственную субсидію, преподаванія религіи и католической морали, освобождая отъ него лишь тѣхъ учащихся коммунальныхъ школъ, родители которыхъ подадутъ письменное о томъ заявленіе. Мало того, тотъ же законъ требуетъ, чтобы преподаваніе всѣхъ прочихъ предметовъ программы велось въ духѣ католической религіи, и лишь въ тѣхъ классахъ, гдѣ есть ученики, освобожденные отъ обязательнаго прохожденія курса религіи, преподаваніе прочихъ предметовъ должно вестись въ нейтральномъ духѣ.

Приводимъ теперь цифры учащихся, обучавшихся въ 1909 году во всѣхъ школахъ, подчиненныхъ государственному контролю, подраздѣливъ ихъ на три разряда:

1) Не проходившихъ курса религіи . . .	28.000 учащихся	3%
2) Проходившихъ курсъ религіи, но обучавшихся въ классахъ, свободныхъ отъ религіознаго режима	174.000 „	19%
3) Проходившихъ курсъ религіи и обучавшихся въ классахъ съ религіознымъ режимомъ	712.000 „	78%
Итого . . .	914.000 учащихся	100%

Вотъ истинное мѣрило степени клерикализаціи бельгійской начальной школы: 78% учащихся всецѣло во власти церкви, 19% — отчасти подъ ея вліяніемъ и лишь 3% — совершенно отъ него свободны.

А слѣдующія цифры помогутъ понять, въ чемъ заключаются матеріальныя условія успѣха католической школы.

большинствѣ конгрегаціонныя, ремесленныя школы, такъ называемыя „школы-фабрики“. О нихъ мы скажемъ нѣсколько словъ въ слѣдующемъ изложеніи.

Въ 1911 году общій бюджетъ начальнаго народнаго образованія (считая въ томъ числѣ дошкольное и послѣшкольное) равнялся 57 милліонамъ франковъ; изъ нихъ на долю государственнаго казначейства приходилось 25 милліоновъ. Эти 25 милліоновъ распределялись такъ:

Школамъ коммунальнымъ	9.000.000 фр.
„ конгрегационнымъ	16.000.000 фр.

Для ясности картины надо сказать, что 9.000.000 фр. субсидій, тратившихся на коммунальныя школы, идутъ почти цѣликомъ на коммунальныя *конфессіональныя* школы, такъ какъ статьи закона и королевскіе указы, разъясненные министерскими циркулярами, ставятъ въ особо благоприятныя условія мелкія сельскія коммуны католической Фландріи.

Создавшееся ко времени изданія новаго закона положеніе дѣлъ не удовлетворяло однако ни одну изъ борящихся за власть и вліяніе партій. Чувствуя всю шаткость своего положенія, обладая въ палатѣ большинствомъ всего въ 16 мѣстъ, а въ странѣ нѣсколькими тысячами лишнихъ голосовъ, поданныхъ за нихъ на послѣднихъ выборахъ, внимательно слѣдя, если не за количественнымъ, то за качественнымъ успѣхомъ свѣтской школы, католики фатально принуждены стремиться къ окончательной клерикализіи школы, какъ наиболѣе вѣрному способу обезпеченія власти: 202 тысячи учащихся, ускользающихъ, а частью уже ускользнувшихъ изъ-подъ вліянія церкви — это крупная сила, которая въ будущемъ можетъ рѣшить участь страны и лишить католиковъ такъ долго находившейся въ ихъ рукахъ власти. Съ другой стороны, созданныя католическими конгрегациями школы, не смотря на щедрую поддержку со стороны государства и католическихъ коммунъ, требовали отъ конгрегаций и вѣрующихъ и преданныхъ сыновъ церкви все большихъ и большихъ денежныхъ затратъ. Прогрессъ школьной техники обходится довольно дорого, учителя, которымъ конгрегации платятъ нищенское жалованіе, все настойчивѣе и настойчивѣе требуютъ улучшенія своего положенія. Либеральныя и социалистическія коммуны, не желая средствъ, обставляютъ свои школы по послѣднему слову техники, устраиваютъ школьныя столовыя, школьныя колоніи, роздаютъ неимущимъ ученикамъ пищу, обувь и одежду и т. д. Все это создаетъ конкуренцію конгрегационнымъ школамъ, которыя въ подобныхъ коммунахъ начинаютъ иногда даже вытѣсняться свѣтскимъ. Конкуренція стоитъ денегъ, а рвеніе и усердіе вѣрующихъ, видимо, начинаетъ ослабѣвать, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о денежныхъ сборахъ. Но въ такомъ случаѣ пусть платитъ государство, пусть платятъ провинціи, пусть платятъ тѣ самыя коммуны, которыя, очевидно, имѣютъ слишкомъ много денегъ, если, не стѣсняясь, могутъ расхо-

довать такія крупныя суммы на устройство и оборудованіе своихъ безбожныхъ школъ.

На маллинскомъ ¹⁾ конгрессѣ католическихъ учителей и дѣятелей конгрегационной школы были ясно и отчетливо формулированы desiderata католиковъ, легшія въ основу будущаго школьнаго законопроекта:

1) Вытѣсненіе свѣтской школы путемъ новыхъ привилегій конфессіональной.

2) Дальнѣйшее обложеніе государства, провинцій и коммунъ въ пользу конгрегационной школы.

Въ свою очередь еще менѣе могла быть довольна существующимъ положеніемъ дѣлъ либеральная и социалистическая оппозиція. Въ странѣ, гдѣ существуетъ абсолютная свобода совѣсти, слова, печати, собраний, гдѣ значительное большинство гражданъ въ политическихъ вопросахъ идетъ за социалистами и либералами, — существованіе въ такой странѣ привилегированной конфессіональной школы кажется дикимъ анахронизмомъ. Къ соображеніямъ политическаго и этическаго характера непосредственно примыкають и экономическія: умственная и профессиональная отсталость бельгійскаго рабочаго и конкуренція дѣтскаго труда, занятаго на мелкихъ фабрикахъ и заводахъ и препятствующая развитію бельгійской крупной промышленности. И либерализмъ, поддерживаемый социалистическими дѣятелями, не менѣе ясно, чѣмъ католики, формулировалъ свои требованія:

1) Освобожденіе коммунальныхъ школъ изъ-подъ католической опеки и прекращеніе субсидированія конгрегационныхъ школъ;

2) Введеніе обязательнаго и бесплатнаго всеобщаго обученія;

3) Расширеніе программы преподаванія; созданіе 4-хъ классовъ профессиональнаго характера;

4) Удлинненіе срока обученія на 2 года; установленіе школьнаго возраста въ 8 лѣтъ;

5) Улучшеніе матеріальнаго положенія учителей.

На почвѣ этихъ двухъ противоположныхъ рядовъ требованій и шла парламентская борьба.

Что же даетъ новый законъ, какъ отвѣчаетъ онъ назрѣвшимъ потребностямъ?

При изложеніи содержанія закона нѣтъ никакой возможности слѣдовать тому порядку, въ которомъ идутъ его статьи. Наученные горькимъ опытомъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія Сколларта, внесшаго въ 1911 году откровенно реакціонный школьный законопроектъ, проваленный, подъ давленіемъ охватившаго страну возмущенія, даже клерикальнымъ большинствомъ палаты, новый министръ народнаго просвѣщенія, Пулаз,

¹⁾ Городокъ Maline, мѣстопребываніе бельгійскаго кардинала-архіепископа, въ 20 километрахъ отъ Брюсселя.

Постарался замаскировать, насколько возможно, реакціонную сущность законопроекта. Отдѣльныя главы его украшены торжественными заголовками: обязательность обученія, программа обученія (4-й классъ), содержаніе учителей, бесплатность обученія. Всѣ же реакціонныя распоряженія скрыты въ многочисленныхъ примѣчаніяхъ и изъятіяхъ, помѣщенныхъ въ концѣ каждого отдѣла и, главнымъ образомъ, въ пятой, послѣдней главѣ, имѣющей скромный заголовокъ: „разныя распоряженія“.

Дважды, въ двухъ различныхъ главахъ двумя различными параграфами законъ подтверждаетъ старую программу преподаванія, съ ея обязательнымъ обученіемъ религіи и подчиненіемъ преподаванія свѣтскихъ предметовъ религіозному режиму (ст. 30 п. 4 и ст. 13). Подтверждается право коммунъ вмѣсто открытія собственной школы усыновлять одну или нѣсколько конгрегаціонныхъ (ст. 27). Запрещается учителямъ задѣвать религіозныя убѣжденія тѣхъ семействъ, дѣти которыхъ ввѣрены ихъ попеченію (ст. 31). Закрѣплено освобожденіе учителей „усыновленныхъ“ и „обладающихъ необходимыми для усыновленія качествами“ школъ отъ обязанности имѣть учительскіе дипломы (ст. 30), а дирекціи этихъ школъ—отъ обязанности платить такимъ учителямъ устанавливаемый закономъ минимальный окладъ жалованья (ст. 17).

Помимо 16 милліоновъ франковъ ежегодныхъ субсидій, уже платимыхъ государствомъ конгрегаціоннымъ школамъ, новый законъ даетъ имъ около 8 милліоновъ новыхъ субсидій, составляющихся изъ слѣдующихъ цифръ:

1) Периодическія прибавки къ жалованію монаховъ и монахинь (ст. 17 и 20)	1.743,375 фр.
2) Классныя пособія конгрегаціоннымъ школамъ (ст. 25)	1.114,521 „
3) Дополнительные субсидіи для тѣхъ же школъ (ст. 18)	1.584,325 „
4) На вознагражденіе директоровъ тѣхъ же школъ (ст. 21)	200.000 „
5) На содержаніе дополнительныхъ четвертыхъ классовъ при тѣхъ же школахъ около	4.500,000 „

Правда, всѣ роды пособій, кромѣ указанныхъ нами подъ пунктомъ третьимъ (ст. 18 закона), будутъ получать и всѣ прочія школы, но, чтобы судить объ оказываемомъ конгрегаціоннымъ школамъ преимуществѣ, достаточно сказать, что въ то время, какъ на каждый классъ конгрегаціонной школы такихъ пособій будетъ приходиться 2.169 фр. въ годъ, на классъ коммунальной—всего лишь 649 фр.

Но указанными суммами еще не исчерпывается та матеріальная поддержка, которую законъ оказываетъ конгрегаціонной школѣ. Прогрессивныя коммуны уже давно ввели у себя школьный медицинскій надзоръ. Ст. 34 дѣлаетъ этотъ надзоръ обязательнымъ для всѣхъ коммунъ и возлагаетъ на нихъ всѣ связаные съ нимъ расходы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ назначеніе школьныхъ

медицинскихъ инспекторовъ только для коммунальныхъ школъ будетъ зависѣть отъ коммунальныхъ совѣтовъ. Во всѣхъ же конгрегационныхъ школахъ приглашеніе и увольненіе медицинскихъ инспекторовъ будетъ всецѣло находиться въ рукахъ дирекціи этихъ школъ, коммуны же должны оплачивать ихъ расходы, не имѣя права ни требовать отчета въ расходованіи отпускаемыхъ суммъ, ни производить контроля дѣятельности инспекторовъ.

Не менѣе удивительна и другая статья закона, возлагающая на коммуны часть расходовъ конгрегационныхъ школъ. Она касается организуемыхъ коммунами и провинціями дѣтскихъ столовыхъ, школьныхъ колоній, раздачи дѣтямъ, посѣщающимъ школы, пищи, одежды и т. д., и гласитъ, что вся подобная дѣятельность провинцій и коммунъ должна производиться впредь лишь съ утвержденія короля, что принятыя до сихъ поръ коммунами и провинціями рѣшенія подобнаго рода должны быть пересмотрѣны въ годичный срокъ и что король имѣетъ наблюденіе за тѣмъ, чтобы подобнаго рода „благодѣянія“ оказывались коммунами и провинціями всѣмъ дѣтямъ, безъ различія посѣщаемыхъ ими школъ. Разумѣется, что о подобныхъ же обязанностяхъ равенства для конгрегацій въ законѣ нѣтъ ни слова (ст. 26).

Обязательности начального обученія посвящены первыя двѣнадцать статей новаго закона. Торжественно провозгласивъ первымъ пунктомъ первой статьи, что всякій отецъ долженъ дать начальное образованіе своимъ дѣтямъ, законъ всѣмъ слѣдующими статьями сводитъ эту обязанность къ нулю. Второй пунктъ первой статьи говоритъ, что родители могутъ давать образованіе своимъ дѣтямъ на дому или въ любой частной школѣ, а ст. 10, устанавливающая надзоръ правительственной инспекціи за соблюденіемъ закона, изъясняетъ изъ-подъ этого надзора тѣхъ дѣтей, которыя, по заявленію родителей, обучаются на дому. Хотя для частныхъ школъ такого изъятія и не установлено, но такъ какъ онѣ не подчинены общему надзору правительственной и коммунальной инспекціи, то право инспектора на надзоръ сводится лишь къ праву каждые два мѣсяца требовать отъ этихъ школъ свѣдѣнія о числѣ и именахъ обучающихся въ нихъ учениковъ, безо всякой возможности произвести фактическую повѣрку полученныхъ отвѣтовъ и списковъ. Этотъ умышленный пробѣлъ закона, безъ сомнѣнія, покровительствуетъ многочисленнымъ такъ называемымъ школамъ-фабрикамъ, почти исключительно принадлежащимъ конгрегаціямъ и монастырямъ. Школы-фабрики—это очень оригинальныя учрежденія. Подъ видомъ обученія дѣтей грамотѣ и ремесламъ въ монастырскомъ помѣщеніи эксплуатируются самымъ безобразнымъ образомъ дѣти въ возрастѣ 6-7 лѣтъ, главнымъ образомъ на работахъ, требующихъ ловкихъ и проворныхъ дѣтскихъ рукъ и остраго дѣтскаго зрѣнія: плетеніе знаменитыхъ тончайшихъ брюссельскихъ кружевъ, мельчайшія рѣзные работы по дереву и металлу, производство все-

возможныхъ предметовъ роскоши сосредоточены на этихъ школахъ-фабрикахъ. Само собою разумѣется, что всѣ издѣлія ихъ идутъ на продажу, трудъ же дѣтей не оплачивается ни однимъ сантимомъ. А такъ какъ эти школы-фабрики не подчинены надзору ни фабричной, ни школьной инспекціи, то эксплуатація дѣтей на нихъ принимаетъ иногда чудовищныя формы и размѣры. За отсутствіемъ официальныхъ данныхъ трудно установить число такого рода учреждений. Но о степени ихъ распространенія можно судить хотя бы по тому, что однихъ только школъ-фабрикъ для кружевницъ въ маленькой Бельгіи существуетъ не менѣе 160.

Ст. 2-я устанавливаетъ прямыя изыятія изъ обязательности обученія для четырехъ группъ дѣтей: 1) для проживающихъ въ рѣдко населенныхъ мѣстностяхъ, гдѣ на разстояніи болѣе 4 километровъ не имѣется школы, 2) для тѣхъ родителей, религіозныя убѣжденія которыхъ не позволяютъ имъ посылать своихъ дѣтей ни въ одну изъ школъ, находящихся въ районѣ 4-хъ-километроваго радіуса, 3) для тѣхъ родителей, которые по характеру своихъ занятій не имѣютъ постоянного мѣстожительства и 4) для дѣтей слабыхъ, болѣзненныхъ и умственно отсталыхъ, если въ томъ же 4-хъ-километровомъ районѣ нѣтъ спеціальной для нихъ школы.

Статьями 3-й и слѣдующими устанавливается продолжительность начального обученія (школьный возрастъ, число учебныхъ дней въ году, порядокъ надзора за исполненіемъ закона, отвѣтственность за его неисполненіе). Продолжительность школьнаго обученія опредѣлена въ восемь лѣтъ по 235 учебныхъ дней въ году (ст. 3 и 7). Но это опять-таки простая декорация, скрывающая истинное требованіе закона, которое въ дѣйствительности устанавливается примѣчаніями къ нему и исключеніями изъ него. Примѣчанія и исключенія позволяютъ всѣмъ желающимъ сократить срокъ обученія до шести лѣтъ по 200 учебныхъ дней. Примѣчаніе къ ст. 3 гласитъ, что школьный возрастъ, по желанію родителей, вмѣсто требуемыхъ по закону 6 лѣтъ можетъ начинаться съ 7 лѣтъ, а ст. 5, устанавливающая школьныя свидѣтельства, позволяетъ окончить обученіе вмѣсто 14 лѣтъ въ возрастѣ 13 лѣтъ, если ребенокъ къ этому времени получить такое свидѣтельство. 2-й и слѣдующій пункты ст. 7-й устанавливаютъ для учащихся 3-го и 4-го классовъ, т. е. для дѣтей 10 — 14-лѣтняго возраста, такъ называемые школьные отпуска втеченіе 35 дней въ году, сверхъ обычныхъ праздниковъ, вакацій и льготныхъ 3 полу-дней втеченіе мѣсяца, когда дѣти могутъ пропускать занятія, не представляя объясненій причинъ пропуска. Школьные отпуска должны быть приурочены ко времени сезонныхъ работъ, въ частности, въ сельскихъ школахъ, ко времени сельскохозяйственныхъ работъ. Какой просторъ даютъ всѣ эти постановленія эксплуатаціи дѣтскаго труда въ странѣ, гдѣ лишь въ крупной, фабрично-заводской промышленности занято не менѣе 70.000 дѣтей школьнаго возраста,

гдѣ число дѣтей, работающихъ въ мелкой ремесленной и сельскохозяйственной промышленности, исчисляется сотнями тысячъ на общее число ихъ въ одинъ миллионъ, гдѣ дѣтскій трудъ начинается эксплуатироваться съ 4-хъ-лѣтняго возраста, какъ заявлялъ въ своей рѣчи, оставшейся неопровергнутой и подкрѣпленной точными документами депутатъ лѣвой — Гюисмансъ. Нельзя же говорить, какъ о серьезномъ препятствіи эксплуатаціи дѣтей — о штрафѣ, размѣромъ отъ одного до десяти франковъ, который можетъ быть наложенъ мировымъ судьей при упорномъ, повторномъ неисполненіи главою семьи требованій настоящаго закона (ст. 11).

Теперь перейдемъ къ изложенію главы 4-й закона, логически непосредственно связанной съ обязательностью обученія, — о бесплатности обученія. Подобно тому, какъ при организаціи школьной медицины роль коммуны по отношенію къ конгрегаціоннымъ школамъ сводится къ простой оплатѣ расходовъ, производимыхъ дирекціей этихъ школъ, такъ точно и провинціи, при оплатѣ расходовъ на учебники и классныя принадлежности, не получили даже права контроля за расходованіемъ отпускаемыхъ ими суммъ. Онѣ должны ежегодно уплачивать коммунамъ въ коммунальныхъ школахъ и дирекціи въ конгрегаціонныхъ по 2 франка на каждого ученика и по 3—на ученицу, не будучи въ правѣ не только потребовать на просмотръ приобретаемыхъ учебниковъ, но даже не получивъ возможности убѣдиться въ томъ, что отпускаемыя ими суммы—а онѣ въ общей сложности составляютъ не менѣе 3 миллионновъ — будутъ израсходованы по назначенію. Одна статья этого отдѣла—ст. 24 закона—говоритъ собственно о бесплатности обученія. Но принципъ бесплатности, провозглашенный п. 1-мъ этой статьи, въ дѣйствительности уничтоженъ слѣдующимъ же пунктомъ, который гласитъ, что если въ коммунѣ есть достаточное число школъ для бесплатнаго обученія, то могутъ быть какъ коммунами, такъ и конгрегаціями открываемы и платныя школы, при чемъ и платныя школы не теряютъ права на субсидированіе со стороны государства, провинцій и коммунъ. Такъ какъ обязанность открытія достаточнаго числа школъ для бесплатнаго обученія законъ возлагаетъ на коммуны, то этимъ самымъ конгрегаціонныя школы въ сущности изъяты изъ обязанности давать бесплатное обученіе, коммунальныя же и до изданія закона фактически были бесплатныя.

Программа преподаванія оставлена та-же самая, что была установлена органическимъ закономъ 1884-1895 гг.: религія и мораль, чтеніе, письмо, элементы счисленія, законная система мѣръ и вѣсовъ, элементарная грамматика одного изъ трехъ языковъ: французскаго, фламандскаго или нѣмецкаго, смотря по мѣстнымъ нуждамъ, географія, исторія Бельгіи, элементы рисованія, начала гігіены, пѣніе и гимнастика. Далѣе: для дѣвчонокъ—шитье, для мальчиковъ—элементарныя познанія по земледѣлію.

Новый законъ развиваетъ эту программу слѣдующимъ образомъ: для дѣвочекъ должны, сверхъ предметовъ старой программы, преподаваться еще домашняя экономія и домоводство и въ сельскихъ коммунахъ начала земледѣлія и садоводства; для мальчиковъ: въ сельскихъ коммунахъ—начала земледѣлія и садоводства, въ прочихъ—начала естествознанія. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи программа эта, пополняемая королевскими указами, должна образовать четвертый дополнительный классъ начальной школы для технической и профессиональной подготовки учащихся (ст. 13). Втеченіе пятилѣтняго срока со дня опубликованія закона на всѣ коммуны возлагается обязанность устройства такихъ дополнительныхъ классовъ, при чемъ нѣсколько мелкихъ коммунъ, съ утвержденія короля, могутъ устраивать ихъ совместно (ст. 14).

Весь смыслъ и значеніе этихъ статей закона, который однимъ изъ депутатовъ палаты были названы „греческой колонной на фасадѣ іезуитскаго храма“, заключается въ оставленіи въ силѣ того, противъ чего такъ долго и бесполезно боролась вся свободомыслящая часть страны: старой программы, съ ея обязательнымъ преподаваніемъ религіи и подчиненіемъ свѣтскихъ предметовъ церковному духу. Греческая же колонна, преподаваніе естествознанія и 4-й, профессиональный классъ, грозятъ остаться только на планѣ у архитектора. Мы не будемъ говорить о затрудненіяхъ, связанныхъ съ согласованіемъ естествознанія и догматовъ католической религіи — учитель, монахъ изъ іезуитскаго ордена, сумѣетъ справиться съ этой задачей, если не во славу науки, то во славу церкви. Существуетъ другое, не менѣе существенное препятствіе къ открытію и во всякомъ случаѣ къ процвѣтанію этихъ проектируемыхъ четвертыхъ классовъ. Это препятствіе заключается въ колоссальномъ недостаткѣ подготовленныхъ учителей.

Учительское образованіе получается въ Бельгіи въ такъ называемыхъ нормальныхъ школахъ. Всѣ учителя коммунальныхъ школъ и половина учительскаго персонала „усыновленныхъ“ коммунами должны обладать дипломомъ нормальной школы. Всѣхъ нормальныхъ школъ въ 1911 году было 57: 13—государственныхъ, 40 конгрегаціонныхъ-конфессіональныхъ и 4 — коммунальных и провинціальныхъ-свѣтскія. Въ томъ же году:

Учительскихъ мѣстъ было	21.783
Изъ нормальныхъ школъ выпущено дипломированныхъ учителей	963
Процентное отношеніе второго числа къ первому . .	4,4%

Разумѣется, этого числа новыхъ учителей не хватило бы для пополненія естественной убыли учителей (смерть и болѣзни) даже въ томъ случаѣ, еслибы всѣ воспитанники нормальныхъ школъ занимали учительскія мѣста. Но они предпочитаютъ уходить на частную службу или занимать мѣста чиновниковъ, гдѣ пользуются

большими служебными правами и лучшими матеріальными условиями. Немудрено поэтому, что государство всячески облегчаетъ условия экзаменовъ на званіе учителя начальной школы для лицъ, не окончившихъ нормальной школы, и всетаки не находитъ достаточнаго числа учителей. Въ 1911 году болѣе 12% (2.765 изъ 21.783) учителей были полуграмотные монахи, не обладающіе никакими дипломами и не державшіе никакихъ экзаменовъ.

Каковы познанія дипломированныхъ учителей, выходящихъ изъ католическихъ нормальныхъ школъ, объ этомъ можно судить по слѣдующему признанію клерикальнаго оффиціоза, газеты „XX вѣкъ“ (Le XX siècle):

„Хотя въ программахъ этихъ школъ и стоитъ естествознаніе, но можно окончить курсъ безъ малѣйшихъ познаній по физикѣ, химіи, ботаникѣ, зоологіи, минералогіи и геологіи“.

Такимъ образомъ, еслибы правительство серьезно желало ввести по всей Бельгіи дополнительные четвертые классы, оно должно было-бы въ первую же очередь указать въ законѣ способы и средства, которые дали бы возможность втеченіе пяти лѣтъ подготовить свыше 7000 новыхъ учителей, и въ достаточной степени повысить какъ уровень преподаванія въ коффессиональныхъ нормальныхъ школахъ, такъ и профессиональныя условия службы учителя, для того, чтобы привлечь и удержать на службѣ талантливыхъ и способныхъ учителей. О первомъ и о второмъ въ законѣ нѣтъ ни слова, что же касается третьяго — улучшенія матеріальнаго положенія учителя, то глава третья закона, къ разсмотрѣнію которой мы сейчасъ переходимъ, даетъ ясный отвѣтъ на то, какъ смотрѣли на этотъ вопросъ его творецъ — министр Пуллэ — и воспріемники — католическая партія палаты и сената.

Основной окладъ жалованія учащаго состоитъ изъ двухъ частей: 1) оклада въ 1.200 франковъ для учителя и въ 1.100 франковъ для учительницы и квартирныхъ, смотря по величинѣ коммуны, въ которой находится школа, въ 150, 200, 300 или 400 франковъ, причемъ учащіе, пользующіеся готовой квартирой, квартирныхъ денегъ, конечно, не получаютъ (ст. 16).

Къ этому основному окладу добавляются періодическія прибавки по 100 франковъ: для учителей — черезъ каждые полные 2 года службы, для учительницъ — черезъ 3 года, втеченіе первыхъ 30 лѣтъ службы (ст. 20). Кромѣ того, назначены дополнительные вознагражденія: 1) за завѣдываніе школой — по 50 франковъ за классъ, однако не менѣе 100 и не болѣе 300 франковъ въ годъ и 2) за обладаніе спеціальнымъ дипломомъ сверхъ нормальнаго учительскаго, причемъ размѣръ этого вознагражденія опредѣляется каждый разъ министромъ народнаго просвѣщенія, но не можетъ быть выше 100 франковъ въ годъ (ст. ст. 21 и 22). Учителя (но не учительницы!) по истеченіи 14 лѣтъ службы получаютъ право на стипендіи для своихъ дѣтей за счетъ государства въ нор-

мальныхъ конфессіональныхъ (государственныхъ и конгрегаціонныхъ) школахъ (ст. 23).

Этимъ перечисленіемъ исчерпывается все, что обезпечивается государствомъ для учителя, имѣющаго учительскій дипломъ (учителя конгрегаціонныхъ школъ, не обладающіе дипломомъ и живущіе въ монастырскихъ общежитіяхъ, дѣйствію настоящаго закона не подчинены и получаютъ вознагражденіе по свободному договору съ дирекціей этихъ школъ). Далѣе законъ содержитъ лишь рядъ изъятій, въ значительной степени ухудшающихъ положеніе учителя. Женатые учитель и учительница, служащіе въ одной и той же школѣ, имѣютъ право только на одну квартиру или только на одно квартирное вознагражденіе; допускается раздѣленіе большихъ коммунъ на нѣсколько частей съ цѣлью уменьшенія квартирнаго вознагражденія (ст. 16). Коммунальному совѣту предоставлено право, съ утвержденія министра, лишать учителей, въ видѣ дисциплинарнаго взысканія, права на очередную періодическую прибавку. Это лишеніе очередной прибавки наступаетъ само собою, безъ особаго постановленія, если учитель или учительница въ двухъ или трехлѣтній періодъ, предшествующій прибавкѣ, были подвергнуты дисциплинарному взысканію, высшему, чѣмъ то, которое можетъ налагать на нихъ коммунальный совѣтъ (ст. 20). Въ своемъ стремленіи ограничить права учителей законъ доходитъ даже до того, что изъ жалованья учителя удерживается въ пользу замѣстителя $\frac{1}{10}$ часть, если учитель настолько боленъ, что не можетъ посѣщать школу (ст. 29).

О размѣрахъ же увеличенія жалованія по сравненію съ дѣйствующимъ въ настоящее время законодательствомъ можно судить по слѣдующей таблицѣ, дающей размѣръ жалованія учителя и учительницы въ коммунѣ четвертаго разряда (сюда относятся 90% всѣхъ учащихся).

Годы службы.	Жалованье (франковъ въ годъ).				Годы службы.	Жалованье (франковъ въ годъ).			
	Учителю.		Учительницѣ.			Учителю.		Учительницѣ.	
	По старому закону.	По новому закону.	По старому закону.	По новому закону.		По старому закону.	По новому закону.	По старому закону.	По новому закону.
1	1.400	1.350	1.300	1.250	17	2.100	2.150	1.900	1.750
3	1.400	1.450	1.300	1.250	19	2.100	2.250	1.900	1.850
5	1.550	1.550	1.450	1.350	21	2.250	2.350	2.050	1.850
7	1.550	1.650	1.450	1.450	23	2.250	2.450	2.050	1.950
9	1.700	1.750	1.600	1.450	25	2.400	2.550	2.200	2.050
11	1.700	1.850	1.600	1.550	27	2.400	2.650	2.200	2.050
13	1.850	1.950	1.750	1.650	29	2.400	2.750	2.200	2.150
15	1.850	2.050	1.750	1.650	31	2.400	2.850	2.200	2.250

Таблица эта говоритъ сама за себя: учительница, не обладающая дипломомъ сверхъ нормальнаго и не завѣдующая школой, по-

лучить лишнихъ 50 франковъ въ годъ только съ 31-го года службы и потерять за предыдущія 30 лѣтъ около 3.000 франковъ. Учитель, въ тѣхъ-же условіяхъ, съ седьмого года будетъ получать по 100 франковъ въ годъ лишнихъ, а всего за 30 лѣтъ службы получить лишнихъ около 3.000 франковъ. Если же принять во вниманіе, что учителей старослужащихъ сравнительно очень немного и что число учительницъ значительно выше числа учителей, то станетъ ясно, что особымъ опустошеніемъ государственной и коммунальнымъ кассамъ эти статьи новаго закона не грозятъ. Не даромъ же въ законъ понадобилось ввести оговорку, что тѣ учителя, которые по рапѣе дѣйствовавшему законодательству, къ моменту введенія въ дѣйствія новаго, получали высшее вознагражденіе, чѣмъ обезпечиваемое настоящимъ закономъ, не могутъ быть подвергнуты уменьшенію жалованья.

Насколько низки размѣры учительскаго вознагражденія, ясно изъ слѣдующей таблицы, дающей сравненіе условій службы учителя и послѣдней служебной ступицы въ административной колесницѣ Бельгіи—жандарма (чинъ, вродѣ нашего полицейскаго стражника и во всякомъ случаѣ ниже урядника).

Условія службы.	Жандарма.	Учителя.
1) Окладъ	1.360 фр.	1.200 фр.
2) Квартира	Готовая.	Готовая или 150 фр.
3) Періодическія прибавки	Одинаковыя.	
4) Дополнительное вознагражденіе семейнымъ на каждого ребенка въ годъ	200 фр.	Вступивъ въ бракъ, учитель и учительница рискуютъ потерять 150 фр. квартирныхъ.
5) Медицинская помощь и лекарства	бесплатно	Удерживается 1/10 часть жалованья и не получаетъ никакой помощи.

Понятно, при такихъ условіяхъ службы государство не можетъ рассчитывать на привлеченіе къ учительской дѣятельности новыхъ силъ, кромѣ полуграмотныхъ монаховъ и монахинь. Но къ этой цѣли, несомнѣнно, и направлены всѣ постановленія новаго закона.

Чтобы покончить съ изложеніемъ содержанія новаго закона, намъ остается привести еще три статьи его, не нашедшихъ себѣ мѣста въ предыдущемъ изложеніи. Ст. 28, регистрируя уже совершившіеся факты, разрѣшаетъ коммунамъ тамъ, гдѣ это позволитъ численность населенія, устраивать школы для слабо развитыхъ, отстающихъ или ненормальныхъ дѣтей. Большой интересъ представляетъ ст. 15, трактующая о языкѣ преподаванія. Такимъ языкомъ по закону является материнскій языкъ учащихся, при чемъ въ коммунахъ, лежащихъ на границѣ двухъ языковъ, а также въ городѣ Брюсселѣ, со смѣшаннымъ французско-фламандскимъ населеніемъ, допускаются нѣкоторые изыятія изъ установленнаго правила. Эти изыятія опредѣляются министерскимъ приказомъ.

Материнскимъ языкомъ учащагося считается тотъ, который былъ заявленъ отцомъ семейства при поступленіи ученика въ школу. Однако, если учитель находитъ, что ученикъ недостаточно владѣетъ этимъ языкомъ, то вопросъ о языкѣ рѣшаетъ школьный инспекторъ. Последнее постановленіе, несомнѣнно, направлено противъ наблюдаемой за последнее время тенденціи нѣкоторой части родителей фламандцевъ давать своимъ дѣтямъ образованіе на болѣе культурномъ и распространенномъ французскомъ языкѣ. Наконецъ, ст. 12 закона, грозить штрафомъ отъ 50 до 500 фр. всякому, кто съ цѣлью повліять на выборъ главою семьи школы для своихъ дѣтей будетъ пользоваться угрозами или оскорбленіями или заставить опасаться потери мѣста или причинить ущербъ его личности, имуществу или семейству. Этотъ штрафъ удваивается, если виновный является чиновникомъ или офицеромъ на дѣйствительной службѣ.

Статья за статьей мы прослѣдили весь новый школьный законъ Бельгіи, пытаясь, насколько возможно, попутно отмѣтить конкретныя условія, въ которыхъ онъ будетъ находить себѣ примѣненіе. Каково же мнѣніе страны по этому поводу, каково ея отношеніе къ новой политикѣ усиленія католическаго могущества?

Правыя партіи не скрываютъ своего восторга по поводу одержанной побѣды. Окончательное принятіе закона въ сенатѣ 14 мая сопровождалось такими бурными проявленіями торжества католической партіи, такой экспансивностью въ словахъ, кликахъ и жестахъ, какой никакъ нельзя было подозрѣвать у чопорныхъ и медлительныхъ фламандцевъ-католиковъ. Правыя газеты наполнены хвалебными статьями автору закона—министру Пуллэ и его вдохновителю, бывшему министру народнаго просвѣщенія, а нынѣ председателю палаты—Сколларту. Докладчикъ закона въ палатѣ—сынъ мелкаго торговца, Вустъ,—получилъ за него графскій титулъ.

Либералы и социалисты, умѣренная и радикальная оппозиція въ палатѣ депутатовъ и въ сенатѣ почти сошлись въ оцѣнкѣ новаго закона. Прочитанныя ими передъ удаленіемъ изъ палатъ при окончательномъ голосованіи закона деклараціи отличаются другъ отъ друга болѣе по формѣ и рѣзкости выраженій, чѣмъ по существу.

Либералы палаты заявляютъ: „Законъ возлагаетъ на обязанность общественныхъ учрежденій содержаніе частныхъ школъ, основанныхъ конгрегаціями и политическими комитетами, суверенно управляемыми епископатамъ. Такимъ образомъ онъ оскорбляетъ текстъ и духъ конституціи... Онъ стремится свести къ нулю и постепенно уничтожить общественное обученіе, изъ котораго крупныя бельгійскія коммуны сдѣлали образцовое и безупречное обученіе, подчиненное контролю мѣстныхъ властей, отвѣтственныхъ передъ семьями и избирателями... Это—произведеніе моральной и интеллектуальной реакціи... Государство будетъ платить, но оно не сохраняетъ за собою никакого контроля ни за назначеніемъ

учителей, ни за методомъ преподаванія, ни за выборомъ книгъ. Препія ясно обнаружили тотъ духъ, благодаря которому прошель законъ... Рѣчи докладчика закона Вуста свидѣлствуютъ о страстной, не имѣющей границъ нетерпимости, диктовавшей большинству всѣ его дѣйствія... Католики переполнили мѣру фанатичной тенденціозности, отвергнувъ поправку Ванъ-де-Валле, который просилъ обученія морали для дѣтей, освобожденныхъ отъ обязанности обучаться религіи, и увѣщали свое зданіе, отвергнувъ поправку Ферона, которая ограничивалась всего лишь возложеніемъ на учителей субсидируемыхъ школъ обязанности уважать философскія и религіозныя убѣжденія семей... Благодаря новому закону, государство получаетъ право и обязанность утверждать, что въ морали католическаго культа существуетъ только ложь, низость души, вѣроломство и безнравственность... Этотъ законъ—источникъ глубокой моральной и соціальной розни... Онъ вызываетъ школьную войну и ставитъ дѣтей и родителей на враждебныя позиціи... Либеральная лѣвая отказывается принять участіе въ окончательномъ голосованіи и удостоитъ даже отрицательнымъ вотумомъ антиконституціонный и антипатріотичный законъ, который дѣлаетъ просвѣщеніе орудіемъ розни, политическимъ оружіемъ въ рукахъ одной партіи и компрометируетъ будущее націи“.

А умѣренные соціалисты бельгійскаго сената нашли нужнымъ добавить къ приведенной характеристикѣ еще и новыя черты:

„Повсюду самыми ненавистными партійными законами являются тѣ, которые стремятся взять въ свои руки юношество націи и конфисковать ея будущность.“

„Изъ всѣхъ нашихъ силъ мы отвергаемъ вашъ законъ, потому что онъ приноситъ рабочему классу только обманъ, одну видимость обязательнаго обученія, такъ какъ вы рѣшились объявить обязательность обученія лишь послѣ того, какъ въ большинствѣ коммуны установили монополію конфессіональнаго обученія.“

„Вы презираете всѣ экономическія и соціальныя нужды народа, отказывая дать, въ видѣ дополненія къ обязательности обученія, школьное питаніе и школьную одежду.“

„Законъ о дѣтскомъ трудѣ, которымъ завтра вы дополните настоящий законъ, позволитъ вплоть до 1920 года употреблять и эксплуатировать на фабрикахъ, заводахъ и верфяхъ дѣтей въ возрастѣ до 12 лѣтъ.“

„Вы дали учительскому персоналу только частичное удовлетвореніе, которое не позволяетъ вознести достоинство этой высокой соціальной функціи до ея истиннаго уровня. Отказывая учителямъ въ одинаковомъ съ учителемъ жалованіи, вы проявили старинную ненависть католичества къ женщинамъ.“

„Вашъ фанатическій законъ носитъ на себѣ печать режима касты, которому мы не долго будемъ подчиняться. Мы заключаемъ демо-

кратическіи коммуны оказывать съ своей стороны упорное сопротивление нашему закону сектанства и войны.

„Вотируйте, господа, но знайте, что битва не окончена, что сражение продолжается и что вопреки всему дѣло справедливости и правды, демократическій и социалистическій идеалъ когда-нибудь восторжествуетъ. Вы слишкомъ слабы, чтобы загородить ему дорогу“.

Хотите знать мнѣніе улицы, толпы? Вотъ что пишетъ самая распространенная бульварная вечерняя газета „La Dernière Heuse“:

„Опустите занавѣсъ! Совершилось. Фарсъ оконченъ. Они получили свой школьный законъ.“

„Господинъ Вустъ—графъ. Монастыри получаютъ нѣсколько новыхъ милліоновъ. На что же еще жаловаться въ Бельгій?“

„Государственная касса опустошена, за то конгрегационныя будутъ полны до верху. Гдѣ они найдутъ денегъ? Не безпокойтесь! Они найдутъ. Денегъ дадутъ гг. поставщики, чтобы получить заказы безъ соревнованія и торговъ, г. Ренкенъ продастъ свои почтовые марки ¹⁾, а если этого не хватитъ, то вѣдь есть неисчерпаемая пропасть прямыхъ и косвенныхъ налоговъ на національную промышленность...“

„Для пересмотра конституціи необходимо двѣ трети голосовъ націи, но для уничтоженія ея достаточно всего одного голоса—голоса Малинского кардинала-архіепископа“.

Оппозиціонныя партіи призываютъ страну къ сопротивленію новому закону. И страна уже сказала свое мнѣніе о немъ. Прогрессивныя коммуны послали въ палату нѣсколько тысячъ петицій, протестующихъ противъ новаго закона, органъ 7,000 членовъ учительскаго бельгійскаго союза, „Journale des Instituteurs“, на другой день послѣ утвержденія закона королемъ пишетъ: „А теперь, товарищи, приготовимся къ защитѣ нашихъ позицій и нашего образованія“. На частичныхъ выборахъ въ палату, недѣлю спустя послѣ утвержденія закона королемъ, католики потеряли около 60,000 голосовъ въ странѣ и 2 кресла въ палатѣ и, если и сохранили еще въ ней большинство въ 12 голосовъ, то лишь благодаря уродливому избирательному закону и „мудрому“ распредѣленію избирательныхъ округовъ.

Страна приготовилась къ самозащитѣ. Будущее покажетъ, кто выйдетъ побѣдителемъ изъ этого второго этапа борьбы.

С. Гарденинъ.

¹⁾ Намекъ на злоупотребленія, открытыя въ министерствѣ колоній, управленіемъ Ренкенъ.

Мѣстные языки и будущія реформы ¹⁾

(Письмо съ Кавказа).

Россія почти не знаетъ Кавказа, какъ и вообще не можетъ похвастаться особеннымъ знаніемъ жизни и прошлаго окраинъ. Въ любой провинціальной бібліотекѣ вы найдете рядъ книгъ о Новой Зеландіи, Австраліи, Тасманіи, но попробуйте спросить изслѣдованія о Сибири, Туркестанѣ, Кавказѣ или объ Уралѣ—библіотекаръ сдѣлаетъ большіе глаза, изъ вѣжливости запишетъ вашу просьбу, пообѣщаетъ при первой возможности выписать требуемую литературу, но въ то же время отмѣтитъ, что вы первый требуете подобныхъ книги. Перелистайте толстые журналы, прослѣдите внимательно за газетами и опять-таки вы натолкнетесь на то же явленіе—объ Аргентинѣ, Бразиліи, даже объ отдѣльныхъ провинціяхъ Китая порою больше пишутъ, чѣмъ объ окраинахъ Россіи. Возьмите, наконецъ, бібліографическіе ежегодники виднѣйшихъ издательствъ и книжныхъ магазиновъ—то же явленіе: книгъ объ окраинахъ почти нѣтъ. Не мудрено, что русская интеллигенція (не говорю объ обывателѣ), почти не знаетъ окраинъ, что въ вопросѣ, касающемся Прованса, Уэльса или одной изъ провинцій Китая, средній русскій читатель иной разъ легче и основательнѣе разбирается, чѣмъ въ вопросѣ, касающемся русской окраины. Трактуя вопросъ о провинціи Китая, русскій интеллигентъ подходитъ къ нему на основаніи фактическаго матеріала, рѣшая же вопросъ относительно нашей окраины, мы обычно руководствуемся только общими положеніями, выведенными изъ отвлеченныхъ нормъ. Наши построенія покоются не на фактическомъ изученіи жизни окраины, а на примѣненіи къ этой почти неизвѣстной намъ жизни принциповъ, выработанныхъ теоріей права, эконоимики, этики и другихъ теоретическихъ дисциплинъ. На бумагѣ получается стройная логическая картина. Создается зданіе, разрушить которое путемъ теоретическихъ нападокъ очень трудно, но которое, не смотря на всю свою стройность, имѣетъ одинъ недостатокъ—у него нѣтъ фундамента, оно въ буквальномъ смыслѣ построено на пескахъ зыбучихъ. Достаточно подойти къ подобному зданію не съ общими

¹⁾ Даваа мѣсто настоящей статьѣ, мы не хотимъ этимъ сказать, что предлагаемое ея авторомъ рѣшеніе вопроса является единственно возможнымъ или безусловно наилучшимъ. Можетъ быть, найти такое рѣшеніе удастся не сразу. Во всякомъ случаѣ важно уяснить себѣ всю практическую трудность проблемы, которая съ принципиальной точки зрѣнія представляется совершенно ясной. Р е д.

теоретическими разсужденіями, а съ требованіями, основанными на изученіи реальныхъ условій мѣстной жизни, и отъ него не останется и слѣда. Тамъ, гдѣ, казалось бы, высилась неприступная твердыня, окажется нѣчто вроде карточного домика.

А между тѣмъ именно теперь, во времена господства націонализма и централизма, русская интеллигенція и должна была бы взяться за дѣйствительное изученіе быта окраинъ, именно теперь необходимо готовиться къ рѣшенію окраиннаго вопроса. Рѣшать его неизбѣжно придется и встанетъ онъ во весь ростъ, какъ только встанутъ и общерусскіе „проклятые вопросы“. А что вопросы эти встанутъ очень скоро и что придутъ они, „яко тать въ нощи“, въ этомъ, думаю, не сомнѣвается ни одинъ человѣкъ, знакомый съ недавнимъ прошлымъ и внимательно приглядывающійся къ настоящему.

Среди этихъ вопросовъ одно изъ первыхъ мѣстъ займетъ вопросъ національный. И надо помнить, что именно русской демократіи придется играть роль арбитра во взаимныхъ спорахъ отдѣльныхъ народностей Россіи при рѣшеніи не общихъ и отвлеченныхъ, а конкретныхъ, вытекающихъ изъ мѣстныхъ условій, проблемъ.

Въ настоящей статьѣ я думаю остановиться на вопросѣ, имѣющемъ громадное значеніе для народовъ Закавказья, — на вопросѣ о мѣстныхъ языкахъ. Къ какой бы сторонѣ жизни Кавказа вы ни подошли, вамъ фатально придется столкнуться съ этой проблемой и, какъ только вы попытаете рѣшить ее, передъ вами немедленно встанутъ серьезные затрудненія.

I.

Для того, чтобы избѣжать общихъ разсужденій, попробуемъ перейти сразу же къ отдѣльнымъ конкретнымъ вопросамъ. Одна изъ наиболѣвшихъ нуждъ Кавказа, это—неправильная организація суда: отсутствіе суда присяжныхъ и судопроизводство на чуждомъ населенію русскомъ языкѣ. На первый взглядъ кажется, что здѣсь даже нѣтъ никакого вопроса. На Кавказѣ нѣтъ суда присяжныхъ, судъ присяжныхъ долженъ быть введенъ. Эта краткая фраза все исчерпываетъ, достаточно произнести ее и вопросъ, казалось-бы, рѣшенъ. На дѣлѣ же далеко не такъ. Прежде всего, Кавказъ страдает не только отъ отсутствія суда присяжныхъ, но и отъ отсутствія *своего суда*. Тотъ судъ, къ которому вынуждено въ настоящее время обращаться населеніе, является для него чуждымъ судомъ, чуждымъ уже по одному тому, что населеніе не понимаетъ языка этого суда, какъ не понимаетъ и самъ судъ языка населенія. Врядъ-ли гдѣ болѣе бьетъ населеніе политика обрусенія, чѣмъ въ судахъ Закавказья. Нужно самому побывать въ этихъ судахъ, нужно послушать, какъ безстрастно казеннымъ языкомъ передаютъ переводчики рѣчи свидѣтелей и подсудимыхъ, нужно послушать

возгласы присяжных повѣренных!)—„это возмутительный перевод!“,—чтобы понять все зло судебного слѣдствія черезъ переводчика. Судъ на Кавказѣ на половину въ рукахъ переводчиковъ. Когда судятъ туземца, когда всѣ свидѣтели тоже туземцы, не понимающіе и не говорящіе по русски (а это бываетъ очень и очень часто), тогда на-половину если не на три четверти, участь подсудимаго зависитъ отъ переводчика. Не буду говорить о подкупности переводчиковъ, о злостномъ вліяніи ихъ на судъ. Нѣтъ, даже при всемъ желаніи быть точнымъ и безпристрастнымъ переводчикъ увлекается дѣломъ, вноситъ въ показаніе свое, передаетъ ихъ въ субъективной окраскѣ. Прежде всего, всѣ переводчики безусловно сокращаютъ показанія, переводятъ рѣчи подсудимыхъ и свидѣтелей не дословно, а въ изложеніи и извлеченіи и уже этого одного достаточно, чтобы исказить эти рѣчи, придать имъ, даже безъ участія злой воли, свой субъективный оттѣнокъ. Кто сокращаетъ, тотъ уже вноситъ свое. Далѣе, когда показаніе не ясно, когда оно сбивчиво, переводчикъ пытается изложить его судьямъ въ болѣе понятной формѣ и опять-таки привноситъ свое и, наконецъ,—это главное—въ устахъ переводчика безнадежно гибнутъ тѣ тонкіе нюансы, та субъективная окраска показанія, которая дѣлаетъ его достовѣрнымъ или лживымъ въ глазахъ суда. Какъ въ дореформенномъ судѣ живые люди заслонялись мертвой бумагой, такъ въ Закавказскомъ судѣ живая рѣчь свидѣтелей и подсудимыхъ заслоняется мертвеннымъ формальнымъ пересказомъ переводчика. И опять таки, повторяю, винить переводчика нельзя. Попробуйте изъ дня въ день по пяти-шести часовъ, а порою и добрыхъ 10-12 часовъ въ сутки, переводить иногда безтолковыя, иногда безсвязныя, иногда страстныя и злобныя рѣчи свидѣтелей и обвиняемыхъ. Нервы неизбежно притупятся, создается формальное безучастное отношеніе къ дѣлу—отзвонилъ и съ колокольни долой²⁾. Переводчикъ въ концѣ большого процесса—это выжатый лимонъ, совершенно измученный, истрепанный человѣкъ. Требовать отъ этихъ людей не формальнаго, не сокращеннаго, а художественнаго, передающаго настроеніе, перевода—значить требовать невозможнаго. Да, наконецъ, такой художественный переводъ и не допустимъ уже потому, что онъ внесетъ, передавая настроеніе, больше субъективизма, чѣмъ формальный переводъ. Ясно—винить переводчиковъ не приходится, но не менѣе ясно, что судъ, сносящійся съ подсудимыми и свидѣтелями черезъ переводчика, по существу своему не можетъ быть судомъ правымъ, какъ не могъ быть имъ и старый дореформенный

¹⁾ Большинство мѣстныхъ присяжныхъ повѣренныхъ емы, знающіе хотъ одинъ изъ мѣстныхъ языковъ

²⁾ Маленькая деталь: переводчикъ все время допроса свидѣтелей обязанъ стоять, какъ каждый, обращающійся къ суду, и уже одно это стояніе втеченіе многихъ часовъ подрядъ способно измотать человѣка.

судъ. Опять оговариваюсь, не можетъ не потому, что судьи плохи, а потому, что между судомъ и живыми людьми, на показаніяхъ которыхъ строится приговоръ, встаетъ казенный сухой переводъ, какъ раньше вставала мертвая бумага.

Первая и насущная задача закавказскаго суда это избавиться отъ переводчиковъ, приблизить судъ къ населенію, превратить его изъ чужого русскаго въ свой, понятный, родной. Вторая, не менѣе насущная задача, замѣна короннаго суда судомъ совѣсти, т. е. введеніе суда присяжныхъ. Не буду говорить о преимуществахъ послѣдняго — они общеизвѣстны.

Итакъ 1) необходимо избавиться отъ института переводчиковъ, 2) необходимо ввести судъ присяжныхъ. Но бѣда въ томъ, что, легко осуществимыя порознь, эти задачи дѣлаются почти неразрѣшимыми, какъ только за ихъ рѣшеніе приходится взяться сразу.

Нигдѣ въ мірѣ, за исключеніемъ развѣ только провинцій Австро-Венгріи, національности не перепутаны такъ, какъ за Кавказскимъ хребтомъ. Мало того, что здѣсь осѣли чуждые другъ другу, говорящіе на разныхъ языкахъ, молящіеся различнымъ богамъ, живущіе различными обычаями племена и народы, — народы эти еще перепутались, вклинились одинъ въ другой, заняли одну общую территорію. Достаточно хоть мелькомъ взглянуть на приведенную ниже таблицу распредѣленія національностей по областямъ и губерніямъ Закавказья, чтобы понять всю сложность національнаго вопроса на этой окраинѣ Россіи. По даннымъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ на 1 января 1912 года составъ населенія былъ таковъ (въ тысячахъ):

	Русские	Остальные европейскіе народы ¹⁾	Картвелы.	Армяне.	Горцы ²⁾	Курды.	Разныя азіатскіе народы ³⁾	Евреи.	Итого.
Бакинская губ. . .	167,7	14,6	3,3	115,5	74,1	—	775,7	22,5	1173,4
Батумская область.	10,1	1,2	87,7	17,1	0,6	2,1	40,7	1,3	160,8
Дагестанская обл.	30,7	1,4	0,8	4,3	554,5	—	77,0	15,2	683,9
Елисаветпольск. г.	34,3	5,5	1,0	379,4	17,4	0,2	684,5	2,1	1124,4
Закатальскій окр. .	0,7	0,1	5,2	3,2	51,6	—	20,0	—	80,8
Карская область .	18,3	1,9	1,5	103,1	1,1	56,2	184,0	0,1	371,2
Кутаисск. губ. . .	16,1	1,3	948,6	5,4	0,2	—	2,6	14,3	988,5
Сухумскій округъ.	25,3	11,0	27,0	10,02	70,7	—	22,0	0,7	166,6
Тифлисская губ. .	118,2	29,8	551,9	382,2	11,4	6,5	222,9	14,3	1337,3
Эриванская губ. .	15,9	0,5	1,2	596,2	1,0	59,6	386,7	0,4	1061,5
Итого	437,3	67,3	1628,2	1621,7	782,3	124,6	2416,1	70,9	7148,4

¹⁾ Нѣмцы, поляки и проч.

²⁾ Осетины, лезгины, черкесы и проч.

³⁾ Татары, персы, турки, карапахи и проч.

Только въ рѣдкихъ случаяхъ сложность національнаго состава отдѣльныхъ административныхъ единицъ объясняется при этомъ неудачно проведенными границами губерній. Если изъ Тифлисской и Батумской губерній и Сухумскаго округа выдѣлить районы, населенные картвелами¹⁾, и присоединить ихъ къ Кутаисской губерніи, гдѣ грузины составляютъ 96% населенія, то получится территорія, на протяженіи которой подавляющее большинство населенія знаетъ картвельскіе языки и гдѣ, введя въ употребленіе суда грузинскій языкъ, можно обойтись безъ переводчика (исключеніе составляетъ городъ Тифлисъ, о которомъ, какъ и вообще о преобладающемъ языкѣ въ городахъ, рѣчь будетъ ниже). Не такъ обстоитъ дѣло для остальныхъ провинцій Закавказья. За исключеніемъ грузинской территоріи, да еще Дагестана и Закатальскаго округа, въ Закавказьѣ нѣтъ провинцій съ однороднымъ населеніемъ. Здѣсь, не считая русскаго языка, вездѣ мы наталкиваемся на двѣ, въ большинствѣ случаевъ на три-четыре разноязычныхъ народа, живущихъ смѣшанно на одной территоріи. Въ приведенной таблицѣ эта пестрота языковъ далеко еще не выступаетъ такъ рельефно, какъ въ жизни. Дѣло въ томъ, что если въ статистической таблицѣ можно объединить въ одной графѣ подъ названіемъ лезгинъ населеніе Дагестана, то это не сдѣлаетъ языки отдѣльныхъ дагестанскихъ племенъ понятнѣе другъ для друга. Чтобы показать, какъ глубоко ошибаются люди, думающіе, что всѣ лезгины такъ же понимаютъ другъ друга, какъ всѣ русскіе, приведу характерный примѣръ изъ практики тифлискаго суда. Судили лезгина. Въ Тифлисской губерніи лезгинъ нѣтъ, спеціального судебнаго переводчика не нашлось, отыскали въ городѣ какого-то знающаго по-русски лезгина, привели къ присягѣ и приступили къ разбору дѣла. Предсѣдатель предлагаетъ подсудимому обычные вопросы. Переводчикъ что-то говоритъ на непонятномъ языкѣ, подсудимый невозмутимо сидитъ, не обращая никакого вниманія на слова переводчика. „Скажите ему, чтобы онъ всталъ“, рѣзко бросаетъ предсѣдатель. Опять слова переводчика не производятъ на подсудимаго никакого впечатлѣнія. Переводчикъ подходитъ вплотную къ подсудимому, только тутъ подсудимый догадывается, что говорятъ ему, и отвѣчаетъ на не менѣе непонятномъ языкѣ. Переводчикъ вслушивается и заявляетъ: „Я его не понимаю, онъ говоритъ на шупинскомъ нарѣчій, а я на аварскомъ“. Объявляютъ перерывъ до другого дня, ищутъ по всему городу переводчика, наконецъ, находятъ лезгина-аварца, говорящаго на шупинскомъ нарѣчій, но за то не говорящаго по-русски. Начинается дѣло съ двойнымъ переводомъ сначала на аварское и уже затѣмъ на шупинское нарѣчіе вопросовъ суда и, наоборотъ, сна-

¹⁾ Говорю: картвелы, а не грузины, потому что подразумѣваю не только кахетинцевъ, карталинцевъ, мингрельцевъ и гурійцевъ, но и мусумальнскіе народы картвельскаго племени.

ла на аварское нарѣчіе и потомъ на русскій языкъ отвѣтовъ подсудимаго. Предоставляю самимъ читателямъ судить о томъ, что осталось отъ вопросовъ суда и отвѣтовъ подсудимаго послѣ подобнаго двойного перевода. Но если подобный двойной переводъ недопустимъ, то это еще не значить, что устранить случаи, когда приходится прибѣгать къ подобной процедурѣ, легко. Еслибы дѣло касалось только самого короннаго суда, то уничтожить институтъ переводчиковъ было бы возможно. Введя въ средней и начальной школѣ преподаваніе на родномъ языкѣ, требуя отъ судей и прокуратуры знанія языковъ той провинціи, въ которой они отправляютъ судебныя функціи, можно создать составъ присутствій, знающихъ мѣстные языки. Даже теперь, когда по официальному отчету попечителя учебнаго округа извѣстно, что есть на Кавказѣ цѣлыя провинціи, населеніе которыхъ за почти полнымъ отсутствіемъ школъ поголовно безграмотно ¹⁾, когда мѣстныхъ языковъ не учатъ въ средней школѣ, можно было бы путемъ увеличенія вознагражденія судебного персонала, знающаго мѣстные языки, добиться того, чтобы судъ понималъ языкъ подсудимаго и свидѣтелей. Если этого нѣтъ до сихъ поръ, то виной тому не мѣстные условія, а обрусительная политика министерства юстиціи.

Но совершенно иначе обстоитъ дѣло съ судомъ присяжныхъ. Конечно, если признать за аксіому необходимость дѣлопроизводства на русскомъ языкѣ черезъ посредство переводчика, то судъ присяжныхъ можно ввести хоть сейчасъ, но необходимо помнить, что судъ присяжныхъ, въ которомъ судъ не понимаетъ языка присяжныхъ, присяжные не понимаютъ языка подсудимыхъ и свидѣтелей, въ которомъ даже сама коллегія присяжныхъ можетъ не понимать другъ друга, будетъ безконечно далека отъ идеала суда. Судъ присяжныхъ—судъ совѣсти. Присяжнымъ приходится считаться не только съ фактомъ, но и съ психологіей факта. Ясно, что недопустимый въ коронномъ судѣ формальный переводъ дѣлается вдвойнѣ недопустимымъ въ судѣ присяжныхъ. Въ переводѣ исчезаютъ всѣ тѣ тонкости, всѣ тѣ нюансы рѣчей свидѣтелей, которые облекаютъ мертвый фактъ жизненной правдой, исчезаетъ тонъ рѣчи, а вѣдь давно извѣстно, что „тонъ дѣлаетъ музыку“.

Поставить же судъ присяжныхъ такъ, чтобы избѣжать вмѣшательства переводчика, при томъ смѣшеніи языковъ, которое мы отмѣтили выше, почти невозможно. Зачастую въ одномъ и томъ же процессѣ подсудимые говорятъ на двухъ языкахъ, свидѣтели на трехъ-четырехъ. Какъ составить коллегію присяжныхъ?

Прогрессивная адвокатура даетъ на этотъ вопросъ два отвѣта, и оба почти въ одинаковой мѣрѣ неудовлетворительны.

Присяжные засѣдатели, говорятъ одни, должны понимать по-русски, ихъ необходимо брать изъ лицъ, имѣющихъ право быть

¹⁾ Дагестанъ, Закатальскій округъ.

присяжнымъ засѣдателемъ, не обращая вниманія на то, къ какой націи они принадлежатъ, но съ непремѣннымъ условіемъ знанія русскаго языка. Процессъ ведется на языкѣ обвиняемаго, но, если свидѣтели или присяжные не знаютъ этого языка, то переводится на русскій языкъ. Недостатки подобнаго рѣшенія бьютъ въ глаза. Не говоря уже о томъ, что судъ постарому останется чужимъ (институтъ перевода сохраняется), при подобной системѣ подбора присяжныхъ засѣдателей добрая половина населенія деревни, длинѣ которыхъ же національностей и три четверти, а для такихъ, какъ татары, александропольскіе армяне, дагестанскіе и закатальскіе горцы, и добрыхъ 90% придется вычеркнуть изъ списковъ присяжныхъ засѣдателей. Получится судъ присяжныхъ, не только зачастую не понимающій подсудимаго и свидѣтелей, сносящихся съ ними черезъ переводчика, но и съ искусственнымъ подборомъ коллегіи присяжныхъ засѣдателей исключительно изъ городскихъ жителей съ перевѣсомъ въ сторону болѣе руссифицированныхъ народностей. Другими словами—въ Дагестанѣ, гдѣ подавляющее большинство населенія лезгины, или въ Елисаветпольской губерніи, гдѣ около 60% татаръ, коллегіи присяжныхъ будутъ состоятъ въ большинствѣ изъ армянъ и русскихъ, т. е. изъ людей, которые незнакомы съ бытомъ тѣхъ, кого имъ придется судить и уже по этому одному не смогутъ вполнѣ понять психологію подсудимаго.

Другое рѣшеніе свободно отъ подобнаго недостатка,—здѣсь принимается за аксіому, что присяжные должны понимать подсудимаго, и потому коллегія присяжныхъ создается или изъ лицъ одной національности съ подсудимымъ, или изъ лицъ, знающихъ его языкъ, и все дѣлопроизводство ведется на языкѣ обвиняемаго. Это рѣшеніе было бы идеальнымъ, еслибы опять-таки не смѣшанный составъ національностей подавляющей части Закавказья. Когда свидѣтели принадлежатъ къ одной національности съ подсудимымъ, тогда вопросъ рѣшается легко, но, когда татаринъ обвиняется въ преступленіи, совершенномъ въ городѣ съ подавляющимъ армянскимъ населеніемъ, когда лезгинъ обвиняется въ преступленіи, совершенномъ въ городѣ, населенномъ татарами, армянами или русскими, когда курдъ совершитъ преступленіе въ татарскомъ аулѣ или, наоборотъ, татаринъ въ поселеніи курдовъ ¹⁾, тогда свидѣтели будутъ говорить на языкѣ, непонятномъ какъ подсудимому, такъ и присяжнымъ, и снова встанетъ вопросъ о переводчикахъ.

Есть у подобнаго рѣшенія и другое большое мѣсто. Русская власть распоряжалась Закавказьемъ много десятковъ лѣтъ. За это время въ Австраліи колонія, созданная первоначально изъ проститутокъ и ссыльныхъ, превратилась въ передовую федерацію, подобіе опытной лабораторіи социальнаго законодательства. Мы за это время

¹⁾ Обычныя для закавказскихъ судовъ дѣла.

не сумѣли ни на одинъ шагъ подвинуть впередъ культуру татаръ, курдовъ, лезгинъ, карапаховъ и другихъ полудикихъ народовъ Закавказья. Если въ Закавказьи культура и идетъ впередъ, то только среди грузинъ и армянъ и отчасти осетинъ, но и то не благодаря стараніямъ русской власти, а *вопреки* этимъ стараніямъ. Въ результатѣ въ Закавказьи бокъ-о-бокъ живутъ народы въ буквальномъ смыслѣ различныхъ историческихъ формаций. Если гуріецъ или бакинскій армянинъ дѣти XX вѣка, то лезгинъ, курдъ или татаринъ живутъ не въ XX и даже не въ XIX или XVIII, а въ XVII вѣкѣ,—изъ XX столѣтія они не взяли даже простой грамотности. Кровавая месть—до сихъ поръ священный обычай, грабежъ до сихъ поръ во многихъ углахъ не преступленіе, а молодечество. Въ Баку не рѣдкость процессы, во время которыхъ приходится выслушивать діалоги защитника и подсудимаго, вродѣ слѣдующихъ:

- Вашъ отецъ живъ?
- Нѣтъ, убить родственниками Мавсунъ-хана.
- Вашъ братъ?
- Убить ими же.
- Другой братъ?
- Тоже.
- Племянникъ?
- Убить ими же.

И такъ далѣе, и такъ далѣе.....

Выступаетъ прокуроръ, начинается допросъ родственниковъ убитаго Мавсунъ-хана, повторяется та же картина, чуть не полного истребленія рода убитаго родней подсудимаго.

Очевидно, здѣсь не корысть и даже не личная месть, а властный обычай толкаетъ людей на рядъ убійствъ. Разъ кровь пролита—на сцену выступаютъ созданные вѣками „адаты“¹⁾ и уже не во власти родни убитаго и убійцы прекратить дальнѣйшую рѣзню. Понятно, что, если присяжные будутъ состоять изъ людей, съ молокомъ матери впитавшихъ въ себя эти же „адаты“, то отъ нихъ не дождаться осужденія за подобныя преступленія. До тѣхъ поръ, пока судъ будетъ вершиться между націями, живущими одними обычаями, имъ будутъ довольны, но, когда присяжнымъ, состоящимъ изъ представителей одной національности съ подсудимымъ, придется рѣшать дѣла, въ которыхъ преступленіе совершено противъ національности, не признающей подобныхъ „адатовъ“, въ то время, какъ подсудимый и присяжные воспитались на нихъ, судъ неизбежно оставитъ осадокъ недовольства и, прибавимъ отъ себя, недовольства, иногда вполне справедливаго. Нельзя заставлять людей примиряться съ чуждыми имъ, составляющими пережитокъ давняго прошлаго обычаями только потому,

¹⁾ Обычай, требованія которыхъ зачастую болѣе властны, чѣмъ требованія религіи.

что сосѣди живутъ подобными обычаями. Но это еще не все. Еще недавно Закавказье пережило полосу преступленій на національной почвѣ ¹⁾. Передать подобныя преступленія на рѣшеніе коллегіи присяжныхъ, составленныхъ изъ случайныхъ представителей одной изъ національностей, значитъ, если не завѣдомо создать пристрастный судъ, то дать поводъ обвинять подобный судъ въ національномъ пристрастіи. Для того, чтобы избѣжать подобнаго обвиненія, необходимо составить коллегію присяжныхъ изъ представителей различныхъ національностей, другими словами, необходимо отбросить національныя куріи при составленіи списковъ присяжныхъ засѣдателей, такъ, чтобы въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ составъ присяжныхъ былъ такъ же смѣшанъ, какъ и само населеніе, и чтобы не подборъ, а случай составляли каждую данную коллегію. Но при подобномъ составѣ снова встаетъ вопросъ о переводчикахъ. Впрочемъ, этотъ вопросъ не рѣшается и составленіемъ присяжныхъ изъ одной національности съ подсудимымъ, такъ какъ зачастую свидѣтели будутъ говорить на чуждомъ присяжнымъ языкѣ.

Думаю, что читателю даже на одномъ этомъ частномъ вопросѣ о судѣ присяжныхъ ясно, какъ сложенъ въ Закавказьѣ національный вопросъ, какъ причудливо переплелись здѣсь интересы и, подчеркиваю, интересы вполне законные различныхъ національностей, съ какою осторожностью приходится подходить къ разрѣшенію практическихъ вопросовъ, возникающихъ на почвѣ этихъ, безнадежно перепутавшихся, взаимно противорѣчивыхъ интересовъ. А тутъ еще русская реакція съ своей прямолинейной обрусительной политикой, уничтожающая единственный, быть можетъ, выходъ изъ положенія. А такимъ выходомъ мнѣ представляется широкое распространеніе русскаго языка, превращеніе его въ международный языкъ (если можно такъ выразиться) для народовъ Кавказа.

Я знаю, что, говоря это, рискую навлечь на себя обвиненіе въ обрусительныхъ тенденціяхъ, но не менѣе отчетливо сознаю, что тамъ, гдѣ рядомъ живутъ четыре національности, гдѣ нѣтъ подавляющаго большинства одной націи и гдѣ меньшинство насчитываетъ много десятковъ тысячъ, словомъ, тамъ, гдѣ націи перемѣшались, какъ въ провинціяхъ Закавказья ²⁾, тамъ уничтоженіе института переводчиковъ и введеніе суда присяжныхъ возможно только въ томъ случаѣ, если все населеніе будетъ знать какой-нибудь одинъ языкъ, каковымъ въ данномъ случаѣ могъ бы быть русскій, государственный. Но для того, чтобы населеніе взялось за изученіе русскаго языка, необходимо прежде всего реорганизовать

¹⁾ Армяно-татарская рѣзня.

²⁾ Исключеніе составляютъ провинціи Грузія (не исторической, конечно, а современной).

школу, приблизить ее къ населенію, сдѣлать начальное образованіе не только всеобщимъ, но и близкимъ населенію, близкимъ не въ территоріальномъ, а въ духовномъ отношеніи. Школа каждаго народа должна сдѣлаться его національной школой, обрусительныя тенденціи должны разъ навсегда исчезнуть, преподаваніе всѣхъ предметовъ на всѣхъ ступеняхъ образованія должно вестись на родномъ языкѣ — русскій языкъ долженъ быть только однимъ изъ обязательныхъ предметовъ преподаванія и, какъ таковой, получить широкое распространеніе во всѣхъ уголкахъ Закавказья. Только тогда сравнительно сносно разрѣшится вопросъ о введеніи въ судахъ Закавказья суда присяжныхъ и одновременно съ тѣмъ объ уничтоженіи института переводчиковъ. Признавъ за аксіому, что каждая національность, насчитывающая на данной территоріи извѣстный процентъ гражданъ, говорящихъ на ея языкѣ (какой процентъ — установить это дѣло законодателя), имѣетъ право требовать разбора дѣла на родномъ языкѣ, что прокуратура и судъ должны знать этотъ языкъ, мы въ то же время можемъ, если присяжные не понимаютъ этого языка, или, если не всѣ свидѣтели знаютъ его, предлагать не знающимъ его или просто говорить по-русски или вторично повторять свои показанія по-русски. Повторяю, здѣсь нѣтъ посягательства на права родныхъ языковъ, нѣтъ насильственной руссификаціи, есть только указаніе на наиболѣе удобный выходъ изъ положенія. Лучше учить въ школахъ одинъ русскій языкъ, кромѣ родного, чѣмъ добрыхъ полдесятка другихъ мѣстныхъ языковъ.

Бѣда только въ томъ, что русская государственная власть до сихъ поръ не сумѣла распространить въ массахъ русскаго языка и — это покажется парадоксомъ, но это фактъ — не распространила именно потому, что слишкомъ много думала о его распространеніи. Русскій языкъ изъ орудія общенія между различными народами Закавказья, изъ могучаго рычага культуры министерство народнаго просвѣщенія превратило въ орудіе обрусенія. Оно ввело за Кавказскимъ хребтомъ поворный нѣмой методъ обученія русскому языку, при которомъ учитель въ глухой деревнѣ, обучая мальчика грузина или татарина, не смѣлъ сказать ни одного слова на родномъ языкѣ учащихся. Дѣло доходило до того, что для объясненія слова „собака“ учитель становился на четвереньки и лаялъ, для объясненія слова „лошадь“ ржалъ и т. под. Этимъ дѣломъ не ограничивалось. Сдѣлавъ ненавистнымъ русскій языкъ во время преподаванія, министерство народнаго просвѣщенія рука объ руку съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ дѣлало все, что возможно, для того, чтобы заставить населеніе забыть этотъ языкъ — въ деревни не допускались ни книги, ни газеты. Школу сдѣлали ненавистной, русскій языкъ бесполезнымъ за исключеніемъ официальныхъ сношеній съ властью. Понятно, что такая политика не могла насадить въ край любовь къ преподаваемому въ школахъ русскому

языку, если же мы прибавимъ, что самыхъ школъ на Кавказѣ крайне мало, что здѣсь, какъ уже указывалось, есть чуть не поголовно неграмотныя народности, то станетъ понятно, почему изъ обрусительной политики ничего не вышло. Не вышло именно потому, что эта политика была обрусительная и реакціонная.

Создайте сѣть школъ на родномъ языкѣ, сдѣлайте доступной деревенскимъ библіотекамъ сокровищницу русской литературы, и вы увидите, что русскій языкъ будутъ въ этихъ школахъ учить такъ же охотно, какъ учать и всѣ другіе предметы, и не пройдетъ и двухъ десятковъ лѣтъ, какъ русскій языкъ будетъ дѣйствительно широко распространенъ во всѣхъ уголкахъ Закавказья, а вмѣстѣ съ распространеніемъ русскаго языка исчезнетъ и острота вопроса о введеніи суда присяжныхъ.

Но,—скажетъ читатель,—Улита ѣдетъ, когда-то будетъ?

Судъ присяжныхъ необходимъ не черезъ два десятка лѣтъ, а теперь, немедленно. И необходимъ именно потому, что русскій коронный судъ въ такой своеобразной странѣ, какъ Закавказье, еще менѣе терпимъ, чѣмъ на какой бы то ни было другой окраинѣ Россіи. Судъ долженъ считаться съ психологіей обвиняемаго, съ его укладомъ жизни, съ его бытомъ, но быть не только всего Закавказья, но и каждого изъ его уголковъ глубоко своеобразенъ, настолько своеобразенъ, что механическое примѣненіе русскихъ законовъ къ преступленіямъ, порожденнымъ этимъ бытомъ, зачастую являясь можетъ быть вполнѣ справедливымъ формально, въ то же время вопіетъ противъ жизненной правды. Ждать два десятка лѣтъ невозможно, судъ присяжныхъ долженъ быть введенъ немедленно, и, однако, здѣсь есть колоссальное „но“.

Введя судъ присяжныхъ немедленно, мы остаемся при институтѣ переводчиковъ. Русская власть завела судебную реформу въ Закавказь въ безысходный тупикъ, изъ котораго нѣтъ и въ ближайшіе годы не будетъ выхода.

И все-же судъ присяжныхъ даже при дѣлопроизводствѣ черезъ переводчиковъ безконечно лучше нынѣшняго короннаго суда. Изъ двухъ золъ необходимо выбирать меньшее, поэтому судъ присяжныхъ долженъ быть введенъ немедленно, но, вводя его, нужно помнить, что институтъ переводчиковъ иногда является не меньшимъ зломъ, чѣмъ и судъ безъ присяжныхъ засѣдателей, поэтому необходимо принять мѣры, чтобы по возможности ограничить необходимость прибѣгать къ переводчикамъ. Прежде всего необходимо выдѣлить территорію со сплошнымъ населеніемъ (Грузія) и ввести въ ней дѣлопроизводство на родномъ языкѣ населенія, въ остальныхъ же раіонахъ требовать отъ судей, прокуратуры и слѣдователей знанія мѣстныхъ языковъ съ тѣмъ, чтобы прибѣгать къ посредству переводчиковъ только въ томъ случаѣ, когда присяжные не понимаютъ языка подсудимыхъ или когда подсудимый не понимаетъ языка свидѣтелей. При этомъ для того, чтобы ограни-

читать необходимость въ услугахъ переводчиковъ, надо разрѣшать свидѣтелямъ давать показанія на двухъ мѣстныхъ языкахъ ¹⁾, изъ которыхъ одинъ можетъ быть понятенъ присяжнымъ.

Подобная система сложна, но что же дѣлать, сложна и жизнь Закавказья.

II.

Вопросъ о судѣ присяжныхъ далеко еще не самый сложный изъ вопросовъ, вызываемыхъ пестрымъ національнымъ составомъ Закавказья. Куда бы мы ни кинули взглядъ, какую бы отрасль жизни не взяли, вездѣ мы немедленно натолкнемся на вопросъ объ языкѣ. И разрѣшеніе его во многихъ случаяхъ гораздо сложнее и труднѣе, чѣмъ въ вопросѣ о судѣ присяжныхъ. Въ особенности это приходится сказать по поводу вопроса о мѣстномъ самоуправленіи. Если этотъ вопросъ не принялъ тѣхъ острыхъ формъ, на которыя мы наталкиваемся въ Австро-Венгріи, то вовсе не потому, что для этого нѣтъ почвы, причина другая — гнетъ сверху, придавившій всѣхъ свинцовой плитой, задавленная пресса и отсутствіе провинціального самоуправления даже въ видѣ урѣзаннаго русскаго земства 90-го года. Но въ городскихъ самоуправленияхъ пестрый національный составъ даетъ себя чувствовать и достаточно хоть нѣсколько мѣсяцевъ прослѣдить за прессой хотя бы Тифлиса, чтобы понять, что національный вопросъ очень осложняетъ нормальное теченіе муниципальной жизни. Конечно, большую часть націоналистическихъ эксцессовъ, возникающихъ на почвѣ муниципальной жизни городовъ Закавказья, можно и должно отнести на счетъ цензоваго избирательнаго права, отдающаго эти муниципалитеты въ руки наиболѣе шовинистически настроенныхъ буржуазныхъ слоевъ населенія, но и при передачѣ самоуправления въ руки широкихъ слоевъ трудовыхъ массъ населенія все-же останутся пункты, на которыхъ взаимно столкнутся интересы различныхъ національностей. Сейчас мы остановимся только на одномъ изъ этихъ пунктовъ, на вопросѣ о языкѣ дѣлопроизводства и преній въ муниципалитетахъ.

Подобный вопросъ для городовъ Закавказья еще не дебатировался, но будущему, несомнѣнно, придется поставить его на очередь, какъ онъ всталъ уже въ городахъ Польши.

Съ принципиальной стороны вопросъ этотъ, какъ и вопросъ о судѣ присяжныхъ, не представляетъ никакого затрудненія. Муниципалитеты существуютъ для гражданъ, а не граждане для муниципалитетовъ, потому и дѣлопроизводство въ муниципалитетахъ должно вестись на языкѣ большинства населенія.

Но одно дѣло рѣшить вопросъ принципиально—другое приложить это рѣшеніе къ жизни. Жизнь зачастую много сложнее логическихъ схемъ, настолько сложнее, что выработанныя на основѣ

¹⁾ Здѣсь граждане зачастую знаютъ два мѣстныхъ языка.

этихъ схемъ формулы дѣлаются абсолютно не приложимыми къ жизни.

Вопросъ о языкѣ въ мѣстныхъ самоуправленіяхъ одинъ изъ самыхъ сложныхъ вопросовъ, при рѣшеніи котораго часто общія схемы не могутъ оказать никакой помощи. Въ Закавказьѣ есть города, въ которыхъ сталкивается не двѣ, а три-четыре народности, есть города, въ которыхъ большинство населенія городской общины принадлежитъ къ незначительному меньшинству населенія окружающихъ деревень. При рѣшеніи вопроса о языкѣ дѣлопроизводства въ муниципалитетахъ подобныхъ городовъ неизбежно возникнутъ осложненія и столь же неизбежно вспыхнетъ пламя націоналистической исключительности. Для иллюстраціи сложности этого вопроса остановлюсь на примѣрѣ одного только Тифлиса.

Съ давнихъ поръ въ бывшей столицѣ Грузіи ведется борьба между грузинскими и армянскими шовинистами. Не будемъ останавливаться на причинахъ этой борьбы, не будемъ говорить о томъ, кто правъ, кто виноватъ (думаемъ, что оба лагеря въ достаточной мѣрѣ неправы), но фактъ остается фактомъ, борьба ведется ожесточенно и настойчиво, каждые муниципальные выборы протекаютъ, главнымъ образомъ, на почвѣ этой борьбы, замѣщеніе каждаго болѣе или менѣе крупнаго мѣста на службѣ города вызываетъ обостреніе борьбы, такіе же факты, какъ выборъ мѣста подъ политехникумъ въ армянской или грузинской части города, доводятъ борьбу до прямо-таки неприличныхъ размѣровъ и формъ.

Поднять вопросъ о введеніи въ дѣлопроизводство муниципалитета Тифлиса одного изъ мѣстныхъ языковъ значитъ намѣренно подлить масла въ огонь націоналистической вражды. Конечно, этого не пришлось бы пугаться, еслибы такимъ путемъ возможно было осуществить социальную справедливость; каждая реформа совершается за счетъ кого-либо и вызываетъ обостреніе страстей, но бѣда въ томъ, что въ данномъ случаѣ нѣтъ никакой надежды дѣйствительно разрѣшить вопросъ, такъ что въ результатѣ, кромѣ обостренія и безъ того достаточно острыхъ національныхъ отношеній, ничего не получится.

Дѣйствительно, по послѣднимъ даннымъ, собраннымъ городской управой, національный составъ Тифлиса втеченіе ряда лѣтъ измѣнялся такъ ¹⁾:

Въ процентахъ:	1864 г.	1876 г.	1897 г.	1910 г.	1913 г.
Русскіе	20,5	22,0	26,8	22,0	25,1
Картвельцы	24,8	24,2	27,7	17,7	18,4
Армяне	47,4	41,0	32,0	40,9	37,6
Проч. нац.	7,3	12,8	13,5	19,4	18,9
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Уже 50 лѣтъ назадъ бывая столица Грузіи не была грузин-

¹⁾ Войска исключены.

скимъ городомъ, но не была она тогда, какъ, впрочемъ, не есть и теперь, ни армянскимъ, ни русскимъ городомъ. Всматриваясь въ приведенную выше таблицу, мы замѣчаемъ, что Тифлисъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше пріобрѣтаетъ характеръ интернаціональнаго города. Если въ 64 году его съ нѣкоторой натяжкой еще и можно было назвать городомъ по преимуществу армянскимъ, то теперь даже по свидѣтельству тифлисской городской управы число армянъ всего лишь на 4% превосходитъ одну треть населенія Тифлиса. Но даже и это количество армянъ создано не естественнымъ процессомъ жизни, а привходящимъ фактомъ, рѣзко возмущившимъ эту жизнь. Дѣйствительно, взгляды на таблицу, мы видимъ, что до 1907 года относительное число армянъ постепенно падаетъ, затѣмъ въ 1910 году констатируется рѣзкое повышение и въ 1913 снова пониженіе, не достигшее однако уровня 1907 года. Если мы вспомнимъ объ армяно-татарской рѣзнѣ, во время которой въ Тифлисъ стеклась масса армянъ изъ охваченныхъ рѣзней мѣстностей, то намъ станетъ понятенъ скачокъ въ ростъ армянскаго населенія Тифлиса. Не экономическая, а чисто политическая причина толкнула массы армянъ въ Тифлисъ. Но, такъ какъ эта причина была временной, то вслѣдъ за интенсивнымъ ростомъ относительнаго числа армянскаго населенія города, началось не менѣе интенсивное паденіе, которое въ будущемъ, если условія рѣзко не измѣнятся, несомнѣнно, приведетъ къ тому, что число армянъ въ Тифлисѣ понизится далеко за треть всего населенія. Это и понятно—достаточно взглянуть на этнографическую карту Кавказа, чтобы понять, что Тифлисъ, лежащій недалеко отъ центра скрещиванія армянско-татарской и грузинско-горской территорій долженъ пріобрѣсти характеръ интернаціональнаго города. Но въѣдъ Тифлисъ не исключеніе, почти въ томъ же положеніи находится Баку, гдѣ смѣшивается русское, армянское, татарское и персидское населеніе, Эриванъ и много другихъ мелкихъ и крупныхъ городовъ Закавказья. Правда, присматриваясь къ составу нынѣшнихъ городскихъ думъ, мы не замѣтимъ этой пестроты. Возвращаясь къ примѣру Тифлиса, мы видимъ, что, судя по составу городской думы, на три четверти армянской, можно было бы считать Тифлисъ за городъ съ громаднымъ преобладаніемъ армянскаго населенія. На дѣлѣ это не такъ—преобладаніе армянъ въ думѣ объясняется только городовымъ положеніемъ, дающимъ избирательныя права только крупнымъ собственникамъ, которыхъ среди армянъ относительно больше, чѣмъ среди грузинъ. Но даже и теперь цензовики армяне составляютъ только 47,5% всѣхъ цензовиковъ, грузины 23,2%, русскіе 19,7%, татары 3,1% и прочія національности 6,5%. Ясно, что армянскій составъ думы получается только потому, что выборы отчасти происходятъ на націоналистической почвѣ, но не менѣе ясно, что ввести въ дѣлопроизводство языкъ націй, побѣдившей на выборахъ, значить еще болѣе обострить на-

ціональную борьбу и совершить явную несправедливость по отношению къ большинству гражданъ. И опять-таки въ томъ же положеніи находится масса другихъ городовъ и мѣстечекъ края. Выборы разыгрываются на націоналистической почвѣ, побиваетъ та или другая національность, но побѣдители далеко не всегда являются представителями настолько подавляющаго большинства населенія, чтобы можно было безъ риска совершить явную несправедливость—ввести въ дѣлопроизводство города языкъ побѣдителей. Мало того, объявивъ, что отъ исхода выборовъ будетъ зависеть языкъ внутренняго дѣлопроизводства въ городахъ, мы обостримъ до чрезвычайности національныя отношенія, выборы будутъ искусственно отброшены на исключительно націоналистическую платформу. Если и теперь трудно бороться съ націоналистическимъ шовинизмомъ во время выборовъ, то послѣ объявленія для націи-побѣдительницы подобной преміи борьба съ нимъ станетъ вдвойнѣ трудной. Въ будущемъ земствѣ, какъ искусно ни были бы выкроены территории крупныхъ и мелкихъ земскихъ единицъ, придется за исключеніемъ однородной грузинской территоріи натолкнуться на тотъ же вопросъ о языкѣ. Поселковое земство еще, пожалуй, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и удастся выкроить, руководствуясь національно-территориальнымъ принципомъ, уѣзднаго же и губернскаго національно-однороднаго земства на трехъ четвертяхъ территоріи Закавказья создать фактически невозможно. Достаточно вернуться назадъ и пристальнѣе взглянуть въ таблицу распредѣленія національностей по территоріи Закавказья, приведенную выше, чтобы понять безнадѣжность попытки созданія однородно-національнаго земства. Мало того—не только невозможно создать однородно-національныя территоріи, невозможно выкроить даже территорій съ подавляющимъ большинствомъ какой-нибудь одной національности. Введеніе въ дѣлопроизводство земства языка народности, побѣдившей на выборахъ, создастъ почву для націоналистической борьбы, не давъ гарантіи осуществленія національно справедливаго рѣшенія.

Получается та же задача безъ рѣшенія, съ которой мы уже имѣли дѣло при разсмотрѣніи вопроса о введеніи суда присяжныхъ. На ту же задачу мы натолкнемся, если попытаемся рѣшить вопросъ объ языкахъ въ культурныхъ обществахъ и кооперативахъ. На первый взглядъ кажется, что здѣсь вопросъ рѣшается много проще. Никто не мѣшаетъ строить кооперативы и культурныя общества по національному составу и тогда, конечно, не сможетъ даже возникнуть вопроса о языкѣ. Но бѣда въ томъ, что жизнь заставляетъ выходить при построеніи кооперативовъ изъ національныхъ рамокъ уже теперь, когда кооперативное движеніе находится еще только въ зародышѣ. Оно на югѣ и востокѣ Закавказья уже вышло изъ этихъ рамокъ, искусственно вгонять его обратно в. національныя рамки значитъ сузить размахъ движенія. Если

еще и возможно первоначальные общества строить по национальному принципу, то для союзов обществ этот принцип решительно не подходит, да даже и для первоначальных обществ в городах со смешанным населением и в обширных селах с двумя или тремя национальностями построение двух или трех обществ вместо одного поглотит массу лишней энергии и денег. Но если так, то вопрос о языке снова встает во весь рост. Говорю именно о языке, а не о дѣлопроизводствѣ. Дѣлопроизводство можно вести на двух языках, отчеты и доклады возможно издавать параллельно на нѣскольких языках — это только вопрос денег и во всяком случаѣ дешевле издавать двѣ отчетности на двух языках, чѣмъ создавать два различных общества. Не то съ языкомъ преній на собраніяхъ. Вести пренія черезъ переводчика теоретически, конечно, возможно, практически же это настолько затруднить веденіе собранія, настолько затянетъ собранія, что сведетъ процентъ посѣщаемости ихъ чуть не къ нулю. Разрѣшая вопросъ объ установленіи полной национальной справедливости во время веденія преній на собраніяхъ, мы рискуемъ сорвать самыя собранія. Очевидно, подобное рѣшеніе не можетъ быть принято, но, если отвергнуть его, то остается только одинъ способъ рѣшенія вопроса: введеніе въ самоуправленіяхъ въ мѣстностяхъ со смешаннымъ населениемъ дѣлопроизводства и преній на русскомъ языкѣ и введеніе прецій въ кооперативахъ и культурныхъ обществахъ со смешаннымъ национальнымъ составомъ тоже на русскомъ языкѣ. Другого выхода изъ вопроса я не вижу. Легче учить одинъ русскій языкъ, кромѣ своего родного, чѣмъ нѣсколько туземныхъ, да и къ всемірной культурѣ знаніе русскаго языка болѣе приобщаетъ, чѣмъ знаніе нѣсколькихъ мѣстныхъ языковъ Закавказья. Кромѣ того — это пожалуй, самое главное — введеніе русскаго языка въ дѣлопроизводство самоуправленій на территоріи со смешаннымъ населениемъ не дастъ почвы для націоналистической борьбы, такъ какъ не поставитъ вопроса о языкѣ въ зависимость отъ случайнаго большинства, полученнаго на выборахъ. Наконецъ, въ государствахъ со смешаннымъ населениемъ сама жизнь приводитъ къ тому, что населеніе для взаимнаго общенія изучаетъ только одинъ языкъ. Если мы обратимся къ примѣру Австро-Венгрии, то увидимъ, что даже самыя ярые чешскіе націоналисты не настаиваютъ на введеніи въ дѣлопроизводство рехсрата славянскихъ языковъ наравнѣ съ нѣмецкимъ. Это и понятно, такъ какъ только на нѣмецкомъ языкѣ населеніе взаимно понимаетъ другъ друга и нельзя создавать постоянно функционирующее учрежденіе, въ которомъ участники его изъяснялись бы на нѣсколькихъ языкахъ. Далѣе, индусскіе націоналисты, не смотря на борьбу противъ Англіи за освобожденіе Индіи отъ британскаго гнета и возрожденіе национальной культуры, на своихъ конгрессахъ ведутъ дѣлопроизводство на англійскомъ язы-

кѣ—и это опять-таки понятно. Индусскіе націоналисты отчетливо сознаютъ, что въ Индіи съ ея 117 нарѣчіями и болѣе чѣмъ двумя десятками языковъ необходимо или сознательно идти къ полному политическому обособленію отдѣльных народностей, или избрать одинъ общій языкъ для взаимнаго общенія народовъ. Англійскій языкъ избирается, какъ наиболѣе извѣстный всѣмъ народамъ Индостана и какъ не возбуждающій неизбѣжныхъ взаимныхъ споровъ и пререканій при избраніи какого-либо другого языка для взаимнаго общенія. Очевидно, бываютъ обстоятельства, когда реальная необходимость заставляетъ отказаться отъ употребленія родного языка и признать веденіе преній на чуждомъ языкѣ. Передъ такой необходимостью и стоитъ чуть не три четверти провинцій Закавказья съ его смѣшаннымъ населеніемъ.

Но понятно, что, признавая неизбѣжность избранія въ этихъ провинціяхъ русскаго языка, какъ языка для взаимнаго общенія народовъ, необходимо обставить населеніе всевозможными гарантіями, насколько возможно расширивъ область примѣненія родныхъ языковъ, т. е. насколько возможно сузивъ примѣненіе русскаго языка. Русскій языкъ долженъ служить только орудіемъ взаимнаго общенія, но не орудіемъ обрусенія, какимъ онъ является до сихъ поръ. Объ ограниченіяхъ для русскаго языка въ судѣ мы уже говорили, не менѣе подробно должны быть регламентированы и права мѣстныхъ языковъ въ самоуправленіи. Если суровая необходимость заставляетъ вести дѣлопроизводство въ самоуправленияхъ со смѣшаннымъ населеніемъ на русскомъ языкѣ, то прежде всего необходимо опредѣлить мѣстности, гдѣ дѣйствительно существуетъ подобная необходимость. Должны быть выдѣлены мѣстности съ однороднымъ населеніемъ, въ которыхъ вводится языкъ преобладающей націи. Затѣмъ въ областяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ органы самоуправления въ законодательномъ порядкѣ должны быть обязаны принимать отъ гражданъ заявленія и выдавать имъ всевозможныя справки на родномъ языкѣ гражданина, если въ данной провинціи на этомъ языкѣ говоритъ опредѣленный минимумъ гражданъ. И наконецъ, что самое главное, обрусительная политика должна быть изгнана изъ школы. Каждая нація Закавказья на всемъ протяженіи его, гдѣ только насчитывается достаточно ея сыновъ для того, чтобы наполнить классы школы, должна не только имѣть право на родную школу, но фактически имѣть свои національныя школы. Націи, насчитывающія своихъ сыновъ милліонами и многими сотнями тысячъ, должны имѣть свои среднія и высшія школы, болѣе мелкія націи среднія школы и каеедры родной исторіи и языка въ высшей школѣ.

Словомъ, школа должна стать вполнѣ національной и изучать русскій языкъ, какъ одинъ изъ обязательныхъ и фактически необходимыхъ для населенія Закавказья предметовъ.

Въ настоящее время возможно, конечно, придти только къ при-

ципальному рѣшенію вопроса. И придти къ этому рѣшенію тѣмъ болѣе необходимо, что вопросъ о языкахъ въ Закавказьѣ, вопросъ недалекаго будущаго. Въ тотъ день, когда передъ Россіей встанутъ вопросы о ликвидаціи націоналистическаго курса, когда Россія возьмется за перестройку того зданія, въ которомъ сейчасъ хозяевами являются націоналисты, когда на сцену выступить не союзъ русскаго народа въ ковычкахъ, а подлинный русскій народъ, въ тотъ день за Кавказскимъ хребтомъ во весь ростъ встанетъ вопросъ о мѣстныхъ языкахъ и вокругъ этого вопроса закипитъ такая буря, онъ вызоветъ такую волну всеобщей ненависти, націоналисты всѣхъ націй настолько разойдутся въ рѣшеніи этого вопроса, что необходимо заранѣе готовиться къ рѣшенію его, заранѣе отыскать рѣшеніе, способное примирить всѣ націи. Подобнымъ рѣшеніемъ, какъ мнѣ кажется, можетъ быть только приведенное выше.

Ф. Сибирскій.

На очередныя темы.

Вѣроятное и возможное.

I

Катастрофа разразилась... Какъ и всегда это бываетъ, она пришла какъ будто вдругъ. Но это, конечно, только видимость. Въ дѣйствительности, ее никакъ нельзя считать неожиданный. Шествіе по пути милитаризма не могло длиться безконечно. Пружина, которую такъ долго и такъ упорно накручивали, неизбежно должна была рвануть или поздно сорваться...

Говорятъ, что она не сама сорвалась, а преднамѣренно спущена. Поведеніе Австріи и Германіи дѣлаетъ это предположеніе очень вѣроятнымъ. Но по существу это разницы не составляетъ. Потому, быть можетъ, пружину и спустили, что держать и накручивать ее дальше были уже не въ силахъ. Или потому, что боялись, какъ бы этого не сдѣлали другіе...

Какъ извѣстно, мысль о „превентивной войнѣ“, о войнѣ, которую нужно сознательно вызвать, прежде чѣмъ противники успѣли осуществить вновь задуманныя ими вооруженія, не такъ давно зародилась въ головѣ одного нѣмца и съ демонстративнымъ сочувствіемъ была встрѣчена при германскомъ дворѣ. Откуда взялась эта идея и почему она нашла себѣ такой быстрый откликъ въ кругахъ, близкихъ къ „верховному вождю“ Германіи, догадаться не трудно. Достаточно вѣдь вспомнить послѣдніе шаги по стезѣ милитаризма. Они сдѣланы Франціей, возвратившейся къ трехлѣтнему сроку военной службы, чтобы хотя такимъ путемъ

увеличить свои военныя силы, и Россіей, не оставившейся передъ новымъ громаднымъ увеличеніемъ своей арміи и передъ новыми громадными расходами на вооруженія. Державамъ тройственного союза послѣ этого пришлось бы обгонять своихъ соперницъ, а дѣлать это съ каждымъ разомъ становилось все труднѣе и труднѣе. Да и рискованно: кто же поручится, что противники сами не начнутъ „превентивной войны“, воспользовавшись для этого моментомъ, когда они будутъ сильнѣе? Отсюда и могла, конечно, явиться мысль заставить Россію и Францію разрядить свои пушки, прежде чѣмъ численность послѣднихъ онѣ успѣли на много увеличить. Вызывающее выступленіе Австріи, быть можетъ, это и имѣло цѣлью...

Столь же, пожалуй, правдоподобно и другое предположеніе. Можетъ быть, Германія и Австрія хотѣли просто-на-просто взять Россію или всю Европу „на испугъ“, какъ выражаются въ аналогичныхъ случаяхъ наши тюремщики. Поставивъ своихъ противниковъ лицомъ къ лицу со всеобщей войной, онѣ, быть можетъ, рассчитывали предложить затѣмъ компромиссъ, который при иныхъ условіяхъ былъ бы съ негодованіемъ отвергнутъ и за который послѣ пережитыхъ страховъ даже тѣ, кому онъ не выгоденъ, съ радостью ухватились бы. Можетъ быть, это былъ шантажъ, азартная игра и только... Но это была игра съ огнемъ, который, по пословицѣ, „упустишь—не потушишь“. Событія, послѣ предъявленія ультиматума Австріей, начали разворачиваться съ такою быстротою, что сразу же почти приобрѣли стихійный размахъ. Управлять ихъ ходомъ, если это и входило въ чьи-либо планы, было уже трудно и даже невозможно. Огонь былъ упущенъ, и теперь тотъ, кто рассчитывалъ погрѣть около него руки, быть можетъ, самъ взлетитъ на воздухъ.

Если имѣется складъ взрывчатыхъ веществъ, то, кромѣ самовозгоранія, катастрофа можетъ произойти отъ всякой искры, случайно или преднамѣренно занесенной. Но это не значитъ, что въ искрѣ и заключается ея первопричина. Если нѣтъ склада, то ни злой умыселъ, ни преступная небрежность, ни несчастная случайность не могутъ сыграть роковой роли.

То же можно сказать и о милитаризмѣ... Исторія, вѣроятно, выяснитъ потомъ, какую роль въ произошедшемъ взрывѣ сыграли сознательный расчетъ и какую—непредусмотрѣнныя случайности, что нужно въ данномъ случаѣ отнести на долю стихійной силы вещей и что—поставить на счетъ безумія, своекорыстія и жестокосердія отдѣльныхъ классовъ и личностей. Можно надѣяться, что, переживъ эту ужасную катастрофу, человѣчество болѣе серьезно задумается надъ мыслью устроить свою жизнь такъ, чтобы обходиться безъ пороховыхъ складовъ, и если не сразу осуществить эту идею, то изыщетъ все-таки средства, чтобы ограничить до ми-

нимума свои взрывчатые запасы и возможно лучше обезопасить ихъ, какъ отъ самовозгорания, такъ и отъ всякихъ другихъ случайностей. Уже при заключеніи мира эта задача, нужно надѣяться, будетъ выдвинута на первый планъ...

Но сейчасъ не это вѣдь стоитъ на очереди. Намъ, захваченнымъ катастрофой, не о томъ уже приходится думать, кто въ ней виноватъ и какъ бы мы могли отъ нея уберечься, а о томъ, какъ бы уцѣлѣть и не быть въ конецъ ею искалѣченными.

II.

Гранины катастрофы еще не опредѣлились, да и не сразу, пожалуй, онѣ обозначатся. Въ войну уже вовлечена громадная часть Европы, но возможно, что ею будетъ охваченъ и весь почти міръ. Государства, которые теперь заявляютъ о своемъ нейтралитетѣ, легко вѣдь могутъ не устоять противъ вихря: однихъ можетъ увлечь соблазнъ, другихъ—принудить сила. Бельгію уже принудили принять участіе въ общей бойнѣ. Въ точно такомъ-же положеніи легко могутъ оказаться Голландія, Данія, Швейцарія... Еще больше можно было-бы назвать государствъ, у которыхъ уже проглянуло желаніе воспользоваться общей смутой, чтобы свести старые счеты или урвать кусокъ у сосѣда. Да и цѣль договоровъ и соглашеній, которыми народы связали себя на случай войны, далеко не вполне еще развернулась. Вотъ Японія, какъ оказывается, должна будетъ при какихъ-то условіяхъ помогать Англіи, а выступленіе Японіи, быть можетъ, влечетъ въ войну и Соединенные Штаты. Достаточно этого одного, чтобы представить себѣ, какъ далеко еще можетъ распространиться катастрофа.

Трудно предусмотрѣть и то, сколько времени эта небывалая по своимъ размѣрамъ война можетъ продлиться. Болѣе вѣроятнымъ, конечно, представляется предположеніе, что она будетъ кратковременной. Средства сообщенія, какими располагаютъ теперь люди, позволяютъ противникамъ очень быстро сосредоточить свои силы. Страшныя орудія истребленія, какія находятся въ ихъ распоряженіи, сдѣлаютъ ихъ встрѣчи небывало кровопролитными. При такихъ условіяхъ очень скоро могутъ быть нанесены съ той или другой стороны рѣшительные удары, послѣ которыхъ война сдѣлается безцѣльной и, если будетъ еще продолжаться нѣкоторое время, то только по инерціи. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что эта война сразу же потребовала у всѣхъ такого громаднаго напряженія силъ, какое, кажется, никто не въ состояніи будетъ долго выдержать. Очень вѣроятно поэтому, что пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ, даже нѣсколько недѣль,—и все будетъ кончено.

Не исключена однако и другая возможность, а именно, что война затянется и, быть можетъ, даже на долгіе годы. Нужно помнить, что у войнъ, какъ и у болѣзней, бываютъ разныя „кри-

выя". При крупозномъ воспаленіи легкихъ, которое начинается съ очень высокой температурой, послѣдняя держится 7—9 дней, а затѣмъ наступаетъ кризисъ и для пережившаго его—выздоровленіе. Но катарральное воспаленіе легкихъ можетъ длиться неопредѣленно долго: едва разрѣшится „фокусъ“ въ одномъ мѣстѣ, какъ такой же „фокусъ“ появляется въ другомъ, третьемъ и т. д. Температура можетъ не разъ высоко подниматься и быстро падать. Захватывая то одну часть, то другую, то праваго легкаго, то лѣваго, иногда чуть не весь этотъ органъ, болѣзнь какъ бы передвигается, ползаетъ съ одного мѣста на другое. Иногда это воспаленіе такъ и называютъ—„ползучимъ“.

И войны бывають такія же... Мы привыкли какъ-то представлять себѣ войну, которая теперь началась и которая давно уже считается неизбежной, по типу франко-прусской,—быть можетъ, потому, что она именно дала толчокъ современному милитаризму, что послѣ нея именно Франція и Германія начали накручивать эту пружину въ международномъ механизмѣ, благодаря чему участіе обѣихъ этихъ странъ въ назрѣвавшемъ конфликтѣ при всѣхъ намѣчавшихся комбинаціяхъ представлялось неизбежнымъ. Кромѣ того, франко-прусская война изъ всѣхъ войнъ, какія за послѣднія сто лѣтъ велись въ Европѣ, оставила, пожалуй, наиболѣе сильное впечатлѣніе—и именно впечатлѣніе быстроты и стремительности. Но это не значитъ, конечно, что такъ же быстро будетъ кончатся и всякая другая война, въ которой примутъ участіе эти страны.

За послѣднее столѣтіе вообще преобладали войны простые, сводившіяся къ единоборству двухъ державъ, каковое при томъ уровнѣ, котораго достигла военная техника, и при тѣхъ громадныхъ затратахъ силъ и средствъ, какихъ требуетъ военное дѣло, естественно, не могло длиться черезчуръ долго. Да и интересы, замѣшанные въ такихъ войнахъ, обыкновенно, бывають просты и ясны. Было лишь нѣсколько болѣе сложныхъ войнъ, когда той или иной державѣ приходилось бороться съ цѣлой коалиціей другихъ. Послѣдними по времени изъ такихъ войнъ были балканскія,—и онѣ воочію показали, какъ вопросъ о мирѣ и въ наши дни можетъ осложниться.

Союзники, какъ помнятъ читатели, очень быстро разгромили Турцію. Не имѣя силъ противиться всей коалиціи, послѣдняя готова была однако продолжать войну съ Греціей и чуть-чуть было не заключила сепаратнаго мира съ Сербіей, Черногоріей и Болгаріей, рассчитывая, быть можетъ, еще привлечь одну изъ нихъ на свою сторону. Заключивъ при дѣятельномъ участіи европейской дипломатіи общій миръ съ Турціей, союзники почти немедленно же начали войну между собою изъ-за добычи, при чемъ на сцену неожиданно выступила Румынія, пожелавшая получить кое-что и

на свою долю отъ обезсиленнаго сосѣда. Эта война также быстро кончилась разгромомъ Болгаріи. Но немедленно же почти могла вспыхнуть новая война изъ-за Албаніи... Нужны были энергичныя усилія Европы, оберегавшей себя, чтобы потушить, наконецъ, этотъ пожаръ, грозившій не только надолго затянуться, но и широко распространиться. И вотъ огонь вновь вспыхнулъ, при чемъ прежде всего онъ показался опять-таки на Балканахъ. Очевидно, тамъ еще тлѣла искра или оставался еще горячій матеріалъ. Оттуда именно и счелъ за лучшее начать поджигатель.

Теперешняя война представляется особенно сложной,—быть, можетъ, небывало еще сложной. Въ ней противопоставлены другъ другу двѣ громадныя коалиціи, но ни та, ни другая не представляютъ изъ себя чего либо цѣльнаго и единого. Каждая изъ державъ начинаетъ войну самостоятельно и какъ бы независимо отъ другихъ: Австрія объявила войну Сербіи, Германія—Россіи и Франціи, Англія—Германіи. Такимъ образомъ воюющія державы той и другой стороны остаются формально ничѣмъ несвязанными другъ съ другомъ. И это, конечно, не случайность. Очевидно, что мотивы, которыми они руководятся, и задачи, которыя онѣ себѣ ставятъ, различны. Конечно, Англія несравненно больше озабочена судьбой Голландіи и ея колоніями, на которыя давно уже зарится Германія, чѣмъ судьбой Сербіи, на которую напала Австрія и за которую вступилась Россія. Когда вопросъ о войнѣ рѣшался въ англійскомъ парламентѣ, то про Россію даже не говорили,—не очевидно ли, что наша судьба, въ сущности, очень мало беспокоитъ Англію, являющуюся, быть можетъ, лишь случайной и даже невольной нашей союзницей? Можно ли при такихъ условіяхъ быть увѣреннымъ, что она непременно пойдетъ съ нами до конца и будетъ все время идти съ нами въ ногу? Даже связь между Австріей и Германіей является, повидимому, не столь уже крѣпкой, а связь ихъ обѣихъ съ Италіей, хотя и скрѣпленная формальнымъ договоромъ, какъ уже оказалось, была далеко не прочной. Конечно, у выступающихъ съ той и другой стороны державъ имѣются общія цѣли, но эти цѣли сводятся, въ сущности, лишь къ тому, чтобы обезсилить враждебную коалицію. Но за подобнымъ общимъ заданіемъ у той или иной державы легко можетъ скрываться свое, особое, лежащее на той же линіи: ослабить не только теперешнихъ явныхъ враговъ, но и будущихъ возможныхъ противниковъ... Изъ сказаннаго ясно, что въ этой сложной войнѣ болѣе, чѣмъ во всякой другой, возможны сепаратныя мировыя сдѣлки и даже новые союзные договоры съ переходомъ воюющихъ изъ одного лагеря въ другой.

Захѣтанные въ этой войнѣ интересы, повторяю, очень разнообразны, и это одно можетъ затруднить быстрое прекращеніе войны и заключеніе общаго мпра. Между тѣмъ возможны вѣдь и другія осложненія. Не забудемъ, напримѣръ, что аппетитъ при-

ходить во время їды. Чѣмъ полнѣе будетъ уснѣхъ побѣдителей, тѣмъ, въ сущности, вѣроятнѣе ссоры между ними изъ-за добычи. Я не говорю уже о томъ, что изъ среды ихъ можетъ выдѣлаться новый Наполеонъ, у котораго и аппетитъ окажется соотвѣтственный.

Государства, оставшіяся въ нейтралитетѣ, тоже могутъ очень сильно затруднить и оттянуть заключеніе мира. Вполнѣ естественно, что у нихъ явится желаніе учестъ въ свою пользу измѣнившееся въ результатъ войны соотношеніе силъ. Взять хотя бы Италію, которая желаетъ, повидимому, сохранить свои руки свободными: кто же поручится, что она не погребуетъ потомъ себѣ „компенсаціи“? Потребовать же ее она можетъ себѣ, смотря по обстоятельствамъ, и за счетъ Австріи и за счетъ Франціи,—если не въ видѣ Триеста или Ривьеры, то гдѣ-нибудь на Балканахъ или въ Африкѣ. Возьмите, далѣе, Японію, благопріятствующую сейчасъ намъ въ силу своего договора съ Англіей: кто же опять-таки поручится, что она не предъявитъ потомъ намъ на Дальнемъ Востокѣ счета за это „благопріятствованіе“? И каждый такой счетъ со стороны нейтральныхъ государствъ можетъ подлить масла въ потухающій огонь. Съ другой стороны, возможно-вѣдь и то,—въ исторіи это не разъ уже бывало,—что воюющія государства пожелаютъ потомъ вознаградить себя за счетъ нейтральныхъ, что опять-таки не можетъ обойтись безъ осложненій. Во всякомъ случаѣ установить новое „равновѣсіе“ послѣ такой громадной войны будетъ не легко и удастся не сразу. Дѣло не обойдется, конечно, безъ трепій, а можетъ быть, и безъ новыхъ войнъ.

Когда велась война на Балканахъ, то оставалась хотя и заинтересованная въ нихъ, но нейтральная Европа, которая своимъ авторитетнымъ вмѣшательствомъ сдерживала разыгравшіеся аппетиты и тушила разгоравшееся пламя. Теперь такого внѣшняго авторитета нѣтъ и не будетъ, сдерживать и тушить некому.

Тѣмъ болѣе, стало быть, нельзя быть увѣреннымъ, что начавшаяся война, даже при всей стремительности современныхъ военныхъ дѣйствій, будетъ кратковременной. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что міру предстоитъ пережить цѣлый рядъ войнъ, что едва разрѣшится одинъ „фокъсъ“, какъ появится другой, что война окажется „долзучей“...

III.

Такъ или иначе, но будутъ пролиты цѣлыя рѣки крови, будутъ истреблены неисчислимые богатства... Въ результатъ, границы многихъ государствъ, вѣроятно, передвинутся; нѣкоторыя, быть можетъ, даже вовсе исчезнутъ со сцены; возможно, что политическая карта измѣнится до неузнаваемости. Но этимъ дѣло не ограничится.

Кромѣ международныхъ — правильнѣе сказать, междугосудар-

ственныхъ—отношеній, будетъ потрясена и внутренняя жизнь каждой страны. Здѣсь соотношеніе силъ тоже вѣдь измѣнится, — и новое равновѣсіе во многихъ случаяхъ установится, быть можетъ, не безъ катаклизмовъ. На сколько глубоко разразившейся катастрофой будетъ затронута внутренняя жизнь современныхъ государствъ, предугадать, конечно, не мыслимо. Но кое-какія чувствительныя мѣста въ ней, на которыя катастрофа легче всего можетъ распространиться, указать не трудно. И прежде всего въ политической сферѣ, гдѣ нѣкоторыя отношенія очень обострены, гдѣ нѣкоторыя струны очень натянуты.

Такъ, очень натянуты въ нѣкоторыхъ мѣстахъ національныя струны... У насъ многіе пытаются придать всей войнѣ націоналистическую окраску, изобразить ее, какъ борьбу національностей и даже расъ, — а именно славянской и тевтонской. Но это, конечно, грубое заблужденіе, если не сознательная мистификація. Въ дѣйствительности, это — война не національностей, а государствъ, которыя давно уже переросли національныя рамки. Достаточно вѣдь указать на Австрію, которая представляетъ изъ себя конгломератъ расъ и національностей, въ значительной части притомъ славянскихъ, и которая тѣмъ не менѣе выступаетъ, какъ единое цѣлое и именно съ „нѣмецкой“ стороны... Но изъ этого не слѣдуетъ, конечно, что національныя струны въ нынѣшней войнѣ вовсе не будутъ затронуты. Не говоря уже о томъ, что всякая натянутая струна въ моментъ общаго потрясенія можетъ задрожать, по нѣкоторымъ національнымъ струнамъ нынѣшняя война ударить съ особой силой. Взять хотя бы ту же Австрію, гдѣ эти струны такъ перепутаны и гдѣ нѣкоторыя изъ нихъ очень сильно натянуты. Въ начатой ею войнѣ должны вѣдь будутъ идти: боснякъ и герцеговинецъ противъ серба, украинецъ противъ украинца, полякъ противъ поляка. Возможно, что струны такого удара съ той или другой стороны не выдержатъ, — тѣмъ болѣе, что многія изъ нихъ, какъ я уже сказалъ, и безъ того сильно натянуты: нѣкоторымъ національностямъ придется вѣдь идти въ бой съ единоплеменниками, чтобы отстаивать государство, у котораго онѣ находятся подъ гнетомъ.

Счастлива въ этомъ случаѣ Англія, которая единственную имѣвшуюся у нея въ натянутомъ видѣ струну національныхъ отношеній успѣла, какъ разъ передъ войной, если не окончательно развязать, то значительно ослабить. Возможно, что время еще не упущено, и другія государства, внутри которыхъ національныя отношенія обострены, пожалуй, успѣли бы это сдѣлать. Но предполагать такую предусмотрительность, едва-ли мы вправѣ, — развѣ только сила вещей заставитъ. Тѣ, отъ кого это зависитъ, на другое вѣдь расчитываютъ: авось, струна выдержитъ, а если и не выдержитъ, то надвизать можно, хотя, конечно, ее при этомъ еще больше натянуть придется... Возможно, конечно, что даже сильно

натяннутая струна еще выдержитъ, но возможно и то, что она въ самую неудобную минуту лопнетъ. Лопнувшую же струну, быть можетъ, надвязать и не удастся.

Во всякомъ случаѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго, что національныя осложненія будутъ, и для нѣкоторыхъ государствъ—для той же, на примѣръ, Австріи—они могутъ оказаться роковыми. Возможно, что подобныя осложненія окажутъ влияние даже на общій ходъ событій и на исходъ всей войны или войнъ, какія насъ ожидаютъ. Национальная проблема, которая такъ обострилась, быть можетъ, получить наконецъ, если не вездѣ, то во многихъ случаяхъ, удовлетворительное рѣшеніе. Не забудемъ, что цѣлый рядъ предшествовавшихъ войнъ въ Европѣ далъ въ результатъ національное объединеніе или освобожденіе, и та-же, на примѣръ, франко-прусская война, которая началась изъ-за испанской короны, окончилась объединеніемъ Германіи. Словъ нѣтъ, національныя задачи, которыя теперь стоятъ на очереди, много сложнѣе и труднѣе, чѣмъ были раньше. Чтобы найти имъ удовлетворительное рѣшеніе, быть можетъ, долженъ измѣниться самый характеръ государственной организаціи и изъ централистической послѣдняя должна стать въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, государствахъ федералистической. По этому именно типу почти уже перестроилась опережающая всѣхъ Великобританія, и на этотъ именно путь внутренняя борьба толкала все время Австрію. Будемъ надѣяться, что хотя внѣшнія потрясенія облегчатъ и ускорятъ этотъ трудный процессъ, который такъ медленно подвигался подъ влияніемъ одной лишь внутренней эволюціи.

Не менѣе, чѣмъ національныя, натянуты въ нѣкоторыхъ государствахъ и отношенія между правящими и управляемыми,—между аристократіей или плутократіей, съ одной стороны, и демократіей—съ другой. Въ качествѣ примѣра удобнѣе и правильнѣе всего будетъ взять въ данномъ случаѣ Пруссію, гдѣ отношенія между юнкерствомъ, продолжающимъ держать власть въ своихъ рукахъ, и трудовыми массами уже до войны начали обостряться и гдѣ, судя по всему ходу событій, раньше всего можно ожидать на этой почвѣ катаклизма. Какъ ни скудны у насъ сейчасъ свѣдѣнія изъ Германіи, они даютъ однако право думать, что отношенія между властью и населеніемъ тамъ съ началомъ войны не только не смягчились, но, повидимому, и обострились. Да это и понятно: война начата самой Германіей и при томъ война наступательная, а такая война, особенно если она окажется еще неудачной, можетъ вызвать особенно рѣзкій отпоръ въ массахъ.

Германскіе социаль-демократы за нѣсколько дней, протекшихъ отъ предъявленія ультиматума Австріей до открытаго выступленія Германіи, успѣли развить широкую агитацію противъ войны и нашли замѣтный откликъ въ рабочихъ массахъ. Происходившія въ Б линѣ и другихъ городахъ манифестаціи не произвели однако

надлежащаго впечатлѣнія и Германія объявила все-таки войну намъ и Франціи. Но агитація противъ войны, повидимому, продолжалась, и на этой именно почвѣ, какъ можно думать, произошло кровопролитное столкновение въ одномъ изъ рабочихъ кварталовъ Берлина, о чемъ промелькнуло извѣстіе въ газетахъ. По словамъ послѣднихъ, центральный комитетъ социаль-демократической партіи въ тоже время былъ арестованъ и партійная касса конфискована... Императоръ Вильгельмъ, очевидно, не только во внѣ, но и внутри играетъ ва-банкъ. Я говорю: ва-банкъ, такъ какъ всѣмъ извѣстна судьба Наполеона III и вмѣстѣ съ нимъ французской монархіи. Послѣдняя должна была уступить мѣсто республикѣ прежде даже, чѣмъ франко-прусская война окончилась. И—кто знаетъ?—тогда, быть можетъ, была очередь Франціи, а теперь—Пруссіи...

Натянутыя струны того же порядка имѣются и въ другихъ мѣстахъ,—даже еще болѣе натянутыя. Но онѣ задрожать, нужно думать, позже,—если, конечно, не будутъ своевременно ослаблены. Правда, принято думать, что все въ данномъ случаѣ зависить отъ хода и исхода войны, но мнѣ кажется, что не меньшее значеніе имѣетъ то, на сколько струны уже до войны были натянуты. Ударовъ же по нимъ и помимо военныхъ неудачъ, несомнѣнно, будетъ достаточно. Во всякомъ случаѣ, мы не должны упускать изъ виду возможность подобныхъ осложненій, способныхъ оказать существенное вліяніе на весь ходъ дальнѣйшихъ событій. И не должны терять надежды, что тяжкія потрясенія въ международныхъ отношеніяхъ будутъ имѣть однимъ изъ своихъ послѣдствій обновленіе внутренняго строя, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ государствахъ.

Не безслѣдно международная катастрофа пройдетъ и для социальныхъ отношеній. Отношенія между имущими классами и трудящимися массами тоже вѣдь очень натянуты и притомъ не въ отдѣльныхъ только мѣстахъ, но въ большей или меньшей степени во всѣхъ странахъ. Удары же по этимъ натянутымъ струнамъ будутъ, повидимому, особенно многочисленны и сильны. Едва ли не самыя тяжелыя потрясенія будутъ имѣть мѣсто именно въ экономической сферѣ. Здѣсь они начались раньше, чѣмъ раздался даже первый выстрѣлъ, и будутъ, несомнѣнно, долго длиться и послѣ того, какъ весь порохъ будетъ израсходованъ.

Экономическія потрясенія, не только возможныя, но и неизбежныя столь разнообразны, что нечего и пытаться отмѣтить даже главныя изъ нихъ въ короткой замѣткѣ. Я останавлиюсь поэтому лишь на одной линіи отношеній,—далеко не самой важной, но для нынѣшней войны особенно характерной.

Во всѣхъ, можно сказать, странахъ главная тяжесть государственныхъ расходовъ продолжаетъ оставаться на плечахъ трудящихся массъ, что и является одной изъ причинъ ихъ недовольства

и недоброжелательнаго отношенія къ правящимъ классамъ. Счастливое исключеніе и въ этомъ отношеніи представляетъ развѣ только Англія, въ которой уже сдѣланы, далеко, конечно, недостаточные, но все-таки болѣе или менѣе рѣшительные шаги къ болѣе справедливому распредѣленію государственныхъ тягостей. На плечи тѣхъ же трудящихся массъ современныя государства взваливаютъ обыкновенно и тягости войны, которыя въ наше время достигаютъ колоссальныхъ размѣровъ. Достигается это обыкновенно тѣмъ, что войны ведутся не за счетъ ранѣе накопленныхъ богатствъ, а за счетъ займовъ, отчасти внутреннихъ, но главнымъ образомъ внѣшнихъ, платежи по которымъ входятъ затѣмъ въ составъ общаго налогового бремени, лежащаго, какъ уже сказано, по преимуществу на трудящихся классахъ.

Въ настоящій разъ внѣшніе займы, благодаря тому что въ войну втянуть почти весь міръ, ни для одного изъ воюющихъ государствъ не возможны; не возможны они и потому, что механизмъ международныхъ денежныхъ отношеній, если не окончательно разрушенъ, то приведенъ въ совершенное почти бездѣйствіе. Биржи, при помощи которыхъ, главнымъ образомъ, происходилъ международный денежный оборотъ и совершались займы, не только не функционируютъ, но во многихъ мѣстахъ прямо закрыты. Благодаря этому послѣднему обстоятельству, и внутренніе займы, за исключеніемъ принудительныхъ, почти неосуществимы. Такимъ образомъ вести нынѣшнюю войну всѣмъ государствамъ придется исключительно за счетъ внутреннихъ ресурсовъ, каковыя можно найти только у имущихъ классовъ и получить каковыя можно только принудительно. Достаточно ясно представить себѣ создавшееся въ настоящій разъ положеніе, чтобы понять, что изъ этого слѣдуетъ и какимъ путемъ неизбежно придется идти. Возможно, что нѣкоторые государства сразу же и вступятъ на него.

Но нѣкоторые, какъ уже выяснилось, пытаются еще идти старой, проторенной дорогой. За невозможностью заключать открытые и свободные займы, они прибѣгли къ принудительнымъ и замаскированнымъ, а именно къ усиленнымъ выпускамъ бумажныхъ денегъ. Это неизбежно должно повести къ переоцннкѣ всѣхъ цѣнностей, отъ которой всѣ потеряютъ и едва ли не больше всѣхъ пострадаютъ тѣ, которые живутъ заработкомъ, такъ какъ цѣны на продукты въ такихъ случаяхъ обыкновенно растутъ гораздо быстрѣе, чѣмъ цѣны на трудъ. На ряду съ этимъ правительства нѣкоторыхъ воюющихъ державъ рѣзко увеличили обложеніе продуктовъ массоваго потребленія, что уже прямо бьетъ по трудящимся классамъ. Едва ли поэтому тотъ и другой способъ полученія необходимыхъ для войны ресурсовъ можно признать цѣлесообразнымъ. Средства для войны, какъ уже сказано, могутъ и должны дать имущіе классы; выжать же ихъ изъ трудящихся массъ, въ тѣхъ

размѣрахъ, въ какихъ эти средства, вѣроятно, потребуются, какъ бы ни налегали на прессъ, все равно не удастся.

Но этотъ путь не только не цѣлесообразенъ, но и явно опасенъ. Идя по нему, можно донельзя обострить и безъ того уже обостренныя отношенія между трудящимися и имущими классами, и такимъ образомъ сдѣлать неизбежными на этой почвѣ внутреннѣе катаклизмы, крайне опасныя вообще во время внѣшнихъ потрясеній и особенно опасныя при данныхъ именно условіяхъ, такъ какъ они легко могутъ получить совершенно стихійный характеръ. Для того, чтобы избѣжать ихъ, необходимо быстро и рѣшительно реорганизовать налоговую систему. Но и этого, быть можетъ, окажется недостаточно, — придется, быть можетъ, затронуть всю систему имущественныхъ отношеній въ современномъ обществѣ.

Надо сказать, что нынѣшняя война не только можетъ сдѣлать неизбежнымъ постановку на очередь этого вопроса, но и существенно облегчить его рѣшеніе. На институтъ собственности, на этотъ главный устой современнаго экономическаго порядка, со всѣхъ сторонъ уже сыплются удары, — и едва ли не больше всѣхъ расшатываютъ его и будутъ расшатывать сами правительства. Благодаря начавшимся потрясеніямъ, многія имущества уже обезцѣнились чуть ли не до половины своей недавней стоимости; многіе собственники уже раззорились, — и еще больше будетъ, конечно, такихъ, которые раззорятся. Съ другой стороны, государственная власть производитъ реквизиціи, устанавливаетъ принудительныя цѣны и всѣми другими способами ограничиваетъ право собственниковъ распоряжаться своимъ имуществомъ. Естественно поэтому, что даже у имущихъ классовъ, не говоря уже о широкихъ массахъ, начинаютъ складываться къ собственности совершенно инныя отношенія, чѣмъ какія были до сихъ поръ.

Вообще вѣдь во время войны, когда всѣ живутъ подъ впечатлѣніемъ общей бѣды, когда приходится жертвовать не только имуществомъ, но и жизнью, принципъ неприкосновенности частной собственности пріобрѣтаетъ условный характеръ, а въ осажденных городахъ и крѣпостяхъ съ нимъ и вовсе не считаются. При нынѣшней войнѣ на осадномъ положеніи вынуждены будутъ жить цѣлыя громадныя страны, и если такое положеніе затянется, то институтъ частной собственности очень сильно можетъ быть расшатанъ. Массы людей свыкнутся съ совершенно другими взглядами на нее, и если не успѣютъ окончательно выработать новыя формы распоряженія ею, то почва для этого все таки будетъ расчищена.

Великая французская революція и послѣдовавшій за нею цѣлый рядъ войнъ ознаменовали собою, какъ потомъ выяснилось, выступленіе на историческую авансцену буржуазіи и реорганизацію экономическаго строя на капиталистическихъ началахъ. И кто знаетъ? — волна революцій начала XX вѣка и начинающійся теперь циклъ войнъ, быть можетъ, знаменуютъ собою выступленіе на

историческую арену широких трудовых массъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и начинающееся преобразованіе всего социальнаго строя на соответствующихъ ихъ интересамъ началахъ.

Будемъ надѣяться, что это такъ... Въ такомъ случаѣ неисчислимыя жертвы, которыя предстоитъ понести людямъ, и тяжкія испытанія, которыя имъ придется пережить, какъ никакъ окупятся.

Въ своей бѣглой статейкѣ, написанной подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что начавшихъ развертываться событій, я постарался намѣтить кое-что изъ „вѣроятнаго и возможнаго“ въ связи съ разразившейся катастрофой. При этомъ я все время старался не сходить съ общечеловѣческой точки зрѣнія. Я знаю, что это не удовлетворитъ нашихъ читателей. Такъ же, какъ и насъ, ихъ, конечно, несравненно больше сейчасъ волнуетъ вопросъ не о судьбахъ человѣческихъ вообще, а о томъ, что ждетъ насъ, что ждетъ Россію, наше отечество. Можетъ быть, для ума этотъ вопросъ и менѣе значителенъ, но для сердца онъ какъ никакъ ближе.

На этотъ счетъ скажу только одно: не менѣе страстно, чѣмъ наши читатели, мы желаемъ, чтобы Россія, которой суждено пережить такія великія потрясенія и такія тяжелыя испытанія, вышла изъ нихъ не только невредимой, но и всесторонне обновленной. Велики наши тревоги, но и сильны наши надежды. Какъ бы то ни было, на этомъ должны быть сосредоточены сейчасъ всѣ силы и для всѣхъ нихъ должно и можетъ найтись дѣло.

Своими думами, надеждами и опасеніями намъ еще удастся какъ мы рассчитываемъ подѣлиться съ читателями. Сейчасъ же это сдѣлать трудно, да и было бы, пожалуй, несвоевременно. Слишкомъ громко еще звучитъ „ура“ и бьютъ барабаны, чтобы наша рѣчь, не чуждая тревоги, сомнѣній и раздумья, могло дойти до читателей.

А. Пѣехоновъ.

Смерть Жореса.

Умеръ Жоресъ. Умеръ неожиданно, въ цвѣтѣ силъ, въ разгарѣ дѣятельности, — умеръ, какъ говорятъ скупыя на подробности газетныя телеграммы, сраженный пулей безумнаго фанатика, думавшаго въ лицѣ вождя французскаго социализма поразить врага Франціи.

Въ быстро надвигающемся вихрѣ грозныхъ событій, среди наполнявшаго всю Европу грома и звона оружія, среди мрачныхъ предчувствій небывалыхъ еще въ исторіи человѣческихъ века-

томъ смерть отдѣльнаго человѣка, какое бы видное мѣсто ни занималъ онъ на жизненной аренѣ, не можетъ привлечь къ себѣ особенно большого вниманія. И смерть Жореса въ этихъ условіяхъ не можетъ вызвать того отклика въ сердцахъ и умахъ культурнаго человѣчества, какой она нашла бы въ другое время. Но это не уменьшаетъ ея трагическаго значенія. Въ лицѣ великаго французскаго оратора изъ нашей жизни ушелъ одинъ изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ сыновъ современной культурной Европы и менѣе, чѣмъ когда-либо, эта потеря можетъ пройти безслѣдно въ тяжелыхъ условіяхъ настоящей минуты.

Жанъ-Леонъ Жоресъ былъ и, можно думать, надолго, если не навсегда, останется въ исторіи однимъ изъ наиболее видныхъ вождей французскаго социалистическаго движенія. Онъ не былъ оригинальнымъ мыслителемъ, не принадлежалъ къ числу основоположниковъ теоріи социализма. Человѣкъ широкаго и разносторонняго образованія, обладавшій большими склонностями и способностями къ научной работѣ въ области исторіи, онъ не являлся однако самостоятельнымъ, прокладывающимъ новые пути, исследователемъ абстрактныхъ проблемъ общественной жизни. Его сила была въ другомъ — въ практической политикѣ, въ умѣнѣ согласовать основы своего міровоззрѣнія съ откликами на конкретныя злобы дня, въ умѣнѣ вопросы повседневной жизни освѣтить сіяніемъ великихъ идей и обвѣять дыханіемъ благородной человѣчности.

Молодымъ человѣкомъ, двадцати шести лѣтъ отъ роду, былъ впервые избранъ Жоресъ въ 1885 г. въ палату депутатовъ и занялъ въ ней мѣсто на скамьяхъ т. н. „лѣваго центра“. Лишь позднѣе, черезъ нѣсколько лѣтъ, онъ открыто вошелъ въ ряды социалистовъ. И однако впоследствии, вспоминая первые годы своей политической жизни, Жоресъ писалъ: „Я имѣю право сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ я занимаюсь общественной дѣятельностью, основное направленіе моей мысли и моихъ стремленій оставалось постоянно однимъ и тѣмъ же. Я всегда былъ республиканцемъ и всегда былъ социалистомъ: моимъ идеаломъ всегда была социальная республика, республика организованнаго и державнаго труда. И за нее я боролся съ самаго перваго дня, со всею своею неопытностью и своимъ незнаніемъ“. Это показаніе, быть можетъ, слишкомъ категорично для того, чтобы его можно было безусловно принять во всемъ его объемѣ, но въ немъ есть, несомнѣнно, и нѣкоторая доля объективной истины. Съ первыхъ шаговъ политической дѣятельности Жореса у него проявлялось тяготѣніе къ социализму, становившееся все болѣе сильнымъ и отчетливымъ по мѣрѣ того, какъ молодой политикъ глубже вникалъ въ окружающую его жизнь и опредѣленнѣе уяснялъ себѣ основы собственнаго міросозерцанія. Въ 1892 г., когда въ родномъ округѣ Жореса разыгралась знаменитая стачка

рудокоповъ Кармо, вспыхнувшая на почвѣ борьбы рабочихъ съ предпринимателями за право самостоятельной политической дѣятельности, Жоресъ выступилъ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ защитниковъ интересовъ рабочихъ, во всемъ блескѣ проявивъ при этой защитѣ свои ораторскія способности. И, войдя послѣ того вновь въ палату депутатовъ, онъ вступилъ въ группу „независимыхъ социалистовъ“ и вскорѣ занялъ въ ней мѣсто одного изъ главныхъ и наиболѣе блестящихъ ея ораторовъ. Годъ отъ году съ тѣхъ поръ росла и крѣпла его популярность, вышедшая далеко за предѣлы рабочихъ круговъ и социалистической партіи и обеспечившая ему роль одного изъ наиболѣе видныхъ политическихъ дѣятелей Франціи. Эта популярность подверглась серьезному и тяжелому испытанію въ эпоху дѣла Дрейфуса. Въ то время, какъ Гедъ, Вальянъ и другіе вожди французскихъ социалистовъ, послѣ первыхъ попытокъ энергично вмѣшаться въ это дѣло, отступились отъ него и отошли въ сторону, опасаясь рисковать всѣмъ вліяніемъ социалистической партіи въ борьбѣ съ высоко поднявшеюся волной шовинизма, Жоресъ, наоборотъ, со всѣмъ пыломъ и страстью борца за поправленную справедливость бросился въ эту борьбу, увлекая нерѣшительныхъ и колеблющихся огнемъ своего темперамента и силой своего могучаго ораторскаго таланта. Онъ вышелъ изъ тяжелой борьбы, веденной съ необычайнымъ блескомъ и силой, борьбы, въ которой частный вопросъ былъ поднять на высоту общихъ принциповъ и сталъ ареной столкновенія различныхъ міросозерцаній, побѣдителемъ и съ окончаніемъ этой борьбы его популярность приобрѣла мировой характеръ. Но вслѣдъ за окончаніемъ этой борьбы снова—и на этотъ разъ уже въ другую сторону—измѣнилось положеніе Жореса внутри самой социалистической партіи. Увлеченный успѣхами пропаганды среди буржуазныхъ элементовъ общества во время дѣла Дрейфуса и вмѣстѣ съ тѣмъ озабоченный энергичной кампаніей клерикаловъ и реакціонеровъ противъ свободныхъ учрежденій страны, Жоресъ выступилъ рѣшительнымъ сторонникомъ прочнаго союза социалистовъ съ радикальной буржуазіей, вплоть до участія социалистическихъ депутатовъ въ буржуазномъ министерствѣ, выработавъ по этому поводу цѣлую теорію „сотрудничества классовъ“. Это настроеніе передвинуло Жореса на правое крыло социалистической партіи. Онъ приобрѣлъ въ эту пору большое вліяніе въ радикальныхъ кругахъ, распространявшееся и на правительственныя сферы, но параллельно съ этимъ ослабили его вліяніе и популярность въ рабочихъ массахъ и въ лѣвыхъ фракціяхъ социалистической партіи, враждебно смотрѣвшихъ на „министеріализмъ“ и „оппортунизмъ“. Острые разногласія, возникшія по этому поводу въ партіи, продолжались нѣсколько лѣтъ и были окончательно ликвидированы лишь на руанскомъ конгрессѣ 1905 г., когда Жоресъ отказался отъ крайностей своей позиціи и была основана партія объединенныхъ социалистовъ съ Жоресомъ и

Гедомъ во главѣ, послѣ чего вліяніе перваго изъ нихъ въ рядахъ социалистовъ возстановилось въ полной мѣрѣ.

Можно было различно относиться ко взглядамъ и тактическимъ приемамъ Жореса въ разные эпохи его жизни. Но одного во всякомъ случаѣ нельзя было отрицать, одно одинаково признавали въ немъ и его друзья, и его идейные противники, это—высокій идеалистическій порывъ, проникавшій все его существо, всегда толкавшій его на защиту справедливости и человѣчности и сообщавшій всей его духовной личности черты чарующей обаятельности и строгого моральнаго достоинства. Еще недавно эта особенность Жореса нашла себѣ своеобразное и высокое признаніе: когда въ связи съ дѣломъ Рошетта возникли серьезные подозрѣнія относительно многихъ республиканскихъ дѣятелей, Жоресъ былъ избранъ председателемъ анкетной комиссіи палаты депутатовъ и тѣмъ самымъ ему была предоставлена роль какъ бы верховнаго судьи французскихъ политиковъ, роль, которую онъ выполнилъ съ большимъ безпристрастіемъ и достоинствомъ.

Та борьба за интересы и солидарность трудящихся, за идеалы свободы, справедливости и человѣчности, которая наполняла собою политическую дѣятельность Жореса, не ограничивалась предѣлами одной только Франціи. Домашнія французскія дѣла Жоресъ неизмѣнно поднималъ на такую принципиальную высоту, на которой они могли и должны были интересоваться все культурное человѣчество. Но, не довольствуясь этимъ, онъ нерѣдко принималъ живое участіе и въ жизни другихъ народовъ, всюду выступая въ этихъ случаяхъ провозвѣстникомъ тѣхъ же великихъ идей и защитникомъ тѣхъ же высокихъ идеаловъ. Между прочимъ немало обязана великому оратору и русская демократія, къ борьбѣ которой онъ, въ особенности въ послѣднее десятилѣтіе, относился съ живымъ интересомъ и глубокимъ сочувствіемъ. Въ послѣдніе годы Жоресъ велъ энергичную кампанію противъ милитаризма, выступая съ горячей пропагандой антимилитаристскихъ идей и на своей родинѣ, и на интернаціональных конгрессахъ социалистовъ. Въ частности, въ самое послѣднее время онъ являлся однимъ изъ самыхъ настойчивыхъ и рѣшительныхъ противниковъ возвращенія Франціи въ трехлѣтней военной службѣ, и это обстоятельство, по имѣющимся свѣдѣніямъ, и навлекло на него гибель. Убийца—говорить телеграмма „Новаго Времени“—„на допросѣ заявилъ, что считаетъ нужнымъ наказывать измѣнниковъ“, а „Жоресъ измѣнилъ отечеству, ведя кампанію противъ закона о трехлѣтней военной службѣ“.

Благородная жизнь, наполненная неустанной борьбой за свѣтлые идеалы будущаго и неумолчной проповѣдью мира среди народовъ, оборвана пулей нафанатизированнаго безумца, принесена въ жертву духу ненависти и войны. И въ этой трагической гибели великаго трибуна человѣческой солидарности наканунѣ небывало

грознаго столкновѣнія вооруженныхъ націй чуть не всей Европы, есть что-то невыразимо зловѣщее, отбрасывающее унылую тѣнь мрачныхъ предчувствій на ближайшее будущее. Но все же хочется вѣрить, что тѣ трудящіяся массы, которыхъ вдохновлялъ и которыми вдохновлялся Жоресъ въ своей страстной проповѣди новаго міра, сумѣютъ въ концѣ-концовъ претворить слова этой проповѣди въ прочное дѣло своей жизни. Къ этому зоветъ трагическая смерть великаго оратора, какъ звалъ при его жизни его могучій голосъ.

В. Мякотинъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Кнутъ Гамсунъ. Дѣти времени. Романъ. Пер. съ норв. М. П. Благовѣщенской. Изд. „Освобожденіе“. СІВ. 1914. Стр. 309. Ц. 1 р

Повадливая и капризная „культурная“ читательская толпа отхлынула отъ Кнута Гамсуна еще скорѣе, чѣмъ сдѣлала изъ него властителя своихъ непостоянныхъ думъ. Всего пять лѣтъ назадъ Гамсунъ былъ еще однимъ изъ самыхъ модныхъ писателей; теперь о новыхъ его романахъ не знаютъ и не говорятъ, а между тѣмъ русскій читатель долженъ былъ бы подарить имъ нѣкоторое вниманіе,—хотя бы потому, что старая привязанность обязываетъ.

Какъ обычно въ недоразумѣніяхъ,—доля вины на обѣихъ сторонахъ; не только русскіе читатели отошли отъ Гамсуна, но и онъ отошелъ отъ нихъ, отъ ихъ запросовъ, отъ ихъ вкусовъ. Онъ сталъ сосредоточеннѣе, объективнѣе и національнѣе: это бываетъ недостаткомъ, бываетъ и достоинствомъ, которое раскрывается лишь во времени. Такъ или иначе,—въ новыхъ произведеніяхъ боевого норвежца нѣтъ уже той проповѣди, которая такъ подошла у насъ къ настроеніямъ минувшаго десятилѣтія, нѣтъ того обостреннаго индивидуализма, большіе и малые пророки котораго синискали у насъ столь недорогую и столь громкую славу. Лучшей участи заслуживалъ Гамсунъ и тогда, и теперь. Новый его романъ по основному мотиву напоминаетъ старые; всегда объ одномъ пишетъ Гамсунъ: о безконечномъ одиночествѣ человеческой души, о безднѣ непониманія, разъдѣляющей любящихъ, о прихотяхъ человеческой судьбы, играющей нами съ подлымъ безстрастіемъ. Человѣкъ замыкается въ гордость, въ сознаніе—основательное или безумное—своего высшаго ранга, своего превосходства надъ окружающими, а жизнь несетъ мимо него, строя и разрушая, безъ всякаго вниманія къ его замысламъ и традиціямъ, къ его порывамъ и воззрѣніямъ. Никогда, быть можетъ, Гамсунъ съ его рѣзкой сатирической ноткой не изображалъ такъ зло и широко среду: цѣлый міръ мелкой обывательщины на

далекомъ сѣверѣ вырастаетъ предъ нами съ особенностями своего образнаго быта, съ нелѣпостями условныхъ отношеній и т. п. Все это—съ прикрытымъ ядомъ, мягко, спокойно, безстрастно: новая черта въ манерѣ Гамсуна, пристрастнаго по преимуществу и въ этой пристрастности озлобленнаго человѣка неизмѣнно чернющаго новыя художественныя краски.

Евгеній Чириковъ. — „Житѣе-бытѣ“. Москов. кн-во. 1913. Ц. 1 р. 25 к. — „Марька изъ Ямъ“. Москов. кн-во. 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Въ этихъ двухъ книжкахъ перепечатаны рассказы г. Чирикова, знакомые уже читателямъ по предыдущимъ изданіямъ. И только два небольшихъ рассказа: „Чортова жалость“ и „Человѣкъ съ прошлымъ“ являются здѣсь новыми. Но они, конечно, нисколько не мѣняютъ писательскаго облика г. Чирикова.

Г. Чирикова у насъ весьма усердно читають, но о немъ почти ничего не пишутъ,—и это характерно для него, какъ писателя, ибо одни его читають, а другіе не пишутъ о немъ по одной и той же причинѣ: онъ плохо возбуждаетъ работу мысли въ своемъ читателѣ. И потому онъ въ такой же мѣрѣ неинтересенъ для критика, и удобенъ для того сорта читателей, которые читають просто такъ, заполняя досугъ. Г. Чириковъ—это популяризаторъ ходячихъ общественныхъ формулъ, сужденій, настроеній въ ихъ наиболѣе шаблонномъ выраженіи. Въ своихъ произведеніяхъ онъ отражаетъ не самый предметъ, не самое явленіе, а ихъ уже готовое отраженіе, притомъ не зарождающееся, не новое, а именно—ходячее. И потому имъ предовольны бываютъ именно тѣ читатели, которымъ нужно не новое, а общеупотребительное; потому же самому его скучно читать тѣмъ, кто смотритъ на художника, какъ на изслѣдователя жизни, интереснаго и важнаго въ мѣру той разности, которая заключается между его изображеніемъ предмета и ходячимъ представленіемъ о послѣднемъ.

Эта разность у г. Чирикова равна нулю или близка къ нему. Когда потребитель его рассказовъ или пухлыхъ романовъ, съ ихъ удручающимъ многословіемъ, не безъ удовольствія читаетъ эти вещи, то онъ при этомъ впадаетъ въ психологическій самообманъ: ему кажется, что въ „Юности“ Чирикова онъ видитъ черты собственной юности или юности своихъ друзей, въ изображеніяхъ разныхъ неудачниковъ-интеллигентовъ—узнаетъ знакомыхъ своихъ неудачниковъ, и т. д.,—предъ нимъ какъ бы воскресаетъ прошлое, и читатель доволенъ, и у г. Чирикова много читателей... Но читатель узнаетъ на самомъ дѣлѣ не себя и не своихъ знакомыхъ, а тѣ господствующія представленія о своей и чужой юности, объ интеллигентахъ, о марксистахъ и пародникахъ и т. д., которыя почти всегда бываютъ сильнѣе личныхъ, подлинно лирическихъ воспоминаній и представленій.

Вотъ передъ нами то, что мы должны счесть „типомъ“ погрязшаго въ прозѣ чиновника, не понимающаго высокихъ порывовъ своей еще непогрязшей жены. Къ этому тяжелому житейскому противорѣчію г. Чириковъ подводитъ читателя очень просто: непогрязшая жена въ присутствіи въ первый разъ зашедшаго въ домъ актера говорить о своемъ погрязшемъ мужѣ: „Ваня не любить, когда я играю въ любительскихъ спектакляхъ. Онъ не любить искусства“... Въ отвѣтъ на это погрязшій мужъ мычитъ: „Искусство! Ты бы лучше пуговицы къ штанамъ мнѣ пришила“. Иному читателю покажется, что именно такъ въ жизни и бываетъ. На самомъ же дѣлѣ онъ самъ никогда столь прямолинейныхъ репликъ не слыхивалъ, за то въ банальныхъ анекдотахъ на этотъ мотивъ „непониманіе“ прозаическимъ мужемъ поэтической жены изображается именно въ видѣ сопоставленія искусства, съ одной, и пуговицъ къ штанамъ, съ другой стороны, приходится же въ голову анекдотъ легче, чѣмъ самостоятельно продуманный выводъ изъ личныхъ наблюденій, — и вотъ готова почва для признанія пошлаго анекдота, рассказаннаго г. Чириковымъ, за реалистическій образъ.

А между тѣмъ этого сорта образы и не почевали въ произведеніяхъ г. Чирикова; да онъ едва-ли къ нимъ и стремится. Вѣдь онъ не можетъ не знать, что именно реалистическіе-то образы (да и никакіе другіе, но эти—особенно) по шпиргалкамъ и табличкамъ не создаются; онъ же пользуется означенными „пособіями“ вполне открыто. Свои характеристики онъ, напримѣръ, начинаетъ такъ: „Земскій агрономъ принадлежалъ къ числу „кающихся разночинцевъ“. Будучи студентомъ, онъ работалъ въ партіи и былъ извѣстенъ тамъ подъ именемъ „товарища Николая“... и т. д. Всю ту работу психологическаго анализа, которую подлинный художникъ продѣлываетъ самостоятельно и ради которой мы его читаемъ,—г. Чириковъ почитаетъ уже сдѣланной помимо него и до него, и, налививъ на своего героя ярычекъ „кающийся разночинецъ“, уже прямо приступаетъ къ анекдоту. О тонкости же послѣдняго можно судить по такому примѣру. „Кающийся разночинецъ“ въ страхъ, что провѣдали про его политическое прошлое, „чиститъ“ свою квартиру и въ своемъ рвеніи и трусости доходитъ до того, что рветъ записъ грязнаго бѣлья: „Кто же такъ пишетъ, Катя!..—наставляетъ онъ жену. — „Нав. — пять, Руб. — четыре, Пан. — шесть“... Подумаютъ еще, что какой-нибудь нелегальный сборъ денегъ...—Кто подумаетъ?—удивляется жена.—Придутъ съ обыскомъ, найдутъ и достаточно... Теперь даже этого достаточно... Доказывай, что „Пан.“ это — панталоны, а не Пановъ!... А Пановъ—былъ извѣстный революціонеръ“...—и доверчивый читатель, наслышавшись про трусовъ и ренегатовъ революціи, можетъ и въ этотъ пошлый вздоръ повѣрить...

Болѣе пріемлемъ г. Чириковъ тамъ; гдѣ онъ не касается настоящихъ и бывшихъ революціонеровъ. Такіе рассказы, какъ „Танино счастье“ или „Именинница“, сильно растянутые и блѣдые, но довольно тепло написанные — гораздо въ общемъ пріятнѣе, чѣмъ тѣ, гдѣ г. Чириковъ обличаетъ или иронизируетъ надъ слабостями русскихъ интеллигентовъ. И понятно почему: жалѣть социальнo обиженныхъ и страдать за нихъ — ему, какъ и всѣмъ, доступно. Но изображать „бывшихъ интеллигентовъ“, „кающихся разночинцевъ“, „товарищей Николаевъ“, погрязающихъ въ тинѣ, отказывающихся отъ своей молодости, — ему совсѣмъ не подъ силу: все это черезчуръ тонко и сложно для его слабого, а главное — элементарнаго пера иллюстратора; здѣсь необходима кисть художника...

Иванъ Рукавишниковъ. Близкое и Далекое. Рассказы. „Московское книгоиздательство“. Стр. 267. Ц. 1 р. 25 к.

Есть въ литературной современности имена, широкой публикой, можетъ быть, забытыя, но въ прошломъ — очень недавнемъ прошломъ — если не громкія, то безспорно слышныя, заставлявшія говорить о себѣ на протяжении иной разъ цѣлаго „сезона“. Была, какъ извѣстно, полоса проблемъ въ нашей литературѣ, и изъ проблемъ наиболѣе усердной и длительной разработкѣ подвергалась проблема половая. И въ стихахъ, и въ прозѣ. И когда В. Брюсовъ или Ө. Сологубъ — пѣтъ, В. Брюсовъ — воспѣлъ въ звучныхъ строкахъ свой адюльтеръ съ... козой, — одинъ изъ молодыхъ поэтовъ, обуреваемый, можетъ быть, соревнованіемъ, взялъ да изложилъ, въ стихотворной тоже формѣ, какъ онъ прелюбоудѣйствовалъ съ... чугунной статуей черта... И побилъ рекордъ, заставилъ говорить о себѣ. Этотъ поэтъ и былъ — Иванъ Рукавишниковъ. Въ свое время вниманіе читающей публики — очень разноголосое, правда — было привлечено къ его роману „Проклятый родъ“. Не всѣ дочитали до конца этотъ романъ — стиль модернъ, которымъ блеснулъ въ немъ авторъ, требовалъ особой интерпретаціи и даже перевода на литературный русскій языкъ, — но за пестрой шелухой словесныхъ кривляній, вывертовъ и варварскаго коверканья языка чувствовалось нѣчто, не лишнее интереса и цѣнности, — человѣческій документъ, использовать который обстоятельствами жизни дано было именно отпрыску почтенной денежной фирмы, изображенной въ „Проклятомъ родѣ“. Иванъ Рукавишниковъ, пытавшійся пріоткрыть завѣсу надъ новымъ, въ литературѣ почти не тронутымъ, уголкомъ жизни, сдѣлалъ это, къ сожалѣнію, съ безмѣрной оригинальностью, каковая въ небольшомъ количествѣ могла бы еще позабавить, но въ большомъ — вызывала морскую болѣзнь. Печатью той же оригинальности отмѣчены и рассказы, собранные въ книгѣ „Близкое и Далекое“. Каемся: у насъ хватило терпѣнія одолѣть

только „Близкое“, а передъ мистическимъ „Далекимъ“ обьялъ ужасъ и оно осталось не вскрытымъ. Въ „Близкомъ“ сюжеты—изъ міра реального и, повидимому, современнаго, хотя языкъ дѣйствующихъ лицъ порой внушаетъ въ этомъ сомнѣніе. Любовь и кровь, безумство и ужасъ, восторженные бреды, мысли съ изумрудными и рубиновыми крыльями, хохочущее время, обольстительныя женщины, готовно приѣзжающія въ отдѣльный кабинетъ, оригинальные мужчины—все поэты, художники, артисты, есть и просто писатели—съ отменно тонкими переживаніями, но, повидимому, импотенты... „И упала тогда на столъ рука Владиміра. Засверкали алчные земные огоньки рубиновъ, а морозно-горячая пѣсня брилліантовъ хохотала, хохотала. Окованная колечками золота, подъ загадочной жизнью камней, лежала рука будто мертвая. Бѣлая рука“. Но въ концѣ концовъ—скучно, не смотря на словесные выверты, когда эта новизна стиля перестаетъ быть новизной и въ монотонной повторяемости своихъ фокусовъ обнажаетъ свое убожество. Ищешь, нѣтъ ли страницъ попроще. И вотъ:

- Царица моя, ты прекрасна, такъ же прекрасна, какъ ложь твоихъ словъ. Такъ любишь, Софья?

— Владиміръ..

Хоть бы и въ „Родину“ не стыдно... По маломъ размышленіи, все-таки приходится признать, что Иванъ Рукавишниковъ намѣтилъ себѣ безошибочный путь къ извѣстности: весь ароматъ его въ вывертахъ стиля. Упрости его — ничего не останется. Есть въ глухихъ сельскихъ уголкахъ такіе любители пѣнія—изъ портныхъ, большею частью: безголосы, а непременно имъ хочется на клиросъ. И какъ-то умѣютъ они вывернуть этакъ языкъ, измѣнить голосъ и довольно-таки пронзительно верещать во славу Божію. Скверно, а все-таки слышно. Ивану Рукавишникову извѣстенъ этотъ секретъ.

М. Л. Михайловъ. Полное собраніе сочиненій. Подъ редакціей П. В. Быкова. Изд. Т-ва А. Ф. Маркса. Тома I—III. Ц. 1 р. 25 к. за томъ.

Пятьдесятъ лѣтъ отдѣляетъ насъ отъ времени созданія произведеній Михайлова. Испытаніе полувѣка въ состояніи выдержать лишь избранныя созданія искусства, отмѣченныя печатью исключительнаго дарованія. Откуда не могучій, но значительный талантъ Михайлова подвергся указанному испытанію времени въ формѣ наиболее тяжелой и суровой: втеченіе полувѣка читателю былъ закрытъ доступъ къ творчеству опальнаго писателя, была отрѣзана нить преемственности читательскихъ впечатлѣній, обсужденій, отзывовъ, не было той атмосферы, въ которой только и можетъ

жить произведеніе искусства, въ которой оно либо гибнетъ, либо калѣится. Достаточно, напримѣръ, представить себѣ, что даже такую вещь, какъ „Дворянское гнѣздо“, насильственно отняли у читателей въ моментъ его появленія и, продержавъ подъ спудомъ пятьдесятъ лѣтъ, только теперь вернули,—во сколько разъ меньше, блѣднѣе показалось бы оно современному читателю безъ всего того мыслительнаго и эмоциональнаго богатства, которое осѣло на немъ за эти полвѣка прозябанія и роста въ миллионѣхъ сердецъ!

Михайловъ не написалъ „Дворянскаго гнѣзда“, — тѣмъ безпощаднѣе и болѣзненнѣе оказался для его произведеній этотъ полувѣковой перерывъ. Надобно открыто признать, что большая часть его творчества убита этимъ ударомъ. Во всякомъ случаѣ—не нынѣшній читатель найдетъ въ себѣ то *вниманіе справедливости*, которое побудило бы его вновь связать давно оборванную нить.

И объ этомъ приходится пожалѣть не только съ точки зрѣнія справедливости къ загубленному дарованію, но даже и въ интересахъ современнаго читателя. Если оставить въ сторонѣ ту часть творчества Михайлова, которая сохранила интересъ историческій и біографическій, но значительно устарѣла внѣ этихъ рамокъ, и обратиться къ тому, что можетъ дать подлинное наслажденіе даже современнику, то окажется, какъ это ни странно, что это будетъ та именно область, которая пережила за послѣдніе годы наиболѣе бурную и рѣзкую эволюцію: стихи. Не говоря уже о классическихъ переводахъ Михайлова изъ Гейне („Брось свои иносказанья“ и др.), никѣмъ не превзойденныхъ, не говоря о такихъ вещахъ, которыя всѣ слушаютъ съ эстрады и знаютъ на память, не вѣдая, кто авторъ текста („Два гренадера“),—въ прочно забытыхъ оригинальныхъ стихотвореніяхъ Михайлова встрѣчаются удивляющія сплюснутости въ нихъ чувства столько же, сколько свѣжестью его выраженія. Трудно, напримѣръ, понять, какъ могло быть забыто и почему „устарѣло“ такое „гейневское“ стихотвореніе: („Простая исторія“):

Мы встрѣчались часто, говорили
Много всякой безотрадной гнили,
А о томъ, какъ сердце наше ныло,
Какъ рвалось, какъ бѣшено любило,
Никогда слова не проронили.

Мы прощались тихо, безъ рыданій,
Безъ излишнихъ нѣжныхъ изліяній;
При пожатіи не дрожали руки...
А межъ тѣмъ душа рвалась отъ муки,
Сердце замирало отъ страданій.

Вѣдь надо признаться, что подобной чистоты, законченности, волнующей искренности и глубокой простоты,—надо поискать среди стиховъ, наводняющихъ книжный рынокъ. А между тѣмъ это стихотвореніе не является у Михайлова счастливымъ исключеніемъ...

О качествах изданія трудно опредѣленно высказаться, покуда оно не закончено, но уже и сейчасъ приходится отмѣтить, что оно напрасно названо „полнымъ собраніемъ сочиненій“: въ предисловіи редактора совершенно ясно подчеркнуто, что оно именно неполное и что въ него не войдутъ цѣлыя области творчества Михайлова, какъ вся его публицистика. Повидимому, и беллетристика войдетъ не вся... Особенно приходится пожалѣть какъ разъ о публицистикѣ. Изданія, какъ настольное, рассчитанныя главнымъ образомъ на историческій интересъ читателя, не должны обходить цѣлую сторону творчества писателя, быть можетъ, наиболѣе съ точки зрѣнія исторической характерную, какъ бы она ни устарѣла для современныхъ интересовъ. Не надо забывать, что Михайловъ въ своихъ публицистическихъ статьяхъ выступалъ подчасъ застрѣльщикомъ эпохи, а въ статьяхъ, напримѣръ, по женскому вопросу онъ одновременно былъ и пионеромъ движенія, и выразителемъ романтической стороны своей натуры, сообщивъ имъ такимъ образомъ интересъ историческій и автобіографическій. Если редакторъ руководствовался при выборѣ матеріала признакомъ свѣжести, то онъ ввелъ много лишняго (въ беллетристикѣ Михайлова), если признакомъ историческаго интереса—онъ исключилъ необходимое. Да и заголовокъ „Полное собраніе сочиненій“, полагаемъ, обязываетъ...

Юрій Озаровскій. Музыка живого слова. Изд. Т-ва О. Н. Поповой. Спб. 1914. Стр. VI+319. Ц. 2 р.

О. Э. Озаровская. Школа чтеца. Изд. Т-ва Сытина. М. 1914. Стр. 515. Ц. 2 р.

Мы не говорили бы объ этихъ книгахъ, еслибы онѣ имѣли въ виду дѣятелей сцены: техническая подготовка специалистовъ плохо поддается детальному обсужденію на страницахъ общаго изданія. Но „Музыка живого слова“ задумана прежде всего, какъ „пособіе для чтецовъ“, а „Школа чтеца“ есть хрестоматія для всякаго, упражняющагося въ художественномъ чтеніи. Это искусство у насъ въ загонѣ; школа, формальная и педантическая, не хочетъ и не умѣетъ научить читать не только художественно, но и разумно: захлебывающаяся скороговорка и механическое перечисленіе соотвѣтственныхъ словъ—таковы обычныя формы, въ которыхъ средній русскій человѣкъ воспринимаетъ и воспроизводитъ вслухъ художественное слово писателя. Между тѣмъ менѣе, чѣмъ какое-либо иное искусство, чтеніе должно быть искусствомъ избранныхъ: чтеніе вслухъ есть необходимое дополненіе чтенія про себя—и какъ сосредоточенное молчаливое знакомство съ произведеніемъ поэта выдѣляетъ одну его сторону, такъ звучное и осмысленное произнесеніе отбѣляетъ другую. Народъ, читающій своихъ поэтовъ молча, не знаетъ ихъ до конца. Это сознавали многочисленные

пропагандисты и учителя художественнаго чтенія, въ которыхъ и у насъ не было недостатка. Къ сожалѣнію, большинство ихъ—начиная съ почтеннаго П. Д. Боборыкина и Виктора Острогорскаго—были теоретики; ихъ руководства, переносившія къ намъ декламационный опытъ Запада и не лишеныя полезныхъ указаній, были написаны не выдающимися чтецами и не умѣлыми учителями чтенія; въ дальнѣйшей литературѣ было кой-что интересное—особенно должно отмѣтить брошюру г. В. Чернышева—но лишь нынѣ появившееся обширное руководство г. Ю. Озаровскаго охватываетъ съ должной полнотой разнообразныя вопросы теоріи художественнаго чтенія. Теоретичностью, пожалуй, грѣшитъ и этотъ трудъ; авторъ лишь отчасти сумѣлъ дать своему, несомнѣнно, цѣнному преподавательскому опыту достаточно практическое выраженіе. Онъ слишкомъ охотно ищетъ логическихъ формулъ и опредѣленій, которые плохо ему даются и лишь связываютъ его живую практическую мысль. Вѣроятно, г. Озаровскій—хорошій преподаватель художественнаго чтенія, умѣющий научить не только примѣромъ, но и теоретическимъ разъясненіемъ; его книга даетъ многое тому, кто хочетъ подумать о technikѣ выразительнаго чтенія и декламацин, но боимся, что по ней никто не сумѣетъ научиться хорошо читать вслухъ: она предполагаетъ еще и хорошаго руководителя; она полезна не столько для учениковъ, сколько для учителей—и въ рукахъ учителей, особенно учителей русскаго языка—ее было бы желательно видѣть.

Если мы назовемъ „Школу чтеца“ превосходнымъ *допомогеніемъ* къ курсу г. Ю. Озаровскаго, то лишь потому, что хрестоматія обычно дополняетъ теоретическое руководство. По существу этотъ отлично составленный сборникъ декламационнаго матеріала въ связи съ интересными руководящими введеніями составительницы имѣетъ самостоятельное значеніе,—въ самомъ дѣлѣ представляя собой какъ бы школу художественнаго чтенія. Въ отдѣльныя рубрики выдѣленъ матеріалъ для логическаго толкованія рѣчи, для развитія художественной фантазіи, для развитія темперамента, для выработки цѣльности настроенія, для созданія художественныхъ образовъ, для выработки сатирическаго тона и развитія чувства стиля. Кой въ чемъ желательно бы большее разнообразіе (изъ восьми образцовъ ораторскаго чтенія четыре принадлежатъ О. Сологубу), кой о чемъ можно бы поспорить, но въ общемъ выборъ сдѣланъ самостоятельно, свѣжо и иногда смѣло. Превосходная чтница, г-жа Озаровская показала своей полезной книгой, какъ она сознательна и культурна въ своемъ искусствѣ.

Систематическій указатель литературы. Подъ ред. П. В. Владиславлева. Изд.-ство „Наука“. Москва. 1912—1914. Выпускъ I (за 1911 г.). Стр. 205. Ц. 60 коп. Выпускъ II (за 1912 г.) Стр. 312. Ц. 90 коп. Выпускъ III (за 1913 г.) Стр. 369. Ц. 1 р. 25 к.

Посвященные обзорѣнію современной русской литературы указатели г. Владиславлева необходимо должны стать настольной справочной книгой каждаго научнаго, литературнаго, общественнаго работника Россіи. Составъ указателей естественно ограниченъ; въ нихъ зарегистрировано далеко не все, имѣющее видимость и названіе книги; исключена загромождающая рынокъ макулатура, исключена дѣтская беллетристика, учебники для низшей школы, дѣловыя изданія мѣстнаго характера вродѣ специальныхъ отчетовъ, протоколовъ и т. п. За всѣмъ этимъ, объемъ указателей растетъ: въ первый выпускъ вышло 4.000 книгъ, 1.500 статей, 2.000 рецензій; въ третьемъ указано 8.000 книгъ, 4.500 статей, 3.200 рецензій. Если припомнить, что въ Россіи въ годъ выходитъ 30 тысячъ книгъ, то нельзя не поблагодарить составителя за рѣшимость взять на себя разумный выборъ и связанную съ нимъ отвѣтственность. Громадное достоинство указателя въ своевременности его появленія: черезъ три мѣсяца по окончаніи года мы имѣемъ уже его полное обзорѣніе.

Именно достоинства и важность указателя заставляютъ насъ не только формально отнестись къ просьбѣ составителя объ указаніи желательныхъ измѣненій. Желательно, прежде всего, большее знакомство составителя съ регистрируемыми книгами и статьями, а затѣмъ и большее вниманіе въ распредѣленіи ихъ по отдѣламъ. Въ основу классификаціи книгъ положена такъ называемая десятичная система, представляющая извѣстные удобства, но и не лишенная значительныхъ недостатковъ. Важнѣйшимъ изъ этихъ недостатковъ является то, что система, до нѣкоторой степени механическая и искусственная, слишкомъ легко освобождаетъ мысль отъ необходимости логически классифицировать явленіе. Предѣлы числа отдѣловъ и подотдѣловъ всегда десять—и тотъ, кто привыкъ къ свободѣ и осмысленности логическаго дѣленія, тотъ не разъ будетъ наткаться въ указателѣ на противорѣчія, къ которымъ не очень легко привыкнуть. Вообще, распредѣленіе по отдѣламъ не сильная часть указателей. Мы видимъ здѣсь „Товаровѣдѣніе“ среди „Средствъ сношенія“. Книгу Шифнера „Машины и аппараты свекло-сахарныхъ заводовъ“ приходится искать въ отдѣлѣ *Разныя отрасли инженернаго дѣла*, книгу Рейсера „Постройка сахарнаго завода“ въ отдѣлѣ *Химическая и мануфактурная промышленность*, книгу Иванова „Варка мыла и устройство мыловареннаго завода“ въ отдѣлѣ *Ремесла*, а между тѣмъ всѣмъ тремъ книгамъ „слѣдовало бы быть въ одномъ отдѣлѣ“. Судебныя рѣчи Спасовича оказываются въ отдѣлѣ *Гражданское право*, книга Колычева „Уставъ строительный“ въ отдѣлѣ *Гражданскіе законы*, хотя Спасовичъ былъ криминалистъ, а для „Устава строительнаго“ существуютъ отдѣлы права полицейскаго и права административнаго, „Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями“, попалъ въ *Гражданскій процессъ*, „Мои воспоминанія“ генерала Скалона—

въ *Критику и исторію литературы*, „Нибелунги“ Вагнера—въ *Среднюю и Новую исторію*, одинъ переводъ „Аполлона“ С. Рейпака—въ *Исторію и теорію искусства*, другой—въ *Скульптуру*. Это случайные примѣры изъ послѣдняго выпуска указателя. Въ предпослѣднемъ выпускѣ І. Йенсенъ отнесенъ къ англійской литературѣ, Геденстернъ и Оливія Шрейнеръ (здѣсь она называется Шнейдеръ)—къ нѣмецкой, Демель — къ французской, Ада Чумаченко — къ украинской, англичанинъ Бекфордъ — къ арабской, Ведрбисели къ *литературѣ кавказскихъ народовъ*. Тассо можно найти только какъ неизвѣстнаго Торквато Т., который однако написалъ „Освобожденный Іерусалимъ“, братьевъ Таро какъ „Жерома и Таро, Ж“. Въ послѣднемъ недоразумѣніи играютъ роль уже не столько познаніе, сколько небрежность и опечатки, которыхъ, увы, слишкомъ много.

Повторяемъ: „Библиографическіе Ежегодники“ г. Владислава—очень цѣнное и хорошо исполненное изданіе; указанныя погрѣшности должны быть исправлены. Указатели стоятъ того, чтобы позаботиться объ ихъ безукоризненности.

М. Гершензонъ. Декабристъ Кривцовъ и его братья. М. 1914. Стр. 299. Ц. 2 р.

„Углубиться въ одной точкѣ прошлаго до основныхъ теченій исторіи, рассказать судьбы одной семьи такъ, чтобы сквозь нихъ стало видимо движеніе общественно-психологическихъ силъ“,—такъ опредѣляетъ г. Гершензонъ задачу, которую онъ поставилъ себѣ въ своей новой книгѣ. „Я выбралъ—прибавляетъ онъ въ своемъ предисловіи—для такого изображенія эпизодъ изъ исторіи того времени и того круга, гдѣ совершался коренной переломъ въ исторіи русскаго общества, и эпизодъ, какъ мнѣ казалось, достаточно типическій. Мнѣ было увлекательно вглядываться въ эту повседневную жизнь, слѣдить за снованіемъ ся маленькихъ челноковъ, какъ будто случайно переплетающихся нити по всѣмъ на правленіямъ и однако выводившихъ прекрасный сложный узоръ вовсе не случайный; въ надеждѣ приобщить и другихъ къ участію какое возбуждали во мнѣ самомъ тѣ дѣла и люди, написана эта хроника стародавнихъ лѣтъ“ (1).

Высказываемая г. Гершензономъ надежда, думается намъ, имѣетъ много шансовъ на осуществленіе. Исторія трехъ братьевъ Кривцовыхъ—старшаго, Николая, участвовавшего въ войнахъ 1812-13 гг., благодаря полученнымъ ранамъ покинувшего военную службу, въ концѣ Александровскаго и въ началѣ Николаевскаго царствованій долгое время занимавшего должность губернатора, а затѣмъ остатокъ жизни проведшаго помѣщикомъ въ жениномъ имѣніи; средняго, Сергія, молодымъ офицеромъ увлеченнаго въ движеніе декабристовъ, попавшаго въ Сибирь и лишь черезъ

много лѣтъ вернувшася къ семьѣ, и младшаго, Павла, отдавашагося дипломатической карьерѣ и передъ своею сравнительно раннею смертію занимавшаго мѣсто начальника русскихъ художниковъ въ Римѣ, — исторія этихъ трехъ братьевъ, отразившихъ въ своей судьбѣ различныя стороны жизни русскаго дворянскаго общества первой половины XIX вѣка, рассказана г. Гершензономъ живо и увлекательно. Большое количество деталей, введенныхъ авторомъ въ его рассказъ, значительно способствуетъ оживленію послѣдняго, помогаѣ читателю ярче и нагляднѣе представить себѣ героевъ этого разсказа. Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же самаго обо всѣхъ комментаріяхъ, которыми г. Гершензонъ снабдилъ свое повѣствованіе о жизни братьевъ Кривцовыхъ. На нѣкоторыхъ изъ этихъ комментаріевъ лежитъ черезчуръ ужъ ясный отпечатокъ субъективныхъ воззрѣній автора, плохо мирящихся съ излагаемыми имъ самимъ фактами, а, съ другой стороны, порою комментаріи г. Гершензона изложены имъ въ такихъ выспреннихъ и туманныхъ выраженіяхъ, которые мало способствуютъ ясности его мысли для читателя. Довольно трудно, напримѣръ, согласиться съ авторомъ, когда онъ, заговоривъ о религіозности матери Кривцовыхъ, религіозности, общей у нея, по его утвержденію, съ массою тогдашняго русскаго общества, характеризуетъ ее такими чертами: „въ ей (матери Кривцовыхъ) чувствъ Богъ вообще представляется лишеннымъ всякихъ матеріальныхъ функцій: онъ духъ и только духъ“ (213). Даже среди передаваемыхъ самимъ г. Гершензономъ фактовъ читатель безъ труда найдетъ такіе, которые не укладываются въ рамки этой характеристики. А рядомъ съ подобными произвольными утвержденіями, не столько извлекаемыми изъ фактовъ, сколько прилагаемыми къ нимъ извнѣ, читатель встрѣтитъ въ книгѣ г. Гершензона и такія попытки охарактеризовать цѣлыя поколѣнія и цѣлыя теченія общественной жизни, въ которыхъ гораздо больше виѣшней изощренности, чѣмъ внутренней содержательности. Въ особенности примѣнно это къ попыткамъ г. Гершензона охарактеризовать декабристовъ. Надо сказать, что и вообще въ его книгѣ общественная сторона жизни почти не представлена и потому „движеніе общественно-психологическихъ силъ“ описано крайне слабо. По основному своему содержанію эта книга представляетъ собою не болѣе, какъ талантливо изложенный, притомъ на основаніи главнымъ образомъ неизданныхъ источниковъ, эпизодъ бытовой исторіи, и именно въ этомъ своемъ качествѣ онъ заслуживаетъ вниманія лицъ, интересующихся тѣмъ состояніемъ, какое переживало русское общество около ста лѣтъ тому наза ѣ.

К. В. Сивковъ. Путешествія русскихъ людей за границу.
(Культурно-историческая Библіотека подъ редакціей Исторической Ком-

мисіян учебнаго одѣла Общества распространенія техническихъ знаній № 7). Спб. 1914 г. Стр. 134. Ц. 85 к.

Недавно намъ пришлось давать читателямъ „Русскаго Богатства“ отчетъ о книгѣ г. Соловьева, посвященной исторіи русскихъ университетовъ и представляющей собою первый выпускъ „Культурно-исторической Библіотики“. Подъ этимъ общимъ заглавіемъ московская Историческая Коммиссія, немало уже поработавшая для популяризаціи историческихъ знаній въ нашемъ обществѣ, выпускаетъ въ настоящее время рядъ книгъ, посвященныхъ исторіи русской культуры, общественной жизни и литературы. Въ каждой изъ этихъ книгъ ея составителемъ подбирается и комментируется документальный матеріалъ по тому или иному частному вопросу изъ названныхъ областей и каждая книга, по мысли редакціи, должна, съ одной стороны, служить цѣлямъ самообразованія, а съ другой, являться пособіемъ для студентовъ, учениковъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній и вообще для всѣхъ, изучающихъ исторію культурнаго развитія Россіи. Болѣе или менѣе значительная и умѣло подобранная коллекція такихъ книгъ, предназначенныхъ служить своего рода хрестоматіями по различнымъ вопросамъ развитія культуры, можетъ, конечно, принести не малую пользу дѣлу распространенія историческихъ знаній. Для этого необходимо лишь, чтобы подобныя хрестоматіи были посвящены достаточно важнымъ вопросамъ и составлены съ возможно большею тщательностью.

Книга г. Сивкова вполне удовлетворяетъ этимъ условіямъ. Записки русскихъ людей XVIII вѣка объ ихъ заграничныхъ путешествіяхъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Сивковъ, „наглядно вскрываютъ міросозерцаніе ихъ авторовъ и тѣмъ самымъ даютъ возможность прослѣдить ту культурную эволюцію, которую пережило русское, по преимуществу дворянское, общество съ начала царствованія Петра Великаго и до вступленія на престолъ императора Павла“ (5). Въ этомъ отношеніи XVIII столѣтіе является къ тому же цѣльнымъ и законченнымъ періодомъ, такъ какъ до царствованія Петра В. русскіе люди бывали въ Западной Европѣ почти исключительно въ роли дипломатовъ и лишь къ концу XVIII вѣка поѣздки на Западъ вошли въ обиходъ жизни, по крайней мѣрѣ, высшаго русскаго общества въ качествѣ образовательнаго средства. У г. Сивкова были такимъ образомъ всѣ основанія выдѣлить изъ литературы заграничныхъ путешествій русскихъ людей именно восемнадцатое столѣтіе и ограничить свою книгу его предѣлами. Въ своей руководящей статьѣ онъ краткими, но отчетливыми чертами обрисовываетъ литературу воспоминаній русскихъ заграничныхъ путешественниковъ этого періода и пережитую ею втеченіе послѣдняго эволюцію, характеризуетъ отдѣльныхъ авторовъ и указываетъ тѣ основанія, какими онъ руководился, выбирая изъ этой литературы отрывки для составленной имъ книги. Этотъ подборъ отрывковъ

произведенъ г. Сивковымъ въ общемъ очень удачно и въ своей совокупности они дадутъ читателю достаточно яркое представление о психологiи русскихъ путешественниковъ по Западной Европѣ въ XVIII вѣкѣ и о тѣхъ измѣненiяхъ, какія произошли въ этой психологiи на протяженiи столѣтiя. „Со страхомъ и трепетомъ, призывая на помощь всѣхъ святыхъ,—говорить по этому поводу г. Сивковъ — отправлялся современникъ Петра Великаго за границу; благодарственной молитвой за благополучное возвращенiе на родину заканчивалъ онъ описанiе своего путешествiя и къ этой молитвѣ, казалось, онъ готовъ былъ присоединить другую,—да избавитъ его Господь отъ повторенiя подобнаго странствованiя! Съ пылыми чувствами и думами ѣхалъ за границу его потомокъ вѣка Екатерины II“ (13). Эти „инны чувства и думы“ и, въ соотвѣтствiи съ ними, иные результаты заграничныхъ поѣздокъ конца XVIII вѣка сравнительно съ его началомъ нашли себѣ яркое отраженiе въ сдѣланныхъ г. Сивковымъ извлеченiяхъ изъ мемуарной литературы и, благодаря этому, книга г. Сивкова можетъ, дѣйствительно, служить полезнымъ учебнымъ пособiемъ, а тѣ комментарiи, которыми снабдилъ собранный въ ней матеріалъ ея составитель, дѣлаютъ ее вполне пригодной и для цѣлей самообразованiя.

Л. С. Козловскій. Герценъ-публицистъ. (Культурно-историческая Библиотека подъ редакцiей Исторической Коммиссiи учебнаго отдѣла Общества распространенiя техническихъ знанiй. № 9). Спб. 1914. Стр. 142 Ц. 90 к.

„Въ сознанiи русскихъ читателей въ послѣднее время—говорить г. Козловскій въ предисловiи въ своей книгѣ—имя автора „Былого и Думы“, такъ долго недоступнаго широкой публикѣ, начинаетъ занимать мѣсто въ одномъ ряду съ самыми великими именами—именами Пушкина, Тургенева, Толстого. Но если „Былое и Думы“, „Докторъ Круповъ“ и другiя художественныя произведенiя Герцена даютъ ему право на одно изъ первыхъ мѣстъ среди писателей вообще, то есть область творчества, въ которомъ онъ занимаетъ безусловно первое мѣсто: это—публицистика. Здѣсь Герценъ поднималъ слово на такую высоту, которой никто не достигалъ въ этой области ни до него, ни послѣ него“ (3). Характеристику Герцена, какъ публициста, должна дать читателю настоящая книга. Этой характеристикѣ посвящена талантливая и, при всей своей сжатости, очень содержательная вводная статья составителя, носящая заглавiе: „Герценъ—общественный мыслитель“. Цѣлямъ этой же характеристики предназначены служить и составляющiя главное содержанiе книги извлеченiя изъ публицистическихъ произведенiй Герцена, своего рода „избранныя страницы“ ихъ. Выбирая эти страницы, составитель книги, по его словамъ, „имѣлъ въ виду

слѣдующее: 1) дать образчики публицистики Герцена въ разные періоды его жизни, отъ его статей въ „Отечественныхъ Запискахъ“ до его старческихъ „Писемъ къ старому товарищу“; 2) подобрать такія статьи, чтобы дать наиболѣе полное представленіе объ общественномъ міросозерцаніи Герцена; 3) избѣгать такихъ статей, которыя понятны лишь въ связи со злобами дня, ихъ породившими, и въ настоящее время требуютъ комментаріевъ, выходящихъ изъ рамокъ общедоступнаго изданія“ (3). Сдѣланныя по такому плану извлеченія распределены въ книгѣ на четыре неравныя по объему части: философско-публицистическія статьи, писанныя Герценомъ въ Россіи, философско-публицистическія статьи Герцена-эмигранта въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ, политическія статьи изъ „Колокола“ и произведенія послѣднихъ лѣтъ. При этомъ наиболѣе сравнительно мѣста составитель удѣлялъ второй части, какъ включающей въ себя произведенія, въ которыхъ, по его мнѣнію, Герценъ достигъ наивысшаго подъема своей теоретической мысли.

Подборъ извлеченій, сдѣланныхъ составителемъ книги, въ общемъ можно признать довольно удачнымъ и отвѣчающимъ главной ея цѣли. Конечно, выдѣлать „избранныя страницы“ изъ произведеній писателя, столь богатаго мыслями и образами, какъ Герценъ, дѣло далеко не легкое и здѣсь открывается широкій просторъ для субъективныхъ сужденій и оплошностей. Все же, думается намъ, трудная задача, взятая на себя составителемъ данной книги, выполнена имъ довольно успѣшно, и мы съ своей стороны позволили бы себѣ сдѣлать по его адресу лишь одно замѣчаніе. Намъ кажется именно, что составитель напрасно включилъ въ свою книгу извлеченія лишь изъ тѣхъ произведеній Герцена, которые носятъ болѣе общій, такъ сказать, отвлеченный характеръ. Среди публицистическихъ статей, написанныхъ Герценомъ по поводу конкретныхъ эпизодовъ русской жизни, не трудно было найти такія, которыя и для современнаго массоваго читателя не потребовали бы особенно сложныхъ комментаріевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ эти статьи дали бы читателю представленіе о такихъ сторонахъ могучаго публицистическаго таланта Герцена, какія теперь оставлены книгою г. Козловскаго въ тѣни. Какъ бы то ни было, въ качествѣ первой ступени къ ознакомленію съ публицистическимъ творчествомъ Герцена, эта книга можетъ имѣть серьезное значеніе и слѣдуетъ пожелать ей возможно болѣе широкаго распространенія. На случай новаго ея изданія слѣдуетъ только пожелать также, чтобы ея составитель не цитировалъ Герцена по Павленковскому его изданію. Дѣло не только въ томъ, что это изданіе неполно — оно, кромѣ того, еще и процenzуровано.

Петръ Масловъ. Капитализмъ. Часть I. Наемный трудъ и заработная плата. СІВ. 1914. Стр. XIV+357. Цѣна 2 руб.

Въ методологической части своей книги г. Масловъ прежде всего

протестуетъ противъ обычнаго дѣленія теоріи политической экономіи на независимые другъ отъ друга отдѣлы: производства, обмѣна и распредѣленія. При этомъ въ отдѣлѣ производства обычно изслѣдуется лишь часть и при томъ менѣе важная часть тѣхъ проблемъ, изъ которыхъ должно бы слагаться ученіе о современном общественномъ производствѣ: „только *организации* производительныхъ силъ посвящаютъ свое вниманіе экономисты, пишущіе о производствѣ; о перераспредѣленіи производительныхъ силъ ни однимъ экономистомъ не упоминается не только въ отдѣлѣ о производствѣ, но и вообще гдѣ бы то ни было въ учебникахъ политической экономіи“. Въ противоположность общепринятымъ обычаямъ, г. Масловъ считаетъ главнымъ предметомъ ученія о производствѣ именно „анализъ процесса распредѣленія и перераспредѣленія производительныхъ силъ“, съ каковымъ процессомъ должно связываться „каждое явленіе экономической жизни“. И, въ частности изученіе законовъ заработной платы не можетъ быть оторвано отъ изслѣдованія законовъ производства, отъ „процесса распредѣленія и перераспредѣленія производительныхъ силъ“.

Самыхъ понятій производительныхъ силъ, ихъ развитія и распредѣленія г. Масловъ, въ новой своей книгѣ, какъ и въ другихъ своихъ работахъ, не опредѣляетъ съ достаточной отчетливостью и законченностью. Надо сказать, что самые эти термны находятся у насъ пока что почти въ монопольномъ владѣніи г. Маслова. Но нашъ авторъ, несомнѣнно, сильно преувеличиваетъ, когда говоритъ, что экономическая наука вообще не знаетъ и не касается проблемъ распредѣленія и перераспредѣленія производительныхъ силъ. Съ тѣми же понятіями, облеченными иной терминологіей, примѣняемыми въ иныхъ контекстахъ, оперируютъ и Марксъ, и другіе экономисты, изучающіе „процессъ капиталистическаго производства, взятый въ цѣломъ“. Въ самомъ дѣлѣ, что представляетъ изъ себя хотя бы изслѣдованіе процесса „кочеванія капиталовъ“, его причинъ и слѣдствій, какъ не изученіе процесса „перераспредѣленія производительныхъ силъ“?...

Главный интересъ книги долженъ сосредоточиться не на постановкѣ г. Масловымъ новой проблемы, а на томъ употребленіи, какое онъ сдѣлалъ изъ факта перераспредѣленія производительныхъ силъ для обоснованія своей теоріи заработной платы. Этому посвящена основная часть книги, центральныя положенія которой сводятся къ слѣдующему.

Мелкое крестьянское хозяйство есть мѣсто производства рабочей силы, которой питается промышленность. Въ крестьянскомъ хозяйствѣ, „благодаря особенностямъ его бюджета“, рабочая сила производится наиболѣе дешево. И тутъ же, на мѣстѣ производства, она можетъ и наиболѣе дешево продаваться капиталу. Поэтому въ сельскомъ хозяйствѣ создается минимумъ заработной платы. Отсюда рабочая сила идетъ туда, гдѣ лучше: „производительныя

силы перераспредѣляются“, направляясь въ тѣ отрасли, которыя растутъ и оплачиваютъ трудъ выше, чтобы привлечь рабочую силу изъ деревни. Это перераспредѣленіе производительныхъ силъ „изъ падающихъ отраслей“ въ растущія и является основнымъ факторомъ, опредѣляющимъ уровень заработной платы. „Въ каждой странѣ зараб. плата регулируется ея минимумомъ въ районахъ избыточнаго населенія и главнымъ образомъ въ земледѣліи; остальные категоріи рабочихъ получаютъ относительно болѣе высокую зараб. плату, сообразно тѣмъ прибавкамъ къ минимуму, которыя необходимы для того, чтобы привлечь надлежащее число рабочихъ“. И чѣмъ ниже этотъ минимумъ, тѣмъ ниже общая норма зар. платы у всѣхъ категорій рабочихъ страны, какія бы прибавки отдѣльныя категоріи ни получали.

Вопреки несущемуся „желѣзному закону“ зар. платы, уровень послѣдней вовсе не опредѣляется суммой средствъ, необходимыхъ для удовлетворенія минимальныхъ потребностей рабочаго и его семьи при данномъ уровнѣ его потребностей. Наоборотъ, уровень потребностей всегда зависитъ отъ размѣровъ зар. платы. Последняя въ общемъ всегда не достаточна для поддержанія нормальной семьи рабочаго: капиталу выгодно, чтобы рабочая сила производилась въ деревнѣ, откуда она и черпается въ потребномъ количествѣ. Но зар. плата тѣмъ выше, чѣмъ менѣе доступны данныя отрасли для рабочихъ, выбрасываемыхъ земледѣліемъ: зар. плата повышается въ зависимости отъ препятствій, стоящихъ на пути деревенскихъ рабочихъ (въ видѣ разстоянія, необходимости навыка, обученія и т. п.). На первоначальныхъ ступеняхъ капитализма надъ уровнемъ зар. платы всецѣло господствуетъ это перераспредѣленіе производительныхъ силъ. На послѣдующихъ ступеняхъ все большее и большее значеніе приобретаетъ организація рабочихъ, а также и предпринимателей. Въ общемъ національномъ доходѣ доля послѣднихъ увеличивается — не только за счетъ рабочихъ, но и за счетъ мелкаго хозяйства, производящаго для капитала новые запасы рабочей силы.

Изъ всего этого авторъ дѣлаетъ нѣкоторые практическіе выводы. „Такъ, какъ на всѣхъ стадіяхъ капитализма поставщикомъ рабочихъ рукъ является... главнымъ образомъ земледѣліе и такъ какъ положеніе индустріальныхъ рабочихъ... можетъ улучшаться лишь постольку, поскольку индустрія поглощаетъ „избыточное“ населеніе, то въ концѣ концовъ... рѣшающее вліяніе на высоту зар. платы имѣетъ положеніе населенія въ земледѣліи“... (255). „Положеніе рабочихъ такимъ образомъ тѣсно связано съ положеніемъ земледѣльческаго населенія“. При этомъ „процессъ перераспредѣленія произв. силъ изъ земледѣлія въ индустрію происходитъ съ такой стремительностью, что въ значительной степени парализуетъ экономическую борьбу рабочихъ“... (291). И въ виду всего этого авторъ протестуетъ противъ „взгляда, довольно распространен-

наго среди русских марксистовъ, что аграрный вопросъ не касается рабочихъ, что аграрная программа имъ не нужна "... Отсутствіе аграрной программы, направленной къ улучшенію положенія земледѣльческихъ массъ, полагаетъ г. Масловъ, „является не достоинствомъ партіи, а ея недостаткомъ“ (346).

Какъ видимъ, въ этихъ выводахъ нѣтъ рѣшительно ничего, что могло бы внушать какія-либо сомнѣнія, — какъ нѣтъ въ нихъ и рѣшительно ничего новаго. Вѣдь все это именно тѣ самыя положенія, которыя искои развивало народничество, на которыя оно опиралось и въ теоріи, и на практикѣ, на основѣ которыхъ оно въ значительной степени строило свою программу. Остается съ чувствомъ удовлетворенія констатировать, что одинъ изъ самыхъ настоячивыхъ борцовъ противъ народничества нынѣ выступаетъ въ защиту исконныхъ народническихъ положеній во всеоружіи своей „марксистской“ науки.

Оставимъ однако практическіе выводы автора и спросимъ себя, какъ надлежитъ отнестись къ его новой теоріи зараб. платы? Что послѣдняя колеблется подъ вліяніемъ спроса и предложенія, подъ вліяніемъ кочеванія рабочей силы изъ одной отрасли въ другую („перераспред. произв. силъ“) — въ сущности, фактъ элементарный и общезвѣстный. Центръ тяжести новой теоріи заключается, по видимому, въ томъ, что *абсолютный* уровень зар. платы зависитъ отъ размѣровъ національнаго минимума (въ земледѣліи) плюсъ „надбавки“ (для отдѣльныхъ отраслей и районовъ). Можно ли считать эти положенія г. Маслова достаточно обоснованными? Мы бы пока затруднились признать ихъ таковыми. Прежде всего, въ книгѣ для этого недостаточно фактическаго матеріала, который ограничивается главнымъ образомъ широко извѣстными данными о рабочихъ бюджетахъ. При этомъ цифровыя иллюстраціи автора далеко не всегда убѣдительны, и съ его толкованіемъ приводимыхъ цифръ не всегда можно согласиться. Но возможно, что и нѣкоторыя теоретическія соображенія способны пробить брешь въ новой теоріи г. Маслова. Придавая рѣшающее значеніе перераспределенію производительныхъ силъ для уровня зараб. платы, авторъ отказывается принимать во вниманіе, напр., внутреннія свойства самого производства — его техническое строеніе, его размѣры и т. п.; и, въ частности, онъ полагаетъ, что „самъ по себѣ сельскохозяйственный трудъ не обладаетъ такими свойствами, что за него платится меньше, чѣмъ за другіе виды труда; и только передвиженіе произв. силъ изъ земледѣлія въ индустрію ведетъ къ относительному пониженію зараб. платы въ сельскомъ хозяйствѣ“ (стр. 88). Вполнѣ понятно, что крестьянское земледѣліе, въ которомъ производится рабочія силы, не поглощаетъ ихъ и выбрасываетъ на рынокъ; но совершенно непонятно, почему *капиталистическое* земледѣліе должно находиться всегда въ положеніи „падающей отрасли“. Безъ внутреннихъ свойствъ с.-х. производства нельзя объяснить ни

факта паденія капиталистическаго земледѣлія, ни его неспособности привлечь къ себѣ производительныя силы повышеіемъ зараб. платы. Минимальный уровень ея въ капиталистическомъ земледѣліи необходимо объяснять именно особыми свойствами послѣдняго. Все это уже достаточно подчеркивалось въ литературѣ; но все это осталось въѣ поля зрѣнія марксистскаго экономиста.

Въ оцѣнкѣ значенія своего фактора („перераспред. произв. силъ“) авторъ во всякомъ случаѣ идетъ черезчуръ далеко. Онъ рѣшается даже утверждать, что „если бы рабочіе и совѣмъ не размножались, то все-таки резервная армія существовала бы и своей конкуренціей оказывала давленіе на промышленныхъ рабочихъ“ (205). Онъ оспариваетъ Маркса и утверждаетъ, что „воспитаніе замѣстителей рабочихъ въ лицѣ ихъ дѣтей вовсе не необходимо, такъ какъ такихъ замѣстителей поставляютъ с.-х. население“ (207); „предприниматели могутъ даже рекомендовать рабочимъ проституцію, дѣтоубійство и неомальгузіанство, такъ какъ мелкое хозяйство доставляетъ достаточно рабочихъ рукъ“ (286). Вотъ что значитъ увлечься! Вѣдь знаетъ же г. Масловъ въ самомъ дѣлѣ, что въ современной Германіи *ога* сельско-хозяйственное населеніе немцами превышаетъ 25%, а въ Англіи не превышаетъ 10%, что въ этихъ странахъ уже давнымъ давно *болыишество* свѣжыхъ рукъ поставляютъ капиталу уже самъ пролетаріатъ; да и въ нашей земледѣльческой Россіи, какъ гласятъ многочисленныя новыя изслѣдованія рабочей жизни, уже около половины рабочихъ имѣютъ отцовъ, работавшихъ на фабрикахъ...

Къ сожалѣнію, мы не можемъ остановиться подробнѣе на разборѣ книги г. Маслова. Замѣтимъ еще, что съ предшествующей литературой о зараб. платѣ онъ обходится довольно пренебрежительно: изъ всѣхъ теорій зараб. платы онъ удѣляетъ вниманіе только теоріи „предѣльной производительности рабочаго“. Подобное отношеніе можно отмѣтить у автора и вообще къ экономической литературѣ: такъ, напр., касаясь „кризисовъ и безработицы“, авторъ въ объясненіе этихъ явленій безо всякихъ оговорокъ изложилъ лишь на одной страницѣ теорію Сисмонди; вся послѣдующая литература осталась какъ бы въѣго поля зрѣнія. Имѣются въ книгѣ и нѣкоторые дефекты. Но все же значительнаго интереса они отнять у нея не могутъ. Въ ученіе о заработной платѣ г. Масловымъ, несомнѣнно, внесены важныя и оригинальныя штрихи.

Внѣшность книги не производитъ особенно благоприятнаго впечатлѣнія: количество техническихъ погрѣшностей въ ней выше средняго.

С. А. Алексѣевъ (Аскольдовъ). Мысль и дѣйствительность. Спб. 1914 г. Стр. IV+387. Ц. 1 р. 80 к.

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что одной изъ самыхъ

основныхъ задачъ современной философской мысли является необходимость окончательно преодолѣть Канта. Невозможно отрицать великихъ заслугъ англійскаго позитивизма, но основной философскій грѣхъ англійской школы заключается въ томъ, что она вполне игнорируетъ Канта. Юмъ подготовилъ появленіе Канта, и великая выгода новой нѣмецкой философіи въ томъ именно и заключается, что она черезъ Канта впитала въ себя важные результаты англійскаго эмпиризма и такимъ образомъ нѣмцы преодолѣли первоначальный англійскій эмпиризмъ. Къ сожалѣнію, ни Милль, ни Спенсеръ не попытались, впитавши въ себя критицизмъ Канта, преодолѣть его и такимъ образомъ поднять англійскій позитивизмъ на такую высоту, которая была бы недостижима для нѣмецкаго идеализма. Но если англичане просто игнорировали Канта, то зато нѣмцы до сихъ поръ ничего не дали такого, что являлось бы дѣйствительно вполне новымъ, а не простымъ улучшеніемъ и дополненіемъ Канта.

Достоинство книги г. Алексѣева именно и заключается въ томъ, что ея авторъ, усвоивши всѣ результаты ученія Канта и его послѣдователей, все-таки стоитъ на точкѣ зрѣнія, принципиально независимой отъ кантіанства.

Основная философская проблема—проблема бытія—получила у Канта весьма замѣчательное, но крайне одностороннее рѣшеніе: „бытіе“ по Канту является не чѣмъ инымъ, какъ логической истиной. Но Кантъ не выдержалъ этого ученія во всей его чистотѣ: сознавая опасности, сопряженныя съ подобнымъ ученіемъ, онъ призналъ существованіе „вещи въ себѣ“, которая должна была защитить Ахиллесову пятую его теоріи. Однако, эта „вещь въ себѣ“ оказалась такимъ союзникомъ, который опаснѣе всякаго врага, ибо она грозила свести къ нулю всѣ остальные открытія Канта. Отсюда великія хлопоты нѣмецкой философіи съ „проблемой трансцендентности“. Г. Алексѣевъ указываетъ на то обстоятельство, что послѣдователямъ Канта „надо было съ корнемъ вырвать старую проблему трансцендентности даже въ той области, гдѣ она на первый взглядъ не грозила никакими зловредными послѣдствіями“ (стр. 23). „Этотъ замыселъ, — говоритъ далѣе авторъ, — начатый неокантіанцами, продолженъ былъ имманентной философіей, направленной Риккертомъ и завершена Марбургской школой, сведшей проблему познанія къ *maximum*у гносеологическаго монизма. Въ результатѣ мы имѣемъ современный взглядъ на познаніе, который при нѣкоторыхъ разногласіяхъ въ положительныхъ опредѣленіяхъ чрезвычайно единодушно сходится въ ниспроверженіи естественнаго пониманія познанія, какъ воспроизведенія внѣшней познанію дѣйствительности“ (стр. 23).

Книга г. Алексѣева даетъ намъ рядъ главъ, въ которыхъ читатель найдетъ прекрасную критику ученія имманентной филосо-

фин, ученія Риккерта и ученія Марбургской школы. Это для насъ, русскихъ, тѣмъ болѣе важно, что за послѣдніе годы русскіе ученики Риккерта и Когена (глава Марбургской школы) завладѣли нашей философской литературой: приступая къ чтенію какого-либо современнаго русскаго философскаго произведенія, можно почти навѣрное знать, что это будетъ или прославленіе Риккерта, или прославленіе Когена. Поэтому, повторяемъ, русскому читателю будетъ весьма полезно познакомиться со спокойной и вѣской критикой г. Алексѣева.

Такъ, напримѣръ, глава вторая сочиненія г. Алексѣева, носящая заглавіе: „Гносеологія Риккерта и ея продолженіе у Ласка“, отлично вскрываетъ внутреннее противорѣчіе знаменитаго ученія Риккерта о „гносеологическомъ субъектѣ“. Какъ извѣстно, новѣйшіе послѣдователи Канта сражаются подъ знаменемъ „логизма“ они стараются въ своихъ гносеологическихъ концепціяхъ обойтись безъ всякаго „психологизма“; при этомъ они не только изгоняютъ психологію изъ логическихъ и гносеологическихъ операций (*что было бы вполне законно*), но даже лишаютъ всякаго психологическаго смысла свои термины; а, отнявши отъ этихъ терминовъ психологическій смыслъ, они лишаютъ ихъ и всякаго смысла. Поэтому мы цѣликомъ присоединяемся къ слѣдующей оцѣнкѣ г. Алексѣевымъ риккертовской концепціи „гносеологическаго субъекта“: „субъектъ (говоритъ г. Алексѣевъ на стр. 51), для котораго нѣтъ ничего „моего“, есть не только фикція, но и фикція внутренне противорѣчивая, такъ какъ, намекая своимъ значеніемъ на нѣкій субъектъ, для котораго есть нѣчто *мое*, она въ то же время говорить, что ничего „моего“ для такого субъекта быть не должно. Но, утверждаемъ мы, тогда вообще нѣтъ не только никакого субъекта познанія, но и самого познанія, такъ какъ, если отвлечься отъ индивидуальныхъ „я“, то о познаніи вообще нельзя говорить, ибо тогда оно ни для кого“.

Не менѣе вѣскіе удары наноситъ г. Алексѣевъ и „Марбургской школѣ“ въ главѣ III, озаглавленной: „Познаніе и дѣйствительность въ пониманіи Марбургской школы. Воспроизводительная функція познанія“ и въ другихъ мѣстахъ своей книги.

Марбургская школа, по мнѣнію г. Алексѣева, является завершеніемъ кантіанскаго рѣшенія проблемы о трансцендентномъ. „Если Риккертъ (говоритъ г. Алексѣевъ на стр. 74) для обоснованія императивнаго характера знанія долженъ былъ придумать особую гносеологическую фикцію недѣйствительныхъ цѣнностей, то Марбургская школа поступила здѣсь гораздо проще, принимая трансцендентное не внѣ знанія, а въ самомъ знаніи и понимая его, какъ безконечную задачу знанія. Находясь за предѣлами каждаго даннаго содержанія знанія, задача эта признается однако потенциально вполне ему имманентной“.

Для Когена (и вообще для Марбургской школы) вся дѣйстви-

тельность сводится къ логическимъ построениямъ. По этому поводу г. Алексѣевъ говоритъ: „Разсужденія Когена о безпомощности чистаго ощущенія вполне неоспоримы. Но Когенъ какъ будто не замѣчаетъ, что не въ этомъ вопросъ. Не то загадочно и требуетъ объясненія, что познаніе нуждается въ мысли на каждомъ шагу, а то, что, для извѣстныхъ его шаговъ, къ мысли должно быть прибавлено еще и ощущеніе“ (стр. 85).

Сторонникамъ сведенія всей дѣйствительности къ логическому построению г. Алексѣевъ задаетъ такой вопросъ: „Чѣмъ отличается природа, изображенная въ трудахъ математизирующаго физика, отъ той природы, которую мы наблюдаемъ въ открытое окошко? Быть можетъ на этотъ вопросъ съ точки зрѣнія философіи Когена слѣдуетъ отвѣтить такъ, что природа, понятая въ математическихъ уравненіяхъ, есть природа научно познанная, природа же, которую мы наблюдаемъ изъ окошка, есть лишь заданіе для науки, дѣйствительность въ проблемѣ, а не въ осуществленіи“ (стр. 86).

До сихъ поръ всѣ разсужденія г. Алексѣева были направлены на доказательство того, что „познаніе дѣйствительности нуждается въ томъ или иномъ реальномъ съ нею соприкосновеніи“ и что „дѣйствительность должна быть, прежде всего, какъ-то дана познающему субъекту и только тогда она можетъ быть познанной“ (стр. 151). И поскольку нашъ авторъ стоитъ на этой точкѣ зрѣнія — позиція его отлично защищена. Но далѣе авторъ не даетъ углубленнаго анализа нашего „я“: онъ просто придаетъ ему (стр. 192 и др.) характеръ „субстанціального единства“ и этимъ безъ достаточной критики предрѣшаетъ отвѣтъ на вопросъ о взаимоотношеніи между „мыслью“ и „дѣйствительностью“. Какъ ни независимо ведетъ себя г. Алексѣевъ относительно Канта, тѣмъ не менѣе гнетъ кантизма явственно чувствуется у него въ пренебрежительномъ отношеніи къ англійскому эмпиризму, съ которымъ онъ не считаетъ нужнымъ серьезно бороться.

А между тѣмъ очевидно, что для того, чтобы укрѣпить свою позицію, для того, чтобы дѣйствительно придать устойчивость ученію о субстанціальности нашего „я“, авторъ долженъ былъ бы вести борьбу на два фронта: онъ долженъ былъ бы поразить не только „гносеологическій идеализмъ“ нѣмцевъ, но и „эволюціонный позитивизмъ“ англичанъ.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

Значащіяся въ этомъ списокѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала не продаются. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя комиссіи по приобретению этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ.

Московское кн-во. А. Купринъ. Разказы. Т. II. Ц. 1 р. 50 к.—И. Руквишниковъ. Близкое и Далекое. Разказы. Ц. 1 р. 25 к.—А. М. Оедоровъ. Море. Повѣсть. Ц. 1 р. 25 к.—Е. Чириковъ. Возвращеніе. М. 1914 г.

В. Королевъ. Лазурные прахи. Лирика. Ц. 60 к. Ялта. 1914.

А. Вазилло. Волны. Златоустъ. 914. Ц. 50 к.

Кн-во „Польза“. А. Антикъ и К^о. Педагогическая академія въ очеркахъ и монографіяхъ. Ненормальныя дѣти въ семьѣ и школь. Ц. 1 р. 60 к.—Полина Вальми. Погоня за любовью. Ц. 1 р.—Универсальная бібліотека. Арнольдъ Беннетъ. Святая любовь. Ц. 30 к.—Путешествіе барона Мюнхгаузена. Ц. 10 к.—Гюи де-Мопассанъ. Возвращеніе. Ц. 10 к.—Его же. Встрѣча. Ц. 10 к.—Его же. Сестры Рондоли. Ц. 10 к.—А. Франсъ. Сказка о сорокѣхъ. Ц. 10 к.—Джекъ Лондонъ. Сынъ солѣна. Ц. 30 к.—Его же. Дѣти снѣговъ. Ц. 20 к.—Его же. Красавица Ливанъ. Ц. 10 к.—Ф. Ванъ-Эйденъ. Маленькій Іоганнесъ. Ц. 20 к.—Шарль Диль. Византійскіе портреты. Ц. 20 к.—К. Альмквистъ. Мельница въ Шельнурфъ. Ц. 10 к.—Густавъ Швабъ. Робертъ Дьяволъ. Ц. 10 к.—Его же. Сказаніе о Гераклѣ. Ц. 10 к.—Е. О'Нейлъ. Марія Стюартъ. Ц. 10 к.—Кнутъ Гамсунъ. Последняя отрада. Ц. 30 к.—В. Реймонтъ. Мечтатель. Ц. 30 к.—Сельма Лагерлефъ. Возниа смерти. Ц. 20 к. М. 1914.

Кн-во „Просвѣщеніе“. Э. Зола. Римъ. Кн. I—II. Ц. 1 р. 50 к.—А. В. Амфитеатровъ. Улыбки юности. Ц. 1 р. 50 к.—Его же. Русскія были. Ц. 1 р. 50 к.—Артуръ Шницлеръ. Путь къ свободѣ. Ц. 1 р. 50 к.—В. А. Дьяконовъ. Теорія права и государства. Учебникъ законодѣнія. Ц. 1 р. 25 к. СПб. 914.

Кн-во К. Ф. Некрасова. Кир. Левинъ. Русская исторія въ простыхъ разказахъ. Ц. 1 р. М. 914.

Изд. А. Ф. Девріена. К. Циммеръ. Наставленіе къ наблюденію міра пер-

натыхъ. Пер. съ нѣмецкаго. Ц. 1 р. 20 к. СПб. 914.

Изд. газеты „Русское Слово“. И. Окунцовъ. Русско-американскій справочникъ. Ц. 45 сент. Нью-Йоркъ. 914.

Изд. книжнаго магазина П. В. Луковникова. Методы и принципы школьнаго землевѣдѣнія. № 4.—И. Н. Михайловъ. Чтеніе плановъ и географ. картъ. Изд. второе. Ц. 40 к.—Э. Томпсонъ-Сетонъ. Животныя-герои. Ц. 1 р.—Его же. Мальчикъ и рысь. Ц. 10 к.—Его же. Снѣпъ. Исторія буль-терьера. Ц. 10 к.—Его же. Бедланскій Билли. Ц. 15 к.—Его же. Боевой конекъ. Ц. 13 к.—Его же. Бродячая кошка. Ц. 15 к.—Его же. Виннипегскій волкъ. Ц. 10 к.—Его же. Легенда о бѣломъ оленѣ. Ц. 12 к.—Его же. Арно. Ц. 10 к.—Его же. Исторія одной серебристой лисицы. Ц. 40 к.—Его же. Властелинъ. Ц. 40 к. СПб. 914.

Изд. журнала „Путеводный огонекъ“. Вальтеръ Скоттъ. Астрологъ. Романъ. М. 914.

Изд. „Наканунъ“. Просвѣтительная бібліотека. № 5. В. Левицкій. Какъ рабочіе добивались права коалиціи. Ц. 15 к. СПб. 914.

Изд. „Грядущій День“. Германъ Гриммъ. Микель Анджело Буонарроти. Вып. 3 и 4. СПб. 914.

Т-во Издат. Дѣла „Копѣйка“. „Альбомъ Солнце Россіи“. № 7. Московскій Хлодженственный театръ.

І. Израилитана. Стихотворенія. Ц. 25 к. Вильна. 913.

Леонидъ Семеновъ. О „Хаджи Муратѣ“ Л. Толстого. Харьков. 914.

Законодѣніе въ школь. № 2. П. Рюльманъ. Идея гражданскаго воспитанія въ Швейцаріи.

Николай Оболенскій. Тризна. Ц. 1 р. Симферополь. 913.

Вопросы колонизаціи. № 15. Ц. 2 р. 75 к. СПб. 914.

Н. И. Кузнецовъ. Систематическій сводъ указовъ Правительствъ, Сената, послѣдовавшихъ по земскимъ

дѣламъ. Т. X. 913. Ц. 3 р. 80 к. Воронежъ. 914.

Изд. Тверского губ. земства. Б. Б. Веселовскій. Историческій очеркъ дѣятельности земскихъ учреждений Тверской губ. (1864 — 1913). Ц. 3 р. Тверь. 914.

Сергѣй Бертенсонъ. Къ библиографіи матеріаловъ о Гоголѣ. 1911—1913. СПб. 914.

М. М. Бѣляевъ и С. М. Бѣляевъ. Сборникъ задачъ противоалкогольнаго содержанія. Ц. 25 к. М. 914.

Н. В. Васильевъ. Трезвая жизнь. Иллюстрир. противоалкогольная хрестоматія для школъ и народа. Изд. Д. Я. Маковского. М. 915.

Г. Зиновьевъ, В. Ильинъ, Ю. Каменевъ. Марксизмъ или ликвидаторство. Сборникъ статей объ основныхъ вопросахъ современнаго рабочаго движенія. Часть вторая. Ц. 40 к. СПб. 914.

Харьковское О-во сельскаго хозяйства. Отдѣлъ вѣтшкольнаго образованія. Указатель наглядныхъ пособій для чтеній по сельскому хозяйству. Харьковъ. 914. — Указатель книгъ по сельскому хозяйству и соприкасающимся съ нимъ отраслямъ знанія. 913.

Тульское губ. земство. Оцѣночно-Статистическое Отдѣленіе. Урожай хлѣбовъ Тульской губ. 1893 — 1909 гг. По даннымъ Централ. Статистики. Комитета М. В. Д. и Отдѣла сельск. экономіи и сельскохоз. статистики Г. У. З. и З. Тула. 913.

Главное Управление Землеустройства и Земледѣлія. Отдѣлъ сельск. экономіи и сельскохоз. статистики. 1913 годъ въ сельскохоз. отно-

шеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Выпускъ VI. СПб. 914.—1914 годъ въ сельскохоз. отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Выпускъ I. СПб. 914.

Статистическій ежегодникъ Московской губерніи за 1913 г. Части I и II. М. 914.

Статистическое Отдѣленіе Московской губ. земской управы. Состояніе озимей въ Московской губ. по выходѣ ихъ изъ подъ снѣга въ 1914 г. М. 914.

Московское губ. земство. Столярно-мебельный промыселъ въ Московскомъ и Звенигородскомъ уѣздахъ по даннымъ изслѣдованія 1912 г. М. 914.

Статистическое Бюро Волинской губ. земской управы. Матеріалы подворной переписи Волинской губ. 1910 г. Житомиръ. 914.

Харьковское Общество сельскаго хозяйства. І. Б. Розень. Постановка хлѣбной торговли въ Соединенныхъ Штатахъ и Канадѣ. Ц. 1 руб. 50 коп. Харьковъ. 914.

Харьковское Городское Общественное Управленіе. Современное хозяйство города Харькова (1910 — 1913). Вып. I. Ц. 50 коп.—Вып. II. Ц. 25 коп. Харьковъ. 914.

С. Остапенко. Экономика германскаго скотоводства и хлѣбныя пошліны.

І. М. Гольштейнъ. Панамскій каналъ, паденіе хлѣбныхъ цѣнъ и наши торговые договоры. М. 914.

Четвертая Государственная Дума. Сессія 2-я. Фракція народной свободы. Отчетъ о дѣятельности фракціи. СПб. 914.

О Т Ч Е Т Ъ

конторы редакціи журнала «Русское Богатство».

П О С Т У П И Л О:

Съ благотворительной пѣлю: черезъ М. П.—70 р.; отъ Якова Одинокого изъ Красноярска 13 іюня—3 р.; черезъ А. В.—28 р.

Итого . . . 101 р.

Въ распоряженіе В. Г. Короленко: отъ Е. А. Н. — 10 р.; отъ В. К. Вавина—5 р. 50 к.; отъ Е. М.—5 р. отъ В. М. Золотилой—10 р.

Итого . . . 30 р. 50 к.

Въ фондъ имени П. Ф. Якубовича: черезъ фельдшера—20 р.

Редакторъ А. Θ. Родіонова.

Издатель В. Г. Короленко.

Самоучители ремесль и производствъ.

Багеты и рамы, съ 31 рис.—30 к. Выжиганіе по дереву, съ 36 рис.—30 к. Выпиливіе по дереву, съ 74 рис.—30 к. Женскія рукодѣлія съ 65 рис.—30 к. Жестыяя работы, съ 96 рис.—40 к. Зеркальное производствъ, съ 5 рис.—30 к. Золоченіе и серебреніе по дереву и металлу, съ 14 рис.—30 к. Кожевенное производствъ, съ 5 рис.—30 к. Корзиночное производствъ, съ 52 рис.—30 к. Краснодеревецъ-любитель, съ 136 рис.—30 к. Кузнецъ-любитель, съ 62 рис.—39 к. Лаки и замазки—30 к. Луженіе, паяніе и никелированіе—30 к. Маляръ-любитель 30 к. Мужолюбное производствъ, съ 27 рис.—50 к. Мыловаренное производствъ, съ 28 рис.—40 к. Обойщикъ-любитель, съ 67 рис.—30 к. Переpletчикъ-любитель, съ 76 рис.—40 к. Почное ремесло, съ 37 рис.—40 к. Плотникъ-любитель, съ 104 рис.—30 к. Полировка, шифовка и лакировка—50 к. Починка галошъ—30 к. Приготовленіе лампаднаго масла—30 к. Приготовленіе копачной, колесной и обрубной мази—30 к. Производствъ ваксы—25 к. Програва или окраска дерева въ разн. цвѣта—50 к. Работы изъ проволоки, съ 32 рис.—30 к. Рѣзчикъ-любитель, съ 62 рис.—30 к. Сапожникъ-практикъ, съ 28 рис.—50 к. Слесарь-любитель, съ 94 рис.—30 к. Столяръ-любитель, съ 134 рис.—30 к. Техническое черченіе, съ 25 рис.—30 к. Токарь-любитель, съ 77 рис.—30 к. Устройство небольшого мыловареннаго завода, съ 1 рис.—30 к. Часовщикъ-практикъ, съ 28 рис.—50 к. Литейное дѣло, съ 54 рис.—50 к. Вышиваніе гладью, съ 59 рис.—40 к. Вязаніе въ тамбуръ, съ 70 рис.—40 к. Плетеніе на коклюшкахъ, съ 77 рис.—40 к. Выдѣлка кожевенныхъ шкуръ, съ 40 рис.—30 к. Фейерверочное искусство, съ 29 рис.—30 к. Чемоданное дѣло и изготовленіе дорожныхъ вещей, съ 39 рис.—40 к. Альбомъ монограммъ для гравировъ, съ 173 рис.—50 к. Устройство прачешной, съ 16 рис.—50 к. Художественное выжиганіе, въ новости пирографіи, съ 41 рис.—60 к. Окрашиваніе металловъ въ различн. цвѣта—40 к. Высылаеть наложеннымъ платежемъ.

Книжный складъ «А. Ф. СУХОВА». Спб. Екатерингофскій пр. 10-19.

Пересылка одной книги—15 к., 2 кн.—19 к., 3 кн.—23 к., 4 кн.—27 к., и 5 кн.—31 к. Наложеннымъ платежомъ на 10 к. дороже. При выпискѣ болѣе чѣмъ на 2 р. пересылка безплатно. Подный каталогъ книгъ по ремесламъ и всевозможнымъ производствамъ высылаеться безплатно.

! ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОК !

ПРОВИЗОРЪ
Г. Ф. ЮРГЕНСЪ
БОРНО-ТИМОВОЕ МЫЛО

отъ ПОТА, ЗАГАРА, ВЕСНУШЕКЪ,
УГРЕЙ, ПРЫЩЕЙ И ЖЕЛТЫХЪ
ПЯТЕЙ.

БЛАГОВОННОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА

ПРОДАЕТСЯ ВЪЗДѢ
1/4 к. 50 к. 1/2 к. 30 к.

Золотая медаль Лондонъ 1893 г.

У Г. Ф. Юргенъ, Москва. Главн. складъ

СРЕДСТВО отъ ГЕМОРРОЯ
ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ
ПРОФЕССОРЪ ДОКТОРЪ **ПЕЛЯ** и сыновья
СПЕТЕВЪ УГЛЪ, ДАС ОСТРЪ Т. А. И. Д. № 12

ПРОКТОЛЬ-ПЕЛЯ
(ПРОСТОЛ-РОЕН)

СУНДЕНИТОРИИ (СВѣчки) ПРОТНВЪ ГЕМОРРОЯ. ОСТАНАВЛИВАЮТЪ КРОВОТЕЧЕНІЕ. УКРЕПЛЯЮТЪ СЛИБІЯТУЮ СЪЛІАЧІУ И СПОСОБСТВУЮТЪ СКОРОМУ ЗАКЛЮЧЕНІЮ ШИШКИ. УСТРАНЯЮТЪ БОЛЬ, ЗУДЪ И ЖЕЖЕНІЕ. ДАЮТЪ ПРОТИВОВЪСПЛАТІТЕЛЬНОЕ ДѢЙСТВІЕ.

ЦѢНА КОРОБКИ 1 р. 50 к.

СОБСТВЕННЫЙ
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
ГАРАЖЪ.

Анонимному О-ву Автомобилей П е ж о.

1/4 м е р т а 1914 г.
№ 222

г. Царское Село.

Управление Собственного ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Гаража имѣетъ честь уведомить Васъ, что приобретенные, на выставкѣ въ 1913 году два автомобиля, одинъ типа 148 съ кузовомъ Лимузинъ, Кельнера и другой типа 145 Спортъ, оказались, во всѣхъ отношеніяхъ, превосходными.

На № 475.

За Инспектора Гаража,
ВЫСОЧАЙШАГО Двора

Го ф м е й о т е р ѣ

ОТЗЫВЪ СОБСТВЕННОГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГАРАЖА

объ автомобиляхъ „П Е Ж О“

С К Л А Д Ы:

Москва, Мясницкая 45.

Кіевъ, Крещатикъ 22.

Харьковъ, Торговая пл. 16.

Екатеринославъ Проспектъ 116.

Ростовъ на Дону, Большая Садовая 83.

Варшава, Новый Свѣтъ 72.

Одесса, Екатеринославская, уг. Греческой.

МНѢНІЕ НАУКИ
О ГИЛЬЗАХЪ КАТЫКА.

Торговцы Денисъ А. КАТЫКА и К° представили гильзы своей фабрики для испытанія, не содержатъ ли бумага какихъ либо вредныхъ для здоровья веществъ. При химическомъ изслѣдованіи бумаги, а также продуктовъ горѣнія таковой, никакихъ вредныхъ для здоровья веществъ не обнаружено, причѣмъ установлено, что бумага состоитъ исключительно изъ растительной клетчатки.

Завѣдующій лабораторіей инженеръ-химикъ А. ШТАНГЕ.

Химико-аналитическая и бактериологическая лабораторія высочайше утвержденнаго Россійскаго Фармацевтическаго Общества. Москва 21 февраля 1907 г.

Кребуйте ТОЛЬКО ГИЛЬЗЫ КАТЫКА.

Б.В.

**ОБЩЕУКРѢПЛЯЮЩЕЕ и КРОВЕ
ТВОРНОЕ СРЕДСТВО.**

На основаніи клиническихъ и экспериментальныхъ изслѣдованій съ успѣхомъ при мѣняется при МАЛО-КРОВІИ, ХЛО-РОЗѢ, РАХИТѢ, ЗОЛОТУХѢ и ИСТОЩЕ-НІЯХЪ на почвѣ

раз-личныхъ заболѣва-ній. Реко-мендуется какъ въ дѣт-скомъ возрастѣ, такъ и для взрослыхъ.

ИМѢЕТСЯ ВСЮДУ.

Коррелатинъ
DOCTORA
профессоръ
ДОКТОРЪ ПЕЛЬ (СН)
САНИТАРНАГО ДЕЛА
(KORRELATIN
ROENI)
ШТАМ. Р. 604

**ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ И ВЗРОСЛЫХЪ
ВСЕМІРНО-ИЗВѢСТНЫЕ**

ЯКОРНЫЕ КАМЕННО - СТРОИТЕЛЬНЫЕ КУБИКИ

Эта игрушка удобна для родителей, нежелающихъ затратить значительныхъ средствъ. Можно сначала, затративъ весьма небольшую сумму, купить небольшой ящикъ и постепенно докупать вѣтъ дополнительные ящики, незаметно для своего бюджета, по мѣрѣ роста ребенка имѣть ящикъ съ все болѣе и болѣе сложными кубиками, дающими возможность ребенку строить все новыя и болѣе сложные сооруженія. Благодаря чему интересъ къ игрушкѣ никогда не падаетъ и она постоянно остается желанной и любимой.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ и высылаемъ бесплатно.

ОТДѢЛЕНИЕ и ФАБРИКА

Ф. Ад. РИХТЕРЪ и К^о.

С.-Петербургъ, Николаевская ул., № 14. Телеф. 430—78.

Санаторія

„СОКОЛЬНИКИ“

д-ра Н. В. СОЛОВЬЕВА

Москва, Сокольники, Поперечн. протѣк. Телеф. 3—84.

Оборудованъ новѣйшими физическими методами для леченія болѣзней, НЕРВН., ВНУТРЕН., ОБМѢНА и т. п. По роскоши, удобствамъ и научной постановкѣ не уступаетъ лучш. заграницѣ. Прспекты по треб. Справки на мѣстѣ или у владельца: Мыльниковъ пер., с. д. Тел. 102—77.

Библіотека электротехника.

Домашній электротехн., съ 66 рис.—30 к. Гальванич. элементы съ одной и двумя жидк., съ 64 рис.—40 к. Гальванопласт., съ 27 рис.—40 к. Дешев. освѣщ. элем. „Сатурнъ“, съ 4 рис.—30 к. Постр. маленьк. аккумулятор., съ 37 рис.—30 к. Постр. маленьк. динамо-машин., съ 25 рис.—30 к. Постр. мал. электр. двиг., съ 35 рис.—30 к. Устр. дешев. электр. освѣщ. лампочк. накаливан., съ 39 рис.—30 к. Никкелиров. собственноручн. приб., съ 6 рис.—30 к. Сухіе гальваническіе элементы, съ 12 рис.—30 к. Спутникъ электро-монтера, съ 40 рис.—40 к. Телегр. и телеф., устр. пров., съ 79 рис.—50 к. Телеф., устр. и различн. примѣн., съ 60 рис.—30 к. Устр. спирали Румкорфа и опыты, съ 26 рис.—30 коп. Тѣхфазн. токъ, съ 20 рис.—40 к. Школа молод. электротехн., съ 59 рис.—40 к. Электр. звонки и сигнализация: проводка, ремонтъ, съ 76 рис.—30 к. Электрич. освѣщеніе, устройство, новости, съ 100 рис.—40 к. Электротехн.-любит., устройство карманн. фонарей, съ 29 рис.—30 коп. Индуктивн. аппаратъ и спираль Румкорфа, съ 29 рис.—30 коп. Выполненіе обмотокъ якорей динамо-машинъ, съ 13 рис.—30 к. Постр. динамо-машинъ съ кольцеобр. якоремъ, съ 48 рис.—50 к. Какъ самому построить безпроводный телегр., съ 49 рис.—40 к. Высылаемъ налоож. платеж. нижний слѣдъ **„А. Ф. Сухова“**. Спб., Енатерингофскій пр., 10/19. Пересылка одной книги—15 к., 2 кн.—19 к. 3 кн.—23 к., 4 кн.—27 к. и 5 кн.—31 к. Наложениемъ платежемъ на 10 коп. дороже. При выпискѣ болѣе чѣмъ на 2 руб. пересылка бесплатно. Полный каталогъ книгъ по электротехникѣ высылаемъ бесплатно.

8/ср

КНИГО- издателямъ и КНИГО- продавцамъ

предлагаетъ свои услуги
котора объявленъ
Д. И. Марковского
СПб., Иваковская 3,
телеф. 89—65.

**ВСѢ ИЗДАНИЯ
СТОЛИЧНЫЯ
и
ПРОВИНЦІАЛЬНЫЯ
ЗНАНИЕ ДѢЛА!
ОПЫТЪ!
ВЫГОДНЫЯ
УСЛОВІЯ!**

НЕВРАСТЕНЫЯ

и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, невралгіи, спинная сухотка, параличи, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуотъ имѣющіеся въ литературѣ многочисленные наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственныя настоящія, весторонне испытанныя Сперминъ, по-этому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей изъ сѣменныхъ жезезъ, какъ нигуда нетодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желаящимъ, высылаются безвозмездно книга „Цѣльное дѣйствіе спермина“, интересующимся же всей ортанотерапией, высылаются за четыре 7-копѣчныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлитель-ныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ Пель и С-ва С.П.Б.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ПРАВИЛА и ПРОГРАММЫ.

Городскихъ училищъ—30 к. Землемѣрныхъ училищъ—30 к. Учительск. институтъ.—30 к. На первый классный чинъ—30 к. На аттестатъ зрѣлости—50 к. На учителя-ца начальныхъ училищъ—30 к. На учителя-ны городск., приходск. и домашн. учителя—30 к. Коммерч. училищъ—40 к. На техника путей сообщенія—25 к. На техника стропт. работъ—25 к. Волеопредѣляющихъ жеребьеныхъ и охотниковъ 1-го разряда по образамъ и пралорщиковъ—30 к. Высылаетъ наложн. „А. Ф. Сухова“ С.Петербургъ, Енаторингоф-платежемъ **Книжный складъ** скій пр. 10/19. Поресалка одной книги—13 к., 2 кн.—19 к., 3 кн.—23 к., 4 кн.—27 к. и 5 кн. 31 к. При выпискѣ болѣе чѣмъ на 2-руб. пересылка бесплатно. Наложенимъ платежомъ на 10 к. дорожа. Полный каталогъ правилъ и программъ высылаются бесплатно.

Типографія Спб. Ул. Жуковскаго, № 21—23, соб. Авт. Общ. «СЮНО».

СЕНТЯБРЬ.

1914

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 9.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. ТРЯСИНА.	О. Н. Ольнемъ.
2. ФРАНЦУЗСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО	Е. Сталинскаго.
3. СЕМЬЯ КОРИСТОНОВЪ	Гемфри Уордъ.
4. У КОСТРА	А. Петровскаго.
5. НАСЛѢДСТВО	Ф. Воскресенскаго.
6. МЕЛЬКОМЪ.	Ө. Крюкова.
7. ЖИВАЯ СМЕРТЬ.	Гильберта Уатсона.
8. ОЧЕРКИ СОЦІАЛЬНОЙ ИСТОРІИ МАЛОРОССІИ.	В. Мякотина.
9. ИЗЪ-ЗА РЪШЕТКИ. Стихотворенія.	Ивана Лишенца.
10. ИЗЪ АНГЛІИ.	Діонео.
11. ХРОНИКА ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.	А. Петрищева.
12. ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННОЙ ЖИЗНИ.	Н. С. Русанова.
13. ВОЙНА И КУЛЬТУРА.	П. Мокіевскаго.
14. НА ОЧЕРЕДНЫЯ ТЕМЫ.	А. Пъшехонова.
15. НАБРОСКИ СОВРЕМЕННОСТИ.	В. Мякотина.
16. НОВЫЯ КНИГИ.	
17. ФЕЛИКСЪ ВАДИМОВИЧЪ ВОЛХОВ- СКІЙ.	Н. Е. Кудрина.
18. ОТЧЕТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ ЖУР- НАЛА „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.	
19. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

С.-ПЕТЕРБУРГСКИЕ КУРСЫ, высшие коммерческие, счетоводные и железнодорожные учрежденные М. В. ПОБЕДИНСКИМ

Петроградъ, Невскій пр., д. № 102 (противъ Николаевской улицы).
ВЫСШІЕ КОММЕРЧЕСКІЕ КУРСЫ (высшее учебное заведеніе коммерч. зна-
ній и обществен. науки). Принимаются
слушателями (студентами и вольнослушат.) лица обоего пола. Отдѣленія: торгово-
промышленное и банковаго дѣла. Характеръ преподаванія университетскій.
Плата 125 р. въ годъ. Начало лекцій 10 сентября.

СЧЕТОВОДНЫЕ КУРСЫ даютъ полную подготовку къ бухгалтерской дѣятель-
ности лицамъ сего пола. Отдѣленія: обще-бухгал-
терское, специально-бухгалтерское и стенографіи. Плата за обще-бухгалт. отд. 100 р.;
за спец. 30—60 р. Начало занятій 5 сентября.

ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНЫЕ КУРСЫ готовятъ лицъ обоего пола къ службѣ
на жел. дор.: въ правл., управлен., контролѣ,
по телеграфу, по коммерч. и техническ. служб. движ. Плата 125 р. за весь курсъ.
Начало занятій 15-го сентября.

Курсы М. В. Побѣдинскаго основаны въ 1897 г., при ихъ учрежд. Общество Бух-
галт. и Экономистовъ съ отдѣломъ по приснанію занятій. Курсамъ над. спец.
журн.: „Коммерческая Школа и Жизнь“. Канцелярія открыта ежедн. отъ 10 ч. у.
до 9 ч. Свѣдѣнія выдаются и высыл. безпл.; обзоръ организаци—за 4 семикоп. почт. м.

ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ КОМПАНИИ ЗИНГЕРЪ

ПРОДАЮТСЯ

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ВЪ СОБСТВЕНН. МАГАЗИНАХЪ КОМПАНИИ.

Разсрочка
платежа

отъ **1** РУБ.

Ручныя
машины

отъ **25** РУБ.

МАГАЗИННАЯ ВЫВѢСКА.

Остерегайтесь
поддѣлокъ.

Магазины во всѣхъ
городахъ имперіи.

Санаторія „СОКОЛЬНИКИ“ д-ра Н. В. СОЛОВЬЕВА

Москва, Сокольники, Поперечн. пр-скъ. Телеф. 3—84.

Оборудованъ новѣйшими физическими методами для лѣченія болѣзней, **НЕРВН.,**
ВНУТРЕН., ОБМѢНА и т. п. По роскоши, удобствамъ и научной постановкѣ
не уступаетъ лучш. заграничн. Проспекты по треб. Справки на мѣстѣ или у за-
дѣльца: Мыльниковъ пер., с. д. Тел. 102—77.

Отъ Совѣта Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества.

Императорское Вольное Экономическое Общество всегда боролось съ народными бѣдствіями, не можетъ оно не бороться съ надвигающею нуждою и въ настоящую тягостную годину войны. Оно уже обратилось къ русскимъ гражданамъ съ призывомъ. Оно указало тѣ основныя задачи, которыя стоятъ передъ страной въ настоящій тяжелый моментъ.

Ближайшія практическія задачи Общества таковы:

- 1) оказывать помощь бѣженцамъ изъ мѣстъ, непосредственно охваченныхъ войною;
- 2) помогать семьямъ запасныхъ, особенно въ провинціи, гдѣ эта помощь настоятельна;
- 3) оказывать помощь въ мѣстностяхъ, постигнутыхъ неурожаемъ, что особенно нужно сдѣлать въ настоящее время, когда значительная часть рабочаго населенія отозвана отъ мирнаго труда на оборону страны;
- 4) снарядить, если позволить средства, въ Петроградѣ или его окрестностяхъ госпиталь для раненыхъ,
- и 5) оказывать помощь пострадавшимъ отъ войны другими способами, которые будутъ указаны обстоятельствами времени (напр. снабжать раненыхъ книгами).

Исполнить все это Общество можетъ только при дружномъ содѣйствіи широкихъ массъ самого населенія, а потому оно и обращается ко всемъ, кому дорога судьба нашей родины, прійти ему на помощь путемъ пожертвованій (деньгами или вещами), которыя проситъ направлять въ помѣщеніе Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества (въ г. Петроградѣ, Забалканскій просп., № 33) и въ учрежденія, гдѣ будутъ вывѣшены о томъ особые планаты, а также лицамъ, снабженнымъ Обществомъ специальными квитанціонными книжками.

Жертвователей просятъ указывать ту специальную цѣль, на которую они дѣлаютъ взносы.

Отчеты о притоцѣ пожертвованій и ихъ распредѣленій будутъ доводиться до всеобщаго свѣдѣнія въ газетахъ.

Петроградъ, 21 августа 1914 г.

Золотая медаль Лондонъ 1893 г.

ГЛАВНЫЙ СКАДЪ У Г. Ф. Юргенсѣ, Москва.

Цѣна объявленій ВЪ ЖУРНАЛѢ „РУССКОЕ БОГАТСТВО“

За срокъ непарелі въ 1 колонну
до текста . . . . . 70 к.
Послѣ текста . . . . . 40 к.

Отъ С.-Петербургскаго Городскаго Общественнаго Управленія.

ГРАЖДАНЕ,

ВЕЛИКІЕ, СТРАДНЫЕ ДНИ ПЕРЕЖИВАЕТЪ НЫНѢ РОССИЯ.

Родина наша, такъ искренно желавшая мирнаго и спокойнаго развитія, неожиданно подверглась вооруженному нападенію врага.

Какъ одинъ человѣкъ, родная страна, безъ различія состояній, народностей и партій—воспріянула на защиту своей державной чести и своего государственнаго достоянія.

Твердо вѣримъ, что такой подъемъ народныхъ силъ и полное ихъ единеніе дадутъ успѣхъ въ справедливомъ нашемъ дѣлѣ.

Вся Россія сдѣлалась съ своей арміей въ одномъ непреодолимомъ желаніи побѣды надъ врагомъ и пусть защитники родины знаютъ, съ какою вѣрою и любовью великая страна на нихъ взираетъ.

Но одного сочувствія мало. Помощь странѣ въ переживаемое трудное время должны оказывать не только вооруженная сила, но и всѣ граждане.

Мы прежде всего обязаны всецѣнно позаботиться о томъ, чтобы семьи ушедшихъ на военную службу не остались въ нуждѣ и нищетѣ, а раненые и больные воины нашли въ столицѣ леченіе и помощь.

Городская Дума главное руководство въ дѣлѣ сбора и распредѣленія пожертвованій на военныя нужды поручила особо избранному Комитету изъ 21 гласнаго подъ предсѣдательствомъ Городскаго Головы.

Комитетъ можетъ выполнить свои обязанности, только опираясь на все населеніе Петербурга, которое и призываетъ къ содѣйствію.

Комитетъ находится въ зданіи Городской Думы и имѣетъ дежурство для всякаго рода объясненій и пріема пожертвованій ежедневно отъ 11 до 2 час. дня.

Кромѣ Комитета, забота о семействахъ запасныхъ нижнихъ чиновъ возложена городомъ на Городскія Попечительства о бѣдныхъ.

Пусть каждый изъ васъ пожертвуетъ хоть что-либо.

Жертвуйте не только деньгами, но и вещами, припасами и топливомъ. Не стѣсняясь количествомъ. Жертвуйте личнымъ бесплатнымъ трудомъ—всегда найдется работа.

Если кто изъ васъ можетъ пріютить у себя осиротѣлую семью или предоставить городу для военныхъ надобностей бесплатное помѣщеніе, заявляйте объ этомъ либо въ Комитетъ, либо въ мѣстное попечительство.

Помните, что, кромѣ заботы о семьяхъ нижнихъ чиновъ, на городѣ, а слѣдовательно и на васъ, граждане, лежитъ обязанность приготовить все необходимое для помѣщенія, быть можетъ, весьма значительнаго числа раненыхъ и больныхъ воиновъ.

Помогите городу вашими силами и средствами въ исполненіи этой священной обязанности.

Грозные настали дни. Духъ Божій проносится надъ нивою жизни и будить совѣсть каждого.

Да успокоится же совѣсть ваша сознаніемъ исполненнаго долга.

Помогите братьямъ, сражающимся за васъ.

Пожертвованія принимаются:

- 1) въ Городской Думѣ, въ помѣщеніи Комитета,
- 2) въ мѣстныхъ Городскихъ Попечительствахъ
- и 3) въ банкахъ и учрежденіяхъ, списокъ которыхъ будетъ указанъ дополнительно.

Городской Комитетъ по сбору и распредѣленію пожертвованій на нужды, вызываемыя военнымъ временемъ.

Отдѣлъ доставленія заработка семействамъ воиновъ.

Послѣ ухода воиновъ многіе изъ членовъ ихъ семействъ остались безъ средствъ къ существованію и ищутъ заработка. Отдѣлъ Комитета проситъ всѣхъ, кто можетъ дать платный трудъ, сообщать объ этомъ Комитету въ здание Городской Думы (если лично, то отъ 11 до 2 час. дня) или слѣдующимъ лицамъ:

Ав. Вас. Васильевъ, Петерб. Стор. М. пр., 26, отъ 6—7 ч. веч.

Стан. Макс. Пропперъ, Галерная, 40, отъ 5—6 ч. веч.

Вас. И. Штейнбергъ, Гороховая, 68, отъ 5—6 ч. веч.

Городской Комитетъ по сбору и распредѣленію пожертвованій на нужды, вызываемыя военнымъ временемъ,

обращается къ населенію столицы съ просьбой предоставлять безплатно для раненыхъ, больныхъ и выздоравливающихъ воиновъ и для семей запасныхъ квартиры и отдѣльныя комнаты. Особенно желательно предоставленіе большихъ помѣщеній для устройства лазаретовъ и хотя бы небольшихъ квартиръ для семей запасныхъ.

Заявленія просятъ направлять по адресу: Городская Дума, Комитетъ по сбору и распредѣленію пожертвованій на нужды, вызываемыя военнымъ временемъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1914 годъ НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ и ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

„ГОЛОСЪ МИНУВШАГО“,

подъ редакціей **С. П. Мельгунова и В. И. Семевского.**

(Годъ изданія 2-й).

Журналъ посвящается разработкѣ вопросовъ исторіи и исторіи литературы русской и всеобщей и имѣетъ въ виду интересы широкихъ круговъ интеллигентныхъ читателей.

ВЫШЛА АВГУСТОВСКАЯ (№ 8) КНИГА.

СОДЕРЖАНІЕ: Статьи: Г. И. Шрейдеръ. Республиканцы и парламентаризмъ въ Италіи. Е. Ганейзеръ. В. В. Лесевичъ—въ письмахъ и воспоминаніяхъ. **Воспоминанія:** Л. Ф. Пантелѣевъ. Мои встрѣчи съ гр. М. Т. Лорисъ-Меликовымъ. Н. А. Виташевскій. На Карѣ. Г. А. де-Волланъ. Очерки прошлаго. И. М. Херасковъ. Изъ воспоминаній французскихъ плѣнниковъ о Россіи 1812—1814 г. **Матеріалы:** И. А. Шляпкинъ. Письмо М. В. Буташевичъ-Петрашевскаго Н. С. Кириллову. Н. П. Кашиный. Высылка изъ Москвы въ 1848—1853 гг. К. В. Покровский. Изъ полемической литературы 1813 г. (Московскіе обыватели и гр. Ф. В. Ростопчинъ). **Изъ иностранныхъ журналовъ:** Г. А. М. Васютинскій. „Министръ-грабитель“. Lettres de cachet. Тенденціозность французской исторіографіи. Дантонъ. П. В. Н. Перцевъ. Донесенія ненавѣстныхъ дипломатовъ Меттерниху о Лолѣ Монтеъ. **Изъ текущей литературы:** М. Л. Вишняковъ. Иностранное дипломатіе о Россіи при Александрѣ I. Ю. М. Стекловъ. Мемуары Бебеля. В. Богучарскій. Новая книга гр. С. Ю. Витте. Ч. Вѣтринскій. Новое о Львѣ Толстомъ. Рецензія С. Л. Аваляни. Ю. В. Готье. А. И. Калишевскаго. Н. П. Кашина. Л. С. Козловскаго. Е. Ф. Корша. С. П. Мельгунова. Г. И. Шрейдера. В. М. Фриче. **Романъ:** Вл. Реймонтъ. 1794 годъ. Ч. П. Инсуурекція, гл. I. **Рисунки:** Портреты Дж. Мадзини и В. В. Лесевича.

Условія подписки на 1914 годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ—8 руб., на 1/2 года—4 руб., на одинъ мѣсяць—1 руб., за границу 12 руб., 1/2 года—6 руб. Въ **отдѣльной продажѣ** книга журнала—1 руб. (налож. плат. 1 руб. 25 коп.).

Подписныя деньги на 1914 годъ должны направляться въ контору журнала: Складъ книгоиздательства „Задруга“, Москва, М. Никитская, д. 29. Тел. 4-50-61.

Комплекты за прошлый годъ (безъ № 1) 7 р. 50 н. (безъ пересылки).

Подписка принимается и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

СЕНТЯБРЬ.

1914.

РУССКОЕ БОГЯТСТВО

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

№ 9.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Акц. Общ. „СЛОВО“, ул. Жуковского, № 21—23, соб. д.
1914.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ

(XXII-ый ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

издаваемый Вл. Г. КОРОЛЕНКО

при ближайшемъ участіи: А. Г. Горнфельда, Діонео, С. Я. Елпатьевскаго, Э. Д. Крюкова, Н. Е. Кудрина (Н. С. Русанова), П. В. Мокіевского, В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева, А. В. Пъшехонова и А. Е. Рѣдько.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою: на годъ—9 р., на 6 мѣс.—4 р. 50 к., на 4 мѣс.—3 р., на 1 мѣс.—75 к.

Безъ доставки: на годъ—8 р.; на 6 мѣс.—4 р.

Съ наложеннымъ платежомъ отдѣльная книжка 1 р. 10 к.

За границу: на годъ—12 р.; на 6 мѣс.—6 р., на 1 мѣс.—1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Петроградѣ—въ конторѣ журнала,—*Баскова ул., 9.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы,—*Никитскій бульваръ 19.*

Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ „Одесскія Новости“—*Дерибасовская, 20**). Въ магазинѣ „Трудъ“—*Дерибасовская ул. д. № 25.*

Доставляющіе подписку КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ, ЗЕМСКІЕ СКЛАДЫ, УПРАВЫ, ЧАСТНЫЯ и ОБЩЕСТВЕННЫЯ БИБЛИОТЕКИ, ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА, ГАЗЕТНЫЯ БЮРО, КОМИТЕТЫ или АГЕНТЫ ПО ПРИЕМУ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ по 40 коп. съ каждаго экземпляра, т. е. присылать вмѣсто 9 рублей 8 руб. 60 коп., ТОЛЬКО ПРИ ПЕРЕДАЧѢ СРАЗУ ПОЛНОЙ ГОДОВОЙ ПЛАТЫ.

Подписка въ разорочку или не вполне оплаченная—8 р. 60—отъ нихъ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ до полученія недостающихъ денегъ, какъ бы ни была мала удержанная сумма.

При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разорочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №. Не сообщаящіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 1 числа наждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

Лица, обращающіеся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленіи конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

*) Здѣсь же продажа изданій „Русскаго Богатства“.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Трясина. (Окончаніе). <i>О. Н. Ольнемъ</i>	1— 54
2. Французское крестьянство. <i>Е. Сталинскаго</i>	55— 82
3. Семья Користоновъ. (Окончаніе). Романъ <i>Гемфри Уордъ</i> . Переводъ съ англійскаго <i>Е. Н. Нелидовой</i>	83—115
4. У костра. <i>А. Петровскаго</i>	116—126
5. Наслѣдство. (Разсказъ). <i>Ф. Воскресенскаго</i>	127—161
6. Мелькомъ. Впечатлѣнія проѣзжаго. (Окончаніе). <i>Ф. Крюкова</i>	162—180
7. Живая смерть. <i>Гильберта Уатсона</i> . Переводъ съ англійскаго <i>В. Торнтонъ</i>	181—187
8. Очерки соціальной исторіи Малороссіи. 3. Свободныя войсковыя села и владѣльческія имѣнія въ лѣвобережной Малороссіи XVII—XIII вв. <i>В. Мякотина</i>	188—203
9. Изъ-за рѣшетки. У окна. Цвѣты. Мгновенья. (Стихотворенія). <i>Ивана Лишеница</i>	203—204
10. Изъ Англіи. Въ плавленномъ тиглѣ. <i>Діонео</i>	205—225
11. Хроника внутренней жизни. 1. Перечень событій и предположенія о смыслѣ ихъ.—2. Воззванія Верховнаго Главнокомандующаго. Усложненіе оборонительной задачи.—3. Военная цензура и военное положеніе.—4. Крушеніе легенды о врагахъ внутреннихъ. Подъемъ добрыхъ чувствъ. Нужды матеріальныя и нужды интеллектуальныя.—5. Однодневная законодательная сессія. Организациія для обслуживания матеріальныхъ нуждъ. <i>А. Петрищева</i>	226—254
12. Обзоръ иностранной жизни. Причины великаго конфликта. Роль Германіи и Вильгельма II.—Поводы войны и группировка державъ въ первые дни.—Особенности современной войны и ея отраженіе на	

	внутреннемъ строе государствъ.—Главнѣйшіе факты войны за мѣсяцъ и ея перспективы. <i>Н. С. Русанова</i>	254—288
13.	Война и культура. <i>П. Мокіевскаго</i>	288—293
14.	На очередныя темы. „Единая Россія“. <i>А. Пъшехонова</i>	293—323
15.	Наброски современности. „Борьба съ германизмомъ“ и національный вопросъ. <i>В. Мякотина</i>	323—338
16.	Новыя книги. Н. Н. Русовъ. Въ старой усадьбѣ.—Н. Н. Русовъ. Повѣсти.—Н. Львова. „Старая сказка“.—Переписка Л. Н. Толстого съ Н. Н. Страховымъ.—Илья Толстой. Мои воспоминанія.—Кн. В. О. Одоевскій. „Русскія ночи“.—Вопросы теоріи и психологии творчества.—Анри Лихтенберже. Современная Германія.—L. Villari. Италія.—Современный Римъ.—А. В. Амфитеатровъ. 1812 годъ.—Записки гр. Комаровскаго.—Записка о ритуальныхъ убійствахъ.—Новыя книги, поступившія въ редакцію	338—363
17.	Феликсъ Вадимовичъ Волховскій. <i>Н. Е. Кудрина</i>	364—365
18.	Отчетъ конторы редакціи журнала „Русское Богатство“	366
19.	Объявленія.	

Т Р Я С И Н А.

(Окончаніе).

Х.

Службу Октавія Владиміровна оставила, а довольство и спокойствіе не слетали къ Навотному. Не переставалъ онъ нервничать. То вспоминалъ о Нещадимѣ, то поддавался ревнивой тревогѣ за будущее. Временами пребывалъ во власти безосновательныхъ подозрѣній и въ настоящемъ. Тогда звонилъ въ телефонъ изъ управленія, справлялся у прислуги: дома ли барыня? Что барыня дѣлаетъ? Требовалъ попросить ее къ телефону. А, когда Октавія подходила, говорилъ о пустячныхъ предметахъ и ясно было, что говорить ему съ экстренностью не о чемъ...

Угнетали Навотнаго и недочеты въ средствахъ на жизнь. Онъ самъ велъ расходы по содержанію дома, утаивалъ отъ Октавіи недостатки. Жизнь въ барскомъ особнякѣ и на широкую ногу стоила дорого. Навотный терялся передъ этой дороговизной. Приходилось все оплачивать изъ своего кармана да еще погашать накопившіеся долги. Онъ поотсталъ отъ кутежей, отъ всѣхъ развлеченій. Не воздерживался лишь отъ цѣнныхъ подарковъ для Октавіи Владиміровны. Таровато одаривать близкихъ ему женщинъ вошло у него въ давнюю привычку. Любя Октавію, какъ никого раньше, онъ старался восхитить ее своею щедростью. Подносилъ драгоценности, купоны оригинальныхъ матерій, дорогія мелочи туалета. А она была не по-женски равнодушна къ красивымъ вещамъ, вѣроятно оттого, что къ нимъ не привыкла. Швейцарской вышивкѣ на лѣтнее платье радовалась больше, чѣмъ брилліантовымъ серьгамъ или стильной броши. И къ новой обстановкѣ никакъ не привыкала. Ей больше нравилось проводить время на бельведерѣ или въ саду, въ запущенной аллеѣ подсыхающихъ орѣховъ. Въ домѣ же она ходила съ опаской, боясь что-нибудь разбить или испортить. Выглядѣла, словно попала въ гости къ кому-то, хотя и по-

ченному, но монотонно-скучному. Стильные лари, керамики лампы и люстры старинно-церковнаго типа, художественные рисунки старинныхъ тканей на портьерахъ и мебели, ковшки, братины, неуклюжіе каминны—не нравились Октавіи, придавливали ее своею солидностью...

Навотный начиналъ ссоры и изъ-за этого. Упрекалъ въ отсутствіи женственности, изящнаго вкуса, пониманія красиваго. И не послѣдовательно заканчивалъ укеры однимъ и тѣмъ же подозрѣньемъ:

— Ты равнодушна ко всему моему... потому что не любишь меня.

Они препирались въ дневные часы и мирились вечеромъ. А на утро ссорились снова. Навотный измѣнился характеромъ. Исчезли его школьническія дурачества, веселый, жизнерадостный тонъ, довольство собою. Онъ былъ теперь хмурый и озабоченный, всеѣмъ оставался недоволенъ. Его несдержанныя выходки заставляли Октавію держаться насторожѣ, и жизнь текла для нея тоскливо. Скучнѣе всего было то, что жили они, какъ на необитаемомъ островѣ, нигдѣ не бывая, не видя у себя никого третьяго. Борецъ, и тотъ являлся лишь по приглашенію. Хотя Навотный бывалъ съ нимъ усиленно, подчасъ до слащавости милъ и любезенъ, но подъ любезностью этой таилась развѣдающая подозрительность. Борецъ, не угадывая истины, подмѣчалъ, что Навотный сталъ по отношенію къ нему инымъ, чѣмъ былъ еще недавно. Съ Навотнымъ становилось тягостно. Это побуждало Борца сократить свои визиты, онъ считалъ себя лишнимъ между влюбленными.

И все-таки изъ-за Борца вышла неожиданно-несуразная размолвка.

Октавія Владиміровна передъ вечеромъ ходила по магазинамъ Главной улицы, дѣлая покупки. Случайно встрѣтился Борецъ и подошелъ къ ней, привѣтливо-доброжелательный. Онъ тоже держалъ въ рукахъ магазинные пакеты. Весело осведомился о здоровьи, спросилъ о Навотномъ. Октавія попеняла, зачѣмъ рѣдко къ нимъ заходить. Но тутъ же подумала: надо поторопиться отдѣлаться отъ него. Неровенъ часъ, узнаетъ о встрѣчѣ Максимъ Андреевичъ. Не повѣрить, что говорили о пустякахъ, можетъ заподозрить, случайно ли встрѣтились...

И, какъ на грѣхъ, въ моментъ, когда Октавія остановилась у магазина модныхъ отдѣлокъ Жердера, чтобы проститься съ Борцомъ,—подлѣ нихъ къ сосѣднему магазину мужскихъ шляпъ подъѣхалъ Навотный.

Онъ легко спустился съ подножки экипажа и отпуская извозчика, будто не замѣчая ни Борца, ни Октавіи. Но

Октавія примѣтила, что Навотный увидѣлъ ихъ еще съ пролетки. Уловила, какъ на одно кратчайшее мгновеніе, но гнѣвно и болѣзненно исказилось его лицо, и растерялась, какъ виноватая.

Навотный медлительно отвернулся отъ извозчика, сдѣлалъ видъ, будто сейчасъ только увидѣлъ Борца съ Октавіей Владиміровной.

— А... Имѣю честь... -- пронически-добродушно бросилъ онъ, шутливо козыряя передъ Октавіей. Съ Борцомъ поздоровался крѣпкимъ рукопожатіемъ, былъ спокойно-веселъ, радовался встрѣчѣ, укоризненно журилъ Борца.

— Что васъ, батенька, не видно? Отчего не приходите пить чай на бельведерѣ? Или молодая хозяйка не умѣетъ привлечь васъ къ нашему дому?

Выходило благодушно и естественно.

Но достаточно хорошо успѣла узнать Навотнаго Октавія, чтобы ему удалось провестъ и ее. Она понимала все, ускользающее отъ Борца. Въ самомъ голосѣ Навотнаго среди медово-сладкихъ нотъ различала примѣсь значительной дозы укуса. Особенно, когда Навотный обращался не къ Борцу, а къ ней.

Двинулись впередъ по широкой панели. Октавія сказала:

— Я возвращусь... къ Жердеру.

— Я—тоже,—добродушно подхватилъ Навотный.—Вхалъ вѣдь къ Нормѣ. Вернемся, Леонтій Макаровичъ. Прикупимъ мнѣ лѣтнихъ фуражекъ, а послѣ къ намъ, на бельведеръ. Чай будемъ пить. Мы, Октавія Владиміровна, зайдемъ за вами къ Жердеру.

Разстались, и Октавія, входя къ Жердеру, видѣла, какъ, раскачиваясь съ подчеркиваемой легкостью, ступалъ по каменнымъ плитамъ Навотный и какъ младенчески-невинно шелъ рядомъ съ нимъ ничего не понимающій Борецъ.

Дома втроемъ пили на бельведерѣ чай. Садилось громадное багрово-огненное солнце на горизонтѣ за рѣчными отмелями и лѣсами. По рѣкѣ шмыгали, посвистывая, маленькіе пароходы. Подплылъ и присталъ къ берегу съ оглушительными свистками одинъ большой, переполненный людьми и грузомъ.

Разговоръ не обрывался. Навотный разсыпался въ дружеской любезности, разговорился и Борецъ, помалкивала лишь Октавія. Вскорѣ она перестала вслушиваться, о чемъ говорятъ. Возлѣ нея повторяли: Заворотниковъ, Евментъ, Славензонъ, техническое отдѣленіе, начальникъ тяги. Октавія, не связывая этихъ словъ въ стройное цѣлое, глядѣла на рѣку. Зарѣчныя дали, еще голубыя, постепенно синѣли къ

вечеру. На плоскости подъ горой выступали прямоугольники улицъ вокругъ кварталовъ строеній. Съ горы отчетливо видна была площадь городского сада, расположеннаго неподалеку, тоже на горѣ и надъ рѣкою. Оттуда уже доносились музыка духового военного оркестра. Сновала толпа предвечерней публики, еще неплатная. Сторожа поливали передъ началомъ гулянья дорожки, разгоняя даровыхъ посѣтителей. Выдѣлялись на открытой площадкѣ немногія пышныя деревья, обвитыя виноградомъ снизу. Бѣлѣли густо разставленныя скамейки передъ раковиною главнаго ночного оркестра. Такъ красива была темнѣющая синева неба,—высокаго и глубокаго, одноцвѣтно-синяго, похожаго на синій бархатъ, подернутый налетомъ черноты... Надвинулся вечеръ, загорѣлись луноподобные электрическіе фонари въ саду, заигралъ оркестръ, уже не духовой, а струнный. Затеплились неожиданно вспыхивающіе огоньки всюду. Въ домахъ, внизу на пристаняхъ, въ фонаряхъ на набережной. На рѣкѣ вспыхивали и горѣли движущимися пламенными точками огни пароходовъ и лодокъ, невидимыхъ въ посѣрѣвшемъ воздухѣ. Съ набережной и сверху отъ города раздавались рѣзкія верещанья моторовъ.

Гдѣ-то вблизи, вѣрно на водокачкѣ водопровода, заглушенно шумѣлъ безъ перерыва двигатель громадной машины... А небо темнѣло и уже походило на черный бархатъ съ легкой лишь синевой. Въ антрактѣ концерта густая человѣческая толпа затопляла дорожки сада. Свѣтлѣли отдѣльными пятнами лѣтніе туалеты дамъ, темнѣли мужскія фигуры. Казалось издали,—толпятся не люди, а тѣни, бывшія когда-то людьми...

Отпили чай и сидѣли въ сумеркахъ, не зажигая электричества на бельведерѣ.

Лакей Навотнаго принесъ письмо съ вечерней почты. Навотный, глядя въ польоборота, протянулъ къ письму руку.

Но лакей произнесъ:—„Барыня“—и подаль письмо Октавіи, освѣтивъ бельведеръ. Она вышла изъ своей задумчивости, чуть изумленно осмотрѣла конвертъ, — небольшой, плотный, геліотроповаго цвѣта. И, заинтересовавшись, взрѣзала конвертъ фруктовымъ ножикомъ со стола. Прежде всего глянула на подпись: „Сердечно ваша Варвара Навотная“.

Всколыхнулось и застучало сердце, взволнованно заструилась кровь, приливая къ щекамъ.

— Отъ кого?—безстрастно-ласково освѣдомился Навотный, искоса наблюдавшій за Октавіей.

— Это мнѣ,—отвѣтила она съ беззаботной небрежностью.

Подъ нависшими вѣками глаза Навотнаго остро блеснули. Но съ неизмѣняющей ему чуть сланцавой благодушностью продолжалъ онъ прежнюю бесѣду съ Борцомъ. Опять повторяли они имена Заворотникова и Славензона... Октавія, не слушая ихъ, полуотвернувшись, читала письмо.

— „Милая, милая Октавія Владиміровна. Вы, кажется, хорошая, и съ вами, кажется, всегда можно говорить такъ откровенно, какъ въ первую нашу встрѣчу. А хочется мнѣ сказать вамъ вотъ что. Когда утомится отъ работы безъ отпуска Максимъ Андреевичъ и вамъ надоѣстъ жить лѣтомъ въ городѣ,—пріѣзжайте оба ко мнѣ, отдохнуть—на какое пожелаете время. Я ужъ вамъ сказала, что давно стою по ту сторону женскихъ претензій и предразсудковъ. Повторяю это еще разъ, усердно васъ зову и надѣюсь, что пріѣдете. Чрезвычайно рада была бы видѣть въ Желанномъ васъ обоихъ. Чувствую себя несовсѣмъ здоровой, это бы ничего, нездорова я много лѣтъ и пора привыкнуть. А скверно, что затосковала я въ деревнѣ. Явилась сюда доживать жизнь, оглянулась,—никого и ничего у меня, и сама я будто вымороченная. И вотъ хочется думать, что есть и у меня два не чужихъ человѣка, и это вы съ Максимомъ Андреевичемъ. Вѣрьте, мои чувства къ вамъ обоимъ родственныя и дружескія. Взглянуть на васъ и на ваше счастье будетъ для меня большой радостью. Встрѣчу васъ, какъ дѣтей своихъ, которыхъ—увы!—у меня нѣтъ. Для васъ же недурно было бы пожить въ сельской тишинѣ, глотнуть чистаго воздуха, отдохнуть отъ города. Максимъ Андреевичъ любитъ Желанное и каждый годъ хорошо возстановлялъ здѣсь свои силы. Узнала изъ газетъ, что замѣщаль онъ начальника дорогъ; значить, работы по службѣ было у него много. Не взирая на кажущееся здоровье свое, онъ не выносливый, утомляемость у него быстро наступающая, острая. Поберегите его, родная, привозите отдохнуть въ Желанное. На недѣлку—другую онъ можетъ устроить себѣ неофіціальныи отпускъ,—въ видѣ служебной поѣздки или подъ инымъ предлогомъ. Вы только скажите ему о своемъ желаньи поѣхать, онъ знаетъ, какъ это уладить. Кстати и начальникъ дорогъ теперь вернулся. Не сомнѣвайтесь въ моемъ сердечномъ къ вамъ расположеніи, напишите, пріѣдете ли? Не хочется и думать, что нѣтъ. Ужъ очень я настроилась увидѣть васъ съ Максимомъ Андреевичемъ въ Желанномъ. Отъ души жму вашу руку. Привѣтъ Максиму Андреевичу. Сердечно ваша Варвара Навотная“.

Октавія дочитала, порывисто перевернула почтовый листокъ, перечитала еще разъ, спрятала письмо съ конвертомъ въ ручной мѣшочекъ. Глубоко вздохнула и задумалась,

вглядываясь то въ потемнѣвшее черно-синее небо, то въ потемнѣвшій городъ съ его разбросанными внизу,—будто убѣгающими вдаль огоньками. Жаль было Варвару Петровну, жаль и себя. Казалось жгуче-обиднымъ, зачѣмъ у всѣхъ и всегда не то, чего хотѣлось бы. И такъ проносится жизнь, молодость... За ними—старость, смерть... И нѣтъ возврата. Уже растутъ или распиливаются деревья для нашихъ гробовыхъ досокъ... а мы бродимъ, не находя своего мѣста, исчезаемъ изъ жизни, какъ тѣни. И все мимолетно и безслѣдно, какъ движенія тѣней. Все кругомъ случайное, не то, чего надо. Будто ненастоящее и призрачное, и только смерть,—одна она,—неотвратимо-реальна...

Октавія не помнила о Борцѣ и Навотномъ, не слышала, что говорили они рядомъ съ нею. Незамѣчала, какъ пытливо и непрерывно наблюдаетъ ее тайкомъ отъ Борца Навотный...

Думала о Варварѣ Петровнѣ. Понимала, что та стосковалась о своемъ „Максикѣ“. Хочетъ увидѣть его, — какою бы цѣною это ни досталось. Странно-непонятнымъ было для Октавіи, какъ можно питать столь беззавѣтную, унижительную привязанность къ такому поверхностному существу, какъ Навотный? Тутъ же вспомнила о Нещадимѣ и спросила у себя:—„Неужели и я дошла бы когда-нибудь до подобнаго униженія?“ Не знала, какъ отвѣтить себѣ: нѣтъ или да. И неясно ощутила почти облегченность оттого, что Нещадима уже нѣтъ, что униженіе для нея больше невозможно...

Борецъ горячо благодарилъ за что-то Навотнаго.

Навотный говорилъ въ отвѣтъ покровительственно-ласково:

— Ну, вотъ... стоитъ ли? Пустякъ совершенный. Завтра же напишу ему. И увѣренъ въ успѣхѣхъ. На Елизаветинскихъ сразу оцѣнить васъ. Поставятъ на надлежащее мѣсто.

— Я вамъ безмѣрно признателенъ,—растроганно началъ Борецъ, но его прервала Октавія, только теперь уразумѣвшая, о чемъ говорятъ.

— Какъ?—пораженно протянула она.—Вы оставляете Z? И управленіе? Зачѣмъ?

Ея возмущеніе изумило Борца, а Навотнаго заставило болѣзненно нахмуриться.

— Но я ничѣмъ не связанъ съ Z,—заявилъ Борецъ немного конфузливо.

Навотный подтвердилъ съ небрежной саркастичностью.

— Леонтій Макаровичъ оставляетъ Извилистыя дороги. Переходитъ на Елизаветинскія. Это нашъ старый служебный проектъ. И намъ удивительно, почему васъ это... такъ занимаетъ, Октавія Владиміровна?

Октавія Владиміровна принудила себя промолчать вмѣсто прямого отвѣта.

Но, когда Навотный проводилъ Борца и возвратился на бельведеръ, она заговорила.

— Какъ вамъ не стыдно? Какъ не стыдно!

Навотный спросилъ, будто не понимая:

— А что? О чемъ ты?

— Вы сплавляете невиннаго передъ вами человѣка. Изъ-за каприза... Призрака, сочиненнаго вами же. По-самодурски играете судьбой пріятеля, который вѣрить вамъ.

— А вамъ, видимо, весьма прискорбно, что мой „пріятель“ будетъ сплавленъ? Не хочется лишиться въ его лицѣ пріятнаго напоминанья? Или заманчивой перспективы въ будущемъ? Безъ него не съ кѣмъ встрѣчаться у магазина Жердера?

Октавія ярко покраснѣла.

— Какой вы... пошлый!—произнесла она брезгливо.

— А онъ, какъ и господинъ Нещадимъ, болѣе возвышенный?

— Для меня онъ первый встрѣчный... котораго вы же ко мнѣ привели. И еслибы онъ позволилъ себѣ...

— То вы бы сказали ему ваше величественное: никогда!? Но я этому вашему жесту не вѣрю. Вы и мнѣ говорили тоже самое.

Октавія съ возмущеніемъ стремительно крикнула, задыхаясь:

— Теперь я вижу... такіе пошляки, какъ вы... такіе развращенные, съ загрязненнымъ воображеніемъ... они не умѣютъ, неспособны любить, не унижая!

— Ну, конечно, конечно... Куда же намъ, пошлымъ распутникамъ? Вотъ Нещадимъ, тотъ умѣлъ. Молодой, чистый, не распутникъ... не развращенный. Да еще, можетъ быть, умѣетъ Борецъ... на Нещадима похожій. А я... гдѣ же мнѣ?

— Васъ стыдно слушать. Противно, гадко... омерзительно.

Навотный опомнился, сообразилъ, что зашелъ слишкомъ далеко. Не зналъ, какъ поправить, затушевать сказанное и замолчалъ въ тревогѣ.

Молчала и Октавія Владиміровна.

Прохладнѣй становилась ночь. Въ увеселительномъ саду, на островѣ, за рѣкою уже взвивались предъ окончаніемъ гулянья брильянтовые каскады фейерверковъ. Стройно и красиво исполняли предпоследніе номера струнный оркестръ городского сада. Играли „Осеннюю пѣснь“ Чайковского съ віолончелью. Городъ пріутихъ и музыку слышно было отчетливо.

Навотный подошелъ къ Октавіи ближе, заговорилъ по-

потомъ, уговаривая простить его. Кончилось, какъ обычно, примиреньемъ.

Уходя съ бельведера, Октавія протянула руку къ столику за своимъ мѣшочкомъ. Навотный вспомнилъ о письмѣ, спрятанномъ Октавіей, и придержалъ ее руку.

— Отъ кого то письмо... что ты получила вечеромъ?

— Неужели даже въ этомъ я обязана отдавать отчетъ?

— Какъ и я тебѣ. Во всемъ... Полностью. И это не обязательство... а простая откровенность съ тѣмъ, кого любишь.

— Нахожу такую откровенность лишней.

— Потому что недостаточно любишь.

Она молчала.

Навотный съ страдальческой миной просилъ униженно.

— Не мучь меня. Скажи прямо... отъ кого письмо?

Октавіи стало жаль его. Она отвѣтила.

— Отъ жены твоей... Варвары Петровны.

— Ты шутишь?

— Нисколько. Хочешь прочесть? Возьми.

Онъ отвелъ руку Октавіи съ мѣшечкомъ.

— Не надо. Вѣрю и такъ.

— Наконецъ-то.

— Но чего ради она пишетъ тебѣ? Вы вѣдь незнакомы.

— Ошибаешься. Мы познакомились. Она была у меня.

— Была у тебя? Когда?—поразился Навотный.

— Передъ самымъ отъѣздомъ. Мы долго бесѣдовали и...

— И ни слова мнѣ!

— Не было повода рассказать. Вотъ теперь говорю.

— Что же она пишетъ тебѣ?

— Зоветъ насъ побывать у нея. Говорить, что встрѣтить, какъ дѣтей своихъ. Да возьми, прочти.

Онъ взялъ, прочиталъ и спросилъ поспѣшно, боясь отказа:

— Ты поѣхала бы?

— А ты?

— Я съ удовольствіемъ. Тянетъ въ Желанное. Безъ него для меня—словно и лѣто не наставало. Тамъ очаровательно лѣтомъ. Но если не хочешь ты, не поѣду и я. Тогда не нужно.

Октавія чуть-чуть усмѣхнулась.

— Ёдемъ, если желаешь.

— Ты согласна? Оль-райтъ. Ёдемъ, дорогая радость моя.

XI.

Мягко подкатилъ поѣздъ къ станціи Зыряно.

Поѣздные служащіе раболопно и угодливо выносили дорожныя вещи Октавіи и Навотнаго. Начальникъ станціи, козыряя, докладывалъ, что изъ Желаннаго ждетъ коляска.

Навотный прошелъ черезъ зданіе вокзала, увидѣлъ знакомую пару вороныхъ съ новой вѣнской коляской и обрадовался. Какъ тактично. Варвара Петровна послала на станцію незнакомаго, молодого кучера. Заслуженный, сѣдобородый Ивушка отсутствовалъ на козлахъ. Ивушка, — на правахъ стараго, преданнаго барынѣ слуги, — могъ бы сказать что-либо обличительное, неподходящее. А этому молодому только надо крикнуть: „Трогай“, и послѣ можно забыть о немъ съ чистой совѣстью.

Станція ютилась въ сосновомъ лѣсу. По откосамъ пути цвѣли полевые растенія, желѣзно-дорожная насыпь раздѣляла лѣсъ надвое. Тѣнисты и ароматны были путь по лѣсной дорогѣ, потомъ изъ лѣсу повернули въ поле.

Стояла безгорестная тишина пышноцвѣтнаго лѣта. Лѣсъ отходилъ отъ дороги, уже сливались въ одно сплошное пятно его темнозеленныя кудри. Но запахъ разогрѣтой солнцемъ сосны бѣжалъ отъ лѣса за экипажемъ, насыщалъ воздухъ. Сине-далекій сводъ неба, измельчавшая отъ жары пыльная земля на дорогѣ, яркіе луга, вдали по сторонамъ зеленые и желтые квадраты хлѣбовъ на пригоркахъ, знойная дымка, застилающая горизонтъ... Мелькнетъ поляна низкорослаго овса у дороги, за нею лиственный перелѣсокъ, и опять—хлѣбныя поля всѣхъ оттѣнковъ. Одно изъ нихъ—созрѣвающее ржаное на полукругломъ скатѣ—словно шаловливыя мазки кисти, перепачканной зелено-желтыми красками... Дальше—кудрявое поле гороховыхъ посѣвовъ,—ярко-зеленое, будто нарочно-подвитое. Издалека видны избы и церкви. Зablестѣла подъ пригоркомъ серебряная полоска рѣчки, и блеститъ впереди, извиваясь по зеленому лугу...

Послѣ городской сутолоки и лѣтней духоты отъ всего вѣяло миромъ, просторомъ. Не хотѣлось говорить, не хотѣлось допускать мысль, что кругомъ—лишь бездушная, красивая декорація.

Октавія съ Навотнымъ ѣхали молча.

При видѣ засверкавшей на поворотахъ рѣчки Октавія тихо сказала:

— Какъ хорошо. Рѣка—какъ изъ стекла.

Навотный пояснилъ тономъ хозяина, не примѣчая, что говорить о чужомъ:

— Она и называется: Хрустальная. И у насъ протекаетъ она же. Въ самой усадьбѣ, за садомъ. На ней и купальни.

Потомъ указывалъ Октавін:

— Это ужъ наши пашни. То—вонъ лѣсъ. А слѣва—заливные луга Желаннаго.

Онъ соскучился по деревнѣ, развѣженно разглядывать знакомыя издавна мѣста.

— А вотъ—подъ горой и Желанное,—обрадовался онъ съ оживленіемъ.

Усадьба была большая, садъ надъ рѣчкою—тоже. Хозяйственные постройки подъ красными желѣзными кровлями, амбары, сарай, загоны для скота, лѣтнія помѣщенія для рабочихъ, все если и не новое, то чистенькое, благоустроенное. При усадьбѣ—свои вѣтряныя мельницы на пригоркѣ, открытою для вѣтра. И кузница—на отшибѣ, на берегу озера съ шелестящими камышами.

Здѣсь, среди лѣтней тишины и лѣтняго раздолья, Октавіи и Навотному было такъ легко, такъ умиротворяюще-хорошо вдвоемъ, что самимъ не вѣрилось, неужели это они изодня въ день ссорились и досаждали другъ другу, часто сами не вѣдая изъ-за чего? Сейчасъ всѣ поводы размолвокъ представлялись ничтожно-ненужными. Становилось жаль, зачѣмъ доставлялъ столько досадливыхъ огорченій истлѣвающій въ могилѣ Нещадимъ? Исчезали подозрѣнья Навотнаго, обидчивая злопамятность Октавіи. Оба испытывали желаніе спрыгнуть съ экипажа и идти подъ яснымъ солнцемъ безъ дороги, не зная куда, но дальше и дальше отъ докучнаго города...

— Хорошо?—спросилъ у Октавіи Навотный.

— Ахъ, какъ хорошо.

Потомъ она пояснила, почему хорошо.

— Легко какъ.

Домъ Варвары Петровны выстроенъ былъ въ саду на возвышеніи. Желтоватой окраски, старинный, съ высокимъ мезониномъ, съ дорическими колоннами,—этотъ русскій ампиръ просился на картину съ подписью: „Дворянское гнѣздо“. Къ нему вела затѣненная дорога, обсаженная дубами впережку съ липами. Какъ вѣрные сторожа, стояли вокругъ дома пирамидальные тополи. Иные изъ тополей уже погибли и на ихъ мѣстахъ зіяли бреши, другіе росли по прежнему сочные и густолистные, по прежнему близко одинъ къ другому.

Варвара Петровна ждала гостей на высокомъ крыльцѣ у колонны. Подлѣ нея стояла Нелли. Радостно бросились внизъ по ступенькамъ еще не забывшіе Навотнаго фоксъ-терьеры. Радостно заговорили хозяйка и гости.

— Вотъ спасибо. Умники,—хвалила Варвара Петровна, стараясь, чтобы слова ея звучали по-старушечьи нѣжно,—Послушались... пріѣхали.

Пріѣздъ гостей взволновалъ ее. Голова у нея дрожала. Навотный покорно и почтительно, какъ блудный сынъ у

входа въ отчій домъ, цѣловаль у нея руку. Октавію она обняла, расцѣловала.

— Васъ я наиболѣе благодарить должна. Еслибы вы не пожелали... не видать бы мнѣ васъ обоихъ.

Октавія отвѣтила съ родственной простотой:

— Что вы, что вы... Я вамъ благодарна отъ души. Мнѣ такъ хотѣлось побывать въ деревнѣ.

Она глядѣла на Варвару Петровну, и мысленно отмѣчала рѣзкую переѣну въ наружности Навотной.

„Вѣрно больна. И серьезно“.

И Варварѣ Петровнѣ показалась Октавія измѣнившейся не къ лучшему.

„Подурнѣла... Глядитъ невесело. Неужели несчастливы?“

Варвара Петровна знакомила Октавію съ Нелли.

— Племянница моя. Нелли Константиновна.

Нелли демонстративно-холодно поклонилась Октавіи, еле дотронулась до ея руки. И съ Навотнымъ поздоровалась подчеркнуто-сухо.

— Нелли,— сказала Варвара Петровна, не замѣчая Неллиной демонстраціи.—Проводите гостей въ мезонинъ. Въ ихъ комнаты. А потомъ я жду васъ, милые друзья, съ обѣдомъ. Съ той стороны дома. На большой верандѣ, Максъ.

— Мы сейчасъ!—весело, какъ вернувшійся на каникулы школьникъ, пообщалъ Навотный.—Сейчасъ, сейчасъ...

Онъ не зналъ, какъ назвать Варвару Петровну: по имени и отчеству, или по-старому—Варей?

Къ мезонину по дубовой стоптанной лѣсенкѣ вель онъ, а не Нелли. Но Нелли сопровождала гостей, какъ ей было сказано.

Навотный помолодѣлъ подъ кровлей этого дома. Онъ спрашивалъ дурачливо:

— А гдѣ же Няка? Гдѣ уважаемая Зиновія Поликарповна? Что я не вижу ея? Если она у себя въ коморкѣ, я зайду поздороваться съ нею... хотя она и не соблаговолила меня встрѣтить.

Нелли смущенно отвѣтила, не глядя ему въ глаза:

— Она... ея... ея нѣтъ.

— Какъ это: нѣтъ? Что же съ нею? Умерла?!. Скончалась?

— Да нѣтъ же. Но... она... Она... уѣхала. Поѣхала на богомолье.

— Дзинь-ля-ля! — дурачился Навотный, стоя на одной ногѣ наверху, на площадкѣ мезонина.— „Нелли-ангелъ! вы коварны!“ — пѣлъ онъ, покачиваясь.— Но не вамъ провести меня! Няка — дома, дома, дома. Но заперлась у себя, и не хочетъ меня зрѣть. Говорить:— „Не глядѣли бы глаза мои

на его, безстыдника. На дѣла его срамныя, непотребныя". Вѣдь такъ? Признавайтесь, Нелли.

Нелли съ холодной сухостью опустила глаза. Она не возражала. Указала Октавіи Владиміровнѣ дверь ея комнаты и вернулась назадъ, къ спуску съ лѣсенки.

Въ мезонинѣ устроили для гостей двѣ спальни, раздѣленные коридорчикомъ. Третья комната отведена была подъ кабинетъ Навотнаго.

— Мой письменный столъ перенесли сюда, — сообщалъ Октавіи Навотный. — И вещи мои деревенскія разложены всюду. Какъ мило съ ея стороны. Она — милая. Вѣдь милая?

— Очень, — подтвердила Октавія съ улыбкой.

Спѣшили къ обѣду.

На большой верандѣ было чудесно. Съ этой стороны дома росъ смѣшанный садъ изъ фруктовыхъ и дикихъ деревьевъ. Въ центрѣ полянки передъ верандой одиноко возвышался великолѣпный каштанъ, вѣтвистый, съ красивой кроной. Вокругъ него цвѣли на полянѣ розы. Онѣ были и темно-красныя, и бѣло-розовыя, и розово-красныя, высокія и низенькія, цвѣтущія у самой земли и на вытянутыхъ лозахъ, подвязанныхъ къ палкамъ. За поляной розъ стѣной стояли деревья сада.

Октавія хвалила Варварѣ Петровнѣ ея домъ:

— Какъ у васъ хорошо. Какъ пахнетъ помѣщичьей стариной. Вотъ бы откуда брать декорации для „Мѣсяца въ деревнѣ“.

— Да, ужъ чего-чего... а стараго — сколько угодно. Не столько стариннаго, сколько стараго. Домъ, кажется, старѣй всего. Такъ и дрожитъ весь, если пойти побыстрѣе. Слѣдовало бы перестроить... да жаль разрушать. И не стоитъ уже. Долго ли жить въ немъ придется?

Обѣдъ подавали обильный, гастрономически-вкусный. Навотный пилъ свои любимыя вина, ѣлъ съ аппетитомъ, похваливалъ новаго повара, какъ хозяинъ дома. Разсказывалъ Варварѣ Петровнѣ городскія новости. И какъ устроилъ Борца у Кетчмера на Елизаветинскихъ дорогахъ...

Упоминанье о Борцѣ навело Октавію на непріятныя мысли. Въ душѣ у нея уже не было той уютной легкости, какую ощутила она, подѣзжая къ Желанному. Варвара Петровна представлялась безъ искры человѣческаго достоинства и самолюбія, слова Навотнаго раздражали. И самъ онъ рисовался „плоскодоннымъ“, черезчуръ тѣлеснымъ, неглубоко чувствующимъ, мелочнымъ и мелочно воспринимающимъ жизнь, неспособнымъ ни къ чему яркому, дѣйствительно интересному, углубленному.

— „И за что она такъ любить его... на всю жизнь, до послѣдняго вздоха?“—думала Октавія о Варварѣ Петровнѣ.

Долго пили кофе съ ликерами послѣ обѣда. Навотный не могъ вдосталь наговориться. Варвара Петровна слушала, вникая во все съ громаднымъ интересомъ. Потомъ втроемъ пошли на прогулку. Варвара Петровна срѣзала садовымъ ножикомъ лучшіе экзепляры розъ и поднесла ихъ Октавіи. А одну розу подала отдѣльно.

— Вотъ вамъ гордость моего цвѣтника, „Снѣжная королева“. Сама растила, безъ садовника.

Въ рукѣ Октавіи заколыхалась крупнѣйшая бѣлая роза съ матовыми лепестками, похожими на хрупкій фарфоръ.

— А это тебѣ, Максъ.

— Какая прелесть. Что это?

— Юкка феламентоза называется. Колокольчики совсѣмъ изъ слоновой кости. Не правда ли? А запахъ какой? И зеленень... погляди, что за красота.

Ходили по парку. Навотный показывалъ Октавіи красивыя уголки.

Спать разошлись не поздно, послѣ легкаго лѣтняго ужина.

Довольная проведеннымъ днемъ, Варвара Петровна не спала въ эту ночь вовсе. Съ весны она задыхалась по ночамъ. Страдала отъ недостатка воздуха, и перенесла свою спальную въ залъ деревенскаго дома. Вверху надъ заломъ приходился почти весь мезонинъ. Варвара Петровна въ волненіи просидѣла до утра въ креслѣ. Чутко прислушивалась и поджидала, не раздадутся ли надъ ея головой шаги Навотнаго въ мезонинѣ слѣва, гдѣ помѣстили Октавію Владиміровну. Ждала тамъ слѣва безошибочно-знакомыхъ, своеобразно-легкихъ шаговъ Навотнаго. Но въ мезонинѣ было безмятежно - тихо. Вечеромъ Варвара Петровна слышала, какъ Октавія сбросила съ ногъ на полъ туфли, стукнувшія каблуками. Какъ, укладываясь спать, уронила что-то, какъ будто пепельницу. Но была Октавія одна, одна несомнѣнно...

Максикъ посидѣлъ передъ сномъ у стола въ своемъ кабинетѣ. Должно быть, просматривалъ газеты. Послѣ прошелъ къ себѣ въ спальную, и тамъ остался.

Варвара Петровна не могла уснуть, даже не пыталась раздѣться. Прислушивалась всю ночь, не замѣчая, что потрясаетъ ее ознобъ, какъ въ пароксизмѣ тяжелой лихорадки.

Забрезжилъ разсвѣтъ. Золотисто-багровыми, огненными полосами расцвѣтилась восточная сторона неба. Вынырнуло и ослѣпительно сверкнуло среди золоченыхъ облаковъ яркое полнѣтнему солнце.

Максикъ уже не спалъ. Въ кабинетѣ слышны были шаги

его не въ мягкихъ туфляхъ, а на твердыхъ подошвахъ. Видно, собрался гулять по старой привычкѣ. Всегда любилъ въ Желанномъ раннія утреннія прогулки. Ради нихъ вставалъ здѣсь съ восходомъ солнца. Уходилъ бродить подальше, въ казенный лѣсъ, называлъ это: гонять себя на кордѣ... И теперь спускался съ лѣстницы. Вышелъ въ переднюю. Тихо, тихо, чтобы не беспокоить. Отпираетъ парадную дверь... Заперъ и ключъ взялъ съ собою. Ушелъ... Какъ осторожно, безшумно. Какой деликатный... хорошій! Только послѣ того подремала немного въ креслѣ Варвара Петровна.

Черезъ нѣсколько часовъ, когда на дворѣ было жарко, неожиданно для себя застала она Максика въ угловой гостиной. Онъ стоялъ передъ зеркаломъ между двумя окнами.

И такъ поглощенъ былъ самосозерцаньемъ, такъ внимательно разглядывалъ себя со всѣхъ сторонъ, что не услышалъ шаговъ Варвары Петровны. Глядѣлъ на свое лицо прямо, въ профиль, въ три четверти. Отходилъ отъ зеркала, приближался. Вматривался въ углы глазъ... Разглаживалъ подъ глазами морщинки. Наклонялъ голову и старался на свѣту рассмотреть, много ли новой сѣдины, нѣтъ ли сзади на макушкѣ начатковъ лысины. Еще отступалъ и старательно изслѣдовалъ видъ своей фигуры. Глядѣлъ, не отрываясь взглядомъ отъ зеркала, а на лицѣ у него было страданіе.

При одномъ изъ поворотовъ онъ замѣтилъ Варвару Петровну и не смутился, а обрадовался.

— Варя? Вотъ кстати, — заговорилъ онъ, впервые по приѣздѣ называя Варвару Петровну прежнимъ, уменьшительнымъ именемъ. — Ты мнѣ не солжешь. Скажешь, какъ есть. Я тутъ гляжу на себя и... Впрочемъ, нѣтъ... Это — долго. Скажи мнѣ. Но по чистой правдѣ. Не щадя, безъ лукавства: что, очень я постарѣлъ за послѣднее время? А? Старъ уже? Брюзглый, пожелтѣлый, подъ глазами — мѣшки, на вѣкахъ припухлости... вѣдь, правда? Волосы — какъ соль съ перцемъ, посеребрилъ иней жизни. И зубы — вонъ у корней чернѣютъ. Пovýлѣзли вверхъ зачѣмъ-то... Скажи: ты какъ находишь? Можно меня еще любить? Не за прошлое, не по старой памяти... А новой женщиной. Полюбить, какъ молодого... сначала?

Варвара Петровна поняла его. И жаль было почти до слезъ, и обида разгоралась отъ безцеремонной откровенности Навотнаго.

— Кажется, ты имѣешь тому доказательства... помимо моей экспертизы, — холодно вато произнесла Варвара Петровна.

Онъ не замѣтилъ сухости тона, заговорилъ снова съ тревогой и горячностью.

— Э... что. Это ничего не доказываетъ. То-есть, доказательства доказательствами, а—истина... ея не упразднишь. У васъ, женщинъ, бываютъ увлеченія головныя. И онѣ не доказательство. А перваго увлеченія, первой привязанности вы не забываете никогда. Непременно помните о первомъ возлюбленномъ. Особенно, если онъ молодъ. Во всю жизнь не можете отдѣлаться отъ культа этихъ воспоминаній. Ну, скажи сама... развѣ не вѣрно? Впрочемъ... все теоріи... психологія. А ты мнѣ скажи: старъ я уже? Или нѣтъ?

Варвара Петровна отвѣтила съ ласковостью немного официальной.

— По-моему, нѣтъ. Еще не старъ. Будь ты женщина— иное дѣло. А мужчинѣ... для васъ въ этомъ отношеніи иной предѣлъ, иная мѣра...

— И возрастъ мой самъ по себѣ—далеко не предѣльный,—обрадованно подхватилъ ея слова Навотный.—Сорокъ семь... хотя бы и сорокъ восемь... до преклонности лѣтъ скажи,—не доскачешь. Другіе въ сорокъ семь лѣтъ — молодцы на видъ, хоть воды напиться. Не дашь больше двадцати-пяти. А я растолстѣлъ, обрюзгъ. Человѣкъ старъ съ того момента, какъ усумнится, молодъ ли онъ. Я усумнился. И съ той поры старѣю, старѣю. Это видятъ и другіе, не я одинъ. Ланчіа... парикмахеръ мой, помнишь?... Стрижетъ меня, и вдругъ элексиръ... средство отъ морщинъ предлагаетъ. А то еще, говорить, для волосъ возстановитель есть... для уничтоженія сѣдины. Не краска, а возстановитель, будто бы. Послалъ его ко всѣмъ чертямъ... но вѣдь это показатель? Понимаешь? Это кричитъ, вопіетъ: подошла старость!

— Если старость въ сѣдинѣ... она очень къ лицу тебѣ.

— Да? Въ самомъ дѣлѣ? Ну, сѣдина не такъ важно. А вотъ морщины... Я ненавижу ихъ. И неужели нельзя уничтожить?

— Не знаю. Спроси у специалистовъ.

— А тотъ элексиръ... что противъ морщинъ у Ланчіа? А? Какъ ты думаешь?

— Сомнѣваюсь, чтобы помогало. Морщины—отъ причинъ внутреннихъ. Что-то тамъ внутри измѣняется, сохнетъ, осѣдаетъ... идутъ по лицу такія особыя тѣни, обвисаютъ мускулы. Не пособить тутъ его элексиръ, ни другое наружное притиранье. Онъ предлагалъ тебѣ бѣлила. Или безвредную водицу, рассчитанную на самовнушеніе потребителя.

— Но я не хочу морщинъ!

— Да гдѣ онѣ у тебя? Я что-то не вижу.

— Ну, да. Утѣшай... рассказывай въ утѣшеніе побасенки. Даже здѣсь у тебя... и здѣсь пришлось почувствовать.

— Что такое? Что почувствовать?

— Что я не молодъ. Пошелъ гулять на разсвѣтъ. Не спалось мнѣ. Ревматическая боль въ плечѣ и какъ-то на душѣ саднить. „Жужжаетъ въ середкѣ“... помнишь, какъ говорили мы студентами? „Жужжаетъ“ во мнѣ, и баста. И сегодня жужжало. Зашелъ далеко въ лѣсу казенномъ. Иду, тишина, тишина... какъ въ пустомъ храмѣ. Вдругъ шаги, крадущіеся, воровскіе. Вижу, за кустами—мужикъ. Не старый и не молодой. Такъ себѣ... вѣрно, подъ сорокъ. Должно быть, браконьерствовалъ въ лѣсу. Испугался меня, шарахнулся въ сторону, да поздно: мы уже другъ передъ другомъ. Я, чтобы успокоить его, говорю привѣтливо:—„Здравствуй, дядя!“ А онъ, вѣрно, еще золь на меня за испугъ свой и обидѣлся за „дядю“. Задѣло его: какъ это онъ — для меня — дядя? Недовольно пробирается дальше... И бросаетъ мнѣ на ходу:—„Здравствуй, дѣдъ“. А! „Дѣдъ“!?

Варвара Петровна не предвидѣла финала и засмѣялась.

Навотный сердито и оскорбленно глянулъ на нее. Но догадался обратить эпизодъ въ шутку и натянуто усмѣхнулся.

— Да,—сказалъ онъ дурачливо, поддѣлываясь подъ обиженного ребенка.—Вамъ всѣмъ хорошо... смѣяться.

Мѣняя тонъ на серьезный, онъ попросилъ, указывая глазами вверхъ, на мезонинъ:

— Ты, Варя, ей не рассказывай. Ничего не говори. И про ревматизмъ мой—ни слова. Она не знаетъ.

— Не знаетъ? Но у тебя — такіе иногда мучительные приступы. Какъ же ты скрываешься?

— Терплю. Не подаю вида. Или запрусь у себя и лечусь. Но ей не говорю. Въ ея годы еще не понимаютъ многого. Считаютъ ревматизмъ,—напримѣръ,—признакомъ старости. Ну, и знаешь... къ чему ставить себя въ смѣшное положеніе?

Варвара Петровна, расширивъ вѣки, смотрѣла на Навотного. Губы ея снисходительно улыбались, на глазахъ же блестѣли жалостливыя слезы.

ХП.

За обѣдомъ Навотный называлъ Варвару Петровну по прежнему Варей и больше не развлекалъ ее, какъ вчера, разговорами. А ухаживалъ за Октавіей. Держалъ себя радужнымъ хозяиномъ дома, стараясь, чтобы гостыя была всѣмъ довольна. Онъ поналегъ на вкуснаго поросенка подъ хрѣномъ, на спаржу, выпилъ много вина и къ концу обѣда отяжелѣлъ замѣтно. Сказывалась и лѣтняя жара, и ранняя прогулка его неудержимо клонило ко сну, но онъ не сда-

вался. Однако обрадовался, когда послѣ кофе Варвара Петровна предложила гостямъ отдохнуть передъ луннымъ вечеромъ.

Октавія отказалась отъ отдыха.

— Максимъ Андреевичъ пусть вздремнетъ... А я въ саду погуляю.

— Пойдемте со мной,—поддержала ея желаніе Варвара Петровна. — Покажу вамъ нашу новую школу... Народный театръ, читальню. А Максъ полежитъ, чтобы гулять потомъ при лунѣ съ свѣжими силами. Онъ такъ рано всталъ сегодня. Съ восходомъ солнца.

Навотный хотѣлъ было обидѣться, зачѣмъ его отправляютъ послѣ обѣда спать, точно онъ старикъ какой-то... Но полѣнился. Утомленіе и отяжелѣлость превозмогли стремленіе пободриться. Разнѣженный разлитымъ въ воздухъ деревенскимъ благодушіемъ, онъ на этотъ разъ сдался безъ возраженій.

Новый школьный домъ стоялъ на землѣ Варвары Петровны за садомъ, — кирпичный и капитальный, съ сажеными окнами. Его принесла въ даръ мѣстному крестьянскому обществу, какъ и зданіе больницы, Варвара Петровна. Въ училищѣ оказалась хорошая обстановка, большой запасъ учебныхъ пособій по послѣднимъ выводамъ школьнаго дѣла.

Заглянули въ читальню, осмотрѣли по пути помѣщеніе театра, передѣланное изъ стараго кирпичнаго амбара на границѣ села и усадьбы Варвары Петровны. Полотняный занавѣсъ съ пейзажемъ Желаннаго, суфлерская будка, недурныя декорации, реквизитъ... все—какъ въ театрѣ настоящимъ, и все—неплохое. Ходили и въ больницу, на другой конецъ села. Больница была каменная, обширная, хорошо оборудованная, съ врачомъ-хирургомъ, съ свѣтлой и высокой операционной палатой.

Осмотрѣли все и повернули обратно къ усадьбѣ по деревенской дорогѣ.

Октавія сказала:

— Какъ вы много дѣлаете для крестьянъ. Не можетъ быть, чтобы они не цѣнили и не понимали этого. Я увѣрена... васъ любятъ въ деревнѣ.

— Ну... не такъ, чтобы очень,—улыбнулась своими красивыми глазами Варвара Петровна.—Поругиваютъ порядкомъ заочно. Но ихъ пересуды не задѣваютъ меня. Облегчить ихъ долю... послужить ихъ интересамъ... это то, чему я сочувствовала смолоду. Правда, больше платонически... По-помѣщичьи, по-дворянски. Но сочувствіе мое было подлинное. И

не измѣню ему до конца. Старалась сдѣлать, что могла. Да сдѣлано-то мало. Школа, больница... это что же? Почти ничто. Ничего не создала существеннаго, серьезнаго... Ничѣмъ не пожертвовала своимъ... тѣмъ, что называемъ частицей себя. Отъ себя не урвала ничего. Все—отъ избытковъ.

— А ссылка ваша?

— Чистѣйшая случайность, замѣшали меня нечаянно. И тамъ... среди партійнаго кружка, куда попала, я оставалась случайнымъ человѣкомъ. Поплатилась лишь за знакомства. „Зачѣмъ летала съ воробьями“... Кому-то (и теперь толкомъ не знаю, кому) данъ былъ мой адресъ. Шли на мое имя письма, я ихъ передавала, не вскрывая. А письма оказались нешуточными. Ну, и потащили потомъ къ отвѣту. Мое невѣдѣніе показалось преступнымъ при допросахъ. Я была княжна, со средствами... Власти переоцѣнили мое участіе въ дѣлѣ, преувеличили мою роль. Такъ и попала въ Якутскъ. Только и всего. Но тянуло-то меня всегда въ эту сторону. Къ такимъ, какъ тѣ, съ которыми впуталась я въ бѣду.

— Интересно, какъ смотреть на вашу ссылку крестьяне?

— Безразлично. Думаютъ, что попала туда зря, по глупости. За то у меня есть одинъ противникъ, который придаетъ моей особѣ громаднѣйшее значеніе.

— Кто же онъ?

— Священникъ здѣшній, отецъ Гавріилъ. Молодой, изъ новыхъ. Тотъ — врагъ мнѣ неприкрашенный. Хотя мы съ нимъ на политикѣ. При встрѣчахъ любезничаемъ, угощаемъ комплиментами другъ друга... Но онъ видитъ во мнѣ прежде всего безбожницу. Затѣмъ—соціалистку. То, что падаютъ церковная вѣра въ народѣ... что желановцы перестаютъ ходить въ церковь, не почитаютъ духовенства... все, все приписываетъ исключительно мнѣ. Моему растлѣвающему вліянію, тайной пропагандѣ моей. И чинить всѣмъ моимъ начинаньямъ какія только можетъ козни. Да... И здѣсь у меня среди розъ... немало терній.

Барвара Петровна съ полупушливой горечью махнула рукой, замолчала, не договоривши.

На дорогѣ передъ усадьбой имъ переходила путь молодая монашенка-послушница. Въ черномъ подрысникѣ, въ запяленныхъ скрипучихъ башмакахъ, разгоряченная ходьбой, она утирала платочкомъ молодое лицо свое, жирно лоснящееся отъ испарины. Приблизилась и заговорила негромко и просительно, съ елейной монашеской доброжелательностью.

— Подайте, милосливья благодѣтельности, на постройку храма Царицы небесной, Утоли моя печали...

Барвара Петровна шла, будто не слыша. Послушница шла

также,—увѣренная, что получить на церковь. Октавіи стало неловко. Она достала изъ портмоне двугривенный и подала, чтобы отвязаться.

— Спаси Христось, барышня-благодѣтельница. Благослови тебя, Царица небесная. Утѣшь всякое горе твое, утоли печали и воздыханія.

Октавіа вздохнула отчасти пронически.

— Мое горе — неутѣшное, — не зная зачѣмъ, пошутила она.

— А о чемъ печаль твоя? О чемъ скорбишь... благостная, молодая?

— Плотскія страсти обуреваютъ,—отвѣтила ей въ тонъ Октавіа, продолжая дурачиться.

— Святой мученицѣ Ѳомандѣ надобно молиться, — пре подобно - ровнымъ голосомъ посовѣтовала послушница принявшая слова Октавіи за чистосердечное признанье. — Святая мученица Ѳоманда охраняетъ отъ страстныхъ вожделѣній плоти. А моленіе ей такое: „Боже, за молитвы мученицы Ѳоманды, помози мнѣ“. Помолившись, избавишься отъ блудной страсти.

— Да довольно,—засмѣялась Варвара Петровна, укоризненно покачивая головой на Октавію. — Идите, милая, своимъ путемъ,—предложила она монашенкѣ.

— А отъ васъ, матушка, на храмъ Царицѣ небесной не будетъ приношенія?

— Не будетъ, не будетъ. Я на монастыри не даю.

— Ваша воля, матушка... ваша воля. Спаси Царица небесная, и тебя, раба Божія... не знаю, какъ святое имя твое. И дочку твою милосливую благослови Господь и Царица небесная.

Октавіа вспыхнула до ушей отъ этой выходки.

Варвара Петровна осталась невозмутимой. Бѣгло-взвѣшивающимъ взоромъ оглядѣла свою фигуру, домашнее платье свое старушечьяго покроя, свободное, наглухо-закрытое, изъ чернаго батиста съ букетиками фіалокъ... Рядомъ съ нею Октавіа—вся въ бѣломъ ажурѣ—легко могла показаться ей младшей дочерью.

Когда послушница отошла, Варвара Петровна сказала спокойно:

— Она приняла васъ за мою дочь. И вы бы могли быть ею. Сколько вамъ?

— Двадцать восьмой, — отвѣтила Октавіа.

Въ ту минуту ей было жаль, зачѣмъ не тридцать восьмой, не сороковой...

— Ну, вотъ. Такъ и есть. Она вѣрно сказала. Насколько

вы моложе насъ съ Максимъ. Онъ на двадцать лѣтъ старѣе васъ. А я—увѣ!—и того старше. И мнѣ, и ему вы годитесь въ дочери.

Октавія не находила, что сказать.

Подходили къ саду. Спускалось къ ночлегу пунцовое солнце, постепенно голубѣли золотистыя дали. Колосья ржи казались на склонахъ недалекой горы розовыми. Въ саду блестѣлъ прудъ съ островкомъ посерединѣ. Тонко вѣтвистыя, склоненныя къ пруду ивы нижними вѣтвями своими погружались съ береговъ и съ островка въ воду. Налетѣлъ предвечерній вѣтеръ, зарябило на прудѣ. Надъ измѣнчивой водной гладью задрожали бѣлыя чаши водяныхъ лилій. Закачались ихъ крупныя бутоны, матово-зеленныя съ бѣлыми прорѣзами. Задѣлъ вѣтеръ и блестяще-плотныя листья лилій, захлопалъ ими по водѣ, потомъ утихъ—также внезапно, какъ зашумѣлъ.

Варвара Петровна сѣла вблизи пруда на скамейку.

— Отдохну. Устала немножко.

— Вы здоровы-ли?—спросила участливо Октавія, садясь подлѣ нея.—Я, какъ увидѣла васъ вчера... показалось, будто несомнѣно. Смотрите хуже, чѣмъ весной. Поблѣднѣли.

Варвара Петровна апатично двинула рукой.

— Сердце у меня. Старая исторія. Теперь маленькое обостреніе. На почвѣ малокровія, говорятъ. Да это—мало интересно. Расскажите лучше вы. О себѣ, о... Максимѣ. Не остерегайтесь. Право, я рада, что Максѣ хорошо съ вами.

— Хорошо ли?—усумнилась Октавія.

Варвара Петровна встрепетнулась.

— А развѣ нѣтъ? Вы находите, что онъ не... не вполне счастливъ?

— Объ этомъ у него спросите.

— А вы? Вы... съ нимъ счастливы?

— Ннн... не могу рѣшить... такъ сразу.

Варвара Петровна уже угадывала, что у Макса съ Октавіей далеко не та блаженно-любовная пастораль, какую ревниво рисовала передъ собой Варвара Петровна, думая объ ихъ городской жизни.

Это радовало ее. Радовало очень, хотя стыдно было признаться и себѣ самой въ своемъ злорадствѣ. Оттого, что „у нихъ“ повидимому не все обстояло великолѣпно, что ихъ жизнь тоже была омрачена какой-то тоской и болью, Варвара Петровна испытывала трепетное удовольствіе, близкое къ ощущенію счастья. Точно ей неожиданно подарили что-то радостно-желанное, безъ чего трудно жить далѣе. Стыдно было за себя, но радость выросла. Разгоралось напряженно-любопытное желаніе узнать „все“ до глубины глубинъ.

Допытаться, выспросить, расслѣдовать, освѣтить ихъ жизнь до послѣдней мелочи... И Варвара Петровна — всегда прямая, неліцемерная, — теперь лукавила съ политической осторожностью.

— Простите, — по-старчески незлобиво говорила она. — Но изъ вашихъ словъ можно вывести... будто между вами и Максимомъ стоитъ что-то... васъ раздѣляющее?

— Вы угадали.

— И не секретъ, что это?

— Отъ васъ не секретъ. Разные мы съ нимъ люди. Слишкомъ несходные. Намъ трудно вмѣстѣ. А еще эта ревность Максима Андреевича...

— Ревность? Максъ — ревнуетъ? У него — ревность? Можетъ ли быть? И къ кому же?

— Ни къ кому. Безпредметно. Къ моему покойному мужу. Къ Борцу, котораго онъ ни съ того, ни съ сего убралъ изъ города. Къ... да ко всему и ко всѣмъ. Ревность вообще. Онъ самъ изобрѣтаетъ для нея поводы.

— Ужъ очень крѣпко любитъ онъ васъ, — едва выговорила въ волненіи Варвара Петровна.

Октавія пожала плечами.

— Не понимаю я такихъ выражений любви.

Колючая боль зависти, возмущенной обиды за себя разѣдающе-больно ущемляла Варвару Петровну. Тяжко было видѣть, какъ Максъ, — ея Максъ, — бросалъ подъ ноги другой женщинѣ то, чего во всю жизнь не удавалось достигнуть Варварѣ Петровнѣ...

— „Ее ревнуетъ... а меня — никогда“...

Утренняя сцена въ гостиной у зеркала предстала передъ Варварой Петровной въ новомъ освѣщеніи. Было завидно, завидно до боли. Но она глубоко прятала это. Глядѣла невозмутимо, разговоръ вела спокойно и дружески.

Октавія говорила о Навотномъ.

— Мнѣ кажется, у него — прескверный характеръ. Съ нимъ тяжело... тяжело.

Варвара Петровна ея не понимала.

— Да почему же? — нерѣшительно спросила она.

Октавія пояснила откровенно и просто.

— Онъ поглощаетъ меня всю. И все-таки недоволенъ. Хочетъ уничтожить мое я. Отодвинуть отъ жизни. Сохранить лишь для себя, въ безлюдномъ пространствѣ.

— Но это и есть любовь, — вздохнула Варвара Петровна.

— Если такъ, отъ нея не весело. И мнѣ тоскливо съ Максимомъ Андреевичемъ. Пусто какъ-то, уныло. Будто опустѣла моя жизнь съ тѣхъ поръ, какъ мы вмѣстѣ. И все-то мы съ нимъ ссоримся. Никто изъ насъ не хочетъ подчиниться

другому. Эта постоянная, бессмысленная борьба наша... нельзя и рассказать, изъ-за чего она возникает. Но отъ нея...

— Знаю, знаю... она не у васъ однихъ. Она всѣмъ знакома. Каждый жестоко борется за подчиненіе другого. Но это не исключаетъ любви.

— Тогда не хочу я любви совсѣмъ... если съ нею связано столько мученья.

— О томъ надо было думать раньше, хотите или нѣтъ.

— Я не подумала и виновата. Преступно виновата. Передъ вами особенно. Разрушила вашъ домъ... семью вашу.

— Призракъ семьи. Меня Максъ, все равно, не любилъ. Вы если виноваты, то передъ Максимомъ. Не передо мною.

— И передъ нимъ... Какъ подумаю... Господи... что я натворила. Завязала такой узелъ, а теперь завидую женщинамъ, которыя живутъ чѣмъ-то другимъ... не любовью. Политикой... профессіей... успѣхами своими. Или стремленьемъ ко всему этому. На любовь же смотреть по-мужски: какъ на эпизодическое, случайное. Онѣ—свободныя, сильныя... увѣрены въ себя, въ правоту своей... И имъ легко... легче, чѣмъ намъ... радостнѣй.

— Вы хотѣли бы жить, какъ онѣ?

— Страстно. Но я... не умѣю. Я—прежняя, старинная. Какъ-то теряюсь... не нахожу себя безъ мужчины. Нѣтъ, не умѣю.

— А есть такія, которыя умѣютъ?

— Должны быть.

— Можетъ быть, еще будутъ. А пока... ихъ пришлось бы выдумывать.

— Постойте... Не то. Я неправильно сказала: должны быть. Онѣ—есть. Есть, есть... Я слышала... Знаю даже нѣсколько именъ.

— Полагаете, онѣ счастливы?

— Убѣждена. А вы... не вѣрите?

— Не вѣрю.

— Да что мнѣ—другія. Я для себя не хочу затяжныхъ мукъ... такого хроническаго терзанья.

— Тогда не привязывайтесь. Ни къ кому и ни къ чему. Единственное условіе покоя. Не допускайте себя до привязанностей... какихъ бы то ни было.

— Будетъ скучно.

— Выбирайте одно изъ двухъ: или скучно, или больно.

— Но развѣ нѣтъ чувствъ между мужчиной и женщиной,—яркихъ, хорошихъ, несущихъ только радости?

— Можетъ, и есть... Я не встрѣчала. Мой выводъ такой: это засасываетъ, какъ тряпина. Вы видѣли тряпину когда-нибудь?

— Нѣтъ.

— А я видѣла. И много. На большихъ пространствахъ. Давно еще. Во дни нашей юности. Максимъ Андреевичъ работалъ тогда на практикѣ. При проведеніи линіи на Полѣсьи, среди трясиныстыхъ болотъ. Зыбуны или дрягвы ихъ тамъ называютъ. Отъ слова: дрожать. Зовутъ еще и чарусами. На стоячую воду наносится, какъ корка, тонкій-тонкій слой земли. Онъ зарастаетъ болотной растительностью. Но сплетеніе корешковъ и земли дрожить надъ бездонной глубиной. Посмотришь издали, такъ привлекательно. Зеленъ яркая, манящая. Незабудки спѣютъ крупнѣйшія. Еще бы... пьютъ прямо корнями подъ землей воду. Тянетъ ступить, влечетъ на такую полянку. А ступишь, и пропало. Ловушка... Засосало въ пропасть.

— Но я не хочу... — начала съ возмущеньемъ Октавія и не успѣла докончить.

У пруда появился встревоженный Навотный.

— А, вотъ вы гдѣ! — нервно заговорилъ онъ, подозрительно вглядываясь въ Октавію. — А я бѣгаю, ищу, гдѣ вы спрятались? Секретничаете наединѣ? Можно узнать о чемъ? Или отъ меня—тайна?

Его припухшіе отъ сна глаза поблескивали раздраженьемъ. Онъ былъ увѣренъ, что говорили о немъ, и говорили предательски. Нервничалъ, но старался скрыть отъ обѣихъ женщинъ свои подозрѣнья, нервическое безпокойство, злостную досаду...

— О чемъ намъ секретничать? — возразила Октавія равнодушно.

А Варвара Петровна насильственно пошутила, пораженная непривычнымъ для нея, подозрительно-растеряннымъ видомъ Навотнаго:

— О тебѣ, Максъ. Конечно. О чемъ же намъ больше?

Его передернуло. Но попробовалъ отшутиться и онъ. Сказалъ съ прорывающей въ голосъ досадой.

— Охъ, батюшки. Двѣ женщины противъ меня одного... да я погибъ. Извиняюсь за мое появленіе. Вамъ, разумѣется, вдвоемъ... было интереснѣе... изливаться. Но я за Октавіей Владиміровной. Зашло солнце. Ей... вредно на сырости... у самого пруда, подъ вечеръ.

Замолчали.

Въ воздухѣ было недвижимо-тихо. Спускалась лѣниво теплая ночь, нехотя прощаясь съ вечерней зарею.

Поднявшись послѣ ужина въ мезонинъ, Октавія вышла на балкончикъ. Уже разгорѣлись, мерцающія, звѣзды. Выплывала призадумавшаяся полная луна, освѣщая нѣмое небо.

— Хорошо бы теперь въ поле, — со вздохомъ, какъ о невозможномъ, сказала Октавія.

— Хочешь? Пойдемъ? — быстро и охотно предложилъ ей, стоя у балконной двери, Навотный. Послѣ дневного отдыха онъ не испытывалъ желанія спать, а ей было радъ доставить пріятное. Да и хотѣлось ему доказать, что для прогулокъ Октавіи не надо никакихъ иныхъ, кромѣ него, спутниковъ.

Въ полѣ было хорошо, но прогулка оказалась отравленной. Навотный не воздержался и еще въ паркѣ сталъ придирчиво и злобно допытываться, о чемъ говорила Октавія съ Варварой Петровной. Октавію это вывело изъ себя. Разыгралась нелѣпо-тяжелая сцена. Опять Навотный поминалъ и Борца, и Нещадима... Оба наговорили одинъ другому ѣдкихъ, никогда забываемыхъ вполнѣ колкостей. Потомъ, — уже въ полѣ, — послѣдовало внезапное, какъ и ссора, примиренье. Но осадокъ отъ ссоры оставался въ душѣ у cadaго и какъ-то не о чемъ было говорить послѣ примиренія.

Долго шли молчаливо глухой проселочной дорогой среди созрѣвающихъ хлѣбныхъ посѣвовъ. Трещали коростели, неслохъ изъ густыхъ хлѣбровъ: — „Спать пора!“ — перепелиное напоминанье. При яркомъ лунномъ освѣщеніи деревья сохраняли свой зеленый цвѣтъ, слегка потемнѣвшій. Поля, пригорки, бѣлыя хаты по холмамъ, далекіе тополи и мельницы выступали, какъ днемъ, не прикрываемые темнотой ночи.

Когда возвратились домой, въ окнахъ зала у Варвары Петровны горѣлъ свѣтъ. За спущенными бѣлыми шторами мелькали фигуры.

— Не захворала ли она? — предположила Октавія съ испугомъ.

— Припадокъ, должно быть, — отвѣтилъ Навотный безпечно.

Октавія остановилась, прислушиваясь. Было тихо, раздавался въ тишинѣ только ночной нерѣшительный шорохъ листьевъ въ аллеѣ. На полянѣ передъ домомъ пахло влажными розами, наркотически-сладкимъ бѣлымъ табакомъ. Въ зеленоватомъ ночномъ свѣтѣ загадочно бѣлѣли пятилистныя звѣздочки раскрывшагося табака. И еще ароматно напоминалъ о себѣ другой цвѣтокъ ночи, непримѣтный дикій левкой. Онъ разливалъ вокругъ дома пріятный и сильный, похожій на ванильный запахъ.

— Пойдемъ спать? Что жъ мы стали? — зѣвая, сказалъ Навотный.

Молчаливо поднимались они по лѣсенкѣ мезонина, опасаясь произвести шумъ. Походили на школьниковъ, вернув-

шихся съ прогулки въ неурочное время, и тотчасъ уснули, утомленные.

А Варвара Петровна еще не спала. Былъ припадокъ сердца, но непродолжительный и легкій. Хлопотали подлѣ нея Нелли и Няка. Мѣняли компрессы къ сердцу, давали глотать лекарства. Говорила упрямо Няка, — возмущенная и злая.

— Не по силамъ крестъ возлагашь на себя, Варвара Петровна. Сверхъ силы. Зачѣмъ ихъ выписала сюда? На что тебѣ они, — безстыжіе? Только рану свою раздираешь глубже.

— Оставь, Няка. Пустяки говоришь. Никакой раны давно нѣтъ. Время все затянуло. А еслибы и была... видѣть вблизи легче, чѣмъ... воображать издали.

— Не говори ты мнѣ, Варвара Петровна. Что я — дита малое? Ничего понять не могу, по-твоему? Не по силѣ крестъ на себя берешь... Сломисься. И что они за безпардонные! — глаза мои не глядѣли бы. Она-то что?.. которая шляющая... Потерянная женщина — потерянная и есть. Съ нея — чего возьмешь, у нея ни стыда, ни сраму. Но онъ-то, онъ-то! Что за безстыжіе глаза его? Притащился самъ и потаскушку свою къ женѣ законной въ гости привезъ. На-те вамъ. Гляньте, кака хороша. Шибиницы — висѣлицы на него мало. Такого мало повѣсить. Шкуру драть и тѣло солить. И то мало. Привезъ свою.

— Слышишь? — перестань, Няка. Я сама звала ихъ. Сама упростила.

— Мало что сама. Хоть и сама, а... надо же совѣсть имѣть. Понимать надо. Ты звала отъ боли своей. Съ горя. А они — на тебѣ... и притащились. И чего нашель въ ней, въ своей фуфырѣ? Вся — какъ сонная. Мало красивая даже.

— Да ты же спрятанная сидишь, и не видѣла ея, Няка.

— Какъ не видѣла, Варвара Петровна? Очень даже отлично. Вы какъ обѣдаете или чай пьете, я за голубыми елочками все время. Она — прямо противъ елокъ сидить. Вся на виду. Ничего нѣтъ хорошаго. Глаза — какъ у китайца. Подъ глазами синяки... и видно, что гуляющая. Дрянная, какъ есть, баба.

Вмѣшалась Нелли — тоже противъ Октавіи.

— Онъ ея уже терпѣть не можетъ. Какъ раздражается на нее, какъ кричитъ! Я съ вечера въ саду слышала. Пошли въ поле и ругались все время. Онъ рѣзко, грубо съ нею. Злится, злится, шипитъ, какъ змѣй. Послѣ — какъ заскрежещетъ зубами. Ей-богу. И на нее. Навѣрно жалѣетъ, ошелся. И радъ бы назадъ, да поздно.

— Понимаете вы много, — сердито осадила Нелли Варвара Петровна. — Не разсуждали бы о томъ, чего не знаете.

— Но еслибъ вы послушали, какъ онъ говоритъ съ нею.
 — Ну, и говоритъ... что жъ изъ того? А любить.
 — Уже не любить. Разлюбилъ уже.
 — Любить, говорю. И черезчуръ. Сверхъ силы. Ему, а не мнѣ тяжела непосильная поща. Первая женщина, которую любить. И послѣдняя. Не поручусь, что не сгоритъ онъ на огнѣ этомъ. Тиранить, и тутъ же любить. Какъ заглядываетъ въ глаза... Расцвѣтаетъ отъ ея улыбки. А разлюбить? Не разлюбить онъ ея до смерти. Мучить и самъ мучится.

— Ему подѣломъ. Носилъ волкъ, понесли и волка.

— А ее вамъ жалъ, Нелли?

— Вотъ тоже. Такую-то? А ни чуточки. Для нея и то, что есть, хорошо не въ мѣру. Но вы?.. Неужто жалѣете ее... что покричить онъ?

— Не жалѣю и я. Должно быть, потому, что ея горести были бы для... другой—сча стьемъ.

XIII.

Десять дней пробѣжали непримѣтно для Октавіи въ Желанномъ.

За это время оживилась, поздоровѣла Варвара Петровна. И Навотный не то повеселѣлъ, не то находилъ нужнымъ имитировать свои прежнія школьническія дурачества. Разыгрался въ шумливомъ шутовствѣ, дурачился, вертѣлся, изводилъ Нелли... Поддразнивалъ ее громогласными признаньями въ любви. И пѣлъ, обращаясь къ ней съ безнадежной страстностью:

Нелли, вы со мной шутили...
 Богъ проститъ вамъ: вы—дѣтя.
 Но вы жизнь мнѣ отравили,
 Сердце вырвали, шутя.

Дразнилъ обезьянку Догора, отнимая игрушки и лакомства. Дрессировалъ Догора и водилъ по барьеру веранды, рекомендуя зрителямъ. А самъ изображалъ иностранца, импрессарио кочующаго звѣринца. И повторялъ на ломаномъ языкѣ торжественно и гордо:

— Догоръ. Мартышка съ Гибралтару. Кавалеръ еще.

Или трунилъ надъ наружностью обидчивой Нелли. Увѣрялъ, что у нея — одно лишь измѣреніе, въ длину. А то забавно воспроизводилъ, какъ она умоляетъ Варвару Петровну пить „во имя Бога“ сухую землянику. Какъ грозить впасть въ „припадокъ рыданія и бѣнія сердца“, если отваръ земляники не будетъ выпить. Конировалъ голосокъ и кисло-

сладкія минки Нелли такъ забавно, что не хватало силъ воздержаться отъ смѣха...

Онъ будто позабылъ о Нещадимѣ, о своихъ городскихъ тревоженіяхъ, толкавшихъ его на ссоры съ Октавіей. Только постоянно отдалялъ Октавію отъ Варвары Петровны, ревниво не давалъ имъ оставаться вмѣстѣ. Рано вставалъ, купался въ рѣкѣ и уходилъ, тренируя себя, на далекія прогулки. А возвращался непременно къ девяти часамъ, чтобы поспѣть, пока еще не встала Октавія. Пилъ съ нею чай и послѣ не покидалъ ее одну до ночи. Отказывался отъ послѣобѣденнаго сна и вечернее свое купанье подгонялъ къ тому же времени, когда купалась и Октавія. Съ Варварой Петровной они проводили много часовъ, но обязательно оба.

Октавія видѣла, что Навотный не допускаетъ ее поговорить наединѣ съ Варварой Петровной, и подчинялась этому. Жаркими днями она охотно уходила одна въ поле и тутъ ей было хорошо.

На границѣ сада, гдѣ пахло низкорослой, прижаренной солнцемъ лебедой, кружились разноцвѣтныя стрекозы въ разросшемся сплошномъ клеверѣ на полянѣ. Голубыя, красныя, желто-оранжевыя, коричневыя, синія... Съ прозрачно-хрупкими, будто изъ слюды крылышками... Онѣ порхали, сверкая, какъ движущіеся цвѣты. Октавіи нравилось слѣдить глазами ихъ хороводы, не хотѣлось уходить отсюда. За садомъ, по краямъ оврага цвѣла полынъ мелкими желтыми шариками, напоминающими цвѣты мимозы. Дальше за пыльной дорогой начинались хлѣбныя поля. Рожь стояла выше роста человѣка. Тянуло идти безъ отдыха ржаной дорожкой, углубляясь въ поле. Покалывали и били въ лицо жесткіе, полусклоненные колосыя. Рябило въ глазахъ отъ ихъ тяжеловѣснхъ покачиваній, пахло созрѣвающими хлѣбами и недалекимъ боромъ, свѣта и воздуха было такъ много, что даже утомляло. Все казалось восхитительнымъ подъ горячимъ солнцемъ и Октавія старалась не вспоминать о возвращеніи въ городъ.

„Мнѣ здѣсь лучше, чѣмъ дома, — говорила она себѣ и удивлялась. — Какъ странно. Я хотѣла бы пожить тутъ подольше“.

Но Навотный торопился въ управленіе и пожить подольше нельзя было.

Уѣхали въ городъ. А въ городъ опять пошло прежнее. Тѣ же сцены съ антрактами въ видѣ нѣжныхъ примиреній. Тотъ же барскій, чуждый Октавіи домъ. Нагроможденіе стильныхъ вещей, неудобныхъ и тоже чуждыхъ, среди которыхъ Октавія ходила съ оглядкой, боясь разбить что-нибудь или испортить.

Не оглянувшись, какъ начала подкрадываться осень. Желтели листья на деревьяхъ, блѣднѣла рѣка подъ тусклымъ небомъ.

Октавія беспокоилась, волновалась. Еще боялась сказать о причинахъ беспокойства Навотному, продолжала сомнѣваться, повторяла себѣ, что ошибается. Подозрѣнія не хотѣли разсѣяться, они выросли, переходили въ увѣренность. У Октавіи не было опыта, но и ея познаній оказывалось достаточно, чтобы угадать истину. Она будетъ матерью... Кажется, несомнѣнно. Не говоря ничего Навотному, побывала у женскаго врача, самаго авторитетнаго. Тотъ подтвердилъ съ первыхъ словъ догадку. Поставилъ свое опредѣленіе твердо, увѣренно, даже небрежно, какъ о состояніи организма, при которомъ не стоило добиваться очереди на приемъ у столь занятого врача... Сомнѣнія исчезли невозвратно.

Октавія встрѣтила новое положеніе пугливо. Болѣе того, она была недовольна. Знала напередъ, что, когда появится то—будущее существо,—она станетъ любить его безмѣрно. Но пока къ нему не было никакихъ чувствъ. Смутно давали знать себя лишь предчувствія надвигающейся привязанности. Желанія сдѣлаться матерью Октавія не испытывала ни теперь, ни раньше. И не радовалась. Думала не безъ страха о физической боли при родахъ, и еще больше пугалась, вспоминая, что ребенокъ прикрѣпить ее навсегда къ Навотному. Навсегда, до конца ея жизни. Это представлялось нежелательнымъ, страшнымъ. Она поймала себя на такой мысли и смутилась.

„Что же это? Или я не люблю его?“

Любить—какъ будто любила, а ребенка отъ него не хотѣла. И думала, что если уже суждено ей имѣть дѣтей, то лучше бы отъ Нещадима. Тотъ былъ хоть здоровый человекъ,—жизнерадостный, молодой, нормальный. А этотъ,—съ его ревнивыми бредовыми фантазіями,—уже износившійся, издерганный, съ плохими нервами, не то психопатъ, не то на границѣ психопатства стоящій. Съ Навотнымъ Октавія бывало скучно, но ей нравилось сознаніе, что отъ Навотнаго можно уйти въ любой мигъ, когда пожелаешь, что въ отношеніяхъ съ нимъ нѣтъ ничего, прочно приковывающаго... И вотъ — появленіе ребенка? Думы о немъ нагоняли пугливость, не давали покоя. Ребенокъ не пуститъ, прикуетъ, заставитъ все терпѣть и прощать, со всѣмъ мириться.

Октавія томилась, страдая отъ страха и недовольства.

Совсѣмъ иначе отнесся къ неожиданной семейной новости Навотный. Онъ не повѣрилъ въ первый моментъ, потомъ пресіялъ, переполненный радостью. Обрадовался до того, что

заплакалъ. И первая фраза, какая вырвалась у него, когда миновалъ приливъ острой и умиленной растроганности, были торжествующія слова:

— Видишь? А съ Нещадимомъ у тебя не было дѣтей!

Ребенокъ... Онъ вызывалъ въ Навотномъ растроганно-умиленную нѣжность, испытываемую пожилыми людьми къ своимъ нарождающимся дѣтямъ. Въ то же время ребенокъ являлся какъ бы привилегіей передъ Нещадимомъ, сравнений съ которымъ Навотный такъ боялся. Радостная вѣсть переродила Навотнаго. Онъ нашелъ самого себя, сразу сталъ прежній, увѣренный въ себѣ, обрѣлъ былую снисходительность и авторитетность тона. Превратился въ того Навотнаго, какимъ былъ до совместной жизни съ Октавіей. Почувствовалъ себя главой семьи, принялъ опекуны-попечительный видъ болѣе сильнаго существа, взявшаго подъ свою защиту и на свое попеченіе кого-то любимаго, но болѣе слабого, нуждающагося въ защитѣ.

Горделиво и заботливо обсуждалъ онъ судьбу и юридическое положеніе будущаго ребенка. Говорилъ, что усыновить дитя, какъ только оно родится. Развода просить не будетъ. Пошадить до конца, не нанесетъ Варварѣ Петровнѣ этого удара. Но, можетъ быть, Варвара Петровна сама теперь предложить разводъ?

— Напишу ей. Сегодня же, — сказалъ Навотный рѣшительно и радостно.

— Зачѣмъ? — остановила его Октавія. — Не думаешь ли порадовать ее?

Онъ вспыхнулъ, разсердившись.

— Какъ зачѣмъ? Разъ у меня ребенокъ, это обязываетъ и ее...

— Ее? Къ чему же?

— А къ тому, что обязываетъ. Я отдалъ ей мою молодость, свободу...

— А она тебѣ — то же самое.

— Нѣтъ, не то же. Далеко не то. У нея была сильная воля и она поработила меня. Придерживала противъ моего желанія. Деспотически оставляла при себѣ, не давала отойти отъ ея дома. Она заѣла мой вѣкъ. Выпила молодость, энергію. Ея эгоизмъ мѣшалъ мнѣ жить по-людски... толкалъ на излишества, безпутства. Неужели она теперь не подумаетъ о моемъ ребенкѣ? Не позаботится о немъ... не обезпечить?

— Но съ какой стати? Это значило бы облагодѣтельствовать или обезпечить прежде всего *меня*, съ *моимъ* ребенкомъ. И было бы совсѣмъ такъ, какъ я слышала отъ Дембо. Въ анекдотѣ. Диктуется завѣщаніе умирающій. Столько-то на церкви... Столько-то богадѣльнямъ... А пятнадцать

тысячъ въ пользу несчастнаго, который женится на моей вдовѣ.

— Мило очень. И сколь милы дамы, въ присутствіи которыхъ Дембо позволяетъ себѣ рассказывать анекдоты.

— Да здѣсь же ничего сквернаго?

— Не доставало еще „сквернаго“. Ахъ, да оставь! Не до того сейчасъ. О другомъ надо думать. Какъ жалѣю я, что былъ обезпеченъ, живя съ нею, съ Варварой Петровной. Не заботился о карьерѣ, не дѣлалъ ея. А могъ бы. Товарищи-инженеры,—совсѣмъ бездарные,—и тѣ обогнали меня. Какъ успѣли выдвинуться... а я—сидѣлъ. Мѣшала лѣнь, легкомысліе мое. И не надо было. А какъ бы пригодилось теперь. Но Варвара Петровна о моемъ ребенкѣ обязана подумать. Пусть измѣнитъ духовное завѣщаніе. Кстати, оно—нелѣпое. Взять и все завѣщать мужикамъ? Съ какой радости? Эти ея народническіе порывы излишни отнынѣ. У нея есть о комъ позаботиться. Пишу ей. Сейчасъ же.

— Жестоко.

— Иногда приходится быть жестокимъ. Нельзя иначе.

Онъ написалъ Варварѣ Петровнѣ.

Прошло три недѣли, изъ Желаннаго не было отвѣта. Навотный нервно встрѣчалъ каждую подачу писемъ и сердито разочаровывался. Письма подавались разныя, а то, котораго ждалъ онъ, отсутствовало.

— „Оскорбилась,—думалъ онъ о Варварѣ Петровнѣ.—Но за что? Какъ глупо“.

Съ Октавіей былъ онъ кротокъ и мягокъ, относился къ ней бережно, почти благоговѣйно.

Началъ готовиться къ поѣздкѣ въ Петербургъ, на съѣздъ высшихъ желѣзнодорожныхъ инженеровъ. Ни за что не соглашался ѣхать безъ Октавіи, хотѣлъ и ее взять съ собою. Октавія отговаривалась боязнью за свое здоровье, нежеланьемъ утомлять себя въ путешествіи.

Онъ обидчиво заговорилъ въ прежнемъ, недавно покинутомъ тонѣ.

— А! Отдохнуть отъ меня хочешь? Рада побыть одна? Съ своими воспоминаньями?

Октавія испугалась сценъ, изъявила согласіе ѣхать. Наканунѣ отъѣзда получили телеграмму отъ Нелли.

Нелли сообщала: „Варварѣ Петровнѣ очень худо. Появились признаки водянки. Хочетъ видѣть васъ. Если можете, пріѣзжайте. Сурова“.

Телеграмма напугала Навотнаго. Взволновалась и Октавія.

— Я останусь,—сказала она.—Поѣду къ ней съ первымъ поѣздомъ. А ты потомъ..., какъ освободишься, прямо туда пріѣдешь.

Навотный не возражалъ, соглашался.

— Поѣзжай... что же дѣлать? Неловко не пріѣхать на такую телеграмму. Я отбуду лишь первыя засѣданія. Тѣ, на которыхъ нельзя не присутствовать. И примчусь на дняхъ. Непремѣнно.

Вечеромъ онъ провожалъ Октавію въ Желанное. Суежливо усаживалъ въ купе, отдавалъ распоряженія поѣзднымъ служащимъ. Поручалъ оберегать, заботиться объ удобствахъ. Послѣ второго звонка, еще оставаясь въ купе, Навотный сказалъ Октавіи:

— Ты тамъ... какъ-нибудь... при случаѣ... наведи разговоръ на мое письмо. И на ея духовное завѣщаніе... если она сама не заговоритъ про нихъ. Сдѣлано ли что-нибудь? Слѣдовало бы поспѣшить... кто знаетъ, что можетъ случиться.

— Ахъ, уволь пожалуйста!—вспылила неожиданно для него Октавія.—Ничего „наводить“ не стану. Ни слова не скажу. Я и тогда была противъ твоего письма. Находила его непозволительнымъ. Думать ей о твоёмъ ребенкѣ? Съ какой стати? Безтактно было писать... безсовѣстно. И какъ ты не понимаешь, я положительно отказываюсь постигнуть. Моральное хулиганство! Духовная притупленность какая-то.

— Ну, не надо, не надо... если не хочешь, — испуганно и уступчиво замахалъ руками Навотный. — Не сердись. Не раздражайся. Тебѣ вредно.

Билъ тремя ударами третій звонокъ, а поѣздъ не двигался. Не уѣзжавшій начальникъ пути еще оставался въ вагонѣ.

Навотный наскоро цѣловалъ Октавію.

— Помни же. Прежде всего беречь себя. Не волноваться. Тяжелыя впечатлѣнія тебѣ вредны. Смотри на міръ благо-разумнѣй. Въ жизни все быстротечно, все тлѣно, прахъ, мгновенье. Здоровые старятся, больные умираютъ. Не принимай ничего близко къ сердцу.

— Хорошо, хорошо. Выходи уже. Поторопись. Видишь, тебя ждутъ.

Едва онъ ступилъ на перронъ, поѣздъ двинулся.

Былъ одинъ изъ безсолнечныхъ осеннихъ дней, когда въ охлажденномъ воздухѣ пахнетъ дымомъ и горланять тревожно съ утра до ночи пѣтухи, опасаясь дождя. Боръ шумѣлъ вокругъ станціи Зыряно угрожающе и глухо, страшая близкой непогодой. Съ сосенъ летѣли густыми тучами увядшія рыжія иглы, устилали подсохшіе папоротники и лѣсную дорогу.

Октавія не предупреждала о своемъ пріѣздѣ. Экипажъ на станціи попался рессорный, но неважный, — неудобная

бриченка,—ѣхали не быстро. Дулъ вѣтеръ. Въ опустѣломъ, теперь безкрасочномъ полѣ было холодновато. Уже зеленѣли озими и это одно оживляло унылый видъ. Дорога казалась вдвое длиннѣе, чѣмъ въ лѣтнюю жару, все было не то, что тогда. Клубились на небѣ развѣтвленные тучи, надвигаясь съ запада. Будто дымъ исходилъ отъ нихъ и разстился по небу, особенно отъ тѣхъ, что плыли одиноко, отрываясь отъ остальной темной массы. Жесткій шелестъ остролистаго камыша выдавалъ на лугу присутствіе болотъ, непримѣтныхъ лѣтомъ. Вода въ рѣчкѣ Хрустальной пожелтѣла, стала мутнѣе. Но мѣстами, гдѣ убыстрялось теченіе, она сохраняла такую прозрачность, что сверху изъ экипажа видно было песчаное дно, подернутое зеленымъ иломъ.

И Желанное выглянуло изъ ложбины, принасупившееся, сѣренькое, повитое припадающимъ къ землѣ дымомъ. Садъ Варвары Петровны стоялъ расцвѣченный осенью, весь въ яркихъ, вкрапленныхъ въ зелень пятнахъ, темно-желтыхъ, винно-красныхъ, свѣтло-палевыхъ. А домъ—точно риникъ къ землѣ со своими тополями и дорійскими колоннами и тоже о чемъ-то загрустилъ, скорбно призадумался. Желтѣли липы въ аллеѣ, ведущей отъ воротъ. Въ густозеленыхъ тополяхъ вокругъ дома еще мало, но выдѣлялись золотисто-увядающіе листья.

Октавія остерегалась взволновать Варвару Петровну неожиданностью приѣзда. Велѣла извозчику свернуть отъ воротъ вправо, чтобы подъѣхать съ чернаго двора. Оттуда прошла садомъ къ дому. И на площадкѣ у большой веранды наткнулась на дремлющую Варвару Петровну. Остановилась въ испугѣ, затанувъ дыханіе, съ ощущеніемъ виноватости и боли. Расширенными глазами глядѣла на больную. Та сидѣла въ креслѣ на колесахъ съ непокрытой свѣсившейся бѣлой головой, укутанная въ драповую накидку. Ноги ея укрывало плотно-обернутое плюшевое одѣяло и сверху еще наброшенъ былъ на нихъ теплый пледъ.

Варвара Петровна оставалась недвижимой съ склоненной головой, словно прислушивалась къ чему-то далекому, что уже слышится ей, а еще не долетаетъ до другихъ. Лицо ея, сильно-отеченное, измѣнилось почти неузнаваемо. Но странно, изуродованное отеками, оно какъ бы помолодѣло. Не было морщинъ, что-то дѣтски-кроткое, наивное и терпѣливо-безпомощное проступило въ немъ, уничтоживъ прежнее энергически-властное выраженіе. Сложенныя на колѣняхъ руки утратили недавнія изящныя формы. Стали вздуто-мягкія, изжелта-налитыя, мертвенныя... Послѣдшіе до бѣлоснѣжности короткіе волосы поддерживались на поникшей головѣ круглыми гребенками, какъ у дѣтей.

Октавія застыла, глядя на нее. Простояла бы такъ долго, еслибъ не появилась Нелли.

— Вы?—испуганно и не здороваясь, произнесла Нелли.— Какъ вы попали сюда?

— Приѣхала,—едва внятно отвѣтила Октавія.

Варвара Петровна слышала голоса. Вышла изъ полудремотнаго состоянія, съ усиліемъ повернула вспухшую голову и улыбнулась радостно отечными губами. Улыбнулись слабо и глаза ея, — узенькіе, щелеподобныя, заплывшіе, — столь непохожіе на прежніе, на тѣ, что заставляли вспоминать о звѣздахъ на тускломъ небѣ. Она улыбалась всѣмъ распухшимъ лицомъ своимъ, пыталась выразить радость движеніями вздувагагося тѣла...

— Приѣхали!? А... Максъ? Гдѣ же Максъ? Его нѣтъ? Не будетъ?

Произносила слова съ затрудненіемъ, точно выдавливая ихъ изъ себя. Октавія поспѣшила ей отвѣтить.

— Онъ будетъ черезъ нѣсколько дней. Сейчасъ въ Петербургѣ. На совѣщаніи. Нельзя было не поѣхать. Но поспѣшить... какъ только возможно.

Разочарованно и огорченно двинула отяжелѣлой головой Варвара Петровна.

— Не дождусь, пожалуй,—выговорила она съ замедленностью и будто съ упрекомъ.

Послѣ заставила себя поднять голову, сдѣлала попытку глянуть на Октавію привѣтливо.

— Но приѣхали вы? Какъ это... мило. Я рада. Здравствуйте, родная. И поздравляю васъ. Я знаю. Получила отъ Макса письмо. Какъ хорошо, что у васъ съ нимъ... ребеночъ. Отъ всей души поздравляю и... радуюсь за васъ.. обоихъ.

Октавія наклонилась поцѣловать ее.

— Не надо, не надо,—протестующе остановила Октавію Варвара Петровна. — Это противно. Вѣдь я — трупъ. Уже трупъ. Вамъ не слѣдовало бы и глядѣть на меня.

— О, что вы говорите! — возмутилась потрясенная Октавія.—Вы еще...

— Поправлюсь? Нѣ—ѣтъ.. куда ужъ. Я—трупъ. Руки еще мои, а погъ уже нѣтъ. Мертвыя. Какъ колоды онѣ у меня.

Она разговорилась и произносила фразы свободнѣе, чѣмъ въ первый моментъ, но все же съ затрудненіемъ. Помолчала, отдохнула и добавила:

— Хотѣла бы Макса повидать. Проститься. Ну, все равно... спасибо, что вы поспѣшили. Невесело это... глядѣть на боль-

ныхъ въ такія минуты. Скорѣй бы уже. Измучилась... зову сама: гдѣ же смерть? Приди за мною. Такъ трудно... переносить.

— Вамъ очень больно? Что болитъ у васъ?

— Все. Болитъ все, родная. Запустила я. Не хотѣлось возиться съ леченіемъ. Знаю вѣдь, ни къ чему оно... И не звала врача долго. Изъ ногъ — какъ пошла вода, докторъ антонова огня опасался... Водянка въ разгарѣ. Животъ вспухъ, почки не работаютъ, и легкія, кажется, залиты. Дышу какъ будто одними верхушками. Боли нечеловѣческія во всемъ тѣлѣ...

Она изголодалась по людямъ, ей неудержимо хотѣлось говорить, наговориться.

Октавія не останавливала ее. Понимала, что уже все позволено.

— Неудачный для меня день сегодня,—жаловалась Варвара Петровна, забывая, что Октавія стоитъ на ногахъ и ей негдѣ сѣсть вблизи кресла на полянкѣ.—Съ утра холодно. Задожить, вѣроятно. Въ комнатѣ сидѣть бы надо. Да ужь что. Чего бояться? На дворѣ я не нагляжуся. На деревья, дорожки... на розы мои. На небо. Глазами прощаюсь съ ними. Скоро, скоро уже... не станетъ для меня. Ничего... не станетъ.

Октавія порывалась сказать ей что-то опровергающее въ утѣшеніе. Но не умѣла. Такъ ясно ощущалась безпомощность словъ и необходимость молчанія.

А Варвара Петровна продолжала, изливаясь въ жалобахъ:

— Только голова моя и живая. Остальное—полумертвое. Нечеловѣческія муки. День еще кое-какъ, а ночь... охъ! какая она длинная. Одна я. Никого... никого у меня нѣтъ... а она такая долгая. Каждую вину свою, каждую неправду среди мукъ припомнишь. Вотъ что значить: страшный судъ и вѣчныя муки. И вѣку немного осталось, а муки... до конца онѣ будутъ... Потому и „вѣчныя“. Одно желаніе — заснуть бы. Но не засыпаешь, нельзя спать, не можешь. А днемъ — ничего... лучше все-таки. Грустно, что осень на дворѣ. Часто холодно, не налюбуйешься вдоволь. Я любила осень. Не яркія краски, не золотое лѣто... а когда начнутся дожди, надолго зашумитъ вѣтеръ. Слякотно, холодно, туманно... осень—настоящему, а мнѣ нравилось. Хорошо думается подъ эту слякоть. А теперь и думать не о чемъ. Вода въ головѣ. Мысли несутся, несутся... послѣ будто начинаютъ прилипать къ чему-то. Сваливаются въ одинъ комокъ... И все наполняетъ вода... заливаешь меня.

Она утомилась, замолкла.

Нелли воспользовалась молчаніемъ и спросила у Октавіи:

— І дѣ же вашъ экипажъ? И вещи?

— Тамъ. Я съ чернаго двора. На извозчикѣ. Не хотѣлъ беспокоить.

Варвара Петровна вспомнила, что она—хозяйка дома.

— Вы, Нелли, распорядитесь... устроить Октавію Владиміровну. И Максимъ Андреевичъ скоро будетъ. Въ мезонинѣ. Пусть уберутъ... протопятъ. Кофе, Нелличка. Позавтракать Октавію Владиміровнѣ. Потомъ обѣдъ. А меня—пусть придутъ увезти въ комнату. Теперь мнѣ и тамъ не будетъ скучно.

Нелли побѣжала позвать прислугу.

Варвара Петровна сказала Октавію съ торопливостью:

— Между нами стоитъ одно... невысказанное. Не хочу, чтобы оно было. Я—о письмѣ Макса. Думала надъ нимъ много... Но знаете, не могу я... не могу исполнить... какъ онъ хочетъ, потому что...

Октавія, вспыхнувъ, сдѣлала останавливающій жестъ.

— Не отождествляйте меня съ этимъ письмомъ! — взмолилась она.—Я была противъ него. И теперь противъ. Оно возмутительно. Я тогда же говорила, что это—гадость...

— Нѣтъ. Зачѣмъ вы такъ... строго? Максъ... онъ правъ если хотите. Но я не могу. Такъ и скажите ему, если не застанетъ меня. Что онъ—правъ, но я... не могла... Не могла исполнить. Скажите, что прошу у него прошенія, но... не могу иначе, чѣмъ распорядилась. Обезпечены Няка, Нелли.. мои слуги старые. Остальное—крестьянамъ. Деньги—общественнымъ учрежденіямъ... тѣмъ, что я основала. Землю же—всю крестьянамъ. Обѣщала я имъ и сдержу слово. Это то чему я сочувствовала... что казалось мнѣ правдой жизни. Столько несправедливостей въ нашей семьѣ... Изъ рода въ родъ... всѣ виноваты. Я—послѣдняя... надо возмѣстить, погасить старыя неправды... хоть съ опозданіемъ, хоть частично. И я не могу... понимаете?—не могу иначе.

— Зачѣмъ вы оправдываетесь... объясняете? Это такъ элементарно... настолько понятно и безъ словъ.

— Помните же, родная... сказать Максѹ: что не могла... до того прислало ко мнѣ... не осилить, хоть бы и хотѣла Скажете?

— Онъ застанетъ васъ.

— Вашими бы устами. Еслибы пріѣхалъ. Жутко одной. И обидно... Жила жила сколько лѣтъ, и вдругъ—не съ кѣмъ проститься. Да, вотъ оно... помните—наше?—что мы говорили о... трясинѣ? Ну, вотъ. Меня уже скоро... Съ головой. Конечно!

XIV.

Передъ обѣдомъ былъ докторъ съ помощниками. Спускали у больной воду. Въ домѣ бѣгали, хлопотали, пугливо перешептывались. Октавія не знала, куда дѣвать себя, казалась себѣ лишней. Сидѣла въ столовой, выжидая. Прошла мимо нея нетвердой походкой древняя старуха.

— „Няка,—сообразила Октавія.—Та, что пряталась тогда лѣтомъ... Не хотѣла насъ видѣть“.

Сказала вѣжливо:

— Здравствуйте.

Разбирало упрямое любопытство, хотѣлось посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ?

Старуха, не глянувъ, наклонила сурово голову и вышла молча, ничего не отвѣтивъ.

Варвара Петровна поспала, а, проснувшись, повеселѣла. Почувствовала себя бодрѣй, легче. Но сама говорила: не надолго это. Воду изъ нея выкачивали уже четыре раза...

Темнѣть начало рано. Въ залѣ у больной спустили шторы зажгли свѣтъ. Горѣлъ, пылая, старинный каминъ. Варвара Петровна сидѣла въ креслѣ. Рассказывала, что такъ и ночи проводить, сидя. Изъ-за сердца своего больного—лежать не можетъ совершенно.

Между Варварой Петровной и Октавіей поставили круглый столикъ, на немъ для Октавіи сервировали чай. Варвара Петровна говорила съ большими паузами.

— А тутъ нашъ благочинный молодой... отецъ Гавріилъ,—какъ обо мнѣ забеспокоился. Довѣдался, что помираю. И захопоталъ... какъ бы меня,—безбожницу,—примирить съ церковью. Сталъ передавать то черезъ Няку, то съ экономкой... потомъ черезъ Нелли,—не пожелаю ли пріобщиться? Иначе,—страшаетъ,—хоронить не буду. Мнѣ передаютъ, я молчу, никому ничего въ отвѣтъ. Онъ пишетъ мнѣ, я опять безмолвствую. Думаю, повертится, повертится, и—отстанетъ. Но онъ вдругъ проситъ принять его. Я—принимаю. Пришелъ... я собрала всѣ силы, говорю съ нимъ на разныя темы. О политикѣ, о новостяхъ въ уѣздѣ, въ Желанномъ. Шучу, всѣмъ интересуюсь... будто и не помышляю умирать. Онъ—тоже держитъ себя непринужденно. Бывало прежде,—какъ встрѣтится со мною, либеральничать начинаетъ. И теперь зафрондировалъ. И такъ мы съ нимъ миленько поговорили. А о цѣли визита своего отцу Гавріилу и приступу не было вспомнить, не рѣшился заговорить, не хватило духа... Я же—словно письма его не получала... и не слышала ни отъ кого объ его намѣреніяхъ.

Она замолкла, утомившись. Молчали долго. По осеннему шумѣлъ за окнами садъ, трещали дрова въ каминѣ. Представлялось, что за стеклами оконъ въ темнотѣ безпорядочно роятся осенніе листья, кружась отъ вѣтра въ воздухѣ.

— А попъ отѣхалъ ни съ чѣмъ!—вспомнила, встрепенувшись, Варвара Петровна, какъ ребенокъ о пріятной для него шалости.—И хотѣлось же ему, чтобы удалось. Вѣдь крестъ бы получилъ за меня. Наперсникъ. Ну, нѣтъ. Шалишь, отче... со мною не выгорить. Подождешь еще креста... за инныя услуги. Послѣ говорилъ бы крестьянамъ: всѣ вотъ такъ... форсятъ, пока смерть не заглянетъ въ глаза. А тогда и до Бога. Нѣтъ, со мной это не пройдетъ... не удастся. А не станешь хоронить? Обойдемся. Я приняла мѣры. Позвала людей и распорядилась. Уже и склепъ мой готовъ. Сдѣлали новенькій...

— Склепъ?—тревожно переспросила Октавія. — Зачѣмъ?

— Для меня,—спокойно выговорила Варвара Петровна.—Всегда любила строиться. Соорудила и склепъ по своему вкусу. Капитальный, хорошей кладки. Меня ужъ возили на кладбище. Побывала. Тогда сводъ еще только выводили. Теперь готово. Ничего, хорошо сдѣлано.

— И вы сами... сами ѣздили смотрѣть!?

— Да чего же тутъ? Самая простая вещь. Смерть... Обычное явленіе. Я и гробъ велѣла купить заранѣе. И парчу. Все, все. Растеряются тогда, до города далеко. Ника—стара, Нелли—птичка Божія. Ничего не умѣетъ сдѣлать, божья коровка. Некому распорядиться. И вещи отложены,—какія надѣтъ на меня. Все готово. Тогда лишь хороните поскорѣй. Не держите долго... и то—разлагаюсь заживо. Къ попу—послать. Извѣстите его. Но если заупрямится, пусть крестьяне снесутъ къ склепу и задѣлаютъ входъ. А чтобы имъ не жутко было, пусть дорогою „Святый Боже“ поютъ. Для нихъ такъ надежнѣй.

Октавія не выдержала и заплакала.

— Полноте, полноте,—остановила ее Варвара Петровна.—О чемъ вы? Смотрите проще. Надо же когда нибудь? Ну... подошло и мое время... Теперь самое умное—примириться съ концомъ. А хлопоты... онѣ даже развлекаютъ меня. Цвѣтовъ тогда нарвите. Сколько найдется. Еще есть на клумбахъ. И розъ... моихъ розъ. У меня на кладбищѣ—часовня. Родовая наша... Ракитскихъ-Рокотовыхъ. Нашлось бы подъ нею и мнѣ мѣстечко, да не хочу я. Душно. Чужіе они мнѣ по духу, не хочу и лежать съ ними. Лягу особнякомъ. Поодаль. На кладбищенской горкѣ. Видъ тамъ у меня—очаровательный. На лугъ, на лѣса за Хрустальной. И тишина... спокойно будетъ. Вотъ оно: „И равнодушная приroda“...

Октавіа прервала ее:

— Вамъ надо развлечься чѣмънибудь,—беспомощно заговорила она.—Нельзя же такъ. Все объ одномъ... И именно объ этомъ. Вѣдь такія мысли... онѣ убиваютъ.

— Меня ни мало. А развлечься?.. Хорошо бы было. Да чѣмъ? Вотъ письма, что получаю съ почты,—развлекаютъ меня. Жадная стала я къ письмамъ. Какое получу, по многу разъ перечитываю. И прошу Нелли отвѣчать скорѣй отъ моего имени. Чтобы не забывали и мнѣ писать чаще. Хочется вниманья. Пріятна память о насъ людская. Еще къ музыкѣ жадность у меня громадная. Такъ хочется звуковъ. Ахъ, какъ хочется. Хотъ бы какихъ-нибудь. А—нѣтъ. Любила я... музыку... Она одна не обманула ни разу. Безумно хочется послушать. Сожалѣю даже, что грамофона нѣтъ. Выносить его не могла, а теперь жалъ... зачѣмъ не купила. Послушала бы хотъ въ грамофонѣ. Что-нибудь такое... Про осень, про смерть... подходящее. Вы не играете?

— Почти нѣтъ. Очень плохо.

— Ну, хотъ какъ-нибудь. Прошу васъ.

— Вотъ бы сыграть... но я не смогу...

— А что?

— „Осеннюю пѣснь“.

— Чайковского? Да... это хорошо. А не сумѣете?

— Нѣтъ. Концертная вещь. Куда мнѣ.

— А я играла. Развѣ попробовать? Родная, подвезите меня.

Октавіа подкатила ее съ кресломъ къ роялю, открыла крышку надъ клавишами.

— Такъ „Осеннюю пѣснь“? Какъ это... начало? А, да... вспомнила.

Она съ трудомъ положила на клавиши ослабѣвшія руки. И сняла ихъ, безсильно поникнувъ головой.

— Не могу. Все путается. Вода въ головѣ. Все забыла... ничего не помню. Еслибы вы...

— Позвольте, — обрадовалась Октавіа—одно „осеннее“ помню и я. Но то цыганское. Вы,—какъ истинная музыкантша,—и за музыку, пожалуй, не признаете.

— Все признаю, все. А что?

— Романсъ... цыганскій. Я не такъ давно пѣла его. И аккомпаниментъ знакомъ мнѣ.

— Но спойте же. Прошу васъ.

— Прежде проиграю. Помню ли?

Октавіа сѣла у рояля. Подумала, припоминая, и заиграла отвыкшими отъ игры, неподатливыми пальцами.

— Еще... еще... повторите!—жадно просила Варвара Петровна.

Октавіа повторила во второй разъ, потомъ въ третій.

— А теперь... спойте.

По залу понеслось сперва неуверенно, затѣмъ свободнѣй:

Жалобно стонетъ вѣтеръ осенній.

Листья кружатся поблекшіе.

Сердце наполнилось чувствомъ томленія,

Помнится счастье утекшее.

Слезы скатывались по обвисшимъ щекамъ Варвары Петровны.

— Хорошо... хорошо, — повторяла она, стыдясь того, что плачетъ. — Прimitивно... а... недурно. Есть душа... И мелодія. Осенняя... какъ мнѣ хотѣлось. Еще, еще... дальше.

Октавія пѣла о ласкахъ и „рѣчахъ привѣтныхъ“, которыя „были лишь грезы однѣ“... Потомъ о тяжести пробужденія „ночью холодной безъ сна“.

Варвара Петровна плакала и уже не конфузилась своего волненья.

Ночью жутко было Октавіи въ ея лѣтней спальнѣ въ мезонинѣ. Комнату провѣтрили и протопили. Стало какъ въ жиломъ помѣщеніи, а не спалось. Разбиралъ безотчетный страхъ. Далеко, въ гущинѣ сада отвратительно взвизгивали разыгравшіяся подъ осень совы. Мыши пищали за шкафчикомъ въ коридорѣ, будто кто-то проводилъ по стеклу металломъ. И тѣ, и другіе звуки нагоняли страхъ. Чѣмъ дальше шла ночь, тѣмъ становилось жутче. Чувалась пугающая близость смерти. Это не было воображеніемъ Октавіи, и не одна она подсознательно чувала это: около полуночи завывли въ усадьбѣ собаки. Ихъ было нѣсколько, и были онѣ вразъ, заунывно, пугливо, настойчиво, съ покорной безнадежностью, съ сочувственной печалью... И какъ ни разгоняли ихъ среди ночи, онѣ не подчинялись препятствію, а, собравшись въ новомъ пунктѣ, начинали вѣть наново, опять съ покорной безнадежностью, съ инстинктивно-сочувственной печалью.

Въ субботу, послѣ вечерни, длиннокудрый благочинный, отецъ Гавріилъ, — еще молодой, тонкій, высокій и широкоплечій, — направился осторожной походкой своей отъ церкви къ дому Варвары Петровны.

За двое сутокъ со дня пріѣзда Октавіи Варварѣ Петровнѣ стало хуже.

Сильнѣе распухало тѣло, наполняясь водой, временами было затруднительно дышать. Уже не могла она говорить подолгу, какъ послѣ пріѣзда Октавіи. Слова вырывались съ усиленіемъ, отрывочно, менѣе связно. Голова все чаще свисала. Преобладало дремотное состояніе. Но сознаніе, — точное и ясное, — не покидало больную, когда выходила она изъ своего покорнаго оцѣпенѣнья. При Октавіи два раза Нелли подымала тревогу, думая, что наступаетъ конецъ.

Приходила Няка, глядѣла въ лицо больной и говорила потомъ въ столовой:

— Еще не пора. А уже скоро.

Умираніе Барвары Петровны объединило Няку и Нелли съ Октавіей. Забывалось все разъединяющее. Три женщины то поочередно, то вмѣстѣ сидѣли возлѣ Барвары Петровны въ залѣ. Дѣлились наблюденіями надъ поступающими шагами болѣзни, сомнѣвались, поспѣетъ ли Навотный.

Ихъ втроемъ засталъ отецъ Гавріилъ въ столовой. Онъ вошелъ съ благочестивой миной смиренности, которая такъ не совпадала съ его самодовольствомъ, прорывающимся наружу.

При появленіи батюшки лицо Няки нахмурилось неодо-брительно-сурово. Но она пошла на встрѣчу гостю, попросить пастырскаго благословенія. Отецъ Гавріилъ благословилъ и старая, какъ изсохшее, корявое дерево, Няка поцѣловала его руку, изнѣженно-бѣлую, обтянутую упругой, молодой кожей. Съ Нелли онъ поздоровался, обмѣнявшись рукопожатіемъ, Октавіи вѣжливо поклонился на разстояніи. Оправилъ широкіе рукава новенькой рясы изъ темно-синяго шевіота, передвинулъ золотые очки на вздернутомъ носу, пригладилъ темнорусые кудри длинныхъ волосъ на головѣ и, не сядя, сказалъ въ пространство:

— Попрошу доложить обо мнѣ больной. Долженъ видѣть ее.

— Батюшка... удобно ли? — полувиновато усумнилась Нелли.—Сегодня нехорошо ей... очень.

— Знаю. Видѣлся съ докторомъ и знаю, что... плохо. Но, когда отъ болящаго отступаетъ врачъ... очищается мѣсто для священника.

— Не согласится она, батюшка. Зачѣмъ тревожить напрасно?

— Моя обязанность попытаться. Предложить еще разъ. А ваша обязанность—воздѣйствовать на больную.

— Не послушаетъ она... Никого не послушаетъ. На нее нельзя воздѣйствовать, батюшка.

— Попросилъ бы сказать ей. У Бога все готово. Можетъ, Господь и поможетъ намъ. Поговорите съ нею, Елена Константиновна. Скажите, что я, какъ духовный пастырь этого прихода, прошу ее принять меня.

— Я скажу, — пообѣщала Нелли послушно. Она вышла изъ столовой.

Отецъ Гавріилъ не сажился. Стоялъ у окна, повернувшись въ три четверти лица къ Октавіи и Някѣ. Онъ волновался, ожидая. Тербилъ очки свои, будто они раздражали его, препятствовали глядѣть безъ помѣхи. И тутъ же, вол-

пуясь о своемъ, служебномъ, помышлялъ о житейскомъ, мелочномъ. Съ любопытствомъ искоса разглядывалъ Октавію, стараясь запомнить подробно, какая она. Избѣгалъ глянуть прямо, но присматривался,—будто ненарокомъ. У него была изступленно-ревнивая матушка и отецъ Гавріилъ разучился глядѣть на женщинъ безъ опасливыхъ увертокъ. Не глядѣлъ и тогда, когда можно было...

Нелли не приходила довольно долго. Наконецъ, возвратилась.

— Ну?!

Отецъ Гавріилъ стремительно повернулся къ ней,—весь нетерпѣливое выжиданіе.

Заплаканная Нелли отрицательно закачала головой, двинула, словно оправдываясь, плечами.

— Нѣтъ, батюшка. Нельзя. Она... не желаетъ.

— Вы сказали все? Какъ передали?

— Что вы... какъ пастырь...

— И что же она?

— Говорить: вотъ и удивляетъ меня, что батюшка пришелъ, какъ пастырь, а... хочетъ насиловать мою совѣсть. Это не... по пастырски.

Кровь залила бѣлое лицо отца Гавріила. Покраснѣла кожа подъ негустой рыжеватой бородою, покраснѣла полная, коротковатая шея. Съ минуту онъ не могъ говорить, послѣ горячо обратился къ тремъ женщинамъ сразу.

— Вы свидѣтели. Я сдѣлалъ все возможное. Шелъ примирить съ церковью, хотѣлъ напутствовать. Болящая въ сознаніи, но напутствіе не принято. Отвергнуто съ упорствомъ. Я ухожу съ чистой совѣстью. И съ чистой совѣстью откажусь погребать Варвару Петровну по чину православной церкви... въ случаѣ ея кончины. Какъ отколовшуюся отъ церкви. Прощайте.

Няка заступила ему путь.

— Батюшка. Подожди. Еще я пойду... скажу ей.

Онъ остановился очень охотно.

За Някой пошла къ Варварѣ Петровнѣ и Октавія. Она застала Няку на колѣняхъ передъ больной.

— Смирись, Варвара Петровна,—молила, плача, старуха.—Смирися.

Варвара Петровна, распухшая до полной неузнаваемости, сдѣлала неопредѣленно-дрожащій жестъ. Безформенное лицо ея будто слабо улыбнулось. И она произнесла раздѣльно и внятно:

— Не... сми... рюсь, Ня-ка.

Тогда выступила Октавія и крикнула на старуху

— Оставьте ее! Я не позволю. Нельзя такъ!

Няка тяжело поднялась съ колѣнъ на ноги. Не переставая плакать, покачала старой головой на Варвару Петровну и вышла, не глянувъ на Октавію.

Варвара Петровна съ усиліемъ заговорила.

— Какъ все болитъ... какая мука! А страшно... Такой страхъ... передъ концомъ. И хочется жить... охъ, какъ хочется. Еще бы пожить, еще... О, какъ люди не умѣютъ жить, не цѣнятъ жизни. Не цѣнила и я... не умѣла. Теперь бы сумѣла. Теперь все,—и горе мое прежнее, и счастье,—кажется такимъ крохотнымъ. Ничто не велико, ничто не цѣнно... одна жизнь—сама по себѣ. А ея уже нѣтъ... уходитъ. И еслибы...

Она захлебнулась, задыхаясь. Октавія поспѣшно открыла подушку съ кислородомъ. То, что хотѣла сказать Варвара Петровна, осталось недоговореннымъ.

Когда Октавія появилась въ столовой, отца Гавріила не было. Няка опять понавѣдалась къ больной. Вернулась и заговорила, утирая слезы.

— Я ей про напутствіе, а она мнѣ про... лапшу. Готова ли лапша на поминки? Да смотри, говорить, чтобы хватило. Народу, говорить, поминать меня много придетъ. Приготовьте всего побольше. Тогда только мяса купить, и варите. Водки не забудьте для людей. Имъ безъ водки—какія поминки. Да не испортились бы у васъ запасы. Я ей говорю:—„Сохранно все держимъ, Варвара Петровна“. И плачу сама, плачу... слезы рѣкою. А она мнѣ:—„То-то, чтобы сохранно. Вы,—говорить,—кто вѣруеть, вѣруйте... я это уважаю. А меня не трогайте. Я и такъ помру, безъ напутствія“. Ну, что ты съ ея подѣлаешь! Замолчала я... ушла.

— Оставьте вы ее,—сказала Октавія.

— Да ужь оставила... что же съ нею?.. Всегда такая была... упѣртая. Мать ея, покойница - княгиня, какъ кончалась... то она,—Варвара Петровна,—и тогда все загода выписала изъ города. И гробъ, и парчу, и платки попамъ. Жара стояла... боялась она, не испортилась бы княгиня. Пѣвчимъ велѣла спѣвку сдѣлать. Они „Вѣчную память“ поютъ... а княгиня еще живая. Дышитъ еще... и я сама-тозою ее кормлю, какъ докторъ велѣлъ. Для силы. А въ амбарчикѣ надъ ледникомъ—гробъ дубовый... До чего боялись всѣ... такъ люди и шарахались отъ амбара. И судили ее за то. Максимъ Андреичъ, и тотъ корилъ:—„Каменная ты, Варя... черствая“. А она, горлица моя, и для себя какъ для матери... все обмозговала заранѣе.

Передъ вечеромъ въ воскресенье Октавія вышла погулять въ садъ. Едва начинало темнѣть, пахло дождемъ, было сыро и мгла сгущалась въ сторонѣ пруда. Совы въ дуп-

лахъ необхватныхъ осокорей перекликались съ хохотомъ, какъ ночью, взвизгивали протяжно, угрожающе. Осень глядѣла отовсюду. Подсыхалъ на деревьяхъ ползучій хмѣль, убранный желтыми сережками. Сливы съ подсохшими, легонькими листиками стояли и въ тѣни—раззолоченныя. Одинъ громадный кленъ пожелтѣлъ неровно. На немъ были всѣ оттѣнки отъ темно-желтаго до свѣтло-зеленаго тона. И гармонировали они между собой чудесно. А рядомъ выдѣлялся другой огромный кленъ, весь мрачно-желтый, цвѣта стараго золота. Краснѣли вянушіе вязы и дикія груши. Было тихо и грустно. Но не хотѣлось уходить отъ этой спокойной грусти, возвращаться отъ осенняго увяданія природы къ умирающему человѣку. Жалѣя Варвару Петровну, Октавія однако думала о ней:

„Скорѣй бы... Все равно, нѣтъ спасенія“.

Пугалась своей мысли, признавала ее эгоистически-мерзкой, упрекала себя и снова думала: „скорѣй бы“...

Въ сумеркахъ подошла она къ большой верандѣ. И здѣсь узнала отъ Няки, что пріѣхалъ Навотный.

Няка крестилась.

— Дождалась, горлица. Засталъ. Слава Господу.

— Гдѣ же онъ?—спросила Октавія.

— У нея. У нея сидитъ. Какъ свидѣлись, заплакали оба. Онъ—на что кремень... а тутъ и его слеза прошибла. Нехай поплачутъ. Мужъ и жена... между ними—только Богъ. Никто больше.

XV.

Навотный появился у Октавіи въ мезонинѣ часа черезъ полтора при свѣтѣ давно зажженныхъ лампъ. Вошелъ—разстроенный, съ покраснѣвшими, наплаканными глазами. Молча взялъ руки Октавіи, поцѣловалъ одну, другую, хотѣлъ сказать что-то, и не смогъ,—потрясенный.

— Что она?—проговорила послѣ молчанія Октавія.

— Умираетъ. Сегодня, я думаю.

— Уже?..

— Врядъ-ли переживетъ ночь.

— Въ сознаніи она?

— Въ полномъ. Я попалъ послѣ спуска воды. Докторъ вышелъ, я вошелъ. Ей было легче, но и то... не забуду никогда. И не могу... не могу простить себѣ, не прощу во вѣки... зачѣмъ послалъ тогда письмо то! Какъ по хамски... И какъ ты не остановила меня?

— Я останавливала... ты не послушался.

— Надо было сильнѣй... энергичнѣй. А она... она же еще оправдывалась. Просила простить, что не выполнила моего

желанья. Святая какая-то... не понималъ я ея. Съ самаго начала... во всю жизнь нашу.

Онъ покаянно помолчалъ, потомъ вспомнилъ.

— Пойдемъ къ ней. Не будемъ оставлять одну. Она боится этого.

— Иди ты,—сказала Октавія.—Побудь еще съ нею. Я—позже. Въ такой моментъ лучше безъ постороннихъ. У васъ свои—давніе счеты...

— Мы уже свели ихъ. Поплакали... простили другъ друга. Я доволенъ, что поспѣлъ. Такъ обрадовалась она, такъ была счастлива. Иди и ты. Она сама хочетъ. Сказала — позвать тебя.

Въ началѣ ночи положеніе Варвары Петровны ухудшилось снова.

Нѣсколько дней уже не сидѣла она, а лежала. Теперь лежала не двигаясь—догорающая. Гасли силы и порывы души, дыханіе становилось тяжелѣе, прорывались хрипы. Сердце работало, какъ испорченные, но еще не остановившіеся часы. Минутами появлялось забытье—отъ слабости. Въ залѣ были люди. Беззвучно плакала истомленная Нелли, Няка молилась и тяжело вздыхала. Не уходилъ докторъ, облегчая послѣднія мгновенья больной.

Впечатлѣнія окружающаго слабо задерживались въ мозгу Варвары Петровны, она тотчасъ какъ бы забывала о нихъ. Но безсознательность еще не наступала. Привыкшая контролировать въ одиночествѣ свои ощущенія, Варвара Петровна говорила прерывающимся голосомъ:

— Тѣснота въ головѣ. Все плыветъ... плыветъ прошлое. Вздуроражились клітки... старыхъ впечатлѣній. Какъ въ калейдоскопѣ все... вся жизнь. Прежнія лица... люди. Такіе забытые... а всплыли. И сколько вины моей! Передъ всѣми... непоправимой. Вотъ онъ, подступилъ... судъ страшный.

Она встрепенулась и позвала Навотнаго...

— Максъ! Максимъ... Андреичъ! Гдѣ ты? Вѣдь ты же пріѣхалъ? Или это... снилось мнѣ? Да? Иди сюда. Ближе... ближе.

Онъ подошелъ и сѣлъ на край кровати, вплотную къ тѣлу больной.

— Я здѣсь, Варя.

— Прости, не сердись,—съ усиліемъ зашептала она, убѣждая. — Съ тебя и твоего хватитъ, а я... не могла. Всегда вѣдь... думала всегда: такъ должно, такъ надо. Не сидѣла раньше, при жизни... не было размаха... волн. Великодущія, рѣшимости не хватало. Боялась за себя... за удобства, за комфортъ свой, но теперь... не могла я... не сердись, Максимъ. Прости.

— Ты прости меня! Не вспоминай про это, — въ искреннемъ порывѣ упрасивалъ ее Навотный.

Она повела рукой, не то разрѣшая, не то отрицая его вину. И сказала, собравшись съ силами:

— Ты не виноватъ. Все такъ... все правильно. Не могло иначе. Живи долго... подольше. И пусть тебѣ будетъ хорошо. А меня... не поминай лихомъ.

Тѣло ея дрогнуло. На время она забылась, послѣ, возвращаясь къ сознанію, произнесла твердо:

— Какая тоска... смертная!

Притихла, и заговорила въ тревогѣ, — чѣмъ дальше, тѣмъ тревожнѣй.

— Максъ! Максикъ? Не оставляй меня. Уже темнѣетъ... не вижу тебя... ничего не вижу! Максикъ... дай руку!

— Я здѣсь, Варюша. Я съ тобой. Не бойся.

Она ухватилась за руку Навотнаго цѣпко и пугливо, съ напряженностью прислушиваясь къ его рѣчи.

Онъ взволнованно повторялъ утѣшительныя слова ободренія и ласки. Они доходили до слуха Варвары Петровны будто издалека, точно уже изъ другого міра. Но все же доходили и несли за собой послѣднее облегченье... Варвара Петровна затихла, переставая прислушиваться. И вдругъ начала произносить несвязныя фразы.

— Трасина... трасина... тря... си... на, — твердила она коснѣющимъ языкомъ.

Надвигался конецъ, — несомнѣнный и близкій.

Навотный, не оставляя руки Варвары Петровны, повернулъ голову къ Октавіи. Шепотомъ сказалъ ей опечаленно но строго:

— Выйди. Тебѣ здѣсь нельзя. Не слѣдуетъ.

Октавія подчинилась.

Прошла въ столовую. Но тамъ пугали слабо освѣщенные углы и трудно было дышать душнымъ комнатнымъ воздухомъ. Тянуло уйти, вздохнуть полной грудью подъ открытымъ небомъ. Октавія вышла черезъ коридоръ на боковое крылечко дома. Ночь стояла сырая и мутная, опять послѣ дождя. Въ саду среди невидимыхъ деревьевъ гудѣлъ и сердито посвистывалъ налетающій временами вѣтеръ. Прошумитъ и стихнетъ, и тогда почему-то становится тревожнѣй, чѣмъ при ночномъ осеннемъ шумѣ. Все дышало сыростью, темно было, — будто погрузили домъ и усадьбу въ черную бездну. Прикрытыя шторами, свѣтящіяся окна зала выступали изъ мрака золотыми прямоугольными пятнами. Они — будто висѣли въ темнотѣ, но не освѣщали холодной тьмы. Было жутко и здѣсь, казалось, зябнущія стѣны дома хранятъ за собой какую-то страшную тайну. И тайна вотъ-

вотъ вырвется на свободу, откроетъ себя, станетъ всѣмъ извѣстной, и сдѣлается отъ того еще страшнѣе. Вѣтеръ отшумѣлъ и исчезъ, темнота окуталась тишиною. Изъ сада не доносился съ деревни ни далекій голосъ, ни лай собаки. Становилось все страшнѣй отъ выжидательнаго затишья. Безотчетно пугаясь до жуткаго ужаса, Октавія бросилась изъ темноты въ домъ и наткнулась въ столовой на Навотнаго.

Онъ шелъ, печально и виновато опустивъ сѣдѣющую голову, ступалъ замедленно и безшумно, будто боясь потревожить кого-то. Увидѣлъ Октавію, ея перекошенное отъ страха изсиня-блѣдное лицо... Охватилъ ее обѣими руками, прижалъ къ себѣ, защищая, и тихо сообщилъ:

— Уже. Скончалась. И какъ крѣпко держалась за меня... едва освободилъ руку. Все же хорошо, что не чужой, а я закрылъ глаза ей.

Октавія заплакала.

Они до утра просидѣли въ мезонинѣ. Не ложились спать и Октавія много плакала. Навотный успокаивалъ ее, а она повторяла:

— Да вѣдь это же мы... мы—убили ее!

— Не мы, а я, — поправлялъ Октавію Навотный, сжимая зубы.

Варвару Петровну положили на длинномъ столѣ въ залѣ, гдѣ она хворала, окружили комнатными цвѣтами, покрыли новенькой парчей. Рано утромъ Октавія долго вглядывалась въ лицо Варвары Петровны. Лицо было успокоенное и помолодѣвшее, безъ слѣда отековъ. Оно похорошѣло, помолодѣвъ. Октавіи хотѣлось сказать о покойной:—„Такая была она въ дѣтствѣ и въ юности, и неужели ее и тогда звали некрасивой?“

Пришелъ Навотный и увелъ Октавію, оберегая ее.

А въ домъ потекла крестьянская толпа, поклониться тѣлу той, которую звали въ Желанномъ „Варей-стриженой“... Уходили одни, входили другіе, бабы и старики любопытно задерживались въ залѣ, толпясь у двери. Крестились на старинные въ серебрѣ княжескіе образа, собранные Някой къ изголовью умершей. Няка поправляла оплывающія въ подсвѣчникахъ восковыя свѣчи, перекладывала срѣзанные съ клумбъ послѣдніе цвѣты, время отъ времени курила въ залѣ ладаномъ...

Крестьяне знали, что изъ усадьбы Варвары Петровны чуть свѣтъ сообщили батюшкѣ о смерти владѣлицы Желаннаго. Освѣдомлены были и о томъ, что отецъ Гавріилъ грозилъ не хоронить Варвару Петровну за ея безбожничество. Осуществленію угрозы на селѣ не вѣрили. Подозрѣ-

вали, будто отецъ Гавріилъ затѣмъ все это съ нарочитымъ умысломъ взять подороже за похороны. Въ деревнѣ шли толки:

— Много денегъ у пановъ. Заплатятъ — сколько погъ захочетъ... онъ и похоронитъ.

— Да еще какъ. Какъ пѣть и кадить будетъ... разобьетъ колокола звонами.

Но свѣтлѣлъ тускло осенній день надъ Желаннымъ, а изъ церкви не несли къ „Варѣ“ высокихъ ставниковъ. Не звонили печально по душѣ. Не шелъ никто изъ псаломщиковъ читать надъ мертвымъ тѣломъ. По селу расплзался жуткій для крестьянской души слухъ, что отпѣвать не будутъ...

Проѣхалъ по деревенской грязи въ чистенькой, поблескивающей эгоисткѣ къ дому священника Навотный. Поговорилъ съ батюшкой и — разсерженный — возвратился домой.

Отецъ Гавріилъ не соглашался погребать безъ особаго предписанія преосвященнаго. Отказывался отъ своего имени и отъ имени сосѣдняго духовенства, подчиненнаго ему, какъ благочинному.

Поскакалъ нарочный на станцію, въ Зыряно, съ странной срочной телеграммой мѣстному архіерею. А Няка организовала чтеніе Псалтыри надъ усопшей.

Призвала грамотныхъ крестьянъ и школяровъ читать по очереди.

Одни читали хорошо и бѣгло. Другіе по складамъ, запинаясь. Но все — съ опаской. Побавлялись и бездыханнаго тѣла, лишеннаго погребенія, и своего участія въ запретномъ обрядѣ. Помимо неясно суевѣрнаго страха предъ трупомъ, боялись опредѣленно отца Гавріила. Малодушно трусили, какъ бы онъ не утекъ подъ отвѣтъ, не началъ враждовать, мстить, преслѣдовать...

— Не навредилъ бы...

Близился вечеръ, темнѣло. Послѣ полудня отецъ благочинный выѣхалъ экстренно въ городъ — на нѣсколько дней, какъ говорили причетники. По деревнѣ невѣдомо откуда ползли суевѣрныя опасенія.

— Не запечатаютъ Варину могилу. Будетъ тосковать душа... ходить по землѣ, искать погребенія.

А скептики все стояли на своемъ.

— Денегъ у пановъ много. Разрѣшатъ, запечатаютъ.

Няка подливала масла въ лампы, мѣняла догорающія въ подсвѣчникахъ восковыя свѣчи. Вздошно звучали голоса чтецовъ.

— „Господь пасетъ мя, и ничто же мя лишитъ. На мѣстѣ злачнѣ, тамо всели мя“...

Рѣдѣла толпа въ залѣ у гроба. Тѣ, которые не уходили, пугливо жались къ стѣнѣ, остерегаясь приблизиться къ покойной.

Прислушивались, крестились и вздыхали, когда чтецъ произносилъ:

— Вижь смиреніе мое и трудъ мой и остави вся грѣхи моя“...

И потихоньку выходили на крыльцо. Но не расходились по домамъ желанновцы, поклонившись мертвой. Въ усадьбѣ шевелилась всюду крестьянская толпа. Неразрывнымъ потокомъ окружила она домъ, разсыпалась по саду, по черному двору среди амбаровъ, сараевъ и скотныхъ загоновъ, стояла въ аллеѣ въѣзда отъ воротъ къ дому. На площади у воротъ зажгли согревающіе костры, какъ при крестьянскомъ караулѣ. Толпа не убывала къ ночи. Она караулила свои права на имущество Вари стриженной, зорко слѣдила, не вынесли бы чего изъ дому или изъ амбаровъ.

Среди суевѣрныхъ опасеній, среди зарождающихся легендарныхъ разсказовъ не утихали разговоры о завѣщаніи Варвары Петровны. Ея душеприказчики были тутъ, на лицо. Ихъ заставляли подтверждать въ который разъ, что земля и „все“ оставлены „всѣмъ“, то-есть—крестьянскому обществу Желаннаго.

— Земля... земля... земля...

Это носилось надъ Желаннымъ мощно и неотвратно, какъ что-то стихійное.

Навотный выступалъ въ домѣ въ роли хозяина. Отдавалъ приказанія, распоряжался, командовалъ, вспыльчиво гнѣвался, по хозяйски бранился... И его поведеніе панически пугало сельскую толпу.

— Спрячутъ завѣщаніе. Порвутъ... скроютъ. Все загребутъ себѣ... потомъ не найдешь на нихъ управы.

Одинъ изъ душеприказчиковъ напоминалъ, что завѣренная копія завѣщанія хранится у него, и уничтожить завѣщаніе невозможно. Но вѣра въ силу панскаго всемогущества и произвола была тверда, непоколебима. Наличности копіи не придавали значенія.

— Уничтожать. Будутъ жаловаться. Схлопочутъ, чтобъ уничтожили. Имъ все можно.

Въ толпѣ нарастала по отношенію къ Навотному ясно опредѣлившаяся, недовѣрчиво-злобная враждебность.

— Не дасть ничего. Заберетъ все... со своею любовницей. У Вари былъ въ пріймакахъ... теперь станетъ хозяиномъ.

Съ наступленіемъ темноты начали подвывать, а послѣ громко выть собаки. Ихъ не удавалось разогнать и онѣ не хотѣли замолкнуть. Вой наводилъ среди темной ночи острую

жуть на людей. Но никто не уходилъ домой. Передъ параднымъ крыльцомъ раскинулся точно партизанскій боевой лагерь, оберегающій имущество и тѣло Варвары Петровны отъ нашествія непріятеля... Разгоралось и росло озлобленное недовѣріе, боязнъ очутиться обманутыми, обойденными судьбой... Не довѣряли Навотному и его „любовницѣ“, а также дворнѣ, Нелли, Някѣ... не довѣряли другъ другу... Казалось, каждый не вѣритъ самому себѣ. Трупъ уже не пугались, залъ наполнялся добровольными сторожами. Слѣдили и здѣсь, какъ на дворѣ, за всякимъ случайнымъ стукомъ, знали о каждомъ шагѣ Навотнаго и Октавіи, Нелли, Няки... А попутно крестились на торжественныя слова чтецовъ, умиляясь ихъ малопонятной торжественностью.

— „Не надѣйтесь на князи, на сыны человѣческія, въ нихже нѣсть спасенія. Изыдетъ духъ его, и возвратится въ землю свою: въ той день погибнуть вся помышленія его“.

Нелли перепуганно сообщила о настроеніи „мужиковъ“ Октавіи. Октавія передала о томъ Навотному. Онъ вспыхнулъ бѣшено и возмущенно:

— Негодяи... Мужичье! Скоты... Хамы!

Но повторялъ это въ бѣшенствѣ вполголоса, не давая воли закипѣвшимъ въ немъ чувствамъ. Онъ сознавалъ себя безсильнымъ предъ „хамской“ толпой, пугался ея, понималъ, что боится... И собственная боязнъ возмущала его, представлялась незабываемымъ униженіемъ. Навотный не выходилъ изъ мезонина. Наступилъ день, опять прошла темная ночь съ кострами караульщиковъ у воротъ усадьбы. Переставались поминальныя яства на кухняхъ. Заострились пожелтѣвшія мертвыя черты на лицѣ Варвары Петровны. Темнѣли ея руки, глубже опускались въ свои впадины глаза. Она больше не походила на ту, какою была въ дѣтствѣ и въ юности, начинала разрушаться окончательно... А отвѣтной депеши отъ архіерея все не было.

Навотный терялъ послѣднее терпѣнье.

Они съ Октавіей ждали похоронъ, какъ ждутъ освобожденія плѣнные заложники въ непріятельскомъ станѣ. Измучились оба. Тяжко было дожидаться съ неувѣренностью похороннаго обряда, но еще тяжелѣй угнетало другое. Та толпа, что окружала домъ, ея обидныя подозрѣнья, враждебность. Навотнаго поведеніе крестьянъ заставляло презирать всей душой это, — какъ называлъ онъ, — темное стадо. Онъ страстно хотѣлъ показать собравшемуся лагерю „мужичья“, что не боится ихъ „стаднаго сборища“ ни мало. Что съ полнымъ правомъ ставить себя неизмѣримо выше и собравшейся

толпы, и ся меркантильныхъ интересовъ, выше ея подозрѣній... Что онъ одинъ, вооруженный своимъ умственнымъ развитіемъ и силой утонченнаго мышленія,—непобѣдимо могущественнѣй и сильнѣе ихъ всѣхъ, взятыхъ вмѣстѣ. Это желаніе было напряженно и велико, и Навотный не могъ его ослабить.

Утромъ, послѣ второй ночи ожиданія, онъ вышелъ раздѣтый,—безъ пальто и шляпы,—на парадное крыльцо. Остановился на верхней ступени, оглядѣлъ желанновцевъ и заговорилъ властно, съ спокойнымъ самообладаньемъ.

— Сегодня третьи сутки, какъ скончалась Варвара Петровна. На тѣлѣ ея появились признаки тлѣнія. Началось разложеніе, дальше ждать нельзя. Варвара Петровна словесно завѣщала—на случай, если духовенство откажется ее хоронить... чтобы нѣсколько человѣкъ изъ васъ снесли гробъ ея на кладбище съ пѣніемъ „Святый Боже“. Извѣстно ли вамъ это?

— Извѣстно! Извѣстно... — загудѣла толпа.

— А согласны ли вы спеств?

Изъ толпы дружно и гулко отвѣтили:

— Согласны.

— А еще завѣщала она, — крикнулъ изо всей силы Навотный и люди, затихнувъ, застыли, точно окаменѣлые,—чтобы духовное завѣщаніе ея, о которомъ вы черезъ душеприказчиковъ, вѣроятно, знаете... такъ чтобы завѣщаніе вскрыто было, спустя шесть недѣль послѣ ея кончины. А до тѣхъ поръ—чтобы въ усадьбѣ оставалось все неприкосновеннымъ, при порядкахъ, какіе были при жизни покойной. Душеприказчики... эй, кто тамъ? Вы знаете про это? Извѣстно вамъ, что такова была воля покойной?

— Извѣстно. Знаемъ, — подтвердили два-три голоса по близости.

— Ну, такъ вотъ,—заклучилъ Навотный.—Я предлагаю вамъ всѣмъ выполнить волю Варвары Петровны. И еще...—онъ опять повысилъ голосъ—еще дошло до меня, что идутъ здѣсь среди васъ толки, будто я и близкія мнѣ лица рассчитываемъ на какое-то наслѣдство. Или собираемся отнимать завѣщанное. Считаю нужнымъ сказать, что это—ложное подозрѣніе! Ни на какое наслѣдство послѣ жены моея я не рассчитываю, ничего ни у кого не собираюсь отнимать. Воля покойной для меня священна. А пріѣхалъ я сюда по усиленному зову Варвары Петровны, которая не хотѣла умирать одиноко. И остаюсь здѣсь только для того, чтобы проводить ее до могилы... при старыхъ еще порядкахъ!

Онъ рѣзко повернулся и вошелъ въ домъ.

Въ прихожей засталъ въ полуобморокѣ Октавію, испугавшуюся возможности мужицкаго погрома...

Толпа послѣ его ухода постояла молчаливо. Потомъ заговорили, задвигались—все одновременно. Облегченно вздохнули груди, заблестѣли полунасмѣшливой улыбкой недовѣрчивые крестьянскіе глаза... Не вспоминали о рѣчи Навотнаго по существу. Дружно остановились лишь на первой ея части: на вопросѣ о похоронахъ. Кто-то, пробуя голосъ, запѣлъ: „Святый Боже“, начали снимать шапки. Слышались голоса:

— Достать носилки. На чемъ же выносить?

— Носилки въ церкви.

— Тамъ не дадутъ.

— Взять въ экономіи. Въ экономіи свои есть. Въ клунѣ.

— Которыя для пшеницы...

— Большія, чистыя...

Крестьянамъ не пришлось хоронить Варвару Петровну безъ церковнаго обряда.

У крыльца стояли прикрытыя стариннымъ персидскимъ ковромъ носилки, когда прискакалъ изъ Зыряно нарочный съ архіерейскимъ разрѣшеніемъ погребенія.

Похороны еще замедлились немного. Отецъ благочинный упрямо отсутствовалъ, послали въ ближайшее село за тамошнимъ священникомъ.

Хоронили передъ вечеромъ по упрощенному обряду, не занося въ церковь.

Печально и заунывно звонили церковные колокола, въ домѣ раздались звуки надгробныхъ пѣснопѣній. Толпа хлынула въ залъ. Заголосили и заплакали съ причитаньями бабы, закрестились старики...

А, когда снесли съ крыльца гробъ, и онъ, колыхаясь, поплылъ на носилкахъ надъ головами провожающихъ къ кладбищу, толпа, исполняя желаніе покойной, присоединилась къ пѣвчимъ.

Раскатиисто и дружно понеслись въ пустынно-холодное поле многочисленные, взволнованно-прочувствованные голоса: „Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный, помилуй насъ!“

Не примиренная съ церковью, Варвара Петровна примирялась съ Желаннымъ...

Побѣда отсутствующаго отца Гавріила была уничтожена.

Навотный не пожелалъ остаться на поминки. Уѣхалъ съ Октавіей послѣ похоронъ, лишь на нѣсколько минутъ зашелъ въ домъ съ кладбища. Ихъ отвозили въ самой парадной вѣнской коляскѣ съ заслуженнымъ Ивушкой на козлахъ.

Въ полѣ умиралъ осенній день, тусклый и беззвучный, безсолнечный и блѣдный, будто опечаленный. Все заворачивалось въ кисейныя пелены тумана. Бѣлая водянистая завѣса застилала и непогодныя дали, и ближайшее къ дорогѣ поле, точно умышленно скрывала отъ взоровъ мертвый просторъ осени.

Въ поѣздѣ было тепло, свѣтло, сухо, удобно, привѣтливо, уютно... Ярко горѣло электричество, упруго покачивались пружины бархатныхъ дивановъ. Козыряли и угодливо суетились у купе поѣздные служащіе.

Потемнѣвшее Желанное отплывало дальше и дальше съ его печальными тревоженьями и погребальными напѣвами. Приближалась съ каждымъ поворотомъ вагонныхъ колесъ обычная повседневная жизнь города, ея маленькія радости и большія разочарованья, трескучій грохотъ и утомленье, тщеславная суета и борьба за лучшее положеніе...

Въ купе Навотный уложилъ Октавію, забеспокоился о ней, не повредили бы ея здоровью тяжелыя впечатлѣнія Желаннаго. Упомянулъ о Желанномъ и задумался.

— Прощай, Желанное,—грустно простился онъ.—Не увижу больше. Не думалъ, что такъ тяжело утратить его. Мнѣ жаль... болѣзненно жаль. Былъ привязанъ къ этому уголку, какъ къ своему, родному.

Онъ помолчалъ, задумавшись, и добавилъ позже:

— Эхъ, Варя, Варя... а все-таки—неразумно. Какъ подумаю: это мужичье... темное стадо... И вдругъ они — хозяйева въ Желанномъ!

Октавія приподнялась на локтѣ.

— А съ какой стати хозяйничать тамъ тебѣ, напимѣръ? — неприязненно произнесла она.—Чѣмъ это лучше?

— Ты не такъ поняла меня, — мягко остановилъ ее Навотный.—Мнѣ не столько больно, что не я хозяинъ въ Желанномъ... какъ то, что мужикъ...—чумазый, сиволапый мужикъ!—придетъ въ мой любимый уголъ съ сапожищами. Распродать безъ пониманія мебель... переколотить хрусталь, барфоръ сервизовъ. Снесетъ старый домъ съ колоннами... Лѣтъ цвѣтникъ, гдѣ розы, будетъ пасти овецъ. Вырубить садъ... начнетъ корчевать голубыя елочки, розовую акацію. Уничтожить Снѣжную королеву, а ее такъ нелегко было выращивать. Все сравняетъ съ землей и засѣетъ своей глупой рожью.

— Не надо Снѣжной королевы ему, если ржи не хватаетъ.

— Да вѣдь тутъ торжество хамства. Уничтоженіе культуры. Гибель завоеваній человѣческаго духа, знанія. И это мнѣ больнѣй, чѣмъ лишеніе наслѣдства. Я не дворянинъ, не

крѣпостникъ тѣмъ болѣе. Всякія тамъ сословныя или родовыя претензіи... онѣ чужды мнѣ. Но ея завѣщаніе? Мужичье разрушеніе Желаннаго... Не признаю его разумнымъ.

Октавія не хотѣла возражать и молчала.

Голубовато свѣтилъ въ купе фонарь въ синемъ шелковомъ чехлѣ. Смягченно подрагивалъ отъ быстрого движенія, чуть покачиваясь, вагонъ перваго класса. Навотный поуспокоился, опять перешелъ къ заботамъ объ Октавіи. Просилъ отбросить отъ себя, забыть все тяжелое и скорбное, пережитое въ послѣдніе дни, думать только о здоровьи своемъ. Да о немъ... о маленькомъ.

— И надо намъ озаботиться, чтобы, какъ можно скорѣй, повѣнчаться.

— Да оставь ты, — досадливо возмутилась Октавія.

— Но надо же?..

— Не теперь. Не теперь, когда мы только что добились ее. Она и умерла изъ-за насъ.

— Умерла она не изъ-за насъ. А отъ водянки.

— А водянку вызвали мы... нашъ романъ нелѣпый.

— Нелѣпый онѣ или нѣтъ, не время разсуждать, когда мы ждемъ ребенка. И когда обязаны прежде, чѣмъ о себѣ, о немъ думать. Объ его правахъ и...

Октавія зажала уши.

— Не слушаю. Не хочу слушать. Это неприлично, наконецъ.

— Хорошо. Я поговорю о томъ же черезъ шесть недѣль. Съ соблюденіемъ общепринятыхъ приличій. Только боюсь... если начать выжидать во имя приличій... насъ можетъ захватить Филипповскій постъ. Вступать въ бракъ — не такъ легко. Предстоитъ множество формальностей. Раздобыть свидѣтельства о твоемъ и моемъ вдовствѣ. Свидѣтельство о говѣннѣ... еще что-то... и не помню твердо всего. А съ четырнадцатаго ноября уже не вѣнчаютъ. Даже, кажется, съ тринадцатаго.

— И не нужно. Куда торопиться?

— Съ Нещадимомъ у тебя, небось, не такъ было? Тогда, навѣрное, торопилась ты ретивѣй, чѣмъ онѣ. А со мной...

— Опять Нещадимъ! Опять прежнее? — съ отчаяніемъ вздохнула Октавія.

Навотный взвинулся, вспомнивъ о Нещадимѣ. Продолжалъ о немъ, не находя повода спохватиться.

Октавія слушала и думала:

— И такъ — навсегда? до конца жизни? Пока не исчезнетъ свѣтъ изъ глазъ, какъ у Варвары Петровны..

Жизнь — докучная, будничная, — надвигалась безостановочно, упорно. Навотный былъ передъ Октавіей опять прежній

Повседневный, плоскодонный, тѣлесный,--черезчуръ тѣлесный и мелкій. Она спрашивала у себя: „Зачѣмъ онъ такой, каковъ есть? Не иной, не лучше?“ И отвѣта у нея не было. Дѣлалось страшно, какъ бы не удался весь въ него, не вышелъ цѣликомъ на него похожимъ Навотный-будущій, — его „маленькій“...

Максимъ Андреевичъ говорилъ и говорилъ свое, не угадывая мыслей Октавіи.

Она молчала съ задумчивымъ лицомъ, не отводила глазъ отъ задрапированнаго синяго фонарика на потолокъ вагона. Ей не хотѣлось возмущаться, останавливать, опровергать. Не хотѣлось ничего рѣшать, ни о чемъ думать. Было скучно. И вспоминалась неотступно Варвара Петровна съ ея презмертнымъ: „Трясина... трясина“...

О. Н. Ольнемъ.

Французское крестьянство.

Paysan songe à l'avenir...
J. B. Clement.

I.

Последние законодательные выборы во Франции ознаменовались, между прочим, одним замечательным явлением: большим избирательным успехом социалистов среди крестьянства. Французские крестьяне, фанатический индивидуализм которых вошел в пословицу, которые встречали когда-то с вилами в руках социалистических пропагандистов и всегда считались самой могучей и незыблемой опорой защитников современного строя, обнаружили на выборах такую тягу к социализму, что публицисты и теоретики буржуазии не на шутку встревожились и забили тревогу.

Действительно, стоит лишь бросить взгляд на статистическую карту последних выборов, чтобы убедиться, что социализму удалось объединить вокруг своих кандидатов не одну сотню тысяч земельных тружеников.

Социалисты собрали в общем 1,400.000 голосов, на 300 тысяч голосов больше в сравнении с прошлыми выборами. На каждую тысячу французских избирателей насчитывается 223 воздержавшихся, 641 вотировавших за не-социалистические партии и 126 отдавших свои голоса социалистам. Наиболее сильный рост социалистических голосов имел место в центральных и юго-западных департаментах Франции, являющихся департаментами преимущественно крестьянскими. Этого мало. Социалистам удалось получить более 15% голосов всех избирателей в 32 департаментах, — в это число входит десять департаментов с преобладающим крестьянским населением, давших более 20% голосов, и 13 департаментов с преобладающим крестьянским населением, давших более 15%. В смысле максимального процентного отношения социалистических голосов крестьянские департаменты оставили далеко позади городские центры. Так, в то время, как в департамент Сены, в состав которого входит Париж, социалистические голоса достигли 25%, в департамент

Сѣвера съ его плотнымъ и многочисленнымъ индустріально-пролетарскимъ населеніемъ — 24¹/₂%, рядъ крестьянскихъ департаментовъ далъ гораздо болѣе высокую пропорцію социалистическихъ избирателей. Въ департаментѣ Аллье, побившемъ въ этомъ отношеніи рекордъ, крестьянское населеніе достигаетъ 80%, но въ немъ социалисты получили абсолютное большинство, — за нихъ голосовало 56% всѣхъ избирателей. Изъ четырехъ депутатовъ Аллье — три принадлежатъ къ социалистической партіи. Это самый красный французскій департаментъ. Но Аллье не исключеніе. Въ департаментѣ Отъ Виеннѣ пропорція социалистическихъ голосовъ равняется 37,8% въ Арденнахъ — 30,3%, въ Варь — 28,2%, Крэзь — 25,7%, Ниверъ — 25,3%, Гарь — 24,7% и т. д. И все это департаменты, въ которыхъ крестьянство составляетъ отъ 60 до 80% общаго населенія. По приблизительнымъ подсчетамъ центральной организаціи партіи, ея кандидатамъ удалось собрать въ крестьянствѣ отъ 700 до 750 тысячъ голосовъ. Крестьяне не только вотировали въ значительномъ числѣ за социалистовъ, но проявили въ рядѣ мѣстъ такой социалистическій энтузіазмъ во время избирательной кампаніи и оказывали такое энергичное содѣйствіе кандидатамъ партіи, что нѣкоторые французскіе социалисты, перегибая палку въ противоположную сторону, предвѣщаютъ уже полное завоеваніе социализмомъ крестьянства въ самомъ ближайшемъ будущемъ.

Вотъ что писалъ, напримѣръ, по этому поводу одинъ изъ лидеров французскаго марксизма, депутатъ Компьеръ-Морель, являющийся настоящимъ апостоломъ аграрнаго социализма во Франціи. Компьеръ-Морель обрушивается на тѣхъ буржуазныхъ теоретиковъ, которые всегда доказывали, что социалистическія идеи встрѣтятъ непреодолимую преграду въ деревнѣ.

„Втеченіе долгаго времени, пишетъ онъ, эти теоретики отрицали прогрессъ нашихъ идей въ крестьянствѣ и, когда мы имъ приводили примѣры, цитировали факты, показывающіе, что земельные труженики далеко не относятся враждебно къ освободительному социализму, — они не только оспаривали ихъ, но находили возможнымъ утверждать съ безстыднымъ цинизмомъ, что нѣтъ и не можетъ быть ни одного мелкаго крестьянскаго собственника, ни одного фермера, даже ни одного земледѣльческаго рабочаго, который былъ бы способенъ понять насъ и пойти за нами. Но вотъ намъ на помощь пришла избирательная кампанія и полученные результаты настолько краснорѣчивы, что опровергать ихъ ужъ нѣтъ возможности. Крестьяне не только сбѣгались толпами слушать нашихъ ораторовъ, не только аплодировали имъ и устраивали имъ оваціи, но добровольно превращались въ расклеивщиковъ нашихъ избирательныхъ афишъ, въ разносчиковъ нашихъ бюллетеней, газетъ и брошюръ. Крестьяне, обладавшіе лошадьми и подводами, отдавали ихъ безплатно въ распоряженіе партійныхъ товарищей. Имѣвшихъ честь защищать наше знамя въ крестьян-

скихъ округахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мужицкіе избирательные бюллетени на имя кандидатовъ рабочаго класса и трудового міра густо, подобно граду, падали въ урны, здѣсь завоевывая депутатское мѣсто, тамъ расшатывая позиціи буржуазныхъ партій и подготавливая почву для будущихъ успѣховъ... Обманываемые и обманутые различными политическими фракціями буржуазнаго класса, смѣнявшимися у власти, крестьяне, знающіе теперь, что социалистическая партія есть политическая партія освобождающагося рабочаго класса, безъ колебанія вступаютъ въ наши ряды и, гордые и счастливые, занимаютъ мѣсто среди своихъ братьевъ по труду и страданіямъ, среди пролетаріата городовъ. Что бы ни дѣлали и ни говорили наши противники, социалистическая партія, защитница всѣхъ свободъ, покровительница всѣхъ слабыхъ и угнетенныхъ, піонеръ всѣхъ реформъ и сторонница всѣхъ социальныхъ улучшеній, соберетъ вокругъ себя всю совокупность земледѣльческихъ производителей. И это произойдетъ гораздо скорѣе, чѣмъ это думаютъ. Я нахожу основаніе для такого предположенія въ яркомъ и неоспоримомъ фактѣ могучаго движенія, захватывающаго и увлекающаго къ намъ крестьянскія массы, которыя такъ тяжело и трудно расшевелить. Когда идея оказывается способной вызывать такое чудо, — она представляетъ силу, съ которой нельзя не считаться и съ которой невозможно бороться. Будущее это покажетъ¹⁾.

Даже такой осторожный и мало склонный къ увлеченіямъ социалистъ, какъ блестящій и талантливый депутатъ Париза Марсель Самба, счелъ возможнымъ предсказывать скорое завоеваніе власти французскимъ социализмомъ въ виду успѣховъ партій въ крестьянствѣ. Раньше, писалъ Самба въ „Humanité“, мы смотрѣли на себя, какъ на партію съ ограниченной сферой вліянія и вслѣдствіе этого обреченную на постоянную оппозиціонную роль. Таковыми считали насъ и наши противники. Но теперь положеніе рѣзко измѣнилось. Дѣйствительность показала, что мы можемъ разсчитывать не на одну лишь поддержку пролетаріата. Теперь къ намъ идетъ многомилліонное крестьянство, — „les paysans marchent, les campagnes s'y mettent“. Но — утверждаетъ Самба — для партій, которой удастся получить солидныя точки опоры въ деревнѣ, во Франціи открывается перспектива сдѣлаться въ недалекомъ будущемъ самой сильной, многочисленной и могущественной. И Самба призываетъ французскихъ социалистовъ проникнуться сознаніемъ ответственности, которую возлагаетъ на нихъ это обстоятельство, и помнить, что, быть можетъ, уже недалекъ тотъ день, когда партіи придется выйти изъ своей оппозиціонной роли и занять мѣсто у кормила правленія...

Можно не раздѣлять несомнѣнно чрезмѣрнаго оптимизма, ох-

1) „La Force d'une idée“ въ „Humanité“ отъ 9-го мая 1914 г.

вативнаго французскихъ социалистовъ, но нельзя не видѣть въ этомъ оптимизмъ отраженія дѣйствительныхъ и крупныхъ успѣховъ, одержанныхъ ими въ крестьянскомъ мірѣ. Мы видѣли, что социалистической партіи удалось собрать около 750 тысячъ головъ въ деревнѣ.

Какіе же однако слои крестьянства проявили наибольшую воспріимчивость къ социалистической пропагандѣ? Вѣдь еслибы оказалось, что за социалистовъ голосовали преимущественно земледѣльческіе рабочіе, сельско-хозяйственный пролетаріатъ, то тогда утвержденія французскихъ буржуазныхъ теоретиковъ, противъ которыхъ ополчается Компьеръ-Морель и которые въ своей оцѣнкѣ земельныхъ тружениковъ вполне сходятся съ русскими „последовательными“ марксистами, не были бы такими ужъ голословными. Компьеръ-Морель занялся выясненіемъ и этого вопроса. Въ новомъ гэдистскомъ журналѣ „Socialisme et lutte de classes“ имъ помѣщена большая статья, въ которой онъ подвергаетъ подробному анализу результаты выборовъ. Онъ беретъ одинъ за другимъ крестьянскіе департаменты, давшіе болѣе 15% голосовъ социалистамъ, и на основаніи точныхъ данныхъ даетъ характеристику социального состава населенія этихъ департаментовъ. Результаты продѣланной имъ работы весьма любопытны. Вотъ какъ онъ ихъ резюмируетъ:

„Въ департаментахъ, гдѣ мы получили наиболѣе значительные успѣхи, мы констатируемъ отсутствіе крупныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ, отсутствіе большихъ массъ земледѣльческаго пролетаріата. Вездѣ, гдѣ крупная земельная собственность раздѣлена на мелкія хозяйства и подвергается обработкѣ фермерами и исполнителями, мы имѣли возможность собрать большое число голосовъ и добиться избранія многихъ нашихъ кандидатовъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ большинство населенія составляютъ мелкіе крестьяне собственники, сами обрабатывающіе свои участки, нашъ успѣхъ былъ также великъ. Наоборотъ, въ департаментахъ, изобилующихъ средними хозяйствами и крупными капиталистическими фермами и населенныхъ многочисленнымъ земледѣльческимъ пролетаріатомъ, мы или вовсе не собрали голосовъ, или собрали очень мало“ 1).

Между прочимъ, и въ предыдущихъ большихъ и мелкихъ работахъ своихъ по аграрному вопросу цитированный авторъ неоднократно подчеркивалъ, что сельско-хозяйственные пролетаріи, въ особенности же та категорія ихъ, которая занята въ большихъ капиталистическихъ хозяйствахъ, являются болѣе темнымъ, отсталымъ и некультурнымъ слоемъ деревенскаго населенія, совершенно не поддающимся пропагандѣ социализма. На Сентъ-Этьенскомъ конгрессѣ партіи тотъ же Компьеръ-Морель откровенно заявилъ, что означенная категорія пролетаріевъ обладаетъ весьма

1) „Socialisme et lutte de classes“, № 7

„плачевной психологией“ (*triste mentalité*) и что ихъ умственный уровень „чрезвычайно низокъ“ (*profondement bas*).

Свидѣтельство Комперъ-Морели нельзя не считать авторитетнымъ. Этотъ лидеръ гадизма является однимъ изъ лучшихъ знатоковъ крестьянской жизни во Франціи. Происходя изъ крестьянъ и будучи по профессіи развѣзжимъ садовникомъ, онъ исколесилъ крестьянскую Францію по всѣмъ направленіямъ и знаетъ ее, какъ свои пять пальцевъ. Лишь послѣ своего избранія въ депутаты Комперъ-Морель выпустилъ изъ рукъ свои садовые инструменты, но онъ и сейчасъ является однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ крестьянскихъ пропагандистовъ партіи, посвящая свободное отъ парламентскихъ занятій время пропагандѣ социализма въ деревнѣ. Характеризуя въ своей большой работѣ „*La question agraire et le socialisme en France*“ французскій земледѣльческій пролетаріатъ, Комперъ-Морель утверждаетъ, что социалисты могутъ добиться нѣкоторыхъ результатовъ лишь среди батраковъ, работающихъ въ хозяйствахъ мелкихъ трудовыхъ крестьянъ, вынужденныхъ прибѣгать время отъ времени къ помощи наемнаго труда. Но и здѣсь, по словамъ автора, успѣхъ можетъ увѣнчать усилія пропагандистовъ лишь въ томъ случаѣ, если они будутъ отдавать себѣ ясный отчетъ во взаимоотношеніяхъ батраковъ и ихъ „хозяевъ“. Авторъ набрасываетъ чрезвычайно любопытную картину этихъ взаимоотношеній, показывающую глубокое своеобразие социальной жизни деревни и вмѣстѣ съ тѣмъ всю поверхностность попытокъ теоретическаго распредѣленія по „кѣлочкамъ“ различныхъ слоевъ крестьянскаго населенія. Когда мы, обращаясь къ батраку, рисуемъ ему въ общихъ фразахъ эксплуатацію земельнаго капитала, онъ совершенно насъ не понимаетъ, пишетъ Комперъ-Морель, ибо онъ предполагаетъ, что мы имѣемъ въ виду его хозяина, который, какъ ему прекрасно извѣстно, также терпитъ гнетъ и лишения. Батраки имѣютъ очень слабое представленіе объ экономическихъ явленіяхъ окружающей ихъ жизни, — они не въ состояніи различать всѣ своеобразныя и различныя формы, за которыми скрывается земельная собственность, и, имѣя дѣло, какъ съ работодателями, исключительно съ мелкими крестьянами, они воображаютъ, что наша критика и наши нападки направлены на нихъ. Но установившіяся между этими послѣдними и батраками отношенія настолько дружественны, что наши утвержденія получаютъ въ ихъ глазахъ совершенно голословный характеръ.

Мелкій фермеръ или мелкій крестьянинъ, рассказываетъ Комперъ-Морель, очень часто сдаетъ кусокъ своей земли своему же батраку. Онъ самъ обрабатываетъ его ему, засѣваетъ, свозитъ на своей лошади его урожай, привозитъ удобреніе и топливо. И въ тѣ дни, когда такимъ образомъ хозяинъ и работникъ обмѣниваются ролями, „хозяинъ“ ѣстъ за столомъ своего работника. Втеченіе года они одинаково работаютъ ѣдятъ за однимъ столомъ, вмѣстѣ

отдыхаютъ. Въ воскресенья и праздничные дни они вмѣстѣ играютъ въ картинки, вмѣстѣ выпиваютъ въ кафе. Они къ тому же говорятъ другъ другу „ты“. Вотъ почему, плохо понимая насъ, предполагаая, что мы указываемъ ему на его хозяина, въ которомъ онъ привыкъ видѣть почти своего равнаго, какъ на врага, съ которымъ нужно бороться, батракъ отказывается идти за нами¹⁾.

Успѣхъ французскихъ социалистовъ въ деревнѣ является, слѣдовательно, главнымъ образомъ успѣхомъ среди трудового крестьянства. Не подлежитъ сомнѣнію, что на послѣднихъ выборахъ извѣстную роль въ этомъ отношеніи сыгралъ законъ о возстановленіи трехлѣтняго срока военной службы, который крайне непопуляренъ въ крестьянскомъ мирѣ и противъ котораго особенно энергично боролась социалистическая партія. Но дѣло въ томъ, что тяга французскихъ крестьянъ къ социализму явленіе не новое. Еще въ 1910 году партія удалось собрать болѣе полумилліона голосовъ въ деревнѣ. На послѣднихъ выборахъ это явленіе выступило лишь нѣсколько рѣзче и выпуклѣе.

За послѣдніе годы ростъ социалистическихъ идей въ крестьянствѣ служилъ предметомъ частаго обсужденія во французской экономической и политической литературѣ. Даже беллетристы обратили на него свое вниманіе. Извѣстный писатель и академикъ Ренэ Бауэнъ, строго блюдущій консервативныя традиціи, написалъ специальный романъ „Le Ble qui leve“, въ которомъ изображается проникновеніе социализма въ деревню и дается весьма пристрастная характеристика того поворота, который совершается въ социальной психологіи крестьянина. Въ знаменитомъ романѣ Рони „La vague rouge“, мы также находимъ главу, въ которой авторъ описываетъ, какъ жадно крестьяне внимаютъ рѣчамъ революціоннаго социалиста, случайно попавшаго въ деревню. Наконецъ, въ рядѣ романовъ Эмиля Гильомена и Эмиля Мозели, молодыхъ и талантливыхъ бытописателей крестьянства, эволюція послѣдняго въ сторону социализма проходитъ красной линіей. Указываемое явленіе сейчасъ во Франціи никѣмъ уже не оспаривается, лишь въ оцѣнкѣ его и объясненіи мнѣнія и взгляды рѣзко расходятся.

Конечно, пока еще не приходится говорить о быстро растущей социалистичности чуть ли не всего французскаго крестьянства, о какомъ-то необыкновенномъ торжествѣ коллективистскихъ принциповъ среди крестьянскихъ массъ Франціи, такъ долго жившихъ подъ властью индивидуалистическихъ экономическихъ отношеній и рѣзко индивидуалистическихъ понятій и традицій. Неопровержимо лишь то, что начавшаяся сравнительно недавно серьезная и организованная пропаганда французскихъ социалистовъ въ деревнѣ находитъ тамъ все болѣе благоприятную почву и что тяга кре-

¹⁾ Compère-Morel, „La question agraire et le socialisme en France“, Paris. 1912, стр. 10—11.

стьянского класса къ социалистической партіи значительно и замѣтно усиливается.

Чѣмъ же объясняется это явленіе? Что заставило чуть ли не мистическаго индивидуалиста крестьянина, всегда шедшаго на поводу у защитниковъ современнаго строя, встрѣчать съ растущей симпатіей и дѣятельнымъ сочувствіемъ проповѣдь враговъ этого строя?

Надо сказать, что, не смотря на неравномѣрное, въ ущербъ трудовому крестьянству, распредѣленіе земельной собственности во Франціи, земельный вопросъ не является для него сейчасъ доминирующимъ. При отсутствіи прироста населенія и при томъ высокомъ уровнѣ экономическаго и техническаго прогресса, котораго достигло французское крестьянское хозяйство, ограниченность земельного участка не служитъ для типично трудового самостоятельнаго крестьянина главнымъ источникомъ экономическихъ невзгодъ и недовольства. Сельско-хозяйственная эволюція Франціи привела къ тому, что другія причины болѣе непосредственно гнетутъ крестьянина и болѣе непосредственно имъ ощущаются. Только этимъ можно объяснить то обстоятельство, что, какъ въ стихійныхъ крестьянскихъ вспыскахъ послѣднихъ лѣтъ, такъ и въ ихъ организованномъ движеніи опредѣляющую роль играютъ отнюдь не чисто земельныя требованія. Вопросъ о перераспредѣленіи земли еще не стоитъ пока для французскаго крестьянства на первомъ планѣ, если не объективно, то, по крайней мѣрѣ, субъективно. И социалистическая партія, пользуясь растущимъ успѣхомъ въ деревнѣ, отнюдь не общается крестьянамъ увеличить ихъ земельную собственность. Она требуетъ экспропріаціи крупнаго землевладѣнія не для того, чтобы раздѣлить крупныя помѣстья между крестьянами, а чтобы организовать на нихъ, рядомъ съ крестьянскимъ хозяйствомъ, національное хозяйство на строго коллективныхъ началахъ.

Программа крестьянскихъ требованій французскаго социализма имѣетъ въ виду исключительно борьбу противъ непосредственныхъ результатовъ общей сельско-хозяйственной эволюціи, тяжело отзывающихся на крестьянствѣ, и то, что эта программа объединяетъ вокругъ социалистической партіи сотни тысячъ земельныхъ тружениковъ, уже само по себѣ симптоматично и знаменательно. Ключъ къ пониманію того поворота, который совершается во французскомъ крестьянскомъ мірѣ, лежитъ въ выясненіи общаго направленія сельско-хозяйственной эволюціи Франціи и ея наиболѣе важныхъ результатовъ.

II.

Самымъ яркимъ, бьющимъ въ глаза, фактомъ сельско-хозяйственнаго развитія Франціи является быстрый переходъ отъ натурального хозяйства къ денежному. Когда-то натуральное крестьян-

ское хозяйство давало повод писателям восхвалять на разные лады исключительно счастливое положение крестьянина. Еще социалист Сисмонди патетически воспевал независимое и обеспеченное положение трудового земледельца, который никому не платит аренды и не отдает заработной платы, который есть собственный хлеб, пьет собственное вино, сам тклет полотно и материю для своего белья и своей одежды и совершенно не интересуется рыночными делами.

Рост во Франции капитализма, все более стремящегося охватить своими щупальцами все области национального производства и обмена, давно уже разрушил патриархальный экономический строй деревни, при котором крестьянин мог считать себя бронированным от влияния движений рыночных цен. Начавшееся в период второй империи быстрое развитие французского железнодорожного строительства, покрывшего очень скоро страну густой стальной сетью, в связи с ускорившимся прогрессом городской индустрии, нанесло первый тяжелый удар натуральному хозяйству в земледелии. Получив возможность приобретать по дешевой цене различные продукты первой необходимости, которые он раньше должен был изготовлять собственными руками, крестьянин естественно направил все свои усилия на те отрасли земледельческого производства, которые могли давать ему максимум прибыли и продукты которых легко можно было сбывать во все более разрастающиеся городские центры. Крестьянин, бывший раньше собственник хлеба, пивший собственное вино и т. д., сделался покупателем и продавцом, он оказался захваченным в расширяющуюся систему рыночных отношений; деревня быстро переходила от натурального к рыночному хозяйству. Эта эволюция, свойственная не только 3-европейским странам, но все более распространяющаяся и на центральную и восточную Европу, во Франции развивалась особенно быстрым темпом и имела своим результатом растущую *специализацию* сельскохозяйственного производства, создававшую почву для его индустриализации.

Французское крестьянство, по своему культурному уровню, занимает едва ли не первое место в Европе. В социальном отношении оно является гораздо более независимым, чем крестьянское население других европейских стран. Великая революция, разрушившая до основания феодально-крепостнические порядки, упразднившая сословный режим, сравнившая в правовой области крестьянина со всеми остальными общественными классами, сделала его в значительной мере самостоятельным и свободным. Он не чувствует на себе такого сильного давления железной руки крупно-землевладельческой касты, как, например, крестьянство Германии или России, Австрии или Румынии. Все эти обстоятельства, в связи с разнообразием и

природнымъ богатствомъ французской почвы, содѣйствовали развитію экономической инициативы французскаго крестьянина. Вступленіе его хозяйства на путь мѣновыхъ отношеній побудило его проявить особенно широко это свое свойство. Условія рынка дали ему толчокъ для измѣненія методовъ обработки и для спеціализаціи хозяйства. Они указали ему направленіе, которому нужно слѣдовать, и границы, которыя нельзя переступать. Спосособное и энергичное французское крестьянство очень скоро восприняло отъ городской индустріи, съ которой оно все сильнѣе связывалось, систему раздѣленія труда, оно поняло громадную пользу, которую можно извлекать изъ широкаго примѣненія химическаго удобренія. Оно научилось извлекать изъ земли максимумъ доходовъ, требуя отъ нея то, что она лучше всего можетъ дать. Въ каждой земледѣльческой области стали стремиться къ производству тѣхъ продуктовъ, которые находятъ лучший и болѣе выгодный сбытъ на рынкѣ. И не только были комбинированы новые способы обработки, чтобы получить возможно большее количество такихъ продуктовъ, но ихъ производству подчинили всѣ остальные хозяйственные работы.

Появились во все увеличивающемся количествѣ земледѣльческія хозяйства, спеціализировавшіяся исключительно на одной какой-нибудь производственной отрасли, какъ, напримѣръ, винограды, фрукты, овощи, цвѣты, фуражъ, молочное производство, скотоводство. Окончательное разрушеніе домашнихъ промысловъ вынудило также французскаго крестьянина искать компенсаціи въ наиболѣе энергичномъ использованіи всѣхъ, хотя бы самыхъ незначительныхъ, ресурсовъ своего хозяйства. „Крестьянинъ усленно создаетъ себѣ все новыя и новыя занятія, которыя требуютъ тщательнаго и искуснаго ручного труда и въ которыхъ машины не могутъ примѣняться въ широкихъ размѣрахъ,—пишетъ Оже Ларибэ въ своемъ послѣднемъ аграрномъ изслѣдованіи.—Онъ разводитъ, гдѣ только возможно, цвѣточную и огородную культуры, насаждаетъ фруктовые сады, культивируетъ различныя цѣлебнo-медицинскія растенія, заводитъ ульи, расширяетъ всѣми силами птицеводство, собираетъ трюфели и грибы. И по мѣрѣ роста и развитія научной популяризаціи всѣ эти отрасли крестьянскаго хозяйства умножаются“ ¹⁾.

Земледѣльческій кризисъ восьмидесятыхъ годовъ, вызванный наплывомъ въ Европу дешеваго американскаго хлѣба, далъ особенно сильный толчокъ описываемой эволюціи французскаго сельскаго хозяйства. Рѣзкое паденіе хлѣбныхъ цѣнъ явилось для французскаго крестьянина стимуломъ для болѣе усиленнаго производства продуктовъ, не встрѣчающихъ на рынкѣ заокеанской конкуренціи.

¹⁾ Augè-Laribé, „L'Evolution agricole de la France“, Paris, 1912, стр. 232.

Правда, таможенный барьеръ, наскоро воздвигнутый правительствомъ, значительно замедлилъ темпъ этого процесса, но тѣмъ не менѣе онъ все продолжалъ и продолжаетъ развиваться. И если нельзя сказать, что все сельское хозяйство Франціи уже рѣзко специализировано, то все же это явленіе выступаетъ какъ доминирующий фактъ французской аграрной эволюціи.

Приведемъ нѣсколько цифровыхъ данныхъ для его иллюстраціи.

Такъ, напримѣръ, площадь пшеничныхъ полей, съ 1862 по 1910 годъ, съ 7 миллионѣвъ 457 тысячъ гектаровъ сократилась до 6 миллионѣвъ 554 тысячъ гектаровъ, а площадь, на которой сосредоточены производство разнообразныхъ кормовыхъ продуктовъ, искусственные и естественные луга, пастбища и т. п., за три только десятилѣтія, съ 1887 по 1910 годъ, расширилась съ 10 миллионѣвъ 353 тысячъ до 15 миллионѣвъ 135 тысячъ гектаровъ. Одна лишь площадь луговъ и пастбищъ за указанный промежутокъ времени увеличилась въ размѣрахъ болѣе чѣмъ на два миллиона гектаровъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что общее расширеніе французской земледѣльческой площади не только не вызвало распространенія хлѣбной культуры, но, наоборотъ, совпало съ ея сокращеніемъ, и что эта площадь въ нѣсколько разъ меньше площади, посвященной другимъ отраслямъ производства. Вмѣстѣ съ тѣмъ аграрная статистика Франціи отмѣчаетъ слѣдующее характерное явленіе. За указанный выше періодъ увеличилось въ огромныхъ размѣрахъ скотоводство и производство молочныхъ продуктовъ и въ то же время сократились въ такихъ же размѣрахъ, а во многихъ департаментахъ вовсе исчезли такъ называемыя „бѣдныя культуры“, т. е. посѣвы ржи, гречихи и т. п., имѣющіе цѣлью удовлетвореніе домашняго крестьянскаго потребленія.

Приведенныя цифры освѣщаютъ лишь одну сторону аграрной эволюціи Франціи, онѣ не даютъ представленія о количественномъ соотношеніи всѣхъ разнообразныхъ отраслей французскаго сельскаго хозяйства. Но въ сборникахъ министерства земледѣлія мы находимъ интересныя детальныя данныя, указывающія, на какую сумму произведено ежегодно различныхъ продуктовъ агрикультуры.

Сопоставленіе этихъ данныхъ, хотя бы для одного только года, можетъ приблизительно выяснитъ тѣ предѣлы, до которыхъ развилась специализація производства во французской сельско-хозяйственной области.

Мы ограничимся цифрами за 1911 годъ, касающимися главныхъ и наиболѣе распространенныхъ продуктовъ.

Если соединить въ одну группу пшеницу, рожь, гречиху, овесъ и ячмень, которые составляютъ важнѣйшую традиціонную основу неспециализированнаго земледѣлія, то окажется, что этихъ про-

дуктовъ было произведено въ 1911 году на 3 миллиарда 681 миллионъ 649 тысячъ франковъ.

Слѣдующая таблица показываетъ приблизительные размѣры болѣе или менѣе специализированнаго производства. Мы опять-таки беремъ въ качествѣ критерія денежную сумму, въ которую оно оцѣнено.

	Во франкахъ.
Виноградъ и вино	1.018.618.720
Картофель	809.456.040
Свекла	442.140.210
Клеверъ	249.411.240
Люцерна (медунка).	333.450.040
Сладкая дыня	173.578.290
Сурѣница	115.090.901
Кукуруза	109.210.680
Главные сорта фруктовъ	219.187.008
Главные сорта огородныхъ овощей	551.279.840
Конопля	14.316.746
Ленъ	26.000.000
Табакъ	19.019.338
Макъ	1.926.206
Дикая рѣпа	1.475.705
Итого	3.978.145.504 ¹⁾

Итакъ оказывается, что специализированныхъ или болѣе или менѣе специализированныхъ продуктовъ произведено въ 1911 году во Франціи на большую сумму, чѣмъ пшеницы, ржи, овса, ячменя и гречихи. Но мы не имѣемъ еще точныхъ данныхъ ни о скотоводствѣ, ни о молочномъ производствѣ, которыя, какъ мы видѣли въ предыдущемъ, занимаютъ громадное мѣсто во французскомъ сельскомъ хозяйствѣ. Правда, въ приведенную выше таблицу вошли нѣкоторые кормовые продукты, но это далеко не даетъ исчерпывающаго представленія о названныхъ отрасляхъ.

Что касается скотоводства, то официальные статистическія изслѣдованія указываютъ лишь постоянный ростъ породъ, предназначенныхъ для рынка, и колоссальное уменьшеніе породъ, которыми пользуются для домашнихъ работъ.

Какъ я уже говорилъ выше, сильно развивающаяся специализация сельско-хозяйственнаго производства во Франціи открыла дорогу для его быстрой индустриализаціи, для возникновенія многочисленныхъ предприятий, занимающихся обработкой и переработкой продуктовъ сельского хозяйства.

Новыя открытія въ химіи и въ физикѣ, выработка различныхъ способовъ консервированія продуктовъ, изобрѣтеніе усовершенство-

¹⁾ „Statistique agricole annuelle“, 1911, Paris. Всѣ перечисленные въ таблицѣ продукты, за исключеніемъ овощей и фруктовъ, относятся французской статистикой къ „индустриальнымъ культурамъ“.

ванных холодильниковъ, дающихъ возможность перевозить продукты на далекія разстоянія безъ риска порчи, сильно подвинули впередъ этотъ процессъ.

Индустриализація французскаго сельскаго хозяйства, въ виду огромныхъ прибылей, которыя она даетъ предпринимателямъ, приняла такіе размѣры, что въ этомъ отношеніи Франція занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Европѣ.

Достаточно бросить бѣглый взглядъ на таблицу, дающую численный перечень различныхъ предприятий, соприкасающихся съ земледѣліемъ, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Вотъ эта таблица, которую мы находимъ въ уже упомянутыхъ статистическихъ сборникахъ министерства земледѣлія.

4,295	паровыхъ мельницъ.
4,257	мельницъ съ жерновой системой (<i>minoteries à meules</i>).
5,873	индустриальныхъ предприятия для переработки молочныхъ продуктовъ.
2,674	пивныхъ завода.
1,211	винокурень.
1,128	заводовъ, производящихъ сидръ.
224	сахарныхъ завода.
391	заводъ для производства солода.
118	свеклотерень (<i>Rapierie de bettraves</i>).
185	заводовъ для производства картофельной муки
24	крахмальныхъ завода.
313	фабрикъ мясныхъ и овощныхъ консервовъ.
114	фабрикъ фруктовыхъ консервовъ.
157	фабрикъ, изготовляющихъ фруктовое варенье.
4,393	другихъ предприятия ¹⁾ .

Эта таблица можетъ дать приблизительное представленіе о томъ колоссальномъ количествѣ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, которое подвергается сейчасъ во Франціи индустриальной переработкѣ и поступаетъ въ переработанномъ видѣ на рынокъ. Какъ далеки мы отъ того „счастливаго времени“, которое воспѣвалъ Сисмонди!

III.

Изъ всего изложеннаго видно, что французское сельское хозяйство сдѣлало огромный прогрессъ. Оно безостановочно развивалось, создавало новыя отрасли производства, использовало всѣ имѣвшіяся въ его распоряженіи средства для своего усовершенствованія, для поднятія своей доходности.

Но специализація и индустриализація сельскаго хозяйства, какъ и всякая медаль, имѣетъ свою оборотную сторону, и эта оборотная сторона—проникновеніе въ деревню въ огромныхъ размѣрахъ торговаго и индустриальнаго капитала, очень скоро сумѣвшаго подчинить себѣ экономически земельнаго труженника.

¹⁾ Тамже.

Уже одно вступленіе сельскаго хозяйства на путь *мѣновыхъ* отношеній само по себѣ превращало крестьянина въ данника капитала.

Получая большую часть необходимыхъ для него продуктовъ отъ городской индустріи, сдѣлавшись покупателемъ, крестьянинъ втягивался капиталомъ въ область его эксплуатаціи, какъ потребитель. И, чѣмъ болѣе прогрессировало французское земледѣліе, чѣмъ болѣе оно, благодаря своему прогрессу, должно было потреблять земледѣльческія машины, орудія, всевозможныя химическія удобрения, тѣмъ болѣе увеличивалась та дань, которую выжималъ капитализмъ изъ крестьянина потребителя. Въ то же время, предназначая свои продукты для рынка, крестьянинъ попадалъ уже въ сферу вліянія рыночныхъ цѣнъ и тѣмъ самымъ въ зависимость отъ капитала, царствующему на рынкѣ.

Даже ограничиваясь одной лишь продажей зерновыхъ продуктовъ, трудовой земледѣлецъ теряетъ тотъ призракъ независимости отъ капитала, который мерещился наблюдателямъ крестьянской жизни въ доброе старое время.

Рыночныя цѣны на зерновые продукты далеко не опредѣляются сейчасъ свободной игрой экономическихъ силъ, автоматическимъ соотношеніемъ спроса и предложенія. По мѣрѣ того, какъ торговля зерномъ стала сосредоточиваться все сильнѣе въ рукахъ гигантскихъ капиталистическихъ синдикатовъ, направляющее вліяніе въ области установленія рыночныхъ цѣнъ перешло къ капиталистамъ, „королямъ биржи“. За кулисами биржи эти, почти неограниченные, короли приводятъ въ движеніе тѣ тайныя пружины, которыя вызываютъ искусственное повышение или пониженіе цѣнъ, и даютъ возможность синдикатамъ спекуляторовъ наживать милліоны на спинахъ крестьянъ и потребителей. Завися преимущественно отъ движенія рыночныхъ цѣнъ, крестьянинъ однако совершенно *безсиленъ* оказывать въ этомъ отношеніи какое бы то ни было вліяніе. Таковъ одинъ изъ парадоксальныхъ результатовъ развитія *мѣновыхъ* отношеній въ деревнѣ.

Передо мною лежитъ прекрасная работа, вышедшая въ прошломъ году и посвященная описанію индустріальной и аграрной эволюціи Франціи за послѣднія полтора столѣтія. Высоко компетентные авторы этого объективнаго изслѣдованія, Жоржъ Ренаръ и Альберъ Дюлакъ, пишутъ по интересующему насъ вопросу слѣдующее:

„Вліяніе спекуляторовъ на хлѣбныя цѣны увеличивается по мѣрѣ роста и расширенія хлѣбныхъ операций. Крупные спекуляторы превращаются въ настоящихъ хозяевъ рынка. Эта растущая сила съ успѣхомъ стремится къ тому, чтобы отнять всякое вліяніе у тѣхъ, которые дѣйствительно покупаютъ продуктъ и продаютъ его. Сила капитала побѣждаетъ и обмѣнъ уступаетъ мѣсто акці-

этажу. Развитие синдикатовъ и трестовъ вмѣстѣ съ переходомъ въ ихъ руки органовъ продажи и перевозочныхъ средствъ еще болѣе содѣйствуетъ усиленію господства капитала надъ земледѣліемъ... Капиталистическое могущество господствуетъ надъ коммерческой организаціей зернового рынка и все болѣе подчиняетъ себѣ и самое земледѣльческое производство. Этотъ процессъ ведетъ къ своего рода возстановленію, въ пользу денежной олигархіи, тѣхъ феодальныхъ правъ, которыми обладали когда-то крупные землевладѣльцы надъ продуктами труда. Владѣніе землей сдѣлалось свободнымъ, но это владѣніе получаетъ цѣну, если оно даетъ возможность свободно извлекать выгоды изъ земли, а теперь эта свобода зависитъ отъ рынка. Переходъ въ руки капитала органовъ продажи и образованія цѣнъ возстановляетъ феодализмъ въ новой лишь формѣ. Такими представляются намъ результаты эволюціи современнаго мѣнового режима¹⁾.

Однако подчиненіе земледѣльца-продавца зерновыхъ продуктовъ капиталу носитъ въ значительной степени прикровенный характеръ. Крестьянинъ знаетъ, что вліять на рыночныя цѣны онъ не можетъ, что въ этой области дѣйствуютъ какія-то другія силы, но въ большинствѣ случаевъ онъ имѣетъ о нихъ лишь смутное, неясное представленіе. Къ тому же свобода его продажи непосредственно не ограничена, крестьянинъ имѣетъ возможность дѣлать выборъ между различными фирмами, скупающими зерно, и добиваться, въ извѣстныхъ предѣлахъ, болѣе выгодныхъ условий продажи. Иначе обстоитъ дѣло, когда крестьянинъ является продавцомъ специализированныхъ продуктовъ, здѣсь ужъ онъ не можетъ питать никакихъ иллюзій о своей независимости и видитъ и знаетъ, кто является его господиномъ. Эти продукты, покупка и продажа которыхъ сконцентрированы во Франціи въ огромныхъ размѣрахъ, скупаются или синдикатами фирмъ, организующихъ ихъ продажу въ городахъ, черезъ посредство своихъ многочисленныхъ отдѣленій, или же трестами заводчиковъ и фабрикантовъ, занимающихся ихъ обработкой и переработкой. Синдикаты и тресты разграничиваютъ между собою сферы дѣйствія и устанавливаютъ цѣны, дорожке которыхъ не имѣетъ права платить ни одна изъ фирмъ, входящихъ въ ихъ составъ. Производя одинъ какой-нибудь специальный продуктъ, крестьянинъ можетъ продать его одному лишь покупателю, не имѣющему соперниковъ, и по той цѣнѣ, которую этотъ покупатель назначаетъ. Въ каждой земледѣльческой области, отличающейся какимъ-нибудь опредѣленнымъ специальнымъ производствомъ, дѣйствуетъ одинъ лишь синдикатъ или трестъ, имѣющій въ своемъ распоряженіи громадныя капиталы и легко и быстро сокрушающій мелкихъ конкурентовъ, если тако-

¹⁾ G. Renard et A. Dulac, „L'Evolution industrielle et agricole depuis cent cinquante ans“. Paris 1912, стр. 382.

вые появляются. Онъ не только властно диктуетъ свои цѣны производителю, но, пользуясь его денежной нуждой, связываетъ его крѣпко, какъ тенетами, раззорительными контрактами, лишая его всякой независимости и превращая его какъ бы въ своего рабочаго.

„Зависимость крестьянина отъ капитала, читаемъ мы у Оже Ларибэ, увеличилась по мѣрѣ того, какъ благодаря научнымъ открытіямъ стали возникать многочисленные заводы и фабрики для переработки продуктовъ земли. Винокуренные заводы, фабрики картофельной муки и крахмала, сахарные и рафинадные заводы, крупныя мукомольныя предіріятія, занимающіяся переработкой молочныхъ продуктовъ, грандіозныя винодѣльскія фирмы, пивные заводы, фабрики консервовъ и т. д., диктуютъ производителямъ свои цѣны и свои порядки. Крестьянинъ, работающій для сосѣдняго завода, связанный съ нимъ строгимъ контрактомъ, не является уже болѣе свободнымъ производителемъ, какъ это было въ старину. Земельная собственность не освободила его, а переработала,—она превратила его въ рабочаго капиталистическаго режима“.

Разсматривая эволюцію французскаго сельскаго хозяйства, авторъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ ея результаты:

„Итакъ, современное сельское хозяйство индустриализовалось и вошло въ сферу мѣновыхъ отношеній, потому что оно вынуждено было перенять отъ городской индустріи ея производственные и торговые методы, потому что оно вступило въ современную экономическую систему, характеризуемую раздѣленіемъ труда, производствомъ продуктовъ для продажи, конкуренціей производителей и господствомъ капитала. Оно индустриализовалось также потому, что увеличились способы дѣйствія земледѣльца въ области производства, что оно утилизировало способы раздѣленія труда внутри предіріятій и прибѣгло къ спеціализаціи культуръ, потому наконецъ, что оно стало употреблять въ большихъ размѣрахъ машины... Тѣмъ самымъ сельское хозяйство подпало подъ господство городской индустріи и торговли и было вынуждено имѣть съ ними постоянныя сношенія, ибо послѣднія сильнѣе организованы и концентрированы и управляются спеціалистами, лучше освѣдомленными о нуждахъ рынка и колебаніяхъ цѣнъ, имѣющими большое вліяніе на правительственную власть и обладающими большимъ опытомъ въ практикѣ капиталистической системы“ ¹⁾.

Чѣмъ болѣе спеціализировано сельское хозяйство, чѣмъ болѣе оно индустриализовано, тѣмъ сильнѣе увеличивается эксплуатація крестьянина капиталомъ, тѣмъ яснѣе она проступаетъ, тѣмъ непосредственнѣе она ощущается. Но мы видѣли, какую огромную роль играютъ спеціализація и индустриализація въ сельскомъ хозяйствѣ Франціи. Это обстоятельство можетъ служить приблизительнымъ показате-

¹⁾ Augé—Laribé „L. Evolution agricole de la France“ стр. 42.

лемъ того, насколько велики прямое подчиненіе французскихъ трудовыхъ земледѣльцевъ капитализму и ихъ прямая зависимость отъ него. Изъ сказаннаго, конечно, не слѣдуетъ, что сельско-хозяйственный прогрессъ, характеризуемый развитіемъ специальныхъ культуръ и растущей индустриализаціей производства, является вреднымъ и для крестьянина во всѣхъ отношеніяхъ невыгоднымъ. Этотъ прогрессъ несомнѣнно повысилъ доходность крестьянской земли, но въ то же время усиливъ подчиненіе крестьянина капиталу. Крестьянство, путемъ чрезвычайнаго напряженія своей трудовой энергіи, сдѣлало свое хозяйство болѣе продуктивнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно вынуждено отдавать большую долю производимыхъ имъ богатствъ господствующимъ классамъ. Крестьянство больше зарабатываетъ, но создаетъ и больше прибавочной цѣнности и все яснѣе сознаетъ это. Такое же явленіе показываетъ намъ исторія городского пролетаріата. Подвергаясь сильнѣйшей и болѣе непосредственной эксплуатаціи, какъ потребитель и производитель, крестьянинъ сталъ лучше различать тѣ силы, которыя надъ нимъ господствуютъ. То, о чемъ онъ раньше, можетъ быть, смутно и инстинктивно догадывался, теперь выступило изъ туманной дали и приняло ясныя, опредѣленные и для всѣхъ видимыя очертанія. И французское крестьянство стало, повидимому, все болѣе приходить къ сознанію, что капитализмъ, стремящійся какъ можно крѣпче и безпощаднѣ опутать деревню своими сѣтями, является для него такимъ же врагомъ, какъ и для городскихъ рабочихъ. И это тѣмъ болѣе, что рядомъ съ индустриальнымъ и торговымъ капиталомъ и въ связи съ тѣми причинами, которыя облегчили ихъ проникновеніе въ деревню, туда проникъ также въ огромныхъ размѣрахъ другой видъ капитала, самый опасный и паразитическій, капиталъ денежный, ростовщическій...

II

Переходъ французскихъ земледѣльцевъ къ интенсивной культурѣ, къ специализированному производству потребовалъ громадныхъ денежныхъ затратъ. Нужно было приобретать во все увеличивающемся количествѣ всевозможныя усовершенствованныя земледѣльческія машины и орудія, всевозможные сорта химическихъ удобрений, а для этого конечно требовались капиталы. Французское сельское хозяйство въ смыслѣ техническаго оборудованія стоитъ сейчасъ на довольно высокомъ уровнѣ. Но официальные статистическія изслѣдованія указываютъ, что въ области технического прогресса мелкое трудовое хозяйство подвинулось гораздо дальше крупнаго эксплуататорскаго. Эти данныя уже приводились мною въ прошломъ году въ „Русскомъ Богатствѣ“.

Откуда же крестьянство могло взять тѣ колоссальныя суммы, которыя были потрачены имъ на улучшеніе своего инвентаря, на

примѣненіе разныхъ научныхъ открытій въ земледѣліи? Само собою разумѣется, что оно должно было прибѣгать къ займамъ и въ силу экономическихъ условій, въ которыя оно поставлено, къ самой тяжелой формѣ ихъ, къ займамъ ипотечнымъ. Лучшимъ доказательствомъ сказаннаго можетъ служить то обстоятельство, что параллельно съ описаннымъ мною прогрессомъ французскаго земледѣлія безостановочно и быстро росъ французскій ипотечный долгъ. За какихъ-нибудь 50—60 лѣтъ этотъ долгъ поднялся съ четырехъ до двадцати миллиардовъ.

По вычисленіямъ специалистовъ статистиковъ, доля этого долга, падающая на земледѣліе, колеблется между 12—15 миллиардами франковъ и французское сельско-хозяйство уплачиваетъ денежному капиталу ежегодную дань приблизительно въ размѣръ 700 милліоновъ. Уже одна колоссальная сумма этой дани показываетъ, какъ тяжело иго денежнаго капитала, которое давитъ французское земледѣліе. И это тѣмъ болѣе, что несомнѣнно большая часть приведенной суммы уплачивается не крупными землевладѣльцами, а трудовымъ крестьянствомъ. Согласно докладу бывшаго председателя парламентской финансовой коммисіи, $\frac{3}{4}$ земельного ипотечнаго долга приходится на мелкихъ земледѣльцевъ. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Всѣ изслѣдователи аграрной эволюціи Франціи единогласно указываютъ, что сокращеніе крупныхъ хозяйствъ, отмѣчающее эту эволюцію, объясняется въ значительной степени нежеланіемъ крупныхъ владѣльцевъ прибѣгать къ большимъ займамъ, безъ которыхъ невозможно веденіе рациональнаго хозяйства. Нежеланіе же это, въ свою очередь, объясняется тѣмъ, что земледѣліе даетъ сравнительно малый процентъ на затраченный капиталъ, а потому займы невыгодны. Но крестьянинъ можетъ добывать средства къ существованію только путемъ обработки своего участка, если онъ не желаетъ превратиться въ пролетарія. И крестьянинъ, подъ давленіемъ необходимости, занимаетъ, закладывая свое земельное имущество и не считаясь съ тѣмъ, насколько выгоденъ такой заемъ съ чисто экономической точки зрѣнія.

Между тѣмъ ипотечный кредитъ вещь весьма опасная и является настоящей палкой о двухъ концахъ.

По общему утвержденію агрономовъ и аграрныхъ специалистовъ, какъ только земельное хозяйство отягощено ипотечнымъ долгомъ, размѣры котораго достигаютъ двухъ третей его стоимости, проценты на капиталъ *превышаютъ* общую сумму чистыхъ доходовъ этого хозяйства.

При такихъ условіяхъ крестьянство, попавшее въ цѣпкія руки денежнаго капитала, по необходимости все болѣе и болѣе запутывается и превращается какъ бы въ раба послѣдняго.

Любопытно, что во всѣхъ работахъ, посвященныхъ этому вопросу, принадлежащихъ какъ перу авторовъ консервативнаго на-

правления, так и авторовъ изъ радикальнаго и социалистическаго лагеря, красной линіей проходитъ одна и та же идея: ростъ ипотечнаго долга создаетъ въ деревнѣ новую форму феодализма и въ значительной мѣрѣ превращаетъ въ фикцію права крестьянина на его земельную собственность.

Послушаемъ, напимѣрь, извѣстнаго экономиста-консерватора, Флура де-Сень-Жени, пользующагося громаднымъ авторитетомъ во французской экономической наукѣ.

Въ своей книгѣ „*Propriété rurale en France*“ названный авторъ пишетъ по интересующему насъ вопросу слѣдующее:

„Если въ 1790 году земледѣльческій трудъ былъ объявленъ свободнымъ отъ всякихъ феодальныхъ повинностей, то мы видимъ, что въ 1900 году онъ былъ весь отягощенъ ипотекой и сдавленъ тяжелыми финансовыми цѣпами. Правда, эти цѣпи крестьянинъ наложилъ на себя какъ будто добровольно, но онъ отъ этого не дѣлается ни менѣ тяжелыми, ни менѣ прочными. Въ указанномъ году изъ ста земельныхъ собственниковъ едва можно найти четырехъ, которые являлись бы дѣйствительно хозяевами своей земли и могли бы увеличивать наслѣдственное имущество доходами, получаемыми съ нея“.

То же самое, только въ другихъ выраженіяхъ, читаемъ мы и въ цитированной уже книгѣ Ж. Ренара и А. Дюлака:

„Фактъ огромной задолженности деревни неоспоримъ, — пишутъ авторы. — И что же означаетъ этотъ фактъ, если не то, что свободному распоряженію земель поставлена огромная преграда? Онъ означаетъ, что надъ привилегіей земельной собственности создалось могущество капиталистическаго права... Капиталь сдѣлался фактическимъ хозяиномъ земли“¹⁾.

Какимъ лицемѣріемъ отдастъ послѣ этого отъ писаній теоретиковъ экономического индивидуализма и капиталистическаго строя, утверждающихъ, что социализмъ враждебенъ интересамъ крестьянина, ибо онъ стремится къ ограниченію права свободнаго распоряженія землей, являющагося главной пружиной агрикультурнаго прогресса. Капитализмъ дѣйствуетъ въ этомъ отношеніи болѣе энергично, чѣмъ социализмъ; онъ уже сейчасъ, въ настоящемъ, ограничиваетъ это право и ограничиваетъ не въ интересахъ всего общества, въ томъ числѣ и самого крестьянства, а въ пользу денежнаго капитала. Цитированные мною авторы правильно указываютъ, что о положительномъ или отрицательномъ значеніи права свободнаго распоряженія землей можно спорить сколько угодно. Но, придавая самъ такому праву положительное значеніе, они утверждаютъ, однако, что споръ по этому вопросу, по существу, бесполезенъ, такъ какъ во Франціи, вслѣдствіе огромной задолженности крестьянъ, названное право фактически для нихъ не существуетъ.

¹⁾ „L'Evolution industrielle et agricole depuis 150 ans“, стр. 422.

Задолженность французскаго крестьянства является причиной быстрого уменьшенія числа мельчайшихъ хозяйствъ. Крестьянину, обладающему небольшимъ клочкомъ земли, чрезвычайно трудно удержать ее въ своихъ рукахъ, какъ только онъ надѣлъ на свою шею мертвую петлю ипотечнаго кредита. Насколько серьезно это явленіе, показываютъ официальные цифры, къ сожалѣнію, доведенныя лишь до 1901 года. Такъ, за 36-лѣтній періодъ, съ 1866 г. по 1901 годъ, среднее число крестьянскихъ участковъ, подвергающихся ежегодно въ силу судебного рѣшенія продажѣ съ торговъ, съ 5,538 возросло до 23,843.

Для борьбы съ этимъ явленіемъ французскій парламентъ выпущенъ былъ вотировать спеціальныя законы, вносящіе нѣкоторое, правда, условное, ограниченіе къ праву свободнаго распоряженія землей, но, конечно, не въ интересахъ ростовщиковъ.

Этотъ законъ, изданный въ 1909 году и извѣстный подъ названіемъ „Loi du bien de famille“, въ общемъ сводится къ слѣдующему. Каждому землевладѣльцу предоставляется право объявить неотчуждаемой часть своей земельной собственности, стоимостью не выше восьми тысячъ франковъ. Для этого ему необходимо сдѣлать соответствующее заявленіе въ мѣстную мэрію, и черезъ два мѣсяца послѣ этого заявленія указанная землевладѣльцемъ часть его собственности считается по закону не подлежащей продажѣ ни по желанію собственника, ни по требованію его будущихъ кредиторовъ. Имѣющимся уже кредиторамъ предоставляется право veto въ теченіе указаннаго двухмѣсячнаго срока.

Если землевладѣлецъ холостъ, то онъ ни въ коемъ случаѣ уже не можетъ снять запрета, который онъ добровольно наложилъ на часть своего земельного имущества. Если онъ женатъ, онъ можетъ снять его лишь съ согласія своей жены, согласія, даннаго въ присутствіи мирового судьи. Въ случаѣ же, если у него имѣются дѣти, для снятія запрета требуется разрѣшеніе официально созываемаго семейнаго совѣта.

Любопытно и глубоко знаменательно, что изложенный законъ, принятый парламентомъ безъ преній, оказался необходимымъ какъ разъ въ результатъ чрезвычайно быстрого развитія мѣновыхъ отношеній въ аграрной области. Между тѣмъ, по словамъ нѣкоторыхъ русскихъ экономистовъ, съ которыми полемизировалъ недавно А. В. Пѣшехоновъ въ „Русскомъ Богатствѣ“, такое развитіе требуетъ поощренія индивидуально-экономическихъ тенденцій въ крестьянствѣ. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что земледѣльческій кредитъ является важнѣйшимъ и необходимымъ условіемъ сельско-хозяйственнаго прогресса. Но кредитъ кредиту рознь. Ипотека, тяжело обременяющая земельную собственность, превращающаяся въ Дамокловъ мечъ, вѣчно висящій надъ головой заемщика, угрожая ему постоянно потерей его участка и раззореніемъ, есть наименѣе цѣлесообразная и наиболѣе вредная

для крестьянина форма кредита. Чтобы помочь крестьянину, нужно организовать другие, менее опасные и тяжелые формы кредита. Это обстоятельство с большой ясностью и рельефностью осветил в своем рапорте парламентский докладчик вышеупомянутого закона, сенатор Гелле.

„Деревня все больше и больше обезлюживается,—писал он в своем рапорте. — Причины этого явления многочисленны. Очень часто мелкий землевладелец, по случаю плохого урожая или же для улучшения своего хозяйства, прибегает к ипотечному займу. Если за этим слѣдует нѣсколько плохих годовъ, заемщикъ не можетъ уплачивать проценты и его земельная собственность продается съ торговъ. Ипотечный долгъ и судебныя издержки въ большинствѣ случаевъ поглощаютъ вырученную отъ продажи сумму. И обезкураженный крестьянинъ не остается больше въ деревнѣ, гдѣ онъ подвергся такому униженію. Если иногда ипотечный кредитъ приноситъ значительную пользу крестьянину, то гораздо чаще онъ является предвѣстникомъ его раззоренія. Давно уже усилія друзей деревни направлены на то, чтобы замѣстить ипотечный кредитъ кредитомъ личнымъ. Кредитъ, наиболѣе полезный для земледѣльца, есть кредитъ, основанный на личныхъ качествахъ заемщика, на его честности, предприимчивости, хозяйственной работоспособности. Но такой кредитъ можетъ дать благоприятные результаты лишь въ томъ случаѣ, если крестьянинъ, прибѣгающій къ займу, обладаетъ увѣренностью, что его орудіе труда, т. е. земля, не будетъ у него отнята. Владѣніе землей во всякомъ случаѣ должно ему быть обезпечено“ ¹⁾...

Если капиталъ, проникшій во французскую деревню, успѣлъ въ сравнительно короткій срокъ и не смотря на глубокое отлчіе сельско-хозяйственнаго производства отъ индустріальнаго, сжать трудового земледѣльца въ своихъ желѣзныхъ тискахъ, то это объясняется раньше всего могучей организованностью капиталистовъ и разьединенностью, разрозненностью крестьянъ. Капиталъ, выступавшій во все болѣе объединенной и сконцентрированной формѣ, встрѣтилъ лишь не связанное и не спаянное между собою индивидуалистическое крестьянство, представлявшее въ экономическомъ отношеніи настоящую „людскую пыль“.

Суровый и фанатичный индивидуализмъ французскихъ крестьянъ, созданный социальными условіями послѣ-революціонной Франціи, дѣлалъ ихъ совершенно беззащитными передъ энергично и ловко наступавшимъ на нихъ могущественнымъ врагомъ. Безсильные, какъ отдѣльныя единицы, не понимая, какую мощь можетъ дать коллективная организація, не обладая никакими коллективными точками опоры въ социальномъ строе своей жизни,

¹⁾ Journal Officiel. Senat. Documents parlementaires. 1908, стр. 12.

они оказались не въ состояніи оградить ту самую свою экономическую независимость, во имя мнимаго сохраненія которой они такъ горячо поклонялись богу индивидуализма. Ощущая все болѣе непосредственно ограниченіе своей экономической свободы капитализмомъ, крестьяне волей-неволей, подъ давленіемъ властной необходимости, стали искать спасенія въ единственно доступномъ для нихъ средствѣ: въ объединеніи и организаціи своихъ усилій. Это стремленіе, которое въ послѣдніе годы проявилось уже довольно замѣтно и выпукло, не можетъ, конечно, развиваться параллельно съ усиленіемъ индивидуально-экономическихъ тенденцій.

У.

Первые начатки коллективныхъ экономическихъ организацій замѣчаются во французской деревнѣ уже въ восьмидесятыхъ годахъ. Инициаторами ихъ явились преимущественно крупные землевладѣльцы, стремившіеся объединить подъ своей эгидой крестьянъ на почвѣ ихъ непосредственныхъ хозяйственныхъ нуждъ въ синдикаты и создать такимъ образомъ оплотъ противъ социалистической пропаганды. Крупные землевладѣльцы не щадили средствъ, чтобы привлечь крестьянство всевозможными выгодами въ создаваемые ими организаціи. Они же первое время доставляли необходимые капиталы, служившіе основнымъ фондомъ для земледѣльческихъ синдикатовъ.

Послѣдніе вначалѣ ограничивались лишь совмѣстной покупкой химическихъ удобреній, что доставляло несомнѣнныя выгоды ихъ членамъ, такъ какъ синдикаты получили возможность покупать удобреніе по оптовой цѣнѣ. Первые успѣхи земледѣльческихъ синдикатовъ побудили ихъ вскорѣ расширить свои операціи и перейти къ совмѣстной покупкѣ улучшенныхъ сѣмянъ и земледѣльческихъ машинъ, а затѣмъ и вообще важнѣйшихъ продуктовъ, необходимыхъ сельскому хозяйству. Синдикальное движеніе очень быстро развивалось въ деревнѣ и синдикаты буквально росли какъ грибы. Но въ дальнѣйшемъ развитіе этого движенія наткнулось на нѣкоторыя преграды. Во-первыхъ, подъ давленіемъ обезпеченныхъ и протестовавшихъ коммерсантовъ, парламентъ спеціальнымъ закономъ ограничилъ торговыя операціи земледѣльческихъ синдикатовъ, во-вторыхъ, проникновеніе индустріальнаго и торговаго капитала въ земледѣліе все настойчивѣе выдвигало на первый планъ передъ крестьянствомъ необходимость прибѣгнуть въ видѣ защитительнаго средства къ созданію коллективной обработки и переработки продуктовъ и коллективной ихъ продажи, для чего синдикатъ оказывался мало пригоднымъ. Къ тому же доминирующая роль крупныхъ землевладѣльцевъ въ синдикатахъ стала вызывать все большее недовольство среди наибо-

лѣе сознательныхъ и демократически настроенныхъ крестьянъ. Въ результатѣ произошло слѣдующее. Раньше всего синдикальное движеніе раздѣлилось на два русла: часть синдикатовъ реорганизовалась на демократическихъ началахъ и объединилась въ федерацію, принявшую названіе „Національнаго общества поощренія земледѣлія“, другая часть ихъ, оставшаяся подъ аристократическимъ вліяніемъ, сгруппировалась въ „Національное общество земледѣльцевъ Франціи“. Въмѣстѣ съ тѣмъ главная организаціонная энергія земельныхъ труженниковъ направилась въ сторону кооперации.

Послѣдняя получила широкое развитіе во французской деревнѣ и приняла разнообразныя формы. Рядомъ съ многочисленными кооперативными обществами для совмѣстной покупки сѣмянъ, удобренія, машинъ и т. п., особенно видную роль играетъ сейчасъ кооперация для коллективнаго сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Эти организаціи во многихъ мѣстахъ успѣли обратиться въ серьезную силу и достигнуть высокой степени совершенства. Онѣ обладаютъ собственными огромными магазинами, куда свозится урожай всѣхъ ихъ членовъ, собственными заведеніями для переработки продуктовъ и собственными торговыми агентурами въ городахъ. Наиболѣе богатые изъ нихъ имѣютъ собственные спеціальныя вагоны съ холодильными аппаратами, служащими для перевозки быстро портящихся продуктовъ, а также и свои склады въ городскихъ центрахъ. Особенно сильно развиваются такія кооперации въ областяхъ, гдѣ сельско-хозяйственное производство далеко подвинулось по пути спеціализаціи. Въ винодѣльческихъ департаментахъ наблюдается два разряда кооперативовъ. Одни изъ нихъ принимаютъ отъ своихъ членовъ готовое вино, а затѣмъ, путемъ особенной смѣси разныхъ сортовъ принятаго вина, создаютъ спеціальныя, такъ называемыя „коммерческіе типы“ винъ и сбываютъ ихъ на рынокъ. Другіе кооперативы принимаютъ просто виноградъ и сами уже выдѣлываютъ изъ него вино, коньякъ и прочее. Изобрѣтеніе новыхъ усовершенствованныхъ машинъ для выработки сыра и масла въ свою очередь дало сильный толчокъ росту молочной кооперации. Сейчасъ во Франціи насчитывается весьма значительное количество молочныхъ кооперативовъ, снабженныхъ самыми усовершенствованными орудіями труда. Большинство ихъ сгруппировано въ національную федерацію, весьма серьезно централизованную. Федерація организуетъ продажу всѣхъ продуктовъ примыкающихъ къ ней кооперативовъ и транспортируетъ эти продукты въ Парижъ въ собственныхъ холодильныхъ вагонахъ. Наконецъ, имѣется также рядъ небольшихъ кооперативныхъ винокуренныхъ и сахарныхъ заводовъ, маслобоенъ, фабрикъ мясныхъ и фруктовыхъ консервовъ.

Само собою разумѣется, что развитіе кооперативнаго движенія въ деревнѣ расшатываетъ понемногу прежній фанатическій

экономическій индивидуализмъ крестьянина, показывая ему выгоды коллективной организаціи усилій и приучая его къ коллективной практикѣ. Кромѣ того, это движеніе неизбежно ограничиваетъ роль чисто индивидуальнаго элемента въ экономическомъ строѣ крестьянства. Крестьянинъ, отдавая свой виноградъ, свое молоко, свою свеклу и т. п. въ кооперативъ и поручая ему ихъ переработку и продажу, делегируетъ тѣмъ самымъ коллективной организаціи двѣ важнѣйшія свои хозяйственныя функціи. Онъ остается еще индивидуальнымъ производителемъ въ первой стадіи производства, но онъ уже перестаетъ имъ быть въ слѣдующей стадіи, онъ перестаетъ также быть индивидуальнымъ продавцомъ.

„Какая эволюція, какое разрушеніе старой рутины! восклицаетъ по этому поводу Оже Ларибэ въ своей книгѣ.—Чтобы французскій крестьянинъ добровольно отрекся отъ роли продавца своихъ продуктовъ, нужно было, чтобы къ этому его вынудила дѣйствительно властная необходимость. И однако это фактъ и фактъ неоспоримый“...

Кромѣ производительной и торговой коопераціи, другія нужды сельско-хозяйственной жизни заставляютъ также крестьянъ объединять свои усилія. Необходимость въ дешевомъ кредитѣ, лишенномъ опасныхъ свойствъ ипотечныхъ займовъ, вызвала къ жизни также и кредитную кооперацію. Организація кредита, покоющагося на личныхъ хозяйственныхъ качествахъ заемщика, а не на его земельной собственности, мыслима лишь при помощи созданія мѣстныхъ кредитныхъ обществъ. Только такія общества, члены которыхъ лично знаютъ другъ друга и могутъ составить круговую поруку, способны обезпечить функціонированіе указанной формы кредитной помощи. Чтобы поощрить развитіе кредитной коопераціи, французскій парламентъ издалъ въ 1906 году специальный законъ, въ силу котораго „Національный банкъ“ долженъ выдавать областнымъ „кредитнымъ кассамъ“ безпроцентные авансы въ размѣрахъ, превышающихъ въ четыре раза ихъ основной капиталъ. „Областныя кассы“ въ свою очередь выдаютъ ссуды мѣстнымъ кооперативнымъ обществамъ срокомъ на 25 лѣтъ.

Для полноты картины необходимо упомянуть еще объ одной весьма своеобразной и любопытной формѣ крестьянскихъ объединеній,—я имѣю въ виду спеціальныя земледѣльческіе синдикаты, имѣющіе цѣлью борьбу противъ фальсификаціи сельско-хозяйственныхъ продуктовъ крупными индустріальными и торговыми фирмами. Такая фальсификація наноситъ громаднй вредъ земледѣльцамъ, такъ какъ она вызываетъ пониженіе цѣнъ на продукты сельскаго хозяйства и, кромѣ того, содѣйствуетъ уменьшенію ихъ сбыта. Если, напримѣръ, на рынокъ выброшено нѣсколько милліоновъ литровъ фальсифицированнаго вина, то естественно, что на такое же приблизительно количество сократится сбытъ вина настоящаго, не поддѣльнаго.

Первая такая организация была создана в 1904 году под названием „национального синдиката для защиты французского виноделия“. В 1907 году ее место заняла более широкая и более могущественная группировка: „Всеобщая конфедерация виноделов“. Такого же типа синдикаты возникли и в области молочного производства. Все эти организации имеют специальных агентов, которые разъезжают по определенным районам в поисках „fraude“, т. е. фальсифицированных продуктов. Открыв фальсификацию и выяснив ее автора, названная организация затѣваетъ противъ него процессъ, выступая в качестве гражданских истцовъ. Благодаря ихъ быстро растущей силѣ имъ удалось добиться разрѣшенія отъ парламента на совместное официальное сотрудничество ихъ агентовъ съ правительственными чиновниками отдела „repression des fraudes“ (преслѣдованіе фальсификацій).

Статистическія данныя о синдикальномъ и кооперативномъ движеніи въ деревнѣ, публикуемыя министерствомъ земледѣлія, даютъ приблизительное, хотя и не совсѣмъ точное, представленіе о его размѣрахъ и значеніи. Если сопоставить эти данныя съ данными частныхъ изслѣдованій и принять во вниманіе существенныя поправки специалистовъ вопроса, то въ общемъ результаты получаются слѣдующіе.

Во Франціи насчитывается 55 областныхъ союзовъ земледѣльческихъ синдикатовъ, отъ 700 до 800 производительныхъ кооперативовъ, отъ 800 до 900 сельскихъ потребительныхъ обществъ и 3388 сельскихъ кредитныхъ обществъ. Кромѣ того, насчитывается еще около 4000 обществъ взаимопомощи, не являющихся специально земледѣльческими, но имѣющихъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ сельско-хозяйственной жизни. Число членовъ всѣхъ перечисленныхъ организаций достигаетъ 800 тысячъ.

Движеніе это, какъ видимъ, довольно значительное, но обладаетъ ли оно достаточной силой, чтобы оказать побѣдоносное противодѣйствіе организованному и сконцентрированному капиталу, дѣйствующему въ деревнѣ? Если не заглядывать въ будущее, а ограничиваться настоящимъ, то нужно признать, что такой силой оно еще пока не обладаетъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ факты.

Кооперативныя крестьянскія организации до сихъ поръ не добились никакого опредѣляющаго вліянія на рынокъ, гдѣ продолжаютъ диктовать свои законы могущественныя капиталистическіе синдикаты; не смотря на развитіе деревенской кооперации, проникновеніе капитала во всѣхъ его видахъ и формахъ не только не задержалось, но продолжаетъ идти все ускоряющимся темпомъ, — наконецъ, кооперация не могла даже остановить роста цѣнъ на земледѣльческія машины, химическое удобреніе и другіе продукты, необходимыя земледѣлію.

Во всемъ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго.

Торговый, индустріальный и денежный капиталъ обладаетъ во Франціи гигантской мощью, а благодаря своимъ картелямъ и трестамъ — почти монополюющей силой. Чтобы бороться съ нимъ успѣшно, требуются громадныя матеріальныя средства, требуется огромная и усовершенствованная организація. И городская кооперация, находящаяся въ гораздо лучшихъ условіяхъ, чѣмъ деревенская, все еще безсильна отнять у частно-предпринимательскаго капитала его направляющее вліяніе въ области выработки цѣнъ и управленія національнымъ производствомъ. Въ Англіи, напримѣръ, городская кооперация обладаетъ сотнями милліоновъ, и милліонами членовъ и это однако не мѣшаетъ англійскимъ капиталистамъ оставаться по прежнему полными хозяевами производственной и мѣновой системы.

Нельзя, конечно, сказать, что деревенская кооперация во Франціи является малозначущимъ факторомъ. Если она далеко еще не вытѣснила капитала изъ селѣско-хозяйственной области, то она во всякомъ случаѣ смягчила для своихъ участниковъ непосредственную зависимость отъ капиталистическихъ организацій, оградила ихъ въ извѣстной мѣрѣ отъ наиболѣе тяжелыхъ формъ эксплуатаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ внесла въ деревню принципъ коллективизма, хотя бы только въ зачаточномъ видѣ. Наконецъ, — и это самое главное — кооперация направляетъ противъ крупнаго капитала непосредственную экономическую борьбу значительныхъ массъ крестьянства. И не простое совпаденіе можно видѣть въ томъ обстоятельстве, что какъ разъ въ мѣстностяхъ, гдѣ кооперативное движеніе особенно сильно, социалистическая партія пользуется наибольшимъ избирательнымъ успѣхомъ.

Французская деревенская кооперация, конечно, еще не сказала своего послѣдняго слова. Передъ нею, несомнѣнно, возможность дальнѣйшаго широкаго развитія. Но также несомнѣнно, что она встрѣчаетъ еще на своемъ пути большія препятствія, главнѣйшія изъ которыхъ трудности добыванія необходимыхъ капиталовъ и гнетъ вѣковыхъ индивидуалистическихъ навыковъ, которые лишь постепенно и медленно могутъ вытѣсняться противоположными тенденціями.

Резюмируя нашъ по необходимости бѣглый очеркъ аграрной эволюціи Франціи, можно придти къ слѣдующимъ выводамъ. Эта эволюція не развивалась по тому пути, который начерталъ когда-то марксизмъ. Французскіе аграрныя анкеты рисуютъ не ростъ, а, наоборотъ, сильное сокращеніе крупныхъ хозяйствъ и занимаемой ими площади. Но если крестьянству удалось удержать въ своихъ рукахъ свои участки и даже оттѣснить земледѣльческій капитализмъ, то тѣмъ не менѣе капиталъ другими путями проникъ въ

деревню. Онъ глубоко вѣзался въ нее, укрѣнился въ ней и втянулъ крестьянство въ сферу своей эксплуатаціи. Аграрная эволюція Франціи превратила крестьянъ въ необходимый классъ капиталистическаго общества, въ классъ, эксплуатируемый капиталомъ наравнѣ съ пролетаріатомъ и создающій, правда, въ своеобразной формѣ, прибавочную стоимость въ пользу экономически господствующихъ группъ. Раньше земельныхъ труженниковъ эксплуатировали лишь крупные землевладѣльцы и буржуазное государство, выжимающее изъ нихъ налоги, — теперь рядомъ съ ними выступаетъ, въ качествѣ непосредственнаго и куда болѣе дѣятельнаго эксплуататора капиталъ индустріальный, торговый и денежный. И этому содѣйствовалъ какъ разъ экономическій и техническій прогрессъ французскаго сельскаго хозяйства, въ связи съ вступленіемъ его на путь развитыхъ мѣновыхъ отношеній.

Въ области агрикультуры происходитъ то же самое, что и въ области городской индустріи. Чѣмъ болѣе прогрессируетъ послѣдняя, тѣмъ болѣе увеличивается экономическая мощь капиталистовъ, тѣмъ большую долю національнаго дохода они себѣ присваиваютъ, тѣмъ болѣе, наконецъ, растетъ ихъ направляющее и доминирующее вліяніе въ хозяйственной жизни. Производственный прогрессъ, создаваемый социальными усиліями всей коллективности, увеличиваетъ экономическое могущество общественныхъ классовъ, эксплуатирующихъ эту коллективность. Таково одно изъ основныхъ противорѣчій капиталистическаго общества... По мѣрѣ того, какъ указанные выше результаты сельско-хозяйственной эволюціи Франціи обозначались все рѣзче и становились все болѣе понятными крестьянину, его индивидуально-экономическія тенденціи по необходимости стали слабѣть, терять свой былой фанатизмъ.

Развитіе мѣновыхъ отношеній во французской деревнѣ, съ одной стороны, приводитъ къ ограниченію экономической свободы трудового земледѣльца капиталомъ, — съ другой, побуждаетъ его въ цѣляхъ защиты и обороны прибѣгать къ коллективному объединенію своихъ усилій, которое хотя и не проявляется еще въ крайнихъ формахъ, тѣмъ не менѣе смягчаетъ и суживаетъ наиболѣе рѣзкія проявленія индивидуализма. Вмеѣстѣ съ тѣмъ все болѣе значительные слои крестьянства уже протягиваютъ руку городскому пролетаріату, борющемуся, подъ знаменемъ социализма, противъ того же врага, съ которымъ приходится сражаться и крестьянству.

„Мелкіе фермеры и мелкіе крестьяне-собственники, пишетъ Оже-Ларибэ, объявляютъ себя социалистами, т. е. они утверждаютъ, что ихъ интересы противорѣчатъ интересамъ капитала. Они какъ будто готовы привѣтствовать и даже желаютъ переворота въ режимъ собственности и производства“. По мнѣнію Оже-Ларибэ, это явленіе объясняется слѣдующимъ обстоятельствомъ:

„Аренда земли или владѣніе землей не является сейчасъ до-

статочнымъ для обезпеченія независимости крестьянина. Теперь, когда для этого крестьянину нужны деньги, капиталы, онъ съ особеннымъ вниманіемъ прислушивается къ обѣщаніямъ, которыя даютъ ему во имя новой надежды, и онъ принимаетъ ихъ уже съ достаточнымъ довѣріемъ, чтобы это довѣріе могло проявляться въ дѣйствіяхъ¹⁾).

Конечно, дѣло не въ томъ только, что крестьяне нуждаются въ капиталахъ, а въ общемъ направленіи сельско-хозяйственной эволюціи Франціи. Но указанная нужда является однимъ изъ результатовъ этой эволюціи. И признаніе хотя бы одного факта, что при современныхъ условіяхъ владѣніе земель на индивидуалистическихъ началахъ, само по себѣ, не даетъ крестьянину независимости, является весьма знаменательнымъ подъ перомъ изслѣдователя, не примыкающаго къ социалистическому лагерю.

Рядомъ съ указанными социально-экономическими причинами, расшатывающими понемногу экономической индивидуализмъ французскихъ крестьянъ и толкающими ихъ къ социализму, дѣйствуютъ, безъ сомнѣнія, въ этомъ же направленіи и причины морально-культурныя, какъ онѣ дѣйствуютъ и въ другихъ странахъ, о чемъ мнѣ приходилось уже писать въ „Р. Богатствѣ“.

Развитіе культуры, распространеніе грамотности и знаній дѣлаетъ для крестьянства болѣе доступными и понятными идеалистическіе элементы социализма и тѣмъ усиливаетъ для нихъ притягательную мощь послѣдняго. Съ другой стороны, повышеніе культурнаго уровня крестьянскихъ массъ вызываетъ у нихъ новыя морально-культурныя потребности, удовлетвореніе которыхъ встрѣчаетъ препятствія въ современныхъ условіяхъ жизни.

Это признаетъ и марксистъ Компьеръ-Морель. „Когда я рисую тяжелое положеніе крестьянъ, пишетъ онъ, я вовсе не имѣю въ виду доказать, что они живутъ въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ жили ихъ отцы и дѣды. Еслибы я стремился доказать это, то я оказался бы въ противорѣчій съ истиной. Моя цѣль—показать, что крестьяне не обладаютъ ни средствами, ни возможностями для удовлетворенія различныхъ моральныхъ, интеллектуальныхъ и матеріальныхъ потребностей, удовлетворенія, на которое, по ихъ теперешнему убѣжденію, они обладаютъ такимъ же правомъ, какъ и всѣ прочіе“...

Прежде, чѣмъ закончить эту статью, позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ урокахъ, которые дастъ сельско-хозяйственная эволюція Франціи для насъ, русскихъ.

Сейчасъ въ нашей печати дебатруется вопросъ о наиболѣе цѣлесообразномъ направленіи аграрной политики. Нѣкоторые эко-

¹⁾ „L'Evolution agricole de la France“, стр. 258.

Сентябрь. Отдѣлъ I.

номисты, констатируя ростъ индивидуально-экономическихъ тенденцій въ русскомъ крестьянствѣ и объясняя его развитіемъ мѣновыхъ отношеній въ русской деревнѣ, настаиваютъ на необходимости дать большую свободу, большій просторъ для ихъ проявленія. Мы видѣли на примѣрѣ Франціи, что развитіе мѣновыхъ отношеній приводитъ къ утвержденію капиталистическаго господства въ сельскомъ хозяйствѣ, противъ котораго трудовому крестьянству тѣмъ труднѣе бороться, чѣмъ болѣе оно разъединено, чѣмъ въ болѣе ярко выраженныхъ индивидуально-экономическихъ условіяхъ оно живетъ. Отсюда, думается мнѣ, не трудно сдѣлать и выводъ.

Если наше крестьянство вступаетъ на путь усиленныхъ мѣновыхъ отношеній, если ему суждено пройти этотъ путь, то истинные друзья крестьянъ должны стремиться къ тому, чтобы укрѣпить тѣ коллективистическіе навыки и тенденціи, которые еще живутъ въ немъ и которые, сохранившись и проявившись въ соответственныхъ здоровыхъ формахъ, создадутъ для него солидную опору противъ натиска капиталистической эксплуатаціи. И это тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ несомнѣнный и ясный интересъ крестьянина совпадаетъ съ интересами всего общества, для котораго подготовленіе коллективныхъ формъ собственности и производства въ земледѣльческой области выдвигается все настойчивѣе, какъ основная жизненная необходимость.

Е. Сталинскій.

СЕМЬЯ КОРИСТОНОВЪ.

Романъ Гемфри Уордъ.

Перев. съ англ. Е. Н. Нелидовой.

(Окончаніе).

XV.

Испуганная горничная побѣжала къ старой экономкѣ, жившей у Користоновъ уже тридцать лѣтъ. Онѣ привели въ чувство Марцію, не безпокая лэди Користонъ. Оправившись, дѣвушка направилась прежде всего къ матери, боясь, что слухи дойдутъ до нея инымъ путемъ и растревожатъ ее.

Лэди Користонъ плохо спала ночь и теперь сидѣла въ постели, устремивъ глаза въ пространство и безсильно опустивъ руки на кучу писемъ, лежащихъ у нея на колѣняхъ. Когда Марція, блѣдная, какъ привидѣніе, и дрожащая съ ногъ до головы, вошла къ ней, она испуганно взглянула на нее.

— Что такое? Марція! Ты видѣла Артура?—быстро спросила она, вся подаваясь впередъ.

Марція покачала головой.

— Не Артуръ, матушка!

И, подойдя къ постели матери, она рассказала ей о трагедіи, разыгравшейся на Редкросской фермѣ. О себѣ и о своемъ разрывѣ съ Ньюбери она не сказала ни слова.

Съ первой минуты лэди Користонъ какъ будто растерялась и не понимала, зачѣмъ нужно ей все это знать. Почему Марція принимаетъ такъ близко къ сердцу это ужасное самоубійство и вообще всѣ дѣла этихъ людей? Вѣдь они даже не живутъ въ Користонъ-Плацѣ и не арендаторы користоновскихъ земель! Совершенно непонятно вообще ея вмѣшательство въ эту исторію, но ужъ чудовищно неприличны и дерзки ея ходатайства за нихъ передъ Ньюбери, о которыхъ лэди Користонъ узнала изъ безсвязнаго рассказа дочери только теперь. И мало того, она была настолько

неблагоразумна, что даже ѣздила къ нимъ на ферму, безъ позволенія матери или жениха, какъ разъ наканунѣ ужаснаго событія. Ей, пожалуй, придется давать показанія полиціи. Это верхъ неприличія и непріятности!

Однако она не выразила своего неудовольствія съ обычной рѣзкостью. Прежде всего, ужасное состояніе, въ какомъ была Марція, обезоруживало ее. А затѣмъ и сама она чувствовала себя такой усталой, что съ трудомъ соображала и сосредоточивала мысли. Черезъ нѣсколько минутъ она уже снова забрасывала Марцію отрывистыми вопросами объ Артурѣ: пріѣхалъ ли онъ ночью? видѣла ли она его?

— Я ушла вчера наверхъ, когда его еще не было, а сегодня онъ еще не спускался внизъ,—отвѣчала дѣвушка разсѣяннымъ тономъ, какъ будто слова сходили съ ея губъ безъ всякаго участія сознанія въ нихъ. Но въ ту же минуту видъ матери, на который она не обратила вниманія при входѣ, поразилъ и испугалъ ее.

— Вы какъ будто нездоровы, мама. Не сходите внизъ сегодня...

— Я, конечно, сойду внизъ къ завтраку, — нетерпѣливо перебила ее лэди Користонъ.—Скажи Артуру, что я хочу поговорить съ нимъ прежде, чѣмъ онъ поѣдетъ въ Лондонъ. Что же касается тебя, Марція, то самое лучшее, что ты можешь сдѣлать, это рассказать Эдварду о твоёмъ участіи въ этой злополучной исторіи. Тебѣ необходимо объяснить ему все. А я сдѣлаю выговоръ Беллоу и мистрисъ Дрю за то, что онѣ сообщили тебѣ это ужасное извѣстіе, не сказавъ предварительно мнѣ.

— Мама!—закричала Марція въ отчаяніи.—Неужели же вамъ не жаль этихъ несчастныхъ людей! Неужели вы не понимаете, что я хотѣла помочь имъ?

Только теперь она заплакала. Слезы обильно текли по ея щекамъ. Лэди Користонъ нахмурилась.

— Конечно, жаль. Но... дѣло въ томъ, Марція, что мнѣ не до того сегодня. Мы поговоримъ съ тобой обо всемъ этомъ, когда обѣ будемъ иначе настроены. Теперь поди и прилягъ лучше.

Она закрыла глаза съ такимъ утомленнымъ видомъ, что Марцію опять охватило живѣйшее безпокойство. Она съ трудомъ заставила себя повиноваться и направилась къ двери, когда лэди Користонъ снова позвала ее.

— Когда будетъ посыльный съ письмомъ для Артура, пусть мнѣ скажутъ.

— Хорошо.

Но какъ только дверь въ комнату матери затворилась за Марціей, она позабыла и объ Артурѣ, и о данномъ ей пору-

ченіи. Измученный умъ ея снова вернулся къ прежней, неотвязной мысли о людяхъ, умершихъ отъ того, что имъ не помогли, и объ ужасномъ свѣтѣ, гдѣ такъ мало любви и состраданія.

Она вернулась къ себѣ въ комнату, машинально кончила одѣваться, написала коротенькое письмо, обливъ его слезами, и, шатаясь, спустилась по лѣстницѣ. Внизу на большой площадкѣ, окруженной колоннами и украшенной статуями и цвѣтами, гдѣ собирались обыкновенно курить и читать газеты послѣ завтрака или обѣда, она застала одиноко сидящаго Реджинальда Лестера.

При видѣ ея онъ вскочилъ, подошелъ къ ней, взялъ ея руки, заглянулъ ей въ лицо, затѣмъ наклонился и поцѣловалъ ея пальцы, почтительно и горячо, какъ могъ бы поцѣловать старшій братъ, сочувствующій горю младшей сестры.

Она не выразила изумленія, но подняла на него глаза, какъ несчастный ребенокъ, ищущій утѣшенія. Затѣмъ она сказала задыхающимся отъ слезъ голосомъ:

— Знаете, я видѣла ихъ вчера вечеромъ!;

— Знаю. Васъ должно было страшно поразить это извѣстіе. Вамъ, кажется, нужно послать кого-нибудь? Не могу ли я это сдѣлать?—Онъ замѣтилъ письмо въ ея рукѣ.

— Пожалуйста, скажите, чтобы отправили это письмо. А потомъ... Приходите опять. Я буду въ библіотекѣ.

Она, спотыкаясь, пошла черезъ длинные переходы въ библіотеку, слыша голоса Артура и сэра Уильфрида изъ столовой и убѣгая отъ нихъ. Придя въ библіотеку, Лестеръ нашелъ ее у своей конторки, снова погруженную въ грустные размышленія. Но при видѣ его она оживилась и стала спрашивать, не слыхалъ ли онъ чего-нибудь новаго. Лестеръ, лечившійся отъ вывиха руки, былъ утромъ у того самаго доктора, котораго вызвали на мѣсто несчастія.

— Все произошло втеченіе какого-нибудь часа. Его сестра приходила къ нимъ вечеромъ и застала его болѣе спокойнымъ и веселымъ, чѣмъ обыкновенно. Жена его очень обрадовалась зловкѣ, много разговаривала съ нею и сказала, что общала вамъ подождать еще немного, не предпринимать ничего. Потомъ онъ ушелъ въ лабораторію. Тамъ, вѣроятно, имъ опять овладѣлъ острый припадокъ отчаянія... Револьверъ былъ въ карманѣ... Онъ нацарапалъ два слова, которыя нашли на столѣ... и кончено. Два человѣка у воротъ слышали выстрѣлъ, но подумали, что онъ донесся съ поля, гдѣ было много крестьянъ. Сестра осталась у нихъ почевать и, когда она легла въ постель, м-ссъ Беттсъ пошла въ лабораторію. Оттуда она не возвращалась. Никто ничего

не слыжалъ. Узнали только утромъ. Сколько времени пробыла она съ нимъ мертвымъ—неизвѣстно.

Марція дрожащими руками достала смятую записку, спрятанную за лифомъ, и подала ее Лестеру. Онъ прочелъ:

„Прощайте, дорогая миссъ Користонъ. Онъ сидитъ такъ спокойно... больше не страдаетъ. Я часто видѣла его спящимъ такъ. Мой Джонъ... Мой Джонъ... Я не могу оставаться безъ него. Сдѣлайте что-нибудь для моего мальчика. Джонъ... Джонъ... Лучше бы намъ не встрѣчаться опять“...

Конца невозможно было разобрать,—слова расплылись въ пятнахъ слезъ и чернилъ.

— Бѣдное вы дитя! — сказалъ невольно Лестеръ, взглянувъ на Марцію, по окончаніи чтенія письма. Эти слова сочувствія вырвались у него неожиданно, при видѣ ея страданій. Онъ принесъ большое кресло, усадилъ ее, рыдающую и дрожащую, и старался успокоить. Исчезло сознаніе пола. Узкое лицо, голубые глаза, съ темными рѣсницами, участливо смотрящіе сквозь очки, благородно очерченный лобъ и вьющіеся волосы надъ нимъ—все это было для нея только воплощеніемъ нѣжнаго участія, желанія помочь ей и успокоить ее. Она не спрашивала себя и не думала о томъ, какъ это случилось, что въ эту ужасную минуту отчаянія и горя она искала утѣшенія и нашла его у человѣка, съ которымъ не было у нея ничего, кромѣ самыхъ простыхъ человѣческихъ отношеній. На нее дѣйствовали успокаивающе только его голосъ, его взглядъ, его молчаливое участіе. Живя мѣсяцы въ одномъ домѣ съ нимъ, она почти не знала его. И вдругъ, такъ неожиданно возлѣ нея оказался другъ, на котораго она можетъ положиться.

Но ни слова не сказала она ему о Ньюбѣри, хотя мысли о немъ и сжигали ея сердце. Она вспоминала Користона, который энергично сказалъ: „Мнѣ лучше не видать его теперь... И не только теперь!“ Лестеръ могъ лишь догадываться о томъ, что происходило въ ея душѣ, но ни за что на свѣтѣ не позволилъ бы себѣ допытываться.

Черезъ нѣкоторое время она пришла въ себя, съ благодарностью взглянула на него, встала и пошла разыскивать сэра Уильфрида и Артура.

Въ залѣ она нашла одного сэра Уильфрида. Онъ только что разстался съ репортеромъ мѣстной газеты, желавшимъ говорить съ миссъ Користонъ о ея посѣщеніи Редкросской фермы. Теперь онъ пошелъ къ Користону, надѣясь найти ее у него.

— Дорогое мое дитя!—поспѣшилъ къ ней на встрѣчу сэръ Уильфридъ.—У васъ совсѣмъ больной видъ. Какъ это ужасно, что вы замѣшаны въ эту исторію!

— Этого нельзя было избѣжать,—коротко отвѣтила Марція, не желая продолжать разговоръ на эту тему.—Гдѣ Артуръ? Матушка справлялась о немъ.

Сэръ Уильфридъ съ беспокойствомъ покачалъ головой.

— Онъ только что былъ здѣсь. Но онъ въ очень странномъ состояніи сегодня. Онъ ни о комъ и ни о чемъ не думаетъ, кромѣ одного. Пріѣхалъ онъ очень поздно и, я увѣренъ, не ложился въ постель. Теперь онъ ждетъ письма.

— Отъ Энидъ Гленуилльямъ?

— Очевидно. Я пытался рассказать ему объ этомъ ужасномъ происшествіи, объ участіи Ньюбери во всемъ этомъ... О томъ, какъ это поразило васъ... такъ какъ несчастная обращалась къ вамъ. Но все это не произвело на него ни малѣйшаго впечатлѣнія! Онъ какъ будто ничего не слышалъ и не видѣлъ. Да вотъ и онъ!

Сэръ Уильфридъ и Марція посторонились. Артуръ вошелъ въ залу изъ корридора, ведущаго въ библиотеку. Марція замѣтила, что онъ былъ очень возбужденъ и въ лицѣ его появилось какое-то жесткое и опредѣленное выраженіе, странно не соответствующее молодымъ чертамъ и юношескому подбородку.

— А, Марція! Скверныя дѣла у васъ тутъ творятся. Признайся, душа моя, было бы гораздо лучше, еслибы ты держалась отъ всего этого въ сторонѣ. Особенно, если Ньюбери не былъ согласенъ съ тобой. Я только что встрѣтилъ въ паркѣ Користона, и онъ сознался, что настроилъ тебя и что ты поссорилась съ Ньюбери изъ-за этого. Онъ окончательно сошелъ съ ума. Конечно, этого нужно было ожидать. Право, матушка опоздала.

Онъ высокомерно оглянулся кругомъ. Марція прислонилась къ стулу и ничего не отвѣчала, смотря въ глаза брату. Потомъ въ ея головѣ промелькнуло смутное воспоминаніе о какомъ-то порученіи отъ матери къ Артуру.

— Артуръ, ты долженъ помнить, что все это тяжелый ударъ для твоей сестры, — серьезно сказалъ сэръ Уильфридъ.

— Знаю. Очень, очень сочувствую тебѣ, Марція. Надѣюсь, тебѣ удастся избавиться отъ допроса. Да, тебѣ слѣдовало бы хорошенько подумать, прежде чѣмъ идти туда. А что еще за письмо, о которомъ тутъ болтаютъ?

Всѣ это онъ говорилъ такимъ тономъ, какимъ говорятъ люди его типа съ подчиненными имъ, съ женщинами, которыя не успѣли еще забрать ихъ въ руки. Но странно звучалъ онъ для знавшихъ добродушнаго и деликатнаго Артура.

Марція инстинктивно прижала руку къ груди, гдѣ лежала за лифомъ записка.

— М-ссъ Беттсъ написала мнѣ письмо,—сказала она медленно.

— Хорошо было бы мнѣ взглянуть на него. Мы съ сэромъ Уильффридомъ могли бы дать тебѣ совѣтъ.

Онъ протянулъ руку, но Марція продолжала стоять неподвижно и рука его опустилась.

— О, если ты не нуждаешься даже и въ совѣтахъ, такъ можешь поступать, какъ знаешь!—сказалъ Артуръ съ нетерпѣніемъ.—Но если ты дѣвушка разсудительная, то слѣдовало бы тебѣ поскорѣ примириться съ Ньюбери, чтобы онъ выпуталъ тебя какъ-нибудь изъ этой исторіи. А Беттсъ былъ славный малый. И эту несчастную маленькую женщину мнѣ тоже очень жаль.

И, проходя мимо окна въ отдаленномъ концѣ залы, откуда было видно всѣхъ подходящихъ къ дому, онъ остановился и пристально смотрѣлъ въ него, барабани по стеклу. Сэръ Уильффридъ взглянулъ на него съ негодованіемъ и подошелъ къ Марціи.

— Дорогая моя, вашъ братъ внѣ себя, иначе онъ не могъ обойтись съ вами такъ грубо. Не покажете ли вы мнѣ письмо? Вѣдь его, безъ сомнѣнія, придется передать полиціи.

Она покорно подала ему письмо. Сэръ Уильффридъ прочелъ его. Онъ ходилъ нѣкоторое время по комнатѣ и сморкался. А когда вернулся къ Марціи, какая-то судорога пробѣгала по его гладко-выбритому актерскому лицу.

— Очень грустно! Кто бы могъ думать! Но, дорогая Марція! я надѣюсь, что это не вѣрно... Боже сохрани! Неужели же это правда, что вы поссорились съ Ньюбери?

Марція стояла, прислонившись головой къ мраморному карнизу камина. Вѣки ея дрогнули и опустились на глаза.

— Я не знаю,—проговорила она упавшимъ голосомъ,—я не знаю... Только нѣтъ. О, нѣтъ, не поссорились, не поссорились...

Сэръ Уильффридъ посмотрѣлъ на нее съ отеческой нѣжностью, взялъ ея безпомощно висящую руку и пожалъ.

— Будьте около него, дорогая, будьте около него! Ему достаточно теперь страданія—и безъ потери васъ.

Марція не отвѣчала. Въ это время въ залу вернулся Лестеръ и оба они со всей возможной деликатностью разспросили ее о послѣднемъ свиданіи съ м-ссъ Беттсъ. Лестеръ записалъ ея слова и Марція подписала. Они хотѣли избавить ее отъ допроса полиціи. Пока Лестеръ записывалъ, сэръ Уильффридъ случайно взглянулъ на Артура, все еще остававшіагося въ противоположномъ концѣ комнаты. Онъ то ходилъ взадъ и впередъ, то читалъ газеты, какъ будто

совершенно забыть о разговорѣ съ сестрой и даже о ея присутствіи.

Слушая разсказъ Марціи, сэръ Уильффридъ думалъ о томъ, насколько онъ долженъ усилить враждебное отношеніе къ семьѣ Ньюбери со стороны всѣхъ окружающихъ. Трудно себѣ представить болѣе гнусное и неудачное стеченіе обстоятельствъ!

Но онъ не былъ увѣренъ, соображала ли Марція это въ данную минуту. Онъ не зналъ, что произошло между нею и Ньюбери, и не могъ разобраться въ ея отношеніяхъ къ жениху. Она сидѣла очень блѣдная и страдальчески-покорная. Отвѣчая на предлагаемые ей вопросы, она останавливалась по временамъ, чтобы сдержать рыданія, судорожно сжимавшія ей горло. По окончаніи допроса, сэръ Уильффридъ взялъ подписанную ею бумагу, чтобы отвезти ее въ окружное полицейское управленіе въ Матверѣ. Марція встала и сказала, что пойдетъ въ свою комнату.

— Да, да, дорогое мое дитя! Идите.—Сэръ Уильффридъ обнялъ ее и довелъ до лѣстницы.—Идите и отдохните. Постарайтесь заснуть, если можете.

Въ ту минуту, какъ Марція скрылась за дверью, Артуръ вдругъ сорвался съ мѣста и бросился въ переднюю. Въ окно было видно, какъ къ дому подѣхалъ мальчикъ на велосипедѣ.

Былъ уже полдень. Громадные часы въ центрѣ западнаго фасада дома прозвонили часъ. И, слушая ихъ звуки, замиравшіе въ горячемъ лѣтнемъ воздухѣ, Марція думала о матери и о той странной тишинѣ, которая царила въ ея комнатахъ. Она сидѣла въ своей гостиной и пыталась написать письмо сестрѣ м-ра Беттса о мальчикѣ м-ссы Беттсъ. Къ счастью, его не было на фермѣ, когда разыгралась страшная трагедія. Отчимъ помѣстилъ его незадолго передъ тѣмъ въ начальную школу.

Марціи казалось, что исполненіе послѣдней просьбы несчастной женщины облегчитъ ея душевное состояніе. Но на самомъ дѣлѣ она съ трудомъ соображала, что нужно писать. Ея воображеніе разрывалось между двумя картинами, одинаково мучительными. То видѣла она м-ссы Беттсъ, сидящую возлѣ мертваго мужа и ожидающую собственной смерти, то представлялся ей Ньюбери, пораженный ужаснымъ извѣстіемъ. Картина лабораторіи ночью, — ряды ретортъ и флаконовъ съ ярлыками, столы съ химическими препаратами, электрическій свѣтъ, кресло съ мертвымъ человекомъ и склоненная фигура женщины возлѣ него—все это смѣнялось черезъ мгновеніе новой картиной—комнаты Ньюбери, съ книгами, портретами, распятіемъ надъ каминомъ.

Ея душа взывала къ нему. Этотъ крикъ души вылился въ ея письмѣ. Мысль о страданіяхъ, которыя онъ долженъ былъ переживать, неотступно преслѣдовала ее. Осуждалъ ли онъ себя? Вспомнилъ ли онъ, какъ умоляла она его быть осторожнѣе? Или, можетъ быть, для него попрежнему было ясно, что онъ правъ? И она ловила себя на желаніи, чтобы онъ такъ именно чувствовалъ, чтобы считалъ случившееся исполненіемъ воли Божіей, хотя и при его невольномъ содѣйствіи, но не слѣдствіемъ человѣческой ошибки. Повременамъ, ее влекло къ нему, влекло обнять его, приласкать, успокоить. Но не было уже страсти въ этомъ влеченіи. Все поднявшееся волненіе молодой крови, казалось, улеглось въ ней. Она не отказалась бы никогда отъ того, что сказала ему, никогда. И вмѣстѣ съ тѣмъ она пошла бы къ нему, чтобы быть подлѣ него—какъ сказалъ сэръ Уильфридъ—если онъ нуждался въ ней.

Гонгъ призывалъ къ завтраку. Марція неохотно встала. Ей непріятно было идти, но еще непріятнѣе давать поводъ домашнимъ говорить о ея чувствахъ, жалѣть ее. Подходя къ столовой, она увидала мать, идущую съ противоположной стороны. Въ походкѣ лэди Користонъ замѣчались слабость и утомленіе, что снова испугало Марцію.

— Матушка! Позвольте послать за Брайаномъ!—воскликнула она, упрекая себя за то, что, погруженная въ собственныя огорченія, она съ утра не приняла никакихъ мѣръ. — Вамъ не нужно было вставать съ постели.

Тономъ, не допускающимъ возраженія, лэди Користонъ отвѣтила, что чувствуетъ себя вполне здоровой и не нуждается во врачѣ. Затѣмъ она обратилась къ дворецкому и спросила, дома ли м-ръ Артуръ.

— Я видѣлъ м-ра Артура въ автомобилѣ, около двѣнадцати часовъ, милэди. Съ тѣхъ поръ автомобиль не возвращался.

Завтракъ прошелъ при полномъ молчаніи между матерью и дочерью. Лэди Користонъ знала, что сэръ Уильфридъ и Лестеръ уѣхали въ Матоверъ по дѣлу объ участіи Марціи въ событіяхъ на Редкросской фермѣ.

— Они полагаютъ, что мое присутствіе не понадобится,—сказала Марція.

— Надѣюсь, что нѣтъ.

Высокомѣрный и негодующій тонъ, какимъ были сказаны эти слова, казалось, указывалъ на то, что лэди Користонъ не допускала и мысли о томъ, чтобы постановленія англійскихъ законовъ могли не согласоваться съ требованіями приличій въ ея семьѣ. Марція замѣтила это, но ничего не сказала.

Когда они пошли въ гостиную послѣ завтрака, она вспомнила вдругъ съ нѣкоторымъ испугомъ.

— Матушка! Я забыла. Мнѣ очень жаль... Можетъ быть, это не особенно важно. Но я думаю, что Артуръ получилъ письмо какъ разъ передъ двѣнадцатымъ. Этого письма онъ ждалъ. Я видѣла на аллеѣ посыльного, который привезъ его. Артуръ выбѣжалъ на встрѣчу ему. Потомъ я ушла на верхъ и съ тѣхъ поръ не видала его.

Лэди Користонъ сдѣлалась еще блѣднѣе, чѣмъ была раньше. Она ухватилась за стулъ, возлѣ котораго стояла, и опустилась на него. Нѣкоторое время сидѣла она молча, пока овладѣла собой, затѣмъ стала спрашивать дочь о томъ, что было до появленія посыльного и послѣ этого.

Но Марція не могла ничего сказать, кромѣ того, что ужъ сказала. Она мало обратила вниманія на брата вслѣдствіе того, что была поглощена собственными мыслями и чувствами. Но теперь смутное безпокойство о здоровьи матери снова овладѣло ею и она постаралась бы отвѣчать на всѣ вопросы, какіе та предложила бы ей.

И лэди Користонъ хотѣла бы поговорить съ ней и, прежде всего, выбрать ее за то, что она забыла о ея порученіи и за то, что вообще она очень мало интересуется дѣлами матери. Но она чувствовала себя физически неспособной перенести новое волненіе, которымъ неизбежно сопровождался бы такой разговоръ. Она прекрасно сознавала, что силы ея въ данное время очень ограничены, ихъ не больше — ни на юту не больше — того, что потребуется для предстоящаго разговора. Слѣдуетъ беречь ихъ для этого. Повременамъ ей приходило въ голову, что чувства ея, относящіяся къ предстоящему свиданію, и вредны и неестественны. Но сколько подобныхъ свиданій и столкновеній приходилось переживать ей на своемъ вѣку!

Однако размышленія объ этомъ не могли помочь ей — лучше молчаніе и терпѣніе. Отдохнувъ немного въ гостиной, она пошла къ себѣ, отказавшись отъ предложенія Марціи побыть съ нею.

— Можетъ быть, вамъ понадобится что-нибудь? Я принесла бы вамъ подушки въ гостиную, посидѣла бы съ вами, — говорила встревоженная и озабоченная дѣвушка, когда онъ стояли уже у входа въ комнаты матери.

Но та покачала головой.

— Благодарю, мнѣ ничего не нужно.

Что же касается Марціи, то ей въ эти томительные часы ничего другого не оставалось дѣлать, какъ только думать и плакать. Она пошла опять въ свою комнату и занялась письмами Ньюбери, медленно разбирая ихъ и укладывая въ особый

пакетъ, который она потомъ запечатала. Всего мѣсяць прошелъ со дня ихъ помолвки. И, хотя они видѣлись почти каждый день, много писемъ было получено отъ него. Всю красоту и силу ихъ содержанія она почувствовала снова, перечитывая ихъ теперь. И все-таки именно отъ этой силы и красоты, какъ естественнаго выраженія его характера, она была теперь еще дальше, чѣмъ въ первое время ихъ знакомства. Тайна, которою окутывала его ея зарождающаяся любовь, была теперь разоблачена. Чѣмъ больше она узнавала его, тѣмъ съ большимъ уваженіемъ относилась къ нему. Но, какъ ни странно, любовь ея въ то же время не увеличивалась, а какъ-то блекла и исчезала. Въ настоящее время ко всѣмъ ея мыслямъ о себѣ и Ньюбѣри постоянно примѣшивались воспоминанія, неотвязныя воспоминанія о послѣднемъ свиданіи съ Алисой Беттсъ и о Джонѣ Беттсъ, какимъ видѣла она его въ послѣдній разъ. Это потемнѣвшее лицо, въ сумрачномъ полусвѣтѣ, за окномъ, преслѣдовало ее наряду съ воспоминаніями о рукахъ, сжимающихъ ея талію.

Есть ли что-нибудь тамъ, за этимъ свѣтомъ? Гдѣ они, эти бѣдныя, страдающія тѣни? Всѣ загадки вѣчнаго сфинкса встали передъ Марціей лицомъ къ лицу. Двадцать четыре часа назадъ, это были два мозга, два сердца, живыя, трепещущія жизнью, человѣческой печалью, человѣческимъ протестомъ. А теперь? Принялъ ли безконечно страдающій Христосъ, въ котораго вѣритъ Ньюбѣри, эти измученныя души? Гдѣ успокоятся онѣ, оправдаются, очистятся отъ грѣха? Или, быть можетъ, онѣ просто перестали быть—чувствовать—страдать? Или все же ждетъ ихъ суровое осужденіе даже послѣ того, что выстрадали они здѣсь? Дрожь пробѣжала по всему тѣлу дѣвушки, но въ то же время въ мысляхъ ея промелькнули безсмертныя слова: „простятся ей грѣхи многіе за то, что она возлюбила много“. Марція упивалась мудростью божественнаго изреченія, подчинялась его силѣ и принуждала себя вѣрить и надѣяться, вопреки импульсамъ скептицизма и отчаянія, свойственнымъ, можетъ быть, ея натурѣ.

Царяшая кругомъ тишина угнетала ее все больше и больше. Никого не было въ главномъ корпусѣ громаднаго зданія, кромѣ ея и матери. Ни одного звука не доносилось до нея, кромѣ однотоннаго тиканья часовъ на фасадѣ дома. Изъ окна своей комнаты она могла видѣть боковое окно гостиной матери. Одну минуту ей показалось, что она видитъ высокую фигуру, проходящую черезъ комнату. Но больше не было замѣтно никакихъ признаковъ жизни въ помещеніи лэди Користонъ и дочь не смѣла войти къ ней безъ позволенія.

Почему нѣтъ отвѣта на ея письмо? Она сѣла у открытаго окна, смотрѣла на аллею, ведущую къ подъѣзду, и на паркъ, затянутый сѣткой мелкаго частаго дождя. Когда дождь утихъ, она пошла въ лѣсъ, на мѣсто, гдѣ произошелъ разрывъ. Она прилегла на старый стволъ дерева, прислонилась лицомъ къ сырому мху и лежала такъ, далеко отъ всѣхъ. Погребенное здѣсь кольцо было близко отъ нея, она могла достать его рукой и оно, казалось, звывало къ ней, какъ живое существо.

Нѣтъ! Пусть остается здѣсь.

Если Богу угодно, чтобы она вернулась къ Эдварду, она будетъ ему доброй женой. Но страхъ и трепетъ передъ этимъ не оставляли ее. Она молилась, но сама не знала, о чемъ просить.

Между тѣмъ на Редкросской фермѣ слѣдователь производилъ допросъ. Простые, ясные факты возбуждали во всѣхъ глубокое сожалѣніе и ужасъ. Ньюбѣри и лордъ Уильямъ давали показанія среди глубокаго и временами враждебнаго молчанія. Старикъ, съ блѣднымъ, сухимъ, какъ пергаментъ, лицомъ, но съ непоколебимымъ достоинствомъ давалъ подробный отчетъ о стараніяхъ его и его сына найти Беттсу подходящее дѣло въ другомъ мѣстѣ и убѣдить его принять его.

— Мы не касались ни его совѣсти, ни его личныхъ дѣлъ самихъ по себѣ. Единственно, о чемъ мы говорили, это, что не можемъ признать бракъ, который въ нашихъ глазахъ не есть бракъ. Мой сынъ и я можемъ по совѣсти сказать, что дѣлали все, что не нарушало нашихъ убѣжденій.

Вызвали сэра Уильфрида Бери для прочтенія письменныхъ показаній Марціи. Онъ вручилъ письмо м-ссу Беттс слѣдователю, который сталъ читать его. Користонъ, сидѣвшій въ противоположномъ углу комнаты, съ мрачнымъ вниманіемъ слѣдилъ за поведеніемъ Ньюбѣри во время чтенія письма.

Когда слѣдствіе было кончено и слѣдователь удалился, Эдвардъ Ньюбѣри проводилъ отца до его кареты. Старикъ, прямой и тонкій, съ маленькой головой на узкихъ плечахъ и съ дѣтски маленькими ногами, опирался на руку сына и, повидимому, не замѣчалъ ничего и никого вокругъ. Молчаливая толпа стояла по бокамъ дороги, ведущей къ фермѣ. Среди небольшой кучки матоверскихъ социалистовъ стоялъ лекторъ, читавшій о рациональномъ бракѣ. Когда проходили Ньюбѣри, отсюда раздались отдѣльные свистки и недовольные возгласы. Но находившіеся здѣсь же члены мѣстныхъ церковныхъ общинъ почтительно обнажили головы. Даже незнакомый съ мѣстной жизнью человѣкъ могъ бы замѣ-

тять, что здѣсь встрѣтились два противоположныхъ общественныхъ теченія.

Ньюбери посадилъ отца въ карету и она уѣхала. Самъ онъ остался дожидаться заключенія слѣдователя.

У дверей лабораторіи, куда прошелъ слѣдователь, онъ встрѣтился съ Користонъ.

Онъ покраснѣлъ и остановилъ его. Користонъ отнесся къ этому, какъ къ вызову врага. Онъ отступилъ назадъ и гордо выпрямился. Ньюбери заговорилъ:

— Не возьметесь ли вы передать отъ меня порученіе вашей сестрѣ?

Какой-то человѣкъ отворилъ дверь въ лабораторію.

— М-ръ Эдвардъ, слѣдователь вернулся.

Оба вошли. Користонъ, съ саркастической улыбкой, выслушалъ заключеніе о „психическомъ разстройствѣ“, безстрастно опредѣляющемъ такъ много формъ человѣческихъ страданій. Затѣмъ онъ снова увидалъ себя рядомъ съ Ньюбери.

— Еще одна ложь лежитъ на совѣсти правосудія,— проворчалъ онъ злобно. Ньюбери взглянулъ на него. Удивительно, какъ могъ онъ дѣлать столь непроницаемымъ свое лицо, обычно полное, слишкомъ полное выраженія.

— Что же другое могло тутъ быть? Но, впрочемъ, не мѣсто и не время обсуждать намъ свои разногласія, Користонъ...

— Почему? — закричалъ Користонъ, блѣдный, какъ смерть.— „Наши разногласія“, какъ вы ихъ называете, привели вотъ къ чему!—Онъ повернулся и протянулъ тонкую руку по направленію къ пристройкѣ къ лабораторіи, гдѣ находились трупы самоубійцъ.— Именно теперь время, я полагаю, когда умные люди могутъ придти къ соглашенію относительно „разногласій“, которыя свели съ ума и убили двоихъ несчастныхъ, затравленныхъ людей!

— Затравленныхъ? Что вы хотите этимъ сказать?—спросилъ серьезно Ньюбери и глаза его загорѣлись.

— Затравлены христіанской совѣстью, которая комфортабельно уживается съ темнотой!—послѣдовалъ полный презрѣнія отвѣтъ.

Ньюбери молчалъ нѣкоторое время. Они прошли по главной дорогѣ, пересѣкли ее и вошли въ Ходдонъ-Грэйскій паркъ. Здѣсь они были одни, не на виду у толпы, расходившейся съ слѣдствія по сосѣднимъ деревнямъ. Входя въ одну изъ зеленыхъ аллей парка, они увидали на сосѣдней дорогѣ моторъ, пересѣкавшій ее въ ста шагахъ отъ нихъ. Шофферъ гналъ его съ неимоверной быстротой, но Користонъ успѣлъ разсмотрѣть лицо Артура. Моторъ мчался къ Користонъ-Плацу.

До той минуты, когда пришло извѣстіе о трагедіи на фермѣ, Користонъ былъ поглощенъ мыслью о бурномъ столкновеніи, которое должно было произойти между Артуромъ и матерью. Съ тѣхъ поръ онъ не вспоминалъ о немъ и только теперь, при видѣ бѣшеной скачки Артура, снова овладѣло имъ безпокойство о матери.

Но Ньюбѣри оторвалъ его отъ этой мысли, прежде чѣмъ онъ успѣлъ ее какъ-нибудь оформить. Онъ заговорилъ тѣмъ же сухимъ, осторожнымъ и сдержаннымъ голосомъ:

— Вы братъ Марціи, Користонъ. Еще вчера утромъ она была моей невѣстой. Вчера днемъ мы возвратили слово другъ другу... хотя... съ тѣхъ поръ я получилъ уже два письма отъ нея...

Онъ замолчалъ на минуту, но потомъ продолжалъ, оправившись:

— На эти письма я буду отвѣчать сегодня вечеромъ. Къ этому времени, можетъ быть, я буду уже опредѣленнѣе знать, какъ сложится моя жизнь въ будущемъ.

— Можетъ быть!—грубо повторилъ Користонъ.—Я только не понимаю зачѣмъ *мнѣ* это нужно знать!—Ньюбѣри взглянулъ на него съ изумленіемъ.

— Я думалъ, что вы вообще сторонникъ справедливости и свободы совѣсти,—медленно произнесъ онъ.—Или христіанская совѣсть исключается? Свобода для всѣхъ, только не для насъ?

— Именно! Потому что ваша свобода означаетъ рабство другихъ людей!—Користонъ задыхался.—Вы не должны пользоваться своей свободой. Она слишкомъ дорого стоитъ людямъ. Всюду въ Европѣ уже узнали это. Свобода, въ которой вы, католики—англиканской или римской церкви—нуждаетесь, антисоціальна. Мы не дадимъ вамъ ея!

— Вы намъ ее дадите,—спокойно сказалъ Ньюбѣри—потому что, низвергая насъ,—что, конечно, вы легко можете сдѣлать—вы разрушите все, что сами считаете цѣннымъ въ цивилизаціи. Для насъ не имѣетъ значенія превосходство, какое вы имѣете теперь. Никто изъ насъ не можетъ уничтожить другого. Мы стоимъ лицомъ къ лицу и будемъ стоять лицомъ къ лицу, пока существуетъ міръ.

Користонъ разразился горячимъ протестомъ. Онъ ручался, что общество впослѣдствіи отвергнетъ закономъ всякій католицизмъ.

— Жизнь и безъ того тяжела, чертъ ее побери! Намъ вовсе не требуется усложнять ее и дѣлать еще тяжелѣе вашими проклятыми традиціями! Я взываю къ этимъ двумъ самоубійцамъ! Они поступили по вашему мнѣнію не хорошо, и ваша совѣсть судила и присудила ихъ. А кто сдѣлалъ

васъ судьями надъ ними? Кто просилъ васъ благословлять или проклинать ихъ?

Ньюбери остановился.

— Не хорошо приходить въ такую ярость, Користонъ. Однимъ словомъ можно разрѣшить вопросъ, развязать узелъ—одно слово опредѣлитъ мѣсто, гдѣ стоите вы и гдѣ стою я. Вы не вѣрите, что было время, когда Богъ далъ живую заповѣдь людямъ, поднявшую ихъ изъ вѣчной тьмы. Мы вѣримъ! Мы говоримъ—небеса разверзлись, и Богъ сошелъ на землю. Все остальное слѣдуетъ изъ этого.

— Также и смерть Джона Беттса и его жены!—сказать Користонъ съ горечью и презрѣніемъ.—Богъ страдалъ и исходилъ кровью за это! Нѣтъ! По-нашему, если есть Богъ, то онъ выражается въ любви—только въ любви—въ высшей любви. Въ такой любви, какою любили другъ друга эти два несчастныхъ существа!

Послѣ этого они шли нѣкоторое время молча. Каждый сказалъ послѣднее слово своей вѣры.

Они дошли до маленькой тропинки, ведущей къ Ходдонъ-Грейскому дому. Ньюбери снова остановился.

— Здѣсь мы разстанемся, Користонъ, чтобы никогда больше не встрѣчаться.

Онъ поднялъ на собесѣдника грустные глаза. Исчезло выраженіе страстности съ блѣднаго лица и осталась на немъ только безпредѣльная печаль, дѣлавшая его такимъ прекраснымъ, какимъ никогда еще не видалъ его Користонъ.

— Неужели вы думаете,—проговорилъ онъ тихо и задумчиво—что я ничего не чувствую... что жизнь можетъ остаться для меня прежней—послѣ того, что было? Мнѣ поданъ былъ знакъ: знакъ изъ огня и крови. Онъ указываетъ мнѣ, куда идти,—и я повинуюсь.

Онъ замолчалъ и смотрѣлъ блуждающимъ взоромъ куда-то вдаль, черезъ Користона на что-то въ пространствѣ. И Користонъ съ изумленіемъ почувствовалъ въ себѣ внезапно странное почтеніе, заставившее его молчать.

Но Ньюбери самъ нарушилъ это настроеніе. Онъ сказалъ уже почти обыкновеннымъ тономъ:

— Пожалуйста, передайте Марціи, что все необходимое будетъ сдѣлано для мальчика м-ссъ Беттсъ, по соглашенію съ его родными. А то, что я могу отвѣтить на ея письмо, на ея дорогое для меня письмо—отвѣчу сегодня вечеромъ.

Онъ ушелъ и скоро скрылся за деревьями.

XVI.

Користонъ пришелъ въ Натчеттъ въ яростномъ настроеніи. Не медля ни минуты, онъ вскочилъ на велосипедъ и помчался къ Маріонъ—единственному человѣку, передъ которымъ онъ могъ облегчить свою душу въ эту минуту. Онъ болѣе, чѣмъ подозрѣвалъ, что Марція въ припадкѣ безумной сентиментальности, могла смягчиться и измѣнить свое рѣшеніе относительно Ньюбери. При всемъ своемъ сумасбродствѣ, онъ не могъ допустить мысли о возможности ссоры, которая разлучила бы его навсегда съ сестрой. Бесѣда же съ Маріонъ всегда успокаивала его, хотя и начиналась съ неистовыхъ проклятій по адресу всѣхъ существующихъ на свѣтѣ людей и учреждений. Вѣрный инстинктъ привелъ его къ ней и теперь.

Между тѣмъ автомобиль, промчавшійся мимо Ньюбери и Користона въ паркѣ, уже подъѣзжалъ къ дому. Артуръ объѣхалъ на немъ полъ-графства. Прискакавъ утромъ въ коттеджъ Эзерстоновъ, онъ узналъ тамъ, что канцлеръ вернулся въ городъ, а его дочь уѣхала въ гости, верстъ за двадцать, и будетъ въ Лондонѣ не раньше вечера. Но онъ поѣхалъ за нею и, противъ ея воли, добился свиданія съ нею. Вздѣшенный и доведенный до отчаянія неудачей, онъ поѣхалъ домой, чтобы объясниться съ матерью, отъ чего вполне искренно, но напрасно, старалась удержать его Энидъ.

А лэди Користонъ была смущена и взволнована его отсутствіемъ. Втеченіе нѣсколькихъ часовъ одиночества когда Марція видѣла ее черезъ окно гостиной, она не могла ни приняться за какую-нибудь работу, ни отдохнуть. Пыталась сдѣлать нѣкоторыя выписки изъ записной книжки по поводу важнаго митинга „Лиги поденѣжника“, гдѣ она должна была предсѣдательствовать, но напрасно. Какая-то странная тяжесть точно нависла надъ нею. Единственно, что оживило ее на нѣкоторое время, это обличительная статья противъ Гленуилльяма въ одной изъ утреннихъ газетъ. Она проглотила ее съ жадностью. Но слѣдствіемъ этого явилась обострившаяся головная боль, заставившая ее лежать въ полномъ бездѣйствіи и съ закрытыми глазами.

Черезъ нѣкоторое время однако яркіе лучи солнца, забравшіеся въ комнату, принудили ее встать, чтобы перемѣнить мѣсто. Проходя мимо окна, она замѣтила легкую бѣлую фигуру, быстро удалявшуюся отъ дома по залитымъ солнцемъ дорожкамъ сада. Марція! Она смутно вспомнила,

что Марція приходила къ ней утромъ, встревоженная, — но чѣмъ — она не могла припомнить. Знала только, что это было что-то не особенно важное.

Наконецъ, черезъ полчаса послѣ того, какъ она видѣла Марцію, скрывшуюся въ тѣнистой дорожкѣ, ведущей въ лѣсъ, лэди Користонъ вдрогнула на своемъ диванѣ, услышавъ знакомые звуки на дворѣ. Моторъ?

Она встала и подошла къ маленькому стѣнному зеркалу, чтобы поправить кружевную наколку, которую обыкновенно носила на головѣ. При этомъ она была поражена, даже испугана лицомъ, отразившимся въ зеркалѣ.

„Когда все это кончится, мы уѣдемъ отсюда недѣли на двѣ съ Марціей“, — подумала она.

Послышались звуки быстро приближающихся шаговъ, затѣмъ порывистый стукъ въ дверь.

— Войдите!

Артуръ вошелъ и посмотрѣлъ на мать, остановившись у двери. Она ждала взрыва ярости. Но напрасно — хотя тяжелое дыханіе и сухіе, воспаленные глаза были краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

— Ну, Артуръ, — начала она наконецъ. — Я давно уже жду тебя.

— Я пытался исправить зло, которое вы мнѣ сдѣлали, — проговорилъ онъ сквозъ зубы.

— Я не сдѣлала никакого зла. Можетъ быть, ты сядешь и поговоришь со мной болѣе спокойно объ этомъ дѣлѣ? Ты долженъ знать, что я всегда хочу тебѣ только добра!

Его смѣхъ вызвалъ въ ней почти физическую боль.

— Хорошо было бы, еслибы вы желали мнѣ чего-нибудь иного, а не того, что вы называете „добромъ“, матушка! Мнѣ это не приноситъ пользы. Вы всегда вмѣшивались въ мои дѣла, устранивая ихъ по-своему. На этотъ разъ вы сдѣлали это изъ мести и съ дьявольской злобой! — Онъ ударилъ кулакомъ по столу. — Какое право имѣли вы — онъ въ бѣшенствѣ приблизился къ ней — какое право имѣли вы ѣхать вчера къ Энидъ Гленуилльямъ, чтобы лишить меня всякой надежды на успѣхъ? Чтобы испортить мои отношенія съ ней? Кто позволилъ вамъ это?

Онъ грубо швырнулъ въ нее этими вопросами.

— Я имѣла полное право, — сказала лэди Користонъ спокойно. — Я твоя мать. Ты обязанъ мнѣ всѣмъ. Ты могъ погубить себя нелѣпой фантазіей. Я имѣла основаніе предполагать, что миссъ Гленуилльямъ не приметъ твоего предложенія, не ознакомившись подробно со всѣми обстоятельствами. Но въ дѣйствительности случилось такъ, что у нея было все уже рѣшено еще до нашей встрѣчи.

— Такъ и она говорить! Но я не вѣрю здѣсь ни одному слову! Ни одному слову! Она не хотѣла возстановить меня противъ васъ. Она похожа на васъ, матушка, и думаетъ, что можетъ управлять людьми, какъ захочетъ. Она пыталась убѣдить меня, что Гленуильямъ отговариваетъ ее отъ брака со мной. Вздоръ! Еслибы вы не вмѣшались, еслибы вы не смѣшали ее съ грязью и не сказали бы ей, что никогда не примете ее, что лишите меня наслѣдства, еслибы вы не приняли всѣ мѣры, чтобы оттолкнуть ее—она вышла бы за меня замужъ. Это вы—вы—вы— все испортили мнѣ!

Онъ бросился въ кресло противъ нея и смотрѣлъ на нее, опустивъ руки на колѣни. Его видъ, видъ человѣка, совершенно потерявшаго голову отъ неудовлетворенной страсти, внушалъ ей отвращеніе и отталкивалъ ее. Неужели это ея Артуръ? Истинный джентльменъ, ея милый, веселый, благовоспитанный избранникъ — котораго она такъ любила, и который такъ легко поддавался ея вліянію? Глубокое предчувствіе страшнаго несчастія, которое тяготило ее весь день, приняло громадныя размѣры. Но она храбро шла на встрѣчу.

— Ты совершенно не правъ, Артуръ. Не я сдѣлала это— не я причиной этому, а здравый смыслъ миссъ Гленуильямъ или ея отца. Конечно, откровенно говорю тебѣ, что я сдѣлала бы все, чтобы разстроить твой бракъ съ миссъ Гленуильямъ. И, если говорить правду, кто болѣе меня имѣлъ на это право? Развѣ это не было верхомъ грубости и дерзкимъ вызовомъ съ твоей стороны?—Тонъ ея дѣлался боевымъ.—Развѣ не была оскорбленіемъ памяти отца одна мысль о такомъ союзѣ? Ввести дочь этого человѣка въ нашу семью!? Послѣ того, что мы сдѣлали для нашихъ принциповъ и выстрадали за нихъ!? Ты долженъ просить прощенія у меня, Артуръ, а не я у тебя! Сколько разъ ты вмѣстѣ со мною съ глубочайшимъ презрѣніемъ отзывался о людяхъ, смотрящихъ на политику, какъ на игру, на шутку, не имѣющую серьезнаго значенія! Сколько разъ говорилъ, что не можешь быть въ дружескихъ отношеніяхъ съ людьми, которыхъ ненавидишь, какъ общественныхъ дѣятелей, которыхъ считаешь обманщиками и грабителями! И вдругъ послѣ всего этого ты поддаешься какому-то безумному вихрю, который разрушаетъ твои взгляды, твои привязанности.. Ты забываешь о матери и обо всемъ, чѣмъ ты обязанъ ей! И ты идешь къ этой дѣвушкѣ и просишь ее быть твоей женой — ее, дочь нашего личнаго и политическаго врага — политическаго авантюриста, налагающаго руку на все, что мы съ тобой считали—или должны были считать—священнымъ!

— Ради Бога, матушка, не произносите политическихъ рѣчей!—съ презрѣніемъ бросилъ онъ ей.—Все это прекрасно на выборахъ, но не въ разговорѣ между нами. Я ненавиждѣлъ Гленуилльяма—нѣтъ! Помѣстій, всякой собственности и всего, что вы считаете и называете священнымъ, хватить на мой вѣкъ и на его. А я, право, мало забочусь о томъ, что случится послѣ. Онъ не можетъ причинить намъ особенный вредъ. У Англіи есть задачи посерьезнѣе тѣхъ которыя онъ рѣшаетъ. Женщины, со своей дьявольской политикой, вносятъ всю эту путаницу! Хотя, впрочемъ,—онъ злобно пожалъ плечами—я вовсе не желаю терять время на разсужденія. Я пришелъ только сказать вамъ, что я намѣренъ теперь дѣлать. А затѣмъ я отправляюсь въ городъ. Къ семи часамъ будетъ поданъ автомобиль.

Лэди Користонъ поднялась и стояла, опираясь рукой на каминъ и смотря на сына.

— Мнѣ, дѣйствительно, интересно знать, что ты намѣренъ дѣлать, Артуръ. Ты пропустилъ уже два или три засѣданія въ послѣднее время.

— Пропущу, можетъ быть, и больше. Я думаю и вовсе покончить съ этимъ, матушка! А если и вы не поступите такъ же, такъ пеняйте сами на себя!

— Что это значить?

Онъ колебался съ минуту, но затѣмъ сказалъ отчетливо и твердо:

— Я хочу оставить парламентъ послѣ этой сессіи. Я усталъ и долженъ отдохнуть. Одинъ изъ моихъ друзей зоветъ меня съ собой въ окрестности Буэносъ-Айреса. И я поѣду, чтобы развлечься.

Глаза лэди Користонъ зловѣще блестѣли на сѣро-блѣдномъ лицѣ, дрожь котораго она не могла удержать, не смотря на всѣ усилія воли.

— Это награда, Артуръ, за все, что для тебя сдѣлано? За заботы о тебѣ... за потраченное на тебя время и деньги...

Онъ неподвижно смотрѣлъ на нее исподлобья.

— Я все это помню, матушка! Вспомните вы, позволили ли вы мнѣ хотя одинъ день—одинъ часъ—быть самимъ собой съ тѣхъ поръ, какъ я вошелъ въ парламентъ? Правда, я обманывалъ васъ тамъ, гдѣ дѣло касалось Энидъ. Но вѣдь я боялся сказать вамъ это! Вы довели меня до этого! А когда мужчина боится женщины, то онъ превращается во что-то, подобное студню. Можетъ быть, это вначалѣ заставило меня гоняться за Энидъ. Мнѣ хотѣлось хотя въ чемъ-нибудь не зависѣть отъ васъ. Сдѣлать что-нибудь, что привело бы васъ въ ужасъ. Скверно это, я знаю! Но это было такъ. А потомъ, этотъ митингъ здѣсь, который вы устраивали, даже

не намекнувъ мнѣ о немъ! Вы сказали Пэджу и только потомъ уже мнѣ. А когда я началъ брыкаться—сказалъ вамъ объ Энидъ—приняли ли вы ко мнѣ, чтобы поговорить о ней по человѣчески? Подумали ли вы о томъ, что я сказалъ вамъ? О томъ, что я люблю ее? Если я даже былъ грубъ съ вами тогда... когда вырвалось это признаніе, — всякая другая мать пожалѣла бы въ это мгновеніе своего сына...

Голосъ его внезапно оборвался, но онъ быстро овладѣлъ собой.

— Вмѣсто того, матушка, вы думали только о томъ, какъ бы поставить меня опять на мое мѣсто, какъ бы сдѣлать мнѣ шахъ и матъ—заставить меня свернуть съ своего пути и идти снова за вами. Это было гадко съ вашей стороны идти къ Энидъ, не сказавъ ни слова мнѣ! Гадко дѣйствовать за моей спиной, вырвать у нея свиданіе и затѣмъ бросать ей въ лицо оскорбленія! Неужели вы думали, что дѣвушка, подобная ей, дастъ вамъ торжествовать надъ нею? Нѣтъ, она нашла, что это будетъ слишкомъ много для васъ. Она свалила все на Гленушльяма. Это такъ же ясно, какъ то, что я стою передъ вами! Вы меня погубили! Вы меня погубили!

Онъ началъ бѣгать взадъ и впередъ по комнатѣ, виѣ себя отъ ярости и боли.

Лэди Користонъ опустилась въ кресло. Блѣдное лицо ея не утратило гнѣвнаго высокомерія даже въ эту страшную минуту, когда бѣда надвинулась на нее.

— Не я погубила тебя, какъ ты продолжаешь утверждать, Артуръ,—хотя я и не считаю вовсе тебя погубленнымъ! Не я, а твое собственное неудержимое своеправіе. Но неужели же ты утратилъ уже всякія понятія о приличіи — всякое чувство привязанности, что позволяешь себѣ говорить такимъ образомъ съ матерью?

Онъ, молча, повернулся къ ней и бросилъ на нее злой, непріятный взглядъ.

— Согласенъ, что, можетъ быть, я болѣе животное, чѣмъ другіе люди. Но странно говорить мнѣ о привязанности и о приличіяхъ—послѣ всего этого. Предположимъ, что вы любили меня, матушка—по своему—предположимъ также, что я любилъ васъ. Но дѣло въ томъ, что, какъ я уже сказалъ вамъ, я боялся васъ! Всю жизнь боялся! И многое, очень многое, я дѣлалъ не изъ любви къ вамъ, какъ вы, можетъ быть, предполагали, а потому, что былъ трусомъ! Отвратительнымъ трусомъ, котораго нужно было толкать въ спину. И это правда. Когда я былъ еще ребенкомъ...

И, стоя передъ ней, съ лицомъ, искаженнымъ злобой и жестокимъ желаніемъ нанести ударъ побольше, онъ забра-

сывалъ ея разными воспоминаніями изъ дѣтства и юности. Подъ градомъ упрековъ и оскорбительныхъ обвиненій изнемогла, наконецъ, лэди Користонъ. Такимъ языкомъ, хотя далеко не съ такой жестокостью, говорилъ съ ней одинъ или два раза Користонъ.

Но Артуръ!... Она подняла дрожащую руку.

— Довольно, Артуръ! Лучше оставимъ этотъ разговоръ. Я дѣлала для тебя все, что могла... всегда.

— Почему вы не *любили* насъ!—вскричалъ онъ, швырнувъ стулъ, стоящій рядомъ.—Почему не *любили*? Всегда и всюду была только политика! Кого-нибудь атаковать, съ кѣмъ-нибудь сводить счеты, вести какую-нибудь интригу... Вѣчно одни и тѣ же разговоры, которые надоѣли намъ всѣмъ! Отецъ страдалъ отъ всего этого такъ же, какъ теперь страдаемъ мы. Онъ бѣжалъ отъ этого. Пусть будетъ проклята политика, которою занимаются женщины... пусть будетъ проклята!

Лэди Користонъ снова подняла руку.

— Иди, Артуръ! Довольно.

Онъ съ трудомъ перевелъ дыханіе.

— Клянусь честью, я тоже думаю, что довольно. Лучше ужъ больше не возбуждать другъ друга. Я поговорю передъ отъѣздомъ съ сэромъ Уильфридомъ, матушка, и попрошу его передать вамъ, что будетъ нужно. Конечно, я постараюсь не причинить какой-нибудь непріятности партіи. Если общіе выборы будутъ осенью, то я не выставлю своей кандидатуры, больше ничего. А что касается помѣстій...—Онъ остановился — что касается помѣстій, матушка, дѣлайте, какъ знаете. По моему, было бы лучше возвратить ихъ Користону! Мнѣ немного нужно.

— Иди!—снова повторила лэди Користонъ, указывая на дверь.

Онъ постоялъ съ минуту, перебирая разныя вещи на столѣ, возлѣ него, затѣмъ, смѣясь, схватилъ свою шляпу и все еще искоса смотря на мать, пошелъ къ двери и исчезъ за нею. Но дверь затворилась за нимъ не сразу, такъ что нѣсколько мгновеній, пока не послышались удаляющіеся шаги въ коридорѣ, лэди Користонъ не была увѣрена въ томъ, что онъ дѣйствительно ушелъ.

Но онъ ушелъ и всѣ ея планы, всѣ надежды, которыя она лепѣла за послѣдніе годы своей жизни, были разбиты въдребезги и лежали въ черепкахъ передъ нею. Она сидѣла, не двигаясь. Черезъ полчаса она услышала звукъ отъѣзжающаго отъ дома автомобиля. Сквозь вечерній воздухъ она уловила удаляющіеся голоса... затѣмъ все смолкло.

Позвонивъ прислугу, она сказала, что вслѣдствіе силь-

ной головной боли будетъ обѣдать въ своей комнатѣ. Пришла Марція, но она не впустила къ себѣ дочь. Сэръ Уильфридь прислалъ узнать, не можетъ ли увидаться съ ней на нѣсколько минутъ. Посланная вернулась съ отвѣтомъ, что лэди Користонъ просить его къ себѣ завтра утромъ.

Обѣдъ остался петронутымъ. Во время болѣзни лэди Користонъ всегда бывала особенно непривѣтлива и утрима. Она совершенно не выносила чьихъ-нибудь заботъ или безпокойствъ о себѣ, такъ что никто не осмѣливался надѣяться ей. Только Марція между десятью и одиннадцатю часамъ снова подошла къ двери и осторожно постучала, но мать сказала ей, чтобы она шла къ себѣ. Завтра утромъ она будетъ вполне здорова. Дѣвушка должна была повиноваться.

Такимъ образомъ не было свидѣтелей ужаснаго состоянія, въ какомъ провела лэди Користонъ эту ночь. Домашніе, особенно Марція, которой пришлось разбираться въ бумагахъ матери, могли только догадываться. Очевидно, лэди Користонъ въ эту ночь собрала все письма Артура, аккуратно связала ихъ и спрятала въ одинъ ящикъ съ письмами покойнаго мужа. Туда же убрала она со стола все фотографіи Артура и большой портретъ его, уже членомъ парламента, который стоялъ у нея на каминѣ. Она начала было писать письмо Користону, но его нашли не оконченнымъ и чрезвычайно неразборчиво написаннымъ. Убѣдившись, вѣроятно, въ томъ, что не можетъ написать того, что хотѣла, она вернулась на свое кресло, захвативъ съ собой два или три свидѣтельства Артура изъ Итонской школы. Какой-то инстинктъ указалъ ей именно на нихъ изъ всехъ остальныхъ бумагъ. вмѣстѣ съ свидѣтельствами нашли у нея на колѣняхъ и псалтырь, который она обыкновенно читала. И по какой-то странной случайности, по злой насмѣшкѣ судьбы, псалтырь, лежавшій подъ ея рукой, былъ открытъ на псалмахъ съ жестокими проклятіями, которыя заставляли содрогаться христіанскихъ учителей. Еще за нѣсколько дней передъ тѣмъ сэръ Уильфридь Бѣри подсмѣивался — съ особенной свойственной ему манерой — надъ „ветхозавѣтнымъ тономъ“, какимъ она говорила о своихъ врагахъ, и указывалъ именно на эти псалмы. Ея безпомощные пальцы безсознательно указывали на одинъ изъ нихъ.

Бодрствовали въ эту ночь и другіе. Користонъ, не будучи въ состояніи заснуть, провелъ большую часть ея сначала въ писаніи письма къ Маріонъ, а потомъ въ составленіи убійственной статьи противъ англиканской церкви, о ея отношеніи къ различнымъ законамъ страны и о предполагаемой реформѣ ея. „Долго ли еще будемъ мы терпѣть, чтобы господа черноризцы презирали законы, по которымъ

живемъ мы всѣ? Или пользовались правами и могуществомъ собственности только для распространенія тираніи предразсудковъ на другихъ людей?“

Въ это же время въ прекрасной капеллѣ Ходдонъ-Грея Эдвардъ Ньюбери, измученный волненіями двухъ предыдущихъ дней, проводилъ, колѣнопреклоненный, безсонную ночь. Темная капелла была освѣщена только одной лампадой. Она горѣла надъ алтаремъ и съ мѣста Эдварда была видна шелковая завѣса. Храненіе даровъ много лѣтъ уже было разрѣшено Ходдонъ-Грейской церкви. Этотъ фактъ, вмѣстѣ съ высокимъ благочестіемъ обитателей Ходдонъ-Грея, дѣлалъ ихъ церковь мѣстнымъ религіознымъ центромъ для всѣхъ англиканцевъ. Въ алтарѣ, по страстной вѣрѣ Ньюбери, незримо присутствовалъ Великій Господинъ церкви, какъ присутствовалъ онъ когда-то въ Галилеѣ. Для Эдварда, какъ и для всякаго вѣрующаго послѣдователя англиканской церкви, догматъ литургіи былъ центральнымъ догматомъ всей религіи. И интимное общеніе съ Богомъ, къ которому она вела, было для него могучимъ стимуломъ въ жизни. Мучительныя страданія, которыя онъ переживалъ съ тѣхъ поръ, какъ узналъ о самоубійствѣ несчастныхъ Беттесовъ, находили себѣ нѣкоторое облегченіе только въ этомъ общеніи съ незримымъ божествомъ. Сюда же пришелъ онъ искать утѣшенія послѣ разрыва съ Марціей.

Ночь была тихая, небо облачное, повременамъ звѣздное. Ближе къ разсвѣту постепенно рѣдѣла тьма и яснѣе вырисовывались на стеклахъ цвѣтныя фигуры въ мантияхъ, коронахъ или съ крыльями. Длинные лучи блѣднаго свѣта сквоззили по мраморнымъ ступенямъ и полу, по цвѣтамъ на алтарѣ и распятіи и поднимались надъ ними. Наступало утро, молчаливое и прохладное. Понемногу начали просыпаться птицы. Молочный свѣтъ вливался съ полей и луговъ въ открытыя окна и ярче выступали фигуры на стѣнахъ и аркахъ.

Въ эти часы глубокой печали и горячей молитвы Эдвардъ Ньюбери достигъ высшей духовной крѣпости и полного самоотреченія. Въ настроенномъ такимъ образомъ умѣ созрѣло совершенно ясное и опредѣленное сознаніе и вытекающее изъ него рѣшеніе. Богъ разлучалъ его съ Марціей, возлагалъ на него долю отвѣтственности въ самоубійствѣ Джона и Алисы Беттесовъ—отрицать которую Эдвардъ не могъ по свойственной ему добросовѣстности. Тѣмъ самымъ Онъ призывалъ его настойчиво и непреложно. Отнынѣ вся его жизнь должна быть посвящена Богу. Отнынѣ онъ приноситъ эту добровольную, отъ души идущую жертву, постоянно возобновляемую и представляемую на непрестанное единеніе съ

Божественнымъ искупленіемъ, за ихъ души и свою. Мысль объ обители, въ которой онъ только что передъ этимъ провелъ часы великаго религіознаго упоенія, окончательно овладѣла имъ. Онъ никогда не женится. Онъ сохранить себя для высшаго назначенія—стремленія къ совершенству. Лицо его друга Бріэрли, отправляющагося на отдаленный и опасный постъ въ южной Индіи, неотступно стояло передъ нимъ, глосъ его звучалъ въ его ушахъ и какъ бы призывалъ его на дорогу изъ тьмы къ свѣту. Бѣдные отецъ и мать! Но Эдвардъ ни на одну минуту не сомнѣвался въ ихъ согласіи, въ томъ, что они не будутъ препятствовать ему поступать по совѣсти.

Въ это время солнце торжественно поднялось на небо, буря религіознаго экстаза замерла въ Ньюбѣри. Рѣшеніе его было безповоротно, но онъ не освободился еще отъ нѣкоторыхъ душевныхъ эмоцій, исходящихъ изъ него. Въ сердцѣ его жили еще воспоминавія о Марціи и о письмѣ, которое она прислала ему. Дорогая, благородная... Въ послѣдній разъ онъ напишетъ ей, въ послѣдній разъ!

„Дорогая Марція! Думаю, что могу еще назвать васъ такъ въ послѣдній разъ, на этомъ поворотномъ пунктѣ нашихъ жизней. Можетъ быть, я никогда не увижу васъ больше. Или, можетъ быть, мы встрѣтимся настолько чужими другъ другу, что вы будете удивляться тому, что было когда-то время, когда мы любили другъ друга. Нѣкоторое время вѣдь вы всетаки любили меня, и я благословляю васъ за то, что вы дали мнѣ узнать это и любить васъ. Благословляю васъ также за ваше состраданіе ко мнѣ, за ваше желаніе утѣшить меня вчера въ эти ужасные часы, когда вы хотѣли вернуться ко мнѣ и быть возлѣ меня такъ, какъ будто союзъ нашъ никогда не былъ нарушенъ.

„Нѣтъ, дорогая Марція! Я видѣлъ истину въ вашихъ глазахъ. Я не могу дать вамъ счастья. Невольно внесъ бы я разладъ въ вашу жизнь. Вы правы, вполне правы, не рѣшаясь идти за человѣкомъ, сокровенныя и непреложныя убѣжденія котораго претятъ вамъ. Можетъ быть, я узокъ и холоденъ, но не настолько, чтобы допустить васъ вернуться ко мнѣ, зная, что вы не можете довѣрять мнѣ, не можете любить меня по-настоящему. Вы предлагаете вернуться, потому что жалѣете меня, потому что хотите поддержать меня вашей дорогой рукой. Память объ этомъ я сохраняю навсегда и она будетъ согрѣвать мнѣ душу въ той жизни, далекой отъ васъ, которую я предвижу.

„Я не могу писать много объ ужасныхъ событіяхъ на Редкросской фермѣ. Ваше сочувствіе указываетъ мнѣ на то, что вы считаете меня и моего отца въ нѣкоторой степени

и нѣкоторымъ образомъ прикосновенными къ нимъ, отвѣтственными за нихъ. Можетъ быть, оно такъ и есть—я не хочу отрекаться отъ правды. Мы отвѣтственны настолько же, насколько отвѣтственъ солдатъ за причиняемый имъ вредъ на войнѣ за своего повелителя. Конечно, это касается главной сути дѣла. Но, что я долженъ былъ бы быть — безконечно умнѣе, безконечно добрѣе и сильнѣе, чтобы помочь имъ — это я чувствую, знаю и буду чувствовать, пока буду жить.

„И это сознание опредѣляетъ всю мою дальнѣйшую жизнь.

„Помните, что я говорилъ вамъ о братѣ Бріэрли и Общинѣ Воскресенія? Какъ только явится возможность оставить отца и мать, которые теперь въ очень тяжеломъ состояніи, я уѣду въ Общину. Затѣмъ я намѣренъ присоединиться къ Бріэрли въ его миссіи. Мнѣ придется разстаться съ моими родителями, можетъ быть, навсегда въ этомъ мірѣ. Но — если мы будемъ вѣрить,—то въ другомъ, высшемъ мірѣ, тайна котораго сокрыта отъ насъ, но который обѣщанъ намъ Священнымъ Писаніемъ, мы встрѣтимся, чтобы не разлучаться никогда.

„Прощайте. Господь да будетъ съ вами и дастъ вамъ все лучшее на землѣ — любовь, дѣтей, друзей, а въ будущемъ мірѣ жизнь вѣчную“.

Користонъ кончилъ письмо и статью, затѣмъ проспалъ около часу въ креслѣ и проснулся, когда іюльское солнце высоко поднялось надъ покрытыми росой, только что сжатыми полями. Выкупавшись, онъ пошелъ въ Користонъ-Плაცъ. Какой-то смутный страхъ не давалъ ему покоя. Подъ влияніемъ тревоги и злобнаго возбужденія въ предыдущій день онъ забылъ о матери. Но теперь снова возникло въ его памяти ея странное лицо въ то время, когда она лежала на диванѣ и онъ читалъ ей.

Онъ прошелъ черезъ Ходдонъ-Грейскій паркъ, дошелъ до користоновскихъ владѣній и подошелъ къ озеру въ итальянскомъ саду со статуями, блестящими при утреннемъ солнцѣ. Вдали былъ уже виднѣнъ мраморный фасадъ дома съ тонкими колоннами и орнаментами рококо. „На какого чорта это намъ нужно! — сердито проворчалъ Користонъ.—И вѣдь подумать только, что Артуръ не будетъ имѣть права продать это или превратить во что-нибудь, болѣе полезное“.

Онъ обогнулъ озеро и началъ подниматься по ступенькамъ въ главный садъ. Поднявшись на площадку передъ домомъ, онъ вдругъ замѣтилъ, что два окна въ гостиной матери были открыты. У одного изъ нихъ, въ креслѣ съ

высокой спинкой, была видна женская фигура въ черномъ платьѣ. Мать! Уже встала? Въ семь часовъ утра? Что съ ней случилось? Онъ подошелъ ближе. Фигура была неподвижна, голова откинута назадъ, глазъ ему не было видно. Что-то въ странномъ положеніи ея и неподвижности внушило ему ужасъ. Онъ толкнулъ дверь въ садъ, нашелъ ее незапертой, вбѣжалъ по лѣстницѣ и затѣмъ въ комнату матери.

— Матушка!

Лэди Користонъ ничего не отвѣтила и не пошевелинулась. Но, подойдя къ ней, онъ замѣтилъ, что она еще жива—что ея глаза открылись и увидали его. Но больше никакихъ признаковъ жизни. И, когда онъ бросился передъ ней на колѣни и нѣжно обнялъ ее, она снова впала въ безсознательное состояніе, изъ котораго вывести ее на одно мгновеніе его приходъ.

Что произошло потомъ, можетъ быть рассказано очень быстро.

Лэди Користонъ прожила еще восемь мѣсяцевъ. Она нѣсколько оправилась послѣ перваго удара и вся жизнь и помыслы ея дѣтей сосредоточились съ тѣхъ поръ на полутрупѣ, какимъ доживала она послѣдніе дни своей жизни. Артуръ вернулся въ Користонъ-Плацъ тотчасъ же послѣ катастрофы. Онъ пришелъ въ себя и присмирѣлъ, подобно потоку, вернувшемуся въ прежнее русло послѣ прошумѣвшей бури. Теперь его удручали только горькіе упреки совѣсти за поведеніе съ матерью и злоба на Энидъ Гленуилльямъ за ея отношеніе къ нему. Онъ принялся за обычныя занятія въ парламентѣ и помѣстьяхъ и не заговаривалъ уже больше о Буэносъ-Айресѣ. Но простила ли его мать, трудно было опредѣлить по проявленіямъ ея затуманившагося разсудка. Она почти не замѣчала его и вообще, если что-нибудь говорила, то только о Користонѣ. Отношенія между нею и старшимъ сыномъ были трогательны и поразительны, они шли изъ глубины души обоихъ. Онъ переѣхалъ въ Користонъ-Плацъ. Между уходомъ за матерью и свиданіями съ Маріонъ Эзерстонъ проходило его время и онъ переживалъ иногда минуты истиннаго счастья. Шумъ битвъ политическихъ и религіозныхъ не проникалъ больше за стѣны дома, въ которомъ смерть ожидалась съ часу на часъ. Слабость и страданіе объединили здѣсь столь различныхъ людей въ одномъ общемъ интересѣ глубокаго сочувствія. Лэди Користонъ стала особенно дорога своимъ дѣтямъ передъ тѣмъ, какъ оставила ихъ навѣки. Но послѣднія, едва слышныя, слова ея въ зимнее утро, когда пришла за ней смерть, были обращены къ Користону, державшему ея руку въ своей.

„Корри.. Корри, милый“. И затѣмъ, когда онъ наклонился къ ней: „Корри, мой первенецъ!“

Въ ночь послѣ смерти лэди Користонъ Реджинальдъ Лестеръ писалъ: „Користонъ позвалъ меня взглянуть на мать. Она лежитъ, строгая и спокойная, смерть не измѣнила ее, какъ мѣняетъ иногда другихъ людей. Выраженіе мертвaго лица возстановляетъ въ памяти живое. Это выраженіе той же сильной и сознающей свою силу женщины.

„И еслибы ротъ ея могъ открыться и заговорить, безъ сомнѣнія, мы услышали бы деспотическія слова. Ни слабости, ни раскаянія не видно на ея лицѣ и мнѣ нравится оно больше такимъ. И вѣдь, въ сущности, она не отступила ни отъ чего прежняго, хотя слегка смягчила лишеніе Користона наслѣдства. Въ одинъ изъ свѣтлыхъ промежутковъ болѣзни, около Рождества, она пожелала сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ своемъ завѣщаніи. Но измѣненія эти были совсѣмъ не тѣ, какихъ могли бы ожидать окружающіе, видѣвшіе ея любовь къ Користону. Помѣстья были по прежнему оставлены въ пожизненное владѣніе Артуру, но затѣмъ они должны перейти къ сыну Користона, если у него таковой будетъ. Користонъ же и сэръ Уильфридъ назначались опекунами. Безъ согласія Артура и сэра Уильфрида Користонъ не можетъ предпринимать въ помѣстьяхъ ничего, нарушающаго семейныя традиціи. Конечно, у Користона и безъ того хватитъ земли и денегъ на всякіе эксперименты и, безъ сомнѣнія, мы увидимъ еще много интереснаго.

„Такъ до конца держала она свое знамя, насколько позволялъ это ослабѣвшій разсудокъ. Несомнѣнно, однако, что состояніе зависимости отъ дѣтей во время болѣзни и ихъ доброта къ ней пробудили въ ней новыя чувства. И здѣсь, какъ мнѣ, кажется, проявилась въ ней черта душевнаго величія, какого трудно было ожидать. Сдѣланныя ею уступки указывали во всякомъ случаѣ на то новое, что появилось въ ней. Она вносила въ жизнь много горечи и раздраженія и оставила тяжелыя воспоминанія по себѣ. Ея дѣти съ безконечнымъ изумленіемъ и съ безконечнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, наслажденіемъ, увидали, что она *можетъ* допускать любовь къ себѣ, можетъ нуждаться въ ней. И они съ восторгомъ откликнулись на эту возможность.

„Она умерла во время—послѣдней въ поколѣніи, которое скоро исчезнетъ, оставивъ за собой только вереницу тѣней на заростающей тропѣ. Она использовала свое положеніе въ свѣтѣ и свои права такъ, какъ ей нравилось, и не чувствовала угрызений совѣсти. Въ ссорахъ ея съ Користономъ проявилось упорство, одинаково свойственное обоимъ. Что же

касается, въ частности, дѣла Гленуилльямовъ, то мнѣ кажется, героиня романа, въ концѣ концовъ предпочитала Користона Артуру, который исчезнетъ такъ же незамѣтно, какъ величіе его рода.

„Марціа! Въ ея черномъ платьѣ, наклонившаяся надъ матерью, съ неизъяснимой печалью во взорѣ! Но ни слова больше! Есть вещи, слишкомъ священные даже для этихъ страницъ“.

Во время продолжительной болѣзни лэди Користонъ Реджинальдъ Лестеръ, незамѣтно для себя и для окружающихъ, всталъ въ совершенно новыя отношенія съ семьей Користоновъ. Изъ пріятеля онъ сдѣлался близкимъ другомъ братьевъ и Марціи, въ лучшемъ и глубокомъ значеніи этого слова. Онъ занимался не только библіотекой, но и всѣми дѣлами по имѣнію, совѣщаясь съ Пэджомъ и смягчая разногласія между Користономъ и Артуромъ. Марціа проводила съ нимъ большую часть времени. Онъ старался развлечь ее, читалъ съ ней, аккомпанировалъ ея пѣнію въ часы отдыха отъ ухода за матерью. Онъ понималъ каждое движеніе ея души и поклонялся ей. Своей любви къ ней онъ не выдавалъ ничѣмъ, но эта любовь постепенно сдѣлалась непремѣннымъ условіемъ жизни Марціи, хотя дѣвушка и не сознавала этого. И, когда умерла лэди Користонъ, и измученная Марціа уѣхала отдохнуть съ Уоггинъ на нѣсколько недѣль за границу, между нею и Лестеромъ завязалась переписка съ перваго же дня ея отсутствія. При соблюденіи даже всѣхъ внѣшнихъ условій осторожности чувство не могло не обнаружиться какъ съ той, такъ и съ другой стороны.

Во время путешествія Марціи произошли новыя перемѣны.

Въ одинъ изъ холодныхъ мартовскихъ дней, когда солнце освѣщало снѣгъ на сѣверныхъ склонахъ холмовъ, Користонъ подходилъ къ коттеджу Эзерстона въ надеждѣ застать Маріонъ одну. За зиму между ними установились ровныя, но опредѣленныя отношенія, болѣе или менѣе извѣстныя всей семьѣ. Однако при жизни лэди Користонъ не было произнесено ни слова о бракѣ, такъ какъ, конечно, она не могла и представить себѣ, чтобы подобныя комбинаціи были возможны на свѣтѣ.

Однако, когда прошло около шести недѣль послѣ смерти матери, а Маріонъ все еще уклонялась отъ окончательнаго рѣшенія, Користонъ началъ чувствовать себя въ смѣшномъ положеніи. Сегодня онъ стремительно ворвался въ маленькую гостиную, гдѣ Маріонъ приготовляла чай, и сѣлъ въ уголь злой и нахмуренный.

— Что опять случилось? — спокойно спросила Маріонъ.

За эту зиму въ ней произошла удивительная переменѣна. Она помолодѣла, похорошѣла, стала лучше одѣваться, сохраняя при этомъ всѣ особенности своего характера, вносящія въ жизнь покой и уютъ, которыя привлекли къ ней человѣка, втайнѣ протестующаго противъ буйства какъ собственной природы, такъ и другихъ людей.

— Вы безобразно поступаете со мной!—горячо возразилъ Користонъ.

— Развѣ? Моя совѣсть совершенно чиста,—отвѣчала она, смѣясь и передавая ему чай.

— Это меня удивляетъ. Я уже два раза на этой недѣлѣ просилъ васъ сказать мнѣ, когда вы, наконецъ, соблаговолите сдѣлаться моей женой. И до сихъ поръ не получилъ отвѣта.

Маріонъ помолчала немного, затѣмъ посмотрѣла на него, какъ Андромаха на Гектора—съ улыбкой, за которой скрывалось что-то другое.

— Не спросить ли намъ прежде самихъ себя, Гербертъ, благоразумно ли это будетъ?

Никто еще, со смерти отца Користона, не называлъ его христіанскимъ именемъ. Можетъ быть, потому ему особенно пріятно было услышать его изъ устъ Маріонъ Эзерстонъ. Онъ ужъ и забылъ, что у него есть такое имя, но теперь съ удовольствіемъ вспомнилъ о немъ.

— О чемъ еще, скажите на милость, намъ надо думать?

— Прежде всего, Гербертъ, я никогда не рассчитывала быть женой пера.

Онъ порывисто вскочилъ съ мѣста.

— Не могу себѣ представить болѣе нелѣпаго замѣчанія! Я, кажется, просилъ васъ быть только *моей* женой!

Она покачала головой.

— Мы не можемъ передѣлать свѣтъ по своему. Затѣмъ—на счетъ отца.

— Что же на счетъ отца?

— Вы не особенно ладите съ нимъ,—сказала она, взглянувъ на него.

Користонъ заставлялъ себя говорить спокойно.

— Видите ли, для вашего отца либеральная партія—Егова, надежда и свѣтъ очей его. Для меня—она только Дагонъ или другой какой-либо идолъ филистимлянъ, пресмыкающійся передъ болѣе сильнымъ богомъ—Мамоной. Но не въ этомъ дѣло. Я всегда могу взять себя въ руки.

Маріонъ наклонилась надъ своей работой.

— Вы скажете, что я не могу взять себя въ руки?—повторилъ онъ угрожающе и приближаясь къ ней.

Она снова взглянула на него.

— Предположите, что я такъ же наскучу вамъ, какъ на-
скучила либеральная партія.

— Однако вѣдь не надобла же мнѣ свобода,—горячо
возражалъ онъ.

— Представьте себѣ, что вы увидите мою изнанку, какъ
видите изнанку всѣхъ?

— Я не способенъ видѣть изнанку, тамъ, гдѣ ея нѣтъ,—
рѣшительно заявилъ онъ, смотря ей въ глаза.

— Я не такъ образована, Гербертъ и, кажется, больше
симпатизирую тори.

— Господи Боже мой! Да мнѣ-то что до этого? Для меня
вы только женщина, которую я люблю.

— Я религіозна и посѣщаю церковь.

— Вы принадлежите къ церкви Эдварда Ньюбери?—
спросилъ онъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

Она покачала головой.

— Нѣтъ. Я евангелистка.

— Слава Богу. Я тоже!—съ жаромъ воскликнулъ онъ.
Она засмѣялась.

— Право,—подтвердилъ онъ.—Миръ на землѣ—доброе
отношеніе къ людямъ—это доступно моему пониманію. Ну,
такъ рѣшено: въ среду черезъ двѣ недѣли?

— Нѣтъ, нѣтъ,—въ смятеніи заговорила она.—Разу-
мѣется, нѣтъ. Подождите немного, Гербертъ! Гдѣ вы намѣ-
рены жить? Что думаете дѣлать?

— Я взялъ Дорсетское имѣнье. Куча дѣла и мало де-
негъ. Артуръ сказалъ, что умываетъ тутъ руки. Тамъ есть
старая ферма, гдѣ мы можемъ жить. Черезъ полгода я
перессорюсь со всѣми сосѣдями и жизнь приобрететъ опять
свою цѣнность.

Она подняла брови.

— Прекрасная перспектива для вашей жены.

— Разумѣется. У васъ будетъ жизнь, для которой вы
рождены. Вы будете ходить за мной и смягчать скандалы,
которые я буду учинять. Или—если желаете выразиться
болѣе чувствительно—будете перевязывать нанесенныя мною
раны. Но вѣдь я социологъ и мое дѣло производить опыты.
Хотя, конечно, они будутъ такъ же ничтожны, какъ тѣ,
которые я произвожу здѣсь.

— А что же я буду дѣлать?

— Вы будете воспитывать мальчика, который восполь-
зуется моими опытами.

— Мальчика?

— Ну, да, мальчика—нашего мальчика, который будетъ
наслѣдникомъ помѣстій,—отвѣтилъ Користонъ, ни мало не
смущаясь. Маріонъ покраснѣла и потянула къ себѣ свою

работу. Користонъ бухнулся на колѣни передъ ней и просилъ прощенья. И въ глазахъ его, вмѣсто прежней мужской дерзости, засвѣтилась безконечная и глубокая нѣжность.

Вернувшись вечеромъ домой, Користонъ нашелъ тамъ обоихъ братьевъ, пріѣхавшихъ на воскресенье. Артуръ, не переставая, выгружалъ всякія парламентскія сплетни — „о битвѣ коршуновъ и воронъ“, — чего Користонъ обыкновенно не выносилъ. Но на этотъ разъ онъ слушалъ довольно благосклонно и Артуръ разошелся. Джемсъ добродушно улыбался и проявлялъ что-то вродѣ вниманія, но, дождавшись перерыва, заговорилъ о музыкѣ и оперѣ. Такъ какъ братья не отличались интересомъ къ музыкѣ, то онъ скоро замолчалъ и Артуръ снова выступилъ на сцену. Они сидѣли въ бильярдной въ нижнемъ этажѣ, увѣшанной изображеніями скаковыхъ лошадей и уставленной семейными бюстами, не достаточно важными для бібліотеки. За окномъ шумѣлъ холодный мартовскій вѣтеръ, качая голыя деревья и расплескивая воду изъ фонтана нимфъ.

— Кто бы могъ подумать, что они будутъ продолжать такимъ образомъ! — воскликнулъ Артуръ въ отвѣтъ на какое-то замѣчаніе Джемса. Користонъ оторвался отъ размысленій.

— Кто? Правительство? Да что тебѣ за дѣло до него? Послушайте лучше, какія новости узналъ я сегодня въ Матверѣ. Лордъ Уильямъ Ньюбери скончался ночью.

Артуръ выслушалъ извѣстіе съ живымъ участіемъ и завязалъ узелокъ на носовомъ платкѣ, чтобы не забыть справиться у Пэджа о днѣ похоронъ, на которыхъ онъ считалъ необходимымъ присутствовать.

Джемсъ сказалъ задумчиво:

— Я слышалъ, что Эдвардъ принялъ постриженіе на прошлой недѣлѣ. А Марція пишетъ мнѣ, что надѣется видѣться съ нимъ въ Римѣ, гдѣ онъ будетъ по пути въ Индію. Бѣдная лэди Уильямъ останется совсѣмъ одинокой.

— Если люди сами стремятся къ уединенію и называютъ это религіей, такъ чего же имъ больше ждатель? — Ёдко сказалъ Користонъ. Его лицо омрачилось, когда заговорили о Ньюбери. Съ этимъ именемъ неизбѣжно связывалось воспоминаніе о двухъ безвременныхъ могилахъ. Затѣмъ, вставая съ мѣста, онъ обратился къ Артуру:

— А знаешь, я рѣшилъ. Мы съ Маріонъ повѣнчаемся въ будущемъ мѣсяцѣ.

Братья были нѣсколько ошеломлены неожиданностью заявленія, но не удивились. Привязанность Корри къ этой простой, милой, вполне уравновѣшенной дѣвушкѣ очень изумила ихъ, когда они въ первый разъ услышали о ней.

Но послѣ того прошло порядочно времени и они успѣли уже освоиться съ этимъ.

— Прекрасно, Корри!—сказалъ Артуръ, потрепавъ брата по плечу.—Это лучшее средство для спасенія тебя отъ дома умалишенныхъ. Очень милая дѣвушка! Ты вѣдь не ожидаешь, конечно, что я буду дружить съ ея отцомъ?

— Во всякомъ случаѣ не прежде, чѣмъ ты пожелаешь выучиться одной или двумъ вещамъ, въ которыхъ ты никогда не былъ силенъ,—смѣясь, сказалъ Користонъ, увертываясь отъ свертковъ парламентскихъ бумагъ, которыми Артуръ цѣлился въ него.—А что же ты, Джемсъ, не поздравляешь меня? Могъ бы, кажется, догадаться.

— Конечно, поздравляю,—поспѣшилъ отвѣтить Джемсъ.—Отъ души поздравляю!

Но возбужденное лицо и растерянная улыбка Джемса выдавали чувства, нѣсколько не соответствующія моменту.

Користонъ посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ. Джемсъ открылъ уже ротъ, чтобы сказать что-то, но вдругъ покраснѣлъ до корней волосъ. Губы его снова сжались и онъ откинулся на спинку кресла. Затѣмъ онъ ушелъ въ залу и скоро полились оттуда мощные звуки органа, выражавшаго душу безсмертнаго Баха.

Джемсъ вернулся въ Лондонъ въ тотъ же вечеръ, захвативъ изъ библіотеки связку философскихъ книгъ и присоединивъ къ нимъ нѣсколько романовъ, которыхъ прежде никогда не читалъ.

На слѣдующее утро Користонъ получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ сообщалъ о своей помолвкѣ съ девятнадцатилѣтней дѣвушкой, сиротой, ученицей Королевской музыкальной школы. Она была дочерью его учителя въ Кэمبرиджѣ—безприданница, хорошенькая и очень музыкальная. Какъ оказалось, онъ зналъ ее уже давно, платилъ за нее нѣсколько лѣтъ въ школу, затѣмъ плѣнился ея прелестнымъ меццо-сопрано и послѣ одного изъ школьных концертовъ сдѣлалъ ей предложеніе. Такъ подробно описывалъ все влюбленный философъ, слишкомъ застѣичный и скромный, чтобы сказать на словахъ о своей любви братьямъ. Користонъ и Артуръ смѣялись и радовались, что „старина Джемсъ“ нашелъ мужество быть счастливымъ. Користонъ замѣтилъ Артуру, что теперь только ему остается заботиться о сохраненіи голубой крови семьи.

— Или Марціи,—сказалъ Артуръ, избѣгая опредѣленнаго отвѣта.

— Марціи?—Користонъ посмотрѣлъ на брата, многозначительно улыбаясь и, помолчавъ, продолжалъ:—Лестеръ пи-

шетъ, что будетъ черезъ недѣлю въ Римѣ для ознакомленія съ манускриптами Боргезе. Онъ не разсчитываетъ вернуться сюда раньше мая.

Лестеръ уже около трехъ или четырехъ недѣль путешествовалъ по Европѣ по библиотечнымъ дѣламъ.

Артуръ ничего не возражалъ, но стоялъ, отвернувшись къ окну, слегка нахмуренный, съ недовольно сжатыми губами. Его молодое лицо съ неопредѣленными чертами и мальчишескія еще манеры едва-ли соответствовали бы роли наслѣдника магната, еслибы онъ вздумалъ разыгрывать ее. Но положеніе владѣльца Користона-Плаца, громаднаго родового помѣстья, съ великолѣпными традиціями, и продолжительное вліяніе матери не могли не отразиться на немъ такъ или иначе. Только воспоминанія объ Энидъ Гленуилльямъ вносили струю, чуждую этому настроенію. Могъ ли онъ считать желательнымъ бракъ сестры съ человѣкомъ ниже ея по происхожденію, хотя бы онъ и былъ наиболѣе подходящимъ ей мужемъ, по своимъ душевнымъ качествамъ? Мужчина можетъ жениться на комъ хочетъ, семья играетъ тутъ второстепенную роль. Но женщина уходитъ въ семью мужа. Въ концѣ концовъ онъ пожалъ только плечами.

„Марція упорна такъ же, какъ Користонъ, — подумалъ онъ.—Очевидно, такъ и будетъ“.

Наступилъ апрѣль. Въ многолюдномъ Римѣ, съ его цвѣтниками и фонтанами, подъ живительными лучами солнца, Марція Користонъ съ особенной остротой чувствовала, какъ входила въ нее эта жизнь, полная красоты, красокъ и звуковъ. Эдвардъ Ньюбери проѣзжалъ здѣсь по пути въ Бриндизи и Южную Индію. Она видѣлась съ нимъ въ продолженіе часа. Оба были сдержаны во время этого свиданія и оба не забыли его всю жизнь. Когда они разстались, Марція пролила нѣсколько тайныхъ слезъ—слезъ мучительной симпатіи и восхищенія, смѣшанныхъ съ состраданіемъ.

Но потомъ, со вздохомъ облегченія и съ обновленной радостью, вернулась она къ дорогому, чудному, красочному міру, отъ котораго бѣжалъ Эдвардъ Ньюбери. А вскорѣ пріѣхалъ и Лестеръ. Онъ сталъ ея неизмѣннымъ и постояннымъ спутникомъ въ полныхъ интереса прогулкахъ по Риму. Она видѣла его среди товарищей ученыхъ, скромнымъ и усерднымъ работникомъ, и все больше и больше открывала въ немъ душевную красоту, привлекавшую ее. Натура поэтическая и возвышенная не отчуждала его отъ людей, ихъ радостей и страданій. Мирно протекали золотые дни. Бѣлыя и голубыя анемоны расцвѣтали и увидали въ лѣсахъ. Толпы англичанъ пріѣзжали и уѣзжали. Марція скоро тоже должна была уѣхать домой, увозя съ собой страстное,

полное надеждъ, чувство ребенка, утомленного счастливыми днями и мечтающаго о наступленіи новыхъ.

Таковы были личныя и частныя дѣла. Но въ мартѣ произошла катастрофа, которая потрясла всю Англію и глубоко измѣнила политическій курсъ. Яхта, на которой ѣхалъ Гленуилльямъ, разбилась о скалы во время страшной бури. Всѣ, бывшіе на яхтѣ, погибли, и отъ нея самой остались одни обломки. Дочь канцлера осталась сиротой и почти безъ средствъ. Партіиные товарищи отца, восхищавшіеся имъ и любившіе его, отнеслись къ его дочери съ полнымъ сочувствіемъ. Но, къ удивленію многихъ, она отказалась отъ всякой помощи и жила на свои небольшія средства, прирабатывая литературнымъ трудомъ. Не прошло и шести недѣль послѣ смерти отца, какъ появился опять Артуръ и возобновилъ свое сватовство. Вѣроятно, не безъ нѣкоторой душевной борьбы она все-таки отказала ему.

— Вы добрый, хорошій человѣкъ, — сказала она ему съ благодарностью, — но этого не будетъ и не должно быть!

Облако грусти набѣжало на ея красивое лицо.

— Только одно могу я теперь сдѣлать для него, это — служить его партіи. А вы этого не можете. Иѣтъ, нѣтъ! Прощайте.

Наконецъ, въ маѣ вернулась и Марція, чтобы жить, какъ она предполагала, въ Користонъ-Плацѣ вмѣстѣ съ Артуромъ и исполнять свои обязанности въ родныхъ мѣстахъ. Весна была въ полномъ расцвѣтѣ. Пышно распустился дикій тернъ на склонахъ холмовъ, а потомъ зацвѣлъ и боярышникъ рядомъ съ нимъ и вдоль изгородей и ручьевъ. Закуковали всюду кукушки, радостно защебетали мелкія птички, хлопота у гнѣздъ, а западный вѣтеръ, перелетая съ юга на сѣверъ, гналъ бѣлыя облака передъ собой и очищалъ небо, которое съ каждымъ днемъ становилось ярче и глубже. Марція дышала полной грудью и возрождалась къ новой жизни вмѣстѣ съ весенней природой. Лестеръ кончилъ научныя занятія въ Килѣ и Неаполѣ и вернулся въ Користонъ-Плацъ въ срединѣ мая, съ намѣреніемъ здѣсь закончить свои работы. То, что онъ нашелъ здѣсь, превзошло его ожиданія. Съ сердечной радостью встрѣтили его друзья — Користонъ и Артуръ — и не хотѣли отпускать отъ себя. Вся природа какъ будто ликовала, привѣтствуя его возвращеніе на родину. Но главное — онъ нашелъ Марцію! Съ страннымъ смущеніемъ смотрѣли на него темные глаза. Но черезъ сколько еще сомнѣній и недоразумѣній прошли оба, сколько пережили стадій возрастающаго довѣрія и восторженнаго очарованія — и чѣмъ все это кончилось — предоставляется на волю воображенія того, кому не чужды самыя чистыя глубины человѣческой души.

У КОСТРА.

(Этюд).

I.

Студентъ Семизоровъ, въ бѣломъ кителѣ и высокихъ сапогахъ, легко вскочилъ на лошадь, и, кланяясь стоявшимъ на террасѣ, по военному приложилъ руку къ козырьку фуражки.

На дворѣ было темно. Черезъ открытую дверь падала полоса свѣта и освѣщала вышедшихъ провожать Семизорова: хозяина дома—полковника Войнова, двухъ его дочерей и нѣсколько чело-
вѣкъ гостей.

— Право бы остались ночевать, Петръ Андреевичъ,—говорилъ полковникъ.—Смотрите, темъ какая.

— Оставайтесь, Петръ Андреевичъ: у насъ на ужинѣ лѣнныя вареники,—присоединилась къ полковнику младшая дочь, Каллиста, и засмѣялась.

Нѣкоторые изъ гостей также удерживали Семизорова, но Семизоровъ, крикнувши въ десятый разъ:—„серьезно нельзя, я бы съ удовольствіемъ“,—тронулъ съ мѣста крупной рысью къ воротамъ усадьбы.

Семизоровъ говорилъ правду: остаться ночевать было нельзя, потому что на слѣдующій день въ ихъ имѣніи, верстъ за восемнадцать отъ Войновыхъ, было рѣшено съ утра косить пшеницы, и, за отсутствіемъ приказчика, уѣхавшаго на ярмарку въ сосѣднюю слободку, Семизорову приходилось быть въ полѣ „за старшаго“. Правда было и то, что Семизоровъ остался бы съ удовольствіемъ, потому что былъ влюбленъ въ старшую Войнову—Ольгу, и ясно видѣлъ, что самъ ей нравится.

Онъ ѣхалъ крупнымъ шагомъ въ темнотѣ, звенѣвшей отъ кузнечиковъ, и въ головѣ у него одна за одной вставали и уплывали легкія, пріятныя мысли. Онъ съ удовольствіемъ думалъ о томъ, что выдержалъ характеръ и не остался; что романъ съ Ольгой отъ него не уйдетъ, а отъ отъѣзда его только выиграетъ; о томъ, что, ловко сидя на своемъ „Буромъ“, освѣщенный изъ комнаты и выдѣлившись кителемъ на темномъ фонѣ ночи, онъ долженъ былъ казаться интереснымъ. Лошадь весело шла домой, стуча подковами

по накатанной дорогѣ, изрѣдка бодро пофыркивая. Студентъ привсталъ на стремянахъ, натянулъ поводъ и чмокнулъ „Бурому“. Лошадь встрепенулась и пошла рысью, косясь въ темноту и все усиливая аллюръ.

Мимо свистѣлъ засвѣжѣвшій воздухъ, который какъ будто относилъ мысли, не давая имъ подолгу оставаться въ мозгу.

Въ душу просилось и изъ души рвалось что-то удалое и неопредѣленно-радостное, какъ бываетъ у здороваго человѣка на двадцатомъ году.

Впередѣ встало и зачернѣлось что-то большое, широкое. Это былъ курганъ, который называли „Острая могилка“, и оттуда Семизорову, ѣхавшему по шляху, нужно было сворачивать влѣво. Отсюда до дому оставалось меньше поль-пути.

Семизоровъ пустилъ „Бураго“ шагомъ; но разошедшійся жеребецъ, чья близость дома, видимо, предпочиталъ бѣжать,—перебиралъ удилами, натягивалъ повода и плясалъ. На поворотѣ дороги „Бурый“ метнулся въ сторону и захрапѣлъ. Сейчасъ же раздался хриплый лай и справа отъ костра, котораго Семизоровъ, ѣхавшій съ противоположной стороны, до этихъ поръ не могъ видѣть, большими скачками бросилась къ лошади собака.

Среди чернильной темноты ночи зарево костра казалось особенно яркимъ, а двигавшіеся у костра люди—громадными и таинственными.

— Цыцъ, проклятая—тубо! Трезоръ!—раздалось отъ костра. Жмурясь на огонь, Семизоровъ подъѣхалъ къ костру.

По голосу и кличкѣ собаки онъ, прежде чѣмъ разглядѣлъ, узналъ въ одномъ изъ трехъ человѣкъ, вставшихъ при его приближеніи, охотника Кудрю.

— А! це Павловскій папычъ—сказалъ Кудря: — живеньки-здоровеньки?.. Тубо, Трезоръ! нси-сюда!

Остальные двое были: Михайло—столяръ изъ ближняго хутора и объѣздчикъ Войновыхъ Павелъ Дорофеевичъ.

Невдалекѣ изъ темноты жевала и фыркала лошадь.

Всѣхъ трехъ Семизоровъ давно и хорошо зналъ, какъ и они его. Надъ огнемъ висѣлъ „таганокъ“ и оттуда несло дымомъ и саломъ. Павелъ Дорофеевичъ и Михайло сказали вмѣстѣ:

— Здравствуйте, Петръ Андреевичъ! Откуда Богъ несетъ?

— Пожалуйте къ намъ кулешъ ѣсть,—приглашалъ Кудря, сидя на корточкахъ передъ таганкомъ, снимая деревянною ложкою накипь и весело поглядывая на студента.

— Здравствуйте, господа! — отвѣчалъ Семизоровъ, слѣзая съ лошади. Выпроставъ изъ-подъ подушки чумбуръ и ведя на немъ „Бураго“, онъ подошелъ къ костру, разминая на ходу слегка отекишія ноги.

У костра было уютно и весело; окружающая темнота казалась отъ этого непривѣтливѣй и ѣхать въ нее дальше не хотѣлось, а,

напротивъ, хотѣлось сѣсть близко къ огню, какъ Михайло столляръ, обнять обѣими руками колѣна и задумчиво смотрѣть на шипящее и потрескивающее пламя и на темноту, враждебно насунившуюся, надвинувшуюся на костеръ со всѣхъ сторонъ и все-таки передъ нимъ безсильную.

— Пожалуйте, я коня подержу, — почтительно обратился къ Семизорову объѣздчикъ и взялъ у него изъ рукъ чумбуръ. — Пожалуйте, а мы вашего жеребца приспособимъ, пущай пасется.

Павель Дорофеевичъ вынулъ изъ сумки, надѣтой черезъ плечо, веревку, быстро привычными руками связалъ ее съ чумбуромъ, разнуздалъ „Бураго“, ослабилъ подпруги и, хлопнувъ лошадь по крупу, сказалъ:

— Ну, иди, животная, пользуйся!

„Бурый“ постоялъ немного, поводя ушами и присматриваясь къ ходившей въ нѣсколькихъ саженьяхъ лошади объѣздчика, которая приподняла голову и тоже смотрѣла на него; потомъ, не найдя въ ней ничего интереснаго, опустилъ морду къ землѣ, сильно, отрывисто фыркнулъ и сталъ щипать траву. Объѣздчикъ сѣлъ на землю и началъ крутить цыгарку, держа въ рукѣ веревку, связанную съ чумбуромъ.

II.

— Вы какъ это всѣ собрались? — спросилъ Семизоровъ, усаживаясь у костра, какъ разъ такъ, какъ давеча ему захотѣлось, глядя на Михайлу.

Оказалось, что Кудря, бродя съ ружьемъ и замѣтивъ съ вечера въ этихъ мѣстахъ дудаковъ, рѣшилъ здѣсь започевать и развелъ костеръ — приготовить ужинъ.

Павель Дорофеевичъ объѣзжалъ экономическій сѣнокосъ и подѣхалъ на огонекъ, да кстати пустилъ коня понастись. Столяръ же возвращался изъ Святыхъ Горъ, хотѣлъ было къ ночи добраться домой, но оступился, натрудилъ ногу и, такъ какъ до хутора „ходу“ было еще верстъ двѣнадцать, остался почевать съ Кудрей.

Ночь темнѣла. Кузнечики тянули свою непрерывную въ одну ноту пѣсню, которая сливалась и съ темнотою, и съ тишиною и теряла характеръ звука, такъ что ухо переставало ее слышать, и казалось, что кругомъ стояла мертвая тишина, нарушаемая только голосами у костра да пріятнымъ вкуснымъ звукомъ, съ которымъ пасшіяся лошади вырывали короткую траву на склонѣ кургана. Семизоровъ принялъ участіе въ общемъ разговорѣ объ урожаѣ, о предстоящемъ на Ильи престольномъ праздникѣ, о пожарѣ, случившемся по сосѣдству, и думалъ о томъ, какъ это онъ раньше такъ мало обращалъ вниманія на этихъ людей, чрезвычайно характерныхъ, интересныхъ и во взглядахъ и сужденіяхъ удивительно другъ на друга не похожихъ.

Михайло-столяръ и Кудря были оба пожилые, лѣтъ за пятьдесятъ, совсѣмъ крѣпкіе и бодрые, а Павлу Дорофеевичу, Семизоровъ зналъ, было далеко за семьдесятъ, но онъ былъ удивительно моложавъ, и, благодаря военной выправкѣ (онъ былъ казачій урядникъ), казался бодрѣе и подвижнѣе и Михайлы, и Кудри. Онъ былъ не просто урядникъ, а „урядникъ изъ дворянъ“, очень гордился этимъ обстоятельствомъ и, когда выпивалъ, то, обращаясь къ какому-нибудь мужику, говорилъ:

— Что ты есть? А? Мазепа необузданная, больше ничего. А я, ежели желашь знать,—дворянинъ, дворянскаго, значитъ, поведенія.. Мой племянникъ, его превосходительство Алексѣй Федоровичъ, въ Черкасскомъ помощникъ наказнаго атамана состоитъ ежели желашь знать, сволочь паршивал!..

Фамиліи Кудри Семизоровъ не зналъ, какъ не знало большинство въ слободѣ. Многіе изъ молодежи не знали даже настоящаго имени Кудри; да никто и не называлъ его по имени, а всегда—кличкой „Кудря“, которая и теперь шла къ его уже сѣдымъ, но все еще густымъ, кудрявымъ волосамъ. Только прежде его звали просто „Кудря“, теперь же парни и дѣвчата называли „дядько Кудря“, а въ послѣднее время—и „дидъ Кудря“. Какъ хозяинъ, Кудря не пользовался уваженіемъ, представляя изъ себя въ этомъ отношеніи совершенно мнимую величину, такъ какъ даже надѣлъ свой сдавалъ въ чужія руки и жилъ охотой, случайными заработками въ сосѣднихъ экономіяхъ и барышничествомъ. Не пользовался онъ уваженіемъ и какъ личность вообще, будучи, не соотвѣтственно своимъ лѣтамъ и въ любой обстановкѣ, жизнерадостенъ, безпеченъ и болтливъ. За то, какъ охотникъ, Кудря считался мѣстною знаменитостью и пользовался уваженіемъ, насколько могутъ уважаться въ деревенскомъ быту охотничьи таланты. Сколько помнить себя Кудря и сколько помнить его другіе, онъ всегда былъ охотникомъ. Охотниками были и дѣдъ, и отецъ его, и еслибы у Кудри былъ сынъ, онъ, разумѣется, такъ же пошелъ бы „по охотничьей части“; но Кудря былъ бездѣтнымъ, да и жена его давно умерла, и старый охотникъ жилъ въ завалившейся хворостяной хатѣ съ старымъ Трезоромъ, „охотничьей“ собакой сомнительнаго лагаваго происхожденія, и цѣлою коллекціею ружей отъ кремневой одностолки до „централа“ включительно, подаренныхъ ему разными панями, съ которыми онъ охотился въ продолженіе сорока лѣтъ.

Михайло Пархоменко былъ человѣкъ совсѣмъ иного типа. Это былъ настоящій хозяйственный мужикъ. Работая еще „за панскихъ правъ“ въ столярной мастерской при господскомъ дворѣ, Михайло хорошо научился столярному дѣлу, дававшему ему теперь заработокъ въ свободное отъ полевыхъ работъ время. Онъ былъ грамотный, дѣтей отдавалъ въ земскую школу, а старшаго сына, по совѣту отца Семизорова, по окончаніи школы отдалъ даже въ

городское училище. Самъ онъ въ свободное время любилъ читать божественное, а въ послѣднее время нѣсколько разъ бралъ у Семизорова и свѣтскія книги, какъ бралъ ихъ и Кудря, такъ же грамотный какимъ-то чудомъ.

— А намъ тутъ, Петръ Андреевичъ, Михайло про Святыя Горы разсказывалъ,—заговорилъ Кудря тѣмъ смѣшаннымъ русско-холацкимъ нарѣчіемъ, какимъ говорятъ старые дворовые и пожившіе въ городѣ хохлы.—Було-къ въ монахи не постригся: ужь очень, говорить, хорошо, чудесно.

Кудря засмѣялся и сталъ снимать таганокъ съ огня, такъ какъ кулешъ поспѣлъ.

— Пожалуйте вечерять,—приглашалъ онъ и прибавилъ:—а у меня только двѣ ложки,—какъ будемъ?

Семизоровъ и объѣзчикъ отказались отъ ужина.

— Ну, чего дурака строишь?—сказалъ Михайло, придвигаясь къ тагану и разламывая вынутый изъ котомки кусокъ хлѣба.—Я про святость разсказывалъ, про бла-го-лѣ-піе, — раздѣльно произнесъ онъ,—а ты говоришь: хотѣлъ въ монахи.—Онъ осторожно, стараясь не обжечься, потянулъ съ ложки жидкую кашу и прибавилъ:

— Я, можетъ быть, что дѣйствительно хотѣлъ, такъ мало бы что... Тамъ дѣло Божье, а наше дѣло житейское, Вотъ бы вы, Петръ Андреевичъ, послушали, какъ монахи поютъ,—по уставу, правильно,—обратился онъ затѣмъ къ студенту.

— Я слышалъ,—отозвался тотъ.

— Въ Святыхъ Горахъ еще не упоишь монастырь,—замѣтилъ объѣзчикъ, сидѣвшій дальше всѣхъ отъ костра, державшій „Бураго“ въ поводу и оглядывавшійся время отъ времени на лошадей.—Вотъ Афонъ-гора, тамъ дѣло другое: строго—страшное дѣло. Да и мощей въ Святыхъ Горахъ нѣтъ; какой же это монастырь безъ мощей?

— Есть тамъ мощи, только подъ спудомъ, неявленные,—выразительно произнесъ Михайло.

— То-то и оно-то!—съ насмѣшкою въ голосъ и какъ бы дразня Михайлу, сказалъ Кудря.—Подъ спудомъ. А въ другихъ прочихъ монастыряхъ—явленные: святости-то, значить, больше.

Михайло досадливо поморщился и небрежно уронилъ:

— Безъ понятія человекъ.

Семизорову захотѣлось переменить тему и онъ спросилъ Михайлу о его старшемъ сынѣ.

— Ну, что, Михайло, выросъ въ городѣ за зиму Никифоръ?

— Выросъ, да ума не вынесъ.

— Отчего? Вѣдь онъ хорошо учится?

— Что жъ учится? Разбаловался въ городѣ здорово, Петръ Андреевичъ. Въ гимназію говорить, поступилъ; буду, говорить, чиновникомъ.

— Куды тебѣ! — фыркнулъ Кудря. — У базу чиновникомъ, телятамъ хвосты крутить.

Михайло пересталъ ѣсть и заговорилъ серьезно:

— Я его отодралъ недавно.

— За что? удивился Семизоровъ.

— За дѣло; за противность отцу, чтобы не знущался передъ отцомъ образованіемъ.

Михайло помолчалъ, проглотилъ нѣсколько ложекъ и снова заговорилъ:

— Заставилъ я его евангелію читать. Читаетъ, ничего. — „А ты понимаешь“? — спрашиваю — „Понимаю“. — „Все чисто“? — „Все чисто“. — Брешишь, говорю. А что значить „дондеже“? Молчитъ. „А что значить „абіе“? Молчитъ, сопить только. Ну, и выходитъ, что ты дуракъ, говорю. А все учишься, чиновникомъ сдѣлаться желаешь. Развѣ чиновники бываютъ такіе дураки? А онъ, подлецъ, сопѣлъ, сопѣлъ, да и говоритъ: — Да и вы, говоритъ, настояще многого не знаете, ежели спросить васъ. — Спрашивай, говорю, а самъ думаю: что онъ спроситъ у меня? Какое слово? а онъ и спрашиваетъ: — сколько, говоритъ, въ Америкѣ тысячъ квадратныхъ жителей?

— Инъ, сволочь! — произнесъ объѣздчикъ съ негодованіемъ.

— Ловко! — съ восторгомъ крикнулъ Кудря. — Закрутилъ батьковъ чунрину.

Михайло продолжалъ также серьезно:

— Я до его, — бить. Онъ — тикать, да съ порога кричить: — Вотъ и не знаете! А земля кругомъ чего вертится? — Такъ и убежъ. Ну, да пришелъ вечеромъ, — я и отодралъ его.

— Слѣдуетъ, — одобрилъ Павелъ Дорофеевичъ и прибавилъ: — Теперь не дерутъ; но только это, какъ для кого — для одного хорошо, а для другого плохо, ежели желаете знать. А пока малый да глупый, — его слѣдуетъ драть.

— Это для всѣхъ нехорошо, Павелъ Дорофеевичъ, — сказалъ Семизоровъ. — Вонъ прежде и большихъ били, похода.

— Съ чернымъ народомъ, съ хохломъ, скажемъ, безъ палки, Петръ Андреевичъ, никакъ невозможно. Потому — народъ глухой и дикой.

— Казаки — тѣ всѣ умные, — замѣтилъ Кудря, подмигивая студенту.

Объѣздчикъ не обратилъ вниманія на замѣчаніе охотника и продолжалъ:

— Доложу вамъ, Петръ Андреевичъ, со мною случай одинъ былъ. На ярмаркѣ было дѣло, въ Орловкѣ, за Дономъ. Я полпцейскимъ служилъ. Ъду верхи, смотрю, собралась большая публика народу. Шумъ, гвалтъ. Слышу — народъ ругается, сурьезничаетъ. — Въ чемъ дѣло? спрашиваю. — А вотъ, говорятъ, парня господинъ какой-то по мордѣ ударилъ, носъ разбилъ. — Да за что, говорю,

ударилъ?—Такъ, говорятъ, ни за что; шелъ мимо, а парень на гармоніи играетъ; онъ его—въ морду, а самъ въ гостинницу пиво пить пошелъ.—Ну, а вамъ чего?—спрашиваю. Вамъ какая суть съ этого? А они галдятъ. Тутъ выходитъ съ толпы здоровый хохолъ; вижу: вышитый, развязку оказываетъ.—А намъ, говоритъ, это обидно: теперь, говоритъ, такого закону нѣту, чтобы драться.—Ахъ ты, говорю, дубина хохлацкая, ежели желаешь знать! Много ты можешь про законы понимать? Развѣ говорю, законы для тебя, хама, писаны? — А ты, говоритъ, станичникъ, потише. Какое ты имѣешь полное право поношать разными словами подобными? А народъ между прочимъ собрался, гудеть на меня. Ну, я это съ коня сейчасъ слѣзъ, сунулъ чумбуръ ближнему хохлу въ руки: держи! А самъ къ тому хохлу, что мнѣ нагрубилъ. — Такъ тебѣ, говорю, обидно, что вотъ этого дурака благородный господинъ по мордѣ ударилъ?—Обидно, говоритъ, извѣстное дѣло.—А вотъ это тебѣ не обидно, ежели желаешь знать? Да—рррразъ его по уху, да въ другой...

— Ну?!—оживленно уставились на рассказчика Михайло и Кудря. Семизоровъ слушалъ, и ему было и больно, и стыдно; хотѣлось сказать Павлу Дорофеевичу что-нибудь обидное.

— Разошлась вся публика... А не засвѣти я ему, этому самому хохлу,—безпремѣнно бунтъ бы вышелъ.

— А побитый?—спросилъ Семизоровъ.

— Помахалъ, помахалъ головою, въ затылкѣ почухалъ, шапку съ земли поднялъ и говоритъ: оце добре! теперь и выпить не грѣхъ. А я слѣзъ на коня и спрашиваю: — Больше никому не обидно? Смѣются дураки...

Кудря покатился отъ смѣха; усмѣхнулся и Михайло, а Семизоровъ спросилъ съ раздраженіемъ:

— А васъ самихъ никогда не били, Петръ Дорофеевичъ?

— На кулачкахъ били, а такъ, чтобы за наказаніе—не приходилось. Разъ было-къ выпороли,—ну не вышло.

— А, ну, рассказать!—съ чисто дѣтскимъ любопытствомъ отзывался Кудря.

Объездчикъ, не глядя на него и обращаясь исключительно къ Семизорову, продолжалъ добродушнымъ тономъ, не замѣчая враждебнаго настроенія студента:

— Я въ Верхнемъ Курманѣ двадцать пять лѣтъ за станичнаго брантмейстера былъ. Двадцать пять лѣтъ не пороли, а на двадцать шестомъ году захотѣлъ выпоротъ засѣдатель Моисеевъ. Строгій, дьяволъ, былъ, сурьезный. Тебя, говоритъ, двадцать пять лѣтъ не пороли, такъ ты думаешь, что это для меня очень важно? Обязательно тебя, говоритъ, нужно выпоротъ, чтобы ты себѣ въ голову ничего не взялъ, а то ты и такъ туда много ума покладаешь. Самъ пьяный. Ходить съ господами изъ трактира въ трактиръ и меня за собой водить; а сидѣлецъ сзади пучокъ розогъ носить.

Писарь засѣдательскій говоритъ: дай шесть рублей, не будемъ **пороть**. Тогда просто было, не то, что нонѣ. Помпrialсь на пяти рубляхъ. Такъ и не пороли.

— А засѣдателю все доходъ,—резюмировала Кудря.

III.

— Нѣтъ, это вы неправильно говорите,—сказала Михайло, окончивъ ѣсть и не торопясь помолвившись на востокъ, уже сѣрѣвшій передъ зарей.—Это не хорошо такъ поступать: знушаться безъ толку, для жестокости. А только Бога прежде больше нынѣшняго боялись—это вѣрно. Совѣсть была въ людяхъ. А теперь—все деньги.

— Деньги не Богъ, а милуетъ больше,—произнесъ Кудря и снова подмигнувъ Семизорову, видимо разсчитывая найти въ немъ сочувствіе своему вольнодумству.

— Нынче за деньги отца съ матерью продадутъ и плакать не будутъ,—вставилъ Павелъ Дорофеевичъ.—Въ деньгахъ—чертъ.

— Чудаки!—обратился Кудря къ Семизорову.—Деньги ругаютъ. А небось, не будь у васъ тогда денегъ, Павелъ Дорофеевичъ,—выпоролъ бы васъ засѣдатель на отдѣлку, хочъ нехай вы и дворянскаго поведенія.

Обѣздчикъ разсердился, швырнулъ недокуренную цыгарку въ потухавшій костеръ и произнесъ отрывисто, съ злобнымъ презрѣніемъ:

— Хохоль ты хохлацкій, Кудря,—сжели желаешь знати!

Кудря продолжалъ тѣмъ же добродушнымъ тономъ:

— Хочъ бы и Михайло: писаніе читаешь, живой до Бога лѣзешь, а вѣдь топоромъ разу не ткнешь безъ денегъ-то. Да и за работу безъ числа дорого ставишь: сколько прошу мою хату починить,—ну, невозможное дѣло цѣну кладешь. Да ты не сердись,—еще добродушнѣе обратился онъ къ Михайлу, видя, что тотъ насупился,—не хочешь, Богъ съ тобой! Вѣдь, это я такъ, къ слову, чтобъ молодыхъ не дюже ругали. Я и самъ соберусь—хату починю.

-- Чибъ молодыхъ не ругали!—передразнивая Кудрю, отозвался обѣздчикъ.—Какъ же ихъ не ругать, когда не слушаютъ, вольничаютъ? Вѣдь тебѣ все равно, твое дѣло охотническое, тебѣ порядку не требуется. А я вотъ день и ночь со всякими народами возюсь и вижу—своеволие пошло.

— Народъ смѣлый пошелъ, это вѣрно,—принужденъ былъ согласиться Кудря. Онъ засмѣялся, какъ бы вспоминая что-то, и въ поясненіе добавилъ:

— Бѣдовое дѣло, братцы! Идемъ это мы съ Филькой Жилинымъ съ обѣдни, а насустрѣчь на бѣгункахъ напаша ихній ѣдутъ,—кивнулъ онъ на Семизорова.—Я шапку снялъ, здоравлиюсь,

а Филька идетъ, сѣмички лускаетъ и себѣ безъ понятія.— „Ты чего, говорю, дуракъ, съ генераломъ не здоровляешься?“— „А чего, говорить, я буду съ ими здоровляться? Я съ ими незнакомый“. Вотъ отважный какой!—съ нескрываемымъ восхищеніемъ окончилъ Кудря.

Семизоровъ сконфузился и тутъ же разсердился на себя за это, а также за то, что противъ воли почувствовалъ враждебность къ Филькѣ Жилину за его демонстрацію по отношенію къ отцу.— Считаю себя демократомъ, а самъ поклоновъ требую,—подумалъ онъ.

Павелъ Дорофеевичъ и Михайло почувствовали безтактность Кудри и Михайло сказалъ, не обращаясь ни къ кому:

— Плететь челоѣкъ, кто его знаетъ что.

— Отважности въ ихъ много, что и говорить,—сказалъ объѣздчикъ.—Сегодня по Ребриковой ѣду: на завалинкѣ три дѣвчонки сидятъ, лѣтъ по десяти, „шахтерку“ кричатъ, стервы, на всю слободу: „ночевать, говорить, съ тобой я рада, только дѣлать такъ не надо“.

— Ловко!—одобрилъ не смущавшійся ничѣмъ Кудря.

— Отодрать бы ихъ за эту пѣсню, чтобы дня три сѣсть нельзя было,—вотъ это ловко было бы,—замѣтилъ объѣздчикъ и прибавилъ убѣжденно:

— Распущеніе пошло, все хуже стало.

— А по моему—замѣтилъ Кудря—все одно, свѣтъ какой былъ, такой и есть. Народъ одинъ: бѣдные да богатые, мужики да паны. Охота хуже стала—это такъ. Я лѣтъ двадцать тому назадъ съ Петромъ Николаевичемъ Иловацкимъ сайгаковъ за Манычемъ билъ, а теперь—гдѣ они, сайгаки?

— Теперь всякая сволочь поровить себя на господскую ногу поставить: пальцемъ его тронуть не могли,—продолжалъ объѣздчикъ, мало слушая Кудрю.—Надысь плетью погладилъ погонича, чтобы по сторонамъ не зѣвалъ; такъ вѣдь барину жаловаться пошелъ, а баринъ мнѣ же выговариваетъ: нельзя бить людей, говорить, ты бы его словами урезонилъ. Урезонишь ихъ, сволочей, тоже!

— И хорошо сдѣлалъ Валерьянъ Николаевичъ, что не позволилъ вамъ бить людей, да еще мальчиновъ,—съ нескрываемымъ раздраженіемъ заговорилъ Семизоровъ.—Это мерзость, поймите вы, ради Бога! Да и по закону этого нельзя теперь.

Объѣздчикъ и, повидимому, остальные съ удивленіемъ отнеслись къ раздражительной тирадѣ студента, а Павелъ Дорофеевичъ, какъ бы извиняясь, самымъ искреннимъ тономъ замѣтилъ:

— Да Господи, Боже мой! рази-жъ я для удовольствія себѣ, что-ли, бью ихъ? Да будь они трижды анаеема прокляты! Для господской же пользы. Вотъ вы про законы говорите, Петръ Андреевичъ. Дакъ рази это законы? На той недѣлѣ мировой ольховяцкихъ мужиковъ судилъ, что у Поляха коней украли. Привели ихъ на судъ, посадили; мировой имъ „вы“ говоритъ:—„Что вы, говорить, скажете въ свое оправданіе?“ Ну, не смѣху ли подобно?

Михайло неодобрительно покачалъ головой, а Кудря замѣтилъ:

— Это точно, что на господскую ногу поставлено.

Объѣзчикъ продолжалъ:

— Еще спрашиваетъ у него, что онъ въ оправданіе скажетъ. Вотъ и видно, что мировой судья не знаетъ нашей казачьей поговорки: „бей, а то отбрешется“. Его слушать, такъ онъ наскажетъ,—понятное дѣло... А потомъ одного оправдалъ, а двухъ на четыре мѣсяца въ острогъ посадилъ, да еще говоритъ: „Ежели вы, говорить, недовольны, такъ можете въ сѣздъ подать на пересмотръ“. Чистый страмъ да и только! Ну, что ему четыре мѣсяца на казенномъ продовольствіи въ теплѣ безъ работы въ зимнее время отсидѣть? А время какъ разъ такъ и выйдетъ, что имъ къ зимѣ садиться. По моему—избить его до полусмерти, искалѣчить, чтобъ всю жизнь помнилъ, чтобъ, хоть и захотѣлъ часомъ украсть, такъ не могъ бы,—вотъ это правильно, ежели желаете знать. Такъ у насъ по станицамъ и поступаютъ съ ними, съ конокрадами.

— Конокрадовъ, извѣстное дѣло, миловать грѣшно,—подтвердилъ и Кудря.

А Михайло добавилъ:

— Конокрадь—хуже разбойника; его и убить не грѣхъ.

— Кабы вашего „Бураго“ увели,—тоже, я думаю, миловать бы не стали, Петръ Андреевичъ,—обратился къ Семизорову объѣзчикъ тономъ, въ которомъ слышалась увѣренность, что приведенные доводы должны были опрокинуть ложную сантиментальность студента.

Семизоровъ не сталъ возражать. Ему стало грустно. Посмотрѣлъ на часы: было половина третьяго. Костеръ совсѣмъ почти потухъ. На востокъ небо стало блесоватымъ. Темнота кругомъ разрѣживалась, а „Острая мотыла“ и лошади не казались уже темными безформенными пятнами и были видны почти совсѣмъ ясно. Кузнечики замолчали.

— Ну, мнѣ пора!—сказалъ Семизоровъ, поднимаясь.—Сегодня у насъ пшеницу начинаютъ; пока дождь...

Павелъ Дорофеевичъ подошелъ къ „Бурому“ и сталъ его за-
нуздывать и подтягивать подпруги, а Семизоровъ спросилъ Кудрю:

— Ну что, книгу, что взялъ у меня, читаешь?

— Пушкина-то? Какъ же, читаю.

— Что же тебѣ понравилось больше?

— А мнѣ „Выстрѣлъ“ понравился, Петръ Андреевичъ,—какъ они на дуэль выходили драться, а этой... какъ его звать? Чудно какъ-ся, не по-нашему... черешни съ шапки ѣлъ и въ морду ему косточки плевалъ.

— А про Пугачева читалъ?

— Отчаянный былъ, бѣда!—отозвался Кудря и опять вернулся къ поразившей его и такъ имъ по-своему передѣланной сценѣ изъ пушкинскаго „Выстрѣла“.—Удивленіе! Той стоитъ, трясется, а онъ ему въ морду косточки плюетъ

— Ну, тамъ, братецъ, не совсѣмъ такъ, — замѣтилъ Семизоровъ.

— Такъ, Петръ Андреевичъ! — не уступалъ Кудря: — я здорово запомнилъ. И картинка еще нарисованная.

— А миѣ свѣтскія книжки, ежели правду говорить, не нравятся, — сказалъ Михайло, также поднявшійся и прилаживавшій на спинѣ свою котомку: — Писаніе читаешь али житіе, скажемъ, — какъ ширишься самъ; такъ тебя дума и забираетъ... А вотъ что бралъ у васъ, Петръ Андреевичъ, книжки: прочиталъ — не нравятся. Какъ кто кого любилъ, да какъ кто кого побилъ. Ну, что въ томъ? Поученіе какое? А то вотъ еще „Пѣвцы“ эти самые. Никифоръ вслухъ читалъ; учитель, говорить, подарилъ. Не сурьезная вещь: какъ въ кабацкѣ мужики водку пили, да пѣсни кричали. Про это и писать не слѣдовало бы, — пойти въ кабацъ и все тутъ.

Семизоровъ не зналъ, что сказать въ защиту свѣтскихъ книгъ, и, уже сѣдя на „Буромъ“, спросилъ Михайла:

— А ты все понимаешь въ писаніи, Михайло?

— Не все, — со вздохомъ отвѣчалъ Михайло: — нелзя всего понять. Я вотъ спросилъ одного монаха стараго, четки въ Святыхъ Горахъ продаетъ да всякія святости, про одно мѣсто изъ Библіи, а онъ говоритъ: „этого понять невозможно; это намъ не дадено“.

— Какое же мѣсто?

— А такое, гдѣ сказано, что Мельхиседекъ „былъ рожденъ въ пространствѣ, но безо времени“, — отчетливо и важно сказалъ Михайло. И Семизоровъ замѣтилъ при этомъ, что Павелъ Дорофеевичъ и Кудря смотрѣли на Михайла съ уваженіемъ, видимо пораженные его ученостью.

Всѣ помолчали.

— Ну, будьте здоровы, господа! — сказалъ Семизоровъ, трогая лошадь, и быстро поѣхалъ по мокрой отъ росы травѣ, сопровождаемый нѣкоторое время лающими Трезоромъ.

— Съ Богомъ! Прощайте! — кричали ему вслѣдъ.

— Простей панычъ, — замѣтилъ Кудря, опускаясь на землю.

Михайло и объѣзчикъ попрощались съ охотникомъ: Павелъ Дорофеевичъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ къ коннамъ, сѣрѣвшимъ въ сторонѣ, а Михайло вынелъ на шляхѣ и скрылся за курганомъ.

Кудря остался одинъ и, подложивъ подъ голову охотничью сумку, легъ вздремнуть, пока выйдетъ солнце.

Солнце вышло, когда Семизоровъ подъѣзжалъ къ лѣсу, въ которомъ стояла ихъ усадьба и около котораго шелестѣли, егібаясь и разгибаясь, желтые „ланы“ пшепцы. Семизоровъ быстро ѣхалъ среди свѣлаго хлѣба, отъ котораго шелъ сладкій и слегка удушливый запахъ, и думалъ, что онъ поспѣетъ какъ разъ къ началу работы.

А. Петровскій.

НАСЛѢДСТВО.

(Разсказъ).

I.

Пока запрягали лошадей, Софья Петровна, ея братъ Сергѣй, служившій членомъ уѣздной земской управы и пріѣхавшій въ отпускъ, и университетскій товарищъ Сергѣя, санитарный врачъ Уваровъ, вышли на террасу дачи.

Сергѣй повалился въ гамакъ и сказалъ, пародируя чувствительный тонъ:

— „Осень... Осыпается весь нашъ бѣдный садъ“...

Софья Петровна обернулась къ Уварову, который, примостившись на перилахъ террасы, тщетно пытался закурить папирску.

— Итакъ, вы уѣзжаете... Я такъ и не могла понять,—почему...

Вѣтеръ опять загасилъ спичку. Уваровъ поднялъ голову, но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ отвѣтить, отозвался Сергѣй:

— Потому, что у него—волчьи ноги. Это мѣсто въ западномъ краѣ такъ же ему необходимо, какъ... Совсѣмъ оно ему не требуется. Но, конечно, онъ туда поѣдетъ, чтобы черезъ годъ-два переѣхать въ восточный край... Сколько лѣтъ мы знаемъ другъ друга? лѣтъ десять, не меньше. И все это время тебя нелегкая носила изъ города въ городъ. Вотъ и теперь понесла.

Уваровъ закурилъ, наконецъ, свою папиросу и усмѣхнулся.

— А что касается этой свары съ администраціей и газетами, — продолжалъ Сергѣй: — такъ это... Ну гдѣ же ты можешь считать себя застрахованнымъ отъ человѣческой глупости, скажи, пожалуйста?

— Время отъ времени не вредно приводить себя въ движеніе.

Софья Петровна опустила въ качалку, и всѣ трое замолчали.

У нихъ были кой-какія общія воспоминанія и теперь каждый по-своему они представляли себѣ обрывки этого общаго прошлаго, которому предстоящій отъѣздъ одного изъ нихъ придавалъ особое освѣщеніе.

Софья Петровна сидѣла неподвижно, въ позѣ спокойнаго ожиданія. Надъ нѣжными и правильными линіями нижней части ея лица тяготѣлъ прекрасный лобъ, нѣсколько скрытый прической темныхъ волосъ и все же преобладавшій въ лицѣ.

Уваровъ забылъ о своей папиросѣ и нѣсколько мгновеній сосредоточенно наблюдалъ это лицо.

Она почувствовала его взглядъ и у ней слегка покраснѣли уши.

Вслѣдъ затѣмъ нѣсколькими быстрыми вспышками мысли она увидѣла полуосвѣщенную гостиную ихъ городского дома, двѣ свѣчи у рояли и движущееся ей на встрѣчу изъ темнаго угла гостиной блѣдное лицо Уварова.

Ей показалось въ тотъ вечеръ, что она близка къ важнымъ событіямъ, самая возможность которыхъ ее волновала.

Но ничего не случилось и теперь эта сцена раздражала ее своей незаконченностью.

Ея ощущенія были такъ же неопредѣленны, какъ ихъ отношенія. Два года тому назадъ она встрѣтилась съ нимъ въ благотворительномъ обществѣ, занимавшемся кормленіемъ грудныхъ дѣтей въ лѣтнее время. Онъ помогалъ ему въ качествѣ санитарнаго врача, и они часто встрѣчались. А когда выяснилось, что съ Сергѣемъ они—университетскіе товарищи, то онъ началъ изрѣдка бывать въ домѣ.

Софья Петровна нравились его увѣренныя манеры и мягкій голосъ, но первоначально это были только чисто физическія ощущенія зрѣнія и слуха, которымъ она не придавала значенія.

И только къ концу второй зимы ихъ знакомства она начала выдѣлять его изъ окружающихъ и дѣлать попытки заглянуть въ чуждый для нея міръ его интересовъ.

У него были какіе-то интересы, было то, чего не хватало ей самой и что придавало увѣренность его движеніямъ, сверкало въ усмѣшкѣ, въ блескѣ глазъ, въ случайно сорвавшейся фразѣ.

За его бѣлымъ и спокойнымъ лбомъ совершалась какая-то работа и Софья Петровна хотѣла бы знать, что именно тамъ происходитъ.

Черезъ мать она наслѣдовала инстинкты нѣсколькихъ поколѣній, жившихъ богатой духовной жизнью,—поколѣній, въ которыхъ были крупные писатели, талантливые музыканты и видные администраторы. У нея былъ вкусъ къ мысли.

какъ бываетъ врожденный художественный вкусъ,—инстинктивная способность отличать духовную организацію высшаго сорта отъ посредственности.

Для этого ей достаточно было бѣлаго разговора, нѣсколькихъ фразъ, нѣсколькихъ искръ, сверкнувшихъ въ глазахъ.

Поскольку дѣло касалось мужчинъ,—она ограничивалась такимъ общимъ впечатлѣніемъ, такъ какъ для сознательной критики у нея не хватало знаній и сноровки. Она составляла о мужчинахъ свои мнѣнія такъ же, какъ судить о музыкѣ чуткій дилеттантъ, которому не извѣстны тайны искусства и который, равнодушный къ техникѣ исполненія, улавливаетъ въ пьесѣ только общее настроеніе.

Впрочемъ, недостатокъ знаній она восполняла воображеніемъ и сама для себя сочинила нравившійся ей мужской характеръ, пользуясь для этого, какъ матеріаломъ, всѣми случайными свѣдѣніями, какія она могла о немъ получить.

Разъ прошлой зимой она застала его размахивающимъ руками передъ Сергѣемъ, который насмѣшливо шурился и кусалъ усы.

Раньше она никогда не видѣла его размахивающимъ руками и съ особеннымъ вниманіемъ прислушивалась къ тому, что онъ говорилъ.

Оказалось, что онъ бранилъ тѣхъ интеллигентовъ, которые жаловались на время. Для него всякое время было достаточно хорошо и право жаловаться онъ оставлялъ только за лѣнтяями.

Потомъ онъ заговорилъ о стремительномъ ростѣ городовъ и тѣхъ особыхъ условіяхъ, въ какихъ протекаетъ городская жизнь.

Онъ говорилъ, какъ говорятъ спеціалисты, для которыхъ общія разсужденія не имѣютъ смысла. Въ головѣ у него былъ, повидимому, неистощимый запасъ цифръ, конкретныхъ иллюстрацій, встрѣчъ, воспоминаній, столкновеній и онъ съ непонятнымъ для Софьи Петровны увлеченіемъ орудовалъ всѣмъ этимъ матеріаломъ.

Она слѣдила за нимъ, присматриваясь къ огонькамъ, которые вспыхивали въ его глазахъ, когда онъ начиналъ особенно сильно махать руками, и недоумѣвала.

Интересъ спора казался ей искусственнымъ, но самъ по себѣ этотъ врачъ, нежелающій практиковать, пишущій статьи въ спеціальныхъ журналахъ и мечущійся изъ города въ городъ, чтобы налаживать какія-то организаціи, тушить чуму и холеру и ссориться съ администраціей, былъ для нея новымъ явленіемъ. Гдѣ-то тамъ, въ сутолокѣ большихъ

Сентябрь. Отдѣлъ I

городовъ, онъ выработалъ свое собственное отношеніе къ жизни и въ распоряженіи Софьи Петровны не имѣлось термина для опредѣленія духовной разновидности, какую онъ представлялъ.

Она поняла однако, что въ этомъ размахиваніи руками и въ этихъ разсужденіяхъ проявилось нѣчто большее, чѣмъ простое мнѣніе, такъ какъ это мнѣніе непосредственно претворялось въ дѣйствія.

Быть можетъ, именно съ этого вечера (она сама не сумѣла бы опредѣлить моментъ) въ сознаніи Софьи Петровны остался первый осязательный слѣдъ отъ этого мужского характера, который позднѣе она подвергла специальной обработкѣ, подаваясь инстинктивной потребности идеализаціи.

Съ чуткостью и пристрастіемъ женщины, начинающей чувствовать влеченіе къ мужчинѣ, она выдѣляла отдѣльныя черты его характера и, нѣсколько преувеличивая ихъ, любовалась ими.

Такимъ приемомъ она создала мужской характеръ, который въ ея сознаніи былъ ярче и опредѣленнѣе, чѣмъ въ дѣйствительности.

Ей особенно нравились двѣ основныя черты этого характера: жизнерадостность и интеллигентность.

Несомнѣнно, онъ былъ интеллигентомъ, съ безпокойнымъ сознаніемъ и утонченной чувствительностью. Онъ представлялъ собой частицу общественнаго мозга и частица эта была жизнерадостна въ наиболѣе характерныхъ своихъ проявленіяхъ,—въ области мысли.

Софья Петровна настолько привыкла отождествлять жизнерадостность съ посредственностью, что этотъ новый образъ помѣстился въ ея сознаніи, какъ рѣзкое пятно на общемъ фонѣ впечатлѣній, полученныхъ до этого изъ жизни и литературы.

Этотъ врачъ радостно мыслилъ. Жизнь не казалась ему ни безобразной, ни страшной. Онъ не сердился на нее и не брезговалъ ею. Города, въ грязи которыхъ ему приходилось возиться, представлялись ему чѣмъ-то вродѣ котловъ, въ которые человѣчество попало для перетопки. Здѣсь въ высокой температурѣ обострившихся до послѣднихъ предѣловъ противорѣчій жизни вырабатывались новыя формы человѣческихъ отношеній, отдѣлялись шлаки отъ чистаго металла, вырабатывалось новое міропониманіе. И онъ съ увлеченіемъ занимался размышляваніемъ и изученіемъ содержимаго этихъ котловъ, глубоко убѣжденный, что его работа—нужная для жизни работа и что тотъ хлѣбъ, который онъ себѣ добываетъ,—чистый хлѣбъ.

Все это давало прекрасный матеріалъ для сочиненія ге-

ронческаго характера и втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Софья Петровна чувствовала себя дѣйствующимъ лицомъ первыхъ главъ любовной повѣсти.

Его отъѣздъ поразилъ ее, какъ неожиданность, и, хотя онъ былъ связанъ съ какими-то столкновеньями и газетной перебранкой, ей до послѣдняго момента казалось, что всѣ эти причины ничего по существу дѣла не объясняютъ.

Она не имѣла никакого представленія о специальныхъ страданіяхъ публичной дѣятельности и не понимала ихъ такъ же, какъ человѣкъ, у котораго никогда не болѣли зубы, не понимаетъ страданій отъ зубной боли.

— Это журавли?—спросилъ Уваровъ, смотря вдаль.

— Нѣтъ, дрохвы,—отозвался Сергѣй.

Уваровъ посмотрѣлъ на часы и поднялся. Сергѣй прислушался къ звукамъ, доносившимся со двора, и сказалъ:

— Лошади готовы, кажется.

Когда затѣмъ они прошли во дворъ усадьбы и Софья Петровна маленькими, увѣренными руками забрала возжи, она опять почувствовала смутное волненіе, нѣчто вродѣ ожиданія предстоящихъ событій.

Сергѣй поѣхалъ верхомъ. Его полукровокъ цвѣта темно-коричневаго бархата долго бокомъ отплясывалъ въ сторону. Сергѣй ударилъ его нагайкой. Полукровокъ обидѣлся и крупной, нервной рысью вылетѣлъ въ ворота.

* * *

Возвращаясь со станціи, Софья Петровна разсѣянно правила лошадью и думала о людяхъ съ волчьими ногами, у которыхъ нѣтъ своего гнѣзда и которые бѣгутъ съ мѣста на мѣсто, разрывая зарождающіяся связи, всегда свободные и одинокіе.

Теперь, когда всѣ ея ожиданія-были кончены, она примирилась съ фактомъ, который всегда кажется болѣе логичнымъ въ законченномъ видѣ, чѣмъ въ процессѣ его зарожденія. Она не испытывала волненія, но въ ней осталось смутное недовольство, похожее на недовольство художника, который убѣдился, что его замыселъ, казавшійся интереснымъ, въ исполненіи не можетъ получить опредѣленныхъ формъ...

Тѣни низкихъ облаковъ стремительно неслись по степи, скользя по желтымъ пятнамъ сжатыхъ полей, по бурымъ полосамъ залежей, исчезая въ балкахъ и съ удвоенной скоростью мелькая по пригоркамъ.

Сѣрыя, взлохмаченныя, стремительныя, онѣ производили на общемъ свѣтломъ фонѣ залитой солнцемъ степи впечатлѣніе сильнаго контраста, похожее на впечатлѣніе рѣзко минорнаго аккорда.

Не переставая слѣдить за ихъ движеніемъ, Софья Петровна видѣла въ то же время высокую фигуру Уварова въ застегнутомъ наглухо пальто. Онъ стоялъ въ дверяхъ вагона, улыбаясь и кланяясь, и казался вполне довольнымъ обстоятельствами своей жизни. Но въ послѣдній моментъ, когда поѣздъ тронулся, Софья Петровна успѣла все же замѣтить на его лицѣ быструю смѣну отсвѣтовъ возбужденныхъ душевныхъ движеній.

Теперь она опредѣленнѣе всего видѣла именно эти отсвѣты, которые должны же были что-нибудь значить, и мысль, что за ними, можетъ быть, скрывается душевная боль, доставляла ей нѣкоторое удовлетвореніе.

По влажной травѣ защелкали копыта верховой лошади, и лицо Уварова исчезло.

Сергѣй догналъ телѣжку, круто остановилъ лошадь и сказалъ, усмѣхаясь, съ той грубовато-безцеремонной манерой, какую онъ усвоилъ въ обращеніи съ сестрой:

— Уѣхалъ... „Dieu sait quand reviendra“...

Онъ подмигнулъ сестрѣ и хотѣлъ еще кой-что добавить о безплодныхъ ожиданіяхъ возлюбленной, но его меринъ, задравъ вверхъ голову, полѣзъ въ канаву, и Сергѣй, пустивъ его рысью, сразу сильно подвинулся впередъ.

Безцѣльная грубость тона его шутки удивила Софью Петровну. Она знала, что братъ, какъ и всѣ въ семьѣ, относится къ создавшейся между ней и Уваровымъ близости со скрытой враждебностью, но не ожидала увидѣть теперь въ его глазахъ блескъ такого откровеннаго торжества и ироніи. Было очевидно, что онъ считалъ возможнымъ иной исходъ дѣла, хотя данныхъ для такихъ ожиданій было немного.

Она попробовала вспоминать.

Да, данныхъ было мало. Въ ея отношеніяхъ къ Уварову не доставало дѣйствія и теперь она видѣла только отвлеченный образъ мужчины,—перваго мужчины, на котораго она смотрѣла снизу вверхъ. Человѣкъ этотъ дѣлалъ какое-то дѣло, волновался, ссорился, писалъ статьи и книгу, но все это дѣлалось внѣ области ихъ отношеній, которыя упорно продолжали оставаться въ статическомъ состояніи.

Вспоминать было почти нечего.

И постепенно, по мѣрѣ приближенія къ усадьбѣ, прошлое становилось все блѣднѣе, а въ сознаніи началась новая непріятная работа.

Софья Петровна переживала реакцію послѣ нервнаго напряженія послѣднихъ дней и теперь не хотѣла бы ни о чемъ думать. Она сдѣлала усиліе, чтобы освободиться отъ непріятныхъ мыслей, но не переставала чувствовать, что

гдѣ-то тамъ, впереди нея, въ ея усадьбѣ двигаются, говорятъ и думаютъ о ней люди, добрыя отношенія съ которыми испорчены.

Ихъ было двое, этихъ враждебныхъ людей: отецъ и тетя Варя. Втеченіе послѣднихъ двухъ дней, съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ повѣренный отца, адвокатъ Сѣдовъ, Софья Петровна не переставала чувствовать себя центромъ ихъ усиленнаго вниманія. Противъ нея велись обходныя движенія съ двухъ фланговъ и она знала, что неизбежна генеральная атака, что, можетъ быть, даже сейчасъ, въ данную минуту отецъ обдумываетъ способы, которыми можно было бы повліять на дочь.

Это было новое обостреніе старыхъ семейныхъ разногласій, продолжавшихся уже больше года. По существу дѣло было несложное, какъ всѣ имущественныя дѣла, но вокругъ него скопилось столько привходящихъ обстоятельствъ, что обѣ стороны, наткаясь на него, теряли душевное равновѣсіе.

Дѣло заключалось въ томъ, что надо было продать садъ и землю около него, составлявшіе наслѣдство Софьи Петровны отъ матери. Сдѣлать это надо было для того, чтобы спасти винокуренный заводъ и большое имѣніе отца, на которомъ лежали невыгодные, наспѣхъ сдѣланные долги.

Софья Петровна противилась, такъ какъ садъ составлялъ нѣчто вродѣ своеобразнаго женскаго майората, переходившаго отъ матери къ дочери втеченіе почти сотни лѣтъ. Онъ былъ дорогъ ей по семейнымъ воспоминаніямъ и потому, что давалъ ей независимое положеніе въ семьѣ.

Въ послѣдніе дни присутствіе Уварова позволяло ей ускользать отъ объясненій и мѣшало отцу вести атаку со всей энергіей, на какую онъ былъ способенъ. Но она знала, что онъ умѣетъ быть настойчивъ, что въ немъ много накопилось неиспользованной энергіи, и самая мысль о предстоящемъ столкновеніи утомляла ее.

II.

Когда Софья Петровна вошла въ гостиную, Сергѣй былъ уже тамъ и, сверкая великолѣпными зубами, которые на фонѣ его черной бороды казались необычайно бѣлыми, разговаривалъ съ Сѣдовымъ и тетей Варей.

По обыкновенію онъ былъ чѣмъ-то недоволенъ.

Онъ принадлежалъ къ тому сорту экспансивныхъ людей, которые всегда готовы встать въ оппозицію не столько въ силу убѣжденія, сколько по свойству характера. Его оппозиціонныя мысли зарождались въ немъ всегда въ самомъ

процессъ спора и становились тѣмъ опредѣленнѣе, чѣмъ больше онъ возбуждался.

Сѣдовъ слушалъ его съ неподвижно серьезнымъ видомъ и время отъ времени подавалъ реплики.

Тетя Варя раскачивала на шнуркѣ пенсизъ и при особенно бурныхъ выпадахъ Сергѣя недоумѣвающе поднимала брови.

Софья Петровна помѣстилась на диванѣ и, не слушая, полужакрыла глаза. Она хорошо была знакома съ такими разсужденіями, похожими на передовыя статьи провинціальныхъ газетъ по внѣшней политикѣ. Въ нихъ все было ясно за исключеніемъ цѣли, ради которой они произносились.

Прислонивъ голову къ спинкѣ дивана, Софья Петровна едѣлала небольшое усилие воли и тотчасъ въ ея сознаніи начали группироваться странные образы. Это были слова, освобожденные отъ всякаго содержанія и застывшія въ причудливыхъ формахъ, какъ капли воска, падающія въ холодную воду.

Въ такомъ застывшемъ видѣ слова Сергѣя были похожи на кубики, на маленькіе правильные кубики, которые онъ громоздилъ вокругъ себя, рѣдко доканчивая начатыя сооруженія и никогда не имѣя опредѣленнаго плана. Слова тети Вари были круглыя, похожія на небольшіе мячи для лаунъ-тенниса, которыя она время отъ времени разбрасывала въ разныя стороны, предоставляя ловить ихъ, кому это будетъ угодно. Слова Сѣдова принимали разныя формы. У него были слова, похожія на маленькихъ, гибкихъ и проворныхъ змѣекъ; были у него и круглыя слова, похожія на дѣтскіе обручи, ровно и правильно катящіеся по ровной и правильной дорогѣ... Но чаще всего его слова напоминали ласковыхъ, мурлыкающихъ, но всегда себѣ на умѣ котятъ-подростковъ.

Присматриваясь ко всѣмъ этимъ забавнымъ вещамъ, Софья Петровна подумала, что для этихъ трехъ людей мысль не является серьезнымъ дѣломъ. Они были дилеттантами въ этой области и дѣйствовали такъ же, какъ дѣйствуютъ дилеттанты во всѣхъ другихъ областяхъ: они не церемонились.

Вдругъ слова ожили.

На дворѣ послышался стукъ лошадиныхъ копытъ и вслѣдъ затѣмъ раздраженный голосъ отца.

Черезъ мгновеніе этотъ голосъ наполнялъ уже всю усадьбу, громыхалъ въ саду, отдавался на чердакѣ и въ подвалахъ.

Тетя Варя подняла брови.

— Онъ пушитъ приказчика, — замѣтилъ Сергѣй.

Софья Петровна нахмурилась. Она испытывала почти

физическую боль отъ этого рева, вызваннаго примитивными и неистовыми чувствами, похожими на ощущенія быка, которому дали сѣна меньше, чѣмъ ему хотѣлось бы.

— Опять не привезъ денегъ,—сказалъ Сергѣй, прислушиваясь: — въ сущности говоря, его давно слѣдовало бы прогнать.

Грохнула дверь и голосъ отца стихъ.

Черезъ раскрытую дверь видно было, какъ онъ, возбужденно махая фуражкой, прошелъ въ свой кабинетъ.

Тамъ звякнула брошенная на полъ нагайка; потомъ затрещалъ стулъ.

— Здорово,—режюмировалъ Сергѣй и сверкнулъ усмѣшкой.

Тетя Варя плотнѣе завернулась въ свой пледъ и, заставивъ пенсне описать полную окружность, сказала:

— Становится холодно. Право, давно бы ужъ слѣдовало быть въ городѣ. Это Сонинъ капризь, что мы сидимъ здѣсь чуть не до снѣга.

Потомъ она заговорила о зимнемъ сезонѣ въ драматическомъ театрѣ, объ актерахъ, репертуарѣ и своихъ впечатлѣнiяхъ отъ лучшихъ постановокъ, какія она видѣла.

Сѣдовъ слушалъ съ видомъ полной готовности выслушать все, что ему скажутъ.

Дождавшись паузы, Софья Петровна встала и вышла въ садъ. Глядя ей вслѣдъ, Сѣдовъ сказалъ мурлыкающими словами:

— Я знаю два образца, два основныхъ типа женщинъ: Мадонна и Монна Лиза. Красота чувства и красота мысли. Узкій лобъ и огромный лобъ, похожій на завѣсу святая святыхъ, за которой происходятъ таинственные мистерiи мысли.

— Bravo,—замѣтила тетя Варя:—это—красиво.

— Мнѣ больше нравятся Мадонны, — отозвался Сергѣй.

— Да? А вотъ ваша сестра—Джоконда.

* * *

Спустившись въ садъ, Софья Петровна пошла по аллеѣ смѣшанныхъ деревьевъ, защищавшей съ сѣвера плодовый садъ.

Съ чуткостью утонченно-эгоистической натуры она быстро поддавалась влiянiю обстановки и теперь вмѣстѣ съ окружающимъ всѣми нервами переживала томленiе замирающей жизни, впитывая въ себя тонкую осеннюю грусть, которая, казалось, была разлита въ воздухъ вмѣстѣ съ крѣпкими запахами влажной земли и гнiющихъ листьевъ.

Огромныя, мрачныя ветлы и приземистые дубки еще сохраняли темную зелень; клены же и березы имѣли видъ казочныхъ золотыхъ деревьевъ; обнаженныя яблоньки за-

стыли въ жестѣ молчаливаго отчаянія, выбросивъ вверхъ свои темныя вѣтви, а дальше за ними по приподнятому склону оврага, въ глубинѣ котораго прижался садъ, кроваво-красной полосой протянулась вишня, листва котрой принимаетъ осенью единственный въ своемъ родѣ оттѣнокъ спѣлаго граната.

На дорожкѣ дрожали пятна еще яркаго осенняго солнца, болѣе нѣжнаго, чѣмъ теплаго.

Время отъ времени то здѣсь, то тамъ отдѣльныя листья кленовъ, покачиваясь въ воздухѣ, медленно падали на землю. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ будто дѣлая попытку удержаться, трепетали мгновеніе на одномъ мѣстѣ, а потомъ вдругъ коротко и безнадежно ныряли внизъ.

Софья Петровна опустилась на старую скамью, всю изрѣзанную инициалами, надъ которыми трудилось нѣсколько поколѣній, и задумалась, вся насыщенная осенней грустью. Она думала о себѣ, о падающихъ листьяхъ, объ этихъ послѣднихъ теплыхъ дняхъ, о летающихъ по воздуху паутинкахъ, о невѣроятно яркихъ оттѣнкахъ листвы и о людяхъ съ волчьими ногами, которые, къ сожалѣнію, не умѣютъ оставаться на мѣстѣ...

Все это, растворяясь въ ея грусти, сливалось въ одно напряженное душевное движеніе, которое у музыканта вылилось бы въ меланхолическомъ *adagio*, а у поэта въ печальномъ сонетѣ.

Человѣческая душа бываетъ иногда прекрасна, хотя это и не часто случается.

Неожиданно въ это настроеніе, какъ фальшивая нота въ аккордѣ, ворвалось нѣчто новое, похожее на предчувствіе приближенія враждебной силы. Ощущеніе было настолько опредѣленно, что Софья Петровна могла бы опредѣлить даже направленіе, по которому двигалась непріятность, хотя ничего еще не видѣла и не слышала.

Вслѣдъ затѣмъ на дорожку выскочилъ изъ куста красный сеттеръ отца, ткнулъ ее въ руку холоднымъ носомъ и съ дѣловымъ видомъ направился дальше.

За нимъ, мелькая между деревьями, показался отецъ въ зѣрой поддевкѣ и дворянской фуражкѣ, — костюмъ, который онъ надѣвалъ для верховой ѣзды.

Софья Петровна поняла, что онъ ищетъ ее, и слѣдила за нимъ, нравственно подтянувшись.

Отецъ подошелъ, похлопывая по лѣвой рукѣ снятой перчаткой.

— Мечтаешь?

Онъ торопливо усмѣхнулся и, тотчасъ ставъ опять серьезнымъ, присѣлъ рядомъ.

Скамья скрипнула.

Опять ударивъ себя по рукѣ перчаткой, отецъ наклонился и, глядя мимо лица дочери, сказалъ:

— Я имѣю тебѣ сказать... Намъ надо выяснитъ наконецъ наше дѣло.

— Какое дѣло, отецъ?

— Ахъ, ты знаешь, конечно, какое.

Онъ говорилъ медленно, слегка покачиваясь, съ видомъ чловѣка, исполняющаго непріятную обязанность.

— У насъ съ тобой одно дѣло... все это дѣло о землѣ. Нужно тебѣ сказать, что дѣла мои, наши дѣла, вѣрнѣе говоря, за послѣднее время приняли еще болѣе угрожающій характеръ. Этого не было бы, еслибы ты дала твое согласіе еще весной, мой другъ... Но... Я понимаю, я понимаю,—ты не могла, и это совсѣмъ не упрекъ. Я долженъ однако предупредить тебя, такъ какъ для тебя не можетъ быть безразлично наше положеніе. А положеніе такое: мы все потеряемъ, если не продадимъ твой садъ, усадьбу и эти пятьсотъ десятинъ, которыя, право же, не окупаютъ себя.

Софья Петровна слушала съ видомъ спокойнаго равнодушія.

Въ этой борьбѣ она имѣла передъ нимъ то преимущество, что чувствовала себя правой и обладала большой выдержкой. Но все же она страдала, такъ какъ, хотя и ничего не понимая въ хозяйствѣ, чувствовала все же, что какой-то рискъ въ положеніи отца есть.

Теперь она слѣдила за нимъ и видѣла, какъ постепенно перчатка начинала описывать все болѣе и болѣе неровныя кривыя, а подъ усами начиналась нервная игра тонкихъ губъ. Отецъ начиналъ терять самообладаніе.

— Ты должна же все-таки понять,—говорилъ онъ—что, разоряя меня, ты и себя разоряешь и брата тоже. Я готовъ предоставить тебѣ какую угодно компенсацію, но продать твою землю необходимо.

Онъ пересталъ махать перчаткой и взялъ дочь за руку.

— Будь благоразумна.

Софья Петровна, улыбаясь извѣняющейя улыбкой, отрицательно покачала головой.

— Но я же не могу, отецъ. Я не могу измѣнить волю матери. Она хотѣла сохранить этотъ уголокъ въ нашихъ рукахъ.

Его брови, усы и губы нервно дрогнули.

— Воля, воля... Ахъ, Боже мой, право!.. какое мученіе имѣть дѣло съ этой волей, на которую уже нельзя вліять аргументами. Эта воля теперь—слѣпая сила, которая топчетъ есъ, какъ камень на шеѣ.

У Софьи Петровны покраснѣли уши.

— Я не хотѣла бы, чтобы ты такъ говорилъ о матери.

Она вспомнила о связи отца съ одной дамой изъ ихъ общества,—связи, которая была самымъ больнымъ мѣстомъ ихъ семьи,—и сдѣлала попытку освободить свою руку. Но онъ держалъ крѣпко. Его цѣпкіе пальцы незауряднаго силача даже не отвѣтили на ея движеніе.

— Я ничего дурного не намѣренъ говорить о твоей матери. Но не гибнуть же намъ всѣмъ для... ради... Ну, ради чего, скажи пожалуйста?

Онъ выпустилъ ея руку и рѣшительно всталъ.

— Я долженъ ѣхать сейчасъ на хуторъ, а ты подумай. Я жду рѣшительнаго отвѣта.

— Я дала рѣшительный отвѣтъ, отецъ.

У него опять дрогнули усы и брови.

— Послѣдній разъ я предлагаю тебѣ измѣнить рѣшеніе. Иначе... я и безъ тебя обойдусь.

Она подняла на него недоумѣвающіе глаза.

— Въ концѣ концовъ твои права на эту землю весьма сомнительны. Не забывай, что ты не имѣешь на нее никакихъ документовъ. Ты ни въ чемъ не реализовала свое право, а со времени смерти твоей матери прошло уже двѣнадцать лѣтъ. Двѣнадцать лѣтъ я управляю этой землей, всѣ условія съ арендаторами сдѣланы на мое имя; всѣ оброчные платежи всегда получалъ я. Докажи при этихъ условіяхъ, что земля дѣйствительно принадлежитъ тебѣ. У тебя нѣтъ документовъ; у меня ихъ тоже нѣтъ, но я могу получить ихъ, закрѣпостивъ землю по давности владѣнія, потому что дѣйствительно я владѣлъ и пользовался этой землей. Тебѣ это не такъ просто будетъ сдѣлать.

— Я надѣюсь, ты шутишь.

— Ни мало. Миѣ надоѣла эта канитель и я рѣшилъ принять мѣры. Я не могу больше оставаться въ этомъ неопредѣленномъ положеніи. Нелѣпость! Я работаю на банкъ. Я обратился въ банковскаго приказчика. Я выколачиваю изъ арендаторовъ недоимки, ругаюсь съ приказчиками, дерусь съ объѣзчиками... За какимъ чертомъ, спрашивается, я все это дѣлаю? Только для того, чтобы уплатить проценты банку. А то, что миѣ остается?.. Хорошему управляющему платять больше, чѣмъ я получаю. Ты всего этого не усваиваешь, повидимому. Но тебѣ придется усвоить многое, и въ ближайшемъ же будущемъ. Завтра, до перваго поѣзда я долженъ имѣть тотъ или иной отвѣтъ.

Онъ круто повернулся и зашагалъ къ дому.

III.

Софья Петровна вернулась въ свою комнату съ нервными пятнами на лицѣ и съ мыслью о Сергѣѣ.

То, что она слышала отъ отца, было невозможно, невѣроятно, ни съ чѣмъ несообразно.

Можетъ быть, Сергѣй могъ бы растолковать ей это. А еще было бы лучше, еслибы онъ сумѣлъ увѣрить ее, что отецъ не могъ говорить это серьезно.

Но скоро эта мысль остыла, такъ какъ Софья Петровна не была увѣрена въ братѣ. Онъ не разъ высказывалъ объ этомъ дѣлѣ сужденія, которыя раздражали ее не меньше требованій отца.

Оставшись одна въ своей комнатѣ, она принялась нервно шагать изъ угла въ уголъ, заложивъ на спинѣ руки, опустивъ голову и сдвинувъ брови,—до странности точно копируя движенія отца въ возбужденіи.

Возможность потери состоянія не укладывалась въ ея головѣ.

Когда на мгновеніе она заглянула въ возможное будущее и увидѣла себя лишенной своего сада, своей земли, всѣхъ этихъ вещей, которыя она привыкла считать принадлежащими ей безусловно,—у ней закружилась голова. Это было противоестественно, какъ то странное состояніе во снѣ, когда человѣкъ теряетъ вѣсъ и начинаетъ плавать въ воздухѣ.

Ея возбужденіе требовало выхода въ какой-нибудь дѣятельности и она начала составлять телеграмму знакомому юристу, на три четверти сознавая, что не пошлетъ ее.

Потомъ она изорвала телеграмму и безцѣльно каллиграфически вывела:

— Quand... quand... le vin est tiré, il faut le boire.

Постепенно въ ея сознаніи опредѣлилась мысль о необходимости ѣхать въ городъ, чтобы принять какія-нибудь мѣры для защиты. Она не была вполне увѣрена въ серьезности угрозы отца, но хотѣла быть готовой ко всякимъ случайностямъ.

Въ эту ночь она плохо спала, а на другой день проснулась съ головной болью и долго не рѣшалась выйти, прислушиваясь къ звукамъ, доносившимся изъ столовой.

Втеченіе часа, который она провела въ это утро за своимъ туалетомъ, она поняла, что въ ея отношеніи къ отцу появилось нѣчто новое,—неопредѣленное, но волнующее ощущеніе враждебности. Она чувствовала смущеніе при мысли о встрѣчѣ съ нимъ и въ то же время въ ней было желаніе видѣть его, столкнуться съ нимъ, будировать.

Она представила себѣ его фигуру, небрежную манеру разговора и подумала, что навѣрное съ той дамой, которая замѣнила ему умершую жену, онъ не такъ небреженъ. Во всякомъ случаѣ онъ не такъ небреженъ съ ней, когда цѣлуетъ ее.

Она поймала себя на этой мысли.

— Какъ это грубо,—подумала она—то, что я думаю, и какъ груба вся вообще жизнь!

Позвонивъ, она велѣла дать кофе и запрягать, такъ какъ рѣшила ѣхать съ первымъ утреннимъ поѣздомъ.

Тетя Варя зашла къ ней съ недоумѣвающимъ лицомъ.

— Ты уѣзжаешь?—спросила она, поднимая брови.

— Да.

— Какое-нибудь дѣло?

— Конечно, тетя.

— А именно?

— Важное дѣло, тетя, и оно васъ не касается.

— О, какой тонъ!

— Право, лучше такой тонъ, чѣмъ неискренній.

— Что съ тобой?

— Вы не знаете, что со мной? Какъ это странно! А мнѣ показалось, что отецъ поручилъ вамъ узнать, куда я уѣзжаю и дамъ ли ему тотъ отвѣтъ, котораго онъ отъ меня ждетъ. Вы можете сказать ему, что я уѣзжаю въ городъ, чтобы нанять адвоката. Я намѣрена защищаться, такъ какъ не хочу, чтобы меня о... чтобы меня лишили того, что принадлежитъ мнѣ.

— Ты съ ума сошла. Кто хочетъ лишать тебя собственности?

— Ахъ, тетя, вы все это отлично знаете и я не намѣрена продолжать объясненія. Мнѣ нужно собраться къ отъѣзду.

Софья Петровна нравственно была неизмѣримо сильнѣе тети Вари и та это чувствовала съ раздраженіемъ слабого человѣка.

Она сняла пенснэ, покачала его на пальцѣ и вышла, пожавъ плечами.

Она чувствовала себя оскорбленной, такъ какъ по отношенію къ ней былъ проявленъ хозяйскій тонъ, который она улавливала съ особенной болью именно потому, что не была хозяйкой въ этомъ домѣ.

Въ саду хлопнулъ далекій выстрѣлъ. Это Сергѣй билъ вальдшнеповъ.

Софья Петровна слегка вздрогнула и съ досадой представила себѣ брата бѣгающимъ съ ружьемъ по оврагамъ и радующимся удачному выстрѣлу.

Она подумала, что въ тридцать лѣтъ заниматься этимъ можно только при нѣкоторой нравственной тупости.

Вслѣдъ затѣмъ она поняла, что не успѣетъ сегодня переговорить съ нимъ, хотя это слѣдовало бы сдѣлать, разъ ужъ она рѣшила дѣйствовать немедленно.

Въ нерѣшительности она остановилась въ дверяхъ, медленно застегивая перчатки.

Можетъ быть, слѣдовало бы остаться?

Но тотчасъ въ ея сознаніи угрюмо прослѣдовала фигура отца и мелькнули дрожащія губы оскорбленной тети Вари.

Она шагнула впередъ, чувствуя, что эти первые дни семейнаго разлада удобнѣе пережить врозь.

* * *

Посовѣтовавшись съ двумя адвокатами, Софья Петровна узнала много интересныхъ вещей, получила нѣсколько полезныхъ совѣтовъ и почувствовала, что начинаетъ утрачивать ясное представленіе о своемъ дѣлѣ.

Оба адвоката признали, что она можетъ сопротивляться, такъ какъ не порвала связи съ землей, но оба отмѣтили также и слабость ея позиціи съ формальной стороны.

Одинъ изъ нихъ привелъ ее въ веселое настроеніе, посовѣтовавъ немедленно потребовать отъ отца черезъ нотариуса доходы съ имущества за всѣ двѣнадцать лѣтъ.

Когда она сдѣлала большіе глаза, этотъ адвокатъ,—пожилой, важный и очень дорогой,—началъ излагать ей все значеніе такого шага тономъ доктора, дающаго совѣтъ больному. Онъ такъ и не могъ усвоить себѣ, почему во время его рѣчи у его кліентки раздувались тонкія ноздри и вспыхивали въ глазахъ веселые огоньки.

Софья Петровна ушла отъ него съ неопредѣленнымъ чувствомъ неловкости и съ сознаніемъ, что начинаетъ терять увѣренность въ правотѣ своего дѣла.

Потерявшаяся въ новыхъ для нея терминахъ, сбитаая съ толку странностью точки зрѣнія адвокатовъ на ея право, она быстро утомилась.

Она не могла уяснить себѣ, почему письмо матери изъ Богляско, которое она прислала за нѣсколько дней до смерти и въ которомъ упоминала о землѣ, не имѣетъ серьезнаго значенія, а тѣ корешки квитанцій въ полученіи денегъ съ арендаторовъ, которые Софья Петровна три года тому назадъ подписывала въ отсутствіе отца, для дѣла необходимы.

Одинъ совѣтъ адвокатовъ она однако себѣ усвоила. Она поняла, что союзъ съ Сергѣемъ будетъ ей очень полезенъ, такъ какъ въ качествѣ двухъ наслѣдниковъ они могли дѣйствовать увѣреннѣе.

Но, когда она составила телеграмму на его имя съ просьбой прїѣхать немедленно, ея опять овладѣли сомнѣнія.

Было ново и непривычно думать, что теперь она зависить до нѣкоторой степени отъ воли брата, и что даже въ случаѣ успѣха дѣла онъ все же можетъ использовать этотъ успѣхъ для себя лично.

Она сдѣлала усилие, чтобы представить себѣ эту возможность, и сейчасъ же съ отвращеніемъ къ себѣ, къ своимъ мыслямъ, къ своему страху за будущее поднялась и позвала прислугу.

— Отправьте телеграмму.

Черезъ два-три дня все это станетъ яснѣе, а теперь не надо нервничать и предвосхищать событія. Быть можетъ, она вообще погорячилась и еще возможенъ мирный исходъ дѣла.

Сидя у своего стола, въ кружкѣ свѣта отъ прикрытой абажуромъ электрической лампы, она задумалась, вслушиваясь въ тишину пустого дома. За предѣлами ея комнаты начинался полумракъ, въ которомъ терялись стѣны сосѣдней столовой, — таинственный полумракъ, похожій на темноту прошлаго, у котораго тоже нѣтъ границъ.

Софья Петровна представила себѣ темную полосу времени, которое протекло въ этихъ стѣнахъ.

Втеченіе пятидесяти лѣтъ здѣсь жили люди, радовались, страдали, любили, ревновали и время отъ времени умирали. И стѣны, и вещи хранили на себѣ неувимые слѣды ихъ прикосновеній, ихъ взглядовъ, ихъ дыханія. Вещи усвоили себѣ часть ихъ души, которая сообщала имъ опредѣленную фнзіономію, дѣлала ихъ непохожими на всѣ другія такія же вещи.

Софья Петровна почувствовала легкое волненіе, какъ будто тѣни прошлаго коснулись ея души.

Охваченная грустью воспоминаній, она принялась бродить изъ комнаты въ комнату, открывая по пути электричество.

Въ дверяхъ въ гостиную она остановилась съ такимъ чувствомъ, какъ будто за ней стоялъ кто-то, похожій на облако сгущенныхъ сумерекъ. Ощущеніе было настолько реально, что Софья Петровна обернулась и прошла въ кабинетъ отца съ мыслью о телефонѣ и Николаѣ Николаевичѣ.

Тамъ она остановилась, измѣряя степень неприличія того, что собиралась сдѣлать.

Прошлой зимой было бы вполне естественно вызвать его къ телефону и пригласить зайти выпить стаканъ чая. Но теперь она чувствовала смутную неловкость. Она не перестала видѣть его уѣзжающимъ, и этотъ неизбежный отъѣздъ развѣдывалъ ихъ; по существу дѣла онъ являлся той чертой,

подъ которой можно было вывести конечный итогъ ихъ отношеній,—итогъ, равный нулю.

А, можетъ быть, онъ уже уѣхалъ? Эта мысль давала дѣлу новое освѣщеніе.

Въ концѣ концовъ развѣ не естественно было попытаться узнать, здѣсь онъ еще или нѣтъ?

Когда она взялась за ручку звонка, у нея сильнѣе забилося сердце и опредѣленнѣе, чѣмъ когда-либо, она почувствовала въ себѣ, въ своей крови и нервахъ присутствіе чего-то, что жило независимой отъ ея сознанія жизнью. волновалось и бунтовало, не считаясь съ послѣдствіями.

Она долго ждала отвѣтнаго звонка и, когда онъ наконецъ раздался, почувствовала, что блѣднѣетъ.

— Это вы, Николай Николаевичъ?

— Что прикажете?

— Это я, Ростовцева. Я хотѣла только узнать, здѣсь вы еще или уѣхали.

— Радъ слышать васъ. А посмотрѣть васъ можно?

— Даже очень можно. Я одна и мнѣ скучно ужасно! Значитъ, вы еще не устроили свои дѣла?

— Мнѣ придется пребыть здѣсь одну-двѣ недѣли.

— Я очень рада. Приходите же сейчасъ.

— Иду.

Софья Петровна положила трубку телефона и, полузакрывъ глаза, увидѣла Николая Николаевича шагающимъ по улицамъ. Она мысленно слѣдовала за нимъ, видѣла характерные для него взмахиванія правой руки, видѣла его глаза и губы,—отчетливѣе всего губы, которыя всегда немного волновали ее.

Она вздрогнула, когда, наконецъ, раздался звонокъ, и вышла въ переднюю съ мерцающими глазами.

Онъ вошелъ, внеся съ собой запахъ осенней сырости.

Они поздоровались и пожатіе его правильной руки оставило въ Софьѣ Петровнѣ ощущеніе спокойной благожелательности. Ей нравилась его рука. Она похожа была на него самого. Въ ней была увѣренность и сдержанная нервозность,—основныя черты его характера. Руки далеко не всегда похожи на внѣшность ихъ обладателей, но впечатлѣнію, какое онѣ производятъ, можно довѣрять больше, чѣмъ впечатлѣнію отъ лица.

Поддерживая незначительный, полусерьезный разговоръ о городскихъ новостяхъ, который началъ Николай Николаевичъ, Софья Петровна прошла въ гостинную.

А черезъ часъ она разсѣянно барабанила пальцами по столу и заставляла себя улыбаться. Она устала отъ этой болтовни, которую необходимо было продолжать, и теперь упрекала себя.

Она сдѣлала ошибку, вызвавъ его. Простыя и естественныя отношенія между ними были уже невозможны и оба они это отлично понимали. Они представляли изъ себя два заряженныхъ аккумулятора нервной энергіи высокаго напряженія и дѣлали усилія, чтобы не разрядиться общей искрой.

Софья Петровна подумала, что въ этой его сдержанности есть что-то обидное для нея. Что его останавливаетъ? Она не разъ оказывала ему исключительное вниманіе; онъ достаточно увѣренъ въ себѣ и нерѣшительностью это нельзя объяснить.

Она скользнула взглядомъ по его фигурѣ и еще разъ повторила себѣ, что о нерѣшительности не можетъ быть рѣчи.

Онъ сидѣлъ передъ ней на маленькомъ мягкомъ табуретѣ и, сдержанно жестикулируя, рассказывалъ о своихъ скитаніяхъ по Сибири и Европѣ. Онъ исколесилъ полсвѣта и умѣлъ наблюдать. Порой его мысль, наткаясь на характерный фактъ, сверкала, какъ искры, и тогда Софья Петровна удовлетворенно кивала головой. Она такъ же кивала головой, когда слышала удавшійся трудный пассажъ въ музыкѣ.

— А это утомительно, должно быть,—замѣтила она, дождавшись паузы.

— Утомительно? Что именно?

— Такъ ѣздить. Вы никогда не пускаете корней; у васъ нѣтъ связи съ мѣстомъ.

— Что же дѣлать? Я бродяга по натурѣ и время отъ времени начинаю чувствовать безпокойство въ ногахъ. Во мнѣ просыпаются татаринъ съ варягомъ и поднимаютъ возню. И всегда какъ-то такъ выходитъ, что, какъ только они начинаютъ дебоширить особенно сильно, такъ мнѣ и приходится искать мѣсто.

Софья Петровна прищурила глаза и довольно отчетливо увидѣла этого врача - бродягу, кочующаго изъ города въ городъ. Въ ея представленіи эта фигура получила значеніе почти символа. Это было нѣчто вродѣ частицы общественной закваски, подвижной, нервной и дѣятельной закваски, оживляющей неподвижную матерію.

Софья Петровна мыслила почти исключительно воображеніемъ и, подмѣнивъ живого человѣка этимъ условнымъ образомъ, почувствовала нѣкоторое удовлетвореніе. Теперь она лучше его понимала.

— Да, можетъ быть, это и интересно,—сказала она и задумалась, опустивъ на колѣни руки.

Было очевидно, что этотъ вечеръ ничѣмъ для нея не кончится.

Ей пришла въ голову мысль, что, можетъ быть, она сама виновата въ этомъ. Она не умѣетъ взяться за дѣло и заставить мужчину проявить свое настроеніе...

Ей приходилось наблюдать, какъ другія женщины примѣняютъ въ такихъ случаяхъ искусственные приемы. Онѣ возбуждаютъ взглядами, оттѣнками голоса, позами. Въ любви существуетъ, очевидно, извѣстный этикетъ,—опредѣленная манера обращенія, не допускающая полной искренности. При выполненіи этикета непременно надо играть комедію условныхъ жестовъ и фразъ, и въ комедіи любви тоже есть эти условные жесты и фразы.

Софья Петровна увидѣла себя прибѣгающей къ такимъ приемамъ и углы губъ у нея насмѣшливо дрогнули. Для нея это было слишкомъ примитивно.

Николай Николаевичъ поднялся, прощаясь.

Въ передней, куда она вышла его проводить, уже одѣтый, онъ сказалъ съ новыми, глубокими нотами въ голосѣ:

— Это, можетъ быть, послѣдняя наша встрѣча. Вы уѣзжаете, навѣрное, обратно въ деревню.

— Нѣтъ, я останусь здѣсь.

Мгновеніе она колебалась. Ей хотѣлось рассказать ему всю эту исторію съ землей и посмотреть, какъ онъ къ ней отнесется, но его отъѣздъ разъединялъ ихъ. Кромѣ того, она почувствовала, что его мнѣніе, каково бы оно ни было, свяжетъ ее.

Нѣсколько неожиданно для себя она сказала:

— Зайдите завтра за мной и мы отправимся въ симфоническій концертъ. Право, сдѣлайте такъ, если будете свободны.

IV.

Сергѣй сидѣлъ на столѣ, болталъ ногами и говорилъ съ плохо сдерживаемымъ раздраженіемъ.

Софья Петровна, только что переодѣвшаяся для концерта, стояла передъ нимъ и слушала, сдвинувъ брови.

Николай Николаевичъ, изумленный страстностью тона, взятаго и братомъ, и сестрой, отошелъ въ сторону. Для него ихъ бурный діалогъ былъ полной неожиданностью и онъ не вполнѣ понималъ, что именно между ними происходитъ.

— Но тогда что же такое, по твоему, право на землю?

— Только право захвата.

Сергѣй положилъ ногу на ногу и обхватилъ руками колѣно, всей позой давая понять, что онъ не уступитъ ни вершка занятой позиціи.

Софья Петровна пожала плечами.

— Я этого не понимаю. То, что ты говоришь,—безнравственно.

— У-у... Не надо заворачивать въ этотъ переулокъ, потому что... Подумай сама, развѣ твое желаніе удержать землю за собой и тѣмъ раззорить и отца, и меня не безнравственное тоже желаніе? Развѣ это не грубо эгоистическое стремленіе къ обладанію костью, которую у тебя отнимають? Ты волнуешься, бѣгаешь по адвокатамъ, надѣлала кучу вздора, осрамила имя отца, потому что теперь ни для кого уже не секретъ, что отецъ закрѣпощаетъ землю противъ твоего желанія... А то, что закрѣпощеніе — единственный способъ приобрести документы на эту землю, до этого ни тебѣ, ни кому другому, конечно, нѣтъ никакого дѣла.

— О, какъ это несправедливо! Ты забываешь, что мама передала землю мнѣ, а не тебѣ и не отцу.

— Что именно передала тебѣ мама? Она вѣдь не вынула землю изъ кармана, какъ вотъ этотъ кулонъ, что у тебя на шеѣ. Она передала тебѣ только формальное право на землю. Ты его утратила. Въ силу закона это право приобрѣлъ другой.

— Это все равно, что подобрать чужой кошелекъ и не возвратить его.

— Э-э, нѣтъ,—разница. Кошелекъ ты обязана возвратить по закону, а землю во владѣніе отца передаетъ именно законъ.

— Въ такомъ случаѣ это—законный грабежъ.

— Такой же точно, какой ты собираешься учинить. Ты на основаніи того же самого закона собираешься вѣдь отнять землю у отца, который за ней ухаживаетъ двѣнадцать лѣтъ, извлекъ изъ нея за это время около шестидесяти тысячъ дохода, который ты считала своими деньгами. И ни копейки онъ отъ тебя за свой трудъ не получилъ. Чѣмъ же другимъ, кромѣ формальнаго права, можешь ты оправдать свои претензіи на эту землю? У тебя право формальное и у отца тоже формальное. Вы другъ друга стоите въ этомъ дѣлѣ и не тебѣ его упрекать. Что касается меня, то у меня формальнаго права нѣтъ, это правда...

Онъ неожиданно ярко разсмѣялся.

— Но за то у меня есть нравственное право. Я вѣдь тоже сынъ твоей матери и я взымаю къ твоимъ чувствамъ сестры. Не ужели ты съ твоей нравственной утонченностью позволишь себѣ лишить твоего несчастнаго брата наслѣдства? И не только наслѣдства матери, но и наслѣдства отца, ибо вѣдь, если имѣніе отца будетъ продано, то твой братъ останется безъ ломанаго гроша въ карманѣ и ему цѣлую жизнь придется тянуть лямку интеллигентнаго пролетарія. И будетъ онъ, бѣдный, раззорившійся дворянинъ

служить за сто рублей въ мѣсяцъ или бѣгать въ кургузомъ фракчикѣ адвоката по судамъ въ поискахъ кліентовъ, заниматься разнаго рода гешефтмахерствомъ и закрѣпощеніемъ чужой земли. Подумай, вѣдь, это твой братъ по твоей волѣ окажется въ такомъ жалкомъ положеніи. Онъ твой братъ; онъ такъ же дорогъ твоей матери, какъ и ты. И развѣ мать сдѣлала бы это свое послѣднее распоряженіе, еслибы могла предвидѣть послѣдствія? Нѣтъ, единственный человѣкъ, который имѣетъ нравственное право на эту землю, это — я!

— Ты изволишь шутить. А для меня это — не шуточное дѣло.

Сергій вдругъ поблѣднѣлъ и поднялся съ мрачно сверкнувшими глазами.

— И для меня тоже раззореніе отца не шуточное дѣло. Изволишь ошибаться. И, если я улыбаюсь, такъ это... это потому, что не хочу называть вещи своими именами. Я дѣлаю тебѣ снисхожденіе.

— Ты... мнѣ... снисхожденіе... О!

Чувствуя, что перестаетъ владѣть собой, Софья Петровна сдѣлала нервное движеніе, повернулась къ брату спиной и увидѣла Николая Николаевича.

Она забыла о немъ и вздрогнула отъ неожиданности.

Николай Николаевичъ стоялъ, прислонившись спиной къ стѣнѣ, и слѣдилъ за Софьей Петровной съ нервной гримасой на лицѣ.

Она поняла, что онъ вмѣстѣ съ ней переживаетъ всю унижительность ея положенія въ этомъ грубомъ спорѣ. У него было такое лицо, съ какимъ разсматриваютъ противныя раны, вызывающія и состраданіе, и отвращеніе.

Нервные пятна на лицѣ Софьи Петровны вспыхнули ярче и она сказала, дѣлая усиліе, чтобы улыбнуться:

— Какъ вамъ это нравится?

Гримаса съ его лица исчезла, но слабый слѣдъ ея еще оставался нѣкоторое время, похожій на слѣдъ не вполне стертаго рисунка. Онъ слегка качнулся въ ея сторону и отвѣтилъ безразличнымъ тономъ:

— Это — вопросъ сложный.

— Проще, чѣмъ кажется, — замѣтилъ Сергій и ушелъ, ощупывая карманы, въ которыхъ онъ не находилъ портсигара.

Софья Петровна сдѣлала нѣсколько шаговъ по комнатѣ, опустивъ голову и заложивъ за спину руки.

Николай Николаевичъ вынулъ часы.

— Пора въ концертъ, Софья Петровна.

Они вышли на оживленный вечерним движением улицы и молча западали по мокрому асфальту въ мутномъ тонувшемъ въ туманъ свѣтъ электрическихъ фонарей.

На перекресткѣ двухъ улицъ они остановились, потому что въ туманъ передъ ними звонили и разсыпали изъ-подъ мокрыхъ колесъ искры два трамвая и ревѣлъ автомобиль.

Дальше они пошли подъ руку.

— Еслибы какой-нибудь гражданинъ заснулъ въ русскомъ городѣ двадцать лѣтъ тому назадъ и проснулся теперь, онъ былъ бы, по крайней мѣрѣ, ошарашенъ такимъ движениемъ,—сказалъ Николай Николаевичъ.

— Заснулъ?

— Да, а потомъ проснулся. Меня городское движение всегда возбуждаетъ. Оно — наглядное выраженіе кипучей силы жизни, которая бьетъ въ городахъ. Оно проникаетъ въ мозгъ и въ нервы, измѣняетъ человѣческую душу, передѣлываетъ языкъ... Я помню первое впечатлѣніе отъ Парижа...

— Нѣтъ, я не могу сегодня слушать музыку... Вы простите, я не слушала васъ. Но я такъ странно себя чувствую. Я оглушена этимъ разговоромъ съ Сергѣемъ. Со мной никто никогда такъ не говорилъ. Я выбита изъ колеи и не знаю, что мнѣ дѣлать.

Она остановилась.

— Домой я тоже не хочу идти. Дома я чувствую себя теперь совсѣмъ одинокой, какъ во вражескомъ лагерѣ.

Николай Николаевичъ молчалъ, нѣсколько смущенный ея горячностью.

— Это такъ странно, — то, что я обрушиваюсь на васъ со своими несчастіями, но что же мнѣ дѣлать? Теперь, когда я въ войнѣ съ родными, мнѣ не съ кѣмъ посоветоваться.

— Если вы ничего не имѣете противъ, пойдемте ко мнѣ, потому что вѣдь, если совѣтоваться, то разговоръ будетъ длинный.

— Мнѣ рѣшительно все равно. Пойдемте къ вамъ.

По дорогѣ она, не умолкая, нервно говорила и, когда они остановились у дверей его квартиры, Николай Николаевичъ въ общихъ чертахъ зналъ уже всю исторію ея земли.

— Ну, вотъ, это и есть мое логовище.

Онъ открылъ двери и Софья Петровна очутилась во мракѣ.

— Я снимаю двѣ отдѣльныя комнаты и не держу прислуги,—говорилъ онъ, зажигая спичку.

— Осторожнѣ здѣсь лѣстница.

Открылись еще одиѣ двери и Софья Петровна поняла, что попада въ жилое помѣщеніе.

Потомъ въ темнотѣ загремѣлъ стулъ и, когда вновь вспыхнула спичка, Софья Петровна увидѣла Николая Николаевича, наклонившагося надъ лампой.

Блики свѣта замечались по потолку и стѣнамъ, освѣщая вещи, поражавшія Софью Петровну неожиданностью своего появленія. Мелькнуло нѣсколько діаграммъ въ краскахъ, уголь книжнаго шкафа, огромный столъ, заваленный бумагами, маленькій столикъ съ микроскопомъ.

Когда, наконецъ, лампа была зажжена, Софья Петровна увидѣла себя среди хаоса книгъ, картограммъ, столовъ съ химическими реактивами, столовъ съ рукописями, остатками завтрака, письменными принадлежностями.

Николай Николаевичъ помогъ ей раздѣться.

— Какъ у васъ странно, — сказала она, садясь на турецкій диванъ.

— Хотите чаю? Это можно скоро устроить на машинкѣ.

Она отказалась и сказала, улыбаясь:

— Сегодня я два раза выбита изъ колен. Сперва меня Сергѣй выбилъ, а теперь ваша комната. Я многого ожидала отъ холостой квартиры, но никакъ не думала, что попаду въ такую лабораторію.

— Это и есть лабораторія. Здѣсь я дѣлалъ анализы.

Софья Петровна оглядѣла стѣны съ таблицами смертности и роста городского населенія.

— Эти таблицы для вашей книги?

— Нѣкоторыя.

Она представила себѣ его работающимъ въ этой комнатѣ. Она видѣла и его, и комнату совершенно отчетливо, но въ странно уменьшенномъ видѣ, — такъ, какъ будто она разсматривала свое видѣніе въ большія стекла бинокля. Крошечный человѣчекъ сидѣлъ за крошечнымъ столомъ и съ упорнымъ выраженіемъ лица изслѣдовалъ пути наступленія микроскопическихъ враговъ человѣчества. Это было нѣчто вродѣ штабъ-квартиры арміи, сражающейся съ бактеріями.

Она почувствовала приливъ теплаго чувства къ этому, такому крошечному и такому упорному солдатику въ этой крошечной войнѣ со смертью.

Онъ что-то сказалъ ей. Она не поняла и неопредѣленно унынула.

Потомъ крошечная комната съ крошечнымъ человѣчкомъ исчезла и Софья Петровна увидѣла Николая Николаевича, внимательно слѣдившаго за нервной игрой ея лица.

— Вы дѣйствительно разстроены сегодня.

— Разстроена? Я... у меня что-то такое развертѣлось въ

головѣ и работаетъ по инерціи безъ моего участія. Я устала за эти дни. А сегодня еще это нападеніе Сережи... Всего хуже то, что въ его разсужденіяхъ есть какая-то доля правды, и я не могу понять этого, — не могу понять, какъ одновременно можемъ быть правы и онъ, и я. Скажите мнѣ что-нибудь объ этомъ.

— Что же, собственно, могу я сказать? Разсужденія Сергѣя мнѣ тоже кажутся не лишенными резона.

— Да? Но вѣдь земля все же принадлежитъ мнѣ.

— Отчего же ей не принадлежать и вашему отцу, если онъ сумѣетъ получить на нее законнымъ путемъ документы? Нѣтъ, эта сторона позиціи Сергѣя обставлена довольно сильно. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь ваше право на эту землю постольку имѣетъ значеніе, поскольку оно охраняется закономъ. И если законъ передаетъ это право другому, то что же дѣлать?

— Я не могу себѣ это усвоить. Здѣсь есть что-то неладное, съ чѣмъ я не въ состояніи примириться.

— Это потому, что вы берете оружіе для сраженія и хотите, чтобы оно было безвредно. Но оружіе всегда остается оружіемъ. Ему, оружію этому, въ высокой степени безразлично, кого именно поражать. Въ данномъ случаѣ вы вооружаетесь закономъ. Возьмите это оружіе и используйте его въ полной мѣрѣ. Наймите хорошаго адвоката и защищайтесь, если хотите. Или бросьте оружіе, разъ ужъ вамъ не нравится, что въ васъ стрѣляютъ тѣми же снарядами, какіе и вы употребляете. Впрочемъ, я плохой совѣтникъ въ такихъ дѣлахъ. Я ничего въ нихъ не понимаю. Да и моя точка зрѣнія на такіа дѣла для васъ не подойдетъ. Я никогда ничего не имѣлъ. Я бѣденъ, какъ церковная мышь. А уголъ зрѣнія человѣка, который никогда ничего не имѣлъ, не всегда совпадаетъ съ угломъ зрѣнія собственника.

И вдругъ, съ горячностью, какой Софья Петровна отъ него не ожидала, онъ заговорилъ, быстро опустившись на диванъ рядомъ съ ней:

— Никогда не совпадетъ! И какъ бы много ни было точекъ соприкосновенія, все же это будутъ только случайныя точки соприкосновенія и полное пониманіе другъ друга никогда не послѣдуетъ. Знаете ли, о чемъ думаетъ человѣкъ, у котораго ничего нѣтъ, — въ чемъ заключается основная мысль, изъ которой онъ всегда исходитъ? Это мысль о хлѣбѣ, о тѣхъ источникахъ жизни, которые онъ долженъ имѣть во что бы то ни стало. Не надо думать, что это какая-нибудь особенно непріятная мысль. Чаше она можетъ доставить нѣкоторое удовольствіе и прекрасно возбуждаетъ энергію. Но, какова бы она ни была, отвѣтъ отъ нея по-

стоянно остается въ головѣ человѣка, у котораго ничего нѣтъ. Постоянно. Даже тогда, когда онъ слушаетъ музыку, разговариваетъ съ умнымъ человѣкомъ, любитъ женщину... Въ этой мысли, какъ грибки въ уксусѣ, плаваютъ все остальное, что наполняетъ голову современнаго горожанина: обрывки газетной хроники, мысли изъ журнальных статей и образъ любимой женщины.

— О, какой ужасъ!

Софья Петровна улыбнулась больше глазами, чѣмъ губами. Она была заинтересована, такъ какъ начала понимать, что ея другъ дѣйствуетъ навѣснымъ огнемъ, черезъ голову непосредственной темы разговора.

— Да, да, всё впечатлѣнія и даже образъ любимой женщины получаетъ привкусъ этой мысли, какъ грибки привкусъ уксуса. И ничего тутъ не подѣлаешь. Ну, а вамъ никогда вѣдь не приходилось мариновать свои мысли въ подобной специи. По этой причинѣ наши мысли имѣютъ разный вкусъ и еда-ли мы вполне поймемъ другъ друга

Софья Петровна неопредѣленно покачала головой.

— Я дѣйствительно васъ не вполне понимаю.

Она опустила голову, и у нея дрогнули губы.

— Это такъ странно все... какъ только заходить рѣчь объ этой землѣ, я остаюсь совершенно одинокой и ничего не понимаю. Адвокаты мнѣ говорятъ какой-то вздоръ про квитанціи, Сережа про формальное право, а вы про... грибки. И никто не хочетъ понять, что для меня вопросъ заключается не въ обладаніи землей, а въ чемъ-то большемъ, что я сама не вполне усваиваю. Для меня это прежде всего нравственный вопросъ.

Углы ея губъ дрогнули въ гримасѣ страданія.

Она торопливо закрыла лицо руками и въ то же мгновеніе почувствовала, что ее неловко цѣлуютъ въ голову.

Аккумуляторы дали искру.

„Мы оба плохіе актеры,—подумала она: — Все это можно было бы сдѣлать какъ-то по другому и гораздо красивѣе“.

Вслѣдъ затѣмъ со вздохомъ облегченія, какъ послѣ утомительной дороги, она подалась въ его сторону и на мгновеніе почувствовала себя внѣ пространства и времени.

* * *

Возвращаясь въ этотъ вечеръ домой, Софья Петровна слышала и видѣла такъ, какъ никогда раньше не слышала и не видѣла.

Туманъ, оказывается, имѣлъ своеобразный и не лишенный пріятности запахъ; мутные огни фонарей были окружены міриадами движущихся, толкущихся на одномъ мѣстѣ.

какъ туча мошекъ, водяныхъ пылинокъ, окрашенныхъ въ едва уловимые радужные цвѣта; темныя массы домовъ казались таинственно заманчивыми и возбуждали воображеніе; въ ночномъ замирающемъ гулѣ большого города можно было уловить множество новыхъ оттѣнковъ, казавшихся странными и значительными.

Въ этотъ вечеръ Софья Петровна обладала зрѣніемъ художника и слухомъ музыканта. Она слышала и видѣла душу вещей и звуковъ.

Время отъ времени она поднимала глаза на Николая Николаевича и улыбалась.

Въ призрачномъ полусвѣтѣ его лицо казалось странно блѣднымъ и въ немъ тоже было нѣчто новое, — отсвѣтъ новыхъ душевныхъ движеній. Для Софьи Петровны это лицо было теперь законченнымъ лицомъ ея героя. Въ немъ не было недостатковъ, — оно было совершеннымъ воплощеніемъ сочиненнаго ею мужского характера.

Прощаясь съ нимъ, она положила на его плечи руки жестомъ, полнымъ той особой граціи, какая доступна только женщинамъ, для которыхъ любовь — больше душевное движеніе, чѣмъ физическое желаніе.

Николай Николаевичъ почувствовалъ красоту этого жеста и ушелъ разстроенный.

Дорогой онъ думалъ о томъ, что жизнь — очень недурная по существу дѣла вещь, хотя она и не логична. Она не укладывается въ рамки здраваго смысла. Здравый смыслъ сказалъ ему, что онъ не долженъ былъ бы связывать жизнь этой превосходной дѣвушки со своей жизнью, такъ какъ онъ не можетъ создать для нея тѣхъ условій существованія, къ которымъ она привыкла. Въ концѣ концовъ они — разные люди. Въ ихъ прошломъ нѣтъ ничего общаго и тѣ условія, въ какихъ вырабатывался его характеръ, противоположны условіямъ ея жизни. Они говорятъ на разныхъ языкахъ. Его разсужденія о кускѣ хлѣба остались для нея непонятными. Она уловила только ихъ забавную сторону.

И тѣмъ не менѣе въ тотъ какъ разъ моментъ, когда онъ сдѣлалъ попытку отдалиться отъ нея, преодолѣть ту силу обоюднаго влеченія, которая въ послѣдніе мѣсяцы лишила его привычнаго ощущенія свободы, — она оказалась въ его объятіяхъ.

Онъ попробовалъ представить себѣ будущее, но въ его воображеніи пролетѣло только нѣсколько цвѣтнхъ пятенъ.

Онъ не подумалъ, а всѣми нервами почувствовалъ, что все будетъ хорошо и что жизнь — прекрасна.

V

Позднѣе, пытался оправдать свое рѣшеніе, Софья Петровна находила много вполне резонныхъ аргументовъ, но въ тотъ моментъ, когда она впервые это рѣшеніе высказала, въ ея распоряженіи не было никакихъ аргументовъ.

Критическій моментъ наступилъ внезапно и неожиданно какъ для нея самой, такъ и для отца.

Объясненіе послѣдовало вечеромъ, а утромъ слѣдующаго дня, отправляясь на очередное свиданіе съ Николаемъ Николаевичемъ и нравственно стряхнувъ съ себя насмѣшливо внимательныя взгляды, которыми ее проводили тетя Варя съ Сергѣемъ, Софья Петровна поняла, что сдѣланное было такъ же неизбежно, какъ неизбежно паденіе созрѣвающаго яблока.

Едва успѣвъ переступить порогъ, она сказала, улыбаясь: — Ну, вотъ и конецъ!

Она подняла руки, снимая шляпу.

— Теперь мы только съѣздимъ проститься съ садомъ и потомъ отправимся, куда вы хотите.

Николай Николаевичъ слѣдилъ за ней, наслаждаясь прелестью граціознаго изгиба ея шеи, — жестъ, котораго онъ не замѣчалъ раньше. Онъ переживалъ тотъ періодъ любви, когда при каждой новой встрѣчѣ дѣлаются восхитительныя открытія новыхъ позъ, улыбокъ, жестовъ, оттѣнковъ голоса, которые, пролетая черезъ подогрѣтое сознаніе, поражаютъ, какъ неожиданность.

Когда они усѣлись на диванѣ, онъ спросилъ:

— Чему пришелъ конецъ, собственно говоря?

— Этой исторіи съ землей и со всѣмъ вообще, что меня удерживало здѣсь.

— Какъ же это случилось?

— Совсѣмъ просто и немного неожиданно.

Софья Петровна помолчала, мысленно присматриваясь къ тѣмъ оставшимся позади двумъ недѣлямъ, которыя прошли со времени переѣзда въ городъ отца и тети Вари. Слегка нахмурившись, такъ какъ воспоминанія были непріятныя, она продолжала:

— Все это время я чувствовала себя такъ, какъ будто съѣла что-то нехорошее. Меня нравственно тошнило. Никогда бы не повѣрила, что это можетъ такъ сильно дѣйствовать. Я чувствовала себя во вражескомъ лагерѣ. Представьте себѣ это ощущеніе враждебности всего, что васъ окружаетъ? Во всемъ чувствуется предвзятое намѣреніе, въ тонѣ голоса ловишь иронію, а въ глазахъ такой особый..

воровской блескъ. Все это отвратительно и унижаетъ. Вы понимаете это? Ну, и вотъ вчера вечеромъ я имѣла объясненіе сперва съ тетей, а затѣмъ съ отцомъ. Тетю начало беспокоить мое поведеніе. Я потрясла ее до основанія, когда сказала, что убѣжаю съ вами... А отца... того я обрадовала чрезвычайно. Я сказала, что не буду мѣшать ему получить документы на землю какими угодно путями... Онъ предложилъ мнѣ компенсацію.

При воспоминаніи объ этой сценѣ въ глазахъ Софіи Петровны запрыгали насмѣшливые огоньки и она закончила, улыбаясь отгѣнкомъ голоса:

— Тогда я и его огорчила. Я отказалась отъ компенсаціи. Я до сихъ поръ думаю о томъ, что я ему при этомъ сказала, потому что это сорвалось у меня съ языка случайно. Я сказала ему, что компенсація — логическая нелѣпость. Что-нибудь одно изъ двухъ: или земля принадлежитъ мнѣ, и тогда претензіи отца ни съ чѣмъ не сообразны; или же земля принадлежитъ ему, и тогда какая же можетъ быть компенсація, посудите сами. И другихъ комбинацій обстоятельствъ быть вѣдь не можетъ, потому что иначе пришлось бы допустить, что земля принадлежитъ не отцу и не мнѣ, а кому-то третьему, кто въ нашемъ спорѣ не участвуетъ. Если она принадлежитъ третьему, тогда, конечно, возможна и компенсація, потому что когда люди дѣляютъ то, что имъ не принадлежитъ, то они могутъ сдѣлать такъ, какъ дѣлаютъ дѣти, когда дѣляютъ игрушку, купленную имъ отцомъ. Игрушка не можетъ принадлежать обоимъ сразу; поэтому одинъ отказывается и получаетъ вмѣсто игрушки пряникъ...

Она почувствовала, что ея разсужденіе не вполне убѣдительно, и добавила:

— Потому что вѣдь, если земля принадлежитъ ему, то онъ можетъ взять ее безъ всякой компенсаціи, а если она принадлежитъ мнѣ, то компенсація недостаточна,—тутъ ужъ должна быть купля и продажа.

Она помолчала и спросила съ нотами неувѣренности въ голосъ:

— Это хорошо,—то, что я сдѣлала?

Уварова тронулъ ея тонъ и онъ отвѣтилъ, рѣшительно кивнувъ головой:

— Безусловно! Теперь вы почувствуете себя свободнѣе; вамъ легче станетъ двигаться.

Говоря это, онъ видѣлъ свободного человѣка съ благоустроенными мозгами, который шагаетъ черезъ жизнь, — наполовину свободный отъ тѣхъ условныхъ узъ, какими съ ногъ до головы опутаны люди, принимающіе участие

въ дѣлѣхъ никому изъ нихъ не принадлежащихъ игрушекъ.

Но Софья Петровна поняла его слова въ ихъ буквальномъ значеніи и покачала головой:

— Миѣ кажется, что, наоборотъ, собственность даетъ свободу. Но это не важно. Покажи́те я просто очень рада, что все, наконецъ, кончилось и мы можемъ ѣхать. Меня утомила эта борьба. Когда мы поѣдемъ?

— Хоть сегодня.

— Да? Но мы все-таки съѣздимъ проститься съ садомъ. Это сантиментально немного но вѣдь я, можетъ быть, никогда его больше не увижу.

Она вынула часы и заговорила нервно:

— Поѣдемте сейчасъ, съ двѣнадцатичасовымъ поѣздомъ. Мы сегодня же можемъ вернуться.

Когда черезъ два часа они ѣхали въ крестьянской долгушѣ отъ станціи къ усадьбѣ, Софья Петровна почувствовала себя во власти степи. Она знала это особое состояніе, когда и мысли, и ощущенія теряютъ обычную яркость и сознаніе оказывается заполненнымъ однообразными тонами земли и неба.

Отдѣльныя точки и пятна, выдѣлявшіяся на бурой плоскости степи и казавшіяся издали стоящими прямо передъ глазами, по мѣрѣ приближенія къ нимъ, разбѣгались въ стороны по правильнымъ кривымъ, смыкавшимся позади.

Это однообразное движеніе дѣйствовало на сознаніе, какъ масло на волины, и въ отдѣльные моменты Софья Петровна начинала чувствовать себя частью этой бурой степи, отдѣльной точкой въ ряду другихъ, совершавшихъ свое круговое движеніе точекъ.

А рядомъ съ ней сидѣла еще одна такая же точка,— ея мужъ. Она съ тревожнымъ любопытствомъ вдумывалась въ это слово, значеніе котораго во всей его полнотѣ ускользало отъ ея вниманія въ нервной сутолокѣ послѣднихъ дней.

Ея мужъ.

Она сравнила свое новое положеніе жены интеллигентнаго бродяги съ тѣмъ, что она представляла собою три недѣли тому назадъ, и почувствовала себя игрушкой случайностей.

То, что руководило ея дѣйствіями и группировало эти случайности,— ея воля,—теперь, когда она присматривалась къ себѣ со стороны, ускользало отъ ея вниманія, и событія послѣднихъ дней поразили ее, какъ неожиданность.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ это случилось? И что же собственно рѣшило дѣло? Отвращеніе къ свалкѣ, поднятой вокругъ

наслѣдства матери, физическое влеченіе къ мужчине, котораго она сдѣлала своимъ героемъ, случайное прикосновение, случайная близость, случайно сорвавшаяся фраза?.

Николай Николаевичъ наклонился къ ней.

— О чемъ вы задумались такъ?

Она пожала его руку короткимъ движеніемъ пальцевъ и заговорила пониженнымъ тономъ:

— Я сейчасъ точно путникъ, сдѣлавшій крутой поворотъ, съ котораго видна вся дорога, оставшаяся позади, но не видно того, что будетъ тамъ, дальше. Я смущена немного. Это вѣдь такъ понятно. Мнѣ рѣдко приходилось дѣлать самостоятельные шаги. Всегда я чувствовала за собой чужую волю, которая все такъ сдѣлаетъ, что мнѣ не о чемъ будетъ беспокоиться. Теперь все будетъ иначе, и я смущена, потому что вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, если подумать, какая огромная перемена произошла въ моей жизни.

— Надо же когда-нибудь начать плавать. Понятно, что, попавъ первый разъ въ воду, вы чувствуете себя не особенно превосходно и дѣлаете лишнія движенія, но въ концѣ концовъ вы поплывете правильно.

Теперь онъ не понималъ ея и она это почувствовала.

Это было банально, — то, что онъ ей отвѣтилъ. Онъ не уловилъ всей сложности ея ощущеній. Не смотря на создавшуюся между ними связь, не смотря на поцѣлуи и то будущее, которое должно было стать общимъ для нихъ, они представляли собою замкнутые мірки.

Онъ еще что-то сказалъ объ осени, степи и предстоящей имъ дорогѣ. Для нея все это не имѣло значенія, потому что она увидѣла свой прудъ и защитную аллею сада.

Она была поражена впечатлѣніемъ, какое произвели на нее всѣ эти знакомыя до мельчайшихъ подробностей вещи. Теперь онѣ имѣли совсѣмъ необычайный видъ. Такъ же, какъ прошлое, ихъ можно стало видѣть въ цѣломъ, видѣть въ нихъ то общее, характерное для нихъ, что составляло выраженіе ихъ лица.

У ней дрогнули губы, когда они вѣхали въ усадьбу и на встрѣчу имъ, махая хвостами, побѣждали заинтригованнымъ видомъ телѣжки гончія. На первый взглядъ собаки казались всѣ одинаковыми со своими волчьими спинами и лобастыми головами. Дѣловой волчьей рысью онѣ сбѣгались изъ разныхъ закоулковъ двора, и, хотя ихъ было не больше десятка, производили впечатлѣніе огромной стаи, такъ какъ невозможно было отличить одну изъ нихъ отъ другой. Наполовину волки, — онѣ жили на этомъ дворѣ, потому что родились на немъ, но онѣ не чувствовали особаго пристрастія ни къ мѣсту, ни къ своимъ хозяевамъ и всегда готовы

были сбѣжать за всякимъ, кто возьметъ въ руки рогъ. У нихъ были свои особые нравы, своя этика, нравы и этика лѣса, въ область которыхъ человѣкъ еще не успѣлъ вороваться.

Удовлетворивъ свое любопытство, собаки той же дѣловой рысью разбрелись по двору, а на крыльцѣ дома показался человѣкъ въ черной поддевкѣ и старой, со сломаннымъ козырькомъ дворянской фуражкѣ.

Замѣтивъ его, Софья Петровна почувствовала, что у ней краснѣютъ уши. Ей была непріятна встрѣча съ этимъ человѣкомъ,—дальнимъ родственникомъ отца, прожившимъ столѣтнее состояніе и теперь опустившимся до положенія босняка. Лѣтомъ онъ исчезалъ изъ усадьбы, но, какъ только хозяева уѣзжали, онъ появлялся въ ней, ѣлъ съ садовникомъ, спалъ, гдѣ придется, а когда не спалъ и не ѣлъ, то бродилъ по двору и саду съ задумчивымъ видомъ, торопливо уступая всѣмъ дорогу и принимая независимый видъ помѣщика, осматривающаго свои владѣнія, когда ему казалось, что за нимъ никто не наблюдаетъ.

У него начиналось что-то вродѣ прогрессивнаго паралича и онъ былъ не вполне нормаленъ. Это знали и издѣвались надъ нимъ не особенно часто.

Увидѣвъ Софью Петровну, онъ торопливо, бокомъ спустился съ крыльца и ушелъ, не поклонившись, съ видомъ бродячей собаки, прогнанной съ мѣста, которое она выбрала для своего временнаго пребыванія.

Изъ кухни высунулась и тотчасъ исчезла голова женщины. Вслѣдъ затѣмъ выскочилъ кучеръ и выжлятникъ Гриша и съ ключами въ рукѣ побѣжалъ къ дому.

Въ нетопленныхъ комнатахъ было сыро, неудобно и чувствовался запахъ застоявшагося воздуха. Окна безъ занавѣсей смотрѣли, какъ глаза, въ которыхъ угасъ огонекъ жизни.

Здѣсь тоже всѣ вещи измѣнили свой видъ, словно на прощанье, какъ послѣ окончанія маскарада, онѣ сбросили маски.

Софья Петровна шла мимо нихъ съ плотно сжатыми губами. Теперь эта поѣздка начала казаться ей ненужной и мелодраматически фальшивой. Всѣ эти вещи теперь не принадлежали ей и съ этой новой точки зрѣнія она не находила въ нихъ того скрытаго, единственно для нея важнаго, что она въ нихъ любила. Въ нихъ не было жизни. Онѣ были мертвы,—всѣ эти вещи. Теперь это были только трупы вещей, безобразные, лишенные жизненной теплоты трупы, и Софья Петровна могла грустить о прошломъ, любить ихъ такими, какими онѣ были еще такъ недавно, но она не могла

любить ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ стояли передъ ней теперь.

Нужно было двигаться, чтобы разсѣять непріятныя ощущенія, и Софья Петровна сказала:

— Поѣдемте верхомъ.

Она немного боялась, что Николай Николаевичъ согласится и сдѣлаетъ что-нибудь несообразное: поѣдетъ, не надѣвъ высокихъ сапоговъ, или всунетъ ноги въ стремя до пятокъ. Она не хотѣла видѣть его смѣшнымъ и почувствовала облегченіе, когда онъ отказался.

— Я буду топить печку, — сказалъ онъ улыбаясь. — Здѣсь очень холодно. А на лошади я буду представлять собой „собаку на заборѣ“.

Повязавъ голову шарфомъ и прикрѣпивъ къ талии пледъ, чтобы закрыть платье, Софья Петровна уѣхала.

Она ѣздила въ сѣдлѣ съ дѣтства и все же каждый разъ, отдаваясь мѣрнымъ движеніямъ лошади, испытывала въ большей или меньшей степени особое нравственное перерожденіе. Она становилась грубѣе и рѣшительнѣе; ея мысли дѣлались отрывочнѣе и проще; воображеніе тусклѣло. Происходило приблизительно то же, что случалось съ ней, когда она надѣвала бальное платье. Тогда она также съ несвойственной ей обычно манерой закидывала голову, начинала небрежно улыбаться и отдавалась во власть внѣшнихъ впечатлѣній.

Сдѣлавъ большой кругъ по знакомымъ тропинкамъ и межамъ, она выбралась на возвышенный берегъ оврага, поросшаго мелкимъ дубнякомъ, и долго смотрѣла внизъ на долину, въ которой уже лежали длинные вечернія тѣни, — сѣрныя тѣни осени, которымъ не хватало лѣтней глубины тона.

Потомъ постепенно пейзажъ началъ меркнуть, какъ будто исходившіе отъ него лучи перестали попадать въ фокусъ. Въ то же время въ сознаніи Софьи Петровны задрожало свѣтлое пятно.

Черезъ мгновеніе въ пятнѣ появились смутныя очертанія лицъ и вещей. Постепенно освѣщеніе становилось опредѣленнѣе, фигуры отчетливѣе, и она увидѣла длинный темный корридоръ, по которому надо было пройти, чтобы попасть изъ ихъ дѣтской въ столовую. Свѣтлый четырехугольникъ двери въ столовую и былъ тѣмъ пятномъ, которое прежде всего появилось въ ея сознаніи. Теперь въ этомъ четырехугольникѣ она видѣла длинный столъ, большую лампу, отца въ мундирѣ драгунскаго офицера, тетю Варю, съ кокетливымъ галстухомъ на груди, и мать. Мать она увидѣла съ поразительной ясностью такой, какой она была пятнадцать

лѣтъ тому назадъ въ этой группѣ у чайнаго стола, которую ея память по какому-то капризу выбрала изъ тысячъ однородныхъ впечатлѣній, чтобы удержать въ себѣ на всю жизнь.

Лошадь фыркнула, переступила на мѣстѣ и дернула поводья.

Картина исчезла. Отъ нея осталось только нѣжно грустное чувство, съ какимъ Софья Петровна всегда вспоминала о матери.

Пейзажъ опять оказался въ полѣ зрѣнія. Садъ, въ которомъ только мѣстами желтѣли пятна листвы, удержавшейся еще на дубахъ, мутно свинцовый прудъ, крыши построекъ,—все это лежало передъ ней, какъ груда безжизненныхъ труповъ.

Такъ же, какъ сцена въ столовой, которую она только что видѣла, какъ сама мама, какъ все то, что осталось въ прошломъ,—эти вещи перестали быть реальными вещами. Это были только мимолетныя тѣни вещей, впечатлѣнія и воспоминанія.

Съ поразившей ее самое яркостью Софья Петровна увидѣла себя освобожденной отъ ихъ вліянія, въ сторонѣ отъ всей этой привычной обстановки, увидѣла такъ, какъ будто она сама себѣ была чужимъ человѣкомъ, какъ будто ея духовная сущность на мгновение выдѣлилась изъ нея, чтобы посмотрѣть со стороны на свою матеріальную оболочку.

Представленіе было настолько ярко, что у Софьи Петровны закружилась голова и дрогнули руки.

Она затянула поводья и заставила лошадь сильной рысью пойти подъ гору.

Какъ всегда, движенія лошади, къ которымъ надо было приспособляться, успокоили ее и, подбѣзжая къ усадьбѣ, она не чувствовала ничего особеннаго, кромѣ желанія такъ или иначе закончить этотъ переходный моментъ ея жизни.

Унылая фигура въ черной поддевкѣ и въ дворянской фуражкѣ со сломаннымъ козырькомъ перелѣзла черезъ изгородь сада и неожиданно оказалась въ тридцати шагахъ отъ Софьи Петровны.

Она задержала лошадь.

— Вы уходите?

Маленькіе трусливо-злые глаза скользнули по лошади и остановились на ея правомъ переднемъ колѣнѣ.

— Безногая лошадь. У Ростовцевыхъ всѣ лошади—безногія. У меня вотъ были лошади, такъ лошади!

— Куда вы идете?

Онъ вдругъ оживился и отвѣтилъ дрожащими губами:

— Садовникъ сказалъ, чтобы я ушелъ, барышня пріѣхала потому что. Ну, я иду. Онъ сказалъ: „Почелъ бы ты

куда-нибудь работать, а то барышня приѣхала; баринъ узнаетъ и будетъ ругаться"... Работать... Дуракъ этакій! Я неработоспособенъ, а потомъ—я дворянинъ. Я такой же, какъ твой отецъ. Только у твоего отца есть еще земля, а у меня нѣтъ.

— Вы можете остаться. Теперь меня это не касается.

Она тронула лошадь и поѣхала дальше, съ раздраженіемъ думая о томъ, что этотъ старый пьяница ошибается въ самооцѣнкѣ только на три четверти и что еслибы къ той цѣнности, какую онъ собою представляетъ, присоединить тысячу десятинъ порядочной земли, то его не выкинули бы изъ десятка дворянъ ихъ уѣзда

* * *

Софья Петровна нашла Николая Николаевича въ столовой, сидящимъ съ кочергой въ рукахъ передъ яркъ топившейся печью.

Смѣясь, онъ поднялся ей на встрѣчу и помогъ освободиться отъ плета.

На столѣ стоялъ самоваръ и комната приняла болѣе живой видъ, какъ будто присутствіе человѣка уже успѣло одухотворить ее. Теперь въ ней было даже уютно, но для Софьи Петровны это былъ только уютъ постоянного двора, случайнаго пристанища, стѣны котораго имѣютъ всегда нѣсколько официальный видъ и никогда не улыбаются такъ добродушно, какъ стѣны родного гнѣзда.

Она уже пережила острый моментъ усваиванія новой точки зрѣнія и теперь волновалась исключительно ожиданіемъ развязки, которая казалась ей довольно близкой.

Разливаніе чая доставило ей новое удовольствіе, какого она не знала раньше. Она подмѣтила также въ себѣ желаніе заставить своего друга сѣсть побольше яичницы.

Николай Николаевичъ мало ѣлъ, много говорилъ вздора и за его болтовней Софья Петровна угадывала возбужденіе.

Потомъ вдругъ оба они замолчали и подошли къ окну съ серьезными лицами.

Нѣжныя сумерки, послѣдній, неожиданно яркій аккордъ грустнаго дня, вливались въ комнату. Небо на западѣ было окрашено въ три основные тона, которые рядомъ неуловимо тонкихъ отбѣнковъ переходили одинъ въ другой. На самомъ горизонтѣ лежала золотисто-красная полоса; повыше ея золотисто-оранжевая и, наконецъ, блѣдно-оранжевая, заполнявшая все остальное, видимое изъ окна пространство неба. Необычайно прозрачный воздухъ тоже былъ, казалось, окрашенъ въ нѣжно оранжевые полутоны, на фонѣ которыхъ темныя массы деревьевъ рощи, видѣвшейся изъ окна, вырисовывались съ непривычною для глазъ рѣзкостью.

— Похоже на акварельный этюдъ, который сдѣлали кое-какъ, на спѣхъ,—сказала Софья Петровна:—очень много настроенія и все такъ примитивно,—розовый воздухъ и черная роща.

Она наслаждалась этими нѣжными красками, всматриваясь въ нихъ съ той осторожной чуткостью, съ какой музыкантъ всираетъ въ себя нѣжную мелодію.

Потомъ въ ея сознаніи дрогнуло нѣчто новое и черезъ мгновеніе она увидѣла розовую дорогу, уходящую въ неопредѣленную даль. Два бездомныхъ, веселыхъ человѣка шли по этой дорогѣ и улыбались другъ другу.

Когда видѣніе исчезло, Софья Петровна сказала, продолжая глядѣть въ розовую даль:

— Мнѣ кажется, что мы... нѣтъ, не мы сами, а наши ощущенія, импульсы нашихъ дѣйствій, составляютъ какое-то новое явленіе, и я его не понимаю, потому что у меня нѣтъ образца для сравненія. Наши ощущенія имѣютъ специфическій привкусъ...

Онъ не понялъ ея и промолчалъ.

Ей хотѣлось передать ему свои ощущенія и она продолжала:

— Какъ будто въ самой жизни появилось нѣчто новое, острое, специфическій ингредиентъ, дѣйствующій на людей, какъ возбуждающее лекарство на клітки организма. Я не знаю, что это такое, но я чувствую себя во власти этихъ вліяній.

Онъ, привыкшій жить съ подтянутыми нервами, въ постоянной боевой готовности, опять не понялъ ея, такъ какъ то состояніе, которое она переживала, какъ нѣчто новое, было для него нормальнымъ состояніемъ.

Молча улыбаясь, онъ склонился къ ея лицу.

Ф. Васиресенскій.

Мелькомъ.

Впечатлѣнія проѣзжаго.

(Окончаніе).

IX.

На четвертый день, къ вечеру, достигли мы предѣловъ Тульской губерніи и ошвартовались у дер. Воронца.

На крутомъ берегу выстроились кривой шеренгой сѣрые амбарушки, изъ-за нихъ выглядывали соломенные крыши избъ. По длинному спуску изъ улочки къ рѣкѣ сходили и поднимались парно дѣвушки въ бѣло-красныхъ сарафанахъ, женщины въ темныхъ паневахъ—съ тяжелыми деревянными бадьями на плечахъ. Таскали воду. За оврагомъ и на луговой сторонѣ копошились надъ чернымъ ковромъ огородовъ бѣлыя, темныя, красныя человѣческія фигуры,—и казался этотъ ярко-пестрый муравейникъ въ багряныхъ лучахъ заката беззаботно играющимъ, словно на сценѣ представляющимъ народную толпу въ живописныхъ нарядахъ, на фонѣ яркихъ декорацій.

Группа пожилыхъ бабъ въ высокихъ головныхъ уборахъ сидѣла на берегу, недалеко отъ мѣста нашего причала. Видимо, ожидали перевоза.

— На богомольѣ были?—любопытствуемъ мы.

— Нѣ—ѣ... дочекъ провѣдать ходили.

Разсказали намъ о дочкахъ, работавшихъ въ барской экономіи, о тѣхъ самыхъ „монанкахъ“, „полѣшкахъ“, которыя составляютъ нынѣ въ помѣщичьихъ хозяйствахъ главное рабочее ядро.

Мы поднялись на высокій берегъ, къ деревенской улицѣ,—надо было устроиться съ ночлегомъ.

— Гдѣ бы заночевать намъ?

— А гдѣ хочешь, — равнодушно отвѣтилъ черный паренъ въ картузѣ и пиджакѣ, лѣнливо наблюдавшій изъ-за огорожи за проходившими мимо него дѣвушками. Видъ у него былъ городской, полированный и независимый.

Мы уже были избалованы въ орловскихъ деревняхъ предупредительностью и услужливой готовностью — и такой нелюбезный

отвѣтъ на тульской территоріи немножко огорчилъ насъ. „Другой народъ пошелъ“...

— Вотъ изба—спросите,—можетъ, пустить,—прибавилъ парень холоднымъ тономъ.

— Хорошо бы, гдѣ таракановъ поменьше.

— Таракановъ тутъ вездѣ!

Вошли въ улицу. Народъ—больше женщины — дѣловито шествовалъ мимо насъ съ бадьями, съ вилами, граблями, съ бочками и кадками на дрогахъ. Никто не хотѣлъ замѣтить нашего прибытія. И это обстоятельство удивляло и даже немножко огорчало насъ: до сихъ поръ стоило показаться нашему ялику въ новыхъ для насъ деревенскихъ водахъ,—какъ тотчасъ выростала толпа вокругъ насъ, живое любопытство, разспросы, предложенія крова и гостепріимства. Теперь—стоялъ онъ у берега во всей своей красѣ, на виду у всей деревни,—и хотъ бы кто-нибудь поинтересовался, что мы за люди, откуда и куда путь держимъ?..

—Гдѣ бы заночевать?—спрашиваю у пожилой женщины въ паневѣ, съ граблями въ рукахъ, проходившей мимо.

— А въ любомъ мѣстѣ,—не останавливаясь, равнодушно и просто сказала она:—ночевать пустить и кустить...

И пошла.

Опять подошелъ черный малый въ пиджакѣ. Я сидѣлъ на бревнѣ и уныло смотрѣлъ, какъ внизу, на берегу, копошился народъ, красныя дѣвки тащили въ гору на плечахъ тяжелыя бадьи, пересмѣивались, перебранивались звонкими словами и шутками.

— Бра-тецъ! ты бы помогъ!

Всѣ—въ красномъ, тонокъ и строенъ обтянутый сарафаномъ станъ, сверкають бѣлые зубы, лукаво стрѣляютъ сѣрые глаза въ чернаго малаго, одѣтаго на городской манеръ.

— Ничего, довезешь: кобыла гладкая, — говорятъ онъ лѣнивымъ, скучающимъ голосомъ.

Онъ садится рядомъ со мной на бревно и, не теряя достоинства, лѣниво, небрежнымъ тономъ отвѣчаетъ на мои разспросы. Большинство мужского населенія Воронца—въ отходѣ: въ Питеръ, въ извозчикахъ, и на шахтахъ.

— А землей занимаетесь?

— Какого изъ ней черта, изъ земли!—мрачно отзывается мой собесѣдникъ:—одно званіе—земля, а какая земля? глина! Навозу требуетъ, а гдѣ его взять?

— На отрубѣ у васъ выдѣляются?

— Какіе отрубѣ! Выгонъ нуженъ, а безъ выгона что на ней сдѣлаешь, на этой землѣ...

Этотъ мрачный, пренебрежительный тонъ какъ-то не очень располагалъ къ бесѣдѣ. Смолкли. И сидѣли безъ словъ, глядя въ румяный ликъ зари за рѣкой. Прошла назадъ опять та баба въ

паневѣ, которая сказала, что почевать пустить и кустикъ. И я заговорилъ съ ней уже какъ съ знакомой, предавъ забвенію ея первый отвѣтъ, приправленный легкой пропойей.

— Можно и у насъ попочевать, — сказала она, снисходя къ безпомощности прѣзвизнхъ: — у насъ изба вонъ тамъ.

— Самоваръ есть?

— Е-есть. Самоваръ у насъ большой...

— Ну, и великолѣпно. Вотъ намъ лодку бы кому препоручить...

— Пойду, мужику скажу.

Пришелъ мужикъ въ бѣлой холщевой рубахѣ и бѣлыхъ портахъ, въ сапогахъ. Мрачловатый, черныи, съ широкой бородой и густыми бровями. Молча выслушалъ порученія относительно лодки и вещей, сказалъ: „хорошо“. Пошелъ, перевелъ яликъ ниже по теченію, примкнулъ его къ своей лодкѣ и принесъ вещи къ крылечку длинной кирпичной избы подъ соломенной крышей. Крылечко все было утыкано березками — уже подсыхающими: третій день Троицы. Тутъ мы и сѣли пить чай.

Хозяинъ нашъ былъ не изъ словоохотливыхъ людей, но человѣкъ толковый, серьезный, покорно-исполнительный. Не отъ него, а отъ жены его узнали мы, что былъ онъ предсѣдателемъ волостного суда, имѣлъ надѣлъ на пять душъ, кирпичный заездъ, которомъ работало двое наемныхъ рабочихъ. Передъ нами, видимо, былъ крѣпкій, хозяйственный мужичекъ, тотъ самый, на котораго сверху такъ твердо уповали. Правда, онъ не спѣшилъ выдѣлиться изъ общины, даже не обнаруживалъ — передъ нами, по крайней мѣрѣ, — намѣреній въ эту сторону. Коротко, суховаго отвѣчалъ на наши разпросы:

— Тѣсно, знамо дѣло... Ну, помаленечку жить можно... Покели слава Богу.

На пять душевыхъ надѣловъ у него было пять дочерей и ни одного сына. Можетъ быть, эта — съ крестьянской точки зрѣнія — пезадача и сдѣлала его немножко темнымъ, замкнутымъ, одинокимъ въ своихъ мужицкихъ думахъ, — упорно пряталъ онъ свою душу отъ чужого, праздно-любопытствующаго взора.

Ночью уѣхалъ онъ съ лошадьми на пастьбу, въ ночное.

— У меня мужикъ смирный, — говорила его баба, оказавшаяся ласковой и словоохотливой: — никогда словомъ не изругать, не то что ударить. Пить не пьетъ, нѣтъ! А когда и выпьетъ — тихо, благо, все по-хорошему. Никогда на дѣтей не крикнетъ — дурятъ, балуются — и то не крикнетъ, не то чтобы изругаться...

Съ дѣтьми — и въ самомъ дѣлѣ — обращеніе здѣсь было неожиданно мягкое, ласковое до баловства. И видѣлъ, какъ десятилѣтняя Манюшка, прибѣжавъ съ улицы, развалилась себѣ на деревянномъ помостѣ у печки — въ нарядной съ виду кирпичной избѣ полъ былъ, все-таки, земляной — и, вытянувъ ноги, капризно требовала:

— Мамъ! разуй!

Женщина продолжала рассказывать мнѣ о семейной своей жизни, говорила, что въ семьѣ у нихъ осталась жить бездѣтная вдова невѣстка, хотя у ней есть и кровная своя родня, — и онѣ съ роду другъ дружѣ „яхъ!“ не сказали, хорошо живуть.

— Мамъ! сыни! — капризно повторила дѣвочка.

Мать подошла и, не обрывая своего разговора, стянула съ ногъ дѣвочки неуклюжіе, тяжелые ботинки.

— Дѣвочки у меня ничево, хорошія. Старшую-то не отдали: помогать некому было... Съла въ дѣвкахъ, годовъ двадцать съ пятакомъ уже есть. Вотъ Таня теперь подошла къ годамъ. Сватаются. Много сватовъ. Писарь сватается...

Съ Воронца мы вступили въ край — по-истинѣ бабій, край женскаго хозяйства, женскаго труда во всехъ отрасляхъ, гдѣ привычно встрѣчаешь мужскія руки, край женской общественной службы и даже... женскаго заноя. Въ Воронцѣ ночной караулъ лежалъ на женщинахъ. При насъ эту очередную повинность несла высокая, толстая баба съ толстымъ голосомъ, пьяная и бурливая въ хмельномъ своемъ состояніи. У ней было два сына въ отхожемъ промыслѣ. Сыновья прислали 50 руб. на лошадь, а она, получивъ деньги, закутила, шаталась по деревнѣ, заходила въ избы, стучала дубинкой — знакъ ея временной комендантской власти, — кричала на всехъ пьяно-выскательнымъ толстымъ голосомъ. Къ ей брани относились съ добродушнымъ смѣлкомъ, снисходительно и терпѣливо. Лишь за глаза качали головами:

— На лошадь прислали сынъ, а она — вотъ... и-и, безстыжая!..

Дѣтвора дразнила ее:

— Ба-а!

— Чѣо?

— Дербанемъ что-ль?

— Ну, ты!.. молода еще... Кваску выпей и буде съ тебя...

— Нѣ-ѣ! Дербанемъ! Энту... съ красной головкой-то...

Женщина — всюду. Перевозчицей на паромѣ — дѣвочка-подростокъ. Верхомъ на лошади — баба. Пашетъ — баба, косить — баба, конвоируетъ — баба. Даже хоронить — баба. Зашли мы въ с. Гремячемъ въ чайную — купить молока и бѣлаго хлѣба — и... оторопѣли. За столами сидѣло десятка два женщинъ въ темныхъ платочкахъ, темныхъ кофточкахъ и сарафанахъ и — хоть бы одинъ мужикъ на поглядѣнье! Даже жутко стало... Спрашиваемъ: что за женскій митингъ? Оказалось — просто поминки, тризна: похоронили какую-то старушку и зашли помянуть чаемъ-сахаромъ.

Мужчина здѣсь рѣдокъ. И по большей части это — старичокъ какой-нибудь или инвалидъ, толчками жизни прибитый къ берегу медленнаго и покорнаго умирания.

— Чѣмъ занимаетесь? — спросишь такого убогаго человѣчка, обычно — съ болѣзненно желтымъ лицомъ, клочкомъ сѣрой шерсти на подбородкѣ, узкогрудаго, висло-плечаго, въ живописно-ветхомъ пиджакѣ.

— А ничѣмъ,—вертя цыгарку, отвѣчаетъ онъ:—какое занятіе — съ однимъ глазомъ!

— Гдѣ жъ у васъ другой?

— Вынули. На опираціи. Ломилъ больно, даже болѣлъ. Доктора сказали: придется вынуть. Я согласіе далъ: вынуть...

— Какъ же живете?

— А такъ вотъ... Было двѣ души—продаль... Вотъ и живу. Да дешево отдалъ, по чести что пизачто: двѣсти тридцать...

— Ну, а дальше?

— Сойдутъ эти—продамъ скотину... У меня три скотинки... Буду продавать...

— Гдѣ же скотинку пасете?

— А на огородѣ. У меня сосѣдъ уѣхалъ въ Сибирскую губернію. Препоручилъ мнѣ дворъ, огородъ: хочешь—сади, хочешь траву коси... Вотъ и пасу...

Въ противоположность убожеству представителей сильнаго пола, женщины здѣсь положительно восхищаютъ своей хозяйственной энергіей и стойкой домовитостью. Гдѣ-то тамъ, въ далекихъ городахъ, на шахтахъ скрился, пропалъ забулдыга-мужъ, опустился ли на дно, или связался съ любовницей, не шлетъ ни помощи, ни вѣсти,—такіе случаи не рѣдкость здѣсь,— а она, одна съ дѣтьми, бьется съ нуждой, изворачивается всячески, работаетъ, не покладая рукъ, не досыпаетъ, не доѣдаетъ, но живетъ одною мыслью, одной заботой: сохранить неущербленнымъ крестьянское свое хозяйство, клочъ земли и животы, необходимые ей. Поднимутся ребята—будетъ якорь, за который можно держаться, свой уголь. Вянеть красота, уходитъ молодость безъ радости, безъ пѣсенъ, безъ смѣха, но... уплачены подати, цѣла душа, не избыты лошади, коровки, овечки... цѣль крестьянскій дворъ.

Въ селѣ Слободкѣ—первый домикъ, въ который мы наугадъ заглянули, принадлежалъ такой брошенной мужемъ крестьянкѣ. Это была красивая, русоволосая, съ мягкими, немного расплывчатыми славянскими чертами лица женщина лѣтъ тридцати пяти.

— Какъ же вы живете?

— Да вотъ—живу,—грустно улыбаясь, сверкая бѣлыми, прекрасными зубами, сказала она:—зиму у меня учительница на квартирѣ жила. Лѣтось землемѣры стояли... Живемъ. Урожаецъ Господь пошлетъ—вотъ и сыты. Кормовъ есть—коровки сыты, овечки. На лошади за водкой ѣзжу въ складъ—подрядъ взяла.. Кой-какъ, абы-какъ... Лошадка у меня добрая...

— А дѣтей много?

— Двое. Одинъ спитъ вонъ на печкѣ, иззябъ—въ ночномъ былъ. Другой къ дѣду пошелъ, на отрубъ.

— Ну, а если хозяинъ придетъ да вдругъ отберетъ все это?.. Вѣдь, по нынѣшнему закону, имѣетъ право все продать...

— Ну,—недовѣрчиво улыбнулась она. Помолчала и прибавила.

— Вотъ ребята года черезъ два подростутъ, пущай является. Они его такъ метнутъ отсюда, ажъ пыль пойдетъ!..

И въ голосъ ея звучала мужественная увѣренность, что если и есть таковой безмысленный законъ, то противъ него можно стать силой...

Х.

Утромъ пили мы чай опять на крылечкѣ, унизанномъ завядшими березками. За рѣкой, подъ мягкимъ утреннимъ свѣтомъ, подъ безоблачнымъ небомъ, уходили, поднимался къ голубому горизонту съ синѣющими рощницами, зеленныя поля—просторная, по-весеннему нарядная, холмисто-зеленая Русь. Рѣчка вздулась,—гдѣ-то въ верхахъ прошелъ, вѣрно, ливень, и Ока несла теперь передъ нами на мутномъ зеркалѣ, вмѣстѣ съ серебристой выбью и тонкими, разбѣгающимися струйками-змѣйками, бѣлую пѣну, соръ, щелки и старыя верши.

Бѣлыми, алыми, пестро-красными точками двигались, копошились на огородахъ женскія, дѣтскія фигурки, мягко доносились перекликавшіеся голоса. Теплымъ свѣтомъ была одѣта сѣрая солома кирпичныхъ хатокъ въ Бедринцевой, на другомъ берегу, пестро переплетались тѣни и свѣтъ на крышахъ и въ зеленомъ узорѣ садовъ. Теплый свѣтъ, ясность, кротость и тишь безбрежная... И кажется: неизмѣримая даль отъ этой солнечной тишины и безмятежія до суеты и грома городовъ, до напряженной борьбы людской, до коварныхъ дипломатическихъ подходовъ, воинственныхъ замысловъ и бряцанья оружіемъ владыкъ земли...

Пришелъ старикъ въ жилеткѣ, съ часами, въ бумазейной рубашкѣ, выпущенной изъ штановъ. Немножко измятый, съ лицомъ сморщеннымъ какъ бы отъ огневой сушки. Пришелъ какъ будто по дѣлу къ хозяевамъ, но поздоровался съ нами за руку и присѣлъ на крылечкѣ.

Предложили чаю.

— А что спрошу я у васъ, господа,—наливая чай на блюдце, сказалъ старикъ:—что вы есть за люди?

— Просто—прохожіе.

— Видите ли, я—староста. Ну, вотъ...сами знаете, небось читали въ газетахъ, когда была война съ Японіей, какъ приѣзжали они въ нашу землю планты снимать.

— Нѣтъ, мы—не японцы. Мы—австрійской короны...

Увы! Никто изъ насъ не подозрѣвалъ въ то время, что черезъ два мѣсяца такая шутка едва-ли сорвалась бы съ языка. Староста удовлетворился нашимъ шутливымъ отвѣтомъ. Мы прибавили, что „планты“ снимать намъ нѣтъ надобности: мы купили готовые въ магазинѣ Главнаго Штаба. И развернули передъ нимъ карту.

— Тутъ и Воронежъ есть?—съ отѣнкомъ недовѣрія спросилъ староста.

— А вотъ онъ.

Прочитавъ стариннѣ надписъ и съ восхищеніемъ воскликнулъ:

— Какъ живенькій!..

А когда пустился въ разговоры и воспоминанія о Питерѣ—староста жилъ въ немъ лѣтъ пятнадцать въ дворникахъ,—нашъ собесѣдникъ совсѣмъ увѣрился въ нашей благонадежности и успокоился.

— Моппассе ежели взять Бормана или Ландрина, то я зажмуркой угадаю: чьей фабрики? Ландрина не въ примѣръ превосходнѣй,—говорилъ онъ съ глубокимъ убѣжденіемъ, бережно отколушивая темнымъ пальцемъ леденцы изъ коробочки.

Окончательно расположило его въ нашу пользу обстоятельство, которое, казалось бы, должно было поселить наибольшія подозрѣнія касательно развѣдочнаго нашего естества: мы вздумали сфотографировать нѣкоторые виды и часть женскаго населенія Воронца—очень ужъ плѣнили насъ оригинальные крестьянскіе наряды, яркіе и живописные. Староста тоже пожелалъ увѣковѣчить себя на фотографіи. Слегка смущало его одно: придется фигурировать одному въ сонмѣ бабъ,—прилично-ли? Колебался долго, но желаніе быть увѣковѣченнымъ превозмогло всѣ сомнѣнія.

— Эхъ, надо бы хоть умыться хорошенько... съ мыломъ...—сказалъ онъ тономъ сожалѣнія, занимая центральную позицію въ группѣ:—что бы вамъ раньше собчить!.

Желающихъ попасть въ группу оказалось множество. Съ мрачнымъ видомъ стала на правомъ флангѣ вчерашняя пьяная баба, теперь уже трезвая и, видимо, страдающая съ похмелья. Кучка старухъ съ дѣтишками конфузливо топталась въ сторонкѣ, не рѣшаясь присоединиться къ молодымъ и болѣе наряднымъ. Иногда кто-нибудь пускалъ острое словцо, шутку. Выстроившіяся во фронтъ дѣвицы и молодыя женщины украдкой взглядывали на старосту, который стоялъ, какъ монументъ, серьезный и торжественный, сдвинувъ картузь на бекрень... Фыркали. Пугались и старательно подавляли смѣхъ. Но онъ вынырнулъ изъ нихъ снова и стоило раздаться гдѣ-нибудь подозрительному сопѣнію или пыхтѣнію,—какъ смѣхъ вырывался фонтаномъ по всей линіи. Извѣстно, что въ торжественные моменты, когда нельзя смѣяться, смѣхъ-то и дуться...

Фотографическій аппаратъ нашъ всюду приводилъ въ радостную тревогу деревенское населеніе и дѣлалъ насъ необычайно популярными. Деревня, какъ только узнавала о предстоящемъ фотографическомъ сеансѣ, приходила въ необычайное волненіе: начиналась суета, бѣготня, спѣшное переодѣванье, умыванье—и въ праздничномъ парадѣ передъ аппаратомъ выстраивалось все наличное населеніе, всѣмъ непремѣнно хотѣлось на первый планъ, непремѣнно— „во весь ростъ“, до новыхъ сапогъ и ботинокъ включительно. Покорно подчинялись указаніямъ фотографа лишь

дѣтишки, которые не считали ни одной позы конфузной—сѣсть ли, стать ли на колѣнки. Но со взрослыми приходилось возиться гораздо мало...

— Вамъ придется наземь сѣсть...

— Что-жъ я безъ ногъ выйду? Нѣтъ, я лучше подогнусь...

— А это ужъ совсѣмъ не годится...

Приходилось по нѣскольку разъ перестраивать ряды. И каждый разъ оказывалось какое-нибудь неожиданное сочетаніе, повергавшее однихъ въ неудовольствіе, другихъ—въ неудержимое веселье: рядомъ съ молодымъ щеголемъ въ лакированныхъ сапогахъ—согнутая старуха съ единственнымъ зубомъ, торчащимъ снизу, на самомъ видномъ пунктѣ тощая баба съ разсѣченной губой...

Иногда какой-нибудь ветхій, старозавѣтный деревенскій обыватель, смотря со стороны на это легкомысленное, брызжущее веселье и суету изъ-за тщеславнаго желанія увѣковѣчить себя, вдругъ загорался обличительнымъ пыломъ.

— А гдѣ-же сумки-то? Сумки гдѣ, въ какихъ куски собираете?—желчно спрашивалъ въ д. Андроновой тощій старичокъ въ валенкахъ, остановившись передъ группой, ожидавшей фотографическаго сеанса.

— Это еще не образецъ, а вотъ—съ сумками!..—грозилъ онъ пальцемъ на бабъ, и прыгалъ клочокъ сѣрой шерсти на его подбородкѣ.

Въ нарядной толпѣ виновато, конфузливо хихикали.

— Старымъ-то—имъ все пехорошо...

— Теперь на всю окрестную селенію хватитъ смѣху и баланцевъ!—сердито грозился старикъ, уходя:—дурехи вы, дурехи!.. съ паршивой головой да въ вольный духъ вздумали... а-а!..

Казалось, можетъ быть, старичку, что на портретахъ и снимкахъ приличествуетъ изображать лишь генераловъ, архіереевъ и высокихъ особъ. Но чтобы неумытая деревенщина съ ея бѣднотою и убожествомъ лѣзла туда—это недопустимо! Это лишь—для посмѣянія...

XI.

Воронцовскій староста учинилъ намъ допросъ легкій и, такъ сказать, полу-официальный. Предположительная программа нашего путешествія не исключала возможности не только такихъ бесѣдъ, но и болѣе обстоятельныхъ опросовъ, документальныхъ, подробныхъ, съ задержаніемъ и, пожалуй, съ не очень долговременною кутузкой. Не то, чтобы мы признавали заранѣе элементы злонамѣренности въ нашемъ предпріятіи, но наслышанность о сюрпризахъ и внезапностяхъ русской жизни подготовила насъ къ мысли, что наравнѣ со всякимъ російскимъ обывателемъ подле-

жить и мы неограниченному упражненію надъ собой власти и терпѣнію.

Къ пріятному разочарованію нашему, претерпѣвать не пришлось. Маленькое собесѣдованіе съ городовымъ въ г. Бѣлевѣ доставило одно удовольствіе,—только. И больше никто насъ не беспокоилъ ни опросомъ, ни излишнимъ любопытствомъ.

Бѣлевъ былъ первымъ городомъ на нашемъ пути. Какъ-никакъ, а, завидѣвъ его, мы почувствовали, сколь силенъ въ насъ голосъ городского естества, городскихъ потребностей и привязанностей: почта, письма, газеты, связь съ вѣшнимъ міромъ за предѣлами зеленыхъ береговъ, рѣки, обѣдъ на вокзалѣ—съ тарелками и салфетками—все это послѣ пяти дней первобытнаго образа жизни показалось чрезвычайно пріятнымъ и цѣннымъ.

Уже подъ вечеръ вернулись мы къ городскому мосту, гдѣ оставили яликъ, нагруженные разными припасами, сытые, полусонные отъ обѣда и усталости. Рядомъ со сторожемъ въ бѣлой рубахѣ и бѣлыхъ порткахъ, забранныхъ въ тяжелые сапоги, стоялъ въ выжидательной позѣ городской съ портфелемъ подъ мышкой. Одутловатое желтое лицо сторожа—на его попеченіи мы оставили яликъ—было загадочно замкнуто, густыя брови сдвинулись къ переносицѣ. Городской смотрѣлъ такъ, какъ смотритъ спокойный, увѣренный рыболовъ, когда „клюетъ“, дрожить поплавокъ и чуть примѣтная зыбь кружками разбѣгается по жидкому зеркалу затона.

Вытянувъ нѣсколько шеи, какъ бы прислушиваясь и постигая, онъ подошелъ не спѣша, бокомъ, и заговорилъ тономъ не самымъ официальнымъ, а какъ бы просто любопытствующимъ, съ подходомъ, съ паузами, обдумывая вопросы и соображая отвѣты. Это былъ „старшій“ городской, тонко воспитанный и опытный въ обращеніи.

— А дозвольте узнать, что заставило васъ такимъ манеромъ...—онъ сдѣлалъ жестъ по направленію къ ялику:—такую, то есть, нужду... этакимъ вотъ родомъ ѣхать?

— Ради развлеченія. Нужды ни малѣйшей—одно удовольствіе.

— Такъ-съ...

Онъ помолчалъ, взвѣсивая отвѣтъ, вникая въ его смыслъ. Посмотрѣлъ на яликъ, серьезно и долго. Сугубая серьезность и какъ бы печальная покорность долгу лежала на его веснушчатомъ лицѣ съ золотыми усами. Отвѣтъ нашъ звучалъ для него, видимо, нѣсколько легкомысленно и не совсѣмъ достоверно.

— А позволите узнать: вы дальніе? Изъ какихъ, то-есть, мѣстъ изволите слѣдовать?

— Петербургскіе. Ёдемъ изъ Орла.

— То-есть вы въ Петербургѣ живете, а ѣдете изъ Орла?

— Такъ точно.

— До какого же мѣста? То-есть, именно, куда изволите, собственно говоря, слѣдовать?

— До Калуги.

— А изъ Калуги обратно?

— Нѣтъ, обратно не поѣдемъ.

Повидимому, это показалось ему подозрительнымъ. Опять онъ прикинулъ въ умѣ что-то, взвѣсилъ, пошевелилъ усами.

— То-есть, этими мѣстами, иначе сказать, вы обратно не будете? А посудка?—опять въ сторону ялпка сдѣлалъ онъ жестъ.

— Продадимъ. Или—просто—отдадимъ кому-нибудь.

— Да вѣдь она денегъ стоитъ..

— Для хорошаго человѣка не жаль.

И снова собесѣдникъ нашъ скосилъ глаза въ сторону, взвѣсивая и соображая достовѣрность отвѣта.

— А обратно въ гору не будете, значить, гнать?

— Нѣтъ.

Помолчали.

— А гдѣ вы ее добыли?

— Купили въ Орлѣ.

Мы чувствовали, что вопросы нашего тонкаго дипломата не совсѣмъ тѣ, которые поручено ему выяснить, и его усилія проникнуть въ суть нашихъ краткихъ отвѣтовъ, въ сущности, лишь обходный и очень бранный путь къ главному, что необходимо было выяснить сразу, а приступить прямо и грубо не позволяло лишь тонкое полицейское воспитаніе.

Съ грустной покорностью долгу въ голосѣ нашъ собесѣдникъ сказалъ наконецъ:

— А позвольте узнать... такъ какъ мы здѣсь стоимъ... и обязаны узнавать о проѣзжающихъ... время теперь такое... требуется разными охранами... Позвольте узнать: изъ числа какого рода званія вы будете?

— Вы желаете взглянуть на наши документы?

— Ну, да... такъ точно!—съ облегченіемъ и живостью подтвердилъ онъ.

— Вы такъ бы и говорили,—сурово сказалъ А. В.—Хотя мы и не обязаны предъявлять ихъ вамъ. Требовать предъявленія можете лишь въ томъ случаѣ, еслибы мы остановились въ городѣ. Но разъ мы не останавливаемся... впрочемъ, извольте.

Не знаю, такова ли именно россійская конституція касательно паспортовъ, но А. В. изложилъ ее внушительно и увѣренно, а старшій городской тономъ извиненія говорилъ:

— Наша обязанность, господа... Мы должны исполнять, что намъ приказываютъ... Такъ вы пожалуйста сюда...

Онъ показалъ на будку мостового сторожа, какъ будто хотѣлъ укрыть насъ отъ посторонняго взора на случай возможнаго конфликта—при провѣркѣ документовъ. Но мы, не входя въ нее, ознакомили его, что одинъ изъ насъ—потомственный почетный гражданинъ такой-то, а другой—статскій совѣтникъ такой-то.

Наличность столь благонадежнаго чина, какъ статскій совѣтникъ, произвела впечатлѣніе: городской неожиданно отказался отъ провѣрки нашихъ документовъ...

— А молодой человѣкъ—вашъ сынокъ? Очень пріятно...— говорилъ онъ немножко сконфуженно и съ чрезвычайной любезностью проводилъ насъ до ялика, козырялъ, давалъ самые благожелательные совѣты на счетъ мелей, почевокъ, интересныхъ мѣстъ... Вообще очаровалъ насъ обращеніемъ...

Откровенно сказать, изъ своего путешествія,--дѣлхъ десять дней все-таки!--мы вынесли самое отрадное воспоминаніе объ отечественной полиціи: она любезно отсутствовала почти на всемъ нашемъ пути, а тамъ, гдѣ случайно приходилось встрѣчаться съ урядникомъ, послѣдній вѣжливо дѣлалъ подъ козырекъ и слѣдовалъ мимо. Иногда—какъ это было въ Черемышлѣ—усмотрѣвъ кривыя длинныя пальки въ нашемъ яликѣ и вполне резонно принимая ихъ за рыболовныя снасти, давалъ благожелательныя указанія на счетъ наиболѣе рыбныхъ мѣстъ... И только...

КІІ.

Какъ въ кинематографѣ, торопливо и мимолетно проплыли передъ нами маленькіе уѣздные городки съ звучными лѣтописными именами, тихіе, глухіе, забытые; безвѣстные живописные монастырьки съ бѣлыми церквами и корпусами; брошенные дворцы съ выбитыми стеклами оконъ, села, деревеньки, засѣлки, луга...

Въ городкахъ—тихіе мѣщанскіе домики съ цвѣтами на окнахъ и занавѣсочками, пыль на базарной площади, пѣсня ратниковъ учебнаго сбора:

Не журися, Царь нашъ бѣлый,
Мы Рассею не дадимъ...

Двѣ-три барышни въ узкихъ юбкахъ и газовыхъ шарфахъ, съ жаднымъ вниманіемъ истомленныхъ скукой людей провожаютъ глазами каждое новое лицо, тишь, безлюдье, скука на немощенныхъ улицахъ, а на берегу рѣки — духовныя особы съ удочками, пожарные, купающіе лошадей, кучка мѣщанъ, пристально, внимательно, лежа на животахъ и локтяхъ, наблюдающихъ эту процедуру. На луговой сторонѣ нестрѣй цвѣтникъ женскихъ фигуръ и лошадей: пахнутъ огороды, конопляники. Въ аломъ закатѣ стадо, пѣгя, гнѣдыя, бѣлыя лошади, разномастныя коровки, яркія платья „монанокъ“, урядникъ съ красными жгутами на велосипедѣ — такъ все живописно и мило... И отъ всего вѣетъ миромъ, безмятежной скукой, извѣчнымъ, незбылемымъ однообразіемъ неторопливой, дремотной жизни, громкой зѣвоты и фатальной покорности представленному теченію...

Монастырьки—маленькіе, живописные, уютные, таили за своими кирпичными, побѣленными стѣнами какую-то свою, особую

жизни, которую мудрею было представить намъ, людямъ иныхъ упований. Хотѣлось проникнуть за эти стѣны, взглянуть, узнать, чѣмъ и зачѣмъ живутъ укрывшіеся за ними люди, подышать воздухомъ тихой обители. Но было какъ-то стѣснительно: не обидитъ ли почтенныхъ черноризцевъ и инокинь праздное любопытство нетвердаго въ молитвенномъ усердіи проѣзжаго чело-вѣка?

Передъ концомъ путешествія я все-таки зашелъ въ одинъ та-кой монастырекъ — у него было привлекательное, славное такое названіе — „Добрый“. Мои товарищи отправились въ с. Машковичи — пополнить провизіонную часть, я долженъ былъ въ лодкѣ спуститься до Доброго и тамъ подождать ихъ.

Было тихо, жарко и все залито яркимъ свѣтомъ. Стоялъ въ воздухѣ звонъ, свистъ — то залистый, съ разбѣгающимися колѣнцами, то круглый, винтообразный, весь изъ причудливыхъ фіоритуръ и трелей, стрекотъ, хрипъ, чириканье и мягкое, далекое „карръ“ — крикъ грачей въ высотѣ.

Лодка тихо плыветъ по теченію — я бросилъ гребти, опустил весла. Изогнутымъ зеркаломъ сверкаетъ голубая рѣка. Четко бѣлѣетъ въ небѣ тонкая игла монастырскаго собора и такая же позади — въ Машковичахъ. Въ дымкѣ недвижнаго зноя, какъ въ таю-щемъ дымѣ кадильномъ, сверкаютъ бѣлыми ризами стѣны мона-стырскихъ церквей и корпусовъ...

За берегомъ — голоса: пахутъ бабы, покрикиваютъ на лоша-докъ. Изрѣдка вырастетъ на гребнѣ какая-нибудь сивка, вытянувъ шею, упираясь, суча ногами, и тотчасъ же снова упадетъ за зе-леную черту въ голубую бездну...

И кругомъ — звенящее безлюдье зеленой пустыни, милый, крот-кій ликъ родной страны, женственный, ласковый, тихо творящій ростъ сокровищъ, скрытыхъ въ нѣдрахъ матери-земли.

Забываются печали, неправды, нестроеніе, скудость — все хо-рошо, свѣтло въ мірѣ божьемъ, подъ этимъ ярко-голубымъ, свер-кающимъ шатромъ, въ щедромъ теплѣ краснаго солнца.

Въ послѣдній разъ выглянули за поворотомъ избушки дере-веньки Андроновой, гдѣ мы почевали. Остались тамъ пріятели наши — „полковнички“, пастушки-мальчуганы, и благообразный ста-ричокъ Степанъ Нефедьичъ, нашъ милый собесѣдникъ, съ кото-рымъ мы обсуждали старину и новину.

— А лучше или хуже прежняго стало, Степанъ Нефедьичъ?

— Н-ну, куды-ы! Какъ въ рай вкатились! Раза въ три аль вдесятеро лучше! Тогда жили — ни одежи, ни обуви на себѣ не видали... Нашъ баринъ дѣвокъ продавалъ!..

„Полковнички“, которыхъ уложили на печкѣ, то и дѣло пры-скали отъ душившаго ихъ безпричиннаго смѣха. Старикъ грозился въ ихъ сторону, иногда вставалъ съ лавки:

— Вотъ возьму клутъ да опояшу, вы у меня будете знать!

— Спите, поганцы! А то утромъ не добудитесь! — сердито прибавляла старуха въ ихъ сторону.

Но „поганцы“, притаившись на минутку, опять прорывались среди самой серьезной части дѣдовскихъ воспоминаній и веселое нырканье ихъ заражало даже насъ. А грозная фигура старика посреди избы съ подогнувшимися колѣнами и поднятымъ вверхъ пальцемъ была, и въ самомъ дѣлѣ, немножко комична.

Мелькнуло Андроново и—скрылось за поворотомъ. Выглянулъ монастырекъ—бѣлый въ сизой зелени старыхъ ракъ, спустившихся къ рѣкѣ.

Я причалилъ къ противоположной сторонѣ. Никого, ни души. Чуть слышно булькаетъ зыбь у бортовъ, сливаясь съ звономъ мусшекъ и птичьими трелями. И въ ухахъ плыветъ далекій, мягкій звонъ—звонить ли колоколъ въ Машковичахъ, жужжить ли муха—не разберешь. Дремлется, клонить голову книзу подъ знойными лучами солнца.

Показалась изъ рощи какая-то понурая фигура въ выцветшей лиловой рубахѣ и жилетѣ, стояла на берегу и опять повернула въ рощу. Не менѣе, какъ черезъ четверть часа, она появилась вновь на берегу, въ сопровожденіи монаха въ скуфейкѣ. Сѣли въ лодку, монахъ шестомъ отпихнулся отъ берега и черезъ минуту они мягко ткнулись носомъ своего старенькаго судна въ плавный бережокъ, рядомъ съ Энсомъ.

Человѣкъ въ лиловой рубахѣ и жилетѣ, мрачный, мѣднокрасный, съ сѣрой подстриженной бородой, заплатилъ за перевозъ сухой баранкой, такъ какъ копейки у него не оказалось. Попрошилъ у меня газету на цыгарки и скрутилъ огромную собачью пожуху. Онъ былъ съ похмелья и потому удрученъ. Шелъ въ Машковичи, гдѣ у него была малярная работа. Пожаловался на жизнь.

— Съ малыхъ лѣтъ въ работѣ, а своего угла нѣтъ. Одно знаешь: работай! А съ работы и лошадидохнуть...

Монахъ, опасливо оглядываясь назадъ, съ видимымъ наслажденіемъ затянулся изъ его цыгарки раза три и, когда ушелъ мрачный старикъ, ему все еще не хотѣлось отчалить: вѣрно, надоѣли-таки монастырскія стѣны... Было у него широкое скуластое лицо съ простодушными сѣрыми глазами и вздернутымъ носомъ.

— Дальше будете?

— Изъ Орла.

— А-а. Я самъ тоже орловскій. У меня братъ тамъ на Ильинкѣ магазинъ имѣетъ.

— Давно монашествуете?

— Годовъ семь есть. Тутъ-то недавно. Я переведенъ изъ Тихоновой сюда...

— Почему же?

— Да зашибалъ малость, грѣшнымъ дѣломъ...—смущенно улыбаясь, сказалъ онъ:—ну, на исправленіе сюда...

— Хотѣлось бы посмотрѣть вашъ монастырь внутри... можно это?—спросилъ я послѣ приличествующей паузы.

— Почему не можно? Только смотрѣть-то нечего: всей братіи два десятка, да и то въ разгонѣ—то округъ коровъ, то на лугахъ, косятъ. Монастырь бѣдный... Народъ какъ-то безъ вниманія сталъ къ монастырямъ. Есть икона—правда, она чудотворная,—ну только и на нее безъ вниманія. Кабы не луга,—и кормиться бы печѣмъ было...

— Въ чемъ же у васъ время проходить? Въ молитвѣ?

— Ну... въ молитвѣ! Когда тутъ молиться, разъ послушаніе за послушаніемъ каждый день: то коровъ дои—тридцать коровъ!—то дровъ напилл, то конюшни вычисти... мало-ли дѣловъ!..

Сгорбленная фигурка въ черномъ подрясникѣ и скуфейкѣ мелькнула на мгновеніе въ просвѣтѣ между монастырской стѣной и старыми ветлами. Мой собесѣдникъ вдругъ встрепенулся и началъ отпихиваться шестомъ отъ берега. Черезъ минуту онъ былъ уже на другомъ берегу и нырнулъ въ ракитникъ, окружавшій монастырскіе огороды.

Я переѣхалъ вслѣдъ за нимъ, пустынной тропинкой поднялся къ монастырской стѣнѣ и остановился въ нерѣшительности передъ калиткой. Никого вокругъ и полное безмолвіе за облѣзшей крпичной стѣной. Вотъ ужъ подлинно тихая обитель...

Взялся за массивное желѣзное кольцо, стукнулъ щеколдой—недовольно заскрипѣла, открылась калитка. Плотный мужикъ въ скуфейкѣ и въ рубахѣ, забранной въ штаны, съ изумленіемъ оглянулся на меня,—шелъ куда-то съ ведромъ въ рукахъ.

— Кого надо, милый?

— А вотъ хотѣлъ бы посмотрѣть на вашу обитель.

— Что-жь, посмотри.

— Что у васъ наиболѣ примѣчательнаго есть?

— Водопроводъ есть. Во-онъ—видишь? Тамъ и анделъ сдѣланъ...

— Древности, можетъ быть, какія-нибудь есть?

— Древности тоже есть... Колокольню вонъ давно бы починить надо...

Изъ дверей корпуса направо вышелъ благообразный старецъ съ бѣлой бородой, въ очкахъ, въ рясѣ и клобукѣ. Мой собесѣдникъ сейчасъ же пошелъ отъ меня по направленію къ древней колокольнѣ, а монахъ въ клобукѣ подошелъ и, окидывая меня изъ-подъ очковъ изучающимъ взглядомъ, спросилъ:

— Что скажете?

— Я—проѣзжій. Зашелъ поглядѣть на вашу обитель.

— Гм... Глядѣть тутъ нечего... Ничего любопытнаго.

Тонъ у старца былъ сухой, почти враждебный: видимо, сразу опредѣлялъ преподобный отецъ, что передъ нимъ челоѣкъ—для обители совершенно бесполезный, ненужный, и нѣтъ никакой надобности быть любезнымъ съ нимъ.

— Къ любопытству вашему ничего не найдется...—повторилъ онъ.

— Да мнѣ все любопытно.

— Мм... Что же именно?

— Ну, напримѣръ, какъ распредѣленъ монастырскій день? Чѣмъ занимается братія? Все интересно.

— Хмм... Занимаемся кое-чѣмъ... такъ себѣ, кое-чѣмъ.

Старецъ повернулся и пошелъ отъ меня къ калиткѣ. Похоже было, что онъ безмолвно приглашалъ и меня оставить стѣны тихой обители. Я все-таки прошелъ по сиреневымъ аллеямъ, стоялъ у древней колокольни, у водопровода, послушалъ тихую музыку лѣтняго дня—безбрежный звонъ невидимыхъ пчелокъ и мушекъ, выпилъ водицы, струей падавшей изъ устъ чугуннаго „андела“—и послѣ этого вернулся въ Энэсу, такъ и не уяснивъ себѣ, зачѣмъ и для чего жить эта обитель съ двумя десятками братій при тридцати коровахъ, лужкахъ и лѣсахъ?..

ХІІ.

Перегонъ отъ Перемышля до Калуги пришлось сдѣлать одному, безъ товарищей. Прелести первобытнаго бытія на лонѣ природы и ночевокъ на полу въ крестьянскихъ избахъ требовали все-таки нѣкоторой предварительной тренировки и закала, а мы были—слишкомъ горожане, народъ непривычный къ свѣжему вѣтру и вечерней сырости, къ суходѣнію, къ тараканамъ, клопамъ и блохамъ. И самый юный изъ насъ на предпоследней ночевкѣ пожаловался на ознобъ. Поставили термометръ,—40°. Пришлось поспѣшить въ Калугу на лошадяхъ—по шоссе до города считается 25 верстъ.

Рѣкой верстъ на десять было кружище. Но этотъ послѣдній перегонъ, одинокое, безмолвное общеніе съ міромъ и природой, меня окружавшими, въ первый разъ видѣнными, но такими *своими*, близкими сердцу, невѣдомо родными, таящими въ себѣ волшебную силу обвороженія,—былъ исполненъ особой прелести и оставилъ самыя свѣтлыя воспоминанія.

Въ послѣдній разъ прошли передо мной зеленые берега съ лознякомъ, кудрявыя рощи, села и деревеньки за ними, бѣлыя полоски холстовъ на зелени, бабы, полошущія и шленающія вальками груды нѣтъ, голыя ребятишки на тепломъ песочкѣ, голубой дымокъ за гребнемъ берега, лошади съ сохами на пашнѣ. Все родное, милое, простенькое, но владѣющее какой-то непонятной тайной свѣтлаго очарованія.

Въ послѣдній разъ сдѣлалъ привалъ, нарубилъ тупымъ топорикомъ сухой лозы, подмытой половодьемъ, навѣсилъ чайникъ и, окруженный толпой любопытствующихъ ребятъ, слушалъ, какъ журчалъ огонекъ, глядѣлъ, какъ проворно рыжіе въ знойномъ

блескъ дня языки его лизали чайникъ, и вкусно пахло дымкомъ..

Почеваль у плотовщиковъ. Ихъ было трое—мужички Жиздринскаго уѣзда, въ лантяхъ, сермягахъ, одинъ даже—живописный бородачъ-великанъ—въ гречневикъ. Вѣяло отъ нихъ лѣснымъ духомъ, смолой, деготкомъ, щепой. Отнесли они ко мнѣ чрезвычайно внимательно и радушно, заботливо перенесли вещи, вскипятили чайникъ, тщательно вытерли незатѣйливый свой столъ, разостлали полотенце. Хлопотали до того, что мнѣ стало совѣстно. Но въ этой услужливости не чувствовалось ничего холопскаго, льстиваго, расчетливаго,—было это естественное радушіе простыхъ русскихъ людей.

До полночи проговорили мы о самыхъ разнообразныхъ вопросахъ: о чужихъ земляхъ и о своей землѣ, и просто о землѣ, о мужицкихъ печалихъ и упованіяхъ, о Думѣ. Въ ихъ разспросахъ чувствовалась привычная, притупившаяся уже горечь усталости и безнадёжности, но, видно, не было силъ и совсѣмъ побороть неясные сны ожиданія...

... Земли мало, дуга всѣ барскіе, къ арендѣ приступу нѣтъ—дорого. Да и баринъ—сутяга, какихъ свѣтъ не видалъ: штрафы и волокита изъ-за потравъ.

— Свинья пройдетъ мимо и свинью прххватить. А потомъ и гоняетъ по деревнѣ самъ: чьи, молъ, свиньи? Его ли лицо—свиней гонять...

— Чтожъ, будетъ намъ когда лучше пли нѣтъ, господинъ?

— Отъ васъ самихъ будетъ зависѣть.

— Ревизію бы новую сдѣлать и всѣмъ дать поровну — вотъ было бы хорошо! А то вотъ у меня два брата на службѣ, а земли у насъ одна душа... За что они служатъ?

Они помнили о первой Думѣ и тѣхъ надеждахъ, которыя зародились было тогда въ мужицкихъ головахъ. Одинъ изъ нихъ рассказывалъ про *пятый* годъ,—жилъ онъ въ Москвѣ во время всеобщей забастовки. Всѣ ждали тогда: вотъ-вотъ сбудется мужицкая мечта, анъ вонъ куда повернуло...

— Ну, какъ эта Дума?—сулить что аль нѣтъ?..

Гасла заря на западѣ и темнымъ шпилемъ вставала на ея блѣдномъ отсвѣтѣ колоколенка села Спасъ, гдѣ въ этотъ день, по разсказу моихъ собесѣдниковъ, ходилъ по полямъ землеѣръ съ цѣпью и была драка между мужиками. Горѣли огоньки на берегу—плоты стояли по рѣкѣ на цѣлый десятокъ верстъ. Темной стѣной чернѣла засѣка за рѣкой. Чутко былъ влажный воздухъ. Звонкое эхо подхватывало и разносило въ ширь всякій звукъ,—прогрохочетъ ли поѣздъ черезъ мостъ на Угрѣ, прозвенитъ ли куликъ, крикнетъ ли пролетающая цапля въ темной высотѣ. И была такъ таинственно сказочна и вмѣстѣ странно знакома эта пустыньность,

сумракъ за дрожащей чертой свѣта отъ нашего огонька, молчаніе ночи, розовыя точки огоньковъ по берегу, потухающая заря и хрипящій коростель за рѣкой...

— Э-о-о! Ребя-я! Перевезите, Христа ради!—прозвенѣлъ изъ-за рѣки женскій голосъ и эхо повторило его мягко, нѣжно, призывно.

— Ребя-ять! э-эй!

— Чо-о?—отликаетъ, отрываясь отъ бесѣды, бородачъ.

— Перевезите, пожалуйста!

Бородачъ скребетъ голову. Не столько лѣнь переѣхать на лодкѣ, сколько неохота ломать бесѣду.

— Гони, что-ль, Евсюха,—говоритъ онъ безусому парню.

— Воды въ лодкѣ... вычерпать бы, что-ль... — въ медлительномъ раздумьи отвѣчаетъ Евсюха, не шевелясь.

— Ребя-ять!—снова вызываетъ голосъ съ того берега и снова эхо разноситъ его по лѣсу.

— С-часъ!

— Потрудитесь, ради Христа!

— Ты съ городу, что-ль?—лѣниво вставая, посылаетъ вопросъ Евсюха.

— Нѣ-ѣ... съ Шабалиной...

— Чего поздно?

— Потрудитесь, ради Христа!..

— Ну, ладно... с-часъ...

Евсюха спускается на плотъ, идетъ по бревнамъ легко, увѣренно, быстро. А я давеча шель, съ трусливой осторожностью нащупывая ногой каждое бревно и то разъ умудрился провалиться, хотя плотовщики заботливо указывали мнѣ, куда ступать. Эта увѣренность и легкость, съ которой большой, сильный человѣкъ, съ виду мѣшковатый, перепархивалъ по лежащимъ въ водѣ зыбкимъ бревнамъ, казалась мнѣ непостижимой.

— Ребятъ! кошка!—вдругъ вскрикнулъ радостно Евсюха, и на одно мгновеніе мелькнули въ нашихъ глазахъ его лопатки, а затѣмъ онъ нырнулъ въ сырой сумракъ ночи, помчавшись по плотамъ, какъ по землѣ.

Схватились сразу съ мѣста и оба мои собесѣдники. По берегу разсыпалась четкая трель отъ шлепанья ихъ ногъ.

— Хорекъ!—издали уже слышался голосъ бородача.

— Ребя-ять!—отчаянно зывалъ женскій голосъ.

— Черта съ два догонишь! Это — хорекъ, — возвращаясь и громко дыша отъ усталости, говорили мои гостепріимные хозяева.

— Земли-то больно каляна, а у меня нога потерта, а то я бы...

— Скучно вамъ, вѣрно, тутъ?—спрашиваю я, глядя на этихъ большихъ ребятъ съ бородами, по-дѣтски оживленныхъ погоней.

— Скука! Всѣ локотки пролежали!—сознается бородачъ:—вотъ недѣлю перебудемъ и возьмемъ расчетъ—надоѣло! Шутъ съ ними и съ цятю рублями въ недѣлю!.. Домой охота: съ самой Святой

семьи не выдали... живы, пить ли... Оно и дома-то вертѣтся не при чемъ, ну... все какъ быдто дома...

— Ребя-ять!—несется изъ-за рѣки.

— С-ча-ась!..

Спалъ я въ лодкѣ. Мужички устроили мнѣ помость изъ досокъ и получилось великолѣпное ложе. Конечно, при рѣзкомъ движеніи можно было накренить лодку и свалиться въ воду. Но за-то, послѣ ночевки въ избахъ съ тараканами, когда я, улегшись на зыбкомъ своемъ ложѣ, посмотрѣлъ на звѣзды вверху, на розовыя точки огоньковъ по берегу, мнѣ показалось все волшебнo, какъ зачарованный міръ старой дѣтской сказки: замирающее въ лѣсу эхо отъ грохота поѣзда, хрипъ коростеля, журчаніе воды подъ лодкой, пѣжный звонъ комариковъ надъ ухомъ... И сонъ, сладкій, ласково улыбочный, окуталъ меня мягкимъ, прозрачнымъ, теплымъ и плавно понесъ внизъ по рѣкѣ...

Я проснулся, когда надъ зелено-сѣрой стѣпной лѣса по небу лежали широкія полосы пурпура, было свѣтло, и вся рѣка курилась бѣлымъ куревомъ. Роса перламутровымъ пнеемъ покрывала мой плащъ, влага была на лицѣ и волосахъ. Плотовщики еще спали.

Хотѣлось еще вздремнуть и я подыскалъ себѣ резонныя соображенія для этого: до города всего верстѣ десять, прѣхать туда слишкомъ рано—не къ чему... Легъ и опять уснулъ.

Въ полуснѣ услышалъ музыку—удивительную, чудесную, какой—мнѣ казалось—никогда въ жизни не слышалъ. Прекрасныя, свѣтлыя, изумительно пѣжныя созвучія стройно плыли, растекались въ волшебныхъ сочетаніяхъ и до края заполняли восхищенную землю. Сердце трепетало радостью и восторгомъ, какъ будто вернулась неожиданно юная любовь, безоблачный смѣхъ молодости съ порывами беззаботной удалы и геройства.

Проснулся. Солнце уже поднялось надъ лѣсомъ. По рѣкѣ бѣлыми ключьями медленно ползъ туманъ, весь пронизанный тепломъ и свѣтомъ. Гдѣ-то за лѣсомъ мычали коровы и игралъ рожокъ. Я въ первый разъ слышалъ его—въ родныхъ моихъ мѣстахъ пастухи не играютъ на рожкѣ. И эта музыка, плывущая вдали, за лѣсомъ, мягкими, пѣжными переливами, показалась мнѣ восхитительной...

Я распрощался съ гостепріимными своими хозяевами—они уже проснулись и стояли на берегу, у шалаша. Поплылъ. Рѣка, то голубая, то зеленая, лежала недвижнымъ зеркаломъ въ малахитовой рамѣ. Голубѣло вверху небо среди баранковыхъ облачковъ. Въ голубой дымкѣ тянулись позади лѣса. Длиннымъ зубчатымъ валомъ шель соснякъ по лѣвому берегу. Отлого и зелено глядѣлъ правый. Ярко, солнечно, зелено было кругомъ. Малиновымъ цвѣточкомъ краснѣла рубаша мальчика на челнокѣ съ новымъ весломъ,

сверкающимъ какъ золотое, — одно-разъединное въ зеленомъ морѣ...

И вся звенѣла пустынная тишь. Куковала кукушка и откликалось ей эхо въ лѣсу. Кричала иволга, звенѣли - заливались какія-то невѣдомыя мнѣ птички. Долгій гудокъ заплѣлъ за величественной рощей, уступами подымавшейся впередъ. Значить, сейчасъ городъ...

Вдругъ въ пестро звучащую тишину яркаго утра упалъ полный, густой звукъ—ударилъ колоколъ, и мѣдная волна поплыла надъ лѣсомъ, спустилась къ рѣкѣ и ушла, тихо жалуюсь, вдаль. И неожиданно за поворотомъ выросла на ясномъ, затканномъ лучами небѣ зубчатая стѣна, сизо-голубая, встали колокольни, трубы, дома. И мѣдный гулъ понесся оттуда слитнымъ хоромъ. Разноголосые удары колоколовъ—то ближнiе, яркiе, могучiе, то далекiе, чуть слышныя, мягкiе—мѣрно бухали и сотрясали прозрачный воздухъ, и мѣдное жужжанiе немолкнувшимъ шумомъ кружилось надъ недвижнымъ зеркаломъ рѣки.

Чувство радости вспыхнуло во мнѣ при видѣ этого синята зубчатаго узора, при слитномъ звонѣ мѣди, несущемся оттуда,—чувство горожанина... Городъ, шумъ жизни, движенiе, борьба, культурныя условiя бытiя, газеты, книги, связь со всѣмъ миромъ, ощущенiе единства съ нимъ...

То, что оставалось позади,—деревенская Русь,—рисовалось въ миломъ, кроткомъ образѣ, въ ясной красотѣ весенней. Но тамъ я былъ все-таки чужой, захожiй, одинокъ, безкрылъ, безпомощенъ. А въ городѣ—тутъ есть свое мѣсто...

Ө. Крюковъ.

Живая смерть.

Гильберта Уатсона.

Переводъ съ англійскаго В. Торнтонъ.

Тсонгъ-Капа былъ старый тибетскій лама. Онъ жилъ въ монастырѣ Линго-Гомпа. Большую часть дня онъ проводилъ въ размышленіи и молитвѣ. Это придавало его глазамъ мечтательный и глубоко задумчивый видъ. Онъ странно мало зналъ о мужчинахъ; о женщинахъ онъ ничего не зналъ. Но какъ о мужчинахъ, такъ и о женщинахъ онъ думалъ съ состраданіемъ,—развѣ всѣ они не бѣдныя души, неустанно карабкающіяся по лѣстницѣ, ступени которой—миріады перевоплощеній и вершина которой достигаетъ звѣздъ.

Однажды Тсонгъ-Капа стоялъ на плоской крышѣ монастыря. Какъ всегда, свирѣпствовала буря. Завывали ледяные, насыщенные пылью, буйные порывы вѣтра. Тяжелыя массы тучъ покрывали горы. Не было никакого признака того, что человѣкъ можетъ здѣсь встрѣтить еще чей-нибудь взглядъ; ни полей, ни деревень; только голыя скалы, бесплодныя долины и темныя громады горъ — страна безконечной тоски, которая давитъ душу, какъ кошмаръ,—страна, омраченная неизмѣнно нависшими тучами и выметенная непрестанными бурями.

Тсонгъ-Капа стоялъ на самомъ краю крыши, облокотясь одной худой рукой о перила. Вѣтеръ бѣшено рвалъ его облаченіе, трепалъ его сѣдые волосы; острия пылинки жалили его кожу; воспаленные глаза его съ благоговѣніемъ были обращены туда, гдѣ между двумя рядами *тані* — камней и трепещущими молитвенными флагами выступало темнымъ пятномъ на фонѣ урагана скалистое убѣжище отшельника. У Тсонгъ-Капа явилась мысль,—какъ это бывало ужъ много разъ и прежде: какъ счастлива обитель Линго-Гомпа, благословленная присутствіемъ святого человѣка, который самъ себя обрекъ на вѣковѣчное одиночное заключеніе. И, размышляя объ этой жертвѣ, онъ всей душой и помышленіями проникался умиленіемъ и обожаніемъ.

Устремивъ внизъ свой взоръ, онъ вдругъ замѣтилъ что-то движущееся на мрачномъ фонѣ скалъ. Сперва онъ подумалъ было, что это волкъ, но, когда оно приблизилось, онъ увидѣлъ, что это была женщина. Такая неожиданность всколыхнула всю благочестивую отвлеченность его размышлений, такъ какъ рѣдко даже странствующие ламы или путешественники посѣщали монастырь зимою.

Невольно взволнованный, старый лама поплелся внизъ по лѣстницѣ, которая вела къ выходнымъ воротамъ. Онъ стоялъ подъ глубокимъ сводомъ входа, когда неизвѣстная достигла монастыря.

Охотно спросилъ бы онъ ее о многомъ, но, замѣтивъ ея сильное изнеможеніе, онъ сдержалъ свое любопытство и, введя ее подъ пурпурные своды *дуканга* или главного храма, усадилъ ее на скамью.

Все было неподвижно въ этотъ часъ,—измученные длиннымъ ночнымъ богослуженіемъ всѣ прочіе ламы спали по своимъ кельямъ. Тусклый желтоватый свѣтъ слабо проникалъ черезъ круглое отверстіе окна, неясно освѣщая таинственную и призрачную внутренность храма. Въ сумеркахъ на болѣе отдаленномъ пространствѣ дрожали на сквозномъ вѣтрѣ барабаны, гонги, молитвенные цилиндры, смѣшанные съ ухмыляющимися масками и флагами. Ни одного звука не было слышно въ древней обители боговъ, кромѣ мучительнаго—точно человѣческаго—завыванія вѣтра.

Тсонгъ-Капа остался стоять. Онъ смотрѣлъ на женщину, хотя и не такъ пристально, чтобы смутить ее. Она была немолода и некрасива. Вѣтеръ безощадно билъ ее, въ каждой линіи ея изможденнаго непогодой лица, въ каждой складкѣ ея широкаго измитаго одѣянія можно было видѣть слои грубой, сѣрой пыли горъ.

— У тебя горе,—сказалъ Тсонгъ-Капа.

Она взглянула на него и губы ея задрожали.

Старикъ покачалъ головою; и затѣмъ, чтобы дать ей время придти въ себя, разсѣянно устремляясь взоромъ въ пространство храма боговъ, пробормоталъ:

— *Om mani padme hum...* ¹⁾

Женщина оставалась неподвижной, съжившись на скамьѣ. Ея глаза съ воспаленными вѣками были устремлены на полъ. Нельзя было угадать ея мысли.

— Ты издалека?—спросилъ Тсонгъ-Капа.

— Изъ-за Ло-Шунга,—отвѣтила женщина глухимъ, хриплымъ голосомъ.

¹⁾ Молитвенное обращеніе буддистовъ.

Старикъ издалъ звукъ изумленія.

— Всю эту дорогу!—воскликнулъ онъ, подымая руки.— Зимой!—Затѣмъ, устремляя на нее взоръ съ все возростающимъ удивленіемъ, онъ воскликнулъ:—Зачѣмъ ты здѣсь?

Она не сразу отвѣтила. Онъ видѣлъ хорошо, что она не расположена къ откровенности; съ врожденной осторожностью своего добраго сердца онъ узналъ, наконецъ, отъ нея, что она ищетъ мужа, который, очевидно, покинулъ ее. Хрипло заикаясь, она бормотала безсвязныя слова и ея выраженіе было полно безнадежной тупости. Она напоминала Тсонгъ-Капъ яка.

— Какъ долго ты ищешь его?—спросилъ онъ.

Видно было, что мысль о времени приводитъ ее въ отчаяніе,—все лицо ея сморщилось, и она дѣлала руками неопредѣленные жесты.

— Давно?—подсказалъ ей съ участіемъ старый лама.

— Да.

— Чѣмъ ты живешь?

— Прошу милостыню.

— У тебя нѣтъ ни дома, ни родныхъ?

Она покачала головой.

— Ради чего ты стремишься къ тому, кто покинулъ тебя?—продолжалъ лама.—Онъ не достоинъ тебя!

Слабый румянецъ появился на ея лицѣ.

— Прости,—сказалъ Тсонгъ-Капа.

Они долго оставались въ молчаніи, погруженные въ свои мысли. Снаружи доносились жуткіе стоны бури, неожиданно переходящіе въ рыданія и вопли. Какъ будто потерянная душа искала доступа, вызывая къ тѣмъ, которые остались внутри, вырывая двери, сотрясая окна съ страстнымъ отчаяніемъ.

Невыразимая тоска воплотилась въ этихъ звукахъ; точно безграничное горе и одиночество этой женщины подстрекали безжалостную бурю изъ сумрака и затишья храма, гдѣ еле шуршали молитвенные флаги и сквозной вѣтерокъ тихо замиралъ въ злобѣщей тѣни.

Необычайность этого приключенія лишила Тсонгъ-Капа словъ. Какъ будто поднялась завѣса надъ міромъ скорби, раскрывая глубины страданія и высоты самоотреченія. Онъ видѣлъ эту женщину, охваченную безмѣрностью ея исканія, скитающуюся, какъ мятежный духъ, черезъ пустынные горы Тибета, выносящую холодъ, голодъ, изнеможеніе, жертву никогда не заканчивающагося разочарованія, и все же никогда не падающую духомъ, не теряющую надежды. Подъ грязной и грубой внѣшностью, непривлекательной маской человѣчества, онъ чувствовалъ любовь.

— Om mani padme hum, — прошепталъ онъ съ благоговѣніемъ.

Ея глаза были все еще устремлены на дверь. Казалось, она все еще стережетъ, чего-то ждетъ, съ смутнымъ взглядомъ ожиданія.

— Какъ зовутъ его?—спросилъ лама.

— Тундуггъ Сонамъ.

Она отвѣтила и свѣтъ сверкнулъ въ ея поднятыхъ кверху глазахъ. Казалось, достаточно было упоминанія родного имени, чтобы задѣть какую-то струну, пробуждая глубину волненія: удивительная противоположность тупому и скучному безразличію ея лица.

Старикъ задумался, потомъ тихо покачалъ головою.

— Ты надѣялась найти его здѣсь?—спросилъ онъ.

Она посмотрѣла на него снизу вверхъ съ трогательной безпомощностью и хотя губы ея задвигались, но никакого звука не было слышно.

— Насъ всего здѣсь шесть монаховъ, — продолжалъ Тсонгъ-Капа:—можетъ быть, тотъ, котораго ты ищешь, вступилъ въ большій монастырь... Останься, куда ты пойдешь?

Она встала и начала плотнѣе натягивать на себя покрывало.

— Не уходи теперь, — продолжалъ лама:—буря все еще свирѣпствуетъ и скоро настанетъ ночь. Завтра, можетъ быть, когда отдохнешь.

— Нѣтъ,—прошептала она:—нѣтъ, я пойду.

— Полно,—уговаривалъ Тсонгъ-Капа, протягивая руки,—не противься, останься съ нами. Поговори—сердцу лучше будетъ. Расскажи еще. Вѣдь навѣрное есть что-нибудь, чѣмъ отличается онъ отъ другихъ.

— Онъ высокій, — отвѣтила она сухо и съ трогательной задумчивостью.

— Да? Ну!

— И очень сильный.

— Да? Но такихъ мужчинъ много. Нѣтъ-ли чего другого?

Она подняла на мгновенье блуждающіе глаза къ изваяніямъ боговъ,

— У него здѣсь шрамъ, — сказала она, наконецъ:—онъ получилъ его въ борьбѣ съ разбойниками. Они ударили его саблѣй, отрѣзали ему правое ухо и...

Рѣзкое восклицаніе прервало ее. Старикъ смотрѣлъ на нее съ остановившимся дыханіемъ.

— Глубокій синій рубецъ,—проговорилъ онъ, заикаясь:—отъ виска до подбородка?

— Да!—вскрикнула она:—да, да...

Они стояли въ темномъ и мрачномъ храмѣ другъ противъ друга.

— Ты его знаешь!—закричала она:—онъ здѣсь?

— Я знаю его,—отвѣтилъ онъ:—онъ здѣсь!

Впродолженіе мучительной минуты они оставались безмолвны. Руки женщины были прижаты къ ея груди.

— Веди меня къ нему,—голосъ ея былъ придушенъ страшнымъ волненіемъ.

— Я не могу этого сдѣлать. Нѣтъ, сядь, сядь: я расскажу тебѣ.

— Веди меня къ нему. Я должна его видѣть теперь... сейчасъ.

— Ни одинъ человѣкъ не смѣетъ этого сдѣлать.

Голосъ ламы звучалъ торжественно, глубоко, непреклонно, точно приговоръ. Она смотрѣла на него недоумѣвающими глазами.

— Онъ замурованъ на всю жизнь.

Тсонгъ-Капа никогда не забудетъ этого мгновенія. Оно врѣзалось неизгладимо въ его память. Никогда до сихъ поръ судьба не возлагала на него, мягкосердечнаго, обязанность повергнуть человѣческое существо въ бездну такого отчаянія.

— Веди меня къ нему, — продолжала женщина скороговоркой, дрожа отъ возбужденія: — онъ радъ будетъ меня увидѣть. Я его жена. Это было давно, давно, но онъ пойметъ, что я раньше не могла придти. Скорѣй, скорѣй веди меня къ нему.

Руки ея были протянуты.

Тсонгъ-Капа схватилъ ее за кисти рукъ. Пораженная его движеніемъ, она дѣлала усилія освободиться; но, не смотря на свой возрастъ, старый лама оказался сильнѣе.

— Женщина!—воскликнулъ онъ съ вынужденной жестокостью,—ты никогда не увидишь больше своего мужа!

Она забилась въ потрясающей дрожи.

— Сядь,—строго сказалъ Тсонгъ-Капа и съ ласковой настойчивостью принудилъ ее сѣсть на скамью. — Слушай, — продолжалъ онъ — твой мужъ пришелъ къ намъ три года тому назадъ. Онъ сказалъ, что далъ обѣтъ войти на вѣки вѣчные въ обитель мрака. Мы не знали его имени и не смѣли его узнавать, потому что онъ намъ его не сказалъ. Между собой мы зовемъ его лама Ринпошъ или Святой изъ святѣйшихъ. Онъ пришелъ какъ разъ во-время, такъ какъ нашъ склепъ былъ пустъ. Мы проводили его туда, мы, шесть монаховъ монастыря, произнесли молитвы,—не тѣ молитвы, которыя обыкновенно произносятъ надъ мертвыми, хотя съ того

мгновения онъ долженъ былъ стать мертвымъ для всего міра, — но молитвы, говоряція о славѣ Нирваны. Мы положили цыновку подлѣ маленькаго источника, который сочтется на серединѣ его кельи, мы привели въ порядокъ священныя изображения боговъ и поставили смертный одръ до дня его смерти. Затѣмъ каждый изъ насъ простился съ нимъ и, замурававъ входъ тяжелыми камнями, мы ушли.

Старикъ приостановился, чтобы прошептать молитву, затѣмъ прибавилъ:

— Не горевать должна ты, но радоваться.

Проблески пониманія стали медленно являться въ ея глазахъ, точно понемногу приподнималось покрывало съ маски ужаса.

— Онъ умеръ,—прошептала она.

— Нѣтъ.

— Почему ты знаешь?

— На меня выпала честь приносить ему ежедневно пищу—немного риса и разъ въ недѣлю чай и масло въ чашѣ.

— Ты его видишь? — порывисто спросила она, отъ быстрого движенія неожиданно зажмуривъ глаза.

— Нѣтъ. Я просовываю пищу черезъ дыру, длиною въ мою руку. Это ходъ кривой и очень узкій. Никто не можетъ его видѣть.

— Говорить ли онъ съ тобой?

— Это запрещено и, еслибы онъ заговорилъ теперь, три года, которые онъ провелъ въ склепѣ, не были бы ему зачтены въ его праведности. И болѣе—я былъ бы навѣки проклятъ, еслибы соблазнилъ его на разговоръ.

— Если онъ боленъ,—она сдѣлала паузу. У нея захватило дыханіе и потомъ съ усиліемъ она произнесла:—Никто не будетъ за нимъ ухаживать?

— Никто.

— Но—если онъ заболѣетъ—вы будете знать?

— Да, если рисъ останется нетронутымъ три дня, мы будемъ знать, что онъ боленъ; если шесть дней, мы придемъ къ заключенію, что онъ умеръ, и тогда взломаемъ келью.

Наступило молчаніе. Мракъ внутри храма постепенно распространялся, какъ испареніе, окутывая всѣ предметы. Тсонгъ-Капа не могъ больше различать ея лица.

— Онъ во тьмѣ и ему холодно?

Ея безстрастный голосъ звучалъ странно.

Порывъ бури вновь потрясъ зданіе. Вѣтеръ свистѣлъ среди принадлежностей богослуженія. Въ надвигающихся сумеркахъ безутѣшно качались молитвенныя хоругви.

— Онъ не отъ міра сего—сказалъ Тсонгъ-Капа торжественно.—Ты не должна больше думать о немъ, какъ о своемъ мужѣ.

Отвѣта не было. Женщина смѣшалась съ тѣнями. Тсонгъ-Капа, напрягая свои старые глаза, едва-едва различалъ неясную фигуру на скамьѣ.

— До него у насъ были другіе святыя, — продолжалъ лама, наввно пытаясь утѣшить ее: — Нашъ прежній отшельникъ умеръ три съ половиною года тому назадъ. Онъ творилъ чудеса. Если кто изъ насъ заболѣвалъ, мы молились во имя нашего старца и больной выздоравливалъ. Нашъ послѣдній святой провелъ въ заключеніи шестьдесятъ лѣтъ. Всѣ, которые знали его, умерли. Даже я — самый старый лама въ Линго-Гомпа — никогда его не видѣлъ. Однажды, когда я принесъ ему пищу, я замѣтилъ нацарапанный кускомъ мѣла на чашѣ слова: онъ желалъ еще разъ увидѣть восходъ солнца. Просить объ освобожденіи позволяется ламѣ Ринпошѣ. Когда мы открыли его келью, онъ былъ совершенно нагъ, одежда его совсѣмъ истлѣла. Онъ былъ сгорбленъ, маленькій, какъ ребенокъ; кожа его была, какъ пергаментъ. Его глаза потеряли цвѣтъ и были блестящіе и слѣпые. За шестьдесятъ лѣтъ онъ ни разу не мылся, не обрѣзалъ своихъ ногтей. Мы вынесли его на воздухъ, но онъ прожилъ лишь нѣсколько мгновеній. Не успѣло взойти солнце — онъ умеръ. О, благословенная жизнь! О, благословенная смерть! Om mani padme hum! О, сокровище въ сердцѣ лотоса! Аминь.

Тсонгъ-Капа былъ такъ погруженъ въ свое изступленное созерцаніе, что забылъ на время того, кто его слушалъ. Какой-то звукъ вернулъ его къ дѣйствительности. Въ то время, когда въ тишинѣ замирала буря, въ молчаніи и мракѣ стараго храма послышался странный звукъ, — звукъ невыразимаго рыданія женщины: точно разрывалось ея сердце.

Очерки соціальної історії Мало- россії ¹⁾).

3. Свободныя войсковыя села и владѣльческія имѣнія въ лѣвобережной Малороссіи XVII—XVIII вв.

I.

Возстаніе Богдана Хмельницкаго, освободившее Малороссію отъ польскаго владычества, вмѣстѣ съ тѣмъ вывело крестьянское населеніе освобожденной страны изъ тяготѣвшей надъ нимъ крѣпостной зависимости. Бывшія владѣльческія имѣнія въ результатѣ возстанія въ подавляющемъ большинствѣ обратились въ „свободныя войсковыя“ мѣстечки и села, бывшіе „панскіе подданные“ въ главной своей массѣ стали „свободными посполитыми“. Эти свободные посполитые съ момента окончательнаго успѣха возстанія, какъ свободные граждане, подчинялись общей администраціи страны, не зная надъ собою частной зависимости, — „купно подъ сотнею, яко волнїи люде, съ козаками были“. Посполитское населеніе сель каждой сотни съ своими выборами войтами во главѣ тянуло къ сотенному мѣстечку и его ратушѣ, „помоществовало городу въ общенародныхъ повинностяхъ“ и состояло въ „присудѣ“ его ратуши. Такъ какъ сама ратуша при этомъ подчинялась сотнику и сотенной старшинѣ, засѣдавшимъ вмѣстѣ съ выбранными городскимъ населеніемъ членами ратуши, то посполитское населеніе находилось въ непосредственномъ судебномъ и административномъ подчиненіи сотеннымъ властямъ, оказывалось, вмѣстѣ съ козаками, „подъ сотнею“, главнаго администратора и судью которой, сотника, оно и выбирало вмѣстѣ съ козаками. Въ свою очередь посполитское населеніе всего полка подчинялось „господарю“ послѣдняго — полковнику, а „звѣрхнѣйшій властитель“ Малороссіи, гетманъ, являлся такимъ же властителемъ по отношенію къ поспо-

¹⁾ Два первыхъ очерка этой серіи — „Возстаніе Богдана Хмельницкаго и его послѣдствія“ и „Формы землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи XVII—XVIII вв.“ — были напечатаны въ „Русскомъ Богатствѣ“ за 1912 г., №№ 8—11, и 1913 г., №№ 9—12.

литському населенію всьєї страны, какъ и по отношенію къ козакамъ.

Это подчиненіе посполитскаго населенія свободныхъ войсковыхъ мѣстечекъ и селъ козацкой сотенной, полковой и генеральной старшинѣ, занявшей послѣ успѣха возстанія мѣсто общей администраціи страны, нашло себѣ яркое отраженіе въ терминологіи малорусскихъ актовъ конца XVII и начала XVIII столѣтій. Въ 1729—31 гг., когда въ полкахъ лѣвобережной Малороссіи производилось „генеральное слѣдствіе о маестностяхъ“, составлявшая книги этого „слѣдствія“ полковая старшина, сводя показанія мѣстныхъ старожилловъ о свободныхъ войсковыхъ мѣстечкахъ и селахъ, прибѣгала для обозначенія положенія послѣднихъ къ такого рода опредѣленіямъ: „войсковое подъ видѣніемъ сотнѣ“¹⁾, „подъ вѣденіемъ полковника належитую въ государственнихъ и войсковыхъ интересахъ отбываетъ повинность“²⁾, „полное войсковое въ диспозиціи гетманской“, „свободное и къ диспозиціи гетманской надлежащее“, „свободное войсковое, къ диспозиціи гетманской належитъ и въ вѣдомствѣ сотниковъ найдется“, „зъ давнихъ временъ было войсковое свободное и до города надлежало и въ вѣдомствѣ сотничомъ найдовалося“, „здавна надлежало до сотнѣ и было подъ видѣніемъ сотничимъ и во всякихъ общенароднихъ даткахъ помоществовало городу“³⁾. „Здавна—говорится въ генеральномъ слѣдствіи о маестностяхъ Переяславскаго полка о с. Рудяковѣ—было свободное войсковое, козаки къ сотнѣ воронковской, а посполитіе до города Воронкова надлежали“. О деревнѣ Процевѣ въ томъ же слѣдствіи говорится, что она „зъ давнихъ временъ до ратуши воронковской, а козаки до сотнѣ надлежали“⁴⁾. Для м. Воронкова и ряда лежавшихъ около него селъ то же слѣдствіе даетъ такое опредѣленіе: „зъ давнихъ временъ къ диспозиціи гетманской надлежать и въ вѣдомствѣ сотниковъ обрѣтаются, а во владѣніи въ другихъ ни въ кого не были, но суть войсковіе свободніе, токмо въ общенароднихъ повинностяхъ до города помоществуютъ“⁵⁾. „Мѣстечко Пѣщана—говорится въ томъ же источникѣ—зъ давнихъ временъ войсковое свободное и подъ видѣніемъ сотниковъ всегда найдется, и тамошніе люде употребляются до обще-

¹⁾ См. изданное мною Генеральное слѣдствіе о мѣстностяхъ Прилуцкаго полка, въ „Чтеніяхъ въ Историч. Обществѣ Нестора-лѣтописца“, кн. XI и отдѣльно, Кіевъ, 1896, *passim*.

²⁾ См. въ рукописяхъ бібліотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ бібліотекѣ кіевскаго университета) рукопись Генеральнаго слѣдствія о маестностяхъ Полтавскаго полка, *passim*.

³⁾ См. изданное мною Генеральное слѣдствіе о маестностяхъ Переяславскаго полка, въ „Харьковскомъ Сборникѣ Историко-Филологическаго Общества“ за 1895 г. и отдѣльно, Харьковъ, 1896, сс. 10, 11, 12.

⁴⁾ Тамже, сс. 11 и 12.

⁵⁾ Тамже, с. 13. Ср. такія же опредѣленія для мм. Борисполя, Барышевки, Басани и ряда селъ—тамже, сс. 13, 15, 17.

народныхъ повинностей въ подводахъ и даткахъ на компанѣйцѣ мѣсячною, а прежде и для наездовъ“¹⁾. О с. Сварковѣ генеральное слѣдствіе о маестностяхъ Нѣжинскаго полка говоритъ, что этимъ селомъ одно время владѣлъ Демьянъ Уманецъ, а послѣ того оно „осталось свободное войсковое, не было ни въ чьемъ подданствѣ и владѣніи, а только вѣдомо было судомъ и росправою въ судѣ сотенномъ глуховскомъ“; о с. Усокѣ въ томъ же слѣдствіи говорится, что оно „за гетмана Богдана Хмелиницкаго судимо толко бывало въ присудѣ сотенномъ глуховскомъ и за протчихъ по немъ бывшихъ гетмановъ въ томъ же присудѣ“²⁾.

Наряду съ этими, казалось бы, совершенно ясными опредѣленіями въ источникахъ встрѣчаются, правда, и другія, имѣющія на первый взглядъ, нѣсколько иной смыслъ. О нѣсколькихъ селахъ яготинской сотни Переяславскаго полка, напримѣръ, генеральное слѣдствіе о маестностяхъ этого полка сообщаетъ, что они „прежде были вольными и до города Яготина подлежали“³⁾. Подобнымъ же образомъ въ генеральномъ слѣдствіи о маестностяхъ Черниговскаго полка говорится о рядѣ свободныхъ селъ сосницкой сотни, что нхъ посполитское населеніе, платя „станцію“ гетманамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ содержалось или содержится „подъ виденіемъ ратуши сосницкой“, находится „въ вѣдомствѣ ратуши“, „прислушаетъ къ ратушѣ“ или „къ ратушѣ принадлежитъ“⁴⁾. О сс. Андреевкѣ и Добрововѣ, расположенныхъ на территоріи Нѣжинскаго полка и въ 1730 г. отнесенныхъ къ категоріи свободныхъ войсковыхъ, въ генеральномъ слѣдствіи о маестностяхъ сообщается, что они „отъ гетмана Богдана Хмелиницкаго до ратуши королевской принадлежали и нынѣ до оной принадлежатъ“⁵⁾. Или вотъ еще одинъ примѣръ. О с. Викторовѣ, лежавшемъ въ глуховской сотнѣ Нѣжинскаго полка, генеральное слѣдствіе о маестностяхъ рассказываетъ, что это село со времени Богдана Хмелиницкаго „было подъ правленіемъ сотеннымъ глуховскимъ, потомъ при гетманѣ Скоропадскомъ было отдано во владѣніе глуховскому коменданту Скорнякову-Писареву, „а нынѣ подъ тѣмъ же правленіемъ сотеннымъ обрѣтается“. Между тѣмъ въ томъ гетманскомъ универсалѣ 1721 г., по которому Викторовъ былъ отданъ Скорнякову-Писареву, это село называется „селомъ ратушнымъ“⁶⁾. „Ратушными селами“ на-

¹⁾ Тамже, сс. 25—6.

²⁾ См. изданное Н. П. Василенкомъ Генеральное слѣдствіе о маестностяхъ Нѣжинскаго полка, Черниговъ, 1901, сс. 24 и 58.

³⁾ См. Генеральное слѣдствіе о маестностяхъ Переяславскаго полка, сс. 20, 20—21.

⁴⁾ См. изданное Н. П. Василенкомъ Генеральное слѣдствіе о маестностяхъ Черниговскаго полка, Черниговъ, 1909, сс. 125, 127, 129, 130, 132—133, 133.

⁵⁾ Генеральное слѣдствіе о маестностяхъ Нѣжинскаго полка, с. 84.

⁶⁾ Генеральное слѣдствіе о маестностяхъ Нѣжинскаго полка, с. 84; А. М. Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, т. II, с. 465.

званы были почти все свободные войсковые села и в ревизии имений, производившейся в Малороссии в 1726 г. великорусскими офицерами.

Этот термин „ратушныхъ селъ“, прилагавшійся порою къ свободнымъ войсковымъ селамъ и деревнямъ, и скрывающійся за этою терминологіей фактъ несомнѣннаго тяготѣнія такихъ селъ и деревень къ ратушамъ породили въ исторической литературѣ нѣкоторыя недоразумѣнія на счетъ дѣйствительнаго характера свободныхъ войсковыхъ селъ и ихъ отношеній къ ратушамъ ¹⁾. Но въ сущности возможность какихъ-либо недоразумѣній въ этомъ вопросѣ совершенно устраняется цѣлымъ рядомъ какъ пелъзя болѣе ясныхъ указаній, содержащихся въ наиболее авторитетныхъ источникахъ той эпохи, о которой у насъ идетъ рѣчь.

Въ частности, данныя офицерской ревизіи 1726 г., въ которой свободныя войсковыя села именовались ратушными, были подвергнуты тщательной провѣркѣ при составленіи въ Малороссіи въ 1729—31 гг. „генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ“ и эта провѣрка дала вполне опредѣленные результаты. Въ с. Горчакахъ Стародубовскаго полка — разсказывали, напримѣръ, мѣстные старожилы — съ момента его населенія „мужики были в диспозиціи и власти гетманской и войсковой, якъ и протчіе села“, потомъ Горчаки были отданы въ частное владѣніе, „а на протчіе уряды нѣякіе оное село не хожовало и не ратушное“ ²⁾. Старожилы с. Пироговки, лежавшаго въ томъ же полку, въ своей сказкѣ показали, что ихъ село „от давнихъ лѣтъ было в вѣдомствѣ стар-

1) Покойный А. М. Лазаревскій въ первыхъ двухъ томахъ своего „Описанія старой Малороссіи“, посвященныхъ Стародубовскому и Нѣжинскому полкамъ, причислялъ свободныя войсковыя села къ ратушнымъ, наравнѣ съ селами, находившимися въ собственности городовъ. И. В. Лучицкій въ своей рецензіи на первый томъ „Описанія старой Малороссіи“ указывалъ на неправильность такого смѣшенія двухъ группъ имѣній, но при этомъ съ своей стороны полагалъ, что въ первое время гетманщины рядомъ съ селами, составлявшими собственность городовъ, существовали другія, которыя были обязаны опредѣленными повинностями въ пользу ратушъ, обусловленными „сохраненіемъ за магистратами правъ гражданскаго управленія, дѣлавшимъ одно время изъ нихъ центръ администраціи и суда“ (Кіев. Унив. Извѣстія, 1889 г., № 12). Подробный разборъ этихъ недоразумѣній данъ былъ мною въ рецензіи на второй томъ „Описанія старой Малороссіи“ Лазаревскаго („Отчетъ о тридцати седьмомъ присужденіи наградъ гр. Уварова“ и отдѣльно „Къ исторіи Нѣжинскаго полка“, СПб., 1896, сс. 74 — 83). Высказанное мною мнѣніе вызвало нѣкоторыя, не особенно, впрочемъ, ясныя и рѣшительныя, возраженія со стороны г. Барвинскаго въ его книгѣ „Крестыяне въ лѣвобережной Украинѣ въ XVII—XVIII вв.“, X. 1909, сс. 104 — 109, но затѣмъ названный авторъ вполне присоединился къ моему мнѣнію — см. въ его предисловіи къ изданному имъ въ 1912 г. Генеральному слѣдствію о маетностяхъ Миргородскаго полка.

2) См. черновую рукопись генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ Стародубовскаго полка въ библіотекѣ А. М. Лазаревскаго (теперь въ библіотекѣ кіевского университета), л. 794.

шини сотенной и ратушной новгородской, а не в подданствѣ було; и сотенная и ратушная старшина з того села нѣ на якую приватную свою работизну людей не употребляли“ ¹⁾. Старожилы с. Кривоновоски той же новгородской сотни Стародубовскаго полка показали, что послѣ изгнаніи поляковъ „было тоє село в власти гетманской и войсковой, в присудѣ старшини новгородской сотенной и ратушной“ ²⁾. О с. Руховѣ его старожилы сообщали, что „означенное село в диспозиціи гетманской и войсковой было, с котораго села надлежащую повинность до скарбу войскового стародубовскіе ратушніе урядники взимали по указамъ войсковой старшини“ ³⁾. Владѣвшій въ 1730 г. с. Кустичами бунчуковый товарищъ Григорій Скорупа, сослався на показанія мѣстныхъ старожиловъ, въ свою очередь заявлялъ, что „по вигнаню уже ляховъ належало тоє селце до диспозиціи войсковой гетманской, а не на ратушъ, понеже, покаместъ в войсковомъ заведованіи оное селце Кустичи знайдовалося, употребляли жителей того села власть полковая, яко то полковники, и прочіе полковіе правителѣ себѣ на работизну“ ⁴⁾. Войтъ и мѣщане м. Березной въ Черниговскомъ полку, спрошенные въ 1730 г. объ ихъ ратушныхъ имѣніяхъ, дали такое показаніе: „имѣется к ратуши нашей березинской у прислушаніи одно токмо село, прозваніемъ Городище, з давнихъ лѣтъ для помочи к городу Березной опредѣленное, а по якому указу и опредѣленію то село к ратуши Березной принадлежить, того никто з насъ не упомнить, якое село такъ, якъ и мѣстечко Березное, никому ни на який урядъ в подданствѣ не бывало, кромѣ того, что оного села посполитіе жители обще з мѣщанами березинскими всѣмъ гетманамъ плачували годовую стацію“ ⁵⁾. Между тѣмъ всѣ перечисленные села, на которыя у ратушъ не было никакихъ документовъ и которыя проживавшіе въ нихъ старожилы характеризовали, какъ никогда не принадлежавшія ратушамъ, въ офицерской ревизіи 1726 г. были названы „ратушными“.

Въ свое время это противорѣчіе было вполне удовлетворительно разъяснено показаніями сотенной и полковой старшини различныхъ полковъ, привлеченной къ дѣлу составленія генеральнаго слѣдствія о маестностяхъ. Такъ, полковая стародубовская старшина заявила, что производившій ревизію 1726 г. въ Стародубовскомъ полку офицеръ рядъ сель „написалъ во владѣніе за ратушами, не исправясь подлинно с крѣпостми ратушными, ибо на тіе села и деревнѣ жадныхъ (никакихъ) дачъ и крѣпостей ратушніе урядники не показали и не имѣютъ, понеже оные села и

¹⁾ Тамже, л. 828. Такія же показанія о сс. Комонѣ, Рыковѣ, Лѣсконогахъ, Лѣпковѣ и д. Дробишовѣ, — тамже, лл. 828 об. — 829 об.

²⁾ Тамже, л. 723.

³⁾ Тамже, л. 543.

⁴⁾ Тамже, л. 671.

⁵⁾ Генеральное слѣдствіе о маестностяхъ Черниговскаго полка, сс. 580—1.

деревнѣ не ратушного владѣнія, но суть войсковіе свободніе, за рсздачею другихъ селъ войсковихъ оставленніе под диспозиціею гетманскою для награжденія впрредъ войсково служачихъ, хто будетъ за свои служби достоннѣ милости монаршой и респекту войскового“. Да и изстари тѣ села—прибавляла старшина—„при полскомъ еще в Малой Россіи владѣнія были владѣлческіе разныхъ полской шляхти владѣлцовъ, а не ратушніе“, по освобожденіи же Малороссіи отъ Польши „стали быть в гетманской и войсковой диспозиціи, а ратушамъ анѣ отъ полского прежде владѣнія, анѣ опослѣ подъ високою державою монаршою нѣ отъ кого нѣякимъ опредѣленіемъ не отдаваніи“. Во всѣхъ такихъ свободныхъ войсковыхъ селахъ „посполитіе обиватели нѣкому во владѣніе нѣ на уряди, нѣ за заслуги доселѣ не были отдани и нинѣ свободно обрѣтаются под полковимъ и сотеннимъ вѣдомствомъ и надлежащіе в государственныхъ войсковыхъ и гражданскихъ дѣлахъ отбываютъ повинности“¹⁾. Еще болѣе отчетливое и исчерпывающее показаніе дала сотенная и ратушная старшина м. Баклани того же Стародубовскаго полка. „Войсковіе села — писала эта старшина въ своемъ донесеніи „полковому правленію“ 8 іюня 1729 г., ссылаясь на свидѣтельство старожиловъ, помнившихъ времена гетмана Самойловича, — только подъ вѣденіемъ zostавали сотенныхъ и ратушныхъ бакланскихъ урядниковъ, а не в подданствѣ были“. Съ этихъ селъ и деревень — продолжала она — „обыклие доходи збировали сотенніе и ратушніе урядники и из онихъ роздавали едни до двору гетманского, другіе на полковника стародубовского, а инніе на наезди, на переходы великороссійскихъ чрез Бакланъ полковъ и на протчіе общіе сотенніе и мѣскіе (городскіе) росходи за вѣдомомъ и опредѣленіемъ власти войсковою... Да с тихъ же войсковыхъ селъ и деревень они, прежде бывшіе гетманы, по своему разсмотрѣнію и респекту надавали за войсковіе услуги разнымъ владѣлцамъ в ихъ подданство, а сотенніе и ратушніе урядники з тихъ селъ нѣ на якую свою приватную работизну людей употреблять не имѣли жадной (никакой) и найменшой волѣ и не употребляли“²⁾. „На села,—повторяла та же бакланская старшина въ другомъ донесеніи, написанномъ въ 1730 г., — якне под видѣннемъ нашимъ сотеннимъ суть и по се время до мѣстечка Бакланъ прислушаютъ судомъ и росправою, такожъ в наряженію подводъ и в другихъ общихъ случающихся нуждахъ, жадныхъ крѣпостей в ратуши нашої бакланской не було и теперь нѣтъ, ибо по изгнаніи ляховъ з Украины, которые села от гетмановъ владѣлцамъ не роздани, тие

¹⁾ Рукопись (бѣловая) генеральнаго слѣдствія о маестностяхъ Стародубовскаго полка, въ библіотекѣ кievской Коллегіи П. Галагана, № 9, лл. 44об.—45 и 18.

²⁾ Генеральное слѣдствіе о маестностяхъ Стародубовскаго полка, рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ библіотекѣ кievскаго университета), л. 781-об.

только до далшой волѣ гетманской же остались при сотенномъ и городовомъ вѣдомствѣ, а прямо оные не суть ратушніе, хочай пространно простій народъ оные ратушными называетъ, но суть оные войсковые и подлежатъ всегда полной власти гетманской, а з оныхъ сель за всѣхъ прежде бывшихъ гетмановъ до состоянія Малороссійской Коллегіи збирался годовый окладъ денежный, который назывался стацією, такожъ за показанщину, покуховное и становое, хто вино курить с козаковъ, а хто шинкуеть, з куховъ вишинкованныхъ и з становъ збирался денги жъ, а ис пустовихъ земель хлѣбъ, из которого сбору часть до двору гетманского отдавалась, а часть на заплату служителемъ сотеннымъ и войсковою полковою музыки и на общіе городовые росходи употреблять гетмани позволяли¹⁾.

Подобнымъ же образомъ полковая старшина и сотники Прилуцкаго полка, посылая гетману составленное ими генеральное слѣдствіе о маестностяхъ, писали, что названныя въ офицерской ревизіи 1726 г. ратушными мѣстечки, села и деревни въ дѣйствительности „никогда во владеніи ратушномъ не бивали и ницѣ не найдутся“.. „А что—прибавляла старшина—вишеозначенніемѣстечка, села и деревни названни ратушными и прежде сего в бившую Малороссійскую Коллегію з невидѣнія ратушными прописанни, то такое названіе прозійшло ради тѣхъ причинъ, что по указамъ гетманскимъ бывало з помянутыхъ мѣстечокъ, сель и деревень войсковыхъ збирается в ратуши на компанѣйцовъ мѣсячная плата, не обходя сель и владѣльческихъ, также на служителей войсковыхъ, армашовъ (артиллерійскихъ служителей), пушкарровъ и трембачовъ (трубачей) взималась в тие жъ ратуши годовая належитость з самихъ (однихъ) тихъ мѣстечокъ, сель и деревень войсковыхъ, которые от отдачи владѣльцамъ поостались, да и подводи, кому надлежитъ по указамъ, з оныхъ вистатчаются (поставляются), и оная плата компанѣйцамъ и годовая належитость служителемъ была по указамъ гетманскимъ з вѣдомомъ полковничимъ и старшини полковою выдается; да с тихъ же мѣстечокъ, сель и деревень войсковыхъ люде по указамъ гетмановъ и полковниковъ в ратушахъ судятся старшиною полковою и сотенною в своихъ обидахъ“²⁾. Въ свою очередь подобное же заявленіе сдѣлала гетману, препровождала ему генеральное слѣдствіе о маестностяхъ, и миргородская полковая и сотенная старшина. Въ Миргородскомъ полку—писала эта старшина—„жадныхъ ратушныхъ сель и деревень не имѣлося и не имѣется, но, якия суть, всѣ належать до власти и правленія гетманского и суть войсковыя свободныя“. При полякахъ эти села были во владѣніи шляхты, а, „когда Украина отошла отъ польской

¹⁾ Генеральное слѣдствіе о маестностяхъ Стародубовскаго полка, рукопись кievской коллегіи П. Галагана, л. 319-об. Казань — винокурный котель; куфа или кухва — бочка.

²⁾ Генеральное слѣдствіе о маестностяхъ Прилуцкаго полка, сс. 9—10.

державы, тогда гетманъ Богданъ Хмельницкій опредѣленіе учинилъ во всей Малой Россіи по обѣихъ сторонахъ рѣки Днѣпра на полки, а полки расположено на сотни и къ онимъ сотнямъ поопредѣлявано села“. Часть этихъ сель была затѣмъ роздана Хмельницкимъ въ частное владѣніе, а „остальные города, мѣста и села при сотняхъ были и, что належало на гетмана и на иншіе расходы войсковые, тое збиралось съ тѣхъ остальныхъ мѣстъ и сель и изъ тѣхъ же остальныхъ вольно было по немъ, Хмельницкомъ, и протчимъ гетманомъ за услуги достойнымъ награждать маестности до ласки войсковою“¹⁾.

Приведенныя показанія позволяютъ достаточно ясно и точно установить основныя черты положенія свободныхъ войсковыхъ сель. Находясь въ верховной власти гетмана и состоя въ его распоряженіи, „въ гетманской диспозиціи“, эти села въ судебномъ и административномъ отношеніи непосредственно подчинялись „суду и расправѣ“ сотенной и полковой старшины, заседавшей въ ратушахъ сотенныхъ и полковыхъ городовъ и вершившей дѣла вмѣстѣ съ членами этихъ ратуръ, но на правахъ высшей надъ ними власти. Отсюда въ просторѣчьи пошло названіе такихъ сель ратушными, широко распространившееся въ обыденной рѣчи, а порой проникавшее и въ официальные документы, но при всемъ томъ не соответствовавшее существу дѣла. Въ частности великорусскіе офицеры, производившіе въ 1726 г. въ Малороссіи ревизію имѣній, не сумѣли разобраться въ чуждой имъ терминологіи и всѣ села, названныя имъ населеніемъ ратушными, занесли въ ревизію, какъ принадлежащія ратушамъ и неправильно отъ нихъ отошедшія. На самомъ же дѣлѣ посполитское населеніе свободныхъ войсковыхъ мѣстечекъ и сель подчинялось ратушамъ лишь какъ одному изъ органовъ сотеннаго и полкового управленія и при этомъ оставалось „подъ сотней“, находилось, говоря языкомъ цитированныхъ уже мною актовъ, „подъ правленіемъ сотеннымъ, въ вѣдомствѣ полковомъ и въ диспозиціи гетманской“.

Эти свободныя войсковыя мѣстечки и села послѣ отторженія Малороссіи отъ Польши составили главную массу поселеній края. Исключеніемъ изъ нея были лишь немногіе крупныя города, имѣвшіе раньше или вновь получившіе грамоты на магдебургское право и потому находившіеся въ привилегированномъ положеніи, да имѣнія такихъ городовъ, немногочисленныхъ уцѣлѣвшихъ шляхтичей и православныхъ монастырей—всѣ остальные поселенія страны являлись свободными войсковыми мѣстечками, селами или деревнями. Мѣщанское и крестьянское населеніе ихъ, объединявшееся подъ именемъ „свободныхъ посполитыхъ“, несло на себѣ, какъ мы видѣли, разнообразныя повинности по отношенію къ вновь сложившемуся

¹⁾ Генеральное свѣдѣніе о маестностяхъ Миргородскаго полка, Полтава, 1912, с. 23; ср. тамже, с. 33.

государственному организму, присвоившему себѣ наименованіе „Войска Запорожскаго“. Посполитые отправляли ямскую гоньбу, поставляя подводы для почтовыхъ надобностей и доставляя необходимые припасы проѣзжавшимъ гонцамъ. У посполитыхъ расквартировывались и прокармливались приходившія въ Малороссію московскія войска. На посполитыхъ же лежало содержаніе заведенныхъ вскорѣ гетманами наемныхъ отрядовъ „сердюковъ“, „компанейцевъ“ и „жолдаковъ“, причемъ для этой цѣли посполитые облагались частью натуральными повинностями, частью денежнымъ сборомъ. Посполитые свободныхъ войсковыхъ поселеній или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ, расположенныхъ въ особо удобныхъ для этого условіяхъ, обязаны были, далѣе, заготовлять на войсковыхъ степахъ сѣно на зиму для лошадей войсковой артиллеріи. Помимо всего этого, на свободныхъ посполитыхъ ложился еще рядъ сборовъ въ пользу полковыхъ и сотенныхъ служителей—писарей, артиллерійской прислуги, музыкантовъ, полевыхъ сторожей и т. п. Наконецъ, со свободныхъ посполитыхъ собирався особый оброкъ въ пользу гетмана, носившій названіе „стаціи“ и взымавшійся частью съѣстными припасами, частью деньгами.

Всѣ эти разнообразныя повинности налагались на посполитыхъ въ интересахъ всего „войска“ и носили по существу государственный характеръ. Свободные посполитые не находились „въ подданствѣ“ и поэтому не могли быть облагаемы по произволу управлявшихъ ими властей „приватными работизнами“. Но это общее положеніе, находившее себѣ полное признаніе въ теоріи, не могло быть проведено и не проводилось дѣйствительно достаточно рѣшительно на практикѣ. Примитивность государственной организаціи „Войска Запорожскаго“ отразилась и на положеніи свободныхъ посполитыхъ, въ частности—на ихъ повинностяхъ, обративъ послѣднія въ способъ вознагражденія отдѣльныхъ членовъ войсковой администраціи за ихъ службу и тѣмъ самымъ сообщивъ этимъ повинностямъ нѣкоторыя черты, приближавшія ихъ къ отношеніямъ частно-правового характера.

Самъ „звѣрхнѣйшій властитель“ Малороссіи, гетманъ, пользовался отъ свободныхъ посполитыхъ не только оброкомъ въ видѣ „стаціи“, но и нѣкоторыми работами, обезпечивавшими хозяйственное благосостояніе гетманскаго двора. Такъ, мѣщане г. Березной въ Черниговскомъ полку въ 1730 г. показывали, что они изстари „гетманомъ въ степу сѣно кошивали и дрова до двору гетманскаго воживали“¹⁾. Та же самая повинность—косить сѣно и возить дрова для гетманскаго двора—лежала на посполитыхъ и цѣлаго ряда другихъ свободныхъ мѣстечекъ, селъ и деревень.

Подобныя же повинности отбывали порою свободные посполд-

¹⁾ Генеральное слѣдствіе о маѣностяхъ Черниговскаго полка, с. 99. См. такія же свѣдѣнія о сс. Гордицѣ, Стольномъ, Блистовой и Степановкѣ—тамже, сс. 101-2, 103.

тые и въ пользу полковниковъ и полковой старшины. При составленіи генеральнаго слѣдствія о маестностяхъ въ Стародубовскомъ полку старожилы с. Гринева рассказывали, что, когда ихъ село было свободнымъ, „полковникъ стародубовскій Миклашевскій жителей гриневскихъ на работизну до своего полковничого двора употреблялъ“. То же самое показали о себѣ и жители с. Соловы. Старожилы с. Кустичъ въ свою очередь показали, что ихъ село „по изгнаніи лаховъ належало до диспозиціи гетманской и войсковой и употребляли жителей тамошнихъ себѣ на работизни полковники стародубовскіе и старшина полковая“ ¹⁾. Мѣстечко Гелмязовъ и нѣсколько прилегающихъ къ нему селъ Переяславскаго полка—рассказывали въ 1730 г. мѣстные старожилы—„з давнихъ временъ свободніе войсковіе и в вѣдомствѣ сотника тамошняго гелмязовскаго найдовалися, з которыхъ селъ всегда до города же Гелмязова до общенароднихъ повинностей употреблявано посполитыхъ людей и временемъ и до дворовъ полковничихъ в малыхъ работизнахъ потягано з вѣдома сотническаго“. Въ томъ же полку о м. Лѣпявомъ и селахъ Келебердѣ и Решеткахъ старожилы въ 1730 г. показывали, что они „здавна свободніе войсковіе и всегда суть в вѣдомствѣ сотника тамошняго, толко временемъ было для кошения сѣна и привозу дровъ до двору полковничого тамошніе посполитіе люди употреблются, а во владеніи ничіемъ никогда не бывали“ ²⁾. Въ свободномъ мѣстечкѣ Носовкѣ Кіевского полка, по свидѣтельству генеральнаго слѣдствія о маестностяхъ, съ посполитыхъ взимался особый сборъ хлѣбомъ („осипъ“) не только на артиллерійскихъ лошадей, но и „до двору полковничого“. Въ м. Кобыжчѣ, по словамъ того же источника, часть свободныхъ посполитыхъ „прежнимъ полковникамъ кіевскимъ уреченній чиншъ давала“ ³⁾. Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, „работизны“ и оброки свободныхъ посполитыхъ въ пользу полковниковъ не составляли мѣстной особенности какого-либо одного полка, а были широко распространеннымъ явленіемъ во всей Малороссіи. И столь же общимъ явленіемъ было отбываніе свободными посполитыми подобныхъ „работизнъ“ въ сотняхъ въ пользу сотниковъ. Въ с. Синявкѣ Черниговскаго полка—рассказывали въ 1730 г. мѣстные старожилы—„которіе в томъ селѣ имѣются ремесніе люди, тѣ, якъ за прежними сотниками синявскими были в послушенствѣ, такъ и нынѣшнему сотнику такимъ же послушенствомъ подлежать“ ⁴⁾. О с. Старыхъ Млинахъ въ Полтавскомъ полку его жители тогда же

¹⁾ Генеральное слѣдствіе о маестностяхъ Стародубовскаго полка, рукопись кіевской коллегіи П. Галагана, ч. I, лл. 17-об. и 33 об.—34.

²⁾ Генеральное слѣдствіе о маестностяхъ Переяславскаго полка, сс. 24—5, 30—31.

³⁾ Генеральное слѣдствіе о маестностяхъ Кіевского полка, рукопись бібліотеки А. М. Лазаревскаго, лл. 9, 15.

⁴⁾ Генеральное слѣдствіе о маестностяхъ Черниговскаго полка, сс. 112-3.

сообщали, что, когда оно было свободнымъ, „тамошние обыватели сотникамъ великобуднскимъ прислушали в привезенію дровъ и ѣ кошенію сѣна“. Съ своей стороны сотники и сотенная старшина Полтавскаго полка въ моментъ составленія въ послѣднемъ генеральнаго слѣдствія о маестностяхъ и сами заявили, что „во всѣхъ сотенныхъ городкахъ обрѣтающіеся сотники з урядниками городовыми прежде сего посполитыхъ обывателей на вспоможене домовъ своихъ употребляли для кошенія в лѣтъ на зиму лошадямъ ихъ сѣна и ради возки дровъ“ ¹⁾.

Источники сохранили намъ и нѣсколько болѣе подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія о характерѣ и размѣрѣ повинностей, лежавшихъ на свободныхъ посполитыхъ въ первое время существованія гетманщины. „На прежде бывшихъ гетмановъ—разсказывали въ 1744 г. ратушная старшина и „знатѣйшіе мѣщане“ м. Сосницъ Черниговскаго полка, запрошенные о томъ, какія повинности несли они до гетманства Апостола,—собиралось в годъ стаціи денегъ з могущаго двора по 1 р. 50 к., среднего двора по 50 к., з нищетнаго двора по 15 к., а протчіе ремесленники всякие подчинки вмѣсто збору на гетмановъ и старшину работали“. Такія же свѣдѣнія дали о себѣ и жители мѣстечекъ Мелы и Березной, только размѣры „стаціи“ ими были указаны другіе: въ м. Менѣ—„з могущаго двора по 40 к., среднего двора по 20 к., з нищетнаго по 5 к.“; въ м. Березной—„з могущаго двора по 80 к., въ средней статьи по 40 к., с малограунтовихъ (малоземельныхъ) по 20 к., с нищетныхъ по 10 к., с подуседковъ по 5 к.“. При этомъ въ обоихъ названныхъ мѣстечкахъ, по словамъ ихъ жителей, какъ и въ Сосницѣ, остальные ремесленники „всякие подчинки подчинявали, вмѣсто зборовъ, на гетмановъ и старшину“ ²⁾.

Нѣсколько иной отвѣтъ одновременно данъ былъ на тотъ же вопросъ жителями свободныхъ войсковыхъ мѣстечекъ и селъ Прилукскаго полка. Старожилы м. Варвы, напримѣръ, разсказывали: „збѣраются бывало давними временами еще за полковника прилукскаго Щербатого, да онъ же и Горленко, на наезди с посполитыхъ денги въ годъ разовъ по два и по три, а сколько бывало какого разу збѣрается, они вѣдать не могутъ, сверхъ же того на служителей сотенныхъ, а именно на хоружаго по одной, а на писара по двѣ копейки, да на сторожей сотиѣ варвинской полевыхъ со всякаго мѣщанскаго и посполитаго двора денегъ по двѣ копейки, овса по четверику, по одному хлѣбу, по гусцѣ соли, по квартѣ

¹⁾ Генеральное слѣдствіе о маестностяхъ Полтавскаго полка, рукопись библиотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ библиотекѣ кіевского университета).

²⁾ Харьк. Историч. Архивъ, Дѣла Малороссійской коллегіи, Черниговскій отдѣлъ, № 176, „Вѣдомости полку Черниговскому о ратушнихъ людяхъ и свободныхъ маестностяхъ“, лл. 3—4, 55, 85. Вѣдомости эти были составлены въ 1744 г. по распоряженію Коллегіи Экономіи—учрежденія, вѣдавшего въ тотъ моментъ свободными и описными маестностями.

пшона, да на мистра (палача) прилуцкого со всякого мѣщанского и посполитого двора взимается бивало денегъ по конейки... Работъ же тѣ свободные посполитые прежде не дѣлали, точно во время бывшихъ полковниковъ Лазора Щербачого и Стороженка ¹⁾ на дворъ полковничий и на ратушъ бывшую для переездовъ сѣно бивало косить и тое укошенное сѣно какъ в дворъ полковничий, такъ и въ ратушъ своимъ скотомъ перевозить, да на лошадей артилеріи полковой прилуцкой сѣно бивало косить же... На ратушъ нѣкакихъ денежнихъ и хлѣбныхъ поборовъ не собѣралось, точно за гетмановъ бывшихъ Мазепи и Скоропадского поборъ билъ [кой назывался стацією] на гетманскую музику и на его кухню со всякого обивателя по пропорціи ихъ имуществъ мукою ржаною, пшеничною и гречаною, солодами сѣмямъ коноплянымъ, горохомъ, макомъ, кабанями и птаствомъ (птицей), денгами же нѣчего не обѣрано, да пред наступлениемъ каждого праздника Воскресения Христова собираются бивало з мѣстечка и сель з посполитыхъ свободныхъ гуси, утки, кури, яйца и поросята и то все во дворъ бывшихъ полковниковъ прилуцкихъ Стороженка и Щербачого отсылается бивало“ ²⁾.

Посполитые м. Переволочной съ своей стороны показали, что они въ старое время „на гетманскую кухню нечего не давали, только войсковая часть з мелницъ, при Переволочной будучихъ, на гетмана Мазепу когда ийшла, то тотъ розмѣръ в Батуринь у его дворъ, сколько когда было припадеть, возжували и на прилуцкую ратушъ денегъ в годъ выдавали по восьмъ рублей, такожь на косовицу виспалали иного году по 30, по 50 или сколько можно было человекъ и до 60 и кошували на ратушъ на пологгахъ за с. Рудовкою на ратушномъ степѣ, а полковнику Димитрию Горленку ³⁾ на степи его, прозываемомъ Стесовщинѣ, по одной недѣлѣ и ему жъ полковнику хлѣбъ жали по два и по три днѣ; да в годъ на войсковую полковую музику тремъ человекамъ зо всего мѣстечка взималось ржи 30 четвертей и овса тоlikое жъ число, гречной муки 6, пшеничной 6 и пшона 6, гороху 2 четверти 2 четверика, маку полчетверти еденъ четверичокъ, кабанувъ 3, сѣна возовъ 30, дровъ возовъ 30, капусты 300 качановъ, буряковъ 3 воза, а на сторожа полевого от вола робочого ржи или овса по 2 четверичка да по две копейки денегъ и по хлебу, а пѣшие от двоихъ до десяти копеекъ, да катовъ (палачу) с каждого по одной копейки; такожь

¹⁾ Лазаръ Горленко былъ прилуцкимъ полковникомъ въ 1661, 1664—68, 1672—77 и 1680—87 гг., Иванъ Стороженко—въ 1687—92 гг.

²⁾ Харьк. Историч. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черн. отд., № 175—вѣдомости 1744 г. о свободныхъ и ратушныхъ селахъ въ Прилуцкомъ полку, л. 152-об. Въ то время, какъ старожилы м. Варвы говорили о сборѣ „стаціи“ еще при Скоропадскомъ, посполитые другихъ сель и мѣстечекъ Прилуцкаго полка рѣшительно утверждали, что этотъ сборъ прекратился послѣ гетманства Мазепы.

³⁾ Дм. Горленко былъ прилуцкимъ полковникомъ съ 1692 по 1708 г.

в ратуши стоявали на почтѣ по 6 лошадей да пѣшихъ по 3 человека, а особливо пѣшихъ на сторожи 6 человекъ по неделѣ попеременно с другими ж ратушними селами, и того в еденъ годъ разъ или дважды доставалось... также за для наездовъ варива, яко то капусты, буряковъ, огурковъ и протчого, выдавали по части¹⁾. Посполитые с. Валковъ, по ихъ словамъ, „отбивали доходи в годъ за гетмана Мазени на его гетманскую кухню, что называлось стаціа, даючи харчевими запаси муку ржаную, гречаную, крупы, сѣмя, кабани, масло и протчое, что было от прилуцкой ратуши прикажутъ“. Сверхъ того, „давали на войсковую полковую музыку и сторожамъ полевымъ денгами в годъ с каждой хати по двѣ копейки со всего села, да хлѣба ржи от грунтовыхъ по четверти а от негрунтовыхъ по чотири четверичка или, кто рожь не имѣеть овсомъ, а паче тотъ, кто зарабатываетъ, такожь по части варива (овощей), а отвоживали тое в ратушъ, а особливо катовѣ (палачу) с каждой хати по копейцѣ, крупъ по квартѣ и по одному хлѣбу, такожь на косовицю ратушную человекъ по сорокъ и по тридцать было выходить и косять на пологаяхъ ратушнихъ за с. Рудовкою к Туровцѣ по двѣ неделѣ, которое сѣно употреблялось на ратушъ и оное тѣ жъ обивателѣ и другихъ сель, тогда ратушнихъ, туда в ратушъ воживали и на росходи ратушніе каждого года денегъ на десять рублей, собравъ со всего села, выдавали, з лѣса, купленного оною ратушею, на ратушъ дрова было возять ради огрѣванія оной, да и овесъ на ратушъ выдавали“²⁾.

Подобные же сборы и повинности, съ нѣкоторыми лишь незначительными видоизмѣненіями, существовали, по словамъ жителей, въ старое время и въ другихъ свободныхъ войсковыхъ селаяхъ и мѣстечкахъ Прилуцкаго полка. Со всѣхъ почти этихъ сель и мѣстечекъ при Мазепѣ и раньше его взималась на гетманскую кухню „стаціа“ въ видѣ сбора различныхъ припасовъ — муки, крупъ, масла, яицъ, птицы, скота и т. п. Во всѣхъ такихъ селаяхъ и мѣстечкахъ посполитые содержали почту, поставляя для этой цѣли людей и лошадей въ ратуши³⁾ и снабжая послѣднія съѣстными припасами на случай „наѣздовъ“. Помню того, съ посполитыхъ взимались особые сборы деньгами и хлѣбомъ, а въ иныхъ случаяхъ и овощами и другими припасами, на „полевыхъ“ и „баштовыхъ“ сторожей, на „ката“ или палача, на полковыхъ музыкантовъ, а иногда еще и на ратушныхъ писарей и на хоружихъ. Независимо отъ этого сбора на „полковыхъ и сотенныхъ служителей“,

¹⁾ Харьк. Историч. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черн. отд., № 175, въдомость м. Переволочной.

²⁾ Тамже, л. 56.

³⁾ „При ратуши—разсказывали о порядкѣ отбыванія этой повинности посполитые с. Подишъ—на почтѣ одна лошадь всегда бивала безъ переменъ, купленная обще ими, того села жителями, дотоль, пока падеть, и на мѣсто ей другую ставили, з человекомъ переменною“,—тамже, л. 90.

посполитые свободныхъ сель были обложены еще денежнымъ сборомъ на ратушу — по большей части, въ количествѣ нѣсколькихъ рублей съ села — и отбывали въ пользу ея нѣкоторыя повинности въ видѣ косьбы сѣна и возки дровъ. Очень часто, хотя и не всегда, къ этому присоединялись аналогичныя повинности въ пользу полковника, которому посполитые также косили сѣно, а въ иныхъ случаяхъ и жали хлѣбъ. Пороку посполитые отправляли для полковника и другія хозяйственныя работы. Такъ, посполитые с. Лѣсковъ показывали, что они были „в подводу, когда било прикажутъ, полковникамъ иногда по дрань, колодки на постройку и прочее посылани, и то в годъ иногда разовъ еденъ и два висилкою одной или двоухъ подводу достанется, а иного года и не висилали“ ¹⁾.

Въ нѣкоторыхъ селахъ и мѣстечкахъ практиковались еще и спеціальныя сборы на полковниковъ, не встрѣчавшіеся въ другихъ мѣстахъ. При с. Блотницѣ, напримѣръ, были пахатныя „ланы“, на которыхъ „пахали прежде, кто какъ било скорѣе успѣть, козаки или посполитие, а давали десятину на полковниковъ прилуцкихъ“. Подобнымъ же образомъ при м. Варвѣ было три пахатныхъ поля, носившихъ прозваніе „княжихъ лановъ“, и на нихъ „прежде сего пахали обиватели, козаки и посполитие, варвинские з десятини, якая десятина прежде взималась на полковниковъ, которую десятину обиватели било и молотять и своимъ скотомъ до ихъ, полковниковъ, отвозить“. Такіе же „княжіе ланы“ были и при м. Переволочной, но здѣсь, пока мѣстечко оставалось свободнымъ, съ нихъ „собиралась десятина на сотниковъ“ ²⁾. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ свободныя посполитые платили чиншъ полковнику. Такъ, въ с. Оробюевѣ, когда оно было свободнымъ, посполитые, помимо платы „стаціи“ гетману и разныхъ сборовъ на полковыхъ служителей, „иние на ратушъ кошували мало сѣна, а иние не кошували затимъ, что на чинши сидѣли, платячи полковникамъ прилуцкимъ Горленку да Стороженку“ ³⁾.

Память старожилловъ, дававшихъ свои показанія въ 1730 и 1744 гг., едва-ли, конечно, могла идти вглубь времени дальше послѣднихъ десятилѣтій XVII вѣка. Но тѣ сравнительно немногочисленныя и отрывочныя свидѣтельства, какія имѣются въ источникахъ болѣе ранней эпохи, не давая сами по себѣ цѣльной и полной картины, во всякомъ случаѣ указываютъ, что общій характеръ положенія свободныхъ посполитыхъ и въ первое время существо-

1) Тамже, л. 83.

2) Тамже, лл. 143, 152. Судя по названію „княжихъ лановъ“, можно думать, что въ этихъ мѣстностяхъ бывшая „панская“ земля была обращена въ войсковую собственность, доходы съ которой полковники и сотники взимали въ свою пользу въ качествѣ мѣстныхъ представителей „войска“.

3) Тамже, см. вѣдомость м. Переволочной. Для выше перечисленныхъ повинностей посполитыхъ см. также свѣдѣнія о сс. Смошѣ, Высокомъ, Краснянахъ, д. Рибцахъ, сс. Лѣскахъ и Полонкахъ и м. Ичнѣ — лл. 48, 66 — 7, 71, 78, 83, 97, 103—4.

ванія гетманщины былъ приблизительно таковъ же, какимъ онъ рисуется въ приведенныхъ выше показаніяхъ. Находясь „подъ сотней“ и „въ полковомъ вѣдомствѣ“, подчиняясь сотеннымъ и полковымъ властямъ, не говоря уже о верховной власти гетмана, эти посполитые несли на себѣ двойкаго рода обязанности. Съ одной стороны, они отбывали рядъ службъ и обязанностей, имѣвшихъ въ виду интересы всего „войска“, и платили рядъ разнообразныхъ сборовъ на содержаніе низшихъ чиновъ и органовъ мѣстной администраціи — „полевыхъ, сотенныхъ и ратушныхъ служителей“. Съ другой стороны, они же — если не въ полномъ составѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторой своей части — платили сборы и отбывали работы въ пользу тѣхъ членовъ старшины, подъ непосредственною властью которыхъ они находились, — сотника, полковника и гетмана. Вознаграждая своимъ трудомъ этихъ членовъ старшины за ту службу, какую они несли „Войску Запорожскому“, посполитые становились къ нимъ въ отношенія, которыя, хотя и не были по существу отношеніями частно-правового характера, все же сильно приближались къ нимъ. И эта близость къ частно-правовымъ отношеніямъ, создававшаяся на почвѣ примитивности государственной организаціи, тѣмъ сильнѣе должна была сказываться въ положеніи свободныхъ посполитыхъ, чѣмъ больше стоявшія надъ ними власти, первоначально всецѣло зависѣвшія отъ выбравшаго ихъ населенія, высвобождались изъ-подъ его контроля.

Во всякомъ случаѣ, пока свободныя войсковыя мѣстечки и села находились „подъ сотней“, они входили въ качествѣ равноправныхъ единицъ въ сотенный союзъ самоуправляющихся общинъ и ихъ посполитское населеніе являлось свободными гражданами, хотя бы на практикѣ его права и подвергались порой нѣкоторымъ стѣсненіямъ со стороны стоявшихъ надъ нимъ властей. Но уже въ приведенныхъ нами выше свидѣтельствахъ источниковъ о положеніи свободныхъ войсковыхъ мѣстечекъ и сель была указана одна ихъ черта, на которой мы пока не останавливались и къ которой намъ пора теперь перейти. Эти мѣстечки и села, какъ мы видѣли, находились „въ германской диспозиціи“, въ распоряженіи гетмана, но такое распоряженіе выражалось не только въ наложеніи на посполитыхъ тѣхъ или иныхъ оброковъ либо повинностей. „С тихъ же помянутыхъ войсковыхъ селъ и деревень — заявляла въ 1729 г. бакланская сотенная старшина — прежде бывшіе гетманы по своему разсмотрѣнію и респекту надавали за войсковіе услуги разнымъ владѣльцамъ в ихъ подданство“ ¹⁾. Послѣ отторженія Малороссіи отъ Польши — свидѣтельствовали въ свою очередь въ томъ же 1729 г. полковая старшина и сотники Прилудскаго полка — бывшія шляхетскія имѣнія „стали битъ войсковіе свобод-

¹⁾ Генеральное слѣдствіе о маестностяхъ Стародубовскаго полка, рукопись бібліотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ бібліотекѣ кievскаго университета), л. 781.

ниѣ, в волѣ и диспозиціи Хмельницького и протѣихъ по немъ бывшихъ гетмановъ, которые бивало знатному товариству за ихъ вѣрныя службы села и деревни такъ по дачи отъ полковниковъ своими універсалами подтверждаютъ, яко и сами, усмотрѣвши заслухи чия вѣрніи, тому своими жъ гетманскими універсалами безъ препятствія оныя опредѣляютъ“¹⁾). Иначе говоря, свободныя войсковыя мѣстечки и села явились своего рода фондомъ для раздачи имѣній въ частное владѣніе, „въ подданство“. И такая раздача, въ корнѣ измѣнявшая положеніе свободныхъ посполитыхъ, началась съ первыхъ же моментовъ существованія новаго строя.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. Мякотинъ.

Изъ-за рѣшетки.

У О К Н А.

Я въ одиночкѣ. Тюрьма затихаетъ.
Крадется, крадется ночь. Тишина.
Новый сосѣдъ лишь чуть слышно шагаетъ...
Я въ одиночкѣ. Тюрьма затихаетъ.
Долго недвижно стою у окна.

Тягостны пути унылой неволи,
Сердце больное пылаетъ огнемъ.
Хочется счастья миѣ, хочется воли.
Тягостны пути жестокой неволи,
Грежу о волѣ я ночью и днемъ.

Взоръ упирается въ сѣрыя стѣны,
Выситя чахленькій тополь вдали,
По двору бродятъ вечернія смѣны.
Взоръ упирается въ сѣрыя стѣны,
Мрачныя тѣни беззвучно легли...

„Дружно-ль ведется борьба за стѣною?
Скоро-ль побѣда придетъ надъ врагомъ?“
Кажется, шорохъ миѣ шепчетъ съ тоскою:
„Дружно-ль ведется борьба за стѣною?“
Дождь барабанить за пыльнымъ стекломъ.

Я въ одиночкѣ. Тюрьма затихаетъ.
Мрачная, темная ночь. Тишина.
Только сосѣдъ все шагаетъ, шагаетъ...
Я въ одиночкѣ. Тюрьма засыпаетъ.
Я не могу отойти отъ окна...

¹⁾ Генеральное слѣдствіе о маестностяхъ Прилуцкаго полка, с. 9.

Ц В Ъ Т Ы.

Букетъ пунцовыхъ розъ! Въ тюрьмѣ сырой цвѣты!
 О, дайте подышать ихъ нѣжнымъ ароматомъ!
 Я одичалъ, какъ звѣрь, я свылся съ казематомъ
 И гаснутъ трепетно мои мечты...
 Но въ нѣжныхъ лепесткахъ душистыхъ алыхъ розъ,
 Въ ихъ буйной яркости и знойномъ трепетаньи
 Я чую воли свѣтлое дыханье
 И вновь хочу борьбы, мятежныхъ пѣсенъ, грозъ...

М Г Н О В Е Н Ь Я.

Гнетуще мрачно порой въ острогѣ
 И жутко страшно, какъ въ затхлому склепѣ.
 Нѣмныя стѣны острога душатъ
 И давятъ, словно въ тискахъ гигантскихъ,
 И ранятъ сердце, больное сердце,
 Глухіе лязги цѣпей кандалныхъ
 То будто отзвукъ страданій тяжкихъ
 Звенить и стонетъ металлъ холодный...
 И мысль о мукахъ моихъ собратій,
 Какъ ядъ отравы, меня туманить.
 — „Униженъ, связанъ, невольникъ жалкій“...
 Мнѣ словно шепчутъ злорадно стѣны.
 — „Мой духъ свободенъ... Пора настанетъ“...
 Кричу я страстно, какъ будто споря,
 А сердце поетъ: „Я такъ устало...
 Я такъ хотѣло бѣ вздохнуть свободно“...
 Пробило полночь. Въ острогѣ тихо,
 Не слышно стонувъ цѣпей желѣзныхъ
 И только сердце, больное сердце,
 Безумно рвется изъ путь неволи...
 О, жутко страшны мгновенья эти!..

Иванъ Лишенецъ.

ИЗЪ АНГЛІИ.

Въ плавильномъ тиглѣ.

*Es ist ein grosser Augenblick der Zeit.
(Die Piccolomini)*

I.

Послѣ Лондона Парижъ всегда кажется мнѣ городомъ безъ цѣли суетящихся, безъ надобности кричащихъ и неизвѣстно почему волнующихся людей. Лондонская толпа всегда стремительно мчится, молча, сосредоточенно глядя въ землю. На всѣхъ лицахъ можно прочесть: „Ужь вы меня не останавливайте, иначе оборвется нить мыслей!“ Ницше, вычитавъ, кажется, у Флобера, что думать можно только сидя, восклицаетъ: „Я поймалъ тебя, нитилиста! Сидячее прилежаніе это—грѣхъ противъ Духа Святого. Цѣнность имѣютъ мысли, являющіяся только на ходу“. По этому критерию, лондонцамъ, всегда мчащимся, должны приходить геніальныя мысли. Англичанинъ до такой степени проникнуть сознаниемъ необходимости спѣшить, что въ Лондонѣ на улицахъ нѣтъ даже скамеекъ. Я люблю смотрѣть съ имперіала омнибуса на живой потокъ, заливающий улицы Лондона. И, когда я гляжу на толпу, мнѣ постоянно приходитъ въ голову одинъ образъ. Мнѣ кажется тогда, что по Оксфордъ-стритъ, Чипсайдъ или по Флитъ-стритъ катится чудовищная машина, оси которой утыканы косами, какъ это было въ боевыхъ римскихъ колесницахъ. Называется она — успѣхъ въ жизни, а смастерилъ ее умный, энергичный, жестокой, наглый, безсовѣстный и безстыдный духъ большихъ городовъ, умывающійся чужими слезами и густо вымазанный, какъ гигантскій идолъ кареагенскаго Ишмуна, человѣческой кровью. Запыхавшаяся толпа гонится за машиной, норовя вскочить на нее.

„Прыгайте скорѣе! Иначе погибнете подъ колесами!“ — кричитъ духъ-строитель. Но мало вскочить на ходу. Надо еще и удержаться, потому что машина вздрагиваетъ, какъ будто весь громадный корпусъ ея колыхается отъ хохота. Стальному чудовищу смѣшно безуміе людей и ихъ выпученные отъ сосредото-

Сентябрь. Отдѣлъ II

ченного усилия глаза. Успѣвшіе вскочить на корпусъ машины одной рукой держатся, а другой встаскиваютъ наверхъ сыновей, чтобы не дать имъ очутиться подъ колесами. Недавно въ *Spectator* печатались крайне интересныя письма клерковъ, населяющихъ безчисленные „виллы“ на окраинахъ Лондона и всю жизнь одержимыхъ вѣчнымъ страхомъ, не дай Богъ, потерять респектабельность и уподобиться рабочимъ. И вотъ только изъ этихъ писемъ я понялъ, какъ силенъ въ Англіи процессъ погруженія на дно изъ верхнихъ общественныхъ слоевъ. Вслѣдствіе законовъ о майоратѣ и другихъ особенностей англійской жизни внуки маркизовъ и племянники епископовъ (въ Англіи это—санъ, дающій неизмѣримо болѣе высокое общественное положеніе, чѣмъ на континентѣ), если не имѣютъ никакихъ талантовъ и ничего другого, кромѣ происхожденія, служатъ клерками, получая два фунта въ недѣлю. Вы видите, какъ легко упасть съ машины.

На машину удается вскочить очень немногимъ. Милліоны людей должны довольствоваться только тѣмъ, что бѣгутъ за ней и болѣе или менѣе успѣшно уклоняются отъ кося, которыми утыканы колеса. „Не убиты намѣстѣ. И на томъ спасибо!“—думаютъ они. И если они сравниваютъ свою жизнь съ адомъ, то все же приходятъ къ заключенію, что въ этомъ аду добились извѣстнаго положенія. По русской поговоркѣ: „И въ аду хорошо—нну пору хоть кочергой вмѣсто вилъ подсадить,—все легче“. Кстати, у англичанъ есть поговорка, что адъ ужасно похожъ на Лондонъ.

Лихорадочная стремительность, затѣмъ процессъ вскакиванія на машину и вѣчная боязнь сорваться съ нея ужасно изнуряютъ. Нервы въ концѣ концовъ отказываются служить и требуютъ отдыха. Точно такъ, какъ въ деревнѣ кукушка возглашаетъ наступленіе весны, въ Лондонѣ странные люди, появившіеся неизвѣстно откуда съ пучками душистой лавенды на продажу, возвѣщаютъ стремительно бѣгущей толпѣ, что лѣто кончается и что наступило время отдыха. Герольды эти—обломки старины. Свою лавенду они предлагаютъ параспѣвъ. Мотивъ, говорятъ, сложенъ еще въ тѣ далекія времена, когда Англія была веселой и когда пѣсни складывались въ деревняхъ, а не въ мюзикъ-холлахъ.

И, какъ только появятся на улицахъ Лондона герольды съ пучками лавенды, городъ пустѣетъ. Иныхъ изъ бѣгущихъ за машиной можно гайти въ маленькихъ рыбацкихъ деревушкахъ на берегахъ Атлантическаго океана, пролива св. Георга или Сѣвернаго моря. Тамъ врачи, адвокаты, учителя и негодянты, засучивъ панталоны, ловятъ съ дѣтми креветокъ или ищутъ во время отлива подъ камнями крабовъ. Если дѣтей у отдыхающаго нѣтъ, онъ просто лежитъ часами на горячемъ пескѣ, смотритъ на бѣлыя кружева, оставляемые набѣгающими волнами, или въ тысячный, вѣроятно, разъ перечитываетъ изъ любимаго поэта англійской интеллигенціи Омаръ Хаяма стихи вродѣ слѣдующихъ: „Ста-

райся имѣть хорошее вино и возлюбленную, прекрасную, какъ гурія... если есть гурія. Иди вмѣстѣ съ нею чистый, пѣвучій ручей, ступай къ его истоку, протянись на коврѣ изъ моха... если существуетъ коверъ изъ моха. Люби, пой, пей и не думай объ адѣ. Вотъ лучшее, что ты можешь сдѣлать. Вѣрь мнѣ: нѣтъ другого рая... если только рай вообще есть. Пой, люби и пей, пей“.

Вотъ уже давно, какъ слышится на улицахъ протяжная пѣсня продавцовъ лавенды. Скоро душистая трава отпѣветъ. Лѣто приходитъ къ концу. Въ паркахъ громадныя дубы и развѣсистыя буки застыли въ тяжелой думѣ о приближающейся осени и отъ глубокой заботы роняютъ съ каждымъ днемъ все больше и больше высохшихъ листьевъ. Но Лондонъ въ этомъ году не замираетъ. Напротивъ, въ немъ кипитъ теперь особая, странная жизнь, полная затаенной тревоги. Всюду на стѣнахъ прокламаціи, возвѣщающія всѣмъ гражданамъ „отъ восемнадцати до тридцати лѣтъ“, что „король и страна“ нуждаются въ ихъ услугахъ. У казармъ, гдѣ производятся вербовка солдатъ, молодые люди въ твидовыхъ шапочкахъ, въ соломенныхъ шляпахъ, въ котелкахъ и въ цилиндрахъ образуютъ хвостъ, какъ у кассы театра. Все это добровольцы, оставившіе мастерскія, фабрики, прилавки, конторы, университетскія аудиторіи даже церкви, чтобы записаться въ солдаты. Въ Гайдъ-паркѣ, на улицахъ, въ поѣздахъ, словомъ, всюду видны солдаты, солдаты и солдаты. Населеніе съ любопытствомъ смотритъ на необычное зрѣлище: на сухопутныхъ и флотскихъ офицеровъ въ мундирахъ. Десять дней тому назадъ газеты писали про необыкновенный урожай и сокрушались по поводу того, что не хватитъ сельскихъ работниковъ, чтобы убрать хлѣбъ. Теперь, еслибы кто вспомнилъ о недостающихъ жнецахъ, ему, вѣроятно, привели бы слова знаменитаго стихотворенія, написаннаго знаменитымъ американскимъ этимъ во время великой борьбы федералистовъ съ конфедератами:

„Who shall stay to reap the harvest when the autumn days have come?
But the drum answered come,
Death shall reap a braver harvest when the autumn days have come!“

(Кто останется, чтобы собрать жатву, когда наступитъ осень? Но барабанъ отвѣтилъ: „Пойдемъ! Смерть уберетъ болѣе обильную жатву, когда наступитъ осень“).

О тревожномъ настроеніи населенія говорятъ газеты, выходящія теперь каждыя два часа. Подъ заглавіями, состоящими изъ шести, семи строчекъ, помѣщаются сообщенія о передвиженіяхъ войскъ и о сраженіяхъ, въ сравненіи съ которыми битва народовъ на Каталаунской равнинѣ — чуть-ли не дѣтская игра. Въ самомъ дѣлѣ, у Аттилы было около пятисотъ тысячъ воиновъ, столько же ихъ было у Валентиніана Аэція и у вестготскаго царя Теодориха. Теперь же вечернія газеты говорятъ о десяти миллионѣхъ воору-

женных людей. Я вижу въ газетахъ характерныя „картоны“, т. е. рисунки, долженствующіе выразить воинственное настроеніе и рѣшительность Великобританіи. Она представляется художникомъ то однимъ изъ львовъ, набрасывающихся на одноглаваго орла, то Британіей, какъ она изображается на англійскихъ монетахъ; но только Британія не сидитъ спокойно, а мчится впередъ съ обнаженнымъ мечемъ, едва поспѣвая за разъяреннымъ львомъ. Третій художникъ изображаетъ стоящаго у дымящейся пушки Джона Булля, но только не во фракѣ и въ цилиндрѣ, а въ мундирѣ матроса. Джонъ Булль вооруженъ съ головы до ногъ. Въ одной рукѣ у него обнаженный палаши, а въ другой — національное знамя; тотъ „Union jack“, который восторженно привѣтствуется всеми друзьями свободы. Надъ „картономъ“ значится: „Защита, но не вызовъ“, подписью же служить совѣтъ, который Полоній даетъ Лаэрту: „Остерегись, чтобъ не попасться въ ссору. Попадъ — такъ чтобы врагъ остерегался“.

Большое движеніе народовъ къ новому каталаунскому полю кажется колоссальнымъ безуміемъ тѣмъ немногимъ странамъ, которыя не захвачены гигантской борьбой. Въ „Heraldo de Madrid“, напр., отъ девятаго августа я видѣлъ рисунокъ, изображающій Европу, кидующуюся въ припадкѣ безумія съ высокой скалы въ пучину. Надъ рисункомъ значится „El suicidio de Europa“ (самоубійство Европы), а подъ нимъ: „Loca!“ (Безумная).

Тысячи признаковъ свидѣлствуютъ о той великой тревогѣ, въ которой пребываетъ теперь Англія, и о томъ, что вся жизнь ея измѣнилась. Англія, прежде всего, страна звонкихъ денежныхъ знаковъ. Нигдѣ въ Европѣ золото не находилось въ такомъ обращеніи, какъ въ Англіи. Самый низкій бумажный денежный знакъ здѣсь — пять фунтовъ ст. Но золотыя деньги похожи на озера, образовавшіяся въ кратерахъ потухшихъ вулкановъ: при первыхъ признакахъ изверженія они исчезаютъ совершенно. Какъ только въ Англіи появились первые признаки стремительно надвигающейся грозы, золотыхъ денегъ не стало въ обращеніи. У публики очутились на рукахъ крупныя бумажныя денежные знаки, которыхъ не хотѣли мѣнять ни въ лавкахъ, ни на почтѣ. Пришлось закрыть банки на пять дней, чтобы спасти ихъ отъ краха: вкладчики требовали золота. Теперь появились новыя денежные знаки крайне страннаго характера: наскоро отпечатанныя на обыкновенной бумагѣ фунтовыя и десятишиллинговыя бумажки, затѣмъ почтовые переводы, т. е. ордеры стоимостью отъ 1½ до двадцати шиллинговъ.

Сразу, въ одинъ день, измѣнился весь укладъ страны, *гражданской* по преимуществу: введена цензура; для выѣзда и въѣзда въ Англію требуется паспортъ; чужеземцевъ (нѣмцы и австрійцы) помѣщены на положеніи досрочно освобожденныхъ каторжниковъ; по телефону нельзя переговариваться иначе, какъ по англій-

ски; спокойные англичане видятъ всюду шпионовъ, которыхъ ловятъ десятками. Но это еще не все. Богатая торговая и промышленная страна отрѣзана въ почтовомъ отношеніи почти отъ всего міра. Мы сидимъ безъ иностранныхъ газетъ, безъ писемъ съ континента. Свѣдѣнія о послѣднемъ приносятся къ намъ, какъ въ XV в., только путешественниками, которые проѣзжаютъ очень рѣдко; такъ какъ пробраться изъ Швейцаріи въ Англію теперь почти такъ же трудно, какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ отъ Занзибара до берега Танганайки. Еще недавно люди негодовали, когда поѣздъ опаздывалъ на четверть часа, а теперь приходится днями сидѣть на станціяхъ, какъ будто бы Женева, Ліонъ и Парижъ глухіе „станки“, заброшенные въ глубинну тундръ и тайги, какъ напр., Курулякъ и Тостакъ по пути изъ Якутска въ Средне-Колымскъ. Мы, русскіе, живущіе въ Англіи, совершенно не знаемъ, что дѣлается въ Россіи. До насъ оттуда не доходитъ рѣшительно ничего и мы совершенно изолированы, какъ будто вся Англія—казематъ въ Петропавловской крѣпости.

II.

На лужайкѣ въ нашемъ округѣ, подъ каштанами, я видѣлъ вчера вечеромъ обычное въ Лондонѣ зрѣлище: уличный проповѣдникъ, сіяя лысиной и размахивая руками, объяснялъ нѣсколькимъ нянькамъ, дожидавшимся своихъ возлюбленныхъ, и двумъ-тремъ клеркамъ, вышедшимъ, чтобы выкурить трубочку въ прохладѣ, *Откровеніе*: „И услышалъ я изъ храма громкій голосъ, говорящій семи Ангеламъ: идите, и вылейте семь чашъ гнѣва Божія на землю“,—выкликалъ старикъ. „Шестой Ангелъ вылилъ чашу свою въ великую рѣку Евфратъ и высохла въ ней вода, чтобы готовъ былъ путь царямъ отъ восхода солнечнаго“. Старикъ читалъ про бѣсовъ, вышедшихъ къ царямъ земли и вселенной, чтобы собрать ихъ на брань въ великій день. И шестой ангелъ повелъ всѣ эти воинства на мѣсто, называемое Армагеддонъ. Потрясая старческими руками, плохо сгибавшимися въ кулаки, такъ какъ пальцы опухли отъ подагры, проповѣдникъ доказывалъ, что именно теперь наступилъ великій день, предсказанный св. Іоанномъ: народы стараго міра собрались на Армагеддонъ.

Въ Англіи этотъ великій день предсказывался уже много лѣтъ тому назадъ. Въ послѣднія девять лѣтъ здѣсь постоянно указывали на стремительный ростъ германскаго флота. Вотъ, на примѣръ, табличка, показывающая параллельное увеличеніе германскаго и британскаго флотовъ.

Въ 1906 году, въ отношеніи броненосцевъ, Англія была сильнѣе Германіи на 121%, а въ 1913 году — на 47%; въ отношеніи бронированныхъ крейсеровъ Англія была сильнѣе въ 1906 году на

366%, а въ 1913 году — на 220%; въ отношеніи небольшихъ крейсеровъ у Англіи въ 1906 году было преимущество надъ Германіей на 75%, а въ 1913 году — никакого. Что касается истребителей миноносковъ, то въ 1906 году Англія имѣла преимущество на 132%, въ 1913 году — только на 13% ¹⁾. Въ англійской литературѣ, въ парламентѣ и съ платформы указывалось не только на стремительный ростъ германскаго флота, но выявлялась также та цѣль, съ которой это дѣлается. Англичанамъ приходилось только цитировать нѣмецкихъ авторовъ. Послѣдніе указывали, что населеніе Германіи стремительно возрастаетъ. Ежегодно сотни тысячъ нѣмцевъ, которымъ становится тѣсно на родинѣ, эмигрируютъ; но такъ какъ у Германіи нѣтъ колоній, которыя могли бы привлечь европейскіхъ переселенцевъ, то потокъ эмигрантовъ направляется въ Соединенные Штаты, въ Бразилію и въ Южную Африку. Такимъ образомъ Германія, не имѣющая подходящихъ колоній, терпитъ ежегодно самыхъ энергичныхъ и предпримчивыхъ гражданъ. Но это еще не все. Германская промышленность стремительно развивается и, такъ какъ внутренний рынокъ переполненъ, то нѣмецкіе фабриканты вынуждены искать вѣнскихъ рынковъ. Послѣдніе большею частью защищены высокими покровительственными тарифами. Англійскій рынокъ, конечно, открытъ для германскихъ товаровъ по причинѣ свободы торговли; но такъ какъ это почти единственный рынокъ, то нѣмецкіе заводчики принуждены часто продавать на немъ свои продукты по своей цѣнѣ или даже себѣ въ убытокъ во избѣжаніе перепроизводства. Тѣ колоніи, которыя достались Германіи послѣ раздѣла Африки, нигде не годятся, какъ рынки. Странѣ съ высоко развитой промышленностью необходимы колоніи съ культурнымъ, зажиточнымъ, трудолюбивымъ населеніемъ. Зачѣмъ фабрикантамъ Тоголендъ, Камерунъ, Дамаралендъ (юго-зап. Африка) или земли, лежащія между Викторіа Ниапа и Индійскимъ океаномъ, населенныя первобытными племенами? Можно ли вывозить электрическіе двигатели на берега рѣки Вольту, гдѣ населеніе не пошло еще дальше лука и стрѣлы? Можно ли отправлять эльберфельдскія сукна герерамъ, не признающимъ еще необходимости панталонъ? Всѣ подходящія колоніи на земномъ шарѣ уже разобраны. Германія явилась слишкомъ поздно. Она нацѣлилась было на богатѣйшій рынокъ Дальняго Востока; на рынокъ, многомилліонное населеніе котораго, казалось, ждало только смѣлаго захватчика. Германія захватила въ Китаѣ кусокъ; но на Дальнемъ Востокѣ она неожиданно встрѣтила могучаго противника, тоже ищущаго колоній. Послѣ русско-японской войны Германія должна была измѣнить свои виды на Китай.

Рядомъ съ Германіей лежитъ маленькое, слабое, нейтральное государство, сохранившее отъ прежняго величія богатѣйшія коло-

¹⁾ Percival A. Hisslam, „The North Sea Problem“, стр. 10.

ніи. Суматра, Ява, Целебесъ, южная часть Борнео и Молуккскіе острова представляютъ громадную цѣнность сами по себѣ; но два острова имѣютъ еще другое значеніе вслѣдствіе положенія своего у входа въ Великій океанъ. Торговый путь изъ Европы въ океанъ, на берегахъ котораго лежатъ величайшіе и богатѣйшіе въ мірѣ рынки, ведетъ черезъ узкій проливъ, отдѣляющій Суматру отъ Малаккскаго полуострова. Другой путь черезъ Торресовъ проливъ опасенъ и, кромѣ того, всецѣло находится въ рукахъ англичанъ. Третій путь, кругомъ Австраліи, мимо Новой Зеландіи и острововъ Фиджи, очень долгъ и тоже находится въ рукахъ англичанъ. Такимъ образомъ государство, обладающее Суматрой, контролируетъ входъ въ Великій океанъ. Зондскій проливъ запираетъ этотъ океанъ съ востока, какъ Гибралтаръ запираетъ Средиземное море. Большому, честолюбивому, военному государству Голландія, владѣющая входомъ въ Великій океанъ, представлялась поэтому желаннымъ призомъ. Въ Германіи давно уже появилась школа, доказывающая въ печати, въ рейхстагѣ и въ университетѣ, что первоклассное, сильное государство не можетъ допустить, чтобы устье его единственной большой, судоходной рѣки находилось въ рукахъ слабаго, маленькаго, нейтральнаго государства. Школа эта требовала, чтобы Голландія была включена въ германскій союзъ. И въ самой Голландіи было много лицъ, указывавшихъ, что такое включеніе необходимо. Они рекомендовали добровольное присоединеніе, указывая, что Голландіи выгоднѣе быть на положеніи Баваріи, чѣмъ Ганновера. Итакъ, присоединеніе Голландіи съ ея колоніями къ Германской имперіи само по себѣ не представляло бы никакихъ трудностей, еслибы это не являлось угрозой для интересовъ Англіи. Для нея нѣтъ опасности, если входъ въ Великій океанъ принадлежитъ нейтральному, слабому государству; но всемъ инымъ представляется дѣло, еслибы Суматра досталась Германіи, которая превратила бы, скажемъ, Дуріанскій проливъ въ новые Дарданеллы. Кромѣ того, Германія, утвердившись на Суматрѣ, явилась бы одновременно угрозой для Индіи и для Австраліи. Включеніе Голландіи въ германскій союзъ означало бы еще превращеніе Флешинга въ первоклассную крѣпость, угрожающую берегамъ Англіи. И въ силу всего этого партія, стоявшая въ Германіи за захватъ Голландіи, поняла, что Англія пожертвуетъ послѣднимъ кораблемъ раньше, чѣмъ допустить это. Германія поэтому начала стремительно готовиться къ войнѣ съ Англіей, какъ только встрѣтила на Дальнемъ Востокѣ такого опаснаго соперника, какъ Японія. Въ нѣсколько лѣтъ Германія создала громадный военный флотъ; въ десять лѣтъ она выстроила колоссальныя коммерческіе корабли въ 35, 45 и 50 тысячъ тоннъ, которые въ случаѣ надобности могутъ быть превращены въ транспорты. Такъ какъ увеличеніе германскаго флота вело къ росту англійскаго флота, то въ

Германіи, порою, повидимому, являлось сомнѣніе: можетъ ли она быстро подготовиться къ тому, чтобы сразу нанести Великобританіи рѣшительный ударъ на морѣ? Въ такіе моменты сомнѣнія военная партія въ Германіи, повидимому, приходила къ заключенію, что безопаснѣе начать съ Франціи, которая въ тридцать лѣтъ создала прекрасную колониальную имперію на сѣверномъ берегу Африки. Военная партія, какъ выяснилось недавно, очевидно, рассчитывала, что Англія ничего не будетъ имѣть противъ разгрома Франціи, если только Германія дастъ гарантію не присоединять новыхъ провинцій въ Европѣ.

Съ 1906 года въ Англіи шла непрерывная полемика между пацифистами, отрицавшими завоевательныя стремленія Германіи, и партіей, доказывавшей, что эта страна усиленно и систематически готовится къ войнѣ съ Великобританіей. Пацифисты утверждали, что, въ концѣ концовъ, никакая опасность не можетъ угрожать Англіи, охраняемой ея плавучими крѣпостями. „Можетъ ли Германія найти столько транспортовъ, чтобы усадить на нихъ армію въ двѣсти тысячъ человѣкъ?—спрашивали пацифисты.—Возможно ли усадить такую армію на транспорты такъ, чтобы никто не замѣтилъ? Могутъ ли транспорты съ войскомъ выйти незамѣтно въ Сѣверное море? Можетъ ли эта армія незамѣтно высадиться въ Англію?“ На всѣ эти вопросы пацифисты отвѣчали отрицательно. И изъ этого дѣлали выводъ, что Англіи лучше не вмѣшиваться въ континентальныя дѣла, даже если тамъ честолюбіе Германіи приведетъ къ войнѣ. Противники пацифистовъ отвѣчали утвердительно на всѣ вопросы, приведенные выше. Громадные пассажирскіе корабли, какъ *Фатерландъ*, *Императоръ*, *Кайзеръ Вильгельмъ* и др., представляютъ собою транспорты, могущіе перевезти многочисленную армію, — говорили тѣ, которые предупреждали Англію. — Что касается того, можно ли усадить незамѣтно войска на транспорты, то отвѣтомъ на это является Эмденъ. Рѣка Эмсъ, какъ извѣстно, при впаденіи въ Сѣверное море образуетъ широкій лиманъ, загражденный цѣлымъ рядомъ песчаныхъ Фрисландскихъ острововъ. На берегу лимана лежитъ рабочій городокъ Эмденъ, скрытый островами. Въ послѣднія десять лѣтъ Германія превратила этотъ городокъ въ громадный лагерь, соединенный сѣтью желѣзныхъ дорогъ съ главными военными центрами. Въ двадцать четыре часа сюда можно доставить стотысячную армію. Новый каналъ соединяетъ Эмденъ съ Вильгельмсгафеномъ, давая возможность передвинуть незамѣтно не особенно большія военныя суда изъ устьевъ Эмсы къ Бременгафену. Никто, кромѣ нѣмцевъ, не знаетъ „тайны песчаныхъ острововъ“, — говорили противники пацифистовъ. Германія можетъ привести въ Эмденъ транспорты и усадить на нихъ двѣсти тысячъ человѣкъ, прежде чѣмъ кто-нибудь узнаетъ, что дѣлается за барьеромъ Фрисландскихъ острововъ. И это въ мирное время. При помощи канала Германія мо-

жетъ произвести ложный маневръ судовъ, чтобы отвлечь вниманіе Британскаго флота, если онъ будетъ блокировать устье Эмса. И вотъ въ туманную ночь флотилія громаднхъ нѣмецкихъ транспортовъ незамѣтно выходитъ въ Сѣверное море. Такъ какъ плаваніе недалекое, то солдаты набиты, какъ сельди въ бочкѣ. Армія высаживается, конечно, не въ Дувръ и не въ Квинборо, т. е. не у крѣпостей. Безчисленные германскіе шпіоны заранѣе изслѣдовали весь англійскій берегъ отъ устьевъ Темзы до Гулліа. Всюду они сдѣлали промѣры и отмѣтили всѣ мелкія мѣста, пригодныя для того, чтобы высадиться. Транспорты останавливаются на рейдѣ у какой-нибудь глухой рыбацкой деревни между Ярмутъ и Гримсби. Безчисленные шаланды подвозятъ войска къ болѣе мелкому мѣсту, гдѣ солдаты высакиваются въ море и бродомъ добираются до берега. Шпіоны, извѣщенные заранѣе, перерѣзываютъ всѣ телеграфныя и телефонныя проволоки и, кромѣ того, захватываютъ всѣ сигнальныя станціи на берегу. Разъ германская армія успѣетъ высадиться, Лондонъ будетъ взятъ въ двадцать четыре часа, такъ какъ дороги въ Англіи совершенно открыты и защищать ихъ невозможно. Вся Англія кишитъ нѣмецкими шпіонами (къ несчастью, это оказалось вѣрнымъ), которые составили полную карту. На ней отмѣчены не только всѣ тропинки и мосты, но также мѣста, гдѣ вторгшаяся армія можетъ найти запасы всякаго рода, напр., магазины всякаго рода консервовъ, фуражъ и т. д.

Война съ Германіей и вторженіе нѣмцевъ предсказывалось пѣлымъ рядомъ публицистовъ разнаго направленія, какъ Гайндмэнъ, Блэтчфордъ, Фредерикъ Гаррисонъ, Уэльсъ и др. Фантазія многихъ талантливыхъ и бездарныхъ романистовъ старалась изобразить картину этого вторженія. Спокойные изслѣдователи, какъ, напр., капитанъ перваго ранга Невиль, рисовали картины, превосходившія своею яркостью даже плодъ фантазіи Уэльса. Онъ изобразилъ германскіе летучіе корабли, прибывающіе въ Лондонъ и взрывающіе, чтобы нагнать панику, англійскій банкъ, парламентъ и вуличскій арсеналъ. Невиль нарисовалъ также картину, пригодную для поэмы „Разрушеніе міра“. Верстахъ въ двадцати ниже Лондона на берегу Темзы находятся гигантскіе металлическіе пріемники, заключающіе безконечное количество нефти. Фактически почти вся нефть, привозимая въ Англію изъ Россіи, Америки и Румыніи, содержится въ этихъ пріемникахъ. Отъ Лондона до пріемниковъ берега Темзы сплошь застроены гигантскими складами, въ которыхъ хранятся товары на сотни милліоновъ ф. ст., привезенные изъ разныхъ портовъ. Тутъ же верфи, доки съ безчисленными кораблями, громадныя водочныя заводы. Значительная часть богатствъ Англіи находится на берегахъ Темзы отъ Лондона до металлическихъ пріемниковъ. Невиль предвидитъ возможность прибытія германскихъ аэроплановъ на берегъ великой англійской рѣки. При помощи нѣсколькихъ бомбъ металлическіе пріемники

взрываются и въ Темзу во время прилива устремляется Ниагара нефти. Теперь представьте, говоритъ капитанъ Невиль, что этотъ потокъ поджигается. Тогда Темза превратится въ адскую огненную рѣку. Пламя будетъ подвигаться вмѣстѣ съ приливомъ къ Лондону, уничтожая корабли, верфи, склады, заводы...

III.

Пацифисты, возражая своимъ противникамъ, указывали прежде всего на то, что обсужденіе серьезныхъ международныхъ вопросовъ должно производиться „безъ примѣси беллетристики и поэзіи“. Дальше они утверждали, что причинъ для войны между Германіей и Англіей не существуетъ, такъ какъ никто и ничто не препятствуетъ первой мирно завоевывать нейтральные рынки. Пацифисты указывали на то, что многія страны, бывшія прежде промышленными вассалами Англіи, становятся теперь германскими рынками. Сама Англія и ея колоніи являются обширнымъ рынкомъ для германскихъ фабрикатовъ. Въ 1912 году, напр., Германія ввезла въ Англію товаровъ на 74,2 мил. ф. ст., а въ британскія колоніи на 24,3 мил. ф. ст. Для достиженія этого не надобны были ни пушки, ни дредноты, ни субмарины, ни летучіе корабли. Такимъ образомъ аргументъ, что промышленный ростъ Германіи неукоснительно ведетъ ее къ войнѣ за рынки, не выдерживаетъ критики. Указывалось также на то, что теперь всѣ культурныя страны, а въ томъ числѣ и Германія, связаны вмѣстѣ крайне чувствительной сѣтью международного кредита. Малѣйшіе признаки войны въ самомъ отдаленномъ уголкѣ земного шара производятъ потрясенія всюду въ странахъ, связанныхъ чувствительной сѣтью. Вотъ почему всѣ германскіе фабриканты, заводчики, банкиры и негоціанты должны всѣми силами стоять за миръ, такъ какъ даже слабые предвѣстники европейской войны вызовутъ страшную катастрофу на денежномъ рынкѣ. Все громадное зданіе кредита рухнетъ прежде, чѣмъ раздастся первый выстрѣлъ германской пушки. Пацифисты указывали дальше на то, что всѣ германскіе соціалъ-демократы противъ войны и не разъ заявляли объ этомъ. Полемизируя съ пацифистами, Блэтчфордъ и Фредерикъ Гаррисонъ указывали имъ, что они слишкомъ переоцѣниваютъ значеніе экономическихъ факторовъ и не обращаютъ вниманія на крайне важные факторы другого порядка. Пацифисты, напр., не учитываютъ громаднаго вліянія прусской военной касты, съ одной стороны, а, съ другой — пропаганды крайняго шовинизма. Пацифистамъ указывали, напр., на такіе извѣстные труды, какъ „Deutschland und der nächste Krieg“ генерала фонъ-Бернгарди, или какъ „Основы девятнадцатаго вѣка“ Хаустонъ Стюарта Чэмберлена ¹⁾.

¹⁾ Подъ рукою у меня только англійскій переводъ этой книги, которая разошлась въ Германіи въ количествѣ 90 тысячъ экземпляровъ. Вильгельмъ II считаетъ эту книгу настольной и приобрѣлъ три тысячи экземпляровъ ея.

„Мирное соглашеніе съ Англіей является лишь блуждающимъ огонькомъ, за которымъ ни одинъ серьезный германскій государственный дѣятель ни на минуту не послѣдуетъ,—пишетъ генералъ фонъ-Бернгарди.—Передъ нами всегда должна быть возможность войны съ Англіей и въ зависимости отъ этой возможности намъ надлежитъ строить планы будущаго... Мы должны отложить въ сторону все другія соображенія и съ крайнимъ напряженіемъ энергіи готовиться къ неизбежной войнѣ, которая должна рѣшить все будущее нашей политики и цивилизаціи... Твердо слѣдуетъ помнить, что намъ ни въ коемъ случаѣ не миновать войны за наше положеніе въ мірѣ. Важно не отлагать войну насколько возможно, а начать ее при наиболѣе выгодныхъ и благоприятныхъ для насъ условіяхъ“. Хаустонъ Стюартъ Чэмберленъ въ своей книгѣ даетъ философію воинственнаго германскаго шовинизма. Передъ нами попытка своеобразной исторіи тевтонской цивилизаціи, которую авторъ открываетъ у древнихъ арійскихъ народовъ и доводитъ до поворотнаго пункта въ исторіи человѣчества: до рожденія Христа. Затѣмъ потокъ тевтонской цивилизаціи прослѣженъ авторомъ черезъ всю смутную эпоху разложенія Римской имперіи. Вмѣстѣ съ готами, т. е. съ тевтонами, въ Европу, по утверженію Чэмберлена, врывается новая жизнь. Чэмберленъ освѣщаетъ вліяніе христіанства такъ же, какъ и Ницше. И любопытно все, что, не смотря на это, „Основы девятнадцатаго вѣка“ стали настольной книгой крайнихъ консерваторовъ, выступающихъ защитниками установленнаго культа. По мнѣнію Чэмберлена, воинственная и мужественная тевтонская цивилизація подверглась значительной опасности отъ вторженія въ нее семитической теологіи и „рабской морали“ прощенія. Въ концѣ концовъ однако практическій и воинственный мистицизмъ тевтонскаго племени одержалъ верхъ надъ семитической теологіей и вышелъ побѣдителемъ въ XIX вѣкѣ. Результатомъ явилось побѣдное шествіе германскаго племени. По мнѣнію философа германскаго шовинизма, тевтонская раса отличается отъ всѣхъ другихъ расъ многими характерными признаками. И наиболѣе важнымъ изъ нихъ является то, что эта раса, въ отличіе отъ прочихъ, имѣетъ исторію, представляющую собою нѣчто иное, чѣмъ хронологическія таблицы и списки династій. Чэмберленъ признаетъ только такую исторію, которая связана съ нашимъ временемъ и съ нашей жизнью. „Исторія въ высшемъ смыслѣ этого слова означаетъ такое прошлое, которое дѣятельно живетъ еще въ сознаніи человѣка и помогаетъ ему формировать себя,—говоритъ Чэмберленъ.—Въ до-христіанскія времена поэтому исторія пріобрѣтаетъ научный и общечеловѣческій интересъ только тогда, когда она касается народовъ, содѣйствовавшихъ моральному возрожденію, извѣстному подъ названіемъ христіанства. Вотъ почему изъ народовъ древности научное значеніе имѣетъ только на-

селеніе Эллады, Рима и Іудей. Только съ ними связанъ сознаніемъ девятнадцатый вѣкъ“ ¹⁾. Эти народы представляютъ значеніе для насъ, потому что сознали необходимость личнаго героизма, стремились къ творческой дѣятельности и были способны на держаніе. Но тевтонская раса выше всѣхъ другихъ расъ, являвшихся когда-либо раньше, потому что она одна соединила науку съ искусствомъ и цивилизацію съ культурой. Мало того, она присоединила ко всему этому еще концепцію, что человѣкъ несетъ въ себѣ дѣйствительное царство Божіе. Германская вѣтвь тевтонскаго племени наиболѣе воинственна и лучше всего выражаетъ идеалы этой расы. Основными характерными чертами германскаго племени, по мнѣнію Чэмберлена, являются активность, свободолюбіе и лойяльность. Ключемъ къ пониманію натуры германца является именно его особенное пониманіе лойяльности. Мнѣ припоминается ядовитое стихотвореніе Гейне о нѣмецкой лойяльности.

Ich bin ein Esel, und will detren,
Wie meine Väter, die Alten,
Und der alten, lieben Eselei,
Am Eseltume halten,—

съ гордостью заявляетъ осель-избиратель. Чэмберленъ видитъ нѣмцевъ подъ другимъ угломъ зрѣнія. Лойяльность, по мнѣнію философа германскаго шовинизма, это—признакъ, отличающій чистыя расы отъ ублюдочныхъ. Но есть разные виды лойяльности. И благородный песъ можетъ быть лойяленъ; но это не то качество, которое отличаетъ нѣмцевъ отъ всѣхъ остальныхъ народовъ. Природа этой лойяльности понимается только тогда, когда мы постигаемъ, что свобода представляетъ собою интеллектуальный базисъ души нѣмца,—говоритъ Чэмберленъ. „Характерной чертой этой лойяльности является свобода самоопредѣленія. Лойяльность и свобода не протекають одна изъ другой, но представляютъ собою два проявленія того же характера... Негръ и собака служатъ своему хозяину, кто бы онъ ни былъ. Это—лойяльность слабыхъ или, какъ говоритъ Аристотель, людей, рожденных быть рабами. Тевтонъ выбираетъ самъ своего повелителя. Лойяльность германца поэтому есть лойяльность самому себѣ. Такова мораль человѣка, рожденнаго, чтобы быть свободнымъ“ ²⁾. Свобода въ выборѣ быть лойяльнымъ и стремленіе къ лойяльности объясняютъ какъ величіе мощныхъ движеній тевтонской расы, подобныхъ напр., реформаціи, такъ и глубокое отвращеніе, питаемое германской вѣтвью ко всему деспотическому, все равно, будутъ ли выразителями послѣдняго король, папа или капиталистъ. „Мы, тевтоны, не всегда живемъ согласно нашей расовой особенноти,—говоритъ Чэмберленъ—у насъ бывають моменты слабости (историческіе момен-

¹⁾ H. S. Chamberlain, „The Foundations of the Nineteenth Century“, vol. I, стр. 12.

²⁾ ib., стр. 116.

ты, могущіе продолжаться вѣка), когда мы поддаемся вліянію извнѣ; но неизгладимой характерной чертой нашей расы является вѣра въ свободу выбора. И въ великіе моменты эта вѣра преобразовываетъ міръ. На ней основана наша цивилизація, т. е. та, которой живутъ Европа и Америка“. Тевтонскій духъ, по словамъ Чэмберлена, создалъ XIX вѣкъ и нашелъ свое выраженіе въ „торжествѣ метода“, и въ этомъ послѣднемъ, больше, чѣмъ въ политическихъ учрежденіяхъ, мы видимъ побѣду демократическаго принципа... Германская армія является логическимъ результатомъ примѣненія „метода“. Триумфъ Гогенцоллерновъ объясняется, по мнѣнію Чэмберлена, тѣмъ, что они являются наиболѣе совершенными выразителями духа германскаго народа. Воинственный Вильгельмъ II это—символъ величія тевтоновъ, которымъ предопредѣлено властвовать надъ міромъ...

Странно читать, конечно, про „демократизмъ“, Вильгельма II, ненавидящаго социаль-демократовъ больше, чѣмъ какихъ-либо другихъ враговъ своихъ.

Противники пацифистовъ, указывая на германскихъ философовъ шовинизма, обращали вниманіе на то, что въ этой атмосферѣ воспиталось цѣлое поколѣніе; оно привыкло къ мысли, что Германіи предопредѣлено властвовать въ Европѣ, что славянская и латинская раса „низшія“, долженствующія подчиниться тевтонской, что только пѣмцы чистые тевтоны, а потому должны взять верхъ надъ „смѣшанной расой“, какой являются англичане.

И все же, не смотря на стремительное вооруженіе Германіи, не смотря на то, что возможность войны непрерывно обсуждалась восемь лѣтъ въ литературѣ и парламентѣ,—для подавляющаго большинства населенія Англіи этотъ вопросъ представлялъ чисто академическій, совершенно абстрактный, ужасно отдаленный интересъ. Милліоны англичанъ относились къ этимъ обсужденіямъ точно такъ же, какъ къ соображеніямъ, какая судьба ждетъ въ концѣ концовъ земной шаръ черезъ нѣсколько милліоновъ лѣтъ. Здравомыслящему дѣловому англичанину казалось совершенно невѣроятнымъ вооруженное столкновеніе наиболѣе культурныхъ европейскихъ народовъ.

III.

Когда въ концѣ іюля (по новому стилю) надвинулся со стремительною быстротою ужасный кризисъ, значительная часть населенія Англіи была противъ войны. Радикалы вообще не питаютъ особой симпатіи къ Сербіи и не допускали поэтому даже и мысли, чтобы изъ-за этого маленькаго государства, почти неизвѣстнаго въ Англіи, было поставлено на карту само существованіе Британской имперіи. Англія—говорили радикалы—должна остаться нейтральной, такъ какъ необходимо спасти европейскую цивилизацію. „Если всѣ народы примутъ участіе въ борьбѣ, въ которой погиб-

нетъ больше людей, чѣмъ во время Столѣтней войны, то это можетъ означать гибель европейской цивилизаціи,—писала радикальная газета. — Властителями Европы могутъ тогда очутиться, въ концѣ концовъ, народы Китая, Японіи и Индіи. На карту поставлена западно-европейская цивилизація. Великобританія лучше всего защитить интересы Франціи, если сохранить нейтралитетъ“¹⁾).

„Мы видимъ въ Англіи организованный заговоръ, имѣющійцѣлью втянуть насъ въ войну, если переговоры о мирѣ не дадутъ положительныхъ результатовъ,—писалъ Manchester Guardian, выражающій интересы всего промышленнаго міра, обрабатывающаго волокнистыя вещества.—Заговорщики дѣйствуютъ черезъ посредство нѣкоторыхъ газетъ“. Manchester Guardian доказывалъ дальше, что такая война, ведущая къ полному нарушенію европейскаго равновѣсія, можетъ кончиться лишь къ невыгодѣ Великобританіи.

Остальная печать, напротивъ, настоятельно доказывала, что Англія должна принять активное участіе въ войнѣ. Times, на примѣръ, въ номерѣ отъ перваго августа выяснялъ причины надвигающейся войны и почему Англія не можетъ стоять въ сторонѣ. Австрія и Германія — говорила газета — увѣряютъ, будто война возникла изъ-за того, что Россія не допустила наказанія Сербію, замѣшанную въ убійствѣ въ Сараевѣ. Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ не такъ. Австрія объявила войну Сербіи, мѣшающей ей пододвинуться къ Эгейскому морю, чтобы такимъ образомъ установить полный германскій контроль на Балканскомъ полуостровѣ, Дарданельскомъ проливѣ, въ Малой Азіи и надъ путями, ведущими въ Египетъ и въ Индію. Хотя въ послѣднее время Германія и Австрія напрягли каждый нервъ, чтобы добиться нейтралитета Англіи,—продолжалъ Times—но въ сущности теперь ударъ направленъ противъ Великобританіи. Когда германскій императоръ посѣщеніемъ Танжера въ 1905 г. бросилъ вызовъ Франціи и втянулъ ее потомъ въ международную конференцію въ Алжирѣ, Британія стояла рядомъ съ великой республикой. Вслѣдствіе этого всѣ планы Германіи были разстроены. Въ 1911 г. Германія, съ тою же цѣлью провоцированія Франціи, послала Пантеру въ Агадиръ. Великобританія опять поддержала республику и спасла такимъ образомъ ее и себя. Теперь Германія снова наноситъ лютый ударъ. Умышленно выбрано осложненіе на Балканскомъ полуостровѣ, не касающееся непосредственно Англіи. И вотъ теперь поднять крикъ: „Неужели Великобританія объявитъ войну изъ-за Сербіи?!“ „Дѣло идетъ теперь не о Сербіи и не о Россіи,—продолжалъ Times — а о томъ, чтобы временно изолировать Англію и диктовать ей потомъ условія. Дѣло идетъ объ уничтоженіи британскаго контроля надъ Средиземнымъ моремъ, т. е. надъ путями въ

¹⁾ „Daily Chronicle“, August 1, 1914.

Египетъ и къ Индію. Дѣло идетъ, наконецъ, о Бельгіи, Голландіи и Люксембургѣ, неприкосновенность которыхъ гарантирована Англіей“. Times дальше доказывалъ, что, если Англія сохранитъ теперь нейтралитетъ, Германія, разгромивъ Францію, присоединитъ сѣверный берегъ ея до Дюнкерхена, а, можетъ быть, даже и до Гавра. Германія захватитъ тогда Данію, Бельгію и Голландію со всеми колоніями и утвердится на близкомъ разстояніи отъ Австраліи и Индіи. Тогда наступитъ очередь Англіи, съ которой Германія справится, какъ справилась въ 1870 г. съ Франціей, сохранившей нейтралитетъ въ 1866 г. во время прусско-австрійской войны. Кто поможетъ Англіи впоследствии во время неминуемой войны съ Германіей, если теперь Соединенное Королевство будетъ стоять въ сторонѣ? Нейтралитетъ будетъ сочтенъ во Франціи за измѣну и на континентѣ поэтому пораженіе Англіи, когда придетъ ея очередь, вызоветъ только злорадство.

Тѣмъ не менѣе еще перваго августа (по новому стилю) партія мира была страшно сильна въ Англіи. Большинству населенія казалось совершенно невозможнымъ, чтобы Англія начала войну изъ-за Сербіи. „Безъ сомнѣнія, мы наблюдаемъ здѣсь теперь легкое раздраженіе противъ Германіи, обусловленное нашими симпатіями къ Франціи,—читаемъ мы перваго августа въ журналѣ, издаваемомъ супругами Веббъ.—Раздраженіе это очень поверхностное и всѣ усилія печати должны быть направлены къ тому, чтобы это чувство не превратилось въ военную лихорадку. Британское правительство совершитъ ужасную ошибку, если оно пойдетъ за Франціей и Россіей... Британскій народъ не желаетъ вмѣшиваться въ споры на континентѣ и не имѣетъ никакого интереса слѣдовать за тою или другою страной“ ¹⁾. Черезъ два дня Англія узнала, что Германія вторглась въ нейтральную Бельгію. Въ парламентѣ министръ иностранныхъ дѣлъ рассказало тѣхъ усилій, которыя онъ употребилъ, чтобы сохранить европейскій миръ. И тогда всему населенію Великобританіи сразу стало ясно, что увѣренія Германіи, будто она желаетъ мира, притворны, что она тщательно подготовилась къ войнѣ и искала только предлога. Убѣжденные пацифисты поняли, что они ошиблись, когда учитывали только экономическіе факторы и не обращали вниманія на вліяніе военной касты въ Германіи. Въ одинъ часъ исчезло различіе между партіями въ Англіи. Либералы, радикалы, націоналисты и рабочіе соединились вмѣстѣ для защиты общей родины. Въ Ирландіи сразу исчезъ ольстерскій вопросъ, который, вѣдь сомнѣнія, былъ учтенъ и переоцненъ въ Германіи. Тамъ рассчитывали, что Англія не сможетъ принять участіе въ войнѣ, такъ какъ будетъ слишкомъ занята революціей въ Ольстерѣ. И, чтобы ускорить эту гражданскую войну, оранжистамъ были доставлены изъ Гамбурга маузеровскія винтовки. Но, какъ

¹⁾ „The New Statesman“, № 69, стр. 513.

только стала известна опасность, угрожающая Великобританиі, оранжисты и націоналисты соединились. Второго августа Редмондъ заявилъ въ парламентѣ, что теперь британское правительство можетъ вывести изъ Ирландіи всѣхъ солдатъ до послѣдняго, такъ какъ націоналисты, вмѣстѣ со своими сѣверными братьями, т. е. съ оранжистами, будутъ вмѣстѣ защищать берега общей родины отъ непріятеля. И рѣчь Редмонда показала самымъ ожесточеннымъ противникамъ гомруля, что правительство поступило правильно, даруя ирландцамъ самоуправленіе. Раньше ирландцы считали бы, что война, которую ведетъ Англія, ихъ не касается. Крайніе націоналисты въ 1899 г. радовались даже пораженіямъ Англіи въ Южной Африкѣ. Такимъ образомъ дарованіе ирландцамъ самоуправления является актомъ не только справедливости, но и государственной выгоды... Самоуправляющіяся колоніи, представляющія собою независимыя республики, узнавъ про то, что Англія объявила войну Германіи, послали по собственной инициативѣ на помощь къ метрополіи; онѣ послали ей деньги и солдатъ. Всѣ партіи соединились, чтобы поддержать правительство въ борьбѣ съ германскимъ милитаризмомъ. Мотивы, заставившіе Англію начать войну, сформулированы величайшимъ современнымъ англійскимъ законникомъ сэромъ Фредерикомъ Поллокомъ. „Великобританія защищаетъ отъ безстыднаго посягательства международное право и неприкосновенность трактатовъ... Прусская военная партія, приобрьта, къ несчастью, контроль надъ германской политикой, создала общеевропейскую войну. Теперь ясно, — продолжаетъ сэръ Фредерикъ — что ссора Австріи съ Сербіей явилась для берлинской военной партіи только предлогомъ. Вообразивъ, что ссора сѣвера Ирландіи съ югомъ займетъ все вниманіе Англіи, германскіе милитаристы поспѣшили объявить войну. Они всячески тормозили мирные переговоры, создавали разные препятствія и въ то же время усиленно готовились къ войнѣ. Когда Георгъ V предложилъ германскому императору свое посредничество, чтобы сохранить миръ, то оказалось, что война Россіи уже объявлена. И немедленно послѣдовало вторженіе передовыхъ германскихъ отрядовъ во Францію, хотя дипломатическія сношенія съ нею еще не были порваны. Германія, какъ и другія великія державы, была связана торжественнымъ обещаніемъ охранять нейтралитетъ Бельгіи; но прусская военная партія думаетъ, что трактатъ не связываетъ воюющую страну, когда это ей выгодно. Германскій канцлеръ цинично заявилъ, что необходимость не признаетъ законовъ. Еслибы былъ признанъ такой взглядъ, никакая нація не могла бы больше довѣрять самымъ торжественнымъ обещаніямъ другого народа. Британское правительство говорило отъ имени всего народа, когда сказало Германіи, что не допуститъ нарушенія нейтралитета Бельгіи. Франція обещала, что будетъ считаться съ неприкосновенностью Бельгіи. Что же отвѣтилъ Берлинъ? Онъ сказалъ, что

Германія желаетъ только, чтобы Бельгія пропустила ея войска. За это Германія обѣщала не присоединять Бельгіи, но умолчала о колоніяхъ. До тѣхъ поръ, покуда существуетъ на землѣ какое-нибудь понятіе о правѣ, отвѣтъ на безстыдное заявленіе Германіи могъ быть только одинъ и Англія дала его, пачавъ войну⁽¹⁾.

Англія, какъ Россія и Франція, пошла „за шестымъ ангеломъ на поле, именуемое Армагеддонъ“. Сдѣлала она это крайне серьезно, съ полнымъ сознаніемъ всей важности предпринятаго шага. Въ 1899 г. во время бурской войны было бахвальство, были патриотическіе куплеты, сложенные въ мюзикъ-холлахъ, были военные сатурналіи или „мэффекинги“, которые я описывалъ тогда въ „Русскомъ Богатствѣ“. Ничего подобнаго нѣтъ теперь. Населеніе спокойно и вдумчиво. Всѣ партіи глубоко убѣждены, что война была неизбежна въ интересахъ самозащиты. Правительство раскрыло въ парламентѣ всѣ карты и напечатало всѣ дипломатическіе документы, относящіеся къ переговорамъ между Англіей и Германіей. И въ результатъ даже социалистическій журналъ *New Statesman* пишетъ: „Англія начинаетъ войну съ совершенно чистыми руками“. У населенія Великобританіи нѣтъ теперь ненависти къ нѣмцамъ, а есть только страстное желаніе покончить разъ навсегда съ германскимъ милитаризмомъ, создавшимъ въ Европѣ совершенно невыносимое положеніе...

Я вижу здѣсь всюду готовность пожертвовать всѣмъ, чтобы добиться полного пораженія германскаго милитаризма; но населеніе сознаетъ весь ужасъ борьбы. Шовинистическихъ рѣчей не слышно совершенно и, страшное дѣло, куплеты, навѣянные джиггонизмомъ, слагаются теперь не актерами въ мюзикъ-холлахъ, какъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, а служителями церкви.

Вотъ, напримѣръ, нѣсколько строкъ изъ воинственнаго стихотворенія, написаннаго архіепископомъ Армаскимъ (*Armagh*, въ Ольстерѣ):

And, as I note how nobby natures form
Under the war's red rain, I deem it true
That He who made the earth quake and the storm
Perhaps made battles too.

(И когда я вижу, какіе благородные характеры вырастаютъ подъ кровавымъ дождемъ войны, я начинаю думать, что Тотъ, кто создалъ землетрясеніе и бурю, сотворилъ, быть можетъ, также и битвы). Какъ видите, архіепископъ переложилъ въ стихи знаменитый тезисъ, развитый когда-то Жозефомъ де-Местромъ въ его „Петербургскихъ вечерахъ“.

¹⁾ Sir F. Pollock, „Why England is fighting?“ A statement on the European war.

IV.

Началась, такимъ образомъ, великая борьба. Еще Вольтеръ доказывалъ, что война—ужасная болѣзнь, поражающая одну націю за другой; эпидемія, которую природа излечиваетъ въ послѣдствіи. Можно было бы прибавить еще, что война обнаруживаетъ сразу, какъ тонокъ въ сущности слой культуры, лежащій на многихъ. Это обстоятельство засвидѣтельствовано, между прочимъ, всѣми англійскими корреспондентами, которыхъ объявленіе войны захватило въ Берлинѣ. „Про то, что война съ Англіей объявлена, толпа въ Берлинѣ узнала четвертаго августа изъ вечернихъ газетъ, вышедшихъ въ половинѣ девятаго, — пишетъ корреспондентъ *Daily Chronicle*.—Извѣстіе подѣйствовало сперва, какъ ударъ электрической батареи, такъ какъ въ послѣдніе дни всѣ молились о томъ, чтобы Англія сохранила нейтралитетъ. Затѣмъ, когда первое впечатлѣніе прошло, объявленіе войны превратило нѣмцевъ въ разъяренныхъ дикарей. Громадная толпа устремилась немедленно къ британскому посольству на Вильгельмштрассе. Уже четыре дня прошло со времени разрыва между Германіей, Франціей и Россіей. Въ эти дни нѣмцы проявили много грубости и жестокости въ отношеніи къ мирнымъ русскимъ и французамъ, не успѣвшимъ выѣхать изъ Германіи; по все это можно назвать почти мягкостью въ сравненіи съ демонстраціями противъ англичанъ. Собравшись передъ британскимъ посольствомъ, толпа стала кричать: „Коварная Англія!“ „Смерть измѣнникамъ!“ Затѣмъ въ окна полетѣли камни, палки, зонтики, ключи, ножи, словомъ, все, что можно было бросить. Демонстрація продолжалась до часу пополудни. Полицейскіе дѣлали только очень слабыя попытки остановить толпу... Германія, безъ сомнѣнія, поражена военнымъ бѣшенствомъ... Вся страна расцвѣтаетъ теперь „*Die Wacht am Rhein*“ и „*Deutschland, Deutschland über alles*“... На вагонахъ, отправляемыхъ къ границѣ и набитыхъ поющими резервистами, солдаты написали мѣломъ: „Прямой поѣздъ въ Москву и Петербургъ“, „Увеселительный поѣздъ въ Парижъ“, „Мы скоро будемъ ѣсть настоящіе англійскіе бифштексы въ Лондонѣ“ и т. д. На поляхъ колосится необранный хлѣбъ. Газеты пишутъ, что это плечо: „скоро русскіе и французскіе плѣнные уберутъ жатву“. Послѣ разгрома посольства берлинская толпа бросилась искать и ловить англичанъ. „Воющая толпа собралась у гостиницы *Адлонъ*, что на *Unter den Linden*, — пишетъ корреспондентъ *Daily News* Невинсонъ. — На меня и на другого корреспондента указали сыщики. Полиція арестовала насъ въ отелѣ; когда насъ вели, толпа била насъ палками и кулаками. Полиція проявила къ намъ такую грубость и такую свирѣдость, какъ будто бы мы были страшные преступники, закованные въ кандалы за преступленія. Обыскивая насъ, чтобы

убѣдиться, нѣтъ ли оружія, она кричала, что насъ слѣдуетъ разстрѣлять. Насъ погнали ударами кулаковъ въ полицію, не смотря на то, что мы предъявили паспорта и другіе документы, подписанные высокопоставленными лицами. Въ городѣ между тѣмъ толпа громила лавки, принадлежащія англичанамъ“. Корреспондентъ *Daily Mail* тоже описываетъ, какъ его били разъяренные нѣмцы, какъ полиція раздѣла его до нага подъ предлогомъ обыска и какъ толпа разгромила его квартиру въ Шарлоттенбургѣ. Корреспондентъ говоритъ, что въ день четвертаго августа въ Берлинѣ вполнѣ выяснился грубый характеръ толпы, воспитанной прусскимъ милитаризмомъ.

Такія же сцены и даже еще болѣе грубыя описывали мнѣ тѣ русскіе, которые бѣжали изъ Берлина въ Лондонъ. Тутъ было жестокое избиеніе мирныхъ путешественниковъ, безстыдное опущиваніе подъ предлогомъ обыска женщинъ, безконечныя издѣвательства, ограбленія и угрозы разстрѣлять. Объявленіе войны въ одинъ день смыло съ пруссаковъ (я не слышалъ жалобъ отъ турпестовъ, прибывшихъ изъ другихъ государствъ Германіи) тонкій слой культуры. Явился тотъ грубый, жестокий и наглый прусскій солдатъ, котораго описываетъ Гюи де-Мопассанъ въ „*Boule de Suif*“ или въ „*M-lle Fifi*“.

Надо признаться, что во Франціи отплатили мирнымъ нѣмцамъ если не такую же крупною монетою, то приблизительно равноцѣнною. „Сегодня рано утромъ пять тысячъ нѣмцевъ и австрійцевъ отправлены въ далекіе города на юго-западѣ Франціи, какъ Герэ Шатору, Лебланъ, Лиможъ и Либурнь,—сообщаетъ спеціальный корреспондентъ *Daily Mail*.—Я видѣлъ ихъ, какъ они понуро брели въ два часа утра по плохо освѣщеннымъ улицамъ Парижа. Отцы и матери несли на плечахъ узлы, а рядомъ бѣжали маленькія дѣти. Они не сознавали положенія и смѣялись, тогда какъ родители плакали. На маленькой товарной станціи Иври нѣмцевъ и австрійцевъ ждали длинныя поѣзда, составленные изъ скотскихъ вагоновъ. Каждый поѣздъ состоялъ изъ тридцати вагоновъ, а въ каждый вагонъ загоняли тридцать человѣкъ. Можно себѣ представить, какова была атмосфера въ этихъ запертыхъ вагонахъ, когда поѣздъ тронулся. Публика составляла смѣсь всѣхъ классовъ и состояній. Вотъ старикъ-сапожникъ, со слезами на глазахъ рассказывавшій мнѣ, что прожилъ въ Парижѣ двадцать лѣтъ. Война сразу раззорила его. Многие другіе тоже говорили мнѣ, что они уже давно французы по симпатіямъ... Тутъ были лавочники, гувернантки, работницы и даже одинъ австрійскій банкиръ... Здоровыхъ людей, не имѣющихъ средствъ, пошлютъ убирать поля и виноградники“.

Лучше всего, повидимому, участь невоюющихъ непріятелей въ Англіи. Не смотря на то, что Германія оказалась классической страной шпионовъ и наслала цѣлую тучу ихъ въ Англію, не смотря

на то, что шпионов ловили и ловят здѣсь постоянно, съ нѣмцами обращаются здѣсь неизмѣримо лучше, чѣмъ нѣмцы съ англичанами, застигнутыми въ Германіи. Нѣмцевъ заставляютъ регистрироваться въ полиціи и они не могутъ безъ разрѣшенія выѣзжать изъ города, но имъ не препятствуютъ заниматься мирными дѣлами. Они издають даже „Local Anzeiger“, въ которомъ я видѣлъ перепечатку изъ *Кельнской Газеты*, крайне характерную для психологіи германскаго милитаризма и для свободы печати въ Англіи даже въ военное время. Героизмъ бельгійскаго населенія, отчаянно защищающаго свой очагъ отъ захватчика, который самъ признается, что нарушилъ законы,—представляется нѣмцамъ тяжкимъ преступленіемъ, достойнымъ казни. Въ перепечаткѣ изъ *Кельнской Газеты* говорится о „гнусныхъ“ (abscheulich) дѣяніяхъ бельгійскаго населенія. Статья озаглавлена „Бельгійскіе ужасы“. Авторъ видитъ „ужасы“ не въ томъ, что Германія вызвала общеевропейскую войну, не въ грубомъ нарушеніи трактата о нейтралитетѣ и не въ сожженіи нѣмцами бельгійскихъ деревень, а въ другомъ. Германскія войска, по словамъ статьи, перепечатанной въ Лондонскомъ „Local Anzeiger“ изъ *Кельнской Газеты*, сильно страдаютъ отъ бельгійскаго населенія. „Только дикари могутъ поступать такъ, какъ поступаютъ мужчины, женщины и дѣти въ Бельгій“. „Изъ каждаго дома, изъ каждой канавы и изъ каждаго куста стрѣляютъ въ германскихъ солдатъ, — ужасается *Кельнская Газета*.—Въ первые же дни кампаніи мы потеряли такимъ образомъ много людей. Женщины принимаютъ участіе въ борьбѣ наравнѣ съ мужчинами“. Авторъ повѣствуетъ про молодую женщину, застрѣлившую изъ револьвера военнаго автомобилиста. „Разумѣется, ее тутъ же казнили, но ни истребленіе домовъ, ни казни не устрашаютъ этихъ людей... Населеніе стрѣляло въ германскихъ солдатъ, пытавшихся расчистить тоннель. Женщины глумились надъ солдатами и бросали въ нихъ камнями. Такъ понимаютъ бельгійцы, называющіе себя цивилизованнымъ народомъ, войну! — негодуешь *Кельнская Газета*.—Наша кровь кипитъ отъ негодованія. И бельгійцы еще удивляются, если мы сурово поступаемъ съ обывателями, заподозрѣнными въ враждебномъ отношеніи къ намъ. Сердце каждаго нѣмца усplenно бьется, когда онъ читаетъ про подвиги нашихъ солдатъ; но какимъ горемъ преноспляется оно отъ сознанія, что наши герои могутъ погибнуть отъ дубины грубаго бельгійскаго мужика или отъ кухоннаго ножа бельгійской бабы фанатички! Кто же можетъ порицать насъ за уничтоженіе деревень, въ которыхъ наши солдаты подверглись нападенію? Мы желаемъ воевать, какъ цивилизованный народъ, т. е. съ солдатами, а не съ обывателями“.

Эта психологія показываетъ, какъ ужасны будутъ четвертый и пятый акты трагедіи, изъ которой мы знаемъ покуда только первую строфу пролога. *Двадцать миллионовъ* солдатъ идутъ на

бой на востокъ и на западъ Европы. И въ сравненіи съ этими цифрами всѣ войны Ксеркса, Ганнибала, Цезаря, Чингисъ-хана, Атиллы, Саладина и Наполеона, собранные вмѣстѣ, кажутся только горстью. Содержаніе колоссальной арміи обходится Европѣ въ 120 милліоновъ рублей *въ день*. „Послѣ потопа не было болѣе поразительнаго событія, чѣмъ то, которое переживаетъ теперь земля!“ — восклицаетъ знаменитый американскій журналистъ. Старый міръ ведетъ большую игру, въ которой ставкой является, быть можетъ, вся европейская цивилизація. Европа брошена теперь въ плавильный тигель, куда, какъ олово къ мѣди, прибавлены въ изобиліи человеческая кровь и золото. И мы, поставленные зрителями этой ужасной трагедіи, съ замираніемъ сердца спрашиваемъ себя: что выйдетъ изъ плавильнаго тигля? Конечно, могутъ оправдаться скептическія слова великаго французскаго поэта:

*L'avenir, fantôme aux mains vides,
Il promet tout et n'a rien“.*

Мы не хотимъ даже и думать о такой страшной катастрофѣ для европейской культуры, какъ побѣда германскаго милитаризма, потому что тогда старый міръ былъ бы отброшенъ ко времени тридцатилѣтней войны. Демократія въ Европѣ была бы раздавлена подъ тяжкимъ ботфортомъ прусскаго офицера. Къ счастью, такой исходъ войны мало вѣроятенъ. Во время войны важнымъ факторомъ является настроеніе арміи и населенія, а это настроеніе обусловливается сознаніемъ, что война была неизбежна, что она идетъ во имя освобожденія отъ ига. Европейская демократія должна избавиться отъ ярма германскаго милитаризма, вотъ почему подлѣмъ будетъ наблюдаться только въ рядахъ союзниковъ. Для успѣшности войны надо только заинтересовать всѣхъ гражданъ; всѣ они должны имѣть гарантію, что ихъ родина выйдетъ изъ страшной борьбы обновленной, — болѣе счастливой и болѣе свободной. На крови и желѣзѣ нельзя строить имперію, что доказала Германія. Мощь государства обусловливается тѣмъ, что всѣ его граждане одинаково свободны и потому одинаково заинтересованы въ охраненіи его культуры, его цивилизаціи, его величія. При первыхъ раскатахъ грома свободная Австрія сформировала двадцатитысячную армію и послала ее на помощь Англіи; точно такимъ же образомъ поступили колоніи со смѣшаннымъ населеніемъ, какъ Канада и Южная Африка, тогда какъ Австрія въ то же время должна военной силой удерживать собственныя провинціи отъ возстанія.

Діонео.

Хроника внутренней жизни.

1. Перечень событий и предположенія о смыслѣ ихъ.—2. Воззванія Верховнаго Главнокомандующаго. Усложненіе оборонительной задачи.—3. Военная цензура и военное положеніе.—4. Крушеніе легенды о врагахъ внутреннихъ. Подъемъ добрыхъ чувствъ. Нужды матеріальныя и нужды интеллектуальныя.—5. Однодневная законодательная сессія. Организация для обслуживания матеріальныхъ нуждъ.

Припомнимъ вкратцѣ хронологическую послѣдовательность событий.

Ураганъ начался 10 іюля австро-венгерскимъ предъявленіемъ къ Сербіи требованія, которое русскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ основательно признано неисполнимымъ въ полной мѣрѣ по существу и неопозволительнымъ по формѣ. 11 іюля русское правительство официально заявило, что оно озабочено посылкой такого ультиматума и не можетъ оставаться равнодушнымъ. Впослѣдствіи министръ иностранныхъ дѣлъ Сазоновъ въ своихъ объясненіяхъ Государственной Думѣ назвалъ выступленіе Австріи 10-го іюля „поводомъ къ войнѣ“, а дипломатическое-вмѣшательство русскаго правительства въ австро-сербскій конфликтъ мотивировалъ такъ:

Было ясно,—говорилъ г. Сазоновъ—что для насъ не вступиться въ дѣло значило бы не только отказаться отъ вѣковой роли Россіи, какъ защитницы балканскихъ народовъ, но и признать, что воля Австріи и стоящей за ея спиною Германіи для Европы есть законъ.

Широкія оцѣнки позицій сложились потомъ. Первое же впечатлѣніе было такое, что русское правительство защищаетъ въ лицѣ сербовъ свою традиціонную политику и свои морально-политическія традиціи на Балканахъ. И къ шагу русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ значительная часть общественнаго мнѣнія западной Европы отнеслась довольно сдержанно. Въ либеральной англійской прессѣ высказывались скептическія мнѣнія о роли Россіи, какъ освободительницы и защитницы балканскихъ славянъ.

Кто желаетъ освободить народы,—писала, напр., „Daily News“—тотъ можетъ это сдѣлать въ предѣлахъ собственнаго государства. Предположеніе что можно тратить и людей, и деньги на поддержаніе гегемоніи Россіи на Балканахъ, является вопіющимъ для демократической страны. Дайте намъ продолжать нашу дѣятельность въ пользу мира, но мы напоминаемъ, что лучшимъ средствомъ для этого мы считаемъ—не давать ни одного британскаго солдата для русской гегемоніи на Балканахъ.

Узкой оцѣнкѣ событій отчасти содѣйствовали кружки славянофиловъ. Они сразу зашевелились и зашумѣли, упростили задачу, заговорили о защитѣ славянъ и только славянъ, о сліяніи славянъ.

скихъ ручьевъ въ русскомъ морѣ, о необходимомъ и желательномъ, по ихъ мнѣнію, столкновеніи между панславизмомъ и пангерманизмомъ. Къ такого рода задачамъ довольно сдержанно отнеслась и значительная часть русскаго общественнаго мнѣнія. Россія и западная Европа желали мира. Наше министерство иностранныхъ дѣлъ напирало усилии, чтобы разрѣшить конфликтъ дипломатическимъ путемъ. Противникъ противопоставлялъ дипломатическому искусству совершившіеся факты. 12 іюля по инициативѣ Вѣны произошелъ разрывъ дипломатическихъ сношеній между Австріей и Сербіей. 13 іюля начались пограничныя перестрѣлки и захватъ судовъ по Дунаю. 15 іюля Австрія объявлена „на положеніи воюющей державы съ Сербіей“. 16 іюля начата бомбардировка покинутого сербскимъ правительствомъ Бѣлграда. Сверхъ того, еще 12 іюля вся Австро-Венгрія была объявлена на военномъ положеніи; конституція въ ней отмѣнена и правительство приступило сначала къ частичной, а потомъ и къ общей мобилизаціи.

Фактамъ противопоставляются факты. 16-го іюля въ Россіи послѣдовалъ приказъ о частичной мобилизаціи (въ нѣкоторыхъ военныхъ округахъ), а 17-го іюля — о мобилизаціи общей. Казалось, конфликтъ долженъ произойти между Россіей и Австро-Венгріей. Возникать даже вопросъ, нельзя ли его локализовать. Но 18-го іюля было предъявлено германскимъ правительствомъ къ правительству руссійскому ультимативное требованіе—втеченіе 12 часовъ издать приказъ о демобилизаціи. Въ Россіи не безъ основанія признали этотъ ультиматумъ и по существу, и по формѣ не соответствующимъ принятому характеру сношеній между правительствами великихъ державъ. Ультиматумъ оставленъ безъ отвѣта. И 19-го іюля германское правительство объявило Россіи войну. Балканскія дѣла и положенія отошли на второй планъ. Предстояло отражать нападеніе. Официальными актами 20 іюля объявлялось и подтверждалось, что цѣль Россіи не нападеніе, а оборона.

Позиція другихъ державъ были пока неясны. Австрійское посольство продолжало, какъ ни въ чемъ не бывало, оставаться въ Петербургѣ. Съ другой стороны, изъ опубликованныхъ дипломатическихъ документовъ видно, что въ Берлинѣ вели сложную игру, чтобы принудить Францію къ невмѣшательству. Во Франціи 19-го іюля была объявлена мобилизація. Вслѣдъ затѣмъ президентъ республики и совѣтъ министровъ обратились съ воззваніемъ къ націи. Воззваніе нѣсколько отстало отъ событій и въ немъ, между прочимъ, говорилось:

Мобилизація—еще не война. При настоящихъ обстоятельствахъ она является, напротивъ, лучшимъ средствомъ, чтобы съ честью сохранить миръ. Сильное своимъ горячимъ желаніемъ достигнуть мирнаго разрѣшенія кризиса, правительство подъ защитой необходимыхъ предосторожностей будетъ продолжать дипломатическія усилія и еще надѣется на успѣхъ.

Лондонъ держался выжидательно. Позиціи Румыніи, Болгаріи, только что заключившей въ Германіи заемъ, Турціи, армія кото-

рой находится подъ нѣмецкой командой, заставляли ожидать невыгодныхъ осложненій... Но Берлинъ форсируетъ событія. Начиная съ 19-го іюля, французскую границу переходятъ во многихъ мѣстахъ германскіе развѣдочные отряды. 20-го іюля германская армія занимаетъ Люксембургъ и почти одновременно вторгается въ Бельгію... Никакой войны между Германіей и Франціей еще нѣтъ. Нѣтъ даже разрыва дипломатическихъ отношеній. Но республика, казалось, захвачена врасплохъ и при малѣйшей попыткѣ исполнить обязательства по отношенію къ союзной Россіи подвергнется нашествію черезъ почти незащищенную часть границы по ближайшей дорогѣ къ Парижу. Въ нѣмецкой прессѣ приводились слова Вильгельма, угрожающія „хирургически, но безъ ножа“ изолировать Россію, оставить ее безъ союзной помощи. Вторженіе въ Люксембургъ и Бельгію до формальнаго вызова можетъ быть истолковано, какъ попытки страхомъ немедленнаго разгрома „доказать“ Франціи преимущества нейтралитета. Но, если и былъ такой планъ, — онъ совершенно не удался. Сверхъ чаянія, Бельгія оказала вооруженное и упорное сопротивленіе. 21-го іюля она формально объявила Германіи о вооруженной защитѣ своего обусловленнаго международными договорами нейтралитета. Одновременно, 21-го іюля, правительство Великобританіи настоятельно потребовало отъ Германіи — очистить нейтральныя государства и впредь гарантировать ихъ неприкосновенность. 22-го іюля Вильгельмъ II объявилъ войну Франціи. А 23-го іюля онъ получилъ объявленіе войны отъ Великобританіи. Только послѣ этого Францъ-Иосифъ прекращаетъ двусмысленное пребываніе австро-венгерскихъ представителей въ Петербургѣ. 24-го іюля онъ объявилъ войну Россіи. Затѣмъ идутъ послѣдовательно: 26-го іюля объявленіе войны Австріи Черногоріей, 29-го іюля — Франціей Австріи, 31-го іюля — Англіей Австріи, 10-го августа — Японіей Германіи. За этимъ естественно слѣдуетъ разрывъ дипломатическихъ отношеній между Японіей и Австріей. Сверхъ того, дѣлаются усилія, чтобы разбросать костеръ еще шире, — поджечь Турцію, втравить разныя другія государства, оставшіяся въ первое время нейтральными. Помимо Европы и Азіи, начинаются и развертываются стычки въ Африкѣ, въ Океаніи.

Такого катаклизма со временъ наполеоновскихъ войнъ человечество не видало. Да и наполеоновскій катаклизмъ далеко превзойденъ по количеству поднятыхъ силъ и по району ихъ дѣйствія. Есть однако существенное различіе между тѣмъ, что есть и что было свыше 100 лѣтъ назадъ. Тогда, какъ и теперь, первыми начали Вѣна и Берлинъ. Но сложнымъ соображеніямъ и побужденіямъ они первыми напали на Францію въ моментъ ея внутренняго потрясенія и переустройства. Но главнымъ образомъ они подняли оружіе въ защиту традиціоннаго порядка вещей противъ „принциповъ 1789 года“. Это была все-таки идейная цѣль. Во имя ея послѣ перваго неудачнаго выступленія Вѣны и

Берлина складывались коалиции. Борьба затянулась почти на четверть вѣка. Втеченіе этого срока она осложнилась. Столкнувшіяся стороны постепенно во многомъ пришли къ собственной противоположности. И все-таки то было столкновение принциповъ, а не только вооруженныхъ силъ. Теперь иное. Побужденія зачинщиковъ настолько страны, что возникъ вопросъ о вѣрности, о психическомъ разстройствѣ обоихъ нѣмецкихъ императоровъ...

Говоря вообще, въ политическомъ строѣ современной намъ Европы такъ много пережитковъ и противорѣчій, важнѣйшія цѣнности культуры такъ слабо гарантированы, что теоретически мыслима ужасная возможность: поджечь Европу дѣйствительно могъ душевно-больной человекъ. И все-таки предположенія о невѣрности лишь характеризуютъ, до какой степени поступки зачинщиковъ кажутся странными.

Вѣроятно, ближе къ дѣйствительности тѣ соображенія, которыя высказалъ министръ иностранныхъ дѣлъ Сазоновъ въ засѣданіи Думы 26 іюля: зачинщики находились передъ разными внутренними затрудненіями и, чтобы парализовать эти внутреннія неурядицы, предпринята виѣшняя авантюра. Быть можетъ, дѣйствительность еще проще: не отъ какихъ-то внутреннихъ, не совсѣмъ ясно указанныхъ г. Сазоновымъ, затрудненій спасались зачинщики, а просто хотѣли пожитья. Во всякомъ случаѣ побужденія таковы, что, видимо, ихъ не легко изложить официально. Понадобилось сфабриковать официальную и завѣдомую неправду. Вильгельмъ II и Францъ-Иосифъ всячески старались увѣрять своихъ подданныхъ, что на Германію *напали*, на Австрію *напали*. Говорятъ, въ первое время подданные повѣрили. А еслибъ и не повѣрили,—обдумывать и разсуждать было поздно. Въ одномъ изъ воззваній Вильгельма II, опубликованномъ въ Берлинѣ 26 іюля (3 августа) говорится, между прочимъ:

Быть или не быть — вотъ вопросъ, который всталъ передъ Германской имперіей, созданной трудами нашихъ отцовъ, — быть или не быть германскому могуществу, Германской имперіи.

Вильгельмъ началъ, Вильгельмъ напалъ, по обстоятельства сложились такъ, что имперія, какъ существующая 43 года форма германской государственности, находится передъ смертельной опасностью. И тѣ, кому эта форма нужна или мила, вынуждены ее защищать. То же произошло и съ Австріей: начала нападеніемъ и быстро пришла къ опасности не тѣхъ или иныхъ частныхъ потерь, а общей государственной катастрофы. Передъ такой же опасностью—жизнь или смерть—оказались и нѣкоторые государства, вынужденны отражать нападеніе. Другимъ конечный исходъ событій грозитъ лишь частичнымъ, хотя, быть можетъ, и тяжкимъ умаленіемъ. И вотъ столкнулись огромныя силы для рѣшенія вопросовъ международной статистики и динамики,—какому государству

житі, какому, быть можетъ, умереть, кому вырасти, кому уми-
литься, какъ распредѣлить наново сферы вліянія и центры тя-
жести. Подъ столкновениемъ силъ легко замѣтить столкновение
государственныхъ, національных и разныхъ другихъ огромныхъ
интересовъ. Но не видно того, что было 120-125 лѣтъ назадъ,—не
видно столкновения разноцѣнныхъ социальныхъ идей. Тогда старый
міропорядокъ ополчался противъ новаго. Теперь рѣчь идетъ какъ
будто лишь о перераспределеніи международныхъ значеній и
положеній.

Быть можетъ, это—обманъ зрѣнія. Быть можетъ, столкновение
силъ не такъ механично, какъ кажется. Быть можетъ, въ основѣ
его лежатъ распри идеологическаго порядка, но основа лежитъ
глубоко, пока не вскрыта и не вскрылась, а потому и не видна.
Говорятъ, въ самомъ распределеніи столкнувшихся силъ можно
чувствовать, что споръ идетъ не только о перемѣщеніи междуна-
родныхъ центровъ тяжести. И характерно, — это говорятъ люди
противоположныхъ лагерей. Въ первые моменты столкновения
часть нашей черносотенной прессы выразила скорбь, что вражда
легла между правительствами русскимъ и германскимъ, наиболее
стойко охраняющими консервативныя начала. „Земщина“, напр.,
полагала, что отсюда можетъ получиться лишь торжество „масо-
новъ“, дальнейшее распространеніе эгалитарныхъ и либеральныхъ
идей. Даже во время войны „Русское Знамя“ считаетъ необходи-
мымъ бранить Англію и Францію, такъ какъ отъ нихъ идетъ зара-
за парламентаризма и равноправія и выражать сочувствіе Виль-
гельму II, ибо онъ, по мнѣнію „Русскаго Знамени“ служитъ при-
мѣромъ „благодѣтельнаго значенія самодержавнаго начала правле-
нія“. Сочувствіе понятное. Если не для всѣхъ, то для многихъ изъ
нашихъ крайнихъ правыхъ за послѣднія 10 лѣтъ Потсдамъ былъ
Меккою, моральной поддержкою, авторитетомъ, предметомъ вос-
хищенія и образцомъ для подражанія. Крайніе правые имѣли свой
лозунгъ для внѣшней политики: въ разрывѣ съ Парижемъ и сбли-
женіи съ Потсдамомъ видѣли условіе, необходимое для спасенія
какихъ-то устоевъ. И сторонникамъ этого взгляда остается лишь
придти къ весьма безотрадному для нихъ выводу. Но любопытно,—
къ такому же по существу выводу—хотя и съ другой точки зрѣ-
нія — склонилась и часть прогрессивной прессы. По ея мнѣнію,
прусскую государственность мало назвать отсталюю. Официальная
Пруссія по волѣ судебъ вынуждена сдѣлать большія уступки prin-
ципамъ 1789 года. Но она глубоко враждебна имъ. Это врагъ не
только непримиримый. Онъ распоряжается мощью всего герман-
скаго союза, онъ фактически руководитъ вооруженными силами
народовъ Австро-Венгерской имперіи. Онъ — наиболее сильный
врагъ, главнѣйшая цитадель европейской, а, можетъ быть, и міро-
вой реакціи. И не случайно противъ этого врага оказались такіа
передовыя, такіа въ данный моментъ дружественныя принципамъ

1789 г. державы, какъ Франція и Великобританія. Залогъ надежды на лучшее будущее часть прогрессивной печати усмотрѣла въ томъ, что противъ гнетущаго прусскаго владычества рука объ руку съ наиболѣе передовыми странами Европы выступила и Россія.

Съ этой точки зрѣнія, происходящее нынѣ можно истолковать, какъ осложненное окончаніе или продолженіе старой распри, приведшей 100 лѣтъ назадъ къ образованію „священнаго союза“, мышцею котораго была Россія, а мозгомъ Меттернихъ. Это толкованіе можно подкрѣпить и кое-какими фактами. Германское и австро-венгерское правительства военными обстоятельствами пользуются для уклона въ сторону автократизма и т. д. Въ Бельгіи, Франціи и Великобританіи мы видимъ другое: наступленіе военныхъ обстоятельствъ ознаменовывается амнистіей, власть дѣйтельно ищетъ возможно болѣе тѣснаго сближенія съ обществомъ, къ активному участію въ дѣлахъ управленія привлекаются—въ Бельгіи и Франціи—соціалисты. Это характерное и, конечно, не случайное различіе какъ бы подчеркиваетъ, какая изъ столкнувшихся сторонъ склонна къ идеаламъ Меттерниха и какая наиболѣе близка къ принципамъ 89 года. Не трудно, далѣе, угадать, на какой изъ этихъ сторонъ мысли и чувства русскаго народа, пережившаго за послѣднія 10 лѣтъ извѣстныя бури. И, стало быть, единеніе между народами Россіи, Франціи, Великобританіи и Бельгіи можно признать внутренне логичнымъ и можно раздѣлить надежды, что побѣда надъ главной цитаделью европейской реакціи облегчитъ дальнѣйшее развитіе началъ свободы и соціальной справедливости. Но, конечно, все это—лишь догадка о высшемъ смыслѣ нынѣшнихъ великихъ и вмѣстѣ страшныхъ событій.

II.

Вильгельмъ II напалъ и оказался передъ вопросомъ „быть или не быть“. Нападеніе привело къ необходимости защищаться. Франція подверглась нападенію. Но по силѣ вещей не ограничилась дѣломъ обороны. Возникли и активныя, если не задачи, то предположенія: Эльзась, Лотарингія, колоніи, рынки. Не ограничились, разумѣется, чисто оборонительными задачами и тѣ державы, которыя сочли необходимымъ или удобнымъ вмѣшаться. Наступательныя цѣли ставятся даже странами, сохраняющими нейтралитетъ. Заранѣе идетъ разговоръ о сближеніи государственныхъ границъ съ этническими, о компенсаціяхъ, которыя должна получить Италія о прирѣзкахъ, которыя достаточны для Румыніи, могли бы удовлетворить Болгарію и пр., и пр. Такова логика большихъ вооруженныхъ конфликтовъ. Разумѣется, не освобождено отъ подчиненія этой логикѣ и русское правительство.

Быть можетъ, въ нѣкоторой части нашихъ официальныхъ кру-

говъ есть излишняя самоуверенность. Но, повидимому, преобладает все таки болѣе трезвое и вдумчивое отношеніе къ происходящему. Не даромъ министр иностранныхъ дѣлъ Сазоновъ благоразумно призывалъ Государственную Думу къ „смирному упованію на помощь Божию“. Мы не предаемся—говоритъ онъ—„пустому тщеславію. Мы знаемъ, что на нашемъ пути могутъ быть тяжелыя испытанія. Они уже учтываются нашими врагами... Но Богъ, не оставившій Россію въ самыя тяжелыя годины ея исторіи, не покинетъ и теперь нашей родины“... Многія могутъ быть испытанія. И одно изъ нихъ, которое, быть можетъ, наиболѣе учитывалось да, кажется, и продолжаетъ учитываться въ Берлинѣ и Вѣнѣ, невольно заставляетъ еще разъ вспомнить событія, бывшія почти 125 лѣтъ назадъ. Въ то время какъ легко казалось „забрать“ французовъ, занятыхъ внутренними раздорами. И какъ жестоко поплатились тѣ, кто протянулъ руки, чтобъ совершить эту „легкую“ операцію. Обширныя аналогіи были бы неумѣстны и неосновательны. Но и нынѣшній расчетъ Берлина и Вѣны легко „забрать русскихъ“ подкрѣплялся надеждами на наши внутренніе раздоры. Надежды не оправдались, приняли въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ комическій характеръ. И русское правительство не скрываетъ въ своихъ официальныхъ сообщеніяхъ, что врагъ рассчитывалъ и рассчитываетъ на возникновеніе въ Россіи восстаній и революцій. За отсутствіемъ революцій дѣйствительныхъ сочиняются извѣстія о революціяхъ несуществующихъ. Это было бы только смѣшно, еслибы не попытки учитывать и эксплуатировать разныя прискорбныя, но не ликвидированныя особенности и ошибки нашей внутренней политики. Въ частности, — на Царство Польское даже съ аэроплановъ сыпались нѣмецкія прокламаціи, увѣряющія, что германская и австрійская арміи „несутъ“ полякамъ свободу политическую и религіозную, независимость и т. д. Надо сказать, что вообще населеніе Царства Польскаго проявило полную лояльность. Въ противовѣсъ призывамъ извнѣ нѣкоторыя общественныя организаціи края опубликовали въ варшавскихъ газетахъ 2 августа особое воззваніе, убѣждающее не вѣрить „различнымъ агитаторамъ“, которые

въ своихъ военныхъ интересахъ дѣлаютъ попытку убѣдить нашъ народъ, что онъ обязанъ активно рисковать въ страшныхъ бояхъ... Съ цѣлью достигъ этого, съ цѣлью затмѣнія разсудка, въ различныхъ воззваніяхъ, подписанныхъ якобы вождями иностранныхъ армій, полякамъ обѣщаютъ послѣ войны много выгодъ, обѣщаютъ свободу. Такъ поступаютъ даже нѣкоторыя польскія организаціи, которыя въ своей горячности потеряли способность здраваго пониманія вещей. Не поддавайтесь влиянію этихъ обѣщаній. Они лживы. Ни одна изъ вторгающихся армій не намѣрена воевать изъ-за Польши. Каждый воюетъ исключительно изъ-за интересовъ своего государства, а эти государства о насъ не заботятся. Они только хотятъ въ критическую для себя минуту использовать поляковъ для своихъ цѣлей. И слѣпымъ мечтателемъ является тотъ, кто вамъ говоритъ, что Австрія въ союзѣ съ пруссаками стремится возродить Польшу. Результатомъ побѣды

Австріи и Германіи можетъ явиться новый раздѣлъ Польши, еще большес раздробленіе нашего народа.

Вообще населеніе Польши проявило, повторяю, лойальность. Прискорбныя особенности и опибки внутренней политики однако не могли остаться безслѣдными. Все-таки понадобились призывы однихъ общественныхъ организацій. Все-таки нашлись другія „польскія организаціи, которыя въ своей горячности потеряли способность здраваго пониманія вещей“. Все-таки требуется что-либо противопоставить психологическимъ послѣдствіямъ прискорбныхъ особенностей и опибокъ внутренней политики. Нѣкоторымъ отвѣтомъ на эту потребность явилось слѣдующее опубликованное 2 августа воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго великаго князя Николая Николаевича:

„Поляки!

„Пробилъ часъ, когда заветная мечта вашихъ отцовъ и дѣдовъ можетъ осуществиться.

„Полтора вѣка тому назадъ живое тѣло Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ея. Она жила надеждой, что наступитъ часъ воскресенія польскаго народа, братскаго примиренія его съ великой Россіей.

„Русскія войска несутъ вамъ благою вѣсть этого примиренія.

„Пусть сотрутся границы, разрѣзавшія на части польскій народъ. Да воссоединится онъ воедино подъ скипетромъ Русскаго Царя.

„Подъ скипетромъ этимъ возродится Польша, свободная въ своей вѣрѣ, въ языкѣ, въ самоуправленіи.

„Одного ждетъ отъ васъ Россія,—такого же уваженія къ правамъ тѣхъ народностей, съ которыми связала васъ исторія.

„Съ открытымъ сердцемъ, съ братски протянутой рукой идетъ вамъ на встрѣчу великая Россія. Она вѣритъ, что не заржавѣлъ мечъ, ранившій врага при Грюнвальдѣ.

„Отъ береговъ Тихаго океана до Сѣверныхъ морей движутся русскія рати.

„Заря новой жизни занимается для васъ. Да возсіяетъ въ этой зарѣ знаменіе Креста,—символь страданія и воскресенія народовъ“.

Принципіальное значеніе этого перваго шага къ исправленію извѣстныхъ опибокъ и неправильностей какъ внѣшней, такъ и внутренней политики не требуетъ поясненій и подчеркиваній. Сейчасъ невозможно касаться многихъ правовыхъ, политическихъ и экономическихъ вопросовъ, связанныхъ съ исполненіемъ того, о чемъ говоритъ воззваніе. Было бы преждевременно угадывать, какое можетъ быть при тѣхъ или иныхъ условіяхъ разстояніе между декларативными принципами и законодательнымъ воплощеніемъ ихъ. На очереди пока ближайшія цѣли. Трудно однако сказать, въ какой мѣрѣ онѣ достигаются. 17 августа было опубликовано въ пе-

тербургскихъ газетахъ слѣдующее объявленіе Верховнаго Главнокомандующаго:

„Въ районѣ нашихъ боевыхъ дѣйствій съ австрійцами установлено участіе галицко-польскихъ сокольскихъ организацій, причемъ выяснилось употребленіе ими разрывныхъ пульъ.

„Если я обращался къ польскому зарубежному населенію со словами братской любви русской арміи, то былъ увѣренъ въ лояльности взаимныхъ отношеній.

„Я ни на минуту не допускаю, чтобы польское населеніе могло рассчитывать на великодушіе великой Россіи, фактически участвуя во враждебныхъ къ намъ дѣйствіяхъ и при томъ въ столь недостойной формѣ, какъ употребленіе разрывныхъ пуль съ отрѣзанными концами.

„Глубоко увѣренъ, что замѣченное явленіе есть печальная случайность. Въ интересахъ всего зарубежнаго польскаго населенія, предваряю, что мною повелѣно Высочайше вѣрнымъ мнѣ войскамъ не считать сокольскія и тому подобныя организаціи воюющей стороной и со всѣми участниками ихъ, захваченными въ плѣнъ, поступать по всей строгости закона военного времени“.

Нельзя распространительно толковать поведеніе отдѣльныхъ организацій, и при томъ такихъ нерѣдко двусмысленныхъ, какъ сокольство. Передъ нами лишь признакъ, что вопросъ о ближайшихъ дѣлахъ, связанныхъ съ воззваніемъ 2 августа, рѣшается вовсе не просто. Прежде всего неизвѣстно, въ какой мѣрѣ дошло воззваніе до зарубежныхъ поляковъ, когда дошло и какъ ими воспринято. Далѣе, не совсѣмъ ясно отношеніе демократическихъ партій и организацій Царства Польскаго. Въ тѣхъ отзывкахъ, которые содержатся или отмѣчаются въ російской прессѣ, болѣе или менѣе восторженно привѣтствуется возможность воскресить Польшу на указанныхъ основаніяхъ. Есть однако среди восторженныхъ и сочувственныхъ отзывовъ нѣкоторыя ноты скептицизма. Прорываются, быть можетъ, преждевременныя, но психологически неизбежныя гаданія о границахъ той территоріи, на которой предполагается воскресеніе Польши, свободной въ своей вѣрѣ, въ языкѣ, въ самоуправленіи. Тѣмъ временемъ противникъ не мѣшкать. Уже на третій день послѣ подписанія воззванія явились въ газетахъ извѣстія, что вѣнскіе политики „объщаютъ больше“, — сулятъ полякамъ уже не „свободу“ и даже не автономію, а прямо „возрожденіе польскаго королевства“; мало того, вѣнскіе политики теперь же, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, „назначили польскимъ королемъ“ какого-то своего князька, женатаго на родовитой полькѣ. Роль бутафорскихъ „королей“, создаваемыхъ политической интригою, достаточно опредѣленна: ихъ обязанность—вести агитацію, будоражить умы, вербовать и вооружать сторонниковъ... Всѣ эти условія слишкомъ сложны, обязываютъ предвидѣть не одну какую-либо печальную случайность, но, быть можетъ, цѣлое сплетеніе

печальныхъ случайностей. Къ сожалѣнію, даже въ спокойное время послѣдствія многолѣтнихъ неправильностей и ошибокъ устраняются лишь съ большимъ трудомъ. Теперь же время исключительно бурное. Вопросъ о ближайшихъ дѣлахъ, связанныхъ съ воззваніемъ, остается открытымъ. Определеніе и яснѣе другая сторона: была задача—отразить нападеніе, изгнать изъ Россіи всѣхъ до послѣдняго непріятельскихъ воиновъ; для этого и двинулись русскія рати отъ Великаго океана до Сѣверныхъ морей; и какъ бы само собою возникло усложненіе—обѣщано объединить подъ русской державою Польшу и, стало быть, ввести въ предѣлы Россіи польскія области, принадлежавшія до войны Германіи и Австро-Венгріи.

Изъ австрійскихъ—до войны—областей польскою по преобладающему количественно составу населенія можетъ быть признана западная Галиція. Въ восточной Галиціи преобладаютъ количественно малороссы; къ ней примыкаютъ Буковина и сѣверс восточные комитаты Венгріи съ значительнымъ малорусскимъ населеніемъ. Все это народности славянскія, но глубоко разединенныя историческими традиціями, политическими разногласіями, религіозными трепіями, экономическими противорѣчіями. Лишь только зашла рѣчь объ этомъ уголкѣ Европы, какъ возникло и еще одно усложненіе первоначальной, строго оборонительной задачи. 3 августа газеты сообщали, что вскорѣ послѣдуетъ „опубликованіе важнаго офіціального акта, относящагося къ Галицкой Руси“. Дѣйствительно,—на слѣдующій же день опубликованы 2 акта. Первый изъ нихъ оглашенъ въ формѣ телеграммы офіціального агентства:

„Кіевъ, 4 августа. Начальникъ края осчастливленъ слѣдующей Высочайшей телеграммой:

„Передайте Мою благодарность карпато-русскому освободительному комитету за выраженныя имъ чувства. Всею душою раздѣляю ихъ сокровенную надежду, если на то будетъ Господня воля, увидѣть нашихъ зарубежныхъ русскихъ братьевъ свободно слившимися съ Великой Россіей“.

„Телеграмма Его Императорскаго Величества“ — поясняетъ агентство — „послѣдовала въ отвѣтъ на посланную черезъ начальника края телеграмму председателя бюро и членовъ карпато-русского освободительнаго комитета, въ коей они отъ имени собравшихся въ матери городовъ русскихъ—древне-престольномъ Кіевѣ—жителей и дѣятелей Карпатской Руси повергаютъ къ стопамъ Его Императорскаго Величества чувства безпредѣльной вѣрноподданнической преданности, моля Всевышняго о дарованіи славной побѣды русскому освободительному оружію, и всеподданнѣе просятъ Его Императорское Величество всемилостивѣе принять изстрадавшуюся въ многолѣтней лютой чужеплеменной неволѣ Карпатскую Русь въ родное лоно великорусской семьи и завершить святое историческое посланничество собранія земли русской“.

Опубликованное того же 4 августа воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго „русскому народу“ гласитъ слѣдующее:

„Братья!

„Творится судъ Божій.

„Терпѣливо, съ христіанскимъ смиреніемъ, въ теченіе вѣковъ томился русскій народъ подъ чужеземнымъ игомъ, но ни лестью, ни гоненіемъ нельзя было сломить въ немъ чаяній свободы.

„Какъ бурный потокъ рветъ камни, чтобъ слиться съ моремъ, такъ нѣтъ силы, которая остановила бы русскій народъ въ его порывѣ къ объединенію.

„Да не будетъ больше подъяремной Руси. Достояніе Владиміра Святого, земля Ярославъ Осмомысла, князей Даниіла и Романа, сбросивъ иго, да водрузить стягъ единой, великой, нераздѣльной Россіи. Да совершится Промыселъ Божій, благословившій дѣло великихъ собирателей земли Русской. Да поможетъ Господь Царственному Своему Помазаннику Императору Николаю Александровичу всея Россіи завершить дѣло великаго князя Ивана Калиты.

„А ты, многострадальная братская Русь, встань на срѣтеніе русской рати.

„Освобождаемые русскіе братья! Всѣмъ вамъ найдется мѣсто на лонѣ Матери-Россіи. Не обижая мирныхъ людей, какой бы они ни были народности, не полагая своего счастья въ притѣсненіи иноземцевъ, какъ это дѣлали швабы, обратите мечъ свой на врага, а сердца свои къ Богу съ молитвою за Россію, за Русскаго Царя“.

Слишкомъ сложна страна, къ которой по преимуществу обращены эти важные и отвѣтственные лозунги, и слишкомъ сложны условія данной минуты, чтобы можно было предсказать, какъ сложатся практическія послѣдствія. Пока несомнѣнно лишь усложненіе задачъ. Усложненіе, во-первыхъ, территоріальное, логически понятное послѣ воззванія 2 августа: если рѣшено ввести въ предѣлы Россіи австро-венгерскія области, густо населенныя поляками, то нѣтъ основанія оставлять за предѣлами Россіи и тѣ смежныя области, которыя густо населены малороссами. Во-вторыхъ, получилось усложненіе государственно-правовое и административное: интересы польскаго и русскаго населенія въ предположительно-аннексируемыхъ областяхъ необходимо размежевать. Далѣе идутъ усложненія уже болѣе обширнаго порядка, совершенно выходящія изъ круга вѣдѣнія военноподчиненныхъ. Въ школахъ и даже отчасти въ университетѣ подъяремнаго Львова ведется преподаваніе на языкѣ мѣстнаго малорусскаго населенія. Подлежитъ ли сохраненію этотъ порядокъ въ освобожденномъ Львовѣ? И если подлежить, то какія могутъ быть препятствія къ недопущенію такого же мѣстнаго малорусскаго языка въ школахъ Житомира, Кіева, Полтавы и многихъ другихъ городовъ, а также и сель, принимающихъ участіе въ освобожденіи подъяремной Руси вообще и подъяремнаго Львова въ частности? Я лишь для примѣра останавливаюсь на такой, сравнительно, не острой де-

тали, какъ языкъ школьнаго преподаванія. Но по ней одной легко представить обширность возникающихъ осложненій.

III.

20 іюля опубликованы, кромѣ манифеста по поводу объявленія войны Германіей, между прочимъ, слѣдующіе два акта общеполитическаго значенія. Во-первыхъ, на основаніи 87 ст. основныхъ законовъ повелѣно ввести въ дѣйствіе „временное положеніе о военной цензурѣ“. Во-вторыхъ, въ порядкѣ управленія введено военное положеніе полностью въ 28 губерніяхъ, областяхъ и округахъ и въ отдѣльныхъ уѣздахъ 9 губерній и областей. (Финляндія объявлена на военномъ положеніи нѣсколько раньше — 17 іюля; нѣсколько позже — 24 іюля — во всѣхъ мѣстностяхъ, не состоящихъ на военномъ или осадномъ положеніи, введена чрезвычайная охрана; наконецъ, 12 августа кавказскія губерніи и области, находящіяся подъ чрезвычайной охраной, переведены на военное положеніе; кромѣ того, распространено военное положеніе на нѣкоторыя мѣстности Сибири).

Первымъ изъ этихъ актовъ, послѣдовавшимъ на основаніи 87 статьи, введены нѣкоторыя новыя карательныя нормы; одна изъ нихъ направлена противъ антимплицитаристской пропаганды и опредѣляетъ заключеніе въ тюрьмѣ на время отъ 2 до 8 мѣсяцевъ „за возбужденіе къ прекращенію войны“. Кромѣ того, „временнымъ положеніемъ“ вводится частичная и полная военная цензура. Частичная состоитъ въ просмотрѣ и выемкѣ почтовыхъ отправленій и телеграммъ. Военная же цензура въ полномъ объемѣ состоитъ, сверхъ надзора за письмами и телеграммами, въ предварительномъ просмотрѣ произведеній печати, а равно рѣчей и докладовъ, предназначаемыхъ къ публичному произнесенію. „Военная цензура въ полномъ объемѣ можетъ быть введена лишь на театрѣ военныхъ дѣйствій; въ прочихъ же мѣстностяхъ можетъ быть введена только частичная военная цензура“ (ст. 7). Однако изданія, вышедшія въ свѣтъ въ тѣхъ мѣстахъ Россійской Имперіи, гдѣ по точному смыслу „временнаго положенія“, не можетъ быть введено полной военной цензуры, допускаются на театрѣ военныхъ дѣйствій не иначе, какъ съ разрѣшенія мѣстнаго военнаго цензора (ст. 38), причемъ „если послѣдній признаетъ нужнымъ, то онъ можетъ запретить къ распространенію не все изданіе, а лишь отдѣльныя свѣдѣнія, статьи, рисунки; они въ такомъ случаѣ „вырѣзываются или заштемпелевываются“. Въ мѣстностяхъ, гдѣ введена полная военная цензура, „наборъ и печатаніе неповременныхъ изданій разрѣшается лишь по рукописямъ, уже просмотрѣннымъ мѣстнымъ военнымъ цензоромъ и снабженнымъ разрѣшительной надписью“ (ст. 37). Редакторы повременныхъ изданій также „обязаны представлять“ на предварительный

просмотръ „рукописей и подлинники“ (ст. 32). „Могутъ представлять“, вмѣсто подлинника, и типографскіе оттиски или гранки (ст. 33—34), но на „предварительный наборъ“ непросмотровыхъ рукописей Типографія должна имѣть особое разрѣшеніе (ст. 36). Выпускъ въ свѣтъ каждаго изданія допускается по полученіи „разрѣшительнаго билета“, разрѣшительный же билетъ выдается „лишь послѣ того, какъ представленны военному цензору отпечатанные экземпляры будутъ послѣднимъ слѣчены и найдены тождественными съ разрѣшеннымъ военной цензурой къ напечатанію подлинникомъ“ (ст. 46). Изданіе, разрѣшенное къ выпуску въ свѣтъ военной цензурой, подлежитъ однако вѣдѣнію общихъ цензурныхъ учреждений. И если послѣдніе усмотрятъ нарушеніе обязательныхъ постановленій или признаки дѣяній, предусмотренныхъ карательными законами, то отвѣтственными лица подлежатъ обычнымъ административнымъ или судебнымъ репрессіямъ. Лицами, отвѣтственными за нарушеніе постановленій о военной цензурѣ, признаются въ повременныхъ изданіяхъ редакторы. За содержаніе неповременныхъ изданій отвѣтственны въ порядкѣ постепенности: авторъ, издатель, типографщикъ и книгопродавецъ. Главнокомандующему или командующему отдѣльной арміей предоставлено приостанавливать повременныя изданія. Военному министру, по соглашенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ и морскимъ, предоставляется издавать подробныя правила по примѣненію военной цензуры. А на вновь учрежденную главную военно-цензурную комиссію возлагается „разъясненіе вопросовъ, возникающихъ при примѣненіи постановленій о военной цензурѣ“.

Изъ крупныхъ центровъ, гдѣ введена военная цензура въ полномъ объемѣ, назовемъ Петербургъ и Кіевъ. Центры, болѣе западные, уже географически близки къ реальному театру военныхъ дѣйствій. Такимъ образомъ частныя изданія, выходящія въ Петербургѣ, получили право на повсемѣстное въ предѣлахъ Россіи и въ занятыхъ отечественными войсками областяхъ распространеніе безъ предварительнаго просмотра мѣстными военными цензорами и безъ вырѣзыванія или заштемпелевыванія. Чтобы пояснить значеніе этого непривычнаго преимущества, приведу слѣдующую газетную замѣтку:

Кіевъ, 16 августа. Начальникъ края издалъ обязательное постановленіе для Кіевской, Подольской и Волынской губерній, воспрещающее розничную продажу газетъ, листовъ и журналовъ, издаваемыхъ внѣ театра военныхъ дѣйствій, кромѣ выходящихъ въ Петербургѣ и Варшавѣ или снабженныхъ помѣткой „дозволено военною цензурой“. Воспрещается также продажъ магазинами и разносчиками всѣхъ неповременныхъ изданій и рисунковъ, касающихся текущей войны и затрагивающихъ политическіе и общественные вопросы. Нарушившіе это обязательное постановленіе подвергаются штрафу до 3.000 р. или заключенію въ крѣпости либо тюрьмѣ до 3 мѣс. („Биржевыя Вѣдомости“, 17—VIII).

Цензурный просмотръ московскихъ и многочисленныхъ про-

винціальныхъ изданій потребовалъ бы большихъ силъ. И естественно сложилось рѣшеніе: не допускать совсѣмъ розничной продажи. Книги—„неповременныя изданія“—по общественнымъ и политическимъ вопросамъ едва-ли грозятъ разглашеніемъ какой-либо военной тайны. Но ихъ судьба опредѣляется соображеніями общаго порядка.

Для всей имперіи, а въ томъ числѣ для мѣстностей, гдѣ военная цензура въ полномъ объемѣ не введена, опубликовать 28 іюля „новый ¹⁾ перечень запрещенныхъ къ оглашенію свѣдѣній, касающихся внѣшней безопасности Россіи или вооруженныхъ ея силъ, или сооружений, предназначенныхъ для военной обороны страны“. Помимо свѣдѣній, касающихся собственно арміи и флота, продовольственной и санитарной части, перечень воспрещаетъ втеченіе года оглашать фактическія данныя о провозоспособности и техническомъ состояніи желѣзныхъ дорогъ, „о волненіяхъ среди жителей занятыхъ нашими войсками областей“, о желѣзнодорожныхъ, паровозныхъ и другихъ катастрофахъ. Общій перечень дополняется на мѣстахъ обязательными постановленіями, издаваемыми на основаніи нормъ военного или чрезвычайнаго положенія. Изъ мѣстныхъ постановленій отмѣчу опубликованное въ Кіевѣ запрещеніе печатать „преувеличенныя извѣстія и слухи, связанныя съ современнымъ политическимъ и военнымъ положеніемъ, какъ внутри имперіи, такъ и за границей“. Въ Виленскомъ округѣ приказомъ генералъ-адъютанта Ренненкампа, опубликованнымъ 26 іюля, „усилены наказанія за распространеніе устно или письменно учений или сужденій“, предусмотрѣнныхъ 129, 130 и 131 статьями Уголовнаго Уложенія 1903 года: „вмѣсто опредѣленныхъ въ законѣ наказаній за эти преступленія предписано назначать: вмѣсто каторги не свыше 8 лѣтъ—каторгу безъ срока; вмѣсто ссылки на поселеніе—каторгу на 20 лѣтъ; вмѣсто заключенія въ исправительномъ домѣ на срокъ не свыше 3 лѣтъ—таковое же заключеніе на 6 лѣтъ“.

Такое, въ общихъ чертахъ, рѣшеніе получилъ важный вопросъ о соблюденіи военной тайны при существованіи печати, необходимой для освѣдомленія страны и ея защитниковъ о томъ, что происходитъ. Въ союзной намъ Франціи этотъ же вопросъ рѣшенъ нѣсколько иначе. Въ Парижѣ, по сообщенію корреспондента „Русскаго Слова“,

военнымъ министромъ образованъ особый комитетъ печати. Въ составъ комитета вошли главные руководители печатныхъ органовъ всѣхъ партій и направлений. Вѣдѣнію этого комитета, состоящаго подъ руководствомъ военнаго министра, подлежатъ вопросы, касающагося опубликованія извѣстій о ходѣ военныхъ дѣйствій, а также другихъ сообщеній, касающихся народной обороны

¹⁾ Первый перечень свѣдѣній, воспрещенныхъ къ оглашенію печатью, былъ опубликованъ 12 іюля; 20 іюля тѣ же свѣдѣнія воспрещены къ оглашенію въ публичныхъ рѣчахъ и докладахъ. „Новый“ списокъ, опубликованный 28 іюля, обширнѣе прежнихъ.

Такимъ образомъ въ порядкѣ живого общенія и совмѣстнаго обсужденія сочетаются: во-первыхъ, требованія относительно военныхъ тайнъ, во-вторыхъ, независимость печати, какъ необходимое условіе авторитета и довѣрія читателей, въ-третьихъ, техническія условія, игнорированіе которыхъ ставитъ періодическія изданія въ невозможность своевременнаго выхода въ свѣтъ. Наше начальство избрало иной путь, отъ котораго, впрочемъ, на первое время сдѣланы нѣкоторые отступленія. 22 іюля въ газетахъ было напечатано такое сообщеніе:

Въ главное управленіе по дѣламъ печати были приглашены редакторы всѣхъ петербургскихъ газетъ. Начальникъ главнаго управленія выразилъ довѣріе и благодарность русской печати за единодушное патріотическое отношеніе къ событіямъ и заявилъ, что это позволяетъ ослабить значеніе военной цензуры, подчинивъ ей только одни военныя извѣстія.

Въ разныхъ мѣстахъ Россіи такое же довѣріе и удовлетвореніе было выражено высшими чинами мѣстной администраціи редакторамъ провинціальныхъ, въ томъ числѣ и прогрессивныхъ, въ обычное время оппозиціонныхъ изданій. Вполнѣ возможно, что администрація вообще ожидала отъ оппозиціонной прессы совершенно иного отношенія къ событіямъ. Но пресса оцѣнила ихъ прежде всего съ точки зрѣнія той опасности, какую они представляютъ для родной страны. По вопросу о защитѣ государства отъ нападенія между правительствомъ и печатью, какъ выразительницей общественнаго мнѣнія, не возникло разногласій. И это помогло, по крайней мѣрѣ, на первое время „ослабить значеніе военной цензуры“. Было ослаблено не вызываемое необходимостью и стѣснительное для самой администраціи требованіе, въ силу котораго московскія и многія провинціальныя изданія могутъ получить доступъ, напр., въ Петербургъ, Вильно, Кіевъ только по предварительномъ просмотрѣ и съ разрѣшенія мѣстныхъ военныхъ цензоровъ. Было ослаблено правило, по которому каждое изданіе можетъ быть выпущено въ свѣтъ не иначе, какъ послѣ сличенія напечатаннаго текста съ разрѣшеннымъ цензурою подлинникомъ и официальнаго удостовѣренія тожества. Ослаблено дѣйствіе военной цензуры и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ. Какова дальнѣйшая судьба ослабленій, исчезнутъ ли они или замѣнятся усиленіемъ,—покажетъ будущее. Но крутой переходъ отъ однихъ, хотя и трудныхъ, правовыхъ условій для печати къ другимъ, возстановившимъ многія нормы, существовавшія до севастопольской кампаніи, не могъ обойтись безъ жертвъ.

20 іюля была закрыта газета „Рѣчь“. Ея издатели, „считая своимъ патріотическимъ долгомъ въ переживаемую всей Россіей трудную минуту содѣйствовать печатнымъ словомъ объединенію всего русскаго общества безъ различія направленій въ общемъ чувствѣ беззаветной готовности защищать родину и оберегать ея честь, обратились къ Его Императорскому Высочеству Августѣй-

шему Главнокомандующему съ ходатайствомъ разрѣшить имъ продолжать изданіе“. Ходатайство было удовлетворено. И выпускъ „Рѣчи“ съ 22 іюля возобновился.

Выходъ рабочей прессы Петербурга сталъ физически невозможнымъ. И она прекратила существованіе.

Крупнѣйшія въ Россіи періодическія изданія на малорусскомъ языкѣ—газета „Рада“ и еженедѣльный журналъ „Маякъ“,—по распоряженію властей приостановлены на все время военного положенія. Особенно характерна судьба „Рады“. 20 іюля въ ней былъ напечатанъ какъ бы призывъ къ малороссамъ. Газета писала между прочимъ:

Россія выступаетъ, какъ защитница Сербіи, а отъ Германіи должна обороняться. Нападеніе Германіи грозитъ великими бѣдами нашему украинскому народу и народъ нашъ, какъ подданный Россійской Державы, стоитъ предъ яснымъ и простымъ фактомъ: надо защищать свое государство, надо защищать свои дома, поля, свое имущество.

Эти слова восторженно привѣтствовалъ „Кіевлянинъ“. „Голосъ Москвы“ увѣрялъ, что „крайне смущенный“ статью „Рады“ кіевскій австро-венгерскій консулъ послалъ по телеграфу переводъ этой статьи своему правительству“. 29 іюля статью „Рады“ отмѣтило „Новое Время“, какъ наглядное подтвержденіе, что народы, населяющіе Россію, исполнены патріотизма. Но сама „Рада“ 22 іюля по распоряженію мѣстнаго начальства была приостановлена.

Той же участи при переходѣ отъ прежнихъ правовыхъ условій къ новымъ подверглись: „Екатеринославское Утро“, московскій журналъ „Объединеніе“, Витебская Мысль“.

Въ условіяхъ военного положенія и чрезвычайной охраны дѣятельность многихъ обществъ сама по себѣ затруднительна. А такъ какъ, сверхъ того, публичныя рѣчи и доклады подчинены предварительной цензурѣ (должны быть представлены на разрѣшеніе полный текстъ или подробные конспекты), то обычная жизнь общества и вовсе должна бы замереть. Тѣмъ не менѣе крутой переходъ отъ однихъ правовыхъ условій къ другимъ не обошелся безъ крушеній и для нѣкоторыхъ общественныхъ организацій. Въ числѣ первыхъ подверглось закрытію петербургское литературное общество.

Обязательными постановленіями предусматриваются и частныя обывательскіе разговоры, содержащіе ложныя свѣдѣнія или сужденія. За нихъ назначены обычные кары: заключеніе въ тюрьмѣ до 3 мѣсяцевъ или штрафъ до 3.000 р. Въ газетахъ отмѣчено нѣсколько случаевъ наложенія кары въ этихъ предѣлахъ „за разговоры“. Изъ официальныхъ документовъ извѣстенъ одинъ случай примѣненія даже тѣлеснаго наказанія. Оно примѣнено было въ Вильнѣ къ нѣкому запасному нижнему чину Зубальскому, который высказалъ въ вагонѣ конки неправильныя и непатріотическія сужденія о войнѣ. Резо-

люція генералъ-адъютанта Ренненкампа, опубликованная въ виленскихъ газетахъ 27 іюля, гласитъ: „Такъ какъ по суду ему существеннаго наказанія не предстоитъ, то выплатъ Зубальскому сто розогъ да основательно, а затѣмъ направить въ свою часть въ передовыя линіи“. Можетъ быть, тутъ есть нѣкоторый редакціонный дефектъ. Отправка спеціальнымъ приказомъ на передовыя позиціи по существу не можетъ быть карой: это скорѣе знакъ особаго довѣрія или, что болѣе соотвѣтствуетъ даннымъ обстоятельствамъ, предоставленіе скорѣйшей возможности загладить вину предъ начальствомъ исполненіемъ труднѣйшаго и отвѣтственнѣйшаго долга службы. Надо бы понимать, что часть приказа, налагающая кару, ограничивается словами: „выплатъ сто розогъ, да основательно“. Но юридическія основанія, въ силу которыхъ эта кара сочтена возможной, не опубликованы и намъ неизвѣстны.

По необходимости лишь самыми общими чертами я старался обрисовать, въ какомъ направленіи пзмѣнились общія правовыя условія. Въ интересахъ правильнаго представленія о дѣйствительности необходимо отмѣтить и еще одну перемѣну общихъ условій, уже въ другомъ направленіи, до нѣкоторой степени противоположномъ первому.

IV.

По исчисленію специалистовъ, всѣми государствами, пришедшими въ столкновеніе, можетъ быть призвано подъ знамена около 20 милліоновъ человѣкъ. Теоретически къ этому Европа давно готовилась. Но практически она въ первый разъ испытываетъ, что это значить. Мало представлять, — надо видѣть, что получается, когда одновременно всѣ административныя и узловыя пункты переполняются призываемыми, ихъ женами, дѣтьми, отцами, братьями и выходитъ изъ домовъ всякое вообще населеніе. Улицы, площади, перекрестки превращаются въ форумы, гдѣ происходитъ непрерывное обсужденіе сообща необходимѣйшихъ и неотложнѣйшихъ вопросовъ. Все надо обсудить, — и судьбу оставляемыхъ хозяйствъ, и участь семей, и вообще всевозможныя личныя мелочи и невзгоды, и то огромное, изъ-за чего милліоны людей вдругъ срываются съ мѣсть. На одну и ту же площадь сразу попадаютъ люди совершенно различныхъ уровней развитія, различнаго общественнаго положенія, различныхъ національностей, различныхъ взглядовъ и партій. Въ одну кучу попадаютъ люди въ лакированныхъ ботинкахъ и люди въ лаптяхъ, босіаки и домовитые хозяева, черносотенцы и социалсты, либералы и реакціонеры, евреи и антисемиты, поляки и полонофобы... И возникаетъ властная потребность и необходимость притереться, найти точки соприкосновенія, установить взаимное пониманіе.

Въ этотъ краткій, но важный моментъ опредѣлилось многое.

Опредѣлялось и общее отношеніе къ событіямъ. Здѣсь не мѣсто говорить, какъ прошелъ этотъ моментъ въ другихъ странахъ. Сейчасъ невозможно вдаваться въ подробныя описанія, какъ онъ проходилъ у насъ. Отмѣтимъ лишь общій результатъ: формула примиряющая разнородныя группы и теченія, нашлась. Ее, впрочемъ, не приходилось долго искать. Она была не новой уже во времена декабристовъ. Одно дѣло—начальство. И другое дѣло—отечество. Можно быть разныхъ мнѣній о правительствѣ, объ его политикѣ, можно быть какъ угодно недовольнымъ этой политикой, но это не мѣшаетъ любить Россію до готовности умереть за нее. Часто, наоборотъ, именно любовью къ Россіи обуславливается критическое отношеніе къ правительству и его политикѣ. Жизнь сложилась схемы. Не для всѣхъ группъ населенія и не для всѣхъ умственныхъ теченій, существующихъ въ странѣ, вопросъ объ отношеніи къ событіямъ рѣшается такъ просто. Но фактъ тотъ, что примирительная и объединяющая формула быстро всплыла въ моментъ стихійнаго столкновенія мнѣній и восторжествовала. И для настроеній даннаго времени довольно характеренъ покаянный отзывъ какого-то пожилого члена суда, приведенный г. А. Оедоровымъ въ „Рѣчи“ (10. VIII).

—... Это — божья гроза. Я былъ всю жизнь по своимъ взглядамъ правымъ. Я на многое смотрѣлъ съ... недоумѣемъ. Но гдѣ же у насъ эти внутренніе враги? Гдѣ же эта крамольная печать? Нѣтъ и не было внутреннихъ враговъ у родины. Были крики противъ насилія, можетъ быть, противъ злоупотребленій и ошибокъ власти, но не во имя корысти, не со стороны измѣны, а во имя все той же любви къ родинѣ. Это ясно теперь всѣмъ намъ... Нѣтъ болѣе ни жидовъ, ни поляковъ, ни прочихъ инородцевъ, есть дѣти одной Россіи. И я счастливъ, что у меня на старости лѣтъ открылись на это глаза.

Видные и постоянные сотрудники „Кіевлянина“ печатно сознавались въ своемъ органѣ, что они прямо-таки потрясены совершенно невѣроятными, по ихъ мнѣнію, фактами: люди, которыхъ „Кіевлянинъ“ упорно называлъ „мазенинцами“, оказались русскими патріотами; евреи, которыхъ „Кіевлянинъ“ считалъ все-таки непріязненнымъ элементомъ, оказалось, искреннѣйше желаютъ побѣды русскому оружію и безъ колебанія—многіе добровольно—становятся подъ отечественныя знамена; мало того,—среди евреевъ нашлось не мало монархистовъ и ихъ манифестація на улицахъ Кіева, несшая портретъ Государя и національныя флаги, встрѣтилась съ такою же „русской“ манифестаціей, во главѣ которой шли двухглавцы,—сошлись, смѣшались, вмѣстѣ пѣли „Боже царя храни“ и вмѣстѣ кричали ура... И это тотчасъ послѣ погромной пропаганды, базирующей на дѣлѣ Бейлиса... Многихъ людей праваго берега не меньше потрясло настроеніе рабочихъ, „демократовъ“, „лѣвыхъ“ и всякихъ другихъ политически неблагонадежныхъ группъ... Сгоряча палку круто перегнули въ другую сторону. Съ одной стороны, стали

увѣрять, будто всё „враги внутренніе“ превратились въ монархистовъ, съ другой,—будто черносотенцы вдругъ стали прогрессистами. Думбадзе якобы, ссылаясь на имя Божіе, заявилъ о своей любви къ евреямъ, Пуришкевичъ гдѣ-то публично поцѣловалъ тору, Замысловскій покаянно говорилъ: „послѣ всего видѣннаго нами, по тому пути, по которому мы шли, идти дальше нельзя“ и т. д...

Въ дѣйствительности никакихъ чудесъ, разумѣется, не могло произойти. Мучительная распри между реакціей и прогрессомъ въ Россіи обусловлена отнюдь не черносотенными легендами, сплетенными вокругъ освободительнаго движенія и въ противовѣсъ ему. Въ основѣ распри лежитъ противорѣчіе огромныхъ социальныхъ интересовъ. Противорѣчіе не исчезло отъ того, что оказались совершенно несостоятельными басни о какихъ-то врагахъ внутреннихъ, полныхъ якобы измѣны и вражды къ Россіи. Надо сказать больше. Я невысокаго мнѣнія объ интеллектуальныхъ качествахъ и освѣдомленности главарей реакціи. Но, думается, не такіе ужъ они невѣжды, чтобы не знать, чѣмъ обусловлено рабочее и крестьянское движеніе, какими идеалами воодушевлена русская и во многомъ единомышленная съ нею еврейская интеллигенція; вѣроятно, знали, какъ страдаютъ наши эмигранты-евреи тоской по родинѣ; знали, что среди евреевъ есть искреннѣйшіе монархисты; знали многое другое, ставшее нынѣ очевиднымъ и несомнѣннымъ. Легенда о врагахъ внутреннихъ воздѣйствуетъ главнымъ образомъ на наивныхъ людей. Она растравляла ихъ патріотическое чувство, она разжигала злобу и ненависть къ предполагаемымъ измѣнникамъ и предателямъ. И вдругъ сразу же рухнула. На мѣстѣ озлобляющихъ фантазматорій люди увидѣли то, что есть въ дѣйствительности. Реакція осталась реакціей, но у наивныхъ людей, вѣрившихъ ей легендамъ, раздраженіе должно было смѣниться какъ бы раскаяніемъ, жаждой возмѣстить причиненный по недоразумѣнію ущербъ.

Помимо всего прочаго, этимъ усилено общее психологическое дѣйствіе такихъ событий, какъ нынѣшнія. Годины испытаній сплачиваютъ людей, пробуждаютъ сознаніе солидарности, поднимаютъ мысль отъ узкихъ и частныхъ интересовъ къ сознанію и признанію общаго блага. Въ видѣ иллюстраціи беру хотя бы слѣдующій документъ—открытое письмо „всѣмъ помѣщикамъ“ землевладѣльца Волынской губерніи Ц. Козынца, напечатанное газетою „Волынь“ 5 августа:

Предлагаю—пишетъ г. Козынецъ — всѣмъ помѣщикамъ рѣшиться на героическій шагъ, такой шагъ, который внесетъ умиротвореніе среди крестьянъ, который сблизитъ землевладѣльцевъ съ народомъ, который подыметъ воинственный духъ нашей арміи. Пусть каждый землевладѣлецъ пошлетъ свои первые экономическіе плуги на обработку крестьянскихъ полей. Каждому изъ насъ придется обрабатывать незначительное количество десятинъ крестьянскихъ полей своей деревни. Развѣ это большая жертва? Развѣ каждый изъ насъ, который много разъ пользовался и пользуется помощью пра-

вительства, въ видѣ ссудъ, отсрочекъ въ платежахъ и т. д., не обязаны нынѣ отдать хоть частицу взятаго крестьянамъ? Какой энтузіазмъ охватитъ солдатъ, съ какою отвагою пойдутъ они на враговъ, когда до него дойдетъ вѣсточка, что дома у него поля обработаны его помѣщикомъ, что жена и дѣти его обезпечены хлѣбомъ, что по возвращеніи на родину его встрѣтятъ зеленѣющіе колоса. Вникните, землевладѣльцы, въ глубину выпадающей на васъ доли отвѣтственности и долга передъ своими работниками и своими защитниками! Обрабатывайте сперва поля своихъ крестьянъ, а потомъ только возьмитесь за свои поля. Душа русскаго солдата встрепенется отъ нашихъ жертвъ, и это будетъ признакомъ величія силы русскаго духа.

Я первый приступаю къ обработкѣ сначала крестьянскихъ земель—и всѣ землевладѣльцы, надѣюсь, послѣдуютъ моему примѣру. Я обращаюсь къ земствамъ съ призывомъ взять на себя инициативу агитаціи въ этомъ смыслѣ среди помѣщиковъ, а тѣ деньги, которыя земства намѣрены пожертвовать на пользу крестьянъ, обратить на нужды правительства. Пусть земство возьметъ на себя также и миссію распространить среди войскъ то, что обработку земель приняли на себя помѣщики. Тогда героизму нашихъ войскъ не будетъ предѣловъ. Прошу другія газеты перепечатать сіе письмо.

Вовсе не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать практическія послѣдствія этого призыва. Практически, навѣрное, гораздо большее значеніе имѣютъ массовыя рѣшенія сельскихъ обществъ во многихъ губерніяхъ производить міромъ хозяйственныя полевые работы, которыя некому выполнить въ оставленныхъ семьяхъ общинниковъ. Но дѣло не только въ практическихъ результатахъ. Движеніе среди подростковъ состоятельныхъ семей—главнымъ образомъ, учениковъ гимназій, реальныхъ училищъ и т. д.—идти въ деревню для безмезднаго участія въ сельскохозяйственныхъ работахъ также не могло и не можетъ оказать существенной практической помощи. Барчуки, лишь по хрестоматіямъ знающіе, что такое полевая земледѣльческая работа, больше способны внести осложненія, чѣмъ серьезно помочь. Среди многочисленныхъ проектовъ содѣйствія трудовымъ массамъ явно преобладаютъ весьма наивныя представленія о природѣ вещей. Напомню хотя бы предложеніе, исходящее отъ группы какихъ-то зажиточныхъ обывателей: налоговое бремя крестьянъ облегчить, торговлю водкой прекратить, а дабы государственное казначейство не потерпѣло ущерба, пусть состоятельные люди добровольно подвергнуть себя прогрессивно-подходящему самообложенію... Конечно, святая простота. Но именно наивность предложеній, какъ и стиль приведеннаго мною письма, свидѣтельствуетъ, что добрыми чувствами охвачена непосредственная обывательская среда. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ подъему народолюбивыхъ альтруистическихъ настроеній подверглись даже люди, еще недавно твердившіе о повальномъ пьянствѣ, хулиганствѣ, о необходимости скорпіоновъ, скорпіоновъ и скорпіоновъ.

Для повышенныхъ альтруистическихъ настроеній всегда есть обширное поприще. Сейчасъ оно въ особенности обширно. На первый взглядъ всего замѣтнѣе, конечно, тѣ задачи, которыя непосредственно связаны съ условіями времени: помощь оставленнымъ

семьямъ, помощь выселеннымъ или выселяющимся изъ мѣстъ соприкосновенія съ непріятельскими войсками, помощь раненымъ, учетъ продовольствія для обывателей, обезпеченіе обывательскихъ потребностей достаточнымъ подвозомъ, поддержка кооперативовъ и учреждений мелкаго кредита, рабочія силы которыхъ въ значительномъ числѣ призваны къ отбыванію воинской повинности... Возникаетъ множество другихъ специальныхъ, но сложныхъ задачъ; какъ, напр., устранить торговое посредничество между земледѣліемъ и интендантствомъ къ выгодѣ для обѣихъ сторонъ? какъ смягчить потрясеніе сибирскаго маслодѣлія, утратившаго рынки сбыта? Въ эту область матеріальныхъ нуждъ, непосредственно связанныхъ съ условіями времени, и устремляются значительныя силы. Съ первыхъ же дней послѣ объявленія войны началась обширная и напряженная организаціонная работа и въ столицахъ, и въ провинціи, и въ деревняхъ, и въ городахъ. Важность и необходимость этой работы, разумѣется, вполне понятна и правительству. Правда, отдѣльные администраторы обнаруживаютъ непреклонность, но вообще администрація не противодействуетъ работѣ, направленной къ удовлетворенію матеріальныхъ нуждъ, непосредственно вызываемыхъ или обостряемыхъ исключительными обстоятельствами времени; наоборотъ, многому содѣйствуетъ, въ иныхъ случаяхъ проявляетъ инициативу, или, по крайней мѣрѣ, не настаиваетъ на соблюденіи стѣснительныхъ формальностей, порою само начальство предлагаетъ не сообразоваться съ ними, потому что „теперь не до того“. И, поскольку рѣчь идетъ объ удовлетвореніи матеріальныхъ нуждъ этого порядка, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ строжайшаго военнаго положенія происходитъ, быть можетъ, нѣсколько односторонняя, но напряженная общественная работа, можно собираться и составлять организаціи „ночти явочнымъ порядкомъ“.

При подъемѣ альтруистическихъ чувствъ неизбѣжно устремленіе къ работѣ въ области нуждъ и вопросовъ болѣе общаго порядка,—не столь непосредственно связанныхъ съ условіями даннаго времени. Но попытки работать въ этихъ областяхъ встрѣчаютъ уже иное отношеніе, отнюдь не поощрительное. Изъ вопросовъ болѣе общаго порядка получилъ признаніе, пожалуй, только одинъ. Какъ извѣстно, по распоряженію правительства на время мобилизаціи были закрыты казенныя винныя лавки и частныя пивныя. Эта мѣра, разумѣется, дала положительныя результаты. И немедленно со стороны многихъ крестьянскихъ обществъ, городскихъ учреждений, частныхъ организацій и отдѣльных лицъ послѣдовали настоятельныя просьбы и предложенія запретить продажу водки на все время войны или даже навсегда. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ просьбы подкрѣпляются увѣреніями, что въ водкѣ главная причина нарушенія общественнаго спокойствія. И этотъ мотивъ, повидимому, входитъ въ моду. Однако само собою понятно, что предлагаемая

„абсолютная трезвость“ затрагивает огромные доходы не только государственного казначейства, но и винокуренной промышленности, интересы частного землевладѣнія. Тѣмъ не менѣ правительство не осталось равнодушно къ мнѣнію населенія и общества. Окончательное рѣшеніе пока не извѣстно. Но казенныя лавки временно открыты лишь для продажи денатурата.

Все эти сложные и противорѣчивые признаки времени могутъ быть сведены къ такимъ общимъ положеніямъ. Для общественнаго удовлетворенія матеріальныхъ нуждъ, непосредственно связанныхъ съ нынѣшними исключительными условіями, предоставлены нѣкоторыя возможности. Общественная же работа, необходимая для правильнаго обслуживанія интеллектуальныхъ нуждъ, обостренныхъ нынѣшнимъ моментомъ исключительной важности и отвѣтственности, регулируется „временнымъ положеніемъ о военной цензурѣ“ и обязательными постановленіями. Потребности и вопросы общаго значенія оставимъ пока въ сторонѣ. Даже въ области спеціальныхъ нуждъ даннаго времени получился явный перевѣсъ матеріи надъ интеллектомъ. Единственное учрежденіе, которое могло бы вѣско подтвердить важность интеллектуальныхъ нуждъ и необходимость удовлетворенія ихъ — Государственная Дума, на разсмотрѣніе которой, кстати, должно поступить положеніе о военной цензурѣ, какъ изданное въ порядкѣ 87 статьи.

VI.

Одновременно съ положеніемъ о военной цензурѣ 20 іюля опубликованъ высочайшій указъ, въ коемъ содержатся слѣдующія слова:

„Въ виду ниспосланныхъ отечеству Нашему тяжелыхъ испытаній желая быть въ полномъ единеніи съ народомъ, признали Мы за благо созвать Государственный Совѣтъ и Государственную Думу. Вслѣдствіе сего на основаніи статьи 99 основныхъ государственныхъ законовъ повелѣваемъ возобновить занятія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы 26 сего іюля“.

23 іюля утверждено, а 24-го опубликовано, на основаніи 87 ст. основныхъ законовъ, постановленіе совѣта министровъ:

„1) впредь до минованія чрезвычайныхъ обстоятельствъ пріостановить размѣнъ кредитныхъ билетовъ на золото;

„2) расширить эмиссіонное право государственнаго банка (по выпуску кредитныхъ билетовъ) на 1.200.000.000 рублей;

„3) предоставить государственному банку учитывать кратковременныя обязательства казначейства „въ размѣрѣ, вызываемомъ потребностями военнаго времени“.

Одновременно стало извѣстно, что въ Думу будутъ внесены также законопроекты объ увеличеніи акциза на табакъ и повыше-

ниѣ цѣны на водку, — до 12 руб. 80 коп. за ведро низшаго сорта питей.

Такимъ образомъ были даже формальныя основанія ожидать, что созываемымъ законодательнымъ учрежденіямъ предстоитъ разсмотрѣть важные вопросы двойкаго порядка: обезпеченіе первостепенной матеріальной нужды государства въ финансовыхъ ресурсахъ и обезпеченіе интеллектуальныхъ нуждъ въ условіяхъ военнаго времени. Возникли и другія болѣе обширныя ожиданія, „Голосъ Москвы“, напр., сообщалъ 24-го іюля о предположеніяхъ „ввести въ составъ правительства нѣсколькихъ общественныхъ дѣятелей“. Привѣтствуя эти слухи, напоминая, что „бюрократія далека отъ жизни, привыкла наблюдать ее сквозь призму канцелярской рутинны“, „Голосъ Москвы“ (25, VII) писалъ:

Настоящая тяжелая минута, переживаемая Россіей, требуетъ полного единенія Монарха съ его народомъ и правительствомъ. Для достиженія этого единенія необходимо, чтобы между правительствомъ и народомъ установились дружественныя отношенія, основанныя на взаимномъ уваженіи и довѣрїи. Несомнѣнно, способствовать установленію такой связи преимущественно могли бы министры изъ среды общественныхъ дѣятелей, близко стоящихъ къ жизни.

Въ прессѣ, сверхъ того, появились слухи о какомъ-то „новомъ національно-либеральномъ актѣ“. Обширныя ожиданія очень скоро пришлось похоронить. 25-го іюля въ противовѣсть имъ появились положительныя свѣдѣнія, что Дума и Совѣтъ созданы всего на одинъ день и послѣ перваго же засѣданія предполагается объявить, что оба законодательныя собранія распускаются почти на 15 мѣсяцевъ, — до 15-го октября 1915 года.

Предположеніе это — сообщали „Русскія Вѣдомости“ (26, VII) — вызвало цѣлый рядъ возраженій со стороны представителей самыхъ различныхъ фракцій, начиная отъ правыхъ, причемъ было указано, что роспускъ Думы на такой продолжительный срокъ можетъ произвести неблагоприятное впечатлѣніе на общество. Большинство указывало на желательность созыва Думы 15-го октября 1914 года,

т. е. въ срокъ, опредѣленный въ моментъ роспуска на лѣтнія вакаціи. Депутаты обратились съ соответствующими заявленіями къ совѣту министровъ. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ и совѣщаній

правительство склонилось къ мысли отсрочить засѣданіе Думы на 6 мѣсяцевъ, — до 1-го февраля 1915 года. Срокъ этотъ не вызвалъ возраженій со стороны представителей думскихъ фракцій.

Срокъ 1-го февраля 1915 года и былъ зафиксированъ. Впрочемъ, предсѣдатель совѣта министровъ сказалъ:

— Законодательныя учрежденія должны знать, что и впредь они будутъ досрочно созываемы, если по чрезвычайнымъ обстоятельствамъ это будетъ признано необходимымъ.

Въ прессѣ это заявленіе было пояснено такъ: можетъ быть, Дума будетъ досрочно созвана въ октябрѣ или ноябрѣ, если къ тому времени произойдетъ что-либо чрезвычайное, — напримѣръ, возникнетъ вопросъ о мирѣ. Во всякомъ случаѣ оказалось, что чрезвычайная сессія должна быть однодневной. Тѣмъ самымъ опредѣлилась и судьба подлежащихъ разсмотрѣнію законопроектовъ, соответствующихъ специальнымъ нуждамъ момента. Въ одинъ день, разумѣется, невозможно взвѣсить такіе исключительно важные финансовыя законы, какъ прекращеніе размѣна на золото, увеличеніе выпуска кредитныхъ билетовъ на 1,2 миллиарда рублей, учетъ краткосрочныхъ обязательствъ государственнаго казначейства на неопредѣленную сумму. Въ общемъ засѣданіи Думы и Совѣта 26-го іюля эти законопроекты и не обсуждались. Они приняты безъ преній. Безъ преній принято и увеличеніе налога на табакъ и водку. Правительство заявило, что этими мѣрами, подкрѣпляющими свободную наличность (500 мил. руб.) и предполагаемые бюджетныя остатки отъ сокращенія расходной смѣты (250 мил. руб.), финансовыя нужды на первое время обезпечены. Удовлетворенію этихъ нуждъ законодательныя собранія содѣйствовали въ сущности молчаливымъ исполненіемъ требуемыхъ основными законами формальностей.

Съ удовлетвореніемъ интеллектуальныхъ нуждъ вышло проще. Не знаемъ, внесено ли было временное положеніе о военной цензурѣ на разсмотрѣніе Думы, но въ повѣсткѣ однодневной сессіи этотъ законопроектъ не значится. Вопросъ объ интеллектуальныхъ нуждахъ законодательными собраніями не былъ затронутъ. О немъ даже не вспомнили. И собственно засѣданіе Думы 26-го іюля состояло изъ манифестацій, рѣчей трехъ министровъ и декларативныхъ заявленій отъ имени разныхъ думскихъ фракцій и группъ.

Сами по себѣ манифестаціи дѣло не плохое, а въ моменты, подобные нынѣшнему, неизбежное, быть можетъ, даже необходимое. Безусловно необходимы были и рѣчи министровъ. Непремѣнно нужно было, чтобы г. Горемыкинъ изложилъ руководящіе взгляды правительства, чтобы г. Сазоновъ сообщилъ о ходѣ дипломатическихъ переговоровъ и рѣшеній, чтобы г. Баркъ доложилъ о состояніи финансовъ и представилъ объясненія по поводу внесенныхъ законопроектовъ. Повидимому, была какая-то потребность и въ декларацияхъ. Онѣ довольно многочисленны; почти всѣ онѣ разными словами и съ разныхъ точекъ зрѣнія излагали одну и ту же мысль: необходимо защищать отечество отъ нападенія. Представители нѣкоторыхъ группъ, не успѣвшіе пріѣхать въ Петроградъ въ 26-го іюля, впоследствии письменно заявляли предсѣдателю Думы, что представляемое ими населеніе Россіи считаетъ долгомъ защищать отечество. Отсюда можно заключить, что была потребность говорить эти слова. И если она была, то ничего не оставалось, какъ дать ей выходъ. Въ бесѣдахъ съ представителями прессы нѣкоторые сановники

выражали особенное удовольствіе по поводу именно декларативныхъ заявленій; сдѣлано было распоряженіе напечатать отчетъ о засѣданіи 26-го іюля въ миллионѣ экземпляровъ для бесплатной раздачи. Отсюда возможенъ выводъ, что была потребность слышать многократныя варіаціи словъ: Россія должна и желаетъ защищать Россію. И если была потребность говорить и слушать эти варіаціи, то осуждать многоглаголаніе не приходится. Но все-таки во многоглаголаніи нѣтъ спасенія. Есть истины, значеніе которыхъ не только не усиливается, но, наоборотъ, ослабляется отъ избытка доказательствъ и подтвержденій. Къ числу такихъ истинъ принадлежитъ и готовность населенія защищать отечество отъ нападенія. За время мобилизаціи и особенно за недѣлю со дня объявленія Германіей войны до открытія чрезвычайной законодательной сессіи настроеніе страны достаточно опредѣлилось. Готовность защищать родину была выражена отъ лица Думы ея предѣвателемъ во всеподданнѣйшей рѣчи во время приѣма въ Зимнемъ дворцѣ передъ засѣданіемъ Думы. Патріотическія чувства депутатовъ выразились въ манифестаціяхъ въ началѣ засѣданія. Послѣ всего этого можно было бы не говорить слова о защитѣ, а прямо защищать родину тѣмъ весьма мощнымъ орудіемъ, какимъ располагаетъ законодательное собраніе.

Выше отмѣчено, какія чрезвычайныя законодательныя мѣры предложило правительство для обезпеченія финансовыхъ нуждъ. Министръ финансовъ, признавая эти мѣры на первое время достаточными, не скрылъ однако отъ Думы, что можетъ понадобиться поддержка. Черезъ 3 недѣли въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ было напечатано:

Министерство финансовъ занято въ настоящее время разработкой вопроса объ увеличеніи доходовъ казны. Въ этихъ видахъ предполагено, съ одной стороны, принять мѣры къ повышенію поступленій отъ существующихъ источниковъ государственныхъ доходовъ, а, съ другой, установить новые налоги. Предположенія эти сводятся:

къ нѣкоторому повышенію ставокъ налоговъ съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ, государственнаго квартирнаго и промысловаго, а также акциза съ водочныхъ издѣлій, дрожжей, папиросныхъ гильзъ, разрѣзанной папиросной бумаги и зажигательныхъ спичекъ;

къ поднятію нѣкоторыхъ ставокъ гербоваго сбора и пошлинъ съ застрахованныхъ отъ огня имуществъ.

Наряду съ изложеннымъ предполагается установить особый налогъ съ пассажировъ и грузовъ, перевозимыхъ по желѣзнымъ дорогамъ, и повышеніе стоимости почтовыхъ марокъ и телеграфнаго тарифа. Наконецъ, намѣчено обложеніе въ пользу казны всякаго рода зрѣлищъ и развлеченій и введеніе оправдываемаго условіями времени налога на лицъ, освобожденныхъ отъ отбыванія воинской повинности.

Всѣ намѣченныя мѣропріятія будутъ имѣть временный характеръ и должны быть, по мнѣнію министерства финансовъ, отмѣняемы съ прекращеніемъ вызвавшихъ ихъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ.

Министерство финансовъ изыскиваетъ такимъ образомъ средства въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, не останавливаясь

передъ возвышеніемъ акциза даже на такіе предметы, какъ зажигательныя спички. Надъ труднымъ вопросомъ, какъ обезпечить финансовыя нужды, работаетъ частная, общественная и просто обывательская мысль. Одни предлагаютъ заключить внутренній заемъ; отъ нѣкоторыхъ крестьянскихъ обществъ поступило предложеніе установить общій посемейный налогъ,—примѣрно, по 5 руб., при условіи—прекратить продажу водки; съ особенною настойчивостью говорить съ разныхъ сторонъ о подоходномъ или подоходно-прогрессивномъ налогѣ; выше я отмѣтилъ обывательскій призывъ къ обществу—не дожидаться рѣшенія правительства, а обложить себя добровольно и немедленно вносить деньги въ казначейство. Въ частныхъ и обывательскихъ предложеніяхъ порою много наивнаго, но сама по себѣ мысль о подоходно-прогрессивномъ обложеніи правильна и осуществленіе ея способно было бы наиболее прочно обезпечить удовлетвореніе финансовой нужды. Но разумѣется, чтобы приступить теперь къ столь радикальной реформѣ, правительству нужна, помимо желанія, героическая рѣшимость. Въ этомъ смыслѣ чрезвычайная законодательная сессія, даже однодневная, могла бы оказать родимъ крупную услугу. Большинство Думы состоитъ изъ представителей имущественныхъ и при томъ крупновладѣльческихъ интересовъ. Въ Государственномъ Совѣтѣ представлены еще болѣе крупные владѣльческіе интересы. Еслибы оба законодательныхъ собранія въ формулахъ перехода или инымъ способомъ выразили правительству готовность представляемаго ими населенія подвергнуться прогрессивно-подоходному налогу и оказать необходимое содѣйствіе при осуществленіи этого предложенія, то едва-ли правительство при нынѣшнихъ обстоятельствахъ стало бы возражать. Во всякомъ случаѣ общая мысль о желаніи и долгѣ защищать отечество была бы облечена въ форму дѣлового предложенія, способнаго объединить власть и населеніе, вызвать извѣстный подъемъ, быть можетъ, даже энтузіазмъ. Но, къ сожалѣнію, выраженные Думою и Совѣтомъ во время однодневной сессіи общія мысли и чувства не были облечены въ форму дѣловыхъ предложеній.

Выше отмѣчено значительное движеніе въ странѣ противъ продажи водки во время войны. Среди многихъ мотивовъ, подкрѣпляющихъ это требованіе, есть и такой, наиболее общій:

— Предстоятъ потрясающія событія, тяжелыя испытанія, смѣны національныхъ несчастій и вѣроятныхъ удачъ. Неминуема предрасположенность къ потерѣ душевнаго равновѣсія. Въ такое время во имя интересовъ защиты отечества необходимо заботиться о полной трезвости населенія.

Это говоритъ страна. Къ сожалѣнію, ничего подобнаго не сказано однодневной законодательной сессіей. Трудно правительству возмѣстить тотъ ущербъ въ доходахъ казны, который долженъ получиться отъ прекращенія торговли водкой. Задача потребуетъ

не малаго напряженія усилій, но рѣшеніе ея возможно. Сложнѣе вопросъ объ интересахъ землевладѣльцевъ-винокуровъ. Согласятся ли они пойти на неизбежную и серьезную жертву? Въ Думѣ и Совѣтѣ интересы винокуренныхъ промышленниковъ представлены довольно солидно. И положеніе правительства было бы значительно легче, еслибы данныя группы выразили въ Думѣ и Совѣтѣ готовность идти на вызываемый государственной необходимостью уронъ. Но такого заявленія не послѣдовало. А дѣлать практическіе, дѣловые выводы изъ высказанныхъ 26 іюля общихъ словъ и мыслей весьма рискованно.

Повторяю, не въ осужденіе это говорится. Дѣло не въ томъ, чтобы осуждать. Важнѣе и нужнѣе понять. Разумѣется, нужно было высказать и знать мысли и чувства, воодушевляющія членовъ законодательнаго собранія. Но еще нужнѣе опредѣлить, какъ они могутъ быть высказаны, въ какую сторону направлены. Мысль и чувство, надлежаще направленныя, могутъ совершить работу огромной государственной важности, но могутъ при неправильномъ или нецѣлесообразномъ направленіи оказаться, по крайней мѣрѣ, безплодными. И тутъ мы снова подходимъ къ вопросу объ удовлетвореніи интеллектуальныхъ нуждъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что значеніе ихъ мало понятно бюрократѣ, слишкомъ привычной къ узко-полицейскимъ представленіямъ объ интеллектѣ. Не имѣлось основанія ожидать, что интеллектъ понятнѣе большинству Государственнаго Совѣта, состоящему въ значительной мѣрѣ изъ той же бюрократіи. Но въ Думѣ есть кому понимать, что такое интеллектуальныя нужды. Надо сказать, что для удовлетворенія ихъ уже послѣ 26 іюля приняло кое-какіе мѣры само правительство: сдѣлано распоряженіе объ ускоренной перевозкѣ періодическихъ изданій по желѣзнымъ дорогамъ, приступлено къ выпуску ежедневныхъ—вечернихъ и утреннихъ—бюллетеней „Правительственнаго Вѣстника“ о ходѣ военныхъ дѣйствій, сдѣлано распоряженіе, чтобы это изданіе распространялось безплатно, въ провинціи перепечатывалось за счетъ мѣстныхъ казенныхъ средствъ для безплатной же раздачи населенію. О содержаніи фактическихъ правительственныхъ сообщеній съ театра войны едва ли возможенъ споръ: само правительство заранее убѣждало мириться съ ихъ скудостью, неясностью и неопредѣленностью. Но все-таки признанъ принципъ, что населеніе и армію необходимо освѣдомлять о происходящемъ и у насъ, и за границей. И сообщеніе фактическихъ свѣдѣній—хотя и далеко неудовлетворительныхъ—какъ никакъ налажено. Но, вѣдь, факты—лишь сырой матеріалъ. Ихъ надо понять, на основаніи ихъ надо составить мнѣніе, изъ индивидуальныхъ мнѣній должно сложиться общее мнѣніе. Нуженъ огромный неустанный процессъ мысли, чтобы факты падали не въ людскую пыль, которую Богъ вѣсть куда можетъ отнести малѣйшее дуновеніе вѣтра, а на скованную единствомъ чувства, настроен-

нія, воли націю. Только въ томъ случаѣ, если работою мысли выковано національное единство, можно быть увѣреннымъ, что страна не будетъ опьянена минутными успѣхами и не потеряетъ мужества при неудачахъ и испытаніяхъ. Нѣкоторое представленіе о томъ, какая огромная работа всенародной мысли для этого нужна, даетъ слѣдующій примѣръ. Общеизвѣстно, какой характеръ имѣетъ общественная жизнь Англіи, какъ широко и свободно поставлена тамъ работа, необходимая для того, чтобы въ процессѣ всенародной мысли слагались національные взгляды и рѣшенія. На время войны эти условія въ Англіи остались такими же широкими и свободными, какъ всегда. Самая работа всенародной британской мысли, подъ вліяніемъ потрясающихъ событій стала, конечно, напряженнѣе. И все-таки великобританское правительство нашло ее недостаточной и приняло мѣры къ болѣе обширному устройству митинговъ и къ болѣе частому выступленію на нихъ министровъ. При такомъ удовлетвореніи интеллектуальныхъ нуждъ можно считать обеспеченнымъ, что чувства и настроенія британскаго народа и его представителей въ парламентѣ не изольются въ пріятныхъ, но практически безплодныхъ словахъ, опредѣлять національную цѣль, найдутъ пути и средства къ достиженію ея, не поколеблутся малодушно въ минуту неудачи и не впадутъ въ излишества при удачѣ.

Конечно, наши члены Думы лишены были того, безъ чего трудно направить единичныя настроенія и мысли къ общему рѣшенію и общему дѣлу. Приходилось дѣйствовать по вдохновенію. Но именно поэтому странно, что не сдѣлано даже попытки убѣдить правительство въ значительности интеллектуальныхъ нуждъ, удовлетвореніе которыхъ необходимо въ обычное время и чрезвычайно необходимо въ нынѣшній моментъ, рѣшающій судьбы многихъ народовъ. Разумѣется, убѣдить было мудрено. Но вѣдь не сдѣлано попытки хотя бы только напомнить, указать на существеннѣйшій пробѣлъ.

Послѣ закрытія однопреденной законодательной сессіи значительная часть членовъ Думы ушла въ практическую работу по удовлетворенію матеріальныхъ нуждъ военнаго времени. Работа, разумѣется, не безплодная. Между прочимъ, удалось довольно быстро организовать „всероссійскій земскій союзъ помощи больнымъ и раненымъ воинамъ“. Удалось созвать сѣздъ городскихъ головъ и организовать такой же городской союзъ. Оба союза легализованы. Они наряду съ другими частными, общественными и правительственными организаціями этого типа объединяются новоучрежденнымъ „Верховнымъ Совѣтомъ“, находящимся подъ личнымъ предѣлательствомъ Государыни Александры Ѳеодоровны. Верховный Совѣтъ объединяетъ всякую вообще „правительственную, общественную и частную дѣятельность для призрѣнія семей лицъ, призванныхъ на войну, а также семей ра-

ненных и павшихъ воиновъ". Въ смыслѣ организаціонномъ получила известная стройность. Въ дѣло помощи вносится, конечно, много силъ, много чувствъ. И каждый отдѣльный человѣкъ, безъ сомнѣнія, думаетъ объ этой помощи. Нѣтъ лишь процесса, необходимаго, чтобъ отдѣльныя мысли сложились въ народную мысль, отдѣльныя чувства слились органически въ національное чувство. Нѣтъ условій, при которыхъ этотъ процессъ возможенъ. Въ прессѣ начались укоризны по адресу населенія за то, что спеціальныя сборы на помощь даютъ не такой результатъ, какъ ожидалось. Но укорять легко. Гораздо важнѣе и плодотворнѣе взвѣсить значеніе сложившихся обстоятельствъ.

А. Петрищевъ.

Обозрѣніе иностранной жизни.

Причины великаго конфликта.—Роль Германіи и Вильгельма II.

Втеченіе немногихъ недѣль, можно сказать нѣсколькихъ дней, громадная часть культурнаго человѣчества стала и зрителемъ, и актеромъ одной изъ величайшихъ драмъ, которыя когда-либо разыгрывались въ исторіи людей. Война втянула въ свой кровавый водоворотъ всѣ первоклассныя европейскія державы, за исключеніемъ пока Италіи. И, вѣроятно, въ нашей части свѣта скоро не останется ни одной націи, которая могла бы вывободиться изъ-подъ давленія роковой необходимости быть на той или на другой сторонѣ. Но и въ другихъ частяхъ свѣта начинаются движенія государствъ, которыя должны будутъ придать обще-европейскому пожару міровые размѣры. Желтая раса въ лицѣ японцевъ уже входитъ въ комбинацію военныхъ силъ, а за Японіей обрисовывается фигура колоссальнаго нынѣ уже переставшаго быть „недвижнымъ" Китая. По ту сторону океана зорко всматривается въ этотъ гигантскій хаосъ враждующихъ силъ могучая Сѣверо-Американская республика.

Чѣмъ кончится настоящее потрясеніе, эта великая геологическая катастрофа, мы не можемъ пока предвидѣть. У многихъ писателей, старающихся отдать себѣ отчетъ въ происходящемъ, является подъ перомъ сравненіе современнаго положенія вещей съ эпохой Наполеоновскихъ войнъ. Но событія нашихъ дней должны неизмѣримо превышать своимъ значеніемъ тѣ явленія, ареною которыхъ была Европа начала девятнадцатаго вѣка. Мы уже не будемъ говорить о томъ, что населеніе этой части свѣта возросло не менѣе, чѣмъ въ два съ половиною раза. Сто лѣтъ тому назадъ число жителей всей Европы не превышало 180 милліоновъ. Нынѣ на томъ же пространствѣ толпятся, по крайней мѣрѣ, 470 милліоновъ живыхъ существъ. Но голая цифра населенія сама по себѣ

еще ничего не значить. Обратите вниманіе на остовъ и самое тѣло современнаго матеріальнаго прогресса, на все это безчисленное множество зданій, фабрикъ, машинъ, на линіи желѣзныхъ дорогъ, каналовъ, морскихъ путей, на сѣти телеграфныхъ и телефонныхъ нитей, которыя прорѣзываютъ, словно нервы, весь земной шаръ и превращаютъ все человѣчество въ одинъ исполинскій организмъ высшаго сорта. Представьте себѣ, съ другой стороны, мысленно хоть на минуту ту толщу психическихъ, идейныхъ пріобрѣтеній человѣчества, которыя выражаются въ сложныхъ экономическихъ отношеніяхъ между народами и социальными классами, въ политическихъ конституціяхъ, въ научныхъ, артистическихъ и другихъ учрежденіяхъ, во взглядахъ, обычаяхъ и настроеніяхъ массъ, и вы схватите разницу между тѣмъ, что было сто лѣтъ тому назадъ, и тѣмъ, что происходитъ теперь.

Возьмите хотя бы выступленіе широкихъ слоевъ населенія въ великомъ европейскомъ конфликтѣ. Въ началѣ Наполеоновскихъ войнъ болѣе или менѣе сознательное отношеніе къ совершаемымъ ими дѣлїямъ было привилегіей развѣ лишь французовъ, приведенныхъ въ движеніе великой революціей. И нужны были годы кроваваго вихря, носившагося по Европѣ, чтобы и массы въ другихъ странахъ, хоть въ нѣкоторые узловыя моменты этой исторической эпопеи, стали болѣе или менѣе активно вмѣшиваться въ дѣйствія государственныхъ людей и правящихъ сферъ. Достаточно припомнить, какъ кратковременны и въ общемъ безплодны были усилія этихъ широкихъ массъ и выражавшей ихъ стремленія прогрессивной интеллигенціи добыть себѣ лучшія условія существованія послѣ низверженія Наполеона. Эпоха такъ называемаго „Священнаго союза“ характеризовалась какъ разъ господствомъ узкихъ, строго монархическихъ и феодальныхъ правительствъ, которыя держали осѣвшую послѣ вулканическихъ потрясеній народную массу въ полнокъ подчиненіи и, не обращая вниманія на національности, кромсали живые организмы на части произвольными границами ради узкихъ династическихъ интересовъ. Народъ, которому во всѣхъ государствахъ Европы пришлось въ критическую минуту играть роль національнаго спасителя, скоро перешелъ снова на положеніе податного и пушечнаго мяса, которымъ распоряжался тонкій верхній слой правителей, презиравшихъ эту живую основу всякаго политическаго союза.

А посмотрите, что дѣлается теперь. Даже въ наиболѣе отстающихъ изъ государствъ, вступившихъ нынѣ въ бой, правительства считаютъ необходимымъ идти такъ или иначе, хотя бы липемѣря, хотя бы скрѣпя сердце, въ сторону предполагаемыхъ желаній народа, прислушиваться къ голосу національностей и отвѣчать обѣщаніями на ихъ надежды, наконецъ, возбуждать сочувствіе къ себѣ въ тѣхъ трудовыхъ классахъ, которые поддерживаютъ все зданіе современной цивилизаціи во время мира, а нынѣ должны

быть пущены въ ходъ, какъ всемогущій таранъ для взаимнаго разрушенія жизненныхъ силъ борющихся государствъ. Ниже мы познакомимся съ лѣкаторыми знаменательными проявленіями этого желанія правящихъ слоевъ фигурировать въ качествѣ настоящихъ представителей общенациональныхъ и общенародныхъ интересовъ, чтобы легче вовлечь трудящихся въ гигантскую борьбу.

Уже одни еще не встрѣчавшіеся въ исторіи размѣры современной войны показываютъ, что ее нельзя объяснять какими-нибудь случайностями. Случайности, дѣйствія того или другого лица могутъ драматизировать картину начавшагося мірового сотрясенія. Но основной причиной такого громаднаго разряженія разрушительныхъ силъ, конечно, не могутъ быть частные и маловажные факторы. Процессъ крушенія политическаго равновѣсія, дурно или хорошо поддерживавшагося втеченіе четырехъ съ половиною десятиль лѣтъ, настолько всеобъемлющъ, что даже роль того или другого отдѣльнаго государства, хотя бы и первоклассной державы, не можетъ цѣликомъ объяснить обширности землетрясенія. Для этого нужна совокупность общихъ и сложныхъ причинъ, имѣющихъ ареною цѣлый міръ.

„Русское Богатство“ никогда не уставало указывать на эти міровыя причины такой электрической напряженности международной атмосферы. Милитаризмъ, какъ социологическое явленіе первостепенной важности, прорѣзывающее своими желѣзными корнями всю почву общественныхъ отношеній нашихъ дней, не дѣло одного человѣка, отдѣльной націи, а результатъ цѣлаго ряда матеріальныхъ и моральныхъ факторовъ. Тутъ и необходимость постоянного расширенія всемірнаго рынка, и овладѣнія новыми колоніями, словомъ, всеобщаго „империализма“. Тутъ и корыстные расчеты правящихъ, капиталистическихъ и военныхъ круговъ, могущественной буржуазной печати, политикановъ и дипломатовъ, со всѣми этими операціями по иностраннымъ займамъ, правительственными заказами и субсидіями, биржевой игрой, отчаяннымъ карьеризмомъ въ области непродовольственныхъ (военныхъ) профессій, соображеніями королей и министровъ, устраивающихъ диверсіи въ видѣ войны противъ внѣшнихъ враговъ, чтобы ослабить социальную борьбу трудовыхъ массъ противъ привилегій капитала и владѣнія. Тутъ и звѣринныя чувства взаимнаго отчужденія между людьми разныхъ національностей, чувства, идущія отъ доисторическихъ временъ и въ историческій періодъ вѣчно направленныя на отыскиваніе пресловутыхъ „наслѣдственныхъ враговъ“, амплуа которыхъ по очереди исполняютъ въ воображеніи даннаго народа то тотъ, то другой, то ближній, то дальній сосѣдь. Но тутъ и законныя стремленія цѣлой націи отстаивать свою независимость, свергнуть нго чужихъ угнетателей, закрѣпить за собою право думать, говорить, писать, управляться на своемъ языкѣ.

Однако въ сложномъ процессѣ милитаризаціи, охватившемъ Европу, да и весь міръ, съ послѣдней четверти XIX вѣка нѣкоторыя государства играли особенно выдающуюся роль. Такова—Германія, это центральное политическое тѣло Европы, вклинившееся въ самую средину нашего континента, насильственно обведшее остріемъ оружія границу своей территоріи и напоминающее военный лагерь, ошетилившійся противъ большинства сосѣдей. Конечно, было бы очень поверхностно видѣть въ этой воинствующей имперіи исключительную причину того положенія вещей, при которомъ вся Европа задыхается съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе подъ бременемъ непосильныхъ доспѣховъ. Намъ представляется вредной иллюзіей взгляды тѣхъ шовинистовъ разныхъ странъ, оказавшихся нынѣ въ войнѣ съ Германіей, которые увѣряютъ, будто стоитъ только разгромить Германію, и въ Европѣ, и на всемъ земномъ шарѣ наступитъ счастье, свобода, миръ и въ человѣцкихъ благоволеніе. Но, съ другой стороны было бы не менѣе поверхностно закрывать глаза на особенности исторической роли которую играла воинствующая Германія среди милитаризованной Европы. Отъ меня далека мысль въ журнальной статьѣ дать цѣлую философію германской исторіи послѣднихъ десятилѣтій. Мнѣ хочется только указать нѣкоторыя своеобразныя черты политической эволюціи этой страны, придавшія такой жестокой, такой неутолимый характеръ ея государственному и національному развитію.

Фатальность историческаго прогресса для Германіи заключалась въ томъ, что столь законный для всякой самостоятельной націи процессъ объединенія родственныхъ элементовъ совершился въ ней не столько путемъ внутренняго сродненія живыхъ общественныхъ силъ, путемъ постепенной культурной и политической эволюціи, связывающей различныя атомы государства въ одинъ цѣльный организмъ, сколько путемъ насильственнаго стягиванія націи въ одно цѣлое при помощи насильственныхъ операцій надъ сосѣдями, цементирующихъ связь между своими гражданами кровью и попраніемъ правъ окружающихъ національностей. Надежды искреннихъ германскихъ патріотовъ на объединеніе, пробужденныя сопротивленіемъ всего народа противъ Наполеонскаго порабоженія, окончательно были разрушены въ половинѣ прошлаго вѣка, когда злополучная революція 48-го года была задавлена реакціей правительствъ, и нѣмецкій народъ остался разорваннымъ на части подъ властью множества крупныхъ и малыхъ властителей. Это объединеніе произошло лишь въ 1870—1871 г., въ борьбѣ съ Франціей, причемъ самая борьба измѣняла свой характеръ по мѣрѣ того, какъ лились все новые и новые потоки крови и завоеватель отмѣчалъ свой путь насиліемъ и свирѣпымъ обращеніемъ съ мирными жителями по ту сторону

Рейна. Вначалѣ король прусскій объявилъ въ своихъ прокламаціяхъ, что ведетъ борьбу исключительно съ французскимъ императоромъ, а не съ французскою націей. Но вскорѣ подъ давленіемъ не только военныхъ, но и буржуазныхъ круговъ—и это не слѣдуетъ забывать—остріе войны уже было направлено въ грудь всей Франціи, хотя послѣдняя низвергла бонапартовскій режимъ, установила республику и, отказавшись отъ какихъ бы то ни было завоевательныхъ плановъ, напиралась въ борьбѣ съ врагомъ лишь ради освобожденія территорій.

Намъ уже приходилось нѣсколько разъ говорить о роли Бисмарка и военной германской партіи въ этотъ историческій періодъ. Но не слѣдуетъ забывать и нѣмецкой буржуазіи, которая въ лицѣ своихъ національ-либеральныхъ и даже прогрессивныхъ дѣятелей шла навстрѣчу желаніямъ „железнаго графа“ и надрывалась надъ тѣмъ, чтобы доказать право германской націи на завоеваніе Эльзаса и Лотарингіи, на кровавое округленіе ея западныхъ границъ. Правда, и вторая имперія не была свободна отъ шовинизма въ обратномъ направленіи. Она смотрѣла съ неудовольствіемъ на сильное преобладаніе нѣмецкаго языка,—или, лучше сказать, мѣстнаго нѣмецкаго діалекта, перемѣшаннаго съ французскими словами,—во всемъ Эльзасѣ и въ нѣмецкой части Лотарингіи. Но между мыслящими французами все же были рѣдкіе голоса, приглашавшіе вести политику насилія и задававшіеся цѣлью, о которой мечтали иные рыцари имперіи, „пожертвовать хотя бы цѣлымъ поколѣніемъ, но офранцузить его во что бы то ни стало возможно скорѣе“. Во всякомъ случаѣ до насильственного подавленія нѣмецкаго языка и при второй имперіи не доходило. Эльзасцы и нѣмецкіе лотарингцы считали Францію своимъ настоящимъ отечествомъ.

И что же? Уже полтора мѣсяца спустя послѣ начала военныхъ дѣйствій и первыхъ побѣдъ надъ французами нѣмецкіе политики національно-либеральнаго и свободомыслящаго лагеря собрались въ Берлинѣ и оттуда направили адресъ королю, а въ народѣ принялись распространять манифестъ, говорившій о необходимости имѣть „хорошо защищенныя естественныя границы“. По мнѣнію этихъ господъ выходило, что присоединить Эльзасъ-Лотарингію къ ихъ „первоначальному отечеству“ нужно было, видите-ли, еще въ 1815 году. И Европа опоздала на полстолѣтіе, чтобы исправить эту историческую несправедливость. Пылкіе нѣмецкіе патріоты воображали, что именно это насильственное присоединеніе двухъ провинцій къ Германіи проведетъ естественную межу между двумя народами и положитъ конецъ всякой борьбѣ за обладаніе пограничными территоріями. „Европа,—увѣряли они,—можетъ въ такомъ случаѣ отнынѣ совершенно разоружиться“. Увы! Эти стязательныя наклонности нѣмецкаго либерализма какъ нельзя болѣе пришлись по душѣ военнымъ кругамъ и самому Бис-

марку, нисколько не постѣсившемуся на этотъ разъ ступить на почву территоріальной завоевательной политики, той самой политики, которой онъ однако оказалъ рѣшительное сопротивленіе въ войнѣ съ Австріей, не взирая на настойчивыя требованія прусскихъ военныхъ круговъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1870 г. тропная рѣчь въ сѣверо-германскомъ парламентѣ уже прямо говорила о томъ, что французскій императоръ вступилъ въ борьбу съ Германіей „съ согласія всей французской націи“. А посему послѣдняя и должна, молъ, платиться за свое пораженіе. Не смотря на сопротивленіе Либкнехта, Бебеля и еще нѣкоторыхъ нѣмецкихъ социалистовъ, предвидѣвшихъ, какую массу ожесточенія въ отношенія между Франціей и Германіей внесетъ это насильственное приобрѣтеніе территорій, проведеніе „естественныхъ границъ“ было написано на знамени всѣхъ бюргерскихъ партій. И когда весною слѣдующаго года былъ заключенъ мирный договоръ съ обезсиленной, истекавшей кровью Франціей, то, кромѣ громадной контрибуціи въ пять милліардовъ франковъ, французская нація должна была отдать нѣмцамъ двѣ тѣсно сросшіяся съ ней провинціи. Въ этой роковой исторической ошибкѣ лежитъ далеко не единственная, но одна изъ главнѣйшихъ причинъ милитаризаціи Европы нашихъ дней, или, точнѣе говоря, обостренія того роста вооруженій, который былъ связанъ съ необыкновенно быстрымъ развитіемъ крупнаго воинствующаго капитала конца XIX вѣка и отбрасывалъ насъ къ эпохѣ великихъ колониальныхъ войнъ на зарѣ новаго времени.

Запоздалость Германіи въ чисто политической области, отсутствіе темперамента у ея буржуазіи, передовой интеллигенціи да и рабочаго класса имѣли своимъ слѣдствіемъ не только то, что упомянутое объединеніе совершилось при помощи виѣшней войны, въ связи съ военными операціями, которыя велись великими и малыми властителями страны подъ гегемоніей Пруссіи, но и то, что конституція объединенной Германіи являлась въ сущности анахронизмомъ для большой страны, становившейся на путь широкаго развитія. Не смотря на нѣкоторыя положительныя стороны новаго порядка вещей—укрѣпленіе всеобщей подачи голосовъ, развитіе сильной социалистической партіи—Германія поплатилась за процессъ насильственнаго объединенія отсутствіемъ истинной политической и гражданской свободы. Во главу угла политическаго режима здѣсь легъ дуалистическій принципъ. Власть народа уравнивалась и сводилась въ нѣкоторыхъ случаяхъ на нѣтъ властью прусскаго короля, становившагося германскимъ императоромъ, т. е., въ сущности говоря, властью тѣхъ феодальныхъ и милитаристскихъ круговъ, которые до сихъ поръ съ такимъ успѣхомъ бьются въ забрало чисто гражданскому развитію нѣмецкаго государства. Въ Германіи, „слава Богу, нѣтъ парламентаризма“.

Верховная администрація находится въ рукахъ канцлера и министровъ, отвѣтственныхъ исключительно передъ монархомъ. И монархъ же стоитъ во главѣ чудовищной машины германской арміи, орудія той самой „національной индустріи войны“, о которой въ примѣненіи къ Пруссіи XVIII вѣка говорилъ еще Мирабо. Императоръ германскій можетъ объявить наступательную войну съ согласія союзнаго совѣта, оборонительную же—по своей собственной инициативѣ. Ему во всякомъ случаѣ не нужно согласія народа въ лицѣ его представителей. Парламентъ притягивается къ дѣлу, лишь когда нужно вотировать необходимые кредиты. Кромѣ того, какъ легко всякую наступательную войну перелицовывать путемъ софизмовъ въ оборонительную!

При такой политической и военной организаціи не трудно понять, какое совершенно недопустимое для нашего времени значеніе пріобрѣтаетъ германскій императоръ. Этотъ механизмъ огромной военной имперіи устроенъ какъ бы съ нарочитою цѣлью показать, что можетъ сдѣлать при извѣстныхъ условіяхъ отдѣльная личность, поставленная случайностью рожденія въ центрѣ могущественныхъ переплетающихся нитей общественной и политической жизни. Конечно, нужно быть очень наивнымъ социологомъ, чтобы предполагать, что отдѣльный индивидуумъ можетъ постоянно играть исключительную роль въ судьбахъ огромнаго общества людей. Въ положительномъ смыслѣ никакой, даже самый гениальный политическій дѣятель ея играть долго и не можетъ. Но въ отрицательномъ смыслѣ,—въ смыслѣ разрушенія очень сложнаго механизма современной общественной жизни,—личность, стоящая у власти, благодаря самому анахронизму политической конституціи, можетъ сыграть ее въ любой узловой моментъ исторіи. Въ этомъ-то и заключается ужасъ положенія въ абсолютныхъ и полуабсолютныхъ государствахъ, гдѣ личность, безсильная на добро, является чрезвычайно сильной на зло.

По отношенію къ Вильгельму II и современной Германіи мнѣ придется повторить то, что я говорилъ въ заключеніи одной изъ своихъ статей нѣсколько лѣтъ тому назадъ, оцѣнивая какъ разъ по поводу одного изъ капризныхъ выступленій Вильгельма II, „опасность того историческаго факта, того социологическаго явленія, что у руля гигагнтскаго нѣмецкаго корабля, создававшагося втеченіе долгихъ лѣтъ работой колоссальныхъ общихъ условій, милліоновъ живыхъ существъ, усиліями техники, науки, философіи, искусства, стоитъ импульсивный механикъ. Не утѣшайте себя черезчуръ театральностью этой фигуры, чрезвычайно часто стремящейся гораздо больше къ казовому эффекту, чѣмъ къ серьезному дѣйствию. Точно также не обольщайтесь элементами разносторонности Вильгельма II, который является не только императоромъ, но и ораторомъ, ученымъ, духовнымъ проповѣдникомъ. поэтомъ, историкомъ, техникомъ, живописцемъ,

скульпторомъ, композиторомъ, даже капельмейстеромъ и который, какъ думаютъ его поклонники, уже тѣмъ самымъ представляетъ извѣстную гарантію пониманія требованій современной существенно мирной цивилизаціи. Его поверхностная разносторонность, его талантъ ассимилировать внѣшность и въ лучшемъ случаѣ куски міровоззрѣнія нашихъ дней, рѣзко ограничиваются его коренною неспособностью критически отнестись къ традиціямъ и проникнуть въ сердце современнаго человѣческаго общежитія. Въ какой-нибудь злополучный моментъ изъ-за торопливаго, играющаго въ гениальность дилеттанта, изъ-за театральнаго фигуры, бьющей на эффектъ, неожиданно можетъ выступить средневѣковый монархъ божіею милостью—и неосторожнымъ движеніемъ руки направить Германію на опасный путь. Парки исторической необходимости, именно чтобы доказать могущество великихъ общественныхъ условій, могутъ избрать передаточнымъ ремнемъ приложенія гигантскихъ общественныхъ силъ дрожащую отъ импульсивнаго рефлекса руку царствующаго Гогенцоллерна. Не она создавала колоссальное зданіе германской цивилизаціи, но она можетъ вывести изъ состоянія уже неустойчиваго равновѣсія всю эту систему общественныхъ силъ“ („Уроки прикладной социологіи“; „Русское Богатство“ 1908, № 12, стр. 133—134).

Мнѣ и теперь нечего особенно измѣнять ту характеристику Вильгельма II, которую я считалъ нужнымъ дать шесть лѣтъ тому назадъ. Въ то время, когда я набрасывалъ этотъ абрисъ повелителя шестидесяти, нынѣ чуть ли не семидесяти милліоновъ, смиренные нѣмцы волновались по поводу одного изъ очень необдуманныхъ интервью императора, чуть было не поссорившаго тогда своихъ вѣрноподданныхъ со всей Европой. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣмцы не отказывали себѣ въ удовольствіи восхищаться фигурой своего рыцаря на тронѣ, своего „Лоэнгрина“. Лоэнгринъ-то Лоэнгринъ,—думалось мнѣ въ то время—но Лоэнгринъ изъ Тараскона, т. е. смѣшанный типъ, типъ не только средневѣковаго романтика на тронѣ, но и актера, которымъ зачастую руководитъ желаніе лицедействовать, играть въ театральные эффекты и при томъ такъ далеко заходить на этомъ пути, чтобы вѣрить въ созданія своей собственной фантазіи. А, между тѣмъ, увы! можно было и тогда предвидѣть,—а теперь это сказалось какъ нельзя ярче,—что люди такого душевнаго склада могутъ при извѣстныхъ условіяхъ повергать не только свою страну, но и весь міръ въ рядъ бѣдъ и несчастій, при одномъ зрѣлищѣ которыхъ можетъ стынуть кровь въ жилахъ у самаго хладнокровнаго человѣка. И, пожалуй, болѣе всего у самого же воинственнаго на словахъ повелителя нѣмцевъ, когда передъ нимъ развернется вся ужасная перспектива современной кровавой игры, гдѣ ставкой будутъ скипетры и короны, а, можетъ быть, и кой-какія основы капиталистическаго строя...

Поводы войны и группировка державъ въ первые дни.

Каковъ же былъ въ самыхъ общихъ чертахъ ходъ событій, приведшихъ или послужившихъ поводомъ къ войнѣ? 28 (16) іюня, во время торжественнаго посѣщенія Сераева эрцгерцогомъ Францомъ-Фердинандомъ, какъ онъ, такъ и сопровождавшая его жена, послѣ неудачнаго покушенія на нихъ при помощи бомбъ, были всего какой-нибудь часъ спустя убиты выстрѣлами изъ револьвера почти въ упоръ, въ тотъ моментъ, когда они проѣзжали въ открытой коляскѣ по запруженнымъ толпою улицамъ столицы Босніи. Виновикомъ убійства оказалась молодой сербъ, Гаврило Принципъ, который на допросѣ заявилъ не безъ гордости, что онъ совершилъ этотъ актъ какъ республиканецъ и какъ сербскій патриотъ. Его цѣлью было устранить эрцгерцога въ качествѣ представителя монархическаго принципа въ Австріи и главнаго инициатора политики притѣсненій, практикуемой по отношенію къ сербамъ въ присоединенныхъ областяхъ. Убіиство это вызвало въ Босніи, да и во всей Габсбургской имперіи взрывъ монархическаго фанатизма и шовинизма, направленаго не только противъ мѣстныхъ сербовъ, но и противъ соседней Сербіи. Бомбардируя сербское правительство угрожающими требованіями, обвиняя его въ поддержкѣ великосербской пропаганды и великосербскому терроризму, австрійское правительство кончило, наконецъ, тѣмъ, что обратилось къ Сербіи 25 (10-го) іюля съ ультиматумомъ, требовавшимъ отъ маленькаго королевства втеченіе 48 часовъ безусловнаго подчиненія условіямъ, поставленнымъ вѣнскимъ кабинетомъ.

Въ сущности, эти требованія представляли собою самое открытое вмѣшательство во внутреннюю политику Сербіи и отличались тѣмъ реакціоннымъ духомъ, который такъ часто пронизываетъ политику двойственной монархіи. Особенно чудовищными домогательствами были требованія запретить всѣ изданія, „возбуждающія ненависть и презрѣніе къ Австро-Венгріи“; закрыть всѣя общества, которыя занимаются такой же пропагандой; перетасовать съ этой же цѣлью обезвреженія весь учительскій персоналъ; измѣнить учебники и способы обученія, находящіе мѣсто въ образовательныхъ программахъ Сербіи; наконецъ, допустить участіе австрійскихъ чиновниковъ въ предварительномъ полицейскомъ слѣдствіи на сербской территоріи по дѣлу о царубійствѣ. На слѣдующій же день Сербія вручила австро-венгерскому посланнику въ Бѣлградѣ отвѣтную ноту, въ которой доходила до крайнихъ предѣловъ подчиненія чужой волѣ. Такъ, она соглашалась, въ угоду Австріи, провести черезъ скупщину новый, очень строгій законъ о печати, которымъ карались бы всѣ произведенія, враждебныя Австро-Венгріи. Соглашалась закрыть различныя проникнутыя этими тенденціями общества, хотя сама же заявляла, что не видитъ въ ихъ дѣятельности ничего, что могло бы воз-

буждать такой гнѣвъ Австріи. Соглашалась даже немедленно принять за перекройку программъ народнаго образованія въ направленіи, желательномъ Австріи, и только просила послѣднюю указать конкретные факты антиавстрійской пропаганды въ учебныхъ предметахъ и руководствахъ. Единственно, въ чемъ Сербія отказывала Австріи, это допустить на своей территоріи сотрудничество австрійскихъ чиновниковъ по дознанію относительно преступленія 28 іюня.

Австрійское правительство не удовлетворилось однако этимъ отвѣтомъ. Не смотря на то, что его чрезмѣрные требованія посягали на независимость Сербіи, какъ самостоятельнаго государства, — и это было отмѣчено не только общественнымъ мнѣніемъ въ странахъ тройственнаго согласія, но даже независимой и демократической печатью тройственнаго союза, — Австрія прервала по истеченіи 48 часовъ дипломатическія сношенія съ Сербіей и объявила военное положеніе. Прошло еще два дня необычайныхъ тревогъ, охватившихъ сознаніе всѣхъ народовъ Европы, которые почувствовали, что дѣло идетъ къ неминуемому взрыву. Тщетно Россія требовала удлиннить срокъ ультиматума. Тщетно Англія выдвинула предложеніе передать австро-сербскій споръ на рѣшеніе конференціи изъ четырехъ „непосредственно незаинтересованныхъ въ дѣлѣ“ великихъ державъ, а именно Англіи, Франціи, Германіи и Италіи. 28 (15) іюля Австрія объявила войну Сербіи и начала бомбардировку Бѣлграда, хотя городъ въ то время былъ, повидимому, еще не защищенъ. На слѣдующій день (16 іюля с.с.) Россія объявила частную мобилизацію (четырехъ округовъ изъ двѣнадцати), а еще на слѣдующій день эта мобилизація приняла общій характеръ.

Здѣсь узелъ вопроса затягивается все тѣснѣе и тѣснѣе, и будущіе историки употребятъ, повидимому, не мало усилій надъ тѣмъ, чтобы рѣшить, кто собственно первый въ Европѣ поднесъ пылающій факелъ къ пороховому погребу. Главныя державы выпустили въ данный моментъ дипломатическія книги разныхъ цвѣтовъ, чтобы отмѣтить для современниковъ и потомства каждая свою правоту. Англія въ Голубой, Россія въ Оранжевой, Германія — въ Бѣлой книгѣ наперерывъ стараются опубликованіемъ документовъ установить чужую отвѣтственность ужасной инициативы. Въ глазахъ державъ тройственнаго согласія дѣло представляется такъ. Германское правительство уже за нѣсколько недѣль передъ окончательнымъ взрывомъ рѣшило вмѣстѣ съ австро-венгерскимъ правительствомъ обратиться къ оружію, чтобы выйти изъ такого положенія вещей въ Европѣ, которое казалось угрожающимъ все болѣе и болѣе политикѣ двухъ центральныхъ европейскихъ государствъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ германское правительство желало оставить конфликтъ такимъ образомъ, чтобы формальное объявленіе имъ войны представлялось общественному мнѣнію Европы лишь

отвѣтнымъ, лишь вынужденнымъ и, значить, оборонительнымъ актомъ. Такъ, между германскимъ и русскимъ правительствомъ втеченіе пяти дней шель оживленный обменъ мнѣніями по телеграфу и денешн порою даже перекрещивались въ дорогѣ. Но, подчеркивая на словахъ свое крайнее желаніе сохранить во что бы то ни стало миръ въ Европѣ, германскій императоръ скорѣе подталкивалъ, чѣмъ удерживалъ Австрію. И, не смотря на то, что Россія объяснила свою частную, а затѣмъ и общую мобилизацію исключительно какъ мѣру предосторожности противъ Австріи, нападавшей на Сербію, къ судьбѣ которой Россія не хотѣла остаться равнодушной, Германія сочла нужнымъ объявить у себя военное положеніе, подъ прикрытіемъ его начать передвиженіе войскъ на западъ и востокъ, послать 31 (18) іюля ультиматумъ Россіи, требующій отъ нея въ 12-часовой срокъ демобилизаціи.

Слѣдующій день, 1 августа нов. ст. (19 іюля), былъ въ особенности чреватъ событіями. Германія объявляетъ войну Россіи и ея передовые отряды занимаютъ Бейдницъ и Калишъ. Въ отвѣтъ на общую мобилизацію Германіи мобилизуютъ свои войска Франція и Бельгія. 2 августа (20 іюля) германскія войска переходятъ французскую границу, нарушаютъ нейтралитетъ Люксембурга, а черезъ день Германія посылаетъ ультиматумъ Бельгіи, требуя права перехода черезъ ея нейтральную территорию подъ тѣмъ предлогомъ, что этотъ нейтралитетъ будетъ, — какъ то, молъ, доподлинно извѣстно нѣмцамъ, — нарушенъ Франціей. На это Бельгія (4 августа) отвѣчаетъ объявленіемъ войны Германіи, между тѣмъ какъ Италія истолковываетъ договоръ тройственного союза такимъ образомъ, что считаетъ себя вправѣ остаться нейтральной. 4 же августа (22 іюля) Англія въ свою очередь предъявляетъ ультиматумъ Германіи, а Германія объявляетъ войну Франціи и вторгается въ Бельгію, не стѣсняясь проходомъ черезъ голландскій Лимбургъ. 5-го августа и Англія объявляетъ войну Германіи, тогда какъ 6-го, — лишь 6-го! — Австрія, которая играла такую роль въ конфликтѣ, объявляетъ войну Россіи. Вотъ въ какомъ переплетающемся хаотическомъ безпорядкѣ одно событіе смѣняется другимъ въ эти первые дни великаго конфликта, превращая съ каждымъ часомъ все большія и большія пространства цивилизованной Европы въ арену жесточайшихъ столкновеній.

Въ концѣ концовъ тройственное согласіе превратилось сначала фактически въ группу шести союзныхъ государствъ: Франціи, Англіи, Россіи, Бельгіи, Сербіи и Черногоріи, а по послѣднимъ извѣстіямъ между тремя великими державами заключенъ (5 сентября - 23 августа) и формальный союзный договоръ, обязывающій каждое изъ этихъ государствъ, — а, стало быть, и три остальныхъ — не вступать ни въ какое сепаратное соглашеніе съ врагомъ. Что касается до тройственного союза, то, съ выпаденіемъ изъ него Италіи, онъ фактически сталъ союзомъ двухъ государствъ, кото-

рыя можно назвать „нѣмецкими“ (по доминирующей культурѣ): Австро-Венгерской монархіи и Германской имперіи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такъ называемая историческая отвѣтственность за міровой пожаръ лишь съ очень большимъ трудомъ можетъ быть распредѣлена вполне справедливо между различными государствами. Національный эгоизмъ подрываетъ почти въ корнѣ всякую возможность безпристрастнаго нравственнаго суда. И сколько бы въ данномъ случаѣ представители той или иной національности ни спорили о томъ, кто же правъ и кто виноватъ, нѣтъ такого высшаго трибунала народовъ, который могъ бы прдать достаточно вѣскую санкцію приговору о виновности той или другой страны. Единственно, что можно сказать, это, что, какъ бы Германія ни аргументировала свою „безусловную правоту дѣйствій“ двуличной якобы политикой Россіи и Франціи, которыя вынудили ее объявить войну, мобилизуя свои силы безъ достаточныхъ мотивовъ, все же тѣмъ шагомъ, который безповоротно превращалъ всю Европу въ одинъ огромный военный лагерь, было объявленіе войны Вильгельмомъ II Россіи и нарушеніе имъ нейтралитета маленькихъ государствъ, положившее конецъ колебаніямъ Великобританіи.

Особенности современной войны и ея отраженіе на внутреннемъ строѣ государствъ.

Война вызываетъ въ культурныхъ странахъ рядъ необычныхъ явленій, тѣмъ болѣе необычныхъ, чѣмъ выше эти страны стоятъ на лѣстницѣ политическаго и общественнаго развитія. Подъ ногами гражданъ этихъ государствъ почва вдругъ начинаетъ колебаться. Вещи, которыя до сихъ поръ казались столь же правильными и закономѣрными, какъ движеніе свѣтилъ небесныхъ, вдругъ начинаютъ испытывать самыя серьезныя пертурбаціи. Еще недавно люди, которымъ нельзя отказать въ проникательности, доказывали и отъ разума, и отъ писаній невозможность войны въ самомъ сердцѣ Европы, среди высоко культурнаго населенія, на старой исторической почвѣ, которую толстымъ слоемъ облегаютъ блага матеріальной и духовной цивилизаціи. И, между тѣмъ, то, что казалось немыслимымъ, прямо чудовищнымъ, переходитъ изъ области кроваваго кошмара въ дѣйствительность. Горькой ироніею кажутся, напр., слова знаменитаго англійскаго историка Маколея, который еще болѣе полувѣка тому назадъ доказывалъ дальнѣйшую невозможность войны среди культурныхъ государствъ именно въ силу того, что богатая и промышленная Европа нашихъ дней отнюдь не есть средневѣковая Европа съ ея скудными производительными силами; что человечество накопило за это время такой запасъ всевозможныхъ богатствъ, который по необходимости долженъ сдѣлать его миролюбивымъ.

И однако невозможное совершилось. Когда вдумываешься въ то, что самой ожесточенной ареной европейской войны является теперь Бельгія, гдѣ населеніе въ среднемъ превосходитъ 250 жителей на кв. километръ, а мѣстами приближается чуть-ли не къ двойному количеству; когда читаешь, что усовершенствованныя орудія истребленія, несущія человѣку смерть и на землѣ, и съ неба, метутъ улицы городовъ такой желѣзной метлой, что трупы уже не могутъ валиться, а стоятъ одинъ возлѣ другого, тогда начинаешь понимать, какая чисто стихійная, геологическая катастрофа, вродѣ всеобщаго землетрясенія, обрушилась на культурное человѣчество. Не мудрено, что тамъ, гдѣ святыня человеческой жизни попирается въ прахъ, колеблются и самыя основы гражданскаго и соціальнаго существованія, которыя, казалось бы, уже стали принадлежностью современнаго общежитія. Питательныя функціи страны парализуются. Заводы, фабрики, поля и луга перестаютъ быть матеріальнымъ фундаментомъ духовныхъ приобрѣтеній человѣчества. И мирные люди труда превращаются въ дикую орду, которая живетъ только узаконенными кодексомъ войны грабежомъ, насиліемъ и убійствомъ. Основныя учрежденія любой страны, начиная отъ самыхъ крупныхъ и кончая самыми мелкими, или совсѣмъ разрушаются, или, въ лучшемъ случаѣ, искажаются въ угоду все той же задачѣ человѣческаго взаимонистребленія.

Вводится такъ называемое военное положеніе, которое, какъ показываетъ уже самое слово, выбиваетъ изъ колеи все теченіе мирной жизни. Парламенты собираются только для того, чтобы на подобіе солдата отвѣтить лаконическимъ „здесь! радъ стараться!“ на требованіе со стороны правительства кредитовъ въ цѣляхъ войны и разрушенія. Самыя, казалось бы, прочно установившіяся конституціи лишаются основныхъ устоевъ. Естественныя права человѣка и гражданина суживаются въ иныхъ странахъ до предѣловъ, переносащихъ насъ въ далекія времена мрака и безправія. Военные суды вытѣсняють гражданскую юстицію, которая остается лишь тамъ и лишь постольку, поскольку это заблагоразсудится лицамъ и кругамъ, воплощающимъ такъ называемую національную оборону. Права человѣка свободно мыслить, свободно говорить, свободно писать, загоняются въ колодки стѣснительныхъ ограниченій. Вводится военная цензура, цѣль которой давать населенію не то, что оно при обычномъ теченіи жизни должно знать, такъ какъ оно въ сущности, а некто другой, является властелиномъ имъ же созданнаго общежитія, а то, что боевое правительство сочтетъ удобнымъ ему сообщить. Истина фильтруется, искажается въ угоду такъ называемыхъ высшихъ интересовъ патріотизма и благочестивая ложь ставится выше правды. Ломаются даже основныя привычки человеческой жизни въ трудъ и отдыхъ. Театры, рестораны, мѣста развлеченій, а, въ случаѣ необходимости, и мѣста мирной

научной и художественной работы закрываются. Война заноситъ свою руку даже на палладіумъ капиталистическаго общества, на то, что въ современномъ строѣ обыкновенно охраняется тщательнѣе, чѣмъ достоинство личности и чѣмъ сама человѣческая жизнь: такъ называемая священная собственность перестаетъ быть тѣмъ фетишемъ, въ угоду которому въ обычной жизни приносится столько жертвъ, и подъ грохотъ пушекъ, при заревѣ пожаровъ человѣкъ начинаетъ видѣть ея истинную внутреннюю натуру, какъ созданія человѣческаго же общества, которое можетъ охранять ее, какъ можетъ и истреблять ее по своему произволу...

Разумѣется, всѣ эти превращенія, вызываемыя военнымъ временемъ, происходятъ въ разной культурной средѣ и потому принимаютъ болѣе радикальный или болѣе умѣренный характеръ, въ зависимости отъ общей высоты соціальной структуры, отъ степени политической свободы и человѣческаго достоинства, существующихъ въ извѣстной странѣ въ мирное время. Такъ, правительствамъ современныхъ государствъ, въ какой бы сильной степени они и по сію пору ни находились въ зависимости отъ господствующихъ классовъ, приходится считаться съ настроеніемъ всего народа и, въ частности, трудящихся массъ. И все, что носило бы характеръ утѣшеній, прилагаемыхъ спеціально къ трудовому народу и къ выразительнымъ его стремленіямъ, передовой демократической интеллигенціи, въ настоящее время по возможности устраняется или, по крайней мѣрѣ, маскируется. Если сто лѣтъ тому назадъ Наполеону было возможно, опирался на желѣзную дисциплину солдатъ и на ихъ энтузіазмъ къ нему, вести ихъ покорно за собою, въ то время, какъ вся гражданская Франція изнывала у себя на родинѣ подъ гнетомъ деспотической администраціи и всепальной полиціи, то въ настоящее время объ этомъ и думать нечего. Какъ бы слабо до сихъ поръ ни были представлены интересы труда и широкихъ слоевъ народа въ современныхъ государствахъ, стоящимъ у власти приходится употреблять всѣ усилія, чтобы ослабить и, если возможно, совсѣмъ устранить соціальную борьбу между классами и сословіями, подмѣнить ее объединеніемъ ради дружнаго отпора врагу. Отсюда необходимость ослабленія партійной вражды. Отсюда желаніе привилегированныхъ классовъ показать всему народу, дружное участіе котораго въ борьбѣ становится неизбежнымъ условіемъ побѣды, что вся нація отъ верху и до низу должна участвовать въ тягостяхъ войны и что не будетъ никакихъ ни спеціальныхъ жертвъ, возлагаемыхъ на трудящіяся массы, ни спеціальныхъ облегченій, допускаемыхъ по отношенію къ верхамъ общества.

Въ этомъ смыслѣ знаменательна та хотя бы тактика, которую теперь пускаютъ въ ходъ правительства наименѣе демократическихъ странъ, чтобы при самомъ объявленіи войны идти до извѣстной степени на встрѣчу несомнѣнно мирнымъ тенденціямъ трудящихся массъ и рабочихъ классовъ. Каждое изъ государствъ

употреблять все усилія, чтобы въ пачавшейся борьбѣ и путемъ прямыхъ заявленій, и путемъ различныхъ допущенныхъ имъ выраженій общественнаго мнѣнія показать, что оно ведетъ войну строго оборонительную, что оно лишь защищается, что оно вынуждено, молъ, охранять высшія блага мира, цивилизаціи и свободы отъ недопустимыхъ притязаній со стороны врага. Но это и есть точка зрѣнія трудящихся массъ, насколько можно судить по заявленіямъ организованныхъ рабочихъ партій и сознательныхъ выразителей трудового народа. Даже и такія полу-абсолютныя, полу-феодалныя государства, какъ Германія, брошенная въ войну Гогенцоллерномъ, считаютъ пужнымъ объявить передъ лицомъ своего народа и другихъ націй, что они, видите-ли, поднимаютъ мечъ лишь по необходимости, лишь для защиты цивилизаціи и независимости своего отечества отъ варварства или вѣроломства и зависти своихъ враговъ.

Тутъ чувствуется, если хотите, извѣстная побѣда и здравого инстинкта, и сознанія трудовыхъ массъ. Теперь дѣйствительно было бы немислимо представить себѣ объявленіе войны какимъ-либо государствомъ съ откровеннымъ признаніемъ желанія захватить чужую территорію или хотя бы только добыть себѣ славы. Но какъ разъ тутъ приходится сдѣлать значительную и вмѣстѣ прискорбную для современнаго человѣчества оговорку. Если трудящіеся и мирныя массы приобрѣли въ настоящее время почти повсюду достаточно значенія, чтобы заявлять о своихъ миролюбивыхъ желаніяхъ, мало того, чтобы заставлятъ даже воинственные правительства держаться на половину пацифистской фразеологіи въ тѣхъ самыхъ документахъ, которые возвѣщаютъ войну, то у этихъ же массъ не оказывается все-таки достаточно смѣлости, достаточно организованности, чтобы остановить самое чудовищную войну. На международныхъ социалистическихъ конгрессахъ поднимался часто вопросъ о томъ, не долженъ ли въ случаѣ такой войны рабочий классъ прямыми дѣйствіями выразить свое нежеланіе идти убивать такихъ же, какъ онъ, людей, лишь говорящихъ инымъ языкомъ и живущихъ по другую сторону границы. Но только наиболѣе крайніе и послѣдовательные элементы среди социалистовъ доводили эту точку зрѣнія до ея логическаго конца. Большинство рабочихъ партій останавливалось на полдорогѣ, высказывая ту мысль, что противъ войны нужно бороться не дезертирствомъ, не всеобщей стачкой, не прямымъ возстаніемъ противъ своего правительства, но неустанной пропагандой своихъ мирныхъ идеаловъ, ежедневной энергичной борьбой противъ всякихъ шовинистскихъ вождельнѣй правительства и привилегированныхъ классовъ. А, напр., пѣмпы вслѣдствіе отсутствія темперамента, останавливались при обсужденіи этого вопроса даже въ самомъ началѣ, скрываясь за мнимореволюціонную абстрактную фразеологію и прерывая обсужденіе этого жгучаго вопроса на первыхъ же шагахъ повтореніемъ въ сотый

разъ своей обычной формулы, что милитаризмъ является фатальнымъ слѣдствіемъ капитализма и что поэтому наиболее цѣлесообразной борьбой съ военщиной является борьба съ капиталомъ.

Внезапно поднявшійся кровавый ураганъ войны показалъ, что у сознательныхъ представителей трудящихся массъ не было ни силы, ни высшаго гражданскаго мужества стать поперекъ воинственнаго увлеченія и остановить націи на краю братоубійственной войны. Правда, всего за нѣсколько дней до открытія военныхъ дѣйствій интернаціональное социалистическое бюро, засѣдавшее въ Брюсселѣ, выразило рѣшительный протестъ противъ всякаго международнаго конфликта и пригласило рабочія партіи всего міра путемъ пропаганды, собраний и манифестацій сопротивляться всѣми силами кровавому наводненію. И тутъ же, въ Брюсселѣ, былъ устроенъ огромный митингъ, на которомъ представители различныхъ странъ горячо говорили противъ кроваваго рѣшенія международныхъ вопросовъ. Увы! На этой точкѣ зрѣнія удержались до конца лишь единицы. По мѣрѣ того, какъ кровавый миражъ войны принималъ все болѣе и болѣе осязательныя формы и воинственный пылъ на хорошихъ или дурныхъ основаніяхъ овладевалъ различными странами, протестующая энергія рабочихъ партій ослабѣвала все больше и больше и скоро свелась на нѣтъ, принявъ форму своеобразнаго полукультурнаго, полувойниственнаго патріотизма, который давалъ возможность вожакамъ социалистическихъ партій примирить до нѣкоторой степени свой международный идеалъ съ требованіями національной обороны.

Такъ, когда въ Германіи, за нѣсколько дней до объявленія войны, на улицахъ стали происходить шовинистскія демонстраціи, нѣмецкіе социаль демократы втеченіе одного-двухъ дней боролись съ поднимавшейся волной крикливаго патріотизма и на десяткахъ митинговъ въ Берлинѣ и другихъ городахъ имперіи, собравшихъ сотни тысячъ участниковъ, заявляли о своемъ желаніи сохранить блага мира. Но, когда Германія объявила войну Россіи (1 августа-19 іюля) и 4 августа н. с. состоялось „историческое засѣданіе“ германскаго рейхстага, то у социалистовъ не хватило духу идти прямо противъ подымавшагося патріотическаго вихря и ихъ поведение лишь незначительными оттѣнками отличалось отъ поведения всѣхъ бургерскихъ партій. Говоря такъ, мы вовсе не думаемъ злорадствовать надъ нѣмецкими социаль-демократами и вышучивать ихъ тактику въ трудномъ положеніи, выпавшемъ на ихъ долю. Но какъ не отмѣтить того факта, что партія, которая присвоивала себѣ въ рабочемъ Интернаціоналѣ привилегію быть хранительницей настоящихъ социалистическихъ традицій и съ высоты единоспасающей доктрины обрушивалась то на ту, то на другую социалистическую партію другихъ странъ за ея, видите ли, недостаточно принципиальное отношеніе къ борьбѣ классовъ, борьбѣ партій и тому подобнымъ внутреннимъ и вѣшнимъ вопросамъ,—

именно эта партія болѣе всѣхъ оказалась въ данномъ случаѣ склонной идти вмѣстѣ съ полуабсолютнымъ правительствомъ и принимать безъ критики его объясненія.

Правда, засѣданіе 4-го августа прошло не совсѣмъ такъ, какъ рассказывали буржуазныя газеты тройственного согласія, стараясь возбудить социалистовъ своихъ странъ противъ нѣмецкихъ социаль-демократовъ за ихъ шовинизмъ. Невѣрно, напр., что нѣмецкіе социаль-демократы кричали на сей разъ „ура“ германскому императору, лично читавшему тронную рѣчь въ рейхстагѣ. Невѣрно и то, что, когда Вильгельмъ II закончилъ свое чтеніе патетической ораторской импровизаціей, заявляя, что онъ не знаетъ болѣе партій, а знаетъ лишь нѣмцевъ, и пригласилъ вожаковъ всѣхъ фракцій въ рейхстагѣ подойти къ нему и пожать вмѣсто всякой клятвы вѣрности его августѣйшую руку, то въ числѣ желающихъ удостоиться этого отличія были и социаль-демократы. Этихъ сценъ не было, не было уже потому, что социалисты отсутствовали на всей этой части засѣданія, и отсутствовали умышленно. Но затѣмъ они явились и своимъ вотумомъ кредитовъ и прочихъ мѣръ, предложенныхъ правительствомъ, обнаружили, что раздѣляютъ точку зрѣнія императора, который обвинялъ Россію въ томъ, что она „уступила ненасытному націонализму и сдѣлалась защитницей положенія дѣлъ, являющагося причиною войны, ибо она благопріятствовала совершенію преступныхъ злодѣяній противъ высокихъ особъ“. Они повѣрили и изложенію дѣлъ канцлеромъ имперіи, который говорилъ, что отвѣтственность за войну падаетъ на Россію которая „зажгла“ весь этотъ пожаръ и которая вела себя умышленно двулично, обратившись съ просьбою о посредничествѣ между ею и Австріею къ германскому императору уже тогда, когда война была ею рѣшена. На деклараціи социалистовъ, прочитанной отъ имени партіи депутатомъ Гаазе на третьемъ засѣданіи, ясно отражается то чувство неловкости, которое должна же была переживать нѣмецкая социаль-демократія, совершая дѣйствія, стоящіе въ рѣзкомъ противорѣчьи какъ съ ея интернаціональнымъ символомъ вѣры, такъ и съ обычной фразеологіей.

Сказавъ, что кровавыя затрудненія настоящаго момента являются слѣдствіемъ „империалистской политики“ и что поэтому въ начинающемся конфликтѣ виноваты партизаны этой политики, а не они, социалисты; прибавивъ, что нѣмецкая социаль-демократія „тщетно старалась до самаго послѣдняго часа путемъ значительныхъ манифестацій защищать дѣло мира вмѣстѣ со своими французскими братьями“, ораторъ социаль-демократіи спѣшилъ заявить, что не по ихъ винѣ его партійные товарищи очутились передъ ужасомъ непріятельскаго нашествія, а потому „должны въ данный моментъ не высказываться за или противъ войны, а обсудить лишь вопросъ о средствахъ, необходимыхъ для защиты страны“. Предстоящее столкновение заключаетъ въ себѣ „опасность побѣды

русского деспотизма, который запиталъ себя кровью лучшихъ сыновъ своего же отечества“. И въ устраненіи этой опасности, угрожающей „цивилизациі, независимости и свободному развитію Германіи“, Гаазе видитъ задачу момента, полагая, что этимъ путемъ его партія остается вѣрною идеямъ Интернаціонала, признающаго право за каждой націей на ея „автономію“. Ораторъ заканчиваетъ академическимъ осужденіемъ всякой завоевательной войны и надеждою на то, что „изъ грядущаго столкновенія новые милліоны людей вынесутъ отвращеніе къ войнѣ и проникнутся идеаломъ социализма и мира между народами“. Это заявленіе заключалось словами, въ которыхъ ходъ событій долженъ вложить горькую пронию: „Воодушевленные этими принципами, мы и требуемъ требуемые отъ насъ кредиты“.

Соціалистическая пресса Франціи и Бельгіи уже замѣтила по этому поводу, что, разъ продѣлавъ нелегкій переходъ отъ своего интернаціональнаго катехизиса къ германскому офиціальному патриотизму, нѣмецкая рабочая партія пойдетъ очень далеко за правительствомъ, пока поражение Германіи или бремя затянувшейся войны не вызоветъ въ массахъ враждебнаго къ ней настроенія и не отразится въ свою очередь и на вожакахъ. Эта же пресса отмѣчаетъ не безъ искренняго сожалѣнія тотъ фактъ, что нѣмецкіе социаль-демократы обнаружили такую долю наивности, которая позволила имъ принимать безъ особой критики чисто на вѣру объясненія правительства и даже видѣть какъ бы проблески новой эры въ томъ, что канцлеръ закончилъ свою рѣчь не только обычнымъ возгласомъ: „Да здравствуетъ императоръ“, но прибавилъ еще къ нему: „Да здравствуетъ германскій народъ“.

Болѣе послѣдовательно и менѣе противорѣчиво было поведеніе социалистическихъ партій другихъ странъ, увлеченныхъ водоворотомъ войны. Большой прочности ихъ позиціи помогали, главнымъ образомъ, тотъ фактъ, что Германія была въ данномъ случаѣ нападающей стороною, и что въ роли таковой эта милитаристская имперія съ ея полуабсолютнымъ, полуфеодалнымъ правительствомъ являлась серьезнѣйшимъ врагомъ демократіи и политической свободы такихъ странъ, какъ Франція, Бельгія и Англія, гдѣ народъ можетъ серьезно вліять на государственную политику. Мы не будемъ говорить о томъ, что во Франціи такой отчаянный противникъ милитаризма, какъ Эрвэ, грозившій правительству своей страны и всеобщей забастовкой, и внутреннимъ возстаніемъ въ случаѣ объявленія войны, уже съ годъ перешелъ на другую точку зрѣнія и не переставалъ защищать необходимость для социалистовъ-революціонеровъ бороться за французское отечество противъ нѣмецкаго деспотизма и нѣмецкаго варварства. Эрвэ — человѣкъ очень импульсивный и, перегибая раньше палку на одинъ бокъ, могъ начать перегибать ее на другой. Но и типичные представители французскаго социализма, и не только изъ праваго, прими-

ренческаго крыла, но и хранящіе традиции революціоннаго социализма, и даже синдикалисты, стали въ данномъ случаѣ на сторону французскаго республиканскаго правительства противъ монархической и юнкерской Германіи.

Правда, и само правительство республики поняло, что въ моменты такой опасности становилось очень пѣннымъ сочувствіе рабочаго класса и его сознательныхъ представителей. Какъ только тучи на горизонтѣ сгустились и зашла рѣчь о необходимости мобилизаціи, такъ сейчасъ же министромъ внутреннихъ дѣлъ Мальви былъ сдѣланъ существенный шагъ въ сторону социальнаго единенія. Къ стыду третьей республики должно сказать, что въ послѣдніе годы радикальныя министерства составили такъ называемый „списокъ подозрительныхъ“ (liste des suspects). Въ него были внесены всѣ лица, которыя правительство считало заклятыми антимилитаристами и которыхъ оно обрекало на ссылку въ отдаленные департаменты Франціи на случай мобилизаціи. Нынѣ кабинетъ Вильяни рѣшилъ уничтожить этотъ злополучный листъ и синдикалисты увидѣли въ этомъ признаніе своего значенія правительствомъ. Одновременно съ этимъ Всеобщая конфедерація труда, остававшаяся до сихъ поръ, въ общемъ, яростной противницей военщины, издала манифестъ къ „французскимъ пролетаріямъ“. Въ немъ она констатировала тотъ фактъ, что организованный рабочій классъ не можетъ, къ сожалѣнію, произвести достаточно сильнаго давленія на страну, чтобы уберечь міръ отъ ужасовъ войны. Конфедерація труда признаетъ, что событія застали врасплохъ, „затопили“ непримиримыхъ противниковъ войны, и что, сохраняя твердую вѣру въ рабочій Интернаціоналъ, члены организаціи однако не могутъ требовать отъ рабочихъ еще большей жертвы. Приходится оплакивать необходимость. Но... Прокламація не договаривала. Смыслъ былъ во всякомъ случаѣ ясенъ: надо идти и бить нѣмца!..

Въ это же время въ Парижѣ состоялся большой митингъ социалистовъ, на которомъ послѣ рѣчей Дюбрёйля, Вайльяна, Жана Лонгэ, Самба и др. была единогласно принята резолюція, въ которой, протестуя противъ всякой идеи реванша и противъ какихъ бы то ни было завоевательныхъ замысловъ, присутствующіе заявляютъ однако, что они будутъ „отвѣчать со всею силою и со всею энергіей на то нападеніе на республиканскую и мирную Францію, которое угрожаетъ цивилизаціи и человечеству“. Въ рѣчи Жана Лонгэ, внука Маркса, было схвачено, можетъ быть, господствующее настроеніе французскихъ социалистовъ, когда ораторъ воскликнулъ: „Если Франція подвергнется вторженію, то какъ же социалисты не станутъ въ первые ряды, чтобы защищать Францію революціи и демократіи, Францію энциклопедистовъ 1793 года, Францію Юньскихъ дней 48-го года и Францію Прессанса и Жореса? Они знаютъ, что, поступая такъ, они поднимаютъ оружіе не противъ германскаго народа, и ихъ девизомъ будетъ снова девизъ

волонтеровъ 1793 года: „миръ народамъ — война королямъ“ ¹⁾).

Поэтому совершенно послѣдовательно на засѣданіи парламента 4 августа французскіе социалисты послѣ прочувствованной рѣчи, произнесенной президентомъ палаты въ честь такъ несвоевременно погибшаго Жореса, и послѣ изложенія дѣлъ премьеромъ, вотировали вмѣстѣ съ другими единодушно и безъ всякихъ дебатовъ требуемые кредиты и рядъ законовъ, необходимыхъ въ данный моментъ. А когда нѣкоторое время спустя борьба съ нѣмцами потребовала еще большихъ напряженій и 27 (14) августа кабинетъ Вивіани былъ значительно расширенъ и превратился въ правительство дѣйствительно національной обороны, включивъ въ себя съ одной стороны умѣреннаго Рибо, а съ другой непримиримыхъ социалистовъ Самба и Жюля Года, то этотъ шагъ представители рабочей партіи сдѣлали съ согласія своихъ товарищей. Эти принципиальные люди, упорно отказывавшіеся отъ сотрудничества съ буржуазіей, на сей разъ сочли необходимымъ раздѣлить съ нею отвѣтственность власти въ критическій моментъ для отечества. Надо сказать, что еще раньше бельгійскіе социалисты привѣтствовали назначеніе своего вожака Вандервелде „государственнымъ министромъ“ и рабочая партія Бельгіи приняла самое дѣятельное участіе въ защитѣ страны отъ „варварскаго врага“.

Долѣ сопротивлялись политикѣ объявленія войны англійскіе социалисты, трудовики и даже значительная часть радикаловъ, полагавшихъ, что Великобританія должна остаться въ сторонѣ отъ урагана, поднявшагося въ Европѣ. Но однако и въ общественномъ мнѣніи Англіи произошелъ поворотъ, когда Грей и Асквиль сообщили парламенту о двуличномъ характерѣ переговоровъ нѣмецкаго правительства съ англійскимъ, о нарушеніяхъ нейтралитета маленькихъ государствъ Германіей, попирающей право народовъ силой оружія, и о „пестидной торговлѣ“, которую Берлинъ завязалъ съ Лондономъ, стараясь выговорить себѣ право по своему расправиться то съ Бельгіей, то съ Франціей (у которой Германія обѣщалась отобрать „только“ колоніи), то съ Россіей. Поворотъ общественнаго мнѣнія втеченіе какихъ-нибудь двухъ-трехъ дней наглядно выразился въ фактѣ, который не былъ надлежащимъ образомъ отмѣченъ въ газетахъ, по который пришлось наблюдать нѣкоторымъ русскимъ, находившимся въ то время на территоріи Англіи проездомъ изъ Парижа. Между тѣмъ какъ при началѣ конфликта, когда Германія еще только объявляла войну Россіи, въ Гайдъ-Паркѣ толпѣ рабочихъ, бывшихъ яркими противниками войны, удалось развѣять манифестацію англичанъ-патріотовъ и даже затоптать въ пыли національное знамя, три дня спустя, когда Гер-

¹⁾ На эту точку зрѣнія сталъ нѣмецкій социаль-демократическій клубъ въ Парижѣ, который прямо заявилъ, что хотя его члены и любятъ свое отечество, но не пойдутъ на свободную Францію подъ знамена Вильгельма.

манія ворвалась въ Бельгію, дѣла приняли уже совершенно иной оборотъ. На сей разъ громадная патріотическая манифестація въ свою очередь разнесла уже жиденькую манифестацію антимплицитаристовъ и изорвала въ клочки красное знамя.

Надо замѣтить, что и въ англійскомъ парламентѣ кредиты на войну были вотированы (5 августа) единогласно и съ большимъ подъемомъ. Національный колоритъ при этомъ стеченіи обстоятельствъ можно видѣть развѣ лишь въ томъ, что знаменитая „матерь парламентовъ“, въ противоположность континентальнымъ представительнымъ учреждениямъ, отнюдь не прекратила своихъ засѣданій и продолжала, съ нѣкоторыми перерывами, обсуждать свои дѣла. При этомъ порою дѣло доходило до рѣзкаго обмѣна мнѣній между большинствомъ парламента и нѣкоторыми принципиальными противниками войны, вроде вожака рабочей партіи Кейръ-Гарди, который, соглашаясь въ общемъ на веденіе войны съ Германіей, тѣмъ не менѣе ставилъ министрамъ частные вопросы по поводу обстоятельствъ, сопровождавшихъ возникновеніе конфликта. Знаменательно, во всякомъ случаѣ, тотъ фактъ, что сознаніе единства цѣли у всей свободной и широко демократической Англіи въ борьбѣ съ германскимъ полуабсолютизмомъ положило конецъ даже столь ожесточенной внутренней борьбѣ, какъ та, что велась между ольстерцами и ирландскими націоналистами. Одинъ изъ главъ ирландской партіи эффектно заявилъ, что въ данный моментъ всякая вражда между сынами одного отечества должна утихнуть: „пусть на сѣверѣ наши братья-оранжисты станутъ грудью противъ непріятеля, а мы будемъ охранять нашу общую родину съ юга“.

Такимъ образомъ мы видимъ, что чѣмъ выше политическій уровень извѣстнаго общества, чѣмъ болѣе населеніе привыкло къ внутренней свободѣ и чѣмъ энергичнѣе каждый индивидуумъ защищаетъ свои личныя права, тѣмъ охотнѣе въ моменты національной опасности такая страна идетъ къ болѣе тѣсному сплоченію гражданъ, къ временному объединенію всѣхъ партій на вопросахъ національной обороны, къ замѣнѣ гражданской войны войною съ вѣншимъ врагомъ. Дружность и единство дѣйствій въ такихъ высококультурныхъ государствахъ достигаются не тѣмъ, что правительство хватается за горло всѣхъ гражданъ, несогласныхъ съ его политикой, но въ томъ, что каждая партія предпочитаетъ временно идти вѣстѣ съ другими національными партіями противъ общаго врага. Разумѣется, это нисколько не исключаетъ того, что всѣ существенные вопросы внутреннего хозяйства и распорядка, необходимые для успѣшнаго веденія войны за границей, каждая партія рассматриваетъ прежде всего съ точки зрѣнія своихъ программъ. Она и въ коалиціонномъ правительствѣ старается провести хотя бы частичныя рѣшенія нѣкоторыхъ насущныхъ задачъ въ духѣ своихъ взглядовъ. Конечно, это не проходитъ безъ возраженій, даже безъ

нѣкоторыхъ треній. Но въ результатѣ вырабатывается извѣстная равнодѣйствующая, та средняя линія, по которой идетъ внутренняя политика страны, опирающейся на необходимый компромиссъ всѣхъ партій. Короче сказать, правительство отнюдь не парализуетъ дѣйствія тѣхъ или иныхъ партій, а старается считаться съ различными чаяніями и требованіями поддерживающихъ его общественныхъ силъ. Укажу одинъ-два примѣра.

Чѣмъ болѣе выискивалась для Франціи необыкновенная серьезность начавшагося столкновенія съ Германіей, тѣмъ болѣе среди людей, искренно любящихъ отечество, назрѣвала мысль дѣйствительно превратить всю Францію въ одинъ вооруженный народъ, такъ чтобы сила напора и сила отраженія не ограничивалась только регулярными войсками, но захватывала и остальныхъ гражданъ. Особенно настаивали на этомъ крайніе радикалы и социалисты, ссылаясь на историческіе прецеденты. Такъ на первыхъ же порахъ войны возникъ проектъ организовать „гражданскую гвардію“, которая могла бы нести службу по охраненію внутреннего порядка и въ случаѣ необходимости поставить новыхъ защитниковъ отечества. Однако этотъ планъ, выразившійся даже въ декретѣ правительства, заставилъ перепугаться буржуазію, которая горячо принялась доказывать, что правительство не должно поступаться и въ военное время ни одною крупницею полицейской власти, сосредоточенной въ ея рукахъ, ибо всякая гражданская гвардія вырождается, по мнѣнію людей порядка, въ орудіе междоусобной войны. При этомъ цитировалась коммуна, возникшая какъ разъ изъ движенія парижской національной гвардіи. Планъ повисъ въ воздухѣ. Однако со вступленіемъ Года въ кабинетъ такое отношеніе правительства къ вопросу можетъ измѣниться, ибо вожакъ непримиримыхъ прямо высказался, еще за нѣсколько дней до принятія имъ министерскаго поста, въ томъ смыслѣ, что именно коммуна является для него доказательствомъ необходимости участія всего народа въ оборонѣ страны. Ибо 18 марта было не только социальнымъ движеніемъ четвертаго класса, но и великимъ патриотическимъ порывомъ обездоленного пролетаріата и вообще трудящихся массъ защищать отечество противъ завоевателя въ то время, какъ представители капитала и владѣнія уже рѣшили вступить съ нимъ въ мирные переговоры.

Точно также во Франціи же поднимается теперь вопросъ о томъ, какъ сохранить хотя отчасти дальнѣйшій ходъ національнаго производства, чтобы поддержать страну и питаемую ею армію доставкою необходимыхъ продуктовъ. Синдикалисты прямо заявили, что, разъ капиталистическій механизмъ въ силу эгонистичныхъ мотивовъ, фатально движущихъ фабрикантами, долженъ въ значительной степени пріостановиться и почти совсѣмъ замереть на время войны, то вся нація въ лицѣ своихъ рабочихъ и земледѣльческихъ син-

дикатовъ должна взять производство въ свои руки, чтобы снабжать и военное, и мирное населеніе предметами необходимости и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность рабочимъ приостановленныхъ фабрикъ и брошенныхъ въ разгарѣ страды полей найти пропитаніе. И опять-таки буржуазія энергично принялась предостерегать противъ этого плана, видя въ немъ возвращеніе къ пугалу „національныхъ мастерскихъ 48 года“. Но социалисты заявляютъ, что имъ и въ голову не приходитъ воскресить пресловутыя національныя мастерскія,—которыя были злостной выдумкой буржуазнаго временнаго правительства,—но что они желаютъ, наоборотъ, вызвать къ жизни цѣлую массу заброшенныхъ производствъ при помощи „полезнаго коллективнаго труда“. И можно думать, что назначеніе лѣваго социалиста Самба министромъ общественныхъ работъ показываетъ, что въ случаѣ необходимости французская нація не остановится передъ очень рѣшительными мѣрами въ этой области, хотя бы онѣ могли показаться буржуазіи нарушеніемъ принципа свободы труда и вообще собственности.

Критическія минуты способны побудить людей на такія рѣшенія, отъ которыхъ они отталкиваются въ мирное время всею силою интересовъ и традицій. И тотъ самый органъ крупной буржуазіи, который и рвалъ, и металъ по поводу организуемыхъ во время всеобщихъ забастовокъ рабочими такъ называемыхъ „коммунистическихъ столовыхъ“ (*sources communistes*), теперь уже не безъ сочувствія описываетъ прекрасные результаты, которые даетъ организація этихъ скромныхъ братскихъ трапезъ въ Парижѣ рабочими союзами. Осуществляется идея „дарового хлѣба“, противъ которой такъ яростно боролась еще недавно буржуазія. Наносятся удары частной собственности и въ другихъ пунктахъ, которыхъ не посмѣла бы коснуться въ обычное время рука законодателя. Такъ, кромѣ мораторія, имѣющаго цѣлью облегченіе участи должниковъ и вообще людей, несущихъ извѣстные обязательства, которыя вытекаютъ главнымъ образомъ изъ товарнаго обмѣна, даются извѣстныя льготы уже прямо въ области потребленія благъ,—что имѣетъ большое значеніе для трудящихся массъ. Такъ, во всей Франціи отсроченъ на три мѣсяца взносъ квартирной платы для болѣе скромныхъ помѣщеній (въ Парижѣ отъ тысячи франковъ въ годъ и менѣе, въ мелкихъ мѣстечкахъ отъ сотни франковъ и ниже). Въ столицѣ же французской республики, въ предвидѣніи возможной осады, принимаются мѣры для того, чтобы снабдить молокомъ прежде всего дѣтей, женщинъ, стариковъ и больныхъ. И такимъ образомъ кладутся предѣлы излюбленному капиталистическому закону свободнаго спроса и предложенія. Власти слѣдятъ и за тѣмъ, чтобы богатые люди или спекулирующіе на повышеніе торговцы, опираясь на покующую силу денегъ, не ссередоточивали въ своихъ рукахъ черезчуръ много запасовъ, лишая такимъ образомъ массы самаго необходимаго. Точно также

правительство преслѣдуетъ и тѣхъ, кто занимается въ данный моментъ скопленіемъ металлическихъ знаковъ обращенія и не желаетъ принимать по номинальной цѣнѣ выпущенныя правительствомъ мелкія бумажныя деньги (во Франціи въ мирное время нѣтъ банковыхъ билетовъ стоимостью ниже 50 франковъ).

Такимъ образомъ мы видимъ, что и въ государствахъ, привыкшихъ къ политической свободѣ и проявленію инициативы гражданъ, война приноситъ съ собою такія ограниченія, которыя были бы совершенно недопустимы среди мира. Но, съ другой стороны, въ этихъ же странахъ все то, что стѣсняетъ личную и политическую свободу, вводится и въ военное время лишь въ предѣлахъ строгой необходимости. И чѣмъ свободнѣе народъ, тѣмъ эти ограниченія уже и точнѣе опредѣлены. Возьмемъ, напр., ограниченія, возникающія въ силу введенія во Франціи „осаднаго положенія“. Законъ этотъ, вотированный парламентомъ, предусматриваетъ извѣстныя стѣсненія въ области свободы печати и собраній и даже личной свободы гражданина (право обыска и ареста), равно какъ суживаетъ границы компетенціи гражданскихъ судовъ. Такъ, на территоріи республики вводится военная цензура и никакой органъ печати не имѣетъ права помѣщать никакихъ военныхъ свѣдѣній, не представляя экземпляра въ особое бюро печати, организованное при военномъ министерствѣ. Правда, въ самый моментъ представленія даннаго номера на просмотръ упомянутому учрежденію изданіе уже получаетъ право немедленнаго распространенія, но подъ страхомъ немедленной конфискаціи и наказанія максимумъ до 5 лѣтъ тюрьмы и до 5.000 фр. штрафа.

Въ остальныхъ же отношеніяхъ печать осталась совершенно свободною. И если правительство можетъ закрыть на короткій срокъ или на все время войны извѣстный органъ, представляющій по мнѣнію властей, явную опасность для обороны страны, то этимъ правомъ оно пользуется очень рѣдко. Была, напр., приостановлена на три дня одна провинціальная газета, но сама же поблагодарила начальство за то, что оно во время напомнило ей этой карой о необходимости воздержаться отъ свѣдѣній о мобилизаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по предложенію Клемансо, синдикатъ печати уже выдѣлилъ изъ своей среды особую комиссію, которая будетъ обсуждать вмѣстѣ съ представителями правительства по необходимости мнѣяющіеся предѣлы дозволеннаго и недозволеннаго. И такимъ образомъ сама же печать будетъ регулировать свою дѣятельность при исключительныхъ условіяхъ. А внутренніе вопросы по прежнему обсуждаются вполне свободно. Тотъ же самый Клемансо настоялъ на томъ, чтобы во Франціи пропускался „Times“, задерживаемый усердствующими не по разуму чиновниками военнаго министерства. „Страна должна знать правду“,—вотъ общій голосъ.

Точно также правительство получаетъ полномочія на время военнаго положенія запрещать всякіе митинги и собранія, которые

могутъ вредить основному интересу страны: защитѣ отъ враговъ и сохраненію спокойствія внутри. Но и въ этомъ отношеніи, насколько можно судить по французской печати, такого случая до сихъ поръ еще не представлялось. Наконецъ, что касается военной юстиціи, то, наряду съ вновь возникающими военными судами, остался функционировать и механизмъ обыкновенной юстиціи. Правительству предоставляется лишь переносить дѣла изъ гражданскаго вѣдомства въ вѣдомство военное, когда самый характеръ дѣла потребуетъ этого. И опять-таки, суди по газетамъ, правительство склонно отдавать на разсмотрѣніе военныхъ судовъ только дѣла о шпіонствѣ и тому подобныхъ преступленіяхъ.

Съ другой стороны, въ Англіи стѣсненія военного времени въ этомъ отношеніи еще меньше. Тамъ введена цензура только для телеграммъ, а просмотръ статей—лишь въ портовыхъ городахъ. На характеръ веденія газеты военное положеніе почти ничѣмъ не отражается. Дебаты въ парламентѣ показали, кромѣ того, что даже и эти ограниченія кажутся свободному гражданину Англіи еще стѣснительными. И однако дисциплина общественнаго мнѣнія настолько высока и замѣняетъ такъ удачно всякія цензурныя рогаки, что, когда, напр., втеченіе десяти дней непрерывно производился десантъ англійскихъ войскъ на континентъ Европы, ни одна газета въ Великобританіи не загнулась и полусловомъ объ этомъ фактѣ громадной важности. О немъ всѣ знали, но и всѣ молчали, покуда, наконецъ, передвиженіе войскъ не было закончено съ блестящимъ результатомъ. Касательно военной юстиціи въ Англіи и говорить нечего. Она носитъ такой спеціальнѣйшій, строго опредѣленный характеръ, что теченіе и отправленіе обычнаго правосудія совершается въ сущности по прежнему. Наконецъ, само англійское правительство, въ лицѣ своихъ министровъ, устраиваетъ повсюду митинги для ознакомленія націи съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ приглашаетъ неофіціальнѣйшій оракторовъ заняться на публичныхъ собраніяхъ возбужденіемъ общественнаго вниманія къ жгучимъ вопросамъ минуты. Такъ въ самой атмосферѣ истинно культурныхъ и свободныхъ странъ заключается противоядіе противъ неизбежныхъ золъ, которыя ведетъ за собой такъ называемое военное положеніе.

Посмотрите, наоборотъ, какой арсеналъ драконовскихъ мѣръ выдвинутъ нынѣ въ Германіи и Австріи противъ злоупотребленія свободнымъ словомъ и свободною печатью. Мы, живущіе въ Россіи, лишь изрѣдка и чисто случайно получаемъ нѣмецкія газеты. Но и того немногаго, что попадаетъ въ наши руки, достаточно, чтобы видѣть, въ какой степени пресса этихъ странъ превратилась лишь въ воспроизведеніе и разжиженіе тенденціозной реторики агентства Вольфа и правительственныхъ сообщений. Что же сказать относительно другихъ проявленій политической жизни? Конституціонныя гарантіи отменены. Политическія партіи, не пріемлющія

цѣликомъ правительственной программы, находятся въ трудномъ положеніи. Бельгіійскія социалистическія газеты писали, что въ Германіи социаль-демократическая организація подверглась и моральнымъ, и матеріальнымъ ударамъ. Центральныи комитетъ распущенъ. Партиіная касса конфискована. Это, впрочемъ, было, повидимому, на первыхъ порахъ. Можно предполагать, что нѣмецкую социаль-демократію спасетъ отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій проявленный ею „патріотизмъ“. Такъ, генераль Виллингъ, командующій въ данный моментъ оставшимися въ Берлинѣ войсками, уживается довольно мирно съ столичными социаль-демократами, пользуясь рабочими союзами въ цѣляхъ организаціи снабженія бѣднѣйшаго населенія провіантомъ. На этихъ дняхъ баварское высшее начальство разрѣшило допускать социалистическія газеты въ войска. А распоряженіемъ отъ 3-го сентибря (21-го августа) имперское военное министерство отмѣнило всѣ прежніе циркуляры, воспрепятствовавшіе распространенію социалистическихъ изданій въ арміи и флотѣ Германіи. Но это при строгихъ законахъ военного времени, царящихъ нынѣ въ имперіи, означало бы лишь то, что социаль-демократія перестала въ данный моментъ существовать, какъ партія радикальной оппозиціи правительству.

Такъ мы видимъ, что ограниченія, приносимыя военнымъ положеніемъ, являются лишь усугубленіемъ тѣхъ недостатковъ политической жизни, которые гражданинъ полусвободной страны ощущаетъ и въ мирное время.

Главнѣйшіе факты войны за мѣсяцъ и ея перспективы.

Прошло уже болѣе мѣсяца, какъ впервые 29(16) іюля загремѣли австрійскія пушки передъ Бѣлградомъ, и кровавый туманъ окуталъ цѣлыя территоріи Европы. Теперь будетъ кстати подвести самыя общіе итоги тому, что произошло за это время на огромномъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Но мы должны начать съ нѣкоторыхъ оговорокъ. Спеціальныя военные корреспонденты, которые играли такую роль въ прежнихъ войнахъ, совсѣмъ отсутствуютъ. Ихъ дѣятельность была невелика въ русско-японскую войну, свелась до крайне незначительныхъ размѣровъ въ балканскую и равняется нулю въ настоящемъ великомъ столкновеніи народовъ, которому до сихъ не было еще примѣра въ исторіи. Этого, говорятъ, требуетъ самый характеръ современныхъ войнъ, развертывающихся необыкновенно быстро, а потому требующихъ сугубой тайны операцій. И вотъ пресса всѣхъ странъ, столь заинтересованныхъ однако въ знаніи происходящаго на полѣ сраженій, обречена питаться лишь краткими свѣдѣніями, которыя составляются спеціальными бюро при генеральныхъ штабахъ и расходятся по свѣту при посредствѣ телеграфныхъ агентствъ, зависящихъ каждое отъ своего правительства.

Но есть и другая сторона. Сами главнокомандующіе враждебныхъ силъ могутъ въ каждый данный моментъ лишь приблизительно оріентироваться въ результатахъ столкновения армій, одни размѣры которыхъ заставляютъ нѣмѣть воображеніе. Классическая сторона войны, которая сохранялась, напр., еще во время Наполеона, и была закрѣплена поэзіей и живописью, — личное присутствіе полководца, законченность боевъ въ короткій промежутокъ, охватываемая взоромъ зрителя нанорама сраженія, — почти исчезла. Въ войнѣ участвуютъ милліоны солдатъ, вооруженныхъ необыкновенно усовершенствованными, далеко дѣйствующими орудіями взаимнаго разрушенія. Бои ведутся на сотняхъ верстъ въ длину, захватываютъ площадь въ десятки тысячъ кв. верстъ. Вышіе начальники, приводящіе въ движеніе эти гигантскія массы живыхъ существъ, дѣйствуютъ уже, если можно такъ выразиться, безлично. Они поставлены въ извѣстность о томъ, что происходитъ одновременно на различныхъ поляхъ сраженія, при помощи безконечныхъ нитей телефоновъ, телеграфовъ, путемъ воздушныхъ сигналовъ дирижаблей и аэроплановъ, и этимъ же способомъ отдають въ разныя стороны свои приказанія. Современные битвы слагаются изъ безчисленнаго ряда атакъ, контратакъ, обходовъ и перемѣщеній позицій, которые даютъ равнодѣйствующую сталкивающимся силъ лишь по истеченіи долгихъ дней, порою недѣль. Удача или неудача общаго стратегическаго плана начинается обрисовываться лишь въ исходѣ цѣлаго ряда тактическихъ операцій, каждая изъ которыхъ является сравнительно неважнымъ моментомъ въ общемъ планѣ кампаніи. Прибавьте къ этому, что враждующія стороны нынѣ тщательно скрываютъ номера и названія корпусовъ, дивизій, бригадъ, полковъ, идущихъ въ бой, и имена командующихъ ими, такъ что эти гигантскія столкновения и разрушенія живыхъ человѣческихъ силъ пріобрѣтають характеръ алгебраическихъ безличныхъ операцій.

Съ этими оговорками мы постараемся напомнить читателю самый общій ходъ операцій на различныхъ театрахъ войны втеченіе перваго мѣсяца.

Рѣшеніе французскаго правительства перенести всѣ важныя органы управленія въ Бордо, которое становится (съ 3 сентября и. с.) такимъ образомъ, какъ въ 1871 г., столицей Франціи вмѣсто Парижа, остающагося исключительно одной изъ величайшихъ мапевренныхъ крѣпостей въ мірѣ, дѣлаетъ честь рѣшимости третьей республики въ борьбѣ съ врагомъ. Черезчуръ часто въ исторіи Франціи общій стратегическій планъ защиты страны приносился въ жертву желанію во что бы то ни стало прикрыть Парижъ. И неудачу большого сраженія 20-25 августа нѣкоторые французскіе писатели по военнымъ вопросамъ уже приписываютъ тактикѣ главнокомандующаго Жоффра, побоявшагося двинуть всѣ войска впередъ, чтобы не оставить Парижъ безъ защиты. Нынѣ фран-

цузская нація рветъ съ этой традиціей почти въ самомъ началѣ дѣйствій и война дѣйствительно можетъ принять характеръ обороны всей страны и прежде всего сохраненія ея „живой силы“, арміи. Французская пресса считаетъ нужнымъ отмѣтить то обстоятельство, что напоръ нѣмцевъ на западный фронтъ достигъ уже максимума своей напряженности и здѣсь какихъ-нибудь сюрпризовъ ждать союзникамъ не приходится. Коммуникаціонная линія нѣмцевъ, — то, что Наполеонъ на своемъ энергичномъ языкѣ называлъ „дорогой арміи“ (route de l'armée), — все удлиняется, починки ихъ все истончаются и дѣлятся на отдѣльные ручки, просачиваясь между крѣпостями. Между тѣмъ армія республики еще не вся пущена въ ходъ, не вся развернута. Англія твердо рѣшила посылать на континентъ Европы все свѣжія и свѣжія войска. Да и Бельгія, хотя временно оттертая къ сѣверу, можетъ опираясь на первоклассную крѣпость Антверпена, сыграть еще немаловажную роль. Съ другой стороны, событія на далекомъ восточномъ фронтѣ, къ которымъ мы ниже перейдемъ, уже обращаютъ на себя серьезное вниманіе германскихъ стратеговъ.

Арміямъ французской республики одно время очень посчастливилось на ихъ юго-восточномъ театрѣ военныхъ операцій. Съ 6 августа (24 іюля) французы появились, идя отъ Белфора, черезъ знаменитый проходъ между Юрой и Вогезами, сначала къ востоку затѣмъ къ сѣверу, на территоріи Верхняго, а вскорѣ и Нижняго Эльзаса. И одновременно часть ихъ войскъ двинулась отъ Нанси и Люневилля въ Лотарингію. Моральное дѣйствіе этого движенія было очень велико. Втеченіе долгихъ лѣтъ присоединенныя на сильственнѣе къ Германіи провинціи все еще тяготѣли духовно къ старому отечеству. И если въ послѣднее время населеніе ихъ свыклось съ мыслью о необходимости примириться съ судьбой и отрицательно относилось къ войнѣ даже ради ихъ возвращенія, то все же культурныя симпатіи ихъ лежали на сторонѣ Франціи. Появленіе республиканскихъ армій, шедшихъ съ трехцвѣтными знаменами при пѣніи марсельезы, вызвало восторгъ во многихъ мѣстахъ Эльзаса. Жители вырывали пограничные столбы, драпировали ихъ національными цвѣтами Франціи, обвивали гирляндами и носили, какъ реликвіи. 7 августа французами были взяты Альтширхъ и Мюльгаузенъ. Къ 13 августа цѣлый рядъ успѣховъ уже открылъ республиканскимъ войскамъ большинство проходовъ въ пограничныхъ Вогезахъ: Бономъ, Сэнтъ-Мари, Сааль и т. д. 14-го августа французы овладѣли вершиной Донона, высота котораго превосходитъ 1000 метровъ надъ уровнемъ моря. 16-го августа они заняли Сэнтъ-Мари-О-Минъ (по нѣмецки Маркирхъ). 18-го, 19-го, 20-го трехцвѣтное знамя уже развѣвалось въ Шато-Салезъ, Моранжъ, Саарбургъ, Гебвейлеръ. Съ этого момента напоръ нѣмцевъ на сѣверъ, о которомъ мы говорили раньше

читателю, останавливаетъ дальнѣйшіе успѣхи французовъ въ Эльзасѣ-Лотарингіи. Съ 22-го числа французы принуждены выпустить большинство позицій изъ своихъ рукъ, сохраняя лишь проходы въ среднихъ южныхъ Вогезахъ, Люневиль взять пѣшими и войскамъ республики приходится уже перейти для защиты своей территоріи.

На восточномъ фронтѣ нѣмцамъ и австрійцамъ пришлось встрѣтиться съ сопротивленіемъ, на которое они, видимо, не рассчитывали. Здѣсь въ самомъ началѣ кампаніи Германія сконцентрировала всего 4 (позже 6?) полевыхъ корпусовъ (числа ихъ резервовъ мы съ этой стороны въ точности не знаемъ). Нѣмцы предполагали, что вслѣдствіе медленности мобилизаціи русской арміи и громоздкости ея движеній имъ удастся нанести чувствительный ударъ русскому авангарду прежде, чѣмъ подоспѣютъ массы солдатъ изъ глубины Россіи. Однако мобилизація русской арміи совершилась въ большемъ порядкѣ и съ большей скоростью, чѣмъ на то рассчитывалъ германскій генеральный штабъ. Съ самаго же начала кампаніи непріятельскія войска немедленно вступаютъ въ соприкосновенія. И если 19-го с. с. германскіе отряды захватили Бендинъ и Калишъ, ознаменовавъ свое вступленіе въ послѣдній городъ насиліемъ и убійствомъ мирныхъ гражданъ, а 20-го Ченстохово, то и русскимъ удалось при самомъ же объявленіи войны подвинуться на территорію Пруссіи и занять здѣсь Эйкуненъ. Съ 3-го—4-го августа наши переходятъ отсюда въ рѣшительное наступленіе. Втеченіе недѣли, отъ 4-го до 12-го, мы быстро продвигаемся на западъ и юго-западъ, беремъ Сталлуненъ, Гумбинненъ, Гольдапъ, Арисъ, Ангербургъ, Зенсбургъ, Инстербургъ. Между тѣмъ, какъ идя перпендикулярно къ этому движенію, съ юга на сѣверъ, другія наши войска вторгаются на прусскую территорію отъ границъ Ломжинской и Плоцкой губерній и захватываютъ Юганнисбургъ, Вилленбургъ, Сольдау, Бишофсбургъ, Алленштейнъ.

Въ результатъ этихъ комбинированныхъ движеній мы, съ одной стороны, обходили линію Мазурскихъ озеръ и болотъ, представлявшихъ значительныя затрудненія, еще усиленные рядомъ промежуточныхъ укрѣпленій; съ другой, завладѣвали одною изъ важнѣйшихъ желѣзныхъ дорогъ Восточной Пруссіи, связывавшею между собою различные стратегическіе пункты вдоль русской границы. Мы успѣли даже бросить часть войскъ на сѣверъ, занявъ Тильзитъ, и уже возникалъ вопросъ о дальнѣйшемъ движеніи на западъ къ Кенигсбергу, на юго-западъ къ Грауденцу и Торну. Но 18-го августа это движеніе было приостановлено сильнымъ напоромъ нѣмцевъ, сконцентрировавшихъ свои войска между Сольдау и Остероде при помощи густой сѣти стратегическихъ рельсовыхъ и шоссе-ныхъ путей.

Главнѣйшимъ центромъ военныхъ дѣйствій, до настоящаго вре-

мени, является западный театр, гдѣ чудовищная армія нѣмцевъ, составленная повидимому изъ лучшихъ частей и достигающая полутора милліона солдатъ (21 полевой корпусъ, 6 резервныхъ), — а, по другимъ свѣдѣніямъ, даже двухъ (?), — борется противъ милліона съ четвертью французовъ, англичанъ и бельгійцевъ стараясь возможно кратчайшимъ путемъ прорвать два кольца французскихъ пограничныхъ укрѣпленій, раздавить живую силу противниковъ и взять Парижъ, — этотъ, по мнѣнію нѣмецкихъ стратеговъ, главный центръ сопротивленія всего организма третьей республики. Какъ извѣстно, первоначальный планъ нападенія на Францію, выработанный германскимъ штабомъ, заключался въ сходящемся, конвергирующемъ движеніи одновременно нѣсколькихъ армій (отъ 3 до 4) съ восточныхъ и сѣверо-восточныхъ границъ Франціи на Парижъ. Причемъ предполагалось, что самый короткий и дѣйствительный по своей стремительности и силѣ ударъ должна будетъ нанести та нѣмецкая армія, которая вступитъ черезъ территорію южной Бельгіи и Люксембурга въ наименѣе защищенную крѣпостями границу Франціи по долигѣ рѣки Маасъ, между Мезеромъ и Верденомъ.

Нѣмцы были увѣрены, что Бельгія охотно согласится пропустить германскую армію черезъ свои земли, такъ сказать, прямо въ ворота могущественнаго западнаго сосѣда. Но, какъ извѣстно, бельгійцы съ легодованіемъ отвергли это предложеніе. И геройская защита ими города и фортвъ Льежа (въ русской географіи извѣстнаго до сихъ поръ болѣе подъ нѣмецкимъ названіемъ Люттиха), равно какъ блестящее дѣло противъ нѣмцевъ между Гассельтомъ, Дистомъ и Халеномъ (Haelen) задержали вторгнувшуюся въ этомъ направленіи армію, по меньшей мѣрѣ, на десять дней (отъ 4 до 15 августа н. с.). Приняться снова за выполненіе разстроенаго плана кампаніи нѣмцы могли лишь въ 20-хъ числахъ августа н. с., когда французамъ уже удалось сконцентрировать значительную долю своихъ войскъ въ обширномъ углѣ между Маасомъ и его лѣвымъ притокомъ, Самброй, а англичане успѣли высадиться въ Остенде, Дѣкеркѣ (Дюнкренѣ), Калѣ и Булони и двинуться на помощь французамъ, чтобы парировать главный напоръ врага между Намюромъ, Шарльруа и Монсомъ. Въ результатѣ большого сраженія, въ которомъ участвовало 600.000 союзниковъ и еще большее количество нѣмцевъ, послѣдніе заставили отступить французовъ къ югу, англичанъ къ западу и бельгійцевъ къ сѣверу. 21 былъ занятъ нѣмцами незащищенный Брюссель и бельгійская армія отодвинулась въ сторону Антверпена, куда былъ перенесенъ и центръ государственнаго управленія. Нѣмцы произвели съ сѣвера глубокой обхватъ союзныхъ войскъ, появившихся на границѣ Франціи у Туркуэнъ и Рубэ, и конница ихъ была замѣчена у Дѣкерка.

Недостатокъ данныхъ и противорѣчивыя изображенія дальнѣй-

ших передвижений¹⁾ дѣлають нѣсколько неожиданнымъ появленіе германскихъ войскъ къ западу и къ югу Сэнъ-Кентана, въ окрестностяхъ Лаферъ,—въ долину Уазы,—откуда черезъ Компьень и Крейль нѣмцамъ пришлось бы пройти съ небольшимъ 100 верстъ, чтобы достигнуть Парижа (по прямой линіи не болѣе 105 километровъ). А телеграфъ отъ 1—3 сентября (19—21 августа ст. стиля) уже сообщалъ о движеніи нѣмецкой конницы на Компьень, Суассонъ и Анизи-ле-Шато, о занятіи Амьена, Бовэ, Перонна, о появленіи нѣмецкихъ отрядовъ у Санлисъ, всего въ какихъ-нибудь 35 кил. отъ Парижа и т. д. Такимъ образомъ выходило бы, что нѣмцы заходятъ съ запада уже не только за первый, но и за второй рядъ французскихъ крѣпостей и укрѣпленныхъ позицій, между которыми наиболѣе значительными являются переправа на рѣкѣ Соммѣ, Ланъ (Laon), Краннъ (Crœonne), Суассонъ и Реймсъ (уже взять или „пройдентъ“?). И тогда возникаетъ вопросъ, не рѣшили ли нѣмцы, даже и оставляя въ тылу значительныя крѣпости, идти возможно быстрѣе на столицу. Не исключена, однако, и другая перспектива. Избѣгая пока генеральнаго сраженія, французы передвинули свою сѣверную армію къ югу, въ долину Марны, на востокъ отъ Парижа (опираясь на значительный укрѣпленный лагерь (Шалона-на-Марнѣ)). Нѣмцы видимо стараются охватить ее съ двухъ сторонъ: съ запада, вклиниваясь между нею и столицею; съ востока, мимо Реймса, отжимая ее отъ такъ называемаго Аргонскаго лѣса, страны высокихъ (до 412 метровъ) и лѣсистыхъ холмовъ. И тогда неминуема встрѣча крупныхъ силъ на востокъ отъ Парижа, который останется временно въ сторонѣ отъ этихъ операцій.

Во всякомъ случаѣ, въ тотъ моментъ, когда пишутся эти строки (25 августа с. с.), германская армія взяла, повидимому, окончательно въ свои руки такъ называемую инициативу и не выпускаетъ ее, не смотря на частныя очень удачныя атаки бельгийцевъ къ югу, вызвавшія такое озлобленіе нѣмцевъ, что они сожгли старинный историческій городъ Лувенъ, не смотря на поразительную стойкость англичанъ у Монса и Като-Камбрэзи, не смотря, наконецъ, на отдѣльные замѣчательныя тактическіе удары французовъ вродѣ сокрушенія войсками генерала По арміи баварскаго кронпринца у крѣпости Пероннъ. Но, конечно, дѣло союзниковъ, ставъ временно критическимъ, еще не проиграно. Повидимому, нѣмцы и сами разсчитываютъ въ данный моментъ гораздо больше на нанесеніе удара моральнаго, чѣмъ физическаго. Этимъ объясняется отчасти, что было уже нѣсколько попытокъ германскихъ авіаторовъ, пролетаая надъ Парижемъ, бросать въ столицу міра не только бомбы, но причинившія до сихъ поръ особеннаго вреда, но и прокламаціи, приглашающія парижанъ сдаться.

¹⁾ Вѣроятнѣе всего предположить, что нѣмцы не только сдѣлали глубокой обхватъ союзныхъ армій съ сѣвера, но что они успѣли прорвать ихъ ряды и южнѣе, гдѣ-нибудь недалеко отъ Масскихъ „воротъ“, на территории департаментовъ Арденны и Эна.

Очень благоприятно складывается для насъ въ данный моментъ положеніе въ борьбѣ съ австрійцами. Здѣсь втеченіе двухъ недѣль происходилъ рядъ боевъ, постепенно перешедшихъ въ грандіозное генеральное сраженіе, которое велось на огромномъ фронтѣ въ триста верстъ и имѣло своимъ театромъ на сѣверѣ южные уѣзды Люблинской и Холмской губерній, на югѣ — Восточную Галицію. Уже въ первые дни по объявленіи войны русскіе и австрійцы помѣнялись, если можно такъ выразиться, нападеніями на пограничныя мѣста. И если австрійцы продвинулись у насъ до Андреева и Сандомира, то мы еще 31 іюля захватили Сокаль и Раву Русску, а съ тѣхъ поръ постоянно двигались съ сѣвера, востока и юго-востока къ Львову, окружая эту ближайшую цѣль нашихъ операцій все стягивающимся кольцомъ войскъ.

7-го августа мы перешли пограничную рѣку Збручъ и въ слѣдующіе дни рядъ другихъ лѣвыхъ притоковъ Днѣстра, Струпу, Злоту-Липу и Гнилу-Липу, пока 14 августа мы не столкнулись въ рѣшительномъ бою съ массами австрійскихъ войскъ, заграждавшихъ съ востока путь къ Львову. Наша побѣда надъ ними привела насъ къ фортамъ столицы Галиціи и 21 августа Львовъ палъ, а непріятель въ составѣ 4 (по другимъ свѣдѣніямъ 6 ?) корпусовъ стремительно отступилъ къ западу въ направленіи къ Городку (Грудекъ) и сильной крѣпости Перемышля. Того же числа палъ подъ нашимъ натискомъ Галичъ, находящійся въ 90 верстахъ съ небольшимъ (по прямой линіи) къ юго-востоку отъ Львова. Съ другой стороны еще днемъ раньше, 20 августа, мы закончили побѣдою же столкновенія съ врагомъ, начавшіяся 14 августа атакой австрійцевъ на центръ нашихъ армій, на линіи Люблинъ—Холмъ; и новый напоръ на непріятеля раздавилъ 22 августа весь его X корпусъ. По свѣдѣніямъ отъ того же 22 числа, началось наше общее наступленіе на фронтѣ между Бугомъ и Вислой. Одновременно наступленіе нашихъ войскъ на крайнемъ юго-востоку привело къ занятію главнаго города Буковины, Черновицевъ, и Сучавы.

На южномъ театрѣ великой войны, втеченіе болѣе чѣмъ мѣсяца Австрія не только не успѣла въ своей „карательной экспедиціи“ противъ сербовъ, но и потерпѣла очень сильное пораженіе въ сѣверо-западномъ углу ихъ территорій. Не прекращая бомбардировку Бѣлграда, который съ выѣздомъ правительства превратился, повидимому, въ защищенный окружающими батареями стратегическій пунктъ, австрійцы забрались, въ составѣ 3 (или 4 ?) корпусовъ, въ уголъ, образуемый Савою и ея правымъ притокомъ Дриною (которую нельзя смѣшивать съ албанскимъ, гораздо южнѣе текущимъ Дриномъ). Здѣсь, въ болотистой равнинѣ Мачвы, на высотахъ Церъ-Планины и въ долинѣ рѣки Ядара, между Шабачемъ, Лешницею и Лозницею, они были раздавлены въ семидневномъ бою (4—11 августа) сербами, которые

уничтожили цѣлые австрійскіе полки, захватили тысячи плѣнныхъ и много пушекъ. Послѣ отнятія у австрійцевъ занятаго было ими Шабаци сербы не оставили пока ни одного врага на своей старой территоріи. Недѣлей позже ихъ союзники черногорцы выбили австрійцевъ и изъ Плевле (на сѣверо-западѣ прежняго новобазарскаго санджака) и отбросили ихъ на территорію Босніи и Герцеговины, въ Чайницѣ.

На морѣ англо-французскій флотъ обнаруживаетъ до сихъ поръ такой перевѣсъ надъ флотами Германіи и Австріи, что суда этихъ державъ какъ бы парализованы. 6 августа (24 іюля ст. с.) застигнутые возлѣ береговъ Италіи нѣмецкіе крейсера „Гёбенъ“ и „Бреславль“ едва спаслись отъ преслѣдованій союзной эскадры и съ попорченными трубами еле добрались до турецкихъ водъ, гдѣ были проданы нѣмецкимъ правительствомъ Портъ—не безъ протеста державъ тройственнаго согласія. 26 (13) августа нѣмецкій флотъ испытываетъ новыя потери. Германскій крейсеръ „Магдебургъ“ попадаетъ на мель у Финскаго залива и взорванъ. Въ тотъ же день въ далекихъ водахъ западной Африки нѣмцы терпятъ при столкновеніи съ англичанами большой вспомогательный крейсеръ „Вильгельмъ“. А еще два дня спустя въ морской битвѣ при Гельголандѣ, 28 (15) августа, внезапное нападеніе англійскаго флота на германскую эскадру выводитъ изъ строя три крейсера, два крупныхъ нѣмецкихъ миноносца и много подводныхъ лодокъ. Въ концѣ августа и началѣ сентября н. с. англо-французская эскадра бомбардируетъ нѣсколько разъ австрійскій портъ Катарро и разрушаетъ его укрѣпленія, бомбардируетъ Полу, куда укрылся австрійскій флотъ. Еще ранѣе того, въ 10-хъ числахъ августа, западно-африканская колонія нѣмецкаго Того была взята англичанами и французами, а въ первыхъ числахъ сентября и острова Самоа переходятъ къ Англіи. Въ настоящее время Англія уже захватила около десятой части торговаго флота Германіи, заперла въ портахъ Сѣвернаго и Балтійскаго морей военный флотъ имперіи и сдѣлала свободнымъ (если не считать опасности безпорядочно разбросанныхъ нѣмцами минъ) плаваніе по морямъ для союзныхъ и нейтральныхъ государствъ. Свѣдѣнія отъ 5 сентября (23 августа) говорятъ уже о новомъ побѣдоносномъ столкновеніи англійской эскадры съ нѣмецкой въ Сѣверномъ морѣ. Японія, объявившая 23 (10) августа войну Германіи, избрала ближайшимъ предметомъ своихъ операцій территорію Дзяо-Джоу (Кіао-Чеу), которую въ мартѣ 1898 года Германія арендовала у Китая на 99 лѣтъ.

Какъ будутъ дальше развѣртываться событія, сказать трудно. И мы воздержимся отъ пророчествъ. Однако мы склонны думать, что настоящая война должна произвести значительныя измѣненія въ картѣ Европы и, можетъ быть, еще болѣе значительныя въ социальной области. То чрезвычайное нарушеніе нормальной эконо-

мической и политической жизни, которое война внесла въ очень сложный и въ извѣстномъ смыслѣ очень хрупкій организмъ современнаго міра, должно, несомнѣнно, затронуть самыя основы общества и произвести въ умахъ народовъ броженіе. Покамѣстъ въ этомъ направленіи какъ будто еще ничего не видно. Но если обратить вниманіе, что одинъ день войны стоитъ на каждаго солдата, по расчетамъ нѣмецкихъ статистиковъ, около восьми марокъ, т. е. четырехъ руб., и что въ данный моментъ лишь одна Германія держитъ подъ ружьемъ 4 милліона солдатъ (1.700.000 человекъ полевого войска, столько же ландвера и 600.000 чел. обученнаго ландштурма), то легко понять, какая экономическая бездна раскрывается передъ воюющими народами.

Съ другой стороны, послѣ первыхъ моментовъ борьбы должна во всѣхъ странахъ наступить реакція. И не только среди населенія нейтральныхъ державъ и у постороннихъ зрителей, но и у самихъ сражающихся должны пробудиться вырабатывающіеся втеченіе столькихъ тысячелѣтій инстинкты жалости, состраданія и гуманности. Въ частности Германія совершила, поведенію, слишкомъ много отступленій даже отъ того суроваго кодекса, который называется обычаями войны, чтобы не остановиться наконецъ передъ дѣлами крови и разрушенія. Брать заложниковъ, разстрѣливать мирныхъ гражданъ, подѣлывать предлогомъ, что они принимаютъ участіе въ войнѣ (какъ извѣстно, въ 1870—71 году нѣмцы безпощадно убивали даже болѣе или менѣе правильно организованныхъ „вольныхъ стрѣлковъ“), производить реквизиціи безъ надлежащей уплаты, облагать населеніе контрибуціями, доканчивать раненыхъ, стрѣлять въ парламентаровъ и санитаровъ, бомбардировать незащищенные города и стирать, на манеръ гунновъ, чудеса цивилизаціи и искусства, вроде города Лувэна,—все это должно будетъ рано или поздно вызвать чувства ужаса и отвращенія не только у однихъ зрителей, но и у самихъ виновниковъ этихъ преступленій противъ человѣчества.

Мы, къ сожалѣнію, лишены возможности читать, что нѣмцы пишутъ о насъ, о людяхъ, сражавшихся съ ними: чѣмъ, напр., они оправдываютъ это невѣроятное извращеніе естественныхъ чувствъ человѣческой солидарности? Намъ хотѣлось бы думать, что инициаторами тѣхъ насилій, того надругательства надъ человѣческой личностью, которое нѣмцы обрушили на тѣхъ, кого они считаютъ своими врагами, вплоть до мирныхъ подданныхъ воюющихъ съ ними державъ, застрѣвшихъ на ихъ территоріи послѣ объявленія войны,—намъ хотѣлось бы, говорю я, думать, что этими инициаторами является военная каста, въ частности всѣ эти офицера и унтеръ-офицера, прославившіеся безпримѣрною жестокостью и грязнымъ садизмомъ истязаній надъ своими же нѣмецкими солдатами; да тѣ сверхъ-патріоты изъ привилегированныхъ сословій, которые цѣлыми годами старались отравлять душу народа пропо-

лѣдью ненависти къ „чужимъ“, наигрывать на звѣринныхъ инстинктахъ подонковъ современнаго населенія въ большихъ городахъ и среди бушующей „улицы“. Въ прессу какъ будто начинаютъ проскальзывать уже свѣдѣнія о томъ, что нѣмцы сами, повидимому, устыдились своихъ проявленій зоологической вражды и пытаются ввести въ извѣстное русло разбушевавшіяся грязныя волны шовинизма.

Н. С. Русановъ.

Война и культура.

Люди, пережившіе землетрясеніе, рассказываютъ, что при этой катастрофѣ одно изъ самыхъ тягостныхъ чувствъ вызывается сознаниемъ того, что земля, эта наша родная земля, на которую мы привыкли такъ довѣрчиво опираться, эта наша „твердая почва“, какъ бы уходитъ изъ-подъ нашихъ ногъ... И въ самомъ дѣлѣ: если мы лишаемся „почвы“, если мы не можемъ болѣе опираться на землю, то, спрашивается, на что же мы можемъ опереться...

Аналогичныя чувства, вѣроятно, испытали многіе изъ насъ теперь, когда зажегся всемірный пожаръ войны и когда вдругъ прославленная „культура Европы“ заколебалась, стала давать трещины и первобытныя, звѣрскія инстинкты начали явственно всплывать наверхъ...

И, естественно возникаетъ вопросъ о томъ, насколько прочна наша культура, насколько первобытный звѣрь дѣйствительно перевоспитанъ культурой, а не просто временно обузданъ ею.

При этомъ люди, въ достаточной степени знакомые съ біологіей и психологіей, конечно, лишній разъ съ болью въ сердцахъ вспоминаютъ о томъ, что всѣ благороднѣйшія, высшія образованія отличаются значительной непрочностью, что они могутъ существовать лишь при гармоническомъ сочетаніи весьма многихъ элементовъ, т. е. лишь при довольно исключительныхъ условіяхъ, внѣ которыхъ они быстро гибнутъ, уступая мѣсто менѣе благороднымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и менѣе требовательнымъ образованіямъ. Въ организмъ человѣка ткани нервная и мускульная легко уступаютъ свое мѣсто менѣе цѣнной соединительной ткани и особенно легко гибнетъ самая благородная — нервная ткань, причемъ ее легко замѣщаетъ соединительная ткань, а она сама никогда не замѣщаетъ этой соединительной ткани, такъ что здѣсь всякая потеря нервной ткани есть потеря навѣки.

И въ области духа мы видимъ то же самое. Психіатры знаютъ, что при душевныхъ заболѣваніяхъ прежде всего поражается самая высшая область человѣческаго духа: его нравственное сознаніе. Затѣмъ угасаетъ способность къ высшимъ теоретическимъ обоб-

женіямъ, тогда какъ всѣ низшія способности могутъ еще долго оставаться нетроутыми.

Какъ высшія проявленія индивидуальнаго развитія, такъ и высшія проявленія культуры коллективной предполагаютъ наличность весьма многихъ условий: это продуктъ гармоническихъ сочетаній очень большого числа болѣ простыхъ индивидуальныхъ и социальныхъ факторовъ, причемъ эти „болѣ простые“ факторы могутъ существовать безъ нихъ, а они не могутъ существовать не только безъ какаго-либо изъ этихъ факторовъ, но даже и безъ гармоническаго сочетанія всѣхъ факторовъ.

Высшія проявленія челоѳческаго духа обнаруживаютъ довольно парадоксальный характеръ; а именно, съ одной стороны, они обладаютъ огромной силой, они могутъ властно господствовать надъ низшими элементами, примѣромъ чего можетъ служить власть нравственнаго чувства, которое способно совершенно подавить всѣ самые сильные наши стремленія и инстинкты, до инстинкта самосохраненія включительно,—а, съ другой стороны, эти столь могущественныя высшія проявленія челоѳческаго духа являются образованіями необычайно нѣжными и хрупкими: стоятъ только немного нзмѣниться условіямъ ихъ существованія и они претерпѣваютъ глубочайшую ломку. Примѣромъ этого можетъ служить не только ошнание, иногда радикально мѣняющее характеръ челоѳка, но также и почти каждая болѣзнь: не особенно большое повышение температуры тѣла, нѣкоторое учащеніе пульса, незначительное разстройство кровообращенія — все это можетъ вдругъ весьма существенно измѣнить умственную и нравственную фізіономію челоѳка.

Вопросъ о взаимоотношеніяхъ между высшими и низшими элементами челоѳческой личности еще недостаточно изученъ, но во всякомъ случаѣ можно съ полной увѣренностью утверждать, что культура въ гораздо болѣшей степени „шлифуетъ“ челоѳка, чѣмъ перерождаетъ его. Извѣстно, что такой крупный мыслитель, какъ Бокль, отрицалъ существованіе прогресса въ нравственной области. И если теперь можно сказать съ увѣренностью, что Бокль ошибался, то все-таки ошибка Бокля является вполнѣ понятной, ибо, дѣйствительно, существуетъ огромное различіе между измѣненіемъ въ поведеніи челоѳка лишь подъ влияніемъ культурной обстановки, т. е. подъ влияніемъ того, что Спенсеръ называетъ „эгоальтруистическими“ чувствами, и тѣмъ измѣненіемъ въ его поведеніи, которое знаменуетъ собою возникновеніе у него настоящихъ альтруистическихъ чувствъ. Только въ последнемъ случаѣ мы на самомъ дѣлѣ имѣемъ передъ собою дѣйствительно новаго челоѳка и можемъ говорить о прочномъ повышеніи нравственнаго уровня, а не о простомъ усовершенствованіи въ малоповѣнныя поведенія.

А едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что весьма значительная доля той „мягкости правовъ“ и того „нравственнаго поведенія“, которыми отличается современное культурное общество, есть результатъ простой шлифовки, что звѣрь въ человѣкѣ еще только обузданъ, а не просвѣтленъ, и во всякомъ случаѣ, что онъ весьма мало просвѣтленъ.

Мы не будемъ указывать здѣсь на такіе исключительные и, пожалуй, патологическіе случаи, какъ безумная паника во время пожаровъ въ театрахъ, во время кораблекрушеній и т. п., когда сильные мужнины ножами прокладываютъ себѣ дорогу, давя женщинъ и дѣтей,—мы укажемъ лишь на то, какъ легко люди нарушаютъ всѣ нравственныя требованія, лишь только для этого найдется благовидный предлогъ. „Слово, данное еретику, недѣйствительно“: руководясь нечестнымъ принципомъ, можно было и сохранить репутацію человѣка, и остаться своему слову, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, беззапѣчно нарушить это слово. И развѣ мы не видимъ, какъ безпрестанно повторяется подобная аргументація? Извѣстный австрійскій реакціонеръ князь Виндишгрецъ говорилъ, что „человѣкъ начинается съ барона“. И, повидному, Виндишгрецъ дѣйствительно не считалъ себя связаннымъ какими бы то ни было нравственными обязательствами по отношенію ко всѣмъ тѣмъ, которые не имѣли хотя бы баронскаго титула. Не всѣ такъ откровенно и такъ цинично формулируютъ свои мысли, но много ли найдется людей, которые никогда не пользовались двумя нравственными кодексами: однимъ для „своихъ“ и другимъ для „чужихъ“? „Мы“ и „они“, какъ недавно формулировалъ одинъ духовный преемникъ Виндишгреца, „мы“ и „они“ должны быть подчинены двумъ различнымъ нравственнымъ кодексамъ: въ сношеніяхъ съ „нашими“ слѣдуетъ пользоваться одними нравственными правилами, а въ сношеніяхъ съ „не-нашими“—другими.

Стоитъ вдумчиво относиться къ окружающей дѣйствительности, чтобы замѣтить, какъ широко распространено подобное явленіе.

Сознательно или безсознательно, т. е., ссылаясь на ясно сформулированный принципъ или просто вслѣдствіе извѣстной нравственной тупости, но люди весьма и весьма часто руководятся особыми нравственными предписаніями по отношенію ко всѣмъ „не-нашимъ“, т. е., по отношенію ко всѣмъ тѣмъ, которые отличаются отъ нихъ расой, національностью, религіей, убѣжденіями, профессіей, общественнымъ положеніемъ, поломъ или даже просто возрастомъ.

Поскольку человѣкъ находится подъ властью не настоящихъ нравственныхъ, альтруистическихъ чувствъ, а лишь чувствъ эго-альтруистическихъ, т. е. поскольку онъ лишь стремится заслужить похвалу, избѣжать осужденія и т. п., постольку ему достаточно лишь угодить небольшой кучкѣ „своихъ“: тѣхъ людей, отчужденіе которыхъ заставило бы его испытать полное одиночество со всѣми

его тяжелыми послѣдствіями. Лишь психологіей этой кучки онъ проникается, лишь съ нравственными требованіями этихъ людей онъ соображается. А всѣ остальные — „не наши“, т. е. не люди, по откровенному признанію Вилдшиггеца.

Если таково теперь нравственное состояніе человѣчества, если теперь господствующую роль играетъ лишь „шлифовка“ культуры, лишь эго-альтругистическія чувства, то естественно, что война, эта открытая борьба со всѣми „не-нашими“, должна сопровождаться взрывомъ жестокихъ, звѣрскихъ чувствъ, что нравственные устои общества должны быть временно поколеблены, что „культура“ должна дать большія трещины...

Цѣль этой замѣтки заключается не въ томъ, чтобы прибавить еще нѣсколько страницъ къ той громадной литературѣ, которая направлена противъ войны и которая является выраженіемъ антимилитаристическихъ тенденцій современныхъ обществъ. Нѣтъ, мы будемъ говорить здѣсь не о самой войнѣ, а лишь о тѣхъ побочных явленіяхъ, которыя связаны съ войной. Мы хотимъ напомнить русской публикѣ, что теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, слѣдуетъ критически относиться къ голосу инстинктовъ, слѣдуетъ держать себя въ уздѣ.

Ибо взрывъ жестокихъ инстинктовъ во многихъ мѣстахъ очевиденъ. Начну съ того, что дѣлается въ Германіи. Я не буду повторять здѣсь газетныхъ сообщеній, не буду также передавать и того, что мнѣ приходилось уже здѣсь въ Петербургѣ слышать отъ лицъ, такъ или иначе потерпѣвшихъ въ Германіи. Я ограничусь лишь личными наблюденіями.

Передать эти мои личные наблюденія будетъ не легко, ибо я переѣхалъ германскую границу за нѣсколько часовъ до объявленія войны и поэтому никакихъ яркихъ, рѣзкихъ фактовъ я не наблюдалъ. То обстоятельство, что кондуктора и кельнеры были уже грубы и рѣзки съ русскими; что тѣхъ пассажировъ, которые по невниманности или по недостаточной сдержанности спрашивали на станціяхъ, пропустятъ ли насъ черезъ границу, железнодорожные служащіе съ грубымъ смѣхомъ пугали увѣреніями, будто всѣ мы будемъ арестованы; затѣмъ то обстоятельство, что насъ на мелкой станціи высадили изъ вагоновъ, продержали довольно долго подъ дождемъ и затѣмъ всѣхъ насъ, пассажировъ огромнаго поѣзда въ 13 бѣткомъ набитыхъ вагоновъ, втиснули въ 4 товарныхъ вагона; — всѣ эти мелкіе факты, которые мнѣ лично пришлось наблюдать, конечно, слишкомъ ничтожны, чтобы *сами по себѣ* они достойны были сообщенія. Но тягостное впечатлѣніе было вызвано не этими мелкими фактами, а тѣмъ непередаваемымъ, но ясно мною воспринятымъ общимъ настроеніемъ, которое царило въ Берлинѣ въ день объявленія военнаго положенія и послѣ обращенія Вильгельма къ народу. Хорошо мнѣ знакомый привѣтливый и

благодушный Берлинъ былъ неузнаваемъ: онъ озвѣрилъ. Пусть нѣмцы были введены въ заблужденіе, пусть они искренно воображали, что не Вильгельмъ собирается объявить войну Россіи, а сама Россія нападаетъ на Германію,—но все-таки сразу стало ясно, что берлинцевъ обуялъ не только пылъ патриотовъ, рѣшившихъ отстоять свою родину, но еще и злоба и ненависть ко всему русскому. И германское правительство, и германскія газеты усердно натравляли малосвѣдущую публику на все русское. Я перечиталъ нѣсколько газетъ и оказалось, что въ онѣ не ограничивались призывомъ къ „защитѣ отечества“, но еще и разжигали низменные страсти толпы. И въ результатъ всего этого не только слышалась смѣшная похвальба, вродѣ обѣщанія „прійти въ Россію и съѣсть всю русскую икру“, но еще и раздавался призывъ не падать ничего русскаго, ибо русскіе это—просто свиньи (слово „Schweine“ сдѣлалось стереотипной характеристикой русскихъ). Нужно еще помнить, что русскіе для нѣмцевъ вообще, а для берлинцевъ въ особенности, отнюдь не являлись какими-нибудь незнакомцами, отнюдь не которыхъ можно безопасно сочинять всякія сказки. Нѣтъ, всякій, кто бывалъ въ Берлинѣ, знаетъ, что Берлинъ кишитъ русскими и что, особенно лѣтомъ, главная улица Берлина „Unter den Linden“ является просто полурусской улицей. Много видѣли берлинцы русскихъ, много получили отъ нихъ денегъ, много было даже завязано у нихъ хорошихъ личныхъ отношеній съ русскими,—и вдругъ шовинизмъ Вильгельма и его приспѣшниковъ рѣзко измѣнилъ настроеніе толпы. Нужно было только имъ громко крикнуть, что русскіе „не наши“, что они „враги“, и культурное настроеніе нѣмцевъ не выдержало напора звѣрскихъ инстинктовъ. Поѣздъ, увозившій меня изъ Берлина, былъ переполненъ русскими; общей темой для бесѣдъ былъ, конечно, вопросъ о томъ, какъ реагируютъ нѣмцы на предстоящую войну. И мнѣ пришлось слышать печальные рассказы о томъ, какъ напримѣръ, даже врачи, забывши свою священнѣйшую обязанность, отказывались помогать больнымъ, какъ выселяли изъ санаторій людей, которые были давнишними посѣтителями этихъ санаторій, и т. д., и т. п.

Однимъ словомъ, мнѣ стало ясно, что бѣдный, въ сущности добродушный Михель омончательно обитъ съ толпою своимъ Кайзеромъ и его приспѣшниками...

Я возвратился въ Россію. Съ большимъ интересомъ сталъ я наблюдать, каково настроеніе моей родины, которую я покинулъ всего мѣсяць тому назадъ такою миролюбивою, такою далекою отъ мысли о возможности этой внезапной войны. Конечно, прежде сего бросился въ глаза общій подъемъ и общее возбужденіе. Войска бодро шли на встрѣчу врагу. Но, къ сожалѣнію, скоро выяснилось, что часть нашей печати, т. е. нѣкоторые изъ тѣхъ, обязанность которыхъ заключается въ правильномъ освѣщеніи и осмысливаніи текущихъ событій, не ограничиваются оказаніемъ по-

сильной помощи въ борьбѣ съ врагомъ, но еще и пытаются разжечь ненависть ко всему нѣмецкому, что эти люди, повидимому, стремятся къ тому, чтобы русскіе забыли, что нѣмцы—наши братья, что нѣмецкій народъ въ своей массѣ есть миролюбивый труженикъ и что преступная авантюра затѣяна не народомъ, а лишь правительствомъ Германіи.

Мы, не менѣе страстно, чѣмъ кто бы то ни было, желаемъ быстрой и рѣшительной побѣды Россіи; мы желаемъ, чтобы преступное стремленіе нѣмецкихъ юнкеровъ ко всемірному господству было навсегда сокрушено... Но мы также желаемъ и того, чтобы русскіе не считали отвѣтственными нѣмецкихъ Михелей за преступленіе ихъ правителей. Мы желаемъ и того, чтобы по окончаніи войны побѣдоносцы Иваны и Петры братски протянули свои руки Михелю и лишь сказали бы ему: „И какъ это ты, Михель, далъ одурачить себя Вильгельму и его приспѣшникамъ“!

Однимъ словомъ, мы страстно желаемъ Россіи высшей побѣды не только побѣды надъ вѣнскимъ врагомъ, но и побѣды надъ своими низшими инстинктами... Мы уже говорили, что эти инстинкты сильны въ человѣчествѣ, что легкое наслоеніе высшихъ образованій всегда можетъ быть разорвано волнующейся массой низшихъ инстинктовъ. И поэтому, когда мы видимъ безумную и преступную попытку возволновать эти низшіе инстинкты, мы не можемъ не обратиться къ инициаторамъ этой дикой затѣи съ предупрежденіемъ:

О, бурь заснувшихъ не буди:
Подъ ними хаосъ шевелится...

П. Мокіевскій.

На очередныя темы.

„Единая Россія“.

I.

15 іюля Австрія объявила войну Сербіи. Какъ разъ въ этотъ день генераль Думбадзе былъ въ Алуштѣ. Послѣ торжественнаго молебствія (отслуженнаго, повидимому, по случаю его приѣзда) онъ обратился съ рѣчью къ представителямъ мѣстнаго населенія,—христіанскаго, мусульманскаго и еврейскаго. Генераль высказалъ „самое горячее, искреннее свое желаніе работать на благо мѣстнаго края, быть полезнымъ всему населенію, безъ различія вѣроисповѣданія“. „Помните одно,—сказалъ генераль—не вы для насъ, а мы, чиновники, назначены для васъ, для вашихъ нуждъ...

Восемь лѣтъ прежней административной дѣятельности—продолжалъ онъ—въ счетъ не могутъ идти. Тогда я законовъ не зналъ... Некогда было въ книги заглядывать, вѣсомъ въ два пуда“... ¹⁾ Въ тотъ же день г. Думбадзе посѣтилъ мечеть и синагогу, тамъ молился. И въ синагогѣ сказалъ новую рѣчь евреямъ, убѣждая ихъ всегда обращаться къ нему со всеми ихъ нуждами. „Всеми силами—говорилъ онъ—буду стараться пойти на встрѣчу вамъ“. Слухи о томъ, будто бы онъ иначе относится къ евреямъ, чѣмъ къ русскимъ, генераль назвалъ выдумкой его враговъ. „Пусть Богъ будетъ судьей между мной и ими. Желаю счастья вамъ и вашимъ семьямъ“,—закончилъ онъ свою рѣчь... Евреи были въ восторгѣ и устроили генералу овацію.

Такимъ образомъ генераль Думбадзе однимъ изъ первыхъ понялъ, что необходимо прекратить „внутреннія распри“. Онъ такъ спѣшилъ заключить миръ, что ему показалось даже, будто этихъ распрей у него съ населеніемъ и не было,—было лишь недоразумѣніе, поддерживавшееся его врагами и объяснявшееся просто тѣмъ, что онъ не зналъ законовъ...

Генераль Думбадзе былъ однимъ изъ первыхъ... Но и потомъ инициатива „объединенія“ перѣдко шла отъ людей крайняго праваго лагеря. Напомню хотя бы спенку, которая произошла въ Зимнемъ дворцѣ послѣ приѣма государемъ законодательныхъ палатъ. По описанію „Рѣчи“ дѣло было такъ:

В. М. Пуришкевичъ подходитъ къ петербургскому депутату М. Д. Калугину и заявляетъ ему, что въ такое время, какое переживаетъ теперь Россія, не должно быть ни правыхъ, ни лѣвыхъ, и проситъ познакомить его съ П. Н. Милюковымъ.

М. Д. Калугинъ, въ сопровожденіи В. М. Пуришкевича, подходитъ къ П. Н. Милюкову и знакомитъ ихъ.

— Членъ Гос. Думы Милюковъ... Членъ Гос. Думы Пуришкевичъ...

В. М. Пуришкевичъ и П. Н. Милюковъ подають другъ другу руки ²⁾.

„Все были объединены однимъ чувствомъ“,—писали по этому поводу „Биржевыя Вѣдомости“. По словамъ этой газеты, съ П. Н. Милюковымъ, кромѣ Пуришкевича, тамъ же, въ Зимнемъ дворцѣ, „объединились“ и Н. Е. Марковъ 2-й. Минута всякихъ посредниковъ, онъ самъ подошелъ къ г. Милюкову, протянулъ ему руку и сказалъ:

— „Позвольте представиться. Теперь все кончено. Мы можемъ говорить другъ съ другомъ. Напрасно вы думали, что мы противъ народнаго представительства. Мы всегда были лишь противъ бюрократіи“...

Оказывается, и тутъ было только недоразумѣніе... „П. Н. Милюковъ пожалъ Н. Е. Маркову 2-му руку“ ³⁾.

¹⁾ Цитирую по „Русскимъ Вѣдомостямъ“ отъ 20 іюля

²⁾ „Рѣчь“, 27 іюля.

³⁾ „Биржевыя Вѣдомости“, 26 іюля.

Изъ крайнихъ правыхъ возьму еще г. Шмакова. Его юдофобство, при взглядѣ со стороны, всегда представлялось чѣмъ-то вроде маніи, и ужъ онъ-то, казалось, никогда не можетъ дойти до объединенія съ „іудеями“. Но и онъ не устоялъ, и онъ считаетъ нужнымъ прекратить „распри“. „Я—заявилъ онъ, когда его спросили о евреяхъ,—отнынѣ прѣлвѣтствую объединеніе національностей Россіи. Отнынѣ дѣло національной травли, дѣло вражды и распрей прекращено“ 1).

Было бы ошибкой однако представлять себѣ дѣло такъ, что склонность къ объединенію ранѣе всего зародилась или сильнѣе всего сказалась въ правыхъ кругахъ. Въ тотъ самый день, когда генераль Думбадзе произносилъ свои рѣчи въ Алушѣ, Общество научно-славянскаго единенія въ С.-Петербургѣ обратилось съ воззваніемъ къ русскимъ гражданамъ, убѣждая ихъ, что „передъ величіемъ переживаемой минуты должны умолкнуть всѣ внутреннія несогласія“. Воззваніе это было подписано президентомъ Общества, профессоромъ В. М. Бехтеревымъ, который, при всей двусмысленности нѣкоторыхъ его выступленій, какъ-никакъ находился до сихъ поръ все-таки не въ томъ лагерѣ, гдѣ были Шмаковъ, Думбадзе и Пуришкевичъ. Достаточно вѣдь вспомнить хотя бы дѣло Бейлиса...

Черезъ день въ газетахъ, подъ заголовкомъ: „Русское прогрессивное общество о современномъ моментѣ“, появилась резолюція тридцати ученыхъ и общественныхъ дѣятелей, обсуждавшихъ этотъ моментъ въ квартирѣ и подъ предсѣдательствомъ національ-радикала г. Брилчанинова. „Къ русскому обществу—говорилось между прочимъ въ этой резолюціи—мы обращаемся съ призывомъ объединиться въ серьезнѣйшій историческій моментъ и не усложнять внѣшнихъ задачъ Россіи внутренними распрями“ 2).

19 іюля въ Москвѣ состоялось большое собраніе въ Политехническомъ музеѣ, на которомъ выступалъ цѣлый рядъ ораторовъ. „Большое впечатлѣніе, по словамъ газетъ, произвела рѣчь извѣстнаго въ Москвѣ общественнаго дѣятеля д-ра Баженова, говорившаго отъ лица прогрессивной партіи и указавшаго, что въ переживаемый моментъ не можетъ быть розни между правительствомъ и обществомъ, не можетъ быть мѣста предъявленію какихъ бы то ни было счетовъ къ правительству“. „Все русское общество—говорилъ ораторъ—должно поддержать правительство. Единственной формулой для всего русскаго общества должна быть теперь одна формула: единеніе“. Тутъ же выступилъ и „политическій антиподъ“, какъ выразилась одна изъ газетъ, д-ра Баженова. „Представитель союзнической организаціи, извѣстный Орловъ, съ своей стороны отмѣтилъ, что сейчасъ сглаживаются всѣ партійныя раз-

1) „Биржевыя Вѣдомости“, 11 августа.

2) „Биржевыя Вѣдомости“, 17 іюля.

личія и всѣ партіи подають одна другой руки. Одушевленіе присутствовавшихъ—прибавляя корреспондентъ—не поддается описанію¹⁾.

Послѣ того, какъ война сдѣлалась неизбежною, съ лозунгомъ объединенія выступили и к.-д. печать, пытавшаяся до этого вести „борьбу за миръ“. А 22 іюля въ газетахъ появилось воззваніе „руководителей партіи народной свободы“, которые писали: „отложимъ внутренніе споры, не дадимъ врагу ни малѣйшаго повода надѣяться на раздѣляющія насъ разногласія“.

Тяга къ объединенію, несомнѣнно, сказалась и въ болѣе лѣвыхъ кругахъ, — даже въ эмигрантскихъ. Достаточно въ этомъ случаѣ назвать хотя бы извѣстнаго В. Л. Бурцева, который, по газетнымъ свѣдѣніямъ, обратился съ воззваніемъ, приглашая всѣхъ русскихъ объединиться около своего правительства, — около того самаго правительства, которому г. Бурцевъ еще такъ недавно и такъ настойчиво предъявлялъ свои обвиненія и которое, съ своей стороны, обнаружило склонность всякія сношенія съ г. Бурцевымъ вмѣнять русскимъ гражданамъ въ преступленіе. До Россіи дошло также (при посредствѣ итальянскихъ газетъ) письмо г. Амфитеатрова, въ которомъ онъ горячо рекомендуетъ русскимъ эмигрантамъ ѣхать въ Россію для поступленія въ дѣйствующую армію, а кому нельзя вернуться въ Россію — поступать въ ряды французскихъ войскъ и сражаться хотя бы въ качествѣ союзниковъ²⁾. Самъ г. Амфитеатровъ, какъ извѣстно, давно уже не рѣшается показаться въ Россію...

Изъ сказаннаго видно, что стремленіе къ объединенію сразу же дало о себѣ знать чуть не по всему фронту русской общественности. Но нагляднѣе всего оно сказалось, пожалуй, въ „историческомъ засѣданіи“ Государственной Думы. Досрочный созывъ законодательныхъ палатъ, какъ извѣстно, былъ мотивированъ желаніемъ исторической власти „въ виду ниспосланныхъ отечеству нашему тяжелыхъ испытаній“ „быть въ полномъ единеніи съ народомъ“. Депутаты, повидимому, поняли это такъ, что вся задача ихъ въ эту тяжелую годину народной жизни сводится къ тому, чтобы продемонстрировать объединеніе Россіи. И эту задачу они выполнили, можно сказать, блестяще. „Да! — писало „Новое Время“. — Сегодня и въ Зимнемъ дворцѣ, и въ залѣ Г. Думы говорила единая Россія. Великій патріотическій порывъ объединилъ въ мощномъ чувствѣ государственнаго единства всю многомилліонную и многотысячную Россію... Въ минуту грозной опасности извнѣ она встаетъ, какъ одинъ человѣкъ, вокругъ своего Верховнаго Вождя³⁾).

Значеніе думской манифестаціи — а къ ней, въ сущности, и

¹⁾ См. „Новое время“ и „Русскія Вѣдомости“, 20 іюля.

²⁾ См. „Кіевскую мысль“ отъ 10 августа.

³⁾ „Новое Время“, 27 іюля.

случилось все „историческое засѣданіе“—было гѣмъ больше, что эта манифестація завершала и вѣнчала собою цѣлый рядъ другихъ, въ которыхъ, какъ предполагалось, говорила та же „единая Россія“. Но на этотъ разъ манифестировали уже не шуваловскія дачницы, которыя „размахивали зонтиками и угрожающе кричали: долой нѣмцевъ!“¹⁾—а народные представители, дающіе солдатъ въ армію и деньги на вооруженіе. И вотъ они-то обѣщали не пожалѣть крови чтобы утопить въ ней „тирана Европы“. Это былъ уже не красно сельскій театръ, гдѣ на парадномъ спектаклѣ манифестировала строго отобранная публика²⁾ или „заль телеграммъ“ націоналистической газеты, изъ котораго на глазахъ у всѣхъ появлялись „руководители“ уличныхъ манифестацій съ заранее приготовленными портретами и флагами, а законодательное собраніе, въ которомъ—какъ полагаетъ нынѣ „Современное Слово“—„всѣ оттѣнки мнѣній законно и исчерпывающимъ образомъ представлены“³⁾. И вотъ это-то собраніе выразило свою мысль и чувство въ единодушныхъ кликахъ, свою мысль и волю—въ единогласныхъ вотумахъ.

II.

Единая Россія... Таковъ сейчасъ лозунгъ. „Единая мысль“, „единое чувство“, „единая воля“—такъ и несутся въ газетахъ. „Въ этомъ единеніи всѣхъ народныхъ силъ, изгнавшемъ распри и раздоры изъ нашей жизни, въ слияніи воли Государя съ народной волей—драгоценнѣйшій залогъ успѣха въ той тяжелой борьбѣ, которая предстоитъ нашему отечеству“⁴⁾. Такъ пишутъ въ своемъ воззваніи октябристы. „Новое Время“ видитъ въ этомъ единеніи „крупное моральное пораженіе враговъ, безъ капли пролитой крови“. „Они ошиблись...—радостно восклицаетъ въ „Рѣчи“ видный членъ к.-д. фракціи, екатеринославскій депутатъ Александровъ. — Они ошиблись и повѣрили глупой клеветѣ о неспособности русской интеллигенціи и народа проявить чувство пламеннаго патріотизма для защиты чести и достоинства Россіи. Имъ казалось, что война для Россіи есть начало разложенія и что они чуть ли не голыми руками совершать надъ ней свои насильнические дѣйствія... И какой достойный отвѣтъ дала имъ Россія: они не только насъ не загнали и не дезорганизовали, а своимъ подлымъ нападеніемъ они заставили Россію встрепенуться, они объединили ее отъ края до края и обратили въ несокрушимую силу. Въ три дня образовалась титаническая спайка съ единой мыслью, съ единымъ чувствомъ. Счастливы тоть, кто живетъ въ эти великіе дни!“⁵⁾. П. Б. Струве на банкетѣ, устроенномъ проф. Вве-

1) „Новое Время“, 18 іюля.

2) „Новое Время“, 15 іюля.

3) „Современное Слово“, 21 іюля.

4) „Новое Время“, 26 іюля.

5) „Новое Время“, 27 іюля.

депешимъ, предостерегалъ отъ излишняго опьяненія побѣдами, но и онъ находилъ, что „одну побѣду Россія уже одержала, и она заключается въ томъ, что достигнуто единеніе власти съ народомъ“¹⁾.

Можно ли однако сказать, что единеніе уже достигнуто? Стремленіе къ объединенію, какъ мы видѣли, дѣйствительно, сказалось въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ и проявилось въ совершенно пагильныхъ формахъ. Съ разныхъ сторонъ послышались голоса, что необходимо прекратить распри. Но гарантируетъ ли это, что распри и не будетъ? Вѣдь, вотъ, передъ войной всѣ державы увѣряли, что онѣ желаютъ сохранить миръ, и можно думать, что въ большинствѣ онѣ были вполне искренни. Но, не смотря на это, мировая война все-таки разразилась. И въ данномъ случаѣ важны вѣдь не воззванія, не слова, а фактическія отношенія, какія установятся между общественными группами и дѣлателями, имѣющими разные интересы и мнѣнія. А эти отношенія могутъ вѣдь и разойтись съ высказанными теперь пожеланіями и даваемыми обещаніями.

Можно, напримѣръ, не сомнѣваться въ самомъ горячемъ, искреннемъ желаніи генерала Думбадзе служить отнынѣ всему населенію, безъ различія вѣроисповѣданія. Но можно ли быть увѣреннымъ, что у него найдется теперь время „заглядывать въ книги, въсомъ въ два пуда?“ Вѣдь теперь еще недосужнее будетъ... Да и найдутъ ли онъ въ этихъ книгахъ указанія, какъ служить, напримѣръ, евреямъ? Возьмемъ, съ другой стороны, г. Бурцева: можно ли ожидать, что онъ отнынѣ будетъ благосклонно взирать на провокацію, еслибы таковая продолжалась, и не разоблачить уже новаго Азефа, еслибы таковой появился?

Единеніе всѣхъ народныхъ силъ для борьбы съ грознымъ вѣншиимъ врагомъ, несомнѣнно, представляетъ въ высшей степени важное, быть можетъ, даже главный залогъ успѣха. Правы въ этомъ отношеніи октябристы. Но поэтому-то и нельзя слишкомъ ужъ легко относиться къ этому объединенію, поэтому-то и нельзя считать дѣло сдѣланнымъ, когда оно, быть можетъ, еще и не начато. Допустимъ, что у насъ оказалась крѣпость, которой не ожидали враги. Въ дѣйствительности, это—даже не крѣпость, а только готовность ее построить; можетъ быть, и того меньше: только желаніе ее имѣть. Достаточно ли этого, чтобы праздновать уже побѣду? Не слѣдуетъ ли, прежде всего, укрѣпить эту крѣпость, проявить эту готовность, осуществить это желаніе? Не въ этомъ ли заключается сейчасъ задача?

И задача — не будемъ обманывать себя — въ высшей степени сложная и трудная. Втеченіе ряда лѣтъ въ Россіи происходили

¹⁾ „Рѣчь“, 23 іюля.

²⁾ „Рѣчь“, 26 іюля.

ожесточенныя внутреннія распри. Одно время онѣ могли казаться какъ будто утихшими,—Россію даже официально признавали „успокоенной“,—но въ дѣйствительности эти распри, конечно, были только подавлены и въ послѣдніе годы начали опять быстро разгораться. Какъ разъ передъ войной въ некоторыхъ пунктахъ онѣ обострились до чрезвычайности. Не забудемъ, что, когда Австрія предъявила свой ультиматумъ Сербіи, на улицахъ Петербурга раздавались выстрѣлы и были даже попытки строить баррикады. Конечно, это былъ не общій пожаръ, не революція, какъ полагали, быть можетъ, наши враги, а лишь одна изъ эпизодическихъ вспышекъ, притомъ уже затихавшая. Когда надвинулась вѣшняя опасность, то картина сразу измѣнилась. Тѣ самые рабочіе, въ которыхъ только что стрѣляли, безъ всякаго протеста явились на сборные пункты. И правительство безъ всякаго страха вручило этимъ недавнимъ „бунтовщикамъ“ ружья. О расприхъ не было и поминъ,—всѣхъ объединилъ, если употребить выраженіе „Новаго Времени“, „могучій патріотическій порывъ“.

Этотъ „могучій порывъ“, хотя онъ и показался многимъ неожиданнымъ, былъ, въ сущности, совершенно естественъ. Такъ реагируетъ на вѣшнюю опасность всякій живой организмъ,—даже больной, даже израненный. Представьте себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что на чловѣка, одержимаго тяжкимъ недугомъ и стонущаго отъ невыносимыхъ болей, нападутъ разбойники. Онъ вѣдь сразу прекратитъ стоны, забудетъ про свои боли и раны, соберетъ и напряжетъ всѣ свои силы, лишь бы отстоять жизнь, которой угрожаетъ опасность.

Но это не значитъ, конечно, что онъ моментально выздоровѣетъ. Бываетъ,—медицины извѣстны такіе случаи,—что подобное напряженіе оказывается иной разъ благотѣльнымъ для организма и, переживъ его, больной начинаетъ быстро поправляться. Но такіе случаи—все-таки исключеніе. Не слѣдуетъ упускать изъ виду другіе исходы, а они могутъ быть самые разнообразныя. Болезнь во всякій моментъ можетъ напомнить о себѣ, особенно если нападающій или самъ больной задѣнетъ больное мѣсто, разбередитъ незажившую рану. Энергія обороняющагося въ такомъ случаѣ сразу ослабѣетъ и въ силахъ онъ почувствуетъ упадокъ, который можетъ оказаться роковымъ для него.

Россія, на которую напали враги, сейчасъ переживаетъ, можно сказать, такой же „могучій порывъ“, собираетъ и напрягаетъ всѣ силы. Этихъ силъ у нея, конечно, много; можно сказать, что ихъ имѣется непотеряемый запасъ. Но во вѣшнюю борьбу ей пришлось вступить послѣ тяжелыхъ внутреннихъ потрясеній, когда новый государственный строй еще не окрѣпъ и даже, какъ слѣдуетъ, не установился, когда соотношеніе между силами стараго и новаго порядка окончательно еще не опредѣлилось.

Если, основываясь на этомъ, наши враги рассчитывали,—какъ

полагаетъ г. Александровъ,—что съ ихъ нашествіемъ немедленно начнется разложеніе Россіи, что они могутъ чуть не голыми руками совершить надъ ней свои насильническія дѣйствія, то можно сказать, что ихъ расчеты были не очень основательны. Такъ же не очень основательны были расчеты и тѣхъ нашихъ политиковъ, которые увѣрили, что при первомъ же столкновеніи „докутная имперія“, какъ они любятъ называть Австрію, вся расплывется. Современное государство представляетъ изъ себя очень сложный организмъ, въ которомъ части связаны другъ съ другомъ безчисленнымъ количествомъ волоконъ и нитей, не только политическихъ, но и экономическихъ. Это не то, что прежде, когда въ лучшемъ случаѣ ихъ связывали только государь, языкъ и вѣра, а въ худшемъ — просто голая сила. Тогда, дѣйствительно, отдѣльныя части могли сравнительно легко отпадать отъ цѣлага. Въ современномъ же государствѣ даже у враждующихъ между собою областей, національностей и классовъ очень сильно чувство государственнаго единства.

Но изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что внутреннія отношенія существенной роли во внѣшней борьбѣ уже не играютъ. Напротивъ, благодаря той же связности государственнаго организма, даже мѣстное разстройство въ немъ можетъ очень сильно повліять на общее его самочувствіе. Тѣмъ большее значеніе можетъ имѣть разстройство всего организма, обусловленное тяжелымъ и затяжнымъ внутреннимъ кризисомъ вроде того, какой вотъ уже рядъ лѣтъ переживаетъ Россія. Слишкомъ много въ этомъ случаѣ наболѣвшихъ мѣстъ,—и слишкомъ велика опасность, что то или иное изъ нихъ будетъ задѣто. Да, и помимо этого, не легко объединить противопоставленныя другъ другу силы около одной общей цѣли.

Мы видѣли манифестацію этого объединенія,—и она сошла удачно. Но предстоитъ еще осуществить его на дѣлѣ,—и эта задача будетъ, несомнѣнно, гораздо труднѣе.

Сдѣлано ли что для ея разрѣшенія?

III.

„Страна—выпущь „Русскія Вѣдомости“—съ изумительной быстротой поняла и оцѣнила неожиданно надвинувшіяся событія во всемъ ихъ огромномъ значеніи, ориентировалась въ измѣнившемся положеніи и сразу нашла соотвѣтствующій ему, объединяющій лозунгъ. Отложить внутреннія распри, не ставить условій и требованій и мобилизовать все общественныя силы на защиту Россіи,—таковъ этотъ лозунгъ“¹⁾. Сказать, что это—лозунгъ всей страны, можетъ быть, и нельзя; даже навѣрное—нельзя, какъ увидимъ дальше. Но въ печати и въ Государственной Думѣ онъ, дѣйстви-

¹⁾ „Русскія Вѣдомости“, 15 августа.

тельно, прозвучала совершенно явственно и была сформулирована вполне отчетливо.

„Сливаясь въ порывѣ единой воли со всѣми, кому дорога жизнь нашей родины, мы—писалъ В. Д. Набоковъ—не поступаемся ни однимъ изъ нашихъ лозунговъ, не забываемъ ни одной изъ нашихъ идейныхъ задачъ, не сходимъ ли съ одной изъ занятыхъ нами, на глазахъ всего русскаго общества, позицій. На своемъ мѣстѣ и въ свое время мы останемся борцами за наши политическіе идеалы, за то лучшее будущее, которому лучшіе граждане отдали столько силъ, принесли столько жертвъ. Но мы проникнуты сознаніемъ, глубокимъ и почти инстинктивнымъ, что выше отдѣльныхъ политическихъ идеаловъ, выше субъективныхъ оцѣнокъ режима и лицъ, стоитъ одно: жизнь и величіе родины“¹⁾. „Мы не ставимъ—говорилъ П. Н. Миллюковъ въ Гос. Думѣ—условій и требованій, мы просто кладемъ на всѣхъ борьбы нашу твердую волю одолѣть насильника“. „Отложимъ же внутренніе споры“,—говорилось въ прочитанномъ имъ съ думской трибуны и уже цитированномъ мною воззваніи центрального комитета к.-д. партіи, съ которымъ послѣдній обратился къ своимъ „единомышленникамъ“. Здѣсь, въ Думѣ, не менѣе, быть можетъ, уместно было бы такое же обращеніе и къ противникамъ, но его сдѣлано не было.

Основы объединенія, сформулированныя к.-д. партіей, были поддержаны представителями и нѣкоторыхъ другихъ оппозиціонныхъ группъ. „Въ эти великіе дни—заявилъ, напримѣръ, г. Гольдманъ отъ лица латышей и эстонцевъ—мы докажемъ, что мы способны не только на патріотическіе порывы, но и на сдержанность относительно внутренняго порядка, какъ необходимаго залога успѣха оружія на полѣ битвы. У насъ много счетовъ съ прибалтійскими пѣмцами, но мы не будемъ съ ними считаться“. Во всякомъ случаѣ никто въ Думѣ никакихъ требованій не заявлялъ, внутренними распрями не грозилъ и даже о возможности ихъ во время войны не заикнулся.

Таковъ былъ лозунгъ думской оппозиціи,—если не всей, то значительной ея части. „Отложимъ внутреннія распри“,—не окончательнo ихъ прекратимъ, а только отложимъ; это—не отказъ отъ борьбы, а только ея отсрочка; не миръ это, а перемиріе. Заклучая послѣднее, обыкновенно строго оговариваютъ его условія,—по крайней мѣрѣ, одно изъ нихъ, а именно, чтобы и противная сторона воздерживалась отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій. Но въ данномъ случаѣ ставить какія-либо условія и даже просто указывать на нихъ было признано неумѣстнымъ. Почему? Въ день открытія Думы „Рѣчь“ попыталась это объяснить, но едва-ли кто понялъ.

Есть голоса,—говорила она—которые советовали бы идти далѣе и сказать правительству то, что и безъ того оно должно хорошо вѣдѣть и изъ чего, если захочетъ, могло бы извлечь практическіе выводы... Начало XIX вѣка

¹⁾ „Рѣчь“, 22 іюля.

въ Германіи—эра національнаго освобожденія, эпоха Фихте и Карнера, Штейна и Гарденберга,—вотъ тѣ историческія ассоціаціи, которыя просятся на память въ настоящую минуту. Но, очевидно, всѣмъ этимъ воспоминаніямъ будетъ тѣсно въ обстановкѣ сегодняшняго дня. Историческія перспективы развертываются не минутами, а годами и десятками лѣтъ. Для сегодняшняго дня достаточно его собственной темы ¹⁾.

Болѣе понитенъ былъ мотивъ, передававшійся въ разговорахъ: „нельзя въ такія минуты торговаться!“—хотя и тутъ хотѣлось спросить: да развѣ вы для себя добиваетесь? развѣ обезпечить внутренній миръ—не общаѣ сейчасъ потребность?.. Судя по разговорамъ, и того боялись, какъ бы не повредить дѣлу, какъ бы своими указаніями не раздражить другую сторону, которая-де и сама хорошо знаетъ, что нужно. Нѣсколько поздиѣ было выдвинуто и еще одинъ мотивъ. „Общество—писала „Рѣчь“—дѣлало свое дѣло, спасая свою Россію. Оно потому и не торговалось, не ставило условій и требованій, что то, что оно дѣлало, оно дѣлало для себя“ ²⁾.

Какъ бы то ни было,—что бы ни сыграло рѣшающую роль въ данномъ случаѣ: глубокомысліе или благородство, робость или самопадѣльность,—по никакимъ условіямъ, какъ уже сказано, (поздицей не было поставлено и никакихъ указаній не сдѣлано. „Тема дня“ была ограничена деклараціями о готовности отдать всѣ силы и средства на общее дѣло. Тема, въ виду бызвѣстныхъ доселѣ „распрей“, несомнѣнно, важная и даже необходимая, но едва-ли—въ виду тѣхъ же распрей, не говори даже о какихъ-либо историческихъ ассоціаціяхъ и перспективахъ,—достаточная.

Сознаніе, что одностороннее перемиріе не обезпечиваетъ прекращенія распрей, конечно, оставалось. Но, какъ оказывается, была надежда, что другая сторона не только знаетъ, про что молчать, но и захочетъ сдѣлать изъ этого соответствующіе практическіе выводы. При желаніи не трудно было, конечно, увидѣть и готовность съ ея стороны къ соответствующимъ дѣйствіямъ. Раньше всѣхъ подмѣтила эту готовность бойкая вечерняя газетка, которая и не замедлила подѣлаться своими свѣдѣніями съ читателями. На другой день послѣ думскаго засѣданія она сообщила:

Члены Г. Думы имѣли вчера рядъ бесѣдъ съ представителями правительства.

Патріотическое настроеніе, охватившее народное представительство, нашло глубокий откликъ въ совѣтъ министровъ.

Видные члены кабинета заявили, что завтрашній день найдетъ въ будущемъ реальныя и неизбѣжныя послѣдствія.

У одного изъ правыхъ, бесѣдовавшихъ съ министрами, вырвалось замѣчаніе:

— Россія выдержала экзаменъ на свободу ¹⁾.

¹⁾ „Рѣчь“, 26 іюля.

²⁾ „Рѣчь“, 15 августа.

Дѣло, стало быть, только за дипломомъ. Но и съ нимъ медлить не стануть. На слѣдующій день та же газета сообщила:

Предсѣдатель совѣта министровъ и министръ иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазоновъ вчера бесѣдовали съ нѣкоторыми видными лидерами Г. Думы, при чемъ высказали, что засѣданіе 26-го іюля оставить въ нихъ неизгладимое воспоминаніе на всю жизнь. Какъ передаютъ, предсѣдатель совѣта министровъ И. Л. Гершенкинъ добавилъ, что отношеніе правительства къ Г. Думѣ сложится въ недалекомъ будущемъ въ цѣломъ рядѣ актовъ¹⁾.

Не только „Биржевыя Вѣдомости“, но и такіе солидные органы, какъ „Рѣчь“, передавали подобныя же, „неизвѣстно отъ кого исходящія“ слухи о необходимости актовъ, долженствующихъ послужить отвѣтомъ на думскую манифестацію и способныхъ упрочить достигнутае „единеніе“. Одинъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ „Рѣчи“, г. Львовъ, бесѣдовалъ, по его словамъ, на эту тему „съ лицами вліятельными“ и вотъ какія онъ вынесъ впечатлѣнія:

По мнѣнію многихъ,—писалъ онъ,—создавшееся положеніе должно привлечь особое вниманіе, и столь важный и серьезный актъ (единодушное выступленіе всей Думы) неминуемо должно вызвать мѣропріятія, имѣющія цѣлью показать, что это понятно, оцѣнено и встрѣчено съ чувствомъ удовлетворенія.

— Нельзя—замѣтило одно вліятельное лицо—не использовать историческаго момента, который сдѣлалъ то, чего при иныхъ условіяхъ нельзя было достигнуть,—сглаженія всѣхъ обостреній, которыя были построены не на дѣйствительной непримиримости, а на, быть можетъ, излишнемъ раздраженіи обѣихъ сторонъ²⁾.

Получилось „впечатлѣніе,—какъ потомъ писала та же „Рѣчь“,—какъ будто одни совершили нѣчто, заслуживающее благодарности, а другіе обѣщали отблагодарить“. Едва-ли однако не сами газеты больше всего виноваты въ томъ, что получилось такое впечатлѣніе.

Допустимъ даже, что „Рѣчь“ была права въ своихъ наблюденіяхъ на счетъ того, какъ правительство восприняло думскую манифестацію. „Первымъ движеніемъ представителей кабинета—говоритъ она—было непритворное удивленіе, вторымъ—столь же непритворная и искренняя радость неожиданнаго избѣгнутаго затрудненія“. Пусть такъ. Ну, а затѣмъ правительство, естественно, взглянуло на патріотическій порывъ Думы, какъ на должное, и благодарить за него даже не собирались. Какъ бы то ни было, никакихъ актовъ, которыхъ ожидали „Биржевыя Вѣдомости“ и „Рѣчь“, не послѣдовало.

Можно даже думать, что „другая сторона“,—если имѣть въ виду не только правительство, но и поддерживающія его общественныя силы,—совершенно иначе понимаетъ самое „единеніе“. Съ ихъ точки зрѣнія, оппозиція, не ставя никакихъ условій и не предъявляя никакихъ требованій, присоединилась къ нимъ,—и все тутъ.

1) „Биржевыя Вѣдомости“, 27 іюля.

2) „Биржевыя Вѣдомости“, 28 іюля.

3) „Рѣчь“, 29 іюля.

Просто-на-просто всё стали „националистами“, какъ формулировало это „Новое Время“ еще до присоединения П. Н. Милюкова, когда оно изъ всѣхъ силъ еще травило послѣдняго¹⁾. И въ результатѣ объединенія долженъ получиться не аккордъ, въ которомъ тармонично сдѣлался бы всѣ голоса, — какъ доказываютъ это теперь либеральная пресса, ссылаясь на Англію, Бельгію и Францію, — а унисонъ, тонъ для котораго уже данъ и впредь будетъ даваться ими „Единая мысль“ — это ихъ мысль, „единое чувство“ — это ихъ чувство, „единая воля“ — это ихъ воля. Всѣ другіе, прекративъ распри, теперь не только за страхъ, но и за совѣсть будутъ выполнять эту волю, — и только.

Судя по „Новому Времени“, они не прочь даже пометчать, что такъ будетъ всегда, что это — начало прочнаго, чуть ли не вѣчнаго внутренняго мира. Но пусть даже это на время войны только, не миръ это, а перемиріе, — и то хорошо! „Сознаніе достигнутаго единенія одинаково сладко и для правительства, и для управляемых“, — пишетъ „Новое Время“²⁾.

Если „достигнутое единеніе“ разнѣ понимается сторонами, если дѣйствительно, въ отношенія между ними вкралось только что указанное мною недоразумѣніе, то виновата въ этомъ, несомнѣнно, оппозиція, у которой въ тяжелую и отвѣтственную минуту народной жизни не нашлось достаточно разума или мужества, чтобы быть до конца откровенной и искренней.

IV.

Не трудно предугадать, какъ при указанныхъ условіяхъ должны будутъ сложиться всѣ отношенія. Впрочемъ, тутъ и угадывать нечего, — эти отношенія достаточно уже опредѣлились.

Правительство твердо и неуклонно продолжаетъ идти по тому пути, по которому оно шло раньше. Разница, если и есть, то только та, что оно чувствуетъ себя еще болѣе увѣренно. И это, конечно, понятно: всѣ силы страны въ этотъ грозный часъ безусловно отдали себя въ его распоряженіе, а распорядиться ими оно, конечно, сумѣетъ.

Это не значитъ, что оно совершенно глухо къ общественному мнѣнію. Напротивъ, къ тѣмъ голосамъ, къ которымъ оно и раньше всегда прислушивалось, теперь оно очень чувствительно. Нерѣдко это приходится наблюдать съ полною наглядностью. Достаточно, напримѣръ, націоналистической прессѣ указать на что-нибудь, и немедленно же принимаются соответствующія мѣры. Приведу, вѣроятно, не характерный примѣръ.

Въ „Новомъ Времени“ появилась какъ-то замѣтка: „По плану Нѣмцевъ“. Авторъ обращалъ въ ней вниманіе на легучія

¹⁾ См. „Новое Время“, 16 іюля: „Не Павелъ, а Левъ Милюковъ“.

²⁾ „Новое Время“, 16 іюля.

газетки, возникшія со спекулятивною цѣлью и нагло эксплуатирующія публику. Подъ видомъ „собственныхъ“, „последнихъ“ телеграммъ онѣ перепечатываютъ извѣстія другихъ газетъ, разбавляя ихъ собственными, нерѣдко совершенно безграмотными, вымыслами, — „высоко-патріотическаго“, конечно, характера. Беззащитно надувая публику, эти газетки наносятъ уронъ и „солиднымъ органамъ“ печати, — даже самымъ патріотическимъ, какъ „Вечернее Время“ г. Суворина, — составляя довольно чувствительную для нихъ конкуренцію. „Новое Время“, приведа нѣсколько „перловъ невѣжества и вымысла“ изъ одной такой газетки, закончило свою замѣтку такими словами:

Квалифицировать подобную издательскую дѣятельность по закону о печати нѣтъ никакой возможности. Но совершенно нельзя допустить, чтобы распространеніе завідомаго вздора съ корыстной цѣлью могло оставаться безнаказаннымъ. Тѣмъ болѣе, что печать своими средствами не можетъ бороться съ этимъ безобразіемъ.

Этого было достаточно, и, хотя протипцированная „Новымъ Временемъ“ газетка не была имъ даже названа, черезъ три дня мы уже читали:

С.-Петербургскимъ градоначальникомъ, на основаніи пункта 14 ст. 19 правилъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, приостановлено на все время дѣйствія въ С.-Петербургѣ военнаго положенія изданіе газеты „Последнія Телеграммы“ за неоднократное сообщеніе вымышленныхъ извѣстій съ театра военныхъ дѣйствій, составлявшихся, какъ это установлено протоколомъ отъ 14 августа, самой редакціей, въ цѣляхъ эксплуатаціи публики.

„Новое Время“ помѣстило свою замѣтку 14 августа, — и, стало быть, въ тотъ же день спекулятивная газетка была найдена, протоколъ составленъ. Аналогичный случай, какъ не трудно было догадаться, произошелъ съ „Рѣчью“, — при той только разницѣ, что въ основѣ доноса „Новаго Времени“ на П. Н. Милюкова, какъ оказалось, лежала клевета, которая и была немедленно опровергнута.

Множество подобныхъ же случаевъ можно было бы привести изъ сферы отношеній къ нѣмцамъ. Достаточно вѣдь было „Новому Времени“ выступить съ требованіемъ, чтобы деньги всѣхъ нѣмцевъ, находящіеся въ русскихъ банкахъ, были конфискованы или, по крайней мѣрѣ, секвестрованы, — и немедленно же по этому вопросу начались совѣщанія. И если до сихъ поръ требованіе „Новаго Времени“ остается невыполненнымъ, то не только потому, что это было бы противозаконно, но и потому, что такая мѣра могла бы очень тяжело отразиться на русской промышленности. Столь же внимательно власти отнеслись къ указаніямъ суворинскихъ газетъ на желательность арестовать германскихъ и австрійскихъ подданныхъ въ Петербургѣ и затѣмъ не выпускать ихъ изъ-подъ ареста вплоть до высылки въ отдаленныя мѣстности.

Сентябрь. Отдѣлъ II.

Относился очень внимательно къ мнѣніямъ и указаніямъ близкихъ къ нему круговъ и даже органовъ печати, правительство едва-ли однако чувствуетъ потребность въ планомѣрномъ и организованнымъ сотрудничествѣ даже съ поддерживающими его общественными силами. Крайне показательно въ этомъ случаѣ уже отношеніе къ Гос. Думѣ. Последняя была создана только на одинъ день и, очевидно, для того только, чтобы дать походъ и наглядное выраженіе патріотическому порыву, какой охватилъ страну. Если бы правительство пуждалось въ законодательной помощи со стороны народнаго представительства, то оно, конечно, продлило бы думскую сессию и, быть можетъ, даже сдѣлало бы ее непрерывною. Вѣдь теперь приходится издавать одинъ законъ за другимъ... Но они издаются въ порядкѣ 87-й статьи, изъ чего ясно, что участіе народнаго представительства въ законодательной работѣ правительство считаетъ сейчасъ, по меньшей мѣрѣ, излишнимъ.

Вспоминая однодневную сессию Гос. Думы и проявленное ею тогда отношеніе къ законодательству, приходится—увы!—считать такой взглядъ не совсѣмъ безосновательнымъ даже съ нашей точки зрѣнія. Въ законодательныя палаты были внесены тогда въ высшей степени важные законопроекты, и вотъ Дума признала возможнымъ рассмотреть и одобрить ихъ въ одинъ день, даже въ нѣсколько минутъ, т. е. одобрить, не обсуждая. Другими словами: свои законодательныя права она сочла возможнымъ использовать для манифестаціи. Словъ нѣтъ, она оказала такимъ путемъ моральную поддержку правительству, но вѣдь въ достаточной мѣрѣ эта поддержка была уже оказана ею въ кликахъ, деклараціяхъ и резолюціи. Не правильнѣе было бы, перейдя къ законопроектамъ, выполнить ту миссію, для которой Дума и создана, а именно оказывать помощь странѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и правительству, дѣйствительнымъ участіемъ въ законодательствѣ? Но она такой помощи не оказала, даже о ней не подумала. А могла бы оказать...

Теперь это ясно вѣдь, какъ день... Въ законодательныя учрежденія былъ внесенъ, между прочимъ, законопроектъ о повышеніи цѣль на водку съ 8 р. 40 к. до 12 р. 80 к. за ведро. Правительство рассчитывало такимъ путемъ до извѣстной степени покрыть чрезвычайные расходы, вызванные войной. И вотъ Дума одобрила этотъ законопроектъ, даже не остановившись на немъ, даже не задавшись вопросомъ, цѣлесообразно ли этимъ путемъ—„пьянымъ“ путемъ, какъ принято теперь выражаться,—добывать необходимые государству ресурсы. А этотъ вопросъ, казалось бы, сразу же долженъ былъ встать передъ Думой и задѣть ее за живое, — вѣдь не зря же, въ самомъ дѣлѣ, она такъ много разсуждала всѣ послѣдніе годы о борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ. И если бы она, хотя немного, задержалась на этомъ законопроектѣ, то, несомнѣнно, черезъ нее прорвалось бы движеніе, которое уже началось въ странѣ. Когда правительство составляло свой законопроектъ, оно

могло не предвидѣть этого движенія, а Дума одобрила вѣдь его тогда, когда грандіозный опытъ радикальной борьбы съ пьянствомъ былъ осуществленъ уже на дѣлѣ и когда благотворные его результаты уже почувствовались всѣми. Государственной Думѣ представился, можно сказать, исключительный по своей важности и по счастливому стеченію обстоятельствъ случай оказать незамѣнимую помощь правительству и явиться вмѣстѣ съ тѣмъ первой выразительницей общенародныхъ нуждъ и желаній. А вмѣсто этого что получилось? Не успѣли члены Думы разѣхаться по домамъ, какъ одобренный ими законопроектъ, хотя и успѣвшій сдѣлаться закономъ, былъ уже отмѣненъ жизнью. Оказалось, что не только новыхъ ресурсовъ при помощи водки получить нельзя, но и отъ тѣхъ, которые получались этимъ путемъ раньше, приходится отказываться. Вся роль Думы свелась въ этомъ случаѣ къ классическому по своей безплодности будто бы законодательному вотуму.

Сейчасъ нѣкоторые депутаты во главѣ съ предсѣдателемъ Думы, г. Родзинко, усиленно хлопочутъ, чтобы новые законопроекты о налогахъ,—а ихъ предстоитъ длинный рядъ,—не проводились по 87-й статьѣ, а были переданы на разсмотрѣніе законодательныхъ учреждений, для чего обѣ палаты и должны быть созваны ранѣе назначеннаго срока. Казалось бы, этимъ домогательствамъ можно только сочувствовать. И однако намъ приходится уже задаваться вопросомъ: если Гос. Дума отнесется къ новымъ законопроектамъ такъ же, какъ она отнеслась къ внесеннымъ въ нее 26 іюля, т. е. просто-на-просто — если употребить обычное въ такихъ случаяхъ выраженіе—поставить на нихъ свой штемпель, то стоитъ ли этимъ заниматься въ военное время? Да и по существу: не лучше ли будетъ, если она разсмотритъ эти законопроекты потомъ, когда успокоится, чѣмъ если одобрить ихъ теперь, подъ вліяніемъ „патріотическаго порыва“ и такимъ образомъ уже лишитъ себя возможности отнестись къ нимъ болѣе вдумчиво и серьезно?

Говорятъ, что даже формальное только участіе Гос. Думы въ законодательной работѣ укрѣпитъ народное представительство въ Россіи. Не наоборотъ ли? Не расшатается ли его такое участіе окончательно? Если въ такую пору, какую переживаетъ страна теперь, Гос. Дума можетъ и способна только „штемпелевать законы“, то кому, говоря по совѣсти, нужно такое представительство?

Оставляя однако Думу,—я вѣдь остановился на ней мимоходомъ, желая лишь показать, что сотрудничество „общества“, даже въ лицѣ этого, наиболѣе виднаго его органа, представляется сейчасъ правительству излишнимъ. Не менѣе показательно отношеніе послѣдняго къ земскому и городскому союзамъ.

Ставить препятствія возникновенію этихъ общественныхъ организацій правительство не захотѣло или сочло неудобнымъ, но зато оно постыдилось ограничить (такъ и сказано было въ сообщеніи

Освѣдомительнаго бюро: „ограничить“) нхъ дѣятельность „оказаніемъ помощи въ продолженіе настоящей войны больнымъ и раненымъ воинамъ“. Откуда взялось это ограниченіе—догадаться не трудно. Въ печати, а также въ средѣ самихъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, какъ разъ слышались настойчивые голоса, указывавшіе на необходимость расширить дѣятельность того и другого союза,—распространить ее на помощь семьямъ запасныхъ, на поставку продуктовъ въ дѣйствующую армію, на урегулированіе обмѣна между городомъ и деревней, на борьбу съ безработицей и другія нужды, которыя обусловлены или обострены той же войной. Нѣкоторые уже мечтали, что эти два союза, опираясь на кооперативы и другія общественныя учрежденія, быстро превратятся въ могущественныя организаціи, въ которыхъ найдутъ себѣ дѣло значительныя общественныя силы.

Но это-то, повидимому, правительство и нашло излишнимъ. Даже участіе въ поставкѣ продуктовъ на армію оно не сочло возможнымъ предоставить союзамъ земствъ и городовъ. Это огромное дѣло оно всецѣло оставило за собой и, очевидно, увѣрено, что въ лицѣ главнаго управленія землеустройства и земледѣлія вполне успѣшно справится съ нимъ своими собственными силами.

Трудно сказать, почему сколько-нибудь широкая и энергичная работа даже такихъ учреждений, какъ Государственная Дума, съ одной стороны, городской и земскій союзъ—съ другой, признается въ настоящее время, когда нужно напречь всѣ силы, излишней или нежелательной. Можетъ быть, въ данномъ случаѣ даетъ себя знать издавна свойственное бюрократіи недовѣріе къ общественнымъ силамъ; можетъ быть, тутъ сказывается столь же издавна свойственная ей самоувѣренность, что она „все можетъ“, что она все сама лучше всѣхъ сдѣлаетъ; можетъ быть, тутъ играютъ роль какія-либо другія соображенія болѣе поздняго происхожденія... Какъ бы то ни было, фактъ таковъ: даже близкія правительству общественныя группы, которыя пользуются преимущественнымъ правомъ представительства въ государственныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ, которыя официально признаются достаточно подготовленными для государственной и общественной дѣятельности, изъ среды которыхъ до сихъ поръ главнымъ образомъ и выходили „націоналисты“ всѣхъ видовъ и оттѣнковъ,—даже эти группы лишены возможности въ тяжкую годину народной жизни вполне развернуть свои силы.

Еще меньше, конечно, имѣется мѣста на томъ пути, которымъ твердо и неуклонно идетъ правительство, для болѣе демократическихъ слоевъ населенія и, въ частности, для тѣхъ общественныхъ силъ, которыя только теперь, на время войны, „присоединились“ къ нему.

V.

Въ „историческомъ засѣданіи“ Государственной Думы съ деклараціей отъ имени литовцевъ выступалъ г. Ичасъ. Какъ и другіе представители думской оппозиціи, онъ заявилъ, что литовцы, „забывъ всѣ свои обиды“, отдадутъ всѣ свои силы общему дѣлу. Затѣмъ Дума была распущена и г. Ичасъ, наряду со всѣми другими депутатами, въ качествѣ законодателя оказался ненужнымъ. Но не сидѣть же въ эту пору, сложа руки?—тѣмъ болѣе, что самъ же онъ только что обѣщаль отдать всѣ силы...

Г. Ичасъ „обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ Н. А. Маклакову съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ему издавать въ м. Бирисахъ, Ковенской губ., газету на литовскомъ языкѣ подъ названіемъ „Голосъ Родины“. Ходатайство это было отклонено. М. М. Ичасъ имѣлъ послѣ этого личное свиданіе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, который, оставшись при своемъ первоначальномъ рѣшеніи, обѣщаль депутату пересмотрѣть его ходатайство по окончаніи войны“¹⁾.

Прочитавъ это сообщеніе, можно, пожалуй, подумать, что правительство вообще считаетъ газеты во время войны ненужными. Но такое предположеніе, несомнѣнно, было бы ошибочнымъ. Напротивъ, мы имѣемъ цѣлый уже рядъ официальныхъ и офиціозныхъ заявленій, что широкое оповѣщеніе населенія и арміи о происходящемъ правительство считаетъ сейчасъ очень важнымъ и даже необходимымъ. Съ своей стороны оно широко развило дѣятельность официальныхъ и офиціозныхъ газетъ и основало рядъ новыхъ, — въ частности, для арміи. Какъ оказывается, правительство учредило даже особый „комитетъ народныхъ изданій“ и по части брошюрной литературы опередило даже частную инициативу. Комитетомъ уже выпущены и разосланы на мѣста для бесплатной раздачи двѣ патріотическихкія народныхъ листовки („Великая война“ и „Звѣрства нѣмцевъ“) и готовится цѣлый рядъ новыхъ. Принимаются и другія мѣры...²⁾

Повидимому, и въ этомъ случаѣ бюрократія разсчитываетъ сама все сдѣлать. Будетъ ли она издавать газеты на литовскомъ языкѣ, — не извѣстно. Но газета г. Ичаса во всякомъ случаѣ на время войны признана ненужной. Что же ему дѣлать? Какъ послужить общему дѣлу?

Отвѣтъ, конечно, имѣется: никому не возбраняется умереть за отечество... Нѣкоторые депутаты послѣ роспуска Думы такъ и поступили, — отправились въ дѣйствующую армію. Можно и должно преклоняться передъ ихъ самоотверженіемъ, но все-таки не слѣдуетъ упускать изъ виду, что не всѣ для этого годятся. Да и пра-

¹⁾ „Рѣчь“, 24 августа.

²⁾ „Рѣчь“, 21 августа.

вительству, повидимому, не такъ ужъ нужны для арміи люди, не обученные военному дѣлу. Вѣдь вотъ изъ ополченцевъ оно призвало лишь небольшую часть,—лишь самыхъ молодыхъ, лишь наиболѣе обученныхъ... Неужели нѣтъ сейчасъ другихъ дѣлъ, нужныхъ отечеству?

Есть! Кто не можетъ убивать, тотъ можетъ перевязывать раны,—и въ буквальный смыслѣ, и въ переносномъ... Дѣла любви и милосердія всѣмъ доступны. Впрочемъ, о буквальной перевязкѣ ранъ этого нельзя сказать: даже не для всѣхъ молодыхъ, даже не для всѣхъ обученныхъ доступъ къ этому дѣлу открытъ. Вотъ одинъ изъ многихъ фактовъ:

Прочтя въ газетахъ извѣстіе, что въ число сестеръ милосердія принимаютъ и еврейки, я—пишетъ г-жа М. Сапиро—7-го августа отправилась въ Елисаветинскую общину сестеръ милосердія. Меня записали и просили явиться послѣ 10-го августа для медицинскаго освидѣтельствованія. 11 августа я снова зашла въ общину. На мою просьбу подвергнуть меня медицинскому осмотру завѣдывающая отвѣтила: „У насъ достаточно христіанокъ, еврейскъ мы не принимаемъ“¹⁾.

На томъ же основаніи было отказано въ пріемѣ и студентамъ-медикамъ изъ евреевъ. По особому ходатайству витебскаго губернатора главное управленіе Краснаго Креста разрѣшило витебской общинѣ принимать въ сестры милосердія еврейскъ, удовлетворяющихъ всѣмъ требованіямъ нормальнаго устава, но не иначе, какъ съ особаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ утвержденія главнаго управленія²⁾. Изъ этого ясно, что имѣется какое-то общее правило и лица еврейскаго происхожденія принимаются Краснымъ Крестомъ лишь въ видѣ исключенія, когда христіанъ недостаточно. Такой случай, повидимому, и имѣлъ мѣсто въ Витебскѣ, гдѣ громадную часть населенія составляютъ евреи. Но въ большинствѣ другихъ мѣстъ пока и христіанъ, желающихъ ухаживать за ранеными, болѣе, чѣмъ достаточно,—и не только евреи оказываются здѣсь лишними.

Несравненно болѣе широкимъ и болѣе свободнымъ представляется другое поприще помощи воинамъ,—помощь ихъ семьямъ. При нынѣшнихъ размѣрахъ мобилизаціи число семей, лишившихся своихъ кормильцевъ, достигаетъ, вѣроятно, нѣсколькихъ милліоновъ. У громаднаго большинства ихъ нѣтъ, конечно, никакихъ обреженій, а если и есть, то очень незначительныя. Нужда сразу же дала себя знать,—и чѣмъ дальше, тѣмъ она будетъ становиться обширнѣе и острѣе. Чтобы устранить или хотя бы только смягчить ее, нужно много заботъ и усилій. Сознавая громадность стоящей задачи, правительство готово, повидимому, допустить къ выполненію ея всѣхъ желающихъ. По крайней мѣрѣ, пока не слышно о пренятствіяхъ. И интеллигенція сразу же кинулась къ этому дѣлу.

¹⁾ „Рѣчь“, 13 августа.

²⁾ „Новое Время“, 14 августа.

Если посмотреть со стороны на тѣхъ, кто имъ сейчасъ запытъ, то можно, пожалуй, придти къ выводу, что общественныя силы расходуются не совсѣмъ производительно. Для многихъ изъ тѣхъ, кто лазаетъ сейчасъ по чердакамъ и подваламъ, переписывая семьи запасныхъ, или ходитъ по улицамъ съ кружками, собирая пожертвованія, при иной государственной организаціи, вѣроятно, нашлось бы другое дѣло, въ которомъ ихъ знанія и таланты лучше были бы использованы. Но не будемъ сожалѣть, что общественныя силы расходуются, быть можетъ, не совсѣмъ экономно. Хорошо ужъ то, что данное дѣло будетъ выполнено, какъ слѣдуетъ.

Но можетъ ли при настоящихъ условіяхъ оно быть хорошо выполнено? Трудно пока судить, насколько удовлетворительно дѣло помощи семьямъ запасныхъ поставлено въ провинціи и, въ частности, въ деревнѣ. Вниманіе газетъ почти всецѣло поглощено военными дѣйствіями и извѣстія, даваемые ими по данному вопросу, до-нельзя скудны. Свѣдѣнія же, какія можно частнымъ путемъ получить отъ пріѣзжающихъ, слишкомъ ужъ случайны и отрывочны. Посмотримъ, какъ поставлено это дѣло въ Петроградѣ.

По закону 25 іюня 1912 г., проведенному при содѣйствіи третьей Гос. Думы, дѣло обезпеченія семей запасныхъ почти всецѣло оставлено за администраціей. И теперь самой Гос. Думѣ въ „историческомъ“ ея засѣданіи пришлось выступить съ пожеланіемъ, чтобы этотъ законъ не очень строго выполнялся, чтобы къ попеченію о семьяхъ запасныхъ были привлечены также земскія и городскія учрежденія и общественныя силы. Для Петрограда, къ счастью, въ законѣ было сдѣлано исключеніе и здѣсь предусмотрено участіе въ этомъ дѣлѣ нѣкоторыхъ органовъ городского общественаго управленія.

Незамѣнимую помощь послѣднему могли бы оказать въ данномъ случаѣ профессиональные рабочіе союзы. Но эти союзы, какъ извѣстно, у насъ систематически подвергались полицейскому разгрому и всѣ усилія рабочихъ создать и упрочить ихъ оказались тщетными. Какъ разъ передъ войной были разгромлены чуть ли не послѣдніе остатки профессиональной организаціи рабочихъ. Въмѣсто профессиональных союзовъ и другихъ общественныхъ организацій, основанныхъ на самопомощи и самодѣятельности, законъ призываетъ къ дѣлу попеченія о семьяхъ запасныхъ городскія попечительства о бѣдныхъ. А что это за учрежденія, — достаточно сказать, что „положеніе“ о нихъ было выработано при Плеве, а руководящій составъ ихъ опредѣлила городская дума, имѣвшая до самаго послѣдняго времени ярко-черносотенный характеръ. Въ результатъ, городскія попечительства о бѣдныхъ въ громадномъ большинствѣ своемъ представляли изъ себя до сихъ поръ совершенно мертвыя учрежденія, вся дѣятельность которыхъ ограничивалась мелкими подачками изъ небольшихъ суммъ, отнусаившихся городомъ на благотворительность.

Теперь на эти попечительства, о которых мало даже кто знает въ Петроградѣ, оказалось возложеннымъ громадное дѣло государственной важности. Общественнымъ силамъ, желавшимъ принять въ немъ участіе, предстояло еще расшевелить эти мертвые учреждения, превратить ихъ въ живыя общественныя организаціи. Но не легко это было сдѣлать, не легко было преодолѣть равнодушіе и формализмъ, въ нихъ царившіе. Какъ видно изъ доклада А. И. Шингарева, лишь три попечительства изъ двадцати успѣли уже развить довольно широкую и разностороннюю дѣятельность, шесть — приспособляются еще къ новымъ условіямъ, а въ одиннадцати — „все осталось по старому“ ¹⁾. Очевидно, такъ и не удалось пока преодолѣть инерцію этихъ учреждений, имѣющихъ во главѣ назначенныхъ, а не избираемыхъ ими самими председателей.

Но что могутъ сдѣлать даже ожившія попечительства, — „попечительства о бѣдныхъ“, дѣятельность которыхъ ограничена узкими рамками благотворительности? Служа посредниками по раздачѣ казенныхъ и городскихъ пособій, размѣры которыхъ не отъ нихъ зависятъ, они сами по себѣ могутъ только собирать пожертвованія и раздавать милостыню. Пусть даже они будутъ очень изобрѣтательны по части „изысканія средствъ“; пусть они сумѣютъ индивидуализировать и отлить въ самыя разнообразныя формы свою помощь, — однако, и за всѣмъ тѣмъ сразу же ясно, что при тѣхъ размѣрахъ и томъ характерѣ нужды, съ какой имъ приходится въ настоящій разъ имѣть дѣло, все это будетъ не больше, какъ ничтожныя палліативы. Эту нужду нельзя устранить и даже сколько-нибудь замѣтно смягчить успѣхами частной благотворительности; въ данномъ случаѣ нужны мѣры публичнаго, во многихъ отношеніяхъ даже законодательнаго характера.

Укажу хотя бы на квартирную нужду, которая вовсе не предусмотрена закономъ 1912 г. объ обезпеченіи семей запасныхъ и которая очень остра сейчасъ въ Петроградѣ. Развѣ могутъ эту нужду смягчить немногія квартирки и комнаты, предоставленныя сердобольными людьми попечительствамъ? Укажу далѣе на быстрое вздорожаніе жизни, которое можетъ, да и грозитъ уже, еще больше обострить нужду и свести на нѣтъ всѣ усилія попечительствъ ее ослабить. Не трудно предвидѣть цѣлый рядъ другихъ вопросовъ, для удовлетворительнаго разрѣшенія которыхъ нужны будутъ общія мѣры, обязательныя постановленія, законодательныя мѣропріятія. А такія мѣры будутъ предпринимать только градоначальникъ, военныя власти, правительство, — если, конечно, признаютъ ихъ нужными. И, въ дѣйствительности, именно ихъ мысль, ихъ чувство, ихъ волю должны будутъ проводить и осуществлять тѣ новыя общественныя силы, которыя применили теперь къ попечительствамъ.

¹⁾ «Рѣчь», 21 августа.

Поэтому-то и трудно достигнуть истиннаго „единенія“ Россіи что ея государственная и общественная организація совершенно не приспособлена для выраженія и реализаціи *общей мысли, общаго чувства, общей воли*. И прежде чѣмъ говорить, что единеніе достигнуто, нужно, конечно, соответствующимъ образомъ измѣнить эту организацію.

Нѣкоторые считаютъ, повидимому, несвоевременнымъ возбужденіе въ настоящій моментъ такого рода вопросовъ, по крайней мѣрѣ, въ полномъ ихъ объемѣ. „Теперь—писала „Рѣчь“ въ цитированной уже мною статьѣ о „темѣ дня“—дѣло не въ томъ, чтобы какимъ-то чудомъ замѣнить наши наличные ресурсы другими. Дѣло въ томъ, чтобы изъ наличныхъ ресурсовъ извлечь наибольшее количество пужной намъ силы“¹⁾. „Утвержденіе полного гражданскаго равноправія—полагають и „Русскія Вѣдомости“—можетъ состояться лишь съ возобновленіемъ органической законодательной работы“²⁾, а „въ условіяхъ даннаго момента едва-ли возможно ожидать и даже желать немедленнаго проведенія реформъ законодательнаго характера“³⁾. Поэтому эта послѣдняя газета считаетъ возможнымъ настаивать на проведеніи лишь нѣкоторыхъ административныхъ мѣръ, на измѣненіи пока хотя бы только правительственнаго „курса“.

Признаюсь, мнѣ не совсѣмъ ясны соображенія, которыми руководятся въ данномъ случаѣ названныя газеты. Почему, въ самомъ дѣлѣ, не слѣдуетъ не только ожидать, но и желать немедленнаго проведенія органическихъ реформъ законодательнаго характера? Неужели потому, что время сейчасъ слишкомъ ужъ тревожное? Но вѣдь это лозунгъ бюрократин: „сначала—успокоеніе, а потомъ —реформы“. Обществу же пора бы убѣдиться, что если оно и можетъ рассчитывать на сколько-нибудь существенныя реформы, то именно въ тревожные моменты народнои жизни. За примѣрами нѣтъ даже надобности обращаться къ бурному 1905 г., они и сейчасъ имѣются передъ глазами. Скоро-ли бы мы дождались, напимѣрь, радикальной перестройки нашего государственнаго бюджета, опиравшагося издавна на водку, еслибы война не вынудила взяться за это дѣло немедленно? И если мы дождемся, наконецъ, введенія подоходнаго налога, то развѣ только подъ давленіемъ условій даннаго момента.

Можетъ быть, „Русскія Вѣдомости“ имѣли въ виду, что нормальная законодательная дѣятельность сейчасъ приостановлена, что Государственная Дума и Совѣтъ распущены. Но вѣдь ихъ и созвать недолго. А въ крайнемъ случаѣ, признаюсь, я лично не имѣлъ бы ничего противъ, еслибы обошлись даже безъ ихъ участія, безъ ихъ „штемпеля“. Вѣдь военно-полевые суды были вве-

¹⁾ „Рѣчь“, 26-го юля.

²⁾ „Русскія Вѣдомости“, 12-го августа.

³⁾ „Русскія Вѣдомости“, 15-го августа.

дены по 87 ст. и мы воспрепятствовать этому были не въ состояніи; почему же мы должны протѣвнться, еслибы тѣмъ же порядкомъ было введено всеобщее избирательное право? Если декретомъ можно было разрушить земельную общину, то почему же декретомъ нельзя было бы создать мелкую земскую единицу, которая сейчасъ такъ нужна, хотя бы для удовлетворенія нуждъ и потребностей, обусловленныхъ войной?

Я понимаю, конечно, что съ точки зрѣнія „конституціоналистовъ“ говорю ересь. Но мнѣ кажется, что быть въ Россіи „конституціоналистомъ“ похоже на то, что быть большимъ роялистомъ, чѣмъ самъ король. Не имѣя конституціи, можно ли настаивать, чтобы она была введена не иначе, какъ конституціоннымъ путемъ?

Впрочемъ, „Русскія Вѣдомости“ въ отмѣченныхъ мною случаяхъ, быть можетъ, болѣе узко понимаютъ условія текущаго момента. Сами же они, убѣждая общество не поддаваться пессимизму, пишутъ: „Необходимо помнить, что въ историческіе моменты, подобныя переживаемому нами, судьбы народа менѣе чѣмъ когда-либо зависятъ отъ случайныхъ политическихъ конъюнктуръ. Эти судьбы опредѣляются факторами крупнаго масштаба и въ числѣ этихъ факторовъ на первомъ планѣ стоитъ внутреннее состояніе народа“¹⁾. Мнѣ кажется, не слѣдуетъ только забывать, что въ этомъ внутреннемъ состояніи народа—и въ „подъемѣ духа“, и въ „повышеніи общественнаго самосознанія“, и въ „напряженіи общественныхъ силъ“—играетъ свою роль и печать.

И мнѣ кажется, что ея долгъ—патріотическій долгъ—въ настоящее время указывать и доказывать необходимость быстрыхъ и достаточно радикальныхъ органическихъ преобразованій, такъ какъ при нынѣшней государственной и общественной организаціи русскій народъ лишенъ возможности полностью развернуть свои силы и выступить, какъ цѣлостный организмъ, объединенный одной общей мыслью, однимъ общимъ чувствомъ, одной общей волей. Пусть даже не всѣ еще сейчасъ силы нужны, но вѣдь онѣ, быть можетъ, понадобятся потомъ. Главное же, нельзя упускать изъ виду, что отъ этого же зависитъ и общее самочувствіе страны. Не трудно себѣ представить, какой подъемъ въ ней начался бы, какъ разросся бы и окрѣлъ патріотическій порывъ въ массахъ, еслибы борьба съ виѣшнимъ врагомъ велась при загорѣвшейся уже зарѣ внутреннихъ преобразованій. Теперь же, когда объ этихъ преобразованіяхъ нѣтъ и помину, приходится уже опасаться, какъ бы этотъ порывъ не началъ падать и слабѣть.

Правительство, стоящее довольно далеко отъ нѣкоторыхъ круговъ, быть можетъ, этого даже не замѣчаетъ, но мы-то видимъ вѣдь эту опасность воочию. Многіе изъ тѣхъ, которые рвались по-

¹⁾ „Русскія Вѣдомости“, 15-го августа.

служить родинѣ, при данныхъ условіяхъ вовсе не находятъ себѣ дѣла, а если находятъ, то только такое, которое похоже на перебиваніе изъ пустого въ порожнее, которое явно не соответствуетъ громаднымъ задачамъ, какія стоятъ передъ страной. Естественно, что въ нихъ ~~уже~~ ~~уже~~ начинается говорить чувство неудовлетворенности, недовольства и даже раздраженія... Еще больше приходится опасаться за ~~строение~~ ~~строение~~ въ народной массѣ, которая такъ твердо выполняетъ свои ~~долгъ~~ ~~долгъ~~ передъ отечествомъ, которая такъ безропотно несетъ выпавшее на ея долю бремя и передъ которой не блеснуло еще ни одинъ лучъ надежды на лучшее будущее...

А тутъ еще всякія терніи русской дѣйствительности, которыя то и дѣло задѣваютъ наболѣвшія мѣста въ народномъ организмѣ...

VI.

Правительство—сказалъ я—твердо и увѣренно идетъ по тому пути, по которому шло раньше, и это вполне естественно и понятно. Но можно было все-таки ожидать, что оно сдѣлаетъ хотя два-три шага на встрѣчу „присоединившимся“ — конечно, не въ качествѣ благодарности за прекращеніе распрей, а для поддержанія „патріотическаго порыва“, какой охватилъ страну, для скрѣпленія „единенія“, которое было такъ легко достигнуто. Къ тому же и обстоятельства нерѣдко складываются такъ, что этого рода шаги представляются прямо необходимыми.

И порою кажется, что правительство готово ихъ сдѣлать, готово смягчить нѣкоторые изъ очень обостренныхъ отношеній и ослабить нѣкоторые изъ очень натянутыхъ струнъ. Не буду останавливаться на крупныхъ фактахъ этого порядка, — ни на воззваніи Верховнаго Главнокомандующаго къ полякамъ, которое усердно комментировалось газетами въ только что указанномъ смыслѣ, ни на проявленной уже правительствомъ готовности радикально измѣнить государственный бюджетъ, сдѣлать его изъ „пьянаго“ „трезвымъ“, къ чему намъ, несомнѣнно, придется еще вернуться. Отмѣчу болѣе мелкіе факты, — и ихъ вѣдь тщательно собираютъ газеты, и ихъ страстно ловить напряженное общественное вниманіе.

Еще до войны, какъ только осложнились внѣшнія отношенія, правительство приостановило дѣйствіе ограничительныхъ правилъ для акціонерныхъ компаній. Эти правила, изданныя въ настоящемъ году, были направлены противъ евреевъ, но вызвали недовольство во всей торгово-промышленной средѣ, и дѣятели послѣдней настойчиво добивались ихъ отмены. Любопытно отмѣтить, что принятая правительствомъ мѣра немедленно породила въ печати надежды, что это — начало перемѣны всего „курса“. „Будемъ надѣяться — писалъ, напримѣръ, „Петербургскій Курьеръ“, — что эта мѣра, устраняющая одно изъ обидныхъ стѣсненій на почвѣ національнаго едовѣрія, не останется единственной. При такихъ условіяхъ,

налетѣвшій шкваль, быть можетъ, неожиданно окажется для Россіи тѣмъ потокомъ свѣжаго воздуха, который очищаетъ затхлую атмосферу и, вызвавъ національный подъемъ, приведетъ къ оживленію нашей внутренней жизни, къ развитію и торжеству прогрессивныхъ началъ“¹⁾. Другіе органы печати, какъ, напримѣръ, „Рѣчь“, не склонны были преувеличивать симптоматическое значеніе принятой правительствомъ мѣры, хотя и они ставили ее въ связь съ начавшимися внѣшними затрудненіями.

Вскорѣ понадобились и другія „послабленія“. Такъ, немедленно же по объявленіи мобилизаціи возникъ вопросъ, какъ быть съ еврейскими семьями, которыя по тому или иному цензу призванныхъ изъ ихъ среды членовъ жили внѣ черты еврейской осѣлости. И этотъ вопросъ легко рѣшился по ранѣе бывшему уже примѣру: какъ и во время японской войны, этимъ семьямъ было разрѣшено остаться въ мѣстахъ настоящаго ихъ жительства „впредь до окончанія военныхъ дѣйствій и особыхъ указаній министерства внутреннихъ дѣлъ“.

Была дана и еще одна льгота евреямъ. Изъ-за границы, послѣ всякихъ мытарствъ, начали возвращаться черезъ Финляндію русскіе подданные, и среди нихъ оказалось очень много евреевъ. Въ большинствѣ они не имѣли права даже на сутки остаться въ Петербургѣ. Между тѣмъ часть мѣстности, входящей въ черту еврейской осѣлости, была уже занята нѣмцами и нѣкоторымъ приходилось возвращаться, напримѣръ, въ Калишъ, гдѣ свирѣпствовалъ въ это время знаменитый отъишъ Прейскеръ. Къ тому же, какъ и всѣ возвратившіеся изъ-за границы, евреи были физически и нравственно измучены, у многихъ не было ни денегъ, ни вещей и выѣхать изъ столицы имъ было не съ чѣмъ. Совѣтъ министровъ, считаясь со всѣмъ этимъ, разрѣшилъ евреямъ, возвращающимся изъ-за границы, двухмѣсячное пребываніе въ С.-Петербургѣ.

Любопытно отмѣтить, что даже „Новое Время“ противъ двухъ послѣднихъ льготъ ничего не имѣло, а одну изъ нихъ даже прямо одобрило. „Семейства евреевъ, призванныхъ въ ряды арміи,—писало оно—конечно, заслуживаютъ вниманія и покровительства“²⁾. Суворинскія газеты хлопотали и о нѣкоторыхъ другихъ послабленіяхъ, которыя едва ли онѣ стали бы поддерживать въ обычное время. Такъ, 21 іюля „Вечернее Время“ сообщило, что „группа арестованныхъ запасныхъ изъ числа рабочихъ, задержанныхъ во время послѣднихъ событій, обратилась съ просьбою призвать ихъ на военную службу теперь, а наложенное на нихъ наказаніе они отбудутъ по окончаніи войны. Въ своемъ заявленіи рабочіе указываютъ, что имъ больно сидѣть въ камерахъ, когда ихъ товарищи пойдутъ сражаться за родину“. И эта замѣтка появилась въ га-

¹⁾ „Петербургскій Курьеръ“, 17 іюля.

²⁾ „Новое Время“, 23 іюля.

зетѣ подѣ заголовкомъ: „Справедливая просьба“. Эта боль рабочихъ, противъ которыхъ сибирскія газеты только что метали громъ и молніи, „Вечернему Времени“ была близка и понятна... Надо сказать, что арестованныхъ въ административномъ порядкѣ въ это время было много не только въ Петербургѣ, — и кое-гдѣ, подѣ впечатлѣніемъ разразившихся событій, они были немедленно освобождены, даже независимо отъ того, подлежали ли они призыву на военную службу. Другими словами, была дана, хотя и въ очень немногихъ мѣстахъ, такъ называемая административная или губернаторская „амнистія“.

„Нвое Время“ хлопотало и ещѣ объ одной „необходимой поправкѣ“, а именно, чтобы казенное пособіе выдавалось не только законнымъ, но и вѣбращнымъ дѣтмъ призванныхъ на военную службу, что въ дѣйствующихъ правилахъ совѣмъ не предусмотрено. Какого-либо общаго распоряженія въ этомъ смыслѣ до сихъ поръ, насколько извѣстно, не послѣдовало, но правительство, по-видимому, склонно не препятствовать этому. По крайней мѣрѣ, нѣкоторыя петроградскія попечительства уже начали выдавать пособія и гражданскимъ семьямъ призванныхъ.

Подѣ давленіемъ нахлынувшихъ событій даже министерство народнаго просвѣщенія признало возможнымъ допустить нѣкоторыя, хотя бы и строго ограниченныя, послабленія. Такъ, по сообщенію изъ Екатеринослава, оно увѣдомило учебныя заведенія, что „временно, на одинъ годъ отмѣняется циркуляръ, воспрещавшій пользоваться неодобренными учебниками“¹⁾. Оно вынуждено было также допустить нѣкоторыя отступленія отъ дѣйствующихъ правилъ относительно приѣма и перевода учащихся изъ одного учебнаго заведенія въ другое. Оно разрѣшило послабленіе даже для евреевъ, переводимыхъ изъ учебныхъ заведеній, „кои по военнымъ обстоятельствамъ нынѣ не функционируютъ“. „Въ виду совершенно исключительныхъ условій настоящаго времени — говорится въ министерскомъ циркулярѣ — они могутъ быть въ текущемъ учебномъ году принимаемы въ учебныя заведенія, хотя бы въ нихъ по существующей нормѣ и не было вакансій для учениковъ евреевъ, по съ тѣмъ, чтобы ихъ приѣмъ отнюдь не былъ сопряженъ съ нарушеніемъ интересовъ христіанскихъ дѣтей“²⁾.

И въ судахъ какъ будто иначе стали смотрѣть на нѣкоторыя дѣла. Видѣ вотъ депутатъ Керенскій и тринадцать екатеринбургскихъ учителей, обвинявшихся въ устройствѣ незаконнаго собранія подѣ видомъ маевки, были оправданы членомъ окружнаго суда, при чемъ защита, доказывая несостоятельность предъявленнаго имъ обвиненія, прямо подчеркнула и „несоотвѣтствіе этого дѣла происходящимъ событіямъ“³⁾. Кіевская судебная палата отмѣнила

1) „Рѣчь“, 15 августа.

2) „Рѣчь“, 17 августа.

3) „Рѣчь“, 15 августа.

сблительный приговоръ даже по одному изъ дѣлъ, связанныхъ съ процессомъ Бейлеса, и оправдала судившагося редактора. А вѣдь раньше къ такимъ дѣламъ она относилась очень сурово.

Тщательно собирая всѣ подобнаго рода факты, газеты склонны, быть можетъ, иной разъ относиться къ нимъ даже съ излишнею довѣрчивостью. И я не знаю, насколько можно положиться на слѣдующее сообщеніе „Южнаго Края“, тѣмъ болѣе, что даже имена въ немъ не названы (хотя угадать ихъ, конечно, не трудно).

Передаютъ интересныя подробности ареста и освобожденія одного виднаго лѣваго дѣятеля въ одной изъ столицъ. Онъ выставился кандидатомъ отъ соц.-д. въ Гос. Думу. Въ освобожденіи принималъ участіе депутатъ Махлаковъ. Допросъ арестованнаго производилъ одинъ изъ видныхъ товарищей министра внутреннихъ дѣлъ.

Товарищъ министра спросилъ его, какъ относятся социаль-демократы къ войнѣ. Арестованный заявилъ, что социаль-демократы призываютъ всѣхъ своихъ единомышленниковъ сражаться за отечество, которому грозитъ внѣшній врагъ, что, оставаясь при своихъ обычныхъ принципиальныхъ позиціяхъ и взглядахъ на милитаризмъ, они на эту войну смотрятъ, какъ на войну за освобожденіе. При этомъ онъ просилъ товарища министра не связывать его отвѣтъ съ вопросомъ объ его освобожденіи. Товарищъ министра немедленно отдалъ приказъ объ освобожденіи его изъ тюрьмы ¹⁾.

Можно подумать, что правительство готово радикально измѣнить свое отношеніе даже къ социаль-демократамъ и если до сихъ поръ этого не сдѣлало, то только потому, что не имѣло еще возможности надлежащимъ образомъ удостовѣриться, какъ они относятся къ войнѣ...

Но какъ старательно газеты и собираютъ такіе факты, ихъ все-таки оказывается очень немного и никакого вывода изъ нихъ сдѣлать нельзя, — тѣмъ болѣе, что имъ можно противопоставить дѣльный рядъ другихъ фактовъ, прямо противоположныхъ, которые свидѣтельствуютъ, что правительство считаетъ нужнымъ твердо и неуклонно вести ту же линію, какую оно вело раньше, не дѣлая отъ нея никакихъ отклоненій, кромѣ безусловно неизбежныхъ.

Въ частности, аресты и высылки продолжаются по прежнему. Въ Петроградѣ, напримѣръ, какъ сообщали газеты, въ день заведенія и роспуска Гос. Думы были произведены многочисленные аресты и притомъ по дѣламъ, не имѣющимъ ни малѣйшаго отношенія къ военному времени. Ранѣе возбужденныя политическія дѣла продолжаютъ идти своимъ порядкомъ. 20-го августа петроградская судебная палата рассмотрѣла два такихъ дѣла и приговорила семь человекъ къ ссылкѣ на поселеніе.

По отношенію къ евреямъ и другимъ инородцамъ, кромѣ отмѣченныхъ послабленій, никакихъ льготъ безусловно не допускается. Въ учебныхъ заведеніяхъ неукоснительно проводится жеребьевка для евреевъ, дополняющая и отягчающая установленную для нихъ процентную норму. По прежнему происходятъ въ Кіевѣ „облавы“

¹⁾ Цитирую по перепечаткѣ въ „Рѣчи“, 20 августа.

на евреевъ, не имѣющихъ права жительства тамъ ¹⁾. При всемъ недосугѣ военного времени полиція тамъ находитъ нужнымъ бороться даже съ надписями и вывѣсками на еврейскомъ языкѣ ²⁾. Курскій губернаторъ продолжаетъ попрежнему очищать свою губернію отъ евреевъ ³⁾ и не дѣлаетъ въ этомъ отношеніи послабленій даже по случаю военного времени ⁴⁾.

19 августа состоялось засѣданіе петроградскаго городского по дѣламъ объ обществахъ и союзахъ присутствія. Последнее нашло какъ разъ своевременнымъ разрѣшить извѣстнымъ юдофобамъ общество подъ названіемъ: „Изученіе іудейскаго племени“, каковаго они уже давно добивались, и въ то же время отказало въ регистраціи обществу подъ названіемъ „Синай“, задававшемуся цѣлью способствовать распространенію среди евреевъ знанія еврейскаго языка, исторіи, литературы и быта.

Выше я упоминалъ, насколько чувствуется сейчасъ недостатокъ въ профессиональныхъ союзахъ, которые могли бы значительно облегчить борьбу съ нуждой, вызванной военнымъ временемъ. Совершенно не считаясь съ этой потребностью, присутствие отказало въ регистраціи цѣлому ряду новыхъ профессиональныхъ союзовъ по формальнымъ причинамъ, — между прочимъ, потому, что въ уставахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ предусматривается помощь безработнымъ, а въ профессиональныхъ союзахъ, по мнѣнію присутствія, никакихъ безработныхъ быть не можетъ ⁵⁾. Даже теперь, когда по случаю военного времени, безработица замѣтно уже увеличилась, а далѣе грозитъ и еще болѣе увеличиться, петроградское присутствие не сочло возможнымъ отступить отъ своей, давно уже проводимой имъ, точки зрѣнія.

Не смотря на „прекращеніе распрей“, о которомъ всѣ говорятъ, харьковскій архіепископъ Антоній составилъ и Св. Синодъ одобрилъ для распространенія въ войскахъ слѣдующее посланіе воинамъ:

Не бойся смерти—это первое, не опасайся за участь своей семьи—это второе. Богъ и Царь не оставятъ солдатскихъ сиротъ. Третье тебѣ увѣщаніе,—не слушай христоненавистныхъ искусителей-бунтовщиковъ и не читай ихъ прокламацій и газетъ, не вѣрь ихъ притворной волящей жалости къ солдату, черезъ которую они стараются возбудить въ душѣ твоей ропотъ на начальство, непослушаніе и нетерпѣніе въ дни лишеній и скорбей. Эти люди ненавидятъ Россію и въ душѣ презираютъ простой народъ, желаютъ ему погибели черезъ всякія забастовки и бунты, а сами остаются невредимыми, прячась за спины простаковъ. Помни и четвертое наставленіе—храни себя въ плѣтомудріи и трезвости. Вражеская пуля и бомба боятся неоскверненнаго блудомъ христіанскаго тѣла и летятъ мимо него. Далѣе не обижайся на рѣзкое слово начальника, не завидуя успѣху товарища и съ покорностью

1) „Рѣчь“, 8 августа.

2) „Рѣчь“, 21 августа.

3) „Рѣчь“, 1 августа.

4) „Рѣчь“, 6 августа.

5) „Рѣчь“, 20 августа.

иди на святое дѣло, и, если Богъ благословитъ, возвращаясь невредимымъ и побѣдителемъ ¹⁾).

Читая это „послание“, можно подумать, что русская армія отправлена сражаться не съ внѣшними врагами, а съ „внутренними“. О внѣшнихъ врагахъ въ немъ вѣдь не сказано ни слова...

Не трудно было бы привести и еще рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ, что власти не только не думаютъ прекращать борьбы съ „инородческимъ засиліемъ“ и „крамолой“, но чуть ли даже не склонны выдвигать ее на первый планъ. Больше того: онѣ даже не хотятъ, повидимому, ничего забыть на этотъ счетъ изъ прошлаго... Но задерживаться на этомъ я не буду. Мнѣ кажется для насъ важнѣе сейчасъ оцѣнить этотъ очевидный для всѣхъ „курсъ“, — оцѣнить съ точки зрѣнія такъ нужнаго сейчасъ Россіи объединенія всѣхъ силъ и столь важнаго въ этомъ случаѣ общаго патріотическаго подъема.

Достаточно будетъ, какъ мнѣ кажется, остановиться на двухъ линіяхъ отношеній. Изъ инородцевъ возьму евреевъ. Заподозриванія ихъ въ недостаточной преданности Россіи уже аннулированы: евреи проявили въ настоящихъ трудныхъ обстоятельствахъ не меньшій патріотическій порывъ, чѣмъ всѣ другіе народы Россіи, — не меньшій, быть можетъ, чѣмъ многіе коренные русскіе. И это — не на словахъ только. Свѣдѣнія, приходящія изъ арміи, свидѣлствуютъ о безавѣтной храбрости, съ какой сражаются евреи за отечество, — и эти свѣдѣнія можно найти даже на столбцахъ „Новаго Времени“. Казалось бы, всѣ ограниченія евреевъ должны при этихъ условіяхъ отпасть. Но пусть даже не всѣ... Въ всякомъ случаѣ необходимо сдѣлать въ этомъ отношеніи все, что требуется обстоятельствами военнаго времени. Но и этого вѣдь не сдѣлано.

Укажу хотя бы слѣдующее. Благодаря „процентной нормѣ“, установленной для евреевъ въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, очень многіе изъ нихъ учатся за границей и, въ частности, въ Германіи. Теперь всѣ, кто могъ, конечно, вернулись въ Россію. Одни изъ возвратившихся, вѣроятно, уже призваны подъ знамена и находятся теперь въ дѣйствующей арміи. Остальные могли бы учиться... Но гдѣ? Вѣдь доступъ въ русскія учебныя заведенія даже сейчасъ имъ преграждаетъ процентная норма. И получается такимъ образомъ слѣдующее: русскіе евреи сражаются сейчасъ съ Германіей, которая давала образованіе имъ, ихъ братьямъ и сестрамъ, — сражаются за Россію, которая отказываетъ имъ въ этомъ даже теперь, когда они проливаютъ кровь за нее...

Приведу еще одинъ конкретный фактъ. Въ газетахъ недавно была напечатана телеграмма врача-еврея министру народнаго просвѣщенія слѣдующаго содержанія:

¹⁾ „Новое Время“, 14 августа.

„Мой сынъ выдержалъ вступительный экзаменъ въ первый классъ смоленской казенной гимназіи, дочь выдержала экзаменъ въ первый классъ въ Маріинской женской гимназіи. Я участвовалъ въ маньчжурской кампаніи, Высочайше награжденъ орденами: св. Станислава и Анны съ мечами, состою теперь три года бесплатно врачомъ при третьемъ высшемъ смоленскомъ училищѣ, теперь снова призванъ въ дѣйствующую армію. Прошу распорядиться о приѣмѣ моихъ дѣтей сверхъ процентной нормы и внѣ жеребьевки“¹⁾.

На эту телеграмму получился такой отвѣтъ: „Ваше ходатайство о приѣмѣ сверхъ процента и внѣ жеребьевки отклонено“. И все тутъ...

Я не сомнѣваюсь, что, не смотря на все это, евреи свято выполняютъ свой долгъ передъ отечествомъ. Но можно ли при такихъ условіяхъ ожидать, что ихъ патріотическій порывъ будетъ все рости и крѣпнуть, что въ ихъ душу не проникнутъ другія настроенія и чувства? Вѣдь люди же они...

Изъ русскихъ „крамольниковъ“, которые такъ разнообразны и многочисленны, возьму эмигрантовъ. Всѣмъ извѣстно, въ какомъ тяжеломъ положеніи оказались русскіе заграницей послѣ того, какъ началась война. Но въ газетахъ писали лишь о путешествовавшихъ тамъ туристахъ, о лицахъ, находившихся на курортахъ, о чиновникахъ и коммерсантахъ, бывшихъ заграницей по разнымъ дѣламъ, наконецъ, о рабочихъ, отправившихся туда за заработкомъ... И никто ничего не говорилъ объ эмигрантахъ, которыхъ тамъ—и, въ частности, въ воюющихъ съ нами странахъ—десятки тысячъ, если не больше, при чемъ многіе живутъ тамъ съ семьями. Положеніе ихъ прямо вѣдь ужасное. Туристы и прочіе, послѣ всѣхъ мытарствъ, какъ-никакъ добираются до Россіи, а эмигранты тамъ умирать должны. Буквально умирать...

Зарботковъ никакихъ нѣтъ, сбереженій тоже, дороговизна страшная, и даже на помощь изъ Россіи, на помощь друзей и родственниковъ, нельзя разчитывать. Единственный способъ отправки денегъ за границу былъ черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ²⁾, а оно предупреждало отправителей, что деньги будутъ выдаваться только тѣмъ получателямъ, которые имѣютъ паспорта. А какіе же у эмигрантовъ паспорта? Въ нашихъ заграничныхъ посольствахъ и консульствахъ къ эмигрантамъ попрежнему относятся, по меньшей мѣрѣ, равнодушно. Какъ будто это—вовсе не дѣти Россіи...

Я видѣлъ недавно пріѣхавшаго изъ Парижа. По его рассказамъ, эмигранты тамъ озабочены уже тѣмъ только, какъ бы прокормить дѣтишекъ, какъ бы имъ не дать умереть съ голоду. Устроили двѣ дѣтскихъ столовыхъ, но содержать ихъ не на что. Пріѣхавшій при-

¹⁾ „День“, 20 августа.

²⁾ Сейчасъ въ дружественныя намъ и нейтральныя страны можно уже переводить деньги черезъ нѣкоторые банки.

везъ съ собою подписанное тремя видными членами парижской колоніи обращеніе къ русскому обществу о помощи этимъ столовымъ. Ему дали это обращеніе, чтобы напечатать его въ здѣшнихъ газетахъ. Нѣсколько дней онъ бѣгалъ по газетнымъ редакціямъ, но напечатать, оказывается, нельзя: имѣется вѣдь обязательное постановленіе, воспреещающее печатать воззванія о сборѣ денегъ безъ разрѣшенія. Можетъ быть, градоначальникъ разрѣшилъ бы напечатать, но при нынѣшнемъ „курсѣ“ никто не рѣшается даже представить... Еще хуже, конечно, положеніе русскихъ эмигрантовъ въ Германіи и Австріи.

Нѣкоторые изъ эмигрантовъ ухитрились бы, можетъ быть, вернуться въ отечество. Но вотъ что рассказываетъ „Новое Время“ подъ заголовкомъ: „Арестъ соц.-дем. Маслова“:

Въ Озеркахъ д. № 9 по Варваринской ул. полиціей въ ночь на 11 августа арестованъ журналистъ социаль-демократъ П. П. Масловъ. Его перевели въ пересыльную тюрьму, откуда онъ будетъ пересланъ въ Оренбургскую губернію. Въ виду болѣзненного состоянія Маслова, его родные возбудили ходатайство о высылкѣ Маслова въ одну изъ южныхъ губерній. Масловъ жилъ послѣднее время въ Германіи. Застигнутый тамъ военными дѣйствіями, онъ долженъ былъ наравнѣ съ другими русскими подданными, совершенно больной, искать спасенія въ Россіи; здѣсь его и арестовали ¹⁾.

Судя по тону этой замѣтки, даже „Новое Время“ нѣсколько смущено тѣмъ, какъ нѣкоторыхъ русскихъ даже теперь встрѣчаютъ въ Россіи. Но г. Масловъ, насколько я знаю, не былъ въ данное время эмигрантомъ, — поэтому ему и досталась лишь административная ссылка. Другихъ же вѣдь можетъ встрѣтить въ Россіи какъ торговаго и даже висѣлица...

Выше я упомянулъ о воззваніяхъ, съ какими гг. Бурцевъ и Амфитеатровъ обратились къ русскимъ эмигрантамъ, убѣждая ихъ идти сражаться за отечество. Вообще это теченіе сейчасъ, судя по имѣющимся свѣдѣніямъ, довольно сильно въ эмигрантскихъ кругахъ, можетъ быть, оно является даже господствующимъ. Многие изъ русскихъ, какъ слышно, поступили добровольцами во французскую, бельгійскую и англійскую арміи. Я не сомнѣваюсь, что даже теперешнее отношеніе официальной Россіи къ эмигрантамъ не помѣшаетъ имъ беззавѣтно любить свое отечество и, по силѣ своего разумѣнія и совѣсти, такъ или иначе выполнить до конца свой долгъ передъ нимъ. Но и они вѣдь все таки люди, и они вѣдь чувствуютъ...

На необходимость амнистіи въ настоящій моментъ было уже указано съ трибуны Гос. Думы А. О. Керенскимъ. Указывала на ея необходимость и печать, хотя бы въ лицѣ „Русск. Вѣдомостей“ (15 августа). Какъ говорятъ, даже нѣкоторые изъ крайнихъ правыхъ — г. Хвостовъ, напримѣръ, — находили, что этотъ актъ безусловно необходимъ въ настоящее время. Можетъ быть, мысль о

¹⁾ „Новое Время“, 12 августа.

немъ была и у правительства, можетъ быть, она даже не совсѣмъ оставлена...

Но я поставилъ вѣдь такой вопросъ: что сдѣлано, чтобы упрочить „достигнутое единеніе“ и усилить патріотическій порывъ, которымъ оно было обусловлено? И вотъ, заканчивая статью, мнѣ приходится сказать: ничего пока не сдѣлано. Не сдѣлано даже первое, что нужно для прекращенія распрей, — не преданы забвенію прошлыя..

А. Пъсехоновъ.

Наброски современности.

„Борьба съ германизмомъ“ и національный вопросъ.

Въ моментъ внѣшнихъ осложненій вопросы внутренней жизни должны быть отложены, отодвинуты на задній планъ — таковъ былъ лозунгъ, совсѣмъ недавно выдвинутый значительной частью нашей печати. Въ этомъ лозунгѣ объединились одно время и органы правой прессы, и органы прессы либеральной. И нѣкоторымъ — быть можетъ, даже многимъ — казалось весьма легкимъ осуществить такой лозунгъ на практикѣ и представлялось, что онъ какъ нельзя болѣе соответствуетъ наиболѣе существеннымъ потребностямъ текущей минуты. Въ самомъ дѣлѣ, — внѣшняя опасность, нависшая надъ страной, настоятельно и властно требовала возможно большаго объединенія силъ послѣдней. Такъ просто и такъ соблазнительно-легко казалось достигнуть этого объединенія, временно устранивъ изъ поля зрѣнія все то, что разобщаетъ различные слои и группы населенія, и обративъ все вниманіе только на то, что связываетъ ихъ вмѣстѣ передъ лицомъ внѣшняго врага. И въ результатъ, если не въ широкихъ массахъ населенія, то въ значительной части обслуживающей его печати и въ рядѣ общественныхъ группъ лозунгъ, требовавшій отложенія вопросовъ внутренней жизни, отсрочки всякихъ попытокъ коренного ихъ рѣшенія, получилъ большую популярность.

Прошло не много времени съ того момента, какъ этотъ лозунгъ былъ провозглашенъ. Но за это недолгое время успѣла наглядно выясниться полная неосуществимость требованій, заложенныхъ въ такомъ лозунгѣ, — неосуществимость, которую можно было, впрочемъ, легко предвидѣть и заранѣе. Внутренняя жизнь громаднаго государства не останавливается въ періодъ внѣшняго столкновенія, — не могутъ быть устранены и отодвинуты въ сторону и порожденные ею вопросы. Больше того. На фонѣ внѣшней борьбы, въ прямой связи съ представляемыми ею опасностями и вырастающими на ея почвѣ нуждами, наиболѣе острые вопросы нашей внутренней жизни стали еще болѣе остро, вырисовались еще болѣе

отчетливо и настойчиво зовутъ къ себѣ вниманіе всѣхъ, кто серьезно озабоченъ настоящимъ и будущимъ родной страны.

Въ ряду этихъ острыхъ и больныхъ вопросовъ нашей внутренней жизни одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ вопросъ національный. Это давній и сложный вопросъ русской государственной жизни, вопросъ, съ которымъ въ ея прошломъ и настоящемъ связано много страданій и лишеній, много слезъ и крови. Но въ первое время послѣ возникновенія внѣшнихъ осложненій и онъ, въ числѣ другихъ вопросовъ внутренней жизни, въ глазахъ многихъ какъ бы утратилъ свою остроту. Всевозможныя притѣсненія „инородцевъ“ и ограниченія національныхъ правъ отдѣльныхъ народностей сторонники этихъ мѣръ нерѣдко оправдывали страхомъ за единство государства, опасеніями передъ сепаратистскими тенденціями, будто бы усвоенными чуть ли не всѣми населяющими Россію племенами, не принадлежащими къ великорусской народности. Однако грянула военная гроза,—и всѣ народности Россіи, вплоть до тѣхъ, на чью долю выпадало наибольшее количество подозрѣній, строго выполнили свой долгъ передъ общей родиной, а инныя изъ нихъ, и притомъ какъ разъ наиболѣе ограниченныя въ своихъ правахъ, проявили при этомъ и большой энтузіазмъ.

Первое впечатлѣніе отъ этого знаменательнаго факта въ виду реальной опасности, угрожающей государству, было настолько сильно, что даже наиболѣе ревностные и усердные сѣятели національной розни почувствовали себя какъ будто сбитыми съ обычныхъ позицій. Бульварныя газеты наполнились рассказами о раскаяніи, будто бы охватившемъ такихъ „дѣятелей“, какъ гг. Пуришкевичъ, Замысловскій и Шмаковъ, повѣствованіями о томъ, будто они признаютъ вредъ прежней своей дѣятельности и обѣщаютъ на будущее время прекратить свое служеніе дѣлу національной травли, вражды и распрей. Одновременно съ этимъ въ наиболѣе націоналистическихъ газетахъ и въ собраніяхъ крайнихъ правыхъ организацій слышались такія рѣчи, которыхъ раньше здѣсь нельзя было слышать. „Сейчасъ въ Россіи нѣтъ ни эллина, ни іудея, есть только граждане русскаго государства“—такъ формулировалъ эти рѣчи одинъ православный священникъ въ собраніи правыхъ, „истинно-русскихъ“ людей. Но на этихъ рѣчахъ правая пресса и остановилась. Для нея, привыкшей понимать національный вопросъ, какъ національную травлю, признаніе того, что „эллинъ“ и „іудей“ одинаково являются „гражданами русскаго государства“, немедленно вело за собою ослабленіе, если не полное исчезновеніе, интереса къ національному вопросу. Разъ по обстоятельствамъ времени не приходилось возстановлять „эллинъ“ противъ „іудеевъ“, разъ послѣдніе въ трудную минуту государственной жизни сами признавали себя прежде всего гражданами русскаго государства и не уклонялись отъ связанныхъ съ такимъ признаніемъ тяготъ, то для правой прессы національный вопросъ

терялъ свою остроту и, если не исчезалъ окончательно изъ поля зрѣнія, все же выходилъ изъ круга злободневныхъ интересовъ.

Органы либеральной прессы, конечно, не могли разсуждать такимъ образомъ. Но и имъ въ свою очередь представлялось, что національный вопросъ неизбежно долженъ утратить свою остроту и напряженность, что въ виду признанія даже правыми общественными кругами отсутствія „эллиновъ“ и „іудеевъ“ въ Россіи и объединенія всего ея населенія обязанностями гражданъ русскаго государства должно само собою послѣдовать уравниеніе этого населенія въ гражданскихъ правахъ. „Духъ единенія и солидарности, — писали по этому поводу, напримѣръ, „Русскія Вѣдомости“ — вспыхнувшій съ такой силой среди разноплеменнаго населенія имперіи и сплотившій его въ одно цѣлое, готовое дать единодушный отпоръ врагу, не можетъ не произвести глубокаго воздѣйствія на взаимныя отношенія различныхъ группъ этого населенія. И это воздѣйствіе уже обнаружилось. Съ перваго момента проявленія сверхнаціональнаго, общегосударственнаго патріотическаго чувства стало ясно, что именно въ этомъ чувствѣ лежитъ для насъ залогъ успѣха, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ непреодолимой, бьющей въ глаза очевидностью обрисовалось вопіющее противорѣчіе между моральнымъ единодушіемъ страны и юридическими перегородками, отдѣляющими другъ отъ друга различныя группы ея населенія. Перегородки эти на нашихъ глазахъ начали падать сами собой... Даже люди консервативныхъ убѣжденій вдругъ почувствовали психологическую невозможность поддерживать и отстаивать національныя ограниченія... Если нѣтъ различія между эллиномъ и іудеемъ на войнѣ, предъ лицомъ врага, то не можетъ его быть въ мирѣ, среди повседневнаго теченія жизни. Нельзя представить себѣ, чтобы люди, сражающіеся и умирающіе за Россію, могли считаться въ ней гражданами втораго разряда“¹⁾.

На дѣлѣ то, что отказывались представить себѣ „Русскія Вѣдомости“, оказалось вполне возможнымъ и въ русской жизни установился или, точнѣе говоря, сохранился тотъ самый порядокъ психологическую невозможность откровенной защиты котораго на время почувствовали даже отечественные консерваторы. На поляхъ брани нѣтъ „эллиновъ“ и „іудеевъ“, нѣтъ ихъ и при распредѣленіи среди населенія военныхъ тягостей, какъ и вообще обязанностей передъ государствомъ, но, когда дѣло касается гражданскихъ правъ населенія, права эти оказываются далеко не равными и группы „эллиновъ“ и „іудеевъ“ сохраняются въ полной неприкосновенности. А вмѣстѣ съ тѣмъ сохранился во внутренней жизни государства во всей своей тревожной сложности національный вопросъ, — и не только сохранился, но въ связи съ нахлынувшими

¹⁾ „Р. Вѣдомости“, 3 августа 1914 г.

событіями приобрьлъ еще большую напряженность, нежели та, которая была присуща ему раньше.

Правда, даже и тогда, когда сознаніе этого факта стало уже проникать въ широкіе общественные круги, не оказалось недостатка въ публицистахъ, которые старались отойти отъ него сами и отвести другихъ, пытаясь отвлечь общественное вниманіе въ другія области, по преимуществу — въ сферу внѣшней политики. Такую линію усвоила въ первую голову націоналистическая печать. Вынужденная обстоятельствами времени прекратить или, по крайней мѣрѣ, ослабить травлю поляковъ, литовцевъ, малороссовъ, евреевъ и многихъ другихъ „инородцевъ“, она занялась травлей нѣмцевъ, усердно раздувая ненависть ко всей нѣмецкой націи. Стоящее во главѣ этой печати „Новое Время“ изъ всѣхъ силъ старается изобразить обрушившуюся на насъ войну такимъ образомъ, какъ будто Россія воюетъ не съ Германскою имперіей, не съ германскою арміей, а съ германскимъ народомъ во всей его совокупности. И суворинская газета, по обыкновенію легко и беззаботно забывая то, что она сама писала нѣсколько времени назадъ, не жалѣетъ самыхъ темныхъ красокъ для изображенія нѣмецкаго народа. Если вѣрить ей, нѣмецкая армія это — „звѣри“: „ничего человѣческаго не видно въ этомъ миллионномъ скопищѣ озвѣрѣвшихъ убійцъ, насильниковъ и поджигателей“. Но не лучше своей арміи и нѣмецкій народъ: „весь народъ — одно сплошное полчище подлыхъ преступниковъ, сразу сдѣлавшихъ чуть не невинными младенцами тѣхъ варваровъ-кочевниковъ, которые опустошали цвѣтущія страны“. Съ „полчищемъ подлыхъ преступниковъ“ нельзя, конечно, рассчитывать заключить и обычный между народами миръ. „Нѣтъ мира съ дикими звѣрями! — восклицаетъ въ „Нов. Времени“ какой-то г. Ч—скій. — Нельзя оставлять гнѣзда заразы, чтобы она вновь охватила мирные народы... Надо навсегда вырвать оружіе изъ преступной руки и вернуть народъ палачей и звѣрей къ человѣческимъ мыслямъ и чувствамъ“¹⁾.

Съ своей стороны „Новое Время“ не устаетъ указывать средства и способы для возвращенія нѣмецкаго народа къ „человѣческимъ мыслямъ и чувствамъ“. Для достиженія этой высокой цѣли оно послѣдовательно рекомендовало арестовать, выслать въ отдаленныя губерніи и обратить на принудительныя работы всѣхъ еще оставшихся въ Россіи германскихъ и австрійскихъ подданныхъ, отказаться отъ всякаго снисхожденія и человѣколюбія по отношенію къ ихъ женамъ и дѣтямъ, конфисковать всѣ нѣмецкія деньги въ русскихъ банкахъ, отказать въ законной защитѣ всѣмъ нѣмецкимъ привилегіямъ на изобрѣтенія, бойкотировать всѣхъ нѣмцевъ-торговцевъ. „Бойкотъ“ — поясняла газета это послѣднее свое предложеніе — распространяется на всѣхъ нѣмцевъ, а не только ино-

¹⁾ „Н. Время“, 18 августа.

странныхъ подданныхъ, иначе онъ не имѣлъ бы смысла“ ¹⁾. Словомъ, въ борьбѣ съ Германіей, по мнѣнію газеты, мало отринуть элементарную гуманность и общепринятые международные обычаи. Даже состоящіе русскими подданными нѣмцы должны быть раззорены, даже русская промышленность и торговля, поскольку она находится въ рукахъ лицъ нѣмецкаго происхожденія, должна быть подорвана, чтобы вернуть нѣмецкій народъ къ „человѣческимъ мыслямъ и чувствамъ“. Столь же человѣколюбивыми и столь же умными предложеніями наполнялись и наполняются столбцы и другихъ націоналистическихъ газетъ, на перебой стремящихся разжечь слѣдую и жестокую вражду ко всему нѣмецкому, вплоть до нѣмецкаго языка.

Нельзя сказать, чтобы эта агитація проходила безслѣдно. Наоборотъ, порою ея вліяніе сказывается даже въ такихъ кругахъ общества, которые съ перваго взгляда можно было бы считать застрахованными отъ этого вліянія. Такъ, напр., московская городская управа недавно выступила передъ думой съ предложеніемъ въ виду войны съ Германіей переименовать Нѣмецкую улицу въ Москвѣ въ Пушкинскую. Московскимъ гласнымъ пришлось объяснить своей управѣ, что въ такомъ переименованіи улицы нѣтъ большого смысла, что Нѣмецкая улица—названіе историческое, идущее отъ старинной Нѣмецкой Слободы, что въ упраздненіи подобныхъ историческихъ названій проявляется неуваженіе къ собственному прошлому,—и все же въ концѣ концовъ предложеніе управы было не отвергнуто окончательно, а передано въ комиссію ²⁾. Такого рода эпизоды могли бы еще, пожалуй, представляться не особенно серьезными. Но ими дѣло не ограничивается и агитація, возбужденная противъ нѣмцевъ, даетъ и другіе плоды. Въ рижскомъ учебномъ округѣ, какъ сообщаютъ газеты, закрыты по распоряженію министра народнаго просвѣщенія всѣ учебныя заведенія, содержавшіяся мѣстнымъ нѣмецкимъ обществомъ „Deutscher Verein“. Одновременно состоялось закрытіе кружковъ, объединявшихъ въ себѣ германскихъ и австрійскихъ подданныхъ и содержавшихъ различныя учебныя заведенія ³⁾. Вслѣдъ за тѣмъ было опубликовано другое распоряженіе министра народнаго просвѣщенія, распространяющееся на всю имперію и воспрещающее во все время военныхъ дѣйствій принимать въ высшія и среднія учебныя заведенія германскихъ и австро-венгерскихъ подданныхъ ⁴⁾.

Власти готовы такимъ образомъ въ весьма значительной степени идти на встрѣчу агитаціи, направленной противъ нѣмцевъ. Но въ другихъ случаяхъ тѣ же власти не колеблются принимать

¹⁾ „Н. Время“, 3, 13 и 4 августа.

²⁾ „Рѣчь“, 20 августа.

³⁾ „Бирж. Вѣдомости“, 11 августа.

⁴⁾ „Рѣчь“, 15 августа.

весьма рѣшительныя мѣры противъ такой агитаціи. Въ газетахъ за послѣднія недѣли было опубликовано уже нѣсколько случаевъ примѣненія въ прибалтійскихъ губерніяхъ строгихъ административныхъ взысканій за враждебныя мѣстнымъ нѣмцамъ демонстраціи. Вольмарскій воинскій начальникъ помѣстилъ въ газетахъ особое объявленіе по поводу случаевъ грубаго обращенія съ лицами нѣмецкаго происхожденія, равно какъ нападенія толпы на двухъ помѣщиковъ, и въ этомъ объявленіи „напоминается, что виновные въ подобныхъ дѣйствіяхъ будутъ подвергнуты строгому наказанію“ ¹⁾. Въ Рижскомъ уѣздѣ волостной учитель Маршанъ, который предложилъ разговаривавшему по нѣмецки съ начальникомъ станціи помощнику уѣзднаго начальника барону Фитингофу „хоть теперь говорить по русски“, былъ за это посаженъ въ административномъ порядкѣ на три мѣсяца въ тюрьму и только по ходатайству мѣстнаго архіепископа былъ освобожденъ изъ нея раньше назначеннаго ему срока ²⁾.

Какъ видно, даже съ точки зрѣнія власти агитація, направленная противъ нѣмецкой національности, за извѣстными предѣлами признается небезопасной. Нѣтъ надобности, конечно, подробно доказывать, что съ точки зрѣнія правильно понятыхъ интересовъ Россіи и русскаго народа такая агитація во всѣхъ ея формахъ можетъ принести только серьезный вредъ. И, пожалуй, съ особенною силой такой вредъ можетъ сказаться въ томъ, что подобная агитація, сводя потрясенное національное чувство съ пути нормальнаго развитія, возбуждая и обостряя національную вражду, тѣмъ самымъ отвлекаетъ мысль и чувство захваченныхъ ею круговъ отъ внутренней жизни родной страны и создаетъ препятствіе для правильной постановки и разрѣшенія въ этой жизни національнаго вопроса. Тѣмъ, кто ведетъ яростную борьбу противъ какой-либо національности и призываетъ къ лишенію принадлежащихъ къ ней лицъ всѣхъ гражданскихъ правъ, трудно, конечно, думать о разрѣшеніи національнаго вопроса въ смыслѣ обращенія лицъ всѣхъ національностей въ равноправныхъ гражданъ государства.

Но отвлеченіе общественнаго вниманія отъ вопросовъ внутренней жизни государства и, въ частности, отъ вопроса національнаго, какъ онъ поставленъ въ условіяхъ этой жизни, достигается не только путемъ пропаганды откровенныхъ и послѣдовательныхъ націоналистовъ, временно оставившихъ въ покоѣ однихъ „инородцевъ“, чтобы съ тѣмъ большимъ усердіемъ приняться за другихъ. Въ томъ же направленіи въ сущности готовы идти и общественные дѣятели другого типа, далекіе отъ зоологическаго націонализма, но слишкомъ экспансивные для того, чтобы сохранить рав-

¹⁾ «Рѣчь», 6 августа.

²⁾ «Рѣчь», 20 августа; Бирж. Вѣдомости, 25 августа.

новѣіе въ потокѣ событій и серьезно задуматься надъ сложными проблемами текущаго дня. Яркимъ представителемъ дѣятелей такого типа на поприщѣ публицистики является извѣстный московскій профессоръ и публицистъ кн. Евгеній Трубецкой. Было время,—всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—когда г. Трубецкой въ краснорѣчивыхъ статьяхъ призывалъ русское общество довольствоваться скромнымъ сѣрымъ дождемъ октябристскихъ реформъ. Теперь г. Трубецкой съ неменьшимъ краснорѣчіемъ призываетъ русское общество къ разрѣшенію задачъ міровой важности—внѣ предѣловъ Россіи. И въ оправданіе такихъ призывовъ у него имѣется даже особая философія русской исторіи, философія, согласно которой „особенность русскаго патріотизма заключается въ томъ, что онъ никогда не воодушевляется идеей родины, какъ такой, служеніемъ русскому, какъ такому“. Путемъ сопоставленія русско-турецкой войны 1877 - 78 гг., русско-японской войны и войны нынѣшней г. Трубецкому, по его убѣжденію, удалось открыть „одну великую тайну нашего національнаго бытія“: мы терпѣли пораженія, когда „сражались только за себя самихъ“, но наряду съ этимъ „Россія обрѣтаетъ свое духовное единство и цѣлость въ освободительной войнѣ“. Разгадавъ эту „великую тайну національнаго бытія“, г. Трубецкой, естественно, безъ труда разгадываетъ и смыслъ настоящей войны, тотъ смыслъ, который опредѣляетъ ея задачи.

„Къ счастью для Россіи,—говоритъ г. Трубецкой—въ освобожденіи другихъ народностей, въ особенности народностей славянскихъ, заключается условіе не только духовной, но и матеріальной ея цѣлости. Единство и цѣлость Россіи и освобожденіе родственныхъ славянскихъ народовъ—вотъ два лозунга, во имя которыхъ ведется война. Нужно ли доказывать, что оба они составляютъ одно неразрывное цѣлое? Если родственныя намъ славянскія племена не устоятъ противъ напора воинствующаго германизма, то не устоитъ передъ нимъ и Россія. Напротивъ, если Россія суждено оставаться цѣлой и недѣлимой, то германскому игу надъ славянами вообще долженъ быть положенъ конецъ. Должна быть восстановлена единая, свободная въ своемъ самоуправленіи Польша, должна вырасти великая Сербія, должна создаться независимая Чехія; и должны вырасти за счетъ Австріи всѣ тѣ національныя государства, которыя примкнутъ къ великой освободительной войнѣ“¹⁾.

Объединить Польшу, помочь вырасти великой Сербіи, создать независимую Чехію, увеличить за счетъ Австріи рядъ другихъ національных государствъ... Это, конечно, не то, что возвращать нѣмецкій народъ, по рецепту „Новаго Времени“, къ „человѣческимъ чувствамъ и мыслямъ“. Но есть все-таки въ томъ и дру-

¹⁾ „Р. Вѣдомости“, 8 августа.

гомъ пониманіи задачъ Россіи въ текущую минуту нѣчто общее. И нововременскіе писатели, и г. Трубецкой одинаково усматриваютъ всю сущность этихъ задачъ въ „борьбѣ съ германизмомъ“. Дальше наступаетъ уже разни́ца. Сотрудники „Новаго Времени“ и подобныхъ ему газетъ видятъ залогъ успѣшности такой борьбы въ травлѣ лицъ, принадлежащихъ къ нѣмецкой національности. Г. Трубецкой такой травлей не занимается и никого къ ней не зоветъ. Онъ понимаетъ „борьбу съ германизмомъ“ иначе—лишь въ видѣ стремленія къ созданію силами Россіи ряда славянскихъ и другихъ національных государствъ на развалинахъ нынѣшней Австро-Венгріи и отчасти Германіи. Но во всякомъ случаѣ и для него борьба съ германизмомъ является самой важной и основной задачей настоящей минуты. Въ частности, лишь въ связи съ успѣшнымъ исходомъ этой борьбы представляется ему возможнымъ и правильное разрѣшеніе національной проблемы въ Россіи, а до поры, до времени онъ не видитъ даже надобности особенно пристально присматриваться къ конкретнымъ очертаніямъ этой проблемы. Въ дѣйствительности однако присмотрѣться къ нимъ очень важно, и, пожалуй, особенно важно для тѣхъ людей, которые, подобно г. Трубецкому, заняты мыслями объ освобожденіи славянскихъ земель.

Толчокъ къ отмѣченнымъ выше открытіямъ въ области русской исторіи данъ былъ г. Трубецкому, поскольку можно заключить изъ его статей, главнымъ образомъ опубликованнымъ 1-го августа воззваніемъ Верховнаго Главнокомандующаго къ полякамъ. Горячо привѣтствуя это воззваніе, г. Трубецкой глубоко увѣренъ въ его чрезвычайно важномъ значеніи какъ для Польши, такъ и для Россіи. „Освобожденіе Польши изъ-подъ нѣмецкаго ига — говоритъ онъ — не есть только задача нашей верховной власти: это въ настоящее время наше важнѣйшее народное русское дѣло, отъ успѣшнаго выполнения котораго зависитъ все наше будущее. Не только для Польши, но и для Россіи это—основной жизненный вопросъ, ибо только Россія, объединившая Польшу, можетъ собрать вокругъ себя славянство. И только Россія, ставшая центромъ всеславянскаго единенія, можетъ стоять на высотѣ подобающаго ей величія и могущества“¹⁾. Наряду съ этимъ г. Трубецкой считаетъ „совершенно бесполезнымъ и несвоевременнымъ“— „задаваться вопросомъ, что собственно обѣщаетъ полякамъ воззваніе и какой строй оно сулитъ обновленной Польшѣ“. По его мнѣнію, „было бы безуміемъ предполагать, что Россія можетъ дать полякамъ меньше, чѣмъ даютъ имъ нѣмцы и австрійцы“. „Не для того она призываетъ поляковъ къ единенію съ собой, чтобы лишить ихъ тѣхъ правъ самоуправленія, коими

¹⁾ „Русскія Вѣдомости“, 3-го августа.

они пользуются подъ австрійскимъ владычествомъ. Поляки и русскіе должны понять, что это невозможно“. „Если — прибавляетъ г. Трубецкой—мы до сихъ поръ этого не понимали, если мы, увлекаясь ложнымъ націонализмомъ, не сознавали нашего подлиннаго національнаго интереса, это обусловливается тѣмъ, что доселѣ мы находились подъ германскимъ игомъ. Только теперь мы его сбросили, но до послѣдняго времени оно тяготѣло, если не надъ нашей территоріей, то надъ нашей душой, надъ нашей волей и чувствомъ. Добрососѣдскія отношенія между Россіей, съ одной стороны, Австріей и Германіей, съ другой стороны, существовали и поддерживались за счетъ славянства и въ особенности за счетъ Польши. Именно соучастіе въ раздѣлѣ Польши поддерживало согласіе: совмѣстная борьба противъ родственнаго намъ славянскаго народа, вотъ что служило источникомъ близости между нами. И близость эта служила интересамъ Германіи и Австріи, а не Россіи“¹⁾).

Далеко не все въ этой цѣпи разсужденій представляется безспорнымъ. Можно и должно горячо привѣтствовать выразившееся въ воззваніи 1-го августа признаніе правительства, что раздѣлъ Польши не вызывался русскими интересами и съ точки зрѣнія этихъ интересовъ былъ ошибкой. Можно и должно горячо привѣтствовать мысль о воссоединеніи въ одно самоуправляющееся цѣлое раздѣленныхъ частей Польши—Польши, конечно, этнографической а не исторической. Но считать отторженіе принадлежащихъ пока Германіи и Австро-Венгріи польскихъ областей отъ этихъ государствъ самымъ важнымъ для русскаго народа дѣломъ, отъ котораго зависить вся будущность Россіи, значить идти ужъ черезчуръ далеко и черезчуръ ужъ мало считаться съ реальною жизнью. И точно также, лишь не считаясь въ достаточной степени съ реальной жизнью, возможно говорить, будто прежнее отношеніе официальной Россіи въ Польшѣ всецѣло и исключительно зависѣло отъ „германскаго ига“, отъ добрососѣдскихъ отношеній первой къ Австріи и Германіи. Чтобы провѣрить правильность этого утвержденія, достаточно вспомнить, что тѣ же добрососѣдскія отношенія не помѣшали Австріи, объ „игѣ“ которой надъ польскими землями говорить г. Трубецкой, установить въ Галиціи конституціонный порядокъ, прочно привязавшій польское населеніе этой области къ австро-венгерской монархіи.

Сейчасъ, конечно, важно не столько прошлое, сколько настоящее и будущее, и если я отмѣчаю неправильное объясненіе г. Трубецкимъ прошлаго, то только потому, что такая неправильная оцѣнка прошлаго можетъ создать почву для неправильнаго отношенія къ настоящему и будущему. Въ настоящемъ прежнее положеніе русской Польши остается пока безъ перемѣнъ. Что касается будущаго, то г. Трубецкой, какъ мы видѣли, глубоко убѣжденъ, что, объеди-

¹⁾ „Русскія Вѣдомости“, 8-го августа.

нившись подъ властью Россіи, поляки будутъ имѣть не меньше правъ, чѣмъ имѣютъ они ихъ теперь въ Галиціи. Возможно, что такъ именно и будетъ, но все же, пожалуй, не мѣшаетъ попытаться представить себѣ тотъ конкретный путь, какимъ это можетъ произойти. Если къ тому моменту, когда будетъ рѣшаться этотъ вопросъ, сохранятся всѣ существующія условія нашей жизни, то дѣло созданія Польши, „свободной въ своей вѣрѣ, въ языкѣ, въ самоуправленіи“, должно будетъ проходить черезъ тѣ самыя законодательныя учрежденія, черезъ которыя еще такъ недавно не смогъ пройти до-нельзя скромный, до послѣдней степени урѣзанный проектъ городского самоуправления въ русской Польшѣ. Правда, обстоятельства измѣняются, если не людей, то ихъ настроенія. Тотъ самый, напримѣръ, г. Гучковъ, который въ 1904 г. выступалъ горячимъ противникомъ идеи объ автономіи русской Польши, сейчасъ въ бесѣдѣ съ польскими журналистами въ Варшавѣ наметилъ возможнымъ заявить, что съ его точки зрѣнія „было бы безуміемъ, еслибы Россія въ концѣ побѣдоносной войны инкорпорировала на общихъ основаніяхъ нашихъ губерній всѣ польскія провинціи“. „Для нихъ—утверждалъ онъ въ той же бесѣдѣ—надо было бы придумать новую политическую форму и, какъ бы она ни была умѣренна, но русская Польша не можетъ удержаться на прежнихъ основаніяхъ“. По нынѣшнему мнѣнію г. Гучкова, въ ближайшемъ будущемъ неизбежно образованіе автономной Польши въ видѣ связаннаго общей верховной властью съ Россіей польскаго королевства съ варшавскимъ сеймомъ, вѣдающимъ его внутреннія дѣла, и съ опредѣленными обязанностями и правами въ отношеніи имперіи. Высказывая такое мнѣніе, г. Гучковъ не видитъ въ немъ и существеннаго противорѣчія съ той позиціей, какую онъ занималъ раньше въ вопросѣ объ автономіи русской Польши. Все дѣло въ томъ, что прежде приходилось думать „объ регулированіи жизни въ части имперіи“, а теперь — „объ огромномъ конгломератѣ, который составитъ послѣ распада Австріи и Германіи“¹⁾. Этимъ различіемъ, въ глазахъ г. Гучкова, всецѣло объясняется и различіе его прежней и нынѣшней позиціи въ польскомъ вопросѣ. Возможно, что такъ же разсуждаютъ и многіе изъ политическихъ единомышленниковъ г. Гучкова, какъ и вообще многіе изъ людей, стоящихъ на правомъ крылѣ нашей общественности. И все же — стоитъ на минуту попытаться конкретно представить себѣ тѣ условія, въ которыхъ можетъ рѣшаться вопросъ о выработкѣ новыхъ формъ устройства Польши, чтобы немедленно увидѣть, какъ тѣсно связанъ этотъ вопросъ съ общимъ укладомъ русской государственной жизни и съ общимъ разрѣшеніемъ въ ней національнаго вопроса.

Въ самомъ дѣлѣ, польскій вопросъ—лишь одинъ изъ тѣхъ частныхъ національныхъ вопросовъ, которые накопились въ нашей

¹⁾ „День“, 24-го августа.

жизни и настойчиво требуютъ разрѣшенія. И если для дѣятелей, подобныхъ г. Гучкову, характерно, что они не представляютъ себѣ необходимости коренного разрѣшенія этихъ вопросовъ, пока рѣчь идетъ о „регулированіи жизни въ части имперіи“, то въ дѣйствительности, конечно, дѣло обстоитъ иначе. Въ интересахъ самого государства необходимо такое „регулированіе жизни“, при которомъ интересы всѣхъ отдѣльныхъ національностей находили бы себѣ полное удовлетвореніе въ рамкахъ существующаго государственнаго строя. Въ нашей дѣйствительности это условіе отсутствуетъ и такое отсутствіе больно даетъ себя чувствовать отдѣльнымъ народностямъ, входящимъ въ государственный организмъ. Характернымъ образчикомъ этого является современное положеніе малорусской народности, создающее въ нашей жизни такъ называемый украинскій вопросъ. Наши правые партіи, вплоть до праваго крыла либераловъ, склонны были объяснять самое возникновеніе этого вопроса сепаратистскими тенденціями живущей въ предѣлахъ Россіи украинской интеллигенціи. Такое объясненіе было, конечно, либо заблужденіемъ, либо — еще чаще — недобросовѣстнымъ измышленіемъ, и это съ полной очевидностью обнаружили послѣднія событія. Когда надъ Россіей разразилась военная гроза, видные органы украинской общественной мысли выступили съ рѣшительными заявленіями на счетъ той позиціи, какую должны занять въ надвинувшихся событіяхъ украинскій народъ. „Въ идеалахъ украинцевъ и практическихъ постулатахъ украинскаго общества, начиная съ Кирилло-Меоодіевскаго Братства и вплоть до нашихъ дней, — писала по этому поводу „Украинская Жизнь“ — національное развитіе части украинскаго народа, вошедшей въ составъ Россіи, всегда мыслилось въ предѣлахъ послѣдней и въ тѣсномъ союзѣ съ народами, населяющими ее“. „Противники Россіи — продолжалъ названный журналъ — при переходѣ границы будутъ, конечно, стараться привлечь украинское населеніе на свою сторону и всякими обѣщаніями, политическими и національными посулами посягать на смуту среди него. Украинцы не поддадутся провокаціоннымъ воздѣйствіямъ и выполнятъ свой долгъ гражданъ Россіи въ это тяжелое время до конца и не только на полѣ брани, въ рядахъ бранной рати, сражающейся противъ нарушителей мірового мира и права, но и какъ граждане-обыватели, обязанные въ мѣру своихъ силъ и возможностей содѣйствовать успѣшному выполненію русской арміей исключительно отвѣтственной задачи, выпавшей на ея долю“¹⁾. То же самое, лишь въ нѣсколько иныхъ и, пожалуй, еще болѣе энергичныхъ выраженіяхъ, заявляла немедленно послѣ начала войны кievская украинская газета „Рада“. На практикѣ украинское населеніе Россіи и заняло указанную этими органами позицію, тѣмъ самымъ, каза-

¹⁾ „Украинская Жизнь“, 1914, № 7, сс. 4, 5.

лось бы, устранивъ всякія опасенія на счетъ существованія въ его средѣ сколько-нибудь сильныхъ сепаратистскихъ тенденцій.

Съ такимъ устраненіемъ неосновательныхъ опасеній нѣкоторые органы прессы связывали большія ожиданія и надежды. „Если — писала въ цитированной уже мною статьѣ „Украинская Жизнь“ — въ наиболѣе критическіе дни испытаній народности Россіи выполняють свои обязанности передъ нею, то въ сознаніе общества и его правящихъ круговъ должна проникнуть мысль о предоставленіи этимъ народностямъ и соответствующихъ правъ“¹⁾. Пока однако мы наблюдаемъ нѣчто иное. Въ глазахъ правящихъ круговъ и примыкающихъ къ нимъ слоевъ общества украинское національное движеніе вообще и украинская пресса въ частности продолжаетъ находиться въ подозрѣніи и сообразно этому на послѣднюю и въ настоящее время падаютъ тяжелые удары. Кіевская „Рада“ закрыта на все время военнаго положенія. Закрытъ и выходившій въ Кіевѣ украинскій журналъ „Маякъ“. Редакторъ другого кіевского же украинскаго журнала, „Украинской Хаты“, г. Богацкій, по сообщеніямъ петербургскихъ газетъ, арестованъ и въ административномъ порядкѣ высылается въ Тобольскую губернію. Эти и подобные имъ удары были бы чувствительны во всякое время, но въ обстоятельствахъ текущаго момента ихъ чувствительность, пожалуй, еще болѣе увеличивается.

Вопросъ о правахъ національной культуры стоитъ въ настоящій моментъ передъ малороссами приблизительно въ такой же формѣ, какъ и передъ поляками. Если послѣднимъ приходится задумываться надъ тѣмъ, сохранять ли въ будущемъ галицкіе поляки тѣ права, какія они имѣютъ сейчасъ, то и малороссы въ свою очередь естественно озабочены тѣмъ, сохранить ли украинская культура нынѣшнее свое положеніе въ Галиціи. Не надо забывать, что украинскій языкъ въ Галиціи, наряду съ польскимъ, является не только языкомъ домашняго обихода и литературы, какъ въ русской Малороссіи, но и языкомъ официальнымъ. Имъ пользуется администрація и судъ въ своихъ сношеніяхъ съ украинскимъ населеніемъ, на немъ ведется преподаваніе въ низшей и средней школахъ украинской части Галиціи, на немъ читаютъ свои лекціи и нѣкоторые профессора львовскаго университета. Было бы, конечно, до крайности странно, еслибы русскою властью галицкіе малороссы были лишены тѣхъ правъ на свободное національное развитіе и, въ частности, на употребленіе своего роднаго языка, какія та же власть обезпечила бы галицкимъ и всѣмъ другимъ полякамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ было бы, пожалуй, не менѣе, а еще болѣе странно, еслибы такія права оказались предоставленными галицкимъ малороссамъ и несуществующими для подольскихъ, волинскихъ, кіевскихъ, полтавскихъ и другихъ малороссовъ, живущихъ

¹⁾ Тамже, с. 7.

въ предѣлахъ русскаго государства. И тѣ же самыя соображенія примѣнны не къ одному только вопросу о правахъ мѣстнаго языка. Украинское населеніе Галиціи, какъ и польское ея населеніе, привыкло уже жить въ рамкахъ конституціоннаго строя, а у насъ, какъ извѣстно, „слава Богу, нѣтъ конституціи“. Отмѣна этого строя для украинскаго населенія Галиціи, съ сохраненіемъ его для польскаго, въ свою очередь явилась бы до-нельзя странной и горькой обидой для перваго изъ нихъ. Но не трудно представить себѣ, до какой степени немислимо ни сохраненіе этого строя для однихъ лишь галицкихъ украинцевъ, ни установленіе его въ Россіи только для малороссовъ. Такимъ образомъ борьба за Галицію, не говоря уже объ овладѣніи ею, неизбѣжно обостряетъ постановку украинскаго вопроса внутри Россіи и выдвигаетъ на очередь рядъ другихъ, тѣсно связанныхъ съ нимъ вопросовъ нашей внутренней жизни.

Есть, правда, люди, которые находятъ возможнымъ и въ самой Галиціи въ настоящее время дѣйствовать такъ, какъ будто даже въ ней украинскаго вопроса вовсе не существуетъ или, по крайней мѣрѣ, онъ является лишь порожденіемъ фантазіи ничтожной кучки людей. „Группа лицъ — сообщалось въ телеграммѣ, напечатанной недавно въ петербургскихъ газетахъ, — возбудила ходатайство объ изданіи въ Галиціи русской патріотической газеты для развитія основъ православія и русской государственности“¹⁾. Одновременно съ этимъ въ мелкой прессѣ появилось сообщеніе, будто гдѣ-то возникъ вопросъ о низложеніи галицкаго уніатскаго митрополита и вопросъ этотъ предполагается разрѣшить въ положительномъ смыслѣ, „тѣмъ болѣе, что русскіе церковные законы не признаютъ уніи“²⁾. По существу къ такого рода проектамъ трудно, конечно, относиться серьезно. Русская газета въ Галиціи, подавляющая масса населенія которой не понимаетъ русскаго литературнаго языка и вообще, надо думать, явилась бы предпріятіемъ мертворожденнымъ, а предположенное направленіе этой газеты, предназначенной для населенія, принадлежащаго къ уніатской церкви и привыкшаго къ конституціоннымъ порядкамъ, способно еще болѣе обезпечить такую мертворожденность. Немногимъ болѣе серьезно и предположеніе не признавать уніи въ странѣ, главная масса малорусскаго населенія которой принадлежитъ какъ разъ къ греко-уніатской церкви. Но, если въ существѣ своемъ приведенные проекты и не особенно серьезны, они не лишены все-таки извѣстнаго симптоматическаго значенія. Въ нихъ ясно проглядываетъ стремленіе разсматривать, по крайней мѣрѣ, Восточную Галицію, населенную по преимуществу малороссами, какъ русскую въ сущности область, съ особенностями—какъ нѣчто случайное и безъ

¹⁾ „Рѣчь“, 24 августа.

²⁾ „Бирж. Вѣдомости“, 24-го августа.

особаго труда исправимое, ея быть—какъ легко поддающийся слиянію съ современнымъ общимъ русскимъ бытомъ. И такое стремленіе, надо сознаться, вполне гармонируетъ съ установившимся въ правящихъ кругахъ Россіи отношеніемъ къ національной малорусской культурѣ, отношеніемъ, только что наглядно иллюстрированнымъ указанными выше случаями и опредѣляющимъ для русскихъ украинцевъ положеніе своего рода гражданъ второго разряда, обязанныхъ принимать на свои плечи государственныя тяготы, но не пользующихся возможностью и правомъ безпрепятственно удовлетворять свои національно-культурныя потребности.

Въ этомъ положеніи гражданъ второго разряда находится въ Россіи много народностей, но ни одна изъ нихъ не ощущаетъ его тяжесть въ такой мѣрѣ, какъ народность еврейская. Говоря о положеніи евреевъ въ Россіи, приходится говорить о пренебреженіи не только къ національнымъ, но и къ самымъ элементарнымъ гражданскимъ и человѣческимъ ихъ правамъ. И опять-таки и для евреевъ война и всѣ связанныя съ нею событія еще болѣе увеличили тяжесть ихъ положенія и еще болѣе обострили сознаніе этой тяжести. Наравнѣ со всѣми русскими подданными, застигнутыми объявленіемъ войны въ Германіи и Австріи, и русскіе евреи, находившіеся тамъ, испытали всѣ ужасы бѣгства изъ враждебныхъ странъ, но въ то время, какъ всѣ другіе бѣглецы, добравшись до предѣловъ Россіи, могли чувствовать себя болѣе или менѣе спокойно, евреи на родинѣ встрѣтились съ правилами о чертѣ осѣлости и объ отсутствіи права жительства внѣ этой черты. Когда населеніе бѣжало изъ занятыхъ нѣмцами пограничныхъ городовъ и мѣстечекъ, бѣглецы другихъ національностей могли направлять свой путь, куда имъ было угодно, могли искать себѣ прибіжища всюду, гдѣ только позволяли имъ обстоятельства и средства, но евреямъ и въ этомъ бѣгствѣ поперекъ дороги стояли тѣ же правила о чертѣ осѣлости. Дѣти и юноши, вынужденные покинуть закрытыя по обстоятельствамъ военнаго времени учебныя заведенія, могутъ продолжать свое образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ другихъ мѣстностей. Но дѣти евреевъ не могутъ этого сдѣлать: имъ путь въ другія учебныя заведенія загороженъ процентной нормой. Благодаря этой нормѣ значительное количество еврейской молодежи училось за границей въ различныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вынужденная теперь покинуть ихъ, эта молодежь не можетъ найти себѣ доступа въ русскія заведенія въ силу той же процентной нормы. Евреи несутъ воинскую повинность въ Россіи и сотни тысячъ ихъ вступили сейчасъ въ ряды русской арміи, сражающейся съ врагомъ. Но тѣ еврейскія семьи, которыя живутъ внѣ черты осѣлости благодаря правамъ своего главы, съ уходомъ его въ армію теряютъ право жительства и должны выселяться въ „черту“.

Кое-что въ этомъ положеніи, правда, смягчено. Прибывающимъ

изъ-за границы евреямъ разрѣшено на нѣкоторое, не особенно продолжительное, время останавливаться въ Петербургѣ. Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ допущены были и кое-какія другія частныя послабленія въ правилахъ о чертѣ осѣдности. Еврейскихъ дѣтей, учившихся въ закрытыхъ по обстоятельствамъ военного времени заведеніяхъ, циркуляромъ министра народнаго просвѣщенія разрѣшено принимать въ учебныя заведенія другихъ городовъ, „хотя бы въ нихъ по существующей нормѣ и не было вакансій для учениковъ-евреевъ, но съ тѣмъ, чтобы ихъ пріемъ отнюдь не былъ сопряженъ съ нарушеніемъ интересовъ христіанскихъ дѣтей“. Наконецъ, еврейскимъ семьямъ, проживавшимъ внѣ черты осѣдности по праву ихъ главъ, теперь призванныхъ въ армію, циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ разрѣшено „оставаться въ мѣстахъ настоящаго ихъ жительства впредь до окончанія военныхъ дѣйствій и особыхъ указаній министерства“.

Все это однако—лишь частныя смягченія, нисколько не колеблюція и не ослабляюція того факта, что евреи въ Россіи находятся въ положеніи гражданъ, своею жизнью защищающихъ отечество и вмѣстѣ съ тѣмъ лишенныхъ въ немъ ряда элементарныхъ правъ, вплоть до права повсемѣстнаго жительства и права получить образованіе. А между тѣмъ необходимость защищать отечество не только встрѣчена была массами еврейскаго населенія безропотно, но и вызвала среди нихъ энтузіазмъ, перекинувшійся даже за океанъ, въ Америку. „Американскія газеты—передавала недавно телеграмма изъ Лондона—сообщаютъ о демонстраціи русскихъ евреевъ въ Нью-Йоркѣ въ пользу Россіи. Тысячи человекъ составили процессію и шли съ пѣніемъ русскаго народнаго гимна“ ¹⁾. Въ другой телеграммѣ изъ Лондона сообщается, что „извѣстный еврейскій писатель Шоломъ-Ашъ опубликовалъ въ англійской и американской печати статью, въ которой онъ, обращаясь къ патриотизму русскихъ евреевъ, живущихъ въ Англіи и Америкѣ, приглашаетъ ихъ бороться вмѣстѣ съ Россіей противъ германскаго милитаризма“ ²⁾. „Еслибы вы—писалъ одинъ русскій еврей въ своемъ письмѣ въ редакцію „Русскихъ Вѣдомостей“—побывали среди евреевъ, среди еврейской молодежи, призванной на войну, въ ея семьяхъ, васъ бы глубоко поразила та строгая серьезность, съ которой люди шли на защиту Россіи. Всѣ были полны единодушія и глубоко отъ мала до велика были преисполнены чувства родины, которая требуетъ ихъ на защиту. И вотъ на этой-то почвѣ—прибавлялъ авторъ письма—возникла упорная вѣра, что теперь кончились всѣ мытарства еврейскаго народа, что изъ гонимаго, нетерпимаго парія онъ превратится въ полноправнаго и равнаго сына родины. Люди съ

¹⁾ „Р. Вѣдомости“, 22 августа.

²⁾ „Рѣчь“, 22 августа.

непоколебимой вѣрой со дня на день ждутъ, что вотъ-вотъ раздается цѣлительное слово, которое всѣ раны залечить, смоетъ всѣ обиды и оскорбленія“... ¹⁾). Такого слова ждали не только сами евреи. „Неужели—спрашивали недѣли черезъ три послѣ начала войны „Русскія Вѣдомости“—возможно допустить, чтобы люди, сражающіеся и умирающіе за Россію, не были ободрены и успокоены сознаніемъ, что ихъ родные и близкіе найдутъ въ ней мѣсто въ качествѣ полноправныхъ гражданъ? Неужели равенство передъ лицомъ смерти будетъ уживаться съ тяжелымъ неравенствомъ въ жизни“? ²⁾). Увы, пока дѣйствительность даетъ на эти вопросы утвердительные отвѣты.

Я взялъ лишь немногіе изъ фактовъ текущаго дня, обрисовывающихъ положеніе національнаго вопроса въ Россіи. Но, думается, и этихъ немногихъ фактовъ вполне достаточно, чтобы видѣть, можетъ ли данный вопросъ въ какой бы то ни было формѣ быть сведенъ къ „борьбѣ съ германизмомъ“. Достаточно ихъ, думается, и для другого—чтобы наглядно выяснить, слѣдуетъ ли въ виду внѣшнихъ осложненій отсрочивать разрѣшеніе этого внутренняго вопроса нашей жизни. Есть, правда, и такая точка зрѣнія, съ которой указывать въ моментъ внѣшней борьбы на неудовлетворенныя внутреннія потребности значить заниматься „торговлей“ и „вымогательствомъ“. Но вѣдь абсурдность такой точки зрѣнія слишкомъ ясна, чтобы стоило подробно ее доказывать. Если начальникъ военнаго отряда во время битвы требуетъ нужныхъ для нея припасовъ, только лишенный разума человѣкъ можетъ обвинить его въ вымогательствѣ. Если граждане государства въ моментъ напряженной внѣшней борьбы заботятся о внутренней крѣпости государственнаго организма, они дѣлаютъ дѣло, нужное, между прочимъ, и въ интересахъ успѣха этой борьбы. И чѣмъ напряженнѣе борьба, тѣмъ важнѣе это дѣло, тѣмъ внимательнѣе и серьезнѣе надо его дѣлать, тѣмъ больше надо съ нимъ бороться.

В. Мякотинъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Н. Н. Русовъ. Въ старой усадьбѣ. Пьеса въ 5 дѣйствіяхъ. М. 1914. Стр. 100. Ц. 60 к.

Н. Н. Русовъ. Повѣсти. М. 1914. Стр. 204. Ц. 1 р.

Сочиненія г. Русова заставляютъ вспомнить парадоксъ Льва Толстого о книгопечатаніи, какъ могущественномъ орудіи нечужества. Не въ томъ бѣда, что дарованіе г. Русова не велико —

¹⁾ «Р. Вѣдомости», 3 августа.

²⁾ «Р. Вѣдомости», 12 августа.

гдѣ они нынче, художественные геніи?—но въ томъ, что оно какъ-то насквозь буржуазно и точно предназначено для послѣобѣденнаго просматриванія въ вагонѣ желѣзной дороги, въ перемежку съ „юмористическими“ журналами. У него даже писатели разсуждаютъ такъ: „Что такое пятнадцать лѣтъ? Это—когда кружится голова отъ одного запаха женщины“. И другой писатель, даже только *im Werden* писатель (образъ традиціонно-романтическій) мечтаетъ: „Представляешь себѣ, какъ будутъ печатать мой романъ, какъ я получу гонораръ: первымъ дѣломъ одѣнусь, какъ подобаешь настоящему писателю (т. е. какъ же именно?), потомъ пообѣдаю вволю въ хорошемъ ресторанѣ, съѣмъ три или даже четыре блюда, запью виномъ“... и т. д. Однимъ словомъ—ни тѣни романтики, чистѣйшіе реалисты, съ пятнадцати лѣтъ впадающіе въ трансъ отъ запаха женщины. И въ стилѣ обывательской порнографіи здѣсь и обывательская философія: „Оправданіе зла въ бытіи міра, въ его красотѣ, въ его юности. Зло есть высшая точка жизни. Безъ него унылая мертвенность, отсутствіе радости, міровая старость“. И послушайте, какимъ суконнымъ языкомъ разсуждаютъ эти уѣздные Люциферы: „И вся вселенная, или одна только солнечная система, есть цѣлокупный организмъ, единое живое существо, имѣющее такіе же органы, такую же связь между ними, какъ, напр., человѣкъ. И душа міра (божество), съ какой бы физической частью ни связывалась она преимущественно, будь это солнце или какая-нибудь изъ планетъ, должна обладать въ высшей мѣрѣ и въ высшемъ развитіи всѣми свойствами души человѣка, ибо послѣдняя или неразрывная часть божества, или его отраженіе“. А чтобы читатель не соскучился, г. Русовъ развлекаетъ его штрихами „подъ модернъ“: „Стало ясно (послѣ дождливыхъ дней), и одинъ за другимъ проходили въ безоблачной синевѣ круглые дни и овальные ночи“.

Оттого, что все это не творчество (которое можетъ быть и очень малаго масштаба и все-таки подлиннымъ и чистымъ), а злоупотребленіе способностью владѣть перомъ, г. Русовъ — неряшливъ въ стилѣ, неточенъ, противорѣчивъ въ фактахъ. Героиня его „стройная и странная въ своей амазонкѣ“ (образъ, достойный самого Брешко-Брешковского) на страницѣ 125 „безъ моей (т. е. героя) помощи вскакивала въ сѣдло“, а на стр. 165 мы читаемъ: „Я помогъ ей вскочить на сѣдло, какъ бывало“,—такъ что, повидимому, въ воображеніи автора ни то, ни другое не бывало. Онъ пишетъ: „снимая долгополую шляпу“, точно это кафтанъ. И т. д., и т. д.

То, о чемъ г. Русовъ пишетъ, какъ-то обсолютно чуждо, незамыслительно и само по себѣ, и еще менѣе — въ обрисовкѣ автора. Ему дана, правда, небольшая изобразительная способность, но онъ обращается съ нею понестигиѣ ужасно, и жестоко мститъ за себя это дурное отношеніе къ самому себѣ.

Н. Львова. „Старая сказка“. М. 1914. Стр. 93. Ц. 1 р.

Изъ безчисленнаго множества стихотворныхъ сборниковъ, представляющихся нынче на книжномъ рынкѣ, вѣроятно, лишь очень и очень немногіе выдержатъ испытаніе времени, капризной переѣнчивости читательскихъ вкусовъ и летучей моды. Въ числѣ этихъ немногихъ, можно сказать съ увѣренностью, окажется и небольшой сборникъ Львовой, писательницы, очень недавно выступившей въ печати и покончившей счеты съ жизнью почти вслѣдъ за выходомъ этой книжки стиховъ. Среди современниковъ многіе, быть можетъ, обладаютъ болѣе яркимъ, крупнымъ и крѣпкимъ дарованіемъ, но нѣтъ ни одного, чье дарованіе было бы столь характерно для своей эпохи, такъ сливалось бы съ нею, объяснялось ею и объясняло ее. Это именно—типичный поэтический документъ времени и поэтому онъ проживетъ свое время.

Теперь уже не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторая часть русской интеллигенціи пережила недавно какой-то кратковременный періодъ остраго безсилія, при томъ безсилія, сознающаго себя и потому крайне болѣзненнаго, мечущагося изъ стороны въ сторону и затѣмъ замирающаго въ созерцаніи своего отчаянія, своей гибели. Эти самоубійства подъ звуки шопеновскаго похороннаго марша, эта эстетика слабости, безпомощности, тонкихъ страстей на порогѣ смерти,—все это въ прошломъ, но все это было, какъ явленіе групповое и характерное.

И это запечатлѣно въ поэтическомъ творествѣ Львовой, и даже эта ранняя добровольная смерть ея—лишь заключительный аккордъ того впечатлѣнія, какое уносишь отъ ея книги. Въ ней нѣтъ ни одного атома жизни, ни одной прочной черты, ни одного ненадломленнаго звука... Ея книга заставляетъ вспомнить Надсона. И тамъ, и здѣсь—основной фонъ—это впечатлѣніе какого-то тяжкаго бремени, взваливаемаго суровой жизнью на чьи-то слабыя плечи. Но основное различіе въ характерѣ груза: у Надсона это тяжесть глухого безвременья, тяжесть *общая*, у Львовой—тяжесть глубоко личная, изолированная... Последнее въ книжкѣ стихотвореніе, какъ бы подводющее итогъ всему содержанію сборника, заставляетъ думать, что поэтесса поняла смыслъ того креста, который она несла на свою раннюю Голгофу:

Намъ лишь блѣдныя намеки въ хмурой жизни суждены,
Лишь нечеткіе, больные, неразгаданные сны...
... Лишь порывъ—безсильный, вялый, и печаль, печаль, печаль...
... Мы—предтечи дальней жизни—мы пройдемъ, какъ бредъ, какъ тѣнь,
Но на скорбной нашей тризнѣ загорится вѣчный день!

Съ большою чуткостью поэтесса намѣчаетъ безрадостную позицію своего поколѣнія, своей эпохи:

На грани вѣчной тьмы съ волной лазурной свѣта,
Въ ихъ яростной борьбѣ—я зритель безъ отвѣта.

„Зритель въ борьбѣ“ — это звучитъ, какъ афористическая формула, какъ сжатая поэтическая автобіографія. Львова съ болѣзненной тонкостью намѣчаетъ контуры своего безсилія. Это — безсиліе разбитой вѣры, безсиліе силы, не могущей выйти изъ оцѣпененія: „Я многое могла, но блещущихъ оковъ зимы разбить не властна“. „И, если ты вскрикнешь: „воскресни! воскресни!“ — Не знаю, смогу ли я встать“.

Все отравлено для этой надломленной души, даже радость, потому что въ радость не вѣрится:

Весенней радостью дышу устало...
... И кажется мнѣ жизнь такой напрасной,
Что въ этотъ вечеръ, радостный и ясный,
Мнѣ хочется ей закричать: „довольно“!

И возможно ли вѣрить въ радость, отдаваться ей, если стерта черта между радостью и страданіемъ, одно переходитъ въ другое?... То, чему посвящено столько мысли и чувства эпохой, которой Львова является пѣвцомъ, чему почти цѣликомъ посвящена и ея книга — это любовь.

Всѣхъ грезъ, всѣхъ думъ торжественные сѣвы
Возносятся въ непобѣдимомъ кличѣ
Къ тебѣ, Любовь! —

— восклицаетъ поэтесса. Но Боже, какъ отравлена, какъ болѣзненна эта любовь, какъ скорбно-гармонично сливаются гимны въ честь ея съ другими безсильными гимнами и какъ подходитъ къ гимну любви Львовой ея же опредѣленіе: „Тихій гимнъ темноты и страданія“!

Я одѣнусь невѣстой — въ атласное бѣлое платье,
Серебристой фатой обовью темноту моихъ косъ,
И кому-то, во мглу, протяну безнадежно объятья...

— и могутъ ли быть иными, какъ не безнадежными, объятья этой печальной невѣсты, если она тутъ же замѣчаетъ: „я одна навсегда“? И можно ли радоваться чему-либо, если

За каждый вздохъ безмѣрной радости
Готова мечь.
Такъ кратокъ мигъ кристальной сладости,
А слезъ — не счесть! —

и даже неизвѣстно

Что это? Лукъ звенить губительный?
Иль счастья лучъ?

Такъ что же остается этой „надломленной розѣ“, безнадежно больной, отравленной душѣ? Остается болѣзненная эстетика страданія, боли, скорбной покорности.

О, пусть будет больно, мучительно больно!
 Улыбкою счастья встрѣчаю всѣ муки.
 Покорная, падаю ницъ богомольно..
 ... И я принимаю страданье, какъ ласки,
 Покорная, падаю молча, безвольно..

И не только „принимаю страданье“, но еще дальше по тому же пути безвольнаго и безрадостнаго самопожертвованія: „славолю страданіе“... И тутъ же автохарактеристика этого хрупкаго, вѣчно страдающаго, безвольнаго и эстетизирующаго свое безсиліе и свою скорбь существованія:

Ахъ, я павилики вѣточка гибкая
 Въ мигъ увяданія!

Гипертрофированная нѣжность, гипертрофированная утонченность, интимность, вытѣснившія изъ души все простое, крѣпкое и жизненное, подломившіяся отъ собственной тяжести, какъ болѣзненно разросшійся цвѣтокъ на болѣзненно истонченномъ стеблѣ—таковъ характеръ пережитыхъ нами лѣтъ общественнаго безсилія, таковъ характеръ и стиховъ Львовой. Точно не воздухомъ она дышала, а парами опія, приправленными ароматомъ какихъ-то не нашихъ, не русскихъ цвѣтовъ,—порою прекрасныхъ, но всегда раздражающихъ, порождающихъ безсиліе, безволие. Несомнѣнное страданіе и несомнѣнная искренность его передачи и несомнѣнное эстетизированіе и этого страданія, и этой интимной искренности и самой смерти, образъ которой витаетъ надъ всей книгой и надъ авторомъ ея.

Переписка Л. Н. Толстого съ Н. Н. Страховымъ (Толстовскій музей, т. II). Съ предисл. и прим. Б. Л. Модзалевскаго. Изд. Об-ства Толстовскаго музея. СІБ. 1914. Стр. 478. Ц. 2 р. 50 к.

Илья Толстой. Мои воспоминанія. Москва. 1914. Стр. 275. Ц. 1 р. 50 к.

Въ литературѣ толстовскихъ матеріаловъ эти изданія займутъ, конечно, выдающееся мѣсто. Оживленная переписка съ современникомъ, умнымъ, образованнымъ и идеалистически настроеннымъ. воспоминанія сына, умѣло рассказавшаго о роли отца въ его жизни: таковы новые документы о Толстомъ, отъ которыхъ нельзя не ожидать многого.

Эти ожиданія сбываются лишь отчасти. Въ перепискѣ Страхова съ Толстымъ болѣе активнымъ, болѣе продуктивнымъ и болѣе откровеннымъ былъ менѣе значительный писатель, менѣе значительный человекъ, менѣе значительный характеръ; Страховъ интереснѣе Толстого въ этой перепискѣ. Нельзя сказать, чтобы этотъ интересъ дѣлалъ его привлекательнымъ. Что-то жалкое есть въ его покаяніяхъ, въ его откровенно признаваемой половинча-

тости, въ его тоскѣ: было бы пріятнѣе, какъ прежде, чувствовать въ немъ бодрого идейнаго противника, чѣмъ слабого чело­вѣка, растерянно жалующагося на свою слабость и даже не пытающагося найти точку опоры. „Я все тотъ же колеблющійся, отрицательный, неспособный къ твердой вѣрѣ и сильному увлеченію какой-нибудь мыслью... Съ недоумѣніемъ перебираю я всякіе взгляды людей, древніе и новые, съ упорнымъ вниманіемъ ищу, на чемъ бы можно остановиться,—и ничего не нахожу“. Въ другомъ письмѣ онъ говорить: „Я никогда не жилъ какъ слѣдуетъ. Въ эпоху наибольшаго развитія силъ я—не то что жилъ, а поддался жизни, подчинился искушеніямъ; но я такъ измучился, что потомъ навсегда отказался отъ жизни. Что же я *дѣлалъ* собственно, и тогда и потомъ, и что дѣлаю теперь? То, что дѣлаютъ люди отжившіе, старики. Я *берегся*, я старался ничего не искать, а только избѣжать тѣхъ золъ, которыя со всѣхъ сторонъ окружаютъ чело­вѣка. И особенно я берегся нравственно—совѣсть у меня слабая, безпокойная; сдѣлать подлость или несправедливость для меня несносно“. Онъ жалуется на непониманіе: „Мнѣ часто бываетъ очень грустно, когда подумаю, въ какомъ фальшивомъ положеніи я стою. Когда я говорю противъ Дарвина, то думаютъ, что я стою за катехизисъ; когда противъ нигилизма, то считаютъ меня защитникомъ государства и существующаго въ немъ порядка; если говорю противъ вреднаго вліянія Европы, то думаютъ, что я сторонникъ цензуры и всякаго обскурантизма и т. д. О, Боже мой, какъ это тяжело. А что же дѣлать? Иногда приходитъ на мысль, что лучше бы молчать,—и не разъ я молчалъ, чтобы не прибавлять силы тому, чему не слѣдуетъ. *Я изворачиваюсь и изгибаюсь, сколько могу*“. Теперь болѣе чѣмъ когда-либо ясно, почему эта сложность мысли никому не внушала должнаго уваженія: она въ значительной степени исходила изъ слабости характера. Вотъ почему признанія Страхова дѣлаютъ его письма достопримѣчательнымъ чело­вѣческимъ документомъ. Въ литературѣ онъ остался чело­вѣкомъ опредѣленно праваго толка; въ предисловіи къ одной изъ своихъ книгъ онъ жалуется на то, что она испорчена журналистикой; онъ и былъ журналистомъ, бойцомъ, полемистомъ; письма полны сообщеній о его борьбѣ съ Вл. Соловьевымъ, Тимирязевымъ и т. д.; онъ кажется бодрымъ и убѣжденнымъ,—а мы узнаемъ о немъ: „Я служилъ, работалъ, писалъ—все лишь на столько, чтобы не зависѣть отъ другихъ, чтобы не было стыдно передъ товарищами и знакомыми. Во время литературства я помню, какъ я сейчасъ же останавливался, какъ только видѣлъ, что денегъ наработано довольно“. Вотъ онъ хлопочетъ о томъ, чтобы „Крейперова соната“ появилась въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, какъ въ журналѣ, гдѣ онъ участвуетъ, а черезъ два мѣсяца пишетъ: „Я почти ненавижу „Русскій Вѣстникъ“ и „Новое Вре­мя“, а приходится съ ними имѣть дѣло, быть ихъ товарищемъ,

сотрудникомъ и водиться съ ними по-пріятельски“. Вотъ онъ только что издалъ біографію Достоевскаго, полную преклоненія и возвеличенія,—и въ потрясающихъ строкахъ, съ которыми отнынѣ будетъ считаться всякая характеристика Достоевскаго, покаянно рассказываетъ Толстому, что писалъ неправду, не всю правду. „Пусть эта правда погибнетъ, будемъ щеголять одною лицевою стороною жизни, какъ мы это дѣлаемъ вездѣ и во всемъ“. Пріятель и поклонникъ Фета, онъ знаетъ цѣну его міровоззрѣнію. „Послѣ живого ключа, который бьетъ въ Ясной Полянѣ, я попалъ на узкую и глухую тропинку... Сейчасъ у меня былъ длинный разговоръ съ Фетомъ и мнѣ яснѣе прежняго стала удивительная уродливость его умственного настроенія. Ну, можно ли дожить до старости съ этимъ исповѣданіемъ эгоизма, дворянства, распутства, стихотворства и всякаго язычества!.. Въ сущности онъ всѣми силами старается оправдать себя, то есть ту жизнь, которую велъ и до сихъ поръ ведетъ... Я старался объяснить ему, почему онъ не имѣетъ успѣха: „Люди просятъ у васъ хлѣба, а вы даете имъ камень“. И я указалъ ему на Вашъ успѣхъ, который оттого и происходитъ, что вы даете пищу голоднымъ“. А между тѣмъ—какъ вспомнишь, какимъ чемпиономъ чистой поэзіи выступалъ Страховъ. Еслибы онъ публично развивалъ тѣ мысли, которыя тайно раскрывалъ въ письмахъ къ Толстому, насколько яснѣе, устойчивѣе и почетнѣе было бы его положеніе. Толстой любилъ и уважалъ его,—но ощущеніе неравенства еще сильнѣе въ его письмахъ, чѣмъ въ письмахъ всегда смотрящаго на него снизу вверхъ Страхова. Въ каждой строкѣ—хотя бы и очень ласковой—Толстого чувствуется баринъ, для котораго Страховъ былъ всегда только „протоіереевъ сынъ“. Такъ Толстой называлъ людей *головныхъ*, живущихъ только тѣмъ, что даетъ книга. „Начитается и дѣлаетъ изъ прочитаннаго выводы. А *своего собственнаго*, самаго дорогого у него ничего нѣтъ. Есть и среди протоіереевыхъ дѣтей умные люди, какъ напр. Страховъ; онъ былъ даже очень уменъ и, еслибы онъ думалъ о себѣ, онъ былъ бы великъ. а вотъ въ этомъ и было его несчастье, что онъ тоже былъ протоіереевъ сынъ“. Это пренебреженіе, конечно, не только интеллектуальное, но и социальное—и оно подчеркиваетъ еще разъ въ Толстомъ человека своего круга.

Словечко о „протоіереевомъ сынѣ“ сообщено въ книгѣ Ильи Л. Толстого, очень богатой указаніями такого рода. Просто и немногословно сынъ великаго писателя сумѣлъ очень содержательно рассказать то важное, что онъ знаетъ объ отцѣ. Значительнѣе всего здѣсь указанія на положеніе Толстого въ его семьѣ, на роль его въ созданіи ея духа, въ воспитаніи дѣтей и т. д. Это особый духъ, не всегда понятный и не всегда пріятный простымъ смертнымъ. Достаточно напомнить, напримѣръ, что при всей величайшей, такъ сказать, стыдливости Льва Толстого, сдержанности въ

выраженіи чувствъ, которую отмѣчаетъ сынъ, его письма—даже къ своимъ дѣтямъ—полны увѣреній въ любви, его дневникъ лежалъ на его столѣ, всѣмъ доступный, и онъ зналъ, что всѣ его читаютъ, и вынужденъ былъ завести еще одну записную книжку, еще болѣе интимную. Для пониманія *всего* человѣка въ его цѣлокупности необходимы эти мелочи, и И. Л. Толстой собралъ ихъ немало. Хороши также въ его книгѣ сообщенія о литературныхъ друзьяхъ и знакомыхъ его отца, а иногда и цѣлые портреты родственниковъ; особенно удачны характеристики брата писателя Сергѣя и нѣсколькихъ дворовыхъ. Но важнѣе всего въ книгѣ, конечно, тѣ разговоры, которые авторъ ея еще юношей велъ съ отцомъ; среди нихъ есть незабываемыя строки.

Кн. В. Ө. Одоевскій. „Русскія ночи“. Подъ ред. С. А. Цвѣткова. Изд. „Путь“. Москва. 1913. Ц. 2 р.

Какъ трудно будетъ русскому читателю освоиться съ мыслью, что передъ нимъ книга, написанная болѣе семидесяти лѣтъ назадъ. Не только свѣжъ высокій идеалистическій духъ, ее проникающій,—свѣжи многія мысли автора, свѣжи аргументы его. Какая потеря для русскаго общества семьдесятъ лѣтъ отсутствія этой необыкновенно умной, благородной и оригинальной книги!

То, что является дѣйствительно устарѣвшимъ въ „Русскихъ ночахъ“—а такого не мало—устарѣло не столько потому, что мы далеко отошли отъ кн. Одоевскаго, сколько въ силу позиціи, которую онъ въ ней занималъ. Правда, эта позиція характерна не для одного лишь кн. Одоевскаго; онъ съ полнымъ основаніемъ пишетъ въ примѣчаніи (впервые появляющемся въ печати), что „въ „Русскихъ ночахъ“ читатель найдетъ довольно вѣрную картину той умственной дѣятельности, которой предавалась московская молодежь 20-хъ и 30-хъ годовъ“. Такъ что въ извѣстномъ смыслѣ можно говорить именно объ устарѣвшихъ взглядахъ опредѣленной эпохи, отвергнутыхъ движеніемъ времени. Но дѣло-то въ томъ, что не факты, не цифры, не опыты послѣдующаго времени состарили и опровергли взгляды идеалистовъ 20-хъ и 30-хъ годовъ, представленные въ „Русскихъ ночахъ“; они часто базируются на тѣхъ самыхъ фактахъ, которыми потомки ихъ побиваютъ, они только *иначе къ нимъ относятся*, и это всего болѣе характерно для кн. Одоевскаго и его единомышленниковъ. Для этихъ людей идеалы были несравненно реальнѣе фактовъ, факты были безсильны надъ ними: и сущность устарѣлости многихъ положеній Одоевскаго состоитъ не въ борьбѣ новыхъ фактовъ со старыми, а именно въ этой перемѣнѣ оцѣнокъ: для нашего времени факты стали реальнѣе идеаловъ, ибо составляютъ основу послѣднихъ.

То объективное изслѣдованіе жизни или спокойное созерцаніе ея, которое и въ пору Одоевскаго имѣло то самое значеніе, что и теперь, представлялось ему неестественнымъ и оскорбительнымъ

и онъ замѣчаетъ по этому поводу: „я совершенно понимаю Донъ-Кихота, когда онъ съ обнаженнымъ мечемъ бросается на мавровъ кукольнаго театра, и того чудака нашихъ театровъ, который, сидя въ креслахъ, не могъ утерпѣть, чтобы не вмѣшаться въ разговоръ актеровъ“.—и этимъ вмѣшательствамъ въ игру жизни на міровой сценѣ Одоевскій придавалъ громадное значеніе.

Это была чудесная вѣра въ силу и вліяніе человѣческой мысли,—умонастроеніе и міросозерцаніе, діаметрально противоположное историческому матеріализму въ его крайнемъ выраженіи и столь же крайнее въ своихъ заключеніяхъ. „Въ храмѣ философіи—замѣчаетъ Фаустъ, отъ лица котораго въ діалогахъ „Русскихъ ночей“ говоритъ всегда авторъ, — какъ въ вышнемъ судилищѣ, опредѣляются тѣ задачи, которыя въ данную эпоху разрабатываются въ низшихъ слояхъ человѣческой дѣятельности“. Именно эта вѣра въ опредѣляющее значеніе идеи, а не простое невѣдѣніе другихъ факторовъ жизни, обусловила то, что Одоевскій не констатируетъ лишь, но всегда судитъ и нравственнымъ значеніемъ того или иного факта опредѣляетъ самое право его на бытіе. И не по наивности или недоразумѣнію, но съ полнымъ сознаніемъ значенія экономическихъ факторовъ въ человѣческомъ общежитіи Одоевскій вопрошаетъ: „потому только, что Адаму Смиту вздумалось назвать эту продѣлку соревнованіемъ, свободою промышленности—люди не смѣютъ и прикоснуться къ этой святынѣ? О, ложь безстыдная, позорная!“.

И—удивительное дѣло! — какъ ни наивно звучитъ эта тирада, какъ ни страннымъ кажется эта зависимость будто стихійнаго явленія отъ того, какъ его назвалъ Адамъ Смитъ,—жизнь, повидимому, оправдываетъ этотъ наивный идеализмъ и мы непрерывно наблюдаемъ, какъ люди все смѣлѣе прикасаются къ свободному „соревнованію“. Очевидно, не все въ идеализмѣ Одоевского было отъ эпохи,—было въ немъ нѣчто и отъ человѣческой природы, не менѣе стихійной въ своемъ идеализмѣ, какъ и въ своемъ матеріализмѣ. И когда Одоевскій рисуетъ фантастическую картину Бентамовскаго общежитія, построеннаго на принципѣ матеріалистической цѣлесообразности, то читатель вмѣсто того, чтобы пугаться крайностей логическаго матеріализма, измышленнаго Одоевскимъ, умиляется крайностями психологическаго идеализма, съ которымъ авторъ совершенно для себя незамѣтно рисуетъ своихъ страшныхъ послѣдователей „экспериментальнаго направленія“. Существуютъ ли такіе отталкивающіе матеріалисты—еще вопросъ, но такіе, самый матеріализмъ идеализующіе, идеалисты, какъ Одоевскій, несомнѣнно существуютъ, — вотъ заключеніе, которое выносить читатель этихъ страницъ „Русскихъ ночей“ и всей книги въ цѣломъ. И этотъ ароматъ высокаго идеализма столь же очарователенъ и по своему интересенъ, какъ и тѣ мысли Одоевского, которыя доселѣ свѣжи и поучительны.

Вопросы теоріи и психологій творчества. Неперіодич. изданіе, выходящее подъ ред. Б. А. Лезина. Т. V. Харьковъ. 1914. Стр. XVI+563. Ц. 2 р. 50 к.

Сборники Б. А. Лезина пользуются заслуженнымъ успѣхомъ; первые томы „Вопросовъ теоріи и психологій творчества“ потребовали уже повторныхъ изданій; къ печати подготовлены шестой и седьмой томы. Мысль знакомить обширные слои читателей съ идеями, господствующими въ извѣстной научной области, не посредствомъ законченныхъ курсовъ, но при помощи сборниковъ эпизодическихъ статей, трактующихъ основные вопросы данной науки, встрѣчаетъ тѣмъ большее сочувствіе среди читателей, чѣмъ менѣе доступны классики науки. Съ такимъ явленіемъ мы имѣемъ дѣло въ области теоріи словесности; наука, основоположниками которой были Платонъ и Аристотель, переживаетъ въ наши дни кризисъ; она создается на нашихъ глазахъ—и при внѣшнихъ условіяхъ, крайне неблагоприятныхъ. Ея данныя разбѣяны во множествѣ разнообразнѣйшихъ монографій, эстетическихъ, лингвистическихъ, этнографическихъ, историческихъ, критическихъ, философскихъ, психологическихъ; множество ея вопросовъ требуетъ детальнѣйшихъ изученій, къ которымъ едва приступили. Какъ бы символомъ, съ одной стороны, значительности этой науки, увѣнчивающей зданіе разнообразнѣйшихъ литературныхъ изученій, съ другой стороны, ея зародышевого и безобразнаго состоянія является тотъ, едва-ли случайный, фактъ, что теоретическіе курсы Шерера, Веселовскаго и Потебни остались фрагментами за смертью великихъ изслѣдователей. Разобраться въ этихъ фрагментахъ, раскрыть мысли, намѣченные въ нихъ—такова была первоначально задача учениковъ, сгруппировавшихся въ сборникахъ г. Лезина. Въ дальнѣйшемъ его „неперіодическое изданіе“ вышло изъ рамокъ первоначальнаго заданія. Это было естественно, но едва-ли къ выгодѣ сборниковъ. Они потеряли намѣченную въ началѣ стройность и содержаніе ихъ стало неровно; мы встрѣчаемъ въ нихъ статьи, а то и томы, которые не украшаютъ изданіе. И не только по исполненію, но и по темѣ въ сборникахъ начинаешь встрѣчать многое, что совершенно лишаетъ ихъ цѣльности. Въ нихъ вошли уже цѣлые курсы языкознанія и исторіи театра въ западной Европѣ; въ нихъ обещанъ цѣлый томъ подъ заглавіемъ „Къ исторіи литературныхъ направленій въ западной Европѣ XVII—XIX вв.“. Все это можетъ быть очень умѣстно — въ другомъ составѣ; здѣсь же оно говоритъ только о расплывчатости, едва-ли полезной. Не трудно набить сборники разнообразнѣйшимъ матеріаломъ, имѣющимъ какое-либо отношеніе къ дисциплинѣ столь центральной, какъ теорія творчества. Но необходимо знать свои границы, точно опредѣлить свой предметъ, воспитывать своего читателя, чтобы онъ зналъ, чего ждать отъ сборниковъ. Въ идеалѣ сборники—тотъ же курсъ, стремящійся къ законченности, полнотѣ и равновѣсію

частей; а multa, non multum—принципъ, едва-ли достойный тѣхъ, кто собрался подъ знаменемъ Потебни и Веселовскаго—учителей научной сдержанности и строгости.

Менѣе, чѣмъ къ нѣкоторымъ предыдущимъ, относится, пожалуй, этотъ упрекъ къ лежащему предъ нами тому. Содержаніе его живо и разнообразно; редакторъ сумѣлъ найти новыхъ сотрудниковъ, которые развили новыя точки зрѣнія на процессы творчества, еще не представленныя въ сборникахъ. Намъ лично кажется не особенно плодотворнымъ тотъ гносеологическій подходъ къ изученію художественнаго созданія, который защищаютъ въ своихъ статьяхъ гг. Райновъ („Введеніе въ феноменологию творчества“) и С. Франкъ („О сущности художественнаго творчества“): въ планъ ихъ изученія теорія творчества является не столько самоцѣлью, сколько матеріаломъ для самодовлѣющихъ философскихъ построений. Неизмѣримо болѣе интересной для читателя, ставящаго себѣ вопросы о процессахъ творчества, намъ представляется статья проф. И. Лапшина, гдѣ громадное количество мелкихъ фактовъ, извлеченныхъ изъ признаній художниковъ и сообщеній объ ихъ творчествѣ, сведено къ убѣдительнымъ и содержательнымъ обобщеніямъ. Очень цѣнны, конечно, замѣтки А. А. Потебни о мнѣѣ, о Достоевскомъ, о Толстомъ, выбранныя изъ его рукописей. Трудно подчасъ дешифровать эти обрывки мыслей, занесенные на бумагу исключительно для себя, но эта трудность достойно вознаграждается: подлинную радость доставляетъ ясная и сильная аргументація великаго ученаго въ его полемикѣ съ толстовскими нападками на науку и съ выходками Достоевскаго противъ западниковъ-либераловъ. Вторую часть объемистаго тома составляютъ статьи о мнѣѣ (редакторъ напрасно употребляетъ здѣсь модное и ненужное обозначеніе „мнѣотворчество“). Включеніе этого отдѣла въ сборникъ, посвященный вопросамъ поэтического творчества, конечно, вполне уместно: кто уяснилъ себѣ сущность историческаго перехода отъ мнѣа къ поэзіи, тотъ понялъ многое въ существѣ искусства. Намъ казалось бы только, что отдѣлъ о мнѣѣ разработанъ безъ достаточнаго вниманія къ этой сторонѣ вопроса, которая лишь въ интересной статьѣ г. Харціева получила должное освѣщеніе.

Въ виду исполнившагося въ минувшемъ году тридцатипятилѣтія научно-литературной дѣятельности Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго новый томъ „Вопросовъ теоріи и психологіи творчества“ посвященъ заслуженному участнику изданія г. Лезина и открывается статьёй г. Т. Райнова о его теоретическихъ работахъ.

Анри Лихтенберже. Современная Германія. Пер. съ франц. Р. М. Марголиной. Изд. „Брокгаузъ-Ефронъ“ (Современное человѣчество. Библиотека общественнаго знанія подъ общей редакціей І. М. Векермана). СПб. 1914. Стр. XIV + 319. Ц. 1 р. 50 к.

Мысли удрученной и встревоженной Германія нашихъ дней легко кажется какимъ-то разбойничьимъ станомъ невиданныхъ размѣровъ и невиданнаго свойства. Въ этой шайкѣ почти семьдесятъ милліоновъ человѣкъ; организованная для нападенія, она вооружена всѣми мыслимыми средствами истребленія; она имѣетъ въ своей средѣ руководителей не только военныхъ, но и идейныхъ; она сильна не только разбойничьей тактикой, но и разбойничьей психикой; къ ея услугамъ не только артиллерія, но и идеологія. Въ чемъ суть этого страшнаго явленія, самая сложность котораго дѣлаетъ его еще болѣе страшнымъ?

Авторъ лежащей предъ нами книги не даетъ ключа къ загадкѣ, но онъ опредѣленно ставитъ ее и даетъ обширный матеріалъ тому, кто хотѣлъ бы подумать надъ современной Германіей.

Посвященная современности, книга Лихтенберже есть все-таки прежде всего книга историческая. Задавшись цѣлью дать картину социальнаго-экономическихъ, политическихъ, духовныхъ и художественныхъ стремленій Германіи, французскій писатель правильно подошелъ къ своей задачѣ, сосредоточившись по преимуществу на исторіи: и, слѣдя вмѣстѣ съ нимъ за развитіемъ того сложнаго цѣлаго, которое называется современной Германіей, мы начинаемъ понимать эту современность, нынѣ стоящую предъ нами въ наиболѣе обнаженномъ, наиболѣе грозномъ, наиболѣе выразительномъ проявленіи. Лихтенберже прежде всего обращается къ экономической жизни: показываетъ развитіе капитализма, этого основнаго фактора социальнаго жизни Германіи въ минувшемъ вѣкѣ, слѣдя за его вліяніемъ на старыя формы промышленности, на земледѣліе, на социальный строй. Періодъ блистательнаго развитія капиталистическаго хозяйства кажется автору близкимъ къ концу. Онъ видитъ въ современной Германіи признаки перехода „къ менѣе безпорядочному, болѣе организованному, нѣсколько лучше обезпечивающему интересы отдѣльныхъ участниковъ производству... На эту грядущую эру экономической и социальнаго солидарности возлагаютъ нынѣ свои надежды лучшіе умы страны“. Подъ рѣшающимъ вліяніемъ капитализма были рѣшены и двѣ основныя политическія проблемы, остро ставшія предъ Германіей съ начала прошлаго вѣка: проблемы объединенія и освобожденія. Авторъ напоминаетъ извѣстные факты: разлагающее вліяніе Австріи, усиленіе авторитета Пруссіи, либеральныя реформы Штейна и Гарденберга, освободительныя стремленія „Молодой Германіи“, переходъ отъ космополитизма къ націонализму, сперва романтическому, затѣмъ реалистическому, революцію, франкфуртскій парламентъ, появленіе и дѣятельность центральной политической фигуры второй половины вѣка, войны, подготовившія объединеніе и основаніе имперіи. Характеристика ея нынѣшняго политическаго облика дана въ двухъ главахъ, посвященныхъ ея внѣшней и внутренней политикѣ. Во внѣшней имперія является воплощеніемъ тѣхъ идей

мірового господства и культа силы, которыя подготовлены въ современномъ нѣмцѣ всей его новѣйшей исторіей, духовной и матеріальной. „Даже среди социалистовъ чувство международной пролетарской солидарности не умалило націоналистическаго настроенія“. Въ имперіализмѣ интересы индустріи и капитализма сталкиваются съ интересами феодаловъ-аграріевъ — и государство умѣло стало въ положеніе арбитра, смягчая противорѣчія и находя равновѣствующую. Здѣсь есть ничто опредѣляющее и для внутренней политики. Былая борьба отдѣльныхъ государствъ смѣняется въ странѣ господствомъ государственнаго центра; борьба идей смѣняется борьбой классовъ. Авторъ интересно характеризуетъ партіи, служащія выразительницами групповыхъ интересовъ, и показываетъ, какъ возросъ за послѣднія десятилѣтія авторитетъ монархической власти за счетъ авторитета парламента. Недавнія событія, конечно, лишь подтвердили эту печальную мысль. Но капиталистическій и имперіалистическій матеріализмъ, на которомъ строится политическая жизнь современной Германіи, не кажется французскому писателю вѣчнымъ; признаки глубокой переменъ, надвигающейся въ нѣмецкой общественной психикѣ, онъ видитъ въ углубленіи національной культуры, въ стремленіяхъ возвысить внутреннюю жизнь, въ богатой просвѣтительной дѣятельности. Мысль о побѣдѣ школьнаго учителя при Седанѣ остается руководящей мыслью широкихъ слоевъ общества. Рядомъ съ заботой о цѣляхъ національной культуры растетъ вниманіе къ социальнымъ задачамъ общества; правда, правительство Вильгельма II отступило отъ столь шумно возвыщенной нѣкогда социальной программы; но и послѣ краткой эры социальныхъ реформъ вниманіе къ идеямъ рабочаго законодательства растетъ даже въ тѣхъ кругахъ, которые считаются противниками социалъ-демократовъ.

Духовная жизнь современной Германіи, такъ же, какъ политическая, можетъ быть понята лишь въ развитіи — и третья часть книги Лихтенберже посвящена эволюціи религіозной и философской мысли. Отчетливо и общедоступно здѣсь изложено все, что пережила Германія сперва въ романтическомъ, а затѣмъ въ политическомъ возрожденіи католицизма, въ судьбахъ протестантизма, мистическаго въ началѣ вѣка, раціонализованнаго въ его концѣ, въ смѣнѣ элементарнаго матеріализма XVIII вѣка идеалистической философіей, въ переходѣ отъ пессимизма къ ницшеанскому нату-рализму. Книга заканчивается рядомъ главъ, посвященныхъ искусству. Здѣсь — независимо отъ историческаго очерка, заканчивающагося изображеніемъ вагнеровскихъ и современныхъ исканій въ области „синтетическаго искусства“, — особенно интересны указанія на работы нѣмцевъ въ области художественной промышленности и демократизаціи истинныхъ произведеній искусства. Обширное и добросовѣстное изслѣдованіе заключено нѣсколькими общими вы-

водами, оптимизмъ которыхъ вызываетъ въ наши дни печальную усмѣшку. „Мы наблюдаемъ среди нѣмцевъ — говоритъ авторъ — ростъ культа силы. Но при этомъ мы должны однако признать, что это не грубая, тиранническая, произвольная, попирающая безсмысленно, изъ одного каприза, сила, являющаяся отрицаніемъ права. Культъ ихъ имѣетъ своимъ объектомъ силу разумную, разсудительную, законно властвующую въ силу ей одной свойственныхъ качествъ, потому что это не только неизбежно, но полезно, мудро и въ порядкѣ вещей, чтобы сила первенствовала надъ слабостью, чтобы высшая монада подчинила себѣ монаду низшую. Нѣмцы поклоняются Силѣ, которая *въ то же время* есть и право, потому что она — выраженіе истиннаго превосходства, которое по справедливости *требуетъ* признанія и уваженія“. Занятіе Бельгій и Люксембурга есть, вѣроятно, еще не лучший комментарий къ этимъ словамъ. До тѣхъ поръ, пока возможны идеологи такого сорта права и справедливости, нѣсколько забавными кажутся заканчивающія книгу Лихтенберже увѣренія, „что XX вѣкъ будетъ свидѣтелемъ роста и утвержденія новѣйшей религіи всеобщей солидарности и что постепенно мы приблизимся къ идеалу мирнаго сожителства и братства всѣхъ народовъ“.

Но способны ли мы въ эти минуты быть судьями въ предсказаніяхъ такого рода? Не лучше ли воздержаться отъ нихъ — и дѣйствовать, и въ дѣйствиіи учиться?

Уже изъ даннаго нами краткаго обзора содержанія книги Лихтенберже видно, что ее никакъ нельзя назвать полной. Она, напри-
мѣръ, удѣляя рядъ страницъ искусству Вагнера, почти не упоминаетъ о художественной литературѣ и ничего не говоритъ о нѣмецкой прессѣ, столь любопытной уже по своей децентрализаціи. Безконечно важнѣе то, что французскій писатель, изображая жизнь цѣлой страны въ ея характерныхъ проявленіяхъ, какъ бы забылъ о ея бытѣ. Между тѣмъ, какъ невозможно понять Англію, не понявъ любви англичанина къ спорту и путешествіямъ, такъ не поймешь нѣмца внѣ его наклонности къ группировкѣ, къ общественности, къ тому, что подъ именемъ Vereinswesen занимаетъ такое мѣсто въ нѣмецкой жизни. Въ книгѣ Лихтенберже есть Германія, но нѣтъ нѣмца. Это дѣлаетъ ее неполной, но не дѣлаетъ ненужной. Наоборотъ, въ высшей степени цѣнная, какъ картина государственно-соціальной жизни Германіи, она еще и шире своего заглавія и потому чрезвычайно воспитательна. Читатель уже замѣтилъ, какую массу общихъ вопросовъ вынужденъ былъ затронуть французскій писатель, говоря о Германіи. Ни о развитіи религіозной жизни европейскаго человѣчества, ни о соціальномъ его творчествѣ, ни о завоеваніяхъ искусства, ни о научномъ движеніи, оказывается, нельзя умолчать, когда хочешь изобразить жизнь Германіи. Это даетъ представленіе о ея зиждущихъ силахъ и стремленіяхъ, — не только о разрушительныхъ. Въ наши дни, когда

разнузданы демоны разрушенія и Германія является дѣйствительнымъ и центральнымъ борцомъ противъ культуры, трудно помнить объ этихъ зияющихъ ея силахъ. Но надо о нихъ помнить—хотя бы для того, чтобы не уподобиться разрушителямъ библіотеки лувенскаго университета. Книга Лихтенберже даетъ для такого безпристрастнаго познанія цѣнный матеріалъ и руководящія указанія.

L. Villari. Италія. Переводъ съ англійскаго А. Анекштейна. Съ 50 рисунками. Серія „Страны Западной Европы“. Томъ I. Издательство „Образовательныя экскурсіи“. М. 1914. Ц. 1 р. 50 к. Стр. 222.

Прекрасная мысль со стороны новаго книгоиздательства—дать въ своей серіи книги не только по исторіи и по искусству западныхъ странъ, но и по *современной* общественной и культурной жизни. Мы ѣздимъ по заграничнымъ городамъ, ходимъ по музеямъ, главнымъ улицамъ и магазинамъ, смотримъ красивую природу, но какъ рѣдко намъ удается познакомиться съ дѣйствительной жизнью чужихъ странъ, съ психологіей другого народа, съ его политическими симпатіями, основными общественными задачами, культурными навыками различныхъ слоевъ, умственными и моральными исканіями! И особенно Италія страдаетъ отъ такого невниманія къ ея современности. Ея великое прошлое въ могучихъ развалинахъ и въ богатѣйшихъ музеяхъ такъ захватываетъ вниманіе путешественниковъ, что современность уже больше не способна ихъ заинтересовать; про Италію даже такъ часто и говорятъ, что у нея нѣтъ будущности и что ея современность „мѣшается“. Между тѣмъ, какъ разъ для русскаго читателя теперешня „третья“ Италія представляетъ замѣчательно интересную и поучительную картину. Еще только пятьдесятъ лѣтъ назадъ, въ годы передъ своимъ политическимъ объединеніемъ Италія была во многомъ похожа на Россію: большія природныя богатства—и нищее населеніе; огромная пропасть между разными классами; реакціонныя мелкія политическія власти; безграмотность народа, подчиненіе его вліянію духовенства; отсутствіе промышленности и зачатковъ соціального законодательства. Но страна за полвѣка лихорадочно идетъ впередъ и развивается. Конституціонный режимъ и широкое мѣстное самоуправленіе вызвало на поверхность массу свободныхъ культурныхъ силъ и народъ дѣлаетъ гигантскіе шаги по пути къ политическому, культурному и соціальному прогрессу. Въ настоящее время Италія сильно расширяетъ сѣть школъ, успѣшно борется съ папскимъ клерикализмомъ; на сѣверѣ она развила богатую промышленность, умѣло использующую природныя угольныя и водныя богатства, и, содѣйствуя росту кооперации въ земледѣльческомъ трудѣ, достигла большихъ успѣховъ въ обработкѣ земли и въ улучшеніи положенія крестьянства.

Разумѣется, еще многое остается сдѣлать въ смыслѣ внесенія культуры во многія области быта и строя Италіи; еще очень нище и невѣжественно крестьянство, а растущая городская жизнь приноситъ съ собою и обратную сторону европейской культуры—науперизмъ городскихъ массъ и вздорожаніе жизни. Но возрождающаяся страна имѣетъ такъ много моральныхъ и матеріальныхъ ресурсовъ, властный голосъ демократическихъ классовъ имѣетъ въ ея политической жизни такой большой вѣсъ, что несомнѣнно „третьей Италіи“ предстоить еще болѣе счастливая и культурная будущность.

Обо всемъ этомъ повѣствуетъ книга Villari. Повѣствуетъ, къ сожалѣнію, прѣсно и недостаточно ярко. Въ ней нѣтъ неправильныхъ свѣдѣній и она даетъ добросовѣстный матеріалъ; а умѣренно-консервативная точка зрѣнія автора на политическіе вопросы такъ прозрачна и такъ скромна, что политическія главы отнюдь не явятся для читателя тенденціозно сбивающими съ истины. Но въ авторѣ не чувствуется интенсивнаго интереса къ нѣкоторымъ основнымъ и большимъ вопросамъ Италіи; все здѣсь слишкомъ ровно и одинаково по важности: и порядокъ полученія докторской степени въ университетѣ—и кооперативное земледѣліе и коллективныя аренды земли на сѣверѣ Италіи, жалованье итальянскихъ чиновниковъ—и болѣзненный вопросъ о ежегодной массовой эмиграціи десятковъ тысячъ итальянцевъ за океанъ. Книга написана по англійски итальянцемъ, написана, вѣроятно, въ расчетѣ на средняго буржуазнаго туриста. Русское издательство могло бы, можетъ быть, принимая во вниманіе соціальные и культурные запросы интеллигентнаго путешественника, составить болѣе интересную и гораздо болѣе нужную книгу объ Италіи. Можно было бы для этого использовать солидныя нѣмецкія работы Фишера, Гена, многочисленныя журнальныя статьи въ нѣмецкихъ, итальянскихъ и отчасти русскихъ журналахъ объ экономическомъ, земледѣльческомъ и научномъ прогрессѣ Италіи (кстати, о послѣднемъ Виллари не говорятъ ни слова); особенно полезны были бы тѣ книги-обзоры, которые вышли къ 50-лѣтнему празднованію итальянскаго объединенія. Но все же эта книга Виллари (автора не слѣдуетъ смѣшивать съ знаменитымъ итальянскимъ историкомъ) хоть до нѣкоторой степени заполняетъ ту пустоту, которая въ русской литературѣ царитъ по вопросу о современной Италіи, и потому ея переводъ не безполезенъ. Въ ожиданіи болѣе талантливаго, индивидуальнаго и яркаго труда, можно рекомендовать и эту, въ общемъ добросовѣстную книгу.

Современный Римъ. Сборникъ статей Бономи, Галасси, Джиліоли, Марукки, Оливи, Паолони, Помпей, В. Рихтера, Франки, Г. И. Христіана, Шнейдеръ и Г. И. Шрейдера. Съ 16 илл. М. 1914. Ц. 1 р. 75 к. Стр. 188.

Какъ бы въ дополненіе къ только что рецензированной нами

Книгъ о современной Италіи появился совсѣмъ независимо отъ нея коллективный трудъ итальянскихъ и русскихъ публицистовъ, посвященный характеристикѣ современнаго Рима въ политическомъ и общественномъ и археологически-художественномъ отношеніяхъ. Книга вышла подъ редакціей трехъ русскихъ: В. Рихтера, Г. И. Христіана, долготѣннаго римскаго корреспондента „Кіевскихъ Мыслей“, и Г. И. Шрейдера, бывшаго редактора „Сына Отечества“, автора статей объ Италіи въ Словарѣ Граната и разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Рядъ статей, частью написанныхъ самими редакторами, частью заказанныхъ ими представителямъ итальянской публицистики и науки, даютъ характеристику Рима, какъ столицы Италіи, какъ политическаго центра и какъ резиденціи главы католицизма. Другая часть статей посвящена „руинамъ древняго Рима“ (В. Н. Рихтеръ), „памятникамъ средневѣковаго Рима, катакомбамъ и церквамъ“ (Ораціо Марукки и Д. Шнейдеръ-Граціози), „музеямъ и галереямъ“ (Джиліоли), „внѣшнему виду Рима“: фонтанамъ и памятникамъ (Галасси), церквамъ и дворцамъ (Джиліоли). Эта вторая часть книги, написанная со знаніемъ дѣла и добросовѣстно, перечисляетъ все главное, что можно встрѣтить интереснаго въ Римѣ изъ памятниковъ античности, среднихъ вѣковъ и искусства. Но намъ думается, что эту часть можно было значительно сократить: безъ картъ и плановъ города, безъ вспомогательныхъ справочныхъ свѣдѣній (отъ чего составители сознательно отказались) такіе очерки все равно много не даютъ читателю. Лучше и живѣе другихъ составленъ очеркъ Рихтера объ античныхъ остаткахъ въ Римѣ (хотя онъ болѣе другихъ проигрываетъ отъ отсутствія плановъ). Совсѣмъ ненужнымъ въ связи съ задачами книги является очеркъ о катакомбахъ и церквахъ проф. Марукки: онъ не даетъ свѣдѣній о томъ, что можно видѣть изъ катакомбъ и церквей въ современномъ Римѣ, а лишь компилируетъ съ своего собственнаго курса по церковной археологіи общія свѣдѣнія о своей наукѣ. Но конечно, центръ тяжести книги лежитъ не въ этой второй части, а въ очеркахъ общественнаго и политическаго значенія Рима. Въ противоположность упомянутой книгѣ Виллари, книга Римъ проникнута гораздо болѣе горячими общественными интересами и тенденціями; черезъ всю ее проходитъ искренняя демократическая нота и она написана для лицъ, интересующихся вопросомъ демократическаго прогресса въ Римѣ и новой Италіи. Ужъ первая статья Г. И. Шрейдера („Квириналь и Монтечиторіо“ трактуетъ о современномъ состояніи парламентскаго строя и взаимоотношеніяхъ его съ монархической властью и ролью короля. Статьи извѣстнаго социалистическаго депутата Бономи и того же Шрейдера знакомятъ съ положеніемъ и значеніемъ римскаго городского самоуправленія. Въ интересныхъ и со знаніемъ написанныхъ очеркахъ Г. И. Христіанъ и итальянскіе журналисты Оливни и Франки даютъ представленіе о Ватиканѣ, какъ международно-политической силѣ, какъ руководящемъ нервѣ клерикальной политики въ

Италія и въ Римѣ и какъ центръ большой и сложной міровой богословской культуры. Наконецъ, еще двѣ статьи посвящены римской журналистикѣ и театрамъ.

Не смотря на интересность отдѣльныхъ статей, нельзя не сказать, что всего этого для характеристики Рима—мало. Чтобы современный Римъ предсталъ во всей своей многосложной сущности, во всѣхъ своихъ характерныхъ отличіяхъ отъ другихъ столицъ Европы и другихъ городовъ Италіи, надо было бы прибавить еще цѣлый рядъ интересныхъ очерковъ. Авторы воспроизвели намъ главнѣйшія римскія учрежденія: парламентъ, муниципалитетъ, королевское и ватиканское правительства. Но они такъ и остаются въ книгѣ учрежденіями, безъ главнаго, для чего и изъ чего они существуютъ,—безълюдей. Нѣтъ характеристики ни римскаго населенія, ни составляющихъ парламентъ депутатовъ, ни членовъ правительства, ни дѣятелей ватиканскаго дворца; нѣсколько именъ, названныхъ въ книгѣ, остаются пустыми звуками. Читатель не узнаетъ ничего объ особенностяхъ политической психологіи, художественныхъ вкусовъ римскаго населенія и его отдѣльныхъ слоевъ,—и въ этомъ отношеніи слабѣе всего чисто-освѣдомительныя статьи о театрѣ и о прессѣ. Чѣмъ-нибудь вѣдь долженъ быть объясненъ тотъ фактъ, что въ Римѣ (какъ и во всей Италіи) нѣтъ и не можетъ быть постоянныхъ театралныхъ труппъ, что нѣтъ вкуса къ серьезной музыкѣ, что театръ никогда не является въ Римѣ школой и храмомъ, какъ въ сѣверной Европѣ, а только мѣстомъ увеселенія. Статья же о прессѣ далеко не полна и слишкомъ... благодушна. Можно глубоко вѣрить въ политическое настоящее и будущее Италіи, но говорить о „высокомъ уровнѣ“ массы журналистовъ въ повседневной печати—смѣшно. Именно для вѣрящаго въ Италію и ея прогрессъ одной изъ самыхъ серьезныхъ извѣй ея является ея журналистика (о „толстыхъ“ журналахъ мы не говоримъ: среди нихъ есть и серьезные, и талантливые, но, составляемые по образцу французскихъ, они ведутся по большей части совсѣмъ безпартійно и лишены руководящаго политическаго значенія). Безыдейность (за малыми исключеніями), хроникерскій характеръ, любовь къ уличнымъ скандаламъ, колоссальная неосвѣдомленность въ иностранной жизни, въ высшей степени неудовлетворительная постановка корреспондентскаго дѣла и, наконецъ, часто продажность или подчиненіе правительственнымъ и финансовымъ директивамъ—вотъ характеристика римской и общеталіанской прессы: достаточно вспомнить, какъ не идейно и недостойно, подчиняясь директивамъ своего министерства иностранныхъ дѣлъ, даже радикальная пресса Италіи относится къ русскому освободительному движенію, тогда какъ въ частномъ разговорѣ всякій журналистъ вамъ выскажетъ и сочувствіе, и пониманіе задачъ освобожденія Россіи!

Если говорить о томъ, чего недостаетъ въ книгѣ о Римѣ, то

надо пожалѣть о томъ, что нѣтъ обзора экономическаго состоянія положенія рабочихъ и роли социалистической мысли, нѣтъ живого очерка промышленной, торговой и культурной дѣятельности населенія. Именно этимъ городъ такъ сильно отличается отъ всѣхъ другихъ столицъ міра! Вѣдь крайне любопытно, что Римъ, возродившись къ новой жизни, все же болѣе похожъ на античный Римъ, чѣмъ на столицу новѣйшаго времени. Въ древнемъ Римѣ-городѣ почти не было промышленности; большія производства и промышленныя предпріятія были въ восточныхъ провинціяхъ Рима—въ Александріи, въ Греціи, отчасти на югѣ Италіи, а въ Римъ все только привозилось; хлѣба своего Римъ не имѣлъ и питался своими знаменитыми африканскими житницами—Египтомъ и Ливіей. И развѣ не то же самое наблюдается сейчасъ? Вся промышленность Италіи сосредоточивается въ фабричныхъ районахъ сѣвера (Милана) и юга (Неаполя), и дивныя чистыя линіи горизонта на окраинахъ Рима не показываютъ вовсе фабричныхъ трубъ. Римъ центръ потребляющей, но не производящей; по прежнему къ нему подвозятъ хлѣбъ изъ провинцій, съ сѣвера и изъ Сициліи. А кругомъ Рима разстилается Кампанья, огромные пустыри заболоченной и заброшенной еще со временъ упадка Римской имперіи земли, и лишь постепенно и съ огромными усиліями теперешнее римское правительство работаетъ надъ меліорацией и заселеніемъ этихъ мѣстъ, осторожно и боязливо борясь съ ихъ владѣльцами, потомками средневѣковыхъ феодаловъ, сдающими ихъ на средневѣковыхъ условіяхъ нищимъ арендаторамъ-поселянамъ.

Наша рецензія затянулась—но хочется еще сказать два слова по существу интересной статьи Г. И. Шрейдера о политическомъ строѣ Италіи. Основная мысль ея (высказывавшаяся и прежде Г. И. Шрейдеромъ), будто королевская власть въ Италіи дѣйствуетъ разлагающе на парламентскую жизнь страны, намъ кажется неправильной или, по меньшей мѣрѣ, недоказанной. Для кризиса парламентаризма въ Италіи есть другія, болѣе сложныя причины. Въ настоящее время монархическая власть съ свободной итальянской конституціей и съ строго-конституціоннымъ поведеніемъ короля сведена почти до такого же минимума, какъ въ Англіи, и не надо забывать, что сейчасъ въ итальянской политической жизни самъ Квириналъ и его политика есть факторъ производный, а не первичный и опредѣляющій. И Триполитанская война, которую авторъ склоненъ какъ будто признавать династической, какъ разъ служить тому доказательствомъ: всѣмъ въ Италіи извѣстно, что король былъ противъ войны, и даже въ этомъ онъ долженъ, былъ подчиниться министерству! Слишкомъ мало авторъ обращаетъ вниманіе на язвы самаго парламентскаго строя въ Италіи, напр., на неправильные выборы, давленіе на нихъ правительства черезъ провинціальныя власти, на слишкомъ большую зависимость депутата отъ его избирательнаго округа, нежеланіе многихъ депутатовъ работать въ парламентѣ. И самая административная цент-

рализация, слишкомъ большая зависимость провинціальныхъ префектовъ отъ римской, центральной власти (на этомъ, главнымъ образомъ, и основывается всеміліе министерства въ странѣ)—вѣдь тоже не связана непременно съ монархическимъ режимомъ: эта система есть сколокъ съ административной системы республиканской Франціи, и съ другой стороны есть конституціонныя монархіи, какъ, напр., англійская, гдѣ управленіе провинціями гораздо болѣе самостоятельно и децентрализовано.

Если мы остановились на недостаткахъ книги или на возраженіяхъ ея авторамъ, — то вовсе не для того, чтобы считать ее бесполезной. Мы вполне учитываемъ трудность составленія такого труда, и, во всякомъ случаѣ, то, что дано, будетъ интересно читателю.

Въ заключеніе два слова о мелкихъ ошибкахъ. По недосмотру редакторовъ въ статьѣ Марукки допущено католически-догматическое утвержденіе, будто проповѣдь христіанства начата въ Римѣ апостоломъ Петромъ (123) Точно также курьезно утвержденіе, Франки, будто польская духовная коллегія въ Римѣ (кстати, переводчикъ итальянскихъ статей все время говоритъ почему-то „колледжъ“) является „послѣднимъ барьеромъ католицизма въ несчастномъ царствѣ Собѣскаго и Понятовскаго“ (стр. 73). Далѣе, слишкомъ преувеличены строгости Ватиканской бібліотеки (стр. 73): наоборотъ, отношеніе къ ученымъ тамъ довольно либерально. Въ статьѣ о катакомбахъ латинское слово „аренарій“ неправильно объясняется редакторомъ, какъ каменоломня (130), тогда какъ это яма для добыванія песку. Наконецъ, переводчики допустили нѣсколько ошибокъ въ переводѣ собственныхъ именъ: вмѣсто словъ: монсиньоръ Душезнь (72), Гебхардъ (43), Урзицино (125), Эвзебій (135), аббатъ Дидье (143), народъ „ерницы“ (150), скульпторъ Скопа (152 и 154), Санъ-Джироламо (164, 165, 166, 168), слѣдуетъ читать: Дюшенъ, Жебаръ, Урзицинъ, Евсевій, Дезидерій, Герники, Скопасъ или Скопадъ, св. Иеронимъ. Вмѣсто „эпиграфы“ (159 и др.) въ археологіи говорятъ „надписи“.

А. В. Амфитеатровъ 1812 годъ. Очерки изъ исторіи русскаго патріотизма. Спб. Стр. 334. Ц. 1 р. 50 к.

Въ своихъ „Очеркахъ изъ исторіи русскаго патріотизма“ г. Амфитеатровъ пытается дать своего рода историческій комментарий къ „Войнѣ и миру“ Льва Толстого, комментарий, имѣющій цѣлью доказать, что „1812 годъ остался въ гениальной картинѣ Толстого все-таки недописаннымъ, а самая картина поэтому—способною старѣть и, по мѣрѣ хода всеоткрывающаго времени, блѣднѣть изъ чуть не абсолютныхъ внушеній художественной интуиціи въ условность, иногда уже распатанную или даже отжившую“ (11). Извѣстная доля истины въ такомъ утвержденіи, несомнѣнно, имѣется, но г. Амфитеатровъ, съ одной стороны, изрядно преуве-

личиваетъ ее, а, съ другой, нерѣдко прибѣгаетъ къ такимъ способамъ доказательства, которые являются далеко не особенно убѣдительными. Читатель найдетъ въ книгѣ г. Амфитеатрова большое количество любопытныхъ эпизодовъ, заимствованныхъ авторомъ изъ исторической литературы о 1812 годѣ—главнымъ образомъ, изъ литературы мемуарной—и болѣе или менѣе ярко обрисовывающихъ изнанку того патріотическаго энтузіазма, представленіе о которомъ до сихъ поръ обычно связывается съ воспоминаніемъ объ Отечественной войнѣ. По мысли автора, эти эпизоды, сопровождаемые его комментаріями, должны вскрыть и восполнить собою тѣ пробѣлы въ изображеніи 1812 года, какіе были допущены Толстымъ. Нельзя сказать однако, чтобы эта цѣль была вполне достигнута авторомъ. Начать съ того, что г. Амфитеатровъ не особенно тщательно разбирается въ тѣхъ источникахъ, на свидѣтельства которыхъ онъ опирается въ своемъ изложеніи. Наряду съ болѣе или менѣе достовѣрными источниками онъ широко пользуется и такими, показанія которыхъ вызываютъ серьезныя сомнѣнія. Благодаря этому, нѣкоторые его утвержденія являются далеко не такъ прочно обоснованными, какъ это могло бы показаться на первый взглядъ, и его изложеніе нерѣдко принимаетъ характеръ скорѣе публицистическаго трактата, чѣмъ историческаго повѣствованія, притомъ трактата, далеко не свободнаго отъ неточностей и преувеличеній. Съ другой стороны, преувеличенія, и подчасъ очень серьезныя, встрѣчаются у г. Амфитеатрова и тогда, когда онъ формулируетъ и передаетъ взгляды Толстого на событія двѣнадцатаго года. Толстой говоритъ, напримѣръ, что во время преслѣдованія отступающей арміи Наполеона русскимъ войскомъ въ послѣднемъ, не смотря на всѣ переносившіяся имъ лишенія, не замѣчалось унынія и печали. „Это происходило—прибавляетъ онъ—отъ того, что каждый день выбрасывалось изъ войска все то, что начинало унывать или слабѣть. Все, что было физически и нравственно слабого, давно уже осталось назади: оставался одинъ цвѣтъ войска—по силѣ духа и тѣла“. Приведенныя слова даютъ г. Амфитеатрову поводъ разразиться горячей тирадой по адресу Толстого. „Эта теорія ободренія арміи чрезъ вымираніе въ ней слабыхъ элементовъ,—воскликаетъ онъ—этотъ военный подборъ „цвѣта войска“, съ растоптаніемъ отброса, какъ нельзя болѣе напоминаетъ пресловутую фразу старинной анархіи о жертвѣ на благо человечества „ста милліоновъ головъ“. Достоевскій назвалъ бы эту военную теорію армейскою „шигалевщиною“ („Вѣсы“)—и былъ бы совершенно правъ“ (132). Надо ли однако доказывать, что никакой подобной „теоріи“ Толстой въ данномъ случаѣ не высказывалъ и что г. Амфитеатровъ совершенно напрасно тратитъ свой пылъ и силы на ея опроверженіе и столь же напрасно привлекаетъ себя на помощь Достоевскаго?

Шагъ за шагомъ подобныя преувеличенія уводятъ г. Амфитеатрова очень далеко. И онъ находитъ возможнымъ утверждать,

что въ „Войнѣ и мирѣ“ Толстой не только не охватилъ съ достаточной полнотой быть русскихъ крестьянъ и солдатъ Александровской эпохи, но и изобразилъ въ фальшивыхъ краскахъ офицерство этой поры. За ничтожными исключеніями „типы толстовскаго офицерства александровыхъ армій—утверждаетъ г. Амфитеатровъ—должно считать безусловно положительными“ (139). Толстой „не только закрылъ глаза на истинное положеніе и характеръ Александрова офицерства,—онъ, силою волшебной художественной лжи, заставилъ общество перемѣнить то отрицательное типическое о немъ представленіе, которое крѣпко вкоренилось благодаря литературы прадѣдовъ и дѣдовъ нашихъ. Толстой побѣдилъ Грибоѣдова. Николай Ростовъ искупилъ Скалозуба“ (141). Сводя изображеніе офицерства Александровской эпохи у Толстого почти исключительно къ фигурѣ Николая Ростова, г. Амфитеатровъ рѣшительно заявляетъ, что „Толстой сдѣлалъ какъ разъ все, чтобы многолѣтнія улыбки, сарказмы, смѣхи и каррикатуры отошли на задній планъ, чтобы наша себѣ пониманіе, а, слѣдовательно, и извиненіе, та узкая александровская армейщина, изъ которой выросла и зажала Россію въ кулакъ служилая николаевская дворянщина „70.000 полиціймейстеровъ“. И нельзя не признать,—прибавляетъ г. Амфитеатровъ—что эта неблагодарная по существу задача ему до извѣстной степени удалась“. Толстой „сумѣлъ художественнымъ обманомъ придать очарованіе реакціонному классу, ранѣ преданному литературою и обществомъ презрѣнію и посмѣшищу“ (218—219).

Эта неумѣренная и слишкомъ часто несправедливая критика Толстого сильно портитъ книгу г. Амфитеатрова. Въ послѣдней есть, правда, и другіе серьезные недостатки, въ томъ числѣ такіе, которые общи ей почти со всѣми писаніями г. Амфитеатрова. Бойкое по внѣшности, его изложеніе лишено внутренней стройности и страдаетъ чрезмѣрнымъ многословіемъ, соединеннымъ съ постоянными уклоненіями въ сторону, а подчасъ и значительными противорѣчіями. Къ этому надо прибавить, что и начитанность г. Амфитеатрова въ исторической литературѣ не чрезчуръ велика и порою онъ проговаривается такими утвержденіями, отъ которыхъ ему пришлось бы отказаться при нѣсколько большемъ знакомствѣ съ современной исторической литературой, посвященной Александровской эпохѣ. Достаточно сказать, напримѣръ, что г. Амфитеатровъ изображаетъ Александра I въ первую половину его царствованія человекомъ, который „не только раздѣлялъ и поощрялъ, а непосредственно и властно проводилъ въ жизнь“ политическіе взгляды, усвоенные позднѣ декабристами (300). При всемъ томъ собранный г. Амфитеатровымъ въ его книгѣ матеріалъ представляетъ несомнѣнный интересъ для лицъ, мало знакомыхъ съ относящейся къ 1812 году мемуарной литературой, и его интересъ былъ бы еще больше, еслибы авторъ книги не приурочивалъ такъ настойчиво этотъ матеріалъ къ критикѣ Толстовскаго романа.

Записки графа Е. Θ. Комаровскаго. (Библіотека мемуаровъ издательства „Огни“). Редакція П. Е. Щеголева. Вступительная замѣтка Е. А. Ляцкого. Спб. 1914. Стр. XI+278. Ц. 2 р. 25 к.

Записки Е. Θ. Комаровскаго представляютъ собою любопытный, хотя и не особенно богатый содержаніемъ, памятникъ исторіи четырехъ царствованій — Екатерины II, Павла Петровича, Александра I и Николая I. Авторъ этихъ записокъ, сынъ небогатаго и незнатнаго дворянина Комаровскаго, сдѣлалъ въ свое время блестящую по понятіямъ вѣка карьеру. Записанный родными по обычаю Екатерининской эпохи съ дѣтскихъ лѣтъ въ Измайловскій полкъ, онъ началъ свою дѣйствительную службу съ того, что въ 1787 г. „назначенъ былъ находиться при графѣ Безбородкѣ для курьерскихъ посылокъ въ чужіе края“. Благодаря такимъ посылкамъ, онъ сталъ извѣстенъ при дворѣ и, въ частности, сумѣлъ пріобрѣсти расположеніе великихъ князей Александра и Константина. Съ воцареніемъ Павла Комаровскій былъ назначенъ адъютантомъ в. кн. Константина и въ этой должности очень скоро дослужился до генераль-маіорскаго чина. Подъ конецъ Павловскаго царствованія онъ испыталъ, правда, нѣкоторую опалу, былъ смѣщенъ съ своей должности при великомъ князѣ и назначенъ комендантомъ Каменецъ-Подольска. Но съ восшествіемъ на престолъ Александра Комаровскій вернулся въ Петербургъ, сумѣлъ добиться назначенія генераль-адъютантомъ при новомъ императорѣ и затѣмъ, пользуясь неизмѣннымъ расположеніемъ послѣдняго, занималъ втеченіе его царствованія рядъ видныхъ должностей, главнымъ образомъ по полицейской части. Въ 1803 г., благодаря гостившему въ Петербургѣ эрцгерцогу Іосифу, состоятъ при которомъ назначенъ былъ Комаровскій, онъ получилъ отъ австрійскаго императора графскій титулъ. При воцареніи Николая Павловича Комаровскій принималъ нѣкоторое участіе въ усмиреніи мятежа декабристовъ и затѣмъ въ судѣ надъ ними. Въ 1828 г. онъ былъ назначенъ сенаторомъ, но уже въ слѣдующемъ году взялъ по болѣзни отпускъ и поселился во взятомъ за женою имѣніи, гдѣ и провелъ остатокъ жизни. Свидѣтель четырехъ царствованій, втеченіе долгаго времени довольно близко стоявшій къ русскому императорскому двору и имѣвшій возможность встрѣчаться съ рядомъ видныхъ дѣятелей, Комаровскій самъ однако не принималъ сколько-нибудь замѣтнаго участія въ крупныхъ событіяхъ своей эпохи; не участвовалъ онъ даже и въ Отечественной войнѣ, какъ и въ кампаніяхъ 1813—14 гг., будучи въ это время занятъ, по порученію императора, сборомъ лошадей для арміи сперва въ юго-западныхъ, а затѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Это наложило вполнѣ опредѣленный отпечатокъ и на записки Комаровскаго, въ которыхъ онъ рассказываетъ свою жизнь. Въ нихъ разсыпано немало любопытныхъ штриховъ, обрисовывающихъ жизнь русскаго двора въ концѣ XVIII-го и въ началѣ XIX-го столѣтія, въ нихъ встрѣчаются и

небезынтересныя черты бытовой исторіи болѣе широкихъ круговъ русскаго общества этой эпохи, но того и другого въ нихъ не такъ ужъ много, а подробно разсказанная въ нихъ жизнь автора записокъ не представляетъ особенно большого интереса. Не являются въ сущности эти записки и новостью въ исторической литературѣ. Отдѣльныя главы изъ нихъ были напечатаны еще въ 1867 и 1877 гг. въ сборникѣ „XVIII вѣкъ“ и въ журналѣ „Русскій Архивъ“, а въ 1897 г. „Историческій Вѣстникъ“ помѣстилъ на своихъ страницахъ записки Комаровскаго въ полномъ видѣ. Но все же любители историческихъ мемуаровъ будутъ, надо думать, довольны появленіемъ этихъ записокъ въ отдѣльномъ изданіи.

„Записка о ритуальныхъ убійствахъ“ (приписываемая В. И. Далю) и ея источники. СПб. 1914. Стр. 65. Ц. 40 к.

Такъ недавно появилась эта книжка — и такой далекой можетъ она показаться сейчасъ отъ современной русской жизни. Всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ правыя газеты одна передъ другою упражнялись въ кровавыхъ навѣтахъ на евреевъ, наперерывъ измышляя легенды о ритуальныхъ убійствахъ евреями христіанскихъ дѣтей. Сейчасъ на столбцахъ тѣхъ же самыхъ органовъ печатаются призывы къ прекращенію національной розни, къ признанію евреевъ гражданами Россіи. Даже Пуришкевичъ признается, что онъ „ошибался“ въ еврейхъ, и торжественно заявляетъ, что въ настоящее время онъ считаетъ нежелательнымъ возбужденіе національной вражды. А нѣкоторые прогрессивные дѣятели въ свою очередь, готовы, повидимому, признать, что они „ошибались“ въ Пуришкевичѣ, и охотножимаютъ руку, запятнанную „темными деньгами“ и усердно строчившую доносы. Быть можетъ, мы дѣйствительно, присутствуемъ при полномъ забвеніи старыхъ недоразумѣній и при началѣ новой эры — мирнаго сожительства народностей, населяющихъ Россію? Быть можетъ, въ частности, немислимы и опасенія, что въ русской жизни и въ русской печати вновь воскреснетъ кровавый навѣтъ на евреевъ, особенно въ ближайшемъ будущемъ? Мы съ своей стороны не рѣшились бы отвѣтить положительно на эти вопросы, даже на послѣдній изъ нихъ. Въ патріотическихъ рѣчахъ текущаго момента слишкомъ явственно звучатъ ноты воинствующаго націонализма, для того, чтобы можно было думать, что это теченіе именно въ настоящую минуту исчезаетъ изъ русской жизни. Оно, правда, нѣсколько измѣнило свою форму, оно направлено сейчасъ главнымъ образомъ противъ одной національности, но при измѣнившихся обстоятельствахъ оно можетъ и вновь проявиться въ прежнихъ формахъ. И тогда, пожалуй, опять понадобится даже защита евреевъ отъ кроваваго навѣта и получить весь свой смыслъ та книжка, о которой у насъ сейчасъ идетъ рѣчь.

Эта книжка, написанная тремя авторами, Ю. Гессеномъ, М. Вишницеромъ и А. Карлинымъ, посвящена разбору составленнаго въ прошломъ столѣтіи однимъ изъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ „Розысканіа о убіеніи евреями христіанскихъ младенцевъ и употребленіи крови ихъ“, впервые изданнаго въ 1844 г. и приписываемаго В. И. Далю. Большой знатокъ русскаго языка, Даль вовсе не былъ какимъ-либо авторитетомъ въ сферѣ вопросовъ еврейскаго быта и религіи и, если даже дѣйствительно онъ написалъ названное „Розысканіе“, оно нисколько не выигрываетъ отъ этого въ своей авторитетности. Но людямъ, повторяющимъ кровавый навѣтъ, важно уцѣпиться за популярное въ широкой публикѣ имя и, такъ какъ у Даля такая популярность есть, то тщательный разборъ „Розысканія“ получаетъ особенное значеніе. Этимъ соображеніемъ, очевидно, и руководились авторы настоящей книжки. Въ первой главѣ ея г. Гессенъ разсматриваетъ наиболѣе раннія литературныя произведенія о совершаемыхъ евреями ритуальныхъ убійствахъ, появившіяся въ Россіи, равно какъ первые имѣвшіе въ ней мѣсто „ритуальные“ процессы, указываетъ способъ пользованія тѣмъ и другимъ матеріаломъ со стороны автора „Розысканія“ и высказываетъ нѣкоторые соображенія на счетъ личности этого автора, заставляющія думать, что имъ былъ не Даль. Во второй главѣ, написанной г. Вишницеромъ, дается разборъ отдѣльныхъ случаевъ мнимыхъ „ритуальныхъ убійствъ“ въ Польшѣ и въ Западной Европѣ, а также содержащихъ въ себѣ кровавый навѣтъ на евреевъ польскихъ книгъ, о которыхъ говорится въ „Розысканіи“. Наконецъ, третья глава принадлежащая г. Карлину, заключаетъ въ себѣ указанія ложныхъ ссылокъ „Розысканія“ на еврейскіе источники и разборъ тѣхъ еврейскихъ текстовъ, которые приводятся въ „Розысканіи“ въ искаженномъ видѣ. Читатель, который дастъ себѣ трудъ ознакомиться съ этой коллективной работой, легко убѣдится изъ нея въ крайнемъ невѣжествѣ автора пресловутаго „Розысканія“ и въ полной невозможности говорить о послѣднемъ, какъ о сколько-нибудь серьезномъ трудѣ. Людей, не желающихъ быть убѣжденными и остающихся слѣпыми просто потому, что они не хотятъ видѣть, конечно, нельзя убѣдить. Но для людей, добросовѣстно придающихъ извѣстное значеніе такимъ трудамъ, какъ приписываемое Далю „Розысканіе“, книжка гг. Гессена, Вишницера и Карлина можетъ принести свою долю пользы, вскрывая истинный характеръ такихъ „трудовъ“, являющихся орудіемъ челоуѣконенавистничества и національной розни въ наиболѣе грубыхъ ихъ проявленіяхъ.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

Значащіяся въ этомъ списокѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала не продаются, Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя комиссіи по приобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ.

Комиссія по организаціи домашняго чтенія, состоящая при Учебномъ Отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній. Программы для самообразования (Курсъ высшей школы). Науки математическія и физико-химическія. Ц. 50 к. М. 914.

И. А. Поплавскій. О вліяніи жилищъ на заболѣваемость и смертность рабочихъ. Опытъ статистическаго изслѣдованія. Ц. 30 к. М. 914.

Изд. В. Яковенко. В. В. Лункевичъ. Одна изъ мировыхъ загадокъ. Жизнь и Клѣтка. Ц. 1 р. 50 к. СПб. 914.

Библиотека мемуаровъ „Огни“. Записки гр. Е. О. Комаровскаго. Ц. 2 р. 25 к. СПб. 914.

Суть бытія (фантазія). Поэма въ стихахъ К. К. Дѣденко. Вып. I. Ц. 50 к. Кременецъ. 914.

Изд. т-ва И. Д. Сытина. Библиотека „Тропинки“ подъ редакціей П. Соловьевой и Н. Манасиной. А. Вережниковъ. Всѣмъ солнышко свѣтитъ. Разказы. Ц. 75 к., въ папкѣ 90 к. М. 914.

Berner. Studien zur Philosophie und ihrer Geschichte. Band LXXV. Dr. I. Rosenfeld. Die doppelte Wahrheit mit besonderer Rücksicht auf Leibniz und Hume. Bern. 913.

Das Leben Theodor Herzes von Adolf Friedemann. Jüdischer Verlag. Berlin. 914.

Изд. т-ва Сытина. М. 914.—А. Вережниковъ. Всѣмъ солнышко свѣтитъ. Разказы. Ц. 75 к.—Г. Штекманъ. Ариѳметическій задачникъ. В. в. VII и VIII. Ц. 35 к.—Его-же. Методика ариѳметики. Ч. III. Ц. 1 р. 60 к.

Изд. журнала „Обновленіе Школы“. Петроградъ 914.—Отто Липманъ. Очеркъ психологіи для педагоговъ. Ц. 45 к.—Ц. Балталонъ. Хрестоматическая система и новые методы. Ц. 35 к.—Н. Е. Румянцевъ. Проблема полового воспитанія съ психологической точки зрѣнія. Ц. 30 к.

Изд. „Прометей“. П. 914.—Юр. Юркунъ. Шведскія перчатки. Ц. 1 р. 25 к.—М. Буше. Четвертое измѣреніе. Ц. 1 р. 50 к.—Ал. Амфитеатровъ. Законный грѣхъ. Романъ. Ц. 2 р. Рони-Старшій. Борьба за огонь. Ц. 1 р. 25 к.—Ю. Муром-

скій. Пустыя души. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.—М. Кузьминъ. Покойница въ домѣ. Четвертая книга разказовъ. Ц. 1 р. 25 к.—Проф. А. Дастръ. Жизнь и смерть. Ч. II. Ц. 1 р. 25 к. I. А. Шапиро. Руководство по всѣмъ отраслямъ коопераціи. Ц. 1 р. 25 к.—Д. Н. Овсяннико-Куликовскій. М. Ю. Лермонтовъ. Ц. 90 к.

М. А. Іевлевъ. Къ млечному пути. Стихи и поэмы. П. Ц. 1 р.

Г. Шенгели. Розы съ кладбища (поэмы). Керчь. 914. Ц. 25 к.

Ант. Сорокинъ. Стоны послѣдніе. Омскъ. 914.

Н. Бобыревъ. Алтарь. Стих. Харьковъ. 914. Ц. 1 р.

Вас. Чураевъ. Душегубка. Д-ра ма. Ирк. 914. Ц. 60 к.

Ол. Пантюховъ. Бой-скоуты. П. 914.

Эр. Гоберъ. Въ чужомъ пиру. Романъ. П. 914. Ц. 1 р. 25 к.

Пятницкій В. Тематическій разборъ оперы-былины „Садко“ Н. А. Римскаго-Корсакова. П. 914. Ц. 60 к.

Ода Аккермана мечтательнаго въ честь Бальмонта блистательнаго. Тифлисъ. 914. Ц. 15 к.

Проф. Богдановъ Е. А. Менделизмъ или теорія скрещиванія. М. 914. Ц. 4 р. 75 к.

Борисъ Личковъ. Границы познанія въ естественныхъ наукахъ. Кіевъ. 914. Ц. 1 р. 25 к.

Franz Oppenheimer. L'Economie pure et l'Economie politique. 2 v. Prix. 20 fr. Paris.

R. Anspitz et R. Lieben. Recherches sur la theorie du prix 2 v. Prix 15 fr. Paris.

R. Liefmann. Cartello et trusts. Prix. 5 fr. Paris.

Б. Д. Бѣликовъ. Женщина въ промышленной инспекціи Запада. Тверь. 914. Ц. 75 к.

И. Е. Адауровъ. Основы кредитоспособности, способы ея опредѣленія и провѣрки. П. 914. Ц. 1 р.

Н. И. Тезяковъ. О распространѣніи дифтеритныхъ эпидемій въ Россіи за 25 л. съ 1886 по 1910. М. 914.

П. Дворниковъ и С. Соколовъ. Географическій сборникъ. М. Ц. 45 к.

Феликсъ Вадимовичъ Волховскій.

3-го августа н. с. (23 іюля) въ Лондонѣ, на 69-мъ году жизни, среди невѣроятнаго возбужденія, поднятаго надвигавшейся войной, умеръ одинъ изъ самыхъ старыхъ и замѣчательныхъ представителей русскаго боевого народничества, Ф. В. Волховскій. Лишь вслѣдствіе міровыхъ событій, поглощавшихъ все вниманіе и общественныхъ дѣятелей, и широкой публики, эта смерть прошла сравнительно мало замѣченной, такъ какъ покойный пользовался значительной популярностью не только среди русскихъ социалистическихъ, но и среди англійскихъ передовыхъ круговъ.

Вся жизнь Волховскаго была отдана на служеніе народу, свободѣ и социализму, и его дѣятельность не могли ослабить ни безконечныя преслѣдованія стараго русскаго режима, ни хрупкое здоровье, расшатанное продолжительной тюрьмой и ссылкой, ни рядъ лишеній, связанныхъ съ тяжелымъ эмигрантскимъ существованіемъ. Его имя впервые встрѣчается въ славной летописи русскаго движенія въ 1868 г., когда ему было всего 22 года (онъ родился въ 1846 г., въ дворянской малорусской семьѣ). вмѣстѣ съ Г. А. Лопатинымъ онъ былъ арестованъ за составленіе „Рублеваго Общества“, имѣвшаго цѣлью распространеніе по дешевой цѣнѣ хорошихъ изданій среди крестьянства и рабочихъ. Съ тѣхъ поръ начинается его тюремная и изгнанныческая одиссея.

Едва выпущенный по первому дѣлу, онъ снова арестовывается въ 1869 г., проводитъ болѣе двухъ лѣтъ въ тюрьмѣ и Петропавловской крѣпости среди обстановки, нанесшей первый ударъ его некрѣпкому, хотя и живучему организму, и въ 1871 г. появляется въ качествѣ „нечаевца“ на скамьѣ подсудимыхъ. Петербургская судебная палата оправдываетъ его. На свободѣ онъ съ новой энергіей принимается за пропаганду излюбленныхъ идей. Рано приобрѣтенныя имъ знанія по социальнымъ вопросамъ, его умѣнье живо и хорошо говорить, литературный и стихотворный талантъ подернутый легкой грустью и неподдѣльнымъ украинскимъ юморомъ, скоро сдѣлали его центромъ одесскихъ кружковъ, занимавшихся распространеніемъ народническаго міровоззрѣнія среди интеллигенціи и особенно рабочихъ.

Въ 1874 г. его снова забираютъ, отправляютъ въ московскую тюрьму, откуда онъ пытается неудачно бѣжать, а затѣмъ въ Петропавловскую крѣпость. Сырые казематы ея, гдѣ онъ проводитъ болѣе пяти лѣтъ, окончательно надламываютъ его здоровье, навсегда портятъ ему слухъ, серебрить его волосы ранней сѣдиной. И пока между нимъ и широкимъ вольнымъ міромъ, міромъ борьбы и идейной работы друзей, стоятъ неумолимой преградой тол-

стыя стѣны Петропавловки, умираетъ его любимая жена, а за ней и ребенокъ. За горячую рѣчь на „большомъ процессѣ“ онъ удаляется съ первой группой протестантовъ изъ залы суда (въ 1877 г.). Приговоромъ ему была назначена ссылка на житье въ Тобольскую губернію съ лишеніемъ правъ и преимуществъ.

Въ Сибири изгнанникъ продолжаетъ, насколько то возможно въ иныхъ, нерѣдко тяжелыхъ условіяхъ, свою неустанную дѣятельность. Его колючіе фельетоны въ „Сибирской Газетѣ“, его рѣчи по поводу разныхъ общественныхъ событій на маленькихъ импровизированныхъ собраніяхъ тѣхъ лѣтъ создаютъ ему многочисленныхъ враговъ среди кулаковъ и мѣстныхъ администраторовъ. Его преслѣдуютъ попечители учебныхъ округовъ и архіереи. Ему приходится перебираться изъ города въ городъ, все восточнѣй и восточнѣй, изъ Томска въ Иркутскъ, изъ Иркутска въ Читу, Троицкосавскъ, пока, наконецъ, онъ не рѣшаетъ бѣжать, и черезъ Японію и Сѣверную Америку направляется въ 1890 г. въ Лондонъ, оттуда—временно—въ Парижъ, на свиданіе къ Лаврову.

Здѣсь мнѣ пришлось впервые увидѣть этого уже пожилого на видъ, сухоощаваго, живого, не лишеннаго своеобразнаго изящества человѣка, искренность котораго невольно привлекала всѣхъ, кто съ нимъ встрѣчался. Онъ тотчасъ же принялся съ обычной энергіей за излюбленную работу. На сей разъ, на свободной британской почвѣ, онъ отдался почти всецѣло задачѣ возбудить симпатіи къ русскому освободительному движенію въ широкихъ кругахъ Англіи. Онъ издавалъ въ Лондонѣ на англійскомъ и русскомъ языкахъ „Свободную Россію“, значительно способствовалъ образованію между англичанами „Общества друзей русской свободы“, въ чемъ ему много помогъ американецъ Джорджъ Кеннанъ, съ которымъ Волховскій познакомился во время его путешествія по Сибири и который очень высоко ставилъ умственные и нравственные качества Феликса Вадиновича. Въ началѣ 900-хъ годовъ Волховскій примкнулъ къ лѣвому крылу русскаго социальнаго народничества.

Нынѣ это состарившееся физически, но неизмѣнно бывшее живымъ пульсомъ сердце остановилось на вѣки. Но память о Волховскомъ не умретъ среди тѣхъ, кто изъ-за грома и шума минуты не забываетъ о великихъ, о святыхъ интересахъ трудовыхъ массъ, о цѣнности свободы и о значеніи человѣческой личности.

Н. Е. Кудринъ.

О Т Ч Е Т Ъ

конторы редакціи журнала «Русское Богатство».

П О С Т У П И Л О :

Съ благотворительной цѣлью: отъ „Якова Одинокaго изъ Москвы“—3 р.; отъ группы нѣжинцевъ—30 р.

Итого . . . 33 р.

Для передачи въ газ. „Живая Мысль Труда“ отъ О-ва потребителей „Экономія“, Верхне-Удинскъ—4 р.; отъ Т. Б-ва—1 р. 40 к.

Итого . . . 5 р. 40 к.

Въ распоряженіе В. Г. Короленко: отъ 6-ки „Просвѣщеніе“, Симферополь—35 к.

Для передачи Вольно-Экономическому о-ву: отъ братьевъ Персіяновъ—23 р. 50 к.; отъ Н. Я. Кр.—1 р. 50 к.

Итого . . . 25 р.

Редакторъ А. Ѳ. Родіонова.

Издатель В. Г. Короленко.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ И ВЗРОСЛЫХЪ ВСЕМІРНО-ИЗВѢСТНЫЕ ЯКОРНЫЕ КАМЕННО - СТРОИТЕЛЬНЫЕ КУБИКИ

Эта игрушка удобна для родителей, нежелающихъ затратить значительныя средства. Можно сначала, затративъ весьма небольшую сумму, купить небольшой ящикъ и постепенно докупая затѣмъ дополнительные ящики, неважно для своего бюджета, по мѣрѣ роста ребенка имѣть ящикъ съ все болѣе и болѣе сложными кубиками, дающими возможность ребенку открыть все новыя и болѣе сложные сооруженія, благодаря чему интересъ къ игрушкѣ никогда не падаетъ и она постоянно остается желанной и любимой.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ К высылаемъ бесплатно.

ОТДѢЛЕНИЕ и ФАБРИКА

Ф. Ад. РИХТЕРЪ и К^о.

С.-Петербургъ, Николаевская ул., № 14. Телеф. 430—78.

СРЕДСТВО ОТЪ ГЕМОРРОЯ
ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ
ПРОФЕССОРЪ ДОКТОРЪ ПЕЛЯ и СЫНОВЬЯ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, БАКЪ ОСТР. 7 ЛИН. А. № 18.

ПРОКТОЛЬ-ПЕЛЯ
(PROCTOR-ROENIG)

СИНТЕТИЧЕСКИЕ (СВѣчки) ПРОТИВЪ ГЕМОРРОЯ. ОСТАНАВЛИВАЮТЪ ПРОДОЛЖЕНІЕ. УКРЕПЛЯЮТЪ СЛАЗИСТУЮ ОБЛОЧКУ. СПОСОБСТВУЮТЪ СПОРОДНОМУ ВЫХОДУ КАПЛЕВЪЮ КАШЕЦЪ. УСТРАНЯЮТЪ БОЛЬ, ЗУДЪ И ЖЕЖЕЛІЕ. ДѢЮТЪ ПРОТИВОВОСПАЛІТЕЛЬНОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Цѣна коробки 1 р. 50 к.

Складъ удешевленныхъ книгъ и книжный магазинъ А. Н. ПОЛЯКОВА.

Петроградъ, Вознесенскій пр. 107 (зданіе Н.-Александр. рынка),
перевезенъ въ новое помѣщеніе по Вознесенскому пр. 153
(зданіе Н.-Александр. рынка).

ПРЕДЛАГАЕТЪ УДЕШЕВЛЕННО!!! русскихъ и иностранныхъ писателей.

Андреевъ, 17 т.—3 р.
Боборыкинъ, 12 т.—2 р. 50 к.
Вересаевъ, 10 т.—1 р. 75 к.
Гамсунъ, 18 т.—2 р. 50 к.
Гауптманъ, 10 т.—1 р. 50 к.
Гейне, 16 т.—1 р. 25 к.
Гончаровъ, 12 т.—6 р. 50 к.
Горбуновъ, 4 т.—75 к.
Данилевскій, 24 т.—3 р.
Жуковский, 12 т.—1 р. 50 к.
Ибсенъ, 18 т.—2 р. 50 к.
Купринъ, 21 т.—3 р. 50 к.
Льсковъ, 36 т.—3 р.
Мей, 8 т.—1 р.
М.-Печерскій, 22 т.—4 р.
М.-Шеллеръ, 50 т.—3 р.
Писемскій, 38 т.—4 р.
Помяловскій, 5 т.—1 р.
С.-Щедринъ, 40 т.—5 р.
Станюковичъ, 40 т.—4 р.
Толстой А. 12 т.—3 р. 50 к.

Тургеневъ. 12 т.—въ пер. 11 р.
Уайльдъ, 8 т.—1 р. 50 к.
Успенскій, 28 т.—3 р.
Фетъ, 6 т.—1 р. 25 к.
Чеховъ А. 903 г. 16 т.—6 р.
Чеховъ А. 1911 г. 12 т.—3 р.
Танъ, 6 т.—1 р.
Державинъ, 4 т.—1 р. 50 к.
Мольеръ, 10 т.—1 р. 25 к.
Тютчевъ, 3 т.—80 к.
Буссенаръ, 40 т.—5 р.
Диккенсъ, 46 т.—6 р. 50 к.
Добролюбовъ, 4 т.—3 р.
Дюма, 84 т.—9 р.
Жаколю, 18 т.—3 р.
Каразинъ, 20 т.—5 р.
К. Дойль, 22 т.—4 р.
Кунеръ, 36 т.—5 р.
М.-Твенъ, 28 т.—5 р.
Марриетъ. 24 т.—3 р. 50 к.

Миръ приключеній за годы 910, 911, 913 по 1 р. 50 к.

Фламмаріонъ. Атмосфера 5 кн. 1 р.

Его-же. Популярная Астрономія, 7 кн.—1 р. 25 к.

Рюмминъ. Чудеса техники, 6 кн.—1 р. 25 к.

Нельсина. Молодая хозяйка: руководство къ практич. постановкѣ и веденію
дома съ многими рисунками. 442 стр. 1913 г. въ роскошн. перепл.
ц. 3 р. 50 к., за 2 р. 50 к.

Форель. Половой вопросъ, 2 т. вм. 2 р. 50 к. за 90 к.

Вейнинггеръ. Полъ и характеръ, 1 т. вм. 2 р. за 85 к.

Блохъ. Половая жизнь нашего времени, вм. 2 р. 50 к., за 1 р. 25 к.

Ухтомскій. Путешествіе наслѣдника цесаревича на Востокъ, 6 т. за 15 р.
(роскошн. изд.)

Кузьминъ. Война въ мѣнѣяхъ передовыхъ людей, 373 стр. СПб. 1904 г.
ц. 2 р. 50 к. за 1 р.

Помни войну! Сборникъ статей на современныя военныя гемы: подъ ред.
В. Новицкаго, 240 стр. М. 911 г.

Философовъ. Неугасимая лампада, ц. 1 р. 25 к. за 75 к.

Статьи по церковнымъ и религіознымъ вопросамъ 203 стр. М. 1912 г.,
ц. 1 р. за 65 к.

Философовъ. Старое и новое. Сборникъ статей по вопросамъ искусства и
литературы. 306 стр. М. 1912 г., ц. 1 р. 25 к., за 85 к.

Яблоновскій А. Родныя картинки, 3 т. ц. 3 р. 25 к. за 2 р.

Цѣны на всѣ книги поставлены безъ пересылки, высылаемъ немедленно по полученіи требованія всѣ книги и учебники по всѣмъ рекламѣмъ и
обязаніямъ по ихъ цѣнѣ; налож. платеж. при коллективныхъ требованіяхъ
снѣдка по соглашенію.

Упаковка за счетъ магазина.

Каталогъ книгъ № XI 10.000 названій высылается бесплатно по первому требованію.

СОБСТВЕННЫЙ
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
ГАРАЖЪ.

Анонимному С-ву Автомобилей П Е Ж О.

14 Март 1914.
№ 222

г. Нарское Село.

Управление Собственного ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Гаража имѣть честь уведомить Васъ, что приобретенные, на выставкѣ въ 1913 году два автомобиля, одинъ типа 148 съ кузовомъ Лимузинъ, Кельнера и другой типа 145 Спортъ, оказались, во всѣхъ отношеніяхъ, превосходными.

На № 475.

За Инспектора Гаража,
ВЫСОЧАЙШАГО Двора
Г о ф м е й с т е р ѣ

ОТЗЫВЪ СОБСТВЕННОГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГАРАЖА объ автомобиляхъ „П Е Ж О“ С К Л А Д Ы:

Москва, Мясницкая 45.
Кіевъ, Крещатикъ 22.
Харьковъ, Торговая пл. 16.
Екатеринославъ, Проспектъ 116.
Ростовъ на Дону, Большая Садовая 83.
Варшава, Новый Свѣтъ 72.
Одесса, Екатеринославская, уг. Греческой.

Издательство и книжный магазин **„Общепольное Чтение“**,
И. Г. МАЛЫГО. Петроградъ, Суворовскій пр., 5.
 телеф. 107—31.

Предлагаетъ полн. собр. соч. рус. и иностран. писателей.

Приложения къ „Нивѣ“ и др.

Андреевъ. 17 т.—3 р.
 Апухтинъ. 1 т.—4 р.
 Аксаковъ. 1 т.—50 к.
 Аксаковъ. 6 т. въ кол. перепл. изд. „Просвѣщеніе“ за 6 р.
 Баратынский. 2 т.—50 к.
 Байронъ. 3 т. изд. Брокг.-Ефронъ, въ хор. перепл. ам. 24 р. за 14 р.
 Боборыкинъ. 12 т.—2 р. 50 к.
 Буссенаръ. 40 т.—5 р.
 Бѣлинскій. 4 т.—2 р. 25 к.
 Вересаевъ. 10 т.—2 р.
 Всемирная Исторія. 34 т.—3 р.
 Гамсунъ. 18 т.—2 р. 50 к.
 Ганъ. 6 т.—1 р.
 Гауптманъ. 10 т.—1 р. 50 к.
 Гейне. 16 т.—1 р. 50 к.
 Гнѣдичъ. 10 т.—1 р.
 Гоголь. Полн. соч. въ 1 т. иллюстр. хор. изд. за 1 р. 40 к. Въ кол. пер. 2 р. 15 к.
 Голвинъ. 1 т.—50 к.
 Гончаровъ. 12 т.—7 р.
 Гончаровъ. 9 т.—9 р.
 Горбуновъ. 4 т.—80 к.
 Грановскій. 2 т.—1 р. 50 к.
 Грибѣдовъ. 1 т.—50 к.
 Григоровичъ. 12 т.—6 р.
 Данилевскій. 24 т.—3 р. 50 к.
 Державинъ. 4 т.—1 р. 25 к.
 Диккенсъ. 46 т.—7 р.
 Достоевскій. 24 т.—15 р.
 Дюма (отецъ) первые 40 т.—4 р. 50 к.
 Дюма (отецъ) вторые 44 т.—5 р.
 Оба года вмѣстѣ—9 р.
 Жаколио. 18 т.—3 р. 50 к.
 Жуковский. 12 т.—1 р. 20 к.
 Жуковский. Полн. соч. въ 1 т. изд. хор. изд. за 1 р. 40 к. въ кол. пер. 2 р. 15 к.
 Загоскинъ. 2 т.—2 р. 25 к.
 Ибсенъ. 18 т.—2 р. 50 к.
 Историческая библиотечка. 16 т.—2 р.
 Квитко-Основяненко. 1 т.—40 к.
 Козловъ. 1 т.—50 к.
 Кольцовъ. 1 т. 1 р., въ кол. пер. 1 р. 20 к.
 Конаръ-Дойль. 20 т.—3 р. 50 к.
 Костомаровъ. Русская исторія. 16 в.—3 р. 50 к.
 Крестовскій, Всев. 8 т.—8 р.
 Крестовскій, Вс. (псевдонимъ) 38 т.—3 р. 25 к.
 Крыловъ, И. А. 4 т. въ колени. перепл. изд. „Просвѣщеніе“ ам. 5 р. за 3 р. 25 к.
 Куперъ. 22 т. съ иллюстр. 5 р.
 Купринъ. 21 т.—3 р. 50 к.
 Лермонтовъ. Въ 1 т. съ иллюстр. хорош. изд. за 1 р., въ колени. пер. 1 р. 60 к.
 Ломоносовъ. 1 т. 50 к.
 Лѣсковъ. 36 т.—3 р. 50 к.
 Марриэтъ. 24 т.—3 р. 50 к.
 Мей. 8 т.—1 р. 25 к.

Мольеръ. 2 т. въ кол. пер. изд. Брокг.-Ефронъ, ц. 16 р. за 12 руб.
 Мельниковъ-Печерскій. 22 т.—4 р.
 Мольеръ. 10 т.—2 р.
 Мопассанъ. 15 т.—3 р.
 Надсонъ. Стихотворенія ц. 2 р.
 Некрасовъ. 2 т. 5 р., въ кол. пер. 6 р. 50 к.
 Невѣжинъ. 12 т., въ колени. перепл.—12 р.
 Орешко. 12 т., въ колени. пер.—10 р.
 Островскій. 12 т., въ колени. пер.—18 р.
 Писемскій. 38 т.—5 р.
 Писемскій. 24 т., въ кол. пер.—12 руб.
 Полежаевъ. 1 т.—50 к.
 Помяловскій. 5 т.—1 р.
 Помяловскій. 2 т.—60 к.
 Помяловскій. 2 т. въ кол. перепл. изд. „Просвѣщеніе“ 3 р.
 Потѣкинъ. 12 т., въ кол. пер.—12 р.
 Прево, М. 14 т.—1 р. 50 к.
 Прусть, Б. 5 т. бол. форм. за 6 р., въ кол. пер. за 9 р.
 Пушкинъ. Пол. соч. въ 1 т. съ изд. хор. изд. за 1 р. 50 к., въ пер. 2 р. 25 к.
 Пушкинъ. 5 т. изд. Брокг.-Ефронъ, въ роск. колени. перепл. ам. 40 р. за 22 р.
 Пушкинъ. 8 т. въ колени. перепл., изд. „Просвѣщеніе“ за 7 р.
 Салтыковъ-Щедринъ. 40 т.—5 р.
 Самаровъ. 20 т.—2 р.
 Сенковичъ. Въ 7 т. за 6 р., въ кол. пер. за 9 р.
 Слѣпцовъ. 1 т.—за 2 р.
 Соловьевъ. Вс. 10 т. 7 р.
 Спенсеръ. 7 т. за 10 р., въ кол. пер. за 19 р. 50 к.
 Станюковичъ. 40 т.—4 р.
 Твенъ, М. 28 т.—5 р.
 Твенъ, М. 12 т. въ перепл. на хор. бум. ц. 14 р. 65 к. за 6 р.
 Толстой А. М. 12 т.—3 р. 50 к.
 Тургеневъ. 10 т.—9 р.
 Тютчевъ. 3 т.—1 р.
 Уайльдъ. 8 т.—1 р. 50 к.
 Успенскій, Глѣбъ. 28 т.—3 р.
 Фетъ. 6 т.—1 р. 25 к.
 Чернышевскій. 10 т.—14 р.
 Чеховъ. 16 т. за 1903 г.—6 р.
 Чеховъ. 12 т. за 1911 г.—8 р.
 Шекспиръ. 4 т. хор. изд. за 5 р., въ кол. пер. за 8 р.
 Шекспиръ. 5 т. изд. Брокг.-Ефронъ, въ роск. колени. перепл. ам. 40 р. за 22 р.
 Шеллеръ-Михайловъ. 50 т.—3 р.
 Шиллеръ. 4 т. изд. Брокг.-Ефронъ, въ роск. колени. перепл. ам. 32 р. за 18 р.
 Шубинъ. 22 т. за 2 р.
 Ясинскій. Пол. соч. пов. и раз. 4 т. за 3 р.
 Тайны вѣщностцевъ. 40 т.—3 р.
 Форель, Авг., проф. Половой вопросъ. 2 т., лучш. изд. Вм. 2 р. 50 к. за 85 к.
 Вейнингеръ Отто. Полъ и характеръ 1 т., хор. изд. за 75 к.

ОСОБЕННО РЕКОМЕНДУЕМЪ ВСѢМЪ

Настоящую книгу для каждой семьи. !! Золотая книга женщины !!

„ЖЕНЩИНА какъ домашній ВРАЧЪ“

практикующаго врача, доктора медицины **Анны Фишеръ-Дюнкельманъ**. Полн. переводъ съ послѣдняго нѣмец. изданія доктора Б. Е. Шехтера. Около 600 страницъ убористаго, но четкаго текста, на вѣленовой бумагѣ, съ 448 рисунк., въ тексты, иллюстрир. здоровые и больные органы человѣческаго организма и приемы самостоятельнаго домашняго леченія ихъ. Цѣна съ упаковкой и пересылкой безъ перепл. 3 р. 50 к., въ перепл. 4 р. 25 к.

Всѣ вышеуказанныя книги высылаемъ налож. платежомъ немедленно по полученіи заказа, наложеннымъ учрежденіямъ безъ наложен. платежа. Пересылка за счетъ заказчика, упаковка за счетъ магазина. Цѣна безъ пересылки.

Высылаемъ книги по всѣмъ рекламамъ и объявленіямъ по ихъ цѣнамъ и дешево.

Каталогъ книгъ высылается бесплатно.

Кромѣ означенныхъ книгъ магазинъ высыластъ всѣ книги, предлагаемыя другими магазинами по ихъ цѣнамъ и дешево.

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ

поставщика учебных заведений,
библиотек, земств и городских управлений.

И. Ф. КОСЦОВА. Петроградъ, Литейный
просп., № 28—2.

Предлагаетъ всѣмъ общественнымъ городскимъ, земскимъ, при учебныхъ заведеніяхъ и всѣмъ другимъ библиотечкамъ пополненіе ихъ библиотекъ и комплектованіе вновь на выгодныхъ условіяхъ.

Условія и каталогъ 14,000 случайныхъ (по пониженной цѣнѣ) и новыхъ книгъ высылаются по первому требованію бесплатно.

Частнымъ лицамъ каталогъ высылается за четыре 7 коп. марн.

Изъ громаднаго количества другихъ книгъ предлагаю временно по значительно пониженной цѣнѣ слѣдующія книги, пересылка безъ

Полный Энциклопедическій Словарь Брокгауза-Эфрона. 86 т. въ полукож. издат. перепл., соев. новый выѣс. 258 р. за 120 руб.

Сводъ Законовъ Россійск. Имперіи. Имперіи, въ 16 т. съ дополн. изд. 1913/1914 г. подъ ред. Мордухай-Вордоского, въ 5 больш. книгахъ, въ роскош. перепл., соев. новый выѣс. 32 р. за 24 р.

Малый энциклопедическій словарь Брокгауза-Эфрона 4 т. въ полукож. перепл. соев. новый экз. вмѣсто 18 р. за 11 р. 50.

Исторія Россіи въ 19 вѣтѣ. Изд. т-ва Гранатъ, 35 выпуск. съ портр. и рисунк. выѣс. 42 р. за 22 р.

Исторія русской литературы подъ ред. Овсянико-Куликовского и Аничкова. Изд. т-ва Миръ 5 т. въ хорошихъ перепл. вм. 85 р. полн. экз. за 24 р.

Русская мысль и рѣчь. Сборникъ образныхъ словъ и иносказаній, соч. Михальсона. 2 т. въ хор. перепл., соев. нов. экз. вм. 21 р. за 14 р.

Исторія русской словесности Полевого. 3 т. соев. нов., въ роскош. перепл. за 13 р.

Поли. собраніе сочиненій. Роскошныя изданія Брокгауза-Эфрона съ гравюрами и рисунками въ роскош. полукож. перепл. соев. новые экз.

Мольера 2 т. вм. 16 р. за 10 р. **А. Пушкина** 5 т. вм. 40 р. за 23 р. **В. Шенк-пира.** 5 т. вм. 40 р. за 20 р., **Ф. Шиллера** 4 т. вм. 32 р. за 17 р. **Л. Байрона** 3 т. вм. 24 р. за 15 р.

Эллиническая культура въ изложеніи Баумгартена подъ ред. Зедлнского съ раскраш. и черн. рисунк. въ роскош. перепл., соев. нов. экз. вм. 6 р. 50 к. за 4 р. 25 к.

Книга о Лошади, соч. ин. Урусова, 2 т. съ многочисл. рисунк. въ полукож. перепл., экз. соев. новый выѣс. 16 р. за 10 р.

Фламаріонъ Н. 1) Житіи свѣдѣ. 2) Разсказы о безконечномъ. 3) Конечъ міра. 3 книги 800 стр. за 1 р.

Форель, А. Половой вопросъ 2 т. съ рис. 90 к.

Боннаціо Декамеронъ, съ рис. франц. худ. 500 стр. за 1 р. 75 к.

Плоссъ, д-ръ, проф. Женщина въ народовѣдѣніи и естествовѣдѣніи. Антрополог. Естествен. медицинское изслѣдов. 2 т. съ рисунк. въ текстѣ и на отд. листахъ за 2 р. 50 к.

Полныя собранія сочиненій. Въ изд. Маркса.

А. Писемскаго, 38 т. 4 р. **Н. Гамсуна,** 18 т. 2 р. 50 к. **Г. Ибсена** 18 т. 2 р. 50 к. **Н. Гоголя** 12 т. 2 р. 50 к. **М. Салтыкова-Щедрина.** 40 т. 5 р. **Г. Гейне,** 18 т. 1 р. 20 к.

Л. Мея, 8 т. 1 р. **Л. Андреева,** 17 т. 3 р. **Вересаева,** 10 т. 1 р. 75 к. **Ф. Тютчева,** 3 т. 80 к. **А. Куприна,** 21 т. 3 р. 75 к. **Михайлова-Шеллера,** 50 т. 3 р. **Н. Станюковича,** 40 т. 4 р. **А. Чехова,** 28 т. 9 р. 16 т. 6 р. 11 т. дополн. т. 3 р.

Мельникова-Печерскаго, 22 т. 3 р. 75 к. **Н. Лѣскова,** 36 т. 3 р. **И. Горбунова,** 4 т. 90 к. **А. Толстого.** 12 т. 3 р. 50 к. **Мольера,** 10 т. 1 р. 50 к. **А. И. Фета,** 5 т. 1 р. 25 к. **П. Боборыкина,** 12 т. 2 р. 50 к.

В. Жуковскаго, 12 т. 1 р. 20 к. **Г. Гауптмана,** 10 т. 1 р. 40 к. **Всев. Гаршина,** 4 т. 1 р. 50 к. **Г. Успенскаго,** 28 т. 3 р. 50 к. **Н. Помяловскаго,** 5 т. 1 р. **О. Уайльда,** 8 т. 1 р. 25 к.

РАЗНЫХЪ ИЗДАТЕЛЕЙ. И. С. Тургенева, 10 т. 9 р. **Г. Сенкевича,** 7 т. 6 р. **А. Пушкина,** въ 1 т. съ рис. 1 р. 15 к. **Д-ра Шпицгагена,** 16 т. 6 р. **С. Смайльса,** 6 т. 4 р. 20 к. **В. Г. Бѣлинскаго** 4 т. 2 р. 40 к. **Козьмы Прутова,** въ 1 томѣ 1 р. 80 к. **Напистана Маріетта,** 24 т. 4 р. **Э. Ожешко,** 8 т. съ рис. 6 р. 50 к. **Всев. Крестовскаго** 8 т. 8 р. 50 коп. **В. Крестовскаго** (псевдонимъ) 38 книгъ 4 руб.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ГЮИ де-МОПАССАНА. въ переводѣ лучшихъ русскихъ переводчиковъ. 15 т. 1912 г. 4470 стр. за 3 р., въ абочен. коленк. переплѣтъ за 5 р.

Всѣмъ выписывающимъ книги прилагается бесплатно полный каталогъ книгъ 14,000 названій по всѣмъ отраслямъ

знаній, литературѣ и проч.

